

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia. Min. nar. pros.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІ.

1890.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.
1890.

L451
A4
v. 271

Екатерининский пер., № 80.
20215.

Т. 1. 1915 г.

256

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІ.

1890.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Купон.
40.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (29-го мая 1890 года). О распространеніи на должность папгаузныхъ надзирателей дѣйствія Высочайше утвержденнаго 27-го ноября 1889 года дополненія ст. 103 уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства.

По Высочайше утвержденному 27-го ноября 1889 года мнѣнію государственнаго совѣта, о дополненіи ст. 103 уст. о сл. по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III изд. 1876 г.), министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ вѣдомствами, въ которыхъ существуетъ техническая часть, и во всѣхъ случаяхъ — съ министромъ финансовъ, предоставлено опредѣлять тѣ относящіяся къ технической части должности, при занятіи коихъ лица, окончившія съ учеными званіями курсъ наукъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ приобрѣтаютъ право на производство въ чины соотвѣтственно ихъ ученымъ званіямъ.

На сихъ основаніяхъ правительствующимъ сенатомъ, вслѣдствіе рапорта министра народнаго просвѣщенія отъ 9-го января 1890 г. въ № 10 Собранія узаконеній и распоряженій правительства за 1890 г. распубликованъ былъ списокъ техническихъ должностей вѣдомства министерства финансовъ, на которыя имѣетъ быть распространяемо дѣйствіе Высочайше утвержденнаго дополненія ст. 103 устава о сл. по опредѣленію отъ правительства.

Нынѣ министръ финансовъ, принявъ во вниманіе, что по штатамъ таможенныхъ учрежденій къ числу должностей исполнительныхъ чи-

новниковъ таможенъ принадлежитъ также должность помощниковъ пакгаузныхъ надзирателей по департаменту таможенныхъ сборовъ, высказалъ мнѣніе, что вполне справедливо было бы и на эту должность распространить дѣйствіе вышеупомянутаго закона.

Не встрѣчая съ своей стороны къ сему никакихъ препятствій, министръ народнаго просвѣщенія, 29-го мая 1890 года, донесъ правительствующему сенату, для опубликованія, что на должность пакгаузныхъ надзирателей (вѣдомства министерства финансовъ по департаменту таможенныхъ сборовъ) должно быть отнынѣ распространяемо дѣйствіе Высочайше утвержденнаго дополненія статьи 103 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III изд. 1876 г.).

2. (29-го мая 1890 года). О преміяхъ за лучшіе учебники и пособія для промышленныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преміяхъ за лучшіе учебники и пособія для промышленныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преміяхъ за лучшіе учебники и пособія для промышленныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ: §

1) Начиная съ 1891 года въ теченіи 9 лѣтъ, отпускать ежегодно: а) семь тысячъ рублей на выдачу особыхъ премій за лучшіе учебники и пособія для промышленныхъ училищъ, считая двѣ большія по 2000 руб. и шесть малыхъ по 500 руб. и б) тысячу рублей на вознагражденіе золотыми медалями лицъ, кои будутъ разсматривать сочиненія, поступающія къ соисканію премій.

2) Означенный въ ст. 1 расходъ въ восемь тысячъ рублей образовать въ текущемъ году на счетъ кредита, внесеннаго къ условному отпуску по ст. 7 § 8 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія на устройство техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

3) На тотъ же источникъ отнести расходъ въ двѣ тысячи руб. на собраніе и приобрѣтеніе руководствъ и пособій по предметамъ техническаго и ремесленнаго обученія.

4) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія утвердить правила для присужденія означенныхъ премій (ст. 1), примѣнительно къ положенію о преміяхъ Императора Петра Великаго.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (29-го мая 1890 года). О закрытіи Уральской войсковой гимназіи и открытіи реального и средняго сельско-хозяйственнаго технического училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о закрытіи Уральской войсковой гимназіи и открытіи реального и средняго сельско-хозяйственнаго технического училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Уральской войсковой гимназіи и открытіи реального и средняго сельско-хозяйственнаго технического училищъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Приступить съ начала 1890—1891 учебнаго года къ преобразованію Уральской войсковой мужской гимназіи въ шести-классное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ, послѣдовательно закрывая каждый годъ по одному классу гимназіи и открывая по одному классу реального училища, начиная съ перваго впредь до окончательнаго упраздненія гимназіи и полнаго сформированія реального училища.

1) Служащихъ въ Уральской гимназіи лицъ, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

3) Открыть съ 1-го іюля 1894 года въ г. Уральскѣ среднее сельско-хозяйственное техническое училище съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства на его содержаніе по шестнадцати тысячъ девятисотъ четырнадцати рублей въ годъ.

4) Изъ имѣющей освободиться отъ закрытія Уральской войсковой гимназіи суммы въ количествѣ двадцати девяти тысячъ десяти рублей обратить двадцать тысячъ сто пятьдесятъ восемь руб. на содержаніе реального училища, остальные же восемь тысячъ

восемьсотъ пятьдесятъ два рубля—на содержаніе технического училища въ добавокъ къ назначаемымъ на это училище изъ казны 16.914 руб. въ годъ.

5) Потребныя въ 1894 года на устройство и содержаніе Уральского сельско-хозяйственного технического училища суммы внести, по соглашенію съ министромъ финансовъ, въ подлежащее подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ.

6) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ средняго сельско-хозяйственного технического училища въ Уральскѣ остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, соотвѣтствующую ассигнованію Уральского казачьяго войска, оставлять въ распоряженіи управленія означеннаго войска, для употребленія на нужды сего училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

4. (5-го іюня 1890 г.). Объ учрежденіи при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ стипендій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 5-й день іюня 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ стипендій въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ съ этою цѣлью.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

5. (5-го іюня 1890 г.). О принятіи Императорскимъ Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей капитала, жертвуемаго дочерью тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Княжевича, Марією, Елисаветою и Екатериною Княжевичъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 5-й день іюня 1890 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскимъ Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей жертвуемаго дочерью тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Княжевича, Марією, Елисаветою и Екатериною Княжевичъ, капитала въ двѣ тысячи рублей, заключающагося въ

облигаціяхъ 3 восточнаго займа и 2) на учрежденіе, на проценты съ упомянутаго капитала, премій имени основателя и перваго президента названнаго общества, тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Кляжевича, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенныхъ преміяхъ.

6. (5-го іюня 1890 г.). Объ учрежденіи при Елабужской женской прогимназіи капитала имени Московскаго купца Петра Семеновича Гальцова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 5-й день іюня 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Елабужской женской прогимназіи капитала имени Московскаго купца Петра Семеновича Гальцова, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи рублей, пожертвованнаго московскимъ 1-й гильдіи купцомъ, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Павломъ Павловичемъ Малютинымъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на плату за право ученія въ названномъ учебномъ заведеніи бѣднѣйшихъ ученицъ, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, и на другія нужды прогимназіи.

7. (5-го іюня 1890 г.). О предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила для премій генераль-маіора Павла Юшенова, за открытія и работы по наукамъ математическимъ и физическимъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 5-й день іюня 1890 года Высочайше соизволилъ предоставить министру право утвердить правила для премій генераль-маіора Павла Юшенова, за открытія и работы по наукамъ математическимъ и физическимъ.

8. (7-го іюня 1890 г.). О закрытіи Кубанской войсковой гимназіи и объ открытіи взамѣнъ ея въ г. Екатеринодарѣ новой гимназіи на средства города.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о закрытіи Кубанской войсковой гимназіи и объ открытіи взамѣнъ ея въ г. Екатеринодарѣ новой гимназіи на средства города, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Кубанской войсковой гимназіи и объ открытіи взамѣнъ ея въ г. Екатеринодарѣ новой гимназіи на средства города, мнѣніемъ положилъ:

1) Кубанскую войсковую гимназію съ начала 1890—1891 учебнаго года—упразднить:

2) Открыть съ того же срока въ г. Екатеринодарѣ полную гимназію, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію ея на городскія средства.

3) Служащихъ въ Кубанской войсковой гимназіи, если они не получаютъ новаго назначенія оставить за штатомъ на общемъ основаніи, съ производствомъ имъ запатнаго содержанія изъ суммъ Кубанскаго войска.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (13-го іюня 1890 г.). О передачѣ зданій, занятыхъ въ Туркестанскомъ краѣ учебными заведеніями, въ собственность министерства народнаго просвѣщенія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о передачѣ зданій, занятыхъ въ Туркестанскомъ краѣ учебными заведеніями, въ собственность министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе военнаго министерства о передачѣ зданій, занятыхъ въ Туркестанскомъ краѣ учебными заведеніями, въ собственность министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить военному министру передать поименованныя въ приложенной къ рассмотрѣнному представленію вѣдомости зданія, занятія въ Туркестанскомъ краѣ учебными заведеніями, съ принадлежащею къ нимъ землею, въ полную собственность министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

зданіямъ, занятымъ учебными заведеніями Туркестанскаго края и передаваемымъ въ полную собственность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

№ по порядку.	Наименованіе учебныхъ учрежденій и принадлежачимъ имъ зданій.	Время построенія или постройки зданій.	Изъ какого матеріала построены зданія и какую извѣютъ крышу.	Стоимость зданій съ указаніемъ источниковъ, изъ котораго произведенъ расходъ.	Количество земли, принадежащей каждому зданію.	Сколько издержано на ремонтъ.	
						Изъ кредитовъ, находящихся въ распоряженіи учебнаго района.	Изъ строительныхъ кредитовъ и другихъ источниковъ, находящихся въ распоряженіи администраціи края.
1	Въ Сырь-Дарьинской области. Приходское училище въ Никольскомъ поселкѣ, Ташкентскаго уѣзда	Выстроено въ 1885 г.	Изъ сырцоваго кирпича. Крыша желѣзная.	4.062 р. 78 к. изъ земскаго кредита исчисленнаго по § 10 ст. 1 смѣты г. инт. уп. 1885 г.	1 десятина 2.100 к. с.	Въ 1888 году — 100 р.	—
2	Приходское училище въ Дмитревскомъ поселкѣ, Аулиеатинскаго уѣзда	Выстроено въ 1886 г.	Изъ сырцоваго кирпича. Крыша желѣзная.	3.400 р. изъ Аулиеатинскихъ общественныхъ суммъ.	1 десятина.	—	—
3	Приходское училище въ Чадоварскомъ поселкѣ, Аулиеатинскаго уѣзда	Выстроено въ 1887 г.	Изъ сырцоваго кирпича. Крыша желѣзная.	4.228 р. 92 к. изъ Аулиеатинскихъ общественныхъ суммъ.	2 десятины 64 к. в.	—	—
4	Въ Ферганской области. Приходское женское училище въ г. Новомъ-Маргеланѣ.	Выстроено въ 1888 г.	Изъ сырцоваго кирпича. Крыша желѣзная.	18.107 р. 70 к. изъ городскихъ суммъ г. Маргелана.	1.275 к. с.	—	—

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Андрея Александровича Краевского при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ руб. учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя капитала покойнаго статскаго совѣтника Андрея Александровича Краевского.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести облигаціяхъ 2-го восточнаго займа по 1000 руб. каждая, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, двѣсти восемьдесятъ пять руб. въ годъ.

§ 4. Стипендія, согласно волѣ завѣщателя капитала, назначается одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета.

§ 5. При назначеніи стипендіи соблюдаются установленныя на сей предметъ правила.

§ 6. Если по какому-либо случаю образуется свободный остатокъ отъ процентовъ съ капитала, то таковой присоединяется къ капиталу для увеличенія, вполнѣдствіи, размѣра стипендіи.

2. (14-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при С.-Петербургской 2-й гимназій имени камердинера двора Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Александровича С. И. Терентьева - Датскаго.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго умершимъ камердинеромъ двора Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Александровича Сергѣемъ Ивановичемъ Терентьевымъ - Датскимъ, учреждаются при С.-Петербургской второй гимназій двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ числѣ специаль-

ныхъ средствъ названнаго заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы слѣдующей на основаніи закона 20-го мая 1885 года, обращаются на взносъ платы за ученіе, стипендіатовъ и на выдачу имъ учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ душеприказчикамъ завѣщателя полковнику Мишкову и коллежскому ассесору Иванову, а послѣ ихъ смерти — педагогическому совѣту С.-Петербургской 2-й гимназій.

§ 5. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія своего въ гимназій, а лишаются оныхъ только въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (29-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго дворянина Франца Станиславовича Дыновскаго при Киевской 2-й гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго дворяниномъ Ф. С. Дыновскимъ капитала въ четыре тысячи двѣсти руб., за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., учреждается при Киевской 2-й гимназій стипендія имени Франца Станиславовича Дыновскаго.

§ 2. Обеспечивающей стипендію капиталъ, заключающийся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа и 20 руб. наличными деньгами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Киевской 2-й гимназій и составляетъ неотъемлемую собственность названной гимназій.

§ 3. Избраніе стипендіата предоставляется пожизненно родному брату жертвователя дворянину Евстафію Станиславовичу Дыновскому, а послѣ его смерти, — педагогическому совѣту Киевской 2-й гимназій.

§ 4. Стипендія преимущественно предназначается на воспитаніе

родственниковъ покойнаго жертвователя не только въ мужской, но и въ женской линіи.

§ 5. Стипендіей пользуется воспитанникъ Кіевской 2-й гимназіи, исключительно христіанскаго исповѣданія и безъ различія происхожденія; въ случаѣ выбитія его изъ этой гимназіи онъ лишается права на дальнѣйшее пользованіе стипендіей и на мѣсто его избирается новый стипендіатъ.

§ 6. Стипендіатъ можетъ быть помѣщаемъ въ находящейся при гимназіи общей ученической квартирѣ съ доплатою недостающей на содержаніе и обученіе суммы. Если же онъ будетъ находиться на частной квартирѣ, то ежегодная сумма стипендіи выдается на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата по времени полученія процентовъ отъ внесеннаго капитала.

§ 7. Остатокъ отъ стипендіи, въ случаѣ незамѣщенія оной, присоединяется къ основному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (4-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Ставропольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карла Львовича Зиссермана, при Ставропольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго тухменскимъ народомъ изъ домашняго его общественнаго капитала, учреждается при Ставропольской мужской гимназіи одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карла Львовича Зиссермана.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Ставропольской мужской гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за содержаніе стипендіата въ пансіонѣ гимназіи, но такъ какъ проценты эти въ настоящее время не достаточны на покрытіе расходовъ по сему предмету, то принятіе перваго стипендіата, должно быть отложено до того времени пока отъ

причисленія процентовъ къ капиталу образуется сумма, достаточная на содержаніе стипендіата и на первоначальное обзаведеніе. Затѣмъ всѣ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу. Въ случаѣ увеличенія платы за содержаніе пансіонеровъ гимназій, соотвѣтственно вызвышается и плата за стипендіата имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Зиссермана.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ мальчиковъ трухменъ, или, за неимѣніемъ для сего желающихъ, изъ числа сыновей чиновниковъ, служащихъ по управленію магометанскими народами Ставропольской губерніи.

§ 5. Избраніе стипендіата изъ указанныхъ въ предыдущемъ параграфѣ лицъ принадлежитъ начальнику Ставропольской губерніи, по сообщеніямъ начальства Ставропольской гимназій объ открывшейся вакансіи за выбытіемъ стипендіата изъ пансіона гимназій.

§ 6. Избранный стипендіатъ при поступленіи въ гимназію подлежитъ дѣйствию общихъ правилъ, установленныхъ существующими положеніями для вновь поступающихъ въ гимназію и пансіонъ учениковъ,

§ 7. Въ случаѣ, если стипендіатъ, воспитывающійся въ гимназій, будетъ имѣть неодобрительное поведеніе или не окажетъ достаточныхъ успѣховъ въ наукахъ и чрезъ то долженъ будетъ подлежать, на основаніи гимназическихъ правилъ, увольненію изъ гимназій, то онъ лишается права на стипендію и она предоставляется другому лицу на вышеобъясненныхъ основаніяхъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Ставропольской гимназій съ перемѣною присвоеннаго ей въ настоящее время названія, билеты восточнаго займа на внесенный на имя гимназій капиталъ поступаютъ по прямому его назначенію въ принадлежность тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя будутъ образованы изъ Ставропольской гимназій.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (9-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріи Александровны Георгіевской при Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназій учреждается одна стипендіа имени дочери дѣйствительнаго

статскаго совѣтника Маріи Александровны Георгіевской, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью ея матерью, вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юлію Францевною Георгіевскою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

§ 3. Согласно волѣ жертвовательницы, стипендія на первое время предоставляется ученицѣ VI класса гимназій Ольгѣ Мальцевой; по выходѣ же ея, по какимъ-либо причинамъ изъ гимназій свободная вакансія замѣщается, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, одною изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ ученицъ гимназій, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 4. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, предназначаются въ уплату за право ученія стипендіатки лишь обязательнымъ предметамъ, въ размѣрѣ установленной за эти предметы учебной платы; могущій же затѣмъ образоваться свободный остатокъ выдается стипендіатѣ, въ видѣ пособія по выходѣ ея изъ заведенія за окончаніемъ курса или по другимъ какимъ-либо уважительнымъ причинамъ. Выбывающія же по причинѣ неуспѣшности въ наукахъ или за дурное поведеніе означеннымъ пособіемъ не пользуются.

§ 5. Стипендіальный капиталъ въ случаѣ преобразования гимназій въ другое какое-либо учебное заведеніе, передается въ новое учрежденіе на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (14-го августа 1890 года). Положеніе о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ.
(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 29-й день мая 1890 года, учреждены при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміи за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ.

§ 2. Ежегодно выдаются восемь превій: двѣ большія по 2 тысячи рублей, и шесть малыхъ по 500 руб. Преміи эти назначаются

за сочиненія по шести предметамъ, изъ которыхъ на два предмета будетъ назначаемо по одной большой и одной малой преміи и на четыре предмета по одной малой преміи. Очередь предметовъ, по коимъ назначаются большія и малыя преміи, будетъ опредѣляться на три года впередъ, за исключеніемъ перваго года.

§ 3. Еслибы въ какомъ-либо году одна или нѣсколько премій остались невыданными, то онѣ или присуждаются въ слѣдующемъ году, или употребляются на изданіе и распространеніе сочиненій, уже прежде удостоенныхъ премій; но въ томъ и другомъ случаяхъ сочиненія должны быть посвящены тому же предмету, за который предназначеныя преміи остались невыданными.

§ 4. Къ соисканію премій допускаются только такія учебныя сочиненія, изложенныя на русскомъ языкѣ, которыя, по крайней мѣрѣ, по своимъ приспособленіямъ къ потребностямъ русскихъ учениковъ, представляются произведеніями самостоятельными, требовавшими основательнаго собственнаго труда со стороны автора.

§ 5. Учебные предметы, по коимъ устанавливаются соисканія премій, опредѣляются министерствомъ народнаго просвѣщенія въ соотвѣтствіи съ § 2 сего положенія и съ дѣйствительными нуждами учебнаго дѣла, причемъ по всѣмъ разрядамъ промышленныхъ училищъ предметы распредѣляются на слѣдующія группы:

I. Механика, устройство машинъ, механическаго производства, технологія дерева, технологія металловъ.

II. Химія, химическія производства.

III. Математика, физика, электротехника, метеорологія.

IV. Строительное искусство.

V. Сельско-хозяйственная технологія, общее и частное земледѣліе, скотоводство, сельско-хозяйственныя орудія и машины, сельско-хозяйственная экономія и счетоводство.

VI. Горное искусство, металлургія, марьшейдерское искусство.

VII. Естественная исторія, съемка и нивелировка, коммерческая географія и основанія политической экономіи, счетоводство и коммерческая корреспонденція, узаконенія.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются какъ учебныя руководства, служащія основой преподаванія, такъ и учебныя пособія. Сверхъ того, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, могутъ быть вызываемы сочиненія на преміи съ указаніемъ той части или тѣхъ частей учебнаго предмета, къ коимъ они должны относиться, а равно и требованій, коимъ эти сочиненія должны удовлетворять.

§ 7. Учебныя пособія и руководства принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво. Притомъ, въ случаѣ одобренія сочиненія рукописнаго, на автора возлагается обязанность, прежде полученія преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоеннаго преміи труда заявитъ, что онъ нуждается въ средствахъ къ напечатанію, въ такомъ случаѣ можетъ быть выдана ему часть преміи, не болѣе однако же половины.

§ 8. Сочиненія для соисканія премій представляются авторами въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіи года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го декабря. Сочиненія, поступившія послѣ сего срока, поступаютъ на соисканіе премій въ слѣдующую затѣмъ очередь или же возвращаются авторамъ по ихъ востребованію.

§ 9. Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

§ 10. Къ сочиненіямъ, представляемымъ авторами, могутъ быть присоединяемы для соисканія премій учебныя руководства и пособія, о которыхъ хотя и не поступало заявленій отъ ихъ авторовъ, но которыя ученый комитетъ признаетъ заслуживающими вниманія.

§ 11. Разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ и пособій, поступившихъ къ соисканію премій, возлагается на отдѣленіе ученаго комитета по техническому и профессиональному образованію. Для непосредственнаго исполненія сего учреждаются, по мѣрѣ надобности, особыя комиссіи съ приглашеніемъ въ сія комиссіи, по избранію отдѣленія ученаго комитета или по прямому назначенію министра народнаго просвѣщенія, наиболѣе опытныхъ преподавателей и извѣстныхъ ученыхъ, причемъ предсѣдатели сихъ комиссій назначаются также министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 12. Занятія особыхъ комиссій по разсмотрѣнію сочиненій, поступившихъ на соисканіе премій, должны быть окончены не позже 1-го мая того года, въ который назначена выдача премій. Затѣмъ донесенія комиссій обсуждаются въ отдѣленіи ученаго комитета и къ 1-му іюня доклады онаго съ заключеніемъ о присужденіи премій представляются на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

§ 13. Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ, съ отзывами о нихъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе.

§ 14. Въ вознагражденіе трудовъ лицъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ разсмотрѣніи сочиненій, поступающихъ на конкурсъ, выдаются имъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, золотыя медали, стоимостью каждая въ 50 р. Ежегодно таковыхъ медалей выдается не болѣе двадцати, и о выдачѣ ихъ также публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Книгу: „Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Пособіе при изученіи словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, составленное Гарусовымъ. Поэзія драматическая, въ двухъ книгахъ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Книга II: французская, нѣмецкая и русская драма. 8 политиажей. Печатныя изданія комедіи „Горе отъ ума“. С.-Пб. 1890. стр. 508. Цѣна 1 р. 75 коп., съ пересылкою 2 руб.“—одобрить какъ классное пособіе для гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ темъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Составилъ Д. Дубовъ, преподаватель Московской 6-й гимназіи. Москва. 1890. стр. 246. Цѣна 1 р. 10 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Т. Livii ad urbe condita lib. XXX. Для русскихъ гимназій объяснилъ А. Фогель. М. 1889. стр. IV+143. Цѣна 70 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій министерства.

— Книги, подъ заглавіемъ: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Царское Село. 1890: I. Ксенофонтъ. Анабасисъ. Книга I съ введеніемъ, примѣчаніями, 47 рисунками и картою М. Азіи. Объяснилъ Левъ Георгіевскій, директоръ Императорской Николаевской гимназіи. Стр. 38 + 82. Цѣна 50 коп. — Книга II съ 32 рисунками. часть сслххi, отд. 1.

Стр. 28+52. Цѣна 40 коп.“ — П. Платонъ. Апологія Сократа. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 5 рисунками. Объяснилъ А. Поспишилъ, преподаватель Кіевской 1-й гимназіи. Изданіе 2-е, значительно измѣненное. Стр. 30+120. Цѣна 70 коп.“ — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ какъ особенно полезное пособіе при изученіи греческаго языка.

— Книги: I. „Титъ Ливій. Книга XXI. Нашествіе Аннибала. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рисунками и 2 географическими картами. Объяснилъ Ѳ. Зѣлинскій, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Стр. X+66+189. Цѣна 1 руб. — II. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рисунками и географическою картою. Объяснилъ К. Зембергъ, инспекторъ Одесской 2-й гимназіи. Стр. 90 + 82. Цѣна 70 коп.“ — первую (Нашествіе Аннибала) рекомендовать, а вторую (Югуртинская война) одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Греческая грамматика для гимназій. Составили Э. Курцъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Ригѣ, и Э. Фризендорфъ, директоръ училищъ св. Петра въ С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1890. Стр. VI+225. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — рекомендовать въ видѣ руководства по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ по Коху М. Григоревскій. Изданіе 5-е, вновь передѣланное. С.-Пб. 1890. Стр. 140+48+16.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при изученіи греческаго синтаксиса въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Упражненія по греческой этимологіи. Составилъ Др. Эрнстъ Кохъ, инспекторъ Петропавловскаго училища въ Москвѣ. Часть первая. Курсъ третьяго класса. Предисловіемъ къ этой книгѣ служить статья: „Первый годъ преподаванія греческаго языка“, вышедшая при циркулярѣ Московскаго учебнаго округа за 1890 годъ. М. 1890. Стр. 108. Цѣна 50 коп.“ — одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для III-го класса гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть I. (Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на ω). Москва. 1890.

Стр. 161. Цѣна 75 коп.* — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство прямолинейной тригонометріи. П. В. Преображенскаго. Изданіе 2-е, обработанное примѣнительно къ программѣ гимназій. М. 1890. Стр. III+73. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ и рекомендовать какъ учебное пособие для гимназій.

— Книгу: „П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематической. С.-Пб. 1890. Стр. II+272. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки Д. А. Коробчевскаго: „Австралія и австралійцы“, „Меланезійцы“, 2 книжки, по 25 коп. каждая; „Микронезійцы“ и „Полинезійцы“, также 2 книжки, по 15 коп. каждая. М. 1889. — допустить въ бібліотеки для учениковъ средняго возраста мужскихъ гимназій.

— Книжку: „Очеркъ жизни Фридриха Фребеля, основателя дѣтскихъ садовъ. Переводъ съ англійскаго И. В. Майнова. Изданіе 2-е. Москва. 1886. Цѣна 15 коп.“ — одобрить для учениковъ и ученицъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Болгарія и болгары. Очеркъ К. А. Барсова. М. 1889. Цѣна 15 коп.“ — одобрить для учениковъ средняго возраста мужскихъ гимназій; при слѣдующихъ же изданіяхъ исключить мѣсто на стр. 25, начинающееся словами: случаи же преступной связи и проч.

— Книжку: „Паткерскіе заговорщики или бунтъ въ океанѣ. Историческое событіе. Составилъ В. А. Висковатовъ. М. 1886. Цѣна 6 коп.“ — одобрить для учениковъ и ученицъ средняго возраста гимназій.

— Книжку: „Ночь подъ Рождество. Изданіе 2-е. М. 1886. Цѣна 5 коп.“—допустить въ бібліотеки для учениковъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Ботаника для реальныхъ училищъ. Составлена по новой программѣ Н. Раевскимъ, директоромъ Московскаго учительскаго института. Съ 240 рисунками. М. 1890. Стр. VIII + 215. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить для употребленія въ качествѣ руководства въ реальныхъ училищахъ, а также допустить какъ руководство въ среднихъ техническихъ училищахъ (именно: въ химико-тех-

ническихъ, горнозаводско-техническихъ и сельскохозяйственно-техническихъ) и какъ пособіе въ низшихъ техническихъ училищахъ.

— Книгу: „Евгеній Бикъ. Учебникъ нѣмецкаго языка, построенный на изученіи связнаго текста. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Изданіе 2-е, съ нѣкоторыми измѣненіями. М. 1890. Стр. VI + 220. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по нѣмецкому языку для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Молитвенникъ для еврейскихъ дѣтей, съ дословнымъ переводомъ и объясненіями. Съ приложеніемъ краткаго катехизиса. Составилъ Б. И. Гермайзе, учитель Варшавской мужской 3-й гимназіи. Варшава. 1889. Цѣна 40 коп.“ — одобрить какъ учебное руководство при преподаваніи еврейскаго закона вѣры въ младшихъ классахъ гимназій и въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Изъ Талмуда и Мидраша. Очерки, легенды, рассказы, изреченія. Составилъ А. Л. Гибшъ, учитель Одесскаго 1-го казеннаго еврейскаго училища. Одесса. 1889. Цѣна 65 коп.“ — рекомендовать какъ учебное пособіе при преподаваніи еврейскаго закона вѣры.

— Книжку: „Ю. С. Гольдблатъ. Вступительный курсъ Библии. Извлеченіе изъ книги Бытія. Учебное руководство, примѣненное къ обученію въ приготовительныхъ классахъ начальныхъ еврейскихъ училищъ. Вильна. 1889. Цѣна 20 коп.“ — рекомендовать для употребленія въ приготовительныхъ классахъ начальныхъ еврейскихъ училищъ.

— Книжки: „Еврейская нравственно-поучительная и историческая хрестоматія. Выпуски I, II и III. Составилъ Л. Р. Клячко. Варшава. 1890.“ — рекомендовать какъ учебное пособіе при преподаваніи еврейскаго закона вѣры.

— Книгу О. Н. Штейнберга: „Практическіе уроки древне-еврейскаго языка для школы и самообученія, со статьями для разбора и перевода. Вильна. 1889. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать какъ учебное руководство для употребленія въ еврейскихъ училищахъ.

— Книгу: „Сборникъ стихотвореній и басенъ для заучиванія наизусть и Списокъ книгъ для чтенія учениковъ Нижегородскаго дворянскаго института Александра II. Съ присоединеніемъ статьи: „о воспитательно-образовательномъ значеніи чтенія книгъ и заучиванія наизусть избранныхъ поэтическихъ образцовъ“, составленный

А. Никольскимъ, преподавателемъ русскаго языка. Москва, 1890. Стр. 274. Цѣна 79 к., съ пересылкою 90 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ „Кіевская Старина за 1889 годъ. 12 книжекъ. Цѣна 10 руб. съ доставкою и пересылкою“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Матеріалы для повторенія латинской грамматики по руководствамъ Эллендта-Зейфферта и Шульца-Ходобая. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій, обработанное по Г. Менге Materialien etc. А. Адольфомъ и Е. Сыроѣчковскимъ, учителями Московскихъ гимназій. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е, значительно упрощенное. Москва. 1800. Стр. VIII+213+121“—допустить въ видѣ учебнаго пособия по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Книгу: „Грамматика для народныхъ школъ. Составилъ И. Курятниковъ, учитель школы при Новоторжской учительской семинаріи. Тверь. 1889. Въ 8-ку 108 стр. Цѣна 35 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы указанныя исправленія.

— Книгу: „Разказы для сельскаго воссоединеннаго отъ униі народа. Составилъ священникъ Николай И. Лопатинскій. Сѣдлецъ. 1800. Въ 8-ку 245 стр.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ Западнаго края и для чтенія взрослымъ крестьянамъ.

— Книгу: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Первый годъ. Изд. 2-е. Составилъ Д. Поповъ. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку 122 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ сельскихъ начальныхъ училищахъ.

— Составленныя Е. Де-Витте: книги: 1) „Книга для чтенія въ начальной школѣ. Годъ 1-й. Даль, Крыловъ и Филаретъ (письма къ роднымъ). Ковна. 1890. Въ 12-ю д. л., 86 стр. Цѣна 12 коп.“. и 2) „Приложеніе къ „Книгѣ для чтенія въ начальной школѣ“. Пособіе преподавателямъ. Годъ 1-й. Ковна. 1890. Въ 12-ю д. л., 70 стр. Цѣна 25 коп.“—допустить первую въ ученическія, а вторую въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Отдѣленія Ученаго Комитета по техническому и профессиональному образованию министерства народнаго просвѣщенія.

На основаніи утвержденнаго его сіятельствомъ г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра положенія о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и Пособія для промышленныхъ училищъ (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ), объявляется въ 1890 году конкурсъ на составленіе учебныхъ руководствъ по слѣдующимъ предметамъ:

1) По механикѣ — для низшихъ техническихъ училищъ (одна большая премія—въ 2.000 р. и одна малая— въ 500 р.).

2) По технологіи дерева и металловъ для среднихъ техническихъ училищъ (одна большая въ 2.000 р. и одна малая премія въ 500 р.

Составители сочиненій, представляемыхъ для соисканія означенныхъ премій, должны принять во вниманіе нижеслѣдующія указанія:

1) По механикѣ для низшихъ механико-техническихъ училищъ.

Учебникъ предназначается для учащихся въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, еще до поступленія въ механико-техническое училище окончившихъ курсъ городского (по положенію 1872 г.) уѣднаго или двухкласснаго сельскаго училища. На подготовку по математикѣ въ первые два года назначены 7 часовъ на ариметику и алгебру и 6 часовъ въ недѣлю на геометрію съ плоской тригонометріей. Для изученія механики назначаются во 2-й годъ 2 часа и въ 3-й годъ 4 часа въ недѣлю. Цѣль курса механики должна состоять въ сообщеніи учащимся основныхъ познаній по кинематикѣ и кинетикѣ, а по части приложений въ ознакомленіи ихъ съ простыми машинами и съ ученіемъ о сопротивленіи матеріаловъ, въ объемѣ достаточномъ для примѣненія къ простѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ случаямъ практики. Объемъ учебника долженъ составлять приблизительно отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ обыкновеннаго формата. Чертежи должны быть исполнены отчетливо.

2) По технологіи металловъ и дерева для среднихъ механико-техническихъ училищъ.

Для пріема въ среднее механико-техническое училище требуется окончаніе курса пяти классовъ реальнаго училища. На изученіе

технологіи металловъ назначается одинъ годъ по два часа въ недѣлю и тоже самое на изученіе технологіи дерева. Учебникъ долженъ ознакомить учащихся со способами добыванія и свойствами употребляемыхъ въ машиностроеніи металловъ, а также ихъ сплавовъ и припоевъ; со свойствами дерева и способами предохраненія его отъ порчи; съ главнѣйшими сортами металловъ и лѣса и съ храненіемъ послѣдняго; съ обработкою металловъ и дерева въ ручную и на станкахъ, а равно съ устройствомъ орудій и станковъ, при семь употребляемыхъ.

Въ виду того, что технологія дерева преподается не во всѣхъ училищахъ вышеозначеннаго типа, она должна составить совершенно отдѣльную и независимую часть учебника. Объемъ учебника долженъ составлять приблизительно отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ обыкновеннаго формата. Чертежи и рисунки должны быть исполнены отчетливо.

3) По строительному искусству для среднихъ техническихъ училищъ съ строительною спеціальною.

На преподаваніе строительнаго искусства въ означенныхъ училищахъ назначено 17 часовъ въ недѣлю, а именно: 4 ч. во II кл., 7 ч. въ III кл. и 6 ч. въ IV кл.

Въ курсъ строительнаго искусства входитъ: I. Ученіе о строительныхъ матеріалахъ (2 ч.) и II. Ученіе о строительныхъ работахъ:

а) По части архитектурныхъ сооруженийъ (9 ч.); и б) по части инженерныхъ сооруженийъ (6 ч.).

Для каждаго изъ этихъ трехъ отдѣловъ курса строительнаго искусства требуется составить отдѣльные учебники. За лучшее сочиненіе по каждому отдѣлу назначается по одной малой преміи въ 500 р. и, кромѣ того, еще одна, четвертая, премія такого же размѣра; послѣдняя на тотъ случай, если по одному изъ названныхъ отдѣловъ окажутся два сочиненія одинаковаго достоинства, заслуживающія преміи.

При составленіи вышеупомянутыхъ учебниковъ необходимо принять въ соображеніе, а) что среднія техническія училища имѣютъ цѣлью сообщать учащимся въ нихъ знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ высшихъ руководителей промышленнаго дѣла (ст. 2 Высоч. утвержд. основн. положеній); б) что курсъ въ означенныхъ училищахъ продолжается четыре года (§ 3 Уст. средн. техн. уч.); и в) что въ млад-

шій классъ этихъ училищъ принимаются лица, окончившія курсы пяти классовъ реального училища (§ 25 Устава средн. техн. уч.).

Въ виду вышеупомянутой цѣли среднихъ техническихъ училищъ, желательно, чтобы въ учебникахъ по строительному искусству, предназначенныхъ для употребленія въ упомянутыхъ училищахъ со строительною спеціальною, сообщались преимущественно тѣ свѣдѣнія, которыя дѣйствительно существенно необходимы для практической дѣятельности будущихъ помощниковъ архитекторовъ и инженеровъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать освидѣтельствованіе и приемка матеріаловъ и наблюденіе за правильнымъ производствомъ строительныхъ работъ.

Такъ, между прочимъ, въ учебникѣ о строительныхъ матеріалахъ необходимо обращать должное вниманіе на описаніе строительныхъ матеріаловъ въ отношеніи ихъ годности или негодности для дѣла, на мѣры, которыя должны быть принимаемы для предохраненія ихъ отъ порчи, на обмѣръ, приемку, сохраненіе ихъ и т. п.

Что же касается строительныхъ работъ, то, по части архитектурныхъ сооружений, желательно сообщить не только свѣдѣнія о строительныхъ работахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но и ознакомить учащагося также со всѣми многочисленными второстепенными работами по части благоустройства и комфорта зданій, соотвѣтственно требованіямъ современной жизни. Кромѣ того, слѣдуетъ сообщить свѣдѣнія относительно руководства строительныхъ работъ и надзора за ними вообще и дать также надлежащія указанія относительно ремонта и перестройки старыхъ зданій и разчета стоимости исполненныхъ работъ.

Что же касается учебника о строительныхъ работахъ по части инженернаго дѣла, то желательно, чтобы въ немъ сообщались преимущественно необходимыя свѣдѣнія по устройству и ремонту обыкновенныхъ, конножелѣзныхъ и паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, по постройкѣ мостовъ, плотинъ и запрудъ, а также по части вспомогательныхъ приспособленій.

Наконецъ, желательно, чтобы составители учебниковъ обратили особенное вниманіе на вѣрность и отчетливость пояснительныхъ чертежей.

Сочиненія должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позднѣе 25-го декабря 1890 г. Въ случаѣ, еслибы къ вышеозначенному сроку или вовсе не было

представлено сочиненій, или же представленные сочиненія не были удостоены премій и вообще еслибы нѣкоторыя изъ премій остались не выданными, то конкурсъ по тѣмъ же предметамъ, согласно ст. 3-й и 8-й положенія о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособия для промышленныхъ училищъ, имѣеть быть продолженъ до 1-го декабря 1891 года.

Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія рукописныя, а также печатныя, но безъ означенія имени автора посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (3-го іюля 1890 года). О порядкѣ зачета службы училищнымъ чиновникамъ русскаго происхожденія въ губерніяхъ Царства Польскаго въ срокъ выслуги на пенсію по переходѣ ихъ на службу въ Имперію.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія было внесено въ комитетъ министровъ представленіе о порядкѣ зачета службы училищнымъ чиновникамъ русскаго происхожденія въ губерніяхъ Царства Польскаго въ срокъ выслуги на пенсію по переходѣ ихъ на службу въ Имперію.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 3-й день іюля 1890 года, Высочайше соизволилъ на предоставленіе права училищнымъ чиновникамъ русскаго происхожденія, изъявившимъ желаніе на основаніи правилъ 30-го іюля 1867 года получать пенсію по законамъ Имперіи, кои прослужили по учебной части въ губерніяхъ Царства Польскаго не менѣе 5 лѣтъ и потомъ перешли на учебную службу въ Имперію, зачитать время, проведенное ими на службѣ въ губерніяхъ Царства, въ срокъ выслуги на пенсію по пенсіонному уставу Имперіи, принимая 4 года учебной службы въ губерніяхъ Царства Польскаго за 5 лѣтъ такой же службы въ Имперію.

11. (20-го іюля 1890 года). О пожертвованіи капитала жителями 12 гминъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Испечитель Варшавскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что жители 12 гминъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣд-

лецкой губерніи, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, пожертвовали капиталъ въ 600 рублей съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособіе ученику Бѣльской гимназіи или того учебнаго заведенія, какое будетъ открыто въ городѣ Бѣлѣ вмѣсто гимназіи, происходящему изъ крестьянъ Радинскаго уѣзда.

О такомъ пожертвованіи жителей 12 гминъ Бѣльскаго уѣзда управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 года всеподданнѣйше было доведено до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (20-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Елатомской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Елатомскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ капитала въ три тысячи рублей учреждается при Елатомской мужской гимназіи стипендія имени Императора Александра II.

2. Обеспечивающій стипендію капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, причитающейся, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, должны быть выдаваемы въ стипендію одному изъ учениковъ Елатомской гимназіи, принадлежащему къ жителямъ Елатомскаго уѣзда.

4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

5. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія полного курса гимназіи, но можетъ быть и лишенъ оной по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или лѣности, послужившей причиною къ оставленію его на повторительный курсъ.

6. Стипендіатъ не освобождается отъ платы за право ученія, если не будетъ признанъ педагогическимъ совѣтомъ заслуживающимъ этой льготы.

7. Могущія быть сбереженія отъ незамѣщенія въ теченіе нѣкотораго времени вакансіи стипендіата причисляются къ основному

капиталу впредь до того времени, когда составитя сумма, достаточная на образованіе второй стипендіи имени Императора Александра II.

8. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (3-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Константина Дмитриевича Ушинскаго при Новгородсѣверской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго вдовою и дѣтьми покойнаго статскаго совѣтника К. Д. Ушинскаго капитала въ десять тысячъ рублей учреждаются при Новгородсѣверской мужской гимназій двѣ стипендіи имени статскаго совѣтника К. Д. Ушинскаго.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Новгородсѣверской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность гимназій, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій за лѣность и дурное поведеніе, предоставляются педагогическому совѣту Новгородсѣверской гимназій.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ только изъ учениковъ христіанскаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, безъ различія происхожденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ, въ чемъ педагогическій совѣтъ основательно удостовѣряется формальными свидѣтельствами, представляемыми родителями, родственниками или опекунами избираемыхъ стипендіатовъ.

§ 5. Стипендіаты могутъ оставаться въ классѣ на второй годъ только два раза въ теченіе всего гимназическаго курса, по случаю болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Послѣ назначенія каждаго новаго стипендіата, начальство гимназій сообщаетъ, по данному адресу, одному изъ членовъ семейства Ушинскаго объ избранномъ стипендіатѣ, его успѣхахъ и матеріальномъ положеніи.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (6-го септѣбря 1890 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Василисы Васильевны Олендзкой при Минской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемьсотъ рублей, пожертвованнаго дворянкою Василисою Васильевною Олендзкою, учреждается при Минской мужской гимназіи одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ восьми 5⁰/₁₀₀ облигаціяхъ восточнаго займа, по сту рублей каждая, хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Минской гимназіи и составляетъ неприкосновенную ея собственность.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія означенныхъ облигацій, капиталъ обращается въ другія государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются стипендіату со дня его избранія и выдаются пополюгодно впередъ на руки его родителямъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 5. Стипендія предоставляется ученику Минской гимназіи, римско-католическаго исповѣданія, изъ родственниковъ Василисы Олендзкой; въ случаѣ же если таковыхъ не окажется, стипендіатомъ назначается по выбору педагогическаго совѣта гимназіи одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ, отличающійся благонавіемъ и успѣхами.

§ 6. Выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи, который въ случаѣ появленія нѣсколькихъ кандидатовъ изъ родственниковъ жертвовательницы, назначаетъ стипендію лучшему изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію.

§ 7. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время обученія въ гимназіи, но если онъ окажется малоуспѣвающимъ, или будетъ неодобрительнаго поведенія, то лишается стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата гѣкихъ обязательствъ.

§ 9. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 10. Въ случаѣ закрытія Минской гимназіи, капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое учебное заведеніе по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

10. (6-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго Угличскаго городского головы Николая Николаевича Серебренникова при Угличскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при Угличскомъ городскомъ училищѣ шесть стипендій имени бывшаго городского головы Николая Николаевича Серебренникова, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ пятьдесятъ рублей, собранныхъ съ этой цѣлью по подпискѣ почитателями дѣятельности Серебренникова по народному образованію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одиннадцать 5⁰/₁₀₀ облигаціяхъ восточнаго займа, по 50 руб. каждая, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, православнаго исповѣданія безъ различія сословій, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Угличскаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переходитъ въ распоряженіе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

11. (16-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго предсѣдателя Угличской земской управы Ивана Николаевича Михайлова при Угличскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждается при Угличскомъ городскомъ училищѣ три стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Угличской земской управы Ивана Николае-

вича Михайлова, на счетъ процентовъ съ капитала въ триста рублей, собранныхъ съ этою цѣлью по подпискѣ почитателями дѣятельности Михайлова по народному образованію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ 4% облигаціяхъ внутренняго займа 1877 года, по 100 руб. каждая, и въ двухъ 5% облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года по 40 руб. каждая, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, православнаго исповѣданія, безъ различія сословій, принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ причисляются въ стипендіальному капиталу.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Угличскаго городскаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переходитъ въ распоряженіе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Элементарный курсъ русской исторіи. Курсъ III класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, примѣненный къ новымъ программамъ. Съ рисунками и картою. Составилъ И. Беллярминовъ. С.-Пб. 1890. Стр. 102. Цѣна 50 коп.“ — одобрить какъ руководство для III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: Греческо-русскій словарь, изданный Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогики. Изданіе второе, исправленное. Обработалъ А. О. Поспишилъ, преподаватель древ-

нихъ языковъ при Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ 1890. Въ 6. 8-ку стр. 1028. Цѣна 3 руб.—допустить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: О несгораемыхъ крестьянскихъ постройкахъ. Указанія какъ крестьянамъ улучшить свое жилище. Изданіе „Народной бібліотеки“. В. Н. Маракуева. Москва 1887. 16 стран. Цѣна 5 коп.,—одобрить для учительскихъ и ученическихъ бібліотекъ начальныхъ сельскихъ школъ.

— Таблицу г. Цыбульскаго, изображающую „Римскій домъ — Domus Romana“, рекомендовать какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній и для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки сихъ заведеній.

— Книгу: „Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ. Систематическое пособие для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Н. Тихомировъ. Москва. 1890. Стр. VIII+488. Цѣна 1 р. 25 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства (за исключеніемъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ), также рекомендовать ее для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки.

— Книгу: „Князь Сергѣй Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи. Москва. 1890. Стр. 508. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Симбирская губернская гимназія (1786—1887). Библиографическая монографія“ (Материалы для библиографическаго словаря, № 1). Съ приложеніемъ снимка съ зданія гимназіи. Составилъ И. Г. Безгинъ. С.-Пб. 1888. Стр. 40+376“,—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Chrestomathie littérale. Morceaux de lecture ou exercices de conversation, de narration et de mémoire, par J. Bastin. 7-é édition. St.-Petersbourg. 1891. Страницъ 300+102+VII. Цѣна 1 руб.“—рекомендовать какъ весьма полезное пособие при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ (IV, V и VI) среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „П. П. Романовичъ. Русская старина въ родной поэзіи. Иллюстрированный сборникъ образцовъ, съ примѣчаніями и словаремъ. Новгородъ. 1890. Въ 4-ку, въ два столбца, стр. XIV+468. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учи-

тельскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а равно для награды учащихъ за успѣхи въ наукахъ.

— Книгу: „Курсъ ариметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. П. Померанцевъ. Воронежъ. 1871. Стр. 312. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Сборникъ геометрическихъ задачъ на построеніе и краткій курсъ элементарной геометріи. Составилъ А. Н. Глаголевъ, преподаватель Московской 6-й гимназіи и Московскаго коммерческаго училища. Москва. 1890. Страницъ 392. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе при прохожденіи геометріи въ гимназіяхъ и какъ руководство при прохожденіи геометріи въ реальныхъ училищахъ и рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Русскій букварь и церковно-славянская азбука для народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ Владиславъ Ислентьевъ. Казань. 1889. Въ 8-ку 60 страницъ. Цѣна 15 коп.“ — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Каталогъ предметовъ, выставленныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда въ школьномъ отдѣлѣ Казанской научно-промышленной выставки 1890 года. Съ руководящими замѣтками для народныхъ учителей и учительницъ. Составилъ инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Изданіе мануфактуръ-совѣтника П. К. Ушкова. Раздается бесплатно учителямъ и учительницамъ, интересующимся школьнымъ отдѣломъ Елабужскаго уѣзда. Казань. 1890 г.“ — допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской географіи. Составилъ Н. Черкуновъ. Кіевъ. 1890. Въ 8-ку 57 страницъ. Цѣна 20 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ низ-

шихъ училищъ, а также и для младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „А. Барановъ. Книга для класснаго чтенія, примененная къ обученію родному языку въ начальныхъ школахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. 17-е совершенно вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 174 страницъ. Цѣна 45 коп.“—одобрить для употребленія въ начальныхъ школахъ.

— Книгу: „К. Ельницкій. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку 96 страницъ. Цѣна 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебника для учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „К. Ельницкій. Общая педагогика. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика, и для занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Изд. 3-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 156 страницъ. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и, какъ учебное пособіе, въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ преподается педагогика.

— Книгу: „К. Ельницкій. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Изд. 4-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 139 страницъ. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „К. Ельницкій. Методика начальнаго обученія отечественному языку. Для учительскихъ семинарій и институтовъ, педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Изд. 5-е. С.-Пб. Въ 8-ку 200 страницъ. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, г. туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, 1-го минувшаго августа, разрѣшено учредить, на средства областныхъ денежныхъ земскихъ повинностей Туркестанскаго края, приходскія училища для обученія дѣтей обоюго пола въ селеніяхъ Срѣтенскомъ и Троицкомъ, Ташкентскаго уѣзда, Александровскомъ, Николаевскомъ, Михайлов-

скомъ и Покровскомъ, Ауліеатинскаго уѣзда, и въ укрѣпленіяхъ Джулекъ и Кармакчахъ, Перовскаго уѣзда.

— По донесенію управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, 26-го минушаго августа послѣдовало открытіе женскаго двухкласснаго приходскаго училища въ г. Крестцахъ, Новгородской губерніи.

— 29-го минушаго іюля Бугурусланское городское двухклассное училище преобразовано въ четырехклассное.

— По донесенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, имъ 28-го минушаго августа разрѣшено открыть параллельное отдѣленіе при 1-мъ классѣ существующаго при станціи „Люботинъ“ Харьковско-Николаевской желѣзной дороги двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, на средства управленія сей дороги.

— 1-го сентября сего года при Одесскомъ городскомъ шестиклассномъ училищѣ открытъ почтово-телеграфный классъ.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 8-го сентября послѣдовало открытіе двухкласснаго сельскаго училища сего министерства въ Бѣлорѣцкомъ заводѣ, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, при 170 учащихся.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ).

Основные черты государственнаго хозяйства Россіи XVII вѣка.

§ 1. Податная система. Классификація государственныхъ доходовъ: I. Окладные: 1) данные (половнянчые, ямскіе) и оброчные; 2) таможенные и кабацкіе. II. Неокладные. Окладныя и раскладочныя единицы. Сравнительная величина разныхъ видовъ налога въ началѣ XVII вѣка.—§ 2. Финансовая администрація. Происхожденіе финансовыхъ приказовъ; ихъ классификація и статистика вѣдавагоса ими населенія.—§ 3. Военная организація. Главныя составныя части арміи и ихъ измѣненія въ теченіе столѣтія въ связи съ измѣненіемъ стоимости ихъ содержанія.—§ 4. Регулярная военная подать (стрѣлцкая): измѣненія ея оклада въ теченіе столѣтія.—§ 5. Чрезвычайные военные сборы въ связи съ общимъ очеркомъ финансовыхъ затрудненій и финансовыхъ мѣропріятій XVII вѣка.—Пятая денга 1614—1615 годовъ.—Писцовыя книги 1620 годовъ.—Смоленскій походъ и сборы 1632—1634 годовъ. Сборы на городовое и засѣчное дѣло.—Попытки реформъ царя Алексѣя Михайловича: соляная реформа 1648 г., перепись 1646—1648 гг. и новый окладъ половнянчыхъ.—Жертвы людьми и деньгами за время войнъ съ Польшей и Турціей и возвышеніе стрѣлцкаго оклада.—Реформы Феодора: перепись 1678 года, финансовая централизація и новый окладъ стрѣлцкой подати.—§ 6. Финансовая исторія Устюжской четверти, какъ частный примѣръ.—§ 7. Статистика государственныхъ доходовъ и расходовъ по росписи 1680 года.

Когда депутація отъ собора, избраншаго на царство Михаила Феодоровича Романова, явилась въ Ипатьевскій монастырь просить его принять выборъ, то Михаилъ и мать его „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“ говорили депутатамъ, что онъ на государствѣ „быти не часть сслххѣ, отд 2.

хочетъ“, а она его „не благословляетъ“. Московское государство, говорила инокиня Марѳа, „разорилось до конца“, старыя сокровища увезены, дворцовыя и черныя земли расхватаны въ помѣстья и запустошены; „и кому повелитъ Богъ быти государемъ-царемъ, и ему, будучи на Московскомъ государствѣ, чѣмъ служилыхъ людей жаловати, свои государевы обиходы полнити и противъ пограничныхъ государей стояти?“

Основная трудность, съ которой приходилось бороться новой династіи, выражена въ этихъ словахъ коротко и ясно. Но причины тѣхъ затрудненій, передъ которыми готовъ былъ отступить новый царь, лежали гораздо глубже, чѣмъ въ разореніи смутнаго времени. Разоренное смутой оказалось возможнымъ поправить въ нѣсколько лѣтъ; но долго послѣ того, какъ непосредственныя послѣдствія смуты перестали чувствоваться, передъ Московскимъ правительствомъ стоялъ все тотъ же назойливый и требовавшій немедленнаго отвѣта вопросъ, „чѣмъ служилыхъ людей жаловати и противъ пограничныхъ государей стояти“.

Дѣло въ томъ, что въ силу мѣстныхъ условій русской исторической жизни политической ростъ Московскаго государства значительно опередилъ экономическій и новыя государственныя (преимущественно—военныя) потребности стали постоянными задолго до того времени, когда, наконецъ, выработался способный выдерживать ихъ постоянный бюджетъ. Московское государство болѣло тою же болѣзнию роста, которая далеко не закончилась въ это время и въ континентальныхъ государствахъ запада, хотя началась тамъ гораздо ранѣе,—переходомъ къ регулярной арміи. Рѣшительнымъ переломомъ этой болѣзни было у насъ время Петра Великаго, изученіе котораго и составляетъ ближайшую задачу настоящаго изслѣдованія. Но кризисъ Петровскаго времени подготовлялся и назрѣвалъ въ теченіе всего XVII вѣка; тогда уже сдѣланъ былъ діагнозъ болѣзни и даже испробованы различные способы леченія; въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, Петровская эпоха дала только послѣдній толчекъ давно совершавшемуся процессу. Вотъ почему въ данномъ случаѣ особенно трудно было бы игнорировать общее методическое требованіе, въ силу котораго изученіе предыдущаго момента историческаго процесса является необходимымъ для правильнаго пониманія послѣдующаго. Мы сочли тѣмъ болѣе необходимымъ остановиться предварительно на явленіяхъ государственнаго хозяйства XVII вѣка, что литература по этому во-

просу весьма скудна и самыя существенныя стороны вопроса остаются часто едва затронуты изученіем ¹⁾).

¹⁾ *Литература*: Кромѣ отдѣловъ въ общихъ сочиненіяхъ: *Б. Н. Чичерина* (Области, учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856, стр. 191—255, 403—449, 528—548), *В. Лешкова* (Русскій народъ и государство. М. 1858, стр. 226—242, 259—262, 333—338 и друг.), *А. Д. Градовскаю* (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. С.-Пб. 1868, стр. 170 — 204, 218 — 239, 322 — 331 и друг.), о. *М. Горчакова* (О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. С.-Пб. 1871, стр. 265—286, 411—430), *В. А. Гольцева* (Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка. М. 1878, стр. 129 — 170: „Хозяйство Московскаго государства въ XVII в.“), — существуетъ и специальная, хотя не богатая литература по исторіи русскихъ финансовъ: *Ю. А. Гагемейстера*. Разысканія о финансахъ древней Россіи. С.-Пб. 1833 (не идутъ далѣе 1472 года; для своего времени недурной подборъ фактовъ, теперь совершенно устарѣли); гр. *Д. А. Толстаю*. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со временъ основанія государства до кончины императрицы Екатерины II. С.-Пб. 1848 (также значительно устарѣла, но до сихъ поръ остается единственнымъ общимъ обзоромъ, главнымъ образомъ по Актамъ и по Полному Собр. Законовъ); *И. Д. Бѣляева*. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ, — первоначально въ *Москвитянинѣ* 1848, т. I, II, V, VII, IX, затѣмъ съ небольшими измѣненіями во *Временникѣ* *О. И. и Д. Р.*, XI. (М. 1851) и еще разъ перепечатано (вмѣстѣ со статьей о „жителяхъ Московскаго государства“) съ вариантами послѣ смерти Бѣляева въ *Чтеніяхъ О. И. и Д. Р.* 1884, IV; 1885, I, II, подъ заглавіемъ „о доходахъ Московскаго государства“ (Дѣянія, частью не изданныя, объ окладныхъ единицахъ XVI—XVII вѣка, а также некоторыя замѣчанія о техникѣ обложенія и раскладки до сихъ поръ не утратили значенія); *Е. Осокина*. Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. Казань. 1850. Это сочиненіе также до сихъ поръ сохраняетъ цѣну, не столько по обилію матеріала, сколько по умѣлому употребленію его въ дѣло авторомъ-финансистомъ; то же слѣдуетъ сказать и о другомъ сочиненіи *Осокина*: О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. Казань. 1856. *В. Кури*. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси—въ *Юридич. сборникѣ Мейера*. Казань. 1855, стр. 105—153 (весьма добросовѣстная работа ученика той же школы). Въ сборникѣ Мейера см. и интересный отзывъ *Е. Осокина* („Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права“, стр. 539—579) на рецензію *И. Д. Бѣляева* въ *Москвитянинѣ* (1850, ноябрь) по поводу его книги о таможенныхъ пошлинахъ. Сочиненіе *В. Незабитовскаю* извѣстно намъ только по ссылкамъ. Слѣдующее затѣмъ время, столь благоприятствовавшее историко-юридическому изученію нашего прошлаго, мало прибавило къ нашимъ историко-экономическимъ свѣдѣніямъ. Правда, всѣ болѣе крупныя работы историко-юридическаго характера поневолѣ должны были считаться и съ вопросами государственнаго хозяйства, центральное значеніе которыхъ для правительства XVII вѣка хорошо понимали наши историки-юристы; но для ихъ собственныхъ цѣлей изученіе этихъ вопросовъ сохраняло значеніе служебное (какъ въ большей части работъ, названныхъ въ началѣ этого примѣчанія). Работы же въ собственно исто-

§ 1. Податная система XVII вѣка представляется уже довольно развитой, хотя едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что тотъ свой видъ, въ которомъ мы ее находимъ въ этомъ столѣтїи, она получила никакъ не ранѣе половины XVI вѣка. Къ историческому прошлому ея мы не имѣемъ надобности обращаться и огрѣчимся характеристикой разныхъ видовъ податей въ той системѣ, въ какой онѣ извѣстны намъ изъ финансовыхъ документовъ XVII вѣка. При изложенїи этой системы мы заранѣе отказываемся отъ попытки переложить ее на современную терминологию или подвести подъ одну изъ современныхъ классификацій; если уже дѣйствующія системы податей не всегда подчиняются научной (точнѣе, рациональной) классификаціи и терминологїи, то тѣмъ болѣе можно сказать это о системахъ прошлыхъ вѣковъ, въ которыхъ одинъ и тотъ-же налогъ зачастую соединяетъ въ себѣ элементы самыхъ разнообразныхъ налоговъ рациональной системы. Это, впрочемъ, и довольно естественно: идеаль современнои классификаціи—распредѣлить разные виды налоговъ по тому окончательному источнику, изъ котораго они упла-

рико-экономической области имѣли предметомъ почти исключительно народное, а не государственное хозяйство. Только въ самое послѣднее время замѣчается усилеиіе интереса къ исторїи государственнаго хозяйства: въ текущемъ году вышло капитальное изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго: „Организаціи прямаго обложенїа въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованїа“. С.—Пб. 1890. Впервые послѣ Бяляева А. С. Лаппо-Данилевскїй ввелъ въ изученїе архивный матеріалъ, безъ котораго трудно изучать исторїю русскаго государственнаго хозяйства; при томъ, онъ воспользовался важнѣйшими отдѣлами не изданнаго матеріала: 1) писцовыми и переписными книгами Москов. Архива Мин. Юстиціи и Публ. бібліотеки; 2) незамѣненнымъ для финансовой исторїи дѣлопроизводствомъ тѣхъ изъ финансовыхъ приказовъ Московскаго государства, которые были присоединены къ Посольскому приказу и документы которыхъ, благодаря этому, сохранились до нашего времени въ Главномъ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ: а) такъ наз. „приказныя дѣла старыхъ лѣтъ“, то-есть, столбцы, отчасти еще не разобранные, отчасти же разобранные, расклеенные и описанные, хотя очень не точно; расположены они хронологически, а въ предѣлахъ каждаго года по особой нумераціи; начиная съ 1673 г. нумераціи лѣтъ и цитировать нужно по мѣсяцамъ и числамъ (въ дальнѣйшихъ цитатахъ этотъ источникъ обозначенъ кратко: П. Д. или Пр. Д.); в) книги (преимущественно приходо-расходныя) по Устюжской, Новгородской, Галицкой и Владимирской четямъ; имъ существуетъ особая опись, тоже очень не надежная, подъ заглавіемъ: „книги городскїа и боярскїа“. Дальнѣйшее изученїе того же матеріала, конечно, далеко не исчерпаннаго и нами, даю намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя дополненїа къ прекрасной работѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго.

чиваются: прибыли, рентъ или рабочей платѣ; но Московское правительство имѣло мало средствъ слѣдить за тѣмъ, на кого и на что упадетъ налогъ послѣ всѣхъ „сложеній“ и „переложеній“. Даже болѣе: оно не всегда услѣживало и за тѣмъ, на кого вообще упадетъ налогъ; оно не имѣло въ виду не только источника, но весьма часто и объекта подати (предмета обложенія); а иногда даже и субъектъ ея, самого плательщика, предоставлялось найти общественнымъ организациямъ, закрывавшимъ отъ правительства своихъ отдѣльныхъ членовъ.

По официальной терминологіи XVII вѣка, вся совокупность государственныхъ доходовъ дѣлилась на два отдѣла: „окладные“ и „неокладные“. Никакого отношенія къ современному популярному дѣленію на „прямые“ и „косвенные“ эта классификація не имѣетъ: она разсматриваетъ доходы лишь съ точки зрѣнія ихъ опредѣлимости для правительства: окладные доходы суть тѣ, которые можно ввести въ опредѣленный „окладъ“, то-есть, въ обязательный для плательщиковъ размѣръ; а такъ какъ правительство старалось, какъ увидимъ, сдѣлать это и относительно косвенныхъ налоговъ, то и они вмѣстѣ съ прямыми составляли одинъ отдѣлъ „окладныхъ“. Но такъ какъ въ дѣйствительности нельзя было ввести косвенныя поступления въ столь же опредѣленные размѣры, какъ прямыя,—то терминъ „окладъ“ по отношенію къ нимъ получилъ нѣсколько иной смыслъ, и само собой являлось дальнѣйшее подраздѣленіе „окладныхъ“ доходовъ на двѣ группы, соответствующія прямымъ и косвеннымъ, хотя эти группы и не были закрѣплены никакими специальными терминами; онѣ обозначались обыкновенно названіемъ своихъ главныхъ составныхъ частей, именно: 1) данныя и оброчныя, 2) таможенныя и кабацкія.

I. Первая группа окладныхъ доходовъ, имѣвшая и свое общее названіе, о которомъ будемъ говорить ниже, дѣлилась въ свою очередь на два отдѣла: 1) данныхъ и 2) оброчныхъ денегъ.

levy 1. Дань. Несомнѣнно, что употребленіе этого термина, какъ родового для цѣлаго ряда составляющихъ эту группу налоговъ, есть совершенная неточность. Но столь же несомнѣнно, что неточность эта допускается въ документахъ съ самаго начала XVII вѣка и въ теченіе этого вѣка родовое значеніе термина „дань“ становится общепотребительнымъ, при чемъ, однако, не уничтожается и видовое ¹⁾.

Direct levy
for specific
purpose

¹⁾ См., напримѣръ, А. Ю. № 209, VIII, платежная отпись 1603 г.: сперва здѣсь перечисляется рядъ податей, изъ которыхъ составилось родовое понятіе:

Подъ названіемъ „данныхъ“ денегъ кристаллизовалась вся совокупность прямыхъ податей различнаго происхожденія, сохранявшихся въ XVII вѣкѣ отъ предыдущаго времени. Тутъ была древняя прямая подать, „дань“ въ собственномъ смыслѣ; подати, нѣкогда имѣвшія специальное происхожденіе и назначеніе: военное, какъ пищальныя и емчужныя (селитренныя) деньги, военно-инженерное, какъ сборъ за городовое и засѣчное дѣло, административное, какъ намѣстничъ доходъ и кормъ, вазначеевы и дьячьи пошлины. По старой привычкѣ, эти подати и въ XVII вѣкѣ продолжали иногда высчитываться каждая отдѣльно; но будучи собираемы съ однихъ и тѣхъ же окладныхъ единицъ, „съ сошнаго письма“, а въ теченіе всего XVII вѣка, до самаго конца его,—даже съ одного и того же количества этихъ единицъ (по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ), они, естественно, должны были слиться въ одну общую сумму¹⁾. На такой именно ходъ ихъ слиянія указываютъ другія названія этой группы податей,

„за намѣстничъ кормъ, за присудъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ, и даны, и запросу и за поминочные за черные соболя и ямскихъ и приметныхъ и пищальныхъ денегъ“—столько-то; потомъ, послѣ перечисленія оброчныхъ, итогъ: „и обоего, *данныхъ* и оброчныхъ денегъ“ столько-то. Или—Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, по Новгороду, кн. № 117 (1687 г.), л. 352: „съ Никиты Строганова вотчинъ: 1) съ живущаго съ $\frac{1}{2}$ сохи денежныхъ доходовъ и за ямскія и за приметныя деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло—30 р. 11 алт. 5 ден., вазначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ—10 алт. $1\frac{1}{2}$ д.; 2) да съ бобыльскихъ дворовъ, лавокъ, кузницъ, мельницъ, варницъ, рѣкъ и съ вѣзу рыбныхъ ловель и съ звѣриныхъ—оброку и пошлинъ 86 р. 17 алт. 2 д. *Всего* Никитинскихъ вотчинъ Строганова *данныхъ* и *оброчныхъ* денежныхъ всякихъ доходовъ по окладу—117 р. 16 алт. $\frac{1}{2}$ д.“

¹⁾ Для XVI вѣка, кромѣ напечатанныхъ писцовыхъ книгъ, см. интересный документъ: „Платежница писана съ Каргопольскихъ и съ Турчасовскихъ писцовыхъ книгъ 7064 (1556) г.“ и рядъ сотныхъ выписей 7070 г. въ книгѣ по Каргополю (Арх. Ин. Д. № 1). Документъ этотъ остался неизвѣстнымъ, потому что на переплетѣ означенъ ошибочно 1614 годъ. Для XVII вѣка см. любую изъ приходныхъ книгъ Арх. Ин. Д.; напримѣръ, по Владимиру, кн. № 6 (въ слѣдующихъ цитатахъ „по такому-то городу, книга №“ будетъ подразумѣваться Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ): въ 1663 году производится эти сборы „съ сошнаго письма“ по писцовымъ книгамъ 1614, 1626 г.; въ 1668 году (ib., кн. № 12), въ 1680 году (ib. кн. по Устюгу № 237), въ 1691 году (ib. кн. по Галичу № 44) они же собираются по писцовымъ 1623, 1626, 1628, 1630, 1632 гг. Поправки и дополненія къ этимъ старымъ окладамъ писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ дѣлались обыкновенно воеводами; угодыя, прибавившіяся, напримѣръ, въ 1628 г. послѣ писцовъ и положенныя въ окладъ воеводою, продолжали еще въ 1680 г. считаться „новоприбылыми“.

болѣе характеристичныя, чѣмъ названіе ихъ „данными“ деньгами. Именно, очень часто (и уже съ самаго начала столѣтія) онѣ называются вообще сборами „съ сошнаго письма“ или „съ живущихъ вытей“¹⁾.

Такимъ образомъ „данныя“ деньги представляютъ своего рода финансовый осадокъ прошлыхъ временъ; оставаясь неподвижными, неизмѣнными въ своемъ „старомъ окладѣ“, онѣ не играютъ никакой роли въ финансовыхъ событіяхъ XVII вѣка²⁾. Важнѣйшія прямые подати, сохранившія свою жизненность и практическое значеніе и не превратившіяся въ археологическую окаменѣлость, отдѣляются отъ нихъ и имѣютъ свою собственную исторію. Таковы, главнымъ образомъ, ямскія и полонянничныя деньги.

„Ямскія“ деньги взимаются также съ сошнаго письма „по старому четвертному окладу, по писцовымъ книгамъ“ и поэтому часто сблизжаются съ „данными“, упоминаясь даже между разными видами ихъ;

¹⁾ Напримѣръ, по Владиміру, кн. № 1 (1614): сборами „съ сошнаго письма“ названы: за намѣстничъ бѣлый кормъ, приметныя деньги, за городовое, застѣчное и емчужное дѣло. Въ концѣ столѣтія примѣры очень многочисленны. Вероятно, это обстоятельство вызвало ошибочное опредѣленіе гр. Толстаго (Фин. учр., 10): „данью называлась подать съ пахотной земли“. Ошибку Толстаго заимѣлъ еще Осожинъ, давшій гораздо болѣе точное опредѣленіе дани: „дань сдѣлалась родовымъ понятіемъ прямыхъ сборовъ, обратившихся потомъ въ прямые подати, и въ этомъ смыслѣ противопологалась, съ одной стороны, разнымъ косвеннымъ сборамъ, напримѣръ, внутреннимъ таможеннымъ повинностямъ; а съ другой—личнымъ повинностямъ, лежавшимъ на жителяхъ“ (О понятіи промысл. выд., стр. 33). Въ послѣдующей литературѣ это опредѣленіе, слишкомъ краткое, не было понято и развито; говоря о дани, разумѣли обыкновенно главнымъ образомъ древнѣйшую дань—контрибуцію, и самое большее, если указывали, что терминъ сталъ означать вполнѣдствіи вообще прямой налогъ (*Лури*). Д. Лисовъ, въ изслѣдованіи „Промысловый налогъ“. М. 1880, полагаетъ, что „по словопроизводству древне-русская дань ведетъ начало отъ Danegeld (!), которую скандинавы взимали съ побѣжденныхъ англо-саксовъ (!)“, стр. 139 съ ссылкой на *Телеграфъ* 1826 г.

²⁾ Любопытно, что въ мѣстностяхъ, впервые заселенныхъ въ XVII вѣкѣ, этотъ остатокъ XVI вѣка, повидимому, вовсе отсутствуетъ. Такъ, напримѣръ, о данныхъ деньгахъ не упоминается въ приходо-расходныхъ книгахъ городовъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка. См. древнѣйшую опись ихъ (1626 года) у Н. П. Лизачева („Разрядные дѣянія“, приложенія, стр. 60—67) и подобныя же подлинныя документы въ Денежномъ и Бѣлгородскомъ столахъ Разряда (Моск. Архивъ Мин. Юстиціи): при неоднократномъ возвращеніи къ этимъ документамъ намъ никогда не случалось находить въ нихъ слѣдовъ существованія въ этихъ мѣстностяхъ „даней“.

но слиться съ ними, въ виду спеціального своего назначенія, онѣ не могли и къ концу вѣка были переведены на „дворовое число“ по переписнымъ книгамъ 1678—1679 годовъ ¹⁾).

Separated from Положеничныя деньги, еще болѣе важныя для правительства, выдѣлились изъ группы податей платимыхъ „съ сошнаго письма“ еще скорѣе ямскихъ: правительство воспользовалось первой переписью дворовъ (1646—1648 г.), чтобы перевести платежъ полоняничныхъ на дворовое число по „новому окладу“. Въ 1679 г. онѣ слились въ одну сумму съ ямскими.

2. Оброкъ. Оброкъ по идеѣ представляетъ нѣчто совершенно противоположное только-что рассмотрѣнному разряду, но на практикѣ сближается съ нимъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ до неразличимости. Въ своемъ происхожденіи оброкъ противоположенъ государственной подати, какъ доходъ, вытекающій изъ договорныхъ, слѣдовательно, частно-правовыхъ отношеній: именно, это—условная плата за пользованіе землей или угольемъ „изъ воли по перекупкѣ“; всякій разъ онъ устанавливается особымъ распоряженіемъ правительства по особому „челобитію“. Въ этомъ смыслѣ оброкъ не влечетъ за собою никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ ^{stipulated} условленной платы; такъ какъ онъ создается чисто личнымъ условіемъ, то контрагентъ

¹⁾ Въ Арх. М. Ин. Д. сохранились среди „городскихъ книгъ“ три сборныя книги „ямскаго приказа“, переплетенныя позже изъ нѣсколькихъ тетрадокъ, имѣющихъ одну нумерацію: здѣсь записанъ сборъ ямскихъ денегъ въ 1678, 1682—1683 гг. въ сѣвѣжнихъ избахъ городовъ, большей частью вѣдавшихся въ Галицкой четверти (Галичъ, кн. I, тетр. 1; Соль-Галицкая, II, 6 и III, 17; Чухлома, III, 7; Унжа, Пареевьевъ, Судай и Кологривъ, II, 11; III, 13—15, 20, 22; Новосиль, II, 9—10, III, 18—19); но также и по Ярославлю (I, 2; II, 2) Касимову (I, 3), Курску (II, 4), Рыльску (II, 8), Туль (III, 12), Кадому (III, 16), Дмитровскому уѣзду (III, 21). Какъ видно изъ этихъ документовъ, ямскія деньги вплоть до 1681 г. собирались по старымъ писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ въ „живущей четѣ“ (см. ниже): въ помѣстьяхъ и вотчинахъ—по 98 коп., въ монастырскихъ владѣніяхъ— по 1 р. 43 к. По указу 17-го октября 1679 г. ихъ начали собирать по переписнымъ книгамъ 1678—1679 г., вмѣстѣ съ полоняничными, въ количествѣ 5 коп. съ двора съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, и 10 коп. съ монастырскихъ и церковныхъ (Ярославль, II, 5; Соль-Галицкая, II, 3; Рыльскій у., II, 8; Кадомъ, III, 16; Дмитров. у., III, 21). Ср. Доп. къ А. И. XII, № 31: указъ 17-го окт. 1679 г., и VIII, № 66: указъ 26-го дек. 1679 г. На всемъ сѣверѣ, въ городахъ Устюжской и Новгородской четвертей, съ тѣхъ же писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ ямскія деньги платились въ сошное письмо съ „сошекъ“ и „вытей“. См. Ямс. прик. кн. № 1а (1674); Прик. Дѣла 1645, № 42 и 1646, № 154. Доп. А. И. XII, № 31.

не связываетъ себя при немъ никакими обязательными отношеніями къ общинѣ, къ мірскому тяглу. Затѣмъ, оброкъ по самому своему существу есть отношеніе временное, срочное, тогда какъ тягло— есть отношеніе постоянное, безсрочное. Такія особенности оброка давали возможность правительству примѣнять его, во первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда срочное и условленное договоромъ отношеніе было для правительства выгоднѣе безсрочнаго и когда, слѣдовательно, тягло вообще было менѣе удобной формой отношеній, чѣмъ оброкъ; во вторыхъ,—когда срочнымъ и условнымъ по договору отношеніемъ по какимъ-либо причинамъ поневолѣ приходилось замѣнить тягло. Оброкъ являлся именно замѣнъ тягла въ двухъ случаяхъ: 1) Когда земля выходила изъ тягла (вслѣдствіе бѣгства, смерти тяглеца и т. п.) или еще не бывала въ тяглѣ, правительство отдавало запустѣвшую или порожнюю землю на оброкъ до настоящихъ тяглецовъ. Въ этомъ случаѣ отношеніе оставалось временнымъ. 2) Когда необходимо было облегчить временно самихъ тяглецовъ или упростить ихъ податныя обязанности, оброкомъ замѣнялась одна, или нѣсколько, или и всѣ подати, входившія въ составъ тягла. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такой конверсіи оброкъ близко подходилъ къ откупу подати самими плательщиками: на оброкъ можно было перевести не только подать, но даже повинность, напримѣръ, ямскую ¹⁾. Сюда же относится платежъ оброка, вмѣсто тягла, бобылами, какъ не полными тяглецами ²⁾. Такъ какъ въ этомъ (второмъ) случаѣ большею частью на оброкъ переходила цѣлая община, то для уплаты онъ раскладывался, какъ и тягло, на доли сошнаго письма, и такимъ образомъ утрачивалъ характеръ добровольнаго и лично условленнаго въ опредѣленномъ размѣрѣ платежа. Такъ какъ, далѣе, именно въ подобныхъ случаяхъ устанавливалось обыкновенно не кратковременное, а болѣе или менѣе долгосрочное отношеніе, то соотвѣтственно этому блѣднѣлъ и другой характерный признакъ; отличавшій оброкъ отъ тягла: потерявъ такимъ образомъ характеръ добровольности и краткосрочности и превратившись въ раскладочный платежъ съ сош-

¹⁾ По Устюгу, кн. № 269, л. 153 (1692): Тотемская ямская гоньба замѣнена по челобитью „новымъ оброкомъ“.

²⁾ Напримѣръ, по Галичу, кн. № 1 (1654), л. 339: „съ бобыльскихъ и бѣдныхъ худыхъ людей, которые въ сошное письмо съ тялами не приходятъ, оброку“ столько-то. Ср. выше, къ стр. 5-й прим. 1, оброкъ съ бобылей Никиты Строганова.

наго письма, оброкъ становился настоящимъ тягломъ, получая иногда даже и самое названіе его ¹⁾).

Но гораздо важнѣе и шире другая область примѣненія оброка, гдѣ онъ употребляется, не какъ невольная замѣна тягла болѣе легкой формой платежа (и слѣдовательно, менѣе выгодной для правительства), а какъ самостоятельная, при томъ болѣе выгодная для правительства фискальная форма. Тягло,—платежъ съ сошнаго письма,—остается, какъ мы видѣли, съ начала до конца вѣка въ одномъ и томъ же окладѣ: такъ какъ доходность пашни не могла значительно измѣниться, то правительство ничего не теряло, сохраняя здѣсь старинные размѣры платежей; для своевременной надбавки казенныхъ платежей достаточно было слѣдить за количественнымъ приростомъ числа распаханыхъ единицъ пашни: приростъ этотъ сравнительно легко поддавался наблюденію воеводы и дозорщика. Но существуетъ цѣлый рядъ категорій земельного владѣнія, съ которыхъ доходъ гораздо подвижнѣе и гораздо способнѣе возрастать не отъ количественныхъ, а отъ качественныхъ измѣненій. Сюда относятся, во первыхъ, доходъ съ городскихъ торговыхъ мѣстъ, лавокъ, харчевенъ, банъ, кузницъ, мельницъ и др. промышленныхъ заведеній. Вотвторыхъ, сюда же относится доходъ отъ эксплуатаціи угодій (рыбныхъ ловель, сѣнныхъ покосовъ, бортовыхъ ухажьевъ, бобровыхъ и звѣриныхъ гоновъ и т. д.). Обложеніе всѣхъ этихъ видовъ пользованія землей и составляетъ собственную область оброка (и „наддачи“), въ которой онъ господствуетъ безраздѣльно. Примѣненіе оброка къ угодьямъ и городскимъ землямъ поставило эти виды земельной собственности подъ постоянный контроль правительства, благодаря чему они находились въ положеніи близкомъ къ государственной собственности ²⁾. Съ другой стороны, вслѣдствіе такого распространенія

¹⁾ Напримѣръ, по Галичу, кн. № 1: въ Бялозерѣ встрѣчается рубрика: „съ оброчноа двора NN *окладнаго сошнаго письма тѣла оброка*“—столько-то. Ср. А. А. Э. III, № 126, и мѣста, собранныя А. С. Лаппо-Данилевскимъ (стр. 20, прим. 2).

²⁾ Интересны случаи, когда правительственное представленіе о государственной собственности сталкивалось съ представленіемъ черныхъ крестьянъ сѣвернаго края о личной собственности на крестьянскую землю; столкновеніе того и другаго создавало весьма оригинальныя сочетанія *тѣла* и *оброка*. Напримѣръ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ владѣлъ „вотчинной деревней“ по писцовымъ книгамъ и по купчей и, конечно, не платилъ съ нея оброка. Въ приходъ польскихъ и литовскихъ людей его „деревня“ была запустошена; когда пріѣхали въ Каргополь послѣ смуты пидцы, онъ „бѣгъ челомъ го-

сферы дѣйствія оброка, онъ не имѣетъ узко-доманіальнаго характера средневѣковаго цѣнза и выступаетъ съ характеромъ настоящей государственной подати ¹⁾.

сударю о той своей вотчинной пустой землѣ *на оброкъ*“ и получилъ; но скоро другой крестьянинъ далъ наддачи на этотъ оброкъ и земля, какъ водилось относительно оброчныхъ земель, была отдана ему. Тогда прежній собственникъ проситъ вотчинной земли у него не отнимать, „потому что тою деревнею владѣлъ отецъ его по писцовымъ книгамъ и по купчей болѣе 70 лѣтъ, а оброкъ бы ему платить тотъ же, что велѣно платить его сопернику“. Рѣшено: отдать землю просителю на оброкъ, „потому что та пустошь изстари была по купчей за дѣдомъ его“. Но кромѣ оброка, онъ долженъ былъ тянуть еще и *тягло*. По Новгороду, кн. № 23 (1635), л. 370—372; ср. л. 382, л. 379 и др.; въ этой записной книгѣ челобитныхъ объ отдачѣ на откупъ, на оброкъ и въ тягло вообще весьма много интереснѣйшихъ назусовъ. Такого же характера и кн. № 24. Писцовый наказъ 1646 г. (Прик. Д. 1646, № 130, на Тотьму) сдѣлалъ весьма важную уступку крестьянской земельной собственности: онъ опредѣлилъ давать въ оброкъ изъ наддачи угодыа „*опричь купленныхъ и вотчинныхъ*“, разграничивъ такимъ образомъ сферы тягла и оброка.

¹⁾ Многозначность и разнообразіе примѣненія оброка были, вѣроятно, причиною, почему опредѣленіе его такъ трудно давалось нашимъ изслѣдователямъ. Всего опредѣленіе описывается въ литературѣ тотъ родъ оброка, который служилъ для замѣны разнородныхъ повинностей; гр. Толстой уже отиѣтилъ его (стр. 20), *Куди* указалъ, что въ этомъ смыслѣ оброкъ становится прямой податью и принимается съ сошнаго письма (стр. 128—129), *Чичеринъ* замѣтилъ, что этотъ видъ оброка „причислялся къ тяглу (стр. 530)“, *А. С. Лаптево-Данилевскій* разобралъ обстоятельно значеніе его, какъ средства облегченія плательщиковъ и конверсіи податей (18—23). Только *Осокинъ* остался недоволенъ опредѣленіемъ Толстаго, хотя не развилъ подробнѣе своихъ возраженій. Кажется, его разногласіе съ Толстымъ произошло потому, что онъ видѣлъ другую сторону оброка,—ту, по которой оброкъ былъ „платой правительству за предоставленіе права частному лицу пользоваться землею или заниматься какимъ-либо промысломъ, принадлежащимъ по преимуществу казнѣ“ (стр. 33—34). Намекъ на частно-хозяйственное значеніе оброка, заключавшійся въ этихъ словахъ, повторенъ *Чичеринымъ* („иногда онъ означалъ подать съ отдѣльныхъ участковъ земли, платимую за право пользованія ими“, стр. 530) и *Чечулинымъ* (Города Моск. госуд. XVI столѣтія, стр. 120—121, 318), но обстоятельнѣе развить только *А. С. Лаптево-Данилевскимъ* (i. c.). Наконецъ, изслѣдователи не могли не замѣтить спеціальнаго употребленія оброка, какъ платежа за эксплуатацію извѣстныхъ видовъ государственныхъ земель; см. гр. Толстой, 20: „оброкъ—была подать съ равныхъ угодій“; *Осокинъ*, 34: „оброкъ былъ платимъ, кромѣ того, за дозволеніе ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, составлявшихъ государственную собственность“; *Куди*, 128: „какъ доходъ съ государственныхъ имуществъ и регалій, слово оброкъ играетъ важную роль“. Только *Львовъ*, стр. 142—143, находитъ, что это опредѣленіе „не приложимо къ древнему періоду нашей исторіи, когда при сравнительной свободѣ промышленности система доменъ и регалій *едва ли даже существовала*“.

Дань и оброкъ составляютъ вмѣстѣ одну тѣсно связанную группу доходовъ, имѣющую даже свое особое названіе четвертныхъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени „данниа“ все болѣе ступеваются въ этой группѣ, а „оброчныа“ все болѣе выступаютъ впередъ; когда въ 1679 году данниа деньги были по большей части отмѣнены, остатки ихъ окончательно сливаются съ оброчными, хотя по старой привычѣ нѣкоторое время продолжаетъ употребляться для группы старое названіе „данниахъ и оброчныхъ“ ²⁾.

II. Классификація и администрація таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ обстоятельно изслѣдована въ названныхъ выше сочиненіяхъ гр. Толстаго, Осокина и Чичерина; мы остановимся по отношенію къ нимъ только на одномъ вопросѣ, именно—на объясненіи положенія ихъ въ ряду „окладныхъ“ доходовъ. Желая обезпечить поступленіе таможенныхъ и кабацкихъ денегъ въ постоянной суммѣ, правительство, какъ извѣстно, прибѣгало къ отдачѣ ихъ на откупъ. Но откупщики не всегда находились; съ другой стороны, правительство уже съ середины вѣка старалось взять эти сборы въ казенное содержаніе и къ концу вѣка, дѣйствительно, уничтожило откупы (1681); такимъ образомъ, „вѣрная“ система сборовъ съ помощью головъ и цѣловальниковъ имѣла не меньшее распространеніе, чѣмъ

¹⁾ См., напримѣръ, по Устюгу, кн. № 237(1680), л. 18: „всякихъ денежныхъ доходовъ дани и оброку съ пошлинами“ столько-то; л. 19: „четвертными всякихъ доходовъ и съ пошлинами“; л. 23: „въ томъ же сошномъ окладѣ... съ живущаго съ трехъ вытей безъ получети выти, а сошнымъ письмомъ съ четверти сошки государевыхъ четвертными всякихъ доходовъ: данниахъ и оброчныхъ денегъ и съ пошлинами“. Ср. л. 20, 22, 24, 25 и т. д. По Владимиру, кн. № 1 (1614), л. 126: съ Зарайска: „съ живущихъ сохъ данниахъ денегъ“... далѣе „оброчныхъ...“, и затѣмъ итогъ: „а обоаго четвертными“. Ср. *ibid.* л. 136. О происхожденіи названія „четвертныхъ“ можно высказать два предположенія: или эти доходы названы „четвертными“ потому, что поступали въ „четверти“; таково обычное мнѣніе; такъ толковалось это названіе еще и въ XVII вѣкѣ; но тогда, почему не всѣ доходы, поступавшіе въ четверти, а только эта группа ихъ называются четвертными? Другое предположеніе состояло бы въ томъ, что „четвертными“ названы эти доходы, какъ платившіеся съ „четвертной пашни“, подобно тому какъ они же назывались доходами съ „сошнаго письма“, или „живущихъ вытей“. Пока первое предположеніе остается болѣе вѣроятнымъ.

²⁾ Ср., напримѣръ, по Новгороду, кн. № 138 (1694), гдѣ „данниа“ высккиваются только за прошлые годы изъ доимки и пишутся безразлично въ перемежку съ оброчными, л. 82 об., л. 86, 87 об.; по Новгороду, кн. № 117 (1687), л. 344: „съ лавокъ, варницъ и всякихъ угодій и за намѣстничъ доходъ... оброчныхъ денегъ“ столько-то.

откупная, а вмѣстѣ и вопросъ о фиксированіи „оклада“ косвенныхъ сборовъ оставался открытымъ. Для регулированія поступленій правительство обыкновенно обращало доходъ текущаго года въ „окладъ“ для слѣдующаго, если только этотъ доходъ не былъ меньше предъидущаго года. При значительной разницѣ въ сборахъ нѣсколькихъ лѣтъ являлось нѣсколько окладовъ: наибольшій за все время сборъ назывался „большимъ окладомъ“, но кромѣ него различались иногда еще „средній“ и „малый“¹⁾. Степень ответственности за сборъ „оклада“ опредѣлялась степенью исключительности „большаго“ сбора, величиной и причинами недобора. Недоборъ менѣе 100 р. доправлялся на головахъ и цѣловальникахъ „безъ сыску“; большій же недоборъ имѣлъ слѣдствіемъ большой повальный обыскъ о причинахъ, его вызвавшихъ; головы и цѣловальники освобождались отъ ответственности только тогда, когда всѣ показанія подтверждали, что съ ихъ стороны никакого „воровства“ и „хитрости“ не было. Повидимому, такой результатъ былъ почти постояннымъ слѣдствіемъ обысковъ²⁾. Это было, впрочемъ, и понятно, такъ какъ въ этомъ результатѣ были заинтересованы избиратели, которымъ правительство постоянно грозило ответственностью за „воровство“ выбранныхъ ими головъ и цѣловальниковъ³⁾. Такимъ образомъ, правительство ова-

¹⁾ Прик. Д. 1618 г., 2-го апрѣля; 1680 г., 31-го января: въ послѣднемъ документѣ въ Устюгъ эти три оклада равняются 7.031 р., 6.782 р. и 6.103 р. въ годъ.

²⁾ Въ одномъ докладѣ государю—по поводу недобора 1640 г. въ Можайскѣ—приведены справки „на примѣръ о недоборныхъ деньгахъ изъ приходныхъ книгъ прошлыхъ лѣтъ“; изъ этихъ справокъ видно, что за 1626—1640 гг. возникало до 11 дѣлъ о таможенныхъ и кабацкихъ недоборахъ (въ Вяткѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Устюгѣ, Вязьмѣ дважды, Веневѣ, Тотмѣ, Можайскѣ дважды, Устюжѣ); всѣ эти дѣла кончались оправданіемъ по обыску: постоянно приговоръ остается одинъ и тотъ же: „править не велѣно, потому что NN былъ за государевымъ крестьянмъ цѣловальнемъ, а въ обыскахъ про него некоторые хитрости и воровства не сказали (по Устюгу, кн. № 45, л. 92—6). По Можайскому недобору въ обыскѣ участвовало 243 чел.; ср. Пр. Д. 1647 г. № 144, гдѣ въ обыскѣ участвуетъ 331 чел. Указъ 7-го августа 1673 года оиціально признаетъ, что до этого года противъ цѣловальниковъ при повальномъ обыскѣ „никто не сказали“ (по Устюгу, кн. № 237). *Тичеринъ* ошибочно полагаетъ, что повальный обыскъ только введенъ въ 1673 г. (Обл. учр., стр. 440).

³⁾ См. А. И. III, № 100 (въ Соли Камской для Чердыни 1621 г.), № 185 (въ Чердыни для Соли Камской 1635 г.); тамъ и здѣсь головы выбираются изъ другаго города (вѣроятно, чтобы обезпечить безпристрастіе повальнаго обыска?), а цѣловальники изъ своего. Доп. къ А. И. III, № 18 (въ Кевроли и Мезени 1646 г.), IV, № 62 (въ Дуниловѣ 1659 г.). Впрочемъ, иногда избиратели прямо отстранялись отъ участія въ повальномъ обыскѣ: см. Доп. къ А. И. VII, № 66, II (1678. Бѣлозеро)

зывалось въ сущности безсильнымъ въ борьбѣ съ недоборами и въ своихъ стараніяхъ фиксировать окладъ. Между тѣмъ, вмѣстѣ съ первыми мѣрами къ окончательному уничтоженію откуповъ ¹⁾, вопросъ о недоборахъ долженъ былъ стать на иную почву. Заставлять головъ и цѣловальниковъ отвѣчать за убытки—значило, въ сущности, навязывать имъ насильственно откупъ. Съ уничтоженіемъ откуповъ и въ „вѣрномъ“ управленіи долженъ былъ выступить на первый планъ характеръ казенной службы и вмѣстѣ съ тѣмъ должна была ослабиться имущественная отвѣтственность за недоборъ. 28-го февраля 1677 года указанъ былъ точно порядокъ отчетности: „впредь къ счету таможенныхъ (и кабацкихъ) сборовъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ выписывать на примѣръ большіе оклады и настоящіе годы: ко 185-му—184-й, а къ 186-му—185-й...“; противъ большаго оклада недобора не править; при оправданіи въ недоборѣ „передъ настоящими годами“ (по-прежнему, повальнымъ обыскомъ) въ Москвѣ ихъ не задерживать, „чтобъ имъ волочась по приказамъ многого разоренія не было и оттого бы въ убожество не впаи“ ²⁾. Съ этой точки зрѣнія вполне послѣдовательно было предложеніе патриарха въ 1679 году ³⁾ возложить на головъ и цѣловальниковъ уголовную отвѣтственность и освободить ихъ отъ гражданской: „считать ихъ по приходу и расходу“, а не по окладу (хотя бы и прошлаго года). Но бояре не согласились съ мнѣніемъ патриарха и удержали старый порядокъ отвѣтственности: „пена на выборныхъ людяхъ не имать, а имать на нихъ недоборы и убытки“. Такъ какъ практика всего столѣтія показывала, однако, что личная отвѣтственность „по сыску“ оказывается не дѣйствительной, а отмѣнить всякую отвѣтственность, кромѣ уголовной, и смотрѣть на вѣрные сборы, какъ на казенную службу не позволяли, очевидно, интересы казны,—то естественно, что правительство пришло къ рѣшенію замѣнить личную отвѣтственность выборныхъ по сыску коллективной отвѣтственностью избирателей безъ сыска (см. ниже, § 5 и слѣдующую главу).

Намъ остается прибавить очень немного о второмъ главномъ отдѣлѣ податной системы XVII вѣка, о неокладныхъ доходахъ. Самую постоянную часть въ составѣ ихъ составляли пошлины,—главнымъ образомъ, тотъ видъ ихъ, который составляетъ плату за поль-

¹⁾ См. П. С. З. № 714; Доп. къ А. И. VII, № 66, 1.

²⁾ По Устюгу, вв. № 237.

³⁾ П. С. З. № 859.

зование административной и судебной дѣятельностью государства. Затѣмъ, сюда относятся всевозможныя экстренныя поступления, часто даже не имѣющія ничего общаго съ понятіями подати или пошлины: возвратъ суммъ, ассигнованныхъ, но не истраченныхъ, возвратъ займовъ, сдѣланныхъ одними учрежденіями у другихъ, случайный доходъ съ продажи принадлежащихъ учрежденію цѣнностей и т. п.

Представивъ, такимъ образомъ, классификацію и терминологию податной системы, какъ она сложилась къ XVII столѣтію, и сдѣлавъ характеристику главныхъ составныхъ частей этой системы, мы, конечно, еще не покончили съ ея объясненіемъ. Намъ остается разобратъ еще отношеніе ея къ плательщику, съ одной стороны, и результаты для казны—съ другой. Въ первомъ отношеніи необходимо было бы разсмотрѣть раскладку и взиманіе разнаго рода податей. Но такое разсмотрѣніе выходитъ изъ предѣловъ нашей непосредственной задачи, тѣмъ болѣе, что мы можемъ отослать читателя къ соотвѣтствующимъ отдѣламъ изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго. Здѣсь мы коснемся только вопроса объ окладныхъ единицахъ XVII вѣка. Какъ мы уже говорили, правительство XVII вѣка большей частью предоставляло подати самой найти своего плательщика; оно знало только свою окладную единицу, имѣвшую совершенно условное, счетное значеніе для опредѣленія круглой суммы налога; общественнымъ группамъ предоставлялось сперва „разводить“ эту сумму на части, приходившіяся на каждую изъ нихъ, и потомъ „разрубать“ внутри каждой группы между отдѣльными плательщиками. Главной окладной единицей для правительства была соха, равнявшаяся извѣстному количеству четвертей (четверть= $\frac{1}{2}$ десятины въ одномъ полѣ) пашни; одинъ разъ въ теченіе первыхъ трехъ четвертей столѣтія было опредѣлено дѣйствительное количество этихъ четвертей по всей Россіи,—именно, писцовыми книгами 1620-хъ годовъ; дальнѣйшія измѣненія заносились далеко не регулярно и не повсемѣстно и соха въ общемъ перестала соотвѣтствовать дѣйствительности. Раскладка сошнаго оклада между отдѣльными общественными группами выражалась въ меньшихъ единицахъ, чаще всего „вытахъ“, явившихся независимо отъ сохи, но затѣмъ поставленныхъ къ ней въ опредѣленное отношеніе (напримѣръ, доброй земли опредѣлено класть въ вытъ 12 четвертей; въ сохѣ же считается на черныхъ земляхъ 500 четвертей, въ монастырскихъ 600, а въ помѣстныхъ и вотчинныхъ 800; слѣдовательно, вытей придется $41\frac{2}{3}$ въ черной сохѣ, 50 въ монастырской, $66\frac{2}{3}$ въ помѣстной). Уже въ этомъ регламентированіи

отношенія окладной единицы (сохи) къ раскладочной (выти) видно желаніе приблизить окладную единицу къ плательщику и предмету обложенія; еще лучше достигалась эта цѣль, когда за единицу обложенія принимался, вмѣсто сохи, прямо дворъ: въ этомъ случаѣ окладная и раскладочная единица сливались вмѣстѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, соха и дворъ—вотъ двѣ главныхъ окладныхъ

¹⁾ См. А. С. Лаппо-Данилевскій, глава II: Раскладка податей (179—318), и глава III: Взиманіе податей (318—362). Для незнакомыхъ съ процессомъ раскладки сошнаго письма XVII вѣка приведу одинъ примѣръ болѣе сложной *городской* раскладки, очень рѣдкой по той полнотѣ, съ которой здѣсь можно прослѣдить всѣ стадіи процесса (Пр. Д. 1625, № 14). Въ Вязьмѣ при Мих. Феод. было 250 дворовъ, раскладывавшихъ между собой подати, какъ всегда, съ помощью выборныхъ людей. Чтобы опредѣлить долю каждаго въ платежъ, выборные люди составили примѣрный „мирской окладный списокъ“, въ которомъ былъ разложенъ поворно одинъ изъ налоговъ (дань) „по животомъ и по промыслову и по рукодѣлю“, „чтобы молодшимъ и убогимъ людямъ отъ среднихъ налоговъ не было“. Оклады платежа „въ дань“ варьировались отъ 1 р. 80 коп. до 1 коп. съ двора. Пропорціонально этимъ „даннымъ“ платежамъ распределялись затѣмъ и всѣ другіе налоги: платежъ каждаго новаго налога съ двора долженъ былъ относиться къ „данному“ платежу такъ же, какъ общая сумма налога относилась къ 36 р. 93 к., то-есть, къ общей суммѣ „дани“. Вотъ та сторона раскладочнаго механизма, которая обращена была къ общинѣ. Къ правительству была обращена другая сторона—окладная, которую предстояло соединить съ раскладочной. Правительство знало свою соху, состоявшую, по отношенію къ городамъ, изъ известнаго количества *дворовъ*. Чтобы приноровить нѣсколько эту единицу къ платежной способности разныхъ разрядовъ плательщиковъ, правительство приняло три разныхъ размѣра сохи: 40 дворовъ лучшихъ людей должны были платить ту же сумму, какую 80 дворовъ среднихъ или 100 дворовъ меньшихъ. Вязьмичамъ оставалось распределить дворы по этимъ тремъ категоріямъ и опредѣлять величину платежа каждаго разряда въ терминахъ сошнаго письма. Для распределенія на разряды они прибѣгли къ тому же разметному списку, предложивъ двойное распределеніе:

лучшіе	отъ 1 р. 80 к. до 15 к.	(57 чел.) или:	прожиточные 1 р. 80—27 к.
средніе	— 15 „ „ 4 „	(152 ч.)	средніе — 27—14 „
молодшіе	— 4 „ „ 1 „	(45 ч.);	молодшіе — 14—1 „

Переводъ на термины сошнаго письма произведенъ былъ слѣдующимъ образомъ. Принимая соху въ 800 четв. пашни, получимъ, что при сохѣ въ 40 дворовъ—каждый дворъ соответствуетъ 20 четвертямъ; въ 80 дв.—10 четв.; въ 100 дв.—8 четв. Слѣдовательно (по первому распределенію) первый разрядъ (57 дв.) по сошному письму равнялся $1\frac{17}{40}$ сохи, или, какъ это пришлось выразить при тогдашней финансовой ариметикѣ, признававшей только дроби съ знаменателями кратными 2-хъ и 3-хъ: „ $1\frac{1}{2}$ сохи безъ $\frac{1}{12}$ сохи и перейдетъ за сошное письмо противъ четвертной пашни $6\frac{2}{3}$ четвертя“; второй разрядъ— $1\frac{9}{10}$ сохи или по тогдашнему: „2 сохи безъ $\frac{1}{16}$ и безъ $\frac{1}{32}$ и не дойдетъ противъ четвертной пашни 5 четей“; наконецъ, на 3-й разрядъ— $\frac{9}{20}$ сохи.

единицы XVII в. Одна изъ важныхъ заслугъ сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго состоитъ въ выясненіи того обстоятельства, что существовала еще третья единица, составлявшая какъ бы переходъ отъ сохи къ двору, — именно „живущая четверть“, состоявшая изъ известнаго количества дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ; обыкновенно, изъ 8 дворовъ крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и изъ 6 крестьянскихъ и 3 бобыльскихъ для монастырскихъ. Раскладка на „живущую четверть“, какъ показалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, существовала несомнѣнно по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ, къ которымъ онъ и возводитъ начало подворной подати ¹⁾. Дѣйствительно, если считаться съ ходячимъ мнѣніемъ, по которому подворная раскладка явилась только къ концу вѣка, — „живущая четверть“, несомнѣнно, является его опроверженіемъ; но намъ кажется, что А. С. Лаппо-Данилевскій напрасно направилъ свое объясненіе „живущей четверти“ главнымъ образомъ къ опроверженію ходячаго мнѣнія. Вслѣдствіе этого осталась въ тѣни одна сторона дѣла, весьма существенная. Именно, осталось не выясненнымъ, какъ относится „живущая четверть“ къ „сошному письму“ — хотя бы тѣхъ самыхъ писцовыхъ книгъ, которыми, по мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго, она введена. Цѣль г. Лаппо-Данилевскаго — показать, что „живущая четверть“ замѣнила сошное письмо и постепенно его вытѣснила; и однако же онъ самъ не можетъ не признать, что сошное письмо продолжало существовать рядомъ съ „живущей четвертью“ и независимо отъ нея. Пытаясь разграничить сферы ихъ applicаціи, Лаппо-Данилевскій приводитъ примѣры, которые всего лучше показываютъ трудность такого разграниченія: именно, во всѣхъ этихъ случаяхъ сошное письмо противопоставляется не „живущей четверти“, а переписнымъ книгамъ ²⁾, вводившимъ раскладку на „дворовое число“. При этомъ Лаппо-Данилевскій, конечно, считаетъ какъ „живущую чет-

¹⁾ См. стр. 245—256 и прилож. VII—VIII на стр. 525—533.

²⁾ См. стр. 240—241: „хотя къ концу 30-хъ годовъ XVII в. сошное письмо стало мало по малу замѣняться подворною податью, однако оно не вполне утѣрило свое значеніе и въ позднѣйшее время. Писцовыя книги продолжали служить основаніемъ правительственнаго оклада наравнѣ съ переписными, но для различнаго рода налоговъ и повинностей . . . Важнѣйшіе виды прямыхъ налоговъ, какъ-то даннина, полонянничина, ямскія, стрѣльцкія деньги и деньги ратныхъ людей на жалованье уже занимались въ это время съ новой податной единицы, введенной въ употребленіе съ конца 30-хъ годовъ, съ *живущей четвертью и двора*“.

верть⁴, такъ и „дворовое число“ разновидностями одной и той же подворной раскладки. Но въ актахъ онѣ постоянно различаются, и притомъ въ случаяхъ различенія „живущая четверть“ скорѣе ставится въ связь съ „сошнымъ письмомъ“, чѣмъ съ подворной раскладкой. Возьмемъ для примѣра рядъ любопытныхъ платежныхъ отписей, то-есть квитанцій во взносѣ податей съ села Арбузова Арзамасскаго уѣзда. Это село измѣряется „осьминой съ четверникомъ“, то-есть $\frac{5}{8}$ чети; съ этихъ $\frac{5}{8}$ чети цѣлый рядъ годовъ берутся ямскія, стрѣлецкія, данныя деньги¹). Есть ли это — $\frac{5}{8}$ „живущей четверти“, или пашни? Несомнѣнно, „живущей четверти“. Между тѣмъ, здѣсь съ „живущей четверти“ взимаются подати, которыя, по другимъ свѣдѣніямъ, идутъ съ „сошнаго письма“ и даже противоплагаются сборамъ съ двороваго числа²). Всматриваясь внимательно, найдемъ тоже противоположеніе и въ нашихъ отписяхъ. Не разъ въ нихъ помѣчаются взносы одновременно и стрѣлецкихъ съ ямскими и данными (то-есть, платимыхъ съ сошнаго письма) и „новоприбылыхъ“ податей, напримѣръ, полонянничныхъ по окладу Уложенія или на жалованье ратнымъ людямъ и другихъ экстренныхъ сборовъ съ двороваго числа³). И всякій разъ первый разрядъ податей взимается съ „осьмины съ четверникомъ“, а второй съ 5-ти дворовъ⁴). Въ сущности, это совершенно одно и то же, потому что и „осьмина съ четверникомъ“ (по очень обыкновенному счету по 8 дв. на живущую четверть) равняется тѣмъ же 5 дворамъ. Но это тожество не должно вести насъ къ смѣшенію окладныхъ единицъ: счетъ „живущими четвертями“ ведется по книгамъ „сошнаго

¹) Архивъ кн. Баюшева, разобранъ проф. Н. П. Заоскинымъ. Казань. 1882, стр. 108—120. Ямскія №№ 86, 88, 92, 94, 95, 97, 99, 102, 104, 109—за 1650—1679 годы; стрѣлецкія: №№ 85, 91, 96, 100 за 1646—1673 годы; данныя: №№ 91, 97, 105 за 1657—1677 годы.

²) Напримѣръ, Доп. въ А. И. IV, № 23: „и какъ къ тебѣ ся грамота предеть и ты бы волостнымъ оброчнымъ и погостскимъ бобылемъ и церковнымъ крестьяномъ наши стрѣлецкія и ямскія и оброчныя деньги велѣлъ платити по писмомъ книгамъ Оеонасыя Толочанова съ товарищи; а *новоприбылыя тѣла*, въ подмогу даточнымъ людямъ и на иные на всякіе расходы велѣлъ съ нихъ собирать по *переписнымъ* книгамъ, чтобъ никто въ забылыхъ не былъ“.

³) Арх. кн. Баюшева, №№ 87, 88, 98, 101, 103; № 93; № 99.

⁴) Напримѣръ, № 93: „села Арбузова съ живущаго съ осмины съ четверникомъ ямскихъ денегъ 20 алт. 2 $\frac{1}{2}$ д.; да съ нихъ же на прошлый 160-й и на нынѣшній на 161-й г. того жъ села Арбузова съ крестьянскихъ 5 дворовъ полонянничныхъ денегъ 6 алт. 4 д.“.

письма⁴, именно по писцовымъ 1620-хъ годовъ; а дворовая раскладка вводится въ общее употребленіе переписными книгами 1646—1648 г., хотя несомнѣнно употребляется для экстренныхъ налоговъ и равѣ, и при томъ совершенно независимо отъ „живущей четверти“. Итакъ, мы полагаемъ, что „живущая четверть“ не можетъ быть тождественна съ подворной раскладкой, такъ какъ противопоставляется ей, и что она уже потому не могла замѣнить сошного письма, что сама была однимъ изъ его примѣненій, именно, однимъ изъ способовъ его раскладки, хотя далеко не повсемѣстнымъ. На посадѣ соха по необходимости состояла не изъ четей пашни, а изъ дворовъ: тутъ „живущая четверть“ получала естественное примѣненіе ¹⁾, хотя и тутъ рядомъ съ ней употреблялась раскладка на „выти“ и „малыя сошки“ (на сѣверѣ) ²⁾. Въ города „живущая четверть“ примѣняется на помѣстныхъ и вотчинныхъ, а также иногда и на монастырскихъ земляхъ ³⁾, но мы не могли открыть никакихъ слѣдовъ ея присутствія на черныхъ земляхъ: тамъ ее постоянно замѣняетъ „выть“ или „малая сошка“ ⁴⁾. От-

¹⁾ О числѣ дворовъ въ живущей четверти въ разныхъ городахъ см. у А. С. Лавно-Данилевскаго, стр. 255—256, прим. 2-е. По приходнымъ книгамъ Устюжской четверти Вязьма была съ 1659 г. „положена въ сошное письмо, въ 60 четв. пашни“ для платежа ямскихъ и стрѣльцовыхъ. Въ Веневѣ „живущія пашни положено противъ Боширянъ посадскихъ людей — по 3 человека въ четверть, итого 17 четв“. По Устюгу, кн. № 237, л. 342 (1680 г.). Ср. Пр. Д. 1625 г., № 14: „покаместа Вязьму пашцы опишутъ и письма своего книги въ четверти положить“.

²⁾ Ср., напримѣръ, Пр. Д. 1646 г., № 154.

³⁾ См. однако у о. Горчакова, О земельн. владѣніяхъ, прилож., стр. 97—99: раскладка на выти употребляется въ *патріаршихъ* вотчинахъ повсюду, въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи.

⁴⁾ См. Прик. Д. 1646, № 154; 1655, № 70; 1666, № 25; 1668, № 420; 1669, № 324; 1670, № 701. *Выть* на сѣверѣ имѣла постоянную величину: по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ и по писцовому наказу 1646 г. она равнялась 12 четв. доброй земли, 14 четв. средней, 16 четв. худой и состояла изъ 1—8 дворовъ. *Сошки*, старинная окладная единица сѣвера, были, напротивъ, не равны: въ Архангельскѣ и на Холмогорахъ выть равнялась сошкѣ, „потому что по мѣрѣ четвертною пашнею сходилась сошка противъ выти“; въ другихъ мѣстахъ сошка заключала въ себя 5—15 вытей или 70—210 четв. средней земли. Платежъ съ сошки, если она была больше выти, иногда разрубался на выти; другими разрубными частями сошки были „бѣлки“ и „осмины“. Осмина равнялась, повидимому, выти, потому что въ отдѣльныхъ платежахъ она оказывается такой же долей сохи, какъ и выть ($\frac{41}{2}$ въ сохѣ). Напримѣръ, ямскихъ и ружныхъ платятъ на соху 12 р. 16 а. 4 д., а на осмину 5 а. 2 д. (Пр. Д. 1670, № 701). По отношенію къ бѣлкѣ осмина составляла ее осьмую часть: напримѣръ, „всѣхъ денегъ въ разрубѣ 290 р. 5 а.

существованіе „живущей четверти“ на черныхъ земляхъ помогаетъ намъ понять значеніе этого способа раскладки. Тамъ, гдѣ подать „разводилась“ предварительно выборными людьми на отдѣльныя волости и деревни и гдѣ соху можно было раздѣлить на ровныя части (выти), — въ такой искусственной единицѣ, какой была „живущая четверть“, не было никакой надобности; на посадѣ она также могла имѣть только счетное значеніе при опредѣленіи правительствомъ общей суммы налога. Напротивъ, на владѣльческихъ земляхъ, при отсутствіи общаго развода и при наличности искусственныхъ комплексовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, объединявшихся случайнымъ фактомъ принадлежности одному лицу и замыкавшихся отъ всякаго развода и разуба съ сосѣдними владѣльцами, правительство должно было взять этотъ разводъ на себя и посредствомъ „живущей четверти“ устанавливало размѣръ участія каждаго владѣльца въ платежахъ „съ сошнаго письма“. Число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ нужно было при этомъ только какъ средство опредѣлить общую платежную способность имѣнія; какъ упадетъ затѣмъ доля сошнаго оклада на каждый дворъ, до этого правительству не было никакого дѣла, тогда какъ, при назначеніи налога на „дворовое число“, — дворъ прямо принималъ на себя извѣстный *quotum* налога.

Какъ могла появиться именно такая счетная единица и что значить ея названіе „живущая четверть“? Разборъ этого вопроса, какъ намъ кажется, ведетъ также къ выводу, что „живущая четверть“ явилась первоначально на служилыхъ земляхъ. Уплата податей на этихъ земляхъ не съ сошнаго письма, а именно съ „живущей четвертной пашни“ имѣла большую важность для владѣльцевъ тамъ, гдѣ размѣры сошнаго письма и живущей пашни не совпадали. Такъ именно было еще въ XVI в. въ окраинныхъ мѣстностяхъ: въ писцовыхъ выпискахъ конца XVI в. этотъ платежъ „съ живущаго, со столькихъ-то четей“ постоянно употребляется съ служилыхъ земель въ уѣздахъ Медынскомъ, Орлов-

---

1 д.; и повели (земскій судья, разрубной цѣловальникъ, онъ же и денежный себо рщикъ, и всѣ крестьяне Шемогоской вол. Устюжск. у.) тѣ деньги на 60 бѣль на пол-осмы осмины ($60^{15/16}$): вылось тѣхъ денегъ на бѣлу по 4р. 25 алт. 4 д.“ (Пр. Д. 1666, № 25). Наконецъ, при колебаніи размѣровъ сошки, врядъ ли существовало постоянное отношеніе между бѣлкой и сошкой; въ данной волости было 2,6675 сошки („въ ямскіе отпуски съ сошки по 4 р., *итого съ селъ волости* 10 р. 22 а. 2 д.“) и $60^{22/16}$ бѣлки; следовательно, на сошку приходилось 22,86 бѣлки.

скомъ, Тульскомъ, Дѣдловокомъ, Каширскомъ, Рязанскомъ ¹⁾). Смыслъ этого платежа уясняется тѣми же писцовыми: именно, „живущими“, обложенными платежѣмъ четами считаются только распаханная чети доброй пашни; перелогъ же и дикое поле, приписанные въ счетъ помѣстнаго оклада и сошнаго письма, не принимаются въ расчетъ при раскладѣ. Такимъ образомъ должна была составиться привычка понимать подъ четвертями въ живущемъ только часть сошнаго письма, обложенную платежомъ; въ этомъ смыслѣ живущая четь въ разъ была и сошнымъ письмомъ и совершенно независимой отъ него условной платежной единицей. Такъ какъ эти платежныя единицы очень мало соотвѣтствовали дѣйствительному составу помѣстья, а между тѣмъ указанныя мѣстности уже переставали быть украинными въ началѣ XVII вѣка, и вмѣстѣ теряло смыслъ и различеніе живущей пашни отъ распаханной „наѣздомъ“, отъ дикаго поля,—то естественно было со стороны правительства опредѣлить болѣе точно платежное значеніе „живущей четверти“. Это и сдѣлано было указами 1630 и 1631 г. ²⁾, которые распорядились „въ живущую пашню класть“ известное количество дворовъ, сперва очень незначительное, такъ что каждый дворъ былъ очень тяжело обложенъ; но когда затѣмъ „разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе“ стали на это жаловаться, то по ихъ челобитьямъ число дворовъ скоро было для большинства городовъ увеличено до 8 дв. крестьянск. и 4 бобыльск. въ помѣстныхъ, и до 6 крестьянск. и 3 бобыльск. въ монастырскихъ земляхъ (по городамъ первой категоріи: всего 53 города); для городовъ же, уѣзды которыхъ были менѣе выгодно расположены или пострадали отъ разоренія, норма опредѣлена въ 12 дв. крестьянск. и 8 бобыльск. для помѣстныхъ и 9 крестьянск. и 6 бобыльск. для монастырскихъ земель (всего второй категоріи 22 города, преимущественно по западной границѣ). Указы эти стояли въ несомнѣнной связи съ производившимся тогда составленіемъ писцовыхъ книгъ и тогда же они были разосланы писцамъ съ приказаніемъ „класть и въ писцовыя книги писать въ платежныя чети“

¹⁾ Писцовыя книги XVI в., изд. *Калачовымъ*, II, стр. 832 слѣд., 853 слѣд., 1098 слѣд., 1273 слѣд., 1332 слѣд.; А. до Ю. Б. II, стр. 263.

²⁾ Указная книга Помѣстн. приказа, изд. *В. Н. Сторожевымъ*, стр. 100 — 103; указы 1630, 19-го марта, 10-го ноября; 1631, 8-го января и 21-го апрѣля. Данные этихъ указовъ сведены *В. Н. Сторожевымъ* въ таблицу: см. прилож. стр. 197 — 201. Въ первомъ изъ указовъ дѣляется ссылка на „прежній государевъ указъ“ о томъ же предметѣ, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшій, *ib.* стр. 101

установленный размѣръ, „съ чего платить съ живущаго“ ¹⁾. Какъ извѣстно, это и было приведено въ исполненіе писцами, при чемъ совершенно сохранилась старая терминологія XVI в.: „а платити ему съ живущаго въ сошное письмо со столькихъ-то четвертей или частей четверти“ ²⁾.

Итакъ, „сошное письмо“ писцовыхъ книгъ и „дворовое число“ переписныхъ остаются двумя главными основаніями податнаго обложенія XVII в.; но „сошное письмо“ совершенно преобразуется въ сферѣ раскладки, смотря по тому, происходитъ ли его раскладка по вытѣмъ, или по сошкамъ, или по живущимъ четвертямъ, въ по-

---

¹⁾ См. выписку изъ рукописной книги сошнаго письма Румянц. Муз., собр. Вязлева № 1573, у *Лаппо-Данилевскаго*, стр. 525, и тотъ же текстъ въ „республикѣ какъ по государеву указу класть въ *платежныя* четверти“, рукоп. Патриарш. Моск. библ. № 291, цитир. у *Горчакова*, О земельн. влад., стр. 415. Цифра 50 здѣсь, очевидно, ошибка вмѣсто 8: ѣ принято за й. Другую важную поправку къ тексту рук. Вязлева см. у *Лаппо-Данилевскаго*, l. c. Связь указовъ съ писцовыми книгами еще разъ подтверждается тѣмъ, что копія съ нихъ помѣщены въ самой книгѣ сошнаго письма, ркп. Государ. архива въ С.-Пб. XIX, ч. 19. Названіе четей „платежными“ прямо подтверждаетъ наше объясненіе происхожденія живущей четверти. Такое же подтвержденіе находимъ мы въ томъ, что акты иногда прямо противопоставляютъ „*живущія* чети сошнаго письма“ — „*полному* сошному окладу“. См. А. А. Э. II, № 189. Связь писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ съ появленіемъ раскладки на платежныя четверти уже была указана *Горчаковымъ*; стр. 415 — 416, который, однако, такъ же, какъ и *А. С. Лаппо-Данилевскій*, раскладку на „живущія четверти“ отождествилъ съ подворной раскладкой и противопоставилъ ее сошному письму. Сохраненіе послѣдняго *рядомъ* съ по дворными платежами онъ пытается объяснить тѣмъ, что писцы не вездѣ успѣли переложить чети на дворы. *А. С. Лаппо-Данилевскій* подобнымъ же соображеніемъ (стр. 201) старается объяснить отсутствіе счета „живущими четвертями“ въ переписныхъ книгахъ 1646 — 1648 годовъ. Противопологая живущую четь дворовому числу, мы приходимъ къ заключенію, что въ *переписныхъ* и не могло быть счета „живущими четвертями“; рѣчь о нихъ могла зайти только при новомъ составленіи *писцовыхъ* книгъ въ концѣ XVII в. (наказъ 1684 г.); но къ этому времени „живущая четь“ уже окончательно потеряла всякое значеніе съ зачаткомъ въ 1679—1681 годахъ, сохранившихся податей „съ сошнаго письма“ одной подворной податью по переписнымъ 1678 г. Правда, эта зачатка должна была первоначально имѣть временное значеніе, до составленія новыхъ писцовыхъ, къ которымъ относятся и наказъ 1684 г. (П. С. З. № 1074); но составленіе писцовыхъ на этотъ разъ до конца доведено не было и реформа 1679 — 1681 г. приобрѣла постоянное значеніе, упразднивъ навсегда „сошное письмо“ и „живущую четверть“. См. § 5.

²⁾ Изъ писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ напечатана кн. 1628—1630 гг. въ Вязлевской Вивлиоикѣ. Другія смыслы см. у *Лаппо-Данилевскаго*, стр. 250, прим. 3.

садѣ, или на черной землѣ, или на владѣльческой. Всякій налогъ, взимаемый съ сошнаго письма, по необходимости будетъ раскладочнымъ (репартиціоннымъ); и понятно, почему правительство, всякій разъ какъ оно хочетъ сохранить квотативный характеръ налога, — именно, при экстренныхъ сборахъ на спеціальныя нужды, — обращается отъ сошнаго письма къ дворовой раскладкѣ.

Переходимъ теперь къ оцѣнкѣ сравнительной доходности для казны разныхъ налоговъ: только такая оцѣнка можетъ дать понятіе о сравнительной важности отдѣльныхъ видовъ налога для государственнаго бюджета. Такъ какъ выше мы представили пока только тѣ черты податной системы, которыя существовали къ началу XVII вѣка, независимо отъ осложнений, внесенныхъ событіями этого столѣтія, то и для изображенія количественныхъ отношеній мы можемъ пока пользоваться только данными начала столѣтія. Возьмемъ для примѣра сборы съ Нижняго и его уѣзда въ 1614, 1619 и 1620 г. ¹⁾ Сборы эти распредѣляются по отдѣльнымъ рубрикамъ слѣдующимъ образомъ (въ рубляхъ):

	1614.	1619.	1620.
I. Окладные. 1. Четвертные:			
а) данные . . .	583 (3%)	379 (1,1%)	320 (1%)
б) оброчные . . .	1.000 (5,1%)	2.737 (7,9%)	1.471 (4,8%)
Итого . . .	1.583 (8,1%)	3.116 (9%)	1.791 (5,8%)
2. Косвенные:			
а) таможенные. . .	12.216 (62,2%)	19.117 (55%)	17.209 (56,3%)
б) кабацкіе . . .	5.463 (28,2%)	12.070 (34,8%)	11.191 (36,6%)
в) тѣ и другіе вмѣстѣ . . .	—	182 (0,5%)	125 (0,4%)
Итого . . .	17.679 (90,4%)	31.369 (90,3%)	28.525 (93,3%)
II. Неокладные.	285 (1,5%)	223 (0,6%)	232 (0,8%)
Всего.	19.547	34.708	30.548.

Чтобы не зависѣть въ выводѣ отъ мѣста сборовъ, возьмемъ другую мѣстность, на примѣръ, Новгородъ Великій за 1620 и 1625 г. ²⁾:

	1620.	1625.
I. Окладные. 1. Четвертные:		
а) данные.	433 (7,6%)	235 (2,3%)
б) оброчные	943 (16,4%)	2.424 (23,5%)
Итого	1.376 (24%)	2.659 (25,8%)

¹⁾ По Нижнему Новгороду, кн. № 1; по Новгороду № 14.

²⁾ По Новгороду, кн. № 12а, № 15.

2. Косвенные:		
а) таможенные . . .	1.751 (30,5%)	2.604 (25,2%)
б) кабацкіе . . .	1.669 (29%)	3.777 (36,6%)
в) тѣ и другіе вмѣстѣ	528 (9,2%)	514 (5%)
Итого . . .	3.948 (68,7%)	6.895 (66,6%)
II. Неокладные	420 (7,3%)	762 (7,4%)
Всего	4.368	10.316.

Какъ видимъ, данные и оброчные составляютъ отъ 6—9% до $\frac{1}{4}$ всѣхъ поступленій; таможенные и кабацкіе сборы отъ $\frac{3}{10}$ до $\frac{2}{3}$ всего сбора; неокладные доходы даютъ совершенно ничтожную цифру 1—7%. Цифры по Нижнему, какъ мы полагаемъ, болѣе типичны; относительно Новгорода Великаго надо принять въ расчетъ разореніе, произведенное смутой и отразившееся, какъ обыкновенно, прежде всего на уменьшеніи косвенныхъ поступленій. Вотъ еще цифры за 1626 годъ по Вологдѣ, которая, подобно Нижнему, лежала внѣ непосредственнаго района смуты ¹⁾:

I. Окладные. 1. Четвертные:		
а) данные . . .	305 (2,6%)	
б) оброчные . . .	485 (4,2%)	
Итого . . .	790 (6,8%)	
2. Таможенные и кабацкіе . . .	10.659 (91,4%)	
II. Неокладные	213 (1,7%)	
Всего	11.662.	

Здѣсь процентныя отношенія оказываются гораздо ближе къ нижегородскимъ. Общія черты, во всякомъ случаѣ, остаются однѣ и тѣ же во всѣхъ примѣрахъ. Мы видимъ, что въ податной системѣ огромное значеніе имѣютъ косвенные налоги; за ними слѣдуетъ оброкъ; за оброкомъ — прямыя подати въ собственномъ смыслѣ; наконецъ, поступленіе пошлинъ не имѣетъ почти никакого значенія для бюджета. Только съ этими цифрами въ рукахъ мы можемъ уяснить себѣ особенности русской финансовой исторіи сравнительно съ западной. Не смотря на то, что и въ нашей прямой подати успѣли уже къ XVII вѣку отложиться нѣсколько слоевъ правительственныхъ запросовъ на военныя и административныя нужды, она однако не можетъ сравниться съ западной ни по продолжительности процесса образованія, ни по величинѣ получаемаго съ нея дохода. Въ то

¹⁾ По Новгороду, кн. № 15, съ листа 165.

время, какъ въ западномъ средневѣковомъ бюджетѣ прямая подать занимаетъ первое мѣсто, и только съ началомъ новаго времени начинаютъ быстро развиваться, догонять и даже перегонять ее косвенные налоги, — у насъ движеніе податной исторіи идетъ въ совершенно иномъ направленіи: только въ XVII вѣкѣ, подъ напоромъ новыхъ военныхъ нуждъ, прямая подать начинаетъ увеличиваться и абсолютно и относительно ¹⁾); процессъ этого развитія намъ предстоитъ прослѣдить, но мы увидимъ, что даже въ концѣ вѣка ей далеко не удалось сравняться съ цифрой косвенныхъ поступлений. Нечего и говорить, затѣмъ, что нашъ „оброкъ“ есть нѣчто специально собственное русской системѣ и едва ли сравнимое съ европейскими остатками средневѣковой доманіальной системы; одинаковый съ ней по своей исходной точкѣ, онъ на столько же отличенъ въ окончательномъ развитіи, на сколько отлична московская царская вотчина отъ европейскаго сословнаго государства.

§ 2. Финансовая администрація XVII вѣка еще болѣе свѣжаго происхожденія, чѣмъ податная система. Устройство областныхъ округовъ, завѣдовавшихъ всѣми финансовыми сборами, едва успѣло сложиться къ началу XVII вѣка; свѣжіе слѣды этого формировація еще сохраняются въ терминологіи начала XVII вѣка и даютъ возможность, въ связи съ данными конца XVI вѣка, сдѣлать тѣ наблюденія надъ происхожденіемъ финансоваго управленія XVII вѣка, которыя будутъ изложены въ этомъ отдѣлѣ.

¹⁾ Отчасти мы теперь же можемъ наблюдать измѣненіе пропорцій подъ вліяніемъ роста прямой подати. Именно, по Новгороду мы не ввели въ расчетъ новаго сбора *хлѣбомъ* на жалованье ратнымъ людямъ; присоединяя стоимость этого хлѣба къ данн, получимъ слѣдующія цифры и пропорціи:

	1620.	1625.
I. Окладные. 1. Четвертные:		
а) данные	1.359 (20,2%)	1.882 (15,7%)
б) оброчные	943 (14,2%)	2.424 (20,2%)
Итого	2.302 (34,4%)	4.306 (35,9%)
2. Косвенные:		
а) таможенные	1.751 (26,3%)	2.604 (21,9%)
б) кабацкіе	1.669 (25%)	3.777 (31,5%)
в) тѣ и другіе	528 (7,9%)	514 (4,3%)
Итого	3.948 (59,2%)	6.895 (57,7%)
II. Неокладные	420 (6,3%)	762 (6,3%)
Всего	6.670	11.963.

Въ приходныхъ книгахъ начала XVII вѣка мы встрѣчаемъ различіе, которое позднѣе исчезаетъ: именно, съ однихъ и тѣхъ же доходныхъ статей обору дѣлятся здѣсь на двѣ категоріи: Большаго Прихода и Дворцовые ¹⁾; затѣмъ, доходы Большаго Прихода именуются иногда „четвертными“ ²⁾. Непосредственный выводъ изъ этой терминологіи былъ бы тотъ, что государственные доходы распределяются между Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ, и что доходы послѣдняго суть тѣ-же, что и „четвертные“. Въ документахъ конца XVI вѣка мы дѣлаемъ совершенно параллельныя наблюденія уже не надъ доходами, а прямо надъ самими учрежденіями, куда они поступаютъ. Въ 1581 году велѣно было навести справки объ одной вотчинѣ въ Ростовскомъ уѣздѣ, владѣлица которой просила о сбавкѣ податей; справку приказано изъ Ростова прислать „къ намъ въ Москву, въ нашъ Дворовой Большой Приходъ, къ дьякомъ нашимъ, къ Андрею Арцыбашеву да къ Тимоѣю Ѳедорову“. Къ этой грамотѣ, какъ говорятъ издатели, привѣшена „печать Дворцоваго приказа“ ³⁾. Въ слѣдующемъ 1582 году тѣ же дьяки, Арцыбашевъ и Ѳедоровъ, отдають на откупъ въ Двинскомъ уѣздѣ сборъ десятой рыбы съ улова; откупныя деньги опредѣлено платить: „въ государевъ Дворцовомъ четвертномъ приказѣ къ дьякомъ къ Андрею Арцыбашеву да къ Тимоѣю Ѳедорову“ ⁴⁾. Такимъ образомъ „Большой Приходъ“ и „Четвертной приказъ“ есть несомнѣнно одно и то же учрежденіе, близкое къ Дворцу, потому что называется

¹⁾ По Нижнему Новгороду, кн. № 1, л. 32: (съ монастырскихъ земель, съ рѣкъ и взовъ) „Большаю Приходу оброка и пошанинъ“; далѣе съ тѣхъ же, по-видимому, статей, „дворцовыхъ доходовъ, оброру и пошанинъ“. См. слѣдующее примѣчаніе.

²⁾ Ibid. Съ черныхъ волостей „съ мостовъ и перевозовъ Большаю Приходу оброка и пошанинъ“ и съ тѣхъ же волостей „съ рѣкъ и съ озеръ рыбныхъ ловель, и съ лѣсу, и съ перевѣсей, и за лисы ловли дворцовыхъ доходовъ оброру и пошанинъ“ (л. 32—33). Между тѣмъ ниже, при перечисленіи доними тѣхъ же доходовъ съ тѣхъ же самыхъ волостей, то же различіе дѣлается въ слѣдующихъ терминахъ: «съ черныхъ волостей—съ мостовъ и перевозовъ—четвертныхъ оброру и пошанинъ“ и „съ черныхъ же волостей (съ озеръ и рѣкъ) за рыбныхъ ловли и съ перевѣсей—дворцовыхъ доходовъ оброру и пошанинъ“ (л. 36).

³⁾ Дополн. къ А. И. I, № 225.

⁴⁾ А. А. Э I, № 312; въ томъ же актѣ приказъ называется еще просто „Четвертнымъ приказомъ“ и „четвертью“. Въ 1583 году одну справку о доходахъ съ клочка черной земли въ Архангельскѣ велѣно также прислать „на Москву въ нашъ Дворовой Большой Приходъ къ дьякомъ нашимъ Андрею Арцыбашеву да къ Семейкѣ Сумарокову“. А. А. Э. I, № 318.

„Дворцовымъ“ или „Дворовымъ“ и даже пользуется, можетъ быть, его печатью. Мы видѣли, что и доходы „Большаго Прихода“ называются иногда „четвертными“. Однако же такъ бываетъ (какъ въ нашемъ примѣрѣ) только тогда, когда они противопоставляются доходамъ „дворцовымъ“, то-есть Большаго Дворца. Между собой же доходы четвертные и Большаго Прихода всегда различаются. Такъ, по писцовой книгѣ города Можайска (1595—1598) доходы съ посада распределяются на двѣ категоріи: та группа податей, которую мы называли выше „четвертными“ (данныи и оброчныя), и здѣсь удерживаетъ это названіе и поступаетъ въ „Четвертной приказъ“; но отъ нея отдѣлены „доходы Большаго Прихода“, именно „ямскіе и приметные, полонянничные, ямскимъ охотникамъ на подмогу, кормовые и пищальные“¹⁾. То же самое встрѣчаемъ и въ Вологдѣ въ 1614 году: съ нея идутъ платежи „Большаго Прихода“ и „четвертные“²⁾. Основанія для распределенія поступленій по этимъ двумъ категоріямъ не совсѣмъ ясны въ деталяхъ, но въ общемъ различіе тѣхъ и другихъ выступаетъ достаточно ясно: въ Большой Приходъ поступаютъ, какъ уже и предположилъ г. Чечулинъ³⁾, спеціальныя сборы „на общія государственныя надобности“, тогда какъ Четвертной приказъ вѣдаетъ сборы, потерявшіе спеціальное назначеніе или имѣющіе характеръ мѣстныхъ⁴⁾.

¹⁾ Писцов. кн. XVI в., изд. *Калачовымъ*, I, 630—631.

²⁾ По Нижнему Новгороду, кн. № 1. „Большаго Приходу—ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны, закладнымъ мурзамъ и языкомъ на кормъ, даннымъ и полонянничныхъ денегъ и пищальныхъ денегъ, и оброку, и пошлинъ, и за бобры и за горюстаи, и съ лавокъ и съ амбаровъ и съ полковъ и шамашей и съ скамей и съ харчевень, и съ харчевыхъ избушекъ“; а „четвертныхъ доходовъ: оброку и пошлинъ и за наѣстничъ доходъ и за бражную выимку и поворотныхъ денегъ и судовыхъ и лѣсовыхъ пошлинъ и поголовныхъ денегъ“. По платежнымъ отписямъ еще въ 1626 году ямскія и полонянничныя вносятся въ Большой Приходъ. А. Ю. №№ 211, 214.

³⁾ При разборѣ платежей съ Можайска (Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стр. 187).

⁴⁾ Провести это наблюденіе во всѣхъ частныхъ случаяхъ, однако, нѣтъ возможности. Любопытно, что и косвенные сборы иногда дѣлились на тѣ же категоріи. Напримѣръ, въ Каширѣ въ 1579 году „откупные тамошники платятъ откупъ въ „четы дѣла Василья Щелканова“ (sic) и туда же платятъ за откупъ перевоза на р. Ока; а „свальную и привальную пошлину“, собираемую на *суть*, цѣловальники платятъ въ Большой Приходъ; туда же вносятся тѣми же цѣловальниками и *сутьный* сборъ съ другаго перевоза на Ока «усть рѣки Нары»“. Писц. книга XVI вѣка, изд. *Калачовымъ*, II, 1305. Однако заключить отсюда, что

Итакъ, мы сдѣлали два ряда наблюденій, повидимому, противорѣчащихъ другъ другу: въ однихъ случаяхъ, Большой Приходъ и Четвертной приказъ оказываются несомнѣнно однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ, въ другихъ случаяхъ они несомнѣнно противопологаются; то же самое и съ доходами „четвертными“ и „Большаго Прихода“. Это противорѣчіе разрѣшается при дальнѣйшемъ изученіи центральныхъ финансовыхъ учреждений: именно, оказывается, что внутри самаго Большаго Прихода произошла дифференціація финансового управленія: въ немъ появилось нѣсколько отдѣльныхъ четьей. Если не производить названія „Четвертнаго приказа“ отъ „четвертныхъ доходовъ“, въ него поступавшихъ, то нужно будетъ предположить, что самое это названіе Большой Приходъ получилъ отъ своего раздѣленія на чети. Дѣйствительно, наиболѣе раннее свидѣтельство о нѣсколькихъ четьяхъ относится къ 1576 году, то-есть, на шесть лѣтъ ранѣе древнѣйшаго извѣстія о „Четвертномъ приказѣ“¹⁾. Въ этомъ

сборы съ откуповъ вообще идутъ въ „четверть“, а *сѣрные* сборы—въ Большой Приходъ, нельзя: въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Ярославѣ въ 1588 и 1595 годахъ и въ Мещерскомъ уѣздѣ 1596 г. (съ вотчинъ Вас. Щелкалова) откупъ за тамгу платился прямо въ Большой Приходъ, кн. И. В. Сидкому. См. А. А. Э. I, №№ 342, 363, 366. Трудно рѣшить, куда отнесены „таможенные деньги“ въ Памятн. Диплом. Снош. II, 239, гдѣ онѣ поставлены между доходами четвертными и Большаго Прихода.

¹⁾ Извѣстно сообщеніе Флетчера о томъ, что еще со времени Ивана III Россія дѣлилась на *трети* (Владимірскую, Новгородскую и Рязанскую) а затѣмъ при Иванѣ IV, послѣ присоединенія Казани, на *четверти*. Уже Гаер. *Усьенскій* замѣтилъ, что „по исторіи не видно, чтобы онъ (Иванъ IV) части сіи называлъ четвертями“ (Опытъ повѣствованія о древностяхъ, изд. 2-е. Харьковъ. 1818, стр. 315). *Соловьевъ* не соглашался вѣрить и третямъ, ибо „Рязанское великое княжество не было присоединено еще при Іоаннѣ“ (V, 203, изд. 4-е). Тѣмъ же менѣе *Неволинъ* принялъ это извѣстіе цѣликомъ и сдѣлалъ его ходячимъ (Сочиненія, VI, 125). Тотъ же Флетчеръ сообщалъ и другое извѣстіе о четвертяхъ, по которому въ его время (1588) четвертями назывались приказы Посольскій, Разрядный, Помѣстный и Казанскій дворецъ. *Н. П. Заозкинъ*, найдя, что показаніе Флетчера о личностяхъ дьяковъ, управлявшихъ этими приказами, подтверждается современными документами „съ математической точностью“, принялъ за фактъ и его сообщеніе о четвертяхъ (Исторія права Московскаго государства, II, 1, стр. 42, 47—48); также и *В. О. Ключевскій* (Боярская Дума, 2-е изд., стр. 408, примѣч.), съ которымъ согласился и *Н. П. Лихачевъ* (Разрядные дьяки, стр. 75). Намъ кажется, что два сообщенія Флетчера, прежде всего, противорѣчатъ другъ другу, если принять, что въ томъ и другомъ случаѣ онъ говоритъ объ однихъ и тѣхъ же „четвертяхъ“. Если же тутъ рѣчь идетъ о разныхъ четвертяхъ, то, не останавливаясь пока на третяхъ и четвертяхъ Ивана III и IV, замѣтимъ, что въ

году дьякъ Андрей Щелкаловъ, служившій въ Разрядѣ, получилъ приказаніе навести справки, нѣтъ ли гдѣ въ приказахъ одной галицкой жалованной грамоты, понадобившейся для мѣстническаго дѣла. Объ этомъ онъ и докладываетъ государю: „о жалованной о галицкой грамотѣ... смѣскаиваютъ четвертные дьяки во всѣхъ четвертяхъ, и что, государь, въ которой четверти сыщутъ, и язь, государь, въ тотъ часъ выписавъ, къ тебѣ государю пошлю“¹⁾. За годъ до этой справки Андрей Щелкаловъ виѣстъ съ извѣстнымъ уже намъ Андреемъ Арцѣбашевымъ подписался подъ грамотой, выданной, несомнѣнно, изъ Большаго Прихода²⁾; такъ какъ и позже его приписи встрѣчаются на документахъ Большаго Прихода³⁾, то мы съ большой вѣроятностью можемъ заключить, что, получивъ приказаніе о справкѣ въ качествѣ дьяка Разряднаго приказа, онъ производилъ эту справку, какъ дьякъ Большаго Прихода, въ подвѣдомственныхъ этому учрежденію „четвертяхъ“. Если такъ,—тогда въ первомъ же извѣстии о четвертяхъ мы находимъ и указаніе на подчиненность ихъ Большому При-

документахъ названные Флетчеромъ четыре приказа его времени никогда не носятъ названія четвертей. Смѣшеніе этихъ приказовъ съ финансовыми „четвертями“ произошло у Флетчера, вѣроятно, потому, что изъ пяти извѣстныхъ ему думныхъ дьяковъ, управлявшихъ 1588 г. названными приказами, четверо управляли одновременно (или около этого времени) также и финансовыми „четями“. Именно „четверть Дружныи Петелина“, дьяка Казанскаго дворца, упоминается въ 1589 году (А. А. Э. I, № 349); „четверть Андрея Щелкалова, дьяка Посольскаго приказа, въ 1588 г. (А. А. Э. I, № 838); „четверть Василя Щелкалова“, брата предыдущаго, дьяна Разряднаго приказа, въ 1585 г. (А. А. Э. I, № 326). „Сапунъ Абрамовъ“, замѣнявшій въ 1588 г. Василя Щелкалова въ Разрядѣ, служилъ въ 1588 г. „въ чети Василя Щелкалова“ (слич. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, указатель, стр. 71); а въ 1582 г. онъ скрѣпляетъ документъ, вышедшій изъ Большаго Прихода (А. А. Э. I, № 317). Не смотря на свою ошибку, Флетчеръ имѣлъ, очевидно, понятіе и о настоящихъ четьяхъ, такъ какъ онъ сообщалъ извѣстіе, весьма важное для этого времени, что „каждая четверть завѣдуетъ нѣсколькими областями“.

¹⁾ Архивъ Министерства Юстиціи, Московскаго стола (Разряда) столб. 1, л. 55. Въ Историческомъ Сборникѣ, V, 24, ошибочно напечатано виѣсто „четвертные“— „четвертые“.

²⁾ А. И. I, № 193.

³⁾ Напримѣръ, *Ивановъ*, Описаніе архивныхъ старшихъ дѣлъ, стр. 230—232: Андрей Щелкаловъ въ 1587 г. подписываетъ жалованную грамоту вотчинѣ Сергіева монастыря на Вологдѣ, которая передъ нимъ была въ 1582 г. подписана извѣстнымъ намъ дьякомъ Большаго Прихода, Тимоеемъ Федоровымъ. См. также Акты, относящіеся до гражданскаго расправы. *А. Федотова-Чижовскаго*. I (Кіевъ, 1860), стр. 256.

ходу. Въ ближайшіе послѣ этой справки годы упомянутые въ ней „четвертные дьяки“ начинаютъ называться по именамъ; но ихъ вѣдомства все еще не получаютъ особаго названія и носятъ имена дьяковъ: „четь такого-то дьяка“. Территориально-финансовый характеръ этихъ вѣдомствъ несомнѣненъ; но территориальный составъ ихъ, распределение городовъ между четями, уловить за это время довольно трудно въ виду отчасти перехода дьяковъ изъ одной чети въ другую или соединеній въ однихъ рукахъ нѣсколькихъ четей, главнымъ же образомъ въ виду, вѣроятно, не установившагося состава самихъ четей. Въ нашей литературѣ принято четь дьяка Петелина, напримѣръ, считать непосредственной предшественницей Устюжской чети. Дѣйствительно, его четь завѣдуетъ въ 1587 — 1590 гг. Сольвычегодскомъ, вѣдавшимся позднѣе въ Устюжской чети ¹⁾); но тотъ же Петелинъ служитъ въ 1578—1579 г. въ Большомъ Дворцѣ, въ 1585 г. подписывается на грамотѣ Коневскому монастырю врядъ ли въ качествѣ дьяка Устюжской четверти (слѣдующая припись сдѣлана дьякомъ Новгородской четверти), а въ 1588—1589 г. завѣдуетъ территоріей Казанскаго дворца ²⁾); и кромѣ всего этого, мы знаемъ, что Устюжская четверть явилась позже другихъ, была пятой и еще въ смутное время называлась „новоприбыльной“ ³⁾. При этихъ условіяхъ трудно рѣшить, какъ относится къ будущей Устюжской та „четь“ Петелина, съ которой обязанъ своситься Сольвычегодскъ. „Четь Василя Щелкалова“ представляетъ болѣе прочную связь съ одной изъ позднѣйшихъ четей: именно, онъ завѣдуетъ въ 1578—1586 гг. Бѣлоозеромъ, въ 1579 г. Каширой, въ 1585 г. Галичемъ ⁴⁾: все это какъ разъ мѣстности, входившія позднѣе въ составъ Галицкой чети. Позднѣе онъ переходитъ въ Посольскій приказъ, и это его вѣдомство перестаетъ упоминаться, а вмѣсто того въ его вѣдомствѣ оказывается Сибирь (1595) и Вологда (1599) ⁵⁾; первую онъ могъ завѣдовать, какъ дьякъ Посольскаго приказа, вѣдавшаго Сибирь въ первое время; но Вологдой, находившейся позже въ вѣдомствѣ Новгородской четверти, онъ завѣ-

¹⁾ *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, указатель, 61; А. А. Э. I, № 343, 349.

²⁾ Древняя Визлѣонка, XIV, 350; Русск. Истор. Сб. II, 83; А. А. Э. I, 336; Дополн. къ А. И. I, 133; Акты *Федотова-Чезовскаго*, I, стр. 230.

³⁾ А. И. II, № 355.

⁴⁾ А. И. I, № 217; *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, указатель, стр. 71; Писцовыя книги *Калачова*, II, 1305; А. А. Э. I, 326.

⁵⁾ *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, указатель, стр. 97; Русск. Истор. Сб. V, 241.

дуетъ, навѣрно, не какъ дьякъ этой четверти, потому что дьяки ея въ 1599 г. намъ извѣстны.

Послѣ Казанскаго дворца, вѣдомство котораго сложилось независимо отъ разсматриваемаго процесса, но слѣды подчиненія котораго Большому Приходу можно замѣтить еще съ 1574 г. ¹⁾, всего легче повидимому было бы замѣтить въ этотъ періодъ формировки Новгородскую четъ. „Новгородскій приказъ“ съ территоріальнымъ характеромъ упоминается еще въ 1575—1584 г. ²⁾. Но можно сомнѣваться въ томъ, чтобы здѣсь разумѣлась наша финансовая четъ. Эта послѣдняя складывается, кажется, также на нашихъ глазахъ. Въ 1571—1588 г. въ роли чети функционируетъ въ самомъ Новгородѣ мѣстное управленіе: намѣстникъ даетъ таможенную уставную грамоту (1571); дьякъ, позднѣ ставшій дьякомъ Новгородской четверти (Посникъ Дмитріевъ Хворощинъ), также служитъ въ Новгородѣ (1576), тамъ же является въ 1588 г. извѣстный намъ дьякъ Большаго Прихода Андрей Арцыбашевъ, который здѣсь дѣйствуетъ, какъ представитель Большаго Дворца ³⁾. Это мѣстное финансовое управленіе

¹⁾ Если можно заключить объ этомъ по приписи Андрея Щелкалова на одной грамотѣ, посланной въ Казань въ 1574 г.: грамота однороднаго характера съ тѣми, которыя обыкновенно выдавались изъ Большаго Прихода, а Андрей Щелкаловъ, какъ мы знаемъ, въ 1575 г. былъ уже дьякомъ Большаго Прихода. А. И. I, № 191.

²⁾ Опись Царскаго Архива, ящикъ 108-й (А. А. Э. I, 289): „а въ немъ разныя грамоты присыльные изъ Новгородскаго приказа: Новгорода Нижняго, изъ Смоленска, и изъ Новгорода Великаго и изъ Пскова, и изъ многихъ другихъ городовъ“.

³⁾ А. И. I, № 222. Дѣло идетъ объ освобожденіи отъ податей деревни, находящейся въ вѣдомствѣ Большаго Дворца: распоряжаются воевода Новгородскій, кн. Ѳ. И. Хворостининъ, бывшій въ 1577—1583 г. дворецкимъ, и въ этомъ году пожалованный въ окольничіе (Вивл. XX, 55—61), Арцыбашевъ и другой дьякъ Семейка Емельяновъ, служившій въ 1585—1586 г. тоже въ Большомъ Дворцѣ (Писцовыя книги *Калацова*, I, 797, II, 417; А. А. Э. I, 331—332, 334—335). Послѣдній въ 1596—1597 г. оказывается на службѣ въ „Четвертномъ приказѣ“ (вмѣстѣ съ Семейкой Сумароковымъ, упоминавшимся выше дьякомъ Большаго Прихода), гдѣ принимаетъ деньги съ Костромскаго монастыря. А. Ю., 216, II и III. Отдѣленіе *Большаго дворца* существуетъ въ Новгородѣ еще въ 1619—1621 г.: именно, особый *дворцовый приказъ*, который составляетъ свои смѣтные списки и отсылаетъ въ Большой Дворецъ; кромѣ *дворцовыхъ* смѣтныхъ списковъ, тамъ же составляются и *четвертные*, но особаго учрежденія, отдѣленія Большаго Прихода не упоминается, и весьма вѣроятно, что ихъ составлялъ тотъ же Дворцовый приказъ. По Новгороду, книги №№ 12 и 13: списки съ новгородскихъ смѣтныхъ списковъ *дворцоваго приказа* 127 года и смѣта новгородскимъ *дворцовымъ* до-

распоряжается, однако, только въ предѣлахъ Новгорода и его пригородовъ; остальные же области позднѣйшей Новгородской чети сносятся прямо съ Москвой; такъ, извѣстный намъ Андрей Арцыбашевъ изъ Москвы скрѣпляетъ грамоты на Двину (1578); другой дьякъ Большаго Прихода (въ томъ же году), Степанъ Лихачевъ, въ Москвѣ же подписываетъ грамоту Вазаамскому монастырю ¹⁾. Какъ видимъ, сношенія эти ведутся непосредственно съ самимъ Большимъ Приходомъ. Въ 1588 г. упоминается, наконецъ, „четь Андрея Щелкалова“, какъ учрежденіе, сносящееся съ Двиной, а въ 1590 г., какъ учрежденіе, сносящееся съ Новгородскимъ уѣздомъ ²⁾. Былъ ли Андрей Щелкаловъ въ эти годы по-прежнему дьякомъ Большаго Прихода, или же теперь онъ на самомъ дѣлѣ дьякъ одной четверти, именно уже выдѣлившейся Новгородской? Мы полагаемъ, дѣло рѣшается тѣмъ соображеніемъ, что при быстромъ развитіи этого процесса выдѣленія вѣдомствъ самъ Большой Приходъ въ 1585—1595 г. былъ уже не совсѣмъ тѣмъ учрежденіемъ, какъ въ 1575—1585 г. Сохраняя наблюденіе надъ всѣми своими четями, онъ непосредственно завѣдовалъ только тѣми областями, которыя еще не распредѣлились окончательно по вѣдомствамъ. Что Большой Приходъ непосредственно сносился съ нѣкоторыми изъ будущихъ областей Новгородской четверти, мы только-что видѣли; что вѣдомство Новгородской чети еще не совсѣмъ сложилось, это видно, наприимѣръ, изъ того, что еще въ 1585 году Петелинъ сносился съ Коневскимъ монастыремъ, и еще въ 1599 г. Вологда была „въ приказѣ“ у Василя Щелкалова. Все, что можно сказать, это то, что „четь Андрея Щелкалова“ была по вѣдомству близка къ будущему Новгородскому приказу и скоро въ него перестроилась ³⁾. Къ 1597 г. относится первое несомнѣнное извѣ-

---

ходамъ 129 года. Тамъ же №№ 12^а и 13^б: свѣдѣнныя четвертными доходамъ 128 и 129 года. О „дворцовомъ приказѣ“ въ Новгородѣ еще въ 1518 г. см. Воскрес. лѣтоп. П. С. Р. Л. VI, 230—231 (цит. у Лихачева, 36).

¹⁾ А. А. Э. I, №№ 299, 300; срав. Акты Московскаго Государства I, № 21.

²⁾ А. А. Э. I, № 338; *Ивановъ*, Описаніе арх. стар. дѣлъ, стр. 240.

³⁾ Мы знаемъ нѣсколько грамотъ, данныхъ Андреемъ Щелкаловымъ въ этотъ періодъ и потомъ подписанныхъ первыми дьяками Новгородской четверти, Ивановъ Нормадскимъ и Посникомъ Дмитріевымъ (Хворощиннымъ). Такъ грамота 1585 г. за приписью Андрея Щелкалова подписана послѣдними въ 1599 г. (А. И. I, №№ 141, 156); по грамотѣ 1590 г. оброкъ платился въ „четь Андрея Щелкалова“; въ 1598 г. тотъ же оброкъ велѣно платить „въ четверть дьяковъ Ивана Нормадскаго да Посника Дмитріева“. *Ивановъ*, Опис. арх. стар. дѣлъ, стр. 240; любопытно, что подписались вторично Дмитріевъ и А. Щелкаловъ.

стие о сформированіи Новгородской чети: именно, велѣно писать о приготовленіи питья для государева гонца „по городамъ по воеводамъ изъ четвертей“; въ Новгородъ пишутъ „изъ приказу дьяковъ Ивана Нормцакаго да Посника Дмитріева“. Любопытно, что тутъ же этотъ приказъ названъ „новымъ“¹⁾.

Всѣ эти мелочныя справки и сопоставленія приводятъ къ тому выводу, что областныя финансовыя округа формировались въ послѣдней четверти XVI в. внутри вѣдомства Большаго Прихода. На зависимость ихъ отъ Большаго Прихода не разъ встрѣчаемъ прямыя указанія. Такъ, Новгородская четь и четь Ивана Вахрамѣева еще въ 1597 г. получаютъ деньги на расходъ изъ Большаго Прихода. Казанскій дворецъ былъ учрежденіемъ болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ остальные финансовыя округа; и однако, когда начальнику его Петелину захотѣлось насолить В. Щелкалову, набавивъ на его помѣстье въ вѣдомствѣ Казанскаго дворца лишнія подати, онъ не могъ сдѣлать этого самъ, а долженъ былъ обратиться къ дьяку Большаго Прихода, который, по его связѣ, и наложилъ желаемую прибавку²⁾. Характерный признакъ такого подчиненія мы находимъ и въ томъ, что чети долго не получаютъ начальниковъ съ думными чинами и находятся въ управленіи дьяковъ; при официальномъ перечисленіи приказовъ обыкновенно называется Большой Приходъ, но о четьяхъ не упоминается³⁾. Денежныя ассигновки въ древнѣйшей изъ сохранившихся записныхъ книгъ Разряда даются на Большой Приходъ, тогда какъ позже онѣ обыкновенно даются на чети⁴⁾. Позднѣе,

¹⁾ Пам. Диплом. Сношен. II, 393, 421. Приписъ тѣхъ же дьяковъ находилась и на древнѣйшихъ документахъ Новгородскаго приказа, сохранныхъ отъ пожара 1626 г.: приходо-расходной книгѣ 1597 г. и смѣтномъ спискѣ 1599 г. См. опись этихъ документовъ въ Прик. Д. 1662, № 197. Первый изъ этихъ документовъ найденъ былъ послѣ пожара не въ Новгородской четверти, а „на Казенномъ дворѣ“. Въ томъ же извѣстіи (Пам. Дипл. Снош. 393) упоминается, какъ *особая отъ новгородской*, четь Ив. Вахрамѣева: ей подвѣдомственны Тверь и Торжокъ, принадлежавшіе позже къ вѣдомству Владимірской четверти. Но несомнѣнно въ томъ же году (1597) Вахрамѣевъ вѣдалъ Соловецкій монастырь, а въ слѣдующемъ Верхотурье (Дополн. къ А. И. I, 140; А. И. II, 3); въ 1599—1600 г. онъ прямо называется дьякомъ Новгородской чети, слѣдовательно, былъ преемникомъ Нормцакаго. См. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, за указателемъ, стр. 95—101.

²⁾ Пам. Дипл. Снош. II, 421—423. Цитата изъ Сборника грамотъ Троицко-Сергіевскаго монастыря № 530, л. 371, у В. О. *Ключевскаго*, Боярская Дума, 283, 2-е изданіе.

³⁾ Р. И. Вибл. IX, 525—526; Дворц. Разр. I, 1030, II, 15.

⁴⁾ Р. И. Вибл. IX, 425—427, 434, 436; ср. 427, 443—445, 456—457, 464, часть сохрх, отд. 2.

эта первоначальная роль Большаго Прихода сѣзвилась; но еще въ началѣ XVII в. онъ сохранялъ свое значеніе центральнаго финансоваго учрежденія. Въ запискѣ, составленной въ смутное время и найденной Я. Соловьевымъ въ Швеціи, вѣдомство Большаго Прихода опредѣлено еще въ первоначальномъ размѣрѣ: „приказъ Большаго Прихода, гдѣ со всей земли земляные доходы денежныя собираются, и ямскія, и полонянничныя деньги и тамга большая“. „Четвертные доходы“ здѣсь, какъ видимъ, уже выдѣлены; ихъ значеніе такъ же точно и ясно изображается въ дальнѣйшихъ словахъ: „всякой (дьякъ) въ своей четверти деньги собираетъ всякихъ доходовъ и даютъ, всякой изъ своей четверти, ежегодъ, жалованье бояромъ и всѣмъ думнымъ людямъ и дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ“.

На основаніи всего предыдущаго мы приходимъ къ слѣдующему представленію объ образованіи нашихъ финансовыхъ учреждений XVII в. Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ ¹⁾ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. Къ послѣдней четверти XVI в., однако, находимъ доходы государственныя уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ, въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на спеціальныя общегосударственныя, — продуктъ новыхъ государственныхъ потребностей, — и отчасти изстари сложившіяся, отчасти вновь переведенныя на деньги, или вновь обращенныя на государственное употребленіе мѣстные доходы; и опять соотвѣтственно этому раздѣленію выдѣляются изъ Большаго Прихода областныя приказы, долго сохраняющіе связь съ Большимъ Приходомъ, какъ и самъ Большой Приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Большимъ Дворцомъ²⁾.

477—478, 502—503, 512—513. *Мѣстные* служилые люди, однако, уже отсылаются въ чети, что указываетъ на то, что „четвертные“ суммы въ собственномъ смыслѣ расходовались на мѣстѣ, въ содержаніе мѣстнаго служилаго сословія (ср. также Акты Московскаго Государства, № 21, 45). Мы положительно знаемъ это относительно Новгорода, изъ котораго денегъ къ Москвѣ „никогда не присылаютъ, для того что выходить въ Новгородъ въ расходъ безъ остатка; а на Москвѣ въ Новгородской четверти новгородскіе доходы въ приходныхъ книгахъ и смѣтныхъ спискахъ пишутъ *для етдома окладу* по новгородскимъ смѣтнымъ спискамъ“. См. смѣтный списокъ 1628 г. (Пр. Д. 1628, № 61). Напомнимъ, что здѣсь рѣчь идетъ о древнѣйшемъ устройствѣ четей.

¹⁾ Объ областныхъ „дворцахъ“, удержавшихъ отчасти финансовое значеніе до послѣдней четверти XVI вѣка независимо отъ Большаго Дворца, см. ниже.

²⁾ О связи Большаго Прихода съ Большимъ Дворцомъ дѣлаетъ догадку уже Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 473, сравн. стр. 505, примѣч. 1-е.

Мы пришли къ этому выводу путемъ подбора мелочныхъ показаній первоисточниковъ; одинъ современникъ, иностранецъ Маржеретъ, пришелъ къ тому же представленію путемъ непосредственнаго знакомства съ современной ему дѣйствительностью: тѣмъ драгоценнѣе для насъ его описаніе, могущее служить вмѣсто резюме всего вышеизложеннаго. „Источники государственныхъ доходовъ, говоритъ Маржеретъ, слѣдующіе: вопервыхъ, царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или дворцомъ, подъ главнымъ надзоромъ дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ дьяковъ; во вторыхъ, подати, взимаемая со всего государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ четами, куда вносятся постоянные доходы. [Это суть учрежденія, изъ которыхъ уплачиваются всѣ жалованья и пенсіи большинства военныхъ людей]. За этими вѣдомствами наблюдаетъ Большой приходъ, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые [по царскому повелѣнію со всего государства]“¹⁾. Съ удивительнымъ умѣніемъ въ этомъ коротенькомъ описаніи сообщены всѣ существенныя черты современнаго Маржерету финансоваго строя.

Съ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка, когда обиліе документовъ дѣлаетъ впервые возможнымъ изученіе дѣятельности областныхъ приказовъ, такого раздѣленія сборовъ между ними и Большимъ Приходомъ уже не существуетъ: областные приказы сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ финансовыя сборы и не стоятъ ни въ какой связи съ Большимъ Приходомъ. Когда и какъ произошло это окончательное выдѣленіе ихъ, объ этомъ намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній. Поэтому намъ остается отъ изображенія процесса развитія фи-

¹⁾ Устряловъ. Сказанія соврем. о Дмитріи Самованцѣ, изд. 3-е, т. I, стр. 271. Въ прим. 228 издатель отождествляетъ чети Маржерета съ Флетчеровыми. Въ виду важности этого описанія, приводимъ и подлинный текстъ (Estat de l'Empire de Russie etc. Paris. 1669 p. 54—55): Quant au revenu de l'Empire l'on tient cet ordre. Premièrement le Domaine de l'Empereur vient en un office, qu'il apelle de Vorest (Маржеретъ пишетъ de Voreennes—дворяне), sur lequel office le maistre d'hostel a la superintendance, et en juge avec deux Diaques. Outre ce le pays est divisé en cinq offices, qu'ils appellent Setuart, auxquels Offices l'on apporte les revenus ordinaires [ce sont les lieux, desquels toutes pensions et gages de la pluspart des gens de guerre sont payez]. Outre ce, il y a un autre Office, qu'ils appellent Bolshoi Prichod, lequel Office a la survoyance desdits Setuarts et mesmes s'il y a quelques impots extraordinaires, ils sont tous apportez audit Prichod [que l'on leve par tout le pays par le commandement de l'Empereur]. Выраженія въ скобкахъ взяты изъ другихъ мѣстъ текста Маржерета.

нансовыхъ учрежденій перейти къ той системѣ, въ которой они дѣйствовали въ теченіе XVII вѣка.

Финансовые округа, по которымъ распределена была администрація сборовъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка, можно свести къ тремъ категоріямъ. Общая черта всѣхъ ихъ—та, что администрація округовъ сосредоточивается не въ области, а въ самой Москвѣ. Затѣмъ, къ первой категоріи мы относимъ тѣ финансовые округа, которые, не смотря на сосредоточеніе администраціи въ Москвѣ, сохраняли нѣкоторую областную цѣлостность и самостоятельность. Сюда относятся вѣдомства: 1) Казанскаго дворца, съ соединявшимся съ нимъ до 1637 г. Сибирскимъ приказомъ, и 2) Новгородскаго приказа. Оба они примкнули къ финансовой организаціи четей; но области ихъ создались не столько вслѣдствіе административнаго акта, которымъ „приказывались города“ извѣстному лицу, сколько въ силу географической и прежней политической особенности ихъ. Правительство воспользовалось здѣсь готовымъ дѣленіемъ для своихъ разнообразныхъ цѣлей, и поэтому финансовые округа совпали въ этомъ случаѣ съ военными; это совпаденіе дало также названнымъ приказамъ положеніе болѣе самостоятельное. Подобную же территориальную непрерывность имѣлъ еще 3) Смоленскій приказъ (послѣ присоединенія Малороссіи), но онъ не получилъ самостоятельнаго существованія и присоединялся то къ Устюжской чети, то къ Посольскому приказу. Ко второй категоріи относимъ: 1) Большой дворецъ, 2) четверти, выдѣлившіяся изъ Большаго прихода: Владимірскую, Галицкую, Костромскую (ранѣе называвшуюся, повидимому, Ярославской)¹⁾ и Устюжскую. Финансовые округа этихъ учрежденій не имѣютъ никакой территориальной непрерывности и не составляютъ мѣстныхъ группъ. Въ противоположность округамъ первой категоріи эти округа имѣютъ исключительно финансовое значеніе и создались не исторически, а, вѣроятно, особымъ правительственнымъ распоряженіемъ или рядомъ такихъ распоряженій, до сихъ поръ впрочемъ не извѣстныхъ: это учрежденія, которымъ именно „приказаны города“; „приказы, у которыхъ города въ приказѣ“, по выраженію современнаго документа²⁾. Классическая область „четей“—это теперешняя Московская губернія съ шестью ее окружающими; въ этихъ предѣлахъ

1) Заключаемъ объ этомъ изъ перечня четей въ А. И. П., № 355.

2) Пам. Дипл. Снош. II, 420. Эти округа также управляютъ и судятъ; но ихъ полномочія въ этомъ отношеніи совершенно случайны и вытекаютъ, большею частью, изъ ихъ финансовой компетенціи.

вѣдомство ихъ черезполосно до крайности; за этими предѣлами старинныя историческія и этнографическія дѣленія оказываются болѣе живучими. Вѣдомство Большаго дворца, какъ и слѣдуетъ ожидать, разбросано повсюду. Къ нему присоединилось до 1649 и опять въ 1677—1700 гг. территориальное вѣдомство Монастырскаго приказа, имѣвшее совершенно однородный характеръ. Наконецъ, къ третьей категоріи мы относимъ такія учрежденія, которыя не имѣютъ сами по себѣ финансоваго характера, но у которыхъ тоже есть „города въ приказѣ“, сборы съ которыхъ отданы въ ихъ распоряженіе, съ цѣлью дать имъ постоянный доходъ. Главныя изъ относящихся сюда приказовъ суть: 1) Разрядный, въ распоряженіи котораго находится сборъ съ городовъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ¹⁾; зависимость эта есть, впрочемъ, естественное послѣдствіе военной зависимости отъ Разряда всей вновь колонизируемой мѣстности обоихъ полковъ. 2) Посольскій приказъ, независимо отъ присоединенія къ нему Смоленскаго, получаетъ постоянные доходы съ Романова, Вязьмы, Касимова, Елатьмы и Ерахтура (на ю.-з. отъ Касимова)²⁾. Малороссія, послѣ нѣсколькихъ переходовъ, также окончательно осталась въ вѣдомствѣ Посольскаго приказа, но финансоваго значенія Малороссійскій приказъ не имѣлъ, такъ какъ доходы съ Малороссійскихъ городовъ по договору съ Хмѣльницкимъ должны были собираться и тратиться на мѣстѣ—на жалованье реестровымъ. Взятые всѣ вмѣстѣ, финансовыя округа трехъ категорій обни-

¹⁾ Сборъ Разряда съ городовъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ (оброчные, таможенные и кабацкіе) по описи документовъ, вынесенныхъ изъ Разряда въ пожаръ 1626 г., начинаются: съ Воронежа—1596-мъ годомъ, Ельца—1599-мъ, Курска—1612, Бѣлгорода—1613, Ливенъ и Лебедина—1614, Оскола—1615, Валуйки—1616. *Лихачевъ*. Разр. дѣял., прилож., 60—66. Въ концѣ вѣка часть городовъ Разряда образуетъ настоящій областной приказъ, при томъ съ непрерывной территоріей: „*Великороссійскій*“ въ предѣлахъ теперешней Харьков. губ. (Пр. Д. 1697, сент. 13: Вѣлополье, Суджа, Лебединъ, Мирополье, Краснополье, село Пяно, Межиречи, Ахтырка, Боровая, Станной, Богодуховъ, Мурафа, Городное, Краснокутскъ, Колонтаевъ, Рублевка, Харьковъ, Ольшанка, Золочевъ, Салтовъ, Волчы воды, Булыкиен, Ляманъ, Зиѣвевъ, Соколовка, Мереев, Ваики, Царевъ Борисовъ, Маяцкій, Новая Перекопъ, Андреевы Лозы)“. О военныхъ округахъ, находившихся въ вѣдомствѣ Разряда, будетъ подробнѣе говориться при изложеніи губернской реформы Петра Великаго.

²⁾ Городецкія книги Арх. Мин. Ин. Д.; Посольскаго приказа кн. № 1 (1661—4); въ книгѣ № 2 изъ Касимова, Елатьмы и Ерахтура (1653); въ 1674 не упоминается Ерахтура. Въ 1665—1667 г. тамош. и кабацк. сборы съ Вязьмы вѣдала Устюжск. четь. Доп. къ А. И. IV, № 52.

мали всю территорию Московскаго государства ¹⁾. На болѣе точ-

¹⁾ Еще *Неволинъ*, VI, 182—183, выставилъ положенія: „основаніемъ раздѣленія Россіи по отношенію къ мѣстному управленію служилъ тотъ самый порядокъ, въ какомъ различныя части, изъ которыхъ она образовалась, вошли въ составъ ея владѣній. Каждая часть, которая до присоединенія... пользовалась управленіемъ, какъ одно цѣлое, и послѣ соединенія продолжала управляться, какъ одно цѣлое... Но при раздѣленіи Россіи въ порядкѣ мѣстнаго управленія на части, между различными владѣніями ея было существенное различіе: одни владѣнія имѣли свое общее или центральное управленіе исключительно въ Москвѣ, въ ея приказахъ; другія сверхъ того имѣли еще на мѣстѣ общее или центральное управленіе“, именно, по *Неволину*: „царства Казанское, Астраханское, Сибирское, государство Псковское, княжество Смоленское“. *А. Лохвицкій* (Губернія. С.-Пб. 1865, 20—35) готовъ признать, что „великіе князья московскіе оставляли не тронутыми тѣ предѣлы, въ которыхъ извѣстное княжество заключалось во время присоединенія къ Москвѣ, оставляли даже существовавшіе тамъ разряды (управленіе дворянствомъ) и дворцы (финансовое управленіе)“; но онъ полагаетъ, что цѣлость древнихъ княженій была затѣмъ совершенно разрушена дѣятеми, пожалованіями, податными изъятіями и т. п.; такимъ образомъ получалось „безчисленное количество единицъ, относившихся непосредственно къ Москвѣ“; вся эта разрозненная масса и „была сгруппирована въ Москвѣ распредѣленіемъ по приказамъ“, но „только съ податной точки зрѣнія, какъ извѣстная масса дохода, безъ всякихъ территориальныхъ или историческихъ соображеній“. Такимъ образомъ, по *Лохвицкому*, устройство четвертой совсѣмъ не было простымъ перенесеніемъ въ Москву управленія старыхъ княжествъ, какъ полагалъ *Неволинъ*, а совершенно новой организаціей, главная цѣль которой для правительства состояла въ томъ, чтобы стать въ непосредственныя, прямыя отношенія съ каждымъ отдѣльнымъ палатничкомъ. Этотъ взглядъ былъ очень важнымъ шагомъ впередъ для пониманія происхожденія нашего финансоваго строя XVII вѣка. Въ послѣдующей литературѣ это пониманіе нѣсколько затемнено налѣгшимъ схематизмомъ изображенія. *А. Д. Градовскій* (Мѣстное управленіе, 213—283), вопервыхъ, доводитъ до крайности мысль *Лохвицкаго* о разрушеніи областной цѣлости старыхъ княженій: то, что для (*Чичерина* и) *Лохвицкаго* было случаемъ и слѣдствіемъ финансовай потребности, для *Градовскаго* есть послѣдовательно проведенная политическая система: „для Москвы было не выгодно, чтобы ея государство было размежевано, такъ сказать, въ натурѣ. Эти видимыя для всѣхъ границы и центры областного управленія были вредны для утвержденія государственнаго единства... Вся совокупность земель и городовъ, составлявшихъ область, не имѣла теперь никакого объединяющаго учрежденія въ мѣстности и объединялась въ Московскомъ приказѣ; вмѣсто границъ „въ натурѣ“ мы видимъ росписаніе городовъ и уѣздовъ по приказамъ, которые и являютя областнымъ правительствомъ разныхъ земель Московской державы“. Такимъ образомъ, для вѣрно наблюдаемаго факта дается невѣрное объясненіе, которое, при томъ, не вполне послѣдовательно проводится. Повидимому, при такомъ взглядѣ особенно было бы удобно удержатъ мысль *Лохвицкаго* о сравнительной новосты организаціи областного вѣдомства четей; но какъ разъ тутъ, и опять не къ пользѣ дѣла, *Градовскій* держится мысли *Не-*

номъ географическомъ опредѣленіи ихъ мы останавливаться не бу-

волнна о томъ, что чети „возникають подъ вліяніемъ уничтоженія удѣловъ и присоединенія къ Россіи разныхъ царствъ и государствъ“ и что „они замѣнили собою высшее правительство этихъ удѣловъ и областей“ (стр. 232—233). Такое происхожденіе четвертей нужно ему въ интересахъ схемы: именно, при этомъ условіи появленіе областныхъ приказовъ въ Москвѣ является промежуточнымъ моментомъ между существованіемъ древнѣйшихъ дворцовыхъ и возникновеніемъ позднѣйшихъ центральныхъ, общегосударственныхъ приказовъ; областные приказы являются механической замѣной „прежняго удѣльнаго управленія“ до времени, пока явится управленіе органическое; они составляютъ, такимъ образомъ, переходъ отъ государства вотчиннаго къ государству сословному. По мнѣнію Градовскаго, областные приказы и начинаютъ разрушаться тотчасъ же, какъ Москва начинаетъ стягивать къ себѣ каждое сословіе отдѣльно, разъединяя такимъ образомъ мѣстное общество, прежнее единство котораго воплощалось въ единомъ областномъ приказѣ (стр. 238—239). Во всемъ этомъ взглядѣ основную мысль можно назвать болѣе вѣрной, чѣмъ ея развитіе на историческихъ фактахъ, въ особенности, чѣмъ ея приложеніе къ исторіи областныхъ приказовъ. Исследователь наблюдаетъ въ нихъ подъ вліяніемъ этой мысли не то, чѣмъ они были. По возникновенію своему, какъ мы уже видѣли, чети были приказами чисто финансовыми; считая же ихъ замѣстителями стараго удѣльнаго управленія, исследователь придаетъ большую важность въ сущности совершенно второстепенной и производной административной и судебной компетенціи ихъ (стр. 224—232). Разрушеніе четей, какъ еще увидимъ, послѣдовало также отъ чисто финансовыхъ причинъ; ставя же его въ связь съ развитіемъ сословности, исследователь пытается наблюдать, какъ и въ четверти проникаетъ сословный принципъ, какъ известныя сословія (напримѣръ, служилое) исключаются изъ вѣдомства четей (стр. 225); на дѣлѣ же, за все время существованія четей, *всѣ* онѣ вѣдали всѣ сословія, какъ только дѣло касалось уплаты послѣдними государственнаго налога.

Когда еще чети изучаются въ общей связи съ приказнымъ управленіемъ и съ исторіей сословій, вся насильственность примѣненія къ нимъ общей Чичеринской (см. также *Θ. Дмитриева*, *Ист. Суд. Инстанцій*, 127—129) схемы все же менѣе чувствуется, чѣмъ когда той же схемѣ подчиняется изслѣдованіе спеціально финансовой системы приказовъ. Отъ этой основной ошибки очень пострадало, по нашему мнѣнію, изложеніе послѣдней главы много разъ цитированнаго выше сочиненія *А. С. Лаппо-Данилевскаю* (*Организація прям. облож.*, гл. V: „Распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ“, стр. 442—501). Авторъ представляетъ финансовую организацію, какъ послѣдовательное проявленіе сперва „вотчиннаго принципа“ поступленій, затѣмъ „территориально-сословнаго“, и наконецъ, принципа „систематизація поступленій“ (значеніе этихъ терминовъ объясняется изложеннымъ выше). Областные приказы служатъ проявленіемъ „территориально-сословнаго“ принципа; возникновеніе ихъ есть свидѣствіе „механическаго роста Московскаго государства“, такъ что они стоятъ въ непосредственной связи съ старыми удѣлами и княженіями: „прежнее территориальное дѣленіе сперва опредѣляло предѣлы вѣдомства областной чети“; прежнее областное управленіе въ его цѣломъ опредѣлило и ихъ первоначальную компетенцію, ко-

демъ ¹⁾ и перейдемъ къ оцѣнкѣ ихъ сравнительнаго значенія въ финансовомъ отношеніи. Оцѣнку эту можно сдѣлать или на

которая позднѣе „утеряла это значеніе въ двухъ отношеніяхъ“; именно, 1) служилый классъ былъ изъятъ изъ ихъ вѣдомства, и вслѣдствіе этого 2) „четы, сдѣлавшіеся центромъ, вѣдомство котораго ограничено было однимъ тяглымъ классомъ данной области, получила значеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія“ (стр. 454). По вашему взгляду, четь была финансовымъ учрежденіемъ съ самаго своего появленія, учреждена была, какъ таковое, и никогда не превращалась въ учрежденіе сословное. Управление присоединявшихся къ Москвѣ областей именовалось, какъ уже замѣтилъ Лохвицкій, „дворцами“ и „разрядами“; послѣдніе вѣдали службу, а первые финансы. Областные дворцы мало по малу сливались съ Московскимъ Большимъ Дворцомъ; такъ, Рязанскій дворецъ превратился въ „Рязанскую треть Большаго Дворца“ (см. *Лихачевъ*, 37; можетъ быть, подобный смыслъ имѣли и „трети“ Флетчера?). Любопытно, что именно Рязанскіе города цѣлой группой вошли въ составъ одной изъ четей, именно Владимірской. Отношеніе Новгородскаго дворцоваго приказа къ чети мы уже разсмотрѣли. Такіе незначительные въ отношеніи территоріальнаго вѣдомства дворцы, какъ Дмитровскій (Дмитровъ позднѣе въ Устюжской чети) и Ростовскій (въ Галицкой), и не могли оказать никакого вліянія на распредѣленіе территоріальныхъ вѣдомствъ. Тверской дворецъ дѣйствуетъ еще въ 1580 г., какъ самостоятельное финансовое учрежденіе, собирающее всѣ четвертными и кабацкія подати (Писц. кн. *Калачова*, II, 294, 313, 342, 361, 402 и др.; это несомнѣнно Тверской дворецъ, дворецкій котораго, кн. И. А. Звенигородскій, сохраняетъ свое званіе еще въ 1585 г. Писц. кн. *Калачова* II, 303 и Акты Моск. Госуд. I, № 30). Такимъ образомъ, было бы еще до вѣкоторой степени вѣрно утвержденіе, что чети *перераспредѣлили между собой старыя вѣдомства областныхъ дворцовъ*; утверждать же, что чети суть прямое продолженіе старыхъ мѣстныхъ правительствъ, не представляется никакой возможности.

¹⁾ Перечисленіе городовъ, вѣдавшихся каждой четью, всего полнѣе сдѣлано у *Лаппо-Данилевскаго*, прилож. XI, стр. 542 — 550; не слѣдовало только ставить простые рядки въ Новгородской чети и дворцовыя села въ Казанскомъ дворцѣ безъ всякаго особаго обозначенія рядомъ съ значительными городами. Для характеристики чрезполосности въ распредѣленіи городовъ не только между четами, но и внутри каждой чети между повытьями, приводимъ описаніе городовъ по повытьямъ, относящееся къ 1683 г. (Прик. Д. 1683, безъ числа: „выписка Устюжской четверти о сборѣ со всѣхъ городовъ“ etc; заглавіе, какъ часто въ Приказныхъ Дѣлахъ, не соответствуетъ содержанію документа). При каждомъ повытьѣ указаны и размѣры получаемаго съ него стрѣльцкаго оклада; цифры эти сохраняемы, такъ какъ онѣ могутъ дать понятіе о сравнительной платежной способности четей.

1. *Устюжская четь*. 1) Повытье Ив. Волкова: Устюгъ, Можайскъ. . . . . 10.163 р.

2) Повытье Макс. Алексѣева: Соль-Вычегодская, Устюжна Желтвопольская, Ржева Володимирова, Венева, Старица, Епи-
фанъ, Бѣжецкій верхъ . . . . . 4.416 „

основаніи сравненія поступающихъ въ чети суммъ, или на основаніи количества вѣданныхъ ими плательщиковъ. Здѣсь мы займемся только послѣднимъ расчетомъ. Данныя для статистики городского населенія четей, а на сѣверѣ также и уѣзднаго, сохранились для насъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онѣ нужны были тогдашнему правительству, — именно, для экстренныхъ сборовъ съ двороваго числа. Такого происхожденія и тѣ цифры, которыя приводятся здѣсь: это именно то число дворовъ, съ котораго взимался подворный сборъ 1639 г. (см. § 5); данныя восходятъ, по всей вѣроятности, къ писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ. Для сравненія приводятся также цифры дворовъ, съ которыхъ взималась съ 1681 г. стрѣлцкая подать; эти цифры даны переписными книгами 1678 г.; онѣ относятся какъ разъ къ той части

3) Повытье Вас. Протопопова: Тотыма, Чаронда, Клинь, Вязьма, Звенигородъ, Погорѣлое городище, Бѣжецкій верхъ (sic), Устьянскія волости, Руза, Гремячей	8.066 „
Итого . . .	22.645 р.
II. <i>Володимерск. четь.</i> Повытье Сем. Никитина: Владимиръ, Таруса, Лухъ, Зарайскъ, Михайловъ, Торжокъ, Путявлъ, Орель, Переяславль Рязанскій, Верей, Калуга, Боровскъ, Волховъ, Тула, Тверь	5.047 „
III. <i>Галицкая четь.</i> Повытье Ив. Торопова: Галичь, Соль-Галицкая, Чухлома, Ужа, Пареевевъ, Кашира, Мещовскъ, Бѣлевъ, Кашинь, Коломна, Суздаль, Ростовъ, Юрьевъ Польскій, Шуя	3.781 „
IV. <i>Новгородскій приказъ.</i> 1) Повытье И. Уланова: Олоонецъ, Старая Руза, Вологда, Каргополь	16.933 „
2) Повытье Ив. Левкѣва: Вятка, Соль Камская, Арзамасъ, Пермь и Чердынь	21.612 „
3) Повытье Ф. Кроткова: Двина, Нижній	6.086 „
4) Повытье И. Владиславлева: Кай-городокъ, Кеврола и Мезень, Вымь, Яренскій городокъ, Кольскій и Пустозерскій остроги	6.016 „
Итого . . .	50.647 р.
Всего . . .	82.120 р.

Одного или двухъ повытьевъ не хватаетъ (Новгородъ и Псковъ): въ другомъ документѣ 1693 г. въ Новгородскомъ приказѣ 6 повытьевъ. Не хватаетъ также Костромской четверти.

населенія (посадскаго, на сѣверѣ же и уѣзднаго) которая платила и сборъ 1639 г. ¹⁾.

	1639.			Прирость (по 1678. первому ряду цюръ).	
1. Новгородская четверть	38.806	38.599	31.481	48.065	23,9 ⁰ / ₀
2. Устюжская четверть .	18.434	18.444	18.649	23.868	29 ⁰ / ₀
3. Казанскій дворець .	9.996	9.179	11.940	2.678 ²⁾	2,2 ⁰ / ₀
4. Костромская четверть	3.861	3.907	3.762	5.837	51 ⁰ / ₀
5. Галицкая четверть .	3.812 ³⁾	—	1.956	3.278	67,6 ⁰ / ₀
6. Владимірская четверть }			—	1.837	4.637
	74.909		69.625	88.363	30,8 ⁰ / ₀

¹⁾ Первый рядъ цюръ полученъ путемъ перевода на число дворовъ общей суммы денегъ, подлежащихъ уплатѣ съ каждой четверти (по 2 р. съ двора), см. Пр. Д. 1639, № 79 и 1645, № 13,—документы взаимно объясняющіе и дополняющіе другъ друга. Второй и третій рядъ получены сложениемъ числа дворовъ, обложенныхъ сборомъ въ каждомъ городѣ, см. Пр. Д., 1637, № 57 (безъ начала: не достаеъ Влад. Гал. четв.) и по Владиміру кн. № 4. Циеры 1678 г. получены путемъ сложения по четямъ данныхъ А. А. Э. IV, № 250. Измѣненіями въ составѣ четвертей за это время, совершенно незначительными, можно пренебречь при общемъ выводѣ (напримѣръ, въ Устюжской чети не приложены въ 1681 г. Можайскъ, Дмитровъ, Погорѣлое городище; отъ Костромской чети Большая и Малая Соли отошли къ Б. Дворцу и т. п.).

²⁾ Тутъ несомнѣнно показано только посадское населеніе; ср. *Есипова*, Сборн. выписокъ о Петрѣ Великомъ, II, 289, гдѣ дана по той же переписи циера посадскихъ 2,790 дворовъ. Для сравненія надо выдѣлить и въ 1639 г. циеру посадскихъ; дѣлаемъ это для всѣхъ трехъ четвертей, въ которыхъ выѣствъ съ посадскимъ считается и часть уезднаго населенія (по Пр. Д. 1637, № 57):

1. Новгородская четверть: городскихъ	7.003	дв. уездныхъ	31.596
2. Устюжская " "	2.288	" "	16.156
3. Казанскій дворець: " "	2.620	" "	6.559
	11.911		54.311.

Такимъ образомъ, для сравненія въ Казанскомъ дворцѣ надобно циеру 9.996 замѣнить циерой 2.620 (и общій итогъ будетъ вм. 74.909 — 67.533; относительно этой циеры опредѣленъ и общій % прирости).

³⁾ Предполагаемъ, что въ этой циерѣ, отнесенной въ документѣ собственно къ Владимірской четверти, включена и Галицкая. Эти чети всегда были очень близки другъ къ другу. Въ концѣ вѣка встрѣчаемъ даже такое явленіе: Семенъ Никитинъ—подъячій Владимірской чети, Андрей Ивановъ—Галицкой; но оба они завѣдуютъ денежной приемкой въ обоихъ четахъ: въ каждой есть повѣтые и того и другаго. См. Пр. Д. 1692, сентября 6-го, и 1693, безъ числа: „выписки учиненныя въ Посольскомъ приказѣ“ etc.

О полномъ количествѣ посадскаго и уѣзднаго населенія можно было бы сгруппировать данныя по цифрамъ переписныхъ книгъ 1678 г.; но эта статистика населенія не показала бы намъ статистики четвертей, потому что при совмѣщеніи разныхъ частей уѣзднаго населенія въ одной цифрѣ по уѣзду ¹⁾ нельзя выдѣлить того, что вѣдала четъ, отъ того, что вѣдалъ, напримѣръ, Большой Дворецъ или Монастырскій приказъ. Общія цифры, пригодныя въ настоящемъ случаѣ, удалось собрать только для Казанскаго Дворца, Устюжской четверти и Большаго Дворца, именно ²⁾:

	1646—1647.	1678.	Приростъ.
1. Казанскій дворецъ	50.746 дв.	79.341	56,3%
2. Устюжская четверть	32.941 „	[69.174]	110% (?)
3. Большой Дворецъ (1638)	37.200 „	90.549	143%
въ егоже вѣдомствѣ монаст. и патр.	38.270 „	98.039	156%

Эти цифры могутъ служить намъ для двойкой цѣли. Вопервыхъ, онѣ очень наглядно уясняютъ сравнительное финансовое значеніе четей, располагающихся по степени значительности своихъ денежныхъ оборотовъ въ томъ же порядкѣ, какъ по степени населенности своей территоріи (съ тѣми же колебаніями, какъ въ двухъ приведенныхъ таблицахъ). Вовторыхъ, съ ихъ помощью можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, въ какой степени могли

¹⁾ См., напримѣръ, у *Н. Н. Олбллина*, Обзорніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII вѣка въ Описаніи документовъ Арх. М. Юст., кн. IV, прил. XLII на стр. 488—489.

²⁾ Число дворовъ Казанскаго дворца и Устюжской четверти по переписи 1646 года показано по даннымъ Пр. Д. 1650, № 118; по переписи 1678 г. въ Казан. дв.—на основаніи Доп. къ А. И. VIII, № 40; но тутъ по Казани, Свяжску, Курмышу, Алатырю и Уѣзъ съ уѣздами сообщены цифры переписи 1646 г.; съ ними выходитъ на 4,217 дв. больше, чѣмъ по цифрамъ 1678 г., которыя можно найти у *Есипова*, Сборн. выпис., II, 288—289, и которыя здѣсь подставлены. Въ обѣ цифры введено и число ясашныхъ; безъ нихъ въ 1678 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ выходитъ 37,469. По Большому Дворцу и переданному туда же съ 1677 г. вѣдомству Монастырскаго приказа цифры за 1678 г. получены по Доп. къ А. И. VIII, 40; по даннымъ *Есипова* получаемъ близкую цифру 83,060 (II, 177—261; по моему итогу). Цифры 1638 г. по Большому Дворцу и патриаршимъ и монастырскимъ вотчинамъ добыты переводомъ на дворы сбора даточныхъ на 1638 г. и за нихъ денегъ на 1639 г. См. Рус. Ист. Библ., X, 268. Наконецъ, цифра 1678 г. по Устюжской четв. получена по *Олблнину*, I, с.; она поставлена въ скобки, потому что, какъ цифра четвертнаго вѣдомства, можетъ оказаться слишкомъ высокой.

возрастать доходы государства отъ одного только прироста населенія. Если оставить въ сторонѣ исключительную цифру Казанскаго дворца, какъ основанную на подозрительныхъ данныхъ, то изъ остальныхъ цифръ первой таблицы можно заключить, что городское населеніе XVII в. (показанное въ послѣднихъ трехъ четахъ) возрастаетъ гораздо быстрѣе уѣзднаго (составляющаго почти $\frac{5}{8}$ въ цифрахъ первыхъ трехъ четей); и не смотря на этотъ ростъ городского населенія, абсолютныя его цифры такъ не велики, что очень мало повышаютъ общую цифру прироста равную по 6-ти областнымъ приказамъ всего 30,8%, то-есть 0,77% или 0,6% въ годъ (смотря по тому, примемъ ли 40 или 50 лѣтъ разстоянія между цифрами). Правда, во второй таблицѣ и общій приростъ уѣзднаго населенія вмѣстѣ съ городскимъ показанъ значительно выше; но, оставляя въ сторонѣ Устюжскую четверть, гдѣ цифра, поставленная въ скобки, возбуждаетъ сомнѣнія, въ остальныхъ цифрахъ мы не найдемъ противорѣчія съ впечатлѣніемъ отъ первой таблицы. Дѣло въ томъ, что увеличеніе населенія въ 2 $\frac{1}{2}$ раза въ Большомъ Дворцѣ и Монастырскомъ приказѣ гораздо вѣроятнѣе объясняется увеличеніемъ количества монастырскихъ и дворцовыхъ вотчинъ, чѣмъ естественнымъ приростомъ населенія: въ этомъ отношеніи цифры прироста очень любопытны, но не для нашей цѣли. Единственная надежная для насъ цифра второй таблицы—есть приростъ въ 56,3% (то-есть, около 1,8% въ годъ) въ населеніи Казанскаго Дворца. Этотъ приростъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ вдвое выше наблюдаемаго въ первой таблицѣ для территоріи Новгородской и Устюжской четверти: этого и слѣдовало ожидать при сравненіи русскаго сѣвера съ вновь колонизируемой областью Поволжья; но для колонизируемой области и такой % врядъ ли можно признать значительнымъ ¹⁾. Мы увидимъ да-

¹⁾ По вычисленіямъ *Шницлера* (*L'Empire des Tsars*, II, 226—227), ежегодный приростъ населенія за первую половину XIX в. былъ 1,1%. Въ 1859—1863 г. годовой приростъ—1,4%, при чемъ въ мѣстностяхъ колонизируемыхъ ежегодный приростъ былъ болѣе 2% (Херсонская, Екатеринославская, Тавричская губ.); см. Военно-статистическій сборникъ, вып. IV. Россія. С.-Пб. 1871 (стр. 80). Та же цифры находимъ въ земскихъ сборникахъ, въ данныхъ, собранныхъ для комиссіи пониженія выкупныхъ платежей, и въ данныхъ Центрального статистическаго комитета. См. сводъ этихъ данныхъ въ литограф. курсѣ „сельско-хозяйственной статистики“ *А. О. Фортунатова*, стр. 16—21. Ср. также цифры и картограмму „прироста крестьянскаго населенія по уѣздамъ съ 1858 до 1878 г.“ въ *Стат. Врем. Р. И.*, серія III, вып. 10: Повемельная собственность Евр. Россія, разработана *Г. Еришовымъ*. С.-Пб. 1886, стр. 132—143.

лѣе, что тѣ же чрезвычайныя обстоятельства, которыя повліяли на задержку роста населенія, не дали возможности правительству дожидаться естественнаго возрастанія доходовъ и заставили обратиться къ экстреннымъ мѣрамъ; будучи прямымъ послѣдствіемъ тяжелаго фискальнаго гнета, задержка въ приростѣ населенія сама становилась одной изъ причинъ этого гнета: чѣмъ менѣе населеніе могло дать лишнихъ налоговъ, тѣмъ болѣе правительство въ нихъ нуждалось, и чѣмъ болѣе правительство ихъ требовало, тѣмъ менѣе состоятельными оказывались плательщики.

§ 3. Послѣ общаго обзора податной системы и финансовой администраціи, какъ онѣ сложились къ началу XVII вѣка, мы переходимъ теперь къ тѣмъ осложненіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ финансовый строй потерпѣлъ существенныя измѣненія въ теченіе столѣтія. Главной потребностью, къ которой ему предстояло приладиться, было постоянное возрастаніе расхода на регулярную армію и экстренныя нужды, вызывавшіяся войнами. Съ расходомъ на армію мы и должны познакомиться прежде всего, для того чтобы понять главный источникъ возрастанія постоянныхъ денежныхъ потребностей и вмѣстѣ финансовыхъ затрудненій правительства XVII вѣка¹⁾. Возро-

¹⁾ *Литература: И. Бѣляевъ.* О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. М. 1846. *Ею-же.* О сторожевой и станичной службѣ на польской украинѣ Моск. госуд., въ *Чтеніяхъ О. И. и Д. Р.* 1846, т. IV. Н. *Устряловъ.* Русское войско до Петра Великаго (Исторія Петра Великаго, т. I. С.-Пб. 1858, гл. IX, стр. 173—189). *Briz.* Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin. 1867. (Лучшее сочиненіе, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обратившее на себя вниманіе; авторъ отлично знакомъ съ русскими сочиненіями и печатными источниками). *Бобровскій.* Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Ч. II. Аргументъ воинскій. Выпускъ 2-й. С.-Пб. 1886. (Спеціально къ XVII вѣку относится „Разрядъ первый: переходъ Россіи къ регулярной арміи“, глава II: „Характеристика русскихъ войскъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до преобразованія Петра Великаго“, стр. 59 — 138. Тутъ же болѣе подробная бібліографія, стр. 4—19. Къ сожалѣнію, авторъ, знакомый съ литературой, недостаточно воспользовался источниками, даже печатными; достаточно сказать, что важнѣйшій для него документъ, разрядныя книги, — которыми очень хорошо умѣлъ воспользоваться Бриксъ, — нашъ русскій историкъ арміи знаетъ только изъ Бриксса и передаетъ его цитаты на Bücher d. Razgrad, перевода буквально и самое названіе источника „книги разряда“. Рукописныхъ источниковъ, безъ которыхъ въ наше время нельзя писать о „бытѣ русскихъ войскъ въ XVI и XVII вѣкахъ“, — такъ называется еще не изданное сочиненіе автора, — П. О. Бобровскій вовсе не употребляетъ въ дѣло).

станіе расхода на армію зависѣло, вопервыхъ, отъ увеличенія ея количества, вовторыхъ, отъ измѣненій въ ея составѣ; рассмотримъ въ общихъ чертахъ то и другое.

Въ началѣ XVII вѣка, постоянная русская армія состояла, главнымъ образомъ, изъ двухъ частей: дворянской конницы и стрѣлочной пѣхоты. Первая несла двухъ родовъ службу: армейскую и гарнизонную, или, въ терминахъ того времени, „полковую“ и „городовую“. Подъ „полковой“ службой въ первой трети вѣка разумѣлась регулярная охрана границъ, главнымъ образомъ южныхъ: каждое лѣто въ извѣстныхъ мѣстахъ выставлялись „полки“ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ которые должна была являться „половина“ служащихъ полковую службу: изъ „замосковныхъ“, болѣе отдаленныхъ городовъ, на все лѣто, изъ „украинныхъ“ же „обѣ половины“ переимѣнялись послѣ 1-го іюля. Въ случаѣ военной опасности на службу вызывались обѣ половины одновременно. Дѣйствительная величина южной арміи въ 1624—1639 годахъ была слѣдующая ¹⁾:

1624 . . .	9.464	1629 . . .	11.826
1625 . . .	10.908	1630 . . .	8.898
1626 . . .	10.351	1631 . . .	4.842
1627 . . .	10.975	1632 . . .	4.827
1628 . . .	11.257	1633 . . .	4.955

¹⁾ Чтобы показать распределеіе полковъ по городамъ и численность каждого изъ нихъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ (Разр. кн. I, 1051—1065; 1171—1181; II, 835—847):

	1625.	1626.	1636.		
			дворянъ.	иноземцевъ.	осадныхъ людей.
1. Въ большомъ полку на Тулѣ . . .	3.073	2.570	4.805	1,654	2,148
2. „ передовомъ полку на Дѣдловоѣ . . .	1.452	1.695	2.238	—	320
3. „ сторожевомъ полку на Брапниноѣ . . .	1.180	1.185	1.900	—	273
4. „ прибывомъ полку въ Мценскѣ . . .	1.816	1.812	1.876	—	258
5. „ Рязани	1.640	1.438	2.030	—	282
6. „ Михайловоѣ	1.080	1.144	1.231	—	534
7. „ Пронскѣ	667	507	904	—	210
8. „ Новосила	—	—	1.876	—	401
Итого . . .	10,908	10,351	16,980	1,654	4,426.

Таблица въ текстѣ составлена по цифрамъ *Бяллага* (на основаніи разрядныхъ книгъ—О сторожевой и станичной службѣ, 45—46) а 1637—1639 годы прибавлены (безъ осадныхъ людей) по Р. И. Б. X, 70—78, 113—115, 191—200.

1635 . . .	12.759	1638 . . .	14.517
1636 . . .	16.980	1639 . . .	24.946
1637 . . .	8.810		

Какъ видимъ, 10,000 ч. было обычнымъ количествомъ украинской арміи; въ случаѣ, если военныя силы нужны были въ другомъ мѣстѣ (какъ въ 1631—1633 гг.), число это падало до половины—5,000 ¹⁾; если опасность угрожала южной границѣ, какъ въ 1636—1639 гг., армія могла быть удвоена (до 20,000).

Содержаніе этой части арміи обходилось сравнительно дешево, потому что жалованье ей платилось только „за службы и посылки“, не было ежегоднымъ и давалось всякій разъ по особому челобитью. „Городовымъ дѣтемъ боярскимъ, говорить анонимная записка времени смуты, коли службы нѣтъ, въ пятой годъ даютъ и болши“. Отдѣльные факты вполне подтверждаютъ это показаніе. Напримѣръ, Путивльцы и Рыляне, получившіе жалованье на 1576 годъ, били челомъ о денежномъ жалованьи и на слѣдующій 1577 г. Въ Разрядѣ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли помѣстья, „отказали до 1581 г.“ ²⁾. Мы знаемъ интересный случай раздачи жалованья въ 1648 г.: украинныя и замосковныя дѣти боярскіе получили на этотъ разъ жалованье за три года, при чемъ жалованье раздавалось только тѣмъ, которые дѣйствительно служили въ это время въ украинной арміи; служившіе же въ гарнизонахъ жалованья не получили. Получившихъ жалованье въ этомъ году было 10,000 ч., то-есть, какъ разъ обычный размѣръ украиннаго корпуса, и общая сумма выданнаго имъ жалованья доходила до 130,000 р.; такимъ образомъ на каждого среднимъ числомъ пришлось около 13 руб. ³⁾.

¹⁾ Анонимная записка смутнаго времени (А. И. II, № 355) изображаетъ украинную армію по старому порядку, когда сохранялись еще полки правой и лѣвой руки и всѣ полки еще стояли „на берегу“ (Оян); между тѣмъ въ ней указывается обычное число арміи—5,000. Слѣдовательно, ко второй четверти XVII вѣка, она уже удвоилась. Въ виду этого трудно повѣрить свидѣтельству Флетчера о ежегодной арміи въ 65,000 на южной границѣ.

²⁾ А. И. II, № 355, и *Котошихинъ*, стр. 80; Акты Московск. Государства, № 21; ср. *ibid.* № 23, гдѣ жалованье дается „въ третей годъ“.

³⁾ Рус. Ист. Библ. X, Записная книга Москов. стола 1648—1649 г., стр. 428—439; по итогу книги 10,410 чел. получили 124,529 р.; по моему итогу—9,803—130,700. Больше подробныя свѣдѣнія о жалованьи дворянъ и дѣтей боярскихъ, помѣстныхъ и кормовыхъ, см. у *Брикса*, 476—483; тутъ же и объ отношеніи жалованья къ помѣстью.

Другая часть дворянъ и дѣтей боярскихъ, преимущественно мало-состоятельные и отставные, служили гарнизонную („городовую“) службу. Къ нимъ присоединялась на сѣверѣ часть посадскаго населенія, вооруженная луками, копьями и пищалями, а на югѣ инородцы, мобилизовавшіеся, впрочемъ, только въ случаѣ нужды. Такъ какъ содержаніе этихъ частей арміи ничего не стоило правительству въ обычное время, то намъ и нѣтъ надобности останавливаться на немъ подробнѣе. Замѣтимъ только, что общая сумма состоявшихъ на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ была въ 3—5 разъ болѣе числа получавшихъ жалованье. Такъ въ 1631 г. получили жалованье 5,364 чел., а всего числилось на службѣ 24,900; въ 1625 г. кромѣ 10,908 служившихъ полковую службу и, слѣдовательно, имѣвшихъ право на жалованье, числилось 19,786 служившихъ городовую службу ¹⁾.

Стрѣлецкая пѣхота была по отношенію къ содержанію въ другомъ положеніи, нежели дворянская конница; жалованье ей платилось „ежелтъ“. По составу стрѣльцы распадались, какъ и дворянство, на московскихъ и городовыхъ. Количество московскихъ стрѣльцовъ для начала столѣтія Бриксъ высчитываетъ около 7,600. Жалованье Московскаго стрѣльца было нѣсколько выше городского, 5—6 руб. ²⁾; слѣдовательно содержаніе московскихъ стрѣльцовъ обходилось въ 38,000—45,600 руб. Что касается городскихъ стрѣльцовъ, число ихъ опять можно прослѣдить изъ года въ годъ по разряднымъ книгамъ: за 1625—1636 г. ихъ было ³⁾:

Пѣшіе. Конные. Всего.				Пѣшіе. Конные. Всего.				
1625.	17.903	2.636	20.539	1631.	20.866	2.586	23.452	
1626.	18.008	2.636	20.644	1632.	21.399	2.548	23.947	
1627.	18.481	2.736	21.217	1633.	20.669	2.586	23.255	
1628.	19.857	2.617	22.474	1634.	22.972	2.697	25.669	
1629.	21.002	2.649	23.651	1636.	20.421	2.604	23.025	
1630.	20.947	2.669	23.616					3.006
								26.353

Какъ видимъ, число городскихъ стрѣльцовъ медленно, но постоянно увеличивается. Содержаніе (пѣшаго) стрѣльца стоило за это

¹⁾ *Временникъ* О. Н. и Др. Р. IV, смѣтный списокъ 139 года. *Brix. Bei-*
lage 2, pag. 572—5.

²⁾ *Brix*, 252: 7,587 чел.; о жалованьѣ ихъ *ibid.* 487—478. Маржеретъ,
однако, считаетъ ихъ 10,000.

³⁾ По итогамъ таблицы, составленной Бриксомъ. *Beilage* 4, p. 580—581.

время 4—3 руб.¹⁾; слѣдовательно, ежегодный расходъ на 20—25 тыс. стрѣльцовъ былъ 60.000—100.000 рублей.

Переходимъ къ расходу на штабъ и гвардію—думные и московскіе чины. Въ 1616 г. оклады этой части арміи, по очень не полному впрочемъ списку, были слѣдующіе²⁾:

бояре [24]	8.900	стольники [115].	6.864
окольничіе, высшіе придворн.		страпчіе [53].	1.109
чины, думные дворяне и дьяки		дворяне московскіе	
[14]	2.170	[295]	7.085
<hr/>		<hr/>	
итого думные	11.070	итого	15.058
<hr/>			
Всего 26.128 [391 чел.].			

Но списокъ 1616 г., во первыхъ, не полный, потому что въ немъ нѣтъ жильцовъ; во вторыхъ, относительно многихъ лицъ онъ вовсе не показываетъ окладовъ, и наконецъ, вообще перечисляетъ очень незначительное количество лицъ. По списку 1631 г. было, напримѣръ, бояръ 14, окольничихъ и т. д. 13; но за то стольниковъ 730, страпчихъ 105, дворянъ московскихъ 883 и жильцовъ 790; всего 2.535, то-есть, въ 6 слишкомъ разъ больше, чѣмъ въ спискѣ 1616 г. Возвышая (и уменьшая) пропорціонально оклады и принимая расходъ на жильцовъ равнымъ расходу на дворянъ московскихъ, мы получимъ окладъ на 2.500 чел. = около 100.000 р. Но на сколько этотъ окладъ дѣйствительно уплачивался, сказать чрезвычайно трудно въ виду того, что московскіе чины получали жалованье, какъ и городское дворянство, весьма не регулярно. Поэтому въ дальнѣйшихъ расчетахъ мы не будемъ принимать ихъ въ соображеніе.

Безъ нихъ расходъ на армію начала XVII вѣка представляется въ слѣдующемъ видѣ:

дворяне городовые и дѣти боярскіе ок.	30.000 чел.	ок.	130.000 руб. ³⁾
стрѣльцы московскіе и городовые ок.	30.000 „	ок.	145.000 „
<hr/>		<hr/>	
всего	ок. 60.000 чел. ⁴⁾	ок.	275.000 руб.

¹⁾ *Brix*, 489—490; Русск. Ист. Библ. X, 431.

²⁾ Акты Москов. Государства I, № 108; подсчитаны только обозначенные въ документѣ оклады.

³⁾ Эта цифра скорѣе высока, чѣмъ низка; мы знаемъ, что это—жалованье 10.000 чел., а бывали годы, когда получали жалованье только около 5.000 ч.

⁴⁾ Общее количество войска, включая инородцевъ и другіе разряды, равнялось приблизительно 90.000; въ 1625 г. — общая сумма была 96.419; въ 1631—85.058 (*Brix*, *Veil.* 2 и 3, и *Временникъ*, IV); ср. также *Brix*, 320.

Мы принимали здѣсь максимальныя цифры, чтобъ получить наибольшій расходъ правительства на войско въ началѣ столѣтія. Далѣе будетъ ясна цѣль этого.

Первая серьезная война XVII вѣка—Смоленскій походъ Шейна—нанесла и первый ударъ этой сохранившейся въ главныхъ чертахъ отъ XVI столѣтія системѣ. Во время этой войны впервые употреблена была въ дѣло конница иноземнаго строя (рейтары); въ этомъ же походѣ дѣйствовала и первая русская пѣхота, устроенная по образцу нанятыхъ иностранныхъ солдатскихъ полковъ¹⁾. На одну эту иноземную новинку вышло въ годъ и два мѣсяца „Смоленской службы“—430.000 руб. жалованья. Мы увидимъ (§ 5), какъ правительство достало эти деньги; но такая крупная прибавка расхода не остановила начатой реформы, и въ слѣдующее за Смоленской неудачей время правительство усиленно вербуетъ добровольцевъ и прибираетъ служилыхъ людей въ новыя части войскъ²⁾. Первыми переходятъ въ ряды новой конницы—тѣ же дѣти боярскіе³⁾.

Одновременно съ этимъ первымъ ударомъ—дворянской конницѣ наносится и другой, не менѣе серьезный: она оказывается не нужной въ собственной своей области, въ главной сферѣ своихъ дѣйствій—въ „полковой“ службѣ. Именно, вслѣдъ за окончаніемъ войны правительство переходитъ довольно круто къ новой системѣ обороны южной границы. Уже съ 1636 г., вмѣстѣ съ ежегоднымъ выставленіемъ observationalнаго украинскаго корпуса, оно приступаетъ къ устройству на югѣ новой укрѣпленной черты и къ заселенію ея служилымъ населеніемъ⁴⁾. Въ 1637 г. еще стоятъ на окраинѣ, какъ и прежде, большой полкъ на Туль, передовой на Дѣдиловѣ, сторожевой на Крапивнѣ и т. д.; но уже съ слѣдующаго года наблю-

¹⁾ *Brix*, 284, 287—291. См. ниже таблицу составныхъ частей войска подъ Смоленскомъ.

²⁾ Указы о наборахъ въ драгунскую и солдатскую службу см. Р. Ист. Библ. X, стр. 161—162: 6-го марта 1639; 163—164: 9-го марта; 177—179: 8-го апрѣля; 180—181: 22-го апрѣля; 272—273: 1641 г. 20-го апрѣля и др.

³⁾ См., кромѣ предмд. примѣчанія, Акты Моск. Госуд. I, № 398; Разр. кн. II, 397.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, какъ разъ въ томъ же 1636 г., можетъ быть, не безъ связи съ этой переменой въ системѣ обороны, прекращается и правильное составленіе разрядныхъ книгъ, такъ что мы лишаемся этого первостепеннаго источника для исторіи полковой службы. Въ ближайшіе годы замѣняютъ его отчасти „записныя книги“ (Р. И. Библ. X), а затѣмъ отрывочныя, но тѣмъ не менѣе важныя свѣдѣнія даютъ такъ называемыя „Дворцовыя разряды“.

даемъ важныя измѣненія. Воеводы назначаются „по мѣстамъ, а не по полкамъ“, и всѣ строго подчиняются одному Тульскому воеводѣ¹⁾. Одновременно съ этимъ полковые воеводы и названія полковъ перестаютъ упоминаться²⁾; за то подъ рубрикой „по украиннымъ городомъ“ начинаютъ ежегодно перечисляться города новой укрѣпленной черты³⁾ и точно также регулярно указываются воеводы „у засѣкъ“ (подновленныхъ Тульскихъ и Калужскихъ). Полковая служба не исчезаетъ, правда, сразу: во второй половинѣ 1640-хъ годовъ упоминаются опять „полковые воеводы“, но совсѣмъ на непривычныхъ мѣстахъ, куда они не всегда доходятъ во-время или даже и вовсе не приходятъ: въ Бѣлгородѣ (большой полкъ), на Карповѣ (или Яблоновѣ—передовой), на Яблоновѣ (или Осколѣ—сторожевой)⁴⁾. Приходится уступить старой привычкѣ,—или силѣ вещей, такъ какъ замосковнымъ дворянамъ, конечно, трудно путешествовать ежегодно на далекую теперь окраину:—вѣдьно стоять „по мѣстамъ по городамъ, въ которыхъ городахъ прежде сего стояли по засѣкъ“: на Тулѣ, Рязани, Крапивнѣ, Веневѣ⁵⁾. Такъ полковая служба не смогла приспособиться къ новымъ условіямъ обороны и должна была прекратиться сама собой, какъ скоро ея мѣсто въ охранѣ юга замѣнило мѣстное осѣдлое служилое сословіе. Во всей своей арханческой обстановкѣ „государева похода“ полковая служба выступаетъ только еще разъ въ 1654—1655 г., при личномъ отправленіи царя Алексѣя подъ Смоленскъ, и послѣ того болѣе не упоминается⁶⁾.

Зная теперь общія тенденціи тѣхъ измѣненій, которымъ началъ подвергаться старинный составъ арміи послѣ Смоленскаго похода, мы не будемъ подробно слѣдить за фактической исторіей этихъ измѣненій и предложимъ сравнительную таблицу состоянія арміи въ четыре момента: во время Смоленскаго похода 1632 г., во время похода противъ Брюховецкаго и Дорошенка 1668—1669 г., въ 1679 г. послѣ

¹⁾ Дворц. разр. II, 530—533; 554, 568, 624—626.

²⁾ Ib. 600, 604, 673, 680, 701—702, 734—735, 752—753; Р. И. Библ. X, 113, 190—191.

³⁾ Дв. разр. II, 585—586, 637—638, 660—661, 737—738.

⁴⁾ „И по той росписи бояре и воеводы по тѣмъ городамъ не стояли, для того что тѣ города удалѣли, а стояли по инымъ городамъ“ (на Ливнахъ, Курскѣ и Ельцѣ). Дв. разр. III, 27—28, 35—36, 47—48.

⁵⁾ Ibid. III, 29.

⁶⁾ Дворц. разр. III, стр. 411—412, 419—420.

второго Чигиринскаго похода и, наконецъ, въ послѣдній годъ царствованія Θεодора Алексѣевича въ 1681 году ¹⁾:

I. Кавалерія.	1632.	1668—1669.	1679.	1681.
1. Московскаго чину . . .	—	2.918	4.374	6.385
2. дворяне и дѣти боярскіе.	11.187	16.414	4.926	9.712
3. рейтары, копейщики и драгуны	2.700	20.428 ²⁾	45.288	29.844
4. казаки (черкасы) . . .	1.892	6.497	14.141	14.991
II. Пѣхота.				
1. стрѣльцы	1.112	19.791	18.434	22.060
2. солдаты	14.331	4.600	23.539	59.203
III. Смѣшанныя войска . .	1.748	41.001 ³⁾	2.376	21.830 ⁴⁾
итого	32.970	111.649	113.078	164.025

Не смотря на нѣкоторую случайность сопоставленныхъ здѣсь цифръ, надъ ними можно сдѣлать нѣсколько интересныхъ наблюденій. Первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это—убыль дворянъ и дѣтей боярскихъ къ концу вѣка. Напротивъ, стрѣльцы остаются въ теченіе всего этого времени приблизительно въ той же цифрѣ, въ которой мы ихъ привыкли встрѣчать въ началѣ вѣка. Правда, послѣдняя цифра 22.060 означаетъ 16 полковъ Московскихъ стрѣльцовъ ⁵⁾, а городовые въ „рописи“ вовсе не названы; но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что число послѣднихъ остается 20—25 тысячъ ⁶⁾. Во всякомъ случаѣ обѣ эти составныя части арміи, главныя въ на-

¹⁾ Войско подъ Смоленскомъ по таблицѣ *Брикса*, составленной на основаніи Разр. кн. II, 385—390; походъ 1668—1669 г. по документу Арх. М. Ин. Д., напечатанному у *Устрялова*, Ист. Петра В. I, стр. 293; армія 1679 г. по таблицѣ *Брикса*, составл. по Разр. кн., 1192—1200. Состояніе арміи въ 1681 г. по „рописи перечековой ратнымъ людямъ, которые въ 189 г. рописаны въ полки по разрядамъ“ (9 разрядовъ), напечатанной у *Иванова*, Описаніе Разряднаго архива, прилож., стр. 71—72.

²⁾ Въ этой суммѣ вмѣстѣ показана и часть солдатъ.

³⁾ Въ Бѣгородѣ для береженья—разныхъ ратныхъ людей 38.534; и Смоленскій полкъ—2.467.

⁴⁾ Въ Московскомъ разрядѣ—людей за Московскими чинами 11.830 и даточныхъ конныхъ 10.000. Совсѣмъ не приняты въ счетъ 50.000 „черкасъ гетманскаго полку“. Казаки и черкасы вообще показаны только донскіе и слободскіе.

⁵⁾ 20.000 Московскихъ стрѣльцовъ показано въ 1681 г. и въ А. А. Э. IV, № 250.

⁶⁾ *Brix*, 265.

чалъ вѣка,—становятся теперь второстепенными; на первое же мѣсто выдвигаются рейтары и солдаты. Возростаніе количества конницы иноземнаго строя идетъ при этомъ гораздо быстрѣ развитія пѣхоты; подъ Смоленскомъ дѣйствовало 10 полковъ солдатъ и одинъ только кавалерійскій полкъ Деберта; въ 1679 г. количество солдатскихъ полковъ остается то же (хотя и увеличивается ихъ численность), а рейтарскихъ, драгунскихъ и инженерныхъ (копейщиковъ) встрѣчаемъ 32 полка. Однако же черезъ два года отношеніе мѣняется: число солдатъ на 15.000 возрастаетъ сравнительно съ наибольшимъ числомъ конницы, а это послѣднее на ту же сумму падаетъ. Тутъ, впрочемъ, нельзя предполагать простаго перехода изъ конницы въ пѣхоту, такъ какъ извѣстно, что еще въ 1678 г. состоялся указъ: „къ прежнимъ пѣхотнымъ полкамъ прибавить новыя пѣхотныя полки, а въ тѣ полки взять въ солдатскую службу даточныхъ пѣшихъ людей“¹⁾; слѣдовательно, составъ прибавленныхъ пѣхотныхъ полковъ былъ новый. Любопытенъ, наконецъ, ростъ казаковъ, точнѣе—слободскихъ черкасъ, въ московскомъ войскѣ; въ 1670—1681 г. уже всѣ четыре слободскіе полка входятъ въ военную смѣту и своей численностью (14.000), конечно, вполнѣ замѣняютъ, даже безъ помощи великорусскаго служилаго населенія Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, старый украинный корпусъ; при томъ содержаніе ихъ почти ничего не стоитъ правительству. Наконецъ, общій итогъ арміи постоянно растетъ; положимъ, первыя три цифры указываютъ только часть арміи, находившуюся въ походѣ, и заключить изъ нихъ, что численность всей арміи учеличилась больше чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза, еще нельзя. Но сравнивая послѣднюю цифру мирнаго состава (164 тыс.) съ количествомъ войска въ 1625—1631 г. (90 тыс.), найдемъ увеличеніе въ 1, 82 раза; а такъ какъ первая цифра еще не полна, то дѣйствительное увеличеніе слѣдуетъ принимать не менѣе, чѣмъ вдвое, а съ иррегулярными войсками и втрое²⁾.

¹⁾ А. И. V, № 29.

²⁾ *Brix*, стр. 320—323, принимаетъ увеличеніе съ 100.000 въ нач. XVII в. до 364.000 „во времени наибольшаго развитія военныхъ силъ“; послѣдняя цифра, составленная изъ максимальныхъ данныхъ разныхъ моментовъ, несомнѣнно преувеличена; но и цифра 164.000 далеко не полна: уже прибавка городовыхъ стрѣльцовъ повышаетъ ее до 189.000; далѣе, мы не видимъ въ составѣ пѣхоты московскихъ „выборныхъ“ полковъ (см. слѣд. главу) — 14.000 по Бриксу; всего 203.000. Число иррегулярныхъ войскъ можно считать около 100.000, въ томъ числѣ 50 тыс. малорусск. казаковъ.

Во что же обходилась правительству армія въ своемъ новомъ составѣ? Сдѣлать непосредственный расчетъ, на основаніи среднихъ окладовъ жалованья и среднего количества разныхъ видовъ служилыхъ людей, было бы не трудно; но мы знаемъ, что новая конница, состоявшая изъ старыхъ дворянскихъ элементовъ, унаслѣдовала отъ старой и ту черту, что не получала постоянного жалованья; новая пѣхота также распускалась въ мирное время по домамъ, такъ что въ обыкновенное время существовали только кадры арміи, представлявшіеся своими „начальными людьми“. Въ виду этого, дѣйствительный расходъ на армію конца XVII в. приходится опредѣлять другими путями. Приведемъ, прежде всего officialный расчетъ, сдѣланный передъ первымъ Крымскимъ походомъ. Правительство разсчитывало, что въ походѣ этомъ „быть доведетца: копейщикамъ и рейтарамъ—двадцати тысячамъ человекамъ; солдатамъ и стрѣльцамъ—сорока тысячамъ человекамъ“. Затѣмъ, полагая „рейтаромъ по 20 р. человекъ, итого 400.000 р., а буде по 15 р. итого 300.000 р.; солдатамъ и стрѣльцамъ по 5 руб. человекъ, итого 200.000, а буде по 4 рубля, итого 160.00 р.“ и накидывая 100.000 р. на „начальныхъ людей“, правительство получило общую сумму расчета—700.000 — 560.000 р. Сравнивая цифры, положенныя въ основаніе расчета, съ нашими цифрами войскъ, нельзя не признать этотъ расчетъ не полнымъ. Прежде всего, принимается въ расчетъ, очевидно, только та часть стрѣльцовъ, которая пойдетъ въ походъ; московскіе стрѣльцы, которые въ то время въ количествѣ 20.000 получали жалованья 107.227 рублей, въ этотъ расчетъ не приняты; слѣдовательно, присоединяя ихъ, уже получаемъ цифру расхода 807.000—667.000 р. Дѣйствительный расходъ на войско въ 1680 г. (см. § 7) оказывается близкимъ къ меньшей изъ этихъ цифръ, конечно, при иномъ распредѣленіи на разныя части войскъ. Но остановимся на этой цифрѣ, которая во всякомъ случаѣ не преувеличиваетъ дѣйствительные расходы и расчитана на количество войска, значително меньшее, чѣмъ обычный мирный составъ второй половины XVII вѣка. Если мы сравнимъ эту минимальную цифру съ максимальной, принятой нами для расходовъ первой трети столѣтія (270.000), то получимъ выводъ, что расходъ на армію за столѣтіе увеличился по меньшей мѣрѣ въ 2½ раза; если же принять, что расчетъ въ 275 тысячъ для начала вѣка значительно преувеличенъ,—то въ 3 или 4 раза. Съ обыкновенными ресурсами бюджета, какъ мы ихъ знаемъ, невозможно было бы выдержать такой приростъ государствен-

наго постоянного расхода: поневоле приходилось обратиться къ особымъ сборамъ на военныя нужды: къ нимъ теперь и переходимъ, слѣдуя ходу нашего разсужденія.

§ 4. Постоянный военный расходъ требовалъ и постоянной военной подати. Поэтому, прежде чѣмъ разсматривать экстренныя нужды и расходы на армію, остановимся нѣсколько на постоянной военной подати. Такъ какъ первый значительный ежегодный военный расходъ потребовался на жалованье 27.000 стрѣльцамъ, то естественно, что такой податью стала у насъ стрѣлцкая.

Какъ взносъ хлѣбомъ, стрѣлцкая подать восходитъ еще къ XVI в.; но переводъ этого хлѣба на регулярный денежный налогъ устанавливается только въ XVII в. и при томъ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ вѣдомству Новгородской и Устюжской четвертей. Первые свѣдѣнія о стрѣлцкой подати въ этихъ мѣстностяхъ относятся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Феодоровича, но эти свѣдѣнія представляютъ ее еще не окончательно сформировавшеюся. Уже въ первомъ извѣстии о ней, относящемся къ Новгородской чети (1615)¹⁾, стрѣлцкая подать является въ опредѣленномъ окладѣ, именно 150 руб. съ сохи; напротивъ, въ то же время въ Устюжской чети (1616) указывается только круглая сумма, которую предстоитъ распределить на сохи на мѣстѣ (по распределенію должно было приходиться на соху 160 р.)²⁾. Въ 1620 году окладъ Новгородской четверти „для крестьянскія легости“ уже значительно понижается (до 90 р.)³⁾; но въ городахъ Устюжской чети подать все еще не установилась, какъ можно заключить изъ выраженій, въ которыхъ она назначается на 1621 годъ: „въ нынѣшней 129 годъ

¹⁾ Приказано съ Чердыни уплатить „для дальняго провозу—для крестьянскіе легости“ съ 8 сохъ по полутора рубля за четь (хлѣба), всего 1200 р. А. А. Э. III, № 72.

²⁾ Пр. Д. 1616, № 5: „собрать за хлѣбные запасы на 1617 годъ деньгами съ городовъ, которые вѣдаютъ въ Устюж. чети: съ Устюга В., Соля Вычегодской, Тотмы, Чаронды, Устьянскихъ волостей на кормъ атаманомъ и казакомъ 8.027 р. 32 алт., ... прислать въ Казачій приказъ къ И. М. Бугурлину“.

³⁾ „Взять съ городовъ Новгородской четверти за казачьи хлѣбные запасы для крестьянскіе легости съ убавкою, съ сохи по 90 рублей, для того, что съ нынѣ въ прошлыхъ годахъ отъ 1614 иманы многія деньги сверхъ четвертныхъ доходовъ“. По Новгороду кн. № 14, л. 538 об. Тутъ же окладъ съ Пустоверска показанъ „противъ 1619 г. съ сохи по 150 р.“. Окладъ въ 90 р. остается въ Новгор. четв. и слѣдующіе годы (1627—1629 г.: по Новгор. кн. № 16, л. 1021, 1078, 1153 и др.; кн. № 18, л. 136).

ноября 14-го государь указалъ и бояре приговорили: Устюжской чети съ городовъ (см. выше, стр. 55, прим. 2-е) собрати на нынѣшней 129 г. за Московскіе хлѣбные запасы деньгами для дальняго провозу за четверть ржи да за четверть овса — за юфть по рублю⁴. Определенія оклада на соху опять нѣтъ, и только по расчету можно вывести, что на соху приходилось 100 юфтей или рублей¹). Оклады колеблются и въ слѣдующіе годы: общая сумма платежа измѣняется въ разныхъ мѣстахъ вслѣдствіе измѣненія количества окладныхъ единицъ по новымъ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ 1620 годовъ²), пока, наконецъ, съ ихъ окончаніемъ около 1630 г., окладъ стрѣлцкой подати не устанавливается окончательно, одинаковый для Новгородской и Устюжской четверти. Платять этотъ денежный окладъ только слѣдующіе города съ уѣздами: изъ городовъ Новгородской четверти—Двина (то-есть Холмогоры и Архангельскъ), Кевроль, Чердынь и Пермь Великая, Соль Камская, Кай-городокъ, Вятка, Вынь, Каргополь и Турчасовъ, Кольскій и Пустозерскій остроги; изъ городовъ Устюжской четверти—Устюгъ, Соль Вычегодская, Тотьма, Чаронда (на оз. Воже), Устьянскія волости (Онега); съ 1649 г. къ нимъ присоединяется Вязьма; въ 1654—1661 г. платить за хлѣбъ деньгами и Вага, относящаяся къ вѣдомству Большаго Дворца³). Съ

¹) По Чарондѣ (относ. всей Устюж. чети.) кн. № 1, л. 348. Въ Пр. Д. 1671, № 595 окладъ 90 р. съ сохи предполагается существовавшимъ и въ Устюж. чети, именно въ Соли Вычегодской съ 1619 г. То же и по Чарондѣ, кн. № 2, л. 445 и слѣд. Всего съ городовъ Устюжской чети въ 1621 г. приходилось заплатить (по 100 р. съ сохи) съ 38 сохъ и 249 вытей старыхъ и съ 5 сохъ и 102 вытей новаго дозора—4.963 р. Слѣдовательно, сборъ 1617 г. (8.028) = ок. 160 р. Оба оклады (160 и 100) выше Новгор. чети (150 и 90).

²) Въ 1623 г. въ Чердыни (Новг. ч.) окладъ повышенъ съ 200 р. до 60 р. съ сохи на основаніи того, что Чердынцы „платять по старому платежу, а вновь не дозираютъ“ (А. А. Э. III, № 131); послѣ „новаго письма“ правительство оставило тотъ же окладъ; но такъ какъ по „новому письму“ у нихъ оказалось выѣсто 8 сохъ — 12 слышомъ, то, конечно, общая цѣна платежа повысилась. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ сценка оклада уравнивалась выгодностью для правительства новаго письма и дозора. По Новгороду, кн. № 15, л. 426.

³) Такимъ образомъ, денежная стрѣлцкая подать не есть сборъ со „всего Московскаго государства“, какъ можно было бы заключить изъ сообщенія *Котошихина* (стр. 74, изд. 1859). Въ 1662 г., то-есть, какъ разъ въ то время, къ которому относятся и свидѣнія Котошихина, правительство, замѣняя денежный платежъ опять хлѣбнымъ въ названныхъ городахъ, говоритъ прямо: „на 170 г. взять стрѣлцкой хлѣбъ противъ *замосковныхъ и украинныхъ* городовъ“ — не деньгами, а хлѣбомъ; а на эти двѣ категоріи дѣлились всѣ города Россіи, исклю-

1630 г. оклады и платежи стрѣльцовыхъ денегъ можно уже прослѣдить изъ года въ годъ по приходнымъ книгамъ четей. Приводимъ таблицу, составленную на основаніи этихъ данныхъ, свидѣтельствующую объ измѣненіяхъ стрѣльцаго оклада съ сохи за 1630—1671 г. (въ рубляхъ):

Съ Чаронды.			Съ Чаронды.	
1630—1633	95	65	1661	„По указу в. гос. московск. стрѣльцомъ со всѣхъ городовъ денегъ и хлѣбанесбирано“.
1634	96	66		
1635	120	80		
1636	120	80		
1637	240	160	1662	„Сбирано хлѣбомъ съ сохи по 175 четв. ржи, овса тожъ“.
1638	240	[160]		
1639	120	120		
1640	120			
1641—1653	168			
1654—1660	228		1663—1671	822 р. 31 к. ¹⁾

Въ 1672 г. произведена реформа стрѣлцкой подати и взиманіе ея передано изъ четей въ Стрѣлцкій приказъ; къ этому моменту мы еще вернемся и тогда прослѣдимъ ея дальнѣйшую исторію. Приведенная таблица получить свое полное объясненіе только при даль-

чая поморскій бассейнъ, западную границу и вѣдомство Разряда на югъ (то-есть, города въ чертѣ, на чертѣ и за чертой). По Новгороду, кн. № 67, л. 139; ср. А. И. V, № 38. Только въ 1672 г. стрѣлцкая подать распространяется и на другіе города (см. § 5); до этого же времени сборъ деньгами за стрѣлцкій хлѣбъ съ другихъ мѣстностей слѣдуетъ разсматривать, какъ результатъ спеціальнаго разрѣшенія (которое всякій разъ и оговаривается) для удобства плательщиковъ. Сюда относятся и мѣста, приведенныя А. С. Лаппо-Данилевскимъ въ его таблицѣ стрѣлцкой подати (стр. 534).

¹⁾ Источники: По Устюгу кн. № 16, л. 414 (1630); № 17, л. 405 (1631); № 19, л. 444 (1632); № 21, л. 454 и по Новг. № 22 (1633); по Устюгу кн. № 22, л. 435 и Новг. № 22 (1634); по Устюгу кн. № 26, л. 503 (1635); № 28, л. 518 (1636); № 36, л. 428 (1637); Пр. Д., 1648, № 61 (1638); По Устюгу кн. № 43, л. 557 (1639); № 45, л. 607 (1640); № 51, л. 429 (1641 — 1642); № 55, л. 508 (1643); Пр. Д., 1671, № 583 (1644); по Устюгу кн. № 72, л. 601 и по Новг. № 81, л. 892 (1645 — 1646); по Устюгу кн. № 86, л. 425 (1647 — 1648); № 91, л. 519 (1649); № 71 (1650); № 96, л. 659 (1651); № 102, л. 649 и слѣд. (1652); № 104, л. 659 и слѣд. (1653); № 111, л. 750 (1654); Пр. Д., 1671, № 583 (1655—1657); По Устюгу кн. № 125, л. 1096 и слѣд. (1658); Пр. Д. 1671, № 583 (1650—1660); Пр. Д. 1601 (sic), апреля 13 и 1671, № 583 (1661); Пр. Д. 1671, № 583 (1662) и № 595 (1663); по Устюгу кн. № 151 (1664); № 176 (1665); № 116 (1668—1669); № 188 и Пр. Д. 1667, № 317 (1670—1671).

нѣйшемъ изложеніи, въ которомъ мы постоянно будемъ къ ней возвращаться. Но и теперь, при первомъ взглядѣ на нее, нельзя не сдѣлать двухъ наблюдений. Впервыхъ, мы видимъ постоянный и огромный ростъ стрѣлцкой подати и начинаемъ понимать, почему изъ сравнительно незначительнаго сбора, заносившагося даже въ первые годы въ число „неокладныхъ“ поступленій, она превратилась въ важнѣйшую прямую подать, замѣнявшую всѣ прежнія. Въ вторыхъ, присматриваясь къ тому, въ какіе годы увеличивается стрѣлцкая подать, мы находимъ, что она служитъ очень чувствительнымъ показателемъ правительственныхъ затрудненій. Въ послѣдствіи, объяснивъ всѣ частности наблюдаемыхъ въ таблицѣ измѣненій, мы получимъ право также заключить, что стрѣлцкій окладъ не только характеризуетъ критическіе моменты финансовой жизни XVII вѣка, но очень ярко и наглядно изображаетъ намъ и степень значительности этихъ затрудненій и количественный ростъ ихъ къ концу столѣтія. Въ этомъ отношеніи, наша таблица можетъ служить отличнымъ проспектомъ для той части изслѣдованія, къ которой мы переходимъ.

§ 5. Назначаемая каждый годъ вновь по желаемому правительствомъ окладу, стрѣлцкая подать совмѣщала выгоды постоянного налога и экстреннаго сбора, но, конечно, не смотря на всю свою гибкость и растяжимость, она не могла одна удовлетворить всѣхъ экстренныхъ нуждъ и замѣнить чрезвычайные налоги.

Переходя теперь къ обзору послѣднихъ, замѣтимъ прежде всего, что находясь въ самой тѣсной связи съ требованіями минуты, чрезвычайные налоги не могутъ быть рассмотрѣны иначе, какъ въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи съ вызывавшими ихъ обстоятельствами времени. За то, рассмотрѣнные такимъ образомъ, они одни только могутъ дать намъ картину жизни, движенія государственнаго хозяйства XVII вѣка; поэтому къ перечисленію ихъ мы присоединимъ изложеніе возникавшихъ въ разное время финансовыхъ затрудненій и принятыхъ правительствомъ финансовыхъ мѣръ, которыя постепенно измѣнили самыя основныя черты государственнаго хозяйственнаго строя, какъ онъ изображенъ нами выше, и подготовили то состояніе, въ которомъ мы найдемъ государственное хозяйство Россіи ко времени Петра Великаго.

Въ первую половину столѣтія всѣ эти затруднительные моменты отмѣчены дѣятельностью земскихъ соборовъ; у насъ, какъ и вездѣ, сословные представители должны были приучить населеніе къ чрезвычайному военному сбору. Уже первыя мѣропріятія избирательнаго

собора 1613 года, дѣйствовавшего, какъ извѣстно, въ томъ же составѣ до конца 1615 года, были финансоваго свойства: распоряженія о сборѣ недоимокъ, о высылкѣ въ Москву собранныхъ въ городахъ денегъ, о добровольныхъ займахъ ¹⁾. Этому же собору принадлежитъ и назначеніе перваго чрезвычайнаго военнаго сбора, именно „пятой деньги“ 1614 и 1615 годовъ ²⁾. Сохранился цѣлый столбецъ актовъ, относящихся къ сбору этихъ „пятыхъ денегъ“; подробности, здѣсь заключающіяся, очень хорошо характеризуютъ и финансовую неопытность правительства при первомъ экстренномъ сборѣ и тѣ затрудненія, которыя встрѣтило взиманіе непривычнаго налога среди плательщиковъ ³⁾. Прежде всего, здѣсь находимъ передачу самаго текста приговора 1614 года; текстъ этотъ, можетъ быть, поможетъ рѣшить вопросъ о томъ, какъ смотрѣло на новый налогъ само правительство и хотѣло ли оно взять пятую деньги съ дохода, или же съ имущества ⁴⁾. Въ приговорѣ постановлено „сбирати на ратные люди

¹⁾ А. А. Э. III, №№ 3—5.

²⁾ Обыкновенно полагаютъ, что пятая деньги была назначена въ 1615 и 1616 годахъ, такъ что послѣдній сборъ былъ назначенъ уже новымъ составомъ собора (*Заюскинъ*. Ист. права М. государства; *Латкинъ*. Земскіе соборы, стр. 156). Но несомнѣнно даже изъ печатныхъ актовъ, что первый разъ пятая деньги назначена въ 1614 году; на нее ссылается указъ о 5-й деньгѣ 1615 г. (А. А. Э. III, № 70): „указали мы собрати ратнымъ людямъ на жалованье . . . *противъ сбору 122* т. пятую деньги“. Къ этому же сбору 1614 г. относится, очевидно, и А. А. Э. III, № 45. Документы же, на которыхъ основываютъ назначеніе пятой деньги въ 1616 г., по нашему мнѣнію, говорятъ о пятой деньгѣ 1615 г. (А. А. Э. III, №№ 79—81): именно, главное ихъ содержаніе, требованіе къ Строгановымъ, какъ намъ кажется, относится къ прошедшему, а не къ текущему году. Еще въ 1613 г. Строгановы получили двѣ грамоты, одну отъ царя, другую отъ собора (А. А. Э. III, №№ 3 и 4) съ *просьбой* о денежной помощи; по этой *просьбѣ добровольно* они дали только 3.000. Послѣ того соборъ рѣшилъ собрать пятую деньги, и Строгановымъ пришлось доплатить къ 3.000 еще 13.810 рублей (не знаемъ, по какому расчету, такъ какъ окладчики не рѣшались облагать Строгановыхъ). Очевидно, этотъ дополнительный платежъ относится къ тому же 122 году, на который назначена первая пятая деньги (А. А. Э. III, № 68). Затѣмъ, по назначенію пятой деньги на 1615 годъ съ Строгановыхъ опять слѣдовало получить ту же сумму—16.810 р.; объ этомъ-то, какъ видно, просроченномъ платежѣ и напоминаютъ имъ грамоты 1616 г. (№№ 79—80). „Всемирный приговоръ“, на который тутъ дѣлается ссылка, и есть именно приговоръ 1615 года (№ 68), а не какой-либо новый приговоръ. Такимъ образомъ, особаго приговора о взятіи пятой деньги въ *третій* разъ на 1616 г. мы не знаемъ.

³⁾ Прик. Д. 1615, № 5.

⁴⁾ А ргіогі трудно допустить, чтобы пятая деньги была поимущественнымъ налогомъ: во всей исторіи налоговъ нельзя, кажется, найти ни одного случая

[отъ избытковъ по окладу] ¹⁾, кто можетъ отъ живота своего и промыслу на 100 рублей, съ того взяти 5-ю долю—20 рублей, а кто можетъ больше или меньше, и съ того взяти по тому же расчету; а по самой меньшей мѣрѣ, кто можетъ 10 рублей, а бѣденъ, и съ тѣхъ велѣно имати, сыскивая, по рублю, а кто меньше 10 рублей, и съ тѣхъ имати не велѣно“. Самая формула „кто можетъ на столько-то отъ живота и промысла“ говоритъ, какъ мы полагаемъ, о взиманіи не „съ живота“ непосредственно, а именно съ дохода; когда же это выраженіе толкуется: „пятая доля отъ избытковъ и промысловъ“, или „отъ избытковъ по окладу“, то, кажется, не остается сомнѣнія, что здѣсь разумѣется именно доходъ. Такъ понимало налогъ правительство; теперь посмотримъ, какъ поняли его плательщики. Для опредѣленія дохода каждаго лица велѣно было выбрать окладчиковъ, которые и опредѣляли размѣры платежа, вносимаго тѣмъ духовнымъ лицамъ, архимандритамъ и игуменамъ, на которыхъ на этотъ разъ возложена была роль сборщиковъ экстреннаго налога. Опредѣлять дѣйствительный доходъ было, однако же, трудно и не выгодно для плательщиковъ; поэтому окладчики поняли свою задачу гораздо проще: они просто разложили налогъ по „разрубнымъ спискамъ“ (см. § 1), заставляя платить или *simpliciter* разруб-

обложенія имущества 20%, съ него, да еще два года подъ-рядъ, то-есть 40%. Даже налогъ свыше 1% съ имущества (то-есть, именно около 20% съ дохода) считается слишкомъ тяжелымъ. См., напримѣръ, *A. Wagner. Finanzwissenschaft*, III Spec. *Steuerlehre* (1886—1889), VI B. 1 Kap.: *Steuergeschichte*, pp. 60, 67, 75, 76, 83, 86, 89, 141, 169 *Гокъ*. Налоги и государственные долги (русск. пер. *Н. Бунге*. Киевъ. 1865): „податная система, которая беретъ у народа болѣе 15% свободнаго дохода, должна быть признана уже слишкомъ тяжелою“. А здѣсь идетъ рѣчь только объ *одномъ* изъ налоговъ. *Кури* считалъ пятую деньгу — пятой частью дохода (131—132). *Д. Львовъ*, опровергая русскаго ученаго *М. де К.*, отъ котораго *Parieu* (*Histoire des impôts etc*, II, 48) получилъ свѣдѣнія о пятой и др. деньгахъ, находитъ, что „процентные сборы скорее имѣютъ имущественный, чѣмъ подоходный характеръ“ (Пром. нал., 159). *В. Лебедевъ* выражается неопредѣленно: „въ древней Руси сборы 5-й, 10-й и пр. деньга имѣли значеніе вѣсть съ имущественнымъ и подоходное“ (Финансовое право, I, вып. 2. С.-Пб. 1882, 695). *Н. Заюскинъ*, хотя и находитъ, что „матеріальныя жертвы... 1613—1619 г. являются почти невѣроятными“, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что уплата двухъ пятыхъ денегъ „за оба раза составила пожертвованіе въ 40% съ имущества“. Еслибы дѣйствительно Строгановы уплатили пятую деньгу съ имущества, то ихъ „пожертвованіе“ равнялось бы 90% ихъ имущества (16.810 + 16.810 + 40.000 или $\frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{1}{5}$) и имъ осталась бы только $\frac{1}{10}$.

¹⁾ Фраза въ скобкахъ не всегда передается при изложеніи текста.

наго оклада, „деньга на деньгу“, или же, если плательщики „были въ окладѣ легки“, то-есть, разрубная единица (реальная или идеальная) была уже слишкомъ мала, — то *multiplum* ея, напримѣръ, въ одномъ случаѣ „по окладу вдвое, по двѣ деньги на деньгу“. Этимъ и кончалось дѣло тамъ, гдѣ игумены удовлетворялись показаннымъ окладомъ; такъ было, напримѣръ, на Двинѣ. Но въ другихъ мѣстахъ обложение окладчиковъ казалось сборщикамъ чрезчуръ уже легкимъ, и они пробовали принять свои мѣры для опредѣленія платежной способности населенія. Чаще всего въ такихъ случаяхъ возникала борьба, самый яркій примѣръ которой видимъ въ Свѣязжскѣ. „Не воявѣвъ вѣры“ окладу выборныхъ людей, сборщики послали здѣсь къ воеводѣ и къ таможенному головѣ за справками, „что за кѣмъ лавокъ и по суднымъ дѣламъ по кабаламъ“ и „на сколько рублевъ чьихъ товаровъ въ привозѣ и въ отпускѣ объявилось“. Воевода справку не прислалъ: „сыскивайте де про посадскихъ людей животы и промислы мимо насъ, сами“; а таможенный голова заявилъ: „не велѣть де мнѣ посадскіе люди изъ книгъ выписывать“; и дѣйствительно, земскіе старосты съ своей стороны объявили сборщикамъ, что они у таможеннаго головы „таможенныя книги 123 г. взяли всѣмъ міромъ; . . . голова нашъ; посаженъ міромъ; что ему велимъ, то и дѣлать“. Всѣ лавки, кромѣ „легкаго товару“, были заперты; про уѣздныхъ людей обыскивать повальнымъ обыскомъ посадскіе также „не велѣли“: „они де люди бѣдные“. Когда сборщики попробовали одного изъ посадскихъ, который „учалъ говорить невѣжливо, дѣла не выслушавъ“, посадить въ тюрьму, то посадскіе отняли у нихъ арестованнаго, — „а сказали намъ, что имъ тѣхъ земскихъ людей не давывать, кто до чего доведется за свои вины, и на правезу не становать“. Такимъ образомъ, на этотъ разъ правительственные комиссары оказались совершенно бессильными въ борьбѣ съ населеніемъ и принуждены были, въ концѣ концовъ, удовольствоваться сборомъ объявленнаго имъ оклада. Въ другихъ мѣстахъ побѣда оказывалась на сторонѣ сборщиковъ: имъ удавалось достать таможенныя книги и тогда подъ пятой деньгой разумѣлась 5-я часть цѣны объявленнаго таможеннымъ чиновникамъ товара: напримѣръ, „Мезенцы NN и NN: торгу ихъ 700 р., пятинныхъ съ торгу взять 140 р.“; или „NN—523 р.: взять 104 р. 70 коп.“. На сколько въ такихъ случаяхъ обложение было тяжело, видно изъ того, что послѣдній купецъ, уплативъ 40 рублей, бѣжалъ съ женой и дѣтьми въ Пустоозеро. Въ Казани купцы прямо отказались платить съ товаровъ. Что мѣстами

окладчики серьезно принялись за оцѣнку имущества, видно на примѣрѣ Чердыни и Соликамска: тамъ обложение происходило по оцѣнкѣ „пашень и сѣнныхъ покосовъ, и дворовъ, и платья, и скота всякаго—цѣнами“. Но Чердынцы и Усольцы тоже отказались платить и подали челобитную, что игумень окладывалъ ихъ „не по ихъ силѣ“. На Холмогорахъ окладчики оцѣнили нѣмецкіе дворы; но нѣмцы предпочли отказать отъ имущества, обложеннаго 5-й деньгой: „за пятину дворовъ отступаются, а сами живутъ на аглинскомъ дворѣ“. Пашенные люди вообще не подлежали обложенію: это вызвало новый рядъ столкновеній: сборщики жаловались, что торговые люди показываютъ себя пашенными; крестьяне же доказывали, что каждый изъ нихъ торгуетъ „понемножку“, но что это не дѣлаетъ ихъ торговыми. Бывали мѣстами случаи и вооруженнаго сопротивленія. Всѣ эти факты показываютъ намъ, съ одной стороны, какъ необходимъ былъ авторитетъ земскаго собора, грамоту котораго сборщики обыкновенно прежде всего „чили передъ всѣмъ народомъ“, а съ другой стороны, какъ этотъ авторитетъ, въ сущности, былъ не достаточенъ и какъ мало пятая деньга оправдывала свое названіе. Поступленіе ея едва превышало доходъ отъ ежегодной стрѣлцкой подати, и этимъ еще разъ доказывается ея неудача ¹⁾. Практическія неудобства ея взиманія особенно съ пашенныхъ крестьянъ, дѣйствительно часто занимавшихся на сѣверѣ и торговлею, были признаны уже ко времени ея вторичнаго назначенія. Указъ 1615 года уже не пытается найти всѣхъ плательщиковъ съ дохо-

¹⁾ Въ параллельныя цифры стрѣлцкаго сбора по древнѣйшему окладу 150 р. съ сохи (и по „старому окладу“ безъ прибавки „новаго дозора“) и сбора 5-й деньга:

	Стрѣлци.	Пятая деньга.		Стрѣлци.	Пятая деньга.
Соль Вычегодская	1.191	892	Соль Камская	300	1.242
Тотьма	325	453	Кевроль и Мезень	627	1.111
Устьянскія волости	408	412	Двина	1.596	2.973
Чердынь	1.200	1.240			

Цифры стрѣлцкой подати взяты изъ кн. по Чарондѣ, № 1, л. 350, 351, 353; по Новгороду, № 14, л. 294. Въ послѣднемъ случаѣ (по Двинѣ) сборъ пятой деньга производился „по двѣ деньги на деньгу“ разрубнаго списка. Большая близость стрѣлцкихъ окладовъ къ пятиннымъ заставляеть предполагать, что обложение послѣдними въ данныхъ мѣстностяхъ именно и производилось по окладу стрѣлцкой подати. Любопытно, что съ Двины (съ соседними мѣстностями), по донесенію игумена Корниліева монастыря, заранѣе „велико“ было собрать опредѣленную сумму пятинныхъ денегъ, именно „по меньшей мѣрѣ тысячъ 8 или 7“.

домъ отъ 10 рублей, а опредѣляетъ съ уѣздовъ круглую цифру 120 рублей съ сохи, а съ посадскихъ, не участвовавшихъ въ платежѣ,— по гривнѣ съ двора. Если припомнимъ, что первоначальный окладъ стрѣлцкой подати былъ 150—160 рублей, то увидимъ, что и само правительство, по крайней мѣрѣ съ уѣздовъ, не рассчитывало получить отъ сбора пятой деньги болѣе, чѣмъ отъ стрѣлцкой подати.

Послѣ пятинныхъ сборовъ 1614 и 1615 гг. сборъ пятой деньги въ ближайшіе годы не повторялся; какъ объясняло нѣсколько позже правительство, „государь отставилъ“ его „для легости“ гостей и торговыхъ людей. Однако же экстренные денежные ресурсы были необходимы: по современному официальному заявленію, „государевой казны нѣтъ ни сколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ (ср. § 1)“; а „служилыхъ людей, казаковъ и стрѣльцовъ въ городахъ прибыло, жалованье имъ даютъ ежегодно, доуки государю и челобитье отъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ большія, а пожаловать нечѣмъ“¹⁾. При этихъ-то обстоятельствахъ на „прибылыхъ“ казаковъ и стрѣльцовъ по городамъ вводилась стрѣлцкая подать²⁾. Въ это же время встрѣчаемся съ источникомъ дохода, которому принадлежитъ большая роль въ будущемъ, именно съ порчей монеты. Около 1620 года введенъ „новый чеканъ“,—какъ видно изъ жалобы англичанъ, „передъ прежнимъ легче, недовѣсу въ четвертую долю“; рубль новой чеканки оказывается вмѣсто 14 англ. шиллинговъ равнымъ 10 шилл.³⁾

Заключеніе мирныхъ договоровъ съ Швеціей и Польшей, въ связи съ этой денежной операціей, дало возможность государству отдохнуть отъ чрезвычайныхъ сборовъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Феодоровича. Въ это именно время, какъ мы видѣли, правительство имѣло возможность понизить и стрѣлцкій окладъ до 90 и 60 руб., причемъ пониженіе прямо мотивировалось желаніемъ облегчить плательщиковъ послѣ чрезмѣрнаго напряженія „прошлыхъ лѣтъ отъ 1614 года“. Правительство могло теперь заняться систематическимъ

¹⁾ *Соловьевъ*, IX, 171 (8-е изд.).

²⁾ Для иллюстраціи такого ея происхожденія см., напримѣръ, Доп. къ А. И. II, 17: денежный и хлѣбный сборъ въ Бѣловерѣ (поздѣе не платитъ стрѣлцкой подати деньгами) возникаетъ одновременно съ прибравными тамъ же вновь 300 стрѣльцами; ср. А. Э. III, № 100.

³⁾ *Соловьевъ*, IX, 170 (изд. 3-е); *М. Заблоцкій*. О цѣнностяхъ въ древней Руси. С.-Пб. 1854, стр. 89—91; *Д. И. Прозоровскій*. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. С.-Пб. 1865, стр. 109.

изученіемъ размѣровъ разоренія, произведеннаго смутнымъ временемъ, и предпринять болѣе правильныя мѣры для финансовой реорганизации. Общими мѣропріятіями по финансовому переустройству и занялся, какъ извѣстно, соборъ 1619 года (3-я сессія); по почину патріарха Филарета онѣ рѣшилъ произвести новый кадастръ: составить новыя писцовыя книги уцѣлѣвшихъ отъ разоренія мѣстностей и произвести дозоръ въ разоренныхъ; затѣмъ, собрать свѣдѣнія о приходѣ, расходѣ и наличности поступленій въ городахъ ¹⁾). Распореженіе это было, конечно, только обобщеніемъ частныхъ мѣръ, предпринимавшихся съ самаго начала царствованія: дозорныя книги составлялись уже въ 1614—1616 годахъ; вмѣстѣ съ предпринятыми теперь общими работами по государству онѣ составили къ началу 1630-хъ годовъ полное фискально-хозяйственное описаніе государства, имѣвшее, какъ мы уже знаемъ, весьма важное значеніе въ теченіе всего XVII вѣка: именно, по нимъ опредѣлены были размѣры „сошнаго письма“, съ которыхъ платилась значительная часть прямыхъ налоговъ до конца столѣтія (см. § 1).

Эта внутренняя работа не прерывалась во все продолженіе перемирнаго срока: Московское государство 14 лѣтъ „полнилось“ и „приходило въ достоинство“, и люди за это „многое время тишины и покоя“, по выраженію современнаго документа, въ „животахъ своихъ пополнилися гораздо“. Вторая польская война покончила этотъ промежутокъ отдыха въ народномъ хозяйствѣ и начала собой второй періодъ финансоваго напряженія. Мы уже знаемъ (§ 3), что эта война была началомъ военной реформы; совершенной новостью была необходимость содержать во время войны цѣлый корпусъ иноземцевъ и войскъ иноземнаго строя, которымъ приходилось „давать кормовыя деньги помѣсячно безъ переводу“. Сохранился полный списокъ жалованья, посылавшагося подъ Смоленскъ ²⁾): изъ этого списка видно, что за годъ и два мѣсяца содержаніе иноземныхъ войскъ стоило 430.606 р. ³⁾, тогда какъ дворянамъ и дѣтямъ боарскимъ уплачено по челобитьямъ въ Москвѣ всего 80.451 р. и 6.163 р. даточнымъ, исполнявшимъ службу артиллерійской прислуги. Уже въ началѣ этого (7141) го-

¹⁾ *Исаковъ*, Опис. Разр. арх., 301—304.

²⁾ Разр. кн. II, 445—447.

³⁾ Именно, ежемѣсячно расходовалось на войска иноземнаго строя съ сентября 1632 г. до сентября 1633—по 25.637, а за годъ (вм. 307.644)—326.104 р., да въ сентябрѣ и октябрѣ 1633 г. (то-есть, съ новаго 142 года) по 46.419, всего (вм. 92.838)—93.492; и кромѣ того еще 11.000.

да, именно 18-го ноября 1632 года состоялся и приговоръ земскаго собора о сборѣ пятой деньги, мотивированный какъ большимъ жалованьемъ ратнымъ людямъ, такъ и ожидавшимся новымъ увеличеніемъ армии („впередъ безъ прибыльныхъ великія рати... не раздѣлаться“) ¹⁾. Дѣйствительно, въ декабрѣ 1633 года рѣшено было послать Шейну подъ Смоленскъ вспомогательный корпусъ кн. Черкаскаго и Пожарскаго ²⁾ и этому корпусу уплачено еще 75.000 руб. ³⁾.

Такимъ образомъ, общій расходъ, извѣстный намъ, доходилъ до 600.000 р., то-есть, превосходилъ больше чѣмъ вдвое обычный (§ 3) военный бюджетъ того времени. Естественно, что обычные доходы и приходъ пятой деньги 1633 года были поглощены этимъ расходомъ; между тѣмъ, война продолжалась и приходилось прибѣгать къ повторенію экстреннаго сбора: 29-го января 1634 года, когда Шейнъ уже велъ переговоры о сдачѣ, государь объявилъ на соборѣ, что обоимъ корпусамъ, Черкаскаго и Шейна, „безъ государева жалованія быти не мочно; а государева денежная казна, которая собрана была въ прошлыхъ годахъ его государскимъ рассмотрѣньемъ, а не съ земли никакими поборы,—и та денежная многая казна роздана всякимъ ратнымъ людямъ, а которая денежная казна есть и нынѣ, и та идетъ безпрестанно на жалованье...; и впредь государевой денежной казнѣ... безъ прибыльные казны быть не умѣть“. Соборъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ повторить пятую деньгу, хотя тутъ же правительство жаловалось на чрезчуръ легкую раскладку пятой деньги 1633 года, „не противъ животовъ и промысловъ, неправдою“, и заявляло, что сборъ ея въ 1614—1615 гг. былъ „многимъ больше“, не смотря на тогдашнее разоренье ⁴⁾.

Второй періодъ финансоваго напряженія не кончился съ окончаніемъ польской войны. Уже въ 1635—1636 г. стрѣлечкая подать, какъ мы видѣли, была повышена съ 96 на 120 р.; а въ 1637—1638 г. этотъ окладъ еще увеличенъ вдвое, по 240 р. съ сохи: нашъ барометръ показываетъ ухудшеніе, и мы должны искать новыхъ объясненій послѣдняго.

¹⁾ А. А. Э. III, № 211, 213; Разр. кн. II, 480—487.

²⁾ Разр. кн. II, 557 и слѣд.

³⁾ Разр. кн. II, въ Ржевѣ 50.000, стр. 570; въ Калугѣ 25.000, стр. 584.

⁴⁾ А. А. Э. III, № 242, и тотъ же текстъ въ Разр. кн. II, 611—621; см. также С. Г. Г. и Д. III, № 99. Къ сбору пятой деньги присоединялся еще сборъ даточныхъ и денегъ съ помѣщиковъ и вотчинниковъ, не находившихся на службѣ. Разр. кн. II, 477; С. Г. Г. и Д. III, № 97.

Одной изъ главныхъ причинъ „поруки“ государева дѣла подѣ Смоленскомъ было появленіе въ украинскихъ мѣстахъ крымскаго хана, „накупленнаго на Московское государство“ польскимъ королемъ, какъ выразился приговоръ 1634 года; это появленіе заставило раздѣхаться изъ подѣ Смоленска тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ эти годы изъ украинскихъ городовъ были отвлечены подѣ Смоленскъ (какъ показывается таблица на стр. 46) въ значительномъ количествѣ¹⁾). Оправдываясь передъ турецкимъ султаномъ въ заключеніи мирнаго договора съ поляками, русскіе послы заявляли также, что договоръ этотъ пришлось заключить поневолѣ, такъ какъ „отъ крымскаго царя была война большая“²⁾). Такимъ образомъ, опытъ показалъ, что пока не защищена южная граница, правительство не можетъ располагать силами украинскаго корпуса въ другомъ мѣстѣ, не рискуя подвергнуть опасности за-разъ и южную границу и это другое предпріятіе. Это-то обстоятельство заставило московское правительство, одновременно съ перестройкой дворянъ и дѣтей боярскихъ полковой службы въ рейтары и драгуны, принять на югѣ новую систему обороны, которая позволила бы обойтись безъ постоянныхъ услугъ украинскаго корпуса. Уже въ слѣдующемъ 1635 году правительство принимается чинить старыя тульскія засѣки, „чтобы воинскіе люди черезъ засѣки не прошли и уѣздовъ не повоевали“³⁾). Одновременно съ этимъ предпринята постройка новыхъ городовъ и устройство укрѣпленной Бѣлгородской черты. Въ 1636 году построены были для защиты разанскихъ мѣстъ Козловъ, Тамбовъ, два Ломова и сработаны земляныя укрѣпленія между ними⁴⁾). Эти укрѣпленія оказались весьма дѣйствительными и приостановили набѣги; въ виду этого въ 1637 году проектировалось создать такую же систему укрѣпленій для Оскольскихъ, Бѣлгородскихъ и Курскихъ мѣстъ, „чтобы тѣми городами и острогами.... войну отнять“. По приблизительной смѣтѣ расходъ на это составлялъ 111¹/₂ тыс., въ томъ числѣ на содержаніе „оберегальныхъ“ войскъ во время построекъ 77¹/₂ тыс.⁵⁾). Необходимыя сред-

¹⁾ Разр. кн. II, 616.

²⁾ *Соловьевъ*, IX, 264.

³⁾ Разр. кн. II, 777—778 (1635), 864—865 (1636).

⁴⁾ А. А. Э. III, №№ 260, 261.

⁵⁾ Осмотръ мѣстъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1636 г., государевъ указъ 4-го января и боярскій приговоръ 7-го января 1637 г. о построеніи „жилыхъ городковъ на полѣ“ см. въ Матеріалахъ для исторіи и быта Харьковской и др. губ., собранныя Д. И. Багалемъ, т. II, вып. 1-й (Харьк. 1890), стр. 3—22.

ства на этотъ разъ правительство добыло безъ содѣйствія собора. Повторять опыта пятой деньги оно, очевидно, не хотѣло; новый экстренный сборъ былъ назначенъ въ опредѣленномъ заранѣе размѣрѣ и съ опредѣленной платежной единицы. Именно, въ февраль 1637 года велѣно было „для того городского дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ“ взять по писцовымъ книгамъ съ живущей четверти по четыремъ разрядамъ: съ земель духовенства по 1 р. 20 к.; съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель московскихъ чиновъ, гостей и т. п.—по 60 коп.; съ посадовъ, дворцовыхъ и черныхъ земель по 50 коп.; съ помѣстьевъ и вотчинъ городского дворянства, вдовъ и недорослей—30 коп. ¹⁾ Въ теченіе этого года, дѣйствительно, произошло нападеніе крымцевъ и на весну 1638 года готовилось новое, въ виду котораго, по заявленію правительства, „безъ прибавочныхъ людей быти не мочно“. Мы видѣли, что всѣ эти годы приходилось держать на югѣ украинную армию въ усиленномъ размѣрѣ; нужны были новыя средства. Сохранивъ и на этотъ годъ удвоенный за годъ передъ тѣмъ окладъ стрѣлцкой подати, правительство снова обратилось къ собору, который распорядился назначеніемъ набора даточныхъ и новаго налога. Наборъ объявленъ былъ съ дворцовыхъ волостей и съ служилыхъ—съ 20 дворовъ по человѣку, съ духовенства и большихъ монастырей—съ 10 дворовъ по человѣку, съ малыхъ монастырей—съ 10 дворовъ по 4 подводы. Посады и черныя волости должны были дать деньгами: „подымный“ сборъ по 2 р. съ двора „ратнымъ людямъ на жалованье“. Давали эту сумму тѣ же, кто платилъ пятую деньги 1615 года: торговые люди въ городѣ и уѣздѣ; съ тѣхъ же „пашенныхъ крестьянъ“, которые „ничѣмъ не торгуютъ“, велѣно было собрать по 1 р. ²⁾ Въ послѣднемъ распоряженіи, такъ же какъ и въ выборѣ двора, какъ окладной единицы, нельзя не видѣть опять по-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. III, № 107, и А. А. Э. III, № 268; дошедшіе до насъ документы о сборѣ относятся къ Соли Камской и Чердыни. О первомъ разрядѣ—въ 1 р. 20 к.—узнаемъ только изъ А. И. III, № 195. Живущая четверть выбрана на этотъ разъ окладной единицей, вѣроятно, потому, что сборъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ владѣльческія земли; болѣе точныхъ свѣдѣній о взиманіи его съ черныхъ волостей и посадовъ мы не имѣемъ; но, какъ свидѣлствуютъ тѣ же документы, эти „сошныя деньги“ взимались „по платежнымъ книгамъ, по которымъ платятъ ямскія деньги и стрѣлцкіе кормы“, то-есть, съ сошнаго письма вообще (см. § 1).

²⁾ А. А. Э. III, № 275; А. И. III, № 198. Въ самомъ соборномъ приговорѣ послѣдняго распоряженія нѣтъ; но въ Пр. Д. 1640—1648, № 33, оно сдѣлано „на прошлый 1638-й годъ“. Здѣсь же налогъ названъ „подымнымъ“.

слѣдствій опытности, приобрѣтенной предыдущей практикой экстренныхъ сборовъ. На этотъ разъ мы имѣемъ статистическія данныя о результатѣ сбора; оказывается, что въ четырехъ четьяхъ предстояло собрать 129.507 р. поступило же 72.309, то-есть 55,8% оклада. О количествѣ даточныхъ этого сбора также имѣемъ свѣдѣнія по дворцовымъ, монастырскимъ и патриаршимъ землямъ: всего съ нихъ слѣдовало собрать 5.687 человекъ и 3.280 лошадей. На слѣдующій 1639 годъ тотъ же сборъ былъ повторенъ съ нѣкоторыми измѣненіями; именно съ духовенства и большихъ монастырей сборъ также переложень на деньги—по 20 руб. за человекъ и по 5 руб. за лошадь; а съ дворцовыхъ сель по 16 руб. за человекъ: все это вмѣстѣ съ сборами четей и Казанскаго дворца, повышало окладъ сбора до 271.703 р. ¹⁾ Цифра эта тѣмъ интереснѣе, что она единственная, дающая съ такой полнотой понятіе о размѣрѣ экстренныхъ сборовъ XVII вѣка по всѣмъ вѣдомствамъ.

Всѣ эти новыя тяжести и „великія подати“, начиная съ „Смоленской службы“ 1632 г. и пятинныхъ денегъ 1633—1634 г. снова ухудшили матеріальное положеніе населенія, оправившагося было за

¹⁾ О повтореніи сбора на 1639 г. см. А. И. III, № 206; о замѣнахъ деньгами—А. А. Э. III, 284; А. И. III, 201; Р. Ист. Библ. X, 268. Цѣны сбора за 1638 и 1639 г. по четьямъ и Каз. дв. въ Пр. Д. 1645, № 13, и 1639, № 79; ср. по Владиміру, кн. № 4, и Пр. Д. 1637, № 37. Сборъ съ дворцов., монаст. и патр. дворовъ въ Р. И. Библ. X, 268. По отдѣльнымъ учрежденіямъ оклады и поступленіе, а въ Большомъ Дворцѣ даточные распределялись слѣдующимъ образомъ:

	1638.		1639.	
	Окладъ.	Поступленіе.	Окладъ.	Поступленіе.
1. Новгородская . . .	76.842	42.050	77.611	10.088
2. Устюжская . . .	37.414	15.827	36.244	377
3. Костромская . . .	7.708	7.603	7.532	2.518
4. Владимірская . . .	7.543	6.829	7.642	4.882
5. Казанскій дворецъ .	—	—	19.992	899
6. Большой дворецъ .	[1860 чел.]	—	29.760	—
съ монастырей . . .	[2971 чел.]	—	—	—
	и 3280 лош.]	—	75.820	—
съ патриарха и властей	[856 чел.]	—	17.120	—
Итого . . .	135.194[3280 лош.]	72.309	271.721	18.764

Незначительность поступленій въ 1639 г. (изъ 149.003 всего 18.764, то-есть 12,6%), можетъ быть, объясняется тѣмъ, что свѣдѣнія относятся ко времени когда поступленіе еще не закончилось; въ виду этой возможности нельзя дѣлать по поводу этой незначительности никакихъ заключеній.

мирные годы 1618—1632. Жалобы на разореніе становятся все чаще, земли пустуют и выходятъ изъ оклада вслѣдствіе бѣгства населенія: картина слишкомъ знакомая, чтобы останавливаться на ней дальѣ. Тяжелое положеніе, созданное десятилѣтіемъ 1632—1642 г. признается, наконецъ, официально на извѣстномъ соборѣ 1642 года правительствомъ, не рѣшившимся начинать новую войну (изъ-за Азова) при этихъ условіяхъ. Не видно, однако же, чтобы въ остальные три года стараго царствованія предпринимаемы были какія-нибудь серьезныя мѣры для того, чтобы выйти изъ этого положенія.

Совершенно инымъ настроеніемъ проникнуто правительство въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. На первыхъ же порахъ замѣчаемъ необыкновенное оживленіе правительственной дѣятельности: одновременно предпринимается нѣсколько мѣръ, на столько важныхъ, оригинальныхъ и проникнутыхъ одной мыслью, что трудно не предположить за ними обдуманной системы у новаго правительства. Ясно формулированная цѣль этой систематической реформы была не болѣе, не менѣе, какъ осуществленіе двухъ основныхъ началъ податной „справедливости“: „всеобщности“ и „равномѣрности“ обложенія; или на языкѣ того времени: „чтобы никто въ избылѣхъ не былъ“ и „чтобы никто ни за кого лишнѣхъ доходовъ не платилъ“.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ рѣзко противорѣчило этимъ правительственнымъ задачамъ. „Сошное письмо“, главный фундаментъ обложенія, совершенно не обезпечивало ни справедливости, ни равномѣрности обложенія. Всѣ, кто могъ, такъ или иначе отъ него ускользали ¹⁾. Торговые люди уходили отъ посадскаго оклада въ деревню, а въ деревнѣ они могли быть увѣрены, что деревенское тягло ихъ не коснется, потому что, какъ „люди непашенные“, они ускользали отъ сошнаго письма. Но и для „пашенныхъ“ людей существовало не мало разныхъ лазеекъ, съ помощью которыхъ можно было

¹⁾ Тѣ черты слѣдующей характеристики, источникъ которыхъ не указанъ, взяты изъ очень интереснаго документа Пр. Д. 1646, № 130, именно „писцоваго наказа“ посланнаго на Тотму писцамъ. Составленіе писцовыхъ книгъ послѣ 1620-хъ гг. производилось въ отдѣльныхъ случаяхъ по мѣрѣ появленія настоятельной надобности въ нихъ, по особымъ челобитьямъ городовъ и уѣздовъ; такой единичный случай составляетъ и эта посылка писцовъ на Тотму; она не стоитъ въ связи и съ переписью того же 1646 года. „Писцовымъ наказомъ“ нашъ документъ называетъ себя самъ, см. л. 45. То, что иногда называютъ въ литературѣ писцовымъ наказомъ 1646 г., есть только мотивированный указъ о переписи дворовъ (А. А. Э. IV, № 14).

облегчить себѣ платежи съ сошнаго письма ¹⁾. Такъ, они бросали или уменьшали свой пахотный участокъ, положенный въ сошное письмо, и вмѣсто него „пашню пахали на сторонахъ, наймуя у монастырей и у великихъ людей, мимо государевыхъ земель“. Той же цѣли они ухитрялись достигать, распахивая вмѣсто своей тяглоу земли, — „одворишную“, то-есть, находившуюся при усадьбѣ и огородѣ. „Прожиточные и семьянистые“ крестьяне, пользуясь своимъ влияніемъ въ „мирѣ“, устраивали такъ, что при росписаніи на выти дворовъ и земель ихъ выти составлялись изъ сравнительно большаго количества дворовъ и хозяевъ; такимъ образомъ платежъ съ выти ложился легче на каждаго изъ нихъ и тягло „сбавлялось съ прожиточныхъ на молодшихъ“ ²⁾. Наконецъ, при случаѣ, крестьяне старались выйдти изъ мирскаго тягла, бросивъ „данную“ землю, связанную тяглоу, и взявъ у правительства такую, которая связывала бы ихъ однимъ „оброкомъ“ (ср. § 1).

Въ виду такихъ неудобствъ сошнаго письма, дававшаго возможность цѣлому ряду лицъ „жить въ избыли“, еще во время перваго составленія писцовыхъ лучшимъ средствомъ для того, „чтобы никто ни за кого никакихъ лишнихъ доходовъ не платилъ“, считалась расписка „въ вытное и сошное письмо дворами, а не противъ четвертной пашни“ ³⁾. Дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ еще на соборѣ 1642 г. просили съ нихъ „деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ имати, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ“ ⁴⁾. Интересы плательщиковъ, дѣйствительно, такъ же были связаны съ этой замѣной, какъ и интересы правительства; если послѣднее желало этимъ способомъ привлечь къ платежу „избывающихъ“ тягло плательщиковъ, то первые надѣялись такимъ образомъ освободиться отъ излишняго тягла, отъ того „навалнаго сошнаго письма“, которое имъ приходилось платить „за пустыя выти“, то-есть, опустѣвшія послѣ писцовыхъ книгъ, и которое иногда чуть не вдвое увеличивало тягость ихъ повинно-

¹⁾ Не говоримъ уже о богатствѣ и о переходѣ въ другія состоянія; см. у А. С. Лавро-Данилевскаго, стр. 146—160.

²⁾ О „сбавливаніи тягла съ прожиточныхъ на молодшихъ“ см. также Пр. Д. 1645, № 42.

³⁾ А. А. Э. IV, № 6.

⁴⁾ Такъ мало, очевидно, находили они сходства между раскладкой сошнаго письма „по живущимъ четвертямъ“ (на основаніи писцовыхъ) и настоящей подворной раскладкой.

стей ¹⁾. Они не рассчитывали, конечно, что правительство воспользуется всеми выгодами подворной раскладки для своих экстренных сборов и оставить их при всех невыгодах старого сошного письма в отбывании обычных повинностей.

Естественным разрешением всех неудобств представлялась дворовая перепись; к ней и приступило правительство в 1646 г. Но рядом с ней и не дожидаясь ее результатов, правительство хотело скорее и короче добиться осуществления своей задачи, всеобщности и равномерности обложения: в том же 1646 г. оно приняло мѣру, которая лучше всего подчеркивает некоторую теоретичность его мѣропріятій за это время и в то же время характеризует нетерпѣливость, сь которой оно спѣшило их осуществить. 7-го февраля 1646 г. ²⁾ послѣдовалъ указъ и боярскій приговоръ: „для пополненія государскія казны и служилымъ людямъ на жалованіе положить на соль новую пошлину—за всѣ стрѣлцкія пошлины и за проѣзжія мыты—передъ прежнимъ съ прибавкою: на всякій пудъ по 2 гривны... А какъ та соляная пошлина въ нашу казну сполна сберется, и мы, великій государь, указали: со всея земли и со всякихъ людей наши доходы, стрѣлцкія и ямскія деньги сложити, и заплатити... тѣми соляными пошлинными деньгами“. Итакъ, указъ предполагалъ замѣнить главныя прямыя подати косвеннымъ налогомъ на соль въ повышенномъ размѣрѣ. Преимущество такой замѣны указъ видѣлъ въ томъ, что „та соляная пошлина 1) всѣмъ будетъ равна, 2) и въ избылхъ никто не будетъ;... а стрѣлцкія и ямскія деньги собираютъ не ровно, инымъ тяжело, а инымъ легко..., а иные и не платятъ, потому что ни въ Разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ имянь ихъ нѣтъ, а живутъ всегда вездѣ въ избыли“. Кроме этого, указъ приводитъ и всегдашній аргументъ въ пользу взиманія косвеннаго налога: „платить всякій станетъ безъ правезу, собою“. Какъ извѣстно, эти теоретическія соображенія не оправдались на практикѣ: новая подать привела къ бунту и черезъ два года была отмѣнена.

Въ этотъ промежутокъ времени была закончена подворная перепись, начатая въ 1646 году. Въ указѣ объ этой переписи, какъ извѣстно, побужденіемъ къ ней выставляется желаніе закрѣпить за

¹⁾ Ср. Пр. Д. 1646, № 118.

²⁾ А. А. Э. IV, № 5.

служилыми людьми ихъ крестьянъ¹⁾. Однако же, въ виду тѣхъ явленій, которыя, какъ мы видѣли, предшествовали составленію переписныхъ книгъ, трудно не предположить, что послѣднія имѣли также и финансовую цѣль. То, что послѣдовало за ихъ составленіемъ, окончательно убѣждаетъ насъ въ существованіи этой цѣли. Именно, едва только онѣ были окончены, какъ уже были немедленно употреблены въ дѣло для подворной раскладки новаго экстреннаго сбора „ратнымъ людямъ на жалованье“ — по 2 гривны съ двора²⁾. Необходимо при томъ замѣтить, что этотъ сборъ былъ указанъ правительству на томъ же соборѣ 1642 г., на которомъ городское дворянство хлопотало о дворовой раскладкѣ. Именно, Беклемишевъ и Желябужскій подали на немъ особое мнѣніе, въ которомъ предлагали въ случаѣ недостатка сборныхъ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, „деньги собирать поворотно, хотя по гривнѣ съ двора“³⁾. Но подворная перепись была немедленно употреблена не только для назначенія этой поворотной подати; въ то же самое время она послужила еще и для опредѣленія (по совѣщанію съ выборными) новаго оклада полонянничныхъ денегъ⁴⁾. Монастыри и посадскіе должны были платить по этому новому окладу 8 денегъ съ двора, дворцовыя села, черныя волости, помѣщичьи и вотчинниковы крестьяне — по 4 деньги съ двора, служилые люди по 2 деньги съ двора. Сборъ долженъ былъ поступать въ Посольскій приказъ, но вѣдался, какъ прежде, областными приказами⁵⁾. Котошихинъ полагалъ, что сборъ полонянничныхъ по окладу Уложенія достигалъ 150.000 ежегодно. Однако же, официальные данныя не подтверждаютъ этого показанія; по цифрамъ,

¹⁾ „А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ переписуютъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ... будутъ ярпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. А. А. Э. IV, № 14; ср. Уложеніе, IX, 24.

²⁾ Въ Москвѣ и въ городахъ съ гостинныхъ и торговыхъ людей, а въ Устюжской (и въ Новгородской?) четверти также съ узадныхъ и волостныхъ крестьянъ въ томъ же размѣрѣ. Нашъ источникъ называетъ ее „подымной“; по Устюгу кн. № 98. Тутъ и перечни дворовъ по переписи 1646—1648 г. Та же подать повторена въ 1651 г. (ibid.).

³⁾ С. Г. Г. и Д. III, стр. 387.

⁴⁾ Улож., глава VIII; А. И. IV, № 43; Пр. Д. 1650, № 118. Мотивъ переложенія на дворы выставляется тотъ же: „сбирать по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному писъму, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто въ избытокъ не былъ“.

⁵⁾ См., напримѣръ, въ Устюжской четв. сборъ полонянничныхъ по новому окладу по переписи 1646—1648 г.: за 1657—1664 г. въ кн. по Устюгу № 122; въ 1665—1670 г., ibid., кн. № 157.

относящимся къ тому же времени, какъ и наблюденія Котошихина, оказывается, что до Посольскаго приказа доходило, во всякомъ случаѣ, гораздо меньшее количество. Присылки изъ Владимірской, Галицкой, Костромской, Устюжской, Новгородской четей, Казанскаго и Большаго Дворцовъ, Монастырскаго приказа, изъ Разряда, съ Романова и Касимова, словомъ изъ всѣхъ областныхъ финансовыхъ вѣдомствъ, колебались въ 1656—1664 г. между 5¹/₂ и 50 тысячами рублей, и только благодаря тому, что Посольскій приказъ расходовалъ на выкупъ плѣнныхъ еще гораздо менѣе, чѣмъ самъ получалъ, у него въ иные годы накоплялось остатковъ до 70 тысячъ, а съ поступленіями текущаго года до 82¹/₂ тысячъ¹⁾. Расходъ этихъ денегъ, если и не исключительно, какъ говорить Котошихинъ, то все же главнымъ образомъ идетъ на выкупъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, исходя изъ самыхъ благихъ намѣреній, финансовыя реформы 1646 г. привели непосредственно только къ созданію новыхъ сборовъ и увеличенію старыхъ. Впрочемъ, даже еслибы фискальныя цѣли менѣе выступали въ этой реформѣ, она не могла бы оказать такого благотѣльнаго вліянія, какое имѣли на страну реформы Михаила, потому что за ней не послѣдовало такого промежутка „тишины и покоя“, который далъ бы новую возможность населенію оправиться послѣ втораго періода финансоваго напряженія.

1)	Приходъ.	Приходъ съ остаткомъ.	Расходъ.	Остатокъ.
1656.		[26.036 р. 1.413 з.]	14.846	11.190 р. 1.413 з.
1657.	[16.127+?]	27.317 р. 10 з.	8.396 р. 200 з.	17.903 р. 1.296 з.
1658.	[12.127 и 8.010 з.]	60.030 р. 9.306 з.	33.702 р. 4.653 з.	26.328 р. 4.653 з.
1659.	[10.445 и 5.377 з.]	36.773 р. 10.030 з.	10.071 р. 4.723 з.	26.702 р. 5.307 з.
1660.	25.155 и 4.593 з.	51.857 р. 9.960 з.	4.458 р. 4.500 з.	47.399 р. 5.460 з.
1661.	5.649	53.048 р. 5.460 з.	4.166 р. 300 з.	48.882 р. 5.160 з.
1662.	20.099 р. 3.987 з. и 9.036 сѣмк.	[68.971 р. 9.147 з. и 9.036 сѣмк.]	[12.355 р. 2.493 з.]	56.616 р. 6.654 з. и 9.036 сѣмк.
1663.	7.000	63.616 р. 6.654 з. и 9.036 сѣмк.	[19.496 р. 1.369 з. и 5.841 сѣмк.]	44.120 р. 5.285 з. и 3.195 сѣмк.
1664.	[409]	[44.529 р. 5.285 з. и 3.195 сѣмк.]	43.495 р. 10 з.	1.034 р. 5.275 з. и 3.195 сѣмк.

Таблица составлена по Пр. Д. 1665, № 190 (листы перепутаны). Ср. Пр. Д. 1664, № 257 и 1665, № 195. Цифры въ скобкахъ добавлены нами. Кромѣ помѣнованныхъ въ текстѣ вѣдомствъ, половничныя деньги присылались еще съ Денежнаго двора (въ обмѣнъ?) и жертвовались частными лицами—по душѣ. Золотые и сѣмки оставлены безъ перевода вслѣдствіе колебаній ихъ курса. Обыкновенная цѣна—1 р. золотой и 50 коп. сѣмокъ.

Дѣло въ томъ, что очень скоро послѣ этихъ мѣропріятій начался третій, самый продолжительный и самый тяжелый періодъ финансовыхъ затрудненій; присоединеніе Малороссіи вовлекло Россію въ длинныя и разорительныя войны, сперва съ Польшей и Швеціей, потомъ съ Турціей и Крымомъ; непрерывная тринадцатилѣтняя борьба съ первыми (1654—1667) и затѣмъ постоянно возобновлявшаяся борьба со вторыми наполняютъ все остальное царствованіе Алексѣя и почти все царствованіе Ѳедора (до Бахчисарайскаго мира 1681 г.). Мы не имѣемъ возможности слѣдить здѣсь за сложной дипломатической игрой и военными перипетіями той и другой борьбы и поэтому должны отказаться и отъ специальной мотивировки экстренныхъ сборовъ этого времени. Взамѣнъ этого ограничимся простымъ перечисленіемъ тѣхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя пришлось принести странѣ для того, чтобы довести эту борьбу до успѣшнаго конца.

Перечислимъ сперва наборы даточныхъ за это время ¹⁾:

1654. „Смоленская служба“. Съ Устюжской четверти (и съ другихъ?) сборъ съ посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ дворовъ съ 50 двор. по подводѣ и за подводой по человѣку, а за переходіе дворы деньгами. (Сборъ вѣдается Монастырскимъ приказомъ). Въ Конюшенномъ приказѣ взято 123 даточныхъ съ подводами.

1655. „Виленскій походъ“. Съ Устюжской четверти тотъ же сборъ повторенъ; онъ распространялся и на вотчины новгородскихъ монастырей и на Бѣлоозеро, то-есть, Галицкую четъ (здѣсь съ помѣщиковъ; вѣроятно, и на другія?) ²⁾ Въ Конюшенномъ приказѣ взято 4 человѣка съ подводами.

1656. „Рижскій походъ“. Съ Устюжской четверти тотъ же сборъ: съ земель духовенства со 100 двор. по человѣку, а съ переходящихъ дворовъ по 1 р.; съ посадскихъ и уѣздныхъ съ 50 двор. по человѣку, а съ переходящихъ дворовъ по 1 р. 20 к. съ двора. Съ московскихъ чиновъ сборъ даточныхъ конныхъ съ 30 дворовъ по человѣку ³⁾. Въ Конюшенномъ приказѣ взято 133 человѣка съ подводами. За 1654—1656 г. Устюгъ далъ 381 даточнаго, Сольвычегодскъ 613; Важскій уѣздъ 4.941.

1657. Сборъ съ Новгородскаго и Старорусскаго уѣзда съ земель духовенства пятаго человѣка для защиты шведской границы: всего 3.900 человѣкъ ⁴⁾.

1658. Въ приказѣ Большаго Дворца взято въ „солдатскую“ службу 1.400 человѣкъ.

1659. Первый сборъ (въ началѣ года) со всего государства пѣшихъ да-

¹⁾ Главные источники: по Устюгу, кн. № 109 и Доп. къ А. И. VIII, № 40. Другіе источники указаны ниже.

²⁾ Доп. къ А. И. IV, № 26; А. А. Э. IV, № 84.

³⁾ П. С. З., № 177.

⁴⁾ П. С. З., № 208. Въ этой мѣстности устроены были военные поселенія.

точныхъ въ солдатскую службу по переписнымъ книгамъ съ 25 дворовъ по человѣку; съ имѣющихъ менѣе 10 дворовъ—по 1 р. съ двора для уплаты за даточныхъ тѣмъ, у кого болѣе 10 дворовъ. Собрано въ Костромской чети, вѣдавшей сборъ, 18.000 человѣкъ. Второй сборъ (осенью)—на тѣхъ же основаніяхъ. Собрано тамъ же 11.577 человѣкъ. Въ приказѣ Большаго Дворца въ оба сбора собрано 2.755 человѣкъ: по 1 человѣку съ 25 дворовъ, а съ иныхъ сель съ 10 дворовъ.

1660. Сборъ съ земель духовенства съ 50 дворовъ по конному человѣку; съ служилыхъ людей—съ 20 дворовъ по человѣку, а за переходіе дворы деньгами ¹⁾).

1661. Третій сборъ по властелинскому и по боярскому и по всякихъ чиновъ людей приговору ²⁾ съ 20 дворовъ, но съ городовыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, вдовъ и недорослей—съ 30 дворовъ по человѣку, съ дворцовыхъ слободъ съ 12 дворовъ, съ торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ, съ даннаго оклада съ гривны по человѣку³⁾. Собрано въ Костромской чети 17.080 человѣкъ, въ Большомъ Дворцѣ 2.362 (съ 20 и 10 дворовъ по человѣку).

1663. Сборъ въ Казанскомъ дворцѣ съ 5 дворовъ по человѣку противъ взбунтовавшихся башкирцевъ: Чердынь и Соликамскъ дали 1.104 человѣка ⁴⁾. Сборъ даточныхъ съ думныхъ и московскаго чина и съ служилыхъ, не находившихся въ 1663 г. на службѣ ⁵⁾).

1664. Наборъ въ московскіе стрѣльцы съ Московскаго уѣзда съ 10 дворовъ по человѣку. Взато въ Большомъ Приходѣ 1.038 человѣкъ и въ Большомъ Дворцѣ 163. Сборъ даточныхъ конныхъ съ отставныхъ служилыхъ людей ⁶⁾).

1668. Сборъ съ сель вѣдомства Большаго Дворца съ 30 дворовъ по человѣку. Всего 1.130 человѣкъ. Сборъ со 162 московскихъ служилыхъ людей съ 100 дворовъ по человѣку ⁶⁾).

1673(—1678). Въ Хлѣбномъ приказѣ взято въ выборные солдаты и стрѣльцы 1.782 человѣка. Съ Важскаго уѣзда въ 1673—1676 г. взято 370 человѣкъ ⁷⁾. Съ Устюга въ 1678 г. взято въ солдаты 1.114 человѣкъ.

1679. (Назначенъ 1678 г., ноября 9-го). Сборъ лѣшихъ даточныхъ для фор-

¹⁾ А. И. IV, № 149; П. С. З., № 280.

²⁾ Доп. къ А. И. VIII, стр. 121. Слѣдовательно, по приговору земскаго сбора, до сихъ поръ не отмѣченнаго въ литературѣ? Въ источникѣ выставленъ только годъ, безъ числа (при томъ съ опечаткой или ошибкой 179 вмѣсто 169); но такъ какъ дальнѣйшее разъясненіе собраннаго приговора послѣдовало, по докладной выпискѣ, 9-го января 1661 г., то можно думать, что сборъ былъ еще въ 1660 году.

³⁾ С. Г. Г. и Д. IV, № 24. Въ Доп. къ А. И. VIII, стр. 124, этотъ сборъ, вопервыхъ, отнесенъ къ 181 г. вмѣсто 171, и вторыхъ, ошибочно названъ сборомъ съ 25 дворовъ по человѣку. Въ тожествѣ обоихъ сборовъ по излагаемымъ въ документахъ деталямъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

⁴⁾ П. С. З., № 347.

⁵⁾ П. С. З., № 353.

⁶⁾ П. С. З., № 431.

⁷⁾ Къ нимъ вѣроятно, относится А. И. IV, № 256.

мированія новыхъ солдатскихъ полковъ (съ служивыхъ людей) по новымъ переписнымъ книгамъ съ 25 дворовъ по человѣку и за переходіе дворы по 60 к.

Такимъ образомъ, только по этимъ случайнымъ и далеко не полнымъ свѣдѣніямъ насчитывается уже за 25 лѣтъ до 70.000 рабочаго населенія ¹⁾, взятаго въ даточные и увеличившаго собой численность армии и расходъ на нее. Въ какой пропорціи находился денежный расходъ населенія къ расходу людьми, можно судить изъ примѣровъ, приведенныхъ ниже подъ 1654—1656 годомъ. Приводимъ теперь списокъ денежныхъ жертвъ населенія:

1654. Сборъ десятой деньги („съ рубля по гривнѣ“) съ торговыхъ, посадскихъ и лицъ, занимающихся торговлей изъ другихъ сословій ²⁾. Сборъ съ желающихъ уплатить деньгами вмѣсто хлѣбныхъ запасовъ, по 25 коп. съ двора ³⁾.

1654—1656. За эти три года денежная подмога даточнымъ, напримѣръ, съ Устюга — на 381 человѣкъ 64.770 руб.; Сольвычегодска на 613 даточныхъ 26.437 р. ⁴⁾.

1659—1661. Одновременно съ тремя наборами, вѣдавшимися въ Костромской четѣ (см. предыдущій списокъ) собрано съ московскаго купечества, черныхъ сотенъ и слободъ за даточныхъ—въ три сбора 31.411 р. ⁵⁾.

1662. Сборъ пятой деньги съ торговыхъ и посадскихъ людей, а съ остальныхъ сословій—по полтигѣ съ двора по переписнымъ книгамъ ⁶⁾.

1663. Сборъ пятой деньги съ торговыхъ людей и лицъ другихъ сословій, занимающихся торговлей. Назначенъ 1-го октября 1662 г. и, какъ полагаемъ, отличенъ отъ предыдущаго ⁷⁾.

1668, февр. 17-го—18-го. Сборъ десятой деньги „со всякихъ чиновъ торговыхъ людей“, а въ Приказѣ Большаго Двора: „съ посадскихъ и крестьянъ, которые торгуютъ“ — десятая деньга (минимумъ 25 коп.), а „съ пашенныхъ крестьянъ“ по 25 коп. съ двора ⁸⁾.

¹⁾ Напомнимъ еще, что въ самомъ началѣ войны Россія перенесла морозную язву, отъ которой умерло въ случаяхъ, приведенныхъ *Соловьевымъ* (X, 326), 24.000; по сообщенію Майерберга—въ одной Москвѣ 70.000 (*Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1873. IV, 121); а по Коллинсу во всей Россіи 700—800 тысячъ.

²⁾ П. С. З., № 129 и А. И. IV, № 93.

³⁾ П. С. З., № 139.

⁴⁾ Пр. Д. 1671, №№ 583 и 595. Вся сумма даточныхъ съ Устюга за 1654—1679 г.=6000 человѣкъ (кромѣ 1114 въ 1678 году) и на нихъ подмоги 94.770 руб. Пр. Д. 1680 г., 31-го января.

⁵⁾ Доп. къ А. И. VIII, стр. 122.

⁶⁾ А. А. Э. IV, № 137 (іюль) и П. С. З., № 322 (іюль).

⁷⁾ Сборъ этотъ извѣстенъ только изъ двухъ грамотъ къ Турянскому и Беровскому воеводамъ — съ одинаковымъ текстомъ. Первая грамота напечатана дважды въ С. Г. Г. и Д. IV, № 24 и П. С. З., № 329; вторая въ Доп. къ А. И. IV, № 131, при чемъ ошибочно показанъ 172 г. вмѣсто 171 (копія Миллера).

⁸⁾ Доп. къ А. И. V, № 64.

1670, июль. Сборъ съ духовенства и служилыхъ людей по переписнымъ книгамъ по 50 коп. съ двора ¹⁾).

1671, марта 31-го. Сборъ 15-й деньги съ торговыхъ и посадскихъ людей „ратнымъ людямъ на жалованье“ и, вѣроятно, одновременно, съ пашенныхъ крестьянъ по 20 коп. съ двора. Сборъ съ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по 50 коп. за даточнаго коннаго ²⁾).

1673 (дек. 18-го, 1672). Сборъ десятой деньги съ торговыхъ и посадскихъ (minimum 50 коп.) и 50 коп. съ двора по переписнымъ книгамъ съ пашенныхъ крестьянъ и другихъ сословій; поводъ: ожидаемое нападеніе Турскаго султана, въ виду котораго „безъ прибылыхъ великихъ полковъ на Сѣверѣ быть не возможно“ и необходимо „не щадить государской казны“ ³⁾).

1678. Сборъ съ земель духовенства и служилыхъ по 25 коп. съ двора и другой сборъ въ томъ же размѣрѣ съ двора за даточныхъ конныхъ ⁴⁾).

1678—1679. Сборъ десятой деньги съ торговыхъ людей и по 50 к. съ двора, съ кого „сбору десятой деньги не будетъ“ ⁵⁾).

1679. Сборъ съ гостей съ гривны „даннаго“ оклада по 50 руб.; съ торговыхъ, посадскихъ и ясашныхъ по 1 р. съ двора, съ служилыхъ за переходіе дворы по 50 коп. съ двора ⁶⁾).

1680. Сборъ десятой деньги съ торговыхъ людей и по 50 коп. съ двора съ другихъ сословій ⁷⁾). Сборъ съ земель духовенства за артиллерійскихъ лошадей по 25 коп. съ двора по новымъ переписнымъ книгамъ ⁸⁾).

Какъ видимъ, за двадцать-пять лѣтъ дважды собиралась 5-я деньга, пять разъ 10-я, одинъ разъ 15-я и одинъ разъ рублевый сборъ съ двора—съ торговыхъ людей; съ духовенства и служилыхъ людей большей частью одновременно, а въ 1670 и 1678 г. и отдѣльно вимались полтинныя и полуполтинныя деньги съ двора. Военная цѣль почти всегда указана въ самыхъ документахъ о сборахъ, а часто названы и ближайшія историческія обстоятельства, вызвавшія сборъ. Но кромѣ этихъ единовременныхъ доходовъ, поступления которыхъ, какъ можно предположить по аналогіи съ извѣстными намъ случаями, были довольно капризны, необходимы были, съ одной стороны, болѣе постоянные, съ другой стороны, болѣе зависящіе отъ воли правительства источники доходовъ. Добавочные ресурсы понадобились съ са-

¹⁾ А. А. Э. IV, № 175; о томъ же сборѣ, какъ сборѣ 1671 г., говорится въ А. И. IV, № 234 и П. С. З., № 547; и какъ о сборѣ 1670 г., въ С. Г. Г. и Д. IV, № 85.

²⁾ П. С. З., № 494 и Доп. къ А. И. VI, № 33 и 44.

³⁾ П. С. З., № 547; С. Г. Г. и Д. IV, № 85; А. И. IV, № 233.

⁴⁾ П. С. З., № 1210.

⁵⁾ Доп. къ А. И. VIII, № 28 и А. И. V, № 42.

⁶⁾ П. С. З., № 1210; А. И. V, № 29 и 33.

⁷⁾ П. С. З., № 799 (срав. 750?) и 804.

⁸⁾ Доп. къ А. И. VIII, № 28.

маго начала войны; первые два года войны стоили правительству по официальному расчету, предъявленному польскимъ уполномоченнымъ, 1,300.000 рублей ¹⁾). Мы знаемъ, что съ перваго же года войны окладъ стрѣлцкой подати, давно остановившійся на 168 р., поднялся до 228 р. и оставался въ этомъ размѣрѣ до 1660 г. Затѣмъ, въ списокѣ экстренныхъ сборовъ значится на этотъ же годъ 5-я деньга. То и другое, очевидно, оказалось недостаточнымъ, потому что въ томъ же году правительство начало усиленно эксплуатировать свою монетную регалию. Изъ иностранныхъ „ефимковъ“ рыночной цѣной въ 40—42 коп. начеканены были вновь серебряные „рубли“ (то-есть, 138% прибыли); но кромѣ того,—что особенно свидѣтельствуетъ о настоятельности и спѣшности денежной нужды,—въ слѣдующемъ 1655 году тѣ же ефимки были выпущены въ оборотъ безъ всякой перечековки и перековки, съ однимъ только московскимъ штемпелемъ, означавшимъ ихъ новый принудительный курсъ, „не противъ того, какъ иманы въ царскую казну и какъ прежь сего хаживали въ рядѣхъ“; именно, вмѣсто 40—42 коп. по 64 коп.—„съ великою прибылью“ въ 52% противъ рыночной цѣны ²⁾). Это уже было первымъ обращеніемъ къ кредиту;

¹⁾ Въ 1654 г. 800.000 р. и въ 1655 г. 500.000 р. *Соловьевъ*, X, 360. Нѣтъ основанія считать эти крупныя цифры преувеличенными; мы видѣли, чего стоилъ годъ и два мѣсяца Смоленскаго похода (до 600.000); въ книгѣ по Новгород. № 67 находимъ; между прочимъ, что въ 1662 г. въ Новгородъ „ратнымъ людямъ на жалованье и на полковые расходы“ переслана сумма 615.802 р. (452.000 р. изъ Большой Казны и 151.802 р. съ Денежнаго двора). До какой степени нуждалось правительство въ деньгахъ въ первые годы войны, видно изъ того, что оно, какъ послѣ смутнаго времени, прибѣгало опять къ принудительнымъ займамъ; такъ, архимандритъ Тихвинскаго монастыря въ мартѣ 1655 года получилъ такую грамоту: „вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многіе, и мы указали взять у васъ изъ монастыря на жалованье нашимъ ратнымъ людямъ 10.000 р...; а въ оскорбленіе себѣ того бѣ не ставили, а какъ... служба мнѣтца, то мы... тѣ деньги... велимъ вамъ отдать“. Доп. къ А. И. IV, № 3.

²⁾ Такъ представляется дѣло по *Котошихину* (стр. 81—82) и А. А. Э. IV, № 90; ср. П. С. З., № 204. *Заблюцкій*, О цѣностяхъ, стр. 67—80, полагаетъ, что ефимки, перечекованные въ рубли, стояли казѣмъ полтинникъ, и ссылается въ доказательство на Майерберга; но у послѣдняго нѣтъ сообщеній, подобныхъ цитируемымъ на стр. 70; дѣло въ томъ, что тутъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 79) Заблюцкій принялъ за текстъ Майерберга объясненія *Аделунга* къ атласу Майерберга. Аделунгъ же принялъ, очевидно, ту цѣну ефимка (50), которую указалъ, дѣйствительно, и Майербергъ *для своего времени* (1661), которая принята и въ Новоторговомъ уставѣ (ср. *Прозоровскій*, Монета и вѣсъ въ Россіи, стр. 100—101). Но Котошихинъ ясно указываетъ для времени описываемыхъ событій (1654—1655) рыночную цѣну ефимка 40—42 коп., и нѣтъ основаній ему не вѣрить. Принявъ

отъ этихъ денегъ оставался одинъ шагъ до настоящихъ денежныхъ знаковъ, которые (изъ мѣди) и были выпущены—въ видѣ полтинниковъ въ томъ же 1654 году. Съ 1656 г. выпускъ мѣдныхъ денегъ особенно усилился: извѣстны печальныя послѣдствія этой кредитной операціи, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Замѣтимъ только, что этотъ источникъ дохода нейтрализовалъ дѣйствительность другаго источника—стрѣлецкой подати. Послѣдняя должна была обезпечивать существованіе служилого сословія; но обычные оклады, установившіеся при нормальныхъ цѣнахъ, теперь оказывались слишкомъ низкими: „купцы просили за свои товары, а крестьяне за свой хлѣбъ и другіе сѣвственные припасы вдесятеро дороже противъ обыкновеннаго; такая дороговизна показала военнымъ людямъ, жившимъ на жалованье, какъ недостаточно для семейныхъ нуждъ этихъ мѣдныхъ копѣекъ, упавшихъ во столько разъ въ цѣнѣ сравнительно съ серебряными, но выдававшихся имъ въ прежнемъ количествѣ“¹⁾. Нужно было какъ-нибудь облегчить ихъ положеніе. Первая мысль, высказанная по этому поводу правительствомъ, состояла въ намѣреніи вернуть старыя цѣны продуктовъ²⁾. Въ октябрѣ 1660 г. торговые люди были приглашены на совѣщаніе съ боярами о томъ, отчего вздорожалъ хлѣбъ и какимъ образомъ сдѣлать его дешевле. Ближайшая причина вздорожанія лежала, конечно, въ начинавшихъ уже обнару-

---

пріемную цѣну еемки въ 1654 г.—50 коп., Заблоцкій принужденъ былъ выставить очень искусственное толкованіе того, почему въ 1655 г. тѣ же еемки правительство принимало за 42 коп.: именно, оказывается, что оно понизило пріемную цѣну еемковъ съ 50 до 42 коп., чтобъ наверстать уменьшеніе въ цѣнѣ передѣланнаго изъ еемки рубля—съ 1 руб. до 64 коп. Это уменьшеніе цѣны представляется у него, какъ невольная уступка рыночной цѣнѣ еемковъ. Но, конечно, правительству легче было опредѣлять курсъ выпускаемой монеты, чѣмъ принудить отдавать еемки въ казну за произвольно пониженную цѣну; при томъ, опять-таки, по Котошихину, эта цѣна 42 коп. именно и была рыночной цѣной еемковъ. Прозоровскій допускаетъ другую ошибку, принимая (стр. 103), что вполнѣ перечеканенный еемковъ съ надписью „рубль“ ходилъ по 64 коп., что относится, по документамъ, — къ еемку *штемпелеванному* („съ признаками“). А. Брикнеръ (Мѣдные деньги въ Россіи. С.-Пб. 1864) повторяетъ въ этомъ случаѣ Заблоцкаго (стр. 11). Хронологія выпусковъ новыхъ денегъ опредѣляется штемпедями 1654 года на серебряныхъ „рубляхъ“ и мѣдныхъ „полтинникахъ“, и 1655 г.—на „еемкахъ съ признаками“. Брикнеръ относитъ начало всей операціи къ 1656-му г. (ib. 15—16).

¹⁾ Майербергъ въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Р.*, 1874, I, 179.

²⁾ Попытки заставить продавцовъ вести хлѣбъ въ города и продавать умеренной цѣной—сведены у А. Брикнера, 44—46.

живаться послѣдствіяхъ денежной операціи. Въ моментъ совѣщанія на мѣдныя деньги уже „давали у товаровъ наддачи“ 25 коп. на рубль въ Новгородѣ и 80 коп. въ Москвѣ¹⁾. Однако же торговые люди почему-то оставили въ сторонѣ эту причину дороговизны, и само правительство какъ бы подсказывало имъ другія возможности: вліяніе скупщиковъ хлѣба, винокуреніе. Но за скупщиками услѣдить, какъ показали нѣкоторыя сцены во время самого совѣщанія, было трудно; „на кружечныхъ дворахъ винную продажу (и слѣдовательно, прибыль) отставить“ — не возможно. Естественно, что поставленное такимъ образомъ совѣщаніе не привело ни къ чему. Но одно изъ предложенныхъ на немъ объясненій хлѣбной дороговизны, какъ кажется, обратило на себя вниманіе правительства. „Прежъ сего, говорили торговые люди, было великаго государя хлѣбное жалованіе ружнымъ попамъ и всѣмъ церковникамъ и стрѣльцамъ и государевымъ дворовымъ людямъ; а нынѣ даютъ тѣмъ всѣмъ людямъ государево жалованье за хлѣбъ деньгами, и тѣ всѣ люди на Москвѣ и въ городѣхъ стали хлѣбу купцы“²⁾. Несомнѣнно, это наблюденіе было вѣрно: увеличеніе спроса должно было поднять хлѣбныя цѣны; но во всякомъ случаѣ, это былъ фактъ не новый, и вліяніе его на цѣны должно было уже давно обнаружиться въ полномъ размѣрѣ. Но намекъ торговыхъ людей имѣлъ другую, болѣе важную сторону. Если нельзя было понизить хлѣбныя цѣны и не выгодно было повысить денежный окладъ, то былъ въ самомъ дѣлѣ другой исходъ: всего удобнѣе было сложить невыгоды кризиса и съ служилыхъ людей и съ правительства на плательщиковъ, заставивъ ихъ, по-прежнему, платить прямо хлѣбомъ и вернувшись къ старой системѣ уплаты государева жалованья тоже хлѣбомъ, а не деньгами. Событія, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить, показываютъ, что самая сила вещей заставила правительство разсуждать именно такимъ образомъ.

Еще до описаннаго совѣщанія, въ сентябрѣ 1660 года, правительство распорядилось отмѣнить вовсе платежъ стрѣлецкихъ денегъ на 1661 годъ, предупреждая однако, что на 1662 и слѣдующіе годы будетъ взыскивать ихъ сполна. Дѣло шло, очевидно, только о вре-

¹⁾ А. А. Э. IV, № 144 и П. С. З., № 339.

²⁾ С. Г. Г. и Д. IV, № 18. Подлинникъ хранится въ Арх. И. Д. 1660, № 121; кромѣ напечатаннаго текста, здѣсь есть еще двѣ подлинныя сказки (съ подписями на оборотѣ) таглыхъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, а также докладная выписка, кончающаяся словами: „и великому государю... о томъ о всемъ какъ милосердый Богъ извѣститъ“.

менномъ облегченіи плательщиковъ ¹⁾). Но по прошествіи года, въ теченіе котораго произошло совѣщаніе съ торговыми людьми, правительство мѣняетъ свое намѣреніе и вмѣсто стараго налога создаетъ новый: „для хлѣбныя дорогови и для прокормленія служилыхъ и всякихъ скудныхъ ²⁾ людей“ велѣно взять на 1662 г. стрѣлцкое жалованье хлѣбомъ и „изъ того сборнаго хлѣба дать (въ данномъ случаѣ Новгородскимъ) стрѣльцамъ и казакамъ и пушкарямъ и воротникамъ и иныхъ чиновъ людямъ, которымъ прежде сего хлѣбное жалованье или за хлѣбъ деньги даваны, на 170 г... хлѣбное жалованье“ ³⁾). Мы знаемъ два экземпляра этого указа, посланные въ Новгородъ и въ Чердынь съ Соликамскомъ; и во всѣхъ этихъ мѣстахъ они вызвали рѣшительное сопротивленіе. Въ Соликамскѣ и Чердыни, вмѣсто уплаты, воевода долженъ былъ принять для передачи челобитную съ просьбой о дозволеніи платить вмѣсто хлѣба деньгами; надо думать, что то же произошло и въ Новгородѣ, потому что черезъ четыре мѣсяца тамъ полученъ былъ другой указъ: правительство готово было перевести хлѣбный окладъ опять на деньги, но только по настоящимъ цѣнамъ. Въ указѣ велѣно было именно „всѣмъ посадскимъ людямъ великаго государя милость и жалованье сказать, ... что великій государь... пожаловалъ, Новгородскимъ стрѣльцомъ на 170 г. хлѣба имать не велѣлъ, а велѣно взять съ прожиточныхъ людей деньгами по Московской цѣнѣ, за четверть ржи по 14 руб., за четверть овса по 7 руб..., а съ бѣдныхъ... денегъ за хлѣбъ имать не велѣно“ ⁴⁾). По такой цѣнѣ пришлось бы платить съ сохи (за 175 четв. ржи и столько же овса) окладъ 3.675 р., конечно, мѣдныхъ, но и 228 р. предыдущаго оклада платились тѣми же деньгами. „И посадскіе люди, говоритъ нашъ документъ, денегъ не платили, и били челомъ государю словесно, что имъ денегъ платить нечѣмъ: отъ хлѣбныя дорогови... и отъ многихъ податей охудали“.

Мы не знаемъ, какъ кончилось это дѣло; но въ слѣдующемъ

¹⁾ Доп. къ А. И. IV, № 86.

²⁾ Разумѣются ружные и церковные: правительство какъ будто имѣетъ передъ собой самыя сказки торговыхъ людей при составленіи своего указа.

³⁾ По Новгороду кн. № 67, л. 139; ср. Доп. къ А. И. IV, № 107.

⁴⁾ Въ то же самое время въ Смоленскѣ правительство предписывало таксу на хлѣбъ—за четв. ржи 3 руб., за четв. овса 1 р. 50 к., что равнялось серебромъ по московскому курсу 75 коп. и 37½ коп.: „не дешева, но сравнительно умѣренна цѣна ржи и овса“. В. О. Ключевскаго, Русскій рубль, стр. 57—58. По этому можно судить о цѣнахъ, назначенныхъ въ приведенной цитатѣ.

1663 г. мѣдныя деньги, какъ извѣстно, были отмѣнены ¹⁾; и въ томъ же 1663 г. стрѣлецкій хлѣбъ, въ двойномъ размѣрѣ противъ платежа 1661 г., былъ окончательно переведенъ на серебряную валюту, по хлѣбной цѣнѣ 2 р. 35 коп. за юфть, (то-есть, четверть ржи и четв. овса). Окладъ получился, хотя и не столь чудовищный, какъ при мѣдныхъ деньгахъ, но въ сущности даже болѣе по цѣнности и, слѣдовательно, болѣе тяжелый: съ сохи 822 р. 50 к. ²⁾. Съ этого времени стрѣлецкая подать становится настоящимъ бичомъ населенія и ея разорительность парализуется только пассивнымъ сопротивленіемъ: огромнымъ ростомъ недоимокъ. Вотъ для примѣра поступленіе и доимка Устюжской четверти (по окладу 63.445) ³⁾:

1664	поступленіе.	. . .	61.557	доимка	. . .	1.888
1665	"	. . .	61.177	"	. . .	2.267
1666	"	. . .	58.255	"	. . .	5.190
1667	"	. . .	55.810	"	. . .	7.635
1669	"	. . .	54.507	"	. . .	8.938
1668	"	. . .	55.160	"	. . .	8.285
1670	"	. . .	44.253	"	. . .	19.192
1671 ⁴⁾	"	. . .	16.402	"	. . .	29.907

Какъ видимъ, поступленія, вмѣсто увеличенія, быстро уменьшаются, показывая этимъ, что платежная способность населенія исчерпана. Цифры, подобныя приведеннымъ, были повидимому, достаточно поучительны, чтобъ заставить правительство принять рѣшительныя и немедленныя мѣры. Новый окладъ стрѣлцкой подати, послѣ десятилѣтняго существованія былъ, дѣйствительно, нѣсколько пониженъ: юфть оцѣнена въ 2 рубля; вѣроятно, чтобъ наверстать эту потерю, сборъ деньгами за хлѣбъ съ извѣстныхъ намъ городовъ Новгородской и Устюжской четверти былъ распространенъ на всѣ посады, а въ уѣздахъ повышены нѣсколько хлѣбныя оклады; наконецъ, сборъ стрѣлцкихъ денегъ порученъ непосредственно самому Стрѣлецкому при-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. IV, №№ 29—32.

²⁾ Обыкновенный расчетъ приходныхъ книгъ 822 р. 31 коп.

³⁾ Пр. Д., 1672, № 565. Въ окладѣ главную сумму составляетъ стрѣлцкая подать, именно 49.049 р.: кромѣ нея даныя и оброчныя — 13.333 р.; помояничныя, конскія и ямскія вмѣстѣ—1.058 р.

⁴⁾ Окладъ въ этомъ году уменьшился до 46,309 р., вслѣдствіе сложенія съ Устюжской чети стрѣлцкихъ денегъ „для скудости и хлѣбнаго недорода“.

казу ¹⁾). Какъ сейчасъ увидимъ, эта полумѣра мало измѣнила положеніе дѣла.

Въ исторіи косвенной подати при царѣ Алексѣѣ нельзя замѣтить такой тѣсной связи съ финансовыми затрудненіями времени, какъ въ исторіи прямыхъ податей. Но нѣкоторая связь несомнѣнно существуетъ и здѣсь. То же самое уничтоженіе мѣдныхъ денегъ, которое сопровождается такимъ страшнымъ приростомъ стрѣлцкой подати, оказываетъ свое вліяніе и въ сферѣ косвенныхъ, именно кабацкихъ сборовъ. Еще передъ войной (1652 г.) изданъ былъ законъ ²⁾, отчасти преслѣдовавшій нравственныя задачи,—по которому кабацкіе откупа и кабаки на содержаніи частныхъ лицъ были уничтожены и винная продажа сдѣлалась строгой казенной монополіей. Но когда приходилось чѣмъ-нибудь наполнить пустоту, оставленную въ правительственныхъ ресурсахъ отмѣной мѣдныхъ денегъ, указъ 1652 г. былъ отмѣненъ и 15-го іюня 1663 г. боярскимъ приговоромъ постановлено: „для пополненія государевой казны ратнымъ людямъ на жалованье съ 1664 г. кабаки дать на откупъ на 3 года (по окладамъ 1651—1659 гг.), потому что мѣдныя деньги по его государеву указу отставлены и торговать ими не велѣно“ ³⁾. Такимъ образомъ, здѣсь финансовыя нужды заставляли вернуться къ старинѣ. Въ сферѣ таможенныхъ сборовъ правительство, напротивъ, осталось вѣрнымъ своему направленію первыхъ годовъ и провело важную реформу. Послѣ того, какъ не удалось создать единый косвенный налогъ, который бы замѣнилъ прямыя, правительство обратилось къ проведенію идеи единого налога въ сферѣ самихъ косвенныхъ сборовъ, на этотъ разъ соотвѣтственно желанію населенія и весьма удачно. Годъ спустя послѣ отмѣны откуповъ, въ 1653 г. введена была единая рублевая (10% съ рубля при продажѣ товаровъ) пошлина, замѣнившая всю пеструю массу вѣками возникшихъ проѣзжихъ и рыночныхъ сборовъ. Послѣ войны эта реформа была удержана и развита въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г.; но на иностранныхъ купцовъ

¹⁾ А. Э. IV, № 189 и Пр. Д. 1672, № 475, указъ 30-го нояб. 181 г.: для вѣдома указъ сообщенъ въ Устюжскую четъ; „а на Устюгъ Великій и въ иные покорскіе города, которые были вѣданы въ Устюжской четверти стрѣлцкимъ сборомъ, о высылкѣ тѣхъ денегъ противъ сего в. г. указу посланы грамоты въ Стрѣлцкаго приказа“.

²⁾ А. А. Э. IV, № 59 и сокращенно въ П. С. З., № 72.

³⁾ По Устюгу кн. 116, л. 22, 58. Другая редакція въ П. С. З., № 340.

наложена, кромѣ одного сбора въ пограничныхъ таможахъ, другая рублевая пошлина въ случаѣ провоза ими товара во внутренность Россіи, „для того что русскіе люди и московскіе иноземцы пшину и десятину и всякія подати платятъ и службы служатъ, а иноземцы ничего не платятъ“¹⁾).

Царствованіе Алексѣя Михайловича кончалось среди положенія дѣлъ, во многомъ напоминавшаго конецъ царствованія Михаила, но на столько же болѣе затруднительнаго, на сколько военная борьба 1654—167 гг. была труднѣе и продолжительнѣе военныхъ дѣйствій 1632—164 гг. Можно найти весьма значительную аналогію и въ тѣхъ мѣрахъ, которыми хотѣло выйдти изъ затрудненія новое царствованіе. Какъ въ началѣ правленія Алексѣя, такъ и въ началѣ правленія Феодора эти мѣры сводились къ составленію новой переписи и къ попыткамъ объединенія старыхъ налоговъ. Къ этимъ задачамъ въ теченіе правленія Алексѣя Михайловича прибавилась новая, выразившаяся при немъ въ передачѣ стрѣлцкой подати въ вѣдомство одного Стрѣлцакаго приказа,—именно, концентрація финансоваго управленія прямыми и косвенными сборами.

Хотя до сихъ поръ не извѣстенъ приговоръ о переписи 1678 г. и хотя извлеченія изъ наказа Помѣстнаго приказа переписчикамъ²⁾ не даютъ понятія о ея цѣли и причинахъ, ее вызвавшихъ, тѣмъ не менѣе причины эти, несомнѣнно, стоятъ въ связи съ затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ. Небольшія измѣненія въ стрѣлцкомъ окладѣ, сдѣланныя въ 1672 г., конечно, не могли увеличить платежной способности населенія, и сборы продолжали поступать съ прежней неаккуратностью; когда правительство требовало отъ воеводъ строгаго правеша недоимокъ, воеводы докладывали, что править не на комъ, что они боятся производить взысканія по всей строгости, чтобъ не разогнать остальныхъ плательщиковъ. То же подтверждали и многочисленныя челобитья посадскихъ и уѣздныхъ людей; на жалобы правительства, что они оклада 1672 года „ни въ которомъ году сполна не плачивали и запустили дониму многую“, они отвѣчали, что „тѣхъ денегъ сполна не выплачиваютъ за пустою, потому что у нихъ многія тягла запустѣли и взять тѣхъ де-

¹⁾ П. С. З., № 408, § 56.

²⁾ Приложенныя къ самымъ переписнымъ; см. *Замысловскій*, Переписи. книги въ *Литоп. Заяній Арх. Комиссіи*, VIII, 2, 12, 101, 105, 107, 119—120, 206, 223 (мѣста указаны *Литпо-Данилевскимъ*, стр. 195).

негъ не на комъ, и достальные посадскіе и уѣздные люди отъ немѣрнаго правеза бѣгутъ въ Сибирскіе разныя города⁴. Тотъ же самый актъ, который излагаетъ эти заявленія челобитчиковъ, изображаетъ въ дальнѣйшихъ словахъ перепись, какъ ихъ естественное слѣдствіе: „и въ прошломъ 1678 г. ...въ тѣ во всѣ города для переписки посадовъ и уѣздовъ посланы были переписчики и переписныя книги поданы⁵ 1). Основываясь на этихъ поданныхъ книгахъ, правительство рѣшилось, наконецъ, на болѣе серьезную мѣру, чѣмъ въ 1672 г.; 5-го сентября 1679 г. состоялся приговоръ: всѣ старья прямыя подати, данныя, стрѣлцкія, ямскія, полонянничныя „отставить до валовыхъ писцовъ“ 2) и брать вмѣсто всѣхъ нихъ по 1 р. 30 коп. съ двора въ Стрѣлцкій приказъ 3). Дальнѣйшимъ распоряженіемъ новая подать, которая, впрочемъ, по справедливости сохраняетъ названіе самой главной изъ старыхъ, стрѣлцкой,—была окончательно распространена на всѣ посады 4); въ старыхъ же мѣстностяхъ, какъ прежде, взималась и съ уѣздовъ.

Новая подать продолжала однако же поступать съ доимкой; воеводы по-прежнему отписывали государю, что недоимщики стоятъ на правезѣ, но денегъ не платятъ и бредутъ врознь 5). Тогда правительство, не дожидаясь челобитенъ, рѣшилось уменьшить окладъ до цифры, необходимой для содержанія московскихъ стрѣльцовъ. Въ 1681 г., по докладной выпискѣ о доимочныхъ деньгахъ всѣхъ городовъ, государь, „милосердую о нихъ безъ ихъ челобитья“, ука-

1) А. И. V, № 48; ср. А. А. Э. IV, №№ 243, 250, 251. Въ одной грамотѣ воеводѣ Сольвычегодска (отъ 11-го мая 1674 г.) приказывается, чтобы онъ за путемъ выти, „гдѣ взять не съ кого“, на прошлый 1673 и на 1674 г. „до нашего в. г. указу и до дозорщиковъ и переписчиковъ имать не велѣтъ, покажутъ дозорщики и переписчики... тяглыя и пустыя выти дозрять и опишуть“. Такимъ образомъ, перепись съ финансовой цѣлью затѣвалась еще правительствомъ Алексея Михайловича. Пр. Д. 1674, 11-го мая.

2) Съ переписью 1678 г. предполагалось соединить и составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ, но предпріятіе это не было доведено до конца. См. *Неволинъ*, VI, 484 слѣд.

3) Тамъ же на Вяткѣ: А. И. V, 48, и тотъ же самый документъ въ Доп. къ А. И. VIII, № 36, III; въ Кольскомъ острогѣ по 1 руб.: А. А. Э. IV, 243; вообще окладъ велѣно положить „смотря по животамъ и промысламъ“. А. И. V, № 274

4) См. цитату на стр. 28, примѣч., въ книгѣ А. С. *Липо-Данилевскаго*. По новымъ книгамъ велѣно платять и самый хлѣбъ (приговоръ 2-го сентября 1679 г. см. Доп. къ А. И. VIII, № 36, IV).

5) А. И. V, № 77.

заль¹⁾ доимку до 1680 г. сложить; за 1680—1681 г. взять сполна и затѣмъ прислать въ Москву выборныхъ „по 2 человекъ изъ города“, чтобъ они объявили въ Стрѣлецкомъ приказѣ: „нынешній платежъ стрѣлецкихъ денегъ платить имъ въ мочь, или не въ мочь, и для чего не въ мочь“²⁾. Содержаніе „сказокъ“, поданныхъ въ отвѣтъ на этотъ вызовъ выборными людьми, можно было, конечно, предвидѣть и, конечно, вызывая ихъ, правительство уже было готово на пониженіе оклада. Въ своихъ сказкахъ выборные отвѣчали, — какъ формулировало ихъ отвѣтъ само правительство, — „что платить имъ стрѣлецкихъ денегъ по окладу противъ прошлаго 188 г. не возможно, для того что отъ платежу многихъ большихъ податей и отъ сибирскаго хлѣбнаго запаса и отъ ямской наметной, дальшой, многой и безпрогонной гоньбы, и отъ хлѣбнаго недороду, и отъ многой пустоты, и отъ взятыя во многіе наборы многихъ даточныхъ и отъ платежу тѣхъ даточныхъ (тѣмъ даточнымъ?) подъемныхъ денегъ и во многіе поборы: рублевыхъ и полтинныхъ и пятой и десятой и пятнадцатой денегъ мы... оскудали и разорились въ конецъ“³⁾. Выборные перечисляли, какъ видимъ, всѣ свои невзгоды за цѣлое двадцатипятилѣтіе. Тогда назначена была коммиссія изъ гостей, которая сличила общую сумму стрѣлецкаго оклада 1679 г. (152.658 р.) съ суммой потребнаго на содержаніе стрѣльцовъ расхода (107.227 р.); обязанность гостей была — произвести сбавку на всю разницу этихъ двухъ цифръ и разверстать послѣднюю цифру на города и (на сѣверѣ) уѣзды, принимая во вниманіе ихъ платежную способность, однихъ „польговчивая“, на другихъ „учиняя прибавку“. Гости опредѣлили новый окладъ въ 107.550 р., на 323 р. больше необходимаго расхода и на 30% ниже прежняго оклада; для разверстки его по городамъ послѣдніе были раздѣлены соответственно своей налогоспособности на 10 категорій, съ окладами въ 2 р., 1 р. 70 к., 1 р. 50 к., 1 р. 40 к., 1 р. 30 к., 1 р. 20 к., 1 р. 10 к., 1 р., 90 к. и 80 к. съ двора. Изъ 125 городовъ

5 городовъ платили отъ 2 р. — в. до 1 р. 50 к. съ двора;

35 „ „ „ 1 „ 40 „ — 1 „ 10 „ „
85 „ „ „ 1 „ — „ — 80 „ „⁴⁾.

¹⁾ Очевидно, это—общее распоряженіе, хотя мы узнаемъ о немъ въ специальныхъ грамотахъ на Чердынь и на Мезень и Кевроль. А. И. V, № 77.

²⁾ А. А. Э. IV, № 250, 251; А. И. V, № 77; Доп. къ А. И. VIII, № 36, VII

³⁾ А. А. Э. IV, № 250, 251; А. И. V, № 77. Нѣсколько иначе представленъ ходъ дѣла у А. С. Лаппо-Данилевскаго, стр. 28—29.

⁴⁾ Подробная таблица составлена по А. А. Э. IV, № 250, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, стр. 536—9.

Послѣ новаго оклада гостей налогъ, имѣвшій первоначально только временное значеніе „до валовыхъ писцовъ“, окончательно превратился въ постоянный и замѣнилъ собой всю категорію податей съ „сошнаго письма“ или „четвертныхъ“. Мы видѣли (§ 1), что изъ этого отдѣла давно выдѣлялись ямскія и полонянничныя: эти подати не были уничтожены и въ 1679 г.; какъ мы знаемъ, въ томъ же 1679 году ямскія и полонянничныя слились въ одинъ общій окладъ по 10 коп. съ двора ¹⁾). Наконецъ, сохранились вполнѣ оброчныя, такъ какъ онѣ имѣли договорный характеръ: „кромѣ лавочныхъ, мельничныхъ и иныхъ оброчныхъ статей, которыя платять изъ воли по перекупкѣ“, какъ опредѣлялъ еще приговоръ 5-го сентября 1679 г. ²⁾), консолидировавшій прямыя подати.

Такимъ образомъ, послѣ реформы 1679 г. старая система прямыхъ податей такъ же упростилась, какъ старая система косвенныхъ сборовъ послѣ рублевой пошлины 1653 г. Сферы дѣйствія прямыхъ податей распредѣлялись теперь слѣдующимъ образомъ: Посады всего государства и тѣ (черныя) уѣзды, которые еще съ 1620-хъ годовъ платили стрѣлецкую подать,—вносили одну новую прямую подать по окладу гостей, по 10 категоріямъ. Остальные уѣзды платили со всѣхъ видовъ землевладѣнія только полонянничныя и ямскія по 10 коп. съ двора. Наконецъ, оброчныя уплачивались повсемѣстно.

Финансовая реформа 1679—1681 г. имѣетъ и другую весьма важную сторону. Именно, параллельно съ упрощеніемъ податной системы идетъ и упрощеніе финансовой администраціи, такъ какъ каждый реорганизованный налогъ передается обыкновенно сборомъ въ одно специальное учрежденіе для всего государства. вмѣстѣ съ этимъ быстро разрушается старое вѣдомство четей. Уже въ 1672 г., какъ мы видѣли, четверти перестали собирать стрѣлецкую подать, переданную непосредственно Стрѣлецкому приказу. Тотъ же порядокъ сохраненъ и реформой 1679—1681 г. Въ томъ же 1672 г. велѣно было передать изъ четей въ Конюшій приказъ сборъ конскихъ пошлинъ ³⁾). Ямскія и полонянничныя послѣ своего слиянія въ 1679 г. были также переданы сборомъ изъ четей въ Ямской приказъ ⁴⁾). На-

¹⁾ См. § 1 и Доп. къ А. И. XII, № 31.

²⁾ А. А. Э. IV, № 250; А. И. V, № 48; Доп. къ А. И. XII, № 31. Въ случаѣ сложена недонимомъ также всегда дѣлается оговорка: „опричь оброчныхъ и откупныхъ статей, которыя всякихъ чиновъ люди держали за собой на оброкъ и на откупъ по своему челобитью“. Пр. Д. 1674, мая 11-го. Сравни. § 1.

³⁾ Пр. Д. 1672, № 565.

⁴⁾ Доп. къ А. И. VIII, № 66, и XII, № 31.

конецъ, та же судьба постигла и сборъ косвенныхъ налоговъ: въ 1680 г. (22-го октября) сдѣлано распоряженіе: „въ городахъ, которые были вѣдомы таможенными и кабацкими сборы и всякими денежными доходами въ Новгородскомъ приказѣ, и въ Большомъ Приходѣ, и въ Володимирской и въ Галицкой четвертяхъ..., тѣ доходы вѣдать въ Приказѣ Большой казны“ ¹⁾. Такимъ образомъ, у четей оставались, собственно говоря, только одни оброчные сборы и доимка за старые годы; но и изъ послѣдней вся доимка по 1676-й годъ передана сборомъ въ Печатный приказъ ²⁾. Для этихъ сборовъ не стоило содержать особой администраціи и чети обречены были на уничтоженіе. 28-го мая 1680 г. велѣно было „снести Новгородскій приказъ и Большой Приходъ и Владимірскую и Галицкую четъ въ одно мѣсто“, именно, въ вѣдомство приказа Большой Казны ³⁾. Еще ранѣе, 15-го февраля того же 1680 г., сдѣлано распоряженіе и приказъ Устюжской четверти „вѣдать въ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Ларіону Иванову съ товарищи и изъ того приказу всякія приказныя дѣла, и приходныя и расходныя книги, и его государеву наличную денежную казну принять у подъячихъ приказу Устюжской четверти и впредь приходъ и расходъ вѣдать Посольскаго приказу подъячимъ“ ⁴⁾. Однако же, приходъ и расходъ, хотя и незначительный, все же существовалъ, и кто-нибудь долженъ былъ имъ завѣдовать; поэтому, на этотъ разъ, уничтоженіе четей въ сущности ограничилось перемѣной состава ихъ подъячихъ да заголовковъ на ихъ бумагахъ ⁵⁾. Черезъ три года, въ 1683 г., финансовое значеніе

¹⁾ А. И. V, № 125; П. С. З., № 824. Въ приказъ Большой Казны переданы также сборы съ городскихъ (конскихъ) площадей и торговыхъ бань, послѣ того какъ временно ими завѣдывалъ Конюшенный приказъ. Доп. къ А. И. X, № 90.

²⁾ „Для того, что тоѣ доимку всю выбирать въ томъ приказѣ печатнику Дементью Башмакову съ товарищи“. См. указъ 15-го декабря 1679 г. въ кн. по Устюгу № 242: доимочная съ 184 года „за отсылкой доимки-жъ прошлыхъ летъ, которая доимка по 184-й годъ отослана изъ приказа Устюжской четверти въ Печатный приказъ“.

³⁾ П. С. З., № 824.

⁴⁾ По Устюгу, кн. № 237. Тутъ же и расписки подъячихъ Посольскаго приказа въ пріемъ денегъ у подъячихъ Устюжской четверти. Изъ Новгородскаго приказа 11-ть подъячихъ перешло въ приказъ Большой Казны. Пр. Д. 1683: Выписка Устюжской чети о сборѣ и проч.

⁵⁾ Напримѣръ, въ Устюжской чети въ 1681—1682 г.: „въ Посольскомъ приказѣ... денежные казны доходовъ съ городовъ, которые вѣдомы были въ приказѣ Устюж. четв.“ (кн. № 239, 242); но въ слѣдующихъ годахъ опять восстанавливается старое названіе „книга приходная приказу Устюжской чети (по Устюгу, кн. № 245 (1685); № 248 (1687) и др.). То же и въ Галицкой чети, напримѣръ, 1683 г.

четей до нѣкоторой степени было возстановлено: 6-го ноября 1682 г., вскорѣ послѣ принесенной стрѣльцами передъ Софьей повинной и на другой день послѣ послыки изъ Троицы письма о прощеніи ихъ, состоялся слѣдующій приговоръ: „на 188—190 г. доимку и на 191 г. по новому гостину окладу собрать стрѣлецкія деньги въ тѣхъ приказѣхъ, въ которыхъ тѣхъ городовъ посады вѣдомы, и присылать изъ тѣхъ городовъ въ Приказъ надворной пѣхоты общимъ числомъ... на дачу жалованья надворной пѣхотѣ“. Это порученіе дало возможность четямъ протянуть существованіе до конца столѣтія: теперь вмѣстѣ съ оброчными (и старой доимкой) въ нихъ собирались также и стрѣлецкія ¹⁾; мѣстами поступали также въ нихъ и остатки старыхъ податей, продолжавшіе въ отдѣльныхъ случаяхъ существовать, не смотря на официальное уничтоженіе ихъ въ 1679—1681 г. ²⁾.

(по Галичу, кн. № 29): „книга приходная приказу Малыя Россіи стрѣлецкимъ деньгамъ съ городовъ, которые были *вѣдомы* въ Устюж. четверта“, въ слѣдующихъ годахъ 1686—1687 (№ 31 и 32): приказу Малыя Россіи съ городовъ Гал. четверти; а съ 1691 (№ 34, 37 и др.) просто: городовъ *Галичкаго* приказу, безъ упоминанія о приказѣ Малыя Россіи.

¹⁾ Съ возстановленіемъ ея финансоваго значенія, четямъ возвращены и ихъ финансовыя документы. Такъ, 7-го августа 1683 г. велѣно „смитные списки, окладныя росписи, книги оброчнымъ статьямъ, которыя остались за складкою окладныхъ денежныя доходовъ оброчныя деньги, и всякіе доходы, ясачную всякую рухлядь (въ городахъ Новгор. четверти) присылать въ Новгородскій приказъ *по-прежнему*, а въ приказѣ Большой Казны того вѣдать не велѣно“. Приходныя книги этого послѣдняго типа (стрѣлецкихъ и оброчныхъ денегъ), заведенныя по указу 6-го ноября и обыкновенно его цитирующія, большею частью сохранились до сихъ поръ въ Арх. М. Ин. Д. Въ виду ненадежности архивской описи предлагаемъ полный списокъ ихъ. *По Устюгу*: книги №№ 245 (1685), 248 (1687), 255 (1689), 256 (1690), 257 (1691), 260 (1692), 263 (1693), 264 (1695), 266 (1694), 269 (1697), 270 (1698), 272 (1699). *По Владиміру*: №№ 16—23, 26—27, 29—32: въ порядкѣ за 1684—1699 гг.; недостаетъ только 1696 г. *По Галичу*: №№ 29—34 (1683—1684, 1686—1687, 1689—1691) и 37—44 (1692—1699). *По Новгороду*: №№ 104 (1683), 107 (1684), 117 (1687), 123 (1689), 128 (1691), 130 (1692), 134 (1693), 138 (1694), 140 (1695), 142 (1696), 143 (1697).

²⁾ Такъ, посадскіе жители Погорѣлаго городища 5-го іюля 1697 г. подали челобитную, въ которой жаловались, что „прежній денежный окладъ, что было положено по сошному письму, съ нихъ не снять, а въ Устюжскомъ приказѣ въ приходныхъ окладныхъ книгахъ изъ окладу не выложить..., а со всѣхъ городовъ тѣ малгіе денежныя доходы сложены и изъ окладу выложены“ (дѣйствительно, см. по Устюгу кн. № 237, л. 372). Любопытна резолюція по этому челобитью: „буде тѣ платежи съ нихъ положены по гостинному окладу въ дворовой платежъ, и нныхъ городовъ такіе доходы въ приходныхъ книгахъ очищены, и по тому челобитью тотъ платежъ... очистить и однихъ денегъ вдвое править на нихъ не велѣтъ“. По Устюгу кн. № 269, л. 175—176. Этотъ случай не единственный:

Съ концентраціей сборовъ въ спеціальныхъ приказахъ тѣсно связано было разьединеніе ихъ взиманія въ области: изытаніе ихъ изъ вѣдомства московскаго областнаго приказа почти всегда сопровождалось и изытаніемъ изъ подѣ контроля мѣстной власти; такимъ образомъ, одновременно съуживалась финансовая компетенція московской чети и мѣстнаго воеводы. Правительство давно уже приняло въ расчетъ, что устраненіе воеводъ отъ сборовъ будетъ весьма серьезнымъ сбереженіемъ издержекъ—прямыхъ и косвенныхъ—на взиманіе подати и что уменьшеніе мѣстныхъ налоговъ и поборовъ увеличитъ платежную способность населенія по отношенію къ налогамъ казеннымъ. Взаимное столкновеніе тѣхъ и другихъ, не смотря на всѣ правительственныя усилія, довольно трудно было предотвратить: достаточно сказать, что деньги на содержаніе воеводы иногда прямо брались изъ казенныхъ доходовъ ¹⁾. Въ виду этого правительство уже въ 1674 г. пробовало вовсе отнять у воеводы всѣ его мѣстные доходы (мѣстные кормы, праздничные припасы и т. д.): именно въ этомъ году встрѣчаемъ указъ Сольвычегодскому воеводѣ, имѣющей, повидимому, характеръ общаго распоряженія. „А что напередъ сего ты и кромѣ тебя иные воеводы собирали съ мірскихъ людей деньги и хлѣбъ, и тому впредь не быть и никакихъ сборовъ воеводамъ и приказнымъ людямъ на себя не собирать“ ²⁾.

Эта тенденція изытать разныя части финансовой администраціи изъ непосредственнаго завѣдованія воеводы очень ярко выступаетъ въ финансовыхъ реформахъ 1679—1681 годовъ. Отъ сбора новой стрѣлечкой подати воеводы были совершенно устранены: собирать велѣно „посадскимъ и уѣзднымъ людямъ самимъ“ ³⁾. Весьма значительно ограничено также вліяніе воеводы на косвенные сборы ⁴⁾. Винная продажа, вновь сдѣлавшаяся (съ іюля 1681 г.) строго казенной монополіей, поручается выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ,

сборъ „по прежнему сошному письму“ производился еще съ монастырскихъ вотчинъ Вологодскаго уѣзда и отиженъ тоже только послѣ ихъ челобитья. Доп. къ А. И. XI, № 31 (1686 г.).

¹⁾ Такъ цѣловальники 1666 года (Устюжскаго уѣзда, Городищенской волости) на допросъ въ 1670 году заявили, что разрубныхъ и приходныхъ списковъ, для сбора шосонныхъ денегъ и хлѣба и праздничныхъ воеводамъ, дьякамъ и подьячимъ съ приписью у нихъ нѣтъ въ волости „а платять воеводамъ и др... изъ тѣхъ денегъ, какъ собираютъ всякіе государевы четвертные доходы“. Пр. Д. 1670, № 172.

²⁾ Пр. Д. 1674, 11-го мая. Ср. *Чичерина*. Обл. Учр., 311—316.

³⁾ А. Э. IV, 250—251; А. И. V, 48 и друг.

⁴⁾ *Чичеринъ*, 234—236.

съ коллективной отвѣтственностью избирателей ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, тутъ еще только намѣчается та организація, которой предстоитъ сыграть очень важную роль въ будущемъ и къ которой мы скоро будемъ имѣть случай вернуться.

Мы теперь исчерпали весь тотъ кругъ явленій, который подлежалъ нашему изученію въ этой вступительной главѣ. Но прежде, чѣмъ закончить ее, необходимо пополнить предложенный матеріалъ въ одномъ отношеніи. Въ началѣ главы, разсмотрѣвъ составныя части податной системы, мы предложили нѣкоторыя данныя для характеристики численныхъ отношеній этихъ частей. Послѣ того, мы не имѣли случая вернуться къ характеристикѣ государственнаго хозяйства XVII вѣка съ этой стороны. Идеальная задача историка государственнаго хозяйства въ этомъ отношеніи была бы—представить какъ общіе обороты суммъ, такъ и отношенія составныхъ частей ихъ за все столѣтіе. Такихъ полныхъ данныхъ о размѣрахъ и пропорціяхъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ и взамѣнъ ихъ предложимъ то, что намъ удалось собрать, именно: 1) оборотъ суммъ въ одной только четверти, Устюжской, относительно которой сохранилось наибольшее количество данныхъ этого рода, — по возможности за большій промежутокъ времени; 2) общій размѣръ и пропорціи государственнаго бюджета за одинъ только моментъ,—къ счастью, за одинъ изъ послѣднихъ годовъ изображаемаго періода (1680).

§ 6. Цифры поступлений, которыми располагаетъ Устюжская четверть, нельзя назвать значительными; онѣ, на примѣръ, раза въ четыре меньше цифръ Новгородской четверти. Но въ данномъ случаѣ та или другая величина абсолютныхъ цифръ, разъ мы не можемъ имѣть полныхъ цифръ, для насъ не имѣетъ особеннаго значенія. Устюжская четъ все же на столько крупная единица, что о случайности ея цифровыхъ отношеній не можетъ быть и рѣчи; слѣдовательно, мы гарантированы въ томъ, что по крайней мѣрѣ отношенія ея будутъ характеристичны, будутъ до нѣкоторой степени воспроизводить въ миниатюрѣ тѣ же явленія, какія совершались и въ цѣломъ. Итакъ, обращаемся прежде всего къ разсмотрѣнію оклада поступлений Устюжской четверти. По главнымъ рубри-

¹⁾ Собственно, первоначально правительство хотѣло, стягивая наблюденіе за кабацкими сборами въ Большую Казну, заставить Московское купечество выбрать головъ по городамъ; но гости и торговые люди заявили, что въ назначенный для исполненія указа срокъ они не успѣютъ сдѣлать цѣлесообразныхъ распоряженій, и такимъ образомъ уклонились на этотъ разъ отъ навязываемой имъ наблюдательной роли (И. С. З., № 880 и А. А. Э. IV, № 246).

каждъ государственныхъ доходовъ окладъ этотъ выражается цифрами (въ рубляхъ) ¹⁾:

ГОДЪ.	Количество сошного письяма.	Сурь- лодей окладъ.	Таможенный и кабацкій.	Долг. и оброци.	Итого.	Сурь- лодей и кабацкій.	Всего.
1626	323 бол. и мал. сошки, 724 вптей.	4.890			38.928		43.218
1627	то-же.	4.890			38.921		43.211
1628	то-же.	4.890			39.119		44.009
1629		[4.890]			39.487		[44.377]
1631	381 мал. с. 1 1/2 моск. больш. с. 750 вптей.	5.794			38.912		44.706
1634		5.859			40.809		46.168
1635		7.215			41.385		48.600
1640		[7.215]	22.482	23.636	46.118		53.338
1641	373 1/2 м. 1 б. с. и 807 вптей.	10.248			41.785		52.033
1645	378 1/2 м. 1 б. с. и 811 вптей.	10.315			47.586		57.901
1646	} 378 1/2 м. и 979 вптей.	9.916			42.924		52.840
1648		10.387			41.599		51.986
1647		10.394			41.038		51.432
1664—1670		49.049	17.465—31.904	13.838	30.808—45.242	1.058	80.910—95.349
1671		31.913	14.239	13.838	27.577	1.058	60.548
1672		—	[14.239]	13.338	27.577	776	28.953
1677		—	21.390	11.151	32.461		32.461
1679		—		3.000			32.698
1683		22.645					25.645

¹⁾ Источники указаны въ следующей таблицѣ.

Цифры эти ведутъ къ весьма интереснымъ наблюдениамъ. Прежде всего, видимъ, что общій окладъ Устюжской чети за первую половину вѣка постоянно и довольно значительно возрастаетъ: съ 1626 по 1645 г. онъ увеличивается на цѣлую $\frac{1}{2}$ (34%), а къ 1664—1670 г. удваивается. (Необходимо все время помнить, что экстренные сборы не входятъ въ хозяйство чети). Разсматривая причины этого увеличенія, прежде всего обращаемся къ сошному письму. Изъ таблицы видно, что кромѣ большихъ московскихъ сохъ, счетъ идетъ параллельно малыми сошками и вытями. Число послѣднихъ непрерывно увеличивается (за 22 года на 35%); число первыхъ, послѣ быстрого увеличенія въ первые 5 лѣтъ, нѣсколько понижается. Мы имѣемъ здѣсь случай убѣдиться, что счетъ на сошное письмо по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ не мѣшаетъ сошному письму постоянно приспособляться къ дѣйствительному возрастанію или уменьшенію платежныхъ силъ. То медленное и постоянное увеличеніе оклада, которое наблюдаемъ до 1631 г., необходимо приписать именно возрастанію сошнаго письма. Но этотъ естественный ростъ оклада довольно незначителенъ сравнительно съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ его посредствомъ возвышенія стрѣлецкихъ окладовъ, сперва на $18\frac{1}{2}\%$ (1631), потомъ на $47\frac{1}{2}\%$ (1635), на $109\frac{1}{2}\%$ (1641) и, наконецъ, на 1003% первоначальнаго оклада (или на $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{3}$, вдвое и въ 10 разъ). Не смотря, однако, на это повышеніе, мы замѣчаемъ, что общая сумма оклада, повысившись на соответственную сумму, начинаетъ затѣмъ опускаться. Причина этого ясна изъ таблицы: противъ роста стрѣлецкаго оклада реагируетъ соединенный окладъ другихъ косвенныхъ и прамыхъ сборовъ (1645—1648 годы особенно). Хотя наши источники не даютъ возможности раздѣлить ихъ на двѣ особыя рубрики, тѣмъ не менѣе трудно сомнѣваться въ томъ, что собственно регуляторомъ оклада служитъ единственная измѣнчивая часть его: таможенная и кабацкія. Изъ цифръ 1664—1672 годовъ мы видимъ, какъ при неподвижности оклада данныхъ и оброчныхъ колеблется окладъ таможенныхъ и кабацкихъ, при чемъ большой сборъ бываетъ иногда больше чѣмъ вдвое значительнѣе малаго (31.904—14.239). Эти сильныя колебанія таможенной и кабацкой прибыли совпадаютъ съ извѣстнымъ намъ увеличеніемъ оклада стрѣлецкихъ съ 228 р. на 822 р. съ сохи. Въ 1671 г. уменьшеніе оклада стрѣлцкой подати вызвано челобитной Устюжанъ, по которой сложена съ нихъ часть стрѣлецкихъ (17.136) „для скудости и хлѣбнаго недорода“; какъ видимъ, общей реформѣ

1672 года предшествовали частныя мѣры для облегченія плательщиковъ; и Устюжане не единственные получили сбавку: мы знаемъ еще, что Вазанамъ изъ 26.739 сдѣлана сбавка въ 19.283; въ томъ и другомъ случаѣ позволено вернуться къ старому окладу 228 р. съ сохи ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1672 г. начинается уже разрушеніе финансовой компетенціи Устюжской четверти: стрѣлецкій окладъ отосланъ въ Стрѣлецкій пригавъ, конскія (282 р.) пошлины въ Конюшенный; остается въ Устюжской четверти окладъ 28.353, изъ котораго половина приходится на таможенные и кабацкія, и половина на данныя и оброчныя, полонянничныя и ямскія. Къ 1679 г. этотъ окладъ даже вырастаетъ до 32.688 р. Когда съ реформой 1679—1681 г. таможенные и кабацкія деньги передаются въ Большую Казну, данныя уничтожаются, полонянничныя (717 р.) и ямскія (59 р.) вмѣстѣ отдаются въ вѣдомство Ямскаго приказа,—то остаются въ окладѣ однѣ оброчныя деньги. Но мы знаемъ, что въ 1683 г. чети начинаютъ опять собирать стрѣлецкую подать (по окладу гостей). Въ этомъ году въ Устюжскую четъ передается окладъ 22.645 р. стрѣлецкихъ ²⁾; оклада оброчныхъ мы не знаемъ, но судя по тому, что въ 1692 г. его собираютъ 2.638 р., а съ остаткомъ предыдущаго года 3.044 р., и полагаясь на общее наблюденіе, что сборъ текущаго года съ остаткомъ предыдущаго приблизительно бываетъ равенъ окладу или даже нѣсколько превышаетъ его (напримѣръ, въ этомъ же 1692 г. дѣйствительный сборъ съ остаткомъ стрѣлецкихъ 23.311 р.),—мы можемъ считать окладъ оброчныхъ около 3.000 р., и слѣдовательно, общій окладъ чети за послѣдній періодъ ея существованія—около 25.645 р.

Переходимъ теперь къ дѣйствительному обороту суммъ Устюжской четверти и опять прежде всего предлагаемъ таблицу:

---

¹⁾ См. интересныя челобитныя и по нимъ доклады государю съ самымъ точнымъ описаніемъ всѣхъ платежей и повинностей по Сола-Вычегодской и по Устюгу въ Пр. Д. 1671, № 595 и 583. Что ужасное положеніе плательщиковъ, изображенное въ этихъ документахъ, не составляетъ единичныхъ случаевъ, признаетъ оециальная грамота Солявычегодскому воеводѣ (Пр. Д. 1674, 11-го мая), гдѣ говорится, что „Устюга Великаго, Тотемцы, Чарондцы и Устьянскихъ волостей всескіе старосты и посадскіе люди и узядные крестьяне намъ в. государю о такихъ же нуждахъ быють челомъ безпрестанно“. Это какъ разъ—вся города, платившіе стрѣлецкую подать въ Устюжской четверти.

²⁾ Пр. Д. 1683: Выпися Устюжской четверти о сборѣ со всѣхъ городовъ etc.

Годъ.	(Источники) ¹⁾ .	Приходъ.	Приходъ съ остаткомъ.	Расходъ.	Остатокъ.
1623	(№ 22).	—	39.582	39.255	327
1626	(№ 37).	38.754	41.613	38.368	3.245
1627	(1626—1627, № 26; Чернов. 1624—1628, № 30).	43.421	46.666	42.711	3.955
1628	(№ 44).	39.045	43.000	[41.219]	[1.781]
1629	(1628—1629, № 69; Чернов. № 33; 1629—1630, № 50).	44.231	46.012	48.312 ²⁾	5.625
1631	(1628—1631, № 55).	42.216	43.326	43.090	236
1634	(№ 83).	32.407	33.848	32.580	1.263
1635	(№ 72).	46.260	47.528 ³⁾	41.012	6.516
1640	(1641, № 77).	48.041	48.543	45.494	3.049 ⁴⁾
1641	(№ 81).	38.766	42.222	41.348	873
1645	(№ 97).	49.033	49.403	49.109	294
1646	(№ 118).	57.311	57.605	52.523	5.082
1647	(№ 138).	[52.488]	57.570	51.097	6.473
1648	(№ 154).	57.020	63.493	60.922	2.571
1653	(1654, № 123).	37.140	47.504	45.702	1.802
1654	(№ 127).	52.426	54.228	53.634	594
1664	(1672, № 565).	79.022	—	—	—
1665	(1667, № 317).	79.329	—	—	—
1670	(1672, № 565).	58.492	—	—	—
1673 ⁵⁾		29.576	31.178	28.670	2.508
1678 ⁶⁾		—	28.212	26.014	2.198
1685 ⁷⁾		23.400	30.225	21.674	8.551
1692 ⁸⁾		23.255	26.350	13.284	13.066

Какъ видно, въ цифрахъ дѣйствительныхъ поступленій нѣтъ той правильности, которая облегчила наблюденія надъ окладами. Но

¹⁾ Таблица составлена по смѣтнымъ спискамъ Устюжской четверти, послужившимъ матеріаломъ и для предыдущей таблицы и разсыяннымъ въ Прик. Дѣлахъ Арх. М. И. Д. Если свѣдѣнія принадлежатъ въ тому же году, въ которомъ документъ помѣщенъ въ Пр. Д., то мы ставимъ въ скобкахъ только № дѣла; въ противномъ случаѣ—годъ и №.

²⁾ Чтобы произвести этотъ расходъ, взято взаимнъ изъ Б. Казны 7.925 р., которые не показаны нами въ приходъ, чтобы не вышнивать постороннихъ элементовъ въ приходъ Устюжской четверти.

³⁾ Остатокъ въ этомъ году показанъ вм. 1268—1268 р.

⁴⁾ Въ подлинникѣ 3.356, а въ слѣдующемъ году перенесено 3.456 р.

⁵⁾ Пр. Д. 1674, безъ числа: Счетный списокъ прихода Устюжской четверти.

⁶⁾ Пр. Д. безъ числа: Счетный списокъ доходовъ съ разныхъ городовъ Устюжской четверти.

⁷⁾ Пр. Д. безъ числа, 1685: выписки Новгор., Устюж., Малоросс. приказа.

⁸⁾ Пр. Д. 1693, безъ числа: выписки, учиненныя въ Посол. прик., княж. Смоленскаго, Новгородскаго изъ приходныхъ книгъ etc.

тѣмъ не менѣ всѣ существенныя стороны этихъ наблюденій могутъ быть повторены и здѣсь. Такъ какъ эта часть таблицы, такимъ образомъ, достаточно объясняется изъ сказаннаго выше, то переходимъ прямо къ расходу Устюжской чети. По таблицѣ видно, что ежегодно Устюжская четъ тратитъ почти всѣ свои поступленія. На свои собственные расходы она, впрочемъ, тратитъ весьма мало; наибольшій ея расходъ въ предѣлахъ собственнаго вѣдомства—это плата „кормленщикамъ Устюжской четверти“. Вотъ примѣры этого расхода:

1623 . 1.055	1631 . 4.989	1646 . 6.692
1627 . 3.712	1635 . 8.776	1648 . 2.185
1629 . 2.038	1645 . 2.290	1653 . 5.304

Но изъ этой незначительности собственнаго расхода не слѣдуетъ, чтобы Устюжская четверть была только передаточнымъ пунктомъ специальныхъ сборовъ, немедленно направляемыхъ въ опредѣленные приказы. Это до извѣстной степени вѣрно относительно Стрѣлецкаго приказа, но и тутъ Устюжская четъ иногда выдаетъ только часть своего стрѣлецкаго сбора, иногда прибавляетъ изъ другихъ своихъ доходовъ; это видно изъ слѣдующихъ передачъ въ Стрѣлецкій приказъ (ср. оклады стрѣлецкаго сбора):

1623 . 15.194	1631 . 12.555	1646 . 27.029	1654 . 10.342
1626 . 14.228	1635 . 2.051	1647 . 21.909	
1627 . 13.022	1641 . 8.265	1648 . 15.634	
1629 . 10.228	1645 . 17.034	1653 . 13.211	

Относительно остальныхъ приказовъ четъ служить центральной кассой, изъ которой выдаются ассигновки по специальному распоряженію правительства. Всего регулярно получаютъ субсидіи изъ этой кассы приказы, вѣдающіе ратныхъ людей: Разрядъ (3 — 10 тысячъ), Пушкарскій приказъ (обыкновенно то же количество); нѣсколько рѣже Иноземскій (около 2.000) и Челобитный (казакамъ: 2 — 9 тысячъ). Большая Казна беретъ рѣже первыхъ двухъ, но за то большія суммы—10—20 тысячъ. Когда Устюжская четъ вѣдала приказъ княжества Смоленскаго, большія суммы шли на жалованье стрѣльцамъ этого приказа. Всѣ остальные ассигновки изъ чети болѣе случайны, и мы ихъ не будемъ касаться.

§ 7. Переходимъ теперь къ изображенію баланса государственныхъ доходовъ и расходовъ въ 1680 году, для котораго воспользуемся весьма важнымъ документомъ, найденнымъ нами среди

рукописей Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ ¹⁾. Сведемъ сперва данныя этого документа о доходахъ Московскаго государства въ 1680 году: сперва объ окладахъ этихъ доходовъ, а затѣмъ и о дѣйствительныхъ поступленияхъ.

Главнѣйшей статьей дохода остаются таможенные и кабацкіе сборы. Изъ слѣдующаго списка мѣстъ, гдѣ они взимаются, видно будетъ, что концентрація этихъ сборовъ въ Большой Казнѣ и послѣ мѣропріятій того же 1680 г. остается не полною: даже не изъ всѣхъ четей таможенные и кабацкіе сборы передаются именно ей; чети распредѣляются между разными приказами; а Большой Дворецъ, Казанскій Дворецъ и Разрядъ вполне сохраняютъ свое областное вѣдомство.

1) Большая Казна (Большой Приходъ, Новгородская, Владимірская, Галицкая и Новая чети).	436.466 ²⁾
2) Казанскій Дворецъ	80.346
3) Большой Дворецъ	63.706
4) Посольскій приказъ (и Устюжская четверть)	32.688
5) Разрядъ (Сѣвскій и Бѣлгородскій полки).	32.104
6) Стрѣлецкій приказъ (съ городовъ Костромской четверти)	16.607
<hr/>	
Итого.	661.917

Къ сожалѣнію, въ росписи не выдѣленъ таможенный и кабацкій сборъ изъ общей цифры въ приказѣ княжества Смоленскаго и въ Сибирскомъ ³⁾; но эта неполнота, вѣроятно, покрывается съ излишкомъ

¹⁾ Документъ—подъ ничего не говорящимъ заглавіемъ „Доимочная № 3“ среди городскихъ книгъ Арх. мин. ин. дѣлъ. Недостааетъ для совершенной полноты только патриаршихъ приказовъ. Въ *Зап. Отд. слав. и русск. археол. Русск. Арх. Общ.*, т. IV, С.-Пб. 1887, напечатана также г. П. Н. Петровымъ „Роспись расходовъ Царства Московскаго“, но это — недоразумѣніе: дѣло въ томъ, что изданный г. Петровымъ документъ, о которомъ намъ еще придется говорить, представляетъ расходы *одною только* приказа Большой Казны, принятые издателемъ за расходы всего государства. Государственную роспись 1680 г. печатаемъ въ приложеніи № I. Деталими ея относительно отдѣльныхъ приказовъ воспользуемся въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Въ этой цифрѣ, кромѣ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, заключается и прибыль съ денежнаго передѣла и, какъ мы предполагаемъ далѣе, оброчные сборы Новгородской, Владимірской и Галицкой четвертей.

³⁾ Мы не рѣшились разложить на части общій окладъ Сибирскаго приказа (143.610 р.), хотя главные составныя части его достаточно ясны, а сравнительно часть ССЛХХI, отд. 2.

суммой денежной прибыли, присоединенной къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ въ Большой Казнѣ.

Переходимъ къ прямымъ налогамъ: стрѣлцкой подати и податямъ стараго времени.

Стрѣлцкая подать показана въ росписи въ томъ окладѣ, который былъ назначенъ въ 1679 г. и просуществовалъ только до 1681 г., когда замѣненъ новымъ, пониженнымъ окладомъ гостей.

1) Стрѣлцкій приказъ	133.598
2) Большой Дворецъ	13.353 ¹⁾
Итого.	<u>146.951</u>

Необходимо имѣть въ виду, что этотъ окладъ стрѣлцкой подати не имѣлъ практическаго примѣненія; окладъ, замѣнившій его: 101.468 р. ²⁾.

Ямскія и полонянничныя, какъ мы знаемъ, сосредоточены въ Ямскомъ приказѣ; но и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, Большой Дворецъ сохранилъ свою финансовую самостоятельность:

1) Ямской приказъ	29.815
2) Большой Дворецъ	12.583
Итого.	<u>42.398</u>

Сюда же присоединимъ и сборъ Конюшеннаго приказа, которому въ это время были переданы доходы съ торговыхъ бань и конскихъ площадей, позднеѣ отобранные у него въ Большую Казну. Конечно, это сборы смѣшаннаго характера, приближающіеся къ оброчнымъ; смѣшанный характеръ сборовъ Конюшеннаго приказа еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что приказъ вѣдаетъ всѣ сборы съ Конюшенныхъ слободъ. Общая сумма этихъ доходовъ 11.055 р.

Данныя и оброчныя разсѣяны сборомъ въ слѣдующихъ приказахъ:

1) Большой Дворецъ	71.657
2) Казанскій Дворецъ	47.729

тѣльно съ цифрами поступленія ⁶1698 г. можно было бы подставить и цифры этихъ составныхъ частей: тамож. и каб. 40.209 р.; ясакъ, доходъ съ десятиной пашни и неокладныхъ—103.467 р. (Р. И. Библ. VIII, 887—888; но тамъ-же, на 1699 г. совсѣмъ другія цифры: 56¹/₂ тыс. таможен. и кабацк. и 75 тыс. ясачныхъ и др.).

¹⁾ Въ росписи эта цифра не выдѣлена изъ ямскихъ и полонянничныхъ, но она известна изъ А. Э. А. IV, № 250.

²⁾ Кромѣ Олонца. См. А. А. Э. IV, № 250.

3) Большой Приходъ	5.458
4) Разрядъ (Бѣлгородскій и Сѣвскій полки).	3.692
5) Посольскій (Устюжская четверть)	3.666
6) Стрѣлецкій (съ Костромской четв.).	1.927
7) Пушкарскій.	327
Итого.	<u>134.456</u>

Является вопросъ: гдѣ же оброчные сборы остальныхъ четвертей, Новгородской, Владимірской, Галицкой? Мы видѣли выше, что въ 1683 г. оброчныя книги, а вмѣстѣ и сборы, были возвращены въ Новгородскій приказъ изъ Большой Казны; слѣдовательно, въ 1680 г. оброчныхъ денегъ Новгородской, а, вѣроятно, и другихъ четвертей надо искать въ сборахъ Большой Казны. Наша роспись при цифрѣ 436.466, показанной, какъ окладъ Большой Казны, ничего не говоритъ о составѣ этой суммы, и необходимо предположить, что въ ней и скрываются искомыя оброчныя. Окладовъ ихъ за это время мы не знаемъ; но замѣняя оклады, какъ выше, — приходомъ вмѣстѣ съ остаткомъ предыдущаго года, находимъ, что оброчные сборы 1685 г. были въ Новгородской четверти 9.330; во Владимірской 1.099; въ 1693 г.—въ Новгородской четверти 9.378; во Владимірской 1.118; въ Галицкой 1.198 р. ¹⁾ Одинаковость этихъ доходовъ въ оба года еще болѣе позволяетъ не считать ихъ величину случайной. Такимъ образомъ, мы можемъ принять, что и въ 1680 г. оброчные сборы Новгородской, Галицкой и Владимірской четвертей составляли 11.627—11.694 руб., и прибавить одну изъ этихъ цифръ къ рубрикѣ данныхъ и оброчныхъ, вычтя изъ рубрики таможенныхъ и кабацкихъ. Принимая послѣднюю цифру, получаемъ: таможенныхъ и кабацкихъ—650.223 р.; данныхъ и оброчныхъ—146.150 руб.

Если мы теперь остановимся на однихъ только окладныхъ доходахъ, то получимъ слѣдующіе размѣры и пропорціи ихъ:

1) Таможенные и кабацкія.	650.223 (68,3%)
2) Стрѣлецкія (окладъ гостей)	101.468 (10,7%)
3) Данные и оброчныя	146.150 (15,3%)
4) Ямскія, полоняничныя и конскія.	53.453 (5,6%)
Итого	<u>951.294</u>

¹⁾ Пр. Д. 1685, безъ числа: Выписки Новгор., Устюжск. и Малоросс. приказовъ о денежной казнѣ etc.; 1693, безъ числа: Выписки, учиненныя въ Посольскомъ приказѣ, кн. Смоленскомъ и Новгородскомъ.

Но приведенными окладными доходами не исчерпываются обычные поступления; существуетъ еще цѣлый отдѣлъ экстренныхъ или, по старой терминологіи, „запросныхъ“ сборовъ, которые необходимо имѣть въ виду, такъ какъ, не входя въ окладъ, они составляютъ тѣмъ не менѣе обычную принадлежность бюджета. Сюда относятся по нашей росписи:

1) Ямской приказъ: пятинная и десятая деньга . . .	158.376
, , на лошадиную покупку	25.000
2) Бол. Дворецъ; 10-я, пятинная и за переходіе дворы.	45.042
3) Разрядъ: съ служилыхъ (вмѣсто служебъ).	6.920
Итого	235.338

Эта цифра, какъ видимъ, уравниваетъ отношеніе между прямыми и косвенными сборами. Чтобы покончить съ разными статьями прихода, перейдемъ къ неокладнымъ доходамъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, они составляютъ незначительную цифру въ бюджетѣ; по малозначительности своей они часто соединяются съ другими сборами: то, что можно выдѣлить по нашей росписи въ эту категорію (главнымъ образомъ пошлины), сводимъ въ слѣдующую таблицу:

1) Печатный приказъ.	13.685
2) Помѣстный	9.005
3) Земскій	7.010
4) Судный	1.967
5) Конюшій	987
6) Холопій	819
7) Судный Дворцовый	262
Итого	33.735

Такимъ образомъ, наша сводная таблица можетъ принять теперь слѣдующій видъ:

I. Прямые налоги: Ординарные	301.071 (24,6%)
Экстраординарные	235.338 (19,4%)
Итого.	536.409 (44%)
II. Косвенные налоги	650.223 (53,3%)
III. Пошлины	33.735 (2,7%)
Всего	1.220.367

Весь этотъ окладъ однако поступалъ ежегодно далеко не въ пол-

номъ размѣръ и годъ отъ году накоплялись значительныя недоимки. Всей доимки по 1676-й годъ числилось въ 1680-мъ г. 1.137.729; сборомъ ея завѣдовалъ Печатный приказъ; текущая доимка послѣ 1676 г. собиралась въ соответствующихъ приказахъ. Какая часть оклада поступала дѣйствительно въ разные приказъ, видно изъ слѣдующей таблицы. Кромѣ поступленій текущаго года, въ окладъ здѣсь выставлены и цифры общаго поступления, считая поступления изъ доимки, неокладныя и остатки отъ прошлаго года ¹⁾).

	Окладъ.	Поступленіе въ окладъ.	Съ доимкой, неокладными и остаткомъ.
1) Большая казна.	436.466	263.809 (60 ⁰ / ₀)	704.934
2) Большой Дворецъ	161.299	66.289 (41 ⁰ / ₀)	198.149
3) Стрѣлецкій прик.	152.132	90.498 (59 ⁰ / ₀)	126.947
4) Сибирскій „ ²⁾	143.610	102.027 (71 ⁰ / ₀)	176.662
5) Казанскій Дворецъ	128.075	103.971 (81 ⁰ / ₀)	178.136
6) Посольскій	38.892	59 (0,16 ⁰ / ₀)	46.076
7) Печатный.	13.685	13.642 (99 ⁰ / ₀)	14.314
8) Конюшенный	11.055	5.457 (49 ⁰ / ₀)	13.505
9) Земскій	7.010	5.276 (75 ⁰ / ₀)	6.475
10) Большой Приходъ	5.458	3.692 (60,7 ⁰ / ₀)	4.766
11) Оружейный	170	17 (10 ⁰ / ₀)	599
Итого	1.097.851	654.737 (59,6 ⁰ / ₀)	1.470.563(134 ⁰ / ₀)

Такимъ образомъ, поступило въ теченіе года только ³/₅ оклада, но, не смотря на это, денежная наличность, съ остатками, доимкой и неокладными превышала окладъ на цѣлую треть.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ расходовъ по росписи 1680 г. Какъ и слѣдуетъ ожидать, главной статьей расхода было содержаніе арміи. Относящіеся сюда расходы распределяются между слѣдующими приказами:

1) Стрѣлецкій: жалованье стрѣльцамъ и ихъ начальству, на лошадиную покупку и на „строеііе приказу“	250.239
2) Рейтарскій: копейщикамъ, рейтарамъ, солдатамъ, драгунамъ, пушкарямъ (и приказный расходъ)	110.182
3) Разрядъ: въ разные полки.	82.103

¹⁾ Но оборотныя суммы,—поступленія изъ приказа въ приказъ,—не приняты во вниманіе.

²⁾ Въ предыдущихъ расчетахъ мы оставили въ сторонѣ Сибирскій приказъ, такъ какъ его поступленія слиты въ одной цѣврѣ.

4) Казанскій дворець: всякимъ служилымъ людямъ низовыхъ городовъ.	32.158
5) Большая Казна (Новгор., Влад., Гал. чети): служилымъ людямъ и стрѣльцамъ въ городахъ, на строеніе Архангельскихъ укрѣпленій и на пушечные запасы	38.902
6) Иноземскій: иноземцамъ начальнымъ людямъ, на полковые запасы.	27.034
7) Пушкарскій: московскому и городовому пушкарскому чину.	3.647
" на пороховыя мельницы и селитру, на полковые припасы.	6.000
8) Ствольный: на пицали и карабины.	3.579

Итого. 553.844

Но эта выборка далеко не полна, такъ какъ при частомъ сліяніи нѣсколькихъ расходовъ въ одну цифру и при неопредѣленности, съ какой означается часто въ росписи цѣль расхода, нельзя выдѣлать въ нѣкоторыхъ случаяхъ специально-военной части расхода; такихъ расходовъ наберется до 300.000, и половину или по крайней мѣрѣ треть ихъ можно съ увѣренностью отнести къ военнымъ ¹⁾. Такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить, что общій расходъ на армію доходить до 650—700 тысячъ.

Слѣдующей по важности статьей расхода представляется дворцовое хозяйство. Сюда относятся:

1) Большой Дворецъ—на всякіе дворцовые расходы	161.768
2) Казенный приказъ—весь его расходъ	26.140
3) Конюшенный приказъ—весь расходъ	12.781
4) Сибирскій приказъ: взято на верхъ къ государю (мѣха).	12.331
5) Приказы Золотыхъ и Серебряныхъ дѣлъ—весь расходъ.	11.346 ²⁾

Итого. 224.366

¹⁾ Сюда относятся: 29.802, посланные изъ Рааряда въ Сѣвекъ, Курскъ и Вѣлгородъ; 63.116, данные астраханскимъ мурзамъ и иноземцамъ (лекарю), ружьямъ и оброчникамъ; 54.043, данные въ терскій окладъ въ Астрахань и на Терекъ — вмѣстѣ съ другими неокладными; 64.418, израсходованные въ Сибирскомъ приказѣ „по указамъ“, и 9.746 — такимъ же образомъ въ Большой Казнѣ; 37.815, израсходованные въ Посольскомъ приказѣ на Москвѣ, въ Малоросс. городахъ и въ Смоленскѣ, а также 35.102, израсходованные въ Смоленскѣ (изъ того же приказа).

²⁾ Въ подлинникѣ 7.691 руб. и 3.655 золотыхъ; золотые присоединены къ рублямъ, принимая золотой=рублю.

Изъ другихъ расходовъ болѣе значительны слѣдующіе:

1) Расходы на коммерческія операціи казны (покупка ефимковъ для монетнаго передѣла, подряда вина, непряной промышленности и т. д.) въ Бол. Казнѣ	67.767
2) Жалованье ружникамъ, кормовщикамъ и оброчникамъ (Бол. Дворецъ, Разрядъ и Больш. Казна)	41.857
3) Средства сообщенія (ямское дѣло) въ Больш. Казнѣ и Ямскомъ пр.	36.481
4) Общественныя постройки — въ Пушварскомъ, Каменномъ и Б. Приходѣ	36.160
	<hr/>
	182.265

Расходъ на содержаніе администраціи, служебный персоналъ и приказные („избыны“ расходы) сравнительно съ перечисленными рубриками едва заслуживаетъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что по ничтожности его, онъ присоединяется часто къ другимъ статьямъ¹⁾. Всѣхъ расходовъ такого рода можно насчитать до 18.692.

Такимъ образомъ, государственные расходы въ 1680 г. сводятся къ слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ:

1) армія	ок. 700.000
2) дворцовое управленіе	224.366
3) казенныя предпріятія	67.767
4) пенсія	41.857
5) сообщенія	36.481
6) постройки	36.160
7) администрація	18.692

всего . 1.125.323

Такъ какъ приходъ и расходъ росписи 1680 г. распределены нами по рубрикамъ лишь на столько, на сколько позволяютъ это указанія самой росписи, то нѣкоторое количество того и другаго, впрочемъ довольно незначительное, осталось совсѣмъ внѣ рубрикъ. Сообщаемъ здѣсь общіе итоги всего прихода и расхода во всѣхъ приказахъ по даннымъ росписи.

¹⁾ Самыя большія цѣны составляетъ расходъ на таможенное и кабацкое управленіе въ Больш. Казнѣ и въ Вѣлгородскомъ и Сѣвскомъ полкахъ—6.247 р. и расходъ Земскаго приказа (московская полиція: но тутъ въ сумму 6.565 введены расходы на мостовое дѣло и починки); штатъ Оружейной палаты стоитъ сравнительно дорого (3.234), потому что въ составъ его входятъ мастера-иконописцы.

Приходъ: 1) остатокъ отъ 1679 г.	366.359
2) поступления теку-	
щаго года: . . .	
a) въ окладъ	914.844
b) изъ доимки	434.056
c) неокладн. и запрос-	
ныхъ	181.767
d) изъ приказовъ (обо-	
ротныя поступления)	542.097
Итого	2.072.764
Всего приходъ	2.439.123
Расходъ: a) на окладныя и неокладныя дачи	1.370.050
b) въ приказы (оборотныя поступления)	661.998
Всего расходъ	2.032.048
Остатокъ къ 1681 г.	407.075

Къ этимъ итогамъ надо сдѣлать одну поправку. Оборотныя поступления изъ приказовъ и въ приказы, очевидно, должны быть включены изъ суммы прихода и расхода. Но тутъ является нѣкоторое затрудненіе, зависящее отъ примитивности нашей бухгалтеріи XVII в. Количество отосланныхъ и полученныхъ изъ приказа въ приказъ суммъ, очевидно, должно равняться одно другому. Между тѣмъ по приведеннымъ итогамъ, за точность которыхъ мы ручаемся, оказывается полученнымъ въ приказахъ меньше, чѣмъ въ нихъ отослано. Такъ какъ это, конечно, не возможно, то остается или отнести недочетъ полученнаго „изъ приказовъ“ (въ приходѣ) къ неточности рубрикаціи и предположить, что остальная часть суммы попала, напримѣръ, въ рубрику прихода „неокладныхъ и запросныхъ“, или же предположить, что излишекъ посланнаго въ приказы (въ расходѣ) не былъ простой оборотной суммой, напримѣръ, не возвратился въ приходъ, потому что попалъ въ какія-нибудь другія учрежденія, кромѣ указанныхъ въ росписи (напримѣръ, отосланъ въ города, гдѣ приказъ перестаетъ контролировать употребленіе суммъ); въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ причислить его къ расходу. При первомъ предположеніи, за вычетомъ оборотныхъ суммъ (661.998) получаемъ такія цифры дѣйствительнаго прихода и расхода:

приходъ	1.777.125
расходъ	1.370.050
остатокъ	407.075

При второмъ предположеніи, вычитая оборотныя суммы (542.097), получимъ:

приходъ . .	1.897.026
расходъ . .	1.489.951
остатокъ . .	407.075

Мы уже замѣтили, что въ нашей росписи недостаетъ Патриаршихъ приказовъ, дворцоваго и казеннаго; эти приказы составляли совершенно особое финансовое управленіе, доходы котораго, судя по росписямъ Петровскаго времени равнялись ок. 40 — 50 тыс. рублей. Есть основаніе думать, что и поступления Монастырскаго приказа, присоединеннаго въ это время къ Большому Дворцу, не введены въ цифры прихода Большаго Дворца. По росписямъ же начала XVIII в. приходъ Монастырскаго приказа былъ 50—70 тыс. рублей ¹⁾. И съ этими прибавками общій размѣръ бюджета конца XVII в. не выходилъ, слѣдовательно, изъ суммы 2-хъ милліоновъ.

Изъ всего предыдущаго изложенія необходимо заключить, что то состояніе, въ которомъ мы застаемъ государственное хозяйство Россіи во времени Петра Великаго, есть уже продуктъ весьма многочисленныхъ перемѣнъ, совершившихся въ теченіе всего XVII столѣтія. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ уцѣлѣло уже очень немногое изъ тѣхъ чертъ, которыми характеризовалось государственное хозяйство начала XVII вѣка. Въ податной системѣ начала XVII в. характеристической чертой была неразвитость прямой подати: теперь, послѣ быстрого роста и окончательнаго закрѣпленія оклада стрѣлцовой подати, послѣ того, какъ экстренные прямыя сборы стали постоянной и важной статьёй бюджета, прямая подать хотя и не сравнялась еще, но тѣмъ не менѣе значительно приблизилась къ размѣрамъ косвенной (44% и 53%). Старая прямая подать взималась съ „сошнаго письма“; но въ теченіе вѣка всѣ важнѣйшіе виды ея (половяничныя, ямскія и стрѣлцкія) и всѣ новые сборы переведены на „дворовое число“; остальные архаическіе остатки „данныхъ“ доходовъ съ сошнаго письма уничтожены, и такимъ образомъ, безъ всякаго особаго указа, сошное письмо вышло изъ употребленія просто потому, что нечего было съ него взимать послѣ реформы 1679 — 1681 г. Въ финансовой администраціи характерной чертой старой си-

¹⁾ См. слѣд. главу и приложеніе III.

стемы было распредѣленіе всѣхъ сборовъ по территориальнымъ финансовымъ округамъ: теперь выдвинулись спеціальныя учрежденія, распредѣлившія между собой важнѣйшія поступления: Большая Казна—таможенныя и кабацкія, Стрѣлцкій приказъ (до 1683 г.)—стрѣлецкую подать, Ямской — полонянничныя и ямскія; старинное управленіе сохранилось только въ области оброчныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, двѣ главныхъ тенденціи обнаруживаются въ исторіи государственнаго хозяйства XVII в.: стремленіе къ дифференціаціи финансоваго управленія и концентраціи сборовъ — съ одной стороны, и стремленіе къ увеличенію постоянной прямой подати—съ другой. Обѣ эти тенденціи вызывались потребностью правильнаго и постоянного дохода на военныя нужды, сосредоточеннаго, по возможности, въ однихъ рукахъ ¹⁾. Естественно, что особенно сильно подвигались къ осуществленію эти тенденціи въ моменты особенно настоятельной нужды. Мы видѣли три такихъ періода военныхъ затрудненій, вызывавшихъ, обыкновенно въ военное время, экстренныя сборы, а по окончаніи его—финансовыя реформы, которыя приводили въ систему приобрѣтенія военнаго времени и отыскивали правильные и постоянные источники удовлетворенія для вновь возникавшихъ потребностей. Каждый изъ этихъ періодовъ оказывался труднѣе предыдущаго и вызывалъ все болѣе серьезныя реформы. Каждая реформа, удовлетворивъ только-что сознанной государственной потребности, оказывалась недостаточною и устарѣлою, когда съ возникновеніемъ новаго періода затрудненій дѣлались нужныя новыя средства разрѣшенія ихъ. И достигнутый нами теперь моментъ, реформа 1679—1681 г., есть только временная, минутная остановка въ непрерывномъ процессѣ историческаго движенія. Мы видимъ въ ней теперь рядъ коренныхъ измѣненій сравнительно съ старымъ строемъ; но она брала у этого же стараго строя всѣ свои отдѣльные элементы: и стрѣлцкая подать, и подворная раскладка созданы были старымъ строемъ; съ нимъ связаны были неразрывно и приказы, получившіе теперь отдѣльные налоги въ спеціальное завѣдованіе и призванныя такимъ образомъ содѣйствовать систематизаціи государственныхъ поступленій. Такая медленная эволюція старыхъ началъ еще могла поспѣвать за событіями, пока она вызывалась такими

---

¹⁾ „Чтобы въ одномъ приказѣ и рати и доходы... были“, какъ выражались Псковичи въ 1665 г. (Доп. къ А. И. V, № 1).

медленными и продолжительно дѣйствующими причинами, какъ войны царей Алексѣя и Феодора. Но требованія, вызванныя этими войнами,—столь тяжелыя, какъ мы видѣли,—оказались бы легки сравнительно съ тѣми, которые поставили населенію военныя задачи Петра; и способъ дѣйствія Петровской войны былъ иной, чѣмъ война 1654—1681 годовъ,—быстрый и разрушительный: это ураганъ сравнительно съ свѣжимъ морскимъ бризомъ. Послѣдній постепенно вывѣтривалъ износившіяся части стараго зданія; первый — съ трескомъ ниспровергнулъ на землю самое зданіе, и при томъ сдѣлалъ это раньше, чѣмъ можно было подумать о построеніи новаго.

И. Миллюновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ХРОНИКѢ КОЗЬМЫ ПРАЖСКАГО ¹⁾

Цѣлью нашего отклоненія было — указать на сдѣланныя важнѣйшими интерполяторами добавленія и ихъ выдѣлить для того, чтобы придать хроникѢ Козьмы по возможности первоначальный видъ. Только этимъ мы получаемъ возможность сдѣлать вѣрную оцѣнку историческаго труда Козьмы относительно древнѣйшаго времени.

За симъ остается еще изслѣдовать вопросъ о происхожденіи древнихъ пражскихъ анналь и провѣрить сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія, а также выяснить отношеніе къ нимъ Козьмы. Анналы, безъ сомнѣнія, велись въ Прагѣ, при соборѣ св. Вита, при чемъ извѣстія въ нихъ становятся достовѣрными, начиная со времени учрежденія пражской епископіи. Изъ этого можно вывести заключеніе, что начало составленія анналь относится ко времени перваго епископа Дитмара или его преемника св. Адалъберта. Хронологія для первой половины X вѣка была дополнена по неточному, искусственному исчисленію. Единственныя хронологическія данныя, тождественно сообщаемыя намъ для этого времени анналами и Козьмой и которыя мы, слѣдовательно, въ состояніи провѣрить,—годы крещенія Боривоя 894, мученической смерти св. Вячеслава 929, и перенесенія его останковъ въ Прагу 932.

Первое изъ тождественныхъ хронологическихъ данныхъ—894 г., когда *Borivoj primus dux baptizatus est, a venerabili Metudio episcopo in Moravia, sub temporibus Arnolfi imperatoris, et Zuatopluk eiusdem Moraviae regis* (I, 10; сравни I, 14, 15 и *graeft.*). Указаніе это,

---

¹⁾ *Окончаніе.* См. іюльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

очевидно, не вѣрно, такъ какъ св. Меодій уже скончался 6-го апрѣля 885 г., императоръ же Арнульфъ лишь въ 887 г. вступилъ на престолъ, а Святополкъ въ 894 г. умеръ. Вопросъ о томъ, въ которомъ году произошло крещеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приняла ли вообще Чехія христіанство отъ св. Меодія по обряду греческой церкви, въ теченіе настоящаго столѣтія былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ обсужденій. Въ то время какъ большинство чешскихъ ученыхъ стоитъ за правильность указанія Козьмы, считая не вѣрнымъ только сообщенный имъ годъ, нѣмецкіе ученые по преимуществу, во главѣ съ Дюмлеромъ, являются сторонниками мнѣнія, что Чехія уже въ 845 г. приняла христіанство изъ Баваріи по обряду римско-католической церкви и съ того времени вошла въ составъ Регенсбургской епархіи, другими словами—считаютъ извѣстіе Козьмы совершенно не отвѣчающимъ дѣйствительности. Главнѣйшіе доводы, на которые опираются представители послѣдняго мнѣнія, слѣдующіе: 1) По *Annales Fulden- ses* 1-го января 845 г. въ Регенсбургѣ, при дворѣ короля Людовика Нѣмецкаго, крещены 14 чешскихъ князей (*duces*). 2) Кромѣ Козьмы, ни въ одномъ источникѣ не встрѣчается упоминанія о крещеніи Боривоя Меодиѣмъ. 3) Приведенный Козьмой годъ крещенія, какъ можетъ быть доказано, не вѣренъ ¹⁾.

¹⁾ Смотри объ этомъ вопросѣ: *G. Dobner*, Ad Ann. Hayec., III, стр. 252 слѣд., 287; Ueber die Einführung des Christenthums in Böhmen, въ *Abh. d. b. G. d. W.*, II (1786), стр. 394 слѣд.—*J. Dobrowsky*, Kritische Versuche etc.: I Bořivoj's Taufe, въ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, I (1803), стр. 1 слѣд.—II *Ludmila und Drahomir*, I. c., VIII (1823), стр. 106 слѣд.; *Mährische Legende von Cyrill und Method*, I. c., Neue Folge, I (1826), стр. 114.—*F. Palacký*, Würdigung, стр. 26; *Dějiny*, I, 1, стр. 150 слѣд.—*E. Dümmler*, De Bohemiae condicione etc., глава III, стр. 17 слѣд.—*W. Wattenbach*, Slavische Liturgie in Böhmen, I. c., стр. 221 слѣд.; сравн. также *Beiträge z. Gesch. d. christl. Kirche in M. u B.*, стр. 39; *D. G.*, II, стр. 152.—*Büdinger*, I. c.—*W. Zeleny*, De religionis christianae in Bohemia principiis, въ *Prog. des K. K. Akad. Staatsgymnasiums zu Prag 1855* (осталась для насъ недоступной).—*W. W. Tomek*, Apologie, стр. 25 слѣд., 63; сравн. также *Исторія чешскаго королевства*. С.-Пб. 1868, стр. 40.—*I. A. Ginzell*, *Gesch. der Slavenapostel Cyrill u. Method u. der Slaw. Liturgie*. Wien. 1861, стр. 67 слѣд.—*Dudík*, M. G., I, стр. 271 слѣд.—*P. A. Frind*, *Kirchengeschichte Böhmens*. Prag. 1868. Bd. I, стр. 9 слѣд.—Также сравн. *Tomek*, *Svatá Ludmila*, въ *Časopis 1860*, стр. 263 слѣд.—*Krech*, *Kritické úvahy o starších dějinách našich*. I. *Obrana kněžny Drahomíry*. V Olomouci 1882 (къ сожалѣнію, для насъ осталась неизвѣстной).—*I. Kalousek*, *O povem předělávání české historie za voku sv. Lidmily*, въ *Časopis 1882*, стр. 477 слѣд., и друг.

Совершенно ошибочно утверждать, что, за исключеніемъ Козьмы, ни одинъ источникъ не упоминаетъ о крещеніи Боривоя св. Мееодіемъ. Во-первыхъ, мы совершенно то же самое извѣстіе встрѣчаемъ въ древнихъ пражскихъ анналахъ, откуда его въ свою очередь заимствовалъ Козьма. Правда, что оно сохранилось лишь въ *Annales Bohemici*, которые гласятъ: 894. Borivoy, dux Boemie, baptisatur a Methudio, episcopo Moraviae, cum uxore sua Ludmilla. Полное согласованіе названныхъ анналь съ Козьмой, однако, не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что общимъ источникомъ для этого извѣстія у нихъ были пражскіе анналы.

Во-вторыхъ, для доказательства принадлежности Чехии къ великому моравскому архіепископству въ послѣдней четверти IX столѣтія, имѣется весьма важное свидѣтельство, именно грамота этого архіепископства отъ 880 г. Въ нашей статьѣ объ учредительныхъ грамотахъ Пражской епископіи мы подробно рассмотрѣли происхождение означенной грамоты ¹⁾. Въ 880 г. папа Іоаннъ VIII назначилъ нѣмца Викинга епископомъ новой Нейтранской епархіи. Миссіонерской дѣятельности св. Мееодія была предоставлена исключительно западная часть обширнаго Святополкова царства, при утвержденіи папской грамотой для него новой моравской епархіи. Хотя грамота эта въ первоначальномъ написаніи до насъ и не дошла, самый фактъ ея существованія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Папа Іоаннъ, въ одной буллѣ къ Святополку, ссылается на нее: *nostrae apostolicae auctoritatis praescripto eius archiepiscopatus (ecclesiae Marabensis) ei privilegium confirmavimus* ²⁾. Далѣе Козьма *privilegium Moraviensis ecclesiae* нарочито упоминаетъ, какъ источникъ для крещенія Боривоя, ничего, однако, изъ него не сообщая, дабы не повторять уже разъ повѣщенное (I, 15). Наконецъ, та же привилегія частью сохранилась для насъ въ грамотѣ Пражской епископіи отъ 1086 г. Такъ какъ въ послѣдней границами епархіи приходятся Баварскій лѣсъ, а къ сѣверу даже Лузація и Силезія, то очевидно, что Чехія до 880 г. входила въ составъ моравской епархіи св. Мееодія. По установленіи этого факта, само собой выясняется, что чѣшская церковь около этого времени не могла быть подчинена Регенбургской епархіи и принадлежать къ обряду римско-католической церкви, но что, напротивъ, она держалась славянскаго обряда моравской церкви.

¹⁾ Въ *Сборникъ статей по славяновѣдѣнію В. И. Ламанскаго*. С.-Пб. 1883, стр. 294 слѣд.

²⁾ *Voszek*, Cod. Mor. I, стр. 34 слѣд.—*Erben*, Reg. Boh. I, стр. 15 слѣд.

Если уже такимъ образомъ сообщенія обоихъ источниковъ совершенно согласуются и одно другое дополняютъ, то ихъ извѣстия, въдобавокъ, подтверждаются существованіемъ въ X и XI вѣкахъ въ Чехіи славянскаго обряда и славянскаго церковнаго языка. Извѣстно, что, согласно русскому житію, св. Вячеславъ былъ обученъ въ славянскомъ письмѣ на подобіе духовнаго лица. Не менѣе важно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что, по извѣстію Сазавскаго монаха, къ XI столѣтію, при св. Прокопѣ, возникъ вполнѣ славянскій монастырь въ Сазавѣ; въ послѣдствіи не только онъ былъ возстановленъ княземъ Вратиславомъ, но послѣдній обратился даже въ Римъ съ просьбой о дозволеніи ему ввести славянскую литургію во всей странѣ. Такъ какъ о продолжительномъ существованіи славянскаго обряда въ Чехіи уже другими изслѣдователями было подробно писано, то мы считаемъ излишнимъ здѣсь вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса.

Приведенныя указанія придаютъ извѣстіямъ Козьмы надлежащее освѣщеніе. Онъ ревностный католикъ и противникъ славянскаго обряда; въ качествѣ такового онъ заставляеть папу Іоанна XIII совѣтовать князю Болеславу, при учрежденіи Пражской епископіи: „Не по обряду болгарскаго или русскаго народовъ,¹⁾ ниже славянской рѣчи, надлежитъ тебѣ назначить достопочтенное духовное лицо въ этомъ санѣ, а слѣдующимъ опредѣленіямъ и предписаніямъ апостольскаго престола“ (I, 23). Нерасположеніемъ Козьмы къ славянской литургіи далѣе объясняется причина, по которой онъ въ своей хроникѣ умалчиваетъ объ учрежденіи монастыря въ Сазавѣ и его дальнѣйшей судьбѣ. Несмотря на такое ясно выраженное нерасположеніе къ означенному обряду, Козьма тѣмъ не менѣе сообщаетъ о крещеніи Боривоя св. Меводиємъ, не только потому, что нашелъ это извѣстіе въ грамотѣ моравскаго архіепископства и въ пражскихъ анналахъ, но потому, что оно было засвидѣтельствовано преданіемъ Пражской соборной церкви.

Этимъ точнымъ указаніямъ противостоить единичная замѣтка въ *Annales Fuldenses*, по которой въ 845 г. при дворѣ Людовика Нѣмецкаго въ Регенсбургѣ 14 чешскихъ князей приняли крещеніе¹⁾. Если извѣстіе это понимать буквально, то мы изъ него можемъ из-

¹⁾ MM. G. SS., I, 364: Hludowicus 14 ex ducibus Boemanorum cum hominibus suis christianam religionem desiderantes suscepit, et in octavis theophaniae baptizari iussit.

влекъ лишь то, что въ означенномъ году 14 отдѣльныхъ лицъ изъ чешской знати обратились въ христіанство. На подобныя единичныя переходы въ христіанство до всеобщаго его принятія можно указать рѣшительно у всякаго народа. Такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на крещеніе верховнаго князя, другими словами главы чешскаго племени, и на подчиненіе всей Чехіи Регенсбургской епископіи, то свидѣтельство, о коемъ рѣчь, оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ противъ прямыхъ извѣстій другихъ источниковъ.

Что касается года крещенія, то онъ, какъ уже замѣчено, въ анналахъ и слѣдовательно и у Козьмы приведенъ не вѣрно. Точкой опоры при его опредѣленіи намъ служить обстоятельство, что, согласно привилегіи. Чехія уже въ 880 г. принадлежала въ моравской епархіи. Изъ этого вытекаетъ, что крещеніе должно было совершиться въ 70-хъ годахъ IX вѣка, при чемъ весьма правдоподобно что оно имѣло мѣсто въ Моравіи, при дворѣ Святополка. Наиболее вѣроятнымъ временемъ крещенія слѣдуетъ считать время послѣ Форхгеймскаго мира, то-есть, между 874 и 880 гг., такъ какъ съ одной стороны могущество Святополка тогда достигло своего наибольшаго развитія и распространялось на лежащія въ сосѣдствѣ страны, а съ другой — на этотъ періодъ именно падаетъ главная дѣятельность св. Меодія въ Моравіи. Но при совершенномъ молчаніи источниковъ врядъ ли когда-нибудь удастся точно установить годъ крещенія.

На сколько Чехія находилась всецѣло подъ вліяніемъ Святополка, явствуетъ изъ сообщенія Регинона, по словамъ котораго Арнульфъ въ 890 г. даровалъ Святополку княжескую власть надъ этой страной: *Arnolfus rex concessit Zuendiboldo Marahensium Sclavorum regi ducatum Behemensium, qui hactenus principem suae cognationis ac gentis super se habuerant etc.* ¹⁾ Въ 894 г. послѣдовала смерть Святополка и одновременно съ этимъ распалось и основанное имъ царство; уже въ слѣдующемъ году, по извѣстіямъ *Annales Fuldenses* ²⁾, князья Спитигневъ и Вратиславъ съ другими чешскими знат-

¹⁾ *MM. G. SS. I, 601.*

²⁾ *MM. G. SS. I, 41: Mediante mense Julio habitum est urbe Radisbona generale conventum; ibi de Sclavania omnes duces Boemaniorum, quos Zuentibaldus dux a consortio et potestate Baivaricae gentis per vim dudum divellendo detraxerat—quorum primores erant Spitiwno, Witzla—ad regem venientes, et honorifice ab eo recepti, per manus, prout mos est, regiae potestati se subdiderunt.*

ными лицами присягнули въ Регенсбургѣ Арнульфу. Весьма вѣроятно, что около этого времени Чехія и въ церковномъ отношеніи была подчинена Регенсбургской епископіи, къ которой она принадлежала, какъ доказано, при св. Вячеславѣ.

Заключая о значеніи первой хронологической даты древнихъ пражскихъ анналь и Козьмы, именно 894 г., мы того мнѣнія, что во время составленія анналь, почти сто лѣтъ спустя, годъ смерти Боривоя не былъ уже болѣе извѣстенъ, и что вмѣсто него ошибочно принимали годъ, въ которомъ Чехія была подчинена Регенсбургской епархіи. Это объясняется тѣмъ, что, по вытѣсненіи славянскаго обряда латинскимъ, и пражское католическое духовенство начинало лѣточисленіе чешской церкви съ периода ея принадлежности къ Регенсбургской епископіи, вслѣдствіе чего самый этотъ годъ смѣшивали съ первоначальнымъ принятіемъ христіанской вѣры. Въ анналахъ, вѣроятно, имѣлась лишь краткая замѣтка: 894. Borivoy, dux Boemorum, baptizatur a Methudio episcopo Moraviae (cum uxore sua Ludmilla), въ какомъ видѣ она встрѣчается въ *Annales Bohemici*. Козьма только прибавилъ въ своей хроникѣ: *sub temporibus Arnolfi imperatoris, et Zuatopluk eiusdem Moraviae regis* (I, 10). Извѣстіе о Святополкѣ имѣ во всякомъ случаѣ заимствовано изъ привилегіи моравскаго архіепископства, дарованной этому князю папой Іоанномъ VIII; что же касается Арнульфа, то Козьма привелъ его въ связь съ 894 г. на основаніи извѣстной ему хроники Регинона, которой онъ, какъ ниже нами будетъ доказано, пользовался для того же года.

Слѣдующія указанія анналь касаются годовъ вступленія на царство трехъ ближайшихъ преемниковъ Боривоя. Указанія эти мы здѣсь приводимъ съ цѣлью противопоставить имъ соотвѣтствующія извѣстія у Козьмы.

Annales.

901. Borivoy dux Boemorum obiit, Spitigneus filius eius succedit.

915. defuncto Spitigneo duce Boemorum, Wratizlaus frater eius succedit.

921. defuncto Wratizlao duce Boemorum, sanctus Wencezlaus filius eius succedit.

Cosmas.

Borivoy autem genuit duos filios Spitigneum et Wratizlaum.... Quo feliciter universae carnis viam ingresso, successit paternum in principatum Spitignei; post cuius obitum obtinuit Wratizlav ducatum... Haec (uxor) peperit binos natos, Wencezlaum deo et hominibus acceptabilem etc.

Сходство обоихъ сообщеній прямо очевидно. Нельзя не признать, что и здѣсь Козьма воспользовался анналами, хотя онъ пренебрегъ часть сслххї, отд. 2.

гаетъ сообщать хронологическія даты. Сухое лѣтописное перечисленіе правителей не соотвѣтствовало его изложенію, тогда какъ для другихъ событій этого времени, главнымъ образомъ для учрежденія церкви и распространенія христіанства въ Чехіи, хронологическихъ данныхъ у него не имѣлось вовсе. За приведенными годами анналь врядъ ли возможно признать притязаніе на достовѣрность, если принять во вниманіе, что какъ предшествующее хронологическое указаніе (894), такъ и послѣдующее (929) въ нихъ не вѣрны. Къ тому же, по извѣстію *Annales Fuldenses*, верховные (primoges) чешскихъ князей (*duces Boemaniogum*) Спитигневъ и Вратиславъ въ 895 году въ Регенсбургѣ подчинились Арнульфу, изъ чего можно заключить, что Боривоя въ то время уже не было болѣе въ живыхъ.

Вторая и третья общія анналамъ и Козьмѣ хронологическія даты—годы убіенія св. Вячеслава 929, и перенесенія его останковъ 933, также, какъ доказано, показаны не вѣрно. Новѣйшими изслѣдованіями непреложно доказано, что убіеніе было въ понедѣльникъ, 28-го сентября 935 г., а перенесеніе—въ воскресенье, 4-го марта 938 года ¹⁾. И эти оба года анналь введены, безъ сомнѣнія, изъ позднѣйшаго вычисленія, въ основѣ котораго лежали празднуемые при Пражскомъ соборѣ дни мѣсяца и недѣли убіенія и перенесенія останковъ. Происхожденіе ихъ ясно видно въ древне-славянскомъ житіи св. Вячеслава. Согласно

¹⁾ *Dobner*, Ad Ann. Hayec., III, стр. 652 и слѣд.—*Dobrowsky*, Kritische Versuche: III, Wenzel und Boleslaw, въ Abh. d. k. b. G. d. W., VI (1819), стр. 8 и слѣд. Сначала и *Palacký*, Würdigung, стр. 26; *Staroslawanská legenda o mučeny sv. Wáclawa*, въ *Časopis*, 1837, стр. 415 и слѣд.; *Geschichte Böhm.*, I (1836), стр. 208, прим. 14. Поименованные ученые относили убіеніе къ 936 г., въ которомъ 28-го сентября приходится на среду; они въ данномъ случаѣ опирались на документъ отъ 8-го мая 1357 г., согласно которому въ церкви св. Вячеслава въ Ольмюцѣ въ его память въ среду отправляли службу. На 935 г. впервые указалъ *Pubitschka*, Chronol. Gesch. v. Böhmen, II, стр. 296 и слѣд. Къ нему присоединились: *R. Koepke*, Jahrb. des deutsch. Reiches u. Otto I (у L. Ranke, Jahrb. d. d. Reiches u. d. sächs. Hause, I, 2. Berlin 1838), стр. 7, примѣч. 1; — *R. Koepke—E. Duemmler*, Kaiser Otto d. Grosse (въ Jahrb. d. d. G.). Lpzg. 1876, стр. 52, примѣч. 1; сравн. также MM. G. SS., IX, стр. 46, примѣч. 18;—*F. Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 235, примѣч. 220;—*W. Tomek*, Apologie, I. c., стр. 74 и слѣд.;—*M. Büdinger*, I. c., стр. 517, 520;—*W. Wattenbach*, Slaw. Lit. in Böhmen, I. c., стр. 220;—*Damberger*, Synchr. Gesch., IV, 216;—*Frind*, Kirchengesch. Böhm., стр. 12 и друг. Сторонники послѣдняго мнѣнія опираются на указаніе древне-славянской легенды о св. Вячеславѣ, по которой 27-го сентября падало на воскресенье, праздникъ св. Козьмы и Даміана, послѣ чего въ понедѣльникъ послѣдовало убіеніе.

житію, убіеніе совершено въ понедѣльникъ 28-го сентября ¹⁾); слѣдуя этому указанію, изъ него былъ вычисленъ, повидимому совсѣмъ правильно, 929 г. ²⁾), въ которомъ 28-го сентября дѣйствительно падало на понедѣльникъ. То же самое вычисленіе, по всей вѣроятности, легло и въ основу анналь, откуда его заимствовалъ Козьма. Соотвѣтственно ему, послѣдовавшее три года спустя перенесеніе останковъ ³⁾), въ чемъ всѣ извѣстія согласуются, отнесено къ 932 г.

Дальнѣйшія хронологическія указанія, встрѣчающіяся какъ въ анналахъ, такъ и у Козьмы,—годы смерти князя Болеслава I, назначенія перваго епископа Дитмара и втораго Адальберта. Тутъ, однако, указанія значительно противорѣчатъ одно другому. Такъ, въ анналахъ мы находимъ годы 972, 974 и 982, между тѣмъ Козьма относитъ оба первыя событія къ 967, а послѣднее — къ 969 году. Оставляя пока въ сторонѣ годъ смерти Болеслава I, мы намѣрены остановиться на разборѣ указаній относительно епископа Дитмара и учрежденія въ Прагѣ епископства, потому что послѣднія являются болѣе надежными исходными точками при опредѣленіи этого года.

О дѣйствительномъ годѣ учрежденія самостоятельной епископской кафедрѣ въ Прагѣ было не мало писано. Уже Добнеръ ⁴⁾ указывалъ на то, что сообщенный Козьмой 967 годъ ⁵⁾ не вѣренъ, и самъ относилъ учрежденіе епископства къ 973 году. Опираясь онъ при этомъ

¹⁾ F. R. V., I, 131: Бахъ же свѣщеніе церкви тогда в' недѣлю жв оцѣнал, в' нѣже твораше праздникъ свѣтъхъ безмездника Козмы и дамiana. На слѣдующее утро послѣдовало убіеніе.

²⁾ I. c., 133: Цѣнѣнъ же бысть князь Вячеславъ в' лѣтъ 874, индикта въ .л., крѣтъ солнцю. Г. лѣнѣ, и мѣсца септѣрия въ .лн. Сравни объ этомъ *Wattenbach*, I. c., стр. 220.

³⁾ Рядомъ съ извѣстіями анналь и Козьмы сравни *Gumpoldi passio. v. Wenc.*, с. 23, въ F. R. V., I, 161: *Quiescente ibidem per trium spacia annorum venerando corpore. . .*

⁴⁾ *Ad Ann. Hayec.*, IV, стр. 213 и слѣд.

⁵⁾ I, 22 — 23. Годъ 967 встрѣчается, кромѣ того, въ *Auctuarium Ekkehardi Althansis*, въ MM. G. SS. XVIII, 362: 967. *Iohannes papa indulget Bolezlao duci Boemie, fratri sancti Wenczelai martiris, ut in Pragensi civitate ordinetur sedes episcopalis. Ordinatur itaque et consecratur consensu et iussu Ottonis imperatoris primi Ditmarus Saxo in Pragensem episcopum a Wilhelmo archiepiscopo Moguntino.* Извѣстіе это, очевидно, заимствовано прямо или посредственно изъ хроникъ Козьмы, равно какъ и слѣдующее, въ которомъ, какъ и у Козьмы, 996 годъ указанъ повѣрно (стр. 363): 996. *Sanctus Adalbertus episcopus Pragensis martirizatus est.* Изъ *Auct. Ekk. Alt.* то же извѣстіе перешло въ хроникъ Оттона Фрейзингенскаго, гдѣ оно, впрочемъ, сохранилось только въ одной рукописи, въ видѣ добавленія XIII столѣтія (I. VI, с. 24, въ MM. G. SS. XX, 240).

вопервыхъ, на опредѣленіи грамоты Пражскаго епископства отъ 1086 года ¹⁾, и вовторыхъ, на свидѣтельство Отлона, біографа св. Вольфганга, согласно которому только послѣдній далъ соизволеніе на учрежденіе епископской каѳедры въ Прагѣ ²⁾. Во время встрѣчи Отгона I и Болеслава II въ Кведлинбургѣ на Пасхѣ 973 г., о которой сообщаетъ Саксонскій лѣтописецъ ³⁾, состоялось учрежденіе Пражской митрополіи. Къ объясненію Добнера присоединились Добровскій ⁴⁾, Палацкій ⁵⁾, Томекъ ⁶⁾, Калоузецъ ⁷⁾, сначала и Гизебрехтъ ⁸⁾, Кѣнке ⁹⁾, Гивцель ¹⁰⁾ и Фриндъ ¹¹⁾. Пубичка ¹²⁾, правда, относитъ упомянутый актъ тоже къ 973 г., но ко второй его половинѣ, согласно свидѣтельству Отлона, уже къ царствованію Отгона II. Дюмлеръ ¹³⁾ идетъ еще далѣе, считая грамоту совершенно подложной и принимая для учрежденія конецъ 973 г. или начало 974 г. Съ его хронологическимъ опредѣленіемъ соглашаются Гизебрехтъ ¹⁴⁾, Бюдингеръ ¹⁵⁾, Пейсбергъ ¹⁶⁾ и Дудикъ ¹⁷⁾. Наконецъ, Дюмлеръ ¹⁸⁾, примѣру котораго слѣдуетъ и Лозертъ ¹⁹⁾, приурочиваетъ учрежденіе епископской каѳедры даже къ 975—976 гг., опираясь на извѣстіе въ каталогѣ Страсбургскихъ епископовъ, по которому первый Пражскій епископъ Дитмаръ былъ посвященъ въ

¹⁾ Othloni vita s. Wolfgangi, с. 29, въ MM. G. SS. IV, 538.

²⁾ Въ хроникѣ Козьмы II, 37.

³⁾ MM. G. SS., VI, 624.

⁴⁾ Kritische Versuche III. стр. 13.

⁵⁾ Würdigung, стр. 26; Dějiny, I, 1, стр. 254 и слѣд.

⁶⁾ Исторія чешскаго кор., стр. 60.

⁷⁾ Ueber den Umfang des böhmischen Reiches unter Boleslav II, въ Sitzungsber. d. k. b. G. d. W. in Prag 1883, стр. 26 и слѣд.

⁸⁾ Jahrb. d. d. R. u. Otto II (въ *Ranke*, Jahrb. d. d. R. u. d. sächs. H., II, 1) стр. 120 и слѣд.

⁹⁾ MM. G. SS., p. 49, adn. 30.

¹⁰⁾ I. с., стр. 136.

¹¹⁾ I. с., стр. 53.

¹²⁾ I. с., III, стр. 19 и слѣд.

¹³⁾ Pilgrim v. Passau u. das Erzbisthum Lorch. Lpzg. 1854, стр. 173, примѣч. 9.

¹⁴⁾ G. d. d. Kaiserz., 1-е изданіе, I, 789.

¹⁵⁾ Oesterr. Gesch., I, стр. 314 и слѣд.

¹⁶⁾ Miseco, въ Arch. f. Kunde oest. Gesch., томъ 38-й, стр. 79 и слѣд.

¹⁷⁾ II, 37.

¹⁸⁾ Koerke—Dümmler, I. с., стр. 503, примѣч. 2.

¹⁹⁾ Ueber den Umfang d. b. Reiches u. Boleslaw II, въ Mitth. d. Inst. f. oest. Gesch., II, стр. 17 и слѣд.

Брумштѣ въ Эльзасѣ архіепископами Виллигисомъ Майнцскимъ и Эрханбальдомъ Страсбургскимъ.

Главное затрудненіе при опредѣленіи года учрежденія пражскаго епископства возникаетъ изъ грамоты 1086 г., въ которой упоминаются папа Бенедиктъ и императоръ Оттонъ I. Но такъ какъ эта грамота, какъ нами было доказано въ другомъ мѣстѣ, вовсе не относится до означеннаго учрежденія, то задача значительно облегчается. Важнѣйшія историческія данныя, дающія возможность опредѣлить годъ учрежденія, слѣдующія.

Вопервыхъ, сообщеніе Отлона, біографа св. Вольфганга, епископа Регенсбургскаго. Согласно ему, императоръ Оттонъ II ¹⁾ согласился на восполѣдовавшую со стороны князя Генриха и другихъ просьбу, на учрежденіе для Чехіи епископства. Но такъ какъ для сего требовалось разрѣшеніе Регенсбургскаго епископа, въ епархію котораго входила Чехія, то онъ и обратился къ Вольфгангу, предложивъ ему въ возмездіе другія льготы. Епископъ для этой цѣли созвалъ высшее духовенство епархіи, которое, однако, единодушно воспротивилось предложенію императора; только настоятельныя просьбы Вольфганга могли его склонить къ согласію, и то подъ условіемъ значительныхъ уступокъ. Когда время учрежденія епископства приближалось, Вольфгангъ самъ составилъ учредительную грамоту ²⁾. Изъ разказа Отлона мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: 1) епископство было учреждено во время св. Вольфганга, который самъ занялъ епископскую кathedру въ Регенсбургѣ 25-го декабря 972 г. 2) Императоръ Оттонъ II, наслѣдовавшій своему отцу на престолѣ 7-го мая 973 г., далъ свое согласіе на учрежденіе. 3) Князь Генрихъ оказывалъ содѣйствіе, но такъ какъ онъ лѣтомъ 974 г. былъ плѣненъ и лишился своего вліянія, то начало переговоровъ должно было произойти не позже первой половины этого же года. 4) Переговоры длились не малое время. Такимъ образомъ, самымъ раннимъ временемъ начала переговоровъ слѣдуетъ признать половину 973 г., самымъ позднимъ—половину 974 г.

Вовторыхъ, каталогъ Страсбургскихъ епископовъ, который сообщаетъ, что архіепископы Эрханбальдъ Страсбургскій и Виллигисъ Майнцскій посвятили Дитмара во епископы Пражскіе ³⁾. Въ виду

¹⁾ At medius Otto Caesar Divinae cultor praecipuus religionis a glorioso Duce Heinrico ceterisque fidelibus est interpellatus....., l. c.

²⁾ Cumque tempus peragendi concambii venisset, tanta favit alacritate, ut ipse privilegium componeret, l. c.

³⁾ (Erckenbaldus consecravit) cum eodem (sc. Willigiso Maguntino archiepiscopo)

того, что Виллигисъ только 25-го января 975 г. сдѣлался архіепископомъ, посвященіе Дитмара не могло имѣть мѣста раньше февраля 975 г.

Втретѣхъ, грамота Майнцаго архіепископа Виллигиса отъ 28-го апрѣля 976 года, въ которой въ качествѣ подчиненныхъ ему епископовъ называются Шпейерскій, Вормскій, Пражскій и Моравскій ¹⁾. Слѣдовательно, посвященіе Дитмара должно было предшествовать времени грамоты.

Изъ сопоставленія всѣхъ извѣстій вытекаетъ, что учрежденіе Пражскаго епископства произошло въ 974 г., посвященіе же епископа Дитмара послѣдовало въ Брумптѣ, въ Эльзасѣ, въ 975 г. Съ этимъ совершенно согласуются древніе пражскіе анналы, которые учрежденіе епископства относятъ тоже къ 974 г. Что редакція соотвѣтствующаго извѣстія въ названныхъ анналахъ первоначальная, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что для учрежденія 974 годъ встрѣчается въ *Annales Bohemici*, *Annales Mellicenses* и *Annales Polonorum*.

Также правильно указаніе анналь относительно смерти епископа Дитмара и послѣдовавшаго вскорѣ за ней назначенія св. Адальберта на епископскую кафедру въ 982 г. Сообщаемый годъ уже потому долженъ быть вѣренъ, что онъ встрѣчается въ *Annales Bohemici* и *Annales Mellicenses*, а равно и въ нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописяхъ. Саксонскій аналлистъ уже обратилъ вниманіе на не вѣрно указанный въ хроникѣ Козьмы 969 г. ²⁾. Добнеръ ³⁾, на основаніи извѣстій самого Козьмы, житія св. Адальберта и другихъ источниковъ, доказываетъ, что смерть Дитмара и избраніе Адальберта приходились на 982 г., утвержденіе же и посвященіе послѣдняго послѣдовали въ 983 г.

Dietmarum Pragensis ecclesiae episcopum apud Bruchmagod. Wimpeling, Catalogus episc. Argent., p. 34.

¹⁾ Quapropter auctoritate ipsius, astipulantibus quoque assessoribus nostris venerabilibus episcopis, Spirensi, Wormatiensi, Pragensi, Moraviensi... Boczek, *Cod. dipl. et epist. Mor. I*, p. 97, n. 113. Erben, *Reg. B. et M.*, p. 31, n. 72.

²⁾ *Ann. Saxo ad ann. 983*, въ *MM. G. SS.*, VI, 630: Sciendum autem est, quod Cosmas Pragensis ecclesiae decanus hanc electionem et consecrationem anno dom. inc. 969 asseribit, cum conventus ille post bellum Saracenorum Veronae ab Ottone II. habitus, cuius ipse in eodem loco meminit, dom inc. anno 983 acciderit.

³⁾ *Ad Ann. Hayec, IV*, 185 и слѣд., 292 и слѣд. Сравн. *Palacký Würdigung*, стр. 27.

Возстановленный нами отрывокъ древнихъ анналь, такимъ образомъ, изъ трехъ хронологическихъ датъ два года сообщаетъ вѣрно, тогда какъ Козьма передаетъ тѣ же событія при неправильной хронологіи. Это обстоятельство даетъ намъ до нѣкоторой степени право заключить, что и третья хронологическая дата, годъ смерти Болеслава I, которая встрѣчается въ анналахъ, несомнѣнно болѣе достовѣрна, нежели указаніе Козьмы. Если же въ двухъ первыхъ случаяхъ сообщенія анналь оказались правильными, извѣстія же Козьмы невѣрными, то было бы нелогично въ третьемъ случаѣ, безъ уважительной причины, предпочесть сообщаемый послѣднимъ годъ тому, который встрѣчается въ анналахъ. Итакъ, мы относимъ смерть Болеслава не къ 967 г., а къ 972 г.

Послѣднія общія анналамъ и Козьмѣ хронологическія даты—годы смерти отца св. Адалберта Славника 981, матери его Стрежиславы 987, принятія Адалбертомъ монашеской схимы 990 и, наконецъ, годъ его мученической кончины 997. Годы, на сколько указанія могутъ быть повѣрены, въ анналахъ сообщены вѣрно. Такимъ образомъ, вполне достовѣрными и надежными хронологическія указанія становятся съ учрежденія епископства, почему нами уже выше было сказано, что начало лѣтописныхъ замѣтокъ въ Прагѣ должно быть отнесено ко времени перваго, или же втораго епископовъ. Сообщаемые Козьмой годы тутъ опять согласуются съ указаніями анналь. Единственное разногласіе составляетъ годъ смерти св. Адалберта; въ анналахъ, по всей вѣроятности, правильно называется 997 г., тогда какъ у Козьмы приведенъ 996 г.¹⁾ Что подобнаго рода разногласіямъ въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ нельзя придавать большаго значенія, видно изъ того, что именно этотъ годъ приводится различно въ разныхъ памятникахъ. Такъ, большинство польскихъ анналь указываетъ 997 г., *Annales Bohemici* и *Annales Mellicenses*, а равно и двѣ польскія лѣтописи — 998 г., Козьма, наконецъ, 996 г. Если принять во вниманіе, что цифры постоянно писались римскія, то легко допустить въ нихъ погрѣшности и описки, вслѣдствіе неточности переписчиковъ.

Въ заключеніе мы приводимъ еще годъ взятія Либицы 995, который Козьмой во всякомъ случаѣ заимствованъ изъ анналь (I, 29).

¹⁾ *Dobner*, *Ad. Ann. Naues.* IV, стр. 412 и слѣд., и *Palacký*, *Würdigung*, стр. 27 и слѣд. обстоятельно доказываютъ, что приведенный Козьмой годъ не правиленъ и что мученическую смерть св. Адалберта скорѣе слѣдуетъ отнести къ 997 г.

Добнеръ ¹⁾, Палацкій ²⁾ и Кёнке ³⁾ пытались доказать, что событіе это должно быть относимо къ 996 г. Бюдингеръ ⁴⁾, однако, нашель, что 27-е сентября ⁵⁾ только въ 995 г. пришлось на пятницу; хронологическое указаніе, слѣдовательно, оказывается вѣрнымъ.

Теперь еще остается объяснить причину, почему Козьма въ указаніи года смерти Болеслава I, а также и избранія перваго и втораго епископовъ отдалается отъ хронологическихъ датъ анналь. Разъ онъ ими правильно воспользовался для предшествующихъ и послѣдующихъ событій, разногласіе касательно вышеупомянутыхъ трехъ годовъ, изъ которыхъ одинъ имѣеть первостепенное значеніе для церковной исторіи Чехіи, не можетъ быть объясняемо простымъ недосмотромъ. Также трудно предположить, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ опиской, уже потому, что цифры годовъ слишкомъ мало схожи между собой во внѣшнемъ отношеніи. Скорѣе всего слѣдуетъ допустить, что помимо анналь, Козьма въ данномъ случаѣ имѣль передъ собой еще другой источникъ. Развѣ можетъ быть объяснено просто случайностью, что извѣстія сохранившагося въ его хроникѣ списка епископовъ относительно именно первыхъ двухъ епископовъ оказываются крайне неполными? Такъ, въ немъ, на примѣръ, для епископа Дитмара не указанъ ни день его избранія, ни утверженія, ни посвященія, тогда какъ для позднѣйшихъ епископовъ постоянно приводится хотя бы только день посвященія. Мы прямо того мнѣнія, что совпаденіе обстоятельствъ не можетъ быть объясняемо простой случайностью, но что въ немъ именно и кроется разгадка разногласящей хронологіи Козьмы. Списокъ епископовъ во всякомъ случаѣ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ анналы; достовѣрнымъ онъ становится, какъ нами уже выше сказано, лишь со времени третьяго епископа. Изъ этого списка Козьма, какъ мы полагаемъ, заимствовалъ свои свѣдѣнія о первыхъ двухъ епископахъ. Весьма вѣроятно, что при первоначальномъ составленіи списка для первыхъ двухъ епископовъ анналы вовсе не были приняты во вниманіе, а годы вступленія ихъ въ санъ пополнены на основаніи ошибочной конъектуры. Получились такимъ образомъ года вступленія въ санъ Дитмара—967 и Адальберта—969.

1) Ad. Ann. Hayec., IV, 419.

2) Dějiny, I, 1, стр. 268.

3) MM. G. SS., IX, 53, adn. 61.

4) Oesterr. Gesch., I, стр. 328, примѣч. 1.

5) Vita Brun. c. 21, F. R. B. I, 288: feria VI in vigilia pretiosi martyris Wenceslai bella incipiunt.

Нагляднымъ доказательствомъ такого рода искусственнаго вычисленія оказался уже ранѣе 929 г. Принявъ эти года въ свою хронику, Козьма естественно долженъ былъ съ первымъ изъ нихъ связать извѣстіе о смерти Болеслава I. Такъ какъ, по преданію, учрежденіе Пражскаго епископства падало на время Болеслава II, то онъ конечно не могъ отнести смерть Болеслава I къ 972 г. Вслѣдствіе этого и произошло, что онъ подъ 967 г. сообщаетъ намъ не только о смерти Болеслава I и вступленіи на престолъ Болеслава II, но и объ учрежденіи епископства и избраніи перваго епископа, между тѣмъ какъ смерть послѣдняго имъ отнесена уже къ 969 г.

Не останавливаясь въ подробности на краковскихъ анналахъ, мы считаемъ необходимымъ отиѣтить, что самъ Козьма ими почти не воспользовался, такъ какъ встрѣчающіяся въ его хроникѣ заимствованія отсюда — добавленія перваго интерполятора. Остаются затѣмъ только 1001 и 1004 годы; вмѣсто послѣдняго въ первоначальномъ текстѣ вѣроятно значился 1003 г. Это разногласіе трудно объяснить неточностью со стороны Козьмы, скорѣе тутъ слѣдуетъ допустить ошибку въ попавшемъ въ Чехію спискѣ, тѣмъ болѣе, что и въ *Annales Bohemici* встрѣчается тотъ же 1004 г. Примѣромъ тому, какъ легко подобнаго рода ошибки могли произойти въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, можетъ служить еще другое мѣсто у Козьмы, гдѣ онъ опирается на краковскіе анналы. Подъ 1039 г. онъ сообщаетъ намъ объ удачномъ походѣ Бретислава I на Польшу, „*ea tempestate Kazimir Poloniensi nobilissimo duce ab hac subtracto luce, filius eius Boleslao et Wladisla adhuc in infantia positus ad ubera lactis*“ (II, 2). Извѣстно, однако, что Мечиславъ польскій скончался въ 1034 г.; ему наслѣдовалъ Казиміръ, кончина котораго относится къ 1058 г. Разъясненіе полнаго искаженія историческаго факта мы находимъ въ томъ, что какъ *Annales Polonorum I—IV* ¹⁾, такъ и *Annales Sandivogenses* ²⁾ для смерти Казиміра приводятъ также 1038 г. Изъ этого можно заключить, что имѣлся списокъ краковскихъ анналовъ, въ которомъ ошибочно вмѣсто 1058 г. значился 1038 г.; онъ попалъ въ Чехію и сталъ извѣстенъ Козьмѣ, вслѣдствіе чего вышеупомянутый анахронизмъ въ его хроникѣ разъясняется самъ собой.

Краковскіе анналы во всякомъ случаѣ частью перешли въ древ-

¹⁾ MM. G. SS. XIX, 620—621.

²⁾ Bielowski, II, 873.

ніе пражскіе. Это подтверждаютъ *Annales Bohemici*, въ которыхъ встрѣчаются изъ первыхъ 968 и 1004 гг.

О томъ, на сколько Козьма пользовался Майнцскими анналами, мы не можемъ сказать почти ничего. Единственное извѣстіе, встрѣчающееся также и въ польскихъ анналахъ, годъ смерти Оттона III 1002-й, который Козьмой приводится вѣрно.

Отъ анналь мы теперь переходимъ къ другимъ письменнымъ и устнымъ источникамъ, которыми Козьма воспользовался для своей хроники, и разберемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Уже первое сообщеніе о смерти Святополка (I, 14) сейчасъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ тому, на сколько легко у Козьмы можно отличить отдѣльныя составныя части его разказа. На основаніи извѣстной ему хроники Рeginона ¹⁾ онъ относитъ смерть Святополка къ 894 г. Изъ того же самаго источника онъ заимствуетъ извѣстія о судьбахъ моравскаго царства при преемникахъ Святополка, какъ то видно изъ сравненія обоихъ источниковъ.

Regino, l. c.

Cuius (Zuentibold) regnum filii eius parvo tempore infeliciter tenuerunt, Ungaris omnia usque ad solum depopulantibus.

Cosmas I, 14.

Cuius (Zuatopulch) regnum filii eius parvo tempore sed minus feliciter tenuerunt, partim Ungaris illud diripientibus, partim Poloniensibus solotenus hostiliter depopulantibus.

Опредѣленія границъ великоморавскаго государства Святополка, „qui sibi non solum Boemiam, verum etiam alias regiones, hinc usque ad flumen Odram, et inde versus Ungariam usque ad fluvium Gron subiugarat“ взяты изъ *Privilegium Moraviensis ecclesiae* ²⁾. Козьма тутъ смѣшиваетъ церковныя границы епархіи св. Меодія съ политическими границами Святополкова царства. Остальное повѣствованіе—народное преданіе, каковымъ Козьма самъ его обозначаетъ словами „sicut vulgo dicitur“. На сколько и тутъ еще незначительно историческое значеніе народнаго преданія явствуетъ изъ изслѣдованія Добнера ³⁾, который старается дать три различныя объясненія сказанія, одинаково несостоятельныя.

¹⁾ *MM. G. SS.*, I, 606.

²⁾ Сравни нашу статью Объ учредительныхъ грамотахъ Пражскаго епископства, стр. 301 и слѣд.

³⁾ *Ad. Ann. Naues.*, III, 297. Сравни также *Dudik*, I, стр. 307 и слѣд., примѣч. 1. На этотъ сообщаемый Козьмой разказъ ссылается и Саксонскій лѣтописецъ подъ 893 г., *MM. G. SS.* VI, 589. Другіе разказы о смерти Святополка

Касательно дальнѣйшаго распространенія христіанства въ Чехіи послѣ крещенія Боривоя, Козьма ссылается на *Epilogus Moraviae atque Voemiae*. Такъ какъ объ этомъ эпилогѣ намъ совершенно ничего не извѣстно, то нѣтъ и возможности составить себѣ понятіе о его исторической цѣнности. Составитель его, можетъ быть, и былъ, какъ полагаетъ Добровскій ¹⁾, бенедиктинецъ изъ Райгерна или Градижа.

Названіе источника для исторіи св. Вячеслава Козьма самъ приводитъ неоднократно: *Vita vel passio sanctissimi nostri patroni et martiris Wenczelai* (I, 15), *Passionis sancti Wenczelai tripudium* (I, 17), *Vita sancti Wenczelai* (III, 55). И здѣсь онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей изъ жизни этого святаго, боясь надоесть читателю повѣствованіемъ уже извѣстнаго. Согласіе въ указаніяхъ, равно какъ и общее сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и даже цѣльныхъ оборотахъ рѣчи заставляютъ предполагать, что Козьма пользовался житіемъ, которое было составлено въ 981 г. Гумпольдомъ, епископомъ Мантуанскимъ, по повелѣнію Оттона II ²⁾. Лишь въ одномъ мѣстѣ разказъ Козьмы не согласуется съ извѣстіями, сообщаемыми Гумпольдомъ. По Гумпольду, соборъ св. Вита въ Прагѣ будто былъ освященъ епископомъ Тутономъ еще при жизни св. Вячеслава, Козьма же сообщаетъ, что св. Вячеславъ построилъ храмъ, но скончался до его освященія. Преемникъ его Болеславъ добился разрѣшенія на то отъ Регенбургскаго епископа Михаила съ большими усиліями, послѣ того какъ онъ къ нему отправилъ пословъ съ богатыми подарками и еще большими обѣщаніями, съ цѣлью сдѣлать его благосклоннымъ къ своей просьбѣ. Епископа будто бы удалось склонить только во вниманіе къ памяти и душеспасенію его пріятеля Вячеслава, котораго онъ чрезвычайно почиталъ въ качествѣ своего духовнаго отца и благосклоннаго епископа. Освященіе послѣдовало 22-го сентября. Число это Козьмѣ было во всякомъ случаѣ извѣстно изъ ежегодно праздновавшагося торжества, которое и въ его время совершалось въ день учрежденія, но относя освященіе, въ противоположность къ Гумпольду, ко времени Болеслава I и епископа Михаила, онъ, вѣроятно, опирался на преданіе пражскаго духовенства.

мы встрѣчаемъ у Туроча (въ *Schwandtner*, SS. R. Hung., p. 82) и Кезы (въ *Endlicher*, *Monum. Agrad.*, pag. 101.

¹⁾ *Kritische Versuche* I, l. c., стр. 54.

²⁾ *Gumpoldi Mantuani episcopi Passio s. Wenczelavi martyris*, MM. G. SS, IV, 211—223, u. F. R. B., 146—166. Сравни изъ *Passio* с. XV—XIX, XXIII, XXVI съ I, 17—19, III, 55 у Козьмы.

Что преданіе для этого времени не имѣетъ большаго значенія, видно изъ нижеслѣдующаго: 1) Сообщаемые Козьмой годы убіенія Вячеслава и перенесенія его мощей не вѣрны, не смотря на то, что они имъ были заимствованы изъ анналь, составленныхъ уже въ исходѣ X в. 2) Тутонъ былъ Регенбургскимъ епископомъ съ 894 до 930 или 931 г., Изангринъ отъ 931—944 г., Михаилъ отъ 944—972 г., изъ чего слѣдуетъ, что св. Вячеславъ, скончавшійся уже въ 935 г., не могъ быть въ дружбѣ съ Михаиломъ. Извѣстный изъ житія, составленнаго Гумпольдомъ, разказъ о дружбѣ св. Вячеслава и епископа Тутона могъ быть преданіемъ приуроченъ къ епископу Михаилу. 3) По обычаю церкви, освященіе храма могло происходить только въ воскресенье. Соотвѣтственно этому 22-го сентября, день освященія церкви св. Вита, могло приходиться въ это время только на 922, 933, 939 и 945 гг. Но такъ какъ извѣстно, что мощи св. Вячеслава уже въ 938 г. были перенесены въ Прагу для хранения въ церкви св. Вита, то, очевидно, самое освященіе должно было послѣдовать раньше и слѣдовательно не могло быть во время епископа Михаила и годы правленія Болеслава I. Остаются, значить, только 922 и 933 годы, изъ которыхъ первый не можетъ быть принимаемъ во вниманіе, приходясь въ самое начало правленія Вячеслава I. Слѣдовательно, мы принуждены отнести освященіе къ 933 г. Если даже и допустить, что Тутонъ состоялъ въ большой дружбѣ съ св. Вячеславомъ, то врядъ ли, однако, можетъ быть оспариваемо, что церковь св. Вита окончена постройкой и освящена только при его преемникѣ Изангринѣ ¹⁾.

Небольшое историческое значеніе имѣетъ также и то, что Козьма сообщаетъ намъ о Болеславѣ I на основаніи устнаго преданія. Разказъ о томъ, какъ у него во время пира, запятнаннаго братоубійствомъ, родился сынъ (I, 17), несомнѣнно слѣдуетъ понимать не иначе, какъ позднѣйшаго времени попытку объяснить происхожденіе необычайнаго имени Страхкваса. Также и въ разказѣ объ основаніи Ста-

¹⁾ Сравни различныя относительно этого вопроса мнѣнія: *Dobner*, Ad App. Науч., III, 624 и слѣд., IV, 49; *Büdinger*, Zur Kritik altböhm. Gesch., I, с., стр. 517, и *Oesterr. Gesch.* I, 311; *Ginzel*, I, с., стр. 132 примѣч., стр. 134 примѣч. 4; *Dudík*, II, стр. 11 примѣч. 1; *Frind*, Kirchengeschichte, стр. 42. Большинство относить освященіе къ 939 г., что, однако, не возможно: съ одной стороны вслѣдствіе указанной нами причины, съ другой же потому, что въ это именно время Болеславъ велъ ожесточенную войну съ Германіей, и Изангринъ врядъ ли бы могъ отважиться въ такую опасную минуту отправиться во вражескую страну.

раго Болеслава единственный достовѣрный фактъ самое названіе города, который получилъ названіе отъ своего основателя, а равно и сохранившіяся съ того времени городскія стѣны ¹⁾: *Et statim ad ducis voluntatem aedificavit civitatem spisso et alto muro, opere Romano, sicut hodie cernitur, quae ex nomine sui conditoris Boleslav dicitur* (I, 19). Весьма вѣроятно, что въ этомъ разказѣ сохранилось слабое воспоминаніе о подчиненіи чешскихъ племенныхъ князей Болеславомъ ²⁾. Во всякомъ же случаѣ мы изъ него видимъ, что народное сказаніе этого времени не можетъ имѣть большаго притязанія на историческую достовѣрность, чѣмъ для событій XI ст. Историческую основу и здѣсь составляютъ памятники или имена, съ которыми сказаніе находится въ тѣснѣйшей связи.

О другихъ злодѣяніяхъ Болеслава Козьма умалчиваетъ, не находя ихъ, какъ онъ самъ говоритъ (I, 19), съ одной стороны достойными упоминанія, съ другой же не имѣя о нихъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. „Вообще князь этотъ Болеславъ — если онъ можетъ быть названъ княземъ—безбожникъ и тиранъ, хуже Ирода, страшнѣе Нерона, превосходнѣ Деція въ жестокости, почему онъ и получилъ прозвище „Жестокаго“. Весь разказъ Козьмы свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало популяренъ князь этотъ былъ у дворянства и духовенства. Первому онъ сталъ ненавистенъ черезъ его энергичныя враждебныя дѣйствія, направленныя противъ князей отдѣльныхъ мелкихъ родовъ, тогда какъ духовенство не могло его любить изъ-за того, что онъ не оказывалъ должнаго отпора притязаніямъ нѣмецкаго клира, но еще болѣе или главнымъ образомъ, какъ убійцу св. Вячеслава. Народное сказаніе воспользовалось его твердымъ и рѣзкимъ характеромъ, особенно же нерасположеніемъ къ нему духовенства, для того чтобы выставить его образцомъ жестокости. О его внѣшней политикѣ и войнахъ съ Оттономъ I народное сказаніе ничего не сообщаетъ, между тѣмъ какъ онъ и въ Германіи пользовался столь большимъ значеніемъ, что современные нѣмецкіе лѣтописцы прямо называютъ его „королемъ Чехіи“ ³⁾.

Изъ временъ Болеслава II вниманіе Козьмы привлекаетъ къ себѣ болѣе всего учрежденіе Пражскаго епископства. Общепринятое мнѣніе было то, что въ своемъ разказѣ объ учрежденіи епископства Козьма

¹⁾ Dobner, Ad Ann. Hayec, III, 458. Schaller, l. c., IV, 104 и слѣд.

²⁾ Сравни Tomek, O star. rozd. Čech, къ Časopis 1859, стр. 190—191.

³⁾ Bädinger, Oesterr. Gesch. I, 314.

опирался на два документа, а именно: на буллу папы Іоанна XIII (I, 22) и учредительную грамоту времени Оттона I и Венедикта VI (II, 37).

Что, во первыхъ, касается такъ-называемой буллы Іоанна XIII, то уже Ассеманъ ¹⁾ усомнился въ ея подлинности, хотя онъ этотъ вопросъ въ общемъ затронулъ лишь довольно поверхностно. Остоятельнѣе высказался Пубичка ²⁾, по мнѣнію котораго на подложность буллы главнымъ образомъ указываетъ встрѣчающееся въ ней опредѣленіе, чтобы новый епископъ былъ избранъ: *verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Sclavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica*. Такъ какъ болгары въ то время еще не принадлежали къ римской церкви, а руссы даже вообще еще не приняли христіанства, то, конечно, въ этой буллѣ о нихъ и не могло быть упомянуто. Мнѣніе это въ общемъ раздѣляютъ Добровскій ³⁾, Кёпке ⁴⁾, Дюилеръ ⁵⁾, Яффе ⁶⁾, Эрбенъ ⁷⁾ и Лозертъ ⁸⁾. Помимо указаннаго обстоятельства, въ буллѣ встрѣчается еще одно затрудненіе, именно вопросъ—къ какому году она должна быть приурочена и къ кому она обращена. По наиболѣе распространенному мнѣнію ⁹⁾, булла относится къ 967 г. и предназначена для Болеслава I, котораго она, однако, не застала болѣе въ живыхъ, когда была получена въ Прагѣ. Гинцель ¹⁰⁾, напротивъ, старается доказать, что она была написана не ранѣе, какъ въ 972 г., и обращена уже къ Болеславу II. Наконецъ, Палацкій ¹¹⁾ высказы-

¹⁾ *Kalendaria Eccl. universae* III, стр. 160 сл.: *quaemadmodum Cosmas Pragensis ex depravato eiusdem Johannis Papae diplomate tradit* и т. д.

²⁾ *Chron. Gesch.* III, стр. 8 и слѣд.

³⁾ *Gesch. d. böhm. Sprache u. Literatur. Prag. 1818*, стр. 50. Сравни *Kritische Versuche*, I. c., III, 13.

⁴⁾ *MM. G. SS.* IX, pag. 49, adn. 28.

⁵⁾ *Pilgrim v. Passau*, стр. 175. Сравни Кёпке-Dümmeler, *Otto d. Gr.*, стр. 503, примѣч. 1, гдѣ мнѣніе его является до известной степени видоизмѣненнымъ: „*Auffallen! blieb mir die Erwähnung der Russen, wenn nicht die Annahme nahe läge, dass deren Namen erst später eingeschoben sei*“.

⁶⁾ *Regesta Pont. Rom.*, p. 947., n. 370.

⁷⁾ *Regesta Boh.* I, 29, n. 67.

⁸⁾ *Studien zu Cosmas von Prag*, I. c., стр. 20 и слѣд.

⁹⁾ *Dobner*, *Ad Ann. Hayec.*, IV, 177 и слѣд.—*Wattenbach*, *Slavische Liturgie*, I. c., стр. 226.—*Dudik*, *M. G.*, II, 35 и слѣд.

¹⁰⁾ I. c., *Anhang*, стр. 79.

¹¹⁾ *Würdigung*, стр. 26 и слѣд.

ваетъ довольно произвольное предположеніе, что Козьма посланіе воспроизвелъ изъ памяти, не справившись съ подлинникомъ въ княжеской канцеляріи.

По нашему мнѣнію, для ознакомившагося съ образомъ изложенія Козьмы въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Козьма вовсе не хотѣлъ передать намъ документъ. Если ему гдѣ-либо приходится сослаться на документъ, онъ каждый разъ ясно на то указываетъ, какъ на примѣръ, *Privilegium Moraviensis ecclesiae* (I, 15), *Privilegium ecclesiae sancti Georgii* (I, 22), *Privilegium Pragense episcopatus* (I, 34). Наилучшимъ доказательствомъ, какъ Козьма пользуется документальными источниками, можетъ служить привилегія 1086 г. (II, 37), которую онъ приводитъ дословно, съ обозначеніемъ числа и даже именнаго знака. Съ другой стороны онъ нерѣдко въ своемъ разказѣ, подобно Саллюстію, избираетъ форму рѣчей и посланій. Подтвержденіемъ могутъ служить, на примѣръ, рѣчь, обращенная Чехомъ къ его спутникамъ (I, 2), рѣчь Любуши (I, 5), рѣчь Тира (I, 13), рѣчи, произносимыя на смертномъ одрѣ Болеславомъ II (I, 33) и Бретиславомъ I (II, 13), далѣе посланіе Болеслава II къ императору Оттону (I, 23), посланіе маркграфини Матильды Тосканской къ герцогу Вельфу (II, 32) и т. д. Такъ какъ въ приведенныхъ случаяхъ онъ иногда прямо говоритъ, что для повѣствованія онъ пользовался одними народными сказаніями, то, разумѣется, рѣчи и посланія не могутъ быть понимаемы, какъ дословно точныя передачи, и объясняются единственно присущимъ ему своеобразнымъ слогомъ. То же самое и съ такъ-называемой буллою папы Іоанна XIII. Козьма здѣсь вовсе не имѣетъ въ виду передать намъ документъ, какъ полагаютъ одни, и съ другой стороны также и не совершаетъ завѣдомаго подлога, какого мнѣнія держатся другіе, но просто опирается на преданіе Пражскаго духовенства, сообщая его въ видѣ посланія. Ни по содержанію, ни по внѣшней формѣ посланіе не отвѣчаетъ папской буллѣ; оно безъ подписи и безъ означенія числа, при чемъ Козьма самъ мѣтко обозначаетъ его происхождение словами: *literae quatum formula huiusmodi fuit*.

Что настоящее учрежденіе пражскаго епископства должно быть приурочено къ 974 г., ко времени папы Венедикта II, нами уже было выше доказано. Преданіе клира Пражской соборной церкви связываетъ его съ именемъ папы Іоанна XIII (съ 965 г. по 27-го сентября 972 г.). Не желая прямо оспаривать, что уже первый папа далъ согласіе на учрежденіе въ Прагѣ епископства, мы, однако, болѣе вѣ-

роятнымъ считаемъ, что преданіе опирается на другой документъ, на который ссылается и Козьма, точно его обозначая, именно на привилегію церкви св. Георгія. Согласно *Privilegium ecclesiae sancti Georgii* (I, 22), Болеславъ II въ Чехіи заложилъ двадцать христіанскихъ храмовъ, щедро снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ для богослуженія. Первой аббатиссой женскаго монастыря, устроеннаго при вышеупомянутой церкви, была сестра Болеслава — Млада. По разказу Козьмы, она отправилась въ Римъ на богомолье, была привѣтливо принята папой и за время своего пребыванія тамъ достаточно обучена монастырскому уставу. Затѣмъ папа посвятилъ ее въ аббатиссы, далъ ей правило святаго Венедикта и пастырскій жезлъ въ знакъ ея достоинства. Получивъ апостольское благословеніе, она поспѣшила въ обратный путь, чтобы принести въ Чехію новое монастырское правило, и вручила брату папское посланіе объ учрежденіи епископской кафедръ при церкви св. Вита и женскаго монастыря при церкви св. Георгія, подъ настоятельствомъ аббатиссы Маріи. Во всемъ этомъ разказѣ первое мѣсто занимаетъ учрежденіе не епископства, а названнаго монастыря. Учрежденіе должно было послѣдовать, какъ повѣствуетъ Козьма, не по обряду болгарскаго или русскаго народовъ, не по славянскому языку, но по латинскимъ опредѣленіямъ апостольскаго престола, при чемъ Козьма въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду ненавистный ему славянской Сазавскій монастырь, которому въ его время покровительствовалъ Вратиславъ. Сопоставляя всѣ эти обстоятельства, мы должны придти къ заключенію, что въ основѣ преданія лежала упомянутая привилегія церкви св. Георгія, въ которой основателемъ монастыря называется папа Іоаннъ XIII. Преданіе любило соединять съ именами отдѣльных лицъ многія не одновременныя событія; такимъ образомъ, по преданію могло оказаться, что при Іоаннѣ XIII учреждена не только церковь св. Георгія, но и епископія, на самомъ дѣлѣ учрежденная нѣсколько времени спустя.

Перехода далѣе къ *Privilegium Pragensis episcopatus*, на которую ссылается Козьма (I, 34), слѣдуетъ отмѣтить, что привилегія эта большей частью сохранилась въ позднѣйшемъ документѣ отъ 1086 г. ¹⁾ Козьма сообщаетъ также дословное содержаніе послѣдняго (II, 37); кромѣ того, онъ сохранился въ копіи Мюнхенскаго

---

¹⁾ Cosmas, II, 37: novum antiquo fere eiusdem tenoris addit privilegium.

имперскаго архива ¹⁾). Изъ сравненія обоихъ списковъ получается весьма важный для критики Козьмы результатъ, именно тотъ, что документъ переданъ имъ, за исключеніемъ незначительныхъ отступленій, слово въ слово. Основой документа была, какъ Козьма самъ упоминаетъ, означенная древнѣйшая привилегія Пращскаго епископства изъ временъ Болеслава II: *privilegium a sancto Adalberto episcopo, confirmatum tam a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore* (II, 37). Эта извѣстная Козьмѣ и въ позднѣйшемъ документѣ намъ почти дословно переданная (*fere eiusdem tenoris*) привилегія до послѣдняго времени всѣми учеными считалась за первоначальную, учредительную грамоту Пращскаго епископства и, какъ таковая, составляла предметъ не меньшихъ толкованій, чѣмъ такъ-называемая була папы Іоанна XIII. Одни, прежде всего чешскіе ученые, пытались устранить затрудненія, являющіяся при отнесеніи документа въ 973 или 974 году. Они шли еще дальше, не признавая встрѣчающіяся въ документѣ географическія опредѣленія во всемъ ихъ объемѣ за границы епархіи, но видя въ нихъ политическія границы государства Болеслава II ²⁾). Другіе ученые, преимущественно нѣмецкіе, наоборотъ, старались доказать, что эта первоначальная привилегія Пращскаго епископства—подложная ³⁾). Приводимые противъ

¹⁾ *Stumpf*, Die Reichskanzler vornehmlich des X, XI u. XII Jahrh., III, p. 79—81, n. 76; сравни II, p. 240, n. 2882. Сравни *Kalousek*, Druhá kopie císařské listiny na sjednocení diecese Olomoucké v Pražskou, v Sitzungsber. d. k. b. G. d. W. in Prag, 1883, стр. 114 и слѣд.

²⁾ *Dobner*, Ad. Ann. Hayec., IV, стр. 214 слѣд.—*Bandtke*, Erläuterung der Urkunde Kaiser Heinrich IV über die Verleihung der Bisthümer Prag und Ollmütz 1086, в Schlesische Provinzialblätter, томъ 94 (1831), стр. 395 и слѣд., 487 и слѣд.—*Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 252 и слѣд.—*Tomek*, Apologie, I, c., стр. 16 и слѣд. — *Dudík*, Des Herzogthums Troppau ehemalige Stellung zur Markgrafschaft Mähren. Wien. 1857, стр. 2, 230 и слѣд. Beilage II; M. G. I, стр. 313 и слѣд., II, стр. 40 и слѣд.—*Roepell*, Gesch. Polens, I, стр. 108, 143 и слѣд., 639 и слѣд.

³⁾ Urgeschichte Schlesiens, в Schlesische Provinzialblätter, томъ 54 (1816), стр. 406, примѣч. — *Lelewel*, Narody na ziemiach sławiańskich. Poznań 1853, стр. 711 и слѣд.; — Polska wieków średnich. Poznań 1856, томъ II, стр. 147, примѣч. 42;—сравни также Zdobycze Bolesława Wielkiego, в Tygodnik Wileński, 1816, II, стр. 1 и слѣд. (№ 27), 49 и слѣд. (№ 30).—*Dümmler*, Pilgrim v Passau, стр. 173, примѣч. 9.—*Giesebrecht*, G. d. d. K., томъ I (1855), стр. 789; — сравни Jahrb. d. d. R. u. Otto II, Excurs II, стр. 123 и слѣд. — *Büdinger*, Oesterr. Gesch., I, стр. 314, примѣч. 4. — *Zeissberg*, Miscos I, I, c., стр. 79 и слѣд.

нея доказательства и доводы частью внѣшняго, частью внутренняго свойства. Первые касаются непонятныхъ хронологическихъ датъ привилегіи, такъ какъ св. Адальбертъ (съ 982 г.) не могъ быть современникомъ императора Оттона I (до 23-го мая 973) и папы Венедикта II (до іюля 974 г.). Вторыя направлены на встрѣчающіяся въ привилегіи географическія указанія, при чемъ выставляется на видъ, что Моравія около этого времени никакъ не могла принадлежать къ Пражскому епископству и что, вдобавокъ, сѣверныя границы послѣдняго не совпадаютъ съ границами Цейцкой, Мерзебургской и Мишенской епархій. Далѣе всего идетъ, наконецъ, въ своихъ утвержденіяхъ Лозертъ ¹⁾, который весь документъ во всемъ его объемѣ признаетъ за подлогъ епископа Гебгарда (Яромира) и, соотвѣтственно этому, всѣ сдѣланные на основаніи его выводы совершенно отвергаетъ. Калоузекъ ²⁾ пытался было ослабить доводы Лозерта, но на самомъ дѣлѣ онъ ограничился лишь повтореніемъ мнѣній, высказанныхъ его предшественниками, главнымъ образомъ Томкомъ. Если не приводить другихъ доказательствъ въ пользу подлинности разсматриваемаго документа, то онъ, не смотря на всѣ толкованія и попытки объясненія, конечно, долженъ будетъ считаться за подложный.

Въ нашей, уже ранѣе упомянутой статьѣ объ учредительныхъ грамотахъ Пражскаго епископства мы въ подробности указали на происхожденіе этой привилегіи ³⁾. Первоисточникомъ ея было разсмотрѣнное нами *Privilegium ecclesiae Moraviensis*, грамота моравскаго архіепископства св. Меодія отъ 880 г. Восточной границей епархій являлась въ то время рѣка Вагъ, которая отдѣляла ее отъ Нейтрайнской епархій и вполнѣдствіи оставалась политической границей со стороны Венгріи. На югъ она простиралась до Дуная, отъ устья Марха до устья Кампа. На западѣ рѣка Кампъ и Чешскій лѣсъ отдѣляли ее отъ Пассавской и Регенсбургской епархій. На сѣверѣ епархія простиралась до Рудныхъ горъ и рѣки Бобра, которая въ то же время являлась границей между поляками и славянами, жившими на Эльбѣ. За то по направленію къ сѣверо-востоку границы оставались открытыми, какъ то, впрочемъ, было во всѣхъ

¹⁾ Der Umfang des böhm. Reiches u. Boleslaw II, I. c., стр. 23 и слѣд.

²⁾ Ueber den Umfang des böhm. Reiches u. Boleslav II, въ Sitzungsber. d. k. b. G. d. W. in Prag, 1883 г., стр. 26 и слѣд., по чешски въ Sborník historický 1883.

³⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы опираемся исключительно на эту статью, потому здѣсь не считаемъ нужнымъ приводить обстоятельную аргументацію.

епархіяхъ, находившихся въ языческихъ земляхъ, для безпрепятственнаго распространенія христіанской церкви среди язычниковъ. Тѣ же самыя географическія опредѣленія, какія существовали для великаго моравскаго архіепископства, сто лѣтъ спустя составляли основу епархіи св. Адалберта. На приводимыя въ новой привилегіи этой епархіи границы не только слѣдуетъ смотрѣть, какъ на подтвержденіе привилегіи прежняго архіепископства св. Меѳодія, но и на самую епархію, какъ на возобновленіе и возстановленіе моравскаго архіепископства, которое она имѣла замѣстить.

Въ 974 г. возникло Пражское епископство и, вѣроятно, около этого времени произошло и учрежденіе епископской каѳедры для Моравіи; по крайней мѣрѣ, въ 976 г. мы тамъ уже встрѣчаемъ отдѣльнаго епископа ¹⁾. О размѣрахъ обѣихъ епископій намъ ничего не извѣстно, такъ какъ ни ихъ учредительныя грамоты не сохранились, ни вообще какихъ либо свѣдѣній о нихъ не имѣется, хотя врядъ ли будетъ ошибкою предположить, что границы ихъ не заходили за естественныя границы самой земли. Еще во второй половинѣ 974 г., по извѣстію *Annales Altahenses* ²⁾, Болеславъ II отложился отъ Оттона II, заключилъ противъ него союзъ съ Генрихомъ II Баварскимъ и Мечиславомъ Польскимъ. Настоящія причины отпаденія неизвѣстны, но такъ какъ оно случилось непосредственно за учрежденіемъ епископства, то само собой возникаетъ предположеніе, что послѣднее должно было непременно находиться въ тѣсной связи съ перемѣной въ политикѣ Болеслава. Учрежденіе въ Моравіи епископской каѳедры обмануло Болеслава въ его надеждахъ, возлагавшихся на него, когда скончался Оттонъ I, на его преемника Оттона II и, соединившись съ Генрихомъ, онъ безспорно отъ послѣдняго ожидалъ для себя большихъ выгодъ. Послѣ успѣшной борьбы съ нѣмцами, на Пасхѣ 978 г., наконецъ, состоялось примиреніе между нимъ и импе-

¹⁾ Quapropter auctoritate ipsius, astipulantibus quoque assessoribus nostris venerabilibus episcopis, Spirensi, Wormatiensi, Pragensi, Moraviensi.... *Восчек*, I, p. 97, n. 13, *Erben*, I, p. 31, n. 72. Сравни *Boehmer*, Reg. arch. Mogunt., I, p. 119.—*Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 261, примѣч. 255, даетъ крайне неудачное объясненіе, что подъ епископъ Моравіенсисъ слѣдуетъ разумѣть епископа Меррейскаго графства въ Шотландіи.—Уже и Козьмъ для древнѣйшаго времени называетъ моравскій епископъ: Fertur autem, quod fuisset in Moravia ante tempora Severi quidam episcopus, ut reor, nomine Wracen (II, 21).

²⁾ MM. G. SS., XX, 787: Eodem anno (974) Heinricus dux Bawariorum et Abraam episcopus inierunt consilium cum Bolizlavone et Misigone, quomodo imperatori suum regnum disperderent.

раторомъ: Болеславъ былъ принятъ при императорскомъ дворѣ съ большими почестями и вернулся оттуда домой съ богатыми подарками ¹⁾. Неудачи послѣдующихъ годовъ въ сѣверной Германіи, гдѣ на князей нельзя было положиться и среди покоренныхъ Оттономъ I славянскихъ племенъ грозило вспыхнуть серьезное возстаніе, война въ Италіи, поглощавшая всѣ главныя военныя силы, — все это заставляло императора сильно желать союза съ могучимъ чешскимъ княземъ и склонять его къ соглашенію на предъявляемыя послѣднимъ притязанія, въ томъ числѣ на восстановление древней моравской епархіи св. Меодія, съ перенесеніемъ митрополи въ Прагу. Хотя съ одной стороны новоучрежденіе обширной славянской епархіи и могло внушать нѣкоторыя опасенія, но за то съ другой самая личность Адальберта несомнѣнно являла достаточное ручательство въ томъ, что онъ, въ качествѣ преемника св. Меодія, будетъ стоять на стражѣ интересовъ Германіи: онъ былъ не только воспитанъ въ преданіяхъ латинской церкви и всецѣло преданъ нѣмецкому духовенству, но, вдобавокъ, находился въ родствѣ съ императоромъ, и уже потому, а также какъ потомокъ враждебнаго Премысловичамъ чешскаго рода, обѣщаль быть и надежнѣйшимъ оплотомъ противъ эманципационныхъ стремленій Болеслава. Честолюбіе Майнцскаго архіепископа Виллигиса, который видѣлъ вознагражденіе за причиненный славянамъ на Эльбѣ черезъ учрежденіе Магдебургской митрополи ущербъ въ возможности новой миссіонерской дѣятельности на востокъ, сумѣло разсѣять послѣднія сомнѣнія. Въ 982 г. Адальбертъ былъ избранъ епископомъ и на слѣдующій годъ, на сеймѣ въ Веронѣ, утвержденъ Оттономъ и рукоположенъ Виллигисомъ ²⁾. Здѣсь же, вѣроятно, предоставлен-

¹⁾ Lamb. Ann., MM. G. SS. III, 65: A. 978. Ad imperatorem Ottonem venit in pascha Bolislawo; qui honorifice susceptus magnisque muneribus ab imperatore oneratus, rediit domum. Сравни Ann. Altah. maj., MM. G. SS. XX, 788.

²⁾ Cosmas, I, 26: Ea tempestate rediens de Saraceno bello adiit Veronam urbem praeclentissimus imperator Otto secundus.... Ad quem Sclavonica manus Boemiae cum electo pergit episcopo, ferens ex parte ducis legationem ac totius cleri atque populi petitionem, quo imperiali nutu eorum communem confirmaret electionem. Igitur serenissimus imperator descendens eorum dignae petitioni III. Non. Iulii dat ei annulum et pastoralementem virgam: et, cuius suffraganeus erat, Willigisus, Maguntinus archipraesul, qui ibi forte aderat, iussu imperatoris consecrat eum in episcopum nomine Adalbertum.... Consecratus autem III Kal. Iulii. Сравни Canaparius, с. 8 (FF. R. B., I, 241) и Brun., с. 9 (ibid., 270 и слѣд.). Присутствіе Оттова II въ Веронѣ съ 1-го по 17-е іюня 983 г. документально удостовѣрено. *Böhmcr*, Reg. reg. atque imp. rom., p. 33, nn. 605—618; *Stumpf*, Reichskanzler, II, 73—74.

ная Адалбертомъ привилегія епархіи св. Меодія была вновь утверждена для Пражской епископіи и тѣмъ самымъ возобновлено древнее моравское архіепископство въ его прежнемъ объемѣ. Но въ то время какъ св. Меодиёмъ были введены славянскій языкъ и обрядъ богослуженія, въ Адалбертѣ видѣли челоуѣка, который ихъ не только вытѣснить, но вообще будетъ стараться на пользу миссіи латинской церкви на востокѣ. Различіе въ направленіи этихъ двухъ славянскихъ апостоловъ весьма мѣтко опредѣлено въ позднѣйшемъ прибавленіи къ паннонскому житію св. Кирилла: „Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Воитѣхъ въ Мораву, и въ Чехы, и въ Ляхы, разруши вѣру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епискупы и попы исьсѣче“¹⁾.

Итакъ, относя разсматриваемую грамоту къ 983 г., мы тѣмъ самымъ отстраняемъ всѣ приводимые противъ нея доводы и сомнѣнія въ его подлинности. Въ это время Адалбертъ былъ уже епископомъ, тогда какъ папа Бенедиктъ III (не Бенедиктъ II) скончался только въ октябрѣ того же года. Для упомянутого года, далѣе, возраженія противъ сѣверныхъ границъ епархіи не состоятельны; что же касается Моравіи, то для нашего предположенія врядъ ли найдется лучшее подтвердительное доказательство, чѣмъ извѣстія въ *Granum catalogi episcoporum Olomucensium*. Тамъ значится: *Tempore S. Adalberti, Pragensis episcopi secundi, anno episcopatus sui tertio, Moraviensis episcopatus Pragensi episcopo Benedicti Papae VII, Ottonis imperatoris II confirmatione et Pii Boleslai ducis Bohemiae consensu accedente usque ad tempora Severi episcopi Pragensis VI et Wratislai ducis Boemiae fuit unitus*²⁾. За симъ остается лишь одинъ могущій вызвать сомнѣніе фактъ, именно тотъ, что привилегія была утверждена Оттономъ I, но нами уже было указано, что черезъ него именно и весь вопросъ запутался и что на слово „*primo*“ *Ottone* слѣдуетъ смотрѣть какъ на ничтожную канцелярскую описку, которая произошла не при составленіи грамоты 983 г., но лишь при позднѣйшей 1086 г. Изъ вышеприведеннаго нельзя не придти къ выводу, что хроника Козьмы касательно этой привилегіи не содержитъ

¹⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1863, II, стр. 32.

²⁾ *Dudík*, стр. 63, примѣч. 1. Единственной неточности этихъ извѣстій, именно, что соединеніе обвѣхъ епархій относится къ 3-му году епископа Адалберта, между тѣмъ какъ оно произошло во 2-мъ, нельзя придавать слишкомъ большаго значенія.

никакихъ противорѣчій, ниже подлога, но что, наоборотъ, вопреки яснымъ утвержденіямъ Козьмы, затрудненія возникли лишь черезъ новѣйшихъ ученыхъ, искавшихъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ вовсе не было.

Содержащіяся въ привилегіи указанія чрезвычайно важны, главнымъ образомъ для внутренней исторіи Чехіи IX ст., не только отчасти подтверждая, но въ то же время во многомъ и дополняя извѣстія Козьмы. Согласно привилегіи, страна является обитаемой многими небольшими племенами, имена коихъ приводятся ¹⁾. Такимъ образомъ она служитъ новымъ доказательствомъ тому, что сообщаемыя Козьмой извѣстія даже до временъ крещенія Боривою не лишены извѣстнаго историческаго содержанія.

Козьма считаетъ приводимыя въ привилегіи епархіальныя границы совпадающими съ политическими границами Чехіи, какъ онъ уже раньше ошибочно отождествляетъ границы моравскаго архіепископства съ границами великоморавскаго царства Святополека (I, 14). Онъ прямо говоритъ: *Hic gloriosissimus dux, secundus Bolezlaus.... in quantum ampliando dilataverit ferro sui terminos ducatus, apostolica testatur auctoritas in privilegio eiusdem Pragensis episcopatus* (I, 34). И въ другомъ мѣстѣ онъ опирается, какъ видно изъ сопоставленія соотвѣтственныхъ извѣстій, ниже приводимыхъ, также только на указанія, встрѣчающіяся въ томъ же документѣ:

II, 37.

Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Cracova civitate provinciaque, cui Wag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Cracova est. Inde Ungarorum limitibus additis usque ad montes, quibus nomen est Tritri, dilatata procedit.

I, 33.

Huius regni terminos ego dilatavi usque ad montes, qui sunt ultra Krakov, nomine Trytri.

Безъ сомнѣнія, нельзя признать лишь случайностью, что въ привилегіи сообщается объ утвержденіи вновь для Пражской епископіи необычайно обширныхъ границъ моравской епархіи, такъ какъ Болеславъ II въ это время на самомъ дѣлѣ подъ своей властью соединялъ большую часть этихъ странъ и возобновленіемъ архіепископской епархіи св. Меодія старался придать большее единство своему царству. Помимо обстоятельно нами поясненныхъ извѣстій Титмара,

¹⁾ Смотри въ нашей статьѣ стр. 319 и слѣд.

русской лѣтописи и др. источниковъ о размѣрахъ чешскаго государства около 980 г., имѣется еще до сихъ поръ намъ оставшееся не извѣстнымъ свидѣтельство испанскаго еврея Ибрагима ибн-Якуба, которій около 965 г. обошелъ сѣверо-восточныя славянскія земли и изъ путешествія котораго арабскій писатель ал-Бекри († 1094) намъ сохранилъ довольно значительныя выдержки. Въ одномъ мѣстѣ имъ сообщается, что Болеславъ (значить, еще первый) король Праги, Чехи и Кракова; другой разъ онъ говоритъ, что страна Болеслава тянется въ длину отъ города Праги до города Кракова, какое разстоянiе равняется трехнедѣльному пути ¹⁾. Между тѣмъ указанныя въ привилегии рѣки Бугъ и Стирѣ являлись только границей епархiи *in partibus infidelium* и должны быть принимаемы исключительно за границы вновь утвержденнаго моравскаго архіепископства; миссіонерская дѣятельность св. Меодiя по направленiю къ сѣверо-западу не была естественно ограничена и, по господствовавшему представленiю, она простиралась до упомянутыхъ рѣкъ. Но такъ какъ область эта принадлежала къ Червонной Руси, которая въ 981 г. была покорена Владимiромъ, то, конечно, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать рѣзкое отличiе церковныхъ границъ отъ политическихъ.

Преданiе церкви и народа выставляетъ Болеслава II на столько же образцомъ могучаго христіанскаго князя, на сколько оно изображаетъ Болеслава I, убійцу своего брата и грознаго укротителя непокорной знати, безчеловѣчнымъ тираномъ и угнетателемъ свободы. Это побуждаетъ Козьму восхвалять его, въ противоположность къ Болеславу I, давая своему воображенiю полную свободу. „Его одноименный сынъ, наслѣдовавшій ему во власти, совсѣмъ не походилъ на него своими добрыми нравами и праведной жизнью. О чудесная благодать Божія! Какъ неисповѣдимы твои совѣты! Вотъ, ежевика производитъ виноградъ, тѣрнъ розу, колючіе плевелы, благородную фигу. Такъ отъ братоубійцы родится почитатель христіанской вѣры, отъ волка агнецъ, отъ тирана кроткій, отъ безбожнаго князя Болеслава благочестивый второй князь Болеславъ, въ правдивости никому не уступающій. И одно имя съ злодѣйскимъ отцомъ не пачкаетъ его, въ сердцѣ у котораго горитъ настоящая и чистая любовь Христа; равно какъ многіе получаютъ имя по святымъ и все-

¹⁾ Извѣстія ал-Бекри о славянахъ и ихъ сосѣдяхъ, изд. и перев. В. Розень, въ Запискахъ И. Академіи Наукъ, т. XXXII, прилож. 2, стр. 47, 48 и слѣд.

таки не достигаютъ ихъ святости, потому что какъ святость, такъ и безбожіе человѣка познается не изъ его имени, а изъ его дѣлъ“ (I, 21).

Уже Лозертъ ¹⁾ указалъ, что Козьма дальнѣйшую характеристику Болеслава II (I, 22 и 33) заимствовалъ почти дословно изъ изображенія Людовика Благочестиваго въ хроникѣ Регинаона ²⁾. Нѣкоторыя мѣста, происходящія изъ того же источника, однако, ускользнули отъ его вниманія. Сходство замѣтно въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Regino ad a. 874. MM. G. SS., I, p. 586.

..... ut animi magnitudine viriumque gloria inter suos nulli videretur esse secundus.

ad a. 868, p. 580.

Hludowicus, christianissimus rex . . . .

ad a. 888, p. 598

Fuit vero hic christianissimus princeps

ad a. 876, p. 588.

Fuit autem iste princeps christianissimus, fide catholicus, non solum secularibus, verum etiam ecclesiasticis disciplinis sufficienter instructus; quae religionis sunt, quae pacis, quae iustitiae, ardentissimus executor. Ingenio callidissimus, consilio providentissimus, in dandis sive subtrahendis publicis dignitatibus discretionis moderamine temperatus: in proeliis victoriosissimus, armorum quam conviviorum apparatus studiosior, cui maximae opes erant instrumenta bellica, plus diligens ferri rigorem quam auri fulgorem. Apud quem nemo inutilis valuit, in cuius oculis perraro utilis displicuit, quem nemo muneribus corrumpere potuit, ad quem nullus per pecuniam ecclesiasticam sive mundanam dignitatem obtinuit, sed magis ecclesiasticam probis moribus et sancta conversatione, mundanam devoto servitio et sincera fidelitate. Habuit autem hic gloriosissimus rex, cuius memoria in benedictione est, reginam Hemmam sibi in matrimonium

Cosmas I, 21.

De impio Bolezlao nascitur Boleslaus dux, nulli secundus.

I, 22.

Erat autem iste princeps, secundus Boleslaus, vir christianissimus, fide catholicus, pater orphanorum, defensor viduarum, gentium consolator, clericorum et peregrinorum pius susceptor, ecclesiarum dei praecipuus fundator.

I, 32.

Quae iustitiae, quae catholicae fidei, quae christianae religionis sunt, erat ardentissimus executor, apud quem nullus mundanam dignitatem obtinuit per pecuniam. Fuit etiam, ut res probat, in proeliis victoriosissimus victor, sed victis clementissimus indultor atque praecipuus pacis armator. Cui erant maximae opes bellica instrumenta et dulcia armorum studia. Nam plus diligebat ferri rigorem quam auri fulgorem, in cuius oculis nemo utilis displicuit, nunquam inutilis placuit, suis mitis, hostibus terribilis fuit. Habuit autem hic gloriosissimus dux Hemmam

¹⁾ Studien zu Cosmas von Prag, стр. 11 и слѣд.

²⁾ MM. G. SS., I, 580—591.

iunctam, quae nobilis genere fuit, sed, quo magis laudandum, nobilitate mentis multo praestantior; ex qua tres filios suscepit excellentissimae indolis, videlicet Carlomanum, Hludovicum et Carolum, qui felici sorte post discessum patris imperii moderati sunt gubernacula.

ad a. 880, p. 591.

Plurima quippe bella gessit, semperque victoriae triumphum reportavit; terminos imperii sui ampliando ferro dilatavit.

sibi in matrimonio iunctam, quae genere ceteris nobilior, sed quod magis laudandum est, nobilitate morum multo praestantior. Ex qua duos filios suscepit elegantissimae indolis, scilicet Wencezlaum et Bolezlaum; Bolezlaus autem post discessum patris sedis suscepit gubernacula principalis.

I, 34.

Hic gloriosissimus rex, secundus Bolezlaus... cuius memoria in benedictione est, in quantum ampliando dilataverit ferro sui terminos ducatus...

I, 33.

Coangustabunt huius regni terminos, quos ego dilatavi ..... per dei gratiam et populi opulentiam.

На основаніи этого Лозертъ приходитъ къ заключенію, что, какъ доказано, ни одно изъ качествъ, приписываемыхъ Козьмой князю Болеславу, на самомъ дѣлѣ ему не принадлежитъ и что даже прозвище „Благочестивый“ заимствовано изъ изображенія Людовика Благочестиваго. Съ этимъ мнѣніемъ мы не находимъ возможнымъ согласиться, такъ какъ Козьма, при изображеніи Болеслава самымъ христіанскимъ княземъ и побѣдоноснымъ покорителемъ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ опираться не только на одно преданіе, но и на древнѣйшіе письменные источники. Присвоенное этому князю прозвище „Pius“ встрѣчается какъ въ отрывкѣ древнихъ пражскихъ анналь, сохранившемся въ *Annales Bohemici*, такъ и въ *Gratum catalogi episcoporum Olomucensium*. Будучи основателемъ многочисленныхъ церквей и, что еще важнѣе, учредителемъ Пражскаго епископства, князь сдѣлался идеаломъ духовенства, которое присвоило ему прозвище „Благочестиваго“. Далѣе, что касается военныхъ подвиговъ его, то указанія въ привилегіи Пражскаго епископства подтверждали значительное пространство Пражской епархіи, границы коей Козьма отождествлялъ съ границами Болеслава царства. Могучее распространеніе чешскаго владычества надъ сосѣдними землями, главнымъ образомъ надъ Моравіей и Польшей, — плодъ многолѣтнихъ войнъ обоихъ Болеславовъ — въ народномъ преданіи связывалось только съ именемъ сына, возстановителя великой моравской епархіи. Положивъ въ основу своего изображенія Болеслава эти два понятія — благочестіе и военную доблесть, Козьма избралъ для себя стилистическимъ

образомъ описаніе Людовика Благочестиваго у Регинона. Сходство въ характерѣ обоихъ князей ему, вѣроятно, казалось тѣмъ больше, что и Людовикъ является у Регинона благочестивымъ и христіанскимъ и въ то же время и побѣдоноснымъ королемъ. Само собой разумѣется, что детали его изображенія не могутъ имѣть притязанія на историческую вѣрность, какъ и другія у него мѣста, которыя или заимствованы изъ классическихъ писателей, или же объясняются присущей ему своеобразной манерой изложенія.

Лозертъ, однако, идетъ еще далѣе, утверждая, что Козьма ставитъ рядомъ съ Болеславомъ и супругу Гемму, которую этотъ никогда и не зналъ. Въ доказательство онъ приводитъ, что съ одной стороны ни въ одномъ некрологѣ, ни въ одномъ спискѣ правителей и вообще какомъ-либо одновременномъ документѣ о княгинѣ не упоминается, тогда какъ, съ другой, мѣсто, въ которомъ Козьма говоритъ о ней (I, 32), являетъ несомнѣнное сходство съ характеристикой королевы Геммы, встрѣчающейся у Регинона. Лозертъ, однако, не обращаетъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что Козьма не только въ этомъ одномъ мѣстѣ, заимствованномъ болѣе или менѣе отъ Регинона, упоминаетъ о Геммѣ, но еще разъ сообщаетъ ея имя при извѣстіи о кончинѣ Болеслава II (I, 33) и, наконецъ, приводитъ даже и годъ ея смерти (I, 39). Последнее тѣмъ болѣе важно, ибо прямо указываетъ на то, что Козьма долженъ былъ имѣть передъ собой замѣтку древнихъ пражскихъ анналь, которую онъ и не преминулъ воспользоваться. Итакъ, упоминаніе у Козьмы чешской Геммы не можетъ быть объясняемо простой выпиской мѣста Регинона, такъ какъ въ такомъ случаѣ слѣдовало бы скорѣе предположить систематически совершенный подлогъ не только въ имени, но также и въ годѣ смерти. Но изъ единственнаго и исключительнаго обстоятельства, что имя княгини не встрѣчается ни въ одномъ одновременномъ извѣстіи, было бы слишкомъ опрометчиво вывести подобнаго рода заключеніе, тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, имя супруги Болеслава I тоже нигдѣ изъ современниковъ не упоминается. Если уже внутреннія причины говорятъ противъ умышеннаго подлога со стороны Козьмы, то несостоятельность такого предположенія еще болѣе доказывается извѣстіемъ Титмара, въ которомъ сообщается о послѣдовавшемъ въ 1002 г. изгнаніи изъ Чехіи Болеславомъ III Яромира и Удальриха съ ихъ матерью ¹⁾. Уже то важное обстоятельство, что супруга Бо-

¹⁾ Thietmar, V, 15, MM. G. SS., III, 797: Interim Bohemiorum dux Bolizlaus, ... Iaremirus fratrem eunuchizans, iunioremque Othelricum in termis suffocare cupiens, una cum matre eosdem patria expulit.

Болеслава II въ 1002 г. была еще въ живыхъ и что событіе падаетъ на время между годомъ смерти этого князя и передаваемымъ Козьмой годомъ смерти Геммы, можетъ служить подтвержденіемъ правильности хронологическаго указанія Козьмы. Къ тому же, подробности упомянутаго изгнанія какъ бы указываютъ на нѣмецкое происхожденіе этой княгини, которое Лозерту представляется сомнительнымъ. Врядъ ли будетъ ошибочно понимать это изгнаніе, равно какъ и послѣдовавшее при вступленіи на престолъ Спитигнева изгнаніе его матери Юдиои, какъ реакцію противъ нѣмцевъ въ Чехіи, тѣмъ болѣе, что о нѣмецкомъ вліяніи свидѣлствуетъ нѣмецкое имя одного изъ сыновей—Удальриха, которое въ домѣ Премышловичей тутъ встрѣчается впервые. Поэтому мы рѣшительно того мнѣнія, что годъ и имя Геммы Козьма зналъ изъ анналь, все же остальное, имъ сообщаемое, исключительно риторическая прикраса, которую онъ заимствовалъ у Регинона.

Вообще, по нашему мнѣнію, не излишне здѣсь надлежащимъ образомъ освѣтить отношеніе Козьмы къ Регинону. По Лозерту оказывается, что будто бы всѣ краткія замѣтки къ годамъ 930—931 и 933—951 самимъ Козьмой заимствованы изъ хроники Регинона. При томъ его, однако, поражаетъ, что Козьма оставилъ пробѣлы для 952—966 гг., тогда какъ ему представлялась возможность ихъ пополнить изъ продолжателя Регинона, какъ имъ отсюда уже были заимствованы извѣстія для предшествующихъ годовъ. Для объясненія непонятнаго ему факта, Лозертъ прибѣгаетъ къ весьма неправдоподобному и смѣлому предположенію, что въ экземплярѣ Регинона, которымъ пользовался Козьма, извѣстія прекращались 951 г. Въ виду сдѣланнаго нами подробнаго разбора происхожденія хроники Козьмы, мы здѣсь ограничимся лишь повтореніемъ одного: единственно возможное объясненіе непонятныхъ краткихъ замѣтокъ, встрѣчающихся въ ней, то, что онѣ не принадлежатъ Козьмѣ, а представляютъ собою добавленія позднѣйшихъ интерполаторовъ. Слѣдовательно, заимствованія Козьмы отъ Регинона не фактическаго, а исключительно стилистическаго свойства. Регинонъ въ данномъ случаѣ ему служилъ такимъ же образцомъ краснорѣчія, какимъ ему изъ древнихъ писателей были Саллюстій и Виргилій. Для того, чтобы нѣсколько разнообразить краткія замѣтки для древнѣйшей исторіи Чехіи, содержащіяся въ древнихъ анналахъ и епископскихъ спискахъ, Козьма снабжалъ ихъ риторическими красотами и звучными стихами, которые онъ часто почти дословно бралъ изъ писателей, служившимъ ему образцами. Болеславъ II былъ извѣстенъ

ему какъ Благочестивый и Побѣдоносный, и это для него совершенно достаточно, чтобы воспользоваться подобной же характеристикой Людовика Нѣмецкаго у Регинона. У послѣдняго онъ нашелъ введеніе, которое и примѣнилъ, на сколько ему показалось нужнымъ, для своей хроники. Только въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ одно заимствование у Регинона, само по себѣ не очень важное, и съ фактической стороны, именно отнесеніе кончины Святополка къ году крещенія Боривоя 894. Мы приходимъ къ заключенію, что относительно 2-й и 3-й книгъ Лозертъ далъ вѣрную оцѣнку отношенія Козьмы къ Регинону, но для 1-й книги онъ его совершенно не понялъ.

На длинную рѣчь, которую Козьма заставляетъ произносить Болеслава II на смертномъ одрѣ, уже прерываемую хрипомъ (I, 33), слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на слабое воспоминаніе преданія объ этомъ князѣ. Козьма передалъ ее въ красивой формѣ, при чемъ онъ и тутъ, какъ раньше въ рѣчи Любуши къ народу, не преминулъ тенденціозно покарать нравы современныхъ ему князей, ихъ гордость и высокомеріе, ихъ жадность и сребролюбіе ¹⁾. Упоминаніе въ ней Карла Великаго и Пипина, какъ улучшителей монетнаго дѣла, мы объясняемъ себѣ неопредѣленнымъ представленіемъ, по которому этотъ императоръ явился виновникомъ многихъ важныхъ устройствъ ²⁾ и улучшеній.

Съ особенно большимъ вниманіемъ Козьма въ своемъ повѣствованіи останавливается также и на личности св. Адальберта. На главный источникъ онъ самъ указываетъ, прибавляя, что не намѣренъ пользоваться имъ всецѣло, изъ опасенія повторить уже связанное: ... scire poterit, qui vitam elus seu passionem legerit. Nam mihi iam dicta bis dicere non placet ista (I, 30). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Козьма имѣлъ предъ собой житіе, составленное аббатомъ монастыря св. Алексія въ Римѣ Кананаріемъ. Нижеслѣдующее сопоставленіе соответствующихъ мѣстъ служитъ опять новымъ доказательствомъ той тщательности, съ которой Козьма пользовался имѣвшимися у него источниками.

Cosmas, I, 25.

Canaparius, c. 7.

Interea rediens philosophiae de-
tritis, ubi decem aut plus militarat
annis...

Quot annis studuit, incertum est; sed
quia saecularis philosophiae sat scientis-
simus erat, novimus omnes.

¹⁾ Palacký, Dějiny, I, 2, стр. 288. — Jireček, Slov. právo, II, 149; Recht in B. u. M., II, 87—88.

²⁾ Сравни Waitz, Deutsche Verfassungsgesch., IV, I (2 изд.), стр. 85, прим. 4.—Loserth, I. c., стр. 28 и слѣд.

I, 26.

Ea tempestate rediens de Saraceno bello adiit Veronam urbem praecellentissimus imperator Otto secundus, pacis amator, iustitiae cultor, gloriosissimo patre primo Ottone gloriosior, qui in omnibus proeliis extitit gloriosissimus victor. Ad quem Selavonica manus Boemiae cum electo pergit episcopo, ferens ex parte ducis legationem ac totius cleri atque populi petitionem, quo imperiali nutu eorum communem confirmaret electionem. Igitur serenissimus imperator condescendens eorum dignae petitioni III Non. Iunii dat ei annulum et pastoraalem virgam: et, cuius suffraganeus erat, Willigisus, Maguntinus archipraesul, qui ibi forte aderat, iussu imperatoris consecrat eum in episcopum nomine Adalbertum. Nam archipraesul Adalbertus Magidburiensis ecclesiae olim confirmans charismate, hoc proprio suo vocitarat eum nomine. Consecratus autem III Kal. Iulii cum suis sequacibus equitat in dulcem patriam, et ut pervenit ad civitatem Pragam nudo pede et humili corde, clero et omni plebe prae laetitia modulante episcopalem obsedit kathedram.

I, 27.

Erat enim (Slavnic) vir laetissimus ad omnes facie, in consilio serenissimus mente, alloquiis blandissimus, locuples divitiis quam secularibus tam spiritalibus. In domo illius honestas fulgebat et sincera dilectio, iudiciorum rectitudo et procerum multitudo. In operibus eius erat legum cognitio, pauperum refectio, moerentium consolatio, peregrinorum receptio, viduarum et orphanorum defensio.

I, 28.

Huic imperatori Adalbertus adeo fuit familiaris et carus obsequiis...

c. 7.

Rediens interea de Sarracino bello, adiit Veronam imperatorius apex, scilicet Otto secundus, cui fuit manus in praelio fortis, in parvo corpore maxima virtus; augustus melior bono patre, et ut fama meminit per omnia cesar christianissimus... Ad hunc ergo Selavonica manus perrexit, ferens legationem de parte ducis, et obtulit electum episcopum, rogans eius manu popularem confirmari electionem. Non minus imperator eorum dignae petitioni adquiescens, dat ei pastoraalem virgam; et, cuius suffraganeus erat, Magentino archipraesuli in episcopum direxit consecrandum. Consecratus ille festo amicorum domini nostri Iesu Christi, Petri et Pauli, multo comitatu equitat in dulcem patriam... Ventum est ad sanctam civitatem Pragam... Ibi tunc novus ille pontifex vincla pedum solvens, nudo pede intrans urbem, hinc humili et contrito corde orationis iura persolvens, magno gaudio civium episcopalem cathedram obsedit.

c. 1.

Igitur in illius finibus erat vir Zlauric nomine, potens in honore et divitiis, amor iustitiae ac operibus misericordiae perrarus civis; vir magnus inter cunctos eius terrae habitatores, auro et argento locupletissimus, inter delicias fidus custos divinae legis, ambulans sollicite iuxta precepta sacerdotum, carus toto populo, sed proprie amicus pauperum... Pro his ergo et his similibus virtutibus honoraverunt eos nobiles et divites et coluerunt maxime pauperum turba.

c. 22.

Christianissimus ille caesar crebro alloquitur sanctum Adalbertum, et habebat eum sibi familiarem, audiens libenter, quaecumque sibi diceret.

I, 29.

Nam praesul Adalbertus videns, quod grex sibi commissus semper in praecipium iret, nec eum ad rectam viam convertere quiret, timens, ne ipse cum pereunte plebe periret, non ausus est cum eis amplius stare... Multa conquestus de infidelitate et nequicia populi, de incesta copula et super illicita discidia inconstantis coniungii, de inobedientia et negligentia cleri...

I, 30.

Tunc metropolita Maguntinus sollicitus, ne populus nuper Christo adquisitus, relapsus in antiquos percat sacrilegos ritus, mittens legatos ad apostolicum clamat, ut aut viduatae Pragensi ecclesiae maritum remittat, aut alium in loco sui ordinari permittat... Non sine magna moesticia fratrum dulcia linquit consortia. Et cum viro summae discretionis praesule, nomine Nothario, adiens archiepiscopum Maguntinae urbis...

I, 31.

Praesul Adalbertus... hanc praesentem vitam pro Christo feliciter terminavit martirio IX Kalendas Maii, feria VI.

Было высказано мнѣніе, что Козьма будто бы совершенно перепуталъ путешествія св. Адальберта въ Римъ и притомъ искажилъ соотвѣтствующее сообщеніе Канапарія ¹⁾). Подобное мнѣніе, однако, положительно ошибочно, такъ какъ Козьма нарочито упоминаетъ, что, во избѣжаніе повтореній, онъ не всецѣло пользуется этимъ

c. 12.

Vidit ergo episcopus, quia divinis legibus adversus ire omnibus modis festinarunt etc... cogitat, melius esse relinquere quam in caeco et sponte pereunte populo operam perdere. Quod maxime de tribus causis actum esse dicunt. Prima et velut principalis eausa propter plures uxores unius viri; secunda propter detestanda confugia clericorum...

c. 12.

Archiepiscopus vero Moguntinus beati praesulis gregem sine pastore ire conspiciens, misit legatos cum litteris, per quos dominum apostolicum de sancti viri reditu interpellat.

c. 22—23.

Archiepiscopus vero Willigisus veterem quaerimoniam canens, damnum apostolicum de sancti hominis reditu interpellat; peccatum esse, singulis ecclesiis maritatis solam Pragam suo pastore viduari; iuste poscentibus benivolam aurem, viduae ecclesiae maritum suum praebere, libera mente postulans erat... Ergo multis lacrimis fratrum dulce monasterium linquens cum summae discretionis viro Notherio episcopo ultra Alpes proficiscitur. Cumque velut duorum prope mensium iter agerent, venerunt Magunciam.

c. 30.

Passus est autem sanctus et gloriosissimus martyr Christi Adalbertus 9 Kalendas Mai, imperante rerum domino Ottonum tercio pio et clarissimo caesare, feria 6.

¹⁾ Коерке, въ ММ. G. SS., IX, p. 52, adn. 58.

источникомъ (I, 30). Потому онъ и обходитъ молчаніемъ путешествія Адальберта въ Римъ, сообщая лишь кратко подъ 990 г., на основаніи анналь, что въ этомъ году Адальбертъ принялъ монашескій санъ. Только къ 994 г., когда онъ вставляетъ разказъ о Страхвасѣ, ему кажется необходимымъ, въ видахъ поясненія разказа, вкратцѣ упомянуть о послѣднемъ путешествіи Адальберта въ Римъ, и тутъ опять онъ возвращается къ Канапарію. Обстоятельство, что онъ это событіе относитъ именно къ 894 г., доказываетъ, на сколько правильно его хронологическое пониманіе событий.

Слова Козьмы: *Nec transliendum censeo, quod ab aliis praetermissum censeo*,—какъ бы указываютъ на то, что для св. Адальберта ему были извѣстны и другіе письменные источники. Нѣкоторыя мѣста у Козьмы дѣйствительно заставляютъ предполагать существованіе письменнаго матеріала. Сюда прежде всего относятся сообщаемыя имъ свѣдѣнія о владѣніяхъ Славника, отца св. Адальберта, которыя Козьма начинаетъ слѣдующими словами: *cuus de moribus et vita licet plurima eniteant memoriae digna, ex quibus tamen referamus pauca, coepta intermittimus nostra* (I, 27). Даже самъ Лозертъ ¹⁾, не смотря на то, что онъ почти на каждомъ шагу обвиняетъ Козьму въ подлогахъ, здѣсь не можетъ не предположить въ основаніи древнѣйшаго рукописнаго источника. Лозертъ идетъ еще далѣе, настаивая на томъ, что свѣдѣнія о размѣрахъ княжества Славника слѣдуетъ понимать буквально, „такъ какъ въ противномъ случаѣ значило бы исказать изложеніе Козьмы или, вѣрнѣе, его источника“. Для насъ такого рода противорѣчіе въ различныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ этимъ ученымъ относительно нашего историка, совсѣмъ не понятно. Извѣстія о владѣніяхъ Славника въ томъ отношеніи представляютъ большой интересъ, что они дополняютъ свѣдѣнія привилегіи моравскаго архіепископства касательно внутренняго положенія Чехія ²⁾. Но

¹⁾ Der Sturz des Hauses Slavnik, I. c., стр. 22 и слѣд.

²⁾ Dobner, Ad Ann. Hayec., IV, 290 и слѣд.—Kropf, I. c., стр. 446 и слѣд.—Tomek, O panství rodu Slavnickova w Čechách, w Časopis 1852, IV, стр. 41 и слѣд.;—O star. rozd. Čech, ibid. 1858, стр. 327 и слѣд.;—Něco o pomězi země české za nejstarších časů až do prostředka 13 století, ibid. 1855, IV, стр. 464 и слѣд.;—Apologie, I. c., 18, 56, 69.—Jireček, Slov. právo, I, 55 и слѣд.;—Recht in B. u. M., I, 21 и слѣд.;—сравни также O starých cestach z Čech a z Morávy do zemí sousedních, w Časopis 1856, II, 114 и слѣд.—Wocel, I. c., 274, 293 и слѣд., 409.—F. Beneš, Libice a památky kultu sv. Vojtěcha, w Památky, VII (1867), стр. 249 и слѣд.;—Libic an der Cidlina, w Sitzungsab. d. k. b. G. d. W. in Prag, 1867, I, стр. 16 и слѣд.

самыя указанія, встрѣчающіяся въ этомъ источникѣ, всего лучше свидѣтельствуютъ о болѣе раннемъ происхожденіи привилегіи, начало которой относится къ 880 г. Тогда какъ въ привилегіи, согласно Баварскому географу и королю Альфреду, границы опредѣляются названіями племенъ, въ разсматриваемомъ источникѣ отъ конца X ст. названія эти уже замѣнены естественными опредѣленіями, рѣками, горами, а также городами.

Изъ письменнаго источника далѣе происходитъ разказъ о занятіи Либицы, „при которомъ четыре брата Адальберта со всѣмъ ихъ потомствомъ были обезглавлены передъ алтаремъ“. (I, 29). Совершенно тождественно сообщеніе біографа св. Адальберта, Бруна Кверфуртскаго, о послѣдовавшемъ тамъ убіеніи 4 братьевъ (с. 21). Но самъ Козьма въ другомъ мѣстѣ, отступая отъ своего первоначальнаго сообщенія, говоритъ, опираясь на замѣтку пражскихъ анналь: *Interfecti sunt autem in urbe Lubic quinque fratres sancti Adalberti a. d. i. 995* (I, 29) ¹⁾. Противорѣчіе въ указаніяхъ числа убитыхъ братьевъ весьма просто объясняется тѣмъ, что Козьма дословно выписалъ изъ имѣвшихся у него двухъ письменныхъ источниковъ содержащихся въ нихъ разнорѣчивыя извѣстія, ничего не измѣнивъ въ нихъ.

Подробности, сообщаемыя въ оставшемся намъ не извѣстномъ источникѣ относительно владѣній Славника и занятія Либицы, заставляютъ предполагать, что авторъ его былъ не только современникомъ св. Адальберта, но что онъ также находился въ Чехіи и лично долженъ былъ знать тамошнее положеніе дѣлъ. Тождественныя извѣстія Козьмы и Бруно объ убіеніи 4 братьевъ Адальберта наводятъ далѣе на мысль, что свѣдѣнія свои они почерпнули изъ общаго источника. Бруно же въ качествѣ повѣствователя событій, совершавшихся въ Прагѣ, упоминаетъ Виллико, рукописныя замѣтки котораго онъ имѣлъ передъ собой ²⁾. Виллико былъ протоіереемъ при соборѣ св. Вита, находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Адальберту и оказалъ ему защиту, когда тотъ хотѣлъ защитить невѣрную жену отъ разсвирѣпѣвшей

¹⁾ Въ дѣйствительности въ Либицѣ были убиты только 4 брата Адальберта. Пятый братъ Собеборъ (или Собеславъ) въ то время находился при дворѣ Болеслава Храбраго Польскаго и погибъ при взятіи Праги въ 1004 г. отъ руки Удальриха. Сравни Thietmar, VI, 9, въ MM. G. SS, III, 808.

²⁾ с. X. Cui rei qui hora illa praesens erat, Willico quidam, bonus et sapiens clericus, visibile testimonium asserebat; quod nos et legimus, cum ad nostrum abbatem hoc scriptum folio mandaverat. Ipsum episcopus Adalbertus suae ecclesiae praepositum habuit etc.

толпы ¹⁾). Мы того мнѣнія, что замѣтки Виллико, достовѣрнаго составителя житія или какого нибудь другаго литературнаго произведенія о св. Адальбертѣ ²⁾), были тѣмъ общимъ источникомъ, изъ котораго не только Бруно, но и Козьма заимствовали свои извѣстія какъ объ Адальбертѣ, такъ и главнымъ образомъ о событїяхъ въ Чехїи. Подробныя извѣстїя о владѣнїяхъ Славника не могли представлять для Бруно какого либо интереса, такъ какъ внутреннїя дѣла Чехїи были ему мало знакомы, почему онъ ихъ выпустилъ въ своемъ житїи.

Долю участїя въ сообщенїи Козьмы объ Адальбертѣ имѣло и устное преданїе Пражскаго духовенства. Изъ этого источника происходятъ прежде всего извѣстїя о братѣ Болеслава, Страхвасѣ, который былъ монахомъ въ монастырѣ св. Эммерама въ Регенсбургѣ. Сюда относится большая часть разказа, начинающагося словами: *Nec transiendum censeo, quod ab aliis praetermissum video* (I, 29) и заканчивающагося: *Hactenus haec inseruisse sufficiat* (I, 30); также извѣстїе о Страхвасѣ подь 929 г. (I, 18) взято изъ того же преданїя. Въ характеристикѣ Страхваса у Козьмы замѣчается странное противорѣчїе, заключающееся въ томъ, что сперва св. Адальбертъ признаетъ его „въ виду его важности, учености и святой жизни“ весьма подходящимъ для епископскаго сана, тогда какъ дальше Козьма его называетъ „суетнымъ въ одеждѣ, высокомѣрнымъ, опрометчивымъ въ дѣйствїяхъ, отмѣченнымъ блуждающимъ взоромъ и пустой высокопарной рѣчью, лицомѣромъ, монахомъ, исполненнымъ заблужденїемъ, и первымъ во всякомъ злодѣйствїи“ ³⁾. На основанїи этого Бюдингеръ ⁴⁾ весь разказъ считаетъ однимъ вымысломъ, при чемъ онъ, однако, впадаетъ въ ошибку, относя событїе къ 989 году, между тѣмъ какъ Козьма сообщаетъ его подь 994—995 гг., когда Адальбертъ уже во второй разъ покинулъ Чехїю. Какъ уже раньше ⁴⁾, такъ и теперь мы склоняемся къ высказанному Будиловичемъ ⁵⁾ мнѣнїю, что въ Страхвасѣ слѣдуетъ видѣть приверженца славянскаго обряда, столь ненавистнаго Козьмѣ. Когда Адальбертъ послѣ безплодныхъ усилїй въ Чехїи рѣшилъ покинуть страну *et ad gentem apostatricem nunquam redire*, онъ намѣревался назначить себѣ преемникомъ Страх-

¹⁾ Сапарг., с. 12, 19.

²⁾ Сравни *L. Giesebrecht*, *Wend. Gesch.*, I, 305.—*Loserth*, *Studien zu Cosmas v. Prag*, стр. 26.

³⁾ *Oesterg. Gesch.*, стр. 322, примѣч. 1.

⁴⁾ Учредительныя грамоты Пражской епархїи, стр. 312 сл.

⁵⁾ *Очерки изъ церковной исторїи западныхъ славянъ* (Пражскїй епископъ Войтъхъ). Варшава. 1880, стр. 52 и сл.

кваса, и это свое намѣреніе онъ мотивировалъ слѣдующими словами: „Хорошо, что тебя знаютъ, какъ брата князя, и что ты приходишь отъ властителей этой страны. Народъ охотнѣе будетъ тебя имѣть своимъ господиномъ и будетъ тебѣ скорѣе повиноваться, нежели мнѣ“. Уже въ 982 году Страхвасъ долженъ былъ быть первымъ кандидатомъ на вакантную епископскую кафедру, и тѣмъ болѣе, что дѣло шло о возстановленіи моравской епархіи св. Мееодія. Но надо предположить, что его избраніе встрѣтило не только непреодолимые препятствія при дворѣ императора, гдѣ во всякомъ случаѣ не могло быть желательнымъ видѣть на епископской кафедрѣ брата могущественнаго чешскаго князя, но и со стороны Майнцаго духовенства, для котораго онъ являлся приверженцемъ введенной св. Мееодіемъ славянской литургіи. И когда Адальбертъ въ 995 году вновь повинулъ Чехію, Страхваса всѣ опять называли его преемникомъ, каковымъ онъ, наконецъ, и былъ на самомъ дѣлѣ избранъ. Отправившись же въ слѣдующемъ году въ Майнцъ, онъ тамъ во время посвященія внезапно скончался, отъ удара ли, какъ полагаетъ Палацкій ¹⁾, или отъ какой либо другой причины, которая во всякомъ случаѣ Майнцскому духовенству пришлось весьма кстати. Пражская епископская кафедра могла быть опять замѣщена только въ 997 году, остававшись вакантною въ теченіе 2 лѣтъ.—Понятно, что разказъ Козьмы о Страхвасѣ не можетъ имѣть притязанія на буквальную точность: въ немъ сохранилось лишь смутное воспоминаніе объ этомъ событіи Пражскаго духовенства.

Преданію духовенства еще принадлежитъ разказъ о священническомъ облаченіи св. Адальберта, которое ему было подарено его высокимъ другомъ и покровителемъ, императоромъ Оттономъ III, въ Ахенѣ, во время праздника Пасхи (I, 28). Извѣстіе это находится въ связи съ тѣмъ облаченіемъ, которое еще во время Козьмы хранилось въ Пражской церкви: *Paramenta, in quibus missam celebrabat in pascha, scilicet albam dalmaticam, casulam, sarram et faciterium. Quae usque hodie in Pragensi ecclesia honorifice habentur et dicuntur paramenta sancti Adalberti*. Трудно установить годъ вышеупомянутой встрѣчи Оттона III съ Адальбертомъ. Указанный Добнеромъ ²⁾ годъ 996 во всякомъ случаѣ не вѣренъ; намъ только извѣстно, что Оттонъ въ 995 году праздновалъ Пасху въ Ахенѣ ³⁾.

¹⁾ *Dějiny*, I, 1, стр. 271, примѣч. 262.

²⁾ *Ad Ann. Bayes.*, IV, 301 слѣд., 416 слѣд.

³⁾ *Boehmer*, *Reg. ab a. 911—1313*, p. 40, n. 476, приводитъ грамоту отъ 24-го апрѣля 995 г.; Пасха приходилась на 21-е апрѣля.

Краткія замѣтки въ 977 г. о смерти Дубравки (I, 27) и въ 987 г. о смерти Стрежиславы (I, 28) заимствованы, какъ уже было раньше замѣчено, изъ древнихъ анналь. Дальнѣйшій разказъ о Дубравкѣ, которая сложила съ головы монашескую фату и украсила ее дѣвичимъ вѣнкомъ, не можетъ быть понимаемъ иначе, какъ искаженное народное преданіе ¹⁾. Что же касается характеристики Стрежиславы, то она не болѣе, какъ сборъ общихъ риторическихъ оборотовъ, которые вдобавокъ являютъ несомнѣнное сходство съ однимъ мѣстомъ у Регинона.

Cosmas, I, 28.

Regino, l. c., p. 568.

A. 987. Obiit Strezizilava, sancti Adalberti mater venerabilis et deo acceptabilis matrona.

A. 851. Obiit Hirmingardis regina, coniux Hlotharii imperatoris, venerabilis et Deo acceptabilis matrona.

Итакъ, въ нашемъ настоящемъ изслѣдованіи мы старались по возможности оцѣнить отдѣльныя сообщенія Козьмы для IX и X столѣтій. Затѣмъ намъ остается лишь еще, опираясь на нихъ, дать общее заключеніе о степени надежности его извѣстій, при чемъ мы ограничиваемся тремя нижеслѣдующими пунктами.

1) Козьма имѣвшимися у него источниками въ своей хроникѣ въ общемъ воспользовался правильно; онъ не вымышлялъ разказовъ, не дѣлалъ завѣдомыхъ подлоговъ въ документахъ и другихъ письменныхъ источникахъ, какъ то нѣкоторые ему ставятъ въ упрекъ. Переданная имъ грамота 1086 г. служитъ нагляднымъ доказательствомъ тому, съ какой точностью и тщательностью имъ сообщаются извѣстные ему письменные источники. Равнымъ образомъ и приведенные нами другіе письменные источники, сохранившіеся или въ первоначальномъ видѣ или же въ выдержкахъ, только подтверждаютъ наше мнѣніе. Мы при этомъ, однако, вовсе не намѣрены не допускать упрека ему въ томъ, что онъ на задачу свою смотрѣлъ довольно легко и не всегда съ должнымъ рвеніемъ справлялся съ источниками. Онъ могъ бы найти, какъ справедливо замѣчаетъ Ваттенбахъ, не только въ Люттихѣ, гдѣ онъ пребывалъ ради ученыхъ цѣлей, но и въ Майнцѣ и другихъ городахъ, много другихъ вполнѣ достовѣрныхъ пособій для древнѣйшей исторіи Чехіи, прежде всего хронику Титмара. Кромѣ того должно предположить, что и архивъ Пражской церкви несомнѣнно могъ бы дать ему больше матеріаловъ.

2) Въ Люттихѣ Козьма усвоилъ себѣ тотъ изысканный, своеобраз-

¹⁾ О различныхъ попыткахъ объясненія сравни *Losertl*, Studien zu Cosmas v. Prag, стр. 26 и слѣд.

ный стиль, который служитъ вѣдшимъ отличительнымъ признакомъ его хроники. Школьное образование, которое любитъ блеснуть художественнымъ краснорѣчіемъ, у него сказывается повсюду: въ приведеніи стиховъ и рифмованныхъ строфъ, въ изобиліи риторическихъ фигуръ и сравненій и, наконецъ, въ приводимыхъ имъ рѣчахъ, характеристикахъ и посланіяхъ. Образцами ему въ данномъ случаѣ служили преимущественно *Виргилій*, *Саллюстій*, *Священное Писаніе* и *Регинъ*. Конечно, благодаря этому источники, которыми онъ пользовался, не мало утратили въ своей простотѣ и значеніи. При чтеніи *Козьмы* намъ постоянно сама собой навязывается мысль, что въ основѣ его риторическаго изложенія слѣдуетъ искать краткія первоначальныя извѣстія. Простота безыскусственнаго слога никогда не утрачиваетъ своего значенія и не можетъ быть замѣнена красотами блестящаго описанія. Но и тутъ мы не намѣрены дѣлать *Козьмѣ* большого упрека, да и было бы несправедливо судить о немъ, примѣняя къ нему мѣрило современной исторической критики, а не связь съ условіями и образованностью его времени, со всѣми ему свойственными недостатками и особенностями.

3) *Козьма* располагалъ устными и письменными источниками, которые въ его хроникѣ распознаются тѣмъ легче, что онъ въ весьма многихъ случаяхъ самъ прямо указываетъ на происхожденіе его сообщенія. Письменные замѣтки, сообщенія и документы, которыми онъ пользовался, всѣ почти заслуживаютъ довѣрія; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ собственно лишь древнѣйшія извѣстія *анналь* и *епископскихъ списковъ*. При устномъ преданіи намъ приходится различать народныя сказанія въ собственномъ смыслѣ (*senum fabulosa relatio*) и преданіе *Пражскаго духовенства* (*vera fidelium relatio*). Первые, то-есть народныя сказанія, могутъ быть принимаемы во вниманіе лишь на столько, на сколько они опираются на сохранившіеся памятники, замки и т. д.; историческое ихъ значеніе ничтожное. Что же касается преданій *духовенства*, то и ихъ историческое содержаніе до конца *X столѣтія* еще очень мало достовѣрно; оно нерѣдко принимало крайне неопредѣленный образъ и потому относится къ нему слѣдуетъ съ большою осторожностью.

Не смотря на всѣ отмѣченные недостатки, хроника *Козьмы* все-таки обладаетъ въ высшей степени цѣннымъ историческимъ содержаніемъ для древнѣйшей исторіи *Чехіи* до *XI столѣтія*. Цѣль настоящаго изслѣдованія была именно, по возможности, выдѣлить историческій элементъ отъ перемѣшаннаго съ нимъ сказочнаго.

В. Регель.

КЪ БІОГРАФІИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Біографія Сильвестра Медвѣдева, извѣстнаго строителя Московскаго Заиконоспасскаго монастыря (1681 — 1689 г.), во многихъ пунктахъ имѣетъ значительныя пробѣлы, зависящія частію отъ недостатка историческихъ данныхъ, частію отъ того, что эти данныя до сихъ поръ еще не открыты и не обнародованы. Такъ, напри мѣръ, до сихъ поръ еще не была обнародована слѣдующая интересная замѣтка, находящаяся въ бібліотекѣ московскаго Чудова монастыря, въ рукописи № 100—302:

„Во 149 году родился дядюшка Силвестръ генваря въ 27 день въ среду в день во время обѣдни, имя наречено февраля в третій день.

Послѣ того на четвертой годѣ 6 недѣль родилася Дарья в день въ день 9-мъ часу въ великой постѣ на Ѳедоровой въ четвертокѣ, а бывають послѣ Алексія чловѣка Божія на третій день, а имя дано впередъ в третійнадесять день.

Послѣ того Мар(і)я на третей годѣ в Оспожинъ день в день въ девятомъ часу, а именины в четвергъ имя дано въ „ “ день.

Послѣ того Карпъ на пятомъ году послѣ Покрова под недѣлю въ ночи въ пятомъ часу въ 6 день, имя впередъ.

Послѣ того Евдокія на 3-мъ году въ понедельникъ на Происхождение честнаго и животворящаго креста в день в обѣдню, имя дано впередъ в четвергъ.

Послѣ того Борисъ на третьемъ году подъ субботу в 2 часу в ночи, имя дано впередъ. Имянинникъ былъ въ четвергъ, родился передъ Ильинимъ днемъ.

Агаеоникъ въ августѣ.

Стефанида послѣ Михайлова дни во 2 день¹⁾.

---

¹⁾ Рукоп. библ. Чудова монастыря, № 100—302, лл. 182 и об.

Хотя въ этой замѣткѣ и не говорится прямо о Сильвестрѣ Медвѣдѣвѣ, но внимательный разборъ ея даетъ право съ несомнѣнною вѣроятностію заключать, что подъ „дядюшкою Сильвестромъ“ здѣсь разумѣется именно Сильвестръ Медвѣдѣвъ. Такъ заключать можно на основаніи слѣдующихъ соображеній:

1) Въ замѣткѣ сказано, что „дядюшкѣ Сильвестру“, родившемуся 27-го января, „имя наречено февраля в третій день“. По обычаямъ нашей православной церкви это значитъ, что дядюшкѣ Сильвестру было дано имя одного изъ святыхъ, память которыхъ празднуется 3-го февраля. Но среди святыхъ, память которыхъ празднуетъ церковь 3-го февраля, нѣтъ ни одного, который бы носилъ имя Сильвестра. Слѣдовательно, „дядюшка Сильвестръ“ назывался сначала не Сильвестромъ, а какъ-нибудь иначе; Сильвестръ же есть, вѣроятно, его монашеское имя. Какъ же въ такомъ случаѣ дядюшка Сильвестръ былъ названъ при крещеніи? Судя по тому, что въ монашествѣ обыкновенно давались ¹⁾ и даются имена, начинающіяся съ той же самой буквы, съ какой начинается имя, данное при крещеніи,—необходимо предположить, что при крещеніи дядюшка Сильвестръ былъ названъ Симеономъ ²⁾. Это вполне приложимо къ Медвѣдеву, называвшемуся, какъ извѣстно, въ мірѣ Симеономъ, а въ монашествѣ Сильвестромъ.

2) Между другими лицами, дни рожденія которыхъ записаны въ разбираемой замѣткѣ, упоминается Борисъ. Изъ писемъ же Сильвестра Медвѣдева, равно какъ и изъ „розыскныхъ дѣлъ о Федорѣ Шамловитомъ и его сообщникахъ“ извѣстно, что у Сильвестра Медвѣдева былъ братъ Борисъ, сначала жившій съ нимъ въ Молченской пустыни ³⁾, а потомъ „въ Курску себѣ дворишкомъ въ нищенствѣ“ ⁴⁾.

¹⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ XVII вѣка, къ которому относится разбираемая замѣтка: патриархъ Іоакимъ въ мірѣ назывался Іоанномъ, царица Софія въ монашествѣ называлась Сусанною, инокиня Елена Истомина въ мірѣ носила имя Евдокія и т. д. (См. рукоп. Чудовск. библиот. № 98—300, л. 284 об.).

²⁾ 3-го февраля церковь празднуетъ память слѣдующихъ святыхъ: Симеона Богоприимца, пр. Азарія, м. Адриана, Еввула, Власія, Папія, Діодора и Клавдіана, и князя Романа Угличскаго.

³⁾ Въ письмѣ къ Симеону Полоцкому Медвѣдѣвъ пишетъ: „благоволи... мене съ братомъ моимъ во святыхъ твоихъ ко Господу Богу молитвахъ не оставляти“ (Рукоп. Импер. Публ. библиот. Погод. древл. № 1963, л. 204); въ запискѣ къ Дмитрію Ивановичу и Ивановичу пишетъ: „сукна... брату Борису на кастанъ купи“ (л. 204 об.). Въ спискѣ Ундольскаго стоятъ неправильно „отцу Борису“ (Рукоп. Румянц. муз. собр. Ундольск. № 793, л. 39 об.).

⁴⁾ „Розыскн. дѣла о Шамловитомъ и его сообщникахъ“. С.-Пб. 1884, т. I, столб. 821—822.

3) Въ концѣ замѣтки совершенно отдѣльно стоятъ два лица: Агаѳоникъ и Стефанида. Годъ и день рожденія ихъ не обозначены, а указано только, когда они были именинниками: „Агаѳоникъ въ августѣ“ ¹⁾, „Стефанида послѣ Михайлова дня во 2 день“ ²⁾. Такая отдѣльность этихъ двухъ лицъ не позволяетъ ставить ихъ на одну линію съ другими, здѣсь упоминаемыми, и даетъ право заключать, что Агаѳоникъ и Стефанида были отецъ и мать вышенаписанныхъ Сильвестра, Даріи, Маріи, Карла, Евдокии и Борнса. Изъ рукописи же библиотеки гр. Уварова № 247, видно, что отца Сильвестра Медвѣдева звали Агаѳоникомъ ³⁾.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что въ разбираемой замѣткѣ указаны годы и дни рожденія дѣтей Агаѳоника и Стефаниды, родителей Медвѣдева, и что подъ „дядюшкою Сильвестромъ“ здѣсь нужно разумѣть именно Сильвестра Медвѣдева ⁴⁾. Въ такомъ случаѣ открываются годъ и день его рожденія, до сихъ поръ еще не извѣстные: Сильвестръ Медвѣдевъ родился въ 1641 году 27-го января ⁵⁾.

¹⁾ 22-го августа.

²⁾ 11-го ноября.

³⁾ Въ этой рукописи находится между прочимъ завѣщаніе Симеона Полоцкаго, въ которомъ онъ пишетъ: „честному отцу Сильвестру Агаѳониковичу, возлюбленному ученику моему, рубльвъ тридцать и шубу лисью и письма моя“...., а далѣе называетъ этого возлюбленнаго ученика „прелюбезнымъ сожителемъ“ (Рукоп. библ. гр. Уварова № 247, лл. 14—15; г. *Татарскій*, „Симеонъ Полоцкій“, *Прибавл. къ твор. св. отца*, 1886 г., кн. IV, стр. 227 — 228). Такіе вѣтеты, прилагаемые Симеономъ Полоцкимъ къ Сильвестру Агаѳониковичу, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ послѣднимъ разумѣлся именно Сильвестръ Медвѣдевъ, дѣйствительно возлюбленный ученикъ и сожитель прелюбезный Симеона Полоцкаго.

⁴⁾ Эта замѣтка находится между черновыми бумагами Каріона Истомина, но писана не его рукою, а кѣмъ-то другимъ, вѣроятно, племянникомъ Истомина и Медвѣдева Ивановъ Истоминымъ („Розыскн. дѣла о Ф. Шахловитомъ и его сообщникахъ“, т. I, столб. 522, 519), отчего С. Медвѣдевъ и названъ здѣсь „дядюшкою“.

⁵⁾ Проверка показываетъ, что дѣйствительно въ 1641 году 27-го января приходилось на среду. Это еще болѣе подтверждаетъ достоверность записки. Такая опредѣленность въ обозначеніи времени рожденія существуетъ въ записи только относительно Сильвестра Медвѣдева; относительно же его братьевъ и сестеръ такого указанія годовъ нѣтъ, указываются только дни. На основаніи соотвѣтствія названія дней недѣли съ указанными числами, а также при помощи нѣкоторыхъ другихъ соображеній, разбираемую записку на современный счетъ годовъ можно перевести такъ: Сильвестръ Медвѣдевъ родился 27-го января

Въ той же Чудовской библиотекѣ, въ рукописи № 98 — 300, есть другая не извѣстная еще въ нашей литературѣ замѣтка, писанная рукою Каріона Истомина, которая уже прямо относится къ Сильвестру Медвѣдеву и говоритъ о его смерти. Хотя годъ и день смерти Сильвестра Медвѣдева въ настоящее время уже установлены, но эта замѣтка не будетъ лишнею, во первыхъ потому, что она записана рукою родственнаго Медвѣдеву и хорошо знавшаго его лица, а во вторыхъ потому, что она сообщаетъ нѣкоторыя подробности о смерти Медвѣдева, до сихъ поръ еще не извѣстныя и указываетъ мѣсто его погребенія. Вотъ эта замѣтка: „196-го г. мѣсяца февруарія въ 11 день пріять кончину жизни своея монахъ Силвестръ Медвѣдевъ, церковнымъ таинствамъ сподобленъ бывъ в благонадежствѣ, отсѣчеся глава его гражданско повелѣніемъ на Красной площади противу Спасскихъ воротъ. Тѣло его погребено во убогомъ домѣ съ странными въ ямѣ близъ Покровскаго убогаго монастыря“¹⁾. То обстоятельство, что предъ смертію Медвѣдевъ „церковнымъ таинствамъ сподобленъ“ былъ, показываетъ, что онъ умеръ въ мирѣ съ церковію.

Въ не переплетенномъ сборникѣ Московской Синодальной библиотекѣ № IV, на лл. 181—373 об., находится тридцать словъ и поученій, которыя рукою составителя сборника (вѣроятно, рукою П. М. Строева) озаглавлены такъ: „Собраніе поучительныхъ словъ (числомъ 30) неизвѣстнаго русскаго автора, въ самомъ концѣ XVII вѣка“. Внизу

1641 года; Дарья — въ 1645 году, 6-го марта, въ четвергъ („имя дано впередъ в третійнадесять день“, а именинница она 19-го марта „послѣ Алексія человека Божія (17-го марта) на третій день“); Марія—15-го августа („в Оспожишъ день“) 1647 года; Карпъ — на 6-е октября 1650 года („имя впередъ“ — 13-го октября); Евдокія—въ понедѣльникъ 1-го августа („на прохождение честнаго и животоращаго креста“) 1653 года (именинница въ четвергъ 4-го августа) и Борисъ — съ 18-го на 19-е іюля („подъ субботу“ „предъ Ильинимъ днемъ“) 1656 года (именинникъ „въ четвергъ“ 24-го іюля). Для насъ важенъ собственно годъ рожденія Бориса: если онъ родился въ 1656 году, то въ 1689—1690 гг., когда о немъ производилось слѣдствіе, ему было уже 33 — 34 года и, слѣдовательно, онъ дѣйствительно уже могъ жить своимъ домою, какъ сказано въ „Розыскн. дѣлахъ о Фед. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ (т. I, столб. 821—822).

¹⁾ Рукоп. Чудовск. библ. № 98 — 300, л. 284 об. По словамъ Снегирева, въ убогіе дома, „въ поставленные тамъ сараи съ яминками свозили и клали тѣла убогихъ, странныхъ, застигнутыхъ внезапною и насильственною смертію“; „туда же отвозились трупы казненныхъ“ (Снегиревъ, „Покровскій монастырь, что на убогихъ домѣхъ въ Москвѣ“. М. 1872, стр. 5, 9). Къ послѣдней категоріи принадлежалъ и Медвѣдевъ.

этого заглавія другимъ почеркомъ написано: „NB. Безъ сомнѣнія, Сильвестра Медвѣдева“¹⁾). Эти поучительныя слова въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще не разобраны и до сихъ поръ приписываются, хотя и не всѣми²⁾, Сильвестру Медвѣдеву³⁾). Не вдаваясь въ подробный гомилетическій разборъ, остановимся лишь на мнѣніи о принадлежности указанныхъ 30-ти поучительныхъ словъ Сильвестру Медвѣдеву и посмотримъ, на сколько оно справедливо.

При внимательномъ пересмотрѣ разбираемыхъ словъ и поученій оказывается, что мнѣніе это совершенно не основательно. Прежде всего изъ числа 30-ти—шесть словъ, несомнѣнно, принадлежатъ Епифанію Славинецкому, именно: пять словъ, представляющихъ чернякъ, писанный рукою самого Епифанія Славинецкаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ выдержками на греческомъ языкѣ⁴⁾, и слово на Рождество Христово⁵⁾. Далѣе, нѣкоторыя слова принадлежатъ, несомнѣнно, Симеону Полоцкому. Такъ, ему принадлежитъ „Слово о благоговѣнномъ слушаніи божественныя литургіи“⁶⁾; ему же принадлежитъ „Слово ко священнику“⁷⁾; наконецъ, небольшое наставленіе буквально взято изъ „Слова пастыря посѣщающа овцы“, написаннаго Полоцкимъ, какъ гласитъ автографъ: „A° 1670 Maj. 27 na roskasanie Preosw: metrop. Pawla“⁸⁾. Изъ остающихся, за исклю-

1) Сборн. не переплетенный Моск. Синод. библ. № IV, л. 180.

2) Большинство писателей о нихъ совершенно умалчиваютъ.

3) Приписываютъ Медвѣдеву эти тридцать словъ и поученій: Преосв. *Савва*, „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей библіотеки“. М. 1858, стр. 242; Преосв. *Филаретъ*, „Обзоръ дух. литературы“. С.-Пб. 1884, стр. 253, и г. *Мирковичъ*, „О времени пресуществленія св. даровъ“. Вильна, 1886, стр. 75—76.

4) Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 230—250 об. Выдержки на греческомъ языкѣ есть въ словѣ на текстъ: „Ты же постыся помажи главу твою и лице твое умыи“ (ibidem, лл. 230—233 об.).

5) Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 226—229. Это слово есть въ „Щитъ вѣры“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 346, лл. 643—645), и въ оглавленіи „Щита вѣры“ прямо сказано, что оно принадлежитъ Епифанію Славинецкому (ibidem, л. 1 об.).

6) Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 261—270 об. См. „Вечера душевная“: рукоп. Моск. Синод. библ. № 657, лл. 525—529; „Вечера душевная“, М. 1683 г., приложение, лл. 8—15.

7) Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 256—260. См. „Вечера душевная“: рукоп. Моск. Синод. библ. № 657, лл. 558—562 об.; „Вечера душевная“, М. 1683 г., приложение, лл. 40—45 об.

8) Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 183—186. См. „Вечера душевная“: рукоп. Моск. Синод. библ. № 657, лл. 534—535 (сравн. лл. 539—540 об.); „Вечера душевная“, М. 1683 г., приложение, лл. 22—23 об.

ченіемъ вышеприведенныхъ словъ Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго, заслуживаютъ особеннаго вниманія 11-ть словъ ¹⁾. Всѣ эти слова по характеру своего содержанія ²⁾ и по внѣшней формѣ ³⁾ чрезвычайно сходны и должны быть приписаны, благодаря этому, непременно одному автору. На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть надписи о времени ихъ написанія, сдѣланныя почеркомъ, чрезвычайно похожимъ на почеркъ Сильвестра Медвѣдева ⁴⁾. Это послѣднее обстоя-

¹⁾ Именно: 1) Слово на текстъ: „Освятитесь и будите святы, яко свить есмь азъ Господь Богъ вашъ“, Лев. 11, (ст. 44) и 19 (ст. 2). (Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 197—204 об.); 2) Слово на текстъ: „Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ“, Иоан. 12. 26 (ibidem, лл. 205—211); 3) „Слово о покаяніи къ людямъ и о знаменіяхъ небесныхъ, еже бы видѣше на небѣ особе знаки творили волю Божию“ на текстъ: „бдите убо на всяко время молящеся“, Лук. 21, 36 (ibidem, лл. 327—334 об.); 4) „Слово на срѣтении Господне о спасеніи человѣковъ“ на текстъ: „Яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей“, Лук. 2, 30 (ibidem, лл. 335—338); 5) „Слово о болѣзни душевной и тѣлесной, въ недѣлю 4-ю по пасцѣ и во иныя дни мощно глаголати“ на текстъ: „хощеши ли цѣль быти“, Иоан. 5, 6 (ibidem, лл. 339—344); 6) „Слово еже не вклятися и о бездождіи и о покаяніи“ на текстъ: „Начальъ Иисусъ проповѣдати и глаголати: покаятеся, приближибоса царство небесное“, Мат. 4, 17 (ibidem, лл. 345—348); 7) „Слово на текстъ: „Труси же велицы по мѣстамъ и глади и пагубы будутъ, страхованія же и знаменія велиа съ небесе будутъ“, Лук. 21, 11 (ibidem, лл. 349—353 об.); 8) Слово на текстъ: „вострубите, вострубите на холмѣхъ, возгласите на высокихъ, проповѣдите въ дому Господни“, Ос. 5, 8 (текстъ нѣсколько измѣненъ) (ibidem, лл. 355—359); 9) Слово на текстъ: „Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите“, Іак. 5, 16 (ibidem, лл. 360—364 об.); 10) Слово на текстъ: „Хощу убо, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія, такожде и жены во украшеніи и лѣпотномъ смиреніи да пребываютъ“ (конецъ измѣненъ), 1 Тим. 2, 8—9 (ibidem, лл. 365—368 об.), и 11) Слово на текстъ: „воспойте Господеви пѣснь нову, яко дивна сотвори Господь. Спасе насъ десница его и мышца святая его“, Пс. 97, 1 (ibidem, лл. 369—373 об.).

²⁾ По содержанію всѣ эти слова можно отнести къ правоучительнымъ: авторъ преимущественно обличаетъ современные пороки и убѣждаетъ жить вполнѣ по-христіански. Такой характеръ выдержанъ авторомъ даже въ словахъ торжественныхъ, сказанныхъ по поводу побѣды, напримѣръ, въ словѣ на текстъ: „воспойте Господеви пѣснь нову...“ (Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, лл. 369—373 об.).

³⁾ Всѣ они написаны на какой нибудь текстъ: вездѣ авторъ употребляетъ одинаковое обращеніе къ слушателямъ: „благословенніи христіане“; наконецъ, во всѣхъ словахъ слогъ и построеніе рѣчи одинаковыя.

⁴⁾ Вотъ надписи, сдѣланныя этимъ почеркомъ: въ словѣ 3-мъ уже приведенное выше заглавіе слова („Слово о покаяніи“ и т. д.) и слѣдующая приписка: „писано въ 189 г. въ мѣсцѣ декабрь“ (Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, л.

тельство и подало, вѣроятно, поводъ приписать упоминаемыя 11-ть, а затѣмъ и всѣ 30-ть словъ Сильвестру Медвѣдеву. Но почеркъ, которымъ сдѣланы надписи, вовсе не Медвѣдевскій, хотя дѣйствительно очень похожъ на него. Такъ съ несомнѣнностью можно утверждать на основаніи грамоты изъ-подъ Азова отъ 20-го іюня 7204 года, присланной патриарху Адриану. На этой грамотѣ тѣмъ же почеркомъ написано: „7204 лѣта іуліа мѣсяца въ 31 святѣйшему патриарху подадеса въ Крестовой полатѣ изъ полковъ прислана чрезъ почту“¹⁾. Этого писать Медвѣдевъ не могъ, потому что въ 7204 году его уже не было въ живыхъ; а такъ какъ почеркъ этой замѣтки на грамотѣ изъ-подъ Азова совершенно тождественъ съ почеркомъ, которымъ сдѣланы надписанія на разбираемыхъ словахъ, то, значитъ, и эти надписанія сдѣланы не Медвѣдевымъ, а кѣмънибудь другимъ. Кѣмъ же? Если обратиться къ черновымъ бумагамъ Каріона Истомина, хранящимся въ бібліотекѣ Московскаго Чудова монастыря и сличить почерки, то нельзя не видѣть, что какъ замѣтка на грамотѣ, такъ и надписанія на проповѣдяхъ принадлежатъ именно Каріону Истомину, а не кому другому. Мало того, въ черновыхъ бумагахъ Истомина находится и большинство изъ разбираемыхъ 11-ти словъ, частью въ томъ же видѣ, въ какомъ они есть въ не переплетенномъ Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, частью же въ нѣсколько измѣненномъ²⁾.

327); въ словѣ 4-мъ заглавіе слова („Слово на Срѣтеніе Господне“ и т. д.) и слова: „писано 7189 лѣта іаннуаріа въ 30“ (ibidem, л. 335); въ словѣ 5-мъ заглавіе („Слово о болѣзни“ и т. д.) и слѣдующее замѣчаніе: „писано въ лѣто 7189“ (ibidem, л. 339); въ словѣ 6-мъ заглавіе („Слово еже не клятися“ и т. д.) и замѣтка: „писано въ 189 лѣто въ мѣсяцъ іюнь“ (ibidem, л. 345); въ словѣ 8—замѣтка: „писася сіе 7197 лѣта маіа въ 11 день ко 12-му“ (ibidem, л. 359); въ 10 словѣ—замѣтка: „писася 7197 лѣта іюнія въ 2 день“ (ibidem, л. 368 об.), и въ 11 словѣ—слѣдующая довольно пространная замѣтка: „7197 лѣта іуліа мѣсяца въ 14 день писателно сіе издадеса и чте святѣйшій патриархъ въ велицѣй соборній церкви предъ благодарнымъ Господу Богу молебствомъ, еже бысть въ той день въ 15 часу при царекѣмъ величествѣмъ благочестивыхъ царѣхъ Іованиѣ Алексіевичѣ и царевнѣ Соѣи Алексіевнѣ, зане присланы быша изъ полковъ вѣстники“ (ibidem, л. 373 об.).

¹⁾ Сборн. (не переплетенный) Моск. Синод. библ. № I, л. 440 об.

²⁾ Вотъ сравнительная таблица:

Сборн. Моск. Синод. библ. № IV:
л. 197—204 об.
„ 205—211

Рукоп. Чудовск. библ. № 98—300:
л. 107—109 об.
„ 101—102 об. (въ значительно измѣненномъ видѣ).

Это обстоятельство уже положительно говоритъ за то, что какъ надписанія на разбираемыхъ 11-ти словахъ, такъ и самыя слова принадлежать несомнѣнно Каріону Истомину, а не Сильвестру Медвѣдеву ¹⁾).

Что касается остальныхъ 10-ти словъ, то какъ по содержанію своему, такъ и по внѣшней формѣ они на столько различаются, что должны быть приписаны не одному, а нѣсколькимъ авторамъ ²⁾; ка-

„ 328—334 об.	„ 131—134 (измѣненъ конецъ и есть значительные пропуски).
„ 335—338	„ 134—135 об. (конецъ измѣненъ).
„ 340—344	„ 178—179 об. (значительно короче и въ многихъ мѣстахъ съ существенными измѣненіями).
„ 355—359	„ 53—54 об.
„ 360—364 об.	„ 60—61 (сдѣлана приписка, которой нѣтъ въ об. № IV: „писана 7197 лѣта маіа мѣсяца къ 19 числу и чтено въ соборнѣй церкви не единощи“).
Сборн. Моск. Синод. библ. № IV: л. 365—368 об.	Рукоп. Чудовск. библ. № 88—290: л. 105—106 об.
„ 369—373 об.	„ 107—111 об. (въ припискѣ вмѣсто „вѣстники“ стоитъ „сеулщики“).

¹⁾ Двухъ словъ (Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, л. 345—348 и 349—353 об.) хотя и нѣтъ въ черновыхъ бумагахъ Каріона Истомина, но они такъ сходны съ вышеуказанными девятью, что трудно было бы приписать ихъ кому-нибудь другому.

²⁾ 1) „Поученіе отъ іерея къ воспреемнику по св. крещеніи отъ иновѣрныхъ приходящаго“ и къ новопросвѣщенному (Сборн. Моск. Синод. библ. № IV, л. 187—189 об.). Это поученіе содержитъ довольно просто изложенныя наставленія воспреемнику и новокрещенному о томъ, какъ они должны жить и въ какихъ отношеніяхъ между собою находиться, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія. 2) „Слово о еже, восприявъ отъ архіерея миръ, людемъ миръ во всемъ благомъ дѣлѣ стяжати“ на слова: „миръ всѣмъ“ (ibidem, л. 191—196). Это краткое пожеланіе отъ лица архіерея мира своей пастырь. 3) „Слово на бывшее чудо въ колоссахъ еругійскихъ еже въ хонѣхъ, отъ всеславнаго архистратига Михаила“ (ibidem, л. 212—221). Это слово или представляетъ собою переводъ съ греческаго, или написано подъ сильнымъ вліяніемъ греческаго разказа о чудѣ Архистратига Михаила, такъ какъ здѣсь встрѣчаются оставленныя безъ перевода греческія слова: „Феологъ“ (л. 212 и об.), „агасма“ (л. 213), „неокорость“ (л. 214 об.), „паралисїархъ“ (ibidem), „просмонарїи“ (л. 215 и об.), „плинеа“ (л. 219) и др., и цѣлыя фразы въ родѣ слѣдующей: „сега ради и оное мѣсто прежде именуемое КОЛАССѢ, оттогда превменовася ХУНЕ, сирѣчь ЛІЯЛО, или текало, или КРЪЯЛО ради теченія рѣкъ оныхъ“ (л. 218). 4) Слово поучательное, како подобаетъ всякому христїанину по долгу благочестиву сущу знати и

кимъ именно—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній хотя бы одно изъ этихъ 10-ти словъ приписать Сильвестру Медвѣдѣву.

Такимъ образомъ изъ всего вышесказаннаго видно, что мнѣніе о принадлежности Сильвестру Медвѣдеву 30-ти словъ и поученій, находящихся въ не переплетенномъ сборникѣ Московской Синодальной бібліотеки № IV, на лл. 181—373 об., совершенно не основательно, такъ какъ большинство ихъ (20) съ несомнѣнностью принадлежатъ тремъ авторамъ: Елифанію Славинецкому, Симеону Полоцкому и Каріону Истомину, а остальные (10), принадлежащія также нѣсколькимъ авторамъ, хотя и неизвѣстно, кѣмъ написаны, но не содержатъ въ себѣ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы хотя нѣкоторые изъ нихъ можно было приписать Сильвестру Медвѣдеву.

III. Зубовскій.

вѣровати о святѣй Троицѣ и о законѣ Божіи, иже есть совершенство христіанства“ (ibidem, лл. 222—225). Это слово имѣетъ характеръ вполне догматическій. 5) Слово на текстъ: „быша же обновленія во Іерусалимѣ и зима бѣ и хоужаше Іисусъ въ святяище, въ притворе Соломоу“, Іоан. 10, 22—23 (текстъ невѣстенъ) (ibidem, лл. 251 об.—255 об.). Здѣсь выясняется очень подробно понятіе святости вообще и говорится о святости храма Божія въ частности. Слово это не окончено вполне, такъ какъ во многихъ мѣстахъ оставлены пробѣлы, въ которыхъ, какъ можно судить по ходу рѣчи, авторъ хотѣлъ помѣстить выдержки изъ святоотеческихъ твореній. 6) Поученіе, начинающееся словами: „притецемъ людіе къ тихому сему и доброму престоанищу...“ (ibidem, лл. 271—289 об.). Это поученіе написано очень просто; въ немъ воехваляется Божія Матерь. 7) „Слово новопоставленнаго архіерея въ своей его епархіи ко всѣмъ людемъ“ (ibidem, лл. 290—304). Приписка гласитъ, что оно „писано новгородскому митрополиту лѣта 7180“ (л. 290), и изъ самаго слова видно, что этотъ митрополитъ посвященъ былъ патриархомъ Питиримомъ (л. 294). Слово довольно обширно и очень искусно написано; маленькій отрывокъ изъ него, именно обращеніе къ священникамъ (лл. 302—303), помѣщенъ въ началѣ разбираемыхъ 30-ти словъ и поученій совершенно самостоятельно (лл. 181—182 об.). 8) „Слово въ поклоненіе честнаго и животворящаго креста Господня въ недѣлю третію святаго великаго поста“ (ibidem, лл. 305—319). Здѣсь авторъ рѣшаетъ вопросъ, какъ мы прославляемся крестомъ Христовымъ, говоритъ о силѣ креста и его спасительности и убѣждаетъ поклоняться кресту съ вѣрою и благоговѣніемъ. Какъ на особенность этого слова, отличающую его отъ другихъ, можно указать на то, что здѣсь встрѣчаются слова: укрестованъ, укрестовуеися, вм. распять, распнеся (напримѣръ, лл. 307 об., 316). 9) Слово на Рождество Христово и 10) Слово къ монахамъ (ibidem, лл. 320—326 об.); оба написаны очень витѣватно.

СКАЗАНІЯ О СПОРѢ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія).

Старинная легенда,* пользовавшаяся большой популярностью въ средневѣковой литературѣ, повѣствуетъ, что одному отшельнику пригрезился вѣщій сонъ: онъ увидѣлъ трупъ въ гробу и душу, которая, отдѣлившись отъ тѣла, витала надъ нимъ и осыпала упреками за дурно проведенную жизнь, обвиняя его въ своей гибели. Тѣло оправдывается, сваливая на самоё душу отвѣтственность за грѣховную жизнь. Споръ оканчивается вмѣшательствомъ дьяволовъ, которые хватаютъ душу и увлекаютъ въ преисподнюю.

Упомянутая легенда подверглась многочисленнымъ обработкамъ на разныхъ языкахъ, уже не разъ привлекавшимъ на себя вниманіе изслѣдователей старины. Краткій перечень этихъ обработокъ былъ составленъ еще Караяномъ при изданіи нѣмецкой версіи легенды ¹⁾, за тѣмъ Wright'омъ, напечатавшимъ весьма плохой списокъ французской версіи съ многочисленными ошибками ²⁾, и Edélestand du Ménil'емъ, который обнародовалъ латинскую версію легенды ³⁾. Послѣдующіе издатели текстовъ, какъ Ригеръ, Барчъ, Голландъ, Зеельманнъ—для

---

¹⁾ *Karajan*, Frühlingsgabe für Freunde der älteren Literatur, Wien, 1839.

²⁾ *Thomas Wright*, Latin poems commonly attributed to Walther Mapes London, 1841, стр. 329—333.

³⁾ *Edélestand du Ménil*, Poesiés populaires latines antérieures au douzième siècle, Paris, 1843. Vision de Fulbert, 217—230.

нѣмецкихъ обработокъ, Фарнгагенъ, Бухгольцъ, Линовъ—для англійскихъ, Штенгель — позднѣйшей французской, Пидаль и Октавіо де Толедо—для испанскихъ, Фейфаликъ — для польской и чешскихъ, и т. д. ¹⁾), отчасти восполняли первоначальные списки, но преимущественно заботились лишь о выясненіи ближайшихъ источниковъ данныхъ обработокъ на одномъ изъ европейскихъ языковъ и затѣмъ о правильномъ возстановленіи текстовъ. Находка новыхъ рукописей облегчала работу издателей и, благодаря также успѣхамъ филологической критики, мы имѣемъ теперь нѣсколько удовлетворительныхъ изданій текстовъ занимающей насъ легенды. Послѣднимъ въ ряду этихъ изданій является недавно обнародованный г. Фарнгагеномъ текстъ древнѣйшей французской стихотворной обработки легенды, по четырѣмъ рукописямъ съ указаніемъ вариантовъ пятаго списка ²⁾). Особая важность этой поэмы въ ряду другіхъ обработокъ сюжета уже была мимоходомъ отмѣчена Гастономъ Парисомъ ³⁾).

Вопросъ о происхожденіи настоящей легенды также былъ нѣсколько разъ возбужденъ, но до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Г. Клейнертъ посвятилъ ему специальное изслѣдованіе ⁴⁾), причѣмъ призналъ сюжетъ за національный англійскій. Вотъ его слова: упомянувъ о старинной англо-саксонской поэмѣ

¹⁾ Изданія будутъ указаны въ своемъ мѣствѣ.

²⁾ Издано въ приложеніи къ диссертациі г. Линова въ *Erlanger Beiträge zur englischen Philologie* I, The desputisoun bitwen the body and the soule, herausgegeben von *Wilhelm Linow*, nebst der ältesten fr. Bearbeit. der Streit zwischen Leib und Seele, hgg. von *Hermann Varnhagen*, Erlangen 1890. Ср. *Litteraturblatt für Germanische und Romanische Philologie*, 1890, № 4, 150—152 (рец. *Mussaïfa*) и *Romania*, XIX, № 74 (375) (замѣтка *G. Paris*). Г. Фарнгагенъ не возстановляетъ критическаго текста, ограничившись воспроизведеніемъ четырехъ списковъ рядомъ, и предлагаетъ лишь нѣсколько поправокъ въ чтеніи основной Парижской рукописи (P). Списокъ съ послѣдней былъ исполненъ нами и предоставленъ г. Фарнгагену, когда мы узнали, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринялъ изданіе настоящей поэмы, но не зналъ о Парижской рукописи. Простое сопоставленіе нынѣ отпечатанныхъ списковъ наглядно показываетъ до какой степени плохъ былъ текстъ, раньше изданный Wright'омъ: помимо пропусковъ въ немъ перепутанъ порядокъ изложенія, слова души оказались приписанными тѣлу и наоборотъ и т. д. Тѣмъ не менѣе и этотъ списокъ интересенъ по нѣкоторымъ подробностямъ, къ которымъ мы ниже вернемся при ближайшемъ разборѣ старо-французской поэмы.

³⁾ *Romania*, IX, 313.g

⁴⁾ *Kleinert*, Ueber den Streit zwischen Leib und Seele. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der „Visio Fulberti“, Halle, 1880.

Х вѣка, представляющей версію сказанія о сѣтованіяхъ души тѣлу, г. Клейнертъ говоритъ: „такъ какъ мы не знаемъ болѣе древняго произведенія на ту же тему, то мы должны уже на этомъ основаніи приписать англосаксамъ честь изобрѣтенія этого столь поэтическаго сюжета и считать его ихъ духовнымъ достояніемъ“ ¹⁾. Это мнѣніе совершенно лишено доказательности, ибо нельзя рѣшать вопроса о происхожденіи какого-нибудь преданія, ограничиваясь указаніемъ на его древнѣйшій изводъ въ той или другой литературѣ. Г. Клейнертъ пытается далѣе установить, что латинская поэма „*Visio Philiberti*“ вводится къ англійской версіи, также и старо-французская поэма, которую онъ обозначаетъ „норманнской“ на томъ лишь основаніи, что списокъ ея, изданный Wright'омъ, представляетъ особенности англо-норманнскаго нарѣчія. Г. Клейнертъ даже не предполагаетъ возможнымъ существованіе другихъ списковъ... Ниже намъ представится случай вернуться къ разбору мнѣній г. Клейнерта, изъ которыхъ, замѣтимъ, весьма немногія выдерживаютъ критику. Впрочемъ, несостоятельность ихъ была уже отчасти указана въ рецензіяхъ на его работу. Изъ таковыхъ отмѣтимъ рецензію Гастона Париса въ *Romania*, IX, 311—314, въ которой высказано нѣсколько остроумныхъ соображеній, и рецензію г. Фарнгагена въ *Anglia*, III, 569—581, цѣнную по библиографическимъ указаніямъ, имѣющимся въ ней.

Принимаясь за разсмотрѣніе вопроса послѣ многихъ другихъ, мы тщательно изслѣдовали нѣкоторые тексты, частью извѣстные, но оставшіеся въ пренебреженіи, частью же не извѣстные. Благодаря этому, намъ удалось нѣсколько разобраться въ запутанномъ вопросѣ происхожденія легенды о спорѣ души съ тѣломъ и ея литературной исторіи, представляющей довольно сложной. Дѣло въ томъ, что она примыкаетъ къ ряду сказаній эсхатологическаго характера, зачатки которыхъ восходятъ къ первымъ вѣкамъ христіанской эры, а можетъ быть и раньше. Эти сказанія подверглись многоразличнымъ обработкамъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ древнихъ памятникахъ западно-европейской и славянскихъ литературъ въ разной формѣ — то благочестивой бесѣды, проповѣди, то эпической поэмы, духовнаго стиха, лирической пѣсни, то, наконецъ, въ драматической обработкѣ. Пытаясь установить классификацію всѣхъ этихъ обработокъ, ихъ

¹⁾ *Kleinert, l. c.* Da wir kein älteres Monument über diesen Gegenstand besitzen, müssen wir schon aus diesem Grunde den Angelsachsen den Ruhm zuertheilen, diesen so hoch poetischen Stoff als ihr geistiges Eigenthum beanspruchen zu dürfen, стр. 5—6.

преемственность, генетическое и историческое сродство, мы позволили себѣ высказать нѣсколько догадокъ, которыя, быть можетъ, порою недостаточно подкрѣплены фактами; но въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода почти всегда остаются не восполненные пробѣлы. Отчасти это зависитъ отъ скудости памятниковъ, и въ такомъ случаѣ новыя находки могутъ пролить не ожидаемый свѣтъ на темный вопросъ. Отчасти же нѣкоторая таинственность и загадочность облекаетъ памятники литературы отдаленнаго времени вслѣдствіе того, что намъ трудно дать себѣ ясный отчетъ въ процессахъ творчества при литературной обработкѣ сюжета: книжное преданіе проникаетъ въ народную массу, обусловливаетъ возникновеніе народныхъ повѣрій и представлений; поэтъ овладѣваетъ этимъ матеріаломъ и воспроизводитъ его въ своемъ новомъ произведеніи, быть можетъ, претворяя сюжетъ и вкладывая въ него субъективное толкованіе. Это произведеніе въ свою очередь приобретаетъ популярность и порождаетъ передѣлки, вызываетъ подражанія, даетъ рядъ новыхъ образовъ и представлений и т. д. и т. д. Гдѣ поставить грань между народнымъ и индивидуальнымъ? Гдѣ кончается традиція и гдѣ начинается свободное творчество? Какіе критеріи для опредѣленія заимствованій и случайныхъ совпаденій? Врядъ ли могутъ быть даны общіе категоричные отвѣты на всѣ эти вопросы. Однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдователю литературы приходится такъ или иначе рѣшать ихъ, и это, между прочимъ, не лишено заманчивости, когда передъ нами представляется рядъ загадокъ. Предлагая рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы старались всячески избѣгать малѣйшаго насилуванія фактовъ.

І. Возникновеніе легенды о сѣтованіяхъ души тѣлу и различныя обработки ея на западѣ и у насъ.

Легенда о спорѣ души съ тѣломъ, въ типичной формѣ видѣнія пустычника, не можетъ считаться древнѣе XII-го вѣка, какъ мы это увидимъ ниже, и составляетъ достояніе западно-европейской литературы. Но составные элементы ея гораздо древнѣе, при чемъ ссылаются обыкновенно на англо-саксонскую поэму X-го вѣка, какъ на прототипъ сказанія, послужившаго основой легенды о спорѣ. Въ упомянутой поэмѣ только душа обращается съ рѣчью къ своему тѣлу, которое безмолвствуетъ. Кромѣ нея, мы имѣемъ еще рядъ другихъ памятниковъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ тоже только часть сслхх1, отд. 2.

душа произносить рѣчь; правда, древность этихъ версій была не за-свидѣтельствована записью, но это еще не могло служить доказательствомъ правильности мнѣнія г. Клейнерта, о которомъ сказано выше ¹⁾. Вопреки его желанію приписать англо-саксамъ честь изобрѣтенія сюжета, еще Торпэ высказывалъ предположеніе, что „оригиналомъ поэмы послужила „благочестивая бесѣда“, написанная прозою, и источникомъ которой несомнѣнно долженъ былъ быть латинскій текстъ“ ²⁾. По странному стеченію обстоятельствъ, нынѣ, когда древне-англійскіе и англо-саксонскіе тексты тщательнѣе издаются, чѣмъ во времена Торпэ, когда приводятся въ извѣстность всѣ древнѣйшіе памятники языка, упомянутая Торпэ „бесѣда“ не разыскана и вопросъ о происхожденіи данной поэмы остается загадочнымъ ³⁾. Однако, независимо отъ приведенныхъ мнѣній, г. Гастонъ Парисъ тоже предположилъ латинскій источникъ для данной легенды, сравнивая англо-саксонскую поэму съ французскимъ „преніемъ души съ тѣломъ“, въ изданіи Wright'a, съ латинскою поэмою „Видѣніе Филлиберта“ и, наконецъ, еще съ одною французскою версіею рѣчи души къ тѣлу, которую онъ указалъ въ обработкѣ XIII-го вѣка „Житія св. Алексѣя“. Г. Парисъ сперва устанавливаетъ, что французское „преніе“ и латинская поэма, которую онъ относитъ къ концу XII-го вѣка, повидимому, возводятся къ одному общему источнику. Но этотъ источникъ не есть древне-англійская поэма, которую имѣлъ въ виду г. Клейнертъ. Г. Парисъ высказалъ гипотезу, которая дѣлаетъ честь его проницательности. „Предположимъ, говорятъ онъ, что существовала латинская легенда, въ которой только душа произноситъ рѣчь, и что эта старинная латинская легенда, послужившая основою англо-саксонскихъ произведеній, подверглась въ послѣдствіи двумъ новымъ обработкамъ, представленнымъ латинскою и французскою поэмами; въ такомъ случаѣ мы поймемъ, почему

¹⁾ Впрочемъ, г. Клейнертъ изъ нихъ упоминаетъ только одно италіанское произведеніе (изд. *Mussafia*, *Monum. ant. di dial. Ital.*, 168), на которомъ не останавливается подъ тѣмъ предлогомъ, что душа въ своей рѣчи говоритъ о страшномъ судѣ. Мы не понимаемъ этой оговорки г. Клейнерта (I. с., 64) тѣмъ болѣе, что и во французской поэмѣ, разбираемой имъ, душа произноситъ совершенно аналогичную рѣчь о страшномъ судѣ.

²⁾ *Codex Exoniensis. A collection of anglosaxon poetry etc.*, London, 1842, стр. 525.

³⁾ Ср. *Wülcker*, *Grundriss zur Geschichte der Angl. s. Lit.*, 1885, I, 232. *Ebert*, *Allgem. Gesch. der Literat. des Mittelalters im Abendlaude*, Bd. III, 1887, 91, прим. 2: „jene Homilie ist aber nicht weiter bekannt geworden“.

во всѣхъ этихъ трехъ произведеніяхъ есть общія черты, которыя къ тому же наиболѣе существенны въ данномъ сюжетѣ (*Romania*, IX, 312)¹⁾. Далѣе Г. Парисъ указываетъ, что къ той же основѣ примыкаетъ и упомянутое мѣсто въ житіи св. Алексѣя. Чтобы провѣрить догадку Г. Париса, оставалось только найти эту загадочную легенду. Заинтересовавшись вопросомъ, мы были убѣждены, что эта легенда коренится въ старинныхъ преданіяхъ объ „исходѣ души“¹⁾; но затрудненіе объяснить при помощи ихъ западно-европейскіе средневѣковые памятники литературы представлялось въ томъ отношеніи, что нужно было доказать, что эти старинныя преданія были извѣстны на западѣ, независимо отъ того, что учителя церкви отъ нихъ отступили (какъ мы это увидимъ ниже); надлежало точнѣе опредѣлить, которое изъ этихъ преданій легло въ основу западно-европейскихъ обработокъ, въ какой формѣ и въ какую приблизительно пору стало извѣстнымъ на западѣ? Случайная находка, сдѣланная нами въ Римѣ, въ Національной библиотекѣ, помогла намъ найти одно изъ промежуточныхъ звеньевъ въ исторіи сложенія сказанія о сѣтованіяхъ души. Именно, просматривая одинъ латинскій рукописный сборникъ конца XI-го и начала XII-го вѣка, мы нашли въ немъ легенду, озаглавленную въ каталогѣ слѣдующимъ образомъ: „*Visione di un monaco il quale rapito in estasi assiste alla morte di un peccatore ed a quella di un giusto*“. Познакомившись съ ея содержаніемъ, мы убѣдились въ ея близкой связи съ вышеупомянутыми произведеніями, особенно съ англо-саксонской поэмой, такъ что мнѣніе Г. Париса получило разительное подтвержденіе. Въ то же время мы съ удовольствіемъ констатировали и ту особенность разказа, что рѣчь идетъ именно о разлученіи души съ тѣломъ; такимъ образомъ, мы правы были, сблизая западно-европейскія легенды о сѣтованіяхъ души и ея пререканіяхъ съ тѣломъ, именно — съ мотивомъ объ исходѣ души. Обратимся же къ разсмотрѣнію этой легенды, текстъ которой печатаемъ въ приложеніи; мы постараемся выяснитъ ея отношеніе къ первоначальному преданію,

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ былъ составленъ нами докладъ, прочитанный на конференціяхъ у г. Гастона Париса въ *École des hautes études*, въ Парижѣ, въ зимній семестръ 1888 — 89 года. Хотя нынѣ, благодаря позднѣйшимъ находкамъ, мы значительно измѣнили планъ нашей работы и печатаемъ ее въ переработанномъ видѣ, считаемъ приятнымъ долгомъ вспомнить о любезномъ вниманіи и полезныхъ указаніяхъ маститаго романиста, прослушавшаго ея первоначальную редакцію.

послужившему ей исходнымъ пунктомъ, и за симъ къ произведеніямъ на народномъ языкѣ, обусловленнымъ тѣми же традиціями.

а. Латинская легенда: видѣніе неизвѣстнымъ монахомъ смерти грѣшника и праведника, и ея соотношеніе съ англосаксонскою поэмой.

Содержаніе легенды сводится къ слѣдующему ¹⁾:

Авторъ приглашаетъ прослушать разказъ о видѣніи нѣкотораго монаха „in excessu mentis posito“, со словъ Макарія, того, который былъ „блюстителемъ душъ“ въ Александріи и которому неизвѣстный монахъ сообщилъ о видѣніи имъ. За симъ слѣдуетъ разказъ: былъ одинъ богатый человѣкъ, столь же порочный, какъ и богатый, и когда наступилъ часъ его смерти, то душа его не рѣшалась выйти изъ тѣла: такой страхъ на нее напалъ. Видитъ она грозныхъ демоновъ, которые держатъ передъ ней какой-то шаръ (globum) и угрожаютъ ей, говоря: „что мы медлимъ схватить эту душу? Еще, пожалуй, придетъ архангелъ Михаилъ съ ангелами и станутъ они оспаривать ее у насъ, и отнять у насъ ту, которая столько лѣтъ была связана нашими оковами“? Но одинъ изъ демоновъ успокоилъ ихъ опасенія, говоря, что онъ въ точности знаетъ всѣ дѣла покойнаго, такъ какъ дено и ночью пребывалъ съ нимъ. Тогда душа стала горько сѣтовать: „горе мнѣ, горе, что я приобщилась этому темному и сквернѣйшему тѣлу“! Въ дальнѣйшей рѣчи замѣчается смѣшеніе: то авторъ обращается къ душѣ, упрекая ее въ пристрастіи къ деньгамъ и присвоеніи чужой собственности, то сама душа упрекаетъ тѣло въ жадности, страсти къ нарядамъ и противопоставляетъ тѣлесныя удовольствія духовнымъ страданіямъ. „Нинѣ же, такъ заканчиваетъ душа свою рѣчь, ты стало пищею червей и гнилью праха и такъ пробудешь нѣкоторое время, меня же ты обрекло въ преисподнюю“. И вотъ тѣло начинаетъ постепенно видоизмѣняться; молвила тѣ, что были на стражѣ у усопшаго: „протыните ему глаза за то, что онъ съ жадностью и вождѣннѣемъ смотрѣли на все; отрѣжьте ему уши, проткните сердце, не звавшее ни милосердія, ни любви, оторвите руки и ноги, столь поспѣшныя на все худое“! Исполнивъ это, демоны вырвали душу изъ тѣла съ великой болью и понесли ее на своихъ мрачныхъ крыльяхъ.

По пути душа видитъ яркій свѣтъ и освѣдомляется—откуда онъ? Демоны отвѣчаютъ ей: „Развѣ ты уже не узнаешь боже своей родины, откуда ты вышла въ свои странствія“? Далѣе, они напоминаютъ ей о райской жизни, гдѣ душа пребывала до своего вступленія въ жизнь и наслаждалась созерцаніемъ Бога, общеніемъ со святыми и слушаніемъ ангельскихъ пѣсенъ; нѣкогда и демоны тоже пользовались тѣми же благами, но они ихъ лишились такъ же, какъ лишилась ихъ и грѣшная душа, которая теперь и раздѣлитъ съ ними ихъ скорбную долю. И душа снова принимается сѣтовать, проклиная часъ своего рожденія: „aut qua te perexi in egiptum et dereliqui claritatem illam unde sine macula exivi“. Она поняла теперь значеніе того „широкаго“ пути,

¹⁾ Рукоп. Национальной бібліотеки въ Римѣ, № 2096(52), membr., 294×178, sec. XI—XII, f. 193—194.

о которомъ сказано въ Писаніи, что оно ведетъ насъ къ погибели. Но вотъ ее приволокли въ преисподнюю, гдѣ демоувъ, имѣющій видъ дракона, схвативъ душу своею пастью, изрыгнувъ въ жарчайшій огонь, гдѣ она должна пребывать до наступленія Суда.

Монахъ очнулся послѣ этого страшнаго видѣнія, но вскорѣ затѣмъ опять впалъ въ забытiе и увидѣлъ себя на этотъ разъ въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ засталъ бѣднаго отшельника на ложѣ смерти. Онъ былъ покрытъ грубыми рубищами и никого не было при его кончинѣ; но монахъ слышитъ голоса ангеловъ, слетѣвшихъ съ неба, чтобы принять душу. Последняя вылетаетъ изъ устъ умирающаго и, обращаясь къ тѣлу, говоритъ ему, что нынѣ наступилъ часъ ихъ разлуки, такъ какъ Господь призвалъ ее къ себѣ обратно. „Ты терпѣливо дожидалось этого часа, терпѣло голодь и жажду, выносило холодь, но въ то время какъ ты страдало—я была въ утѣхѣ и теперь благодарю за это. Пробудешь ты теперь нѣкоторое время въ землѣ, а я въ покоѣ, за симъ мы снова возставемъ въ славу“. Тѣло начинаетъ видоизмѣняться, но равьше оно было пепельнаго цвѣта, а теперь порозовѣло и улыбка разлилась на лицѣ. Вотъ приходитъ одинъ изъ братіи того монастыря и сообщаетъ другимъ монахамъ, что бѣднѣга скончался. Немногіе пришли на его похороны; не обмывали его тѣла и не убирали въ одѣянія, но спустился съ неба архангелъ Михаилъ, взялъ душу усопшаго и вознесъ на крыльяхъ своихъ, улаждая ее пѣніемъ. На пути душа видитъ яркій свѣтъ и спрашиваетъ — откуда онъ? Ангелъ отвѣчаетъ, что это ея родина, откуда она вышла безгрѣшной и куда возвращается такою же. И возрадовалась душа, и недоумѣвала, чѣмъ заслужила она такую милость? Отвѣчаютъ ей ангелы: „Добротою и смиреніемъ! За то тебѣ награда, что ты принимала участие во всякомъ добромъ дѣлѣ; за то, что не роптала на свою бѣдность; за то, что не обирала брата своего, что не повинна ни въ излишествахъ, ни въ преступленіяхъ; за то, что довольствовалась хлѣбомъ и водою, а стоя на молитвѣ, молилась не только за себя, но проливая слезы за всѣхъ; ты языкъ свой воздерживала отъ всего худаго и не дѣлала другимъ того, чего себѣ не желала; и не столько ты боялась преисподней, какъ стремилась къ любви Христа Бога нашего“. Отнесли ангелы радостную душу въ мѣсто утѣшенія, гдѣ для многихъ покой; а тотъ благословенный ангелъ, который отвелъ ее, остался тамъ.

Снова очнулся монахъ и разказалъ братіи все видѣнное и слышанное имъ.

Приведенный разказъ нуждается въ комментированіи, такъ какъ многое въ немъ не вполне досказано, но объясняется, если принять во вниманіе болѣе древнія преданія, сохраненныя въ Восточной церкви. Однако, прежде чѣмъ затрогивать вопросъ объ источникахъ данной легенды, считаемъ умѣстнымъ здѣсь указать ея соотношеніе съ англо-саксонской поэмою ¹⁾. Между ними есть черты несомнѣннаго

¹⁾ Поэма эта сохранялась до насъ въ двухъ рукописяхъ X вѣка, при чемъ въ одной изъ нихъ (cod. Vercelli) вслѣдъ за рѣчью грѣшной души приведенъ отрывокъ рѣчи праведной души. Последний обыкновенно считаютъ позднѣйшею

сходства, но также и различіе, которое вынуждаетъ насъ искать еще другихъ источниковъ для объясненія генезиса англо-саксонской поэмы. Прежде всего отмѣтимъ, что ситуація въ этой поэмѣ иная: мы не у одра умирающаго, а на кладбищѣ, много времени спустя послѣ смерти человѣка, душа котораго прилетаетъ къ его могилѣ, чтобы осипать свое тѣло бранью и упреками за дурно проведенную жизнь. Смыслъ этихъ попрековъ въ общемъ соответствуетъ сѣтова-ніямъ грѣшной души въ вышеприведенной легендѣ: душа здѣсь также жалуется на то, что тѣло объ ней не думало, предаваясь земнымъ утѣхамъ; оно не давало себѣ отчета въ томъ, что душа ниспослана самимъ Богомъ, который вручилъ ее ангелу, чтобы онъ вложилъ душу въ тѣло. И вотъ тѣло заполонило ее, и душа не могла освободиться отъ его оковъ. „Я въ смятеніи ожидала нашего разлученія, а теперь и конецъ его плохъ! Пока ты предавалось излишеству въ ѣдѣ и опивалось виномъ, утопало въ роскоши—я жаждала Божьяго тѣла, духовнаго питья“ и т. д. ¹⁾ Въ латин. легендѣ: „tunc bibebas vinum et nimis decorasti carnes tuas illustrissimis vestibus et pulcherrimis; tu eras fecunda, o caro, et ego maculenta; tu eras uirens et ego pallida; tu eras hillaris et ego tristis; tu ridebas et ego semper plorabam. Послѣдняя фраза рѣчи души въ латинской легендѣ (modo eris (f. 193, v.) esca vermium et putredo pulveris et requiesces modicum tempus et me deduxisti cum fletu ad inferos), представляетъ недосказанность, ибо: *requiesces modicum tempus*, требовало, очевидно, продолженія мысли, что настанетъ время, когда тѣло вновь

прибавкою, по нашему мнѣнію, вполне ошибочно, о чемъ рѣчь ниже. Англосаксонская поэма была нѣсколько разъ издана. См. библиографію вопроса у *Wülker* — Grundr. z. Gesch. d. Angelsächs. Lit., I, 1885, 231 — 233. Нѣмецкій пересказъ ея у *Ebert*, Allg. Gesch. d. Liter. des Mittelalters, III, 1887, 89—91. Последнее изданіе ея въ *Bibl. der Angelsächs. Poesie*, *Grein—Wülker*, II, 1888, 92—108. Объ англійскихъ обработкахъ даннаго сюжета см. *Varnhagen*, *Anglia* II, 226—228.

¹⁾ См. *Grein* — *Wülker*, l. c., 97 (за неимѣніемъ въ типографіи знака для передачи Англосаксонской звучной горловой спиранты, обозначаемъ ее буквою *g* (курсивомъ). Равно и *dh* и *th* служатъ для обозначенія зубныхъ спирантъ, за неимѣніемъ соответственныхъ знаковъ для ихъ передачи):

37... à ic unces gedales onbad
earfodhlice; nis nu huru se ende to god!
Waere thu the wiste wlanc and wines sæd,
thrymful thunedest and ic ofthyrsted waes
41. godes lichoman, gastes drynces.

воскреснетъ, чтобы подвергнуться тоже вѣчнымъ мукамъ. Мысль эта подробно развита въ англо-саксонской поэмѣ, такъ же какъ и то, что безжизненный трупъ никому уже не дорогъ, ни прежнимъ роднымъ, ни друзьямъ. Затѣмъ душа возвращается къ упрекамъ въ погонѣ за богатствами, на что есть намекъ и въ латинской легендѣ (*Vae tibi, misera anima, quare pecunias et alienas facultates et substantias pauperum tulisti et congregasti in domo tua*), но распространяется объ ихъ бесплодности и тщетѣ. Дальнѣйшія сѣтованія души въ англо-саксонской поэмѣ не имѣютъ больше отношенія къ латинской легендѣ, гдѣ рѣчь души гораздо короче. Они заключаютъ въ себѣ указаніе на повѣріе, что душа, удрученная грѣхами, прилетаетъ въ ночное время на могилу своего тѣла и подъ утро, при первомъ пѣніи пѣтуха, снова возвращается въ свое скорбное жилище; дальше высказано пожеланіе, что лучше было бы тѣлу, еслибы оно было птицею, рыбой, звѣремъ какимъ нибудь, такъ какъ не пришлось бы тогда имъ давать отвѣта въ прошлой жизни; наконецъ, душа обращается къ мысли о будущемъ судѣ надъ ними, когда они вторично будутъ соединены и спрашиваетъ: какая ихъ постигнетъ тогда участь? На этомъ она улетаетъ, а безжизненное тѣло лежитъ безотвѣтно: голова его склонилась, руки разрознены, десна вытянуты и т. д. Черви гложутъ трупъ и челюстями, острѣе иглъ, точатъ его, забираясь и въ глаза, и въ уши, поѣдая языкъ и пр. „Остынетъ трупъ, что раньше былъ покрытъ разными одѣянiями, и станетъ паствою червей и пищею земли. Да будетъ это памятно всѣмъ людямъ“.

Въ слѣдующей неполной рѣчи праведной души мы опять-таки находимъ нѣкоторое соответствіе съ второй частью латинской легенды. Радостно отыскиваетъ праведная душа свое тѣло, которое она нѣкогда оживляла, и обращается къ нему съ благодарственною рѣчью. Она говоритъ ему, что хотя тѣло стало достояніемъ червей, но духъ его вознесенъ въ царствіе небесное. „Ты постилось на землѣ, и наполняло меня тѣломъ Господа, духовнымъ напиткомъ; ты было въ нуждѣ и доставляло удовлетвореніе моимъ желаніямъ“ ¹⁾ (въ латинской легендѣ: *Quando tu eras esuriens et sitiens, ego repleta cibo et leticia; quando tu eras gracilis et pallidus, ego illaris et leta*).

¹⁾ *Grein-Walker*, l. c., стр. 106, стихъ 145.

Faestest dhu on foldan and gefyldest me
 Godes lichoman, gastes drunces;
 Waere dhu on waedle, sealdest me wilna geniht.

Дальше въ обоихъ текстахъ развита одна и та же мысль, что тѣло только временно предано землѣ, но оно воскреснетъ и, приобщенное вновь своей душѣ, безболзненно предстанетъ передъ судомъ Бога, такъ какъ оба они заслужили Его милосердіе.

Итакъ, между обоими произведеніями есть несомнѣнное сходство содержания; но разнятся они (помимо повѣствовательной формы, присущей латинской легендѣ) главнымъ образомъ въ томъ, что указаны двѣ различныя ситуаціи, при которыхъ душа произноситъ свои рѣчи. Та ситуація, которая указана въ англо-саксонской поэмѣ, не могла быть заимствована изъ латинской легенды, и мы ниже указываемъ ея источникъ въ одномъ эпизодѣ апокрифическаго „видѣнія апостола Павла“, въ которомъ разказывается, при какихъ обстоятельствахъ грѣшнымъ душамъ даровано было временное освобожденіе отъ мукъ, разъ въ недѣлю, когда онѣ могли возвращаться къ своимъ тѣламъ. Но при сравненіи обоихъ текстовъ (латинской легенды и англо-саксонской поэмы) возникаетъ вопросъ: которая изъ этихъ ситуацій архаичнѣе, такъ какъ мы не должны упускать изъ виду, что рукопись, въ которой дошла до насъ англо-саксонская поэма, много старше той, въ которой записана латинская легенда? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можно категорично отвѣтить въ пользу большей архаичности за латинской легендой. Вопервыхъ, замѣтимъ, что сѣтованія души болѣе умѣстны именно въ моментъ разлученія съ тѣломъ, чѣмъ много позже; точно также и описаніе постепеннаго разложенія тѣла, выраженнаго въ образной формѣ въ латинской легендѣ — повелѣніемъ демонамъ поразить одну за другой всѣ части тѣла, это описаніе болѣе своевременное въ моментъ, когда тѣло предается землѣ, чѣмъ долго спустя, когда оно уже успѣло обратиться въ прахъ. Вовторыхъ, въ пользу архаичности ситуаціи латинской легенды говоритъ ея связь съ древними преданіями „объ исходѣ души“; слѣдовательно, никоимъ образомъ не вѣроятно, чтобы авторъ латинской легенды попытался дать обработку сюжета англо-саксонской поэмы, съ которою онъ врядъ ли и былъ знакомъ.

Мы обратимся теперь къ опредѣленію отношенія латинской легенды къ древнимъ преданіямъ объ исходѣ души, и прежде всего къ сказанію о видѣніи Макарія Александрійскаго, имя котораго упомянуто въ самомъ началѣ разсмотрѣнной легенды, какъ ея записывателя.

diff
bet two texts
Latin / Engl.

б. Видѣніе, приписываемое Александру Аскету, и другія сказанія объ исходѣ души у христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ нашей эры.

Намъ приходится углубиться нѣсколько вдаль, къ первымъ вѣкамъ христіанской эры, чтобы уловить зарожденіе разнообразныхъ сказаній, приуроченныхъ къ моменту смерти. Каковы бы ни были ихъ первоначальные источники, сказанія эти сложились на христіанской почвѣ въ III — IV вѣкахъ. Они появляются одновременно съ первыми основателями монашества, тѣсно связаны съ стремленіями къ аскетической жизни и распространяются прежде всего среди христіанскаго населенія Малой Азіи и Египта; ихъ центромъ вскорѣ дѣлается Александрія, но указанія на существованіе подобныхъ преданій мы встрѣчаемъ еще раньше у сирійскихъ отцовъ церкви. Такъ, Іоаннъ Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на евангеліе Матвея (LIII) говоритъ: „много услышишь ты разказовъ объ ужасахъ при концѣ и страшныхъ явленіяхъ, которыхъ самый видъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежащіе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ оный и страшно взираютъ на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаясь видѣнія приближающихся ангеловъ“ (русск. перев., изд. 1839 г., II, стр. 414—415). Неоднократно возвращается къ той же мысли о таинственныхъ явленіяхъ, знаменующихъ моментъ смерти, и Ефремъ Сиринъ въ своихъ многочисленныхъ поученіяхъ ¹⁾. Но онъ указываетъ на нихъ въ общихъ чертахъ, лишь изрѣдка сообщая о томъ или другомъ явленіи въ конкретной формѣ, преимущественно же останавливается на назидательной сторонѣ вопроса. Повѣствовательный элементъ одерживаетъ перевѣсъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Житіе св. Антонія“, написанное во второй половинѣ IV-го вѣка Аванасіемъ Александрійскимъ ²⁾. Въ немъ мы имѣемъ хотя и не полный разказъ объ исходѣ души, но довольно подробно изображенъ одинъ моментъ судьбы ея за гробомъ: восхожденіе на небо и препирательства ангеловъ съ

¹⁾ Ср. De habenda semper in mente die exitus vitae (Ephr. Syr. Opera, Roma, MDCCXLVI, t. III, p. 356). Sermo in fratrem defunctum et in alios defunctos (ibid., 436). De poenitentia et iudicio et separatione animae et corporis (ibid., 376).

²⁾ Migne, Patr. gr. 73, 155.

демонами въ воздушномъ пространствѣ. Авторъ заканчиваетъ разказъ о видѣніи Антонія слѣдующими словами: „Paulus quidem usque ad tertium coelum raptus est, ibique auditis verbis ineffabilibus descendit; Antonius autem usque ad aerium sublatus post colluctationem liber aravit“. Мы этимъ какъ бы подготовлены заранее услышать въ сложившемся вскорѣ затѣмъ разказѣ о видѣніи апостола Павла болѣе подробное и законченное повѣствованіе о судьбѣ души послѣ смерти; оно къ тому же и болѣе объективно, такъ какъ св. Антоній видѣлъ воздушный полетъ только своей души, а апостоль Павелъ присутствуетъ въ качествѣ простаго зрителя при разлученіи разныхъ душъ съ ихъ тѣлами. Ниже мы рассмотримъ подробно эпизодъ „Павлова видѣнія“, касающійся данного предмета. Теперь же замѣтимъ, что между различными отшельниками IV-го вѣка наибольшую популярность въ разказахъ о загробныхъ видѣніяхъ приобрѣлъ Макарій, по прозванію горожанинъ или младшій, уроженецъ Александріи. Современникъ Макарія Великаго и сотрудникъ его по организаціи монашеской жизни, онъ нерѣдко съ нимъ отождествляется въ преданіяхъ и трудно бываетъ ихъ разграничить. Къ тому же обстоятельства жизни этого Макарія мало извѣстны; изъ трудовъ его только одно сочиненіе „посланіе къ монахамъ“ приписывается ему съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ ¹⁾. Жизнеописаніе же его представляетъ сплошной рядъ разказовъ о чудесахъ, о суровомъ, неустанномъ подвижничествѣ въ аскетизмѣ, хотя онъ принялъ христіанство уже въ возмужаломъ возрастѣ, 40 лѣтъ отъ роду. Съ тѣхъ поръ онъ уединился въ пустынѣ, наложилъ на себя обѣтъ молчанія и эта самая таинственность, которая облекала его жизнь, должна была содѣйствовать развитію разказовъ о необычайныхъ видѣніяхъ, которыя ему представлялись, или въ которыхъ онъ являлся дѣйствующимъ лицомъ. Въ числѣ послѣднихъ мы на первомъ планѣ должны назвать видѣніе, сообщенное нѣкимъ Александромъ отшельникомъ, — какъ предполагаютъ, однимъ изъ послѣдователей Макарія, но о времени жизни котораго мы ничего не знаемъ ²⁾. Содержаніе видѣнія вкратцѣ сводится къ слѣдующему:

¹⁾ См. *Migne, Patr. Gr.* 34. Греческаго подлинника этого „Посланія“ мы не видимъ.

²⁾ Имя Александра Аскета стоитъ только въ нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ, въ другихъ повѣствованіе анонимно. См. *Fabricius, Bibl. Gr.*, VII, p. 494—95, X. p. 473. *Migne, Patr. Gr.*, 77, p. 385—392, переводилъ его по *Guil.*

Однажды, шествуя по пустынѣ, авторъ увидѣлъ Макарія въ сообществѣ двухъ ангеловъ. Пройдя немного пути, трое спутниковъ встрѣтили разлагающійся трупъ, который издавалъ столь сильный запахъ, что Макарій зажалъ себѣ носъ. Его примѣру послѣдовали и ангелы. Тогда Макарій спросилъ ихъ—развѣ ангелы чувствительны къ мірскимъ запахамъ? „Нѣтъ, отвѣтили ангелы, но видя, что ты зажимаешь носъ, и мы то же сдѣлали“. Ангелы могутъ ощущать только запахъ грѣховъ, который для нихъ столь же неприятенъ, какъ и запахъ трупа. Макарій сталъ спрашивать ангеловъ о томъ, когда они ощущаютъ этотъ запахъ, при жизни человѣка или послѣ его смерти, и какъ они распознаютъ добрыхъ отъ грѣшныхъ душъ? Изъ отвѣта ангеловъ слѣдуетъ, что душа по существу своему чиста и непорочна, какъ вдохновенная безсмертнымъ свѣтомъ (ὡς τοῦ ἀθανάτου φωτός ἐμφοσημα). Но, если она не управляла, какъ надлежитъ, своимъ тѣломъ, то грѣхи ее пятнаютъ и душа теряетъ свою чистоту; запахъ грѣховъ слышенъ еще при жизни, но онъ ощутительнѣе послѣ смерти. За симъ ангелы повели разказъ о томъ, какъ происходитъ разставаніе души съ тѣломъ: подобно тому, какъ вѣстники царя приводятъ въ трепетъ человѣка, котораго они забираютъ противъ его воли, такъ и душа трепещетъ, когда являюся къ ней посланники Бога, чтобы разлучить ее съ тѣломъ, будь то ангелы милостивые или грозные. Она сознаетъ свою немощь, видитъ шесту богатствъ, беспомощность родныхъ и друзей; видитъ душа слезы, которыя по ней проливаютъ и не можетъ слова промолвить. Она боится суровости ангеловъ, во власти которыхъ находится, и ей жаль всего того, съ чѣмъ разстается, и даже своего тѣла ей жаль. Итакъ, разставаніе души съ тѣломъ тяжело и единственное утѣшеніе, которое остается душѣ,—это сознаніе своихъ добрыхъ дѣлъ, такъ какъ прежде чѣмъ она предстанетъ на судъ Всевышняго, она подвергается суду своей совѣсти. Послѣ этого разказа ангелы, по просьбѣ Макарія, объясняютъ ему, почему должно совершать поминанія на третій, девятый и сороковой день послѣ смерти. Объясненіе дается въ связи съ судьбою души за гробомъ: первые два дня она остается на землѣ, причемъ душа грѣшника блуждаетъ вокругъ своего тѣла, а душа праведника обходитъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ она творила добро. На третій день души поклоняются Богу, за симъ въ теченіе шести дней обзираютъ селенія праведниковъ. Если душа отягощена грѣхами, то видя блаженство небожителей она горько сѣтуетъ, сокрушаясь о своихъ суетныхъ заботахъ въ мірѣ и говорятъ: „Какая польза мнѣ теперь въ виноградникахъ, которыя я разсаживала, и въ садахъ? Что мнѣ въ томъ полѣ, которымъ я владѣла? Что злато мнѣ и богатства? Какая польза отъ сладостей мірскихъ и утѣхъ? Увы мнѣ, напрасно я трудилась! Увы, какъ безумно я жила! Увы, я полюбила кратковременную славу и приобрѣла вѣчную юдоль! Горе мнѣ, что я потеряла! Горе мнѣ, какъ помрачилась я! я въ неизвѣстности. Увы, никто

Caveas, Ser. ecc. histor. liter., подъ заглавіемъ: „Слово Макарія Александрійскаго объ исходѣ души праведныхъ и грѣшныхъ, какъ они разлучаются съ тѣломъ и въ какомъ состояніи пребываютъ“. Заглавіе это, очевидно, ошибочное, такъ какъ Макарій является во всякомъ случаѣ не авторомъ „слова“, а дѣйствующимъ лицомъ въ видѣаніи. Мнѣнія о степени достовѣрности разказа см. ниже.

не можетъ пособить мнѣ, чтобы я, злосчастная, приобщилась къ славѣ Бога!¹ На девятый день слѣдуетъ новое поклоненіе Богу, послѣ чего въ течение тридцати дней душамъ показываютъ муки ада. Только на сороковой день вѣчный Судія указываетъ душѣ мѣсто сообразно дѣламъ ея (τόν τόπον τῆς παραφύλαξης)¹). Особая судьба ожидаетъ души не крещенныхъ: ихъ хватаютъ ангелы немилостивые, грубо вырываютъ изъ тѣла и осыпаютъ упреками за то, что они не признавали истиннаго Бога. Душѣ язычника только издали показываютъ райскія селенія, но, не допуская къ нимъ, прямо ввергаютъ ее въ адъ, гдѣ въ вѣчномъ огнѣ мучится дьяволъ и его служители. Когда ангелы окончили свой разказъ, они, обхвативъ святаго Макарія, вмѣстѣ съ нимъ исчезли изъ виду.

Первый издатель изложеннаго преданія, Guillelmus Caveus (въ XVII вѣкѣ) отнесся къ нему недовѣрчиво, признавая въ немъ „*recentioris cujusdam Graeculi commentum, qui quae hac de re somnavit ad dialogi formam Macarium inter et angelos rededit*“ (Migne, l. c., 386) Казимиръ Удинъ тоже называетъ его—*sermonem absurdissimum* (Migne, l. c., 382), а Андр. Галандъ указываетъ, что *neque deesse complura huic affinia in vitis et apophthegmatis patrum, jam porunt eruditi* (Migne, l. c., 375). Мы укажемъ лишь на одинъ аналогичный разказъ въ отдѣлѣ *Vitae patrum*, который носитъ заглавіе—*Verba Seniorum*²). Правда, онъ не тождественъ съ легендой о Макаріѣ, но представляется намъ въ извѣстномъ сродствѣ съ нею,

¹) Въ православной церкви преобладаетъ символическое толкованіе установленія извѣстныхъ дней для почитанія умершихъ: такъ, третій день—въ память воскресенія Христова, девятый—либо въ честь девяти ангельскихъ чиновъ, либо вторичнаго явленія Христа апостоламъ и обращенія Фомы, (двадцатый—явленія Христа Лукѣ и Клеопу); сороковой—въ память Вознесенія. См. ссылку на апостольскія постановленія (Constit. apostol., lib. VIII, cap. 41—42) у *Ляни-девскаго*, О помин. усопшихъ, 1844, стр. 14; *Сахаровъ* (Эсхатологическія сказанія, стр. 17) указываетъ на Евстратія (apud Phot. Bibl., cod. CLXXI), то же и въ Вопросахъ Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ (*ibid*, стр. 219—221). Такимъ образомъ особенностью разказа Александра Отшельника является попытка согласовать символическое толкованіе (которое также предлагается для третьяго дня) съ эсхатологическимъ преданіемъ. Въ параллель къ послѣднему припомнимъ одинъ эпизодъ изъ Зендъ-Авесты, гдѣ излагается судьба праведной души и грѣшной непосредственно послѣ смерти. Душа грѣшника тоже остается первые три дня около покойника; она бѣгаетъ вокругъ головы его и восклицаетъ: „въ какую сторону мнѣ обратиться? куда дѣться мнѣ?“ За ночь душа претерпѣваетъ столько же зла, сколько она сотворила въ жизни. Только на третій день душа вступаетъ въ прешподнюю, гдѣ подвергается разнымъ мукамъ и т. д. см. *Haug*, *Arda-Viraf*, прилож. *Nadokht Nask*, съ англійскимъ переводомъ en regard. London—Bombey, 1872).

²) *Migne*, *Patr. Lat.*, 73, 1011—1012.

при чемъ сближается и съ анонимной латинской легендой, которую мы привели выше.

Нѣкоторый старецъ пожелалъ узнать, какъ происходитъ разлученіе души съ тѣломъ праведника и грѣшника. Его мольба была услышана, и вотъ разъ, когда онъ сидѣлъ въ своей кельѣ, вошелъ въ нее волкъ и, ухвативъ зубами за полы его платья, повелъ за собой. Пришли они въ какой-то городъ, за стѣной котораго стоялъ монастырь. Старецъ присутствуетъ за сѣмъ при кончинѣ одного изъ обывателей этого монастыря, который слылъ великимъ подвижникомъ. На самомъ же дѣлѣ онъ далеко не заслужилъ почестей, которыя ему оказывали, и когда наступилъ часъ смерти, не смотря на всѣ пышныя приготовленія, на множество зажженныхъ лампадъ, старецъ видитъ, что къ одру умирающаго приблизился демонъ (*tartaricus inferni*) съ огненнымъ трезубцемъ въ рукахъ и услышанъ былъ свыше гласъ: „Какъ эта душа не давала мнѣ покою (*peque pna hoga in se*), такъ и ты не щади ее, извлекая ее изъ тѣла“. И демонъ долго мучилъ душу своимъ трезубцемъ, пока, наконецъ, не разлучилъ ее съ тѣломъ.

Послѣ этого старецъ пошелъ въ городъ и увидѣлъ тамъ странника, лежащаго на улицѣ, больнаго, и некому было за нимъ ухаживать. Старецъ пробывъ съ нимъ день. Вотъ увидѣлъ онъ, что спускаются съ неба архангелы Михаилъ и Гавріилъ и садятся одесную и ошую его, приглашая душу выйти изъ тѣла. Но она не захотѣла послушаться ихъ зова, а архангелы не смѣютъ употребить силу, такъ какъ это имъ запрещено. Они недоумѣваютъ, какъ быть, и обращаются къ Богу за наставленіями. Раздался голосъ съ неба: „Пошлю я къ этой душѣ Давида съ гуслями и всѣхъ псалмопѣвцевъ Іерусалима“. И душа вышла послушать райскаго пѣнія; съѣла она прямо на руки архангелу Михаилу, и съ радостью была вознесена на небо ¹⁾.

Сатирическій элементъ, вложенный въ эту легенду, гдѣ грѣшникомъ оказывается—монахъ, самъ по себѣ обличаетъ позднюю обработку сюжета, по отношенію къ которому анонимная легенда Макарія представляется намъ гораздо болѣе архаичной. Разнятся онѣ также въ подробностяхъ описанія посмертной судьбы души, при чемъ опущена вся та часть разказа изъ видѣнія о Макаріѣ, которая приурочена къ обрядностямъ церкви и гдѣ говорится о посѣщеніи душою рая и ада.

¹⁾ Припомнимъ средневѣковое еврейское преданіе о смерти Моисея, душа котораго тоже не хотѣла разстаться со своимъ тѣломъ, чувствуя себя въ немъ хорошо. Архангелы Гавріилъ и Михаилъ отказываются извлекать ее изъ тѣла, а Самавель, дважды спустившись на землю къ Моисею, тоже оказывается не въ состояніи извлечь изъ него душу. Тогда самъ Богъ снисходитъ къ Моисею и, поджававъ его въ уста, принимаетъ въ лобзаніи его душу. См. *Salvatore de Benedetti*, *Vita e Morte di Mose, leggende ebraiche*, Pisa, 1879, 92—97. Ср. *Порфиріева*, Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтн. лицахъ и событіяхъ, стр. 63—67.

Всего этого нѣтъ и въ вышеизложенной латинской анонимной легендѣ, приписанной тому же Макарію; тѣмъ не менѣе отношеніе ея къ видѣнію Александра Аскета представляется довольно близкимъ, и намъ кажется, что можно все-таки принять, что это видѣніе о Макаріѣ послужило отдаленной основой разказа латинской легенды, на сближеніе съ которой уполномочиваетъ насъ и упоминаніе имени Макарія, которому данное повѣствованіе приписывается. Рѣчи души, обращенныя къ тѣлу, соотвѣтствуютъ аналогичнымъ сѣтованіямъ грѣшной души при созерцаніи райскихъ блаженствъ, которыхъ она на вѣки лишилась; демонъ съ трезубцемъ, мучащій умирающаго, соотвѣтствуетъ повелѣнію свыше демонамъ поражать одинъ за другимъ члены грѣшника; наконецъ, хотя латинская легенда не разказываетъ о посѣщеніи душами рая, намѣкъ на это мы находимъ при упоминаніи о небесномъ свѣтѣ, мимо котораго проносятся душу. Такимъ образомъ, мы все-таки склонны усматривать связь между обоими преданіями, хотя бы и отдаленную. X

Первоначальная легенда подверглась значительнымъ измѣненіямъ и осложненіямъ подъ вліяніемъ другихъ сказаній, группирующихся около того же сюжета. Видѣніе, приписываемое Александру Аскету, мы все-таки считаемъ довольно древняго происхожденія и если оно не современно житію самого Макарія, то во всякомъ случаѣ должно было сложиться вскорѣ послѣ его смерти. Въ пользу нашего мнѣнія говорятъ преимущественно доказательства внутреннія и особое мѣсто, которое занимаетъ видѣніе о Макаріѣ въ ряду прочихъ сказаній объ исходѣ души, весьма устойчивыхъ въ преданіи Восточной церкви. Замѣтимъ, что въ немъ нѣкоторыя подробности совсѣмъ не развиты: такъ, хотя авторъ подробно описываетъ тревожное состояніе души въ моментъ смерти и ея позднія сѣтованія послѣ разлуки съ тѣломъ, онъ ограничивается указаніемъ, что душа въ этотъ моментъ подвергается лишь суду своей совѣсти. Ничего не говорится ни о томъ, какіе ангелы возьмутъ ее, ни о спорахъ между ангелами и демонами, ни о мытарствахъ души. Здѣсь, повидимому, совершенно безразлично отъ того, какая душа: праведная или грѣшная, ее уносятъ ангелы показывать ей рай и адъ, и потомъ уже отводятъ въ мѣсто, гдѣ она должна ожидать кончины міра. Между тѣмъ ученіе о мытарствахъ несомнѣнно существовало въ преданіи уже въ концѣ IV-го вѣка, а на пререканія между ангелами и демонами ссылаются неоднократно писатели болѣе ранняго времени¹⁾. Подробную картину

¹⁾ Ср. *Пономаревъ*, Собесѣдованія св. Григорія Великаго, стр. 94.

восхожденія души къ небу мимо властителей тьмы, которые стараются преградить ей путь, рисуется намъ въ началѣ V-го вѣка Кирилль Александрійскій въ своемъ знаменитомъ „Словѣ объ исходѣ души и о второмъ пришествіи“¹⁾. Слово это — настоящій образецъ духовнаго краснорѣчія, быть можетъ, нѣсколько напыщеннаго и витіеватаго, но проникнутаго сильнымъ паѳосомъ; авторъ не ограничивается въ немъ общими фразами назидательнаго характера, но также вводитъ въ свое „слово“ повѣствовательный элементъ и съ этой-то точки зрѣнія небезынтересно сравнить его съ вышеизложенной легендой о Макаріѣ, равно какъ и съ другими одновременными сказаніями о судьбѣ души послѣ смерти. Авторъ начинаетъ съ мысли о смерти, которая вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ патетическихъ восклицаній. Въ моментъ смерти, говоритъ онъ затѣмъ, придется намъ дать отчетъ о всѣхъ дѣлахъ своихъ; онъ не называетъ этотъ актъ прямо судомъ совѣсти, какъ авторъ видѣнія о Макаріѣ, но какъ бы намекаетъ на него, говоря, что „судія (ὁ δικάστη; ἐχθῖνος) не нуждается ни въ свидѣтеляхъ, ни въ осужденіяхъ, но все содѣланное нами предстанетъ передъ очами согрѣшившихъ“. Ни родные, ни друзья не помогутъ подсудимому, приговоръ надъ которымъ будетъ исключительно зависѣть отъ его поступковъ. Затѣмъ слѣдуютъ сѣтованія души объ ея прегрѣшеніяхъ, аналогичныя приведеннымъ въ видѣніи о Макаріѣ Александрійскомъ. Но далѣе разказъ осложняется новыми подробностями: приближаются къ одру умирающаго добрые ангелы и полчища демоновъ, грозный видъ которыхъ приводитъ душу въ трепеть. Ее все-таки принимаютъ два ангела, безразлично отъ степени ея грѣховности, и начинается восхожденіе къ небу мимо притоновъ, гдѣ гнѣздятся грозные мытари, князья пороковъ. При прохожденіи души ее допрашиваютъ порознь о каждомъ грѣхѣ, при чемъ ангелы противопоставляютъ имъ добрыя дѣла, въ силу которыхъ душа получаетъ пропускъ. Кирилль Александрійскій перечисляетъ лишь пять мытарствъ, заканчивая перечень общою фразой, что вообще всякій грѣхъ имѣетъ своихъ мытарей и передъ ними должна очиститься душа раньше, чѣмъ получить пропускъ. Если она пройдетъ благополучно всѣ мытарства, то будетъ приобщена къ числу праведныхъ и помѣстятъ ее въ жилище блаженныхъ; если же нѣтъ, то демоны совлекутъ ее опять на землю съ того самаго этапа, мимо котораго она не удостоилась пройти,

¹⁾ *Migne*, Patr. Gr., 77, 1072—1089.

и за симъ ввергнуть ея въ темницу, гдѣ вѣчный огонь и скрежетъ зубовъ. Тщетны будутъ ея мольбы о помилованіи, — никто ихъ не услышитъ. Авторъ снова вдается въ разсужденія о суетности мірскихъ соблазновъ, въ тщетѣ которыхъ душа убѣждается послѣ смерти. Это мѣсто аналогично сѣтованіямъ души въ видѣніи Александра, но распространениѣе, ибо, кромѣ восклицаній о томъ — гдѣ теперь услады жизни, сокровища и золото и т. д., авторъ восклицаетъ: „что стало съ царями? Гдѣ князья и полководцы? Гдѣ нынѣ богачи, безпощадные къ несчастнымъ и презиравшіе Бога?“ и т. д. Такимъ образомъ къ мысли о суетности мірскихъ вождельній присоединяется другая — о неотвратимости смерти, которая никого не пощадитъ ¹⁾. „Гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ изслѣдователь сего вѣка?“ — такъ заканчиваетъ авторъ свой перечень бренныхъ предметовъ и существъ міра, а за симъ, послѣ поученія соотвѣтственно сюжету, переходитъ къ разказу о страшномъ судѣ. И такъ, не смотря на нѣкоторыя совпаденія проповѣди Кирилла съ связаніемъ о Макаріѣ, оба произведенія разнятся главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что Кириллъ не упоминаетъ о посѣщеніи душою рая и ада, до назначенія ей опредѣленнаго мѣста въ ожиданіи страшнаго суда. Онъ даже, повидимому, не долженъ былъ допускать этого, такъ какъ, по его изложенію, грѣшная душа, не прошедшая мытарствъ, низвергается снова на землю, откуда уже отводится прямо въ мѣсто скорби и страданій. Указаніе о посѣщеніи душою рая и ада въ видѣніи о Макаріѣ, характеризуетъ этотъ разказъ, какъ редакцію особаго типа. Но мы видѣли, что взаимнѣ того у Кирилла подробно изложены мытарства души, и въ виду популярности, которою пользовалось это ученіе въ восточной церкви, мы считаемъ маловѣроятнымъ, чтобы объ немъ не упомянулъ писатель позднѣйшей эпохи. Между тѣмъ авторъ видѣнія о Макаріѣ ограничивается указаніемъ лишь на судъ совѣсти, который представляется намъ первоначальной, архаичной формой ученія о мытарствахъ.

Въ сущности моральное значеніе ученія о мытарствахъ тождественно съ судомъ совѣсти и воспоминаніемъ въ предсмертныи часъ обо всѣхъ дѣлахъ, совершенныхъ въ жизни. Но перечисленіе грѣ-

¹⁾ *Migne*, l. e., p. 1077—1078. Ср. аналогичный приѣмъ перечисленія жертвъ смерти у Еурема Сирина (Творенія св. отцовъ въ русск. перев., изд. Московской Дух. Акад. т. XVIII, 121 — 122). Этотъ мотивъ приобрѣлъ большую популярность въ средніе вѣка, такъ что намъ придется еще къ нему вернуться.

ховъ одинъ за однимъ и размѣщеніе ихъ по этапамъ въ воздушномъ пространствѣ гдѣ носятся власти тьмы, допрашивающія душу о каждомъ грѣхѣ порознь, даетъ гораздо болѣе развитое и образное представленіе о судѣ совѣсти, чѣмъ простое упоминаніе о дѣлахъ, которыя проносятся въ памяти умирающаго. Въ такомъ болѣе простомъ видѣ мы встрѣчаемъ ту же мысль и въ еврейскихъ преданіяхъ: „въ часъ кончины, говорится въ Талмудѣ ¹⁾, предстануть передъ умирающимъ всѣ Дѣла его и закричатъ ему: „Ты помнишь ли о насъ? помнишь ли то мѣсто? то время? тотъ часъ?“ И несчастный долженъ признаться, что онъ все помнитъ, и Дѣла приказываютъ ему записать то, что подсказываетъ ему память. Умирающій исполняетъ это, восклицая: „справедливъ Богъ!“ Подобные же переговоры умирающаго съ его дѣлами мы находимъ и у Ефрема Сирина: въ моментъ смерти, говоритъ онъ ²⁾, обступать человѣка всѣ дѣла его и, если они грѣховны, наводятъ такой ужасъ на его душу, что она не рѣшается выйти изъ тѣла и проситъ отсрочки. Но дѣла отвѣтятъ ей: „ты сотворила насъ, съ тобою вмѣстѣ мы предстанемъ передъ Богомъ!“ Здѣсь, какъ видно, тоже еще нѣтъ указанія на мытарства и отвѣтственность за дѣла представлена въ архаичной формѣ суда совѣсти. Но на встрѣчу этому представленію шло другое преданіе о борьбѣ и столкновеніяхъ между добрыми и злыми духами, слетающимися къ одру умирающаго. Указаніе на это ветхозавѣтное преданіе мы встрѣчаемъ у того же Ефрема Сирина („De semper habenda in mente die exitus vitae“), при чемъ, очевидно, темные духи являются носителями грѣховъ, а ангелы—добродѣтелей. Ефремъ ограничивается констатированіемъ факта, что тѣ изъ нихъ понесутъ души, на чьей сторонѣ окажутся поступки покойнаго, и отведутъ ее либо въ селеніе праведныхъ, либо въ мѣсто мрачное. Сочетаніе обоихъ образовъ (вспоминаніе о дѣлахъ и духи, прилетающіе за душой) даетъ намъ въ слитной и развитой формѣ ученіе о мытарствахъ, о которыхъ повѣствуетъ Кириллъ Александрійскій. Мы не нашли указанія на это ученіе въ видѣніи о Макаріѣ, приписываемомъ Александру, но оно послужило содержаніемъ самостоятельнаго произведенія, связаннаго съ тѣмъ же име-

¹⁾ См. *Levi*, Parabole, leggende e pensieri raccolti dai libri talmudici dei primi cinque secoli dell' E. D., Firenze, 1861, p. 83. „L'ultima ora della vita“.

²⁾ De poenitentia et iudicio et separatione animae et corporis. См. S. Ephr. Opera, Roma, MDCCXLVI, I, III, p. 376.

немъ Макарія, не извѣстно лишь котораго изъ нихъ—Египетскаго или Александрійскаго. Въ позднѣйшихъ, преимущественно славянскихъ текстахъ оно приписывается Макарію Великому, но въ сущности для насъ вопросъ, которому изъ двухъ Макаріевъ оно принадлежитъ, не существенъ. Интересно это сказаніе, какъ связанное съ тѣмъ же сюжетомъ о судьбѣ душъ послѣ смерти и какъ развивающее именно тотъ моментъ, который опущенъ въ видѣніи о Макаріѣ Александрійскомъ. Мы его примемъ за представителя другой, второй редакціи сказаній объ исходѣ души и остановимся нѣсколько на его разсмотрѣніи въ связи съ другими апокрифическими сказаніями той же категоріи.

Разказъ, который мы имѣемъ въ виду, есть „видѣніе объ ангелахъ Макарія“, сохранившееся въ двухъ редакціяхъ и впервые изданное Migne, Patr. Gr., 34, 221 — 230, по Вѣнской рукописи ¹⁾. Остановимся на второй редакціи:

Макарій повѣствуетъ, что какъ-то, стоя на молитвѣ, увидѣлъ онъ надъ собою разверзтое небо и тамъ сонмища ангеловъ, летящихъ взадъ и впередъ, неся души. Съ другой стороны демоны устремлялись имъ на встрѣчу, стараясь отнять у нихъ души людей, но ангелы ихъ отставали. Снова взглянулъ Макарій на верхъ и увидѣлъ двухъ ангеловъ, которые несли душу на небо. Когда они достигли перваго мытарства (τῶ τελευτῆ τῆς πορείας καὶ μετὰ τῆς καὶ ὑδροπυλῆς), ихъ задержалъ князь мытарей и завязался между нимъ и ангелами споръ о грѣхахъ души. Ангелы указывали, что она очистилась отъ нихъ покаянiемъ, но демоны не хотѣли этого признать; тогда призываютъ къ спросу ангела-хранителя умершаго и онъ подтверждаетъ, что передъ самой смертью покойникъ призвалъ священника и покаялся въ грѣхахъ: слѣдовательно, Богъ отпустилъ ихъ. Мытари должны смириться и ангелы съ торжествомъ возносятъ душу на небо.

Слѣдуетъ за симъ другая аналогическая сцена; и на этотъ разъ ангеламъ удается отстоять душу, не смотря на всѣ грѣхи ея, такъ какъ она искупила ихъ милостынею и подавнiями священнослужителямъ. Демоны такъ раздосадованы вторичною побѣдою ангеловъ, что говорятъ имъ: если такъ будетъ продолжаться, то пусть ангелы возьмутъ на себя управление міромъ и задаромъ проносятъ всѣхъ грѣшниковъ въ рай; „а то мы напрасно только трудимся“... Ангелы вразумляютъ ихъ въ справедливости суда Божія. Въ третій разъ смотритъ Макарій на небо и видитъ душу праведника, которую ангелы уже безпрепятственно относятъ на небо. На встрѣчу ей изъ дверей райа выходятъ небожители съ прiвѣтствіями и, чѣмъ выше душа поднимается, тѣмъ больше ликования. Наконецъ, она предстаетъ передъ престоломъ Всевышняго и передается архангелу Михаилу, который отводитъ ее на вѣчный покой. Последнимъ эпизодомъ видѣнія является разказъ о душѣ самоубійцы

¹⁾ Описание рукописи. *Lambecius*, I, IV, p. 442.

(повѣсившагося), которую демоны влекутъ прямо въ преисподнюю, при чемъ ангелъ кричитъ имъ во слѣдъ: „Горе вамъ, неистовнымъ демонамъ, которые причинили это несчастье!“

Приведенный разказъ составляетъ разработку одного мотива, который съ особенной полнотой и подробностями развитъ въ апокрифическомъ видѣннн апостола Павла. Мы ниже обратимся къ разбору его, но здѣсь же замѣтимъ, что въ видѣннн Макарія ему придана особая окраска, болѣе свѣтлая и гуманная: двѣ грѣшныя души проникаютъ въ рай, не смотря на всѣ протесты демоновъ, и только вкратцѣ упомянуто о душѣ самоубійцы, которая осуждена на погибель; но виновниками этого признаются тѣ же демоны, которыхъ ангелъ напутствуетъ своими проклятіями. Словомъ, авторъ какъ бы хотѣлъ не столько устрашить своимъ разказомъ слушателей, какъ вселить въ нихъ вѣру въ милосердіе и милостивость Божьяго суда (разказъ о которомъ, впрочемъ, опущенъ), ободрить ихъ надеждою на возможность прощенія даже въ тяжкихъ грѣхахъ, подѣ условіемъ лишь искренняго покаянія и милостыни. Совершенно иное освѣщеніе въ Павловомъ видѣннн, и иной исходный пунктъ въ западно-европейскихъ обработкахъ сюжета, какъ мы это увидимъ ниже. Почти дословно передается „видѣніе объ ангелахъ“ въ житіи св. Нифонта, о которомъ, какъ извѣстно ¹⁾, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній и потому не можемъ опредѣлить, какимъ образомъ произошло перенесеніе. Какъ бы то ни было, въ славянскихъ текстахъ вышеприведенный разказъ приурочивается именно къ Нифонту и подѣ его именемъ перешелъ въ печатный Прологъ, подѣ 25-е декабря. Единственное видоизмѣненіе разказа заключается въ томъ, что двѣ первыя сцены слиты въ одну, и сразу же послѣ призыва ангела хранителя, подтверждающаго, что душа покаялась въ грѣхахъ и прощена Богомъ, демоны говорятъ: „аще достоинъ сему спасену быти, то приметь весь міръ спасеніе и вси грѣшніи и всуе мы трудимся“. Ангелы ихъ также убѣждаютъ въ Божіемъ правосудіи; послѣдній эпизодъ о душѣ самоубійцы опущенъ. Въ виду колебанія въ приуроченіи этого сказанія то Макарію, то въ сокращенной редакціи Нифонту, мы должны сознаться въ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ о его первоначальномъ авторѣ. Но для насъ важно, что во всякомъ случаѣ имя Макарія здѣсь тоже упомянуто и преданіе

¹⁾ Ср. *Костомарова* Мистическая повѣсть о Нифонтѣ, Историческ. моногр. и изслѣдов. I, 291. *Полънова*, Житіе св. Нифонта Константиноградскаго по рукописи XII—XIII в., въ *Извѣст. Императ. Акад. Наукъ*, т. X, вып. II, 1862, 374.

устойчиво приписываетъ ему разказы эсхатологическаго характера. Онъ становится какъ бы собирательнымъ лицомъ по отношенію къ подобнымъ сказаніямъ, и въ подтвержденіе этого можно указать еще на третью легенду съ однороднымъ сюжетомъ, хотя иначе разказаннымъ. Имѣемъ въ виду легенду о встрѣчѣ Макарія съ мертвой головой идольскаго жреца ¹⁾, легенду, которая проникла и въ русскіе Синодѣи ²⁾. Хотя легенда эта обыкновенно приписывается Макарію Великому, но мы уже говорили, что въ преданіяхъ легко могло произойти смѣшеніе обоихъ Макаріевъ, и въ сущности, какъ ихъ дѣятельность, такъ и преданія о нихъ представлялись однородными. Встрѣча въ пустынѣ мертвой головы — сюжетъ весьма однородный съ встрѣчею трупа въ пустынѣ же, и какъ въ легендѣ о Макаріѣ Александрійскомъ старецъ по поводу этого трупа спрашиваетъ объ участи душъ умершихъ, такъ и здѣсь Макарій спрашиваетъ голову о томъ, что испытываетъ душа жреца за гробомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ принять, что съ ранняго времени имя Макарія было связано съ преданіями эсхатологическаго характера. Приурочивались аналогичныя преданія и къ другимъ лицамъ: мы напомнимъ апокрифическое жизнеописаніе Іосифа плотника, дошедшее до насъ лишь въ арабскомъ пересказѣ, какъ предполагаютъ съ коптскаго оригинала ³⁾. Описаніе кончины Іосифа примыкаетъ непосредственно къ сказаніямъ объ исходѣ души, при чемъ довольно подробно развитъ и мотивъ сѣтованій души: чувствуя приближеніе смерти, Іосифъ проклинаетъ часъ своего рожденія, утробу матери, зачавшей его и далѣе обвиняетъ одну за другой всѣ части тѣла за ихъ дурное поведеніе ⁴⁾. Но вотъ является сама смерть, съ грознымъ полчищемъ

¹⁾ Ср. *Collectio Rosweidiana Vitarum patrum*, lib. III, cap. 172, p. 526; *Migne, Patr. Gr.*, 34, p. 133 и тамъ же p. 258.

²⁾ См. Синодикъ Холмогорской Епархіи, изд. *Общ. любит. древн. Писем.*, XXXII, № 105 (1878 г.), стр. 9—11.

³⁾ *J. C. Thilo*, *Codex apocryphus novi testamenti*, I, 1832, *Historia Josephi Fabri Lignarii*, стр. XV—XXVI, арабскій текстъ съ лат. переводомъ стр. 1—61. Ср. *Michel Nicolas*, *Études sur les évangiles apocryphes*, Paris, 1866, 228—232.

⁴⁾ Мотивъ этотъ, какъ увидимъ ниже, получалъ дальнѣйшее развитіе. Нельзя не признать его средства съ особенностью разказовъ, уже указанною нами, по которой ангеломъ смерти дается приказаніе поражать одну за другой части тѣла, какъ бы самостоятельно повинныя въ дѣяніяхъ человека. Вотъ названное мѣсто въ жизнеописаніи Іосефа (*Thilo*, l. c., 29—30). „Vae linguae et labiis meis, quae protulerunt et locuta sunt vanitatem, obrectationem, mendacium, etc. Vae oculis meis, quae conspexerunt scandalum. Vae auribus meis, quae calumniatorum

своихъ служителей, и Иосифъ, отшатнувшись отъ нея, обращается съ мольбой къ Богу. Всевышній Судія присылаетъ двухъ своихъ архангеловъ, Михаила и Гавріила, которые принимаютъ душу Иосифа, и обернувъ въ сіяющую пелену, возносятъ на небо. По пути они отстаиваютъ душу отъ духовъ тьмы, витающихъ въ пространствахъ: „at angeli conservarunt animam ejus a daemonibus tenebrarum, qui erant in via“. Въ этой фразѣ заключается намекъ на ученіе о мытарствахъ, хотя въ не развитой формѣ. Что касается обворачиванія души въ пелену, то Мишель Николъ ¹⁾ припоминаетъ разказъ изъ Откровеній святаго Вареоломея ²⁾, по которому душу праведниковъ принимаютъ четыре ангела: двое изъ нихъ держатъ развернутую пелену, въ которую принимаютъ душу по разлученіи ея съ тѣломъ, и затѣмъ съ псалмопѣніями возносятъ на небо. Повѣріе это стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ разсмотрѣнныхъ нами редакцій сказанія объ исходѣ души. Но и первоначальный изводъ легенды о Макаріѣ Александрійскомъ подвергся видоизмѣненіямъ и, какъ мы видѣли, латинская версія ея въ римской рукописи уже значительно отстаетъ отъ первоначальной редакціи. Думаемъ, что эти измѣненія не принадлежатъ латинскому переводчику легенды, а были внесены еще въ какомъ нибудь греческомъ пересказѣ ея, подъ вліяніемъ другихъ единовременныхъ и аналогичныхъ по сюжету сказаній. Въ числѣ этихъ сказаній, обусловившихъ измѣненіе первоначальной схемы преданія, не маловажную роль играетъ одинъ эпизодъ изъ апокрифическаго Видѣнія апостола Павла, эпизодъ, который, какъ указано, является въ весьма близкомъ соотношеніи съ „Видѣніемъ Макарія (=Нифонта) объ ангелахъ“. Къ разсмотрѣнію его судьбы въ различныхъ обработкахъ Павлова Видѣнія мы теперь и обратимся.

в. Вводный эпизодъ въ апокрифическомъ видѣніи апостола Павла.

Видѣніе апостола Павла представляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ изводовъ (на христіанской почвѣ) сказанія о путеше-

---

sermonibus delectabantur. Vae manibus meis, quae capere ad se non jure pertinentia. Vae ventri meo et intestinis, quae appetivere escam ipsis esu interdictam. Vae gutturi meo, instar ignis, omnia, quaecunque inveniebat, consumentia. Vae pedibus meis, qui saepius Deo ingratas ambularunt vias. Vae corpori et vae animae meae tristi, jam a Deo auctore suo aversae*.

¹⁾ *M. Nicolas*, l. c., p. 231.

²⁾ *Fragment des révélations apocryphes de saint Barthelemy, trad. du copte par Ed. Dulaurier*, p. 16—18.

ствіяхъ въ загробный міръ, въ рай и въ адъ. Нѣтъ сомнѣнія, что данное „Видѣніе“, хотя и отверженное церковью, являлось, по справедливому замѣчанію Поля Мейера ¹⁾), „главнымъ источникомъ, откуда въ средніе вѣка почерпались свѣдѣнія о загробныхъ карахъ“. Въ немъ, чуть ли не впервые въ христіанскомъ мірѣ, мы встрѣчаемъ ту фантастичную схему разказа, которая пріобрѣла такую широкую популярность въ средніе вѣка и была увѣковѣчена Дантѣ. Вопросъ объ источникахъ даннаго „Видѣнія“ до сихъ поръ не разсѣдованъ, но извѣстно, со словъ блаженнаго Августина, что исходнымъ пунктомъ ему послужили слова апостола Павла (II, Коринѣ., 12, 2 слл.) и что съ раннихъ поръ это сказаніе существовало въ двухъ редакціяхъ. Тишендорфъ ²⁾) относитъ къ 380 году время сложенія греческаго подлинника „Видѣнія“, при чемъ только одна редакція его дошла до насъ въ болѣе позднихъ версіяхъ, къ которымъ относятся: греческій текстъ (по двумъ рукописямъ, незначительно между собою разнящимся, XIII и XV в.), сирийскій переводъ, церковно-славянскій текстъ (по рукописи XV вѣка) и многочисленные латинскіе пересказы „Видѣнія“, къ которымъ примыкаютъ обработки на ново-европейскихъ языкахъ. Сравнительному изученію всѣхъ этихъ версій (за исключеніемъ русской и итальянскихъ) посвящена работа Брандеса ³⁾), который попытался возстановить первоначальный типъ сказанія, сливая греческій текстъ ⁴⁾) съ сирийской версіей ⁵⁾) и латинскими обра-

¹⁾ См. *Romania*, VI, 1877, II: „La légende dont la popularité nous est attestée par la variété même des rédactions qu'on en possède a une importance considérable pour l'histoire des croyances religieuses au moyen-âge. Bien que le fait de la descente de saint Paul en enfer et l'écrit qui la raconte aient été également repoussés par l'Église, néanmoins il n'est pas douteux que ce même écrit est la source principale des idées qu'on s'est faites des tourments réservés aux damnés“. Сравн. замѣчаніе г. Пономарева: „осуждалось ложное присвоение этого произведенія ап. Павлу, а вовсе не тѣ представленія или вѣрованія, которые въ немъ излагались“ (Собесѣдов. св. Григорія о загробной жизни, 1886, стр. 106).

²⁾ *Tischenendorf*, *Arcenalypses Arcosurphae*, Lipsiae, 1866. *Prolegomena* XIV — XVIII. Ср. *Сахаровъ*, Эсхатологическія сказанія въ древне-русской письменности, 1879, стр. 200 слл.; *Пономаревъ*, I. с., стр. 104—106.

³⁾ *Hermann Brandes*, *Visio s. Pauli*, Ein Beitrag zur Visionslitteratur, Halle, 1885.

⁴⁾ По изданію *Тишендорфа*, I. с.

⁵⁾ Англійскій переводъ сирийской версій исполненъ г. *Перкенса* (*Journ. of the americ. Orient. soc.*, 1864) и перепечатанъ Тишендорфомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его изданію греческаго текста. Нѣмецкій переводъ той же сирийской версій принадлежить г. *Циммерле* (*Heidenheims Vierteljahrscr.*, IV, 139—183). Мы слѣдуемъ переводу Перкенса.

ботками. Нѣтъ сомнѣнiя, что, еслибы г. Брандесъ былъ знакомъ съ русскимъ текстомъ „Видѣнiя“¹⁾, то онъ высказался бы сдержаннѣе о степени оригинальности, которую онъ склоненъ признать за сирiйскимъ текстомъ, такъ какъ совпаденiя между послѣднимъ и русской версiею, при отличii отъ текста Тишендорфа, указываютъ на то, что оба они возводятся къ одному источнику, сохранившему нѣкоторыя подробности оригинала, ступешавшiя въ позднѣйшемъ греческомъ пересказѣ²⁾. Не имѣя въ виду разсматривать „Павлово видѣнiе“ въ его цѣломъ, мы ограничимся разборомъ одного эпизода его, судьбу котораго прослѣдимъ въ различныхъ обработкахъ сказанiя. Прежде всего надлежитъ напомнить его содержанiе по тѣмъ текстамъ, которые въ томъ или другомъ отношенiи возводятся къ утраченному подлиннику сказанiя, то-есть, по текстамъ Тишендорфа, Перкенса и Тихонравова.

Апостолъ Павелъ, руководимый ангеломъ, возносится въ воздушное пространство, откуда мiръ представляется ему безконечно малымъ. Онъ видитъ, какъ летаютъ ангелы, представляя Богу отчетъ о дѣянiяхъ людскихъ, и спрашиваетъ своего путеводаителя: знаютъ ли души то, что ихъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? За симъ апостолъ высказываетъ желанiе видѣть души „праведныхъ и грѣшныхъ, исходящихъ отъ мiра“. Ангелъ показываетъ ему сперва мiръ, который видѣется въ отдаленiи. Надъ нимъ разстилается огненное облако, которое, по толкованiю ангела, означаетъ беззаконiе людское, смѣшанное съ молитвами грѣшниковъ³⁾. Павелъ плачетъ и вздыхаетъ; снова повторяетъ онъ свою просьбу и снова получаетъ приказанiе

¹⁾ *Тихонравова*, Памяти. отреченной русск. литер., Москва, 1864, II, 43 слл.

²⁾ Г. *Сахаровъ* въ выше указ. трудѣ даетъ подробный пересказъ содержанiя Павлова видѣнiя по тексту Тихонравова, съ обозначенiемъ его отношенiй къ греческой версiи, но о сирiйской версiи онъ ограничивается общимъ замѣчанiемъ объ ея сравнительной чистотѣ (*Сахаровъ*, I. с., 202). Мы почти необходимымъ пересказываемъ занимающiй насъ эпизодъ, отмѣчая и особенности сирiйской версiи, такъ какъ ея совпаденiя съ русскимъ текстомъ особенно любопытны и опровергаютъ мнѣнiе г. Брандеса о самостоятельности сирiйскаго переводчика. Не входимъ въ разсмотрѣнiе вступительной сцены „плача природы“, которая не имѣетъ отношенiй къ занимающему насъ эпизоду.

³⁾ То же и въ греческомъ текстѣ: αὐτῆ ἐστὶν ἡ ἀδικία ἢ συμμιγμένη τῇ ἀπολείᾳ τῶν ἀμαρτηλῶν. Въ сирiйской версiи прибавлено: „когда они (то-есть, грѣшники) молятся, въ сердцахъ ихъ зарождается злоба и свѣтъ ихъ молитвы становится мракомъ“ (when they pray, in their heart ponder evil, and the light of their prayer becomes darkness).

смотрѣть „долу“: тогда увидѣлъ онъ человѣка при смерти. Это былъ праведникъ, человѣкъ бѣдный, который, умирая, обрѣталъ покой. Предъ нимъ предстали всѣ дѣла его, совершенныя во имя Божіе, и „все житіе его“. Душу его принялъ благой ангель бережно и за симъ снова приблизилъ къ тѣлу, трижды повторивъ ей хорошенько запомнить („познать“) его, такъ какъ настанетъ день, когда они будутъ вновь соединены и вмѣстѣ будутъ приобщены къ вѣчному блаженству. Ангель (смерти) цѣлуетъ душу и старается ободрить ее, побуждая мужаться и не слишкомъ бояться Божьяго Суда, такъ какъ она всегда исполняла волю Бога. Съ подобными же словами обращается къ ней и ангель-хранитель усопшаго, напоминая, что онъ всегда относилъ Богу его благія дѣла. Наконецъ, произноситъ рѣчь и духъ, оживлявшій покойнаго ¹⁾; онъ наказываетъ душѣ не бояться невѣдомыхъ селеній, куда она впервые проникаетъ, и выражаетъ свое удовольствіе образомъ жизни умершаго („обрѣтохъ въ тебѣ покой елико время прибыхъ живущи въ тебѣ“). Послѣ этого всѣ они возносятся къ престолу Всевышняго. На пути встрѣчаются имъ „власти“ и „забытый грѣхъ“, которые останавливаютъ душу словами: „помедли, да видимъ нѣсть ли ничего нашего въ тебѣ?“ Но душа оказывается безупречной; покровители ея съ торжествомъ пристыдили демоновъ (съ которыми, по сирійскому тексту, происходили у нихъ не только препирательства, но и борьба); за симъ, по повелѣнію свыше, душа продолжаетъ свой полетъ и, наконецъ, является передъ престоломъ Всевышняго. Архангелъ Михаилъ показываетъ ей вѣчнаго Судію, отъ котораго душа ждетъ приговора. Всѣ ея покровители: ангель смерти, ангель-хранитель и духъ, поочереды ходатайствуютъ за нее и, наконецъ, Богъ приказываетъ предать душу завѣту Михаила, дабы поступили съ нею такъ же, какъ она въ теченіе своей жизни поступала по отношенію къ самому Богу, ни въ чемъ не оскорбляя его. Раздается ликование всѣхъ небожителей, прославляющихъ правосудіе Бога и радующихся спасенію души праведника.

Вслѣдъ за этой сценой слѣдуетъ другая, аналогичная, но гдѣ

---

¹⁾ По тексту Тишендорфа только духъ (τὸ πνεῦμα) обращается съ рѣчью къ душѣ; все послѣдующее опущено до разказа о смерти грѣшника. Но въ сирійскомъ текстѣ мы находимъ тѣ же подробности о смерти праведника, какъ и въ церковно-славянскомъ: отсюда явствуетъ, что сирійскій переводчикъ не сочинилъ ихъ, а принадлежатъ они утраченному оригиналу Видвѣнія, содержаніе котораго съ большей обстоятельностью сохранено въ церковно-славянскомъ его пересказѣ, чѣмъ въ дошедшей до насъ греческой версiи.

разказывается о смерти грѣшника. Мы укажемъ только нѣкоторыя особенности ея въ отличіе отъ предшествовавшей. Когда грѣшникъ, проводившій всю свою жизнь въ ѣдѣ и питьѣ, чувствуетъ приближеніе смерти и всѣ грѣховныя дѣла обступаютъ его, онъ начинаетъ горько сѣтовать и восклицаетъ, что лучше было бы ему не родиться на свѣтъ (этой черты нѣтъ въ греческой версіи). Грозные ангелы съ силой вырываютъ его душу изъ тѣла, и, потрясая ее, трижды приближаютъ вновь къ тѣлу говоря: „О окаянная душа, возри на свою плоть, познай жилище свое, откуда ты вышла, такъ какъ предстоитъ тебѣ вновь вернуться въ свое тѣло, въ день воскресенія, и получишь ты достойніе дѣлъ своихъ“. Ангелъ - хранитель въ свою очередь осыпаетъ душу укорицами; рѣчь его, довольно длинная, по видимому, сливается съ рѣчью, которую долженъ былъ произнести духъ ¹⁾. Однако, послѣдній появляется въ концѣ, на судѣ. Душа же должна одна безъ покровителей пробираться мимо властей тьмы къ престолу Всевышняго ²⁾. По пути она подвергается допросамъ, но Богъ приказываетъ пропустить окаянную душу, дабы она узнала свой приговоръ. Сцена суда представляется двойной: когда грѣшная душа предстала передъ Судіей и ангелъ смерти, ангелъ-хранитель и духъ дали отчетъ объ ея дѣлахъ, Богъ вопрошаетъ еѣ самоѣ. Душа безмолвствуетъ, не имѣя, что сказать въ свое оправданіе; раздаются голоса, хвалящіе правосудіе Бога: душа передается демону Тимѣлиху ³⁾ и отводится въ темницу, гдѣ она должна ожидать втораго пришествія. Снова хоры ангеловъ славословятъ Бога и восхваляютъ сираведливость его суда. За симъ Богъ опять обращается съ вопросомъ къ душѣ, по видимому уже другой, и требуетъ отъ нея отчета въ ея дѣлахъ. Душа отрывается отъ своихъ грѣховъ и навлекаетъ на себя еще большій гнѣвъ Бога, уличающаго ее во лжи. „Не думай, говорить Онъ ей, что здѣсь можно такъ же, какъ въ мірѣ, тайно грѣ-

1) То же смѣшеніе усматривается и въ сирійской версіи.

2) Отмѣтимъ упоминаніе о „сирадѣ грѣховъ“, къ которымъ ангелы оказываются чувствительными, такъ же какъ и въ легендѣ о Макаріѣ Александрійскомъ: въ Тихонравовскомъ текстѣ I. Виднѣя ангелы отказываются отъ заступничества за окаянную душу, ибо сирадѣ ея грѣховности дошелъ до нихъ. Этой черты нѣтъ въ греческой версіи, но сирійская редакція тождественна съ церковно-славянскою: „And the angel of that soul answered and said: All ye, my friends, ask, pray and beseech God, that this soul may be taken from us and from our midst, for, lo, we are tormented by the stench of its odour“.

3) Греч. Τεμελοῦχος; въ сирійск. текстѣ имени нѣтъ.

шить и скрыться отъ ближняго. Здѣсь все обнаруживается“. Душа принуждена замолчать, и вотъ призывается ангель-хранитель умершаго; онъ держитъ въ рукахъ „писаніе“, гдѣ занесены всѣ грѣхи покойника отъ юности и до старости. Богъ клянется собою и всѣми своими ангелами, что если грѣшникъ покается въ своихъ грѣхахъ, то какъ бы ни были они многочисленны, Онъ отпуститъ ихъ. Но, по-видимому, раскаянія не было и послѣ переговоровъ душа сознается въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Она также приговорена, но передается на мученіе другому демону аратырю¹⁾, который заключаетъ ее въ темницу. Небожители вновь славословятъ Бога и хвалятъ Его правосудіе.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго смѣшенія въ разказѣ о двухъ судахъ, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ, при чемъ можно только догадываться, что дѣло идетъ о двухъ различныхъ душахъ, но прямо это не высказано. Въ виду того, что одинаковая неясность усматривается во всѣхъ трехъ текстахъ, должно полагать, что она была и въ болѣе древнихъ версіяхъ, послужившихъ имъ источникомъ. Въ сирійскомъ текстѣ вставлено нѣсколько лишнихъ фразъ, служащихъ именпо для разъясненія неловкаго перехода отъ перваго къ второму суду, при чемъ опущенъ вторичный разказъ объ исходѣ души. Фразы эти указываютъ на вариантъ преданія о немедленномъ судѣ Бога послѣ смерти: „Вотъ уже семь дней, говоритъ вторая душа, какъ я покинула свое тѣло и предана была демонамъ, которые повлекли меня въ ужасныя мѣста и предавали всѣ эти дни истязаніямъ“ (послѣ этого она пытается избѣгнуть приговора помощью лжи). Упомянутое семидневное истязаніе до суда является, по-видимому, отголоскомъ болѣе развитаго ученія о мытарствахъ, тогда какъ первую океанную душу Богъ велѣлъ пропустить тотчасъ же, чтобы предать ее суду. Г. Брандесъ предполагаетъ, что въ подлинникѣ разказывалось именно о двухъ грѣшныхъ душахъ, при чемъ одна изъ нихъ прямо сознавалась въ своихъ грѣхахъ, другая—пыталась извернуться ложью. Предположеніе это вполнѣ вѣроятно, тѣмъ болѣе, что и въ „Видѣніи объ ангелахъ“ Макарія, соответствующемъ рассматриваемому эпизоду Павлова Видѣнія, повѣствуется тоже о двухъ грѣшныхъ душахъ.

Апостолъ Павелъ, послѣ вышеизложенныхъ сценъ, возносится ан-

¹⁾ Въ греч. текстѣ: Τάρταροῦχος ἀγγέλῳ; въ сирійскомъ: to the hand of the angel for the lowest Tartaros.

геломъ на третье небо, откуда впоследствии спускается въ преисподнюю, гдѣ созерцаетъ мученія грѣшниковъ. Такимъ образомъ, рассматриваемый нами эпизодъ является какъ бы вводнымъ по отношенію къ послѣдующему разказу о путешествіи апостола по раю и аду: авторъ „Видѣнія“ счелъ нужнымъ дать предварительныя свѣдѣнія объ исходѣ души, раньше чѣмъ повѣствовать о дальнѣйшей судьбѣ ея за гробомъ. Не входя въ вопросъ о сложеніи „Павлова видѣнія“, мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями объ отношеніи вышеизложеннаго эпизода къ преданіямъ, о которыхъ сказано въ предшествующихъ главахъ. Однородность сюжета очевидна, и не можетъ быть сомнѣнія, что основа „Павлова видѣнія“ коренится въ тѣхъ же преданіяхъ и повѣрїяхъ, которыя частично отразились въ видѣніяхъ Макарія. Но по отношенію къ нимъ Видѣніе Павла является прежде всего цѣльной и законченной эпопеей, въ которой различныя повѣрїя сведены къ общей картинѣ о состояніи душъ въ загробномъ мірѣ. Такая цѣльность и законченность разказа врядъ ли существовала искони, и едва ли не слѣдуетъ предполагать, что разказъ о посѣщеніи апостоломъ рая и ада былъ первоначально независимъ отъ вводнаго эпизода объ исходѣ души. Тѣмъ не менѣе послѣдній прижмулъ къ нему, вѣроятно, очень рано, и представляется намъ въ особой, весьма любопытной редакціи. Съ первоначальнымъ сказаніемъ о Макаріѣ Александрійскомъ она имѣетъ мало общаго: мы отмѣтили лишь одну черту—упоминаніе о срадѣ грѣховъ, къ которымъ чувствительны ангелы,—встрѣчающуюся въ обоихъ памятникахъ. Но съ другимъ „видѣніемъ объ ангелахъ“ Макарія эпизодъ Павлова Видѣнія имѣетъ столь много общаго, что они представляются намъ лишь двумя версиями одного и того же разказа, но каждая изъ нихъ въ своеобразной обработкѣ. Начальная сцена—тождественна; однороденъ и разказъ о праведной душѣ. Однако, какъ указано, каждой версіи придана особая тенденціозная окраска, такъ что онѣ являются въ нѣкоторомъ противоположеніи другъ другу: двумъ грѣшнымъ душамъ, удостоившимся прощенія въ видѣніи Макарія, соотвѣтствуютъ двѣ окаянныя души, осужденныя по Павлову Видѣнію. Далѣе, по тому же сказанію слѣдуетъ, что грѣшныя души должны проходить мытарства однѣ, ангелы отъ нихъ отступаются и сопровождаютъ только праведныя души; между тѣмъ мы отмѣтили, что въ большинствѣ древнѣйшихъ преданій нѣтъ этого различія между праведными и грѣшными душами (кромѣ не крещенныхъ и самоубійцъ): ихъ равно возносятъ ангелы. Главною же особенностью апокрифа объ

апостолъ Павлѣ является повѣствованіе о судѣ Бога, который рѣшаетъ участь души немедленно по смерти; тогда какъ въ спорныхъ случаяхъ, по видѣнію Макарія, ангель-хранитель призывается на одномъ изъ мытарствъ и здѣсь даетъ свои показанія, въ Павловомъ Видѣніи его вызываетъ Богъ, чтобы уличить душу во лжи. Другими особенностями этого разказа являются: предсмертные переговоры съ душой ангеловъ смерти, ангела-хранителя и духа; затѣмъ, троекратное приказаніе душѣ „познать“ свое тѣло, прежде чѣмъ окончательно разстаться съ нимъ. Наконецъ, замѣтимъ, что разказъ въ Павловомъ Видѣніи болѣе обстоятеленъ, такъ какъ въ двухъ послѣдовательныхъ сценахъ повѣствуется о смерти праведника и грѣшника съ самаго начала приближенія смерти; указаны, хотя и вкратцѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни того и другаго: праведникъ былъ бѣднякомъ, грѣшникъ проводилъ жизнь въ ѣдѣ и питьѣ, стало быть, — былъ человекомъ зажиточнымъ. Эти черты, внесенныя въ апокрифъ, быть можетъ, подъ влияніемъ притчи о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ, во всякомъ случаѣ придаютъ разказу болѣе конкретную форму, отъ которой близокъ переходъ къ легендѣ, гдѣ повѣствовательный элементъ выступаетъ еще рѣзче. Въ послѣдующемъ развитіи сказанія онъ имѣлъ несомнѣнное значеніе, такъ же какъ и другая указанная черта о томъ, что душа должна „познать“ свое тѣло: это давало поводъ пріурочить сѣтованія души именно къ моменту ея разставанія съ тѣломъ, къ которому она и обращается съ рѣчью. Другія болѣе сложныя особенности разказа, какъ переговоры съ душой духа и ангеловъ, сгладились, и затѣмъ въ позднѣйшихъ обработкахъ сюжета мы увидимъ взаимодействіе, замѣну и чередованіе отдѣльныхъ чертъ, заимствованныхъ изъ того или другаго изъ рассмотрѣнныхъ нами произведеній. Но во всякомъ случаѣ въ позднѣйшей исторіи сказанія мы должны признать особое значеніе за редакціей вводнаго эпизода въ Павловомъ Видѣніи, который является главнымъ источникомъ наслоенія преданія, связаннаго съ именемъ Макарія; особенности латинской версіи легенды о немъ объясняются именно воздѣйствіемъ этого эпизода на первоначальную редакцію легенды: основа осталась, какъ мы пытались это установить, но видоизмѣненія объясняются только въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе другія редакціи сказаній объ исходѣ души и главнымъ образомъ тотъ типъ, который представленъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ Павлова Видѣнія. Дальнѣйшая судьба этого эпизода Видѣнія въ западноевропейскихъ обработкахъ легенды весьма любопытна: мы должны

съ нею сосчитаться, чтобы объяснить возникновеніе новыхъ легендъ, разрабатывающихъ тотъ же сюжетъ.

г. Видоизмѣненія вводнаго эпизода Павлова видѣнія въ западно-европейскихъ обработкахъ этого сказанія и легенды, къ нему примыкающія.

Древнѣйшія обработки Павлова Видѣнія на латинскомъ языкѣ известны по спискамъ отъ IX вѣка и съ той поры число ихъ значительно умножилось въ теченіе среднихъ вѣковъ ¹⁾. Исслѣдованію латинскихъ пересказовъ Видѣнія посвящена упомянутая работа г. Брандеса, который различаетъ шесть редакцій въ двадцати двухъ спискахъ, разсмотрѣнныхъ имъ ²⁾. Въ той редакціи сказанія, которую Брандесъ обозначаетъ первою и которая имъ издана по Вѣнской рукописи XV вѣка, мы замѣчаемъ перемѣщеніе въ планъ разказа: описаніе ада предшествуетъ описанію рая, при чемъ между обѣими частями очевидный пропускъ. Вторая часть начинается слѣдующими словами:

„Et locuta est vox domini et dixit: „Per memetipsum et virtutem meam juro et per angelos meos juro si hec anima uno anno antequam moreretur sua emendaret peccata obliviscerer illorum omnium“. Tunc clamabant milia angelorum: „Justus es, domine, et rectum iudicium tuum!“ Et dixit angelus ad Paulum: Vidisti et audisti hoc? — Audivi, inquit. Et ille: „Sequere me et ducam te ad locum iustorum“. Et duxit eum ad tertium celum“.

Несомнѣнно, что приведенныя фразы относятся къ суду надъ грѣшной душой, но это все, что уцѣлѣло въ данной редакціи отъ вводнаго эпизода Видѣнія. Въ прочихъ редакціяхъ, какъ замѣчено было Брандесомъ, описаніе рая совершенно опущено. Указанное перемѣщеніе плана разказа въ первой редакціи обусловило значительное видоизмѣненіе эпизода о разставаніи души и тѣла; онъ былъ

¹⁾ Ср. *Fritsche*, Die lateinische Visionen im Mittelalter, въ *Romanische Forschungen*, 1886. Статьи г. Фритше компилятивнаго характера и не даютъ ничего новаго.

²⁾ Отмѣтимъ еще одну редакцію, не принятую во вниманіе Брандесомъ, которую мы нашли въ рукописномъ сборникѣ IX вѣка въ Ватиканской библиотекѣ въ Римѣ: Cod. palat. lat. № 220, f. 56 — 59. (Ср. каталогъ лат. рукописей *Stevenson'a*, t. I, 1886, 46 — 48). Начало: Scio hominem raptum usque ad tertium celum и пр. Редакція эта, хотя и краткая, любопытна въ томъ отношеніи, что передаетъ обѣ части Видѣнія въ первоначальной послѣдовательности, то-есть, сперва описаніе рая, затѣмъ ада. Однако, занимающій насъ эпизодъ въ ней опущенъ.

вполнѣ умѣстень въ началѣ повѣствованія о хожденіи апостола Павла по загробнымъ селеніямъ, но перемѣщенный въ середину (1-я редакція) или въ конецъ разказа (прочія редакціи, передающія лишь одну часть Видѣнія), упомянутый эпизодъ подвергся измѣненію: апостоль Павелъ не могъ, очевидно, просить, находясь въ глубинѣ преисподней, чтобы ему показали, какъ происходитъ разлученіе души съ тѣломъ; онъ ограничивается тѣмъ, что узнаетъ о судьбѣ души грѣшника и праведника послѣ смерти. Такимъ образомъ, въ западныхъ обработкахъ Видѣнія ступешался моментъ разлученія души съ тѣломъ. Другое измѣненіе обусловлено тѣмъ же видоизмѣненіемъ мѣста, откуда апостоль Павелъ присутствуетъ при „классификаціи“ душъ¹⁾: находясь въ преисподней, онъ, понятно, видитъ сперва душу грѣшника, которую влекутъ дьяволы, и затѣмъ лишь издали видитъ праведную душу, которую ангелы несутъ на небо. Замѣтимъ также, что нѣтъ больше помину о судѣ Божіемъ: душа сама исповѣдывается въ своихъ грѣхахъ и сама себя осуждаетъ (*et se ipsam iudicavit*). Въ такомъ видѣ представляется разсматриваемый нами эпизодъ Видѣнія во второмъ текстѣ, изданномъ г. Брандесомъ и обозначенномъ имъ, какъ четвертая редакція²⁾. Эта редакція имѣетъ большое значеніе, такъ какъ къ ней, повидимому, примыкаетъ большинство обработокъ на ново-европейскихъ языкахъ. Что же касается другихъ латинскихъ редакцій Видѣнія, разсмотрѣнныхъ г. Брандесомъ, то мы принуж-

¹⁾ Намъ кажется, что такимъ терминомъ правильнѣе обозначать данный эпизодъ Павлова Видѣнія въ его настоящей редакціи.

²⁾ Приводимъ цѣликомъ соответствующее мѣсто этой редакціи Видѣнія по тексту г. Брандеса. Разказъ въ ней очень сокращенъ: „*Et postea aspexit in celum a terra (?) ac vidit animam peccatoris inter diaboles. VII. quam ululantem deducebant eo die de corpore. Et clamaverunt angeli Dei contra eam dicentes: „Ve, ve, misera anima, que operata es in terra?“ Dixerunt ad invicem: „Vide istam animam quomodo contempsit in terra mandata Dei. Mox illa legit cartam suam in qua erant peccata sua et se ipsam iudicavit“. Tunc eam demones susceperunt mittentes in tenebras exteriores. Ibi erat fletus et stridor dencium. Et dixit ei angelus: „Credis et agnoscis, quia sicut homo fecerit sic accipet?“ Post hoc in uno momento adduxerunt angeli animam iustam de corpore portantes ad celum. Et audivit vocem milium angelorum letancium ac dicencium: „O anima leta, felicissima, o beata, letare, quia fecisti voluntatem Dei tui!“ Deinde dixerunt hoc simul: „Levate eam ante Deum et ipsa leget opera sua bona“. Postea Michael collocavit eam in paradiso, ubi erant omnes sancti. Et clamor factus est contra animam iustam, quasi celum et terra commoverentur. Et exclamaverunt peccatores qui erant in penis, dicentes: „miserere nobis, Michael archangele, ac tu, Paule“ и т. д. Къ продолженію разказа мы ниже вернемся.*

денн положиться на его разборъ, такъ какъ тексты не изданы: во второй и шестой редакціяхъ нашъ эпизодъ опущенъ совсѣмъ; въ третьей и пятой разказъ совпадаетъ съ четвертой редакціей за незначительными измѣненіями ¹⁾). Весьма возможно, что помимо шести редакцій г. Брандеса существовали иныя, еще не извѣстныя обработки на латинскомъ языкѣ Павлова Видѣнія (какъ выше отмѣченный нами текстъ Ватиканской библіотеки): но врядъ ли онѣ имѣютъ существенное значеніе для опредѣленія источниковъ обработокъ сказанія на народномъ языкѣ, которыя всѣ болѣе или менѣе непосредственно примыкаютъ къ латинскимъ текстамъ, о которыхъ шла рѣчь. Обратимся теперь къ рассмотрѣнію этихъ обработокъ на ново-европейскихъ языкахъ.

Видѣніе апостола Павла получило особую популярность во Франціи и въ Англіи, гдѣ оно подверглось многочисленнымъ обработкамъ. Г. Поль Мейеръ насчитываетъ пять риемованныхъ французскихъ редакцій Видѣнія ²⁾) и, можетъ быть, число ихъ еще больше, вопреки

¹⁾ Такъ, г. Брандесъ замѣчаетъ, что авторъ пятой редакціи ошущаетъ ошибку: „*mox illa legit cartam suam*“, не понимая ея значенія. „*Unser autor, говоритъ онъ (Visio s. Pauli, 39), scheint die bemerkung die auf handschriftliche verzeichniss der sünden hindeutet nicht verstanden zu haben und lässt sie in folge dessen aus. Da er aber auch mit bezug auf die seele des gerechten in seiner vorlage den satz fand: „Levate eam ante Deum et ipsa leget opera sua bona“, so half er sich an dieser stelle dadurch dass er die zweite hälfte mit: „quia opera sua fuerunt bona“ wiedergab“.*

²⁾ Ср. *Romania*, VI, стр. 11. *Feylitzien*, „*Li vers del julse*“, стр. CVX—CXXVIII. *Брандесъ*, I, с., стр. 46 и слѣд. Г. Поль Мейеръ любезно предоставилъ намъ списки нѣкоторыхъ рукописей, которыхъ мы не имѣли подъ руками, исполненные покойнымъ г. Фейлитценомъ. Благодаря этому обстоятельству, мы имѣли возможность пересмотрѣть большинство не изданныхъ французскихъ текстовъ Видѣнія. Выражая при семъ нашу признательность г. П. Мейеру за оказанное одолженіе, мы приводимъ списокъ рукописей, пересмотрѣнныхъ нами, въ примѣрной группировкѣ, которая подлежитъ еще проверкѣ.

I. Текстъ, изданный *Османъ*, *Dante et la philosophie catholique au XIII sc.*, 1859, 418—423.

Рип. въ Лондонѣ, Брит. Музей, Cotton. Vespa. A. VII, f. 32 — 36 (списокъ г. Фейлитцена).

„ въ Парижѣ, Націон. библ., Fr. 19526 (S. Germ. 1858).

Брандесъ указываетъ двѣ другія рукописи этой редакціи, въ Кембриджѣ, но не обозначаетъ ихъ. Одна изъ Кембриджскихъ рукописей, находящаяся въ Caius College, 485, f. 135 — 144, была принята во вниманіе г. Фейлитценомъ, который ссылается еще на Оксфордскую рукопись той же редакціи, Ms. Douce, 381 (ср. *Roman. Stud.*, I, 392).

миѣнію г. Брандеса, который признаетъ лишь три французскія ре-

II. Ркп. въ Парижѣ, Націон. библ., Fr. 2094, f. 199 — 204 (ср. Брандеса, I. с., 51—54).

III. Ркп. въ Лондонѣ, Брит. Муз., Addit. ms. 15606 (ср. Поль Мейера, *Rotania*, VI, 11 и слѣд.)

„ въ Римѣ, Vat. Christ. 1682, f. 92—96 (списокъ г. Фейлтцена)

„ въ Парижѣ, Націон. библ., Fr. 24429 (La Vall. 91) f. 133—140

„ тамъ же, Fr. 24432 (N. D. 198) f. 91—99

„ тамъ же, Fr. 1526, f. 143 и слл.

Последняя версія исполнена Geoffroi de Paris. Мы относимъ ее къ той же редакціи, какъ и вышеупомянутыя рукописи, такъ какъ версія Geoffroi отличается только внѣшней передѣлкой стиха, при чемъ текстъ оставленъ безъ измѣненія. Приводимъ слѣдующее четверостишіе для сравненія:

Fr. 24432, f. 98.

Saint Pol a regardé
vers le ciel otre mont
. VII. diables i uit
qi grant tempeste font
Ou il tienent une ame
q'il aportent d'amont
Entr'els vont deuisant
ou la tormenteront.

Версія Жооэруа Парижскаго, Fr. 1526
f. 192v.

Saint Pol a regardé adont
Vers le ciel en l'air contre mont
. VII. deables vit molt hideux
Qi grant tampeste font entr'eux.
Et une ame qe entr'eux tiennent
Q'il aportent d'amont dont viennent
Entr'eus molt deuisant en vont
Qel part il la tormenteront.

Въ другихъ спискахъ двѣнадцати-сложные стихи написаны въ одну строку и въ такомъ случаѣ было бы не понятно, какъ Жооэруа изъ двѣнадцати-сложнаго стиха сдѣлалъ бы два восьмисложныхъ. Вотъ, на примѣръ, соответствующее четверостишіе по ркп. Fr. 24429, f. 139v:

Saint Pols a regardé envers le ciel amont
Quatres diables vit qui grans tempestes font.
Cil tenoient une ame qu'il aportent d'amont
Entr'els vont demandant ou la trebucheront.

Въ перечисленныхъ спискахъ текстъ разнится лишь въ незначительныхъ подробностяхъ, но по существу онъ неизмѣненъ, такъ что мы причисляемъ всѣ эти версіи къ одной редакціи.

IV. Ркп. въ Парижѣ, Націон. библ., Fr. 24862, f. 101v—103v. Настоящая редакція, на сколько намъ извѣстно, еще не была отмѣчена, тѣмъ не менѣе она не можетъ быть отождествлена съ другими. Приводимъ начальные стихи эпизода о судьбѣ грѣшной души, соответствующіе только что цитированнымъ:

Puis warda u set diables vindrent
E l'alme d'un pecheur entr'eus orent et tiendrent
Qi meimes icel jur del cors prise esteit
E waimta et cria et molt grant doel feisout.

Эта редакція кажется намъ древнѣе, чѣмъ написанная александрискими стихами.

дакціи. Кромѣ стихотворныхъ есть еще прозаическая редакція ¹⁾, весьма краткая, въ которой разсматриваемый нами эпизодъ опущенъ. Что касается стихотворныхъ обработокъ, то указанный эпизодъ воспроизведенъ въ четырехъ редакціяхъ, при чемъ изложеніе его весьма близко соотвѣтствуетъ упомянутымъ латинскимъ редакціямъ, послужившимъ основой французскихъ обработокъ. Мы отмѣтимъ лишь нѣсколько любопытныхъ совпаденій въ первыхъ двухъ редакціяхъ съ поэмой „Débat de l'âme et du corps“, указывающихъ на вѣроятную зависимость последней отъ сказаній о хожденіи апостола Павла. Такъ, въ редакціи, изданной Озанамомъ (I. с., 433), говорится, что дьяволы, увлекая душу въ адъ, восклицаютъ:

228 „Fauti tei chetive maleuree!
A quele oure dolereuse fus unkes nee?
Dampne Deu refusas
Et envers nos t'aproismas“.

Въ „Débat de l'âme et du corps“ душа восклицаетъ, обращаясь къ тѣлу:

(P, 53—55) Chaitis, maleures
Mal fuisses orques nes!
(P, 131—132) Damedeu genoias
Ariere gerairas.

Замѣтимъ, что въ вышеприведенныхъ стихахъ Видѣнія — стихъ 225-й имѣетъ шесть слоговъ, въ остальныхъ же полная сбивчивость размѣра: принимая во вниманіе, что общее стихосложеніе въ указанной редакціи Видѣнія сводится къ восьмисложному размѣру, мы считаемъ вѣроятнымъ предположеніе, что авторъ заимствовалъ эти стихи изъ версіи написанной шестисложнымъ размѣромъ, но не сумѣлъ согласовать ихъ съ общимъ размѣромъ своей версіи.

V. Реп. въ Оксфордѣ, Бодл. библ., Douce 154, f. 118—119 (списокъ г. Фей-литцена).

Разсматриваемый нами эпизодъ опущенъ въ этой редакціи, а также и въ двухъ слѣдующихъ версіяхъ, которыя, повидимому, составляютъ особую, шестую редакцію; замѣтимъ, что онъ находится въ тѣхъ же рукописныхъ сборникахъ, гдѣ помѣщена третья редакція.

VI. Рип. въ Римѣ, Ватиканъ, Christ. 1682, f. 123 — 135v (списокъ г. Фей-литцена).

„ въ Парижѣ, Націон. библ., Fg. 24429, f. 180—131.

Наконецъ, имѣется еще одна стихотворная версія Видѣнія въ рукописномъ сборникѣ въ Тулузской библиотекѣ.

¹⁾ Прозаическая версія помѣщена въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Парижской Націон. библ., Fg. 2039, f. 34.

Во второй редакціи ¹⁾ сходные возгласы произносятся не дьяволы, а ангелы, когда душу грѣшника уводятъ въ адъ:

„Ay arme maleuree,
con de male ore fus or nee!
que feis tu, laisse, chaitive,
en demantres que tu fus vive?“

(P, 53—56) Chaitis, maleures
Mal fuisses onques nes,
Dementres que fus mis
quant a deu ne seruis!

Такимъ образомъ, однородныя рѣчи приписываются въ разныхъ редакціяхъ то дьяволамъ, то ангеламъ, то, наконецъ, самой душѣ, обращающейся съ рѣчью къ тѣлу.

¹⁾ Приведемъ цѣликомъ соответствующій эпизодъ во второй, не изданной редакціи Видзнія, по рукописи Парижской Націон. библ., Fr. 2094, f. 202. После описанія колодца, гдѣ томится грѣшная душа, апостолъ Павелъ присутствуетъ при томъ, какъ обходится съ душой грѣшника после смерти.

f. 202^v. Puis regarderent vers le ciel
entre saint Pol et saint Michiel
Si virent une arme pechable
qu' antretenoient .VII. deable
qui dou cors l'avoient gitee,
mout durement l'ont tormantee.
Dedanz lou feu d'enfer l'ont mise,
chacuns entor lou feu atise,
l'arme font bolir a grant onde
dedanz la chaudiere parfonde.
Tuit li ange plorent et crient
et a l'ame a haute voiz dient:
„Ay arme maleuree,
con de male ore fus or nee!
Que feis tu, laisse, chaitive
en demantres que tu fus vive?“
Lors a sainz Michiels apele
saint Pol, ce li a demande:
„Croiz tu, feit il, que chacuns
praigne
sa desserte selonc l'ouvreinne?“
„Oy, feit il, ce sai ge bien
que chacuns aura tant de bien,
et tant con chacuns semera
apres la mort moissonnera.“
Endemantres que ce disoit
il resguarda amont, si voit
les anges Dieu nostre Saignor
qui portoient a grant honor
la sainte ame dou droiturier:

Chacuns d'aus la courrut bainier,
et trestuit grant joie faisoient
por cele arme et trestuit disoient:
„Ay ame bonneauree,
ancele Dieu et espousee!
mout grant joie doiz or avoir
de ton san et de ton savoir,
f. 203 que tu meis en desservir
tant con tu eus lou loisir
et por les heures que feis
t'est otroiez sainz paradis.“
Tuit cil qi en enfer estoient
et qui la sainte ame veoient
et la joie que li faisoient
li ange Dieu qi l'enportoient
em paradis ou il l'ont mise,
la l'ont entre les sainz assise,
une fois braient et s'escrient
et lor aventure maudient
por la joie qu'ils ont eue
lor est si lor dolor creue
qu' il font en enfer ai grant noise
et si grant brait qu'au ciel adoise,
la terre et le ciel font mouvoir,
et si nos dit sainz Pox por voir
qu'il vit le roi de maastei
de la queronne queronne
et cint de toutes ses vertuz
s'est dever le ciel descenduz etc.

Къ продолженію разказа мы ниже вернемся.

Провансальская прозаическая версія Павлова видѣнія, изданная Барчемъ ¹⁾, не представляетъ ничего особеннаго по отношенію къ разработкѣ разсматриваемаго нами эпизода, такъ какъ почти дословно воспроизводитъ четвертую латинскую редакцію.

Изъ англійскихъ обработокъ Видѣнія только одна заслуживаетъ особаго вниманія, тогда какъ остальные три стихотворныя обработки и одна прозаическая—представляются въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи все къ той же латинской четвертой редакціи; поэтому мы на нихъ не останавливаемся ²⁾. Стихотворная редакція, которую мы имѣемъ въ виду, была издана дважды: Horstmann'омъ въ *Archiv für das Studium der neuer. Spr. etc. Herrig'a*, т. LXII, 403—406 и М. Morris'омъ, *An oldenglisch Miscellany*, 1872, 147 и слѣд. Брандесъ ограничивается замѣчаніемъ, что эта редакція (вторая по его счету), вѣроятно де, французскаго происхожденія, при чемъ оригиналь ея „занимаетъ вполне независимое положеніе по отношенію къ прочимъ французскимъ редакціямъ (стр. 35—36)“. Дѣйствительно, сюжетъ въ указанной поэмѣ на столько своеобразно изложенъ, что можно лишь съ трудомъ установить ея отношеніе къ Видѣнію апостола Павла; мы встрѣчаемъ въ ней особую разработку Видѣнія, которая представляется уже переходнымъ звеномъ къ легендамъ о сѣтованіяхъ грѣшной души. Приведемъ начало поэмы, любопытной

¹⁾ *Bartsch*, *Denkmäler der provens. Lit.*, 1856, стр. 310—313. Ср. *Fauriel*, *Hist. de la poesie prov.*, I, стр. 260—262.

²⁾ Объ англійскихъ обработкахъ см. *H. Brandes*, *Ueber die Quellen der mittelenglischen Paulus vision*, Halle, 1883 (перепечатка изъ *Englisch. Studien*, bd. VII). Двѣ стихотворныя редакціи были изданы *Horstmann'омъ* въ *Englisch. Studien*, bd. I, 293—294, и въ *Archiv f. d. Stud. d. neuer. Sprachen etc. Herrig'a*, bd. LII, 35—38 (отдѣльный оттискъ въ *Altenglischen Legenden*, *Horstmann'a*, Paderborn, 1875). Третья (или по счету Брандеса четвертая) стихотворная редакція издана *Morris'омъ*, *An Oldengl. Miscellany*, appendix II, стр. 210—222. Имъ же была издана и прозаическая редакція (*Oldengl. homilies*), переизданная *Zupitza*, *Alt- und Mittelengl. Uebungsbuch*, 2 Aufl., стр. 62—65.

Оставляемъ въ сторонѣ датскую прозаическую версію Видѣнія, представляющую дословный пересказъ латинской четвертой редакціи (ср. *Brandes*, *Visio S. Pauli*, 51—54). Что касается норвежской „*Visio sancti Pauli apostoli*“ изданной *Unger'омъ* въ его *Gammelnorsk Homiliebog*, 1862, II, стр. 190—195, то названіе ошибочно: познакомившись съ содержаніемъ текста, любезно доставленнаго намъ г. Гастономъ Парисомъ, мы были пріятно удивлены встрѣтивъ въ норвежской обработкѣ старинный переводъ французской поэмы о спорѣ души съ тѣломъ. Ниже мы подробно сопоставляемъ оба текста.

еще въ томъ отношеніи, что она написана на двухъ языкахъ—французскомъ и англійскомъ:

Oiez, seynours, une demande
que le de[a]ble fist estraunge
a un cheytif peccheour
qui fu mis hors de tristour,
de mort en vie reçuscité
par la grace de Deu:

„Housenli gost wat dest thou here?
thou were in helle nou for gere,
wo haueth helle dore ounloken?
and ou art thou of pine i- broken?“

Or respount le mort a lu
de cest secle ou il fu
e tint en ordre countes et dist
les ounse peines qui sen Pol vist
et des autres qui il senti,
un soul mot ne menti:

„Vuoltou heren nou, satan,
ou ich am from helle i-gan?
Wormes haueth mi fles i-freten
and alle mine frend me abeth forgeten.
Ich was a mon, as thou wel wost,
and nou ich am a wreche gost etc. ¹⁾).

Далѣе душа перечисляетъ адскія муки по сокращенной редакціи Павлова Видѣнія. Чтобы уяснить себѣ происхождение мотива — бѣсѣды души съ дьяволомъ, мы должны припомнить заключительную сцену Павлова Видѣнія, которая, повидимому, приобрѣла большую популярность: Апостолъ Павелъ и его руководитель глубоко тронуты страданіями грѣшниковъ въ аду; послѣдніе просятъ ихъ ходатайства передъ Богомъ, чтобы облегчить ихъ страданія, и Богъ, внемля заступничеству апостола и ангела, даруетъ грѣшникамъ временное облегченіе: они будутъ освобождены отъ адскихъ мукъ въ день Воскресенья, съ субботы вечера до понедѣльника ²⁾.

¹⁾ Брандесъ, считая оригиналъ этой поэмы французскимъ, не приводитъ доказательствъ въ пользу своего предположенія. Нѣкоторое вѣроятіе ему даютъ нижеслѣдующіе стихи въ рѣчи души, при разказѣ о мученіи пьяницамъ:

222 Monie mo soulen ther beth in
then bith in *France* dropen of win.

²⁾ Сравн. вторую редакцію у Брандеса (l. c., 79); Богъ говоритъ: „dono vobis requiem ab hora nona usque in prima hora secunde ferie“. Но въ греческ. текстѣ: „δίδωμι ὑμῖν ὑψταν χλι τῆν ἡμέραν τῆς ἀγίας χυριακῆς“. Тоже и въ церковно-слав.: „въ день и ноць святыхъ недѣли“.

Отсюда возникло повѣрье о „субботнемъ покоѣ“, весьма распространенное на западѣ и у насъ, причемъ на западѣ оно истолковывалось, повидимому, въ томъ смыслѣ, что души грѣшниковъ прилетаютъ въ ночь на субботу на могилы, гдѣ похоронены ихъ тѣла, и сѣтуютъ о своей прежней жизни и теперешнихъ мукахъ ¹⁾. Такимъ

¹⁾ Нѣкоторыя версіи Павлова Видѣнія начинаются съ прославленія воскреснаго дня, въ которомъ души грѣшниковъ отдыхаютъ отъ адскихъ мученій, благодаря ходатайству апостола и архангела Михаила. Во второмъ латинскомъ текстѣ Видѣнія, изданномъ Брандесомъ (I. c., 75), какъ бы указывается, что эта просьба о временномъ облегченіи участи грѣшниковъ составляла ближайшую цѣль хожденія апостола въ загробный міръ: „interrogandum est: quis primus rogavit deum ut anime habeant requiem in penis inferni? Id est beatus apostolus Paulus et Michael archangelus quando iverunt ad infernum“, далѣе слѣдуетъ разказъ о хожденіи. А. Графъ посвятилъ спеціальную статью (въ *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. XI, fasc. 3 (1888), A proposito della visio Pauli, 344—362) изученію мотива, у христіанскихъ писателей до Дантѣ, о временномъ отдыхѣ отъ адскихъ мукъ, предоставленномъ душамъ грѣшниковъ. Повѣрье это было, повидимому, весьма распространено въ древности, такъ какъ указаніе на него встрѣчается одновременно съ Павловымъ Видѣніемъ и у Пруденція (*Cathemerinon* hymn. V), который говоритъ что въ ту ночь „sacer qua rediit Deus-Stagnis ad superos ex Acheruntiis. . . Marcent suppliciiis tartara mitibus—exultatque sui corporis otio—umbrarum populus, liber ab ignibus, —Nec fervent solito flumina sulphure“. Что касается Павлова Видѣнія, то въ греческомъ текстѣ говорится лишь о Пасхальномъ Воскресеніи, но уже въ латинскихъ обработкахъ, равно и въ ново-европейскихъ, душамъ грѣшниковъ предоставленъ отдыхъ еженедѣльно съ субботы вечера до понедѣльника утра. Во французской версіи, изъ которой мы выше привели отрывокъ (рукописи Пар. Нац. Библ., Фг. 2094), Христосъ, являвъ стонамъ грѣшныхъ душъ, нисходитъ въ адъ самолично и обращается съ рѣчью къ обреченнымъ на муки, напоминаетъ имъ страсти, которыя онъ претерпѣлъ ради спасенія человѣческаго рода и укоряетъ ихъ за то, что онѣ не хотѣли при жизни исполнять его завѣтовъ. Но когда къ просьбѣ грѣшниковъ присоединяются апостолъ Павелъ и святой Михаилъ, Христосъ даруетъ грѣшникамъ перерывъ въ ихъ мученіяхъ:

Des la none de samedi—ju[s]qu'a la prime dou lundi.

Отвѣтимъ въ текстѣхъ, на которые ссылается Графъ въ вышеупомянутой статьѣ, разказъ Петра Дамьянскаго (XI в.), который приводитъ со словъ архіепископа Гумберта, что въ южной Италіи, по преданію, въ ночь съ субботы на воскресенье появляются таинственные птицы въ уединенныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ: это души грѣшниковъ, которыя прилетаютъ на отдыхъ, временно освобожденные отъ мукъ. При наступленіи утра воронъ громко каркаетъ и птицы-души погружаются въ море, безслѣдно исчезая до слѣдующей субботы (см. *Epistola IX, ad Nicolaum II pontificem maximum*). Тотъ же разказъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, приводитъ въ концѣ XII-го вѣка Конрадъ Керфуртскій и за симиъ Викенцій Белловакенскій въ *Speculum historiale* (см. *Graf.*, I. c., 353). Въ вышеприведенной англо-фран-

образомъ объясняется въ вышеприведенномъ отрывкѣ поэмы фразы: *un chetif pecheour qui fu mis hors de tristour*. Однако, авторъ далѣе нѣсколько преувеличиваетъ, говоря о воскресеніи души (*de mort en vie resuscité*), и разказъ представляется сбивчивымъ, такъ какъ душа, начавъ съ вопроса: „Хочешь ли ты, сатана, услышать, какъ я явилась изъ ада сюда?“— вмѣсто того, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ, распространяется о мукахъ грѣшниковъ въ аду. Намъ кажется очевиднымъ, что дьяволъ тутъ явился за душой именно за тѣмъ, чтобы увести ее обратно въ адъ, послѣ того какъ окончился срокъ „субботняго покоя“. Такимъ образомъ въ настоящей поэмѣ мы имѣемъ своеобразную обработку Павлова Видѣнія, которая приводитъ къ новой легендѣ о сѣтованіяхъ души; собесѣдникомъ ея является пока еще не тѣло, а дьяволъ, выпускающійся съ бранью на душу за то, что она вырвалась изъ ада.

Переходимъ теперь къ нѣмецкимъ версіямъ Павлова Видѣнія. Прозаическая версія, близкая латинскому оригиналу, не представляетъ интереса, но стихотворный отрывокъ, изданный впервые Караяномъ ¹⁾, чрезвычайно важенъ, такъ какъ представляетъ намъ видоизмѣненіе первоначальной схемы легенды, аналогичное вышеприведенной англо-французской обработкѣ сюжета. Шереръ ²⁾, слѣдуя мнѣнію Мюлленгофа, различаетъ два отдѣльныхъ произведенія въ упомянутомъ отрывкѣ, при чемъ въ первой части онъ признаетъ отголосокъ Павлова Видѣнія, вторую же онъ считаетъ самостоятельнымъ произведеніемъ, которое онъ озаглавливаетъ: „*Von der Zukunft nach dem Tode*“. Это произведение распадается, по мнѣнію Шерера, еще на двѣ части: въ первой разказывается участь души грѣшника послѣ смерти, во второй — души праведника. „*Mit einer dem Thema nach verwandten Partie der Aposcalypsis Pauli wusste ich es nicht so vereinbaren*“. Таково мнѣніе Шерера, которое представляется намъ ошибочнымъ: второй отрывокъ стоитъ въ непосредственной связи съ Павловымъ Видѣніемъ и представляетъ обработку эпизода о судьбѣ

цуской повѣи, которой Граеъ не упоминаетъ, мѣсто дѣйствія не указано и, какъ мы замѣтили, самый мотивъ освобожденія отъ адскихъ мукъ ступешавъ. Въ другихъ памятникахъ, о которыхъ рѣчь ниже, прямо указывается, что душа прилетаетъ на могилу своего тѣла.

¹⁾ *Karajan*, Deutsche Sprachdenkm. des XII Jhd., Wien, 1846. Караянъ относитъ текстъ по языку къ XII-му вѣку; рукопись XIII-го вѣка.

²⁾ *Scherer*, въ *Quellen und Forschungen*, 1875, II Heft, 22 — 27. Тутъ же перизданъ текстъ съ нѣкоторыми поправками.

праведной и грѣшной души немедленно послѣ смерти. Разказъ, правда, нѣсколько видоизмѣненъ, но источникъ его все-таки можетъ быть признанъ, тѣмъ болѣе, что видоизмѣненія въ нѣмецкомъ отрывкѣ аналогичны тѣмъ, которыя мы отмѣтили въ англо-французской поэмѣ. Въ одномъ отношеніи есть разница: душа въ своихъ сѣтованіяхъ обращается къ тѣлу, на могилѣ котораго она находится; но сово-просникомъ ея все-таки является дьяволъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе поэмы: въ началѣ разказывается о дьяволахъ, которые мучать душу грѣшника и всячески поносятъ ее. Душа восклицаетъ:

„Owé!
Quante sunt tenebre!“

Дальнѣйшая рѣчь ея (уже на нѣмецкомъ языкѣ) обращена къ тѣлу, при чемъ мы узнаемъ, что мѣсто дѣйствія на кладбищѣ, изъ того, что по окончаніи сѣтованій души говорится, что дьяволъ не допустилъ больше душу къ могилѣ (*Der Tivel inlat die seele—Zu dem grabe nicht mere*). Приводимъ рѣчь души:

„Sò wê mir daz ich ie besaz
dih vil unreine vaz!
nû hâstû mich verrâten
joch was ich gotes âtem
des himelischen kûneges.
Vil lûtzel geniuze ich nû des“.

(Горе мнѣ, что я владѣла тобой, столь нечестивымъ сосудомъ! Теперь ты меня предало, а была я дуновеніемъ Бога, царя небеснаго. Мало мнѣ теперь отъ этого проку).

Дьяволъ прерываетъ ея сѣтованія ироническимъ замѣчаніемъ, что нечего-де душѣ хвастать своимъ происхожденіемъ, такъ какъ теперь ей во всякомъ случаѣ придется остаться съ ними. Душа продолжаетъ плачь, проклиная тѣло:

“Sò wê den dînen handen
si roubeten unde branden
si blâwen die armen
Si enwolten sich nicht erbarmen!
nu hâstû mich beswichen
du bist mir vil entwichen
wir gesamenen unsih noch mit sêre
unt sîn dan iemer mêre
mit dem tiuvele in der helle;
daz was der dtn wille“.

(Горе твоимъ рукамъ: онѣ грабили и поджигали, онѣ побивали бѣдняковъ, онѣ не знали милосердія! Теперь ты погубило меня; ты разлучилось со мною. Мы слишкомъ ужъ дружились и теперь на вѣки вѣчныя обречены съ дьяволомъ въ адъ; это благодаря тебѣ).

Послѣ этого дьяволъ уноситъ душу, чтобы предать ее мукамъ, и разказъ заканчивается стихомъ псалма: „mors peccatorum pessima“

(XXXIII, 22). Слѣдуетъ разказъ объ участи праведной души, которая немедленно послѣ смерти возносится на небо, гдѣ ее встрѣчаютъ, какъ невѣсту. Душа сочетается съ Духомъ, такъ же, какъ и въ другой поэмѣ „Die Hochzeit“¹⁾, съ которой настоящая сцена поддается сближенію, на что указалъ Шереръ. Весьма вѣроятно, что обѣ онѣ восходятъ къ общему источнику; но для насъ теперь всего важнѣе то, что нѣмецкая поэма представляетъ изъ себя лишь обработку разсмотрѣннаго нами эпизода Павлова Видѣнія.

Мы видимъ, что рѣчь грѣшной души становится все распространеннѣе. Исходнымъ пунктомъ могло ей послужить то, что душа должна сама исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ, записанныхъ въ хартии. Въ такомъ, болѣе примитивномъ видѣ представляется разказъ итальянской версіи Павлова Видѣнія, въ которой мѣсто дѣйствія осталось еще, какъ первоначально, на томъ свѣтѣ, а не на кладбищѣ. Итальянская обработка²⁾ въ общемъ довольно близко передаетъ текстъ латинской редакціи, послу-

¹⁾ См. *Scherer, Geistliche Poeten der Deutscher Kaiserzeit, Quellen und Forschungen*, II, 1875 г.

²⁾ Брандесъ не упоминаетъ объ итальянскихъ версіяхъ. Одна изъ нихъ, на которую мы и ссылаемся, была издана *Villari, Alcune leggende e tradizioni che illustrano la divina commedia, Annali di Università toscana*, VIII, 1866, 120—133. Изданіе это не для продажи, и мы обязаны знакомствомъ съ нимъ г-ну D'Аусона, любезно доставившему намъ экземпляръ изъ бібліотеки университета въ Пизѣ. Другая, не изданная итальянская редакція Павлова Видѣнія находится въ рукописномъ сборникѣ XV вѣка въ Неаполитанской Библіотекѣ, XII, F, 25 (см. *Miola, Le scritture in volgare dei primi tre secoli della lingua, ricercate nei codici della biblioteca nazionale di Napoli, Bologna*, 1878, I, p. 328 — 357). Она примыкаетъ непосредственно къ статьѣ объ воскресномъ днѣ (La Epistola de la domenica volgare, f. 305—317 v.), являясь какъ бы иллюстраціей къ ней. Разсматриваемый нами эпизодъ о двухъ душахъ въ этой редакціи опущенъ: авторъ, сообщая преданіе о мостѣ, перекинутомъ черезъ зловонную рѣку, ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что души грѣшниковъ, проходя по мосту, проваливаются въ бездну, души же праведниковъ благополучно совершаютъ переправу. Вотъ соответствующее мѣсто, по указанной рукописи, f. 312: Ancora viti san Paulo uno fiume negro in el qualo era molte bestie de dyauoli li qualj divoratano le anime peccatrice senza alchuna misericordia, impero che non feçero penitencia de li soi peccati. E sopra quello fiume si era uno gran ponte. E per quello ponte passauano le anime; bone passauano senza alchuno dubio; ma le anime peccatrice cadeano in zuxo di quello possa vegniano tormentadi (f. 312 v.) secondo le operatione [che] haueano fate per mane di quelli dyauoli inferali.... Anchora viti san Polo uno dyauolo in capo di quello ponte, loquale hauea nome Belzebulo e staua cum la bocha aperta e si gittaua fuogho per la bocha cum grandio furore. E tute le anime perdute che passauano per questo ponte intrauano per quella bocha di quello dyauolo infernale

жившей основой большинству обработокъ на ново-европейскихъ языкахъ; видоизмѣненнымъ въ ней оказывается лишь эпизодъ объ участи двухъ душъ—праведной и грѣшной—немедленно по разлученіи съ тѣломъ. Именно, по этой редакціи души должны проходить черезъ мость, ведущій въ рай ¹⁾. Сперва подходитъ къ мосту душа грѣшника и ангель-путеводитель говоритъ апостолу Павлу:

«Or vedremo come questa anima non fece lo comandamento di Dio in terra». E dissano intralloro: „Guai, guai a te anima che venisti di terra!“ Et ella incomincio a legere una carta che v'erano entro scripte tutte le suo peccata e dicea: „Oime misera! che tutto lo tempo della vita mia servii a voi demoni e feci le vostre voluntadi; or vegio che lo' nferno me riceva!“ Unde li damoni la pressero e gittarla nelle pene do lo'nferno: la ve ae dolore e tristizia assai ²⁾.

Праведная душа, какъ и слѣдовало ожидать, благополучно проходитъ черезъ мость и, соотвѣтственно, ей не представляется случая произносить рѣчь, такъ какъ ее прямо ведутъ къ престолу Всевышняго. Относительно рѣчи грѣшной души замѣтимъ, что въ итальянской редакціи усматривается нѣкоторое сходство съ возгласами демоновъ во французской редакціи Видѣнія, изданной Озанамомъ, и съ возгласами ангеловъ во второй французской редакціи (см. в. стр. 193—194). Такое колебаніе въ приуроченіи легко объясняется характеромъ этихъ возгласовъ, которые одинаково могли быть приписаны и самой душѣ, при чтеніи хартіи, и демонамъ, и ангеламъ, сопутствующимъ ей.

Разборъ западно-европейскихъ обработокъ Павлова Видѣнія приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: заключительная сцена Видѣнія обусловила возникновеніе легенды о томъ, что души усопшихъ прилетаютъ къ своимъ могиламъ въ ночь съ субботы на воскресенье, а вводный эпизодъ Видѣнія, видоизмѣненный и перенесенный въ указанныхъ обработкахъ къ концу разказа о хожденіи апостола Павла, подвергся смѣнанію съ этой легендой. Въ англо-французской поэмѣ мы видѣли, что вставленъ еще цѣликомъ разказъ о загробныхъ карахъ (хотя и въ сокращенной редакціи), приуроченный къ новой ситуациіи. Душа поминаетъ апостола Павла, какъ автора этого разказа, но, очевидно, въ этой новой обработкѣ сюжета, гдѣ

---

poi le chauaua del so corpo e si le butaua in lo profundo di lo abysso. Ma le anime bone non auano pena alchuna e si passano molto bene per quello ponte e poi romanepo belle sença nesuno dolore e sono portate per le mane de lo anzelo in la gloria beata.

¹⁾ См. приложения.

²⁾ Villari, l. c., 132.

сама душа сѣтуетъ на могилѣ своего тѣла, участіе апостола въ разказѣ должно было быть отстранено. Англо-французская поэма представляется намъ посредствующимъ звеномъ между первоначальной схемой разказа Видѣнія и новой легендой, отдѣлившейся отъ него. Связь между ними все болѣе и болѣе ступшевывается, но названная поэма можетъ служить намъ показателемъ того, какимъ путемъ произошла эволюція новаго преданія. Въ ней, между прочимъ, удержана архаичная черта: душа обращается въ своихъ сѣтованіяхъ не къ тѣлу, а къ дьяволу. Пока дѣйствіе происходило въ загробномъ мірѣ, такое обращеніе могло имѣть мѣсто, но нѣкоторая натяжка усматривается и въ томъ, что душа какъ бы наставляетъ дьявола въ адскихъ мукахъ, слишкомъ хорошо ему извѣстныхъ. Обращеніе къ тѣлу какъ бы само собой напрашивалось, и дѣйствительно, мы видѣли, что оно введено въ нѣмецкой поэмѣ, хотя тутъ же сохранены и замѣчанія первоначальнаго совопросника души—дьявола. Не все представляется вполне яснымъ въ этой поэмѣ: о какой душѣ идетъ рѣчь—такой ли, которая только что разлучилась со своимъ тѣломъ, или такой, которая уже прилетаетъ на могилу въ едину изъ ночей по субботамъ? Въ слѣдующемъ эпизодѣ о праведной душѣ несомнѣнно рѣчь идетъ о вновь преставленной душѣ, только что разлучившейся съ тѣломъ. Эта неопредѣленность по отношенію къ первой сценѣ и преемственность разказовъ о двухъ душахъ указываетъ на близкую зависимость нѣмецкой поэмы отъ заключительной сцены въ западныхъ обработкахъ Видѣнія. Въ нихъ, какъ было указано, рѣчь идетъ о двухъ душахъ тотчасъ послѣ разлученія съ тѣломъ (*eo die de corpore aggressae*); но предположимъ, что основою нѣмецкой поэмы послужила латинская обработка ¹⁾, которая представляла изъ себя первую попытку слить эпизодъ о судьбѣ двухъ душъ съ вѣрованіемъ о томъ, что окаянныя души прилетаютъ еженедѣльно на могилы своихъ тѣлъ; въ такомъ случаѣ легко представить себѣ, что первоначально ситуація не была точно опредѣлена для обѣихъ душъ: авторъ могъ постѣсниться заставить праведную душу спуститься съ неба и предпочелъ оставить не тронутымъ разказъ объ ея восхожденіи къ небесамъ.

Авторъ англо-саксонской поэмы, о которой была рѣчь выше ²⁾, по-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на латинскія фразы, вставленныя въ нѣмецкій текстъ.

²⁾ *Wülcker-Grein*, *Bibl. d. Angels. Poesie*, II bd., 1 h., 90—107.

шелъ далѣе въ обработкѣ сюжета и ассимилировалъ обѣ сцены по образцу первой, заставивъ такимъ образомъ и праведную душу вернуться къ своему тѣлу. Уже въ введеніи поэмы мѣсто дѣйствія точно обозначено: послѣ разсужденій о смерти, разлучающей душу и тѣло, и о страшномъ судѣ авторъ говоритъ, что до послѣдняго дня:

9. <i>Seal se gast cuman geohdhum hremig symbles ymbe seofon niht, sawle findan thone lichoman, the hie aer lange waeg</i>	(Духъ будетъ прилетать, жалобно стая, съ каждую седьмую ночь, будетъ душа разыскивать тѣло, которое она задолго передъ тѣмъ оживляла).

Итакъ, душа возвращается къ своему тѣлу на седьмую ночь, и мы уже знаемъ изъ Павлова Видѣнія, что это происходитъ по субботамъ. Въ послѣдующей рѣчи души на это вновь указывается:

66. <i>Seal ic dhe nihtes swa theah nede gesesan synnum gesargod and eft sona fram the hweorfan on hancred, thonne halige men lifendum gode lofsang doth, secan tha hamas, the dhu me her scrife, and tha arleasan eardungstowe.</i>	(Должна я тебя посѣщать въ ночное время, удрученная грѣхами, и вновь отъ тебя спѣшить при пѣніи пѣтуха, когда благочестивые люди живому Богу поютъ славословія, должна разыскивать мѣсто уготовленное мнѣ тобою, скорбное жилище).

Душа улетаетъ при первомъ пѣніи пѣтуха, а не остается на могилѣ весь день воскресенія: упрощеніе это на столько естественно, что не нуждается въ комментированіи. Въ рѣчи благочестивой души, сохранившейся до насъ лишь въ отрывкѣ, также указано, что она вернулась навѣстить свое тѣло много времени послѣ смерти:

133. <i>mid gefean secedh lustum thaet lamfaet, thaet hie aer lange waeg</i>	(радостно, съ восторгомъ разыщеть она тѣло, которое задолго передъ тѣмъ оживляла).

Такимъ образомъ, обѣ сцены оказываются ассимилированными, при чемъ приравниваніе ихъ особенно знаменательно въ томъ еще отношеніи, что благочестивая душа тоже произноситъ рѣчь: мы по сихъ поръ не встрѣчали тому примѣровъ въ обработкахъ Павлова Видѣнія, но думаемъ, что авторъ англо-саксонской поэмы не самостоятельно разработалъ сюжетъ, а подъ вліяніемъ знакомства съ какою-нибудь латинской версіей легенды о Макаріѣ, близкой по типу къ редакціи, сохранившейся въ римской рукописи. Въ ней онъ нашелъ образцы рѣчамъ души (праведной и грѣшной), которыя лишь приурочилъ къ новой ситуаціи.

Итакъ, Павлово Видѣніе помогло намъ выяснитъ другіе составные элементы англо-саксонской поэмы, оставленные нами подъ вопросомъ при сличеніи ея съ латинской версіей легенды о Макаріѣ. По своимъ отношеніямъ къ апокрифическому Видѣнію это произведение сближается съ англо-французской и съ нѣмецкою поэмами, которыя тоже обусловлены въ своемъ происхожденіи даннымъ легенды объ апостолѣ Павлѣ. Признавая сюжетъ англо-саксонской поэмы заимствованнымъ, и при томъ изъ разныхъ источниковъ, мы далеко не отрицаемъ нѣкоторой оригинальности въ его обработкѣ: по своей драматичности, по яркости и реальности изображенія разрушительнаго дѣйствія смерти, передъ которой бессильно все мірское, эта поэма, быть можетъ, одна изъ лучшихъ обработокъ разсматриваемаго нами сюжета; но самъ по себѣ онъ, какъ мы видѣли, далеко не самобытенъ въ Англіи.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію другой серіи памятниковъ въ западно-европейской литературѣ, представляющихъ особое развитіе мотива о сѣтованіяхъ души, обращенныхъ къ тѣлу.

Ф. Батюшковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства.

Dr. Ludw. Pastor. „Geschichte der Päpste“, I т. 1886, II т. 1889 г.

Профессоръ Пасторъ (католикъ) рѣшился писать исторію папъ послѣ того, какъ В. Равке снова издалъ, просмотрѣвъ и дополнивъ, свое классическое сочиненіе „О римскихъ папахъ въ XVI и XVII столѣтіи“. Онъ указываетъ на то, что знаменитый лютеранскій историкъ и въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій сохранилъ, въ сущности, прежнюю точку зрѣнія (а первое изданіе вышло въ 1834—1836 г.!) и измѣнилъ только нѣкоторые факты, да добавилъ исторію новѣйшаго времени, именно 1829—1870 г.; а между тѣмъ появившіяся въ Германіи и во Франціи, въ послѣднія 10—20 лѣтъ, работы объ эпохѣ возрожденія въ Италіи даютъ возможность во многомъ вѣрнѣе судить и о послѣдующемъ времени. Вотъ почему г. Пасторъ началъ свое сочиненіе съ конца среднихъ вѣковъ, сдѣлавъ предварительно очеркъ литературнаго возрожденія въ Италіи и вліянія его на церковь. Вышедшіе до сихъ поръ два солидные тома ¹⁾ обнимаютъ исторію папъ со времени такъ называемаго „Вавилонскаго плѣненія“ до Сикста IV включительно (1305—1484). Въ слѣдующихъ четырехъ

---

¹⁾ Въ I томѣ 619 стр. и 89 документовъ; во II томѣ 590 стр. и 148 документовъ. Кроме того приложены особые перечни архивовъ, библиотекъ и друг. собраній рукописей, которыми пользовался авторъ, указатели именъ и, наконецъ, ко II тому прибавлено еще „Послѣсловіе“: отвѣтъ автора нѣкоторымъ критикамъ I тома. — Французскій переводъ I тома изданъ въ двухъ томахъ. По словамъ автора, готовятся переводы на англійскій и итальянскій языки.

томахъ авторъ предполагаетъ изложить время реформаціи, католической реакціи и современную революцію въ Римской церкви. Изъ приложеннаго ко II тому „послѣсловія“ автора узнаемъ, что появленіе I тома „Исторіи папъ“ составило событіе въ ученomъ мѣрѣ, вызвавъ весьма лестные отзывы первыхъ знатоковъ эпохи возрожденія, каковы I. Burckhardt, E. Müntz и др., и съ другой стороны, раздраживъ людей, не симпатизирующихъ автору, главнымъ образомъ по религиознымъ убѣжденіямъ, въ особенности старо-католиковъ, какъ, напримѣръ, Мюнхенскій профессоръ Druffel.

Прочтя первый томъ сочиненія, мы вынесли почти такое же впечатлѣніе, какое уже было высказано, оказывается, многими рецензентами и, между прочимъ, въ *Histor. Zeitschrift Sybel's* и повторено недавно французскимъ ученымъ P. de Nolhac (*Revue Critique* 1889 г.). Второй томъ, по нашему мнѣнію, носитъ гораздо болѣе субъективный и мѣстами даже тенденціозный характеръ: такъ и чувствуешь, что авторъ вѣритъ въ извѣстный характеръ дѣйствій и стремленій папъ и желаетъ, чтобы и другіе въ него повѣрили, хотя бы и не было на лицо всѣхъ необходимыхъ доказательствъ. Иногда о доказательствахъ авторъ и вовсе не заботится, и этотъ послѣдній недостатокъ тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза, что сочиненіе г. Пастора какъ по своему плану, такъ, въ особенности, по обилію новыхъ документовъ, бывшихъ до сихъ поръ для всѣхъ недоступными (таковы документы изъ тайнаго папскаго архива, который былъ открытъ для автора по особому распоряженію папы Льва XIII), далѣе, по количеству всевозможныхъ рукописей, видѣнныхъ имъ въ безчисленныхъ архивахъ и библіотекахъ Европы, по богатству литературы, наконецъ, по систематической и въ высшей степени тщательной разработкѣ всѣхъ матеріаловъ, — представляется положительно монументальнымъ трудомъ. Не только крупныя факты, но самыя мелкія обстоятельства и подробности, на нашъ взглядъ, совершенно второстепенныя, случайныя, рѣшительно ничего незначащія, останавливаютъ вниманіе автора, какъ будто увлекаютъ его. Напримѣръ, онъ приводитъ (правда, въ примѣчаніи) цѣлый рядъ депешъ, писемъ, инструкцій, хроникъ, рукописей и сочиненій (всего десять источниковъ), касающихся „вопроса“, въ которомъ часу 19-го августа былъ избранъ папа Пій II. Вообще, авторъ добросовѣстно выполняетъ поставленную имъ самимъ задачу — „собрать результаты почти безчисленныхъ работъ за послѣднее десятилѣтіе и дополнить и освѣтить ихъ новыми источниками“. Работа носитъ, дѣйствительно, компилятивный характеръ: отсутствіе творческой оригинальной

мысли самого автора замѣтно даже безъ сравненія съ сочиненіемъ великаго Ранке; за то эрудиція автора — подавляюще колоссальна. Когда будутъ напечатаны г. Пасторомъ всѣ документы, собранные имъ въ архивахъ Италіи, Франціи и Германіи, то это изданіе вмѣстѣ съ указаніями въ его книгахъ на литературу и различные памятники, сдѣлается — помимо текста самого автора — необходимымъ руководствомъ, справочной книгой для всякаго, желающаго заняться исторіей какой бы то ни было страны, съ которой только имѣли сношенія римскіе папы, начиная съ XIV вѣка.

Довольно значительное мѣсто въ „Исторіи папъ“ — и по количеству страницъ ¹⁾ и по вниманію автора — отведено вопросу о борьбѣ христіанскаго запада съ турками-османами въ XV вѣкѣ. По мнѣнію г. Пастора, не справедливы упреки, высказанные нѣкоторыми учеными въ новѣйшее время, будто папы, вмѣстѣ съ другими западно-европейскими государями были близорукими политиками и не достаточно внимательно или не умѣло относились къ возраставшему могуществу турокъ въ Европѣ; напротивъ, „папы были главными виновниками въ дѣлѣ постановки той громадной задачи, которая въ видѣ Восточнаго вопроса и до сегодня смущаетъ Европу... Для борьбы съ ужаснымъ врагомъ папы сдѣлали, принимая въ расчетъ ихъ матеріальныя силы, больше, чѣмъ какое либо другое государство“ (II т., 260 с.). Въ этихъ словахъ автора слышится какъ бы общее его заключеніе о горячемъ и безкорыстномъ отношеніи римскихъ папъ къ Восточному вопросу въ XV вѣкѣ. Правда, заключеніе высказано послѣ изложенія исторіи папы Пія II, а этотъ папа, положившій душу свою въ дѣло организаціи крестоваго похода противъ турокъ, очень удобно могъ послужить для автора иллюстраціей къ его взглядамъ на роль папъ въ этомъ дѣлѣ. Но и въ исторіи самого „носителя и выразителя великой идеи“ приведены нѣкоторые факты, которые, по нашему мнѣнію, придаютъ стремленіямъ этого замѣчательнаго папы не всегда идеальный характеръ въ отношеніи христіанскаго востока. Еще больше противорѣчій и совсѣмъ не идеальныхъ побужденій можно найти въ дѣятельности другихъ папъ въ отношеніи этого вопроса. Попробуемъ выбрать и сопоставить изъ сочиненія г. Пастора факты, освѣщающіе дѣйствительное отношеніе папъ и всего христіанскаго запада къ Турецкому или Восточному вопросу въ XV вѣкѣ. Но прежде всего вельзя не посѣтовать на автора,

¹⁾ Во II томѣ четверть его занята этимъ вопросомъ.

что онъ началъ свой разказъ о сношеніяхъ Рима съ христіанскимъ востокомъ лишь со времени папы Евгенія IV. Въ виду послѣдующей роли папъ въ Восточномъ вопросѣ, намъ кажется совершенно не объяснимымъ, особенно въ такомъ сочиненіи, каково г. Пастора, почему, напримѣръ, ни словомъ ни упомянуто объ отношеніи къ Византійской имперіи и о попыткѣ къ борьбѣ съ турками при папѣ Иннокентіѣ VI (1352 — 1362), то-есть, почти за сто лѣтъ еще до перваго дѣйствительно состоявшагося въ западной Европѣ крестоваго похода противъ турокъ. Такимъ образомъ, прослѣдить за судьбой вопроса съ самаго возникновенія его по сочиненію г. Пастора нельзя.

Время папства Евгенія IV (1431—1447) совпало съ послѣдними годами умиравшей Византійской имперіи. По словамъ г. Пастора, „немногіе папы сдѣлали столько для востока, сколько сдѣлалъ Евгений IV. Хотя скоро обнаружилось, что большая часть грековъ не сочувствовала уни, все-таки папа съ достойною славы настойчивостью старался противопоставить отпоръ нападеніямъ турокъ на Европу и упрочить дальнѣйшее существованіе Византійской имперіи... Папа Евгений работалъ неутомимо для борьбы съ невѣрными“... то-есть, писалъ западно-европейскимъ государямъ о печальномъ положеніи христіанъ на востокѣ; обѣщала различныя выгоды тѣмъ, кто приметъ участіе въ крестовомъ походѣ, заботился о сборѣ денегъ на походъ, и т. п. Результатомъ этой дѣятельности получился крестовый походъ, во главѣ котораго стали польскій король Владиславъ и венгерскій герой Иванъ Гуніади. Исходъ похода былъ трагическимъ для христіанъ: при Варнѣ (10-го ноября 1444 г.) крестоносцы были разбиты на голову турками; король Владиславъ палъ въ сраженіи, а кардиналъ Чезарини былъ убитъ во время бѣгства. Въ 1447 году (23-го февр.) папа Евгений IV умеръ, и изъ его исторіи не видно, чтобы онъ сдѣлалъ еще что нибудь въ пользу восточныхъ христіанъ.

Несомнѣнно, что на западѣ призывъ къ борьбѣ съ турками былъ сдѣланъ прежде всего римскими папами, начиная съ Евгенія IV. Но что побудило Евгенія взяться за возбужденіе крестоваго похода? Думалъ ли онъ искренно „упрочить дальнѣйшее существованіе Византійской имперіи“, какъ говоритъ авторъ? Въ посланіяхъ папы къ государямъ, въ воззваніяхъ его къ паствѣ обращается вниманіе на важность этого „общаго для всѣхъ христіанъ дѣла“, на „спасеніе единой церкви“; Турецкому вопросу, очевидно, на первыхъ порахъ придавали исключительно религіозный характеръ —

защиты христіанства противъ мусульманъ. Что же касается до непосредственныхъ мотивовъ, побудившихъ папу хлопотать о помощи грекамъ, то ихъ легко было бы увидѣть, еслибы авторъ изложилъ событія въ той связи, въ какой они, по нашему мнѣнію, совершались. Извѣстно, сколько тревоженій пришлось испытать Евгенію IV, прежде чѣмъ онъ упрочилъ свое положеніе на престолѣ. Между нимъ и Базельскимъ соборомъ отношенія все болѣе и болѣе обострялись. Притязанія партіи, враждебной папѣ, явно клонились къ разрушенію монархическаго устройства въ церкви, къ тому, чтобы поставить во главѣ ея вселенскій соборъ со всѣми правами верховной власти. Французская партія, въ частности, добивалась главнымъ образомъ возвращенія папѣ во Францію. „Или мы должны вырвать изъ рукъ итальянцевъ апостольскій тронъ,—откровенно высказался однажды епископъ Тура,—или такъ его ободрать, чтобы все равно было, гдѣ онъ останется“! Дѣло дошло до того, что 1-го октября 1437 г. соборъ объявилъ Евгенію IV упорствующимъ (*contumax*) за его нежеланіе явиться въ Базель. Грозилъ возникнуть новый расколъ въ католической церкви, а она такъ нуждалась, напротивъ, въ мирѣ для введенія реформъ, которыми надѣялись поднять совершенно упавшій нравственный кредитъ ея въ глазахъ народовъ. Въ этотъ критическій моментъ Евгеній IV объявилъ необходимымъ перевести засѣданіе собора въ одинъ изъ городовъ Италіи для переговоровъ съ греками о соединеніи церквей. Дѣйствительно, послѣ долгихъ споровъ съ „оппозиціей“ соборъ открылся въ январѣ 1438 года въ Феррарѣ, а затѣмъ перенесенъ былъ во Флоренцію, гдѣ закончился (6-го іюля 1439 г.) торжественнымъ провозглашеніемъ уніи. Очень вѣроятно, что византійскій императоръ стремился къ уніи, видя въ ней „талисманъ противъ турокъ“, по выраженію г. Пастора; но и для папы, какъ мы видимъ, самый вопросъ о восстановленіи единства церкви былъ уже якоремъ спасенія. Говоря о результатахъ Флорентійскаго собора, авторъ справедливо замѣчаетъ, что „особенно важное значеніе для римской церкви имѣло догматическое рѣшеніе собора объ объемѣ папской власти“: папа имѣетъ верховную власть (*primatum*) надъ всей вселенной; она передана папѣ отъ самого І. Христа. Это рѣшеніе, вставленное въ текстъ договора объ уніи, должно было удовлетворять папу гораздо болѣе, чѣмъ самый фактъ примиренія церквей, въ прочность котораго врядъ ли кто изъ присутствовавшихъ на соборѣ вѣрилъ. Вскорѣ за Флорентійскою уніею состоялось присоединеніе къ Риму армянской церкви (ноябрь 1439 г.), затѣмъ обращеніе якоби-

часть сслѣххІ, отд. 2.

товъ и другихъ изъ восточныхъ христіанъ. Въ 1444 году перешелъ въ католичество король Босніи — Стефанъ Томашевичъ, а за нимъ его родственники и нѣкоторые изъ знатныхъ босняковъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни мала была внутренняя прочность всѣхъ этихъ плодовъ католической пропаганды и стѣсненныхъ политическихъ положеній, но все же успѣхи распространенія вѣншнаго района церкви давали блескъ авторитету Евгенія IV и значительно способствовали перевѣсу его надъ своими врагами. При такихъ условіяхъ, старанія папы о крестовомъ походѣ, — не говоря уже объ обязательствѣ Евгенія передъ греческимъ императоромъ въ силу сдѣлки, — могли также принести большую пользу ему же прежде всего, какъ виновнику дѣла, даже не смотря на исходъ похода; а кромѣ того, они отвлекали вниманіе католиковъ отъ щекотливыхъ вопросовъ о реформахъ въ церкви и въ духовенствѣ. Во всякомъ случаѣ, политическая сторона вопроса о судьбѣ Восточной имперіи въ глазахъ папы Евгенія IV отступаетъ на второй планъ передъ вопросомъ религіозно-церковнымъ. Разрѣшеніе его въ томъ, а не въ иномъ направленіи объясняется, какъ намъ кажется, личными соображеніями и цѣлями папы въ связи съ интересами римской церкви — болѣе, чѣмъ сочувствіемъ къ восточнымъ христіанамъ, или заботой о будущихъ затрудненіяхъ для всей Европы.

Отношеніе западно-европейскихъ государствъ къ событіямъ, совершавшимся на востоцѣ, обрисовывается авторомъ „Исторіи папъ“ съ болѣе спокойствіемъ и безпристрастіемъ; а многочисленные новые документы даютъ ему возможность — мы укажемъ это въ свое время — дополнить и исправить разказы даже такихъ изслѣдователей, какъ г. Грегоровіусъ. Нравственно-политическій обликъ западно-европейскихъ государствъ въ XV вѣкѣ былъ таковъ, — какъ это достаточно выяснено въ настоящее время, — что идеальное дѣло не могло возбудить къ себѣ сочувствія или интереса. „Сдѣлавшійся болѣе практичнымъ, этотъ вѣкъ не обнаруживалъ восприимчивости къ энтузіазму крестовыхъ походовъ; послѣдніе могли превратиться только въ турецкія войны; но положеніе нравственно истощенной римской церкви, какъ и западныхъ государствъ, потерявшихъ способность къ высокимъ стремленіямъ и раздраемыхъ спорами изъ за династическихъ интересовъ, затрудняло устройство необходимыхъ для войнъ союзовъ между державами“¹⁾. Мы иллюстри-

¹⁾ Изъ новаго сочиненія *Грегоровіуса* „Исторія города Аенъ“. 1889. Штутгартъ. II т., 400—401 стр.

руемъ эту характеристику компетентнаго историка при разсмотрѣнїи политики западныхъ государствъ во время папства Николая V (1447—1455).

Преемникъ Евгенія IV „съ самаго начала своего управленія обращалъ вниманіе на Востокъ и старался—непосредственно или косвенно—дѣйствовать противъ Турокъ“. Къ этому и безъ того неопредѣленному отзыву автора слѣдуетъ прибавить еще, что Николай V строго различалъ между восточными христіанами—принявшими унію и враговъ ея. Поэтому императоръ Константинъ XI, попытавшійся было просить папу отказаться отъ введенія уніи въ имперію, въ виду явнаго нерасположенія къ ней грековъ, получилъ въ отвѣтъ грозное посланіе Николая V (1451 года), которое поневолѣ принудило его, ради спасенія Константинополя, устроить торжественное признаніе уніи. Никто, конечно, не могъ серьезно относиться къ этому акту, какъ свидѣлствуютъ современные событію лѣтописцы ¹⁾. Послѣ этого папа принималъ благосклонно греческихъ пословъ; сначала онъ посовѣтовалъ имъ обратиться за помощію во Флоренцію и въ Венецію, а когда они вернулись отътуда снова въ Римъ съ пустыми руками, то онъ помогъ имъ деньгами, „сколько могъ“, по выраженію папскаго панегириста Manetti. Впрочемъ, самъ г. Пасторъ признается, что „извѣстія о помощи, оказанной (грекамъ) Николаемъ V, къ сожалѣнію, въ высшей степени не достаточны и противорѣчивы“. За то имѣются несомнѣнные доказательства эгоистической и узко-честолюбивой политики этого папы — извѣстнаго покровителя художниковъ и гуманистовъ и достойнаго представителя политической мудрости своего вѣка. Увлекаясь ролью мецената и сдѣлавъ Римъ, дѣйствительно, центромъ искусства и науки, — что, разумѣется, стоило громаднхъ издержекъ, — Николай V не желалъ больше всего войны для своего государства и, чтобы занять силы итальянскихъ государствъ, онъ тайнѣ поддерживалъ между ними распри. Папа остался вѣренъ этой политикѣ и при обсужденіи вопроса о войнѣ съ турками уже послѣ паденія Константинополя. Собравъ „поспѣшно“ представителей итальянскихъ державъ на конгрессъ въ Римѣ (въ ноябрѣ 1453 г.) съ цѣлью будто-бы водворить миръ на Аппенинскомъ полуостровѣ и предпринять сообща походъ

¹⁾ Торжественное богослуженіе по этому случаю съ провозглашеніемъ папы и изгнаннаго патріарха Григорія было совершено въ Соеійскомъ соборѣ 12-го дек. 1452 г. По выраженію ученаго *Mordtmann'a* (*Belager. und Erober. Konstant.*), Это была—„одна комедія“.

на врага, чтобы предупредить возможное нападеніе его на Италію, „папа и кардиналы“, по словамъ одного изъ членовъ конгресса „очень холодно относятся къ этому вопросу о туркахъ“¹⁾; переговоры ведутся папой „лѣнливо и равнодушно“, разказываетъ его біографъ. Положимъ, и не легко было примирить невозможныя требованія постоянно воевавшихъ другъ съ другомъ или интриговавшихъ другъ противъ друга итальянскихъ государствъ; справедливо и то, что папа хворалъ часто во время совѣщаній съ послами (это обстоятельство авторъ очень подчеркиваетъ, поддѣрпывая нѣсколькими источниками), но все-таки остается внѣ сомнѣній, что Турецкій вопросъ занималъ Николая V весьма мало, даже послѣ великой катастрофы 29-го мая 1453 г., извѣстіямъ о которой долгое время въ Италіи никто не вѣрилъ... Приглашеніе итальянскихъ и другихъ европейскихъ правительствъ къ борьбѣ съ невѣрными, сборъ денегъ на эту борьбу и очень скупая матеріальная поддержка тѣхъ изъ восточныхъ христіанъ, которые перешли въ католичество или приняли унию²⁾,—вотъ въ чемъ выразилась папская дѣятельность въ этомъ вопросѣ. А между тѣмъ фактъ паденія Константинополя, геройская смерть послѣдняго императора, появленіе многочисленныхъ грековъ, спасшихся отъ жестокаго врага,—все это произвело сильное впечатлѣніе въ Италіи и во всей западной Европѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе турецкихъ завоеваній дѣлало весьма возможной высадку непріятели въ Италію, какъ предсказывали греки-эмигранты, а слѣдовательно, представленіе объ опасности для всей западной Европы дѣлалось болѣе яснымъ. О туркахъ, о грекахъ, вообще о Востокаѣ стали говорить всюду, какъ о злобѣ дня. Религіозный элементъ оставался и теперь тотъ же вопросъ о борьбѣ съ врагомъ христіанства, но самъ вопросъ пріобрѣлъ болѣе политическое и общественное значеніе для будущаго Европы.

Изъ сохранившагося одного разсужденія, написаннаго не извѣстнымъ авторомъ еще въ декабрѣ 1452 г., можно видѣть, какъ относились въ римскомъ обществѣ къ вопросу о помощи грекамъ. Были два мнѣнія: одни рѣшительно возставали противъ того, чтобы помогать „этимъ схизматикамъ“, постоянно ненавидѣвшимъ запад-

¹⁾ *Manetti*, стр. 942, *Simonetta*, стр. 666, и много другихъ современныхъ этому конгрессу свидѣтельствъ.

²⁾ Шла-ли большая часть собираемыхъ для цѣлей похода денегъ на украшеніе Рима? Г. Пасторъ прямо этого вопроса не касается.

ныхъ европейцевъ и латинскую церковь; другіе стояли за немедленную помощь. Послѣдніе указывали, въ числѣ доводовъ „за“, на славное прошлое Константинополя, на многихъ ученыхъ грековъ, на богатія Константинопольскія церкви, многочисленныя реликвиі святыхъ и, наконецъ, на заслуги императора Константина Великаго для христіанства. „Въ виду этой опасности, которая угрожаетъ Константинополю, Кипру и всѣмъ вообще берегамъ Средиземнаго моря, всѣ христіанскіе короли и князья, а въ особенности всѣ прелаты, все духовенство должны“—говоритъ въ заключеніе авторъ разсужденія,— „вооружиться на защиту христіанства“.

Но такъ разсуждали, конечно, немногіе идеалисты этого вѣка. Люди дѣла предпочитали поступать прежде всего согласно собственнымъ интересамъ; государственные дѣятели руководились узко-національной выгодой. Средневѣковая идея единства всего христіанскаго міра отжила свое время. Пробужденіе сознанія индивидуальности выражалось цѣлыми народами, какъ и отдѣльными личностями, нерѣдко въ формѣ грубаго, циническаго эгоизма ¹⁾. „Мы присутствуемъ, говоритъ французскій ученый о XV вѣкѣ: при концѣ одного міра и при рожденіи другаго, который будетъ имѣть свое величіе и свою славу; роды его столько же отвратительны, сколько и трудны“ ²⁾. Опытный наблюдатель и лучшій знатокъ своего времени, Эней Сильвій Пикколомини, въ одномъ изъ своихъ писемъ рисуетъ такую картину распада прежняго политическаго единства и разобщенія европейскихъ народовъ: „не дадутъ ни папѣ папское (sic!), ни Кесарю—Кесарево. Нигдѣ нѣтъ страха, нигдѣ — послушанія. Каждое государство имѣетъ своего особаго государя, каждый государь—свой особый интересъ. Какое краснорѣчіе могло-бы соединить подъ однимъ знаменемъ столь многочисленныя не дружелюбныя и прямо враждебныя силы?... Кто изъ смертныхъ могъ бы примирить Англичанъ съ Французами, Генуэзцевъ съ Арагонцами, Нѣмцевъ съ Венграми и Богемцами?... Всюду наталкиваешься на затрудненія..“ (Aeneas Sylv. Epist. 127).

Вслѣдствіе узкихъ матеріальныхъ возрѣвій, преобладавшихъ въ обществѣ половины XV вѣка, и восточный вопросъ принялъ совер-

¹⁾ „Siamo Vineziani, poi Cristiani“—говорили въ Венеціи въ отвѣтъ на приглашеніе Церкви къ „общему святому дѣлу“.

²⁾ F. T. Perrens. Histoire de Florence depuis la domination des Medicis jusqu'à la chute de la République. T. I. 1888 г., 165—166 стр.

шенно неожиданную форму въ глазахъ западно-европейскихъ политиковъ. Прежде всего обнаружилось это въ Италіи. Если еще для виду и по какимъ-либо соображеніямъ принимали итальянскія правительства участіе при обсужденіи вопроса о борьбѣ съ турками, то въ дѣйствительности тайно или явно: спѣшили они, одно передъ другимъ, сблизиться съ султаномъ и извлечь изъ дружбы съ нимъ тѣ или другія выгоды. Въ „Исторіи папъ“ приведено достаточно фактовъ политики этого рода.

Ближе другихъ и непосредственно заинтересованными въ событіяхъ, происходившихъ на Востокѣ, были Венеція, Генуя и Флоренція: имъ принадлежали колоніи на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей и въ Архипелагѣ; торговля съ востокомъ доставляла этимъ государствамъ громадныя выгоды; въ Константинополѣ, въ Перѣ въ особенности, и въ колоніяхъ не мало было итальянцевъ. Легко повѣрить, что итальянскія республики хорошо знали слабость Византійской имперіи и невозможность безъ сильныхъ союзниковъ противостоять туркамъ ¹⁾, а рассчитывать на образованіе прочной лиги на Аппенинскомъ полуостровѣ и вообще на Западѣ, между государствами, не прекращавшими своихъ распрей, было немислимо. При такомъ положеніи дѣлъ Венеція нашла для себя болѣе выгоднымъ употребить всѣ старанія заслужить дружбу султана. Два раза являлись греческіе послы въ Венецію съ просьбой помочь Константинополю; но синьорія отказала въ своей помощи подѣ предлогомъ войны съ герцогомъ миланскимъ. Наконецъ, только въ маѣ мѣсяцѣ, за три недѣли до катастрофы, былъ посланъ флотъ къ Константинополю; онъ, конечно, пришелъ слишкомъ поздно. Чего въ дѣйствительности желала Венеція, отправляя эскадру, видно изъ инструкціи, данной адмиралу Яс. Logedano: „На пути къ Константинополю“,—говорится между прочимъ въ этой инструкціи, — „ты не долженъ никоимъ образомъ причинять какой-нибудь вредъ городамъ, населенію и кораблямъ турокъ, ради сохраненія мира нашего съ ними. Дѣло въ томъ, что, хотя мы снарядили этотъ флотъ въ честь Бога и для спасенія Константинополя, но все же мы не желаемъ, если это возможно, впутываться въ войну съ турками“ ²⁾. Въ то же самое время, какъ отправлялся изъ Венеціи этотъ флотъ, будто бы на помощь

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ Венеціанская синьорія позже писала архіепископу Рагузы (1453 г. 18-го іюля).

²⁾ *Secreta Senatus XIX*, Госуд. Архивъ въ Венеціи.

осажденнымъ, синьорія спѣшила послать своего агента Bartolomeo Magcello къ султану съ порученіемъ — расположить Магомета къ союзу съ республикой. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, Magcello удалось заключить выгодный для Венеціи въ торговомъ отношеніи договоръ съ султаномъ (1454 г. апрѣля 18), въ силу котораго она обязывалась не поддерживать никоимъ образомъ—ни деньгами, ни припасами, ни кораблями, ни оружіемъ—враговъ султана въ ихъ предпріятіяхъ противъ Турецкой имперіи...¹⁾

Послѣ Венеціи наиболѣе заинтересованною въ восточныхъ событіяхъ была Генуя. Политическое положеніе этой республики вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ и войны съ Неаполитанскимъ королевствомъ, было на столько трудно, что она вынуждена была, чтобы хоть что нибудь выручить отъ своихъ богатыхъ колоній на Черномъ морѣ (въ Крыму), продать ихъ знаменитому банку S. Giorgio (осенью 1453 г.). Съ паденіемъ Константинополя падаетъ и торговля и всякое вліяніе Генуи на востокъ: ей не удавалось получить отъ султана такихъ выгодъ для своихъ купцовъ, какими пользовались венеціанцы и флорентійцы.—Нужно замѣтить, впрочемъ, что венеціанцы и генуэзцы, жившіе въ Константинополѣ и колоніяхъ, явились на помощь императору и дрались лучше самихъ грековъ, тогда какъ флорентійцы совершенно не принимали участія ни въ экспедиціи, ни въ защитѣ Константинополя, сославшись на то, что ихъ соотечественниковъ слишкомъ мало въ этомъ городѣ, а дома, въ Италіи, у нихъ и безъ того много дѣла. Судя же по депешѣ миланскаго посланника Nicodemus da Pontremoli, отъ 7-го іюля 1453 г.,—цитируемой г. Пасторомъ, во Флоренціи даже радовались извѣстіямъ объ успѣхахъ турокъ: радовались, что вмѣстѣ съ восточными христіанами терпѣть уронъ и ненавистные имъ венеціанцы. Затѣмъ и Флоренція спѣшила свискать расположеніе къ себѣ Магомета II. Правда, если просмотрѣть документы, относящіеся къ 1453, 1454 и 1455 годамъ, то можно подумать что флорентинцы озабочены участіемъ христіанъ и готовы даже бороться съ общимъ врагомъ. Такъ, въ письмѣ къ императору Фридриху III они воздаютъ благодарность Богу и ему, Фридриху, за принятое на сеймѣ (въ Ratisbona, 1454 г.) рѣшеніе—воевать съ турками: „*agimus igitur summo Deo gratias, qui pro retundenda rabie illius immanis bestiae Culmen Cesareum commo-*

¹⁾ Текстъ договора приложенъ къ IV тому „*Storia documentata di Venezia*“ di S. Romanin. Venezia. 1855.

vit...“ Деспоту Моренѣ Ѳомѣ Палеологу, съ которымъ республика была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, на его просьбу о помощи противъ угрожающей опасности со стороны турокъ, лѣтомъ 1455 г., дается такой отвѣтъ: „мы всегда будемъ готовы, по мѣрѣ возможности, защищать вѣрныхъ христіанъ, когда увидимъ, что тѣ, которые должны быть первыми въ этомъ дѣлѣ и до которыхъ, кажется, дѣло ближе всего касается, готовы взяться за оружіе, чтобы обуздать и подавить силу Турокъ...“ Но въ томъ же 1455 году 3-го декабря Флорентійская республика писала султану, благодаря его за добрыя отношенія къ ея купцамъ и прося у него различныхъ льготъ для торговли въ его владѣніяхъ, при чемъ синьорія, не смущаясь, величаетъ Магомета „serenissime atque invictissime princeps et excellentissime domine“¹⁾. Такой двойственной политики Флоренція продолжаетъ держаться и позже, преслѣдуя на востокѣ единственную задачу—овладѣть всей колоніальной торговлей, восторжествовать надъ своими соперниками и, въ особенности, надъ Венеціей. Любовь къ „проклятому цвѣтку“, какъ Данте называлъ флорентійскій золотой дукать, пересиливала все другое у флорентійцевъ, говоритъ г. Пасторъ. Ниже мы еще будемъ имѣть случай говорить, до какой роли дошли благородные купцы изъ за своей алчности.

Затруднительное положеніе Венеціи радовало также союзника Флоренціи—герцога миланскаго. Можетъ быть, авторъ „Исторіи папъ“ отчасти справедливъ, обращая вниманіе на итальянскія дѣла Венеціи, которыя, по его мнѣнію, нѣсколько должны смягчить сужденіе о ней за сближеніе съ султаномъ. Дѣйствительно, Francesco Sforza, для котораго никакихъ идеальныхъ стремленій не могло существовать, немедленно двинулъ свои войска на Brescia, какъ только убѣдился, что интересамъ Венеціи угрожаетъ опасность со стороны турокъ. И позже бывший condottiere могъ только продавать свое участіе въ общемъ походѣ противъ мусульманъ: ему нужно было получить инвеституру отъ императора; подъ этимъ условіемъ онъ соглашался выставить отрядъ войска.

Неаполитанскій король, Альфонсъ Арагонскій, слишкомъ былъ озабоченъ упроченіемъ своей династіи на престолѣ; поэтому всѣ его

¹⁾ *Gius. Müller* „Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll' Oriente Cristiano e coi Turchi (до 1531 г.). Firenze. 1879. Сколько намъ удалось прослѣдить, кажется, г. Мюллеромъ выбраны *все* имѣющіе для его цѣли значеніе документы изъ хранилища въ Государственномъ Архивѣ во Флоренціи.

объясненія бороться съ „врагомъ христіанъ“,—какъ и планы португальскаго короля,—ограничились словами.

Внѣ Италіи вопросъ о туркахъ казался, очевидно, слишкомъ еще маловажнымъ: на приглашеніе папы Николая V западно-европейскіе государи отвѣчали официальными фразами, готовые будто бы поддержать „великое дѣло“. Въ Германіи два раза собирался сеймъ, но безъ всякаго сколько-нибудь существеннаго результата, благодаря эгоистическому равнодушію императора и примѣрной разногласицѣ членовъ сейма.

Исключеніе изъ западно-европейскихъ державъ представляла одна Венгрія: она первая, послѣ Греческой имперіи и Славянскихъ земель, должна была испытать нападенія турокъ. Ея судьба, послѣ пораженія христіанскихъ войскъ при Варнѣ и на Коссовомъ Полѣ (1448 г.), привлекала сочувствіе западной Европы даже гораздо болѣе, нежели положеніе Византіи: она получала время отъ времени помощь деньгами и людьми. Для Венгріи Восточный вопросъ, въ особенности въ эпоху распространенія завоеваній турокъ, равносильнъ былъ вопросу жизни.

Совсѣмъ иное, небывалое до тѣхъ поръ отношеніе къ востоку и къ мусульманамъ выказалъ въ свое кратковременное правленіе Каликсетъ (1455—1458 г.). „Погруженное при Евгеніѣ IV въ политику итальянскихъ государствъ и въ споры съ соборами, а при Николаѣ V—преимущественно въ литературные и художественные интересы, папство при Каликсетѣ III стало чувствовать угрызеніе совѣсти за паденіе Константинополя и, подобно тому, какъ во времена Урбана II, оно видѣло на востокѣ всемірно-историческую задачу для себя, разрѣшеніе которой могло придать ему самому новыя силы“. Приведенныя слова принадлежатъ г. Грегоровіусу ¹⁾. Имъ г. Пасторъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе о важности для исторіи папской власти поворота во взглядѣ папъ на борьбу Запада съ турками. Чрезвычайно характернымъ для 77-лѣтняго папы пред-

¹⁾ *F. Gregorovius*. „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter“. B. VII. 144. 3 Auflage. — Замѣтимъ, между прочимъ, что только въ отношеніи Восточнаго вопроса авторъ могъ сослаться на мнѣніе г. Грегоровіуса, такъ какъ знаменитый историкъ Рима скептически относится къ Каликсту III, считая „его короткое правленіе не имѣющимъ значенія“. Кроме того, взятая имъ у Грегоровіуса крѣпкая, но мѣткая характеристика времени Евгенія IV и Николая V противорѣчитъ тому, что говорилъ о нихъ самъ авторъ; за то сильнѣе отдѣляется, при этомъ сопоставленіи, дѣятельность Каликста.

ставляется его торжественный „обѣтъ“ — бороться съ врагомъ. „Я, папа Каликстъ, обѣщаюся и клянусь св. Троицей..., что я въ случаѣ нужды, жертвуя даже собственной кровью, употреблю всѣ силы чтобы... отвоевать обратно Константинополь..., чтобы освободить христіанъ, томимыхъ въ рабствѣ, поднять православную вѣру и потушить на востокѣ дьявольскую секту гнуснаго и невѣрнаго Магомета... Если я забуду тебя, о Іерусалимъ, то пусть моя правая рука присохнетъ, пусть онѣмѣетъ у меня языкъ во рту, если я перестану напоминать о тебѣ, Іерусалимъ, и не сдѣлаю тебя источникомъ своей радости!“ И папа былъ вѣренъ своему обѣщанію (экстазъ котораго, конечно, выдаетъ испанское происхожденіе папы): по мнѣнію автора, Каликстъ обнаружилъ изумительную дѣятельность, отраженіе которой сохранилось въ 38 фоліантахъ матеріаловъ, относящихся ко времени его папства и сохраняющихся въ Тайномъ Папскомъ архивѣ. Престарѣлый папа не щадилъ на военныя издержки и матеріальныхъ средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, в своихъ личныхъ; онъ продалъ даже нѣсколько драгоценныхъ вещей изъ Ватикана. За свою энергію въ борьбѣ съ невѣрными Каликстъ III выставленъ въ „Исторіи папъ“, какъ „образецъ всему христіанскому міру“.

Но, въ сущности, новымъ дѣломъ, предпринятымъ и отчасти совершеннымъ при Каликствѣ, была постройка кораблей на Тибрѣ, въ самомъ Римѣ. Въ іюнѣ 1456 года папскій флотъ спустился къ устью Тибра. Онъ состоялъ изъ 16 (а по словамъ другихъ изъ 25) судовъ съ 1000 гребцами, 5000 солдатъ и 300 пушекъ. Послѣ колгихъ проволочекъ неаполитанскій король далъ еще нѣсколько своихъ кораблей. Папа связывалъ большія надежды съ этой экспедиціей: прежде всего онъ рассчитывалъ отвлечь турокъ отъ Венгріи, а затѣмъ, поднявъ населеніе всѣхъ острововъ Архипелага, принудить непріятеля оставить всѣ европейскія завоеванія и очистить Константинополь. Результаты, однако, были незначительны: удалось оказать поддержку о. Родосу, прогнать или перебить турецкіе гарнизоны на двухъ-трехъ другихъ островахъ и—самое большее—разбить турецкій флотъ при Митиденѣ (въ августѣ 1457 года). Мечты Каликста III были, очевидно, еще слишкомъ преждевременны, тѣмъ болѣе, что отношенія западно-европейскихъ государствъ и, въ частности, итальянскихъ республикъ къ Восточному вопросу ни въ чемъ не измѣнились къ лучшему: то же равнодушіе, тѣ же эгоистическія стремленія и никакой поддержки планамъ, возникавшимъ въ Римѣ. Вѣсть о пораженіи турокъ подъ Бѣлградомъ (14 іюля 1456 года) возбудила по-

всюду въ Европѣ радость: даже во Флоренціи и въ Венеціи открыто праздновали эту побѣду, а папа подѣ влияніемъ писемъ монаха Caristrano и самого Гуніада, именно вскорѣ по отплытіи флота въ море, готовъ былъ вѣрить въ возможность полнаго торжества креста надъ полумѣсяцемъ. Но смерть Гуніада и Caristrano (августъ и октябрь 1456 года) помѣшала воспользоваться плодами Бѣлградской побѣды. Къ этому же 1456 году относятся сношенія Каликста Ш съ христіанскимъ королемъ Эѳіопіи и, еще важнѣе, съ христіанами и мусульманами въ Азіи, гдѣ должна была возникнуть противъ турокъ-османовъ враждебная лига, во главѣ которой стоялъ сильный султанъ туркоменовъ—Усунассанъ.

При такихъ широкихъ планахъ борьбы съ „врагомъ всѣхъ христіанъ“, тѣмъ замѣтнѣе сдержанность папы въ отношеніи Албаніи, которая геройски защищала свою свободу и задерживала дальнѣйшее движеніе турокъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Прославившійся въ этой борьбѣ князь Албаніи, Георгій Кастріота, прозванный Скандербергомъ, умолялъ нѣсколько разъ и папу Каликста, и западно-европейскія государства поддержать его въ этой неравной борьбѣ, указывая на всю важность спасенія Албаніи для самой Европы. Папа всякій разъ былъ не при деньгахъ и помогаль, „чѣмъ могъ“; впрочемъ, нравственно поощрялъ Скандерберга, писалъ ему, велѣлъ адмиралу папскаго флота отправить нѣсколько кораблей къ Албаніи (но это не было исполнено), а послѣ страшнаго пораженія турокъ албанцами при Томогриза (въ іюнѣ 1457 года) Каликстъ назвалъ побѣдителя „генераль-капитаномъ куріи“ въ турецкой войнѣ. Болѣе существенную помощь Албаніи, именно войскомъ, оказывалъ одинъ только король неаполитанскій Альфонсъ, за услугу, полученную имъ отъ Скандерберга во время борьбы за неаполитанскій престолъ. За то Венеція, въ слѣпой ненависти къ Албаніи, именно за ея тѣсную дружбу съ Неаполемъ, всѣми средствами старалась повредить Скандербергу: „очень вѣроятно“, что она даже разжигала междоусобныя войны въ Албаніи, подстрекая противъ Георгія его враговъ, мелкихъ князей Албаніи. Большой помѣхой для рѣшенія великой задачи на востокѣ была политика неаполитанскаго короля Альфонса въ Италіи и отношеніе папы къ вопросу о неаполитанскомъ престолонаслѣдіи. Король никогда серьезно не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія — идти противъ турокъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ постоянного нарушенія мира на Апеннинскомъ полуостровѣ ради честолюбивыхъ личныхъ и династическихъ цѣлей. По вступленіи на пре-

столю Каликста III, прежніе близкіе друзья—король и папа—сдѣлались очень скоро заклятыми врагами, грозили другъ другу низложеніемъ съ престоловъ, оскорбляли другъ друга. Смерть Альфонса (въ іюні 1458 года) послужила сигналомъ къ новымъ смутамъ, такъ какъ папа ни за что не хотѣлъ признавать побочнаго сына короля—Доп Ферганте или Феррандо—наслѣдникомъ престола ¹⁾, а рѣшился воспользоваться моментомъ для присоединенія или „возвращенія“ части Неаполитанскаго королевства къ Церковнымъ владѣніямъ.

Въ самый разгаръ борьбы папа скончался. Послѣднимъ дѣломъ Каликста III въ пользу разрѣшенія занимавшаго его восточнаго вопроса было опять совѣщаніе въ Римѣ съ послами отъ христіанскихъ государствъ о крестовомъ походѣ. Переговоры тянулись три мѣсяца, но о результатѣ ихъ ничего не извѣстно ²⁾.

Таковы главные факты дѣятельности папства, относящіяся къ разбираемому нами вопросу. Ни въ чемъ не измѣнившаяся роль европейскихъ государствъ въ этомъ вопросѣ, вмѣшательство самого папы въ дѣла другихъ государствъ съ эгоистическими цѣлями, несоотвѣтствіе средствъ, бывшихъ въ распоряженіи Каликста съ его планами противъ турокъ, наконецъ, упадокъ авторитета папы въ связи съ его склонностью къ nepотизму ³⁾,— вотъ причины бесплодности потраченныхъ Каликстомъ III усилій, денегъ и человѣческихъ жизней.

Разрѣшеніе вопроса ни теоретически, ни практически не подвинулось впередъ. Не видно также, чтобы въ самомъ Римѣ, даже въ куріи, интересъ къ нему былъ сильнѣе, сознательнѣе. Напротивъ, послѣ смерти Каликста конклавъ кардиналовъ, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ новаго папы, выработалъ новое „Положеніе“ (Capitulatio) объ избраніи папъ, въ силу котораго будущій папа обязывался первымъ дѣломъ продолжать войну съ турками, но „согласно съ совѣтомъ кардиналовъ“. Это условіе, какъ и все вообще „Положеніе“, направлено было, очевидно, къ расширенію правъ кардиналовъ и къ ограниченію власти папы. Каликстъ III встрѣчалъ не разъ или ропотъ, или явное неповиновеніе со стороны кардиналовъ, особенно

¹⁾ Раньше его узаконилъ и призналъ правоспособнымъ наслѣдовать отцу папа Евгеній IV.

²⁾ Не вполне выясненнымъ у автора остался также вопросъ о сношеніяхъ съ Римомъ Георгія Подибрада, короля Богеміи. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что папа очень расчитывалъ на Подибрада, какъ на горячаго сторонника идеи крестоваго похода.

³⁾ Эта печальная сторона папства Каликста III слишкомъ хорошо извѣстна.

въ дѣлѣ борьбы съ турками. Врядъ ли справедливо, поэтому, объяснять роль римской церкви со времени Каликста III, въ отношеніи востока, вліяніемъ традиціи, которая не могла сложиться такъ скоро, почти непосредственно послѣ паденія Константинополя. Если съ этихъ поръ папы (да и вообще западно-европейскія государства), дѣйствительно, не могли игнорировать вопроса о туркахъ, то это потому, прежде всего, что Порта долго еще не пришла въ состояніе установившейся державы, не опасной для сосѣдей своими завоевательными стремленіями; а затѣмъ это зависѣло отъ внутренняго состоянія римской церкви, нуждавшейся часто во внѣшнемъ возбужденіи для своего спасенія, отъ взаимныхъ отношеній государствъ, пытавшихся усилить себя, ослабивъ противника при помощи Турецкой имперіи, наконецъ, отъ личности папы. Послѣднее обстоятельство особенную роль играетъ, быть можетъ, въ исторіи папы Пія II (1458—1464 г.).

Знаменитый кардиналъ Эней Сильвій Пикколомини, какъ поэтъ, писатель, историкъ и дипломатъ, былъ несомнѣнно достойнѣйшимъ преемникомъ Каликста III. Для Пія II освобожденіе Константинополя, говоритъ Грегоровіусъ, стало идеаломъ его папства; это была возвышенная и своевременная задача. Дѣйствительно, съ перваго до послѣдняго дня, въ теченіе шести лѣтъ своего правленія, папа весь отдается идеѣ борьбы съ турками, забывая свои мучительныя постоянныя болѣзни, свою физическую слабость вслѣдствіе ихъ (хотя Пію было всего 53 года, когда онъ вступилъ на престолъ), недостатокъ денегъ, безпорядки въ Церковной области и въ самомъ Римѣ, потребность реформъ въ куріи и во всемъ государствѣ... Первые распоряженія Пія II клонятся къ водворенію мира въ Италіи: онъ соглашается признать Don Ferrante королемъ неаполитанскимъ, старается успокоить волненіе въ Калабріи, чтобы свободнѣе заняться вопросомъ о крестовомъ походѣ. Для обсужденія этого вопроса папа устраиваетъ въ Мантуѣ конгрессъ, на который приглашаетъ всѣхъ христіанскихъ государей. Сколько труда, лишеній, заботъ и тяжелыхъ огорченій испыталъ папа за время, потраченное на поѣздку въ Мантую, на ожиданіе приглашенныхъ лицъ и на переговоры съ членами конгресса. (Папа выѣхалъ изъ Рима на конгрессъ 22 января 1459 года, а вернулся лишь въ 1460 году 4 октября, пробывъ въ Мантуѣ почти восемь мѣсяцевъ!). Въ результатъ получилось больше вреда, чѣмъ пользы, какъ признаетъ это и самъ г. Пасторъ (но только онъ высказываетъ это не при разборѣ кон-

гресса, а позже, какъ бы мимоходомъ; см. II т., стр. 393). Хотя въ общемъ засѣданіи конгресса, послѣ рѣчи папы, длившейся два часа, было единодушно принято рѣшеніе—воевать съ невѣрными, но при обсужденіи подробностей дѣла, въ особенности вопроса о средствахъ, обнаружилось полное нежеланіе этой войны, нежеланіе тратиться на походъ. Папѣ приходилось пускаться въ ходъ всевозможныхъ средствъ, чтобы получить согласіе — и то условное — отдѣльныхъ государствъ на участіе въ крестовомъ походѣ войскомъ и деньгами. По предложенію папы, должны были бы платить всѣ христіане $\frac{1}{30}$, евреи— $\frac{1}{20}$, духовенство— $\frac{1}{10}$ своихъ доходовъ. Султанъ теперь могъ видѣть слабую сторону европейскихъ государствъ: ихъ непримиримыя распри и козни другъ противъ друга, нежеланіе и неумѣніе дѣйствовать сообща противъ турокъ.

Но Пій II былъ слишкомъ опытный политикъ и знатокъ своего вѣка, чтобы негодовать и приходить въ отчаяніе отъ неудачи конгресса. Впрочемъ, „XV вѣкъ не имѣлъ свойства негодовать“, по остроумному замѣчанію г. Реггенс. Папа понималъ, что каждое государство считаетъ своимъ долгомъ прежде всего соблюдать свой интересъ и чужой бѣдой пользоваться въ своей выгодѣ. Онъ самъ при первомъ же удобномъ случаѣ слѣдуетъ этому правилу. Когда признанный имъ король неаполитанскій Ferrante былъ въ критическомъ положеніи лѣтомъ 1460 года, въ борьбѣ съ французами и возставшими подданными, то папа согласился продолжать поддерживать Арагонскій домъ только за приличное вознагражденіе и король уступилъ въ пользу „Церкви“ Castiglione della Pescaia въ Тосканѣ, о. Giglio, а главное, важную для Кампаніи крѣпость Теггасіна. Также дѣйствуютъ и венеціанцы въ слѣдующемъ 1861 году: они радуются успѣхамъ одного изъ самыхъ страшныхъ враговъ папы—Sigismondo Malatesta, этого замѣчательно типичнаго представителя эпохи Возрожденія, и всячески, тайно и открыто, поддерживаютъ его въ борьбѣ съ папскими войсками, рассчитывая незамѣтно захватить прибрежную полосу земли, принадлежащей Риму.

Въ то время, пока Пій II въ Мантуѣ съ нетерпѣніемъ поджидалъ приглашенныхъ лицъ на конгрессъ (а поджидать папѣ пришлось четыре мѣсяца, послѣ того, какъ онъ уже прибылъ въ Мантую!) и пока тянулись частныя совѣщанія съ представителями отдѣльныхъ государствъ, затѣмъ, пока происходила борьба за неаполитанскій престолъ и война съ Malatesta,—въ это время Магометъ II успѣшно

продолжалъ покорять славянскія и греческія государства: лѣтомъ 1459 года была покорена Сербія; въ 1460 году окончательно уничтожено господство Палеологовъ въ Моревѣ; въ 1461 году палъ Синопъ и имперія Трапезунтская; подчиненъ островъ Кипръ. Но только покореніе Босніи, лѣтомъ 1463 года, и неминуемая опасность, которая стала грозить Рагузѣ и всему Далматскому берегу, возбудили тревогу на Аппенинскомъ полуостровѣ. Только теперь въ Венеціи стали готовиться къ войнѣ. Папа не обманывался на счетъ истинныхъ мотивовъ, заставившихъ синьорію вдругъ измѣнить тонъ инструкцій своимъ посланцъ при Римской куріи и выражать готовность собирать предложенный папой налогъ и сражаться за спасеніе „всѣхъ христіанъ“. „Одна Морея доставляла Венеціи до 300,000 дукатовъ прибыли въ годъ“, — замѣтилъ однажды Піи II. Паденіе Босніи помогло уладить, наконецъ, споръ Фридриха III съ Матвѣемъ Корвиномъ: послѣдній былъ признанъ королемъ Венгріи, съ тѣмъ, что послѣ его смерти, если онъ не оставитъ наслѣдника, право на престолъ переходитъ къ Габсбургамъ. Венгрія опять готова была бороться съ турками. Въ сентябрѣ 1463 г. она заключила съ Венеціей оборонительный союзъ противъ общаго врага. Въ то же время герцогъ бургундскій, только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни, прислалъ своихъ пословъ къ папѣ съ заявленіемъ готовности будущею весной лично выступить въ походъ и, во всякомъ случаѣ, выставить войско. Казалось, наступилъ рѣдкій моментъ, благоприятный для выполненія плана папы; тѣмъ болѣе, что съ окончаніемъ войны за Неаполитанскій престолъ и войны съ Sig. Malatesta былъ возстановленъ миръ въ Италіи. Но и теперь папа не встрѣтилъ ни въ комъ, за исключеніемъ Венеціи и Неаполя, поддержки и сочувствія. Во время происходившихъ (осенью 1463 года) въ Римѣ переговоровъ съ посланцами италіанскихъ государствъ особенно интриговали флорентійцы. Они рѣшительно возстали противъ общаго похода и старались, въ тайныхъ бесѣдахъ съ Піемъ II, доказать, что пораженіе турокъ могло бы быть къ выгодѣ одной Венеціанской республики, которая, по ихъ мнѣнію, считаетъ себя наслѣдницей древнихъ римлянъ и мечтаетъ о господствѣ на всемъ земномъ шарѣ. „Послѣ завоеванія Греціи, стращали папу флорентійцы, она подчинитъ себѣ Италію. Поэтому, если римская церковь хочетъ сохранить свою независимость и свое достоинство, то нужно стараться затянуть войну между Турціей и Венеціей: слабость обонхъ государствъ послужитъ только къ благу Италіи и всего христіанскаго

мира“¹⁾. Цѣль флорентійцевъ была ясна. Въ это именно время они все болѣе и болѣе входили въ милость султана, получая отъ него различныя привилегіи для торговли на востокъ²⁾. Мы указывали выше на ихъ идеаль — не имѣть себѣ соперниковъ въ торговлѣ съ Левантомъ. Вотъ почему они не только старались разстроить крестовый походъ, но даже оказывали Магомету II важныя услуги — совѣтами, сообщеніями о военныхъ приготовленіяхъ на Западѣ противъ него, указаніями слабыхъ сторонъ Венеціанской республики. Флорентійцы, находящіеся въ Константинополѣ, открыто празднуютъ, какъ друзья турокъ, ихъ побѣды надъ христіанами: напримѣръ, взятіе острова Лесбоса, покореніе Босніи и др.³⁾. Даже въ самой Флоренціи радовались извѣстіямъ о торжествѣ турокъ (напримѣръ, въ іюнь 1464 г.).

Папа доказывалъ флорентійскимъ посламъ вредъ близорукой политики ихъ государства и, чтобы болѣе заинтересовать ихъ въ своемъ предпріятіи, рѣшился открыть имъ свой проектъ раздѣла Турецкой имперіи въ случаѣ успѣха похода. „Не все, чѣмъ турки владѣютъ въ Европѣ, достанется Венеціи“, говорилъ Пій II: „Пелопонезъ перейдетъ къ нимъ и, можетъ быть, Беотія и Атика и въ Акарнаніи и въ Эпирѣ большая часть мѣстъ, прилегающихъ къ морю. Въ Македоніи — Георгій Скандербергъ возьметъ себѣ первыя части; въ другихъ греческихъ земляхъ будутъ благородные греки, которые, по изгнаніи турокъ, получаютъ власть и которымъ необходимо будетъ оставить свободу. Остальное, что лежитъ къ Дунаю, какъ Болгарія, Расція (Rascia), Сербія и Боснія, а по ту сторону Валахія — до Чернаго моря — (все это) перейдетъ венграмъ, которые нѣкогда владѣли всѣмъ этимъ“⁴⁾. Авторъ „Исторіи папъ“ замѣтилъ только, что „этотъ проектъ, конечно, первый (по времени) изъ многихъ по-

¹⁾ Г. Пасторъ передаетъ объ этихъ козняхъ флорентійцевъ, слѣдуя разказу „Pii II, Pont. Max. Commentarii, a J. Gobellino compositi“. Francof. 1614.

²⁾ Относительно торговыхъ привилегій, данныхъ султаномъ флорентійскимъ купцамъ, *Gius. Müller*, послѣ тщательныхъ разысканій въ Государственномъ Архивѣ Флор., приходитъ къ предположенію, что оставались въ силѣ тѣ же статьи, которые напечатаны въ книгѣ *Pagnini* „Della decima“, III.

³⁾ Беремъ всѣ эти свѣдѣнія изъ книги *Gius. Müller*: „Documenti“; авторъ присоединилъ къ собраннымъ документамъ соответствующія „поясненія“ (illustrazioni).

⁴⁾ Pii II Commentarii, 835 стр. Изложеніе этого проекта сдѣлано г. Пасторомъ не точно.

добнаго рода“. Намъ онъ кажется, прежде всего, слишкомъ не полнымъ. Правда, папа хотѣлъ, повидимому, особенно показать флорентійцамъ, что нечего опасаться Венеціи, такъ какъ „на счетъ побѣжденныхъ и изгнанныхъ турокъ никто не обогатится болѣе, чѣмъ венгры, которые будутъ гораздо сильнѣе венеціанъ. Между ними послѣдствіи возникнетъ война“. Однако, уже этими послѣдними словами папа обнаружилъ слабую сторону своего проекта: славянъ и грековъ, дѣйствительно, ожидала бы печальная участь — испытывать всѣ тяжелыя послѣдствія соперничества своихъ случайныхъ господъ и вліяніе романизация вмѣстѣ съ католической пропагандой.

Послѣдняго вопроса мы еще коснемся въ своемъ мѣстѣ, а теперь будемъ продолжать разказъ о приготовленіяхъ въ Италіи къ крестовому походу. Приготовленіями папы (осенью и зимой 1463 г.) и обострившимися отношеніями между Портой и Венеціей сумѣлъ воспользоваться герцогъ миланскій: онъ заключилъ съ Генуей и Савойей договоръ, чтобы сообща противодѣйствовать торговому могуществу Венеціи на морѣ. Генуя, вслѣдствіе этого договора, отказалась прислать обѣщанныя восемь транспортныхъ судовъ для крестоносцевъ. Кромѣ того, Фр. Сфорца старался отговорить герцога бургундскаго отъ участія въ походѣ, интригуя въ этомъ смыслѣ при дворѣ французскаго короля. Дѣйствительно, въ февралѣ 1464 г. папа получилъ отказъ герцога бургундскаго: это былъ страшный ударъ. Теперь Пій II рѣшается самъ пойти во главѣ крестоносцевъ, хотя бы это стоило ему жизни. Напрасно пытались отговорить его отъ труднаго похода кардиналы, не сочувствовавшіе предпріятію (какъ французскіе кардиналы) или опасавшіеся въ самомъ дѣлѣ за слабаго и больнаго папу. Въ концѣ іюня Пій выѣхалъ изъ Рима. Нужно было спѣшить, такъ какъ во многихъ приморскихъ пунктахъ собирались уже крестоносцы со всѣхъ странъ. Большею частью они направлялись въ Анкону, какъ сборный пунктъ, откуда долженъ былъ отплыть крестоносный флотъ. Папа прибылъ сюда 19-го іюля совѣмъ больной, разбитый. Здѣсь его ждали новыя огорченія и разочарованія: ропотъ голодныхъ крестоносцевъ, пришедшихъ безъ всякихъ средствъ, безъ оружія, недостатокъ въ деньгахъ, которыя никто не думалъ платить исправно, затѣмъ запаздываніе венеціанскаго флота и, наконецъ, извѣстія о критическомъ положеніи Рагузы. Только 11-го августа показались венеціанскіе корабли, когда уже масса крестоносцевъ разошлась. По словамъ одного изъ лѣтописцевъ, этотъ фактъ ускорилъ смерть папы: съ 14-го на 15-е августа Пій II скончался.

Венеціанскій дожъ Cristoforo Mого видимо не расположенъ былъ продолжать походъ. Спѣшили вернуться въ Римъ и кардиналы для избранія новаго папы. Такимъ образомъ, походъ былъ отложенъ: корабли находившіеся въ Анконской гавани, переданы были венеціанцамъ до перваго востребованія ихъ преемникомъ Пія; оставшіеся 40,000 дукатовъ отправлены Венграмъ на помощь.

По мнѣнію г. Пастора (которое онъ высказываетъ опять мимоходомъ, говоря о папѣ Павлѣ II), „главнымъ недостаткомъ величественнаго плана Пія II была постоянная нужда въ деньгахъ“. Что же касается до упрековъ, въ „небрежности веденія всего дѣла“, которые были сдѣланы нѣкоторыми историками ¹⁾, то авторъ старается опровергнуть ихъ ссылкой на „Крестовую счетную книгу“, хранящуюся въ Государственномъ архивѣ въ Римѣ: здѣсь точно записаны приходы и расходы, начиная съ первыхъ чиселъ ноября 1463 года до самой смерти Пія (и потомъ нѣкоторое время послѣ смерти его). Словомъ, для автора отношеніе Пія II къ восточному вопросу остается идеальнымъ.

Этотъ послѣдній спорный, очевидно, вопросъ пока мы оставимъ въ сторонѣ: разсмотрѣніе его отвлекло бы насъ отъ прямой цѣли этой замѣтки, да мы и не располагаемъ въ настоящее время достаточнымъ матеріаломъ, чтобы судить, которое мнѣніе болѣе справедливо. Мы хотимъ коснуться болѣе общаго вопроса — о самой идеѣ крестоваго похода и объ увлеченіи Пія II этой идеей. Авторъ рисуетъ слишкомъ свѣтлыми и трогательными чертами образъ этого папы, „выразителя и носителя великой идеи“, „умирающаго въ то самое время, когда крестоносный флотъ подходилъ къ Анконѣ“. Подробный разказъ г. Пастора объ условіяхъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Пію II, долженъ бы былъ еще болѣе усилить впечатлѣніе въ пользу его личности. А между тѣмъ возникаетъ недоумѣніе: кому же другому, какъ не бывшему секретарю Фридриха III, а потомъ кардиналу-дипломату, лучше было бы знать взгляды и настроеніе народныхъ массъ, дѣйствительныя стремленія и побужденія европейскихъ государствъ, ихъ отношенія между собой и къ Риму, положеніе самой церкви, наконецъ? И сдѣлавшись папой, Пій, какъ мы видимъ, не утратилъ способности видѣть и замѣчать. Въ своихъ рѣчахъ и бесѣдахъ въ консисторіи и на совѣщаніяхъ съ послами,

¹⁾ „Pius II verstand nichts von Finanzwirtschaft“, говоритъ г. *Грегоровіусъ*, напримѣръ, — значить, онъ упрекаетъ папу въ неумѣніи, въ непониманіи.

еще во время конгресса въ Мантуѣ, онъ ярко рисуетъ недостойное отношеніе представителей духовенства и христіанскихъ государей къ великому дѣлу. Не могъ папа рассчитывать и на исправное поступленіе сборовъ на войну, послѣ всего того, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Мантуѣ. Какъ же, послѣ этого, объяснить при такой зрѣлой опытности папы его чисто-юношеское увлеченіе идеей крестоваго похода? Современники, даже великіе, какъ Козьма Медичи, сильно порицавшій „старога человѣка (то-есть, Пія II) за то, что онъ кидается въ предпріятіе, свойственное юношѣ“,—плохіе судьи, такъ какъ они были непосредственно заинтересованными лицами.

Казалось бы, что знакомство съ этой замѣчательной эпохой, со всѣми ея поразительными крайностями и контрастами, должно было бы помочь составить болѣе близкое къ истинѣ сужденіе и о такомъ дѣятелѣ, который былъ наиболѣе виднымъ и типичнымъ представителемъ Возрожденія. Но во взглядѣ г. Пастора на дѣятельность Пія II именно не видно этой связи между папой-гуманистомъ и его временемъ, въ особенности въ отношеніи стремленій и идеаловъ. Правда, онъ приводитъ біографію Энея Сильвія, указываетъ на его необыкновенно разностороннюю дѣятельность, на перемѣну имъ убѣжденій, партій и вообще даже всего образа жизни до вступленія на престолъ; но всѣми этими біографическими фактами нисколько не освѣщена личность папы: какъ будто съ новымъ именемъ Пій дѣйствительно вступилъ въ новую жизнь и сталъ совершенно новымъ человѣкомъ, при чемъ все прошлое исчезло для него безслѣдно. Онъ вступилъ на папскій престолъ, объявилъ свой высокій идеалъ и, истощивъ всѣ свои духовныя и физическія силы, умеръ въ борьбѣ за него.

Такое освѣщеніе дѣла намъ кажется слишкомъ одностороннимъ. Совсѣмъ иначе смотритъ на личность Пія II и на его дѣятельность г. Грегоровіусъ, словамъ котораго объ идеалѣ Пія г. Пасторъ (см. стр. 18) придалъ превратный смыслъ ¹⁾, приведя изъ цѣлой характеристики папы только одну фразу.

¹⁾ Для ясности приводимъ здѣсь то мѣсто изъ книги г. Пастора (II т., 14 с.), которое, по его мнѣнію, согласно со взглядомъ г. Грегоровіусъ: „Въ теченіе шестилѣтняго правленія папы Пія II царяла одна высокая идея, которой должны были подчиняться всѣ остальные интересы: освобожденіе Европы отъ позорнаго ига османовъ общими крестовыми походами христіанскихъ государей и народовъ. Отраженіе все болѣе и болѣе угрожающихъ варваровъ востока соединенными силами запада—такова была великая задача, которой онъ отдавался съ

Вотъ что говоритъ историкъ города Рима о Піѣ II: „Ничто не дѣлало его способнымъ на роль монарха хотя бы только Церковной области. Передъ развитымъ умомъ его раскрывался болѣе широкій горизонтъ. Великая европейская дѣятельность должна была наполнить его папство, или—оно осталось бы ничтожнымъ, за недостаткомъ всемірно-историческихъ задачъ. Освобожденіе Константинополя стало идеаломъ его папства, и эта цѣль была возвышенной и своевременной. Никто не станетъ искать въ душѣ Пикколомини той мечтательной вѣры (Glaubensschwärmerei), которая нѣкогда воодушевляла Урбана II и его современниковъ, или еще руководила монахомъ Caristano. Простительное честолюбіе, поэтическая фантазія, но, конечно, также и религіозное чувство, а подчасъ (zumal) и сознаніе папскаго долга, — таковы были, разумѣется, мотивы его дѣятельности. Къ турецкой войнѣ онъ относился серьезно; онъ оставался вѣренъ этой страсти, такъ какъ еще прежде, чѣмъ сдѣлался кардиналомъ, писалъ и говорилъ въ пользу турецкихъ войнъ на многихъ сеймахъ въ Германіи“. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія читаемъ слѣдующую характеристику Піа II („Ист. города Рима“, т. VII. 1870 г., стр. 168 и 209): „Подвижнаго и измѣнчиваго (по характеру и стремленію) Піа II ни одинъ спокойный судья, конечно, не можетъ почитать за мученика идеи и вообще видѣть въ немъ великаго человѣка.... Имѣютъ полное право—въ этомъ весьма опытномъ и богато одаренномъ тосканцѣ, полномъ самыхъ прекрасныхъ задатковъ, видѣть зеркало, въ которомъ чрезвычайно ясно отражается его эпоха. Такія разностороннія неудовлетворенныя натуры (Wandernaturen) отражаютъ въ себѣ свѣтъ, который онѣ знаютъ изъ опыта и наблюденій, но сами онѣ не обладаютъ ни глубиной мысли, ни страстью на столько, чтобы создать въ жизни нѣчто творческое“.

Съ этой точки зрѣнія легче можно понять и отношенія Піа II къ „великой задачѣ на востоцѣ“: его бесплодныя, хотя и почтенныя усилія въ борьбѣ за идею, безусловно „высокую и своевременную“ для человѣчества, для христіанъ вообще; но для папы самого, а тѣмъ болѣе для всего запада того времени, эта идея была случайной,

---

юношескимъ воодушевленіемъ, съ удивительною настойчивостью и энергіей, съ самаго начала своего правленія, не обращая вниманія на свои физическія страданія“. Въ подтвержденіе этихъ словъ авторъ ссылается также на *Палацкаю*: „Geschichte von Böhmen“.

шедшей въ разрѣзъ съ дѣйствительными потребностями жизни на западѣ. Болѣе понятнымъ представляется и то явленіе, что важнѣйшая, естественная для папства задача—реформація церкви или „реформація Римской куріи“, какъ говорили тогда,—оставалась не тронутой Шлемъ, какъ и его предшественниками и преемниками. Въ избирательныхъ „Capitulaciones“ условія необходимости церковныхъ реформъ давно уже сдѣлались пустой фразой. Положимъ, дѣло было слишкомъ трудное и требовало гения, котораго не находилось. Но вѣрно и то, что такимъ „Wandernaturen“, какъ Пикколомини, были болѣе по душѣ широко задуманные, „величественные“, но не исполнимые планы, нежели медленное и трудное преобразование всего подгнивашаго зданія католической церкви — „ея главы и членовъ“. Конечно, и борьба съ исламомъ была спасеніемъ — не для церкви, правда,—но для самого папства въ его отчаянномъ положеніи. Побѣда надъ полумѣсяцемъ была бы по-истинѣ великимъ торжествомъ одряхлѣвшаго Рима. Здѣсь вкратцѣ будетъ привести еще одинъ фактъ, чрезвычайно характерный для личности Пія II и вообще для исторіи папской власти. Въ одинъ изъ критическихъ моментовъ своего правленія, когда шла тяжелая разорительная борьба съ герцогомъ Malatesta, котораго поддерживали Венеція, Ріссипіно и князь Тарента, а казна папская была совершенно истощена; когда на югѣ Италіи союзникъ папы, король Ferrante, терпѣлъ одно поражение за другимъ; когда, наконецъ, съ востока пришли извѣстія о паденіи Трапезунтской имперіи и княжества Синопскаго, а западныя государства оставались равнодушными къ опасности со стороны турокъ, — тогда Пій II рѣшился обратиться къ султану Магомету II съ предложеніемъ перейти въ христіанство. Въ своемъ посланіи къ нему папа излагаетъ въ главныхъ чертахъ ученіе христіанской церкви и доказываетъ несостоятельность корана и безсиліе ислама бороться съ христіанской культурой. Переходъ султана въ христіанство имѣлъ бы чрезвычайно важныя послѣдствія и для него лично и для папѣ и для всей церкви. „Императоромъ греческимъ и восточнымъ мы называли бы тебя,—писалъ между прочимъ папа,—и то, что ты теперь захватилъ силой и несправедливо удержишь, будетъ принадлежать тебѣ по праву. Твою руку мы призывали бы на помощь противъ тѣхъ, которые покушаются на права Римской церкви и грозятъ своей Матери. И подобно тому, какъ наши предшественники, Стефанъ, Адрианъ и Левъ, призывали Пипина и Карла Великаго и переносили императорскую корону отъ грековъ на своихъ освободителей,

такъ и мы пользовались бы твоей помощью въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ церкви и отплачивали бы достойнымъ образомъ за оказываемое намъ благодѣяніе. О, какой бы это былъ миръ! Опять наступилъ бы прославленный поэтами золотой вѣкъ Августа. Еслибы ты примкнулъ къ намъ, то скоро и весь востокъ обратился бы ко Христу"... Другаго подобнаго обращенія никогда болѣе не было въ исторіи.

Эта оригинальная попытка Пія II, затѣмъ вся исторія конгресса въ Мантуѣ и, наконецъ, печальная смерть разочарованнаго папы въ Анконѣ, въ виду обѣтованной земли,—вотъ три главныхъ факта, которые возбуждаютъ интересъ къ замѣчательной личности Пія II и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ столько же безсиліе римскихъ папъ и всего запада въ отношеніи возникшаго Восточнаго вопроса, сколько и безнадежное положеніе самого папства.

Папа Павелъ II (1464—1471) рѣшился не оставлять борьбы съ турками; но ему привелось увидѣть одни лишь успѣхи Магомета II: султанъ продолжалъ тѣснить Албанію и угрожать Венгріи; а на морѣ овладѣлъ островомъ Негропонтъ (12-го іюля 1470 г.). Старанія папы были направлены—и опять безплодно—къ объединенію христіанскихъ государей въ общей лигѣ противъ врага. Впрочемъ, по словамъ автора, въ исторіи Павла II, именно въ отношеніи его къ Восточному вопросу, есть еще пробѣлы, которые остаются открытыми, такъ какъ не найдены поясняющіе документы (напримѣръ, не все извѣстно о совѣщаніяхъ папы съ италіанскими послами въ Римѣ, въ 1471 году). Во всякомъ случаѣ, — это признаетъ авторъ, — „отношенія Павла II къ вопросу были нѣсколько иныя, нежели его предшественника“, отношенія западныхъ державъ остались тѣ же.

Продолжать дѣло Пія II привелось Сиксту IV (1471—1484). Приблизившаяся для Италіи опасность съ суши и съ моря, а также извѣстія о войнѣ Усунхассана съ османами въ Азіи давали папѣ новый поводъ созвать конгрессъ христіанскихъ государей. Но на этотъ разъ даже не удалось устроить конгресса, и посланные во всѣ концы Европы кардиналы вернулись ни съ чѣмъ. Тогда папа попытался дѣйствовать въ союзѣ съ Венеціей и Неаполемъ; они снарядили флотъ (лѣтомъ 1472 г.) и отправили его къ берегамъ Малой Азіи для поддержки Усунхассана. Послѣ первой небольшой побѣды союзники перессорились и стали дѣйствовать врозь, а турки, побѣдивъ Усунхассана, обратились снова на Албанію (потерявшую еще въ 1468 году своего героя Скандерберга), заняли крѣпость Кроу, сто-

лицу Албаніи, и двинулись на Тироль и Верхнюю Италію. Венеція вынуждена была просить мира, который и былъ заключенъ въ Константинополѣ 25-го января 1479 года. Хотя условія этого мира были крайне тяжелы для республики (она уступала островъ Эвбею, Лемносъ и всѣ главные пункты въ Албаніи), но за то султанъ обѣщаль покровительствовать венеціанской торговлѣ на востокѣ. Дѣйствія турокъ теперь могли быть еще свободнѣе. Магометъ II зналъ, что онъ не только не встрѣтитъ дружной коалиціи противъ себя, если высадится въ Италіи, но даже найдетъ союзниковъ между италіанскими государями. Лѣтомъ 1480 г. турки высадились въ Апуліи и взяли городъ Отранто. Нѣтъ прямыхъ доказательствъ содѣйствія венеціанъ и флорентійцевъ туркамъ въ этой экспедиціи, но тайное подстрекательство и злорадство Венеціи по поводу затруднительнаго положенія ея противника, неаполитанскаго короля, можно предположить съ большою вѣроятностью, какъ это и дѣлаетъ г. Пасторъ. Возможны были и услуги флорентійцевъ, благодарныхъ Магомету II за вниманіе къ ихъ государству ¹⁾. Только смерть Магомета II (3-го мая 1481 г.) спасла Италію и, быть можетъ, всю западную Европу отъ турокъ. Легко себѣ представить, какова была радость въ Римѣ по случаю смерти „врага всѣхъ христіанъ“, одно имя котораго наполняло ужасомъ и Азію и Европу въ теченіе 30 лѣтъ... Однако надо замѣтить, что и это чрезвычайное „счастливое обстоятельство“ не склонило европейскихъ государствъ къ согласію — дѣйствовать за-одно противъ турокъ, не пробудило въ нихъ способности видѣть въ созданіи Турецкой имперіи дѣйствительно страшное зло для всей Европы ²⁾.

Кромѣ видимаго пристрастія г. Пастора къ папамъ, мы считаемъ также очень слабой стороною сочиненія взглядъ автора на отношенія восточныхъ христіанъ къ католикамъ и къ мусульманамъ. Эти отношенія играли весьма важную роль въ судьбѣ самаго Восточнаго вопроса. Авторъ нѣсколько разъ останавливается на нихъ. Такъ, въ числѣ причинъ, объясняющихъ успѣхи турокъ,

¹⁾ Въ это именно время султанъ выдалъ флорентійцамъ убійцу Юл. Медичи (Венг. Bandini). Письма флор. республ. къ Магомету II отъ 11-го и 12-го мая 1480 г. *Gius. Müller*, „Documenti“.

²⁾ Г. Пасторъ опровергаетъ на основаніи новыхъ документовъ ошибочный взглядъ г. Грегоровіуса, будто бы и Сикстъ IV не желалъ продолжать борьбы съ турками, „будучи втянутъ въ территориальную политику“. II т., стр. 504, примѣч. 5.

встрѣчаются нѣсколько разъ печальныя, по его мнѣнію, факты: „схизматики“ славяне и греки предпочитали исламъ католичеству и оказывали содѣйствіе туркамъ, какъ это было въ Сербіи, на о. Лемносѣ и въ другихъ мѣстахъ. Г. Пасторъ считаетъ такое сближеніе съ мусульманами просто „измѣной“ со стороны восточныхъ христіанъ. Что среди славянъ и грековъ мусульманство находило прозелитовъ—и часто по расчету,—этого нельзя отрицать (постыдные примѣры подавали сами Палеологи); но не подлежитъ сомнѣнію также и вѣротерпимость турокъ-османовъ и Магомета II. Самъ авторъ указывалъ (I т., стр. 457) на то, что „султанъ не принуждалъ грековъ къ переходу въ исламъ“, а напротивъ, спѣшилъ положить конецъ религиознымъ распрямъ среди ихъ, запретивъ введеніе уніи и назначивъ—черезъ два дня послѣ паденія Константинополя—патріархомъ извѣстнаго противника латинянъ, Геннадія. Очень вѣроятно, что Магометъ дѣйствовалъ при этомъ и изъ политическихъ соображеній. Наоборотъ, отношенія христіанъ-католиковъ къ восточнымъ христіанамъ (и самихъ папъ, и государей, и народовъ) въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ никакъ уже нельзя признать дружелюбными, основанными на вѣротерпимости. Извѣстно, кромѣ того, что католическая пропаганда была тѣмъ опаснѣе для славянъ и грековъ, что неразлучно шла съ романизированіемъ этихъ народовъ.

Но г. Пасторъ въ этомъ вопросѣ держится католической точки зрѣнія и доводитъ свое сужденіе до противорѣчія самому себѣ. По поводу введенія въ Византію флорентійской уніи, онъ разказываетъ о страшной злобѣ и ненависти, которую не могли въ себѣ подавить даже представители греческой аристократіи, открыто заявлявшіе свое „предпочтеніе турецкаго тюрбана римской тиарѣ“; а массу населенія въ это критическое для города время нельзя было удержать отъ насилія противъ католиковъ и уніатовъ. „Этотъ фанатизмъ грековъ противъ латинянъ—замѣчаетъ авторъ—объясняетъ и извиняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то обстоятельство что со стороны западныхъ государствъ не была оказана болѣе скорая помощь, которая, можетъ быть, могла бы спасти славную столицу Восточной имперіи“.

Все, что самъ г. Пасторъ говоритъ (особенно во II т.) объ отношеніи запада къ Восточному вопросу, такъ просто и ясно, что всякое дополненіе, а тѣмъ болѣе извиненіе, кажутся, лишними. Не можемъ, въ заключеніе нашей замѣтки, не привести болѣе безпристрастнаго мнѣнія г. Грегоровіуса по этому вопросу: „Магометъ II и его пре-

емники не насилывали національной церкви, какъ это дѣлали латинскіе завоеватели и папы. Султаны были вѣротерпимы въ отношеніи религіи... Стремленія турецкаго правительства обратить эллиновъ въ исламъ не удавались. Церковь оберегала вмѣстѣ съ христіанствомъ и народность. Ничѣмъ не восполнимая пропасть вслѣдствіе отличія расы, религіи и обычаевъ спасала существованіе греческаго народа. Его языкъ сохранялся. Можно даже утверждать, что именно турецкое завоеваніе способствовало этому, такъ какъ лишь оно положило конецъ процессу романизированія новыхъ грековъ" ¹⁾).

К. Шварсалонъ.

МАТЕРІАЛЫ И ИСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Л. Майкова.
I. Бесѣда о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Царегграда. С.-Пб.
1890.

Со времени изданія Антонія Новгородца П. И. Савваитовымъ ²⁾ не было, на сколько мы знаемъ, издано ни одного памятника старинной русской письменности, которымъ свѣдѣнія о Константинополѣ получали бы такое значительное приращеніе, какое получаютъ они теперь изданіемъ „Бесѣды о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Царегграда“. Это мнѣніе уяснится читателю разборомъ топографическаго содержанія „Бесѣды“, предлагаемаго нами въ этой статьѣ. Издатель этого стариннаго произведенія, академикъ Л. Н. Майковъ, въ самомъ началѣ своего изслѣдованія сообщаетъ, что между письменными матеріалами, привезенными въ 1886 году кандидатомъ С.-Петербургскаго университета Ѳ. М. Истоминымъ, отправленнымъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ съ этнографическою цѣлью, находится сборникъ XVII в., въ которомъ оказалась упомянутая нами выше Бесѣда ³⁾. Далѣе, въ новомъ трудѣ своемъ Л. Н. Майковъ даетъ подробныя свѣдѣнія о составѣ не только упомянутаго сборника, но и еще двухъ другихъ сборниковъ, въ которыхъ находится текстъ того

¹⁾ *Грекорогіусъ*. „Ист. города Аѳинъ“. II т., стр. 403.

²⁾ Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова. С.-Пб. 1872.

³⁾ Л. Н. Майкова, Бесѣда, ст. 1.—Отчетъ о Ярославск. арх. съѣздѣ, Ж. М. Н. Пр. 1888, евр., 66. Ѳ. И. Истомина: „О рукописныхъ находкахъ въ Архангельской и Олонекской губерніяхъ лѣтомъ 1886 г.“ (*Изв. Русск. Геогр. Общ.* за 1886 г., т. XXII, 601—610).

же памятника (въ одномъ полный, въ другомъ не полный), и опредѣляетъ взаимное соотношеніе этихъ трехъ списковъ ¹⁾). Затѣмъ, указаны тѣ критическіе приемы, которыхъ держался издатель: онъ положилъ въ основу изданія списковъ, привезенный Ѡ. М. Истоминымъ, съ сохраненіемъ правописанія этого списка, исправленія же явно ошибочныхъ чтеній въ немъ, равно какъ и дополненія, взяты имъ изъ другихъ двухъ списковъ ²⁾). Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній издатель помѣщаетъ самый текстъ Бесѣды ³⁾). За текстомъ слѣдуетъ тщательное и подробное разысканіе о происхожденіи и значеніи Бесѣды и приуроченіе ея къ опредѣленной эпохѣ ⁴⁾).

Издатель высказываетъ предположеніе, что въ памятникѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, соединены два произведенія разнаго характера и разныхъ эпохъ: собственно „Бесѣда“ и „повѣсть“ о поклоненіи святымъ мѣстамъ Цареграда. „Указаніе на паломничество,—говоритъ издатель,—какъ на долгъ всякаго истинно благочестиваго человѣка, есть та мысль, которую авторъ „Бесѣды“, если не высказываетъ прямо, то даетъ понять всѣмъ своимъ произведеніемъ“ ⁵⁾). Но въ ней нѣтъ никакого намека на то, что столица благовѣрныхъ царей находится во власти басурманъ ⁶⁾). Поэтому она написана не позже половины XV в., а по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, она можетъ принадлежать началу XV в. ⁷⁾). Эти предположенія изслѣдователь обставилъ и другими доводами, заимствованными изъ наблюденій надъ историческимъ развитіемъ на Руси воззрѣній на паломничество. Мы предоставляемъ читателямъ лично познакомиться со взглядами изслѣдователя, составляющими систематическое цѣлое, которое разобратъ и по достоинству оцѣнить мы на себя взять, разумѣется, не въ состояніи по недостаточному знакомству съ памятниками старинной русской письменности. Самая же „повѣсть“ о поклоненіи святымъ мѣстамъ Цареграда есть, по мнѣнію изслѣдователя, болѣе древній трудъ, другаго лица, включенный въ Бесѣду ея составителемъ ⁸⁾). Время составленія этого описанія святыни издатель относитъ къ эпохѣ

¹⁾ Бесѣда, 2—10.

²⁾ Бесѣда, 11—12.

³⁾ Текстъ Бесѣды—стр. 12—28.

⁴⁾ Бесѣда, 28 и до конца.

⁵⁾ Бесѣда, 33.

⁶⁾ Бесѣда, 29.

⁷⁾ Бесѣда, ср. 29 и 44.

⁸⁾ Бесѣда, 34, ср. 42.

до-турецкой, руководясь приведеннымъ выше соображеніемъ, что въ немъ нѣтъ упоминанія о туркахъ. Съ другой стороны, эта повѣсть написана послѣ 1261 г., года изгнанія фрязей. Видѣнные авторомъ повѣсти слѣды латинскаго грабежа удостовѣряютъ, что авторъ постигъ Цареградъ вскорѣ по изгнаніи оттуда франковъ. Напротивъ того, Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1347—1350 гг., уже не занесъ въ свои путевыя записки никакихъ извѣстій и воспоминаній объ упомянутомъ разграбленіи ¹⁾. На основаніи этихъ и другихъ соображеній Л. Н. Майковъ признаетъ, что разказы о Цареградѣ, читаемые въ Бесѣдѣ, записаны русскимъ паломникомъ, посѣтившимъ Константинополь не позже конца XIII или самаго начала XIV вѣка.

Содержаніе новооткрытаго памятника и высказанное академикомъ Л. Н. Майковымъ объясненіе его вызоветъ, безъ сомнѣнія, нашихъ знатоковъ русской литературы и на отысканіе новыхъ списковъ памятника, и на критическое разсмотрѣніе мнѣнія его издателя. Мы же съ своей стороны, потрудившись въ прежнее время надъ топографіей Константинополя, и теперь приложили стараніе изученіемъ новаго источника уяснить и его значеніе, и самую историческую топографію этой столицы, а отчасти и время составленія описанія. Прочими извѣстіями анонима мы занимались лишь, на столько, на сколько это намъ казалось нужнымъ для высказанной нашей цѣли. Занимающимся мѣстными преданіями византійской столицы новый паломникъ сообщитъ и новое, и разновидности стараго.

Держась изложеннаго выше намѣренія, я выпиываю изъ новоизданнаго произведенія всѣ тѣ извѣстія, въ которыхъ заключаются указанія на памятники Цареграда, и занимаюсь разсмотрѣніемъ каждаго извѣстія особо.

Новооткрытый паломникъ начинаетъ свой обзоръ церковныхъ и отчасти гражданскихъ памятниковъ Цареграда съ тѣхъ изъ нихъ, которые помѣщались между церковью Св. Софіи и восточнымъ поморьемъ. Онъ засталъ въ сохранности знаменитую колонну Юстиніана со-всадникомъ на верху и опредѣлилъ ея мѣстоположеніе точнѣе всѣхъ намъ извѣстныхъ описателей греческихъ, русскихъ и иноземныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ точно рѣшается этотъ вопросъ сообщеніемъ Прокопія, что эта колонна со статуей Юстиніана стояла на площади, находившейся передъ зданіемъ совѣта и име-

¹⁾ Вєсѣда, 40.

нуемой Августеемъ (Αὐγουσταῖον), или словами Зонара, что она воздвигнута на дворѣ великаго храма (св. Софіи)¹⁾. Клавихо говоритъ, что эта колонна стояла на площади передъ церковью св. Софіи²⁾. Зосима, русскій паломникъ утверждаетъ только, что столпъ Юстиніана стоитъ предъ дверьми св. Софіи³⁾. То же и у Стефана Новгородца: „а отъ столпа Юстиніанова вйти въ дверцы св. Софіи“⁴⁾. О которыхъ дверяхъ храма оба говорятъ, не видно. Очень точно указываетъ на мѣстность, занимаемую колонной, Жиль; но это было въ XVI в., когда онъ могъ руководствоваться одними только воспоминаніями обывателей города. „Что Августей находился въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ виденъ водометъ (aqua saliens), пишетъ Жиль, неподалеку отъ западнаго угла св. Софіи,—я заключаю изъ недавно еще существовавшаго стилобата Юстиніановой колонны, которая турками сброшена“⁵⁾. На тотъ же самый уголъ указываетъ и новооткрытый паломникъ, когда заявляетъ, что „исходя изъ церкви св. Софіи полуденными дверми по правой руки есть столпъ камень великъ, на столпѣ томъ стоитъ Иусти[ни]анъ царь“⁶⁾.... Разница большая въ томъ, что послѣдній самъ еще видѣлъ памятникъ, между тѣмъ какъ Жиль его уже не засталъ.

Потомъ, новый паломникъ упоминаетъ о двухъ церквяхъ, очень близкихъ къ св. Софіи. „Пошедъ же мало отгуду, — говоритъ онъ, — отъ дверей полуденныхъ (то-есть, отъ тѣхъ дверей св. Софіи, о которыхъ уже была рѣчь) въ лѣвой рудѣ есть церковь Спасъ“⁷⁾. Объ этой стоявшей у юго-восточнаго угла св. Софіи церкви, посвященной имени Спасителя, мы можемъ только сказать, что это не та одноименная ей церковь, подъ которой былъ живоносный источникъ, потому что „Бесѣда“ отдѣляетъ одну отъ другой и потому, что вторая находилась, какъ увидимъ, не тутъ, а у

¹⁾ Procop. De A. Aedif. I, 2, p. 181 Bonn.—Zonaras, L. XIV, c. 6 (Lips. 1870, V. III, p. 274).

²⁾ Рюи Гонзалесъ де Клавихо, изд. и пер. И. И. Срезневскаго, стр. 66.

³⁾ Путешествіе іеродіакона Зосимы. Въ „Путешеств. русскихъ людей въ чужія земли“, изданіе 2-е. С.-Пб. 1837. Сахарова. Ч. 2-я, стр. 37—Хоженіе инока Зосимы, изданіе Хр. Лопарева въ Православномъ Палестинск. Сборникѣ, вып. 24, стр. 9.

⁴⁾ См. Путешествіе Стевана Новгородца въ изд. Сахарова, изд. 2-е, ч. II, стр. 14.

⁵⁾ Gylli, Constantinop. Topographia. L. II, c. 17 (Elz.).

⁶⁾ Бесѣда, стр. 16.

⁷⁾ Бесѣда, стр. 16.

мора. Но вотъ еще одна церковь, тутъ же у главнаго собора стоявшая: „Созади олтара св. Софіи,—продолжаетъ авторъ,—есть церковь святаго Никола; тая церковь создана на Дмитревѣ дворѣ, гдѣ посидилъ святыи Никола Дмитрея въ полаты, вземъ изъ мора“. Изъ этого описанія видно, что эта, близкая къ главному храму, церковь стояла отъ него на востокъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе святынь, направлявшихся вдоль восточнаго побережья отъ Одигитріи до Манганъ. За пропускомъ агіографическихъ и иныхъ подробностей, я выпишу здѣсь одно за другимъ одни только опредѣленія топографическія: „А отъ Софѣи на востокъ доле къ морю есть направе монастырь, рекомый Одегитрия“....¹⁾.

„А отъ монастыря Одегитрія на полунощи къ Манганомъ направе есть монастырь святаго Лазаря“...²⁾.

„Оттоле же (то-есть, отъ Лазаря) къ Манганамъ направе есть монастырь женскіи святая Богородица“³⁾...

„Ту же есть близъ того монастыри (то-есть Богородицы) инъ монастырь женскіи святыи Василиѣ“. И о немъ же: „Оттоле притѣти к Манганомъ съ полудни воити въ монастырь“⁴⁾.

Авторъ шелъ, какъ мы уже сказали, вдоль восточнаго поморья столицы и при томъ съ юга на сѣверъ. Что Богоматерь Одигитрія находилась отъ Св. Софіи на востокъ, это кромѣ него видно изъ плана Константинополя Бондельмонти 1422 г.⁵⁾ Дуга два раза упоминаетъ о малой дверцѣ, что въ обители Одигитріи, какъ о стоящей близъ моря, одинъ разъ по поводу вторженія въ Константинополь Гателуза, а другой разъ при описаніи, осады столицы судами Мухаммеда II, расположенными отъ Красивыхъ воротъ (Ἐραία πόλη) до Вланги⁶⁾. Эти дверцы Дюканжъ описалъ какъ отдѣльныя отъ воротъ Ахур-калу. Со времени патриарха Константія, по его почину, нѣкоторые ученые отождествляютъ ворота Одигитріи съ упомянутыми воротами (Скарлатъ Византій и отецъ Леонидъ). Должно однако помнить, что вообще осталось не извѣстнымъ, чѣмъ въ этомъ приуроченіи ру-

¹⁾ Бесѣда, стр. 17.

²⁾ Бесѣда, стр. 17.

³⁾ Бесѣда, 17—18.

⁴⁾ Бесѣда, 18.

⁵⁾ Constantino poleos ichnographia et descriptio въ *Ducang. Joann. Cinnam.* ст. 178, и въ его же Constantinopolis Christiana тотъ же планъ послѣ оглавленія.

⁶⁾ *Ducae Historia Byzantina, rec. Im. Bekkerus* (ed. Bonn.), pp. 41 и 283.

ководствовался покойный патриархъ, личными ли своими соображеніями, или мѣстнымъ преданіемъ¹⁾. Впрочемъ, что обитель Одигитрія находилась близъ воротъ Ахур-капу, въ этомъ сомнѣніи никто не предъявлялъ.

Монастырь Лазаря новый паломникъ указываетъ отъ Одигитрія на сѣверъ по направленію къ Манганамъ „на правѣ“; а такъ какъ и Одигитрія и Манганы находились у моря, то по вышеозначенному указанію и Лазарь, очевидно, былъ тоже у моря или недалеко отъ него. Это свидѣтельство подкрѣпляется слѣдующимъ разказомъ Пахимера. Когда венеціанцы на 75 судахъ проходили вдоль восточнаго берега византійскаго треугольника, то императоръ, увидавъ ихъ изъ ипподрома, отправилъ къ нимъ для переговоровъ одного значительнаго венеціанца чрезъ дворцы стѣны у монастыря св. Лазаря²⁾. Кондаковъ высказываетъ догадку, что церковь Маріи Магдалины, упомянутая въ сборникѣ Ріана, есть, по всей вѣроятности, эта самая церковь во имя Лазаря, въ которой Львомъ Философомъ положены были мощи святой³⁾.

Монастырь женскій Св. Богородицы, находившійся, по описанію Бесѣды, на пути изъ Лазаря къ Манганамъ, есть, вѣроятно, тотъ самый, который Стефаномъ помѣщенъ недалеко отъ св. Ирины. Архим. Леонидъ относитъ эту упомянутую Стефаномъ Богородицу къ указанному въ этой же мѣстности, то-есть близъ Ирины, сочинителемъ Константиніады монастырю Богородицы Патрикія⁴⁾. Это весьма вѣроятно.

Мы видѣли, что по пути отъ Богородицы къ Манганамъ нашъ

¹⁾ *Ducang*, *Const. Chr.* L, p. 55. — Κωνσταντίας πατριάρχα Κωνσταντία, ἐν Βενετία 1824, стр. 26.—Σχαρλίτου Βυζαντίου Ἡ Κωνσταντινούπολις, I, 110.—Обозрѣніе цареградскихъ памятниковъ, соч. архим. *Леонида*, см. на его „Планъ Цареградскаго Седмисохлія“. Кондаковъ ставитъ Одигитрію близъ *Ахор-Капу*, но на планѣ относитъ ее слишкомъ на 300 метровъ къ сѣверу отъ этихъ воротъ. Византійскія церкви, стр. 106; на его пл. ср. № 6 и Ахор-Капу.

²⁾ *Pachumeris De Michaele etc.* III, 18, p. 238 Bonn. На это мѣсто есть ссылка у Дюканжа: въ *Cinnam.* p. 186 (прим. 64 къ описанію Константинополя Бендельмонта) и въ его *Const. Chr.* IV, 127—128.

³⁾ *Кондакова*, Виз. церк., 78—79, гдѣ ссылка на *Riant*, *Euxinae* II, p. 116.—См. тутъ лат. актъ 1232 г.: „Anselmus, procurator (?) S. Mariae Magdalenaе Constantinopolitanae“... (это—начало; вопросительный знакъ принадлежитъ изданію).

⁴⁾ Бесѣды стр. 17—18. Стефанъ 20, *Сазар.* изд. 2, кн. 2.—*О. Леонида*, Обзорѣніе, стр. 19 (въ отгискѣ), стр. 38 *Чтеній Моск. О. И.* и *Др.* кн. IV, 1870. М. 1871. На планѣ NN. 3. Ср. *Ducang.* с. с. IV, 92. Κωνσταντίας, 31.

поклонникъ помѣщаетъ монастырь св. Василія. Это извѣстіе совпадаетъ съ извѣстіемъ дьяка Александра, который, идя въ обратномъ направленіи, отъ Манганъ къ Одигитріи, находитъ сперва церковь Спаса, а потомъ монастырь Василія. Оба упомянутые паломника видѣли тутъ главу св. Василія Кесарійскаго ¹⁾. „Въ праздникъ Василія Великаго“, пишетъ Кюдинъ, „царь ходитъ равнымъ образомъ въ честную обитель, посвященную его имени“ ²⁾. Это, конечно, та самая обитель, въ которой былъ похороненъ патріархъ Іосифъ въ 1283 г., при Андроникѣ Старшемъ ³⁾.

Самою сѣверною изъ поименованныхъ въ восточной части Царьграда святинь въ новооткрытомъ памятникѣ являются Манганы, о которыхъ есть только намекъ, что это монастырь, но что св. Георгія не сказано. Нѣтъ, однако, ни малѣйшаго сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ этомъ послѣднемъ. Вильгельмъ Тирскій въ исходѣ XII в. пишетъ, что Константинополь имѣетъ фигуру треугольника съ тремя не равными сторонами; первая сторона его отъ угла, образуемаго портомъ и Эллиспонтомъ, гдѣ находится церковь св. Георгія, именуемая Мангана“... ⁴⁾. Не читавшій Вильгельма, іеродіаконъ Зосима выражается довольно сходно: „Царьградъ стоитъ на три углы, 2 стѣны отъ моря, 3-я отъ западу, приступъ ратныхъ. Въ первомъ угле отъ Бѣлого моря Студийскіи монастырь, во второмъ угле св. Юрѣя монастырь Монганъ“ ⁵⁾. Этотъ монастырь стоялъ южнѣ церкви св. Димитрія, сообщившаго свое имя Акрополю (ἀκρόπολις ἀγίου Δημητρίου) ⁶⁾. Однако монастырь св. Георгія стоялъ сѣвернѣ монастыря Спаса, какъ сейчасъ увидимъ.

„Позадѣ же на востокъ (?) надъ моремъ близъ есть церковь святни Спасъ“ ⁶⁾.

¹⁾ Бесѣда, 18; Путеш. рус. людей, Сахарова. Изд. 2, ч. II, 68.

²⁾ Codinus, De Officiis, cap. 15 ed. Bonn.

³⁾ Pachymer. II, L. 1. c. 13 ed. Bonn.—Оба послѣднія сообщенія приведены у Дюканжа, Const. Chr. IV, p. 119.

⁴⁾ Мы перевели выписку, приведенную Дюканжемъ, Const. Chr. IV, p. 124.

⁵⁾ Зосима, изд. 2-е, Сахарова II, 43; изд. Лопарева, ѡп. 24, стр. 9.

⁶⁾ Bondelmonti, Const. ichnographia, на планѣ (см. наше пр. 5 стр. 237); планъ большаго дворца и его окрестностей къ Βυζαντινὰ ἀνάκτορα, Παπατη, Αθηναί, 1885. Авторъ указываетъ на планѣ то мѣсто, гдѣ онъ нашелъ остатки церкви св. Димитрія, когда устранивалъ полотно для городской желѣзной дороги.—Ср. Παπατη, Βυζαντινὰ μελέται, 102—3. — Стефанъ Новг.: „стоятъ при морѣ“ (Сак. 22). — Κωνσταντινὰς, 27.

Спасъ, по описанію Майковскаго паломника, сейчасъ приведенному, находился „позадѣ“ Манганъ. Пояснимъ, какое значеніе здѣсь имѣетъ слово позадѣ. Такъ какъ авторъ до сихъ поръ направлялся отъ Одигитріи къ Манганамъ, при чемъ описывалъ встрѣчавшіяся по пути его святини, то позадѣ означаетъ здѣсь ту мѣстность, которая осталась за нимъ, когда онъ дошелъ до Манганъ. Изъ Манганъ, то-есть, отъ св. Георгія, онъ идетъ назадъ на югъ (не на востокъ, какъ онъ думаетъ) и тутъ „надъ моремъ близъ есть“ Спасъ. Такъ же выражается и дьякъ Александръ: „назади того монастыря (Манганскаго) церковь Св. Спасъ“¹⁾. Этому Спаса я отождествляю съ тѣмъ, о которомъ новый паломникъ ниже пишетъ: „что подъ Спасомъ есть святая вода межъ стѣны городныи и моремъ заключена“...²⁾. О. Леонидъ давно уже сопоставилъ свидѣтельства объ этомъ Спасѣ (Милостивомъ) Стефана, Александра, Игнатія и Зосимы; онъ отождествилъ, на основаніи ихъ свидѣтельствъ, мѣстность упоминаемаго ими Спаса съ мѣстностью агіазмы, которую патриархъ Константій приурочилъ къ Инджиливьоску. Эти сближенія о. Леонида даютъ намъ возможность отнести сюда же оба упоминанія о Спасѣ паломника Бесѣды³⁾. Этотъ послѣдній въ первомъ своемъ упоминаніи о Спасѣ говоритъ „иже самъ ся преобразилъ на стѣнѣ и многа отъ него исцеленія бываетъ“⁴⁾. Сравните слова Стефана: „ту, за стѣною надъ моремъ, явился Христосъ самъ, и ту церковь наричуть Христосъ“⁵⁾.

По поводу Спаса упомянуты нашимъ анонимомъ въ первомъ его сообщеніи св. Аверкій и св. мученица Аня (въ М. Аня), то-есть, тѣ же мощи, которыя цѣловалъ и Стефанъ въ церкви Христа (св. Аверкій названъ и у Игнатія)⁶⁾. Во второмъ упоминаніи „Бесѣды“ большое сходство этого мѣста съ словами Зосимы замѣчено уже было ея издателемъ, который ихъ и сопоставилъ — для доказательства своего взгляда, что Зосима заимствовалъ нѣкоторыя мѣста изъ ново-

¹⁾ Путеш. рус. люд., ч. II, стр. 68 (дьяка Алекс.), изд. *Сахарова*.

²⁾ Бесѣда, 22.

³⁾ О. Леонида, Обзоръ, 20—21. — Κωνσταντίνος; патриарха Константія, 1824 года. — *Кондаковъ*, ссылающійся на свидѣтельства Зосимы и Александра, держится того же взгляда. Виз. Церкви, 81—82.

⁴⁾ Бесѣда, 18—19.

⁵⁾ О. Леонида, Обзор., 20; Путеш. Стефана, ч. II, 20 (*Сак.*).

⁶⁾ О. Леон., Стеф., тамъ же.

изданнаго памятника. Сопоставимъ еще одинъ разъ упомянутыя двѣ выписки:

Зосима (Правосл. Пал. Сб., в. 24, стр. 4).

„Близъ же святыя Соѣѣи Христосъ Милостивны, монастырь женскій; вода есть святая въ немъ подъ церковью: въ песокъ ноги копающе прокаженныи и болящїи исцеленье принимать безчисленно“.

Бесѣда (изд. Л. Н. Майкова въ его Матеріалахъ и изслѣдованїяхъ по старинной литературѣ), стр. 37.

„Подъ Спасомъ есть святая вода... и тою водою умываютъце людїе и пьютъ ея, и исцелѣнїе отъ нея бываетъ; ту близъ святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больныи погребаютъ ноги и избираютъ черви изъ носъ ¹⁾ и изъ всего телеси и здрави бывають“.

Мы должны сознаться, что мы въ этомъ мѣстѣ не видимъ той путаницы, о которой говорятъ почтенный издатель Бесѣды. Противъ Зосимы здѣсь можно сказать только, что онъ мѣстность указалъ слишкомъ не опредѣленно: „близъ св. Соѣѣи“; это его обычная манера. Но и паломникъ Бесѣды, котораго вообще нужно высоко цѣнить за его топографическія указанїя, въ данномъ случаѣ не совѣмъ исправенъ. Не точно, какъ мы видѣли, въ первомъ сообщенїи направленїе Спаса отъ Манганъ на востокъ, вмѣсто на югъ. Во второмъ же извѣстїи своемъ: „отъ нея же подъ Спасомъ есть святая вода межъ стѣны городныи и моремъ заключена“ ²⁾, онъ не поясняетъ читателю, что это тотъ же самый Спасъ, о которомъ имъ было прежде упомянуто. Отожествленїе ихъ есть одна лишь наша догадка, на которую навели насъ предварительныя разысканїя по вопросу о Спасѣ патр. Константія и преосв. Леонида. Къ такой догадкѣ не могли бы привести слѣдующїя слова новооткрытаго паломника: „Стефанъ новый и Ирина святая даютъ христіаномъ просвещенїе. Отъ нея же подъ Спасомъ есть святая вода межъ стѣны городныи и моремъ“ и т. д. Слова „отъ нея же“ синтактически могутъ относиться только къ Иринѣ. Но мы видѣли, что Царевъ монастырь, гдѣ лежали эти святыне, онъ же Λιβός, стоялъ не близко къ морю, а въ серединѣ столїцы. Пропускъ ли тутъ, или упоминанїе объ Иринѣ перенесло фантазію автора къ той Иринѣ, что близъ Софїи? Какъ бы то ни было, но въ обоихъ своихъ сообщенїяхъ объ одной и той же обители Спаса авторъ Бесѣды не ясенъ.

¹⁾ Я думаю, что тутъ опяска переписчика вмѣсто изъ носъ, такъ какъ выше сказано, что больныи погребаютъ въ песокъ ноги.

²⁾ Бесѣда, 22.

Первымъ свидѣніемъ о церкви св. Спаса завершается описаніе святынь восточной части города. Отсюда внезапный переходъ къ юго-западному углу его.

И отъ Переплета, продолжаетъ авторъ, пойти къ Калуянову Городку, налево есть монастырь Студіасъ; ту есть два тѣла негѣбна: святыи Сава і святая Соломонида лежать внутри церкви¹⁾.

Нельзя не обратить вниманія на согласное свидѣтельство нашего паломника и Стефана Новгородца относительно нахождения въ Студійскомъ монастырѣ мощей св. Саввы²⁾. Это становится особенно достойнымъ примѣчанія послѣ того, какъ взаимное отношеніе между уставами Студійскаго и Саввскаго монастыря констатировано за послѣднее время уставомъ втораго изъ нихъ, недавно открытымъ доцентомъ Дмитріевскимъ и помѣщеннымъ имъ въ его путешествіи³⁾.

Изъ трехъ названныхъ сооруженій первое и третье находятся на мѣстахъ извѣстныхъ. „Переплетъ“, то есть обитель Перивлентская, находится тамъ, гдѣ нынѣшній Сулу-Монастырь, стоящій недалеко отъ Псамаоійскихъ воротъ, къ сѣверу⁴⁾. Монастырь Студійскій (Имрахор-джами), по объясненію очевидца, проф. Н. П. Кондакова, приходится какъ разъ въ сѣверозападномъ углу треугольника, образуемаго съ востока воротами Псамаоійскими, а съ юга воротами самаго монастыря, нынѣ Нарли-калу⁵⁾.

Однако же, не смотря на извѣстность означенныхъ двухъ пунктовъ, я долженъ сознаться, что для меня осталось не понятнымъ, гдѣ былъ Калуяновъ Городокъ. Нельзя-ли дознаться мѣстоположенія его по Калуянову монастырю Антонія, мѣстность котораго какъ будто поддается опредѣленію? „А въ Калуяновѣ монастырѣ (это слова Антонія) лежать мощи св. Власія и глава его и иныхъ святыхъ“⁶⁾. Это извѣстіе сопоставимъ съ другими, завѣряющими близость мартирія

¹⁾ Вьсѣда, 19.

²⁾ Стефанъ, у Сахарова, Путеш. рус. люд., изд. 2, кн. 2, ст. 23.

³⁾ Дмитріевскаго. Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Киевъ-1890. См. Приложение 2.

⁴⁾ Κωνσταντίνος 92; Σχ. Βοζ. Κωνσ. 330—; Πασπάτη Βοζ. Μελ. 379, 400; Кондаковъ. Виз. Цер., 111—142. Особенно важны развѣдки о Перивлентѣ самовидца Паспати. Съ преосв. Леонидомъ мы вполне согласны въ томъ, что подъ „Пре-красной Богородицей“ Стефанъ разумѣетъ Перивлентскій монастырь. См. его Обзорніе, стр. 34 отд. от.; 52 въ Читеніяхъ М. О. И. и Д. за 1870 г., кн. 4. М. 1871.

⁵⁾ Кондаковъ, Виз. Цер., 142.

⁶⁾ Антоній, изд. Савваитова, стр. 122.

св. Власія съ обителью апостола Филиппа, и близость этой послѣдней съ цитерной Мокія ¹⁾). Цитерна же Мокія находилась къ сѣверу отъ мечети Дауд-паши, на юго-западъ отъ мечети Гьусек-калдирымъ, на высокоомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ видны ея остатки. На планѣ Византія Скарлата она означена въ видѣ прямоугольника на востокъ отъ Силимврійскихъ воротъ (что въ сухопутной стѣнѣ) подъ названіемъ *παλαία κινστήρα* ²⁾). Итакъ, Калуяновъ монастырь Антонія долженъ былъ находиться гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, на 6-мъ холмѣ, въ 12-мъ регионѣ, неподалеку отъ Силимврійскихъ воротъ. Но возникаетъ вопросъ: все-ли равно, что Калуяновъ монастырь Антонія, что Калуяновъ Городокъ новооткрытаго паломника? По имѣющимся доселѣ даннымъ, едва-ли можно допустить ихъ тожество; по крайней мѣрѣ, если мы изъ Перивлепта (Сулу-Монастира), пойдѣмъ къ остаткамъ Мокіевой цитерны, то мы Студіева монастыря не будемъ имѣть ни налѣво, ни направо: онъ останется у насъ назади. Дальнѣйшее описаніе Бесѣды даетъ нѣсколько черточекъ, которыя врядъ-ли могутъ уяснить вопросъ. „А оттоле (то-есть, отъ Студія) пошедъ мало, на правѣ есть церковь святой Диомидъ, близъ Калуянова Городка“. Авторъ держится здѣсь направленія съ сѣверо-востока на юго-западъ, то-есть, направленія къ Эптапиргію или Семибашенному Замку. Здѣсь, въ самомъ углу города, дѣйствительно стоялъ монастырь св. Диоида. Василий Македонскій, сказано въ его жизнеописаніи, „пришедъ (изъ Македоніи) къ Золотымъ воротамъ столицы и чрезъ нихъ вошедъ въ нее, уже на склонѣ дня приближается къ монастырю св. Мученика Диоида, находящемуся тамъ близко“ ³⁾. То же пишетъ и Антоній: „а у Златыхъ вратъ св. Диомидъ“ ⁴⁾. А вѣдъ намъ извѣстно, что близъ Диоида и Золотыхъ воротъ былъ и Семибашенный замокъ ⁵⁾. Прельщаетъ насъ и омонимія—Калуяновъ и синонимика Городка и Замка. При всемъ томъ мы не остановимся на догадкѣ о тожествѣ этихъ двухъ городковъ или замковъ, тѣмъ

¹⁾ *Ducas*. С. С.; сряни IV, 121 и IV, 116, гдѣ ссылки на источники.

²⁾ *Эв. Вуѣ. Кѡнѣант.* I, 296; ср. на приложенномъ къ I тому планѣ К—ля.—Ср. № 49 на планѣ *Кондакова*, стр. 102—103 его Визант. Церквей.

³⁾ *Constantini imperatoris Vita Basilii*, cap. 7. Въ *Leonis Allatii Σοφιστικῶν liber posterior* (p. 17).

⁴⁾ Антоній, изд. *Савваитова*, стр. 123.

⁵⁾ См. Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя, *Г. Дестуниса*. Въ Трудахъ VI Археологич. съѣзда въ Одессѣ, 1884 Томъ III, стр. 247—250. (Отд. оттиск. стр. 13—16). Одесса 1887.

болѣе, что мы въ самой занимающей насъ Бесѣдѣ встрѣтимся съ противорѣчіемъ. Но объ этомъ послѣ.

Оставаясь въ юго-западной части города, авторъ сообщаетъ къ ряду еще два факта, которые, при скудости матеріаловъ, представляють тоже много затрудненій.

„А оттолѣ (то-есть, отъ Діомида) пойти къ полунощи есть монастырь св. Андрѣя; ту лежитъ Андрѣй Стратилать...“ Ту же есть на полунощи близъ есть (sic) другіи монастырь св. Андрѣя Юродиваго¹⁾.

Къ сѣверу отъ Діомида, какъ извѣстно, стоялъ монастырь св. Андрея Критскаго, иначе называемый св. Андрея въ Крисиѣ, обращенный вполнѣ въ мечеть Коджа-Мустафы-паши, донинѣ существующую въ околотеѣ Псамаеійскомъ, именуемомъ Чума-Пазаръ, и лежащую направо по пути отъ Золотыхъ воротъ къ Силиврійскимъ²⁾. На то, что нашъ паломникъ разумѣетъ именно этотъ монастырь, указываетъ его выраженіе: „оттолѣ къ полунощи“. Стефанъ Новгородецъ изъ Студіа идетъ къ прекрасной Богородицѣ (Θεοτόκου τῆς Περιβλέπτου), а отсюда въ мужской монастырь Андрея Критскаго. Опять совпаденіе. Но въ нашемъ паломникѣ не умѣемъ мы объяснить, почему сюда приурочиваетъ онъ тѣло Андрея Стратилата, а тѣло Андрея Критскаго относитъ къ церкви святаго Андрея, стоявшей въ другомъ мѣстѣ, а именно гдѣ-то между Манганими и воротами Балык-пазар-капу, если вѣрна наша догадка, что у этихъ послѣднихъ воротъ находились Васильки. Вотъ слова автора: „А Мангани изшедъ на западъ къ Василькомъ идя, есть церковь святыи Андрѣй [и] ту лежить святыи Андрѣи Критцкіи...“³⁾ Монастырь съ тѣломъ Андрея Стратилата, стоявшій, какъ мы видѣли, въ юго-западной части города, и церковь съ тѣломъ Андрея Критскаго, находившаяся въ сѣверо-восточной его части, по представленію автора, — совсѣмъ два разныхъ зданія. Вѣроятно, въ даваемыхъ здѣсь извѣстіяхъ произошло смѣшеніе въ названіи мощей.

¹⁾ Бесѣда, 19—20.

²⁾ *Discap.* С. С. IV, 5, 93 и 5. 111—112. — *Κωνσταντινίδας* 85. — *Σκ.* Βοζ. *Κωνσταντ.* I, 300. — *Πασιπότη Βοζ.* Μελ. 318—20. *Κονδακωα*, Виз. Цер. 160—162. — Планы Константинополя: *Σκ. Виз. Δαυοδπλασσα-Τζαμια* и № 37; *Ο. Λεον.* №№ 46 и 47; *Κονδακ.* №№ 44 и 39. Планы въ означеніи этихъ пунктовъ не вполнѣ между собою согласны. Ср. *S. Andrea* на *Ancien plan de Const.* imprimé entre 1566 et 1574, avec notes explicatives, par Caedicius. Constant. (безъ означенія года).

³⁾ Бесѣда, стр. 22.

Вотъ еще трудность по поводу монастыря св. Андрея Юродиваго. Хотя и сказано, что онъ „на полунощи“, но искать его, кажется, надо не въ сѣверныхъ частяхъ столицы, а не далеко отъ упомянутаго непосредственно передъ нимъ Андреемъ. Этого требуетъ выраженіе: „ту же есть близъ“. Извѣстно, что іеродіаконъ Зосима упоминаетъ о монастырѣ Андрея Юродиваго, какъ лежащемъ по сосѣдству съ св. Спасомъ, Одигитріей, Лазаремъ, стало быть, въ восточной части города. Этого указанія Зосимы держатся наши авторитеты—о. Леонидъ и Кондаковъ ¹⁾; но вѣдь они держались этого за неимѣніемъ лучшаго матеріала. Мы не можемъ дать другаго объясненія разбираемому нами мѣсту; да еслибы и истолковать его иначе, то-есть, что монастырь Андрея Юродиваго, по нашему мѣсту, находился на полунощи города, и при такомъ толкованіи пренебречь выраженіемъ: ту же есть близъ, то этимъ еще не подкрѣпилось-бы утвержденіе Зосимы, отбрасывающаго его на востокъ. Могла быть въ Константинополѣ церковь Андрея Юродиваго, отличная отъ монастыря того же угодника. Но могла быть и здѣсь неисправность Зосимы въ дѣлѣ топографіи. Вѣдь увѣряетъ же онъ, что „тамо жъ близъ св. Сооеи монастырь женскіи Панахранъ...“ ²⁾, между тѣмъ какъ ἡ μονὴ τῆς Παναχράντου находилась на западъ отъ нынѣшняго Эт-мейдана (мяснаго рынка), посрединѣ потока Лика, къ юго-западу отъ Валентова водопровода ³⁾, находилась, стало быть, отъ св. Софій почти на такомъ разстояніи, какъ Адмиралтейство отъ станціи Николаевской желѣзной дороги въ Петербургѣ. Итакъ, лучше подождемъ новыхъ данныхъ; впрочемъ, можетъ быть, мы и упустили какое нибудь свѣдѣніе, другимъ извѣстное. Продолжаемъ нашъ разборъ.

„Близъ же Златыхъ Вратъ есть монастырь женскіи: св. Евдокимъ лежитъ въ тѣле, а на другой странѣ св. Евфимія въ тѣле...“ ⁴⁾.

Сравнимъ съ Антоніемъ; „И у столпа посторонъ Богородицына монастыря лежитъ новыи Евдокимъ во серебрянѣ гробѣ, аки живъ“ ⁵⁾.

Такъ какъ Антоній говоритъ о Евдокимѣ въ близкой связи

¹⁾ О. Леонидъ, Обзоръніе 24; Кондаковъ Виз. цер. 105.

²⁾ Зосима, изд. Сах., стр. 37; изд. Лопарева (Пал. Общ. Вып. 24, ст. 4).

³⁾ Сх. Воџ. 385 объ Эт-мейданѣ; Паспату, Воџ. Мел. 322, μονὴ τ. Παναχράντου, нынѣ Фенари-Исѣ-Меджиди.—На планахъ: См. Виз. ἡ πότις ἀγία τῶν Γενιτάρων О. Леон. № 32; Конд. № 88.

⁴⁾ Бесѣда, 20.

⁵⁾ Антоній, изд. Саев., 184, пр. 163—Латинскій переводъ П. Мартинова, § 124, стр. 226, въ Echiuae sacrae Constantinopolitanae, II, Genevae, 1878.

съ монастыремъ св. Мокія, находившимся въ той же части города, гдѣ находится теперь и нашъ паломникъ, то, безъ сомнѣнія, оба имѣютъ въ виду одну и ту же святыню. Замѣтимъ, что переходъ отъ этого пункта къ Романовскимъ воротамъ у Антонія совершается тотчасъ послѣ Евдокима, да и у новаго паломника тоже очень скоро. Итакъ, оба отошли не далеко отъ Золотыхъ воротъ.

Святая Евфимія (Εὐφροσύνη), по нашему тексту, лежитъ „на другой сторонѣ“ . Чѣмъ дополнить это выраженіе? быть можетъ: на другой сторонѣ Золотыхъ воротъ? У Стефана читаемъ переходъ отъ Елисаветы къ Евфиміи, а отъ Евфиміи къ Даніилу ¹⁾ (къ Романовскимъ воротамъ, какъ сейчасъ будетъ показано). Стало быть, и Стефанъ, исправный топографъ, нашель Евфимію въ этой части города—юго-западной. Здѣсь въ нашемъ текстѣ не можетъ быть рѣчи о другихъ святыняхъ, посвященныхъ св. Евфиміи: въ Петріонѣ, у Неорія, въ околосѣ Оливріа, у Ипподрома.

„И отголе поити ко св. Диомиду, пишетъ далѣе неизвѣстный, на лѣтній западъ есть монастырь женскіи: ту лежитъ двѣ тѣле не-тлѣнне: Елисаветъ, мати Предтечева, а другое—рабы ея“ ²⁾. Если дословно держаться текста, то мѣстонахожденіе этого монастыря окажется въ самой глубинѣ кута, образуемаго южною частью сухопутныхъ стѣнъ и западнымъ концемъ стѣнъ, идущихъ вдоль Мраморнаго моря. Нельзя однако же утверждать, чтобы это непременно было такъ. Стефанъ выражается нѣсколько иначе: онъ изъ обители Андрея Критскаго идетъ къ св. патриарху Тарасію, а отсюда къ св. Богородицѣ въ монастырь, гдѣ цѣловаль св. Елисавету ³⁾, отсюда къ Даніилу. Какъ ни темны эти переходы, они не выводятъ насъ изъ пространства, заключающагося между двумя извѣстными пунктами: Андреемъ Критскимъ (Коджа-Мустфа-паша) и Романовскими воротами (=Топ-капу). Такимъ образомъ, анонимъ и въ этомъ вопросѣ не расходится со Стефаномъ ⁴⁾.

Анонимъ подвигается вдоль Сухопутной стѣны на сѣверъ къ Ро-

¹⁾ Стефанъ, въ Пут. рус. люд. *Саз.*, стр. 24.

²⁾ Бесѣда, 20.

³⁾ Стефанъ, Пут. рус. люд., изд. *Саз.* II, 24.

⁴⁾ О. Леонидомъ уже была замѣчена вносимая въ этотъ вопросъ Зосимой путаница; Обзорніе, 35, 37, 44.—Она, быть можетъ, устранится, если на мѣсто матери Предтечевой разумѣтъ у Зосимы Елисавету, уроженку Константинополя, VI—IX вѣка, которой празднуютъ 24-го апрѣля. См. подъ 24-мъ апрѣля, Арх. *Сергія*, Полный Мѣсяцесловъ Востока. Москва, 1876.

мановскимъ воротамъ (Топ-капу) и, очевидно, ошибается, когда утверждаетъ, что идетъ на лѣтній западъ.

„А оттоле (т. е. Діюмида и Елисаветы) пойти на лѣтній западъ, говоритъ онъ, ко св. Дани[и]лу есть церкви св. Дани[и]лѣ; ту же самъ лежитъ св. Даниилъ въ послѣдн[е]и службе в рове на право[й] сторонѣ, и св. Романъ Певецъ с лѣвой руке, а на олтаре святии Никита“... ¹⁾ О тѣхъ же трехъ святыхъ, какъ находящихся въ одномъ мѣстѣ, упоминаютъ Антоній, Александръ и Кодинъ; о Даниилѣ и Никитѣ—Стефанъ. Антоній указываетъ ясно на мѣстность: „И у Романовыхъ вратъ св. великій пророкъ Даниилъ лежитъ и св. Романъ и Никита“ ²⁾. Такъ какъ въ мѣстоположеніи этого монастыря нѣтъ никакого сомнѣнія, то очевидно, что выраженіе „на лѣтній западъ“ крайне неумѣстно ³⁾. Слова же нашего анонима: „въ рове (лежитъ Даниилъ) на право(и) сторонѣ“ подтверждаются параллельнымъ описаніемъ Стефана: „и пришедъ въ церковь поидти подъ землею степеней 25, все со свѣщею идти, на правой руцѣ есть гробъ св. Даниила“ ⁴⁾.

Описаніе подвигается отъ Романовскихъ воротъ (Топ-капу) къ сѣверу—къ Влакернамъ, приблизительно по направленію городской сухопутной стѣны.

„Оттоле пойти къ Богатому монастырю, есть монастырь Богомъ богатъ Іоанна Предтечи: ту лежитъ святии Іоанъ; а вшедъ въ монастырь идохомъ на полунощи к Лахерне“ ⁵⁾.

По одному и тому же пути съ нашимъ описателемъ видѣли и описали этотъ монастырь Продрома ⁶⁾ или Предтечи Антоній и Стефанъ. Остальные паломники въ своихъ сообщеніяхъ о немъ мѣстныхъ опредѣленій не даютъ ⁷⁾. Я придаю большое значеніе

¹⁾ Бесѣда, 20.

²⁾ Антоній, изд. *Савв.*, 134—135, прим. 164 и 165. Лат. пер. П. Мартынова, *Echiviae*, II, 227. Александръ, изд. *Сахар.* II, 69. Codinus, *Περὶ κτισμάτων* 98 В

³⁾ Κωνσταντῖνας, 20; Σχ. Βούξ. Κωνσταντ. 344; Θ. *Λεονίδς*, Обзор. 37—38. *Савватова* прим. 164 и 165 къ Антонию; *Кондакова* В. Ц. 98. *Αρχαιολογικὸς χάρτης τ. χερσαίων τευχῶν Κωνσταντινουπόλεως. Ἐν κωνστ.* 1884. (Παράρτημα τοῦ ΙΔ' Τ. Въ О ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλλήν. Φιλολογικὸς Σύλλογος. Стр. 11, № 68 Топ.—Καποσοῦ. *Дестунисъ*, Ист. топ. очеркъ сухоп. стѣны Константинополя, Одесса, 1887 (стр. 256, Т. III, Одес. Арх. Сѣзда; отд. отт. ст. 22).

⁴⁾ Стефанъ, изд. *Сахар.* II, 24.

⁵⁾ Бесѣда, 20.

⁶⁾ Антоній, изд. *Савв.*, 138—139,—Стефанъ, 26, изд. 2-е, *Сахарова*, ч. II.

⁷⁾ О. *Λεονίδς* сопоставлялъ извѣстія объ этомъ монастырѣ Зосимы, Игнатія, Александра и Стевана. Обзорѣн. ст. 58 въ *Чтен. Об. И. и Д.* 1870, ч. IV.

взаимному согласію трехъ русскихъ паломниковъ Антонина, Стефана и нововзданнаго въ вопросѣ, еще невольно представлявшемъ большую путаницу. Въ одно и то же время разными путями пришли къ сходному выводу о мѣстоположеніи этой обители Н. П. Кондаковъ и А. И. Пападопуло-Керамей. Опубликованы были ихъ мнѣнія въ 1887 году. Кондаковъ пишетъ: „проводники испанскихъ пословъ (Клавихо) показали имъ церковь Іоанна Крестителя, называемую della Piedra прежде другихъ, такъ какъ она была „возлѣ императорскаго дворца“ (то-есть, Влахернскаго): это была та-же церковь, о которой Антоній (стр. 138) говоритъ: „и есть монастырь, къ Лакерійѣ идучи, святаго І. Крестителя: и ту выпускаютъ людей на праздниѣ и на великѣ день трижды годѣ до года, и кормятъ всѣхъ; а черницъ не испущаютъ изъ монастыря никогда же; черницъ же есть двѣстѣ; а селѣ не держатъ, но Божіею благодатію и пощаніемъ и молитвами Іоанна питаемы суть“. А Стефанъ,—что зовутъ церковь Ивана Бога богатымъ; то же и дьякъ Александръ и Зосима. Мы полагаемъ доказаннымъ, что монастырь стоялъ гдѣ то по близости Текфурт-Серая, на высотѣ, и однако не въ Петріонѣ, лежащемъ гораздо далѣе на Ю.-В.“¹⁾ и т. д. Вотъ мнѣніе русскаго ученаго. А. И. Пападопуло-Керамей рѣшительно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые приурочиваютъ эту обитель къ Петрикапу; онъ полагаетъ, что должно искать ее по сю сторону Адрианопольскихъ воротъ, гдѣ дѣйствительно существовала женская обитель Предтечи еще въ 1637 году и только тогда она была обращена въ Отоманскую мечеть Байрам-паши. Въ не изданномъ Смирнскомъ кодексѣ онъ нашелъ между бесѣдами Мелетія Сирига одну, произнесенную имъ „въ святомъ Іоаннѣ Петры, въ Константинополѣ (Εἰς τὸν ἄγιον Ἰωάννην τῆς Πέτρας εἰς Κωνσταντινούπολιν)“. Эта надпись, по мнѣнію Пападопуло-Керамея, въ топографическомъ отношеніи драгоцѣнна тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о существованіи въ 1631 году знаменитой во времена византійскихъ царей обители Св. Продрома, именуемой Петрской (τῆς Πέτρας)²⁾. Сопоставляя замѣчанія двухъ

¹⁾ Кондаковъ, Визант. церкви, стр. 203—204. Онъ ссылается на Itinerario, Клавихо, изд. проф. Ф. К. Бруна, ст. 4—6, 16—18, примѣчаніе. Сошлемся и на изд. покойнаго И. И. Срезневскаго. Рюя Гонзалезъ де-Клавихо, С.-Пб. 1881 (подлинникъ и переводъ). См. гл. 34. Sant Juan de la Piedra.

²⁾ Παπαδοπούλο:-Κεραμεύς въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος, 1887, τευχ. 7. σ. 413—441. Объ упомянутомъ кодексѣ см. его же Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐν Σμύρνῃ βιβλιοθήκης, Σμύρνη, 1877, ст. 60. Въ

почтенныхъ археологовъ съ согласными между собою данными русскихъ паломниковъ, мы убѣждаемся въ ошибочности прежняго предположенія, что обитель Предтечи находилась у Золотого Рога. У Дюканжа читаемъ: „Versus muros Urbis maritimos ad Fretum Sycenum Petrium extitisse autor est Nicetas in Alexio Com. l. 3, c. 10. οἱ μὲν τὰ πλοῖα φέροντες ἔστησαν κατέναντι τῶν Πετρίων. Quo loco Codex Barbarograecus habet, τοῦ κάστρου τῶν Πετρίων λεγομένων. Quod quidem Castrum, si aliud a Monasterio Petrii, nescio an idem fuit cum Palatio Petrii“ ¹⁾ etc. Самъ Дюканжъ допускаетъ, хотя и условно, что монастырь Petrii (то-есть, тоѣ Петріου) могъ быть отличенъ отъ крѣпости того же имени; но это не помѣшало ему утверждать, что монастырь стоялъ у Золотого Рога. Патріархъ Константиій, хотя и отличаетъ монастырь отъ крѣпости, хотя и не говоритъ о монастырѣ, что онъ былъ приморскій, но помѣщаетъ его въ участѣ Петріου, присовокупляя, что въ этомъ участкѣ ни малѣйшаго слѣда этого славнаго монастыря не осталось ²⁾. Безъ всякихъ доводовъ почтенный археологъ и описатель Константинополя Ск. Византіій пишетъ, что эта обитель была приморская: καὶ τοὶ κρημνισμένοι σχεδὸν (то-есть, ἡ μονὴ τοῦ Προδρόμου) ὡς πολλὰ ποθοῦσα, καθὸ παραθαλάσσιος, ὑπὸ τοῦ ναοτικοῦ τῶν τούρκων“ ³⁾. Ни въ греческихъ источникахъ — Аннѣ Комнинѣ, Дукѣ, Кодинѣ ⁴⁾, ни въ русскихъ паломникахъ Антоніи, Стефанѣ и новоизданномъ ⁵⁾, ни у западныхъ описателей Клавихо, Бондельмонти и Жюля ⁶⁾ нѣтъ ни малѣйшаго намека на приморское положеніе этой обители.

Извѣстіе: „а вшедъ въ монастырь, есть вода ноли отъ Дуная проведена“, заключаетъ въ себѣ одинъ дѣйствительный фактъ

прошломъ году тотъ же ученый заявилъ о томъ, что провинце этой обители τῆς Πέτρας завѣрено 8-ю кодексами. Δελτιον, τυχ. 8, с. 68. Палеографическія ссылки приведены имъ, какъ здѣсь, такъ и въ его Μαυρογορδатеος Βιβλιοθηκη, стр. 32.

¹⁾ *Ducan.* in *Annam. Comn. notae* (въ его изд. *Cinnami*, p. 249, Not. in *Annam. Bonn.*, II, 452).

²⁾ *Κωνσταντινάς*, 16—17.

³⁾ *Ск. Воѣ. Κωνσταντ.*, I, 565. Ск. Византіій отличаетъ ее отъ храма Предтечи въ Евдомѣ I, 357.

⁴⁾ *Anna Com.*, II, 5, p. 103 B. (=p. 54 Pag.). *Ducas*, p. 288 *Bonn.*—*Codinus De Officiis*, p. 80 B.

⁵⁾ Ссылки см. выше въ пр. 5—7, стр. 247.

⁶⁾ Клавихо см. выше пр. *Bondelmonti*, p. 180 при *Cinn.* изд. *Ducang. Gyllius*, IV, 4; p. 293 (Elz. 1632).

и одно смѣшеніе фактовъ. Существованіе водоемовъ въ цареградскихъ монастыряхъ — фактъ очень распространенный — въ данномъ случаѣ подтверждено свидѣтельствомъ очевидца Бондельмонти: у него находимъ и *monasterium S. Ioannis de Petra* и *cisterna S. Ioannis de Petra*. Хотя Бондельмонти и не говоритъ, что онъ видѣлъ упомянутую цистерну въ монастырѣ того же имени, но это само собою разумѣется. Совершенно не правъ Джанжъ, когда пишетъ: „*Cisterna Petrii vocata, cujus meminit Bondelmontius aedificata fuit a Manuele Comneno Imperatore, ut est apud Cinnamum lib. VI, n. VIII; περί τῆς ἡώρας οὗ πολλῶν Βυζαντίου διέχοντα, ὅς Πέτρα κατωράσται, in loco haud procul Byzantio dissito, quem Petram vocant, in media quadam cavitate collibus utrinque cincta, in quam aquae per varia ostia confluebant, quae postmodum per canales in urbem deferebantur*“¹⁾. Киннамъ дѣйствительно такъ описываетъ устроенный за городомъ водоемъ и проведеніе въ городъ воды²⁾; но Джанжъ напрасно отождествляетъ цистерну Петры городской съ цистерной Петры загородной. Не о городской пишетъ Киннамъ и не о загородной Бондельмонти. Городскую видѣлъ и новооткрытый паломникъ и присоединилъ къ личному своему наблюденію мѣстное сказаніе. Это сказаніе произошло, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе смѣшенія въ чьемъ-нибудь воображеніи Велиграда (Бѣлграда—Βελγράδιον), находящагося близъ Константинополя, снабжавшаго и доселѣ снабжающаго столицу обильными водами, съ Бѣлградомъ Сербскимъ. Вода дѣйствительно могла быть проведена изъ Велиграда—Бѣлграда, но не изъ придунайскаго³⁾.

Русскіе паломники эту обитель не называютъ Петрой. Но что это прозваніе есть настоящее, — видно изъ упомянутыхъ документальныхъ свидѣтельствъ, открытыхъ Пападопуло-Керамеемъ. Указанныя нами мѣста изъ Дуки, Кодина, Клавихо, Бондельмонти представляютъ то же прозваніе. Но сверхъ того, я считаю нужнымъ привести забытую выдержку Джанжа изъ Крузія, въ которой говорится

¹⁾ *Ducang. C. C., I, 97—98.*

²⁾ *Ducang. Cinnamus, Paris. L. VI, cap. 8, p. 160* и пр. къ ней издателя: „ὅς Πέτρα. Meminit istius Cisternae Christophorus Bondelmontius in Descript. 'Ρολεως“. Это примѣчаніе повторено въ русскомъ переводѣ: Византійскіе историкъ, перев. съ греч. при С.-Пб. Дух. Ак. Краткое обзорѣніе царств. Иоанна и Мануила Комниновъ. Трудъ Иоанна Киннама. С.-Пб. 1859, стр. 304, пр. 1.

³⁾ Сж. Византій подробно и изясно описываетъ эту мѣстность и отождествляетъ Велиградскую цистерну съ Петрскою (загородною) византійцевъ. Сж. Βυζ. Κωκστ. т. 2, с. 163.

объ одной книгѣ: ἡ βιβλος αὐτῆς τῆς μονῆς τοῦ Προδρόμου τῆς χαμένης ἐγγιστα τοῦ Ἀετίου, ἀρχαῖα δὲ τῇ Μονῇ κλήσις Πέτρα ¹⁾. Приведу, наконецъ, и попавшееся мнѣ недавно старое свидѣтельство Евстаѳіа Θεσσαλονικεσкаго: „οἶδαμεν καὶ τὸ μεγαλοπολιτικὸν Προδρομικὸν σεμνεῖον, τὴν πέτραν“.... (слѣдуетъ похвала добродѣтелямъ иноковъ этой обители, а дальше): „ἦν δὲ τόπος τῷ γάμφ τὸ ἐν Βλαχέρναις παλάτιον, οὐκ ἐκ εἰς μακρὰν ἢ πέτρα διέσταται“ ²⁾.

Вернемся къ тексту Бесѣды. Хожденіе продолжаетъ направляться на сѣверъ.

„А оттоле (то-есть, отъ Предтечи) идохомъ на полунощи. Есть монастырь Лахерна близъ стѣны“... ³⁾ Тутъ все въ исправности, но далѣе встрѣчаемъ ошибку:

„Отъ Лахерне идох[омъ] на востокъ лицемъ (въ Б. лица), есть монастырь святыи Козма и Домъянъ“ ⁴⁾.

„На востокъ“ пишетъ паломникъ, между тѣмъ какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ монастырь находился къ сѣверо-западу отъ Влахернъ, — тамъ, гдѣ нынѣ Эюбъ: это за стѣнами столицы ⁵⁾. Однако, нашъ анонимъ разумѣеть здѣсь этотъ самый монастырь, а не какой либо другой, посвященный св. Безсребренникамъ (Анаргирамъ): это явствуетъ изъ его упоминанія „о главахъ, златомъ окованныхъ“, Козмы и Даміана, какъ о находившихся въ посѣщенномъ имъ монастырѣ. Въ этомъ же монастырѣ видѣлъ ихъ главы въ серединѣ XIV в. Стефанъ Новгородецъ. Къ исходу этого вѣка дьякъ Александръ видѣлъ ихъ въ монастырѣ Даніила; но при посѣщеніи монастыря Даніилова, какъ мы видѣли, нашъ анонимъ о нихъ не упомянулъ: стало быть, въ его время указывали ему тамъ же, гдѣ и Стефану, тамъ же, гдѣ и Автонію показали „Акиндина лобъ и Козминъ окованъ серебромъ“ ⁶⁾.

¹⁾ *Disc. Notae in Alexiadem* въ *Cinnum*. p. 248; *Annae Comn.*, ed. Bonn., т. II, p. 451.

²⁾ *Eustathii Thessal. opuscula*, ed. Tafel. 1832. P. 230. Слѣдовало бы печатать большою буквою: Πέτρα.

³⁾ Бесѣда, 20.

⁴⁾ Бесѣда, 20—21.

⁵⁾ О положеніи храма. *Procop. De Aedif.* I, 6. Вонп. — Греч. источники приведены у *Discanp.* С. С. IV, p. 81 — 83. — Русскіе 4 паломника сведены *О. Леонидомъ*, *Обозр.* 41 — 44 (отд. оттиск.) *Чтенія Моск. Общ. И. и Д.* 1870. IV, стр. 62.

⁶⁾ Бесѣда, 21. — Стефанъ, изд. *Сахар.* 2-ое, II, 27. — Александръ, тамъ же, II,

Продолжаемъ наши выписки.

„И оттоле (то-есть, отъ Влахернъ или отъ Козмы и Даміана) поидомъ на востокъ, есть монастырь святыхъ Феодосіи“¹⁾.

Долго держались того мнѣнія Дюканжа, что св. Феодосія находилась по ту сторону Золотаго Рога, тамъ, гдѣ мечеть Касим-Паши въ Галатѣ. Бульо (Bullialdus) первый обратилъ вниманіе на невѣрность этого приуроченія: но его замѣчаніе осталось не замѣченнымъ²⁾. И Лешевалье и Хаммеръ продолжали утверждать заученное ими въ книгѣ Дюканжа. Константиѣ первый доказалъ, что св. Феодосія была тамъ, гдѣ нынѣ Гюль-джами (мечеть Розы), близъ воротъ Ая-кануси, такъ названныхъ турками по ихъ прежнему греческому имени πόλη τῆς Ἀγίας. Съ тѣхъ поръ ученые, какъ греческіе, такъ и русскіе, держатся мнѣнія Константиѣ, напимѣрѣ, о. Леонидъ, сопоставившій извѣстія четырехъ паломниковъ, и Савваитовъ въ комментаріи на Антонія. Кондаковъ пишетъ, что св. Феодосія по пути Антонія была близъ Исакія и Лаврентія, и дѣйствительно могла быть, пожалуй, на мѣстѣ мечети Гюль-джами; но онъ считаетъ за ошибку, если видятъ въ этой мечети самое древнее зданіе, по словамъ Паспати, вѣроятно, обновленное турками³⁾. Для насъ важно то, что ни одинъ изъ шести русскихъ паломниковъ, описавшихъ Константинополь и теперь намъ извѣстныхъ, не отбрасываетъ мѣстности св. Феодосіи на ту сторону Золотаго Рога. Стефанъ, правда, указываетъ ее у моря; но онъ черезъ заливъ не переправлялся⁴⁾.

Анонимъ все еще направляется къ юго-востоку.

„А оттоле (то-есть, отъ св. Феодосіи — Гюль-джами) пойти к Василькомъ на востокъ. Конецъ Васильковъ і Великаго Торгу есть церковь фряжская“; и нѣсколько ниже: „А подъ Васильки

69. — О. Леонидъ, Обзоръніе, стр. 44 или 62. — У Антонія, изд. Савв., два упоминанія: на стр. 110: Акидина (то-есть Акиндина) лобъ и Козминъ окованъ серебромъ; и на стр. 143: А въ Козминъ и Дамьяновъ лавръ и мощи ихъ. По извѣстію латинскому, относимому къ 1150 году, главы Козмы и Даміана находились въ церкви св. Апостоловъ въ Константинополѣ. Echiuae, II, p. 212. — Но это извѣстіе стоитъ одиноко.

¹⁾ Бесѣда, 21.

²⁾ *Discang.* С. С. I, p. 48. — *Bullialdus* въ примѣчаніяхъ къ Дукѣ. *Ducan.* ed. Bonn., p. 620 (in notis).

³⁾ О. Леонидъ, Обзоръніе, 40—41. — *Савваитовъ*, пр. 183 къ Антонію, стр. 144 — 145. — *Кондаковъ*, Виз. Ц., 209.

⁴⁾ Стефанъ, изд. *Сахарова*, II, 27.

есть пристаны кораблемъ і перевозъ к Галатамъ“¹⁾. Изъ Жила, Дюканжа, Велера, Константія и изъ Скарлата Византія мы узнаемъ, что та пристань, которая въ старину называлась Сикійскою, а потомъ Галатскою, находится у воротъ Балык-Пазарскихъ (Рыбнаго рынка) по сю сторону Золотога Рога; что эти ворота и въ старину служили и въ новое время служатъ для переѣзда въ Перу и Галату, а самый перевозъ и прежде, какъ и теперь, носилъ названіе *pérama* ²⁾. По этому, если Васильки находились у пристани и у перевоза къ Галатамъ, то мѣсто ихъ можетъ быть приурочено какъ разъ къ Балык-Пазарскимъ воротамъ. Что касается до Великаго Торга, то и ему, поэтому, будетъ мѣсто тамъ, гдѣ теперь Балык-Пазаръ. Этотъ послѣдній базаръ южною своею частью примыкаетъ къ Безестанамъ, какъ утверждаетъ это Скарлатъ Византій ³⁾; но захватывалъ ли Великій Торгъ, упоминаемый новымъ наломникомъ, и ту мѣстность, которую занимаютъ Безестаны, или хоть часть ея,—этого не видно.

Но гдѣ искать церковь святаго Николы, которая стояла, „отъ Васильковъ пойти мало на востокъ“, мы рѣшительно не знаемъ. Мы не могли найти ни одной церкви св. Николая, которая, по какимъ либо признакамъ, могла бы быть сюда отнесена. Ни та, конечно, что въ Большомъ дворцѣ, ни та, что въ Влахернахъ, сюда не подходятъ. Была церковь св. Николая въ мѣстности, именуемой *τὰ Βασιλίδου*; но сходство этого названія съ Васильками не должно насъ увлекать. Василидъ былъ квесторомъ при Юстиніанѣ I, въ VI в. — ужъ черезчуръ давно; да и мѣстоположеніе его дворца и церкви осталось, кажется, не извѣстнымъ ⁴⁾. Упоминается въ одномъ латинскомъ извѣстіи о перенесеніи мощей мученика Феодора изъ св. Софіи въ церковь св. Николая, „*quae gresco vocabulo dicitur de Embulo Venetorum*“; но гдѣ находилась эта церковь и Эмволъ Венеціанскій, намъ не извѣстно ⁵⁾.

Также темно для меня, гдѣ находился Поручный Спасъ, по поводу котораго разказано чудо съ купцомъ Федоромъ и Жидови-

¹⁾ Бесѣда, 21.

²⁾ *Gyll.* Т. С. IV, 10. — *Ducang.* С. С. I, 5 (Pérama).—Κωνσταντινάς 14. — *Скар. Виз.* I, 121, 532—3. См. его планъ.—*Моя Топогр. средн. Конст.* I, 17—18.

³⁾ *Σχ. Βοζ. Κωνσ.* I, 541.

⁴⁾ См. Прокопія, В. Перс. I, гл. 24 и тамъ мое прим. 21.—*Codinus De aedific.* р. 125 В.—*Ducang.* С. С. L. IV, с. 6, § 69, 68, 67.

⁵⁾ Это извѣстіе, отнесенное къ 1257 г., помещено въ *Εκхuvia*, I, 158.

номъ. Темнота происходитъ и отъ скудости источниковъ и отъ неопредѣленности извѣстій: „Оттого мало пошедь к Поручному Спасу“¹⁾. Не сказано, въ которую сторону отъ Галатскаго перевоза (отъ Балык-Пазара) совершилось хожденіе для поклоненія. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній отрицательнаго свойства. Это не Христось въ Халкѣ, прозванный ὁ ἀντιφωνητής отъ всенародно обращеннаго къ его образу слова: „ἀντιφώνησον—отвѣтствуй!“ (по другому же разказу это слово было ἐγγύησον—поручись!). Таковъ вызовъ, сдѣланный народомъ къ иконѣ Спасителя, когда народъ желалъ поручительства, что Константинъ (Копронимъ) будетъ его оберегать²⁾. Не тотъ это Спасъ, говоримъ потому, что Халка находилась въ пропелеяхъ Большаго Дворца. Это и не Спасъ Милостивый (ὁ Φιλάνθρωπος), который, какъ мы видѣли, стоялъ у Воспора³⁾. Нельзя, вѣжется, отнести этого Поручнаго Спаса и къ монастырю Пандепонта⁴⁾. Вопросъ для меня остается не разрѣшеннымъ.

Анонимъ постепенно отходитъ отъ Золотаго Рога и заглядываетъ во внутреннія части столицы, держась сперва въ сѣверной его полосѣ.

„А отъ Васильковъ почти на зимной западъ к Пантократарю, есть монастырь Пантѣкратарь Иустя[ни]яна царя на горѣ учиненъ велии чудно“⁵⁾. Если отъ Балык-Пазара идти къ мечети Зейрекъ, замѣнившей храмъ Пандократора (=Вседержителя), то это и будетъ на сѣверо-западъ. Такое наблюденіе опять подтверждаетъ нашу догадку о приуроченіи Васильковъ къ Балык-Пазару. Паломникъ изображаетъ этотъ храмъ стоящимъ на горѣ, что подтверждается описаніемъ очевидцевъ нашего времени: „поднимаясь на высоту Зейрекъ на восточный гребень 4-го холма“ и т. д.,—пишетъ Византій. Паспати къ тому же свѣдѣнію прибавляетъ, что храмъ „стоитъ на искусственномъ холмѣ“⁶⁾. Восторженный оборотъ: „учиненъ велии

¹⁾ Бесѣда, 21.

²⁾ См. Скар. Виз. Констант. I, 191—192 и его пр. 1 и 2.

³⁾ См. выше стр. 239—241.

⁴⁾ О Пандепонтѣ Шар. Воѣ. К., 558 — 559, Пасп. В. М., 313 — 314; (нынѣ Эскі-имарет-меджид). Кондак. В. Ц., 73, 210. — На планахъ: О. Леониды № 33, Кондакова № 80.

⁵⁾ Бесѣда, 21—22.

⁶⁾ Эх. Воѣ. К. I, 554.—Пасп. В. М. 309 и дал.; ср. оговорку по поводу описанія Паспати у Кондак. Виз. Ц., 211. На планахъ: О Леон. № 29. Конд. № 81.—Преніе ученые: Gyll. С. Т. IV, 2.—Disc. С. С. IV, с. I, § 3. 80.—Κωνσταντινίς 75. Hamter, Constantinopolis, 206, 471, 378.—Само собою разумѣется, что здѣсь подъ холмомъ Паспати понимаетъ тотъ насыпной холмъ, который служитъ подставой храму, а не одно изъ возвышеній Седмихолмія.

чюдно⁴ оправдывается отзывами византійскихъ и новѣйшихъ описателей. Слова: „окрытъ его вода“¹⁾ сравнимъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ Паспати: „За (разрушившимися) стѣнами ограды, къ сѣверу отъ святаго престола, пишетъ Паспати, до сихъ поръ сохраняется громадный водоемъ (δεξαμενή) этого храма, впервые упомянутый итальянцемъ Бондельмонти въ 1422 году. Онъ описанъ французомъ Шевалье, а послѣ него Хаммеромъ“²⁾. Русскія описанія Пандократора, сличенныя между собою, рассмотрѣлъ о. Леонидъ. Антоніевы свѣдѣнія разобралъ Савваитовъ. Упоминаемую русскими паломниками святыню съ упомянутою у Клавихо сличилъ покойный И. И. Срезневскій; какъ самовидецъ, описываетъ Кондаковъ³⁾.

Дальнѣйшее хожденіе въ Бесѣдѣ описано слѣдующими словами: „А оттоле пойти к Подмакари[сту] на [за]падъ“⁴⁾. Это иначе означаетъ, что паломникъ идетъ отъ монастыря Пандократора (нынѣ Зейрека) на сѣверо-западъ къ церкви Богородицы Паммакаристы или Всеблаженной (нынѣ: Фетхіе-джами)⁵⁾.

Тотчасъ за симъ сказано:

„Идя къ Подрому, на право есть монастырь; въ томъ монастырѣ глава Игнатія Богоносца и святіи апостоли лежатъ Карпъ и Папиль и Трофимъ и Филимонъ и Онсифоръ“⁶⁾.

Подромъ здѣсь означаетъ не Ипподромъ, а Продромъ, то-есть, Предтечу. Такъ въ смыслѣ Предтечи у Зосимы находимъ чтенія: Подромъ и Продромъ⁷⁾. Нашъ паломникъ уже раньше упомянулъ о монастырѣ Продрома, назвавъ его русскимъ именемъ — Предтеча,

¹⁾ Бесѣда, 22.

²⁾ Паспати, В. М. 810, который ссылается на *Le Chevalier, Voyage d. l. Pgorontide...* Par. 1800, I, 108, и на *Hammer, Constantinopolis*, I, 560, (непрочныхъ знатоковъ).—Сопшемся на *Бондельмонти, Descriptio*, p. 181 (въ Дюканжевомъ изданіи Биннама) и въ С. Chr. въ началѣ этого сочиненія.

³⁾ О. Леон., Обзорѣніе, отд. оттиска стр. 30 31 (или *Чтенія въ Об. И. и Д.* 1870, IV, 48—49). Антоній, изд. *Савв.*, стр. 122, пр. 187.—Конд. В. Ц. 210, 211.—Рюи Гонзалесъ де Клавихо (1403—1406 гг.), подлинный текстъ и переводъ И. И. Срезневскаго; см. въ примѣч. стр. 435 (текстъ и переводъ на стр. 81 и 82).

⁴⁾ Бесѣда, 22.

⁵⁾ *Discap.* С. С. IV, 98.—Κωνσταντινίδς 77.—Σκ. Βοζ. Κων. 575. Πασπατῆ Βοζ Μ.λ. 298.—*Кондакова* В. Ц. Напрасно *Хаммеръ* въ *Fethije Dschami* видитъ церковь του παττεποππου, 471, ср. 381, 452.—Сравни планы: *Константія* Т, Св. Виз. Преосв. *Леонида* № 34, *Кондак.* № 71.

⁶⁾ Бесѣда, 22.

⁷⁾ Зосима въ изд. Палест. Об. (*Лопарева*), Вып. 24, стр. 7, сс. 20.

когда отъ Романовскихъ воротъ пошелъ къ Золотому Рогу. Онъ зашелъ на сѣверо-западъ во Влахерны и къ Козьмѣ и Дамьяну, потомъ прошелся на юго-востокъ до Васильковъ = Балык-Пазара, и затѣмъ вернулся къ прежней мѣстности, гдѣ посѣтилъ еще не посѣщенную имъ Паммакаристу и уже посѣщеннаго Продрома (=Предтечу). Здѣсь-то, около Продрома, стоялъ монастырь съ мощами упомянутыхъ имъ апостолъ отъ 70-ти: объ этомъ монастырѣ мнѣ ничего не извѣстно. Правда, Карпа и Папила видѣлъ Антоній, „въ единомъ гробѣ лежать“, въ женскомъ монастырѣ, стоявшемъ близъ Еленинскихъ дворцовъ, которые находились въ южной части города, недалеко отъ Мраморнаго моря: но какъ монастырь, упомянутый Антоніемъ, такъ и видѣнные въ немъ святыне отличны отъ монастыря и святыхъ, посѣщенныхъ новооткрытымъ паломникомъ. Названныхъ этимъ послѣднимъ святыхъ относить онъ къ числу апостоловъ, очевидно отъ 70-ти, тогда какъ названные Антоніемъ Карпъ и Папила жили позже и пострадали въ Пергамѣ ¹⁾. Итакъ, мы получаемъ совершенно новое свѣдѣніе: фактъ существованія близъ Паммакаристы и Продрома—еще одной обители, посвященной святымъ Апостоламъ. Имена ихъ, здѣсь приведенныя (кромѣ Папила), доказываютъ, что это Апостолы отъ 70-ти; поэтому и нельзя означенный монастырь отождествить съ извѣстною церковью св. Апостоловъ, которая при томъ же была въ другой части города. Судя по главѣ Игнатія Богоносца, видѣнной неизвѣстнымъ, можно бы спросить: не его ли имени посвященъ былъ монастырь, хотя онъ могъ носить и другое названіе?

А отъ апостолъ поити на полудни долу, сказано далѣе, есть [2] монастыря женскихъ: единъ царицынъ, а другой царевъ (вар. въ Б. церковъ); въ первомъ монастырѣ святое двѣ тѣле [не] тѣлныи — Иоанъ Милостивыи, Марія Магдалини, Феодосія дѣвица; а въ другомъ Стефанъ Новыи и Ирина святая дають христіяномъ просвещеніе“ ²⁾.

¹⁾ Карпъ и Папила Антоніевы *Савв.*, 125 и прим. изд. 145. Codinus Aedif. 98, 99; ср. съ *Дис.* С. С. IV, р. 121. и II, 130. *Сж.* ВуС. *Жов.* I, 802; *Кондаковъ*, В. Ц. 141; *Кондак.*, планъ № 37.—Папила не находится между св. 70 апостолами, въ славянской четви-миней. См. Архим. *Сервій*, Полный Мѣсяцесловъ Востока II, стр. 4;—Онисиѳоромъ названъ въ Бесѣдѣ Онисиѳоръ. О Карпѣ и Папилѣ, пострадавшихъ въ Пергамѣ, Арх. *Сервій*, тамъ же II, 329.—Въ лат. переводѣ Антонія Новгородца вмѣсто Папила названъ *Barulas* (*Ехивіае* II, 226).—Но *Вавилу* должно отличать отъ Папила, см. Арх. *Сервій*, тамъ же II, 271—2.

²⁾ Бесѣда, 22.

Замѣтимъ въ дополненіе къ сказанному выше, что еслибы здѣсь разумѣлся подъ словами „отъ апостолъ“ тотъ монастырь Карпа и Папины, который видѣлъ Антоній, то слѣдующія за тѣмъ слова „Понти на полудни долу“ не имѣли бы никакого значенія, потому что отъ довольно извѣстной мѣстности Еленинскихъ дворцовъ на югъ—тянется море Пропонтида. Стало быть, женскій Царицынъ монастырь находился на югъ отъ монастыря, гдѣ лежали апостолы отъ 70-ти и глава Игнатія Богоносца, на югъ отъ Продрома. Мощи Іоанна Милостиваго, Маріи Магдалины и Θεодосіи, упомянутыя здѣсь лежащими въ Царицыномъ монастырѣ, видѣли и другіе русскіе поклонники. На основаніи сихъ мощей преосвященный Леонидъ давно уже отождествилъ свѣдѣнія Стефана Новгородца со свѣдѣніями Александра о „монастырѣ Царицыномъ, иже именуется Кирмарта (госпожи Марѣи)“, и со свѣдѣніями Зосимы, о монастырѣ „Герамитрасъ (старой Марѣи)“¹⁾. Проф. Кондаковъ догадывается, что *Chigamas Bondelmonti* „есть указанный“ монастырь русскаго паломника, съ чѣмъ я вполне согласенъ²⁾. За тотъ же самый монастырь можно признать и „царицынъ монастырь“ Бесѣды, хотя она и не именуется его монастыремъ госпожи Марѣи. Относительно мѣстоположенія обители госпожи Марѣи, преосв. Леонидъ высказываетъ такую догадку: „На мѣстность этого монастыря указываетъ равно, какъ замѣчаніе Стефана Новгородца, что онъ поднимался къ нему по лѣстницѣ въ гору, такъ и замѣчаніе іеродіакона Зосимы, что онъ находится близъ монастыря Липеси (*Libis*)“³⁾. По Зосиму, монастырь Герамартасъ (если держаться Тѣшиловскаго списка) находился близъ

¹⁾ *Арх. Леонида* Обзорніе, отд. отт., 38, 39. (*Чтен. Об. И. и Др.* 1870, IV, 56, 57). Герамитрасъ, пишетъ Арх. Леонидъ въ текстѣ, ссылался на Зосиму: это должно быть опечатка: по Сахаровскому изданію Зосимы, 42 (также какъ и по новому Пал. Общ., *Лопарева*, 9)—Герамартасъ. Греки, какъ сейчасъ увидимъ, называли эту обитель τῆς Κυρᾶς Μάρδας то-есть, госпожи или государыни Марѣи. Стефанъ и Александръ воспроизвели *капту*; Бондельмонти тоже выдержалъ ее, такъ какъ Италіанское *chi*—ки. Въ Герамартасѣ Зосимы *камма*, быть можетъ, явилась вслѣдствіе того, что онъ слышалъ отъ грековъ „ῥς τῆς γῆρᾶ“, гдѣ *капца* обратилась въ *гамму* подъ влияніемъ предшествующей буквы *ми*.

²⁾ *Кондаковъ*, В. Цервнн, 96. Ср. *Bondelmonti*, *Descriptio*, приложеная къ Книгаму Дюканжа и къ его же *Const. Christ.*

³⁾ *Арх. Леонида*, Обзорніе (отд. отт. 39; въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Др.* за 1870 г. IV, ст. 57). По Тѣшиловскому списку Зосимы слова „и ту близъ есть“; а по Толстовскому послѣ описанія Липеси прямо: „Монастырь же Герамартасъ“. Ср. стр. 9 и VI Зосимы, изд. Пал. Общ. Вып. 24.

женскаго монастыря Липеси(и). Само собою разумѣется, что взаимная близость этихъ двухъ монастырей не могла бы считаться доказанною, еслибы опиралась только на словахъ такого не точнаго докладчика, каковъ Зосима, и притомъ лишь на одномъ его спискѣ. Но на близость ихъ одного къ другому сверхъ того намекается слѣдующимъ извѣстіемъ Франдзі: „Въ монастыри Лива и госпожи Марѣн (τοῦ Διβός καὶ τῆς Κορᾶς Μάρδας), говоритъ онъ, стѣкло столько женщинъ, обрекавшихъ себя на монашескую жизнь, что онѣ не могли въ нихъ помѣститься“ ¹⁾. Такъ какъ Франдзі тутъ же сообщаетъ, что названныя обители отданы были въ управленіе одной и той же игуменьѣ, то это ведетъ къ заключенію, что обители одна отъ другой были не въ дальнемъ разстояніи. Это предположеніе намъ скоро пригодится; а пока представимъ доводы, почему обитель Кира-Марѣн должна быть отличена отъ обители Θεοδοσίи, что нынѣ Гюль-джами. Хотя нашъ паломникъ, кромѣ Іоанна Милостиваго и Маріи Магдалины, въ Царицыномъ монастырѣ видѣлъ св. Θεοδοσίю, тѣмъ не менѣе онъ Царицынъ монастырь отличаетъ отъ того монастыря св. Θεοδοσίи, къ которому онъ шелъ, какъ выше показано, на востокъ отъ Влахернъ. Тотъ же Царицынъ монастырь, хотя и не называя его Царицынымъ, съ Іоанномъ Милостивымъ, Марією Клеопиной и Θεοδοсіей, посѣтилъ Стефанъ послѣ посѣщенія монастыря Даниїла и непосредственно предъ посѣщеніемъ апостоловъ, то-есть, говоря фактами современными, когда шелъ отъ Топ-капу къ мечети Султан-Мехмета съ запада на востокъ. По всѣмъ вышеприведеннымъ сближеніямъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Н. П. Кондакова, отождествляющаго монастырь Кира-Марѣн съ тою Θεοδοсіей, гдѣ нынѣ Гюль-джами ²⁾.

Второй изъ упомянутыхъ въ Повѣсти двухъ монастырей названъ Царевымъ: позволяемъ себѣ догадку, что онъ не иной, какъ монастырь Лива (τοῦ Διβός). Вотъ наши доводы. „Монастырь женскій Липеси, пишетъ іеродіакоуъ Зосима, тутъ лежитъ св. Стефанъ и царица Ирина, царица русская Анча, дочь Московскаго великаго князя Василѣя Дмитреевича, внука великаго князя Александра литовскаго, зоваемаго Витоета“ ³⁾. О томъ, что „владычица госпожа

¹⁾ Phrantzes, p. 141 Bonn.—Ср. Παράτη, Βοζ. Μαλ., 326.

²⁾ Кондаковъ, Виз. Цер., 82. Ср. тамъ же, 92 и 209.

³⁾ Зосима, изд. Пал. Общ. вып. 24, Лопарева, стр. 8; изд. 2-е Сахарова, Путеш. рус. люд. II, 42. Ирину Зосима называетъ Царицей: эта нѣмецкая прин-

Анна Россійская, умершая отъ чумы, похоронена была въ обители Лива“, говоритъ и другой современникъ этого событія, греческій историкъ Георгій Франдзі¹⁾). Нашъ паломникъ Стефана Новаго и Ирину видѣлъ въ монастырѣ, именуемомъ имъ Царевымъ, одномъ изъ тѣхъ двухъ монастырей, которые онъ помѣстилъ рядомъ. Изъ сравненія этого извѣстія съ двумя сейчасъ приведенными извѣстіями Зосимы и Франдзі выходитъ, что Царевъ монастырь Бесѣды и есть Ливскій. Въ вопросѣ о томъ, какому нынѣшнему зданію онъ соотвѣтствуетъ, встрѣчаю большое разногласіе мнѣній. Патриархъ Константиій указываетъ на участокъ Чир-чир-махалеси, на 4-мъ холмѣ, въ бывшемъ 10-мъ регионѣ, а Скарлатъ Византій поясняетъ, что этотъ участокъ находится близъ Ат-Пазара. По Паспати, относящему эту обитель къ тому же участку, ей соотвѣтствуетъ нынѣ мечеть Демирджиларъ²⁾). Но проф. Н. П. Кондаковъ, на основаніи признаковъ архитектурныхъ, клонится болѣе къ мнѣнію Ленуара, приурочившаго Богородицу Лива къ Мефа или Вефа-джами. Мы отказываемся отъ разбора этого вопроса. Ограничимся пока замѣчаніемъ, что обѣ сейчасъ упомянутыя мечети, и Демир-джиларская и Вефа, находятся въ 10-мъ регионѣ, на 4-мъ холмѣ, къ СВ. отъ Валентова водопровода (Боздоган-Кемери). Тутъ гдѣ-то стоялъ, вѣроятно, монастырь Διῶς, Царевъ тожъ; около тѣхъ же мѣстъ приблизительно стоялъ и Царицынъ монастырь, Кира-Марѳа тожъ.

Послѣ Царева монастыря въ Бесѣдѣ названа церковь св. Андрея, гдѣ лежитъ Андрей Критскій, а затѣмъ переходъ къ той же св. Софіи, откуда начался обзоръ памятниковъ. Приведемъ опять подлинныя слова:

„Отъ св. Софіи на полудни пойти къ цареву двору Ко[нь]стян-

песа была женою Андроника младшаго. *Дисап.* Фат. Вуз., р. 238, гдѣ ссылки на источники.

¹⁾ Phrantzes, 110 Bonn.

²⁾ Κωνσταντινιάς, 76—77 и 36. Сх. Воџ. Кювст. I, 376 и планъ Константинополя, гдѣ см. къ СВ. отъ Валентова водопровода (=Боздоган-кемери) № 163, означающій Ат-Пазаръ и сѣвернѣе Вефа-джами. — Пазлатъ Воџ. Мел. 326, Ср. *Дисап.* С. С. IV, 92, гдѣ выписка изъ Скилицы о томъ, что обитель Διῶς была близъ обители св. Апостоловъ. Арх. *Леонидъ* на своемъ планѣ поставилъ Липеси подъ № 31 къ СВ. отъ Валентова водопровода, согласно съ патриархомъ Константиємъ; на томъ же планѣ Кира-Марѳа отброшена отъ Липеси къ сѣверо-западу на цѣлый километръ подъ № 36, почти къ Султан-Селиму, тогда какъ въ текстѣ авторъ допустилъ ея близость съ Липеси; арх. *Леонида*, *Обозрѣніе*, стр. 57 (*Чтенія Моск. Общ. Н. и Др.* кн. IV за 1870. М. 1871).

тинову есть налевъ церковь, есть святая Еуфимія, идѣ же соборъ июля въ 16 день бысть святыхъ отецъ 40 и утверждень бысть вѣры святою Еуфиміею“ ¹⁾).

Прежде всего замѣтимъ, что тутъ въ спискахъ между словами „бысть“ и „вѣры“ нѣчто пропущено. Въ кондакѣ св. Евфиміи подъ 11 июля есть воззваніе къ ней: ἡ ὑπὸ ἑξακοσίων θεοφόρων πατέρων τὸν ὄρον λαβοῦσα καὶ φιλάνθρωπα πανεύφημε ²⁾). Здѣсь разумѣется τὸν ὄρον τῆς πίστεως, то-есть, опредѣленіе вѣры. Итакъ, исправленіе представляется двоякое: либо „утверждень бысть „предѣль“ (символь) вѣры“; либо „утвержденіе бысть вѣры“. Это въ нашемъ паломникѣ не совсѣмъ точное упоминаніе того же событія, о которомъ помянулъ и Антоній Новгородецъ, говоря: „святини бо отци тою Еуфиміею препрѣша еретиковъ“ ³⁾). Слова эти любопытнымъ образомъ выпущены въ латинскомъ переводѣ Антонія Новгородца ⁴⁾: словно о латинахъ рѣчь зашла у Антонія! На пути отъ св. Софіи къ Большому Дворцу приурочена новымъ паломникомъ та самая церковь, которую у Ипподрома видѣлъ Антоній и описали Византійскіе писатели ⁵⁾).

„Идохомъ же оттуду на царевъ дворъ Ко[нь]стантиновъ; есть царевъ дворъ на полудни надъ моремъ великимъ“ ⁶⁾).

Здѣсь, очевидно, подъ Константиновымъ дворомъ надо понимать Большой императорскій дворецъ, о которомъ Стефанъ Новгородецъ выразился такъ: „Ту-жь (то-есть, у Еннея Клесія) есть дворъ, нарицается: палата правовѣрнаго царя Константина... подъ Гипподроміемъ стоитъ, при морѣ“ ⁷⁾). Это, безъ сомнѣнія, не тотъ дворъ царя Константина, который, по Зосимѣ, былъ выше подрома и гдѣ стоялъ столпъ и вверху крестъ, то-есть, другими словами, это е площадь, именуемая Константиновою ⁸⁾, на которой стояла и

¹⁾ Бесѣд, 22.

²⁾ Ἐρολόγιον ἐνετήσια, αψιδ'. Стр. 357.

³⁾ Антоній, изд. *Савваит.*, 144 и пр. 182. Ср. *Сернія*, Поля. мѣсяц. Востока II, подъ 11-го июля и 16-го сент.

⁴⁾ *Euchriae*, II, 227.

⁵⁾ Ант. *Савв.*, 165, 143, 144 и пр. 230 и 182. *Discal.* С. С. IV, 145, гдѣ свидѣтельства грековъ на планѣ *Кондакова* № 10.

⁶⁾ Бесѣда, 23.

⁷⁾ Стефанъ, въ Путеш. рус. люд. *Сак.*, 2 изд., кн. 2, 22.

⁸⁾ Зосима, *Сак.*, тамъ же, 39; изд. Пал. Об. 24, 5.

доселѣ стоитъ знаменитая порфирная колонна (чембер-ташъ)¹⁾. Море же Мраморное Бесѣда величаетъ „Великимъ“,—думается, въ противоположность тѣмъ малымъ вѣтвямъ моря, которыя огибаютъ городъ съ сѣвера и востока. По этой самой противоположности съ Золотымъ Рогомъ и Воспоромъ испанецъ Клавихо Большимъ моремъ (mar mayor) называетъ Черное море²⁾.

Далѣе слѣдуетъ описаніе разныхъ древностей, видѣнныхъ паломникомъ на царевомъ дворѣ „подъ стеною вскрай моря“, и описаніе мовницы, устроенной царемъ Львомъ. Все это попорчено было фряжiami. Эти предметы не входятъ въ кругъ нашихъ теперешнихъ розысковъ; къ сожалѣнію, едва ли найдется въ настоящее время достаточно данныхъ для того, чтобы хотя нѣсколько уяснить эти разказы и описанія.

Намъ остается рассмотреть, что говорится объ Ипподромѣ и о Великой улицѣ.

„Отъ царска двора поидомомъ ко игрищу на западъ; есть убо игрище близъ царева двора; то было игрище многими чудеси украшены, тѣмъ же много и нынѣ есть“³⁾.

Занимающимся спеціально изученіемъ Большаго дворца ставимъ на видъ еще одно указаніе на его мѣстоположеніе. И по новому паломнику, онъ стоялъ на востокъ отъ Ипподрома, подлѣ этого дворца. Далѣе, изъ оборота автора о чудесахъ, подъ которыми надо понимать главнымъ образомъ статуи, колонны и т. п., видно, что до него ихъ было больше, чѣмъ сколько осталось при немъ. Въ другихъ мѣстахъ искаженіе памятниковъ приписано имъ фряжiamъ. Это подтверждается подробнымъ перечнемъ Никиты Хонскаго превосходныхъ произведеній древняго эллинскаго искусства, перелитыхъ въ монету крестовосцами⁴⁾.

Авторъ вслѣдъ за тѣмъ пишетъ объ Ипподромѣ: „на немъ

¹⁾ Procorii, В. Р. I, 121 В. = Прок. Война Перс. I, 24, 312, 313 и наше пр. тамъ 11-ое.

²⁾ Рюи Гонзалезъ де Клавихо, изд. И. И. Срезневскаго, стр. 95 и далѣе.

³⁾ Бесѣда, 25.

⁴⁾ Nicetas Chon. III, 4.—Вообще объ украшеніяхъ ипподрома константинопольскаго *Disc. С. С. II*, 106—107; *Ск. Виз. I*, 235—236. Оба ссылаются на источнники. *Павелъ Морозини* пишетъ: *Nel frontispicio della chiesa (sv. Марка въ Венеція) si vedono i quattro cavalli di bronzo, che levati della piazza dell' Ippodromo, furono etiandio da Constantinopoli in premio della vittoria riportati*. *Exuviae*, II, 274 (*Ріанъ* заимствовалъ это изъ *Paulus Maurocenus, Historia della citta e repubblica di Venetia. Venet. 1637, in-4*).

(игрищѣ) столповъ 30 стоитъ великихъ отъ великаго моря; у всякого столпа колпы (В. по колцу) желѣзны, а верху столповъ брусемъ каменнымъ переходы мощены отъ крайнево столпа и до крайнево¹⁾. Очевидно, это не мѣста для сидѣнья димовъ и публики, которые, тянулись по обѣ стороны Ипподрома. Это и не столбы, отдѣльно стояшіе и отчасти стоящіе вдоль ипподрома, о которыхъ онъ говоритъ ниже. Бондельмонти описываетъ въ 1422 году, по всей вѣроятности позже Бесѣды, такіе остатки сооруженій: „Et supra columnas aedificatum est, in quibus cisterna amplissima optimae aquae totum supradictum continet spatium. In capite vero Hippodromi XXIV erant altissimae columnae, ubi imperator cum principibus residebat. Ab una autem parte et altera Hippodromi sedilia gradatim in longitudine ipsius erant marmorea, ubi populus sedendo omnem ludum comprehendebat“²⁾.

Въ серединѣ XVI в. вотъ что даетъ Жиль: „In fronte Hippodrommi, spectante ad Propontidem, decem et septem columnae marmoris albi etiam tum extabant, cum veni Byzantium, cum spiris, et capitulis, et epistylis, digestae in ordinem ambientem Hippodromi partem sitam inter meridiem et occasum“³⁾, Какъ ни трудно сообразить эти три описанія и хоть сколько-нибудь распознать истину, все же мы попытаемся это сдѣлать. 30 столповъ Бесѣды это тѣ, на которыхъ, по словамъ Бондельмонти, устроена была цистерна: къ этому гасъ склоняетъ тотъ фактъ, что цистерна стояла въ южной части ристалища, да и столпы Бесѣды стояли отъ моря. Тѣ же самыя столпы, что въ Бесѣдѣ и у Бондельмонти, хотя и въ меньшемъ числѣ, находимъ и въ описаніи Жилья, такъ какъ онъ прямо говоритъ, что они стояли въ юго-западной части ипподрома. Этого сооруженія касается и Кодиинъ: μέχρι μὲν οὖν τοῦ χαλκοῦ κίονος τοῦ τετραπλευροῦ πεδινὸς ἦν ὁ τόπος, ἀπὸ δὲ τούτου καὶ μέχρι τῆς Σφενδόνης κρημνοῦ ὄντος κίονες εὐμεγέθεις καὶ κτίσματα ἀνηγέρθησαν. ἔνθα δὲ καὶ ἡ ψυχρὰ καλυμένη κινστέρνα ἐστὶ, διότι, πάντο ἦν κρημνώδης ὁ τόπος⁴⁾. Это же сооруженіе изображено на планѣ-рисунокѣ, изданномъ между 1566 и 1574 годами, которому, конечно

¹⁾ Бесѣда, 25.

²⁾ *Bondelmonti, Descriptio*, p. 180 (при Кианнаѣ Дюканжа, въ С. С. передъ началомъ. На планѣ-рисунокѣ Бондельмонти изображены только 4 большіе столба вдоль ипподрома: это не тѣ столбы, о которыхъ онъ говоритъ въ текстѣ.

³⁾ *Gyllii*, С. Т. 137—138 (Elz.).

⁴⁾ Codin., Orig. С. 14, В.

зельзя очень-то довѣрять ¹⁾. Что касается до 24 колоннъ Бондельмонти,—то это каензма императора; *sedilia*—это мѣста для димовъ и публики. И каензму императора и мѣста для публики описаль и Клавихо, бывшій въ Цареградѣ за девятнадцать лѣтъ до Бондельмонти ²⁾. Ни каензмы, ни мѣстъ для публики не описываетъ нашъ паломникъ-анонимъ.

О цитернѣ, упоминаемой Бондельмонти и Кодиномъ, нашъ паломникъ говоритъ: „А направо есть кладязь глубоко въ велии, а въ немъ вода сладка“ ³⁾. Онъ описываетъ и „3 змѣи мѣдныя“, то-есть, такъ-называемый дельфійскій треножникъ, и „столпъ камень великъ, поставленъ на четырехъ лодыгахъ мѣдннхъ“, то-есть, обелискъ ипподрома ⁴⁾. Что лодыги „мѣдннхъ“, это вѣрно: такъ называетъ онъ тѣ четыре мѣдныя куба, на которыхъ поставленъ обелискъ, и которые въ старинныхъ греческихъ и латинскихъ описаніяхъ именуется *ἀστράγαλοι*, *tesserae*. По поводу обоихъ памятниковъ онъ приводитъ сказанія о нихъ. Неправдоподобность этихъ сказаній въ порядкѣ вещей. Но свѣдѣніе о томъ, что приведенныя выше лодыги „аки храминн велики слиты“ ⁵⁾, чрезчуръ озадачиваетъ читателя. Приходится допустить, что это повторено съ чужаго голоса.

Когда онъ осматривалъ ипподромъ, этотъ послѣдній „имѣлъ ворота на всѣ стороны“ ⁶⁾. Мы сейчасъ увидимъ, что онъ изъ ипподрома вышелъ „вратами на западъ“ къ Константиновой колоннѣ. По всей вѣроятности, были ворота и на востокъ, то-есть, ворота, чрезъ которыя онъ прошелъ, когда направился изъ дворца въ ристалище, хотя онъ въ томъ мѣстѣ воротъ не указываетъ. Сопоставивъ эти свѣдѣнія между собою, мы убѣдились, что ипподромъ въ его время представлялъ еще одно громадное сооруженіе, со всѣхъ сторонъ огороженное, какъ это было въ эпохи его процвѣтанія, а не существовало въ томъ видѣ, какъ засталъ его Жиль.

¹⁾ Ancien plan de Constantinople imprimé entre 1565 et 1574 avec Notes explicatives, par Caedicius (псевдонимъ). Constantinople. Lorentz et Keil. Безъ означенія года перепечатанія и комментарія. Знакомствомъ съ этой рѣдкой книжечкой, не имѣющей въ продажѣ, я обязанъ греческому палеографу А. И. Пападопуло-Керамею.

²⁾ Клавихо, изд. *Срезневскаго*, 63 и 65.

³⁾ Codinus, Orig. p. 14 Bonn.; *Бондельмонти*, тамъ же; *Бесѣда*, 26.

⁴⁾ *Бесѣда*, 25—26.

⁵⁾ *Бесѣда*, 25.

⁶⁾ *Бесѣда*, 26.

Хожденіе продолжается. „А отсюда же (то-есть, отъ ипподрома) идехомъ въ лѣвая врата на западъ ко Спасову гвоздию; столпъ убо стоитъ с правую руку Великия улицы отъ святыя Софїи к Правосудомъ; верху того столпа запечатано гвоздне Спасово і Ноева секира и кошица отъ дванадесять, что Христось въ пустыни чюдо сотворилъ; а столпъ обить 15-ю обручи желѣзными, а верху его крестъ“¹⁾.

По упомянутымъ здѣсь святынямъ, по обручамъ и кресту, нѣтъ сомнѣній, что здѣсь имѣется въ виду Константинова колонна (чемберли-гашъ)²⁾. Но отчего, направляясь изъ ристалища къ этой колоннѣ, какъ и слѣдуетъ, на западъ, нужно было пройти лѣвыми воротами? Объяснить это нужно такъ: сперва шли по ристалищу съ сѣвера на югъ, при чемъ описаны видѣнные памятники; вотъ дошли до цитерны, находившейся въ южной его части³⁾; наконецъ, идутъ назадъ все же по ристалищу: очевидно, что для того, чтобы добраться до Константиновой колонны, необходимо было повернуть на лѣво, идти западными вратами.

Столпъ этотъ стоялъ „с правую руку Великия улицы“⁴⁾. Объ этой улицѣ имѣемъ слѣдующій параллельный очеркъ у Стефана. „Илучи же отъ святой Софїи мимо столповъ Юстиніановыхъ, и мимо малыхъ трехъ и мимо святаго Феодора, на гору поидти великою улицею, царевымъ путемъ, прошедъ недалечъ добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ правовѣрнаго царя Константина, отъ багряна камени сотворенъ, отъ Рима привезенъ; на верху его вдѣланъ крестъ и т. д.“⁵⁾. „Большая улица“ Бесѣды, Большая улица или Царевъ путь Стефана — это та самая, по которой совершалась описанная Константиномъ Порфиророднымъ церемоніальная процессія при торжественныхъ вѣздахъ царей чрезъ Золотыя ворота и цѣлый рядъ площадей къ св. Софїи и къ Большому дворцу. Улица, на которую намекаетъ означенное описаніе царя-историка, была, вѣроятно, ἡ Μέση ὁδὸς столицы, какъ мы постарались доказать въ другихъ нашихъ тру-

¹⁾ Бесѣда, 26.

²⁾ Арх. Леонидъ въ своемъ Обзорѣніи сопоставилъ свѣдѣнія объ этомъ столпѣ Стефана и Зосимы; стр. 6 отд. оттиска; стр. 28 *Чтеній* 1870, IV. М. 1871.

³⁾ См. вышеприведенную выдержку изъ Codin. Orig. С. Р., р. 14 В.

⁴⁾ Бесѣда, 26.

⁵⁾ Стефанъ Новгор., изд. Сахарова, II, 19.

дахъ ¹⁾). Теперь отождествляемъ ее съ Большой улицей Бесѣды, съ Царевымъ путемъ Стефана.

„Отъ столпа же, говоритъ нашъ авторъ, поидомомъ по Великой улицы къ Правосудомъ. Есть направо церковь мирская, ис той церкви выходитъ икона святая Богородица во всякое воскресенье“ и т. д. ²⁾).

Гдѣ собственно стояли Правосуды, не сказано: выраженіе „по Великой улицѣ“ не указываетъ на опредѣленный пунктъ. Правда, у Зосимы читаемъ: „ту жь, того монастыря близъ“, то-есть ³⁾ близъ Перепта—Перивлента; но это показаніе, до полученія новаго лучшаго, не вполне надежно. О положеніи „мирской церкви“, изъ которой выносится образъ Богоматери, ничего не можемъ сказать.

„Пошедъ же подале по Великой улицы, есть направо Правосуды отъ моря Чермнаго, яже сотворилъ Левъ [царь] Премудры горазд(н)о и хитро; какие люди, і порты на нихъ латы[нь]стии, оба камены красного мрамору ⁴⁾ и т. д. О тѣхъ же статуяхъ пишетъ и Зосима: „Тужь, того монастыря близъ (то-есть Перепта или Перивленты), доспѣты два болвана каменны велики: се же были при Левѣ, царѣ премудромъ, правосудьи“ ⁵⁾. Соображая оба извѣстія, можемъ себѣ представить два египетскіе колосса изъ порфира, украшавшіе триумфальную улицу; имъ-то, какъ всему заморскому, приписывались магическія свойства.

Слѣдующее за Правосудами описаніе полно трудностей.

„Оттоле же иснедъ и ідохомъ х Калуюнову Городку цареву; есть у [того] городка царева врата 3: на первыхъ воротѣхъ написано распятіе Христово, а другая сторона—Страшный Судъ. Та вра[та] прошедъ, поити влево к Великому морю, къ Перивлентому; есть монастырь Перивлентонъ гораздно велми строенъ, а церковь в немъ Пресвятая Богородица, і въ ней много святыхъ мощи“.

Здѣсь встрѣчаемъ подробности, прештствующія намъ признать

¹⁾ Топографія средневѣковаго Константинополя, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, ч. 225, стр. 11 и 12. Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ ствѣй Константинополя, въ *Трудахъ VI археологическаго съѣзда*, т. III, 250—251 стр. (16 и 17 отд. отт.).

²⁾ Бесѣда, 26.

³⁾ Зосима, изд. *Сказар.*, Пут. рус. люд. II, 41—изд. Пал. Об. вып. 24, 7.

⁴⁾ Бесѣда, 26.

⁵⁾ Зосима, *Сказар.* II, 41; изд. Пал. Об. 24, 7.

Калуяновъ Городокъ за Семибашеніе. Еслибы этотъ Городокъ былъ тождественъ съ Семибашеніемъ, то авторъ могъ бы, правда, исходя изъ него, пойдти влѣво къ Великому морю (Мраморному), но онъ не попалъ бы въ Перивлепту (Сулу—монастырь): для того, чтобы попасть въ Сулу-монастырь изъ Семибашенія, необходимо направиться на сѣверо-востокъ, мимо Нарли-капу къ Псамаѳійскимъ воротамъ; но авторъ не говоритъ, что пошелъ назадъ. Что церковь въ Перивлептскомъ монастырѣ именуется Святая Богородица, это согласно съ другими свѣдѣніями. Прилагательное τῆς Περιβλεπτου (такъ называютъ эту обитель греки) относится къ подразумеваемому существительному Θεοτόκου или ρουῆς. Похвала, высказанная самому сооруженію, подкрѣпляется извѣстіями византійцевъ. Лѣтъ тринадцать тому назадъ Паспати выражалъ опасеніе, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ это писалъ, „отъ нѣкогда знаменитой обители Перивлепты ничего не сохранится, кромѣ ея имени“¹⁾.

Мы не въ состояніи согласовать между собою тѣ два извѣстія о Калуяновомъ Городкѣ, которыя намъ здѣсь сообщены.

Но вотъ еще одно послѣднее сказаніе: „И оттоле паки возвратихся во свои монастырь к святому Андрѣю, і паки приходомъ сѣмо“. По этому извѣстію, авторъ возвратился въ тотъ монастырь, гдѣ онъ былъ постриженъ, выйдя изъ Перивлепта: это монастырь Андрея Юродиваго. Недалеко одна отъ другой, стало быть, стояли эти двѣ обители. Выше, на основаніи перваго извѣстія автора, мы пояснили, что Андрей Юродивый стоялъ недалеко отъ Андрея Критскаго, на сѣверъ. Эти два извѣстія одно другому не противорѣчатъ. Такъ какъ Перивлепта (Сулу монастырь) и Андрей Критскій (Коджа-Мустафа-джами) стоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи всего какихъ-нибудь 600—700 метровъ, то и понятно, что обитель Андрея Юродиваго могла находиться не далеко и отъ того и отъ другаго.

Здѣсь мы кончаемъ нашъ разборъ мѣстоописательныхъ данныхъ новозданнаго паломника, разборъ кропотливый, мелочный и скучный, но необходимый въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится опредѣлить значеніе новыхъ памятниковъ.

Какой же выводъ извлекается изъ вышеприведеннаго разбора?

Показано было, что мѣстность многихъ сооружений Цареграда опредѣлена была новооткрытымъ паломникомъ согласно съ извѣстіями другихъ первоисточниковъ; таковы святѣи Андрей, Ебдокима, Евфиміи

¹⁾ Паспати, Вѣд. Мал., стр. 400.

у Золотыхъ Воротъ, Елисаветы, Θεодосіи, Пандократора, Паммакаристы, Св. Евфиміи у Ипподрома. Нѣкоторые памятники, какъ оказалось, въ Бесѣдѣ приурочены даже точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ источникахъ: напримѣръ, колонна Юстиніанова, Продромъ, Царевъ дворъ Константиновъ, игрище, то-есть Ипподромъ, Великая улица. Почти въ началѣ своего обозрѣнія представляетъ онъ приблизительно вѣрно взаимное отношеніе цѣлой группы святыхъ, какъ-то: Богородица Одигитрія, Лазарь, Богородица (другой монастырь, отличный отъ Одигитріи), Василій, Манганъ; названныя святые въ другихъ извѣстіяхъ попадаютъ отдѣльно, въ разбросъ.

Оказавшись вѣрнымъ, а иногда и точнымъ въ столь многихъ случаяхъ, безыменный описатель даетъ изслѣдователямъ право довѣрять и новымъ его свѣдѣніямъ, въ другихъ сообщеніяхъ не находящимся. Новыми кажутся намъ указанія на Спаса у Софіи, Николу у Софіи, Андрея Юродиваго въ юго-западной части столицы, монастырь нѣкоторыхъ Апостоловъ (отъ 70-ти), мовницу на царскомъ дворѣ, на цѣлый участокъ въ столицѣ, называемый имъ Васильками и относимый къ мѣстности перевоза въ Галатѣ; наконецъ, на Николу къ востоку отъ Васильковъ и на Поручнаго Спаса—близъ тѣхъ же Васильковъ. Нѣкоторыя указанія мѣстъ какъ будто не ясны: но происходитъ ли это только по его винѣ, или скорѣе по незнанію разбиравшаго, на этотъ вопросъ, можетъ быть, отвѣтять другіе, а можетъ быть, время. Къ такимъ неяснымъ мѣстамъ принадлежатъ извѣстія о Калужномъ Городкѣ, о мѣстности царицына и царева монастырей. Мы указали и на нѣкоторыя ошибки; онѣ при отысканіи лучшихъ списковъ, пожалуй, окажутся и описками.

Показавъ или, надѣюсь, и доказавъ достоинство мѣстоописательныхъ данныхъ новооткрытаго паломника, мы можемъ сравнивать его въ этомъ отношеніи изъ русскихъ паломниковъ только съ однимъ Стефаномъ Новгородцемъ, котораго однако неизвѣстный поклонникъ превосходить и по количеству и по качеству своихъ сообщеній. А такъ какъ прежніе русскіе описатели византійской столицы за XIII—XV в. (кромѣ Зосимы) давно уже были признаны какъ представляющіе въ совокупности своей наиболѣе точныхъ топографическихъ матеріаловъ, а послѣдній найденный въ этомъ отношеніи оказался точнѣе прежнихъ, то можно съ увѣренностью и съ удовольствіемъ заявить, что изслѣдователи Византіи приобрѣтаютъ въ немъ новый обильный и отличный первоисточникъ, за превосходное изданіе котораго они должны быть благодарны почтенному его издателю.

Желательно было бы какъ можно ближе и точнѣе опредѣлять время новоизданнаго автора описанія Константинополя. Почтенный издатель полагаетъ, какъ уже сказано, что русскій его составитель посѣтилъ Константинополь не позже конца XIII или самаго начала XIV в. Однако въ разказахъ этого паломника намъ представились два факта, намекающіе на нѣсколько позднѣйшее ихъ происхождение. Въ монастырѣ Царевомъ похоронена была русская царевна Анна, дочь великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича, выданная въ 1414 г. за византійскаго царевича Іоанна, сына императора Мануила. Въ 1417 г. она скончалась отъ чумы. Инокъ Зосима, находившійся въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царевну изъ Россіи въ Цареградъ, видѣлъ ея могилу, въ качествѣ паломника, въ 1419 г. въ женскомъ монастырѣ, который онъ называетъ Липесии. Въ томъ же монастырѣ, тоῦ Λιβός положены были ея останки и по Франдзі¹⁾. Выше мы постарались доказать, что монастырь Липеси, Λειψη, тоῦ Λιβός—есть тотъ самый, который новоизданнымъ паломникомъ названъ Царевымъ. Но этотъ послѣдній, упоминая о томъ же монастырѣ, о тѣхъ же лежавшихъ въ немъ останкахъ Стефана и Ирины, ни слова о могилѣ русской царевны или царицы не говоритъ; изъ этого догадываемся, что нашъ паломникъ посѣтилъ Цареградъ раньше 1417 года смерти Анны, ибо русскій человекъ не преминулъ бы упомянуть о могилѣ русской царицы.

Другой намекъ видится мнѣ въ томъ фактѣ, что въ этомъ же монастырѣ Лива похороненъ былъ Андроникъ Старшій въ 1332 г. Этотъ монастырь греки обыкновенно называли тоῦ Λιβός, по имени его основателя, и только у новоизданнаго паломника онъ носилъ имя Царева. Спрашивается: не потому ли онъ прозванъ былъ Царевымъ, что въ немъ погребенъ былъ царь. Если эта догадка вѣрна, то нашъ паломникъ видѣлъ этотъ монастырь не раньше 1332 г. На основаніи означенныхъ соображеній, считаю вѣроятнымъ, что это описаніе сдѣлано на протяженіи времени между 1332 и 1417 г.

Намъ могутъ выставить въ пользу болѣе ранняго опредѣленія времени приведенный выше доводъ, что „видѣнные авторомъ „Повѣсти“ слѣды латинскаго грабежа удостовѣряютъ, что авторъ посѣ-

¹⁾ Карамзина, Ист. Гос. Росс. V, 217, С.-Пб. 1816. — Подробный разборъ этихъ событій въ предисл. къ Зосиму *Лопарева*, ст. I—III, въ 24 вып. *Прав. Пал. Сб.* гдѣ приведены источники. — Phrantzes, p. 110, Вонп., относятся кончину княжамъ къ веснѣ или лѣту 6915 г., стало быть, къ 1408 г.

тиль Цареградъ вскорѣ по изгнаніи оттуда франковъ; что, напротивъ того, Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1347 — 1350 г., уже не занесъ въ свои путевыя записки никакихъ извѣстій или воспоминаній объ упомянутомъ разграбленіи. На это мы отвѣчаемъ, что авторъ „Повѣсти“ говоритъ собственно не о разграбленіи, а только о порчѣ нѣкоторыхъ статуй; не удивительно поэтому, что о такой порчѣ не говоритъ Стефанъ, который о статуяхъ вовсе не упоминаетъ, кромѣ поразившаго его памятника „Юстиніана Великаго“, сохранявшагося въ то время въ цѣлости и вызвавшего въ этомъ старцѣ съ чисто иноческою душою такое восторженное описаніе. Неупоминаніе Стефаномъ о порчѣ статуй не можетъ, по моему мнѣнію, служить доказательствомъ того, что его свидѣтельство позднѣе свидѣтельства автора „Бесѣды“.

Окончательное опредѣленіе времени составленія разказовъ Бесѣды о Цареградѣ и всестороннее разъясненіе содержанія этой Бесѣды—дѣло будущаго. Въ настоящее время нельзя не порадоваться, что изданію и истолкованію этого новаго источника для изученія Византіи посвятилъ свой трудъ ученый, обладающій извѣданною опытностью и замѣчательнымъ критическимъ тактомъ, и что онъ этимъ изданіемъ открылъ рядъ матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ. Съ величайшимъ интересомъ ожидаютъ этихъ работъ знатоки и любители науки и надѣются найти въ нихъ новыя указанія на недостаточно еще уясненныя образовательныя связи между Византіей и Русью.

Г. Дестунисъ.

Книжныя новости.

Плутархъ. Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Изданіе Народной бібліотеки (*В. И. Маркуева*). Москва, 1889. Вып. I и II. — Съ такой стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать, общають и отчасти даже на дѣлѣ предлагаютъ въ высшей степени цѣнный подарокъ, давно желанный для нашей школы, для всего русскаго просвѣщеннаго и стремящагося къ просвѣщенію общества. Кто не слышалъ о Плутарховыхъ біографіяхъ знаменитыхъ мужей древности? Сколько вездѣ, даже и у насъ, говорили и говорятъ объ ихъ высокомъ образовательномъ значеніи особенно для юношества! Кто не испыталъ этого самъ на себѣ, кто не читалъ въ лѣтахъ отрочества или первой молодости ни самаго Плутарха, хотя бы въ переводѣ, ни различныхъ предѣлокъ или переработокъ его, весьма распространенныхъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи у французовъ и нѣмцевъ и отчасти переходившихъ къ намъ (напримѣръ, Бланшара)? Кто даже и совсѣмъ не любилъ никогда древности, все-таки и тотъ

встрѣчалъ непремѣнно указанія на великое почтеніе къ этому писателю среди новѣйшихъ образованныхъ народовъ. Какъ часто въ жизнеописаніяхъ новѣйшихъ знаменитыхъ историческихъ дѣятелей войны и мира встрѣчается замѣчаніе, что любимымъ чтеніемъ того или другаго изъ нихъ въ дѣтствѣ были творенія Плутарха и что поды ихъ вліаніемъ пробуждались въ нихъ первыя героическія стремленія души! Не мало было также и знаменитыхъ историковъ, въ которыхъ любовь къ изученію прошлаго первоначально возникла поды обаяніемъ того же увлекательнаго чтенія!—И у насъ переводили Плутарха и даже читали довольно усердно, но это было въ началѣ столѣтія (переводъ Дестуниса); затѣмъ переводъ устарѣлъ и вышелъ изъ продажи, а также изъ употребленія. О Плутархѣ теперь, кажется, чаще толкуютъ, чѣмъ его читаютъ; а впрочемъ, когда нѣтъ къ тому надлежащихъ облегченій и вызова, нѣтъ хорошаго и сподручнаго перевода, то это и извинительно. Почтенный Московскій профессоръ В. И. Герье, лучше, чѣмъ кто другой, могъ понимать важность біографій Плутарха для историческаго образованія юношества и сдѣлалъ попытку облегчить возможность знакомства съ ними посредствомъ новаго перевода, но эта попытка ограничилась выпускомъ одной книжки и остановилась въ самомъ началѣ.

И вотъ теперь мы читаемъ въ предисловіи къ новому первому выпуску жизнеописанія Плутарха слѣдующее заявленіе отъ издателя (В. Н. Маракуева):

„Въ настоящее время въ продажѣ нѣтъ полныхъ „жизнеописаній“ Плутарха; между тѣмъ книги его имѣютъ огромное воспитательное значеніе и должны быть во всякой бібліотекѣ. Мы взялись пополнить этотъ пробѣлъ, поручивъ лицамъ, исполнѣ компетентнымъ, переводъ и редакцію „жизнеописаній“ Плутарха. Вся жизнеописанія въ нашемъ изданіи снабжаются необходимыми примѣчаніями, поясненіями, рисунками, географическими картами. Въ концѣ всего изданія будетъ помѣщенъ общій указатель именъ, предметовъ домашняго обихода, древнихъ монетъ, численій и проч. и проч.—Все изданіе будетъ состоять изъ 8—10 томовъ“.

Какъ указано, вышли пока два томика, содержащіе пять біографій—въ порядкѣ, который, не соответствуя изданіямъ подлинника, хотя и является произвольнымъ, но не можетъ вызвать особенныхъ возраженій и нареканій. Первый выпускъ содержитъ біографіи Александра Македонскаго и Юлія Цезаря, второй—біографіи Демосеена, Цицерона и Діона. Не совсѣмъ удобно то, что отдѣльные томики не отмѣчаются въ заглавіяхъ особыми обозначеніями порядка ихъ нумераціи... Обѣщаніе географическихъ картъ остается не осуществленнымъ, да и рисунковъ пока не много, особенно если не причислять къ нимъ четырехъ портретныхъ бюстовъ, представляющихъ четырехъ изъ вышеназванныхъ великихъ мужей (кроме Діона), какъ они изображаются въ древнихъ статуяхъ. — Но не въ этомъ дѣло. Если не поименованныя лица, которымъ издатель выдаетъ честное свидѣтельство о полной компетентности, въ самомъ дѣлѣ исполнять существенную часть своей задачи, то-есть переводъ текста, удовлетворительно, то они окажутъ большую культурную услугу русскому обществу и будутъ имѣть право на его признательность. Что же показываетъ начало?

Сознаемся, что мы совсѣмъ этого не ожидали и были пріятно поражены, когда послѣ прочтенія трехъ греческихъ біографій (Александра, Демосеена и Діона) убѣдились, что переводъ, изданный г. Маракуевымъ, можно считать совершенно приличнымъ и даже хорошимъ. Онъ чуждъ всякихъ негѣпостей, обыкновенно отличающихъ русскіе заурядные переводы именно древнихъ писателей;

можетъ быть, онъ иногда бываетъ слишкомъ свободенъ, мало заботится о передачѣ собственныхъ выраженій и строенія рѣчи автора, но смыслъ нигдѣ не страдаетъ, а сохраняется неприкосновеннымъ; при томъ, при болѣе строгомъ уваженіи къ буквѣ подлинника, трудно было бы сохранить ту доступность, правдивость и легкость литературной русскоѣ рѣчи, которая необходима для привлеченія большинства ожидаемыхъ читателей и которою отличается переводъ. Если переводчики не пользовались готовыми переводами на иностранныхъ новѣйшихъ языкахъ—а такое подозрѣніе у насъ по многимъ поводамъ возникало,—то въ лицѣ ихъ нужно угадывать въ самомъ дѣлѣ хорошихъ знатоковъ греческаго языка, способныхъ вездѣ понимать подлинный текстъ и передавать его не рабски—школьнымъ образомъ, но живо и свободно.

Къ величайшему сожалѣнію, есть одна черта, которая очень прискорбнымъ образомъ нарушаетъ наше хорошее впечатлѣніе. Если переводчики сдѣлали свое дѣло надлежащимъ образомъ, то издатель испортилъ его самымъ грубымъ и нелѣпымъ образомъ. На немъ, конечно, лежитъ вина вопіющаго безобразія, которымъ отличается корректура текста въ обоихъ выпускахъ. Особенно ярко выражается оно—это безобразіе—въ передачѣ и начертаніи собственныхъ именъ. Они искажаются сплошь и безжалостно, съ самою варварскою систематичностью. Остановливаемся для примѣра на біографіи Демосеена.

Стр. 123: Ораторъ Демадъ называется Демидомъ, и это повторяется здѣсь и ниже систематически. Теофрастъ именуется Теофростомъ—три раза на одной страницѣ. Стр. 24: Поливить изъ Сфелитты, читай Сфетты. Стр. 25: По словамъ ерманна, чит. Гермиппа. Стр. 26: Въ Коллотѣ, чит. въ Коллитѣ (ἐν Κολλοτῶ). Стр. 32: Екботаны, чит. Екбатаны. Антифаномъ, чит. Антифонтомъ (или по крайней мѣрѣ Антифономъ). Стр. 37: Теофрасть, чит. Теофрастъ. Левкодін, чит. Левкодін. Стр. 39: Амнита, чит. Аминта. Даохоса, чит. Даоха. Стр. 40: Өермидона, чит. Өермодонта (или Өермодона). Стр. 41: Өормидона, чит. Өермодонта. Герокліона, чит. Геракліона. Өермидонъ, чит. Өермодонъ. Стр. 42: Өермидонъ, чит. Өермодонъ. Стр. 43: Слова Демосеена дошли до царя, чит. Слава Демосеена дошла до царя. Стр. 49: Катерона (!), чит. Киеерона. Въ примѣч. Катеронъ гора: чит. Киееронъ-гора. Стр. 50: Демодъ, чит. Демадъ. Стр. 55: Килликлеса, сына Апеннидасова, чит. Калликлеса, сына Апеннидова. Стр. 61: Піанексіонѣ, чит. Піанелсіонѣ. Стр. 62: Демидомъ, чит. Демадомъ. Пуріи, чит. Өуріи (или Туріи): Шалось Эгнискій, чит. Шоль (или Полось, Πῶλος). Германнь, чит. Гермиппъ. Примѣч. Турія—греч. колонія, чит. Өуріи (=Турія) греч. колонія. Стр. 63: Эока, чит. Эака. Колавріи, чит. Калавріи. Стр. 66: Нѣкто Панъ, чит. Нѣкто Паппъ. Германнь, чит. Гермиппъ. Стр. 67: Демохарось, чит. Демохаресь. Пенансіона, чит. Піанелсіона. Въ Притансѣ, чит. Пританіи. Стр. 69: Демида, чит. Демада.

Въ біографіи Діона:

Стр. 233: Слевзиппа, чит. Слевзиппа (повторено въ примѣчаніи и затѣмъ два раза на слѣдующей страницѣ). Стр. 237: Архизаса, чит. Архита. Стр. 252: Промусъ—Протъ (Πρότος). Пахинула—Пахина (или Пахинума). Стр. 253, въ прим.: Триполистетью—Триполисомъ. Стр. 276: злородныхъ—злорадныхъ, и т. д.

Въ біографіи Александра хотя и меньше, но тоже встрѣчаются тѣ же несправности.

Стр. 5: чатателю—читателю. Стр. 22: Пексодоръ—Пиксодарь. Стр. 29: Фригія—Еригія (Ἐριγίου). Стр. 57: Артодась—Артадась. Стр. 82 (примѣч.): Адабекъ—

Адиабенѣ. Гистаспъ — Гистаспъ (Дарій). Стр. 99: Ксеркса — Ксеркса. Стр. 104: Геестіона—Гефестіона. Стр. 137: Аніонъ—Агнонъ (Гагнонъ, "Αἴωνος). Стр. 139: Оксидриками — Оксидраками. Стр. 169: Александръ женилъ всѣхъ Гетеровъ (Г большое).

Къ первому выпуску приложена въ началѣ статья Мишле, представляющая характеристику Плутарха, какъ писателя; она не пускается въ критическій ученый разборъ достовѣрности Плутарха, какъ историка, не касается вопросовъ объ отношеніи его къ предшественникамъ, служившимъ ему источниками, но за то проникнута живою симпатіею къ нравственному облику автора и къ тому благородному духу, который одушевляетъ его твореніе. Она можетъ быть прочитана съ пользою.

Лукіанъ. Сочиненія. Съ греческаго перевелъ *В. Алексѣевъ*. Выпускъ второй, С.-Пб. — Въ этомъ выпускѣ помѣщенъ переводъ слѣдующихъ пяти произведеній Лукіана: 1) Судьбище буквъ, 2) О превращеніяхъ, 3) Тирани, 4) О моей ошибкѣ въ формѣ прѣвѣствія, 5) Геродотъ, Переводъ каждаго изъ этихъ произведеній снабженъ примѣчаніями, которыя иногда достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что такое произведеніе, какъ „Судьбище буквъ“, гдѣ, по словамъ самого г. Алексѣева, „вся соль шутки Лукіана заключается въ различномъ произношеніи однихъ и тѣхъ же греческихъ словъ“ (стр. 41), очень трудно поддается переводу, и смыслъ его, даже при помощи многочисленныхъ примѣчаній, едва-ли будетъ понятенъ для читателя, незнакомаго съ греческимъ языкомъ, что предусматриваетъ и самъ переводчикъ (стр. 41); а при этихъ условіяхъ достигнетъ-ли желаемой цѣли г. Алексѣевъ своимъ переводомъ? Переводъ остальныхъ четырехъ отрывковъ сдѣланъ очень живымъ и гладкимъ языкомъ; жаль только, что авторъ иногда вводитъ въ обращеніе слова, не употребительныя въ русскомъ языкѣ, не объясняя ихъ значенія; такъ напримѣръ, на стр. 52-й Клото названа у него одной изъ мэръ (греч. μοῖρα); это слово совершенно не понятно для читателя, не знакомаго съ греческимъ языкомъ. Нѣкоторыя изъ примѣчаній, приложенныхъ къ переводу, могли бы быть опущены безъ всякаго ушерба для достоинства перевода, напримѣръ, прим. 2 на стр. 61-й, прим. 3 на стр. 63-й, прим. 1 на стр. 68-й.

А. Е. Викторовъ. Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Изданіе археографической комиссіи. С.-Пб. — Покойный хранитель отдѣленія рукописей въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ А. Е. Викторовъ предпринималъ неоднократныя поѣздки по Россіи съ цѣлью осмотра провинціальныхъ, главнымъ образомъ монастырскихъ и семинарскихъ, библиотекъ, при чемъ составлялъ описи хранящимся въ нихъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ. На основаніи черновыхъ замѣтокъ покойнаго археографа преемникъ его по должности въ музеяхъ Д. П. Лебедевъ обработалъ важнѣйшую часть его труда—описаніе рукописей, которое и издано нынѣ археографическою комиссіею. Въ книгу вошли каталоги рукописей, хранящихся въ 14 монастыряхъ, 2 соборахъ и 3 семинаріяхъ; кромѣ того, описаны рукописи Петрозаводскаго музея. Описанныя библиотеки находятся въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, С.-Петербуржской, Новгородской, Тверской, Владимірской, Нижегородской и Рязанской. Всѣхъ рукописей (книгъ и столбовъ) описано болѣе 2200. Описанія составлены кратко, но содержатъ въ себѣ все существенное

при описаніи сборниковъ указано ихъ содержаніе и перечислены важнѣйшія статьи. Древнѣйшая изъ описанныхъ рукописей относится къ XIII вѣку (Евангеліе въ Архангельской семинарской бібліотекѣ), большинство же рукописей принадлежитъ позднѣйшимъ столѣтіямъ—XVII и XVIII. По содержанію большинство составляютъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя; не мало отмѣчено актовъ, относящихся къ исторіи монастырей; есть также довольно сочиненій отеческихъ и вообще относящихся къ духовной литературѣ; рукописей же свѣтскаго содержанія довольно мало. Какъ ни кратко составлены эти каталоги, они могутъ сослужить полезную службу ученымъ изслѣдователямъ, которымъ провинціальныя книгохранилища оставались до сихъ поръ почти неизвѣстными и недоступными; поэтому нельзя не встрѣтить настоящее изданіе полнымъ сочувствіемъ. Книга издана очень тщательно и снабжена хорошо составленнымъ указателемъ.

Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. Историко-литературные очерки *Н. Дашкевича*. I. Кіевъ. — Романы Круглаго Стола составляютъ одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ поэтической литературѣ среднихъ вѣковъ. Возникшіе изъ кельтскихъ народныхъ сказаній и вмѣстѣ съ тѣмъ воспріявшіе въ себя мотивы древне-христіанской легенды, они съ XII вѣка распространяются въ литературахъ Западной Европы и становятся выраженіемъ идеальныхъ стремленій позднѣйшаго рыцарства; ихъ мечтательный характеръ, ихъ свѣтлыя картины, говорившія о высшихъ задачахъ и радостяхъ жизни, явившіеся на сѣбѣ суроваго эпоса ранней средневѣковой эпохи, увлекли собою высшіе слои западнаго общества и на цѣлый рядъ вѣковъ послужили школой идеализма для поэзіи. Изучить ихъ культурное и литературное вліяніе на западѣ значитъ выяснить одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни европейскаго общества, составляющій переходъ отъ грубыхъ понятій и нравовъ, которые господствовали въ феодальное время, къ сложной и прихотливой нравственной жизни позднѣйшихъ столѣтій: такова задача, которую поставилъ себѣ въ настоящемъ трудѣ профессоръ Дашкевичъ. Задача важная и прекрасная, и нельзя не привѣтствовать русскаго ученаго, который предпринялъ выполнить ее не въ видѣ простой компіляции изъ иностранныхъ сочиненій, а какъ ученое сочиненіе, основанное на самостоятельномъ изслѣдованіи предмета. Профессоръ Дашкевичъ уже давно занимается исторіей бретонскихъ романовъ и еще въ 1876 году посвятилъ особое изысканіе вопросу объ ихъ происхожденіи; въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ продолженіе своихъ изслѣдованій по ихъ вѣдшей исторіи; но настоящій трудъ относится къ другой серіи его работъ—къ внутренней исторіи бретонскихъ романовъ и ихъ отраженій въ разныхъ литературахъ запада. Вышедшій нынѣ I томъ содержитъ въ себѣ два отдѣла: первый изображаетъ переломъ въ западно-европейской эпохѣ XII—XIII вѣковъ, а второй излагаетъ исторію средневѣковой романтики въ Италіи, начиная со времени проникновенія туда романовъ Круглаго Стола и затѣмъ захватывая Боккачіо, Аріосто, Тассо и ихъ литературныхъ спутниковъ и послѣдователей. Авторъ обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи обширное знакомство съ литературой своего предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательное изученіе тѣхъ произведеній, о которыхъ говорить; при томъ книга отличается ясностью и живостью изложенія. Нельзя не пожелать, чтобы продолженіе столь интереснаго сочиненія профессора Дашкевича не замедлило своимъ явленіемъ.

Опера Комическая С.-Петербургскій гостинный дворъ *Михаила Матинскаго*. Перепечатано съ перваго изданія 1791 г. Одесса. — Малоизвѣстный писатель конца XVIII вѣка Михаилъ Матинскій происходилъ изъ крѣпостныхъ людей графа С. П. Ягужинскаго, который, замѣтивъ въ немъ музыкальный талантъ, далъ ему образованіе и впоследствии отпустилъ на волю. Матинскій сталъ служить по учебной части, а также занимался литературой и музыкальными композиціями; умеръ онъ во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка. Это былъ человекъ несомнѣнно даровитый; опера „Гостинный дворъ“, къ которой онъ сочинилъ и музыку, и либретто, свидѣтельствуетъ о его талантѣ, въ которомъ было много юмора, веселости и наблюдательности. Она долго пользовалась успѣхомъ, но впоследствии была забыта; поэтому перепечатка ея составитъ не лишнее приобрѣтеніе для изучающихъ нашу литературу конца прошлаго вѣка. Новое изданіе снабжено обстоятельнымъ историко-литературнымъ введеніемъ за подписью В. Я.

Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. къ Г. И. Высоцкому и предполагаемый портретъ Гоголя-студента. Съ четырьмя снимками и портретомъ. *П. В. Владимірова*. Киевъ.—Г. И. Высоцкій былъ старшимъ товарищемъ Гоголя по Нѣжинскому лицее и едва-ли не первымъ его другомъ, имѣвшимъ значительное вліяніе на его развитіе въ юношескіе годы. О сношеніяхъ Гоголя съ Высоцкимъ уже упоминалось въ біографіяхъ перваго; но письмо, изданное профессоромъ Владиміровымъ, составляетъ очень любопытное дополненіе къ прежнимъ свѣдѣніямъ и живо характеризуетъ настроеніе будущаго писателя и его занятія въ послѣднее время его школьной жизни. Тексту письма профессоръ Владиміровъ предпослалъ большое введеніе, въ которомъ собрано не мало свѣдѣній объ ученическихъ годахъ Гоголя. Что касается портрета, то онъ изображаетъ студента Нѣжинскаго лицея съ лицомъ, имѣющимъ лишь довольно отдаленное сходство съ характерною фізіономіей автора „Мертвыхъ Душъ“; поэтому трудно сказать, есть-ли это портретъ Гоголя, или кого другаго изъ лицейскихъ соучениковъ Высоцкаго.

— Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Георгъ Бузолотъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентомъ Императорскаго Харьковского университета *А. (М. + В.) Харьковъ*.

Извѣстна о двадцетогодишней радни Беволачкогъ Института Царицы Маріи на Цетию. Привредно профессор *Ж. Драговић*. Цетинье.

Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній, издаваемый и редактируемый врачомъ *А. Ѡ. Тельничинимъ*. Выпускъ 2-й. Саратовъ.

Русская грамматика. Синтаксисъ. Для воспитанниковъ и воспитанницъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составилъ *Михаилъ Великановъ*. Тверь. 1891.

И. Бобровниковъ. Сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Пособіе для учителей начальныхъ училищъ. Казань.

Образцовый самоучитель французскаго языка. Составилъ *Ал. Масковский*. Первый выпускъ. С.-Пб.

НЕИЗДАННЫЙ ПАМЯТНИКЪ РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА XII ВѢКА.

Въ сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ Московскому Публичному Музею № 2515 (изъ собранія покойнаго А. Н. Попова № 147), находится на лл. 174—184 одно древне-русское архіерейское поученіе духовенству, не написанное ничьимъ именемъ и вообще оставленное писцомъ безъ всякаго оглавленія, но въ высокой степени интересное по своему содержанію и языку. Ознакомившись съ этимъ поученіемъ при самомъ поступленіи указанной рукописи въ Музей, мы тогда же рѣшились издать его вполне, какъ необходимое (хотя, къ сожалѣнію, и запоздалое) дополненіе къ своему сборнику памятниковъ русскаго каноническаго права XI—XV в., напечатанному по опредѣленію и на средства Археографической Комиссии въ VI томѣ Русской Исторической Библіотеки. Исполняя теперь это намѣреніе, считаемъ себя обязанными предпослать своему изданію нѣсколько замѣчаній по вопросу о вѣроятномъ авторѣ поученія и о самомъ поученіи, какъ памятникѣ древне-русскаго церковнаго права, литературы и языка.

Поченіе несомнѣнно принадлежитъ одному изъ новгородскихъ владыкъ XII вѣка. Въ рѣчи автора часто слышатся извѣстныя особенности тамошняго говора: вѣнечь, конечь, тачехъ, отричалъса и т. п. Кроме того, онъ не разъ упоминаетъ въ своемъ поученіи о „святой Софіи“ и въ одномъ случаѣ называетъ ее на столько „неубогою“, что она могла бы прокормить какое угодно число поповъ, опасаящихся, при извѣстномъ обстоятельстве, „помереть съ голоду“ (статьи 14 и 30). Время написанія поученія довольно точно опредѣляется на основаніи слѣдующихъ данныхъ въ его содержаніи. Съ одной стороны

часть сслххі, отд. 2.

авторъ говоритъ своимъ слушателямъ: „вы сами вѣдаете, оже наша земля недавно хрещена“, и припоминаетъ нѣкоторыя рѣчи „первыхъ поповъ“ своей родины (ст. 12), съ другой—ссылается уже на „уставъ блаженнаго Нифонта“ (ст. 10), то-есть, своего знаменитаго предшественника, носившаго это имя († 1156). Наконецъ, въ поученіи находится одна такая черта, которая даетъ возможность прямо указать личность автора и назвать его по имени. Онъ говоритъ о себѣ, какъ бывшій приходскій священникъ, еще недавно поставленный на святительство по „избранію“ своей прежней братіи—новгородскихъ поповъ, которые поэтому и называли его „своимъ“.—„Се Богови, братіе, тако изволшу и святѣй Богородицѣ и вашей молитвѣ,—такъ начинаеть свою рѣчь поучающій владыка,—оже мнѣ худому немощно вы отречіся сего (священнаго) и великааго сану, егоже нѣсмь достоинъ былъ. Нѣ то Богови свѣдущю и пресвятѣй Матери Его, яко не самъ его възскахъ, нѣ оубоявся соуда Божіа и вашей любві, иже до моей худости. Да якоже изволили мя есте и пріноудили на се дѣло, такоже вы пакы достойно есте и послушати. Не рците тако: „свой ны есте, да что ны хочеть створіти?“ Нѣ оже, братіе, погодится что телесное, тѣ надѣюся на Бога и на святоую Богородицю, яко всяко не хошю озлобити васъ, своей братіи: ни на то бо есмь вшель, а то Богъ вѣсть и вы. Аже что либо погодится душевная вина, ано того не ліга прѣступити, ни речи тако: „свой есмь имъ, да того дѣля оумлѣчу, не хотя братіи своей досадити“. Не разъ авторъ поученія ссылается на примѣръ своей прежней священнической практики и домашней жизни. Такъ, предписывая своимъ слушателямъ прочитывать „запрещальныя“ (заклинательныя) молитвы при крещеніи по 10 разъ каждую, какъ показано въ „уставѣ блаженнаго Нифонта и въ Молитвенникѣ“ (Требникѣ), онъ дозволяетъ въ случаѣ нужды прочитывать ихъ 9 разъ заранѣе на дому, а въ 10-й—при самомъ крещеніи, и при этомъ замѣчаетъ: „такъ вы и азъ творилъ“ (ст. 10). Или, убѣждая свою бывшую братію не ходить послѣ вечерни передъ праздниками на пиры, въ надеждѣ на „добытокъ отъ пьяныхъ людей“, онъ сознается: „и сами бо ся есмь съ тѣми мыслями бороли; а егда же есмь послушали ихъ и пошли по вечерни въ пиръ, тѣгда не добылъ ничтоже. А егда же съсѣдѣлъ дома есмь, тѣгда ми вдалъ Богъ, егоже (чего) ни въ 10 пировъ не добыти“ (ст. 1 въ концѣ). Все это на нашъ взглядъ рѣшительно говоритъ въ пользу принадлежности издаваемаго поученія второму приемнику Нифонта новгородскаго, не менѣе знаменитому тамошнему

владыкѣ Ильѣ-Іоанну (1165—1186), который, по свидѣтельству мѣстныхъ лѣтописей, до своего возведенія на владычній дворъ, „священствовалъ у святаго священно-мученика Власія, на Волосовѣ улицѣ“¹⁾. Догадка эта подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что ближайшіе преемники Ильи-Іоанна, которые могли бы еще говорить: „наша земля недавно крещена“ и помнитъ „первыхъ поповъ“ новгородскихъ²⁾, обыкновенно избирались уже изъ монаховъ, а не изъ мірскихъ поповъ.

Такимъ образомъ, къ двумъ до сихъ поръ извѣстнымъ памятникамъ древне-русскаго каноническаго права, несомнѣнно или только по нашей догадкѣ принадлежащимъ названному новгородскому владыкѣ,—къ постановленію, купно съ бѣлозерскимъ епископомъ, по двумъ случаямъ при совершеніи литургіи, и къ „въпрошаніямъ Ильинымъ“ съ отвѣтами на нихъ епископа Нифонта³⁾,—нужно отнести еще и третій—настоящее поученіе, которое, кстати замѣтить, оказывается во многихъ мѣстахъ почти буквально сходнымъ съ сейчасъ упомянутыми отвѣтами Нифонта⁴⁾, что и уполномочиваетъ насъ признать автора „въпрошаній“ Илью за одно лицо съ владыкою, поучающимъ теперь своихъ бывшихъ собратій—новгородскихъ поповъ.

Изъ приведенныхъ начальныхъ словъ поученія видно, что оно составлено было владыкою Ильей въ первый годъ его святительства (то-есть, въ 1166 году). Затѣмъ изъ всего содержанія поученія, обращеннаго исключительно къ попамъ, можно съ полною вѣроятностію заключать, что оно было произнесено въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, когда, по общепринятому въ тѣ времена правилу, ежегодно составлялись епархіальные соборы, почему и самое это воскресенье называлось (какъ и теперь называется) „соборнымъ“ или „сборнымъ“. Въ поученіи есть и прямое указаніе на то, что оно говорено было въ началѣ великаго поста: „а се пакы пришелъ естъ великы постъ“ (ст. 18). Епархіальные соборы собирались, говоря словами одного весьма древняго русскаго памятника,

¹⁾ См. Новгородскія лѣтописи въ изданіи Археогр. Коммис. 1879 г., стр. 9.

²⁾ Выраженіе „переме попы“ нельзя, конечно, понимать въ строго-буквальномъ смыслѣ. Владыка Илья хотѣлъ только сказать, что онъ видалъ и слышалъ старыхъ поповъ, которые помнили еще, по свѣжему преданію, крещеніе своей родины.

³⁾ Тотъ и другой памятникъ см. въ Русск. Истор. Библіот., т. VI, стр. 58—62 и стр. 75—78.

⁴⁾ См. наши примѣчанія къ 7, 17 и 18 статьямъ поученія.

„на исправленіе церковныхъ вещей“ и на „принятіе“ духовенствомъ отъ своего архіерея „истиннаго разума“ относительно исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей ¹⁾. Вотъ почему и всѣ дошедшія до насъ древне-русскія архіерейскія поученія, составленныя для произнесенія на этихъ соборахъ, обыкновенно имѣютъ характеръ служебныхъ инструкцій и, по своему содержанію, относятся не столько къ области нравоученія, сколько къ области церковнаго права ²⁾. Таково же и настоящее поученіе новгородскаго владыки Ильи. Оно содержитъ въ себѣ рядъ наставленій и правилъ о поведеніи и обязанностяхъ духовенства и о равныхъ ненормальныхъ явленіяхъ въ жизни приходскихъ пастырей и пасомыхъ. Въ духовенствѣ поучающій владыка обличаетъ: 1) пьянство и хожденіе на пиры послѣ вечерни наканунѣ праздниковъ и совершенія литургіи (ст. 1); 2) лихоимство (ст. 2); 3) неравсудительную строгость въ наложеніи епитимій на кающихся (ст. 3 и 7); 4) участіе въ народныхъ играхъ (ст. 4); 5) небрежность въ совершеніи таинства крещенія (ст. 10); 6) мытье въ банѣ утромъ передъ обѣдней (ст. 12); 7) обычай вносить въ олтарь такъ называемый канунъ (особый поминальный напитокъ), благословлять его здѣсь и распивать, принимать приносимыя сюда заупокойныя яства, даже скоромныя, и класть подъ престолъ разныя несвященныя вещи (ст. 23); наконецъ—8) авторъ упоминаетъ о какихъ-то тайныхъ „душевныхъ впакахъ“, несомнѣстимыхъ съ священствомъ, оставляя ихъ каждому на судъ своей собственной совѣсти (ст. 14 и 15). Въ жизни народа владыка Илья отмѣчалъ въ своемъ поученіи: 1) то-же пьянство, особенно въ великій постъ (ст. 18); 2) неблагоговѣйное стояніе въ церквахъ, въ чемъ преимущественно обвиняются женщины, о которыхъ въ поученіи замѣчено: „отиноудь бо не вѣдаемъ ся (=сия, вин. пад. множ. женск. р.), почто ходяче“ (ст. 24); 3) крестныя цѣлованія, то-есть, злоупотребленія присягою (ст. 21: „вы бо сами вѣдаете, оже в нашемъ градѣ мнози гыбять въ томъ“); 4) хожденіе женщинъ къ волхвамъ (ст. 17); 5)

¹⁾ Объ епархіальныхъ соборахъ, какъ общемъ явленіи въ древне-русской церковной жизни, упоминаетъ владимірскій соборъ 1274 года и одно святательское поученіе новопоставленному священнику XI—XII вѣка, откуда взяты приведенныя въ текстѣ слова о цѣли этихъ соборовъ. См. Русск. Истор. Библиот., т. VI, стр. 92 и 108.

²⁾ Одно изъ такихъ поученій, начинающееся словами: „Слышите іерейскій преподобный съборъ“, пользовалось въ древней Руси особеннымъ уваженіемъ и помѣщалось даже въ Коричихъ. См. тамъ-же, стр. 111—116.

невѣнчальные браки (ст. 19), и 6) соблюденіе разныхъ другихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ (ст. 26). Наставленія новгородскаго владыки, касающіяся двухъ послѣднихъ предметовъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія и требуютъ особеннаго разъясненія. Первое изложено такъ:

„Аже кто покается оу васъ, ти боудеть не вѣнчался съ женою, нѣ любо боудеть въ вечерѣ привель, или оумчалъ, или положилъ дѣвку женѣ, любо съблялся, то не мозите [того тако оставити, нѣ испытавше добрѣ, оже хочеть ю водити женѣ, въведше въ цркъвь, вѣнчайте же, аче и съ дѣтми“ (ст. 19).

Тутъ мы имѣемъ замѣчательный по своей полнотѣ перечень формъ заключенія брака, какія существовали у нашихъ языческихъ предковъ и, въ видѣ переживаній, весьма долго держались въ народѣ и послѣ обращенія его въ христіанство. Именно, владыка Илья упоминаетъ: а) о приводѣ невѣсты въ домъ жениха вечеромъ — обычай, который, по свидѣтельству начальной лѣтописи, существовалъ преимущественно у Полянъ; б) объ умычѣ, о которой такъ часто говорить наши древніе церковно-юридическіе и литературные памятники и которая, по свидѣтельству той же лѣтописи, была въ обычаѣ преимущественно у Древлянъ, Радимичей и Вятичей; в) о наложничествѣ („положилъ дѣвку женѣ“) — такомъ сожитіи мужчины и женщины, которое начиналось исключительно по ихъ личному согласію, безъ всякаго договора („ряда“) ихъ родителей или родичей и, слѣдовательно, безъ дачи „вѣна по женѣ“, что составляло необходимую принадлежность браковъ „приводомъ“ и „умычкою“¹⁾; г) о совершенно свободной и безформенной связи неженатаго съ незамужнею („или съблялся“), связи, которая, начавшись случайно, могла и прекратиться во всякое время, по ихъ обоюдному или одностороннему желанію. Всѣхъ таковыхъ, если они пожелають обратитъ свой союзъ въ законный христіанскій бракъ, новгородскій владыка предписываетъ вѣнчать въ церкви, хотя бы и съ дѣтми. Это, сколько намъ извѣстно, самое древнее свидѣтельство о существованіи на Руси обычая привѣнчивать къ родителямъ дѣтей для ихъ узаконенія въ глазахъ церкви и христіанскаго общества. Подобный же обычай видимъ и у Сербовъ въ первой половинѣ XIII вѣка²⁾.

1) „Рядъ“ о бракѣ приводомъ совершался до брака или до этого привода; а умычникъ „рядился“ съ родственниками жены о „вѣнѣ“, то-есть, о платѣ за нее, уже послѣ умычки.

2) Свидѣтельство объ этомъ находится въ Дочетіановомъ житіи св. Саввы

О соблюденіи народомъ другихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ владыка Илья даетъ своимъ попомъ такое наставленіе:

«И о турѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про незаконный бой вы, попове, оумайте дѣтей своихъ; или кого оубьютъ, а вы надъ ними въ ризахъ не пойте, ни просфоуры прѣимайте» (ст. 26).

Нужно замѣтить, что это наставленіе (но никакъ не имя его автора) уже довольно давно извѣстно нашему ученому міру. Оно напечатано было покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ описаніи одного сборника церковныхъ правилъ и поученій XVI вѣка, гдѣ оно является въ составѣ одной статьи каноническаго содержанія ¹⁾. По этому изданію, приведенныя слова нашего памятника цитовались, какъ литературное свидѣтельство неизвѣстной эпохи, въ ученыхъ трудахъ академика А. Н. Веселовскаго ²⁾ и г. Фаминцына ³⁾. Оба они имѣли дѣло собственно только съ словомъ туръ, но, къ сожалѣнію, не находили интереса въ дальнѣйшемъ реченіи—лодыги. Туръ, по общепринятому мнѣнію, есть все-славянское божество, празднованіе которому совпадало то съ колядами, то съ семикомъ, и состояло въ томъ, что молодые люди обоого пола наряжали одного парня изъ своей среды чучелою въ видѣ быка (тура, который первоначально былъ, по всей вѣроятности, не ряженный, а натуральный) и водили его по улицамъ на веревкѣ съ пѣснями, въ которыхъ упоминалось имя Тура. Но что такое лодыги? По аналогіи съ предыдущими турами и дальнѣйшими колядниками и по легкой возможности происхожденія „лодыга“ изъ „ладыга“, можно было бы думать, что и это—народный обрядъ или праздникъ въ честь другаго языческаго божества Славянъ—Ладо. Но такое словопроизводство едва ли признаютъ правильнымъ филологи-слависты.

Сербскаго. Здѣсь мы читаемъ о св. Саввѣ: „избра отъ ученикъ своихъ благо-разоумныя моуже и постави е протопопы, и тѣхъ пакы пославъ въ все страны отъчества своего недостаткомъ испльнати... повелѣ же посланнымъ сице вѣвчати родъ чедовѣчскый: събрати въ црковь все, старце же и срьдовѣчныя и младые моужи и жены, и все дѣти, елици бѣхоу рождени отъ нихъ безъ благословенія законнааго, съввоупивше ихъ подъ окрыль родителю своею“ (Даничичъ, Животъ св. Симеуна и св. Саве, стр. 243—244).

¹⁾ Свѣдѣнія и замѣтки о малозв. и неизвѣст. памятникахъ, № LVII, стр. 314.

²⁾ См. его „Размысканія въ области духовнаго стиха“ въ *Зап. Акад. Наукъ*, т. 45, стр. 128.

³⁾ См. его „Божества древнихъ Славянъ“, вып. I, 1884, стр. 233 и слѣд. Авторъ, имѣя въ виду, что сборникъ, описанный Срезневскимъ, относится къ XVI вѣку, признаетъ и занимающее насъ мѣсто въ поученіи архіепископа Ильи принадлежностью поученія *той же* XVI вѣка (стр. 235).

Остается допустить, какъ болѣе вѣроятное, что лодыги новгородскаго святительскаго поученія XII вѣка были родоначальниками донинѣ существующей дѣтской игры въ бабки или въ ладныжки и, по всей вѣроятности, имѣли не столь невинный характеръ, какъ эта послѣдняя. Замѣчательно, что въ одной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, писанной въ Tobольскѣ въ 1649 году, игра въ лодыги, вмѣстѣ съ игрой въ зернь, карты и шахматы и наравнѣ съ воженіемъ какой-то „бѣсовской кобылки“, представляющей очевидную аналогію съ древнимъ туромъ ¹⁾, запрещается, какъ нѣчто грѣховное и богомерзкое, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній ²⁾. Не значитъ-ли это, что въ XVII в. игра въ лодыги сохраняла еще нѣкоторыя черты своего языческаго прототипа? Говорить о колядахъ и колядникахъ, какъ предметахъ общезвѣстныхъ, считаемъ совершенно излишнимъ. Но нельзя умолчать о „беззаконномъ боѣ“, упомянутомъ въ поученіи архіепископа Ильи вслѣдъ за турами, лодыгами и колядниками, съ которыми бой этотъ, повидимому, находился въ какой-то связи. На эту связь прямо указываетъ слѣдующее постановленіе владимірскаго собора 1274 года: „Паки оувѣдѣхомъ бѣсовскага еще дръжаща шбичага треклатыхъ ѡлинь, въ божественныа праздники позоры нѣкакы бѣсовскыа творити, съ свистаниемъ, и съ кличемъ и въплемъ, съзывающе нѣкы скарѣдныа пыаница и бьющеса дръколѣкъмъ до самыа смерти“ ³⁾. Объ этихъ убитыхъ на праздничныхъ народныхъ бояхъ соборъ постановилъ то же самое, что мы читаемъ и въ поученіи новгородскаго владыки XII вѣка, именно: „Аще нашему законоположенію противаться, то ни приношения отъ нихъ приимати, рекше просфоуры и коуты, ни свѣчи. Аще и оумреть, то надъ нихъ не ходати иерѣи и слоужбы за нихъ да не творать, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквъ“. Вообще о поученіи архіепископа Ильи, какъ памятникѣ каноническаго права, нужно замѣтить, что оно показываетъ въ авторѣ не только близкое знакомство съ источниками этого права (съ греческимъ номоканономъ, съ руководствомъ для духовниковъ патріарха Іоанна Постника и съ отвѣтами своего предшественника Нифонта),

¹⁾ Такъ думаетъ г. Фаминцынъ, см. цитов. сочин. стр. 238.

²⁾ См. Акты Историч., т. IV, № 35. Здѣсь царская грамота излагается въ памяти (отъ того же года) Верхотурскаго воеводы Руѡа Всеволожскаго прикащику Ирбитской слободы Барыбину.

³⁾ Русск. Ист. Библіот., т. VI, стр. 95. О народныхъ бояхъ въ праздники говорится и въ цитованной царской грамотѣ 1649 года.

но и личный правообразовательный смыслъ, глубоко проникавшій въ духъ церковныхъ каноновъ и на этомъ основаніи создававшій, по требованію мѣстной жизни, новыя церковно-юридическія нормы, которыя повторялись потомъ и отдѣльными русскими іерархами и цѣльными соборами ¹⁾).

Какъ памятникъ литературный, поученіе владыки Ильи отличается живымъ движеніемъ и изящною простотою чисто-русской рѣчи. Въ своемъ изложеніи авторъ нерѣдко пользуется діалогическою формою, какъ бы вводя своихъ слушателей въ бесѣду съ собою (см. вступленіе и статьи 4, 12, 14 и 18). Съ тѣмъ вмѣстѣ поученіе живо рисуетъ предъ нами симпатическую личность автора и тѣ отношенія, въ какія онъ ставилъ себя къ подчиненному духовенству. Напримѣръ, затронувъ деликатный вопросъ о тайныхъ „душевныхъ винахъ, яже отлучаютъ отъ поповства“, и убѣждая свою бывшую братію, чтобы никто изъ нихъ, ради спасенія своей души, не скрывалъ отъ него такихъ винъ, поучающій владыка, въ отвѣтъ на возможное и вполне уважительное возраженіе своихъ слушателей: „аже останемся (откажемся, лишимся) поповства, а помирати ны боудеть гладомъ“, дѣлаетъ такое успокоительное заявленіе: „Не дай Богъ того, оже быти тому на моей братыи. Святая бо София не оубога есть, да мочно ми есть и въ церковь въвести, и хлѣба даяти ²⁾“. Мнѣ бо некому добытка копити, ни женѣ, ни дѣтемъ, ни в-ыноу землю слати; нѣ вы моа братія, вы же дѣти мои, да не бы что [не]добро было душамъ вапимъ мною хоудимъ, да бисте не вѣтце троуділися, ищюче мене“ (ст. 14). Тѣмъ же духомъ глубокой гуманности проникнуты наставленія святителя объ исповѣди и епитиміяхъ (ст. 3, 7 и 9), о томъ, чтобы беременныя женщины не клали земныхъ поклоновъ даже въ великій постъ (ст. 16), о милостынѣ (при чемъ припоминаются слова, сказанныя на эту тему автору, при его рукоположеніи, „блаженнымъ митрополитомъ“—ст. 22), о гнѣводержаніи (ст. 28) и др. Однакожь, гдѣ рѣчь заходила о явныхъ и тяжкихъ „душевныхъ винахъ“, требовавшихъ исправленія мѣрами строгости, тамъ и тонъ поученія ставовился грознымъ, властительскимъ. Такъ, запрещая новгородскимъ попамъ ростовщичество, владыка говоритъ имъ: „Да

¹⁾ Примѣры, оправдывающіе сказанное въ текстѣ, приведены нами въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ поученія.

²⁾ Слова эти показываютъ, что въ Новгородѣ, при Софійской церкви, существовали уже богадѣльные дома, о которыхъ говорятъ церковный уставъ св. Владиміра.

отъ сего дне останетеся того; кого ли оувѣдѣ (узнаю), тѣ и кунѣ лишу, и въ казни боудеть отъ мене“ (ст. 2). Слова эти важны и какъ подлинное историческое свидѣтельство о широкомъ объемѣ епископской власти надъ „церковными людьми“ устава св. Владимира. Казнь, надобно думать, означаетъ здѣсь не каноническое наказаніе попа-лихоимца, а то же самое, какое въ позднѣйшія времена на официальномъ церковномъ языкѣ называлось смиреніемъ (смирать плетями, посаженіемъ на цѣпь и т. п.).

Какъ памятникъ русскаго языка XII вѣка, издаваемое поученіе дастъ, конечно, не мало любопытнаго и цѣннаго матеріала для филолога-слависта. Не принимая на себя подробной оцѣнки памятника съ этой стороны, укажемъ только наиболѣе выдающіяся особенности его языка, замѣтныя и не филологу. Въ лексикѣ поученія, на нашъ взглядъ, замѣчательны по своему внѣшнему виду или по значенію слова: *лѣга*—*лѣзя* (вступленіе и ст. 1 и 12), *погодитиса*—*случитиса* (вступленіе)¹⁾, *напрочъ*—*впередъ*, *на будущее время* (ст. 5), *въстягнути*—*воздержаться* (ст. 1 и др.), *изболѣтиса*—*выздоровѣть* (ст. 6), *пирье* (какъ старье, тряпье)—*частые пиры* (ст. 1), *перть*—*баня* и, вѣроятно, *сосудъ для омовенія, корыто* (ст. 10), *роубы*—*рубища* (ст. 22), *соромя жливый*—*стыдливый* (ст. 25), *дрогунъ*—въ значеніи нѣкоторый (ст. 5, 18 и 23), *сирота*—въ значеніи рабъ, холопъ (ст. 7 и 18), *за*—въ значеніи черезъ, спустя (ст. 10: „а за 40 днѣй по рождествѣ крестити“; ср. статью 5-ю въ концѣ.), *даже*—*да аже*—*а если, если же* (ст. 6, 16, 18), *нѣ*—*не* (вступленіе: „нѣ о собѣ бо се глаголю, нѣ нудить мя святое писаніе“; ст. 9: „нѣ токмо грѣха избудеть, нѣ и вѣнча добудеть“), *дѣветъ*—въ смыслѣ нынѣшняго союза *де* (ст. 15)²⁾, и др. Изъ грамматическихъ формъ памятника (въ его этимологіи и синтаксисѣ) укажемъ на употребленіе: 1) полногласныхъ (мѣстоименныхъ) падежныхъ окончаній: *великааго* (вступ.), *священічьскоуоуму* (ст. 2); 2) *ны, вы вм. намъ, вамъ* (ст. 1 и др.); 3) *вѣдѣ, оувѣдѣ* вм. *вѣмъ, оувѣмъ* (ст. 2, 5, 13, 23)³⁾; 4) мѣстнаго падежа: *томъ же говѣнъи* (ст. 5), *чистѣй недѣли* и *страстнѣй* и *вскреснѣй* (ст. 18); 5) дательнаго цѣли: „а попи чему творять?“ (ст. 1), „положилъ дѣвку женѣ“, „водити ю женѣ“

¹⁾ Въ томъ же смыслѣ употребляются глаголы *приодитиса* (ст. 8) и просто *идитиса* (ст. 12 и 30).

²⁾ Ср. *Буслаева* Истор. грамм. русс. языка. Ч. I, стр. 177, лит. в. (изд. 5).

³⁾ Тамъ-же, ч. II, стр. 260, пунктъ 4.

(ст. 19) ¹⁾; 6) достигательнаго наклоненія съ дополненіемъ въ род. пад.: „аже вы позовоут дѣтяти крестить“ (ст. 20).

Въ заключеніе—два-три слова о судьбѣ нашего памятника въ позднѣйшей русской письменности. По причинамъ, объясненнымъ въ извѣстномъ изслѣдованіи академика Сухомлинова „о псевдонимахъ въ древней русской литературѣ“, поученіе новгородскаго архіепископа Ильи-Іоанна, подобно многимъ другимъ русскимъ памятникамъ этого рода, не замедлило, подъ руками позднѣйшихъ „писателей“, утратить свой оригинальный видъ и сдѣлаться анонимнымъ или даже псевдонимнымъ. Съ именемъ дѣйствительнаго автора до насъ не дошло ни одного списка поученія, и только въ одномъ спискѣ оно сохранило свой первоначальный, полный и подлинный видъ. Благодаря этому списку, мы узнали, кому принадлежитъ въ одной анонимной канонической компіляціи XVI вѣка выше приведенное и объясненное мѣсто о турахъ, лодыгахъ и колядникахъ. Весьма вѣроятно, что въ другихъ подобныхъ статьяхъ найдутся и другіе отрывки изъ нашего памятника. Но позднѣйшіе книжники пользовались поученіемъ владыки Ильи не только по частямъ, дѣлая изъ него тѣ или другія выписки для составленія своихъ компіляцій, но и налагали руку на цѣлый текстъ памятника, давали ему совершенно новый видъ и, въ наивномъ желаніи возвысить цѣну своего издѣлья, надписывали надъ нимъ имена древнихъ великихъ отцовъ вселенской церкви. Такъ, въ Измарагдѣ XVI вѣка Троицкой лавры № 204 поученіе новгородскаго владыки Ильи-Іоанна является уже съ надписаніемъ: „Слово Іоанна Златоустаго къ попомъ и къ простымъ людемъ“ (л. 238 и слѣд.). Здѣсь тщательно изглажены всѣ черты оригинала, по которымъ можно было бы догадаться о его русскомъ, и именно новгородскомъ, происхожденіи. По недосмотру или, вѣрнѣе, по недомыслию писца, въ этомъ новомъ изводѣ древняго памятника уцѣлѣла только одна такая черта—упоминаніе объ уставѣ „блаженнаго Нифонта“. Однакожь списокъ лаврскаго Измарагда, не смотря на сдѣланныя въ немъ сокращенія и другія искаженія первоначальнаго текста, все-таки сослужилъ намъ свою службу, именно: а) восполнилъ (хотя и не совсѣмъ удовлетворительно) одинъ пробѣлъ въ основномъ (музейскомъ) спискѣ, оказывающійся въ немъ вслѣдствіе утраты одного листа; б) доставилъ нѣсколько немаловажныхъ вариантовъ и поправокъ къ чтенію основнаго списка;

¹⁾ Тамъ-же, стр. 206, примѣч. 2.

в) далъ возможность иллюстрировать на себѣ судьбу своего оригинала въ русской письменности XVI вѣка ¹⁾.

Се Богови, братіе, тако изволшу и святѣи Богородицѣ и вашей молитвѣ, оже мнѣ худому немощно вы отречѣся сего ²⁾ и великааго сану, егоже нѣсмь достоинъ былъ. Нѣ то Богови съвѣдующу и пресвятѣи Матери Его, яко не самъ его възискахъ, нѣ оубоявся ³⁾ соуда Божіа и вашей любві, иже до моей худости. Да якоже изволили мя есте и приноудили на се дѣло, такоже вы пакы достойно есте и послушати. Не рците тако: „[с]вой ны есте, да что ны хочеть створити?“ Нѣ оже, братіе, погодится что телесное, тѣ надѣюся на Бога и на святоую Богородицю, яко всяко не хоцю озлобити васъ ⁴⁾, своей братіи: ни на то бо есмь въшелъ, а то Богъ вѣсть и вы. Аже что либо погодится душевная вина, ано ⁵⁾ того не лѣга прѣступити, ни речи тако: „свой есмь имѣ, да того дѣля оумлѣчу, не хотя братіи своей досадити“, то по то вы ся не пороучаю, да не моимъ небреженіемъ видеть въ вы слабость, а отъ васъ въ чловѣчество, и азъ боуду вина всему отчѣству своему, и вы въ моемъ неродствѣ погыбнете душами: то за что ся боуду и родилъ? И вы вътѣще трудилися, ищюще мене. Да о семъ ся, братіе, молю: еже хощу рещи отъ худоумья моего, примете съ любовью. Нѣ ⁶⁾ о собѣ бо се глаголю, нѣ нудить мя святое писаніе, еже нарекшися пастоуху не мълчати. И пастоухъ бо овчій, оже и мълчити, тѣ въсхытаемо овча вълъкомъ от стада его, и платитъ е соугоубо господиноу овчате: тѣ колѣма азъ оже оумлѣчу въ своемъ неродствѣ, боудеть пакость стаду Хвоу, еже есте вы и дѣти ваша духовныя.

¹⁾ Считаемо не лишнимъ замѣтить, что раздѣленіе издаваемого текста на главы принадлежит намъ, а не оригиналу, по которому онъ издается. Необходимо еще оговориться, что мы не нашли нужнымъ воспроизводить *всѣ* особенности письма музейскаго списка, такъ какъ писецъ не держался никакой определенной орфографіи, напримѣръ, буквы А и Іа употреблялъ безразлично, почему мы и замѣнили ту и другую новымъ знакомъ Я. Титла удержаны только въ сомнительныхъ случаяхъ.

²⁾ Далѣе, очевидно, пропущено слово *святаю* или *священнаю*.

³⁾ Не нужно ли читать: *оубояхся*?

⁴⁾ Въ рукописи стоитъ здѣсь *и*—лишнее.

⁵⁾ Въ рукописи: *ана*.

⁶⁾ Въ рукописи *нѣ*; по смыслу должно быть *нѣ*—не. Ср. въ статьѣ 9-й выраженіе: „нѣ токмо грѣха избудеть, нѣ и вѣнча добудеть“.

1. Нѣ ¹⁾ о семь вы хоцю первое начати слово, еже бы намъ самѣмъ не велми прѣгваждатися ²⁾ свѣтѣ семь, нѣ дабы ны добро и люди оучѣти преже всего не вдаватися многому питію ³⁾: сами бо свѣдаете ⁴⁾, еже въ питіи болши всего бываетъ ⁵⁾ души пагоуба, оли простыцемъ, а еже нѣ намъ ⁶⁾. Оже бо простычъ какъ любо грѣхъ створить ⁷⁾, то до себе ему вина тѣкмо ⁸⁾; а еже мы, тѣ не намъ однимъ ⁹⁾ пагуба, нѣ и всѣмъ людемъ: хотять бо ны рещи: „а попи чему творять?“ ¹⁰⁾. Да не на насъ сбудеться прѣрческое слово: „пастоуси мнози посмрадиша виноградъ мой и оскверниша часть въздежѣньюю мою“. Вижу бо и слышу, еже до обѣда пѣете. Да еже мы до обѣда пѣемъ, то ти простычемъ и черось ночь: на кого бо имъ зряще вѣстягнуотся? ¹¹⁾ Намъ ¹²⁾ бо рече Господь: „да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ чѣлвы, да оузрять добрая ваша дѣла и прославять Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“. Не едино же то, еже до обѣда пѣете, нѣ и въ вечерѣ оупившеса, а заутра слоужбоу стваряете ¹³⁾, чѣлвомъ оугодїя творите, а не Богови. И оли бо съ другомъ нѣ лга по пирью добрѣ бесѣдовати, аже нѣ съ Богомъ ¹⁴⁾. Да то ¹⁵⁾ ми ся мнить, яко великъ грѣхъ собѣ приобретаемъ ¹⁶⁾ въ томъ слоуженїи. Да молю вы ся, братїе, останеся того ¹⁷⁾: въ мнози бо

1) Отсюда начинается лаврскій списокъ поученїя. Варианты его приводятся съ буквою Л. Явныя описки писца, которыхъ не мало, мы оставляли безъ вниманїя.

2) Въ основномъ спискѣ: *прѣгважати*; въ Л: *прѣвождати*.

3) *многопитію* Л.

4) *встѣ* Л.

5) *бываетъ нѣтъ* въ Л.

6) *али то простыцомъ, а еже то намъ* Л.

7) *аще бо простыцю какъ любо грѣхъ створитяся* Л.

8) *тѣкмо нѣтъ* въ Л.

9) *однимъ* Л.

10) *а попове чему не творять тою* Л.

11) *Да еже... вѣстягнуотся нѣтъ* въ Л.

12) *Самъ* Л.

13) *но съ вечеръ оупиваешися, а заутра служити* Л.

14) *зло* (въло?) бо съ другомъ нелзе по пирьюмъ бесѣдовати, аже нами съ Богомъ Л. Смысль этого мѣста, по основному списку, есть слѣдующїй: если по пирямъ (=на пирахъ) нельзя хорошо (съ релігіозной точки зрѣнїя) бесѣдовать съ другомъ, то тѣмъ болѣе—съ Богомъ.

15) *такъ* Л.

16) *приобрѣтахомъ* Л.

17) Словъ: *Да молю вы ся.. тою нѣтъ* въ Л.

питіи многа бѣда есть, души ¹⁾ грѣхъ, тѣлоу болѣзнь, отъ людій оукорь, цркъвнаго стованія права нѣтоуть. Тъ бо ны дѣволъ въкладываетъ ²⁾ въ оумъ, яко оу пѣаныхъ людій добыти ³⁾: стемше съ Бога надѣжю, положили есмы на пѣанья люди ⁴⁾. И сами бо ся есмы съ тѣми мыслми бороли, а егда же есмы послушали ихъ и пошли по вечерній въ пиръ, тѣгда не добылъ ничтоже. А егда же съсѣдѣлъ дома есмь, тѣгда ми вдалъ Богъ, егоже ни въ і пировъ не добыти. Къ намъ бо есть речено: „ищите прежде цртва небеснаго и правды его, и си вся приложатся вамъ“.

2. А и еще слышю и другия попы нанимъ емлюще ⁵⁾, еже священічьскоуоуму чину отиноудь отречено. Пишетъ бо въ Моноканонѣ: „аже который попѣтъ, или дьяконъ, или клирикъ обрящется въземляй лихвою, да или останется, или извержется“ ⁶⁾. То мнѣ то оу васъ свѣдоуше, како оумѣлчати? Да от сего дне останетеся того; кого ли оувѣдѣ, тѣ и кунъ лишу, и въ казни боудеть отъ мене ⁷⁾. Не дай бо Богъ святыхъ Отець оуставоу поправу быти нами. Намъ ⁸⁾ бо есть речено, еже снабдѣтї заповѣдї Его. И самъ Господь въ евангеліи глаголетъ: „взрїте на птица небесныя, яко ни сѣють ⁹⁾, ни жнють, ни събирають ¹⁰⁾, нъ Отець не(бесный ¹¹⁾ зпитаеть ѿ. Самемъ бо достойно перьвее себе въстануотѣ о ¹²⁾ какой любо вещи, тоже людїи бе-зазора оучитї.

¹⁾ *душе* (sic) Л.

²⁾ *влагаетъ* Л.

³⁾ *побыти* Л.

⁴⁾ Далѣе въ Л слѣдуютъ слова: „самъмъ бо речено есть, еже снабдѣти заповѣди Его. А самъ Господь въ евангеліи глаголетъ: взрїте на птици небесныя“ и проч., какъ въ концѣ свѣдующей (2-й) статьи, въ которой идетъ рѣчь тоже о „добыткѣ“, только прїобрѣтаемомъ другимъ антиканоническимъ способомъ—лихоимствомъ.

⁵⁾ Въ рукописи: *наптемлюще*.

⁶⁾ Апост. прав. 44.

⁷⁾ Не такъ строго судилъ объ этомъ Нифонтъ. „А нанимъ дѣла, рекше лихвы, тако велаше оучитъ: аже попа, то рци ѿмоу: не достоятъ ти слоужити, аще того не останеша“ (4-й отвѣтъ Кирику).

⁸⁾ *Самъмъ* Л.

⁹⁾ *ни орютъ* прибавлено въ Л.

¹⁰⁾ *ни въ житицию събирають* Л.

¹¹⁾ Здѣсь въ основномъ спискѣ недостаетъ одного листа. Пропускъ этотъ отчасти восполняется лаврелимъ спискомъ, откуда взять весь дальнѣйшїй отрывокъ текста, поставленный въ скобви.

¹²⁾ Въ оригиналѣ, вѣроятно, стояло ѿ; ср. подобныя выраженїя въ статьяхъ 13-й и 18-й.

3. А егда приходятъ дѣти къ вамъ на покаяніе, мужи и жены ¹⁾, въпросайте самѣхъ: ноужно бо есть члѣвку, еже самому начяти и молвити своя грѣхы, еже мужемъ, а женамъ то велми тяжко; но вамъ достойно съпрашивати с тихостию, ать онѣмъ легко повѣдывати. А иже кто покается, не можете тяжки заповѣди дати. Самъ бо Господь глаголетъ: „радость бываетъ о единомъ грѣшницѣ кающимся“; ни пакы же отнюдъ на слабость свесті безъ рассууженія, да не мы будемъ повинні грѣхомъ ихъ. Симъ мощно все то оуправити, оли прилежаніемъ, ти почитаніемъ книжнымъ. „Сыну, прилежи почитанію книжному: в тѣхъ животъ нашъ“ ²⁾. А еже мы не почитати начнемъ книгъ, то чимъ есме лутше простъцовъ, аже с ними же начнемъ ясти и пїти, такоже на бесѣдѣ сидѣти?

4. И еще дрознии ликі играютъ, а всего того святїи Апостоли и святїи Отци възбраняютъ нашому сану. Речемъ бо ли ³⁾ тако: „попы есмы, да темъ избоудемъ моуки“. Не мни, яко избоудемъ, но тако болши ны есть моука всѣхъ. Сами бо вѣсте, иже который члѣвкъ ремество ⁴⁾ имий, ти его не дѣлаеть, можетъ ли ся обогатети? Тако и мы есме попове, а пороученыхъ душъ намъ члѣвкъ не правити начнемъ, то можемъ ли обрѣсти богатество цртва небеснаго и тѣхъ довести, о нихже ны есть слово отдати Богу, рекоуще: „се авъ и дѣти, яже ми есть далъ Богъ?“ Да блюдемъ, братіе, себе и онѣхъ, да не на насъ съблюдется ⁵⁾ книжное слово, еже ся глаголетъ: „си пастоуси, вземлюще отъ овецъ млеко и волноу, а о стаде небрегоутъ и повинні соутъ Богови] ⁶⁾... така чѣть попомъ, якаже съдѣ: такоже бы и намъ пакы достойно прїлѣжно печися душами ихъ о спасенїи. Пишетъ бо святїи апостолъ Паоулъ: „прїлѣжащїи поповѣ (sic) соу-губѣи чѣти достойнѣ соутъ“.

5. А еже о причащенїи, тѣ блюдите велми: вѣдѣ бо другихъ поповъ обычай, еже человекъ новопокается ⁷⁾, любо си въ великїй

¹⁾ Въ рукописи: *мужни жены*.

²⁾ Если эти слова—не позднѣйшая вставка, то передъ ними нужно подразумѣвать: „Писано бо есть“ или: „Глаголетъ бо“.

³⁾ Въ рукописи: *или*.

⁴⁾ Въ рукописи: *ремество*.

⁵⁾ Не нужно-ли читать *събоудеться*? Ср. ст. 1, строк. 8.

⁶⁾ Далѣе въ лаврскомъ спискѣ идетъ слѣдующая (5-я) статья, начинаясь словами: „видѣхъ бо дрозныхъ поповъ обычай“. Въ основномъ спискѣ передъ словами: „така честь попомъ“, вѣроятно, стояли слова: „нигдѣже есть“.

⁷⁾ *аже новъ человекъ покается* Л.

постъ, даже и ¹⁾ скончаются м̄ дней, ти дають причащение. А говѣніе есть всѣмъ крѣпяномъ равно, акы покаалникомъ, тако непокаалникомъ, да того дѣля не чтеться ²⁾ въ опитѣмью; нѣ оже новааго покаалника, тѣмъ отъ цркви отлоучити на все говѣніе ³⁾, а на въскресеніе въвести въ црковь, нѣ причащеніа не дайте имъ ⁴⁾, да оли паки нѣ ⁵⁾ опитемью давшѣ по расоуженью, како боудеть достойна ⁶⁾. Да егда скончають и напрочь почнуть кроутитися на добро, тоже дайте причащеніе ⁷⁾. Паки ли ⁸⁾ кто покается, а нѣ за что боудеть опитѣмья дати, а тѣмъ за м̄ дней дайте, любо си томъ же говѣнны ⁹⁾.

6. Аже кто больнъ покается, а боудеть прі смерти, дайте причащеніе, любо си и велми грѣшенъ ¹⁰⁾; даже ¹¹⁾ ся изболить, а тѣгда дайте имъ ¹²⁾ опитемью. Паки ли Богъ пойметъ ѿ, да и то ему досыти ¹³⁾, еже покалялся ¹⁴⁾; а оже еще причащенье въ[да]дите, а то велми добро ¹⁵⁾.

7. А сиротамъ не мозите великой опитемьи давати. Пишетъ бо въ заповѣдѣхъ: „соущимъ подѣ игомъ работнымъ наполю даяти за-

¹⁾ не Л, что едва ли не правильнѣе.

²⁾ не чтоутся теми дни Л.

³⁾ на всяко ювѣнмо Л.

⁴⁾ а причастіа не дати ему Л.

⁵⁾ нолі (см. „да оли паки нѣ“) Л.

⁶⁾ достойно Л. Въ оригиналѣ, вѣроятно, стояло: „кака (опитемья) боудеть достойна“.

⁷⁾ Словъ: Да егда скончають.... дайте причащеніе нѣтъ въ Л.

⁸⁾ Какъ ли Л.

⁹⁾ Изъ этого наставленія видно, что первоначально говѣніе продолжалось у насъ, какъ и въ первенствующей церкви, чрезъ весь великій постъ, и говѣнціе допускались къ причащенію только на пасхальной литургіи. Но кто подвергался епитиміи, хотя бы и въ первый разъ, для тѣхъ четьрдесятница не полагалась въ срокъ епитиміи, которая на Пасху только смягчалась допущеніемъ отлученнаго въ црковь, но не прекращалась, такъ чтобы онъ, вывѣсть съ другими, могъ приступать къ причащенію.

¹⁰⁾ хотя бы велми грѣшонъ Л.

¹¹⁾ аже Л; даже основнаго списка—да аже—а если, если же.

¹²⁾ то тогда дайте емоу Л.

¹³⁾ да то емоу благо Л.

¹⁴⁾ иже ся покаляъ Л.

¹⁵⁾ а причастіе даси я (sic), то велми добро Л. Такое же точно наставленіе дасть, прежде Ильи, Нифонтъ новгородскій Киріаку. Русск. Ист. Библиот., т. VI стр. 40, § 63.

повѣди¹⁾. Да не мовіте отягчати заповѣдїю, отъ вси каются. Иго бо Христово легько есть²⁾.

8. Аже пригодится кому доушегоубство, то възбравяйте³⁾ емоу церквѣнаго вѣхода. Святѣи бо и великѣи Василїи пишеть то въ опитемью, еже не влзати въ црковѣ, ни доры ясти, ни евангелїа цѣловати⁴⁾.

9. А еже о брашнѣ и о питыи, а то по члвку расоудити, какъ⁵⁾ боудеть: оже боудеть крѣпокъ, а болшю заповѣдь дати емоу, да нь токмо грѣха избудеть, нь и вѣнча добоудеть⁶⁾; пакы ли кто боудеть слабъ, а лъжшю заповѣди дайте⁷⁾, отъ въ отчаяніе не впадетъ⁸⁾. Того бо дѣла намъ повелѣно⁹⁾ есть члвчѣскааго мятежа оукланятися, да быхомъ ничтоже¹⁰⁾ безъ расоуженья створили¹¹⁾, да и онѣхъ быхомъ свободили отъ грѣха, и сами быхомъ мяздоу отъ Бога прияли¹²⁾.

¹⁾ Это писано въ покаянномъ номоканонѣ Іоанна Постника, на который не разъ смылаен и предшественникъ Ильи епископъ Нисонтъ въ своихъ отвѣтахъ Кирику (см. цитов. изд. стр. 42, § 71; стр. 45, § 78; стр. 46, § 83; стр. 50, § 95).

²⁾ Если архіепископъ Илья, авторъ настоящаго поученія, есть одно лицо съ священникомъ Ильею, когда-то обращавшимся съ разными вопросами къ своему владыкѣ Нисонту, то теперь, самъ владыка, онъ повторилъ только наставленія, полученныя имъ отъ своего предшественника. Последній на вопросъ Ильи: „аще въ работѣ соуть душегоубца“ (то—подразумывается—какую давать имъ епитимию?) „повелѣ наполю дати, и лъжан: неволни бо, рече, соуть“. Затѣмъ, отвѣчая на вопросъ того же Ильи: „а иже чловѣкъ покытѣся, а боудоутъ оу него грѣси мнови?“—Нисонтъ „не повелѣ тогда же опитемью дати, нь что любо мало, да оги тому боучитѣся; тоже придавати помалоу, а не велии отагчати имоу“ (цит. изд. стр. 58, § 2 и стр. 59, § 10). Все это основано на правилахъ Іоанна Постника.

³⁾ На этомъ обрывается настоящая статья въ лаврекомъ спискѣ; затѣмъ слѣдуютъ въ немъ слова дальнѣйшей статьи: „иже боудеть крѣпокъ, то болши емоу дати заповѣдь“ и пр.

⁴⁾ Судя по характеру епитимїи, здѣсь (равно какъ и въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Нисонта о „душегубцахъ—рабахъ“) рѣчь идетъ о невольномъ убійствѣ. У насъ въ старину случаи такого убійства, конечно, всего чаще повторялись на известномъ „полѣ“ (судебныхъ поединкахъ). Ср. Василїя Великаго прав. 9, 54, 55 и 57.

⁵⁾ Въ оригиналѣ: како. Ср. въ статьѣ 16-й выраженіе: „какъ будеть чловѣкъ“.

⁶⁾ но спасенїю сподобитѣся Л.

⁷⁾ дай лъжшюую заповѣдь Л.

⁸⁾ дати въ отчаяніе впадетъ Л.

⁹⁾ дано намъ и повелѣно Л.

¹⁰⁾ ничтоже изъ Л.

¹¹⁾ створихомъ Л, и—конецъ статья.

¹²⁾ Все наставленія, изложенныя въ этой статьѣ, основаны на покаянномъ номоканонѣ Іоанна Постника.

10. А еже о крещеньи дѣтиньмъ, то держите оу себе оуставъ блаженаго Нифонта ¹⁾, якоже и въ Молитвѣнницѣ ²⁾ кажетъ: въ первый день, егда зовоуть вы къ перьти ³⁾, творите молитву, юже творите надъ [сѣ]соудомъ оскверньшїмся: „Господи Боже нашъ, рекый Петровѣ: въ [сѣ]соудѣ плащаничѣ [нѣ]мъ“, а имени не наричайте тѣгда ⁴⁾. Въ ѿ день принесоуть младенць къ дверьмъ дѣрковнѣмъ, и тоу молитвоу створше, имя нареци, а за ѿ днѣй по рождѣтвѣ крестїти ѿ, а дѣ молитвы по ѿ-ю глаголите ⁵⁾ запрѣщальнѣи ⁶⁾, якоже оуказываеть. Не доуче бо ⁷⁾ съсѣдѣти въ пиру или на оулицѣ ⁸⁾. Аже ли вы ноужно все друогъ крещенїе ⁹⁾, а измѣльвливайте переди днемъ тѣ ¹⁰⁾ дѣ молитвы по ѿ-ю, а коли хрѣтяче, то все по одїноу: тако вы и азъ

¹⁾ Уставъ Нифонта новгородскаго о крещенїи изложенъ въ его отвѣтахъ Кирику. См. отвѣты 10, 40 и 46 въ VI-мъ томѣ Русск. Ист. Библиот.

²⁾ въ *Монашеснїи* Л.—вариантъ, показывающїй, что писцу этого списка уставъ Нифонта извѣстенъ былъ по Коричей, куда входили отвѣты названнаго іерарха Кирика, Савѣ и Ильѣ.

³⁾ *перть*—слово, заимствованное Новгородцами или у Литовцевъ, или у Финновъ: у тѣхъ и другихъ оно означаетъ *баню* (лит. *pirtis*, фин. *pirtti*). См. *Веске*, Славяно-финскїя культурныя отношенїя по даннымъ языка. Казань, 1890, стр. 215; ср. Лексїковъ Миклошича подъ словомъ *напрѣтъ*. Слова поученїа: „егда зовоуть вы къ перьти“, повидимому, указываютъ на существованїе въ Новгородѣ уже въ XII вѣкѣ обычая отводить беременную женщину, для разрѣшенїа отъ бремени, въ баню. Обычай этотъ, какъ сказывалъ намъ студентъ Московскаго университета Г. Н. Куляковскїй, уроженецъ Олонецкой губернїи, до сихъ поръ держится въ тамошнемъ простонародїи, особенно между Корелами, отъ которыхъ оуъ, по всей вѣроятности, и былъ заимствованъ Русскими. У Новгородцевъ въ XII вѣкѣ *перть* могла означать также сосудъ для омовенїа новорожденнаго младенца—корыто. По крайней мѣрѣ молитва, которую, по настоянїю владыки Ильи, должны были читать священники, позванные къ *перьти*, въ нѣкоторыхъ древнихъ Служебникѣхъ имѣеть такое надписанїе: „Молитва храму, въ немже дѣти родятся. Сїа же молитва глаголется надъ *сосудомъ*, что младенца омывають“ (Рук. Моск. Синод. библиот. № 615/358, л. 156 об.).

⁴⁾ Слово: *въ первый день... не наричайте тѣгда* имѣеть въ Л.—Молитва „надъ сѣсоудомъ оскверньшимся“, начинающаяся словами: „Господи Боже нашъ, рекый Петрови: въ сѣсоудѣ плащаничнѣмъ“, стоитъ и у *Гейтлера* въ *Euchologium Glasgolski*, p. 40. Греческїй подлинникъ—у *Гоара* въ *Eucholog.*, p. 319. ед. 1647.

⁵⁾ *молати* Л.

⁶⁾ Въ рукописи: *запрѣщеннѣи*; исправлено по дальнѣйшему чтенїю въ этой же статьѣ. Л: *запрѣщенїю*.

⁷⁾ *вы* Л.

⁸⁾ *кошунати смѣющеса* прибавлено въ Л.

⁹⁾ *священїе* Л.

¹⁰⁾ *темъ ти* Л.

твориль ¹⁾. Паки ли болно боудеть, а по одиною ²⁾. А егда оуже крѣтивше, а тѣгда паки исплнѣте запрѣщальныя молитвы ³⁾. Не можете обливати дѣтѣи ⁴⁾, нѣ погружайте, а съсоудъ чистъ дръжите на то ⁵⁾. А водоу относятъ опять на рѣкоу. А до ѣ днѣи не рѣшите ⁶⁾, а причащенѣе давайте въ тоу ѣ днѣи, колѣ нѣ слоужаче ⁷⁾.

11. А кто дѣтя доить ⁸⁾, мати или корьмилица, отъ ⁹⁾ не ѣдятъ мясъ, ни молока, и до обѣда говѣють ¹⁰⁾, до осмого дни ¹¹⁾.

12. А се ми ся годило вѣдати и слышати оу прьвухъ поповъ, оже рано мывшеса, а на обѣднѣи слоужать: а то вы, братіе, велми грубо, не можете того створѣти. Не рците тако, яко слышали есмѣ (sic) и видѣли есме оу прьвухъ поповъ. Вы самі вѣдаете, оже наша земля недавно хрѣсна, а переднаго вы не лѣга помѣнати ¹²⁾. Сами бо вѣдаете ¹³⁾, оже и святїи Апостоли, егда оучахоу ¹⁴⁾ люди на вѣру, то не тяжкы заповѣди ¹⁵⁾ заповѣдахоу людемъ, нѣ токмо глаголахоу: „хранитеса, братіе, отъ кровояденїа, и отъ мертвьчїны, и отъ давлїины, и отъ блоуда ¹⁶⁾, егоже и вы бороните дѣтемъ своимъ.

¹⁾ се прибавлено въ Л.

²⁾ или болень боудеть, ино по одною Л.

³⁾ а крестивше, тогда исполните запрещенїю молитвъ (sic) Л.

⁴⁾ дѣтѣи нѣтъ въ Л. Обливательное крещенїе запрещается и въ постановленїяхъ владимїрскаго собора 1274 г. См. Русск. Ист. Библиот., т. VI, стр. 94.

⁵⁾ на то нѣтъ въ Л.

⁶⁾ А водоу... не ршїите нѣтъ въ Л.—Ршїить значитъ здѣсь снять съ новокрещеннаго крещальную срачицу и омыть тѣ части его тѣла, которыя помазаны были св. муромъ. Ср. 10-й и 60-й отвѣты Нїеонта Кирику.

⁷⁾ Нїеонтъ далъ на этотъ предметъ такое наставленїе Кирику: „ико подобаетъ причащенїю давати крещеному дѣтати... аще и съсало есть, ико накапци (др. сп. накапци) оустьца, повели дати съсати, такоже и всю осмѣ днѣи А достамло бы, рече, за ѣ днѣи елико днѣи давати причасты“ (отвѣтъ 48).

⁸⁾ креститъ Л.

⁹⁾ а те Л.

¹⁰⁾ и до обѣда говѣють нѣтъ въ Л.

¹¹⁾ Нїеонтъ на вопросъ объ этомъ Кирика отвѣчалъ: „кто кормитъ дѣта, или роднаи мати, или кормилица, да не ѣсть до обѣда... А на обѣдѣ не ѣсти ей маса, ни молока до осмого дни“ (отв. 60). Ср. еще 20 отвѣтъ митрополита Иоанна II.

¹²⁾ Отъ начала статьи досюда въ Л—пропускъ. Нїеонтъ на вопросъ объ этомъ нѣкоего Саввы, „боронаше велми того, рече: вечеръ замытиса, а заутра слоужити“ (отв. 11).

¹³⁾ И сами бо есте Л.

¹⁴⁾ оучатъ Л.

¹⁵⁾ не тяжкою заповѣдъ Л.

¹⁶⁾ Здѣсь конецъ статьи въ Л.

13. А се слышу же, оже прѣже м̄ днѣи хр̄тите дѣти, оугодїа чл̄комъ творяще ¹⁾). То ти двое зло творите: да и Божїй законъ преступаете, и дѣтя нечистоу матеръ съестъ, а оуже хр̄щно. А сами вѣдаете, оже всяка жена преже м̄ днѣи не очищается. Нѣ оже боудеть болно дѣтя, то ноужа и законъ преступаетъ; а оже сдорово, тѣ ²⁾ наша вина ³⁾). А добро творяще ⁴⁾, вѣстягайтеся и отъ того, да не боудемъ въ той винѣ предъ Богомъ ⁵⁾).

14. Нѣ и се вы хошу, братїе, мѣлвѣти, нѣ не зазрите ми: не бо осужая васъ глаголю, нѣ любя вы, якоже вы мене вѣлюбїсте, дабы никтоже васъ не погыблѣ душею; да чи кто васъ, братїе, имѣеть какоу вину душевную, яже отлоучаетъ отъ поповѣства, а Бога дѣля и своего спасенїа, не мовѣте оутанити мене. Азъ бо ялся по се великое дѣло не себе дѣля, нѣ васъ не смѣя ся отрещи. Ныня же чи кака ⁶⁾ кому вина, а не рците тако: „аже останемся поповѣства, а помирати ны боудеть гладомъ“. Не дай Богъ того, оже быти тому на моей братїи. Святая бо София не оубога есть, да мочно ми есть и въ цр̄квь вѣвести, и хлѣба даяти. Мнѣ бо не кому добытка копити, ни женѣ, ни дѣтемъ, ни в-ыноу землю слати; нѣ вы моя братїя, вы же дѣти мои, да не бы что [не]добро было душамъ вашимъ мноу хоудымъ, да бысте не вѣтще тroudїлися, ищуче мене. Да не можете ми поречи что, еже о томъ вѣпрашахъ васъ, ища вашимъ душамъ спасенїа.

15. Нѣкогда ми прїде въ оуши вѣщъ, яже есть отреченїе нерейскоу чиноу; нѣ азъ мноу, яко то лжа есть. Нѣ обаче не аггль есмь, нѣ чл̄къ хоудъ, да ноужа ми есть млѣчати ⁷⁾ о томъ. Не вѣдѣ бо то лжа ли есть, истїна ли, да того дѣля глаголю. Азъ бо быхъ радъ, да бысте вси бес-прирока были, аче и самъ въ грѣсѣхъ живоу. Святый бо Іоанъ Златоустый глаголетъ: „азъ тачехъ епископъ не мноу, иже всѣмъ оугодѣа творять, и акы на покоище на епископскый столъ приходять; нѣ тѣхъ блажю, иже паче своего спасенїа о вашѣмъ спа-

¹⁾ А се слышу: крестите дѣти преже м̄ дни, оугодїе творите челоукомъ Л.

²⁾ Въ рукописи *сдоровать*, то-есть, союзъ *тѣ* или *а тѣ* (ать) слить съ окончанїемъ предыдущаго слова. Л: *а оже здорово, то наша вина*.

³⁾ Ср. 1 и 2 отвѣты м—та Іоанна II и 42-й отвѣтъ Нисонта Кирику.

⁴⁾ *творяще* Л. Такъ, можетъ быть, стояло и въ оригиналѣ.

⁵⁾ Далѣе въ Л пропускъ до словъ 15-й статьи: „Святый бо Іоанъ Златоустъ“ и пр.

⁶⁾ Въ оригиналѣ *како*; исправлено сообразно съ предыдущимъ: „*какоу вину*“.

⁷⁾ Не нужно ли читать: *не млѣчати*?

севи пекутся¹⁾. Тому же слову азъ поревновавъ, понудихся на бесѣдованіе се. И вы бо, братіе, сами вѣсте, оже азъ не свою волю створихъ, нъ вашу. Оже ли кто, дѣветъ, хотя отричался, а вѣтай не хотѣлъ²⁾, а прості и Богъ, яко неправдоу естъ молвилъ; нъ и отъ сего вы възбраниеть въ Манаканунѣ³⁾.

16. Егда жена носить въ оутробѣ, не велите ей кланятися на колѣнхъ⁴⁾, ни роукою до земли, ни въ великій постъ: отъ того бо⁵⁾ вѣрежаются и измѣтають младенца⁶⁾. Даже⁷⁾ мы отъ того не възбранимъ, то ти наша вина⁸⁾; нъ токмо велите съ ѿ на донь, или боле, камъ будетъ человекъ, нъ толико малое поклоненье, а не на колѣнхъ, ни роукою до земли. Нъ повелите милостыню вдати за поклонъ по силѣ, како кто мога; или паки кто оубогъ, тѣ гдѣ вяти?

17. Паки же възборонивайте женамъ, отъ не ходять къ волхвомъ: въ томъ бо много зла бываеть; въ томъ бо и душегоубства бывають разнолична, и иного зла много, егоже не дай Богъ ни единому крѣтянину того створити⁹⁾. Нъ азъ бо есмь длъжьнъ все вамъ въспоминати, а вы правите.

18. А се паки пришелъ естъ великій постъ, въ нъже бы достойно первѣ намъ вѣстягнути[ся] самѣмъ отъ питья отиноудъ, такоже и отъ корьмгѣ по силѣ, да быша и людие такоже створили, на насъ зряще. Нъ всяко сами ся въздержите отъ всего, и дѣтемъ не дайте медуу пити по все говѣнїе, ни сами его пійте такоже. Видите бо

1) За вѣтми въ Л слѣдуетъ 16-я статья.

2) Тутъ, повидному, подразумѣвается дополненіе: отрипатися.

3) Смыслъ этой статьи не совсѣмъ ясенъ. Повидному, рѣчь идетъ о случаяхъ добровольнаго, но не искренняго отреченія отъ поповства („хотя отричался, а вѣтай=въ душѣ не хотѣлъ“) при какихънибудь исключительныхъ обстоятельствахъ.

4) до земли Л.

5) въ томъ (безъ бо) Л.

6) младенци Л.

7) да аще Л (то-есть, даже опять=да аже).

8) то наша вина Л, и затѣмъ конецъ статьи читается такъ: „но токмо боленъ боудеть человекъ, а кланятися до пояса не тоуне ей, да повелите ей милостыню вдати за то по силе, какъ то мога, а то хвалитъ Бога“. Далѣе въ Л слѣдуетъ отрывокъ изъ 18-й статьи, начинающійся словами: „а отъ женъ не отлоучайте изъ по нужи“ и пр.

9) Неофонтъ на вопросъ Ильи: „А еже дѣтїи дѣла жены творять что любо, а еже възболать, или къ възхвамъ несоуть, а не къ попови на молитву“? — отвѣчалъ: „То ѣ недѣль, или ꙗ (спитимѣи), оже боудоуть молодїи“ (отв. 18).

обычай въ градѣ семь, оже насилливо пьютъ; даже ¹⁾ любо си и нынѣ не возборонимъ имъ, то како говѣнїе оуправять? ²⁾ А вы сами вѣдаете, оже сїй постъ крѣпяномъ всѣмъ оуправленъ есть десятина отъ всего лѣта. А и самъ бо Христосъ постися, образъ намъ дая; даже оуже любо и нынѣ не попечалуемъ о грѣсѣхъ своихъ, тѣ како и наричаемъ крѣпяны? Нѣ и се слышу, оже другыя попы по чиствѣи недѣли дають въ вторникъ и чергокъ двожды днемъ ясти и великымъ людемъ, а того нѣту въ уставѣ; нѣ аче кто хочеть и рыбы ѣсти въ та два дни, нѣ обаче одіною днемъ: тѣкмо въ соуботу и въ недѣлю двожды днемъ ясти повелѣно ³⁾. А то есть повелѣно старымъ и немощнымъ, и сиротамъ, и молодымъ дѣтемъ, иже то и еще не могоуть говѣти; аже съвршенимъ и свободнымъ, а тѣмъ не дайте двоици днемъ ясти, развѣ въ соуботу и въ недѣлю. А отъ женъ не отлоучайте по нуже, оже сами не изволятъ по сѣвѣтоу подроужныхъ своихъ. А намъ повелѣно есть тако, оже чиствѣи недѣли и страстнѣи и въскреснѣи до конча ⁴⁾, тѣ тѣхъ три недѣль възбраняйте ⁵⁾. А се слышалъ же есмь, оже друзнии попы глаголють дѣтемъ своимъ: „оли все говенъе не лежите съ женами, тѣже дадимъ причастіе“, тѣ того нѣтоуть. А вы, попове боудуче, оже възсхоцете слоужити коли, тѣ чи на много днѣи отлоучаете отъ пападїи своихъ? И оли то попомъ боудя, аже нѣ простычи, то любо си боудоуть и въ говѣннѣи не оублюдися ⁶⁾ отъ женъ, дайте причащеніе ⁷⁾: въ своей бо женѣ нѣтоуть грѣха; но оже боудоуть достойни и исправлени ⁸⁾, тоже дайте причащеніе имъ ⁹⁾. Слышите святаго апостола Паула глаголюща: „аще кто причащается тѣла и кровѣ Христовѣ, недостойнѣи сѣи, тѣ грѣхъ собѣ прїемлетъ“ ¹⁰⁾. Блюдитесь, братіе, того,

¹⁾ *даже опять*—да аже.

²⁾ О пѣнствѣ въ великїи постъ у Новгородцевъ говорить въ владимїрскїи соборъ 1274 года. См. Русск. Ист. Вибліот., т. VI, стр. 97, § 5.

³⁾ Ср. поученіе митрополита Фотїа о важности снященнаго сана и обязанности священнослужителей (ок. 1431 г.). Здѣсь также дозволяется по субботамъ и воскресеньямъ великаго поста ѣсть рыбу. Русск. Ист. Вибліот., т. VI, стр. 516.

⁴⁾ *еже члтии дни страстннн и възкресенн до конца* Л.

⁵⁾ *то тѣх бо три недѣль възбраняетъ* Л. Дальнѣйшее до словъ: „любо си боудоуть и въ говѣннѣи“—пропущено.

⁶⁾ *сблудисн* (безъ не) Л.

⁷⁾ *и даетъ причащенн* Л.

⁸⁾ *достойно исправлн* Л.

⁹⁾ *то даватн имъ* Л.

¹⁰⁾ *до* (sic) *грѣхъ собѣ прїемлетъ* Л.

и еже даяти безъ исправленія ¹⁾, да не мы боудемъ повѣннѣ въ томъ. Аже холостымъ, то не дайте отиноудъ иже блондъ творять; оли нъ ²⁾ при смерти, тѣже дайте ³⁾.

19. Аже кто покается оу васъ, ти боудеть не вѣнчался съ женою, нъ любо боудеть въ вечерѣ привелъ, или оумчалъ, или положи дѣвку женѣ, любо сблялъся, то не можете того тако оставити, нъ испытавшѣ добрѣ, оже хочеть ю водити женѣ, въведше въ цркъвь, вѣнчайте же, аче и съ дѣтми. Нъ преже глаголите молитву на обрученіе дѣвицѣ: „Господи Боже нашъ, обручиный себѣ язичную цркъвь дѣвою пречистую“, и потомъ глаголи молитвы вѣнча[н]ию до конца. А потомъ вдати опитемью за то, занеже не по закону Божию съчетался ⁴⁾.

20. Аже вы позовоутъ въ святый день къ боли ⁵⁾, или дѣтяти крестить ⁶⁾, тѣ любо си и слоужбою оставите ⁷⁾, нѣтоутъ вы въ томъ грѣха, нежели оумреть чѣвкъ бесъ покаянія, или дѣтя не хрещено: то велии тяжко есть; подобно бо то ⁸⁾ душегоубствоу, оже нашимъ [небреженіемъ] ⁹⁾ тако ¹⁰⁾ оумреть.

21. Бороните же людемъ крѣтнаго цѣлованія: вы бо сами вѣдаете, оже в нашемъ градѣ мнози гибять въ томъ ¹¹⁾.

22. Наипаче же всего понужайте на милостыню. Самъ бо Господь въ евангеліи глаголетъ: „блажени милостивии, яко ті помидо-

¹⁾ *Блюдитесь сего, братие, не давати безъ исправы Л.*

²⁾ *оли Л.*

³⁾ Изложенныя въ этой статьѣ наставленія насательно супружескихъ отношеній въ продолженіе великаго поста во многомъ оказываются почти буквально сходными съ отвѣтами, данными епископомъ Нисеонтомъ Кирику (ср. отв. 57, 72 и 77) и въ особенности—Ильѣ, по всей вѣроятности, автору настоящаго поученія, когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ Новгородѣ (см. отв. 21-й, гдѣ стоятъ слова, повторенныя теперь архіепископомъ Ильею: „во своѣй бо женѣ нѣтоутъ грѣха“). Последнее наставленіе—о причащеніи холостымъ—довольно близко подходитъ къ отвѣтамъ, даннымъ Кирику Климомъ (вѣроятно, митрополитомъ Климентомъ Смолячичемъ) и Нисеонтомъ (см. отв. 30; ср. 67 и 68).

⁴⁾ Статьи этой нѣтъ въ Л. Замѣчанія объ ней см. въ предисловіи къ настоящему изданію.

⁵⁾ *въ святъ день къ боли Л.*

⁶⁾ *крестити Л.*

⁷⁾ *то и слоужбою оставите Л.*

⁸⁾ *подобно есть Л.*

⁹⁾ *небреженіемъ въ Л.*

¹⁰⁾ *такъ нѣтъ въ Л.*

¹¹⁾ *Этой статьи нѣтъ въ Л.*

вани боудоуть“. И пакы пророкъ глаголетъ: „блаженъ разумѣвая на нища и оубога, въ день лють избавить ѿ Господь“. И блаженный митрополитъ оучашеть мя: „Чадо, прилѣжи милостини; зри Хса ¹⁾ оу нищаго въ рoubѣхъ сѣдяща и к тобѣ руку простирающа“. Вы сами вѣсте, оже слабость ны постиже, даже и еще ктому милостини не боудеть ²⁾! А отъ неправеднаго събраніа велми възбраняеть ³⁾, занеже не требѣ есть ничемоуже неправедный добытокъ. Аще бо и хочеть отъ него милостиню створіти ⁴⁾, а ни во чтоже вмѣняется предъ Богомъ. Святыи бо Филареть Милостивый пишеть: „аще кто отъ неправеднаго богатства ⁵⁾ даетъ милостиню, то подобенъ ⁶⁾ есть семоу, якоже бы ⁷⁾ отецъ зрѣлъ сына своего зарѣзаема предъ собою, тѣ колыма есть емоу зло ⁸⁾: такоже и Богоу на неправедную мѣлостиню зрѣти зло“ ⁹⁾. Оже ¹⁰⁾ творять ся милостиню творяще, а зъданья роукою Божію ¹¹⁾ обидяще, да велми того бороните ¹²⁾. Отъ праваго бо ¹³⁾ имѣнія, аще и мало что створять ¹⁴⁾ милостиню, то велико вмѣняется ¹⁵⁾ предъ Богомъ, якоже и она вдовица, двѣ мѣдницѣ ¹⁶⁾ въвергыши въ тѣмницю, боле всѣхъ ¹⁷⁾ вмѣтавшихъ похвалена бысть отъ Бога.

23. А и се же вѣдѣ, оже друзѣи попове въ олтарѣ за святою тряпезою ставляете кануонъ и хръстите ту, и пиете въ олтарѣ, ли зау покойное борошно вношиваете, а и еще скоромно. А и въ сѣ олтарь, идеже просфурьмисанье есть, никакого кануона вносите, аже

¹⁾ Такое начертаніе нужно читать *Христоса*.

²⁾ Слова: *И блаженный митрополитъ... милостини не боудеть* опущены въ Л.

³⁾ *възбраняйте* Л.

⁴⁾ *творити* Л.

⁵⁾ *добытка* Л.

⁶⁾ *подобно* Л (безъ *то* вперед).

⁷⁾ *бы нѣтъ* въ Л.

⁸⁾ *зло емоу* Л.

⁹⁾ *есть прибав.* Л.

¹⁰⁾ *уже* Л.

¹¹⁾ *рукою Божіею* Л.

¹²⁾ *браните* Л.

¹³⁾ *а отъ праведнаго* Л.

¹⁴⁾ *зотя мало сътворять* Л.

¹⁵⁾ *мнитъся* Л.

¹⁶⁾ *цать* Л.

¹⁷⁾ *много прибав.* Л.

нѣ въ великій ¹⁾: третій бо олтаре на то оучиненъ естъ ²⁾. Ни подъ святою трапезою ставляйте чего: велми бо то грубо естъ, да отъ того боле възборонитесе.

24. А о црковномъ стояннѣ сѣаритесе на люди, отъ мълчать, наипаче же на женѣ: отиноудъ бо не вѣдаем ся ³⁾, почто ходяче ⁴⁾.

25. А покаяльна дѣти часто призывайте къ собѣ и въспрашивайте, како живоуть: друзїи бо соромяжлївы бывають ⁵⁾, а другымъ діаволь запрѣщаетъ, а того лова, негли быша неисправлени оумьрли ⁶⁾.

26. И о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про безаконный бой вы, попове, оуимайте дѣтїи своихъ; или кого оубьютъ, а вы надъ ними въ ризахъ не пойте, ни просфоуры прїимайте ⁷⁾. И сами бо вѣдаете, оже всего естъ лоуче, оже имѣть чѣвкъ житїе свое чисто, въ покаяннѣ: тѣ бо естъ бѣсоу злодѣй, а Господоу рабъ ⁸⁾.

27. А дѣтї тако ⁹⁾ оучите, отъ чьстятъ родитѣль своихъ ¹⁰⁾. Самого Господа ¹¹⁾ заповѣдъ, иже рече оуноши: „Чтї отца и матеръ“.

28. А отъ гнѣводръжанья сѣарите и ¹²⁾ велми. Глаголетъ бо пи-

¹⁾ Такое же запрещеніе находится: 1) въ постановленїяхъ владимірскаго собора 1274 г. (Р. И. Б., т. VI, стр. 99); 2) въ древнемъ святительскомъ поученїи новопоставленному священнику (тамъ-же, стр. 105) и 3) въ выпискѣ изъ Молитвенника митрополита Капрїана, помѣщенной въ концѣ русскаго индекса „отреченныхъ“ книгъ (стр. 794—795).

²⁾ „Третій олтаре“ естъ, конечно, та часть олтаря, которая у Грековъ называется *диаконикомъ*, а у насъ — *ризницею* (съ правой стороны отъ главнаго или „великаго“ олтаря). Та же часть олтарнаго пространства, гдѣ совершается проскомїдія, въ Новгородѣ носила, кажется, отличительное названїе „малаго“ олтаря. Такъ по крайней мѣрѣ называется ее тотъ же архїепископъ Илья въ своемъ постановленїи, изданномъ вмѣстѣ съ бѣлозерскимъ епископомъ. Р. И. Б., т. VI, стр. 76.

³⁾ *ся* мы принимаемъ за сокращенное или испорченное *сим* (вин. пад. множ. ч. женск.).

⁴⁾ Статей 23-й и 24-й нѣтъ въ Л.

⁵⁾ *срамляющесе* Л.

⁶⁾ *а того дѣля, ии бы не исправившесе померли* Л.

⁷⁾ Досюда нѣтъ этой статьи въ Л.

⁸⁾ Въ Л мѣсто это читается такъ: *а сами бо вѣсте, оже всею лоутѣе естъ, что члкъ чисто покаяннѣ имѣте; а бѣсоу то естъ злѣе всего“.*

⁹⁾ *так* нѣтъ въ Л.

¹⁰⁾ *родителя своя* Л.

¹¹⁾ *Бога* Л.

¹²⁾ *и* нѣтъ въ Л.

санье: „гнѣвливъ моужь правды Божиа не съвѣдаетъ“ ¹⁾). Агглі бо никогдаже не имѣють ни гнѣва, ни свара: бесплотни бо соуть. И мы есмы члѣци, да много ся въ насъ ²⁾ издѣваетъ всего зла; нъ Богъ положилъ покаяніе и прощеніе по своей милости. А бѣси намы никогдаже не имѣють мира ³⁾, нъ всегда въ своемъ злѣ соуть. То ти мы есмы члѣци, ть ⁴⁾ аггліки не можемъ жити, абы намъ члѣцки, еже которовавшеса ⁵⁾, а намы прощенье взяти; а бесовьскы не дай Богъ жити ниединомуу хртѣаніноу, оже ⁶⁾ бес прощенія жити: тако бо и наречеться ⁷⁾ сердить члѣк хранина есть діаволу. Да достойно бы отъ того възбраняти ⁸⁾ вельми.

29. А отъ гордости такоже претите ⁹⁾. Вы бо ¹⁰⁾ сами вѣсте, якоже ¹¹⁾ гърдость въ агглі бѣ ¹²⁾, и отлученъ бѣ чину своего ¹³⁾. На кротость понуживайте ¹⁴⁾. Самъ бо Господь глаголетъ: „блажени кротци, яко ти наслѣдятъ землю“. Оучите же и на се дѣти, еже не осужати никогоже о грѣсѣ ¹⁵⁾. Глаголетъ бо святое евангеліе ¹⁶⁾: „не осужайте, да не осужени боудете“ ¹⁷⁾.

30. Да и о семь вы ся, братіе, молю: не мозите на мя пожалити, чи кого ся годило коли озлобіти словомъ. Вы бо сами вѣсте, оже я ¹⁸⁾ переди имѣлъ васъ акы братію и отци, и надѣюся на Бога, яко и нынѣ такоже имѣю. Нъ оже ся съключитъ кака любо вѣщъ неключо-

¹⁾ не състь Л.

²⁾ на насъ Л.

³⁾ милости, ни мира Л.

⁴⁾ но Л.

⁵⁾ аже прѣшеса Л.

⁶⁾ оже нѣтъ въ Л.

⁷⁾ Въ основномъ спискѣ: наречеть; исправлено по Л.

⁸⁾ възбранивати Л.

⁹⁾ претитъ вы Л.

¹⁰⁾ ибо Л (вмѣсто Вы бо).

¹¹⁾ яко Л.

¹²⁾ бѣтъ оучини Л.

¹³⁾ и оумрачи я (вмѣсто и отлученъ бѣ чину своего).

¹⁴⁾ понужайте Л.

¹⁵⁾ о грѣсѣхъ Л.

¹⁶⁾ святой Іванъ въ евангеліи Л.

¹⁷⁾ Слѣдуютъ заключительныя слова: *Богоу нашему слава нынѣ и присно и въ стѣки столѣтъ, аминь.*

¹⁸⁾ Мѣстоименіе 1-го лица въ русской формѣ я и язъ встрѣчается уже въ Метиславовой новгородской грамотѣ 1128—1132 гг. См. Историческую Христоматію церковно-славянскаго и древне-русскаго языка *Буслаева*, 1861, стр. 345—348.

чима, да мнѣ отъ того будетъ възборонити, и вамъ не послушати, аky „на[мъ] свой“ рекше: тѣ то есть, братіе, грубо, а в томъ родиться кака ¹⁾ любо душевная вина. Язъ надѣюся на Бога и на святоую Софію, яко не имѣю той мысли, оже бы что на васъ замысливше, абы оу кого что взяти: тѣ того ми не дай Богъ; но токмо блюду души своей и вашей, абы что не по чиноу ся створило въ васъ.

31. А простіте мя, братіе, еже любо си мало слово изрекохъ отъ хоудооумья моего, а вамъ бо се добрѣ вѣдущимъ. Но вы самі вѣдаете, оже язъ не который книжникъ. Аже что боудоу нестройно изреклъ, и не зазрите ми, зане нищъ есмь моужь, невѣжа, и не оумѣю, по что [ся] имоу ²⁾. Да и еще вы быхъ мѣлвилъ, нѣ да луче ³⁾ есть малое се исправить, а не многаго въ забытѣи положити, и да имѣвъ (sic) святоую вашу молитвоу ⁴⁾. Аминь.

А. Павловъ.

---

¹⁾ Въ рукописи како; исправлено по предыдущему примѣру въ этой же самой статьѣ („вака любо вѣщъ“).

²⁾ Ср. въ статьѣ 14-й выраженіе: „Азъ бо ялся по се великое дѣло“.

³⁾ Въ рукописи: *не далеце*.

⁴⁾ Можетъ быть, въ оригиналѣ стояло: „и да имѣте мя въ святоую вашу молитвоу“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Приказное хозяйство 1682—1709 гг.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Состояніе государственнаго хозяйства къ началу Сѣверной войны (1682—1701 гг.) ²⁾.

§ 8. Учрежденіе государственнаго контроля (Ближняя Канцелярія).—§ 9. Учрежденіе Ратуши, какъ дальнѣйшее развитіе реформы 1681 г. — § 10. Послѣдствія учрежденія Ратуши въ сферѣ *областныхъ* приказовъ: 1) Приказы уничтожившіеся. 2) Приказы, потерявшіе доходъ. 3) Приказы, сохранившіе часть дохода.—§ 11. Измѣненія, вызванныя новой дѣятельностью Петра. 1) Новые расходы, распределенные между старыми учрежденіями. 2) Новыя учрежденія и новыя источники доходовъ. — § 12. Приказы, оставшіеся безъ переимѣнъ. — § 13. Бюджетъ 1701 года.

Мы закончили предыдущую главу реформой 1681 года. Двадцать лѣтъ, отдѣляющія эту реформу отъ начала Сѣверной войны, произвели въ состояніи государственнаго хозяйства новыя и весьма зна-

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ Эта и слѣдующая главы составлены, главнымъ образомъ, на основаніи документовъ Ближней Канцеляріи. Единственнымъ печатнымъ указаніемъ на эти документы оставалось до сихъ поръ сообщеніе *Пекарскаго* въ *Энциклопедич. Словарѣ*, составл. русск. учеными и литераторами, т. V (С.-Пб. 1862), въ статьѣ: „Архивы въ Россіи“. Перечисляя составъ документовъ С.-Пб. Государственнаго архива мин. иностр. дѣлъ, *Пекарскій* замѣтилъ: „сюда же (то-есть, къ дѣламъ

чительныя перемѣны; но намъ нѣтъ надобности излагать хронологически исторію всѣхъ событій въ государственномъ хозяйствѣ за это двадцатилѣтіе. Такихъ событій было и очень немного за первыя четырнадцать лѣтъ этого промежутка. Правительство Софьи, одуше-

Тайнаго приказа, переданнымъ въ Государственный архивъ изъ архива при Петербургскихъ департаментахъ правит. Сената), присоединены приходо-расходныя книги, веденныя въ Ближней Канцеляріи и разныхъ уничтоженныхъ потомъ приказахъ, о денежной казнѣ и разныхъ вещахъ съ 1701 и 1714 г. (стр. 539—40). Не знаемъ, были ли уже переданы эти документы въ архивъ въ 1840-хъ годахъ, когда изучалъ въ немъ документы Петровскаго времени *Устряловъ*; во всякомъ случаѣ, въ его „Исторіи царствованія Петра Великаго“ нѣтъ никакихъ слѣдовъ знакомства съ этими документами. Не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи и другой историкъ, занимавшійся въ Государственномъ архивѣ эпохой Петра, — *С. М. Соловьевъ*: это видно, напримѣръ, изъ его утвержденія, что первая государственная роспись прихода и расхода составлена въ 1710 г. (XVI, 44). О сообщеніи Пекарскаго въ самое послѣднее время напомнилъ авторъ статьи о Ближней Канцеляріи въ Опис. докум. и бумагъ Моск. арх. мнв. юстиціи, ч. V, стр. 59 (или стр. 17 отдѣльнаго изданія), *Н. Я. Токаревъ*, которому и мы лично обязаны указаніемъ на статью Энциклоп. Словаря. Получивъ по этому указанію доступъ къ соответствующимъ документамъ Государственнаго архива, мы имѣли возможность убѣдиться, что въ ней, дѣйствительно, хранится то, что осталось отъ дѣлопроизводства Ближней Канцеляріи. Правда, документы Ближней Канцеляріи сохраняются въ архивѣ не подъ именемъ этого учрежденія; послѣ статьи Пекарскаго въ Государственномъ архивѣ произведена была разборка дѣлъ при директорѣ Злобинѣ, и при этой разборкѣ дѣла распределены были не по учрежденіямъ, къ которымъ относились, а по своему содержанію, на отдѣлы. При такомъ распределеніи трудно было избѣжать произвола и сохранить естественную связь дѣлъ: теперь случается находить разныя части одного и того же документа разнесенными по разнымъ отдѣламъ. И цѣлость дѣлопроизводства Ближней Канцеляріи была разрушена реформой Злобина. Значительная часть дѣлъ Ближней Канцеляріи пошла въ XIX-й отдѣлъ, преимущественно въ 1-ю часть этого отдѣла, состоящую въ свою очередь изъ 22-хъ частей. Здѣсь-то собраны и тѣ *сводныя* вѣдомости прихода и расхода, составленія которыхъ было главной обязанностью Ближней Канцеляріи въ 1701—1709 г. За 1709—1710 г. и самыя вѣдомости *отдѣльными* призывовъ, подававшіяся въ Ближнюю Канцелярію для составленія сводной вѣдомости, сохранились въ значительномъ количествѣ въ ея бумагахъ, вѣроятно потому, что сводныя вѣдомости этихъ годовъ не были составлены своевременно. Сохранились также и вѣдомости *нѣкоторыхъ губерній* за 1710 — 1712 годы. Большая часть тѣхъ и другихъ вѣдомостей разбросаны теперь по различнымъ отдѣламъ Государственнаго архива, и только благодаря обязательному содѣйствію дѣлопроизводителя архива, Н. А. Гиббенета, намъ удалось возстановить общій составъ дѣлъ, нѣкогда принадлежавшихъ архиву Ближней Канцеляріи. (Подробнѣе см. объ этомъ прилож. II: „описание бумагъ Ближней Канцеляріи въ Государственномъ архивѣ“). Уважаемый Н. А. Гиббень въ на-

вленное самыми благими намерениями, не имѣло времени заняться ихъ осуществленіемъ: отвлеченное партійной борьбой, оно не сумѣло съ достаточной энергіей воспользоваться даже тѣмъ блестящимъ успѣхомъ, который выпалъ на его долю, благодаря обстоятельствамъ времени, въ сферѣ внѣшней политики. Правительство, его замѣнившее, было еще менѣе склонно къ какой-бы то ни было энергической дѣятельности и, такимъ образомъ, еще менѣе могло улучшать или испортить извѣстное намъ состояніе государственнаго хозяйства. Среди этого затишья выросъ Петръ, какъ извѣстно, не думая ни о какихъ внутреннихъ реформахъ, ни о какой внѣшней политикѣ, погруженный исключительно въ свои сухопутныя и рѣчныя забавы. Извѣстно также, какъ постепенно, незамѣтно для самого Петра, расширялся кругъ его забавъ; какъ, расширяя постепенно сферу своего кораблестроенія, онъ увидѣлъ, наконецъ, въ Архангельскѣ настоящій флотъ, и какъ, расширяя свои сухопутныя маневры, познакомился подъ Азовомъ съ настоящей войной. За годъ до этого онъ еще самъ не зналъ, гдѣ бы испробовать будущій свой флотъ: на Каспійскомъ ли, или на Балтійскомъ морѣ; но онъ уже зналъ, что Лефортъ будетъ адмираломъ этого флота, что адмиральскій корабль будетъ называться „Слономъ“ и будетъ весь вызолоченъ; на кораблѣ будутъ хорошіе голландскіе матросы, а самъ Петръ будетъ на немъ капитаномъ¹⁾. Но флагу съ „слономъ“ (гербъ Лефорта) суждено было развѣваться не на Балтійскомъ и не на Каспійскомъ, а на Азовскомъ морѣ; къ войнѣ привели сами собой текущіе дипломатическіе переговоры, а Петръ только ухватился за ихъ результатъ. Извѣстна изъ писемъ Петра того времени его нѣсколько наивная гордость, что,

---

стоящее время, по смерти Злобина и Пекарскаго, остается единственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ Злобинской реформы: было бы въ высшей степени полезно для русской исторической науки, еслибы онъ нашелъ возможнымъ подѣлиться съ ученой публикой своими обильными свѣдѣніями объ исторіи Архива и о его богатствахъ, до сихъ поръ такъ мало извѣстныхъ, хотя въ большинствѣ давно уже переставшихъ имѣть значеніе какой-либо государственной тайны и сохранившихъ только интересъ историческій.

Въ основу настоящей главы положены слѣдующіе документы XIX отд. № 1: 1) Книга окладнаго расхода 1701 г. по всѣмъ приказамъ (ч. 1); 2) Книга неокладнаго расхода по всѣмъ приказамъ 1701 г. (ч. 2, кн. № 44); 3) Книга окладнаго и неокладнаго дохода 1701 г. по всѣмъ приказамъ (ч. 2, кн. № 21); 4) Дѣйствительное поступленіе окладныхъ и неокладныхъ доходовъ въ 1701 г. (ч. 3, кн. № 54). На эти документы ссылокъ не дѣлается.

¹⁾ *Posselt*, Lefort. Frankf. a. M. 1866, II, 313—315.

наконецъ, его работы пригодились для настоящаго дѣла ¹⁾); извѣстно также изъ дневника Гордона, какъ мало походилъ на настоящее дѣло первый Азовскій походъ. Въ всякомъ случаѣ его неудача была первымъ серьезнымъ урокомъ для Петра и вызвала первая серьезныя усилія для продолженія борьбы съ его стороны. Положимъ, успѣхъ втораго похода мало зависѣлъ именно отъ этихъ усилій: иностранныя инженерныя поспѣли къ самой развязкѣ, а новый флотъ былъ такого рода, что пришлось убрать его подальше отъ неприятельскихъ выстрѣловъ; Азовъ сдался самъ „на договоръ, а не военнымъ промысломъ“, какъ дразнили въ Польшѣ русскаго резидента. Послѣдовала поѣздка за-границу, за настоящей наукой, которая, впрочемъ, казалась такому наблюдателю, какъ еп. Бернегъ, болѣе подходящей для плотника, чѣмъ для государя. Посольство, отправленное для составленія коалиціи противъ невѣрныхъ, кончилось тайнымъ соглашеніемъ Петра съ польскимъ королемъ относительно войны съ Швеціей, и изъ этой войны въ самомъ ея началѣ Петру суждено было вынести впечатлѣніе, противоположное тому, которое онъ получилъ отъ перваго Азовскаго похода. Если тогда, отправляясь послѣ Кожуховскихъ „шутокъ“, „играть подъ Азовъ“, онъ былъ польщенъ тѣмъ, что изъ игры вышло „дѣло“, то теперь, начавъ войну самымъ серьезнымъ образомъ, послѣ нарвскаго пораженія онъ призвался откровенно передъ потомствомъ, что „все то было дѣло, яко младенческое игравіе было“. Результатъ этого втораго урока переданъ также самимъ Петромъ: „тогда неволя лѣность отогнала и ко трудолюбію и искусству день и ночь принудила“. Толчокъ былъ данъ; „неволя принудила“ развить то „искусство во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ“, въ которомъ самъ Петръ видитъ благодѣтельное послѣдствіе нарвской неудачи ²⁾). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ двадцатилѣтія, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло въ этой главѣ, только послѣднія шесть лѣтъ носятъ типичный характеръ Петровской эпохи; къ этимъ шести годамъ относятся и всѣ значительныя измѣненія въ состояніи государственнаго хозяйства. Подчиняясь наличному матеріалу, мы избираемъ однако же не 1695—1596 годы, а 1701-й годъ исходнымъ пунктомъ для описанія новаго состоянія государственнаго хозяйства. По той же причинѣ изложеніе этой главы будетъ не хроноло-

¹⁾ Письма и бумага имп. Петра В. I. С.-Пб. 1887, стр. 28—29.

²⁾ Журналъ Петра В. С.-Пб. 1770, I, 26.

гическое, а систематическое, по приказамъ; при этомъ, однако, мы сгруппируемъ приказы не столько по степени ихъ значенія для государственнаго хозяйства, сколько по степени ихъ характеристичности въ отношеніи перемѣнъ, происшедшихъ въ состояніи государственнаго хозяйства въ истекшее двадцатилѣтіе.

§ 8. Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ приказной системы хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько на томъ учрежденіи, дѣятельность котораго дала намъ матеріалы для этой характеристики, именно—на Ближней Канцеляріи. Появленіе этого учрежденія, съ котораго начинается непрерывная исторія государственнаго контроля въ Россіи ¹⁾, есть одинъ изъ первыхъ признаковъ того новаго „искусства въ дѣлахъ политическихъ“, развитіе которае „принудила неволя“ послѣ нарвскаго пораженія. Въ то же время, какъ на Воронежѣ продолжалось сооруженіе новаго флота и во всей Россіи набиралась новая армія, Петръ на свиданіи съ польскимъ королемъ въ Биржахъ заключилъ новый договоръ, по одной изъ статей котораго польскій вспомогательный корпусъ долженъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ получать субсидію въ 200 тысячъ ефимковъ (или 100 тысячъ рублей). Приѣхавъ въ Москву послѣ Бирженскаго свиданія (8-го марта 1701 г.), Петръ принимается искать денегъ по приказамъ. Съ какимъ трудомъ удалось сколотить необходимую сумму для передачи генералъ-адъютанту польскаго короля, видно изъ списка отдѣльныхъ составныхъ частей этой суммы: рядомъ съ крупными перехватами у Большой Казны и Ратуши, мы находимъ здѣсь заимствованія у властей Троицкаго монастыря, у гостя Филатьева, — и даже у поручика Меншикова 420 золотыхъ ²⁾. На другой день послѣ

¹⁾ Предшественника Ближней Канцеляріи можно видѣть въ „Счетномъ приказѣ“, возникшемъ также по случаю войны (1654 г.). Главной обязанностію послѣдняго было контролировать спеціально раздачу полковаго жалованья („взять я, холопъ твой, въ приказъ счетнаго дѣла для отчету твоей, вел. гос., денежной казны раздачу рейтарскаго строя“); сообразно этому назначенію, въ счетный приказъ посылала приходо-расходныя книги 1655 — 1663 г. изъ Смоленска. Иногда онъ получалъ, однако, и другія порученія по контролю: напримѣръ, обревизовать Большую Казну за 50 лѣтъ. Судя по составу служащихъ, Счетный приказъ былъ особенно дѣятеленъ въ первое время по учрежденію; въ 1659 г. изъ 16 подъячихъ въ немъ оставался уже только одинъ. Содержался его штатъ изъ поступавшихъ въ него начетныхъ денегъ (100—200 руб.). Послѣднія извѣстныя мнѣ упоминанія о немъ относятся къ 1666 г. См. Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, Прик. дѣла ст. лѣтъ, 1659, № 88; 1663, № 224; 1666, № 256, № 54.

²⁾ Устряловъ, IV, 2, стр. 187—188.

того, какъ составившаяся такимъ образомъ сумма 150.000 руб. была передана по назначенію, состоялся указъ 14-го марта: „чтобы ему, великому государю, о тѣхъ дѣлахъ извѣстно было всегда“, всѣ приказы обязываются ежемѣсячно и ежегодно доставлять отчеты о движеніи суммъ въ учрежденіе, названіе котораго впервые становится извѣстно изъ этого указа,—въ Ближнюю Канцелярію¹⁾. Какъ уже указалъ В. О. Ключевскій²⁾, подѣ Ближней Канцеляріей слѣдуетъ разумѣть не съѣзды бояръ въ консилію, не Ближнюю Думу (Cabinet-counsell Гордона)³⁾, собиравшуюся часто въ помѣщеніи Ближней

¹⁾ Указъ 14-го марта 1701 г., требовавшій также статистическихъ свѣдѣній о количествѣ арміи, ея содержаніи, о количествѣ военныхъ запасовъ и состояніи городскихъ укрѣпленій, см. у *Есипова*, Сборникъ выписокъ, II, 177—9; у *Елачина*, Исторія русскаго флота, прилож. 7. II, стр. 383—5; Арх. Юст. Прик. д. 1700, 28-го марта; по Новгороду, кн. № 153, л. 66 и слѣд.; онъ постоянно цитируется и въ составленныхъ къ нему вѣдомостяхъ, значительное количество которыхъ хранится (кромя С.-Пб. Государственнаго) также и въ Московскихъ архивахъ. Печатаемыя указанія на эти вѣдомости см. у *Викторова*, Описаніе записк. книгъ и бумагъ Дворцовыхъ приказовъ. Т. I: по Казенному приказу, стр. 46, 61 и II т. 613—614; по Мастерской палатѣ, стр. 225, 259, 286—291. Т. II: по Оружейной палатѣ, стр. 391—393, 465—474, 480—486; по Конюшенному приказу, стр. 493—495; по Золотой палатѣ, стр. 521; по приказу Бол. дворца, стр. 547—550, 551—554. У *Бранденбурга*: Приказъ артиллерія, стр. 254—282 и passim. У *Елачина*, Ист. русск. флота. Прил. 7. II, стр. 385—407: вѣдомости Адмиралтейскаго приказа 1701—1709 г. (по докум. Государств. архива). По Земскому приказу вѣдомость 1701 г. напечатана въ *Московск. Губ. Вѣдом.* 1856, № 1, см. цитату и выборку изъ вѣдомости въ ст. *И. Е. Забѣлина*: „Древности Москвы“ въ *Вѣстн. Европы* 1867 г., т. II, отд. II, стр. 2—5. Вѣдомости 1701 г. по приказамъ Бол. Дворца, Разрядному, Казанскаго Дворца и Бол. Казны напечатаны у *Есипова*. Сб. вып., II, 177—306.

²⁾ Боярск. Дума, 2-е изд., стр. 432—433.

³⁾ Tagebuch, III, 79. Нельзя согласиться съ *Н. Я. Токаревымъ*, что въ боярскомъ совѣтѣ, собиравшемся въ Ближней Канцеляріи, „думные чины являются въ видѣ единичныхъ исключеній“ (стр. 46). Въ засѣданіи 15-го сентября 1708 г., составъ котораго онъ перечисляетъ, сидѣли, вопреки его утверженію (стр. 47—48), все люди съ думными чинами, исключая, можетъ быть, двухъ или трехъ лицъ. Что эти собранія бояръ специализировали свои занятія на томъ кругѣ финансовыхъ дѣлъ, который очень вѣрно очерчиваетъ Плейеръ (*Чт. О. И. и Др. Р.* 1874, II, стр. 2),—это было естественнымъ послѣдствіемъ требованій времени и само по себѣ не превращало боярскую думу въ новое учрежденіе. Такимъ образомъ, сливать думу съ ея канцеляріей и считать то и другое вновь возникшимъ учрежденіемъ нѣтъ основаній. Но нельзя и отдѣлять Ближнюю Канцелярію отъ боярской консиліи такъ, какъ это дѣлаетъ въ рецензіи на V т. Опис. док. и бум. А. Ю. г. *Лаппо-Данилевскій*, счи-

Канцелярію, а именно канцелярію, приказъ, состоявшій изъ извѣстнаго количества подъячихъ подъ начальствомъ думнаго дьяка Зотова. Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить о новомъ учрежденіи Ближней Канцеляріи; но и въ этомъ смыслѣ мы не рѣшились бы утверждать, что Ближняя Канцелярія, какъ канцелярія думы, возникла только въ 1701 г. Весьма возможно, что приказный штатъ подъ начальствомъ думныхъ дьяковъ существовалъ при думѣ въ концѣ XVII в. и независимо отъ Разряднаго приказа, исполнявшаго обыкновенно обязанности думской канцеляріи. По одному дѣлу, слушавшемуся въ думѣ три раза, резолюціи записаны тремя думными дьяками: въ первый разъ — думнымъ дьякомъ Казанскаго Дворца, во второй разъ—Большаго Дворца и въ третій разъ—думнымъ дьякомъ Помѣстнаго приказа. Было бы очень неправдоподобно предположить, что всакій разъ производство по резолюціи („помѣтъ“) дьяка направлялось въ соответствующій приказъ. Всего естественнѣе думать, напротивъ, что дѣло велось въ одной и той же канцеляріи думы, а помѣту на разныхъ документахъ его дѣлалъ тотъ изъ думныхъ дьяковъ, который въ данный моментъ былъ на лицо въ засѣданіи думы ¹⁾. Такія помѣты дѣлалъ въ качествѣ думнаго дьяка и

тающій Ближнюю Канцелярію „личной канцеляріей государя“ и принимающій кромѣ нея еще особую „думскую канцелярію“ (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. ССLXII). Ближняя Канцелярія именно и была думской канцеляріей, и связь ея съ боярской консильей не ограничивалась тѣмъ, что она давала иногда для послѣдней свое помѣщеніе. Гдѣ бы ни засѣдала боярская консилья, въ Ближней ли Канцеляріи, въ Столовой ли Палатѣ, ея протоколы всегда велись Ближней Канцеляріей, куда поступали и всѣ дѣла и документы, предназначавшіеся для разсмотрѣнія во время сѣзда бояръ. Одна такая книга докладовъ и приговоровъ Ближней Канцеляріи за 1703 годъ сохранилась въ Государственномъ архивѣ (см. прилож. II, XIX, 4, кн. № 27); изъ этой книги видно, что въ теченіе 1703 г. бояре собирались 10 разъ, именно 4, 19, 26 февраля, 11 марта, 7 и 21 мая, 20 августа, 27 сентября, 26 ноября, 13 декабря, и кромѣ того, три раза въ засѣданіяхъ былъ государь: 20-го января (?), 13-го марта, 26-го декабря. Подача же бумагъ шла постоянно, при чемъ иногда онѣ по два мѣсяца дожидались рѣшенія. Характеръ бумагъ, разсмотрѣнныхъ въ эти 13 засѣданій, совершенно подтверждаетъ сообщеніе Плейера о дѣятельности тайнаго совѣта и объясняетъ намъ причину тѣсной связи боярской консильи съ Ближней Канцеляріей, безъ документовъ и справокъ которой не могло быть рѣшено почти ни одно дѣло, поднимавшееся на боярскомъ сѣздѣ.

¹⁾ П. С. З., № 1429 и Боярская Дума, 419: авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „иногда дѣла восходили въ думу и шли оттуда путями не совсѣмъ для насъ понятными, извилистыми и, можетъ быть, случайными“.

Никита Моисеевичъ Зотовъ, хотя онъ, сколько намъ извѣстно, не былъ начальникомъ какого-нибудь спеціального приказа ¹⁾. Предположеніемъ, что Ближняя Канцелярія, какъ канцелярія думы, существовала ранѣе, чѣмъ получила спеціальное полномочіе, объяснилась бы ея тѣсная связь съ думой, а также и то обстоятельство, что указъ 14-го марта говоритъ о Ближней Канцеляріи, какъ объ учрежденіи существующемъ, а современники получили такое впечатлѣніе, какъ будто она только была создана указомъ 14-го марта. Въ одномъ донесеніи, представленномъ въ Ближнюю Канцелярію въ 1703 г., дѣйствительно, говорится что „въ 1701 году учинена по его, великаго государя, именному указу Ближняя Канцелярія, изъ всѣхъ приказовъ и изъ Ратуши всякимъ окладнымъ и неокладнымъ приходамъ и расходамъ велѣно вносить мѣсячныя и годовыя вѣдомости“, то-есть, происхождение Ближней Канцеляріи прямо ведется отъ указа 14-го марта. Въ своемъ новомъ качествѣ государственнаго контроля Ближняя Канцелярія, дѣйствительно, была новымъ учрежденіемъ; вѣроятно, какъ водилось къ такимъ случаямъ, одновременно съ этимъ порученіемъ былъ увеличенъ ея приказный штатъ, и тогда же сталъ ея спеціальнымъ начальникомъ Зотовъ, единственный досужій изъ думныхъ дьяковъ ²⁾.

¹⁾ См. его помяту 5-го декабря 1699: Дворц. Разр. IV, 1118. „Посольскими дѣлами“, при которыхъ онъ числился (см. *Есиповъ*, I, 157, и Дворц. Разр. IV, 1032), управлялъ извѣстный думный дьякъ Е. И. Украинцевъ.

²⁾ Въ Государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько записныхъ книжекъ Петра; въ двухъ изъ нихъ занесены замѣтки: „Зотову учинить приказъ“ и „Зотову о приказѣ“ (Шисьма и бумаги П. В. II, 310—311). Издатель предполагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь или объ учрежденіи Монастырскаго приказа, или объ учрежденіи Ближней Канцеляріи (*ibid.* 701). Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Въ первой изъ записокъ, написанной не позже января 1701 г. (такъ какъ нѣсколько предположенныхъ въ ней мѣръ осуществлены въ январѣ 1701 г.), замѣтка „Зотову учинить приказъ“ стоитъ непосредственно послѣ замѣтки „Мусину о монастыряхъ“. Какъ извѣстно, 24-го января 1701 г. учрежденъ былъ Монастырскій приказъ: „въдать боярину Ив. Ал. Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тахъ дѣлъ быть дьяку Еюму Зотову“. Вторая книжка относится, какъ мы полагаемъ, ко времени пребыванія Петра въ Москвѣ въ промежуткѣ между прїѣздомъ изъ Биржъ и отправленіемъ въ Воронежъ, то-есть, къ 8—18 марта (какъ видно изъ того, что Гр. Θ. Долгорукой еще не увѣхалъ въ Польшу, но уже готовился къ поѣздкѣ, а царь припоминалъ, что надо захватить съ собой въ Воронежъ); въ этой книжкѣ уже нѣтъ замѣтокъ объ осуществленныхъ въ январѣ мѣрахъ и замѣтка „Зотову о приказѣ“ не говоритъ болѣе объ *учиненіи* приказа, а можетъ быть, о какихъ нибудь дальнѣйшихъ распоряженіяхъ по

Какъ бы то ни было, съ 14-го марта новое учрежденіе—или старое съ новымъ полномочіемъ—начинаетъ свою дѣятельность и въ 1702 г. мы получаемъ первый годичный отчетъ о состояніи приказнаго хозяйства за 1701 годъ. Воспользуемся имъ и посмотримъ, что сталося съ приказной системой двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Феодора.

§ 9. Реформа 1679—1681 года поставила во главѣ финансовыхъ учреждений, какъ мы знаемъ, приказъ Большой Казны. Къ 1701 г., однако, изъ вѣдомства Большой Казны выдѣлилось учрежденіе, сдвинувшее Большую Казну съ перваго мѣста и произведшее важныя перемѣны въ состояніи многихъ другихъ, преимущественно областныхъ приказовъ,—именно Бурмистерская палата или Ратуша.

Учрежденіе Ратуши разсматривалось чаще всего, какъ мѣра, имѣвшая цѣлью сословную реформу городскаго населенія Россіи, какъ изыятіе цѣлаго сословія изъ вѣдѣнія воеводъ и дарованіе ему самоуправленія. Но указы 30-го января 1699 г., создавшіе Ратушу, заботились, какъ видно изъ самаго ихъ содержанія, не столько объ устраненіи приказной волокиты и воеводскихъ обидъ купечеству, сколько о томъ, чтобъ „его великаго государя казнѣ—окладнымъ доходамъ доимки, а поплиннымъ и питейнымъ и инымъ сборамъ недоборовъ бы не было“; они устанавливали новую подсудность только для того, чтобы надежнѣе урегулировать финансовую отвѣтственность ¹⁾. Съ свойственной тому времени откровенностью цѣль эта высказывается въ официальномъ объясненіи причины того, почему реформа не была распространена на Сибирь: дѣло въ томъ, что сибирское купечество не многочисленно и не богато: „людишки худые, скудные“ и имъ „въ сборѣ денежной казны вѣрить нечему“. Такимъ образомъ, правильная оцѣнка этой реформы можетъ быть сдѣлана

поводу приказа, уже учиненнаго.—Что указъ 14-го марта дѣйствительно давалъ новое полномочіе Ближней Канцеляріи, видно изъ того, что еще въ концѣ 1700 г. для счетнаго дѣла не существовало постояннаго учрежденія. Такъ, 1-го октября 1700 г. приказано считать подъячихъ Новгородскаго приказа, кто съ котораго года сидитъ, и для этого составлена специальная коммиссія изъ подъячихъ Семена Никитина, Андрея Иванова (оба въ Владим. и Галицкой чети), Григорія Суровцова (прик. княж. Смоленскаго) и друг. Одновременно такой же счетъ въ Устюжской четверти производился въ вѣдомствѣ Посольскаго приказа (помѣта дьяка М. Родостамова): по Новгороду кн. № 153, л. 52 об., 55. Впрочемъ, все эти указы съ 18-го февраля 1700 г. находились въ общемъ завѣдованіи Ѳ. А. Головина. Дворц. Разр. IV, 1121.

¹⁾ П. С. З., №№ 1674, 1675.

только при томъ условіи, если мы будемъ видѣть въ ней то, чѣмъ она была: фискальную мѣру, имѣвшую цѣлью дальнѣйшее развитіе финансовой реформы 1679—1681 г. ¹⁾). Припомнимъ основныя черты этой реформы: важнѣйшіе изъ прямыхъ и всѣ почти косвенные налоги собирались въ городскихъ поселеніяхъ; для обезпеченія сбора правительство старается связать городскихъ плательщиковъ круговой отвѣтственностью и съ этой цѣлью возлагаетъ сборъ на ихъ выборныхъ: вотъ какую цѣль преслѣдуетъ развитіе самоуправления и изыатіе плательщиковъ изъ вѣдѣнія воеводъ и приказныхъ людей. Далѣе, для большей надежности сбора правительство постоянно стремится поручать его лицамъ, могущимъ отвѣчать за исправность сбора собственнымъ имуществомъ, то-есть, наиболѣе зажиточной части купечества, купечеству московскому: таковъ смыслъ централизаціи городскихъ сборовъ въ рукахъ московскихъ гостей, гостиной и суконной сотенъ. Для достиженія первой цѣли очень многое, для второй также кое-что было сдѣлано уже реформой 1681 г. Воевода послѣ нея уже былъ лишень всякаго участія во взиманіи прямыхъ и косвенныхъ сборовъ: только и оставалось отнять у него „расправныя дѣла“, судъ, чтобы сдѣлать его окончательно не нужнымъ въ городѣ и въ тѣхъ уѣздахъ, которые изстари ставились въ податномъ отношеніи въ одно положеніе съ городомъ. Московское купечество также еще въ 1681 г. пробовали заставить взять на себя надзоръ за купечествомъ провинціальнымъ и за всѣми городскими сборами; но тогда купечество нашло благовидный предлогъ, чтобы уклониться отъ этой невыгодной привилегіи ²⁾). Связь учрежденія Ратуши съ предыдущей исторіей финансовой администраціи будетъ еще яснѣе, если мы начнемъ исторію Ратуши не съ указовъ 30-го января 1699 г., а нѣсколько ранѣе, съ указа 1-го марта 1698 г., не разъ напечатаннаго, и все таки весьма мало извѣстнаго ³⁾). „1-го марта, говорится въ этомъ указѣ,

¹⁾ О непосредственно фискальныхъ цѣляхъ учрежденія Ратуши см. статью *Приары* „Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей при Петрѣ Великомъ“ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1867, кн. 11, стр. 578—581 (другія части изслѣдованія *Приары* см. въ кн. 9-й, 10-й и 12-й того же года). См. также *И. Дитятина*. Устройство и управленіе городовъ Россіи. С.-Пб. 1875, стр. 152, 159.

²⁾ П. С. З., №№ 876, 879, 880. Однако, въ томъ же 1681 г. произведенъ сравнительный пересмотръ служебныхъ очередей московскаго и городского купечества, *ibid.* № 899.

³⁾ Можетъ быть потому, что въ напечатанныхъ документахъ онъ вставленъ въ середину другихъ указовъ; см. А. И. V, № 274, стр. 500, со словъ „да въ нынѣшнемъ же 206 году“. См. Прик. Дѣла, 1698, апрѣля 4; сравн. исполненіе по указу: Прик. Дѣла 1698, сентября 23. По Устюгу, кн. № 270; кн. № 272.

указали мы (въ городахъ, вѣдомыхъ четьми) по прежнимъ отца нашего.... и брата нашего.... и по нашимъ указамъ, каковы состоялись въ прошлыхъ годѣхъ, тѣхъ городовъ съ посадовъ и уѣздовъ стрѣleckiя и оброчныя деньги и иные всякіе денежныя доходы.... собирать.... самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ избахъ мимо воеводъ и приказныхъ людей, за выборомъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей....; потому что и въ прошлыхъ годѣхъ тогобору имъ воеводамъ вѣдать не велѣно жъ, для того, что по ихъ воеводскимъ прихотямъ были многіе съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ ненадобныя сборы, и держаны въ расходъ на ихъ прихоти, и тѣми своими прихотями и сборами они, воеводы, настоящіе денежныя сборы останавливали и запускали многую доимку“. Такимъ образомъ, въ указѣ 1-го марта 1698 г. реформа прямо представляется простымъ напоминаніемъ старыхъ указовъ¹⁾. Когда издавался указъ 1-го марта, Петръ былъ за-границей. Вернувшись, онъ только далъ дальнѣйшее развитіе указу 1698 г., во первыхъ, переименовавъ на голландскій образецъ²⁾ земскихъ старостъ и таможенныхъ и кабацкихъ головъ въ земскихъ бурмистровъ и таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ и, во вторыхъ, учредивъ центральное присутствіе въ Москвѣ, „Бурмистерскую палату“. Въ первоначальномъ указѣ однако отношеніе этого учрежденія къ иногороднымъ бурмистрамъ оставалось далеко не яснымъ. Иначе не могло и быть, такъ какъ самая реформа областной администраціи вначалѣ не была сдѣлана обязательной: то, что представляютъ обыкновенно, какъ самую существенную особенность новаго учрежденія, изыятіе городскаго сословія отъ юрисдикціи воеводъ,—въ первоначальномъ указѣ было предоставлено на добрую волю городовъ,—„буде они похотятъ“ освободиться отъ воеводскихъ „обидъ, и налоговъ, и поборовъ и взятковъ“; при томъ поставлено было условіе, что „за тое къ нимъ.... милость и призрѣніе что они отъ воеводъ.... будутъ освобождены“,—платить имъ вдвое противъ прежняго оклада³⁾. Но послѣ всего сказаннаго выше понятно, что выкупать жалкіе остатки воеводской власти такой дорогой цѣной не стоило, и разъ

¹⁾ И стремленіе отдать городскіе сборы въ руки московскаго купечества сохранялось до реформы 1699 г.: такъ, уже послѣ указа 1-го марта 1698 г. головой вѣрнаго таможеннаго и кабацкаго сбора въ городахъ Галицкой и Устюжской четверти назначенъ былъ изъ гостинной сотни нѣкто Богдановъ.

²⁾ Перри въ *Чт. О. И. и Др. Р.* 1871, II, 123.

³⁾ П. С. З., № 1675.

дѣло было предоставлено свободному выбору городовъ, надо было ожидать отказовъ отъ „той къ нимъ милости и призрѣнія“. Мы имѣемъ любопытныя данныя о томъ, какъ принять былъ этотъ указъ въ различныхъ городахъ ¹⁾. Одиннадцать городовъ согласились на двойной платежъ и выбрали бурмистровъ ²⁾; двадцать шесть городовъ выбрали бурмистровъ, но о платежѣ умолчали ³⁾; десять—также произвели выборы, но отъ двойнаго платежа прямо отказались ⁴⁾; три города, отказавшись отъ уплаты двойныхъ податей, отнеслись къ перемѣнѣ системы совершенно безразлично, хотя одинъ изъ нихъ и выбралъ бурмистровъ ⁵⁾. Наконецъ, пятнадцать городовъ, главнымъ образомъ изъ страха двойнаго платежа, прямо пожелали удержать воеводское управление, ссылаясь большею частью на то, что имъ „выбрать некого“ ⁶⁾; сюда надо причислить еще четыре города, заявлявшіе

1) Прик. Дѣла 7208 г. Докладная выписка о невѣдѣніи впредь во всѣхъ городахъ посадскихъ и всякихъ чиновъ купецкихъ, промышленныхъ и уѣздныхъ людей воеводамъ etc. . .

2) Бѣлая, Вологда, Кай-городокъ, Карачевъ, Кевроль, Кунгуръ (здесь воевода старался утаить выборы посадскихъ людей), Михайловъ, Путивль, Рославль, Соль Камская, Унжа.

3) Арзамасъ, Боровскъ, Бѣжецкій Верхъ, Бѣлевъ, Верея, Волокъ Ламскій, Воротыскъ, Вязьма, Галичъ, Дорогобужъ, Зарайскъ, Кашинъ, Кашира, Клинъ, Лухъ, Мезень, Мещовскъ, Можайскъ, Мценскъ, Новосиль, Орель, Пустоверскъ, Ржева-Володимерова, Руза, Ряжскъ, Устьянскія волости.

4) Болховъ, Вятка, Нижній, Псковъ („тотъ де великаго государя указъ имъ годенъ, а денежные... сборы... за скудостью имъ платить вдвое не возможно“), Старая Руса, Смоленскъ и крестьяне дворцовыхъ волостей Смолен. уѣзда (Порѣчь, Каспли, Духовщины, Звѣровичъ, Краснаго, Досугова, Ельни), Сольвычегодскъ, Торжокъ, Устюгъ, Юрьевъ.

5) Веневъ („выбрали они изъ своей братьи лучшихъ и правдивыхъ людей въ бурмистры... а межъ ими всякая расправа чинить воеводамъ, или выборнымъ людямъ, и о томъ что великій государь укажетъ, а по указу великаго государя денежныхъ всякихъ доходовъ платить имъ за многими ихъ мірскими скудостями никакими мѣрами не возможно: въ томъ воля его, государя“), Пареневъ и Щуя („вдвое платить некоторыми дѣлами не возможно... и чтобъ великій государь указалъ у расправныхъ ихъ дѣлъ быть, кому великій государь укажетъ; а денежные всякіе доходы имать съ нихъ по-прежнему“). Сюда отнесемъ и Двиугъ („какъ иные города учнутъ быть окладныхъ доходовъ въ платежахъ,—и они такожь, сколько ихъ измощены будетъ“; но имъ даже въ донимѣ „оплатиться не возможно“).

6) Владиміръ („потому что у нихъ люди все скудные, и въ такихъ дѣлахъ управить изъ нихъ некому“), Звенигородъ (просить оставить по-прежнему воеводъ и приказныхъ людей, отъ которыхъ они „обидъ и налогъ напрасныхъ и на-

прямо только о невозможности двойного платежа, но подразумевавшіе тутъ и несогласіе на переѣмну системы ¹⁾). Такимъ образомъ, изъ 70 городовъ Смоленскаго, Новгородскаго, Владимірскаго, Устюжскаго и Галицкаго приказовъ, только 11 безусловно приняли правительственное предложеніе, 33 отказались отъ него и 26 избрали средній путь, избравъ бурмистровъ и умолчавъ о двойномъ платежѣ.

Въ виду, очевидно, такого результата, правительство измѣнило образъ дѣйствій: оно перестало смотрѣть на свою реформу, какъ на льготу для населенія, и отказалось отъ двойнаго платежа; вмѣстѣ съ этимъ реформа сдѣлана была не добровольной, а обязательной и введена повсемѣстно; указомъ 20-го октября 1699 г. приказано купецкій чинъ въ городахъ вѣдать не воеводамъ, а выборнымъ бурмистрамъ, „противъ того жъ, какъ велѣно вѣдать купецкихъ людей на Москвѣ бурмистрамъ“ ²⁾). Указомъ 3-го ноября эта мѣра распространена и на уѣздное населеніе поморскихъ городовъ, давно уже при-

падковъ не вѣдали“), Каргополь (выбрать некого, и „ихъ съ такое дѣло, чтобъ межъ ими всякая расправа чинить,—съ такое дѣло не будетъ“), Коломна („изъ своей братьи ко всякимъ дѣламъ выбрать имъ не возможно“), Мценскъ (тамъ „посадскихъ людей и дворцовыхъ волостей нѣтъ: все служилые люди“, изъ которыхъ выбирать безъ указу воевода не смѣть; но оказалось, что жившіе тамъ тиглецы московскихъ слободъ (19 человекъ) выбрали бурмистра, а воевода не принявъ этого выбора и „не похотя выбрать въ бурмистры, писалъ объ нихъ силу“), Новгородъ („къ расправнымъ и челобитчиковымъ дѣламъ въ великомъ Новгородѣ купецкіе люди незаобычные“), Олонецъ („мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и никакихъ дѣлъ безъ воеводъ и безъ приказныхъ людей межъ ими управлять некому, и съ такое дѣло ихъ не станеть, и выбирать имъ къ тому дѣлу некого, потому что и напередъ сего у нихъ на Олонцѣ воеводы и приказные люди вѣдали сборъ всякихъ доходовъ и всякія дѣла, и чинили все правдиво и къ нимъ лишнихъ налогъ и обидъ и поборовъ и тѣсноты и разоренья отъ нихъ не было, и впредь безъ воеводъ межъ ими управлять никакими дѣлами не возможно“), Переяславль („такихъ людей у нихъ нѣтъ“), Смоленскаго уѣзда войты и крестьяне ратушныхъ деревень (потому что „вы брать къ мірскимъ расправнымъ дѣламъ некого“), Суздаль („выбрать..... некого, а вѣдать бы ихъ по прежнему воеводамъ“), Соли-Галицкая („за малолюдствомъ и за скудостью и за податями выбирать имъ некого, а вѣдать бы ихъ расправными всякими дѣлами воеводъ“), Таруса (у нихъ „купечскихъ и промышленныхъ людей нѣтъ, а питаются пашнею“), Чаронда (то-же), Чухлома („потому что ихъ посадскихъ людей малое число и многіе.... разошлись“), Юрьевъ-Польскій („чтобъ въ расправныхъ и во всякихъ дѣлахъ и въ огладныхъ доходахъ быть по-прежнему“).

¹⁾ Ростовъ, Тверь, Тула, Калуга.

²⁾ П. С. З., № 1704 (со словъ „въ городѣхъ боярамъ и воеводамъ“).

мыкавшее по характеру своихъ платежей къ населенію городскому¹⁾. Эти два указа, вмѣстѣ съ указомъ 6-го октября 1699 г. о томъ, чтобы заставы и таможи вѣдались не воеводами, а таможенными бурмистрами²⁾, легли въ основу дальнѣйшей реформы областной администраціи. Фактически воеводы были отмѣнены этими распоряженіями на всемъ сѣверѣ; понятно, что въ этихъ мѣстностяхъ они поняли эти указы, какъ отставку, и недоумѣвали только, что въ указахъ не сказано, кому они должны сдать городъ. Такъ, Сольвычегодскій воевода спрашивалъ: „ружейную и пороховую казну, такожъ и приказную избу и указныя грамоты и всякія дѣла сдать кому? а выборные всякихъ дѣлъ не принимаютъ; и мнѣ отъ Соливычегодской о сѣздѣ не написано“³⁾. Кайгородскій воевода тоже писалъ, что „указа, кому отдать городъ и приказную избу и великаго государя указы и ружье и всякія дѣла, и съ кѣмъ росписаться“, не прислано; а безъ указа онъ изъ Кай-города „сѣхъать не смѣтъ“⁴⁾. Каргопольскій воевода также довольно ясно заявлялъ въ своей челобитной, что съ отнятіемъ справныхъ дѣлъ у воеводъ не остается никакого дѣла⁵⁾. Воевода, назначенный на смѣну В. Зотова въ Олонецъ, „увѣдавъ великаго государя указъ, по которому олонецкихъ посадскихъ и волостныхъ крестьянъ во всемъ велѣно вѣдать бургомистрамъ, а не воеводамъ,—тою перемѣною медлитъ и съ Москвы не ѣдетъ“⁶⁾.

¹⁾ П. С. З., № 1715.

²⁾ П. С. З., № 1699: 5-го октября; но въ многочисленныхъ ссылкахъ на него подлинныхъ документовъ онъ называется всегда указомъ 6-го октября.

³⁾ Прик. Д. 1699, декабря 26: любопытно, что въ (Устюжскомъ) приказѣ это челобитье принято, какъ обыкновенное челобитье о смѣнѣ, и по обычному порядку дѣлается справка: срокъ воеводъ будетъ черезъ 2 года, 10-го февраля 1701 г.; челобитчиковъ на его мѣсто нѣтъ. Очевидно, и правительство еще не знало, что дѣлать съ этими воеводами.

⁴⁾ Пр. Д. 1700, генв. 29-го. Изъ другихъ дѣлъ видно, что этотъ воевода 10-го марта 1700 г. (то-есть, послѣ январскаго указа) городъ и по городу нарядъ отдалъ кайгородскимъ бурмистрамъ и въ Москвѣ употребленъ на другую службу—въ Иновемскомъ приказѣ (Пр. Д. 1700, 4-го сентября).

⁵⁾ Пр. Д. 1700, декабря 13-го. Онъ спрашивалъ, вѣдать ли воеводамъ дѣла объ убійствѣ, а также нищественные иски, „и мнѣ въ Каргополѣ какія дѣла вѣдать и что чинить?“

⁶⁾ Пр. Д. 1700, декабря 30-го. Не смотря на выраженное Олончанами довольство воеводскимъ управленіемъ (при В. Зотовѣ, который получилъ отъ нихъ даже письменныя благодарности), послѣ указа 3-го ноября 1699 г. они старались подвести подъ указъ и свой городъ, доказывая, что онъ тоже поморскій, такъ какъ *помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ тамъ нѣтъ* (Пр. Д. 1700,

Въ виду неясности положенія, почти повсемѣстно шла борьба между бурмистрами и воеводами. Во многихъ мѣстахъ воеводы не давали бурмистрамъ документовъ или людей и продолжали распоряжаться сборами ¹⁾; финансовыхъ документовъ, впрочемъ, часто и не оказывалось у воеводъ, потому что и до новыхъ указовъ, какъ мы знаемъ, налоги собирались въ земской, а не въ приказной избѣ, а таможенные и кабацкіе сборы вѣдали выборные люди, а не воеводы ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ бурмистры были нападающей стороной и спѣшили своими средствами ликвидировать воеводское управленіе. Такъ, въ Яренскѣ они воеводъ, „отъ судебныхъ и расправныхъ и отъ розыскныхъ и отъ всякихъ дѣлъ отказали“ ³⁾; въ Вяткѣ въ расправныхъ дѣлахъ по донесенію воеводы „учинились непослушны“ и, придя къ нему на дворъ „со многимъ невѣжествомъ“, отказали ему въ годовомъ всякомъ хлѣбѣ и понедѣльныхъ и конскихъ кормахъ“, и „продавать хлѣбы и харчи и всякіе кормы въ торгѣхъ продавцомъ велать дорогою цѣною, — хотя меня, прибавляетъ воевода, ... конечно разорить и съ домишкомъ и съ людишками голодомъ уморить“ ⁴⁾.

Въ январѣ 1700 г. это положеніе дѣлъ обратило на себя вниманіе правительства; въ представленной государю докладной запискѣ содержаніе воеводскихъ челобитныхъ было резюмировано слѣдующимъ образомъ: „нынѣ поморскихъ городовъ воеводы къ великому государю пишутъ, чтобъ изъ тѣхъ городовъ ихъ перемѣнить, потому что иныхъ урочные сроки отошли, а которымъ еще сроки не дошли, и тѣмъ питаться нечѣмъ; а которымъ сказано было вновь и даны наказы, и тѣ съ Москвы не ѣдутъ и прежнихъ воеводъ не перемѣняютъ, для того что питаться нечѣмъ и быть не у чего“. На этотъ докладъ послѣдовалъ въ январѣ же указъ, разрѣшившій дѣло: „въ

января 26-го. Повидимому, воевода старался утаить отъ нихъ указъ 3-го ноября; по крайней мѣрѣ указъ этотъ, посланный надлежащимъ порядкомъ еще 29-го ноября, въ январѣ еще не былъ полученъ, и пришлось послать новый). Подъ январьскій указъ 1700 г. Олонецъ не подошелъ, и медлившій воевода (Барятинскій) не только пріѣхалъ, наконецъ, въ Олонецъ, но еще въ 1702 г. пытался отнять у бурмистровъ часть ихъ сборовъ (Пр. Д. 1702, февраля 25-го, марта 16-го).

¹⁾ Пр. Д. 1698, апр. 18-го; 1699, октября 20-го; 1700, февр. 15-го и 29-го, ноября 29-го.

²⁾ Пр. Д. 1699, октября 29-го (Тверь); декабря 30-го (Яренскъ); октября 31-го (Торжокъ); декабря 27-го (Вятка); 1700, января 29-го (Кайгородокъ); мая 27-го (Тотьма); декабря 15-го (Кашира); декабря 15-го же (Устюжна-Желѣзопольская).

³⁾ Пр. Д. 1699, декабря 30-го.

⁴⁾ Пр. Д. 1699, декабря 27-го.

поморскихъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ не быть, потому что въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ его, великаго государя, и монастырскіе крестьяне, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ нѣтъ¹⁾. Этимъ распоряженіемъ объ областной реформѣ закончились, и оставалось связать областную реформу съ центральной.

Постепенное устройство новаго центрального учрежденія въ Москвѣ шло одновременно съ постепеннымъ введеніемъ реформы въ городахъ: послѣ январскаго указа 1699 г. Бурмистерская палата собирала документы о таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ, размежевывалась съ Большой Казной, получила свое помѣщеніе, свою печать, наконецъ, свое новое названіе „Ратуши“²⁾. По мѣрѣ выбора бурмистровъ въ городахъ урегулировались и сношенія ихъ съ центральнымъ учрежденіемъ. Подчиненная сама Большой Казнѣ, Ратуша должна была вѣдать земскихъ бурмистровъ всѣхъ городовъ; послѣдніе должны были имѣть общее наблюденіе за сборами и оброчными статьями въ посадѣ и уѣздѣ и высылать подчиненныхъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ для отчетности въ Москву³⁾. 27-го октября 1699 г. изданъ былъ любопытный указъ⁴⁾, попытавшійся создать между Ратушей и городами посредствующія территоріальныя вѣдомства: именно, „малыхъ городовъ и уѣздовъ“ земскіе, а также кабацкіе и таможенные бурмистры приписывались и вѣдались земскими бурмистрами Новгорода, Пскова, Астрахани и др., „чтобы съ Москвы въ тѣ приписные города и въ уѣзды ни за чѣмъ не посылать“. Однако же, нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, что эта попытка была осуществлена въ дѣйствительности: повидимому, она была оставлена.

¹⁾ Пр. Д. 1700, январь (безъ числа). Первая половина этого любопытнаго указа: (государь указалъ) „въ Великомъ Новгородѣ, Псковѣ съ пригороды, Нижнемъ, Вологдѣ, Арзамасѣ, на Устюжнѣ Желѣзопольской и въ Галицкихъ пригородахъ, у Соли Галицкой, на Чухломѣ, Унжѣ, Пареевевѣ боярамъ и воеводамъ и приказнымъ людямъ быть по-прежнему, и *вѣдать* имъ во всякихъ дѣлахъ тѣхъ городовъ всякихъ *служилыхъ людей и уездныхъ помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ и монастырскихъ крестьянъ, а посадскихъ тѣхъ городовъ ни съ какихъ дѣлахъ вѣдать не указалъ*, а въ поморскихъ городѣхъ“ etc... Въ послѣдней категоріи отнесены: Двина, Архангельскъ, Каргополь, Кевроль, Мезень, Устюгъ Великій, Чаронда, Тотьма, Соль Вычегодская, Чердынь, Вятка съ пригородами, Кунгурь. „А въ Кольскомъ и въ Пустоверскомъ острогахъ воеводамъ быть по-прежнему, потому что города порубежные“.

²⁾ П. С. З., №№ 1683, 1686, 1715, 1696, 1719, 1718: 17 ноября „Бурмистерскую палату писать съ сего указа Ратушею“.

³⁾ П. С. З., № 1697.

⁴⁾ П. С. З., № 1706.

Въ вѣдомство новаго учрежденія были переданы всѣ сборы, которые собирались выборными со времени реформы 1681 г., то-есть, не только таможенные и кабацкіе, но оброчные и стрѣлцкіе ¹⁾. Оклады этихъ сборовъ, присланныхъ въ Ратушу изъ различныхъ приказовъ въ 1700 г., были слѣдующіе (въ рубляхъ):

1) изъ Большой Казны . . . 810.722	8) изъ Смоленскаго приказа . 5.402
2) „ Казанскаго Дворца . . 151.865	9) „ Галицкой чети . . . 4.751
3) „ Новгородск. приказа . 61.780	10) „ Земскаго приказа . . 2.332
4) „ Устюжской четверти . 23.454	11) „ Ковюшеннаго. . . . 1.825
5) „ Большаго Дворца . . 18.864	12) „ Стрѣлцкаго 1.708
6) „ Костромской чети . . 9.690	13) „ Великороссійскаго . 1.407
7) „ Владимірской чети . . 6.249	
	Итого . 1.100.039

Но Ратуша была учреждена, чтобы собирать эти окладные доходы „съ приборомъ“; въ своемъ отчетѣ за первый годъ правильной дѣятельности (1701-й) она, дѣйствительно, показала свой сборъ въ 1.268.473 р., слѣдовательно „приборъ“ противъ окладовъ въ 168.434 р.

Прибавивъ сюда собственный неокладный доходъ Ратуши (пошлины съ дѣлъ)—33.543 р., получимъ весь смѣтный доходъ ея — 1.302.016 р.

§ 10. Уже одна приведенная таблица показываетъ, что съ учрежденіемъ Ратуши сравнительное финансовое значеніе старыхъ приказовъ должно было сильно уменьшиться. Къ ослабленнымъ такимъ образомъ Ратушей приказамъ относятся: 1) прѣжнее центральное финансовое учрежденіе, Большая Казна, 2) всѣ областные приказы (исключая Сибирскаго).

1) Большая Казна потеряла главный источникъ доходовъ, таможенные и кабацкіе сборы, и ей остался другой источникъ—прибыль отъ перечекировки монеты.

Въ 1680 г. кромѣ окладнаго дохода приказа 436.466 р. прибыль отъ монетной операціи была не менѣе 11.882 р. Дѣйствительный же приходъ, считая и остатки отъ предыдущаго года, былъ

¹⁾ Но доимка стрѣлцкихъ и оброчныхъ за 184—208 г. повидимому взыскивалась по послушнымъ памятямъ изъ Ратуши въ областныхъ приказахъ, при чемъ возникали столкновенія изъ за того, что Ратуша приказывала въ этихъ послушныхъ грамотахъ собирать сперва „настоящіе ратушскіе доходы“, а потомъ уже доимку. Изъ Старицы жалуются, что отъ этого доимкѣ „пущая остановка“, что „прежъ сего никогда доходы за доходы не останавливались“; теперь же плательщики нарочно не будутъ платить малаго ратушкаго сбора, чтобъ не дошла очередь до взысканія большой доимки. По Новг. кн. № 137, л. 497.

704.935 руб. Въ слѣдующіе за 1680-мъ годы общій доходъ приказа значительно возросъ. Уже въ 1696—1697 г. мы можемъ судить объ этомъ по увеличенію расходовъ Большой Казны (1.085.849 руб., то-есть вдвое больше, чѣмъ въ 1680 г., когда расходы простирались до 540.527 р.)¹⁾. Въ 1701 г. общій приходъ Большой Казны, если причислить окладъ, перешедшій къ Ратушѣ, былъ бы 1.528.465 р.; но съ передачей 810.722 р. въ вѣдомство Ратуши, у Большой Казны осталось только 717.743 р.—прибыль отъ денежныхъ передѣловъ,— и кромѣ того доходъ съ нѣкоторыхъ казенныхъ товаровъ: поташа, смольчуга. Сравнивая цифры 1701 г. съ цифрами 1680 г., мы найдемъ, что, не смотря на отдачу овлада таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ²⁾, тоже увеличившагося въ 20 лѣтъ чуть не вдвое (съ 436.466 до 810.722), одинъ доходъ отъ монетной операціи превышаетъ весь доходъ 1680 г. и поддерживаетъ Большую Казну если не на первомъ, то во всякомъ случаѣ на второмъ мѣстѣ послѣ Ратуши въ финансовой системѣ приказовъ³⁾.

2) По измѣненіямъ, произведеннымъ учрежденіемъ Ратуши въ положеніи областныхъ приказовъ, можно раздѣлить послѣдніе на три группы. Нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе этихъ измѣненій окончательно прекратили свое существованіе, другіе остались безъ всякаго собственнаго дохода, но сохранили старое вѣдомство и деньги на старые свои расходы получали изъ Ратуши; наконецъ, третьи сохранили также и нѣкоторые доходы, хотя и отослали большую часть ихъ въ Ратушу.

Къ первой группѣ относятся старинныя чети: Устюжская, Костромская, Владимірская и Галицкая. Мы знаемъ, что съ 1683 г. по 1700 г. чети собирали стрѣleckія и оброчныя деньги

¹⁾ Роспись, напечат. П. Петровымъ въ *Зап. Отд. Р. и Слав. Археологіи Имп. Р. Акад. Общ.*, т. IV, стр. 337. Въ Госуд. архивѣ, Кабинети. дѣла, II, кн. № 95, откуда взять этотъ документъ г. Петровымъ, рядомъ съ нимъ помѣщается еще другая роспись (л. 208 — 231), въ которой цифры расхода показаны нѣсколько другія; итогъ расхода по ней — 1.127.408 (въ итогѣ, принятомъ въ текстѣ, не приложены 100.000 р., употребленные на приобретение металла для передѣла денегъ, такъ какъ этотъ расходъ сопровождается приходомъ на ту же сумму).

²⁾ Въ цифрѣ 436.466 р. мы предположили не менѣе 11.627 р. оброчныхъ (глава I, стр. 99), а въ цифрѣ 810.722 р. должно заключаться ихъ до 162.481 р., какъ увидимъ ниже.

³⁾ Къ болѣе подробному разсмотрѣнію монетной операціи этого времени мы вернемся въ слѣдующей главѣ.

(см. § 5). Съ учрежденіемъ Ратуши, тотъ и другой сборъ былъ переданъ въ Ратушу, какъ видно изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ ¹⁾:

	1683.	1692.	Передано въ Ратушу въ 1700 г.
Устюжская:			
Стрѣleckiя . . .	22.645	23.311	} 23.451
Оброчныя . . .	"	3.044	
Итого . . .	26.355		
Владимірская:			
Стрѣleckiя . . .	5.047	4.965	} 6.249
Оброчныя . . .	"	1.118	
Итого . . .	6.083		
Галицкая:			
Стрѣleckiя . . .	3.781	3.972	} 4.751
Оброчныя . . .	"	1.198	
Итого . . .	5.170		

Собственно говоря, чети не были уничтожены никакимъ особымъ распоряженіемъ: онѣ продолжали нѣкоторое время числиться при тѣхъ учрежденіяхъ, къ которымъ примкнули еще съ 1680 года, и даже имѣли, кажется, небольшую канцелярскую переписку ²⁾; но онѣ потеряли всякое значеніе въ финансовомъ отношеніи и Ближняя Канцелярія по справедливости игнорируетъ ихъ существованіе.

Ко второй группѣ приказовъ, оставшихся безъ всякаго дохода, но сохранившихъ расходы, относятся Смоленскій, Новгородскій, Польшскій и Малороссійскій.

1. Смоленскій приказъ непосредственно передъ реформой 1680 г.

¹⁾ По Прик. дѣламъ (безъ чиселъ и мѣсяцевъ), которыми мы уже воспользовались въ предыдущей главѣ (стр. 41 и 99). Въ 1683 г. показанъ *окладъ* однихъ стрѣleckиxъ, въ 1692 г. *дѣйствительное поступленіе* (съ остаткомъ) стрѣleckиxъ и оброчныхъ, приблизительно равное окладу. Въ 1700 г. переданъ *окладъ*, какъ показываетъ сравненіе съ 1683 и 1693 г., не однихъ стрѣleckиxъ, но и оброчныхъ.

²⁾ Такъ, еще въ 1704 г. говорится о „воеводахъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ, Галицкомъ, Устюжскомъ и Смоленскомъ приказахъ. Пр. Д. Стар. Л. 1704, января 3-го. Въ 1705 г. говорится о городахъ, подвѣдомственныхъ Устюжской четверти. П. Д. Ст. Л. 1705, декабря 20-го.

(въ 1677 г.) имѣлъ окладной доходъ 19.087 р. ¹⁾; послѣ реформъ, въ 1692 году дѣйствительный доходъ его былъ 16.697 р. ²⁾. Но сюда, вѣроятно, причтенъ и заемъ у другихъ приказовъ; по крайней мѣрѣ въ Ратушу перешло изъ Смоленскаго приказа 5.402 р., и несомнѣнно, это былъ весь тогдашній доходъ его, такъ какъ изъ него осталось послѣ отдачи въ Ратушу только 839 руб.—старый окладъ ямскихъ денегъ, которыя „бываютъ въ расходъ на дачу смоленскимъ же ямщикамъ“. Между тѣмъ расходъ довольно великъ: въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Бѣлой и Рославлѣ приказъ содержать 4.780 солдатъ и стрѣльцовъ, а съ московскимъ штатомъ 4.797 человекъ, которымъ платить 40.881 р. (а съ ямщиками 41.981 р.) и 5.858 четвертей хлѣба. Всѣ эти деньги берутся, конечно, изъ Ратушскихъ доходовъ.

2. На Новгородскомъ приказѣ намъ представляется случай еще разъ наблюдать полный упадокъ областныхъ приказовъ XVII вѣка. Съ самаго начала XVII вѣка Новгородскій приказъ стоялъ впереди всѣхъ остальныхъ по размѣру поступленийъ. По извѣстнымъ намъ смѣтнымъ спискамъ его, окладъ Новгородскаго приказа за первую половину вѣка былъ слѣдующій ³⁾:

1627. . . .	130.602	1643. . . .	191.302
1628. . . .	128.895	1644. . . .	187.054
1633. . . .	152.626	1645. . . .	186.657
1634. . . .	151.572		

Мы наблюдаемъ здѣсь то же явленіе, какое видѣли въ Устюжской четверти (§ 6): постоянное возростаніе оклада. Дѣйствительныя поступления (съ остатками) значительно превышали этотъ окладъ, поднимаясь за первую половину вѣка съ 200 до 300 тысячъ ⁴⁾.

¹⁾ Пр. Д. 1679. Счетный списокъ денежныхъ доходовъ съ разныхъ городовъ Устюжской четверти. Напомнимъ, что въ это время стрѣльцкія деньги были взяты, а таможенныя кабацкія, данныя, оброчныя, полонянничныя и ямскія оставались еще въ вѣдомствѣ областныхъ приказовъ. Въ 1679 г. дѣйствительный приходъ (съ остаткомъ по поступлениямъ въ доимку) былъ 19.966 р. См. прил. I.

²⁾ Въ это время возвращенъ сборъ стрѣльцкихъ и отнятъ сборъ таможенныхъ и кабацкихъ. Въ цѣну 16.697 введена и цѣна еемиковъ, считая по 50 коп.

³⁾ См. Пр. Дѣла, 1628, № 61; по Новгороду книги № 22 (*А. С. Лапто-Данилевскій* ошибочно цитируетъ эту книгу, какъ книгу Нижняго Новгорода), № 29, № 30.

⁴⁾ Прилагаемъ таблицу, составленную по документамъ, указаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи (цифры, дополненныя по расчету, поставлены въ скобки):

Такимъ образомъ, показаніе Котошихина, что съ городовъ Новгородскаго приказа „сберется въ годъ со 100.000 р.“, оказывается значительно ниже дѣйствительности; можетъ быть, впрочемъ, Котошихинъ имѣлъ въ виду только тѣ суммы, которыя, оставаясь въ концу года не израсходованными въ городахъ, перечислялись на слѣдующій годъ въ Московскій „остатокъ“. Такихъ остаточныхъ суммъ въ 1644—1645 году было какъ-разъ 100.000 р. съ небольшимъ.

Къ концу вѣка доходы Новгородскаго приказа разошлись, какъ въ другихъ областныхъ приказахъ, по разнымъ учрежденіямъ; послѣ реставраціи четей въ 1683 г. оборотъ приказа былъ слѣдующій:

	1685.	Остатокъ.	Приходъ.	Итого.	Расходъ.	Остатокъ.
Стрѣлцкія .	6.447		49.314	55.761	44.953	10.808
Оброчныя и не- окладныя .	2.814		6.516	9.330	7.975	1.355
Итого .	9.261		55.830	65.091	52.928	12.163

1692.

Стрѣлцкія .	7.087		47.577	54.664	37.663	17.001
Оброчныя .	1.083		8.395	9.478	8.585	893
Итого .	8.170		55.972	64.142	46.248	17.894

	1628.	Остатокъ.	Приходъ.	Итого.	Расходъ.	Остатокъ.
На Москвѣ .	62.751		32.297	[95.048]	[94.263]	785
Въ городахъ .	16.725		103.886	[120.611]	38.930	[81.681]
Итого .	79.476		136.183	215.659	133.193	82.466

1634.

На Москвѣ .	55.117		40.276	95.393	84.693	[10.700]
Въ городахъ .	26.377		115.640	142.017	71.312	[70.705]
Итого .	81.494		155.916	237.410	156.005	81.405

1644.

На Москвѣ .	[106.296]		43.709	150.005	113.740	[36.265]
Въ городахъ .	[44.983]		128.894	173.877	73.841	100.036
Итого .	151.279		172.603	323.882	187.581	136.301

1645.

На Москвѣ .	[109.676]		33.789	143.465	123.546	[19.919]
Въ городахъ .	[38.613]		125.458	164.071	63.386	100.685
Итого .	148.289		159.247	307.536	186.932	120.604

При распредѣленіи прихода 1644 г. между Москвой и городами оставалось 9.992 р., мѣсто прихода которыхъ не указано въ источникѣ; въ нашей таблицѣ эта сумма раздѣлена поровну.

Постоянство этихъ цифръ показываетъ близость ихъ къ окладу; и дѣйствительно, въ 1700 году приказъ передалъ въ Ратушу окладъ 61.780 р., оставшись, такимъ образомъ, самъ вовсе безъ дохода. Въ 1701 году, однако же, у него оказывается новый окладной доходъ 1.345 р., но совершенно случайнаго происхожденія: 1.000 р. изъ этой суммы есть сборъ стрѣлцкихъ и оброчныхъ съ двухъ волостей Устюжскаго и Яренскаго уѣзда, отданныхъ гостямъ И. и С. Панкратьевымъ по ихъ челобитью указомъ 14-го апрѣля 1700 года ¹⁾. Остальные 345 р. составляетъ уцѣлѣвшій въ вѣдомствѣ Новгородскаго приказа ясачный сборъ съ ивородцевъ Пустозерскаго острога деньгами и песцами.

Между тѣмъ весь составъ гарнизоновъ и администраціи на всемъ сѣверѣ остался по-прежнему въ вѣдомствѣ Новгородскаго приказа (всего 7.457 человекъ, включая 12 человекъ приказнаго штата); расходъ на него составлялъ 28.435 р. (а съ ямщиками 35.407 р.) и 78.401 четверть хлѣба. Весь этотъ расходъ уплачивается изъ Ратуши (хлѣбъ всегда изъ Провіантскаго приказа), исключая части расхода на ямщиковъ, покрываемой, какъ и въ Смоленскомъ приказѣ, мѣстнымъ сборомъ, окладъ котораго въ вѣдомости однако же не показанъ.

3. Посольскій приказъ, какъ мы знаемъ, также имѣлъ въ своемъ непосредственномъ завѣдованіи сборы съ нѣсколькихъ городовъ: доходъ съ нихъ получался очень незначительный, довольно вѣрно показанный Котошкинымъ (болѣе 2¹/₂ тысячъ съ пяти городовъ ²⁾).

¹⁾ См. по Новгороду кн. № 153, л. 46. Почему этотъ сборъ поступилъ въ Новгородскій приказъ, не совсемъ понятно: И. Панкратьевъ въ своемъ челобитѣ обязаетъ платить его въ Посольскомъ приказѣ; изъ кн. № 156 по Новгороду, л. 3—4, видно, что ему велѣно платить въ Устюжскую четверть; наконецъ, по вновь возникшему дѣлу объ этихъ волостяхъ тотъ же сборъ велѣно вѣдать въ 1702 г. по-прежнему (то-есть, вѣроятно, до отдачи ихъ Панкратьевымъ) въ Ратушѣ. Можетъ быть, сборъ былъ взятъ изъ вѣдомства Ратуши, къ которому естественно принадлежалъ, потому, что самъ И. Панкратьевъ былъ однимъ изъ бургомистровъ Ратуши?

²⁾ *Котошкинъ*, изд. 1859 г., стр. 72; сравн. Пр. Д. 1656—1666 г., № 98; вотъ таблица, составленная по даннымъ этого документа (это доходъ независимый отъ сбора половяничныхъ, который см. въ I главѣ, стр. 73):

	Остатокъ.	Приходъ.	Итого.	Расходъ.	Остатокъ.
1657.	5.031	2.745	7.776	504	7.272
1658.	7.272	6.149	13.421	11.898	1.523
1659.	1.523	2.640	4.163	862	3.301

Вмѣстѣ съ другими областными приказами и Посольскій потерялъ этотъ свой доходъ. Въ 1701 году его окладныя поступления (3.228 р.) состояли уже изъ двухъ новыхъ статей, появившихся съ 1700 года именно, съ Григорія Строгонова за двѣ вотчины въ Усольскомъ уѣздѣ и съ Бутенанта (датскаго резидента) за Кижскій погостъ. Расходъ Посольскаго приказа шелъ, главнымъ образомъ, на жалованье донскимъ казакамъ: изъ 27.204 р. окладнаго расхода — 20.892 р. платилась донскому войску ¹⁾, а остальные 6.312 р. шли на содержаніе штата. Уже нѣтъ надобности прибавлять, что деньги уплачивались Ратушей

4. Въ Малороссійскомъ приказѣ, по условіямъ Переяславскаго договора, „доходовъ не бываетъ ничего“, такъ какъ сборъ съ малороссійскихъ городовъ цѣликомъ идетъ на содержаніе казацкаго войска, и правительство только старается не приплачивать ничего изъ своихъ средствъ ²⁾. Но правительству приходилось содержать въ Малороссіи своихъ воеводъ и войска, количество которыхъ по Московскому договору Брюховецкаго доходило до 11.900 человекъ ³⁾. Въ 1701 году однако въ Малороссіи (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и на Самарѣ въ укрѣпленіяхъ, построенныхъ послѣ Голыцынскаго похода: Новобогородицкомъ и Сергіевскомъ) стоитъ только 1.908 человекъ, на содержаніе которыхъ тратится 13.511 руб.; кромѣ того, въ сѣчу посылается золотыхъ, соболей и суконъ по окладу на 1.848 р.; вмѣстѣ съ своимъ приказнымъ штатомъ, Малороссійскій приказъ содержитъ 1.966 человекъ и платитъ имъ по окладу 16.437 р.

1660.	3.301	3.301	6.602	2.034	4.568	
1661.	4.568	[3.514]	[8.082]	1.536	6.546	
1662.	6.546	[6.945]	13.491	10.285 а)	3.356	а) Въ томъ числѣ 9.673 р. мѣдныхъ.
1663.	3.356 б)	11.296 в)	14.662	12.920 д)	1.742	б) Въ томъ числѣ 2.950 р. мѣдныхъ. в) Въ томъ числѣ 11.174 р. мѣдныхъ.
1665.е)	36	1.538	1.574	188	1.386	д) Въ томъ числѣ 12.456 мѣдныхъ. е) По Пр. Д. 1665, № 195.

Какъ видно, временное возростаніе доходовъ Посольскаго приказа есть мнимое, происходящее отъ прилива мѣдныхъ денегъ, упавшихъ въ цѣнѣ.

¹⁾ Именно, жалованье казакамъ (деньгами, сукнами, порокомъ и свинцомъ) 13.072 р. и на приѣзды въ Москву: зимней станицѣ (1.000 человекъ) 5.745 р. и 5 легкимъ станицамъ (по 10 человекъ) 1.575 р.; донскимъ калмыкамъ 500 руб.

²⁾ *Котошилинъ*, 92; П. С. З., № 447, ст. 4, и *Соловьевъ*, XII, 57.

³⁾ П. С. З., № 376. По Глуховскому договору (*ibid.* № 447) размѣщеніе войскъ, въ сущности, остается то-же; въ тѣхъ-же городахъ стоятъ войска и въ 1701 году.

(12.377 четвертей хлѣба и 788 пудовъ соли). У него показанъ и небольшой окладной доходъ: 3.509 р. (съ Кіевскаго моста, перевоза и съ (кіевской) ратуши вмѣсто подводъ и кормовъ, а также питейная прибыль въ городахъ, гдѣ содержатся войска); весь этотъ доходъ, по замѣчанію окладной книги, „бываетъ въ расходъ въ тѣхъ же городѣхъ, а къ Москвѣ не присылаются“; въ Кіевѣ на нихъ содержатся ружники и подъячіе. Остальной, то-есть, почти весь расходъ уплачивается изъ Ратуши. Это обстоятельство и даетъ возможность присоединить Малороссійскій приказъ ко второй группѣ, хотя, въ сущности, онъ ничего не потерялъ съ учрежденіемъ Ратуши, такъ какъ ничего не имѣлъ и ранѣе: только вмѣсто Большой Казны онъ теперь получаетъ свои ресурсы отъ Ратуши.

Итакъ, оборотъ четырехъ разсмотрѣнныхъ приказовъ послѣ учрежденія Ратуши былъ слѣдующій:

	челов.	руб.	четв. хлѣба.	руб.
1 Смоленскій содержитъ	4.797;	платить 41.981 и	5.858; доходъ	889
2) Новгородскій „	7.457;	35.407	78.401;	1.375
3) Посольскій „	75 и донск. войско;	27.204	—	3.368
4) Малороссійскій „	1.966;	16.437	12.377;	3.509
	14.295 и донское в.	121.029 ¹⁾	96.636	9.091 ²⁾

Переходимъ теперь къ третьей группѣ приказовъ, наименѣ пострадавшихъ отъ учрежденія Ратуши, сохранившихъ болѣе или менѣе значительную часть старыхъ доходовъ и имѣвшихъ, такимъ образомъ, возможность содержать свое вѣдомство изъ собственныхъ средствъ.

1. Болѣе другихъ въ этой группѣ потерялъ Казанскій Дворецъ. Въ 1680 г. его окладной доходъ состоялъ изъ оброчныхъ (47.729 р.) и таможенныхъ съ кабацкими (80.346 р.), всего 128.075 р. ³⁾. Къ 1700 г. этотъ окладъ возросъ до 205.029 р., такъ какъ за отдачей въ Ратушу 151.855 р. у Казанскаго приказа все еще оставалось своего дохода 53.174 р. Этотъ оставшійся окладъ состоялъ изъ „ясашныхъ, оброчныхъ, ямскихъ и полоняничныхъ“; окладъ, отданный въ Ратушу, долженъ былъ состоять изъ таможенныхъ, кабацкихъ и стрѣльцовыхъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ томъ числѣ на ямщиковъ: въ Смоленскомъ пр. 1.100 р. и въ Новгородскомъ—6.972 р., всего 8.072 р.

²⁾ Въ томъ числѣ неокладныхъ въ Новгородскомъ 30 р. и въ Посольскомъ 140 руб.

³⁾ И кромѣ того неокладныхъ 22.004 р.

⁴⁾ Въ 1680 г. окладъ стрѣльцовыхъ не могъ быть показанъ, такъ какъ тог

Оставшейся у Казанскаго приказа суммы (съ пошлинами 55.546 р.) далеко не доставало на его старый расходъ: содержание 14.956 чол. служилыхъ въ низовыхъ городахъ, обходившееся въ 97.391 р. (а съ ямщиками 99.748 р.; съ расходомъ на московскій штатъ 100.934 р.¹⁾). Естественно, что значительная часть этого расхода ложилась на Ратушу: изъ 100.934 р. она уплачивала 70.578 р., и только остальные 30.356 р. выдавались изъ средствъ Казанскаго Дворца.

2. Большой Дворецъ въ 1680 г. имѣлъ окладной доходъ 161.299 р., состоявшій изъ трехъ частей: 1) съ живущихъ вытей и оброчныхъ—71.657 р., 2) стрѣлецкихъ, полонянничныхъ и ямскихъ—25.936 р., 3) таможенныхъ и кабацкихъ—63.706 р. Къ Ратушѣ въ 1700 г. долженъ былъ перейти весь послѣдній сборъ и часть предпослѣдняго (стрѣлецкiя). Сравнивая, однако, цифру дохода, дѣйствительно перешедшаго къ Ратушѣ (18.864 р.) съ поступленіемъ таможенныхъ и кабацкихъ въ 1680 г., мы необходимо заключимъ, что переданы въ Ратушу въ 1700 г. не таможенные и кабацкіе, сборъ которыхъ не могъ упасть съ 63.706 р. до 18.864 р. Напротивъ, если выдѣлимъ изъ сбора стрѣлецкихъ, полонянничныхъ и ямскихъ (25.936 р.) приблизительный сборъ стрѣлецкихъ, то увидимъ, что онъ близко подходитъ къ суммѣ, переданной въ Ратушу,—19.815 р.²⁾.

онъ собирался въ Стрѣлцкомъ приказѣ; по окладу „гостей“, на города Казанскаго приказа приходится стрѣлецкихъ 3.879 р. 38 к. Если предположить, что окладъ этотъ не измѣнился до 1700 г. и что отданная въ Ратушу сумма 151.855р. состояла только изъ стрѣлецкихъ и таможенныхъ съ кабацкими, то придется заключить, что однихъ таможенныхъ съ кабацкими собиралось въ моментъ отдачи Ратушѣ—147.976 р.: увеличеніе огромное за 20 лѣтъ (съ 80.346 рублей). Въ суммѣ оставшагося оклада (53.174) наибольшую часть составляетъ ясакъ, который въ 1704 г. былъ переведенъ въ Ижорскую канцелярію въ окладъ 43,667 р.; около 6 съ половиною тысячъ составляютъ оброчные (мельничныи и пчелиный) сборы (6.522 р.) и, следовательно, 2.985 р. приходится на ямскіа и полонянничныа. Госуд. арх., XIX, I, часть 17, кн. № 53.

¹⁾ Въ 1680 г. расходовалось на содержаніе служилыхъ 63.115 р. по окладу и 32.158 р. сверхъ оклада, то-есть, сумма (95.283) довольно близкая къ суммѣ 1701 г. Если считать вмѣстѣ окладной и неокладной расходъ, получимъ тотъ же выводъ: въ 1680 г. 149.774 р., по сметѣ на 1681 г.—187.821 р.; а въ 1701 г. 169.354 р. Въ виду этого можно предположить, что указъ 1680 г. ноября 12-го (П. С. З., № 844), передававшій часть служилыхъ Каз. Дворца въ Разрядъ, не касался уплаты жалованья. По списку городовъ, вѣдомыхъ въ Каз. Дворцѣ въ 1701 г., тоже видно, что его территориальное вѣдомство оставалось прежнее.

²⁾ См. вѣдомость Большаго Дворца 1701 г. у *Есипова*. Сборн. выписокъ, II, 256—257; сборъ ямскихъ и полонянничныхъ отдѣльно показанъ здѣсь 4.121 р.

Итакъ, остается заключить, что таможенный и кабацкій сборъ перенесенъ изъ Большаго Дворца послѣ составленія росписи 1680 г., но до 1700 г., вѣроятно, еще въ Большую Казну; въ 1700 же году оставалось передать однѣ стрѣльцкія.

Сохранившаяся у приказа часть дохода по окладамъ 1680 г. была бы 75.777 р. (71.656 + 4.121). Окладная книга 1701 г. отмѣчаетъ, что еще въ 1701 году окладъ существуетъ съ 1674 года; тѣмъ не менѣе цифра прихода, показанная въ этой книгѣ, значительно выше—99.310 р., хотя главная составная часть его, сборъ съ живущихъ вытей и оброчный остался старый ¹⁾. Уменьшается къ 1701 г. и неокладной сборъ Большаго Дворца, состоявшій въ 1680 г. изъ пошлинъ (по Котошихину—до 2.000 р.) и сбора съ рыбныхъ промысловъ и за поташъ—всего 29.611 р. Главные изъ рыбныхъ промысловъ, астраханскій и яцкія, велѣно 30-го іюня 1700 г. передать въ Ратушу; другіе отданы на откупъ и, можетъ быть, откупныя суммы перечислены въ окладной приходъ ²⁾; какъ бы то ни было, въ 1701 г. этихъ сборовъ мы уже не находимъ; вмѣсто нихъ значатся 6.447 р. съ отдачи икры на откупъ армянамъ и 2.723 р. съ клея „карлучья“, взятаго въ казенную продажу еще въ 1688 г., а съ 30-го января 1701 г. отданнаго на откупъ иноземцу Павлу Вѣстову ³⁾. Считая этотъ неокладной доходъ, Большой Дворецъ получалъ болѣе 100 тыс. (108.480 р. въ 1701 г.).

Расходъ Большаго Дворца также уменьшился вмѣстѣ съ умень-

По окладу гостей сборъ стрѣльцкіхъ въ Б. Дворцѣ былъ 13.353 р. См. главу I, стр. 98.

¹⁾ Въ вѣдомости, напечат. *Есиповымъ* (I. с.), общій окладной доходъ показанъ 85.060 р. (съ неокладнымъ 85.135 р.), при томъ названы *все тѣ* источники его, которые указаны и въ 1701 г., именно (въ скобкахъ указаны цифры изъ вѣдомости *Есипова*): „съ московскихъ 10 слободъ, съ дворцовыхъ городовъ, волостей, селъ и деревень: съ живущихъ вытей (52.443 р.), съ оброчныхъ угодій (18.455 р.), за столовые запасы (3.117 р.), ямскихъ и половянничныхъ (4.121 р.), на покупку конскихъ кормовъ (3.602 р.) и за Гороховское винное куренье (3.322 р.)“. Прибавить къ этимъ цифрамъ можно: 1) 1.990 р. показанные, какъ „сборъ въ городахъ“, который бываетъ „въ иной годъ больше или меньше“. 2) Можетъ быть, надо присчитать и ту часть сбора на конскіе кормы дворцовыхъ волостей, которая разложена не на дворцовыя, а на монастырскія, патриаршія и архіерейскія земли (стр. 258),—7.611 р. 3) Наконецъ, могутъ быть зачислены въ окладные доходы откупныя деньги съ рыбныхъ промысловъ (стр. 240—243)—больше 6.000 р. Со всеми этими прибавками можно получить больше 100 тыс.

²⁾ То и другое по *Есипову*, II, 240—243.

³⁾ А. И. V, № 168 и *Есиповъ* II, 241.

шеніемъ его дохода: часть его возложена была на Большую Казну, а затѣмъ и на Ратушу. Окладное содержаніе царской фамиліи (о которомъ и въ 1680 г. не упоминается въ числѣ расходовъ Большаго Дворца) въ 1696 г. шло изъ Большой Казны, а въ 1701 г. распредѣлялось между Большой Казной и Ратушей; жалованье ружникамъ и оброчникамъ, платившееся въ 1680 г. изъ Большаго Дворца, въ 1697 г. также уплачивается изъ Большой Казны, а въ 1701 г. изъ Ратуши. Сложивъ съ себя эти два расхода, Большой Дворецъ освободился приблизительно отъ 60 тысячъ ежегоднаго расхода ¹⁾; на немъ оставалось по окладу исключительно содержаніе дворцоваго приказнаго штата: на себя и на три дворца, сытнѣй, кормовой и хлѣбный, онъ тратилъ (на 1.312 чел.) 9.681 р. Но главный расходъ Большаго Дворца состоялъ въ неокладныхъ тратахъ, преимущественно на дворцовую провизію, постройки и ремонтъ: въ 1680 г. израсходовано было на эти статьи 161.768 р.; въ 1701 г. эта сумма понизилась до 35.428 р., отчасти потому, что дѣйствительно уменьшился расходъ, но также и потому, что онъ уплачивался въ значительной степени другими учрежденіями ²⁾.

¹⁾ Въ 1696 г. на царицѣ и царевнѣ въ Б. Казнѣ 16.000 р., да въ ихъ мастерскія и верховыя палаты 19.265 р., итого 35.265 р. „по вся годы“ (*Зап. Отд. Р. и Слав. арх.* IV, 338). Въ 1701 г. на царицѣ и царевнѣ 20.000 р. въ Б. Казнѣ и 18.000 р. въ Ратушѣ. На содержаніе ружниковъ по ружной книгѣ 1697 г. шло изъ Бол. Казны 25.288 р. (*ib.*: 343); а въ 1680 г. изъ Бол. Дворца 25.855 р.; въ 1701 г. изъ Ратуши: въ Москвѣ 8.425 р. и въ городахъ 10.731 р.

²⁾ Такъ, въ 1696—1697 г. въ самый приказъ дано „на всякіе дворцовые расходы“ 46.650 р., не считая того, что истрачено на тотъ же предметъ въ другихъ дворцовыхъ приказахъ (*Зап. Отд. Р. и Слав. арх.* IV, 338). Подъ „другими дворцовыми приказами“ мы разумѣемъ кромѣ „верховыхъ“ палатъ, *Золотой* и *Серебряной*, *Мастерскую* (точнѣе Мастерскія: государева, царицына и царевнѣ) и *Казенный* приказъ. Приходо-расходныя книги *Мастерскихъ* (1624—1720) прекрасно описаны *А. Викторовымъ* и эксплуатированы *И. Е. Забылинымъ*; въ финансовой системѣ имъ принадлежитъ ничтожная роль. Старинный доходъ Мастерской палаты (съ 1624 г. *Викторовъ*, I, 241, 325) съ Хамовныхъ селъ Ярославскаго уѣзда (Брептова и Чернасова) въ 1701 г. получался по окладу 400 р. („окладъ старыхъ лѣтъ“); онъ всегда составлялъ незначительную часть суммъ, находившихся въ распоряженіи приказа и поступавшихъ изъ Большой Казны и Дворца, изъ четей и т. д. Но и расходъ приказа не великъ: въ 1701 г. онъ состоитъ исключительно изъ окладнаго жалованья 8.571 р. правдорному штату (635 человѣкамъ, отъ дьяковъ до портоной) и уплачивается Ратушей (а 6.634 четв. хлѣба—Бол. Дворцомъ). Ср. обороты царицыной Мастерской 1624—1653 г. у *Забылина*, II, Матеріалы, № 90, стр. 120—121 (наименьшій обо-

3. Передача таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ изъ Разряда такъ же ускользаетъ отъ нашего наблюденія, какъ и изъ Большаго Дворца. Въ 1680 г. Разрядъ получалъ по окладу: оброчныхъ 3.691 р. и таможенныхъ и кабацкихъ 32.104 р. Въ 1701 г. первый сборъ (оброчныхъ) сохраняется въ томъ же почти окладѣ: 3.824 р.; но таможенныхъ и кабацкихъ, сбравшихся съ стариннаго вѣдомства Разряда, городовъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка, болѣе не упоминается. Такъ какъ этого оклада однако же нѣтъ и въ спискѣ принятыхъ въ Ратушѣ, то мы опять должны предположить, что передача произошла между 1680 и 1700 г., еще въ Большую Казну.

Взамѣнъ потерянныхъ 32.104 р. Разрядъ получилъ нѣкоторые новые доходы. Съ 1699 года въ его вѣдомство отданы были вновь построенныя крѣпости въ устьяхъ Дона и самый Азовъ ¹⁾: съ этихъ мѣстъ онъ получалъ какъ оброчныя, такъ и таможенныя и кабацкія— 8.794 р. Еще новый сборъ съ Комарицкой волости (съ 1701 г.)— 12.445 р. расходовался тутъ же на мѣстѣ. Общій приходъ, слѣдовательно, равнялся 25.062 р. (а съ пошлинами 26.569 р.). Расходъ Разряда не могъ быть покрытъ не только при этомъ доходѣ, но и при доходѣ 1680 г. На его жалованья находилось въ 1701 г. 5.803 чел., служившихъ въ Бѣлгородскомъ, Сѣвскомъ и Новгородскомъ разрядахъ и получавшихъ 51.235 р. (Вмѣстѣ съ содержаніемъ приказнаго штата старый окладной расходъ доходить до 53.189 р.). Но кромѣ этого стараго расхода, Разрядъ содержитъ еще пять полковъ, живущихъ постоянно въ Азовѣ, 7 полковъ, находящихся тамъ же на годовой службѣ, и гарнизоны сосѣднихъ укрѣпленій: всего 10.429 чел., со-

---

ротъ въ 1629 г.: приходъ 264 р., расходъ 200 р.; наибольшій въ 1653 г.: приходъ 10.613 р.; расходъ 8.666 р.). *Казенный* приказъ (см. *Викторогъ*, I, 52—83) совсѣмъ не имѣетъ окладнаго дохода; неокладной состоитъ въ выручкѣ за продажу товаровъ и частью въ пошлинахъ съ дѣлъ. Въ 1701 г. этотъ доходъ былъ 497 р. Расходъ окладной состоитъ въ содержаніи штата приказа (19 чел.) — 545 р.; неокладной бываетъ очень различенъ: въ 1701 г. — всего 460 р., а въ 1680 г. (см. *прид. I*) — 26.141 р. Естественно, что въ случаѣ значительности расхода послѣдній покрывался другими приказами.

¹⁾ Указъ объ отдачѣ Азова, Алексѣевскаго, Петровскаго, Троицкаго и др. въ вѣдомство Разряда см. въ Дворц. Разр. IV, 1118. Крѣпости построены въ 1697 г., какъ видно изъ Пр. Д. 1697 г., іюля 21-го: отписка о томъ, что Шеннъ велѣлъ „въ защиту тому городу Азову сдѣлать вновь земляныя два города, и тѣ города заложилъ: 1-й іюня 20-го за Азовомъ на горѣ надъ р. Дономъ, званіемъ Алексѣевской; другой іюля 4-го за р. Дономъ на Каланчянскомъ острогѣ— противъ Азова, званіемъ Петровской“. Ср. *Елаинъ*, *Ист. р. елота*, стр. 103.

держаніе которыхъ обходится въ 42.182 р. (46.107 четв. хлѣба и 14.304 пуд. соли). Общій расходъ приказа по окладу равняется такимъ образомъ 95.371 р. Понятно, что большую часть его платитъ Ратуша.

Измѣненіе оклада трехъ приказовъ этой группы представляется, слѣдовательно, въ такомъ видѣ:

	Число				
1680 г. (окладъ):	Передано.	Осталось.	Расходъ.	служилыхъ.	
Казанскій Дв.	128.075	151.855	53.174	100.934	17.956
Большой Дв.	161.299	82.569	99.310	45.109	1.312
Разрядъ	35.795	32.104	12.618	95.371	10.429

Мы теперь пересмотрѣли весь кругъ приказовъ, финансовое положеніе которыхъ сколько нибудь значительно измѣнилось вслѣдствіе учрежденія Ратуши. Обратимъ вниманіе на то, что такое вліяніе Ратуши коснулось, стало быть, исключительно областныхъ приказовъ, но за то, за исключеніемъ Сибирскаго приказа, не оставило нетронутымъ ни одного изъ нихъ. Причина этого, конечно, заключается въ томъ, что эти именно приказы по преимуществу имѣли финансовое значеніе. Мы можемъ, далѣе, замѣтить, что наиболѣе пострадали именно тѣ изъ нихъ, которые имѣли исключительно финансовое значеніе, а менѣе тѣ, которые вмѣстѣ были и военными округами.

§ 11. Какъ ни широко вліяніе учрежденія Ратуши на приказную систему государственнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе имъ далеко не исчерпываются всѣ измѣненія, происшедшія въ государственномъ хозяйствѣ за разсматриваемое двадцатилѣтіе. Кромѣ Ратушскаго „прибора“ въ 168.434 р., съ учрежденіемъ Ратуши не связано созданіе никакого новаго источника дохода, точно такъ же, какъ не уничтоженъ ни одинъ старый источникъ. Вся перемѣна сводится только къ нѣкоторымъ перемѣщеніямъ мѣста взиманія сборовъ, къ измѣненіямъ въ области финансовой администраціи. Теперь мы должны обратиться къ изученію другаго, несравненно болѣе важнаго источника перемѣнъ, къ тѣмъ новымъ задачамъ и требованіямъ, которыя успѣлъ уже поставить государственному хозяйству Петръ, не смотря на то, что едва прошло пять лѣтъ съ начала его самостоятельной государственной дѣятельности. Съ 1696 года начинается созданіе новаго флота, съ 1699 года созданіе новой арміи: первое,—чтобы покончить борьбу съ Азовомъ; второе,—чтобы замѣнить опальные стрѣleckія войска; то и другое, слѣдовательно, подъ вліяніемъ непосредственной нужды, а не цѣльной, заранѣе обдуманной системы. Еще менѣе системы въ

тѣхъ средствахъ, которыми удовлетворяются на первыхъ порахъ новыя нужды: по возможности стараются пристроить новый расходъ къ старымъ источникамъ дохода, новое вѣдомство къ старому учрежденію: уже само собою происходитъ, что это новое вѣдомство даетъ старому учрежденію и новый смыслъ. Только при полной невозможности отыскать для новаго расхода постоянный ресурсъ въ какихъ-нибудь старыхъ поступленіяхъ приходится подумать о созданіи ad hoc какого-нибудь спеціальнаго новаго источника; только при полномъ отсутствіи подходящаго стараго учрежденія новое вѣдомство создаетъ себѣ и новое учрежденіе, если только послѣднее не создается вмѣстѣ съ новымъ источникомъ дохода.

Такимъ образомъ, измѣненія, внесенныя новыми военными расходами въ финансовую администрацію, были главнымъ образомъ двухъ родовъ: частью эти расходы были распределены по старымъ учрежденіямъ и сообщили имъ новое значеніе, большей частью выраженное и въ новомъ названіи; частью же понадобилось создать для новыхъ нуждъ новыя ресурсы и учрежденія.

I. 1. Измѣненія перваго рода всего сильнѣе сказались въ положеніи Военнаго приказа, ближе всего стоявшаго къ причинѣ этихъ измѣненій. Подъ этимъ новымъ названіемъ явился по указу 23-го іюня 1700 года ¹⁾ соединенный Иноземскій и Рейтарскій приказъ, послѣ того какъ уже 18-го февраля того же года велѣно было „Иноземскому и Рейтарскому приказамъ не быть“, а вѣдавшихся тамъ служилыхъ— „судомъ и расправой вѣдать боярину кн. Я. Ѳ. Долгорукову и учинить ему тѣмъ дѣламъ особый приказъ“ ²⁾. Въ сущности, однако же, вѣдомство этого „особаго приказа“ создано было еще во время реформы 1680 г.: 12-го ноября этого года изданъ былъ весьма важный указъ, которымъ всѣ областныя войска, расположенныя въ городахъ Большаго Дворца, въ части городовъ Казанскаго Дворца и Смоленскаго приказа и вѣдавшіяся отчасти этими приказами, отчасти Стрѣльцкимъ, а также два столичныя выборныя полка (см. ниже) отдавались въ завѣдованіе соединенныхъ Иноземскаго и Рейтарскаго приказовъ, съ приказаніемъ росписать ихъ въ полки (солдатской службы) „по разрядамъ городами“ ³⁾. Создан-

¹⁾ П. С. З., № 1859.

²⁾ П. С. З., № 1766.

³⁾ П. С. З., № 844, особ. §§ 6 и 7. По этой роспискѣ (вмѣстѣ съ вѣдомствомъ самого Разряда) составлена та вѣдомость, которою мы воспользовались въ I главѣ для таблицы состава арміи (на стр. 52).

ное такимъ образомъ вѣдомство самими официальными документами признавалось тождественнымъ съ вѣдомствомъ позднѣйшаго Военнаго приказа. „Въ прошлыхъ годахъ до 189,—говорится въ одномъ документѣ Ближней Канцеляріи,—городовые солдаты изъ стрѣльцовъ и изъ драгунѣвъ службою вѣдомы были въ Стрѣлецкомъ приказѣ; а со 189 по указу и по разрядной распискѣ тѣхъ городовъ солдаты вѣдомы въ приказѣ Военныхъ дѣлъ“¹⁾). Необходимо замѣтить, впрочемъ, что и указъ 1680 г. прибавлялъ не много новаго, по крайней мѣрѣ, къ финансовому вѣдомству Иноземскаго и Рейтарскаго приказовъ, такъ какъ Рейтарскій приказъ и прежде содержалъ въ городахъ пѣхоту и конницу иноземнаго строя, а городовые стрѣльцы и въ 1701 г., какъ мы видѣли, получали содержаніе еще черезъ посредство областныхъ приказовъ. Въ 1680 г., то-есть еще до указа, Рейтарскій приказъ расходовалъ на пѣхоту и конницу иноземнаго строя 110.182 р.; съ расходомъ Иноземскаго приказа (на иностранныхъ начальниковъ и полковые расходы—27.054 р.) это составляло 137.236 р. Конечно, эти расходы производились не изъ собственныхъ средствъ приказовъ, оставшихся такими же ничтожными, какими зналъ ихъ Котошихинъ: въ 1680 г. вся сумма расхода ваята была изъ Большаго Прихода, Новгородскаго приказа и Новой чети.

Въ 1701 г. расходъ Военнаго приказа чрезвычайно увеличился; причины этого увеличенія видны уже изъ списка его военныхъ расходовъ (по окладу):

I. Начальнымъ людямъ (1.070 ч.).	третнаго	55.526 р.,	полнаго 92.560 ²⁾ .
II. Нижнимъ чинамъ:			
1. двухъ драгунскихъ полковъ (1.452 ч.)	23.780	„	—
2. солдатскихъ:			
а) 1-го выборнаго московскаго полка ген. Вейде (1.100)	13.642	„	—
б) Бутырскаго—ген. Репнина (1.238).	15.049	„	—

¹⁾ Госуд. арх. XIX, 1, часть 4, кн. № 27, л. 108. Указъ 12-го ноября 1680 г. по старому даточисленію относится къ 169 г. Изъ *Стрѣлецкаго* приказа собственно передавались по этому указу только выборные полки и часть областныхъ изъ названныхъ въ указѣ мѣстностей.

²⁾ По объясненію окладной книги, полное жалованье дается „во время службы, какъ они съ полками бывають въ генеральныхъ воинскихъ походахъ, съ того числа, какъ они изъ городовъ пойдуть въ походъ, да по то число, какъ они изъ походовъ возвратятся и придуть въ города въ указныя мѣста: а поамѣсть они въ городахъ бывають, и имъ дается вполоу годовыхъ ихъ мѣсячныхъ кормовъ. А русскимъ начальнымъ людямъ дача безъ службы не бываетъ“.

е) 27 новоприборныхъ (27.563)	307.135	„	—
d) новоприборному Андр. Митчеля, переведенному въ генеральства Репнина въ Бѣлгородъ (1.046)	12.955	„	14.051
III. Городовымъ солдатамъ и драгунамъ безпомѣстнымъ (764)	3.589	„	—
Итого	34.233 чел.		431.676 р., полн. 469.806 р.

Этотъ списокъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Изъ стараго вѣдомства Иноземскаго и Рейтарскаго приказовъ остались здѣсь только начальные люди и два московскихъ выборныхъ полка. Въ военномъ устройствѣ XVII вѣка выборные московскіе полки солдатскаго строя играли любопытную роль. Часть ихъ состава постоянно находилась на службѣ въ Москвѣ еще со времени Михаила Ѳеодоровича ¹⁾. Но это было только ядро, въ которому примыкали въ случаѣ похода служилые и даточные, распускавшіеся въ мирное время по городамъ: собранный для похода составъ распредѣлялся внутри каждаго выборнаго полка на 6 (иногда и болѣе) полковъ: первымъ командовалъ „генералъ“ выборнаго полка, а пятью остальными—5 полковниковъ, числившихся въ постоянномъ составѣ: всѣ шесть полковъ продолжали составлять въ то же время одинъ выборный полкъ, пріобрѣтавшій такимъ образомъ въ походѣ значеніе пѣлой дивизіи и выроставшій въ шесть разъ въ численности. Къ этой старой организаціи и примкнулъ Петръ, когда оказалось, „что по распущеніи стрѣльцовъ никакой пѣхоты сіе государство не имѣло“. Любопытно, что Корбъ, вообще хорошо освѣдомленный, но уѣхавшій изъ Россіи за нѣсколько мѣсяцевъ до начала реорганизаціи арміи, увезъ съ собой представленіе, что она перестраивается совершенно по-старому: онъ разказываетъ, что царь вмѣсто стрѣльцовъ учредилъ „только четыре полка, но въ каждомъ изъ нихъ 8.000 ч.: Гордона, Лефорта, Преображенскій и Семеновскій“ ²⁾.

¹⁾ 1-й полкъ съ 1640-хъ годовъ до 1660-хъ—подъ начальствомъ В. Друмонта („Дромонта“), въ 1661—1665 гг.—подъ начальствомъ Аггея Шепелева, съ 1692 г.—Лефорта (до его смерти 1699 г.), имя котораго за нимъ и осталось. 2-й полкъ съ своего учрежденія въ 1642 г.—подъ нач. Алейя, потомъ Кровкова до 1682 г., Жданова, въ 1885 г. Бюста и, наконецъ, 1686—1687 г.—Гордона. До названій Лефортовскаго и Бутырскаго они были всего извѣстныѣ подъ названіемъ полковъ Шепелева и Кровкова. См. *Brix, Gesch. d. Heereseinricht.*, 298—303; *Posselt, Lefort*, II, 191—205.

²⁾ *Чт. О. И. и Др.* 1867, III, Дневн. *Корба*, стр. 246: старый порядокъ описавъ здѣсь прекрасно, но для выводовъ о новомъ устройствѣ описаніе Корба не годится. Еще въ 1692 г. Лефортъ такъ описываетъ первый выборный полкъ:

Такимъ образомъ, получается 32.000 чел. въ четырехъ полкахъ: число, совершенно соответствующее 32-мъ „тысячнымъ“ полкамъ, изъ которыхъ составила новая армія Петра. Корбъ правъ былъ и въ томъ, что выборные и гвардейскіе полки стали нѣкоторымъ образомъ во главѣ организаціи, но онъ не имѣлъ болѣе точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣлялись „новоприборные“ полки между старыми. Во главѣ войска стали командиры не всѣхъ четырехъ выборныхъ и гвардейскихъ полковъ, а только трехъ, именно Авт. М. Головина (Преображенскаго полка), А. А. Вейде (Лефортовскаго) и кн. Н. И. Ренина (Бутырскаго); Семеновскій же полкъ примкнулъ (33-мъ) къ Преображенскому. Двадцать пять новоприборныхъ пѣхотныхъ полковъ и два новоприборныхъ же драгунскихъ,—тѣ и другіе сформированные въ 1700 г. по указу 17-го ноября 1699 г.,—распредѣлились между тремя „генералами“, поровну, по 9-ти у cadaго, такъ что армія дѣлилась на три „генеральства“, въ каждомъ по 10 полковъ. Сверхъ получавшагося такимъ образомъ количества 30 полковъ, еще два новыхъ пѣхотныхъ полка составляли особый отрядъ въ Новгородѣ. Зависимость отъ главныхъ полковъ, какъ, въ сущности, и прежде, ограничивалась подчиненіемъ ихъ командирамъ; но уже просто потому, что новые полки остались на службѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, тогда какъ даточные прежнихъ наборовъ отсылались по окончаніи похода домой,—новые полки должны были стать болѣе прочными и самостоятельными единицами, чѣмъ старые полки—подраздѣленія выборнаго полка ¹⁾.

„теперь полкъ состоитъ изъ 15.000 человекъ; каждая тысяча имѣетъ своего полковника; безъ моей воли не дѣлается ничего“ etc. *Posselt*, Lefort, II, 206, ср. 204, 197. Бутенантъ е. Розенбушъ пишетъ въ 1693 г., что первый выборный полкъ „состоитъ почти исключительно изъ дворянъ, и среди простыхъ рядовыхъ встрѣчаются владѣльцы 400—500 и болѣе крестьянъ. Въ немъ насчитываютъ до 16.000“; *ibid.* 208. Второй полкъ Гордова (Бутырскій), по словамъ Лефорта, заключалъ 3.000 чел. (*ib.*, 204), а по спискамъ, по которымъ получалъ на него жалованье Гордонъ, состоялъ приблизительно изъ 1.000 чел., болѣею частью не достигая этой нормы (*Tagebuch*, II, *passim*). Въ походахъ его корпусъ увеличивался (См. *Tagebuch*, II, 539: въ первомъ Азовскомъ походѣ—9.393 чел.; ср. III, 22, 84, 122, 132—133, 138); въ 1698 г. подъ его командой было 7 полковъ—7.367 чел. (*ib.*, 184), а въ 1687 г.—5.326 чел. (II, 193), при чемъ съ начала до конца его команды остаются у него, кромѣ Бутырскаго, 3 Тамбовскихъ полка (1687 г.—2.000 чел.; 1695 г.—3.879 чел.; 1698 г.—4.500 чел.), Вашскій (200—500), вѣроятно, и Чердынскій съ Ватскимъ (см. еще въ 1661 г. А. А. Э. IV, № 125).

¹⁾ Имена полковниковъ 29 полковъ и распредѣленіе ихъ по „дивизіямъ“ (этотъ терминъ въ документахъ 1699—1703 г. не встрѣчается) см. въ Журн.

Возвращаясь къ расходу Военнаго приказа, мы найдемъ, что съ 1680 г. онъ удвоился на содержаніе начальныхъ людей и болѣе чѣмъ утроился на содержаніе нижнихъ чиновъ. Къ цифрѣ расхода на тѣхъ и другихъ надо еще присоединить 6.961 р. пенсій отставнымъ служилымъ, вдовамъ и сиротамъ, и 1.244 р. на содержаніе приказнаго штата. Какъ прежде, такъ и теперь Военный приказъ сохранился не изъ своихъ суммъ: собственный доходъ Военнаго приказа равнялся всего 783 р. и содержаніе арміи было возложено на Ратушу.

2. Съ появленіемъ Военнаго приказа—Стрѣлецкій приказъ, уже ослабленный ранѣе, терялъ послѣднее значеніе, а съ 23-го іюня 1701 года потерялъ и свое названіе, будучи переименованъ въ приказъ Земскихъ дѣлъ. Сборъ доходовъ его, какъ мы знаемъ, еще въ 1683 году былъ переданъ областнымъ приказамъ и отъ нихъ въ 1700 г. перешелъ къ Ратушѣ. Послѣ бунта и казней 1698 г. оставшіеся въ живыхъ московскіе стрѣльцы были, какъ извѣстно, распущены по городамъ и записаны въ тягло ¹⁾. 11-го сентября 1698 г. велѣно было и въ городахъ „впредь стрѣльцовъ стрѣльцами не писать, а велѣтъ ихъ писать солдатами,.. потому что на Москвѣ и во всѣхъ городахъ стрѣлецкій чинъ отставленъ, а вмѣсто стрѣльцовъ велѣно быть солдатамъ“. Впрочемъ, уже черезъ три съ половиною мѣсяца (1 января 1699 г.) распоряженіе это было отмѣнено: „а нынѣ указали мы тѣхъ стрѣльцовъ писать по-прежнему стрѣльцами“.. ²⁾. Такимъ образомъ, городовые стрѣльцы продолжали существовать и служили въ петровскихъ войнахъ; къ нимъ, не смотря на

Петра В. I, стр. 4—5 и у *Устрялова* III, 346—347. Всѣ они иностранцы и взяты изъ стараго состава: по крайней мѣрѣ 26 изъ нихъ извѣстны по Дневнику Гордона, и нѣкоторые служатъ очень давно: двое съ 1680-хъ годовъ (Мевъ 1661—1662, Гулицъ 1666—оба уже полковники), шестеро упоминаются съ 1680-хъ годовъ (4 полковника и 2 майора), остальные въ 90-хъ годахъ. Болѣе точныя свѣдѣнія должны находиться въ дѣлахъ Арх. Мин. Юстиціи. Но описцы новой арміи были изъ русскихъ служилыхъ людей; см. Журн. П. В. I, 5. Распределеніе стольниковъ между тремя генеральствами поровну см. Зап. русск. людей, зап. *Желябужскаго*, 73. При походѣ подъ Нарву московскіе чины составляли особый полкъ при фельдмаршалѣ. Указъ о наборѣ см. въ Опис. док. и бум. Арх. М. Юст., V, въ прил. къ статьѣ *А. А. Востокова*: О дѣлахъ Генеральнаго двора, 37—41; см. также Зап. *Желябужскаго* въ изд. *Туманскаго* VII, 216 и въ изд. *Сахарова* Зап. Русск. людей, 68.

¹⁾ *Устряловъ* III, 242—245, и Прик. Д. 1699, марта 5-го. Ср. П. С. З., №№ 1979, 1634.

²⁾ Прик. Д. 1698, сентября 11-го и 1699, января 20-го.

строгое запрещеніе, причислялись даже иногда остатки московских стрѣльцовъ ¹⁾. Въ самомъ вѣдомствѣ Стрѣлецкаго приказа сохранилось къ 1701 г. 7.624 человекъ стрѣльцовъ и содержаніе ихъ составляло главный расходъ приказа: имъ платилось 39.270 р. (59.125 четвертей хлѣба и 22.883 пуд. соли). Не имѣя собственныхъ доходовъ, Стрѣлецкій приказъ заимствовалъ средства изъ доходовъ Земскаго приказа, соединеннаго съ нимъ въ 1699 г. и давшаго ему свое названіе ²⁾. Въ приказѣ Земскихъ дѣлъ, завѣдовавшемъ полиціей и благоустройствомъ въ столицѣ, въ 1680 г. получалось 6.989 р. специальныхъ сборовъ ³⁾; часть ихъ (хомутные) перешла въ 1699 г. къ Ратушѣ, но по другимъ статьямъ сборъ увеличился къ 1701 г. до 19.778 р. и кромѣ того встрѣчаемъ новый источникъ дохода: „съ оброчныхъ дворовыхъ земель и пустошей“ (2.088 р.); несомнѣнно, это—послѣдствіе распоряженія Петра: старыя (конфискованныя) стрѣлецкія земли изъ-подъ дворовъ ихъ въ Москвѣ отдать изъ Стрѣлецкаго приказа на оброкъ ⁴⁾. Итакъ, общій доходъ Земскаго приказа—21.866 р. (а съ неокладными 23.716); но этотъ приказъ имѣетъ и свои расходы, особые отъ Стрѣлецкаго: 5.000 р. на мощеніе мостовъ. Съ расходомъ Стрѣлецкаго приказа (39.270), съ содержаніемъ приказнаго штата и нѣкоторыми другими расходами, общій расходъ соединенныхъ приказовъ (46.048) далеко не равняется приходу и поэтому „на стрѣлецкія и солдатскія дачи деньги даютъ изъ Ратуши“.

3. Съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Стрѣлецкій приказъ, долженъ быть причисленъ къ разсматриваемой группѣ Приказъ артиллеріи. 19-го мая 1700 г. приказано было генералу-артиллеріи царевичу Александру Арчиловичу „вѣдать всякія дѣла, которыя были въ Пушкарскомъ приказѣ“. Не смотря на то, что въ этомъ распоряженіи „Пушкарскій приказъ“ представляется учрежденіемъ отмѣненнымъ, — при новомъ начальникѣ нѣкоторое время онъ продолжаетъ

¹⁾ Напр. Прив. Д. 1701, апрѣля 21-го: генералъ Н. И. Репнинъ стараго московскаго и новгородскаго стрѣлецкихъ полковъ урядниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ приверсталъ въ Новгородѣ въ одинъ Мироновъ полкъ, у котораго полковнику велѣно быть Мирону Байшеву“. Ср. *Устряловъ*, IV, 2, 467. Вѣдаясь новый полкъ въ Новгородскомъ, а не въ Стрѣлецкомъ приказѣ.

²⁾ П. С. З., № 1713, 1859.

³⁾ Мостовыхъ, рѣшеточныхъ и хомутовыхъ по окладу 5.037 р. и пошлинъ собрано въ 1680 г.—1952 р. О вѣдомствѣ приказа см. *Котошихинъ*, 92—93.

⁴⁾ П. С. З., № 1713, № 1667 (9-го января 1699 г.).

носить старое названіе ¹⁾. Подобно двумъ предыдущимъ, Приказъ артиллеріи не можетъ содержаться изъ своихъ средствъ: его окладной доходъ—оброчныя деньги съ засѣчныхъ полянъ и пушкарскихъ земель—въ 1680 г. былъ всего 327 р., а въ 1701г. — 612 р.; неокладной доходъ также весьма незначителенъ (689—1.288 р.). Между тѣмъ расходъ за двадцать лѣтъ весьма значительно увеличился: въ 1680 г. приказъ платилъ московскимъ и городовымъ пушкарямъ 3.645 р. и истратилъ 6.000 р. (неокладной расходъ) на покупку артиллерійскихъ запасовъ; а въ 1701 г. штатъ приказа увеличился пріемомъ иноземцевъ, и вмѣстѣ съ русскими содержаніе его обходилось въ пять разъ дороже—19.747 р. (и 525 р. на приказныхъ); но еще значительнѣе увеличился неокладной расходъ на артиллерійскій матеріалъ и работниковъ: на одну селитру расходовалось 48.000; общій же неокладной расходъ былъ 70.032 р. ²⁾, то-есть въ 11²/₃ раза больше, чѣмъ въ 1680 г.

4. Всѣ три разсмотрѣнные приказа этой группы, существовавшіе и въ XVII в., перемѣнили названіе, какъ бы подчеркивая этимъ перемѣну въ своемъ значеніи. Четвертый, Преображенскій, впервые появился въ послѣднее пятилѣтіе и поэтому, какъ и по другому признаку, съ которымъ сейчасъ познакомимся, составляетъ переходъ къ слѣдующей группѣ. Время происхожденія этого приказа опредѣлить довольно трудно: его возникновеніе связано съ постепеннымъ ростомъ военныхъ заботъ Петра. Первые сколько-нибудь серьезные военные маневры относятся къ 1690—1691 г., и тогда же Преображенскій и Семеновскій полки впервые являются въ качествѣ дѣйствительныхъ полковъ. „Съѣзжая изба“ упоминается въ Преображенскомъ въ іюлѣ 1694 г.; въ августѣ 1695 г. Ѳ. Ю. Ромодановскій завѣдуетъ въ Преображенскомъ уплатой жалованья Преображенскому и Семеновскому полкамъ и сносится съ другими приказами; наконецъ, въ 1696 — 1697 г. упоминается „Преображенская приказная изба“ ³⁾.

Расходъ на содержаніе Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ 1701 г. былъ слѣдующій:

¹⁾ *Бранденбургъ*. Приказъ артиллеріи, стр. 2; Письма и бумаги Петра Великаго I, 825.

²⁾ Объ иноземцахъ въ артиллеріи см. *Бранденбургъ*, 216 — 221 и прилож. 460—468. О количествѣ селитры см. стр. 93.

³⁾ Письма и бумаги императора Петра Великаго I, 500, 534—536, 540, 576. *Соловьевъ*, XIV, 242.

1. Преображенскій (3.416 чел.).	54.634
2. Семеновскій (2.472 „).	37.174
	91.808

Вмѣстѣ съ содержаніемъ 1.332 челов. „новоприборныхъ полковъ, которые въ Москвѣ для карауловъ“ (2.480 р.), съ расходомъ на штатъ и на Семеновскій потѣшный дворъ (763 р.), общій окладной расходъ приказа равенъ былъ 95.051 руб.

Первыя маленькія средства Преображенскій приказъ получаетъ въ 1697 г., когда отдаются въ его распоряженіе конфискованныя имѣнія Цыклера, Соковнина и Пушкина, съ которыхъ онъ получаетъ ежегоднаго оброка 1.224 р. Въ этомъ же году онъ получаетъ сборъ табачныхъ пошлинъ, которыхъ въ 1701 г. поступило 1.286 руб. ¹⁾. Затѣмъ, Петръ назначаетъ на содержаніе Преображенскаго полка сборъ печатныхъ пошлинъ и для увеличенія этого сбора концентрируетъ его рядомъ распоряженій въ Печатномъ приказѣ ²⁾. Но всѣ эти распоряженія мало увеличиваютъ приходъ печатныхъ пошлинъ. Котошихинъ опредѣлялъ доходъ печатнаго приказа въ 7—10 тысячъ, „каковъ лучается годъ“. Въ 1680 г. приходъ пошлинныхъ печатныхъ денегъ былъ 13.685 р. А въ 1701 г., послѣ передачи изъ всѣхъ приказовъ, кромѣ Ратуши, сбора печатныхъ пошлинъ въ Печатный приказъ, сборъ этотъ поступилъ въ размѣрѣ всего 15.924 р. Конечно, добавочныя средства и здѣсь приходилось брать изъ Ратуши.

Итакъ, всѣ перечисленные приказы: Военный, Земскій, Артиллерійскій и Преображенскій, прибѣгаютъ къ доходамъ Ратуши для покрытія своихъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе, мы не отнесли ихъ къ числу приказовъ, хозяйственное положеніе которыхъ измѣнилось съ

¹⁾ П. С. З., 1570, 1580.

²⁾ Еще въ 1693 г. велѣно пошлины съ откуповъ и оброчныхъ статей изъ городовъ присылать въ Печатный приказъ (П. С. З., № 1476); 5-го декабря 1699 г. это распоряженіе повторено и сдѣланъ новый шагъ къ централизаціи печатныхъ пошлинъ: изъ Большаго и Казанскаго Дворцовъ, изъ Сибирскаго и Земскаго приказовъ велѣно собрать печати и печатать документы въ одномъ Печатномъ приказѣ: „для того что печатныя пошлины по именному в. г. указу даются на жалованье и на кормъ по окладамъ Преображенскаго полка урядникамъ и солдатамъ и тѣхъ печатныхъ пошлинъ въ Печатномъ приказѣ за малымъ сборомъ на лапу имъ не достанетъ“ (П. С. № 1727). Наконецъ, 7-го ноября 1701 г. сдѣланъ еще шагъ въ этомъ направленіи: и изъ Ратуши сборъ пошлинъ передавался въ Печатный приказъ (П. С. № 1875).

появленіемъ Ратуши. Дѣло въ томъ, что и въ XVII вѣкѣ содержаніе арміи—такъ какъ объ этомъ расходѣ идетъ здѣсь рѣчь—шло преимущественно изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ; эта причина собственно и вызвала сосредоточеніе этихъ сборовъ въ Большой Казнѣ „для того, что денежная казна надобна на дачу жалованья ратнымъ людямъ“¹⁾. Выборные полки, новоприборные солдаты и Преображенскій и Семеновскій полки и до учрежденія Ратуши получали содержаніе отъ богатыхъ средствами приказовъ, и главнымъ образомъ именно отъ Большой Казны, какъ это видно изъ ея расходной росписи 1696—1697 г.²⁾; съ переходомъ главныхъ средствъ Большой Казны къ Ратушѣ естественно было перейти къ ней и расходамъ Большой Казны.

II. Намъ остается теперь наиболѣе характерная группа приказовъ, доходы которыхъ, или даже они сами, созданы вслѣдствіе появленія новаго расхода послѣдняго патилѣтія. Мы видѣли, что до нѣкоторой степени Преображенскій приказъ можно причислить къ этой группѣ; но доходъ, который пытался создать ему Петръ, слишкомъ ничтоженъ, а главное, и не новъ; совсѣмъ другое увидимъ въ слѣдующихъ приказахъ.

1. Прежде всего остановимся на Золотой Палатѣ, совершенно случайно получившей порученіе, которое въ сущности должно было бы выполняться Военнымъ приказомъ, куда оно, впрочемъ, и было передано въ слѣдующіе годы. При реорганизациі арміи въ 1699—1700 г. все вниманіе было обращено на пѣхоту; конница же, кромѣ двухъ драгунскихъ полковъ, оставалась старая³⁾. Въ 1701 г. этотъ пробѣлъ былъ пополненъ: изъ копейщиковъ, рейтаръ и недорослей на вербованы вновь 9 драгунскихъ полковъ и отданы „службою, судомъ и

¹⁾ А. И. V, № 143. Очень часто выдача эта областнымъ войскамъ и производилась на мѣстѣ сбори, „безъ Московской волокиты“: см., напримѣръ, относительно Разряда 1665 г. П. С. З., № 370; относительно Устюжской четверти см. Пр. Д. 1670, октября 2-го (№ 513); относительно Новгородской,—*ibid.*, 1699, сентября 11-го.

²⁾ Именно, Преображенскій приказъ (съ Семеновскимъ) получилъ въ этотъ годъ изъ Большой Казны 129,341 р. (въ томъ числѣ ежегодныхъ 45,119), Пушкарскій—85,338 (ежегодныхъ 9,381 р.), Стрѣлецкій—77,056 р. (въ томъ числѣ ежегодныхъ 27,725 р.), Иноземскій (главнымъ образомъ, на выборные полки) 69,464 р. (въ томъ числѣ ежегодныхъ 39,752 р.). См. роспись, изд. г. Петровымъ.

³⁾ Это замѣтилъ тогда же Плейеръ въ донесеніи императору: *Reuterei wird keine geworben, sondern der Adel des Landes sollte selbst jeder in Person alzeit bereit stehen. Устряловъ III, прилож. XI, стр. 643.*

управом и всякими дѣлами“ въ вѣдомство Золотой Палаты „боларину кн. Бор. Ал. Голицыну съ товарищи“¹⁾. Окладной расходъ на жалованье этимъ полкамъ (10.012 чел.) былъ 123.461 р.; самое сформированіе ихъ, обмундировка и т. д. стоили 130.411 р. Такой крупный расходъ (253.872 р.) потребовалъ особаго источника дохода, и для покрытія его назначенъ былъ особый сборъ по образцу сборовъ второй половины XVII вѣка:

1) съ вупечества московскаго и городскаго 10-я деньга по окладу	65.478 р.
2) съ дворцовыхъ, монастырскихъ, патриаршихъ, архіерейскихъ, церковныхъ дворовъ по переписи 1678 г. (съ 362.747 дв.) по 25 коп.	90.687 „
3) съ помѣщиковъ и вотчинниковъ по 20 коп. (съ 432.316 дв.) . . .	86.463 „
	242.628 р.

Итакъ, окладъ новаго сбора былъ меньше расходовъ 1701 года; для добавки велѣно было „на одинъ 1701 г.“ взять еще на драгунскія сѣдла по 2¹/₂ коп. съ двора—итого 9.938 р., „а впредь тому сбору не быть“. Такимъ образомъ получалась цифра 252.566 р., близкая къ цифрѣ расхода; но надобно было ожидать, что сборъ по окладу сполна поступать не будетъ: въ 1701 г. поступило только 183.500 р., и 75.000 р. пришлось взять на расходъ изъ приказовъ²⁾. Какъ мы сказали, въ слѣдующіе годы драгунскій сборъ былъ взятъ у Золотой Палаты; если приходъ послѣдней (съ остатками) и въ слѣдующіе годы показывается до 100.000 р., то это потому, что часть своего сбора 1701 г. она обратила въ товаръ (напримѣръ, сукна), который тратился не сразу и показывался въ приходѣ и остаткѣ.

2. Общее оживленіе военной дѣятельности вернуло военный характеръ даже такому учрежденію, какъ Оружейная Палата: изъ учрежденія, интереснаго преимущественно для исторіи русскаго искусства и быта, она снова обращается въ мастерскую оружія и ея археологическій арсеналь обогащается складомъ совѣмъ новыхъ мушкетовъ и карабиновъ. Мастерской оружія былъ собственно Ствольный приказъ, давно уже соединенный съ Оружейной Палатой³⁾: доходъ его состоятъ еще въ 1689 г. изъ выручки за продажу оружія; и выручка эта идетъ на изготовленіе новаго оружія. Съ 3¹/₂:

¹⁾ П. С. З., № 1869, увавъ 22-го сентября. См. списокъ этихъ полковъ и составъ ихъ у *Устрялова*, IV, 2, стр. 476—77. Журн. П. В. I, 28—29.

²⁾ Взято 100 тыс., но 24¹/₂ тысячи отдано въ приказы. См. таблицу 1 въ приложеніи III.

³⁾ Опис. док. и бум. Арх. Ю., V, 147: съ 1660 г. „писанъ вообще съ Оружейнымъ приказомъ“. *Викторовъ*, Опис. дворц. пр., II, 430.

тысяч расходъ на это въ 1701 г. возвышается до 35¹/₂ тыс. Одновременно съ этимъ увеличивается и штатъ приказа. По указу 19-го января 1700 г. Оружейная Палата вѣдала и платила жалованье (4.349 р. и 2.002 четв. хлѣба) приказнымъ и мастеровымъ людямъ Ствольнаго и Оружейнаго приказа, Золотой и Серебряной палатъ ¹⁾: такимъ образомъ составилъ штатъ въ 154 чел., но уже въ 1701 г. къ нему прибавилось еще 52 человѣка и расходъ дошелъ до 7.279 р. ²⁾.

Постоянный доходъ былъ только у Оружейной Палаты — всего 170 р. стараго оброка съ Бронной слободы ³⁾; съ 1684 г. къ этому присоединился доходъ натурой: угольями съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ Московскаго уѣзда съ 3960 дворовъ по 10 мѣръ (по переписи 1678 г.), „а въ которыхъ годѣхъ оружейныхъ дѣлъ бываетъ мало, велѣно имать за то уголье деньгами—1.174 р.“ ⁴⁾. Въ 1701 г. по той и другой статьѣ поступило 1.343 р. Конечно, этого было слишкомъ мало, и Оружейная Палата получила въ 1699—1701 г. три дополнительные источника дохода. Впервыхъ, 23-го января 1699 г. введена, по совѣту Курбатова, одна изъ послѣднихъ европейскихъ финансовыхъ новинокъ: гербовая бумага ⁵⁾. Къ 1701 г. напечатали ея на 300.000 р. слишкомъ, но израсходовано было въ этотъ годъ на Москвѣ и въ городахъ только на 19.853 р. Изъ года въ годъ эта цѣнность гербовой бумаги въ отчетахъ Оружейной Палаты переходить въ видѣ остатковъ, постепенно уменьшаясь (въ 9 лѣтъ съ 285.774 р. до 160.464 р.). За 9 лѣтъ средній доходъ отъ гербоваго сбора составлялъ такимъ образомъ 13.737 р. Вовторыхъ, 1-го марта 1699 года Оружейная Палата получаетъ доходъ съ табачнаго откупа ⁶⁾. Наконецъ, 30-го января 1701 г. ей переданъ сборъ съ

¹⁾ *Викторовъ*, II, 465.

²⁾ Полковникъ рейтарскаго строя, мастеръ математическихъ и навигацкихъ наукъ и т. д. Ср. *Викторова*, II, 466.

³⁾ Новую писцовую книгу Бронной слободы 1667 г. приказано подать въ Оруж. Палату, тогда какъ предыдущая роспись 1647 г. была прислана изъ Бол. Дворца. Оброчный сборъ съ Бронной слоб. отмѣченъ *Викторовымъ* въ 1677 году. (См. стр. 461, 442).

⁴⁾ *Викторовъ*, II, 455.

⁵⁾ Повсюду по примѣру Голландіи: въ Чехіи въ 1686, Пруссіи 1682, Франціи 1655, но распространено эдиктомъ 1671 г., въ Англіи 1694 г. (См. *Wagner. Fin.-wiss.* III, 104, 118, 144, 151, 192). У насъ 23-го января 1699, черезъ 4 дня послѣ подачи подметнаго письма Курбатова. Зап. Р. Люд. (*Желяб.*), 60; П. С. З., №№ 1673, 1703, 1717; А. И. V, № 293.

⁶⁾ „Тое его маркизову (то-есть, Кармартена, который получилъ на откупъ табакъ до этой отдачи: П. С. З., № 1628) табашную продажу велѣно взять въ Оружейной Палатѣ“. А. А. Э. IV, № 318.

нотариальныхъ записей всякихъ крѣпостей на Ивановской площади¹⁾. По всѣмъ тремъ статьямъ, то-есть, за гербовую бумагу, съ табачнаго откупа и съ крѣпостныхъ дѣлъ, въ 1701 г. доходъ получился 45.937 р., а вмѣстѣ съ окладнымъ доходомъ (1.343 р.)—47.280 р. Такимъ образомъ, Оружейная Палата могла содержать сама себя; однако, въ дѣйствительности и она не обходилась безъ добавочныхъ суммъ изъ приказовъ.

3. Происхожденіе двухъ слѣдующихъ приказовъ связано съ основаніемъ русскаго флота. Какъ извѣстно, первыя суда построены были послѣ перваго азовскаго похода въ 1695—1696 гг. въ Преображенскомъ и на Воронежѣ. Послѣ взятія Азова, въ виду предполагавшейся войны съ Турціей, въ засѣданіи думы 20-го октября 1696 г. рѣшено въ принципѣ „морскимъ судамъ быть“; а черезъ двѣ недѣли, въ засѣданіи 4-го ноября, съ участіемъ иностранцевъ обсуждены и способы построенія флота. Именно, постройка кораблей разложена на купечество (вмѣсто десятой деньги) и на духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 100 дворовъ (съ 8 тысячъ и 10 тысячъ дворовъ по кораблю); имѣвшіе же менѣе 100 дворовъ должны были платить полтинныя деньги²⁾: на послѣднія правительство само строило суда. Завѣдованіе новой повинностью было передано указомъ 17-го декабря 1696 г.³⁾ въ Володимірскій Суд-

¹⁾ П. С. З., № 1838; по Новгороду, кн. № 153, л. 68—69.

²⁾ Исторія кумпанствъ со всѣми подробностями изложена въ Исторія Русскаго флота (періодъ Азовскій) *С. Елазина*, 1 томъ текста и 2 тома приложений. Нѣкоторыя дополненія см. также у *Веселаю*. Очеркъ русской морской исторіи, т. I (С.-Пб. 1875). Такъ какъ корабль обходился около 10.000 р. и потомъ былъ замѣненъ именно этой цѣной денежной уплаты, то, слѣдовательно, новая повинность падала на дворъ духовенства—по 1 р. 25 коп.; на дворъ крупныхъ землевладѣльцевъ—по 1 р., и на дворъ мелкихъ землевладѣльцевъ по 50 коп. По этой цѣнѣ 10.000 р. за корабль общій расходъ, повесенный духовными, свѣтскими и купеческими кумпанствами, за 77 $\frac{1}{2}$ судовъ (*Елазинъ*, 150—151) былъ 775.000 р. Взносъ рублевыхъ тоже можно рассчитать приблизительно: въ 17 духовныхъ и 18 свѣтскихъ кумпанствахъ было всего 316.000 дворовъ; общее число дворовъ лицъ привлеченныхъ къ этой повинности 545.495 (*Елазинъ*, прил. II, стр. 383, безъ дворцовыхъ волостей, которыя, какъ и черныя, были свободны отъ повинности); слѣдовательно, полтинный сборъ платился съ 229.495 дворовъ, или равнялся 114.747 руб. По указамъ 1696 г. этотъ сборъ долженъ былъ быть единовременнымъ (*Елазинъ*, прил., т. I, 164—166). Косвенное указаніе на общую сумму полтинныхъ заключается въ распоряженіи 28-го декабря 1696 г.: на эти деньги заготовлять матеріалъ для шести судовъ, и десятковъ двухъ мелкихъ (*Елазинъ*, прил., I, 205).

³⁾ *Елазинъ*, прил., т. I, стр. 203.

ный приказъ, окобничему А. П. Протасеву. Затѣмъ Петръ уѣхалъ за-границу, самъ учиться кораблестроенію; уже безъ него кумпанства отчасти сами принялись за постройку, отчасти отдали ее съ подряда: первые корабли кумпанствъ поспѣли къ зимѣ 1698 г.; но когда вернувшійся изъ-за границы съ новымъ „вице-адмираломъ“ Брюисомъ Петръ осмотрѣлъ ихъ (ноябрь, 1698 г.), они оказались, какъ доносилъ австрійскій посолъ, „скорѣе годными подѣ купеческій грузъ, чѣмъ для военныхъ дѣйствій“; оказались необходимыми разными передѣлками, которыхъ и потребовали отъ кумпанствъ. Въ этихъ исправленіяхъ, а затѣмъ въ извѣстной экскурсіи къ Керчи и прошелъ 1699 годъ: въ теченіе его (2-го марта) умеръ первый „адмиралъ“ флота, Лефортъ, и назначенъ былъ новый, Ѡ. А. Головинъ. Съ началомъ 1700 г. началась; наконецъ, серьезная реорганизація новаго вѣдомства. Протасевъ попался во взяткахъ и въ февралѣ умеръ „съ печали и съ стыда“; 18-го февраля назначенъ былъ новый „адмиралтеецъ“ Ѡ. М. Апраксинъ и съ этимъ назначеніемъ совпадаетъ появленіе новаго Адмиралтейскаго приказа ¹⁾. Первымъ дѣломъ новаго учрежденія было раздѣлаться со старыми кумпанствами и ихъ произведеніями. 20-го апрѣля 1700 г. была произведена приемка кумпанейскихъ судовъ въ Адмиралтейскій приказъ (на Воронежѣ) и не доконченная ими часть работы переведена на деньги; одновременно съ этимъ вмѣсто „снятой“ съ кумпанствъ повинности назначенъ ежегодный денежный сборъ, въ десять разъ меньшій, чѣмъ единовременная повинность,—именно по 1000 р. съ кумпанства (то-есть, съ двора духовнаго 12¹/₂ коп., свѣтскаго 10 коп.); платившіе по полтиннѣ съ двора также обложены ежегоднымъ гривеннымъ

¹⁾ Зап. Русск. люд. (Желяб.), 72. *Елазинъ*, 144—145. Хотя у *Елазина* и говорится, что уже „часть Володимірскаго Суднаго приказа, завѣдовавшая дѣлами кораблестроенія, называлась иногда, по характеру своему, приказомъ Адмиралтейскихъ дѣлъ“, но мы не знаемъ ни одного документа, относящагося по времени до назначенія Апраксина, въ которомъ бы было употреблено это названіе. Можетъ быть, *Елазинъ* имѣетъ въ виду документъ, напечатанный въ прил., т. I, стр. 309—310; но этотъ документъ есть, очевидно, выписка изъ болѣе поздняго дѣла. Въ Воронежѣ существовалъ „адмиралтейскій дворъ“; воронежскихъ строителей Петръ называетъ въ одномъ письмѣ „господа адмиралтейцы“, „господа собранія адмиралтейскаго“ (*Елазинъ*, I, 311); мы предполагаемъ, что въ Воронежѣ является впервые и „Адмиралтейскій приказъ“; объ этомъ прямо свидѣтельствуемъ одно дѣло, произвожившееся 1700 года 27-го апрѣля „на Воронежѣ въ Адмиралтейскомъ приказѣ“ редъ адмиралтейцемъ Ѡ. М. Апраксиннымъ“ (см. *Елазинъ*, I, 320).

сборомъ. Эта новая подать „на печинку кораблей, на покупку всякихъ корабельныхъ припасовъ и на дачу разнымъ мастерамъ и матросамъ“ и легла въ основаніе бюджета новаго приказа. Въ 1701 г. окладъ этого сбора былъ слѣдующій ¹⁾:

1) съ дворцовыхъ, помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (494.535 дв.) съ двора по 10 коп.	49.453
2) съ патриаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковничьихъ (144.620) по 12 ¹ / ₂ коп.	18.071
Итого	67.524

Но къ этому окладному сбору присоединялись неокладныя поступления съ гостинныхъ кумпанствъ, за не доконченную часть работы по ликвидаціи 20-го апрѣля, доимка старыхъ полтинныхъ и т. п.: въ 1701 г. всѣхъ этихъ сборовъ набралось 65.697 р.; такимъ образомъ, общій приходъ при полномъ поступленіи оклада былъ бы 133 тысячи. И этой цифры однако не могло хватить на расходъ приказа, состоявшій, главнымъ образомъ, въ расходахъ на судостроеніе, не поддававшихся введенію въ опредѣленный окладъ: въ 1701 г. такихъ расходовъ было (изъ общаго числа неокладнаго расхода—94.296 р.) не менѣе 81.108 р.; окладной же расходъ на жалованіе русскимъ матросамъ (1.203 человекъ), мастеровымъ, поселеннымъ на Воронежѣ (2.431 человекъ), и иноземцамъ мастерамъ (89 человекъ) составлялъ 50.982 р.; слѣдовательно, общая сумма расхода равняется 145.278 р.

4. Особое отъ Адмиралтейскаго приказа учрежденіе составлялъ Военный Морской приказъ, основанный 11-го декабря 1698 г. для вѣдѣнія привезеннаго Петромъ изъ-за границы флотскаго военнаго штата ²⁾. Постоянное содержаніе этому штату (271 человекъ) состав-

¹⁾ Подробная вѣдомость 1702 г. (тѣ же цифры, какъ и въ 1701 г.) см. *Елашинъ*, прил. т. II, стр. 378—383. Указъ 20-го апрѣля см. *ibid.* т. I, 318—319. *Елашинъ* прикладываетъ еще 16 тысячъ съ гостинныхъ кумпанствъ и съ Строгонова, такъ что общая цифра получается у него 83.000 р.; но эти 16 тысячъ не были ежегоднымъ и окладнымъ сборомъ, а взяты были въ томъ же 1701 г. и въ слѣдующихъ изъ доимки — одновременно, какъ видно изъ напечатанныхъ *Елашинымъ* въ прилож. VIII вѣдомостей. Но въ 1706 г. 14.000 р. съ гостинныхъ кумпанствъ действительно введены въ окладъ (повысившіяся до 86.954 р.), и въ 1707, 1708, 1709 годахъ этотъ „новоокладной“ сборъ взимается ежегодно. См. *Елашинъ*, II, 395—396, 402.

²⁾ Перечень см. у *Устрялова*, III, 576—580; у *Елашина*, прил., т. II, 201—208, 212—214; тутъ и указъ объ учрежденіи Военнаго Морскаго приказа

ляло 28.539 руб. Новый доходъ на покрытие этихъ издержекъ былъ на этотъ разъ найденъ въ учрежденіи другаго монетнаго двора (Одинъ, какъ мы знаемъ, былъ въ вѣдомствѣ приказа Большой Казны) по указу 7-го мая 1701 г. ¹⁾ Въ 1701 г. прибыли отъ денежныхъ передѣловъ этого двора поступило 73.985 р.; въ силу указа 7-го мая половина этой прибыли отдавалась на судостроеніе въ Адмиралтейскій приказъ, которому, какъ мы видѣли, не хватало его собственныхъ доходовъ; а другая половина оставалась въ распоряженіи Военнаго Морскаго приказа, и этого было совершенно достаточно, такъ какъ расходъ его, съ содержаніемъ приказнаго штата, не превышалъ по окладу 30.002 р.

Такимъ образомъ, въ разсмотрѣнной сейчасъ группѣ приказовъ новые доходы, введенные Петромъ, были слѣдующіе:

1) Въ Золотой Палатѣ драгунскій сборъ (не считая сѣдельнаго) по окладу	242.628 р.
2) Въ Оружейной Палатѣ гербовый, табачный и крѣпостной сборы.	45.937 "
3) Адмиралтейскій сборъ четырехъ - алтынныхъ съ деньгой (12 ¹ / ₂ коп.) и гривенныхъ	67.524 "
4) Въ Военномъ Морскомъ приказѣ прибыль съ денежнаго двора	73.985 "
Итого	430.074 р.

Но этимъ, конечно, далеко не ограничивается увеличеніе доходовъ къ 1701 году. Къ полученной цифрѣ слѣдуетъ прибавить приборъ Ратуши сравнительно съ переданными ей въ 1700 году окладами (168.427 р.), доходъ съ новопріобрѣтенныхъ устьевъ Дона въ Разрядѣ (8.794 р.), а главное, денежную прибыль въ приказѣ Большой Казны. Мы знаемъ, что въ 1701 г. она превышала 700 тысячъ руб.; изъ нихъ 650 тысячъ мы смѣло можемъ отнести къ новымъ ресурсамъ казны ²⁾. Такимъ образомъ, только перебирая несомнѣнно новые доходы, мы получимъ увеличеніе въ 1.257.295 р. Ниже, при разсмотрѣніи общаго бюджета 1701 года, мы вернемся къ оцѣнкѣ этого прироста.

§ 12. Сведя всѣ указы, о которыхъ говорилось до сихъ поръ, въ двѣ главныя группы, соотвѣтствующія двумъ главнымъ направле-

¹⁾ Указъ напечатанъ у *Еламина*, прил., т. II, стр. 421—422.

²⁾ См. слѣдующую главу.

нимъ перемѣнъ въ государственномъ хозяйствѣ 1682—1701 гг., мы этимъ самымъ устранили изъ характеристики тѣ приказы, которые остались въ сторонѣ отъ этихъ перемѣнъ и сохранили въ 1701 году то же значеніе, которое имѣли и въ 1680 году. Такъ какъ, однако же, относительно того времени мы не дѣлали подробной характеристики отдѣльныхъ приказовъ, то и теперь мы не имѣемъ права обойти совершеннымъ молчаніемъ этотъ разрядъ приказовъ, не затронутыхъ вовсе событіями изучаемаго двадцатилѣтія. Мы постараемся сообщить о нихъ только самыя необходимыя свѣдѣнія, чтобъ не увеличивать сложности нашей, и безъ того уже слишкомъ пестрой, картины.

Ямской и Конюшенный приказы сохранили совершенно неприкосновенными свои старыя окладныя доходы: первый—ямскія и полонянничныя (по 5—10 коп. съ двора по переписи 1678 года) въ окладѣ 29.815 р. ¹⁾; второй—пошлины съ конскихъ площадокъ и бань — 11.055 р. ²⁾. Совершенно тѣми же остаются и ихъ расходы: Ямской содержать ямщиковъ во всемъ государствѣ, а Конюшенный — придворныя экипажи и лошадей ³⁾.

Сибирскій приказъ, единственный не тронутый перемѣнами областной приказъ, требуетъ нѣсколько большаго вниманія и нѣкоторыхъ предварительныхъ свѣдѣній для объясненія его оклада, показаннаго въ 1701 году. Познакомимся сперва съ его оборотами въ XVII вѣкѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка обороты эти выражаются слѣдующими цифрами (цѣна мѣховъ, а въ скобкахъ — наличныя деньги) ⁴⁾:

	1635.	1640.	1644.
остатокъ предыдущаго года.	23.280	111.243 (3.092)	51.881
поступленіе истекшаго	63.518 (7.442)	81.648 (35.030)	102.021
итого	86.798 (7.442)	192.891 (38.122)	153.901
расходъ	52.458 (7.442)	77.898 (33.254)	103.889
остатокъ	34.340	114.993 (4.868)	50.012

¹⁾ Въ 1701 году: 30.262.

²⁾ Въ 1701 году: 11.045.

³⁾ Въ 1701 году въ 36 городахъ содержалось 36 ямовъ, состоявшихъ каждый изъ 5—60 вытей, съ жалованьемъ 10—24 р. на выть (т. е. 50—1440 р. на ямъ) и 5 московскихъ слободъ (300 вытей по 25 р. въ каждой).

⁴⁾ Таблица составлена по смѣтнымъ спискамъ Сибирскаго приказа (Арх. М. Юстиціи), указаніемъ которыхъ я обязанъ извѣстному знатоку документовъ Сибирскаго приказа, уважаемому Н. Н. Оглоблину. За 1635 г. см. Сиб. пр. кн. № 60 (еще до выдѣленія Сибир. приказа изъ Казанскаго Дворца); за 1640 г. — кн. № 135 (денежный приходъ и расходъ прибавленъ по столбцу Сиб. пр. 101, представляющему черновикъ этой смѣты, съ л. 1032, 1052—1053); за 1644 г. — кн. № 54.

Быстрый ростъ ясачнаго сбора (составляющаго главную часть прихода: 60—80—100 тысячъ), конечно, объясняется происшедшимъ именно въ это время процессомъ открытія „новыхъ земель“¹⁾. Во второй половинѣ вѣка этотъ ростъ долженъ былъ нѣсколько приостановиться. Въ 1680 году, дѣйствительно, сборъ былъ тотъ же, что въ 1644 году—102.026 р. (при окладѣ 143.610); въ 1698 году собрано было 143.676 р.; въ 1699 году—131.522 р.²⁾

Такимъ образомъ, въ среднемъ доходъ Сибирскаго приказа въ XVII вѣкѣ врядъ ли былъ болѣе 150.000 р.³⁾

Цифры 1701 года должны быть близки къ этой суммѣ: мы знаемъ, что сборъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ не былъ отнятъ у Сибирскаго приказа, и только что познакомились съ доходами 1698 — 1699 гг. Между тѣмъ, по окладной книгѣ доходъ съ ясака показанъ по окладу всего 12.851 р., а съ другими источниками—весь окладной доходъ равенъ 50.961 р. Недоумѣніе объясняется тѣмъ, что тутъ же показаны безъ цѣны мѣха; при переводѣ ихъ на деньги получимъ не менѣе 78.000 рублей; прибавляя эту сумму къ показанному окладу, получимъ около 130 тысячъ, — цифру близкую къ поступленію 1699 года⁴⁾.

¹⁾ Въ самый этотъ промежутокъ прибавился совсѣмъ новый сборъ ясака съ Левскихъ и Якутскихъ людей: въ 1637 — 1638 гг. поступило его 10.745 р., а въ 1640 г. уже 26.999 р., то-есть, приборъ 16.254 р. (по енисейской цѣнѣ).

²⁾ Р. Ист. Библ. VIII, 689—892, итогъ на стр. 887—888. Эти цифры имѣютъ для насъ особенное значеніе, потому что здѣсь можно выдѣлать таможенный сборъ, именно:

	1698.	1699.
таможенные.	40.209	56.539
ясачные, десятинные и неокл.	103.467	74.983
	<hr/>	<hr/>
	143.676	131.522

³⁾ Поэтому показаніе *Котошикина*, что этотъ доходъ достигалъ „въ годъ болѣе 600.000“, надо признавать совершенно не вѣрнымъ. Впрочемъ, и самъ *Котошикинъ* добросовѣстно предупреждаетъ, что „сколько числомъ той казны придетъ въ году, того описать не въ память“.

⁴⁾ Въ числѣ мѣховъ показаны 1.100 сороковъ соборей и 6.828 лисицъ. Переводъ только эти цифры по указанной цѣнѣ 1697 г. (П. С. З., № 1602 и *Андріевичъ*, Ист. Сибиря. II, 253) и принимая среднюю, при томъ не московскую цѣну по 1 р. за соборей, а за сорокъ — 40 р., получимъ 44.000; цѣна лучшей лисицы показана 10 р.; если положимъ по 5 р., то получится 34.140 р. Причина, почему мѣха показаны отдѣльно, можетъ быть, заключается въ распоряженіи 1697 г. (П. С. З., № 1599): „въ Сибирскомъ приказѣ впредь подъячимъ никакихъ товаровъ въ приходъ и расходъ не держать, а держать одни денежные расходы, для того

Расходъ Сибирскаго приказа идетъ на содержаніе сибирскихъ гарнизоновъ (въ 19 городахъ 11.510 человѣкъ); съ приказнымъ штатомъ и ямщиками содержаніе ихъ обходилось въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ 68.000 рублей ¹⁾.

Монастырскій и два Патріаршихъ приказа по финансовому вѣдомству своему также остались, какими были прежде, но самое появленіе ихъ въ государственной росписи свидѣтельствуетъ о важной перемѣнѣ: ихъ суммы стали употребляться на общегосударственныя нужды. Изъ одной справки, сдѣланной въ 1723 году, мы узнаемъ, что до 1704 года съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ (107.694 двора по переписи 1678 года) получалось „по прежнимъ окладамъ“ 188.935 р. ²⁾. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сопоставить этой цифры съ современнымъ учрежденію приказа свидѣтельствомъ: въ 1701 году Монастырскій приказъ не успѣлъ прислать окладной вѣдомости въ Ближнюю Канцелярію и пришлось довольствоваться свѣдѣніями о дѣйствительномъ поступленіи 1701 года, которое составляло 50.574 рубля. Объяснять разницу этихъ цифръ мы не рѣшаемся: дѣйствительный приходъ ближайшихъ годовъ, во всякомъ случаѣ, близокъ къ приходу 1701 года и не напоминаетъ показаннаго выше оклада.

Патріаршій дворцовый и Патріаршій казенный приказы, существовавшіе съ 1620—1625 гг. ³⁾, завѣдовали—первый всякими сборами съ патріаршихъ вотчинъ, составлявшихъ по переписи 1678 года 8.761—8.914 дворовъ ⁴⁾; второй—сборами на патріарха съ церковей и

что тѣмъ мѣновнымъ товарамъ пристойно быть въ Купецкой палатѣ⁴. См. о Купецкой палатѣ статью *Н. А. Попова* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1889, февраль: „Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ“. Въ 1706 г., по документамъ Ближней Канцеляріи (Госуд. арх. XIX, 1, часть 14, н. № 53), приходъ Сибирскаго приказа былъ 145.440 р., въ томъ числѣ таможенныхъ и кабацкихъ 77.119 р., леалу 58.297 оброчныхъ и откупныхъ статей 8.565 р.

¹⁾ 68.020 р. (въ томъ числѣ ямщикамъ 5.400). Ср. *Р. И. Бѣл.* VIII, 1. с.: 67.658 р.

²⁾ „Окладныхъ оброчныхъ всякихъ домовыхъ доходовъ, съ церковей данныхъ, съ вѣчныхъ памятей, прошлыхъ и канцелярскихъ сборовъ“. См. *Горчаковъ*. Монастырскій прик., прилож., 95—6.

³⁾ См. о нихъ: *Горчаковъ*. О зем. влад. митроп., патр. и св. синода. С.-Пб. 1871, 347 и слѣд.; *Н. Кантеревъ*. Святскіе архіерейскіе чиновники въ древней Русі. М. 1874, 192 и слѣд.

⁴⁾ *Горчаковъ*. О зем. влад., 355, 457; ср. прилож., 158. Въ оклады книгъ расхода 1701 г.: 8.843 двора.

церковныхъ земель всего государства ¹⁾). Сборы обоихъ сравнительно не велики: около 17.000 р. по окладу и около 5.000 р. неокладныхъ ²⁾).

Въ слѣдующихъ приказахъ исключительный (неокладной) доходъ составляютъ пошлины: въ Печатномъ приказѣ, въ Московскомъ Судномъ, Холопьемъ Судномъ, Дворцовомъ Судномъ, Семеновскомъ и Помѣстномъ. Кромѣ перваго, получавшаго до 16 тысячъ, и послѣдняго, получавшаго до 7¹/₂ тысячъ, приходъ всѣхъ остальныхъ равнялся съ небольшимъ 6.000 (въ томъ числѣ въ Московскомъ Судномъ почти 5 тысячъ). Единственная статья расхода во всѣхъ этихъ приказахъ — содержаніе собственнаго штата.

Остается, наконецъ, упомянуть три спеціальныя вѣдомства: Аптекарскій приказъ, который получалъ неокладной доходъ отъ продажи лѣкарствъ, не покрывавшій, впрочемъ, даже расхода на покупку ихъ (около 3.000), не говоря уже о содержаніи довольно дорогого штата (9¹/₄ тысячъ); Рудный приказъ, учрежденный 24-го августа 1700 года, никакого дохода не имѣвшій и получавшій около 2.000 рублей на жалованье своему штату изъ другихъ учреждений; Печатный дворъ, довольно мертвый капиталъ котораго состоялъ въ казенныхъ не проданныхъ книгахъ: въ 1701 году въ общемъ приходѣ приказа 61.542 р. ихъ значится на 59.393 р. Штатъ его, получавшій около 3¹/₂ тысячъ, содержался на выручку изъ книжной продажи; и всѣ его траты покрывались наложеніемъ новой цѣны на „нововыходныя книги“ ³⁾).

§ 13. Рубрикація нашего главнаго источника — сводныхъ вѣдо-

¹⁾ Параллель, несомнѣнно, очень напоминающая ту, которая должна была существовать между сборами Бол. Дворца и Бол. Прихода — четей въ началѣ XVII в. Патр. Фидаретъ создавалъ въ своихъ патріаршихъ приказахъ, какъ извѣстно, полную копию въ миниатюрѣ съ приказовъ государственныхъ.

²⁾ Въ Патр. *дворцовомъ*: „съ таможенъ, съ харчевень, съ крестьянъ съ рыбныхъ ловель оброну и съ тѣмъ, что собираю на дворецкаго“ (Баскакова: „а нынѣ собираютъ въ казну“) — 8.419 р. и неоклади. сборъ съ мельницъ и перевозовъ 157 р. Въ Патр. *казенномъ*: данныхъ съ московскихъ и городскихъ церквей, съ церковныхъ земель и тамож. сборъ—8.714 р. Неокл. сборъ пошлинъ: съ вѣчныхъ памятей, съ церквей и церковн. земель и пр..., съ явки отъ обидень—4.567 р.

³⁾ Рудный приказъ выдѣленъ изъ прии. Бол. Казны. См. П. С. З., № 1812. *Неволинъ*, VI, 164. Вслѣдствіе упомянутой въ текстѣ особенности Печатнаго двора, его расходъ никогда не уменьшаетъ суммы его прихода, которая къ концу года остается та же, что была въ началѣ. См. таблицы въ прилож. III.

мостей Ближней Канцелярии,—не на столько раздѣльна и отчетлива, чтобы позволить намъ дать классификацію доходовъ 1701 г., основанную исключительно на показаніяхъ этого источника. Но послѣ предложенныхъ въ этой главѣ комментаріевъ къ цифрамъ вѣдомостей Ближней Канцелярии мы рѣшаемся представить попытку такой классификаціи, степень обоснованности которой будетъ зависѣть, конечно, отъ того, на сколько будутъ признаны убѣдительными сдѣланныя выше относительно каждаго приказа разъясненія. Чтобы облегчить повѣрку предлагаемой таблицы, мы оставляемъ неприкосновенными всѣ слагаемыя, изъ которыхъ получились отдѣльные итоги.

I. Прямые налоги (по окладу).

1. Стрѣлцкія ¹⁾:

a) Новгородскій приказъ	52.780
b) Устюжская четь	20.453
c) Большой Дворецъ	18.864
d) Костромская четь (⁵ / ₆)	8.075
e) Владимірская четь	5.131
f) Смоленскій приказъ (⁵ / ₆)	4.502
g) Казанскій дворецъ	3.879
h) Галицкая четь	3.553

117.227 (4%)

2. Ямскія и полонянничныя:

a) Ямской приказъ	30.263
b) Большой Дворецъ	4.121
c) Казанскій Дворецъ	2.985
d) Смоленскій прик	839

38.208 (1,3%)

3. Ясажъ ²⁾:

a) Казан. Дворецъ	43.667
b) Сибирскій	74.983 = (1699 receipt)

118.650 (4%)

¹⁾ Въ эту группу вошли оклады, переданные въ 1700 г. въ Ратушу (ср. стр. 13); изъ общихъ суммъ стрѣлцкихъ и оброчныхъ, переданныхъ, какъ мы полагаемъ, въ Ратушу, вычтены цифры оброчныхъ, показанныя на стр. 15. Общій итогъ близокъ къ окладу гостей и, стало быть, можетъ считаться вѣрнымъ. См. также 1-ю главу, стр. 41. Цифра Каз. Дворца вставлена по окладу гостей и, можетъ быть, ниже дѣйствительной.

²⁾ Въ Казанскомъ дворцѣ онъ показанъ вмѣстѣ съ ямскими и полонянничными и оброчными въ суммѣ 53.174 р. (мы выдѣляемъ отдѣльные сборы по даннымъ 1705 г.); но послѣднихъ должна входить въ это число очень незначительная сумма. Сборъ Сибир. приказа показанъ изъ 1699 годъ. См. стр. 32, прим. 6.

4. Новые налоги: а) Адмиралтейскій	67.524
б) Драгунскій	242.628

Итого 310.152 (10,5%)

Всего прямые налоги. 584.237 (19,8%)

II. Косвенные налоги (таможенные и кабацкія).

а) Большая казна (съ приборомъ Ратуши) ¹⁾	979.156
б) Казанскій Дворецъ	147.976
в) Сибирскій приказъ ²⁾	56.539
д) Разрядъ	8.794
е) Малороссійскій приказъ ²⁾	3.509

Итого таможенныхъ и кабацкія. 1.195.974 (40,4%)

III. Регалии и пошлины.

1. Монетная операція:

а) Въ Большой казнѣ	717.743
б) Въ Военномъ Морскомъ	73.985

Итого 791.728 (26,8%)

2. Оброкъ ⁴⁾ 130.183 (4,4%)

¹⁾ За отсутствіемъ болѣе точныхъ свѣдѣній приходится принять, что 810.722 р., переданные Ратушѣ Большой Казной, состояли *исключительно* изъ таможенныхъ и кабацкихъ; такимъ образомъ съ приборомъ должна получиться цифра 979.156. Приборъ Ратуши, конечно, сдѣланъ преимущественно на этихъ же сборахъ. Ошибка, совершенная такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ не значительна.

²⁾ По цифрѣ *дѣйствительно* сбора, собраннаго въ 1699 году. См. стр. 346, примѣч. 2.

³⁾ Очень незначительная часть этого дохода не относится къ этой рубрикѣ, см. стр. 323—324.

⁴⁾ Оброчный сборъ разбросанъ по слѣдующимъ учрежденіямъ:

1) Большой Дворецъ	80.939	9) Костромская ¹ / ₆	1.615
2) Конюшенный (конскій и банн.)	11.045	10) Оружейная	1.343
3) Новгородскій	10.345	11) Преображенскій	1.224
4) Казанскій Дворецъ	6.522	12) Галицкая четь	1.198
5) Разрядъ	3.823	13) Владимирская	1.118
6) Посольскій	3.228	14) Смоленскій ¹ / ₆	900
7) Устюжская четь	3.000	15) Военный	783
8) Земскій	2.088	16) Артиллерія	612
		17) Мастерская	400

130.188

Въ цифрѣ Новгородскаго приказа сложены 9.000, отданныхъ въ Ратушу, и 1.345 новый оброкъ (а стрѣлцкія деньги) съ Панкратьевыхъ.

3. Пошлины ¹⁾	118.699	(4%)
Итого рентали и пошлины		1.203.091
IV. Не распределено по рубрикамъ ²⁾	134.944	(4,6%)
Всего смѣтный приходъ		2.955.765 ³⁾

Какъ видимъ, смѣтный доходъ (то-есть, окладной вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ поступленіемъ неокладныхъ за 1701 г., а въ Сибирскомъ приказѣ за 1699 г.) достигаетъ 3-хъ миллионъ. Чтобы найти дѣйствительный приростъ дохода за все двадцатилѣтіе, новый трехмиллионный бюджетъ надо сравнивать не съ двумя миллионами всей наличности 1680 г., а съ 1.463.977 р. смѣтнаго дохода (почти равнаго дѣйствительному поступленію 1680 года, если не считать

¹⁾ Распределеніе ихъ по приказамъ (неокладной дѣйствительный сборъ 1701 года):

1) Оружейная	45.937	9) Военный	569
2) Ратуша	38.544	10) Семеновскій	526
3) Печатный приказъ	15.924	11) Дворцовый судный	342
4) Помѣстный	7.581	12) Холопій	312
5) Патриаршій казенный	4.967	13) Посольскій	140
6) Московскій судный	4.948	14) Новгородскій	30
7) Казанскій дворецъ	2.872		
8) Разрядъ	1.507		118.699

²⁾ Именно *окладныхъ* 87.485 (въ Земскомъ мостовыя и рѣшеточныя—19.778; въ Патриаршихъ 17.133, въ Монастырскомъ (дѣйствит. поступления) 50.574; *неокладныхъ* 47.459 (въ Сибирскомъ приказѣ пени, пошлины и друг. сборы 32.504; въ Большомъ Дворцѣ откупъ якры и клея 9.170; въ Земскомъ 1.850; въ Преображенскомъ 1.286, въ Артиллеріи 1.288, въ Аптекарскомъ 707, въ Казенномъ 497, въ Патр. дворцовомъ 157).

³⁾ Общій расчетъ нашихъ документовъ слѣдующій. По окладу „доведется быть“ 1.900.000 р. (въ 22-хъ приказахъ). Неокладныхъ доходовъ, которые „вся годы бываютъ“—220.881 р. Съ ними вмѣстѣ получаемъ 2.120.972. Присоединяя сюда прибыль съ передѣловъ 791.728, получаемъ общій смѣтный доходъ 2.912.700 р. При сравненіи съ нашей цѣрой нужно имѣть въ виду, что мы приняли нѣсколько большія цѣры по Сибирскому приказу (на 80.561), но за то оставили въ сторонѣ оклады, перешедшіе въ Большую Казну изъ Земскаго, Коношеннаго, Стрѣлецкаго и Великоорусскаго приказовъ, не подававшіеся распределенію (всего 7.272). Такимъ образомъ нашъ итогъ долженъ быть выше на 73.289 р., тогда какъ онъ выше всего на 43.063 руб.; слѣдовательно, остальные 30.226 р. составляютъ дѣйствительную разницу: этому, впрочемъ, не слѣдуетъ придавать значенія, такъ какъ источники въ итогахъ обыкновенно сами не согласны съ собой.

остатка отъ предыдущаго ¹⁾). Такимъ образомъ, найдемъ, что приростъ равняется $1\frac{1}{2}$ милл., изъ которыхъ $1\frac{1}{4}$ миллионъ приходится, какъ мы видѣли выше, на долю новыхъ сборовъ. Для болѣе точнаго сравненія предлагаемъ параллельныя цифры поступленій по отдѣльнымъ рубрикамъ въ 1680 г. и 1701 г., передѣлавъ нѣсколько съ этою цѣлю таблицу, напечатанную въ I главѣ (стр. 100).

	1680.	1701.
I. Прямые налоги:		
1. Стрѣлецкія ²⁾	101.468 (6,9%)	117.227 (4%)
2. Ямскія и полонянничныя (въ 1680 и конскія)	53.453 (3,6%)	33.208 (1,3%)
3. Запросныя ³⁾	235.338 (13,1%)	310.157 (10,5%)
✓ 4. Ясакъ	103.610 (7,1%)	118.650 (4%)
	<hr/> 493.869 (33,7%)	<hr/> 584.237 (19,8%)
II. Косвенные (там. и каб.)	650.223 ⁴⁾ (44,4%)	1.195.974 (40,4%)
III. Регалии и пошлины:		
1. Монетная операція	40.000 (2,7%)	791.728 (26,8%)
2. Оброкъ	146.150 (10%)	130.183 (4,4%)
3. Пошлины	33.735 (2,3%)	118.699 (4%)
	<hr/> 219.885 (15%)	<hr/> 1.040.610 (35,2%)
IV. Разные сборы около	100.000 ⁴⁾ (6,8%)	134.944 (4,6%)
Всего	<hr/> 1.463.977	<hr/> 2.955.765

Мы видимъ, что за двадцать лѣтъ государственный доходъ удвоился. По отдѣльнымъ статьямъ, абсолютное увеличеніе особенно значительно по рубрикамъ монетной операціи (752 тыс.) и таможен-

¹⁾ Объ отношеніи *смыслнаго* дохода 1701 г. къ действительному мы не будемъ говорить здѣсь, такъ какъ объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Тамъ мы увидимъ, что годовая наличность, считая остатки предыдущихъ лѣтъ, доходить до 5 — 6 милл., такъ что при сравненіи съ наличностью 1680 г. (2 милл.) увеличеніе получается еще значительное—въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза.

²⁾ Сопоставляемъ „новые налоги“ 1701 г. съ запросными 1680 г.

³⁾ Изъ этой цифры выдѣлена примѣрная цифра прибыли отъ денежной операціи 40.000 р., хотя известная по росписи 1680 г. часть этой прибыли—всего 11.882 р. (см. слѣд. главу). Взамѣнъ нихъ предположительно прибавлены 40.000 там. и каб. въ Сибирскомъ приказѣ; остальные 103.610 р. изъ оклада Сибирскаго приказа (стр. 101) помѣщены подъ рубрикой „ясака“; хотя тутъ заключается не одинъ ясакъ, за то ясакъ въ Казанскомъ приказѣ остался не выдѣленнымъ; одна неточность нѣсколько исправляетъ другую.

⁴⁾ Сюда относимъ главнымъ образомъ доходы Монастырскаго и Патриаршихъ приказовъ.

ныхъ и кабацкихъ сборовъ (545 тыс.), давшимъ вмѣстѣ приростъ болѣе $1\frac{1}{4}$ милліона. Сравнивая же относительныя цифры, мы замѣтимъ, что главный тонъ всему измѣненію даетъ эксплуатація регальныхъ правъ; развитіе этой рубрики понижаетъ относительное значеніе всѣхъ остальныхъ, не смотря на то, что абсолютныя цифры по всѣмъ рубрикамъ значительно увеличиваются.

Переходимъ теперь къ окладному расходу 1701 г. Въ составѣ расхода а priori слѣдуетъ ожидать весьма значительнаго увеличенія военныхъ расходовъ. Таблицу расхода по нашимъ документамъ можно составить съ желаемой степенью точности. Вотъ, прежде всего, составъ военнаго расхода:

	Денегъ.	Хлѣба (четв.).	Соли (пудовъ).
1. Штабъ (начальнымъ людямъ) пол- ный окладъ	143.075	"	"
2.078 чел. третной окладъ .	105.206	11.148	3.121
2. Пѣхота (солдатамъ 59.485 чел.). .	565.279	192.133	33.036
3. Пѣхота и конница (стрѣльцы и ка- заки) 32.667 чел.	161.785	328.094	36.254
4. Конница: а) драгунскимъ полкамъ (12.234 чел.)	135.180	5.351	2.000
b) дворянамъ, жильцамъ, городо- вымъ дворянамъ, дѣтямъ бояр- скимъ, новокрещенамъ и рейта- рамъ (1.180 чел.)	12.379	11.246	1.818
5. Артиллерія (пушкарямъ, затинщи- камъ, инженерамъ и мастерамъ артилл. дѣлъ) 1.545 чел.	21.979	3.494	2.756
6. Флотъ (военному штату и мастерамъ) 2.031 чел.	63.364	104	"
7. Иррегулярныя войска: а) на Донѣ казакамъ и калмыкамъ	20.386	"	"
b) Аюгѣ тайшѣ, калмыкамъ, мур- замъ и татарамъ (1.160 чел.) .	11.385	5.636	1.195
c) на Запорожьѣ.	1.848	"	"
итого . 112.380 ч.	1.136.660	557.206	80.180
съ третнымъ	1.098.791		

Итакъ, сравнительно съ 1680 г. (650—700 тысячъ; см. главу I-ю, стр. 102) расходъ на армію увеличился болѣе чѣмъ въ полтора

раза, сократился, въ частности, расходъ на стрѣльцовъ; дворянскую конницу находимъ уже въ полномъ упадкѣ; сохранились старыя гарнизоны по городамъ (стрѣльцы и казаки) и во главѣ всей арміи стала новая пѣхота и конница набора 1700 года. Въ 1680 г. довольно значителенъ былъ послѣ арміи расходъ на дворцовое хозяйство (224.366 р.); въ 1701 г. расходъ этотъ упалъ не только относительно, но и абсолютно. На дворцовое хозяйство по окладу тратилось всего только 56¹/₂ тысячъ (21.926 четв. хлѣба и 26 пуд. соли)¹⁾. Остальные расходы были еще менѣе значительны, такъ что мы не будемъ уже перечислять отдѣльныхъ составныхъ частей ихъ, а распредѣлимъ по слѣдующимъ рубрикамъ (включая рассмотрѣнныя двѣ):

	Денегъ.	Хлѣба.	Соли.
1. Военные расходы . . .	1.136.660 (82,9%)	557.199	80.181
2. Дворцовыя „	56.583 (4,1%)	21.926	26
3. Благотворительность и пенсіи	51.883 (3,8%)	19.762	900
4. Средства сообщенія (им- щеніи)	45.293 (3,3%)	1.147	,
5. Специалисты разныхъ дѣлъ ²⁾	33.892 (2,5%)	6.703	431
6. Администрація	25.723 (1,9%)	6.315	434
7. Медицина.	21.184 (1,5%)	50	15
итого.	1.371.218	613.102 ³⁾	81.987

	Денегъ.	Хлѣба.	Соли.
1) Въ частности: 1) Къ царевнамъ и царицамъ.	38.000		
2) На содержаніе штата трехъ дворцовъ (886 чел.) . . .	6.934	8.406	
3) Содержаніе штата Коню- шеннаго приказа (547). . .	2.967	6.022	26
4) Содержаніе штата Мастер- ской палаты (666 чел.) . . .	8.360	6.818	
5) Содержаніе штата Семенов- скаго потѣшнаго двора (75).	322	680	
	56.583	21.926	26

¹⁾ Конечно, преимущественно военныхъ, такъ что можно безъ большой ошибки отнести этотъ расходъ тоже къ военнымъ.

²⁾ Хлѣбъ дается изъ Провіантскаго приказа, соль изъ Большой Казны. *Провіантскій* приказъ появился послѣ 18-го февраля 1700 г., вѣроятно, непосредственно вслѣдствіе распоряженія Петра (П. С. З., № 1764): „въ хлѣбныя запасы

Эта цифра окладнаго расхода почти одинакова съ цифрой расхода въ бюджетъ 1680 г. (1.370.050 р.); но только въ послѣднюю цифру включенъ весь расходъ 1680 г., тогда какъ намъ, кромѣ окладнаго расхода, предстоитъ рассмотретьъ еще неокладной. Въ 1701 г. неокладной расходъ по тѣмъ же рубрикамъ былъ слѣдующій (присоединяемъ во второмъ ряду общія суммы окладнаго и неокладнаго расхода):

1. Военные расходы	828.192;	съ окладнымъ 1.964.852 (78,3 ^o /o)
2. Дворцовое хозяйство.	53.823	110.406 (4,4 ^o /o)
3. Расходъ по торговымъ операціямъ и монетному передѣлу.	88.607	88.607 (3,5 ^o /o)
4. Благотворительность и церковь	10.483	62.366 (2,5 ^o /o)
5. Администрація	26.486	52.209 (2,1 ^o /o)
6. Средства сообщенія и почта.	4.746	50.039 (2 ^o /o)
7. Дипломатія.	45.695	45.695 (1,83 ^o /o)
8. Постройки.	44.228	44.228 (1,77 ^o /o)
9. Медицина	6.057	27.241 (1,1 ^o /o)
10. Просвѣщеніе	3.616	3.616 (0,14 ^o /o)
11. Разные расходы (здѣсь и мастера разн. дѣлъ)	24.704	58.596 (2,3 ^o /o)
	1.136.637	2.507.855

Такимъ образомъ и смѣтный расходъ къ концу изучаемаго двадцатилѣтія такъ же, какъ приходъ, удвоился. При этомъ военный расходъ, еще болѣе прежняго, имѣетъ подавляющій перевѣсъ въ бюджетъ: въ 1680 г. онъ составлялъ 62°/o всего расхода, а въ

на дачу разнымъ людямъ сборомъ и дачею на Москвѣ и въ городѣхъ вѣдать околицному Сем. Ив. Языкову...; именоваться ему генераль-провіантомъ; да съ нимъ же быть дякомъ... (и) подъячимъ..."; сидѣть въ палатахъ бывшаго Казеннаго приказа. Здѣсь есть все, что нужно для существованія приказа: начальникъ, штатъ и помещеніе; нѣтъ только названія: но то же самое мы видимъ въ приказахъ Артиллеріи и Адмиралтейскомъ, которые, какъ и Провіантскій, получили свое названіе отъ титула ихъ начальниковъ. Окладной сборъ Провіантскаго приказа состоялъ въ хлѣбѣ, котораго по переписнымъ книгамъ 1678 г. собиравлось (съ 792.788 дворовъ) — 606.010 четвертей; именно: ржи 279.606, овса 277.926, ржаной муки 39.897, ячменя 4.994, крупы, толокна—1.794.

1701 г.—уже 78⁰/₁₀₀, то-есть, почти $\frac{4}{5}$ бюджета. Весьма характерно для новыхъ условий жизни двора сокращеніе дворцовыхъ расходовъ, уменьшившихся вдвое, если брать абсолютныя цифры (съ 224.366 до 110.406), и въ $4\frac{1}{2}$ раза, если сравнить относительное значеніе ихъ въ бюджетѣ: въ 1680 г. на дворцовое хозяйство тратилось 19⁰/₁₀₀, то-есть, почти $\frac{1}{5}$ бюджета, теперь же этотъ расходъ не составляетъ и $\frac{1}{20}$ доли бюджета (4,5⁰/₁₀₀). Остальныя рубрики расхода не вызываютъ замѣчаній ¹⁾.

Въ результатѣ нашего изложенія, два факта обваруживаются при изученіи государственнаго хозяйства 1681—1701 г.: во-первыхъ, окончательное паденіе областныхъ финансовыхъ приказовъ XVII в., во-вторыхъ, появленіе дѣлаго ряда новыхъ военныхъ приказовъ съ финансовымъ значеніемъ. Можно, конечно, сказать, что оба эти факта имѣютъ одну и ту же причину—необходимость увеличить государственный бюджетъ. Но къ достиженію этой общей цѣли государственно-хозяйственная политика разсматриваемаго двадцатилѣтія приходитъ двумя совершенно различными путями. Первый путь указавъ исторіей государственнаго хозяйства XVII столѣтія: онъ состоитъ въ стремленіи увеличить доходность сборовъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, путемъ реформы ихъ администраціи: путемъ сосредоточенія ихъ въ одномъ центральномъ учрежденіи и путемъ устраненія отъ взиманія ихъ—приказнаго элемента, какъ не способнаго отвѣчать за полноту сбора, съ одной стороны, и какъ составляющаго непроизводительный и лишній расходъ на взиманіе сбора—съ другой стороны. На этотъ путь совершенно сознательно стала реформа 1680 г. и естественнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ ея явилась Ратуша—самое полное и грандіозное проявленіе фискальной политики XVII ст. и, можно сказать, самый зрѣлый плодъ ея. Но въ тотъ моментъ, когда совершалось естественное развитіе старой государственно-хозяйственной системы, результатъ его уже не удовлетворялъ новымъ государственнымъ потребностямъ. Петръ начиналъ свою бурную карьеру, не справляясь, что можетъ дать для нея существующая финансовая система. Онъ набиралъ новую пѣхоту и конницу, строилъ новый флотъ, обязывался по договору платить огромную субсидію, не зная, есть ли для этого деньги. Когда дѣло бывало сдѣлано, денегъ начинали искать; не находили: создавали новый специальный налогъ. Такимъ образомъ

¹⁾ Перечисленіе статей неокладнаго расхода въ каждой изъ принятыхъ рубрикъ см. Прилож. III, ведомость 1.

въ пять лѣтъ, рядомъ отдѣльныхъ распоряженій,—въ которыхъ если и была система, то во всякомъ случаѣ не финансовая,—прибавилось къ $1\frac{1}{2}$ милліонамъ стараго государственнаго дохода еще столько же. Если судить по смѣтнымъ цифрамъ, новый доходъ шелъ на полмилліона впереди новаго расхода, составлявшаго $2\frac{1}{2}$ милл.; такимъ образомъ, бюджетъ имѣлъ повидимому при вступленіи Россіи въ Сѣверную войну нѣкоторую устойчивость. Было ли такъ на самомъ дѣлѣ, остановился ли ростъ бюджета на достигнутой цифрѣ, была ли даже и достигнутая цифра доходовъ достаточно устойчива, все это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, предваряющее нѣсколько ходъ нашего изслѣдованія. Приказная система съ учрежденіемъ Ратуши стала уже совсѣмъ мало походить на то, что мы привыкли считать финансовою системою XVII в.; несомнѣнно, эта система была значительно усовершенствована. И вотъ, рядомъ съ только что созданнымъ центральнымъ учрежденіемъ, уничтожавшимъ старое приказное хозяйство, возникаютъ одно за другимъ новыя,—опять цѣлый слой учреждений въ сущности съ старымъ приказнымъ характеромъ, но съ свѣжею финансовою силою. До сихъ поръ то и другое существуетъ параллельно, но въ принципѣ эти учрежденія мѣшаютъ другъ другу; скоро они будутъ мѣшать другъ другу и на практикѣ. Кто побѣдитъ: Ратуша ли поглотитъ новыя военные приказы, какъ поглотила уже старыя областныя, или они разорвутъ на клочки ратушскіе доходы? На сторонѣ первой — несомнѣнное преимущество формы, организаціи. На сторонѣ вторыхъ — связь ихъ съ дѣйствительною жизнью, которая въ старую, готовую организацію не укладывается. Несомнѣнно, финансовая администрація должна будетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ; старая система превратится въ хаосъ, на развалинахъ котораго уже очистится мѣсто для болѣе грандіозной постройки.

II. Миллюновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Харьковскій университетъ не имѣетъ еще своей исторіи; только отдѣльные эпизоды изъ его жизни обращали на себя вниманіе изслѣдователей. Особенно посчастливилось первымъ годамъ его существованія: въ трудахъ М. И. Сухомлинова ¹⁾, Н. А. Лавровскаго ²⁾, А. С. Лебедева ³⁾ изложена въ подробности исторія открытія Харьковскаго университета и сообщены какъ свѣдѣнія о лицахъ, игравшихъ дѣятельную роль въ этомъ дѣлѣ, такъ и характеристики первыхъ профессоровъ, собравшихся въ Харьковъ распространять свѣтъ науки. О другихъ періодахъ жизни университета существуютъ только отрывочныя и не всегда достовѣрныя указанія.

Не задаваясь цѣлью писать исторію Харьковскаго университета, я намѣренъ, время отъ времени, сообщать тѣ свѣдѣнія о выдающихся его дѣятеляхъ, которыя удалось мнѣ собрать, пользуясь преимущественно матеріалами университетскаго архива. На первый разъ остановлюсь на личности извѣстнаго профессора математики Осиповскаго и на исторіи его удаленія отъ должности ректора и профессора.

Тимоѣй Ѳеодоровичъ Осиповскій былъ одинъ изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета. Въ трудахъ Сухомлинова, Лавровскаго и въ статьѣ Чирикова ⁴⁾ сообщено не мало данныхъ

---

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 128, стр. 9.

²⁾ В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 159.

³⁾ *Вѣстникъ Европы.*, 1876, мартъ, 135.

⁴⁾ Т. Ѳ. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета. *Русская Старина.* 1876, ноябрь. 463—490.

для характеристики его личности и его ученой дѣятельности; въ нихъ же изложена печальная исторія его устраненія отъ университетской дѣятельности. До сихъ поръ однако не выяснены ближайшіе мотивы его удаленія. Сухомлиновъ считаетъ причиною неудовольствіе, вызванное у попечителя Карнѣева замѣчаніемъ Осиповскаго что, говоря о Богѣ, умѣстѣе употребить выраженіе существуетъ, нежели живетъ. Чириковъ видитъ причину въ интригахъ со стороны недруговъ Осиповскаго, воспользовавшихся его нелюбовью къ мистикамъ, угождавшимъ высшему университетскому начальству; въ доказательство Чириковъ ссылается на напечатанный въ его статьѣ доносъ, представленный попечителю профессоромъ Дубровичемъ. Нѣтъ сомнѣній, что эти объясненія являются отголоскомъ мнѣній современниковъ; однако, знакомясь ближе съ условіями, въ какихъ находился тогда Харьковскій университетъ, легко убѣдиться, что причиною, вызвавшей увольненіе Осиповскаго отъ службы въ университетѣ, былъ не какой-либо отдѣльный случай, не извѣтъ того или другаго лица, а коренное различіе во взглядахъ и во всемъ умственномъ складѣ, оказавшееся между Осиповскимъ, стоявшимъ въ качествѣ ректора во главѣ университета, и назначеннымъ въ 1817 году попечителемъ Харьковскаго университета З. Я. Карнѣевымъ.

Н. А. Лавровскій былъ совершенно правъ, утверждая, что увольненіе Осиповскаго было естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ новыхъ порядковъ, которые стали входить въ то время въ русскіе университеты и представителемъ которыхъ въ Харьковскомъ университетѣ былъ Карнѣевъ ¹⁾. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, стоитъ только познакомиться съ этими двумя личностями, вынужденными обстоятельствами находиться въ постоянныхъ отношеніяхъ. Ихъ убѣжденія, весь складъ умственной дѣятельности ихъ представляли такія непримиримыя противорѣчія, что ихъ взаимныя отношенія не могли не повести къ катастрофѣ.

Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ происходилъ изъ старинной дворянской (шляхетской) семьи, вышедшей изъ Польши и поселившейся въ предѣлахъ Ахтырскаго Слободскаго полка, именно въ мѣстности, занимаемой нынѣ Богодуховскимъ уѣздомъ ²⁾. Изъ родослов-

¹⁾ Доновъ Дубровича, напечатанный Чириковымъ, не могъ уже потому имѣть значенія, что полученъ былъ Карнѣевымъ только 27-го октябра 1820 года тогда какъ представленіе объ увольненіи Осиповскаго послано министру 24-го іюля.

²⁾ Ахтырскій полкъ занималъ нынѣшніе Ахтырскій и Богодуховскій уѣзды и часть смежныхъ уѣздовъ Харьковской, Полтавской и Курской губерній.

ной, имѣющей въ дѣлахъ Харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія, видно, что дѣдъ его, Карнѣй Лаврентьевъ Карнѣевъ, служилъ подпрапорнымъ въ Ахтырскомъ Слободскомъ казачьемъ полку. Сынъ Карнѣя, Яковъ, былъ въ томъ же полку сотникомъ; онъ имѣлъ трехъ сыновей: Василія, служившаго, какъ и его отецъ, сотникомъ, а затѣмъ членомъ краснокутской Нижней расправы въ чинѣ титулярнаго совѣтника, Ивана, дослужившагося до маіорскаго чина, и Захарія, попечителя Харьковскаго университета.

Семейство Карнѣевыхъ къ богатымъ не принадлежало; за Васи́лемъ Яковлевичемъ, при выходѣ его въ отставку, числилось всего пять душъ крестьянъ (мужескаго пола); поэтому всѣ они въ раннихъ лѣтахъ шли на службу. Такъ было и съ Захаромъ Яковлевичемъ. Изъ его формулярнаго списка видно, что онъ поступилъ въ военную службу въ 1768 году, когда ему было всего 20 лѣтъ; трудно поэтому думать, чтобы Захаръ Яковлевичъ получилъ сколько нибудь тщательное образованіе; на это не было ни времени, ни средствъ¹⁾. Впрочемъ, въ то время не было, повидимому, въ обычаѣ тратить на воспитаніе такъ много времени, какъ теперъ; лица даже изъ извѣстныхъ и богатыхъ фамилій кончали свое воспитаніе и поступали на службу въ такомъ же раннемъ возрастѣ. Примѣръ тому мы видимъ въ Лопухинѣ, одномъ изъ видныхъ дѣятелей первой половины царствованія императора Александра I.

Въ военной службѣ З. Я. Карнѣевъ пробылъ 14 лѣтъ, оставаясь почти все время въ арміи, дѣйствовавшей на югѣ Россіи и въ Крыму. Здѣсь были о немъ, повидимому, хорошаго мнѣнія, такъ какъ на него были возлагаемы такіа обязанности, которыя требуютъ не только знанія и знакомства съ дѣломъ, но предполагаютъ особое довѣріе къ лицу. Такъ, въ 1755 году онъ былъ отправленъ къ некрасовскимъ казакамъ „для приведенія ихъ“, такъ значитъ въ формулярномъ спискѣ, „въ разчувствованіе древней ихъ измѣны и обращенія въ свое отечество“. Въ 1782 г. З. Я. Карнѣевъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и назначенъ директоромъ экономіи въ Курскую губернію²⁾;

¹⁾ Только объ одномъ изъ Карнѣевыхъ, младшемъ сынѣ Васи́лія Яковлевича, извѣстно, что онъ обучался въ Харьковскихъ училищныхъ классахъ, при Харьковскомъ коллегіумѣ; это былъ Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ, смѣнявшій Захара Яковлевича на должности попечителя Харьковскаго университета. Онъ былъ знакомъ съ иностранными языками и извѣстенъ, какъ переводчикъ Божественной философіи Дютуа.

²⁾ Директоръ экономіи или домоводства и былъ одинъ изъ членовъ Казенной палаты. Учрежд. о губерніи. 1775 г.

о дѣятельности его въ этой должности не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Черезъ три года, въ 1785 году, мы видимъ его уже Орловскимъ вице-губернаторомъ. Къ этому періоду относятся первыя свѣдѣнія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на нравственный обликъ Карнѣева: онъ оказывается масономъ и занимаетъ первенствующее мѣсто въ Орловской ложѣ.

Орловская ложа была заведена однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Новикова И. В. Лопухинимъ, а мастеромъ ея или главнымъ надзирателемъ былъ, начиная съ 1785 года, З. Я. Карнѣевъ ¹⁾. Когда вступилъ онъ въ масоны, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; надо думать однако, что въ 1785 году онъ уже не былъ новичкомъ, такъ какъ иначе едва-ли бы онъ могъ занимать такую высокую должность въ ложѣ — главнаго надзирателя теоретическаго градуса. Возможно предполагать, что Карнѣевъ присоединился къ масонамъ еще въ бытность въ военной службѣ. Извѣстно, что въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія масонство было очень распространено въ русскомъ образованномъ обществѣ, а въ арміи, бывшей въ Молдавіи, существовали двѣ ложи: ложа Марса, въ Яссахъ, начальникомъ которой былъ Петръ Ивановичъ Мелиссино, младшій братъ Московскаго попечителя, старшій масонъ, еще въ 1756 году принадлежавшій къ Петербургской ложѣ ²⁾, и ложа Минервы, въ Сагодурахъ. Намъ не извѣстно также, гдѣ и когда познакомился Карнѣевъ съ И. В. Лопухинимъ; изъ словъ послѣдняго видно, однако, что въ 1796 году они были уже старинными друзьями ³⁾; поэтому знакомство ихъ можно отнести къ 1785 году, когда Лопухинъ, вышедши въ отставку, проживалъ нѣкоторое время въ своей Орловской деревнѣ. Тамъ, вѣроятно, установились между ними тѣ дружественныя отношенія, о которыхъ можно судить по отзыву Лопухина о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, „исполненномъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей“.

Этотъ отзывъ весьма знаменателенъ; человѣкъ, заслужившій его отъ такой высокоблагородной личности, какою былъ И. В. Лопухинъ, долженъ былъ имѣть выдающіяся достоинства не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. И дѣйствительно, сохранился офиціальныи документъ, рисующій въ выгодномъ свѣтѣ личность Карнѣева.

¹⁾ *Лопухинъ*, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 85.

²⁾ *Лопухинъ*, I. е., стр. 92.

³⁾ Записки Лопухина, стр. 64.

По смерти Екатерины, однимъ изъ первыхъ дѣлъ императора Павла Петровича было помилованіе не малаго числа лицъ, осужденныхъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, и возвращеніе многихъ, находившихся въ опалѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ И. В. Лопухинъ, черезъ котораго вызванъ былъ въ Петербургъ и его другъ З. Я. Карнѣевъ; впрочемъ, онъ недолго оставался въ Петербургѣ и вскорѣ былъ назначенъ губернаторомъ въ Минскую губернію, гдѣ, въ маѣ 1797 года, принималъ императора Павла. Какъ видно, государь остался имъ доволенъ, такъ какъ въ этомъ году Карнѣевъ получилъ въ награду орденъ св. Анны 2-го класса, тотъ же орденъ 1-й степени и, кромѣ того, пенсію въ 1,000 рублей, какъ сказано въ формулярномъ спискѣ „за усердную службу, ревность къ трудамъ и порядочное теченіе дѣлъ въ губерніи“.

Въ 1797 году прошло не болѣе четырехъ лѣтъ со времени присоединенія Минской губерніи. Въ то время, когда край, присоединенный къ Россіи въ 1793 году, принадлежалъ Польшѣ, очень значительная часть населенія его была, или по крайней мѣрѣ считалась исповѣдующею унию. Положеніе униатскаго населенія и отношеніе его къ православію или, какъ тогда выражались, къ благочестію, было въ различныхъ мѣстахъ присоединеннаго края далеко не одинаково: въ южныхъ частяхъ его, въ Украинѣ и части Волынской губерніи, униа не имѣла глубокихъ корней. Народъ сохранилъ тамъ русскій языкъ и православные обычаи: разница между унией и православіемъ имѣла внѣшній характеръ и поддерживалась главнымъ образомъ вліяніемъ польскихъ пановъ и администраторовъ — латвіянъ. Народъ и даже бѣлое духовенство на столько сознавали свою тѣсную связь съ православными, что не встрѣчали препятствій воспитывать своихъ дѣтей въ православныхъ кievскихъ школахъ или посылать въ православныя церкви ¹⁾; извѣстенъ даже случай, что униатскій священникъ пригласилъ себѣ въ помощники православнаго. При такомъ положеніи дѣла достаточно было уничтоженія внѣшняго давленія, поддерживавшаго унию, чтобы она немедленно рухнула; это и случилось. Какъ скоро населеніе увидѣло, что нѣтъ болѣе препятствій къ переходу въ благочестіе, то въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1794 по 1796 г. почти всѣ униаты Подольской губерніи и большая часть униатовъ Волынской, всего болѣе 1.400,000 душъ, приняли православіе ²⁾. Движеніе это было вполнѣ добровольное и подготовлялось из-

¹⁾ Гр. Толстой, *Иосифъ интродуктъ Литовскій*. С.-Пб. 1879, стр. 9 и слѣд.

²⁾ Гр. Толстой, *Римскій католицизмъ въ Россіи*. Т. 2. стр. 80 и примѣч. 2.

давна; оно только выжидало благоприятныхъ условий для своего проявленія, которыя и были созданы мудрыми мѣрами Екатерины ¹⁾. Добровольный характеръ движенія признавали даже враги его — поляки, какъ видно изъ свидѣтельства современника поляка, которое приведено гр. Толстымъ ²⁾.

Иначе было дѣло въ Минской губерніи; здѣсь вліяніе Польши было гораздо сильнѣе; населеніе было на столько ополячено, что говорило не иначе, какъ по польски; польскіе паны-владѣльцы чувствовали себя здѣсь дома и потому могли дѣйствовать смѣлѣе; здѣсь же были весьма многочисленны главные представители и дѣятели униі—монахи базилиане. Какъ трудно шло здѣсь дѣло воссоединенія, видно изъ того, что въ теченіе двухъ вышеупомянутыхъ лѣтъ число воссоединенныхъ въ Минской губерніи не дошло до 16,000 душъ. Надо еще имѣть въ виду, что въ этомъ числѣ было не мало такихъ, которые приняли православіе не добровольно и впослѣдствіи выражали свое сожалѣніе. Правда, ни Екатерина, ни представитель духовной власти Минской области, архіепископъ Викторъ, не желали принуждать униатовъ переходить въ православіе; это было предоставлено на волю каждаго; извѣстенъ даже случай, когда архіепископъ Викторъ прямо указывалъ подчиненнымъ ему благочиннымъ неумѣстность всякаго понужденія въ этомъ дѣлѣ! Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что со стороны низшихъ исполнителей было иногда выказываемо въ этомъ дѣлѣ излишнее рвеніе, къ чему, впрочемъ, могли подать поводъ и самыя мѣры, принятыя Екатериною. Такъ, она распорядилась, чтобы грамота архіепископа Виктора, которою униатское населеніе приглашалось „въ объятія церкви, матери вашей“ ³⁾. была объявлена „во всѣхъ городахъ и селеніяхъ... съ пособіемъ управляющихъ земскою полиціей“; при этомъ генералъ-губернатору поручалось „въ таковомъ богоугодномъ дѣлѣ оказывать всевозможное пособіе, и тѣмъ паче, что сіе есть самое надежное средство къ утвержденію народа тамошняго въ единомысліи и спокойствѣ“ ⁴⁾. Какъ бы то ни было, но еще при жизни Екатерины Синоду пришлось выслушивать жалобы воссоединенныхъ на неудобства, испытываемыя ими вслѣдствіе отсутствія священниковъ; такія жалобы не

¹⁾ Коллосичъ, Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ. С.-Пб. 1873. Глава X.

²⁾ Коллосичъ, I. с., стр. 93, примѣчаніе.

³⁾ Коллосичъ, I. с. стр. 361.

⁴⁾ Рескриптъ генералъ-губернатору Туголомину отъ 22-го апрѣля 1794 года.

прекращались; оказалось даже, что жители многихъ селеній пожелали вновь обратиться въ унию. Императоръ Павелъ Петровичъ, при посѣщеніи Минской губерніи, обратилъ вниманіе на эти колебанія нѣкоторыхъ униатовъ и повелѣлъ губернатору Карнѣеву „обѣхать всѣ тѣ селенія, въ которыхъ униатскія церкви превращены въ благочестивыя, но жители въ тѣ церкви ходятъ и священныя требы получать уклоняются, а буде онъ, господинъ губернаторъ, найдетъ, что жители добровольнаго желанія къ присоединенію къ церкви нашей не объявили и всегда желали оставаться въ униі, тамъ имъ ни препятствія, ниже принужденія никакого чинить не позволять, однимъ словомъ, стараться возстановить спокойствіе каждаго въ его совѣсти и отвратить раздоръ и ссоры“¹⁾).

Въ исполненіе этого повелѣнія Карнѣевъ обѣхалъ свою губернію и собранныя наблюденія изложилъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ²⁾, рисуящемъ его, какъ человѣка не только глубоко религіознаго и понимающаго важное значеніе религіозныхъ вопросовъ для народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго вѣроисповѣдной нетерпимости, врага принудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ совѣсти, безпристрастно цѣнящаго достоинство священнослужителей обоихъ вѣроисповѣданій.

На сколько въ этомъ рапортѣ отразились личныя свойства и убѣжденія его автора, Карнѣева, и на сколько выражены въ немъ мысли навѣяны извѣстными тогдашнимъ настроеніемъ высшихъ сферъ и преимущественно самого императора Павла, трудно рѣшить. Нельзя отрицать, что общеніе съ масонами должно было оставить слѣды на Карнѣевѣ, принимавшемъ живое участіе въ ихъ дѣятельности въ бытность начальникомъ Орловской ложи, а нравственныя цѣли, общія всѣмъ масонамъ, выражались въ духѣ терпимости, снисходительности къ ошибкамъ и заблужденіямъ ближнихъ, въ борьбѣ съ фанатизмомъ и суевѣріемъ, въ мечтахъ о всеобщей взаимной любви и помощи. Надо однако сознаться, что эти возвышенные принципы оставались большею частью на словахъ, а дѣло нерѣдко вовсе расходилось со словомъ. Такія убѣжденные личности, какъ Шварцъ, отдавшій все свое имущество для пользы общаго масонскаго дѣла, были не болѣе, какъ исключеніе. Большинство плыло по теченію: замѣчали они въ дѣйствіяхъ высшей власти проявленія терпимости въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, стремленіе избѣгнуть мѣръ принужденія,—и они ста-

¹⁾ *Колловичъ*, I. с., стр. 381.

²⁾ *Русскій Архивъ*, 1869, стр. 1559.

новидись снисходительными къ чужимъ убѣжденіямъ, не только не препятствовали населенію, — не смотря на предшествовавшее присоединеніе къ православію, — исповѣдовать унію, если таково было его искреннее желаніе, но даже не находили препятствія къ допущенію нѣкоторыхъ особенностей въ богослуженіи, не согласныхъ съ православными обычаями. Но измѣнялось настроеніе высшей власти, тогда часть измѣнялись и ихъ отношенія къ дѣлу. Это случилось и съ Карнѣвнымъ. Мы говорили выше о томъ, съ какою терпимостью отнесся императоръ Павелъ Петровичъ къ воссоединеннымъ уніатамъ, сожалѣвшимъ о своемъ обращеніи; естественно, что такое отношеніе къ этому вопросу императора не могло не вызвать въ средѣ уніатскаго духовенства стремленія возвратитъ себѣ отклонившуюся отъ него паству; если же припомнить, какъ перепутано было уніатское населеніе съ православнымъ во многихъ мѣстахъ вновь присоединеннаго края, то легко сообразитъ, что должны были возникнуть многочисленныя недоразумѣнія между православными и уніатами. Дѣйствительно, на слѣдующій же 1798-й годъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Волинской губерніи уніаты силою отняли церкви отъ православныхъ. Генералъ-губернаторъ Гудовичъ посмотрѣлъ на это дѣло очень серьезно и отдалъ зачинщиковъ подъ судъ. Императоръ не только одобрилъ эту мѣру, но и предписалъ Гудовичу употреблять все возможное стараніе, чтобы узнавать о подобныхъ соблазнителяхъ, дабы поступать съ ними по законамъ. Такія же явленія обнаружались и въ Минской губерніи и по поводу ихъ было устроено въ Минскѣ особое совѣщаніе; въ немъ участвовали — губернаторъ Карнѣвъ, православный архіепископъ Іовъ и уніатскій епископъ Іосафатъ Булгакъ. Было постановлено, чтобы всякій уніатъ, живущій въ православномъ приходѣ, имѣлъ записку отъ православнаго священника; чтобы уніатъ священникъ не имѣлъ права вѣзжати для требъ въ православный приходъ, а если ему настояла въ этомъ необходимость, то онъ долженъ совершать требу въ присутствіи православнаго священника или по его запискѣ.¹⁾

Въ Минскѣ Карнѣвъ оставался до 1808 года, когда онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а два года спустя сдѣланъ членомъ вновь учрежденнаго Государственнаго Совѣта. Въ этотъ періодъ его петербургской жизни мы опять имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его дѣятельности, именно о его участіи въ Библейскомъ обществѣ. Имя его

¹⁾ Коллочичъ, 1. с., стр. 395 и 396.

встрѣчается въ числѣ присутствовавшихъ на первомъ собраніи этого общества, происходившемъ 11-го января 1813 года въ домѣ князя Александра Николаевича Голицына, въ то время главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Надо думать, что Захаръ Яковлевичъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества, такъ какъ два года спустя, въ 1815 году, его избрали въ вице-президенты¹⁾. Здѣсь, вѣроятно, съ нимъ познакомился главный дѣтель и президентъ Библейскаго общества, князь А. Н. Голицынъ; Карнѣевъ успѣлъ приобрести его расположеніе и, когда Голицынъ сдѣлался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и открылась вакансія попечителя Харьковскаго университета и его округа, то онъ предложилъ это мѣсто Карнѣеву. Это было въ 1817 году. Карнѣевъ, надо замѣтить, не искалъ этого мѣста, оно было ему предложено, такъ какъ его желали видѣть на немъ. Доказательствомъ служить officialный рапортъ Карнѣева министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ доноситъ, что императоръ Александръ Павловичъ, въ бытность въ Харьковѣ, 17—18 сентября 1817 года, вскорѣ по назначеніи Карнѣева попечителемъ, благодарилъ его за согласіе принять на себя званіе попечителя. Это обстоятельство устраняетъ предположеніе о томъ, что Карнѣевъ добивался мѣста попечителя ради тщеславія или своихъ личныхъ выгодъ; скорѣе можно думать, что ему вѣрили управление воспитаніемъ и образованіемъ во всей южной части имперіи, какъ лицу надежному, пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ и способному дать этому дѣлу желаемое въ высшихъ сферахъ направленіе.

Въ Харьковѣ Карнѣевъ пріѣхалъ уже не тѣмъ, какимъ онъ былъ въ бытность минскимъ губернаторомъ; это былъ 69-лѣтній старикъ, замѣтно ослабѣвшій физически и съ рѣзко опредѣлившимся, крайне узкимъ взглядомъ на науку и просвѣщеніе, не терпѣвшимъ никакого противорѣчія²⁾.

Фактъ достойный вниманія. То, что случилось съ Карнѣевымъ, не было явленіемъ единичнымъ; то же было со всѣми выдающимися рус-

¹⁾ *Пыпинъ*, Россійское библейское общество. *Вѣсти Европы*. 1868. Т. IV, стр. 662; т. V, стр. 244.

²⁾ Въ университетскомъ архивѣ сохранилась жалоба, поданная министру племянникомъ Карнѣева, Степаномъ Васильевичемъ Карнѣевымъ, въ которой онъ, въ 1819 году, такъ отзывался о своемъ дядѣ: „дядя мой старъ, слабъ“, и въ другомъ мѣстѣ: „дядюшка З. Я., по старости своихъ лѣтъ и по забывчивости, не вздумалъ посмотреть житье дѣтей моихъ“.

скими масонами, конечно, тѣми, которые были искренно преданы масонству, а не принимали его ради моды, или какъ средство для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Карнѣевъ, наравнѣ съ другими главнѣйшими московскими мартинистами, сдѣлался мистикомъ. Мистицизмъ, какъ вѣра въ существованіе особыхъ непреложныхъ законовъ, непонятныхъ обыкновенному разуму, но доступныхъ только для избранныхъ, привелъ ихъ, съ одной стороны, къ розенкрейцерству, съ другой—къ недовѣрію къ силѣ науки. Последнее убѣжденіе встрѣчаемъ у всѣхъ выдающихся мартинистовъ. Шварцъ, первый и главный дѣятель московскаго мартинизма, убѣждалъ слушателей своихъ частныхъ лекцій, что „не надо полагаться на одну лишь науку безъ содѣйствія религіи, отвергая которую человекъ идетъ къ паденію, а опытъ доказываетъ, что наука, не просвѣтленная христіанствомъ, обращается во зло“ ¹⁾. Не менѣе опредѣленно выражался другой выдающійся мартинистъ—Новиковъ; по его убѣжденію, всѣ науки сходятся въ религіи; лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея, говорилъ онъ, никогда не доучитесь, а при томъ и не будете спокойны ²⁾. Тотъ же самый взглядъ встрѣчаемъ и у И. В. Лопухина ³⁾.

Погромъ мартинистовъ въ 1792 году окончился собственно только для одного Новикова строгимъ наказаніемъ, заключеніемъ въ Шлиссельбургской крѣпости; двое другихъ вынуждены были уѣхать на жительство въ свои имѣнія (князь Трубецкой и Тургеневъ), всѣ же остальные были оставлены въ покоѣ, продолжали занимать свои должности, а по вступленіи на престолъ Павла Петровича были даже удостоены особымъ вниманіемъ. Многие изъ нихъ встрѣчаются въ числѣ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго общества, образовавшагося при императорѣ Александрѣ I. Они-то внесли въ среду этого общества наклонность къ мистицизму, которая, встрѣтивъ чрезвычайно благоприятныя условія какъ въ расположеніи самого императора, такъ и вообще въ обстоятельствахъ того времени, развилась до небывалой степени и выродилась, наконецъ, въ самый дикій обскурантизмъ.

Хотя прежніе мистики сомнѣвались во всемогущи науки и выражали убѣжденіе въ необходимости особаго откровенія для постиженія тайнъ природы, однако они не заподозрѣвали науку въ злокозненныхъ стре-

¹⁾ *Лопухинъ*, I. с., стр. 191.

²⁾ *Лопухинъ*, I. с., стр. 384.

³⁾ *Записки*, стр. 15—16.

мленіяхъ и не старались представить всякую свободную, безпристрастную мысль, какъ зловерное порожденіе лжеименнаго разума. Развитие пietetически-обскурантнаго направленія въ послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича шло чрезвычайно быстро и главное средоточіе его было въ Библейскомъ обществѣ, президентъ котораго, князь А. Н. Голицынъ, былъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Такъ какъ выборъ попечителей зависѣлъ отъ него, то естественно, что ими назначались преимущественно тѣ, которые по ихъ искреннему или притворному мистическому направленію подходили къ настроенію министра. Такимъ былъ Карнѣевъ, и поэтому понятно, что, принимая мѣсто въ Харьковѣ, онъ бралъ на себя ясно опредѣленную миссію—развить и воспитать въ Харьковѣ то направленіе, представителемъ котораго былъ пославшій его князь Голицынъ.

Карнѣевъ дѣятельно принялся за выполнение своей миссіи; тотчасъ по прибытіи въ Харьковъ, обозрѣвъ университетскія зданія и побывавъ на нѣкоторыхъ экзаменахъ, онъ отправилъ министру обширное письмо съ изложеніемъ мѣропріятій, какія онъ нашелъ необходимыми для улучшенія состоянія университета. Мы приводимъ это письмо ¹⁾ почти цѣликомъ:

„По осмотрѣ строенія обратилъ я“,—пишетъ З. Я. Карнѣевъ, — „примѣчаніе мое на образъ мыслей и способы ученія господъ профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ учителей въ университетѣ и гимназій, равно на успѣхи учениковъ и общій однихъ и другихъ духъ въ учебныхъ предметахъ, особливо на главное основаніе просвѣщенія, духъ религіи, коимъ должны начинаться всѣ предметы учености и къ усовершенствованію котораго въ правилахъ чистой вѣры, утверждаемой на познаніи Евангельской истины, должны они стремиться, яко къ единственной цѣли блаженства временнаго и вѣчнаго, приуготовляя отличныхъ гражданъ для отечества земнаго и вѣрныхъ сыновъ отечеству небесному“.

„Вниманіе къ открытію истины сего предмета требовало и времени и долгаго обращенія съ господами профессорами, и другими учителями, и со студентами, и всѣми учащимися. И какъ при первомъ шагѣ замѣтилъ я, что, кромѣ гимназій, гдѣ ученіе Закону Божию было преподаваемо, въ университетѣ часть сія совсѣмъ оставлена была въ небреженіи, почему студенты, свободно слѣдуя мало образованнымъ въ познаніи вѣры умамъ своимъ, не знали обязанности ни посѣщать

¹⁾ Отъ 3-го іюля 1817 года, № 152.

храма Божія, ни дома учиться Евангельской истинѣ изъ чтенія Священнаго писанія. О чемъ много разсуждая съ профессорами и студентами, наконецъ, въ первый прїѣздъ мой рѣшился я, снесясь съ преосвященнымъ здѣшнимъ, испросить для студентовъ въ соборѣ, а для гимназистовъ въ приходской церкви по способности отдѣленные мѣста, куда бы студенты съ инспекторомъ изъ профессоровъ и его помощниками, а ученики гимназій съ директоромъ и своими учителями ходили въ праздничные и воскресные дни къ обѣдни, собираясь для сего за часъ предъ обѣднею—студенты въ университетской залѣ, а ученики гимназій въ своей, и слушая Евангеліе, къ изъясненію котораго приговоренъ въ университетъ, по дозволенію преосвященнаго, ученый и благочестивый протоіерей съ маленькимъ жалованьемъ, который, начавши съ первой главы Матвѣя, проходить со студентами по порядку все Евангеліе, изъясняя имъ истинный смыслъ онаго; въ гимназіяхъ отличный священникъ, учащій закону Божію, толкуеть имъ ежедневное Евангеліе, послѣ чего идутъ они къ обѣднѣ“.

„Подвигъ сей не только въ профессорахъ и учителяхъ, но и въ самихъ студентахъ и ученикахъ гимназій возбудилъ желаніе вступить членами въ Библейское общество и число ихъ понинѣ простирается до 128 человекъ, а сумма, подписанная ими, до 914 рублей ¹⁾).

„Съ такимъ возженіемъ, по благодати Божіей, въ духъ учащихъ и учащихя нѣкотораго луча вѣры, оставилъ я ихъ, предавъ благому промыслу Божію о насъ дадѣе дѣйствовать въ сердцахъ ихъ къ стяжанію твердости въ вѣрѣ, которая растеть по мѣрѣ изпраздненія или очищенія умственныхъ идей, порождаемыхъ ложнымъ мудрствованіемъ“.

„По прошествіи трехъ недѣль прибылъ я паки въ университетъ къ продолжавшимся экзаменамъ и, посѣщая оныя и частно и, наконецъ, 30-го іюня на генеральномъ слушая рѣчи и прочія сочиненія въ университетѣ студентовъ, а въ гимназій учениковъ, гдѣ во все время присутствовалъ и преосвященный Павелъ, нашель успѣхи хорошіе, о которыхъ, равно какъ и самыя сочиненія, напечатавши, не умедлю представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства“.

„Между тѣмъ, не теряя изъ виду подвига о благочестіи и преспѣяніи въ вѣрѣ, къ чему положено начало въ первый мой прїѣздъ,

¹⁾ Слободско-украинское отдѣленіе Библейскаго общества открыто 12-го января 1816 года; оно имѣло девять отдѣленій и между прочимъ въ Харьковскомъ университетѣ. *Извѣстія о Библейскихъ обществахъ*, 1824, № 1, стр. 33.

узналъ, къ общему и ихъ и своему удовольствію, отъ священниковъ, изъясняющихъ Евангеліе, что нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ гимназій, приобрѣтая и въ собственность Библію, охотно изучаются слову Божію и, хотя число ихъ и мало, но и за то слава Богу. Прочіе жъ, кромѣ самыхъ нерадивыхъ и развратившихся, но и то не въ большомъ числѣ, приходятъ къ слушанію Слова Божія и въ церковь по обязанности, опасаясь высканія; но я надѣюсь на благодать Божію, что она и сихъ закоснѣвшія сердца, какъ юныя и мало-по-малу направитъ къ истинѣ и возжетъ въ нихъ сладостное влеченіе къ поразительной красотѣ слова Божія*.

„Теперь, по окончаніи экзаменовъ, распущены и студенты, кромѣ нѣкотораго числа состоящихъ на казенномъ содержаніи, такъ же и въ гимназій, и я подтвердилъ г. ректору, чтобы слушаніе Слова Божія и хожденіе въ церковь по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, остающимися студентами и учениками гимназій продолжались непремѣнно“.

„Со второй половины августа, по окончаніи вакаціоннаго времени, когда начнутъ собираться учащіеся, явлюсь я паки въ университетъ и наблюдать буду, чтобы заведенный порядокъ въ поученіи Слова Божія между всѣми науками по уставу не только не былъ прерываемъ, но возрасталъ бы и болѣе; тогда можно будетъ ожидать благословеніе свыше и на всѣ подвиги учащихъ и учащихся“.

Распоряженія Каряшева удостоились полнаго одобренія не только со стороны министра, князя Голицына, но и самого императора, которому былъ прочтенъ докладъ Каряшева. Въ письмѣ отъ 14-го августа министръ увѣдомлялъ: „Его Императорское Величество весьма былъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что вами сдѣлано по сему предмету. Увѣдомляя васъ, милостивый государь, о семъ, присовокупляю къ попечительности вашей о томъ существенномъ для истиннаго учебнаго образованія юношества основаніи и съ моей стороны усиливѣйшую просьбу продолжать обращать величайшее на то вниманіе и всячески къ тому содѣйствовать. Я увѣренъ, что съ помощью Божіей произведетъ сіе большое вліяніе на нравственную часть между учащимися и свѣтъ животворной истины водворится вмѣсто ложнаго просвѣщенія“.

Вскорѣ Каряшеву пришлось выслушать одобреніе принятыхъ имъ мѣръ отъ самого императора; при посѣщеніи Харькова, въ сентябрѣ 1817 года, Александръ Павловичъ былъ очень милостивъ къ Каряшеву, одобрилъ его первоначальныя мѣры и требовалъ, чтобы между учащимися было вводимо, сколько можно, чтеніе св. Евангелія, „духъ же

Божій пошлетъ каждому разумѣніе по мѣрѣ силъ къ исполненію воли Господней“¹⁾). Высочайшее одобреніе придало еще болѣе энергіи Каряѣву; не ограничиваясь мѣрами, касающимися воспитанниковъ, онъ обратилъ вниманіе и на профессорскую коллегію, которая представилась ему далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ. Въ томъ же письмѣ онъ такъ отзывался объ университетскихъ преподавателяхъ: „больше однако, при помощи свыше, надѣюсь я успѣху отъ учащихся, нежели учащихъ, изъ которыхъ, кромѣ нѣкотораго числа русскихъ, прозрѣвающихъ, такъ-сказать, въ путь сей и начинающихъ одобрять оный, прочіе, особливо изъ иностранцевъ, водятся духомъ корысти и тщеславія и изъ нихъ о нѣкоторыхъ, по нерадѣнію ихъ и къ настоящимъ своимъ должностямъ, вынужденъ буду представлять вашему сіятельству“.

Дѣятельность Каряѣва приносила плодъ, и въ 1818 году совѣтомъ университета пріобрѣтается, по соизволенію г. попечителя три экземпляра Божественной философіи, переведенной съ французскаго его племянникомъ Е. В. Каряѣвымъ, вполнѣтвѣіи попечителемъ Харьковскаго университета. Рекомендованное сочиненіе вполнѣ соответствовало тогдашнему направленію руководящихъ сферъ. Черезъ два года самъ министръ обратилъ на него вниманіе совѣта: „по особой полезности въ чтеніи обучающемуся юношеству изданной въ русскомъ переводѣ книги Божественная философія, признается пріобрѣтеніе ея для каждой гимназіи нужнымъ, дабы тѣмъ познакомить юношество съ духовными возвышенными истинами, составляющими содержаніе сей книги“²⁾).

Въ слѣдующемъ 1819 году Каряѣву представился новый случай проявить свою дѣятельность въ извѣстномъ направленіи. По установленному порядку въ министерство были препровождены сочиненія, читанныя студентами на окончательномъ публичномъ испытаніи 30-го іюня 1817 года; нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были признаны не вполнѣ одобрительными. Въ нихъ замѣчено, какъ выразился министръ, „весьма несправедливое понятіе касательно средства къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца, каковымъ средствомъ представляется вообще философія; хотя въ иныхъ мѣстахъ и говорится, что философія должна быть

¹⁾ Письмо Каряѣва министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, отъ 22-го сентября 1817 года, № 304.

²⁾ Предложеніе 31-го марта 1820 года, № 1.031.

основана на религіи, но сіе токмо какъ бы мимоходомъ и однимъ словомъ токмо о религіи, не упоминая о необходимомъ средствѣ спасенія, представляемомъ намъ въ Евангеліи и вообще въ ученіи христіанскомъ". „Все сіе",—прибавляетъ министр,—„свидѣтельствуеть, какими мнѣніями наполняются умы дѣтей воспитанниковъ и сколь много отвлекаются они тѣмъ отъ настоящей цѣли, человѣку предположенной". Послѣднія слова министра заключали прямое обвиненіе преподавательскаго персонала въ несогласномъ съ видами министерства веденіи преподаванія. Сообщая объ этомъ совѣту университета, Карнѣевъ предложилъ ему къ непремѣнному исполненію средства, могущія возстановить и поддержать дѣятельность университета въ желаемомъ направленіи. Изложенныя въ этомъ предложеніи мысли чрезвычайно ясно характеризуютъ какъ общее направленіе, господствовавшее въ то время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и печальное положеніе, въ какомъ находился тогда Харьковскій университетъ.

„Сдѣланное его сіятельствомъ замѣчаніе", говоритъ Карнѣевъ ¹⁾, „должно обратить общее всѣхъ вниманіе, что вообще философія не достаточна въ средствахъ къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца безъ понятія евангельскаго и вообще христіанскаго ученія. Первое и главное средство къ познанію истинны христіанской есть прилежное чтеніе Библии, состоящей въ Ветхомъ и Новомъ заветѣ, яко животоворящаго Слова Божія; принимая сію священную книгу не за плодъ разума человѣческаго, который въ падшемъ своемъ состояніи, безъ освѣщенія духомъ Божиимъ, никогда не можетъ воспарить къ превысшренней истинѣ христіанской, но за вдохновенное патріархамъ и апостоламъ слово вѣчныя жизни, котораго были они достойными по чистому сердцу и покорному вѣрѣ уму и единственными орудіями въ рукахъ вся сотворшаго, вся сохраняющаго Бога Слова, такъ что онъ столько же ежеминутно занимается и жребіемъ каждаго частнаго человѣка, какъ и всѣмъ вообще родомъ человѣческимъ: ибо столько возлюби Богъ міръ, яко и сына своего едиnorodнаго, то-есть, Бога Слово (плотію бывшее) далъ есть, да всякъ вѣрующій въ него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Священная Библия съ первой главы Бытія до послѣдней Апокалипсиса учитъ не только познанію начала, продолженія и конца вселенной, нами обитаемой, но и паче познанію

¹⁾ Предложеніе совѣту университета отъ 25-го января 1819 года, № 59.

человѣка, яко верховнаго дѣла рукъ Божіихъ; первое въ невинномъ его состояніи, въ раю, потомъ въ падшемъ его состояніи, въ которомъ всѣ мы рождаемся на землѣ, и, наконецъ, въ восстановленіи нашемъ чрезъ искупленіе Бога Слова, бывшаго плотію. Въ ней показаны, въ книгахъ Моисеевыхъ и пророческихъ, и бѣдность нашего глубокаго паденія, почему отъ юности всѣ мысли и желанія наши клонятся ко злу, и средства восстановленія—въ патріаршескихъ и пророческихъ писаніяхъ предостерегательныя и наставительныя, а въ евангельскомъ ученіи дѣйствительныя; ибо обѣтованный прежде Спаситель пришествіемъ своимъ во плоти показалъ намъ образъ жизни, когда чрезъ живую вѣру слову Его, вѣчно глаголющему и внѣ насъ и въ сердцѣ нашемъ, слѣдуемъ божественному Его ученію. Почему и чтеніе Слова Божія не должно дѣлаться подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ разума человѣческаго, но съ великимъ приуготовленіемъ сердца и разума, испрашивая прежде во внутренней молитвѣ сердца чистаго и разума праваго, дабы первое оживотворено было любовію къ Богу, а разумъ покоренъ свѣту вѣры, пока раскроется въ немъ духъ истины, котораго Іисусъ Христосъ по вознесеніи одесную Отца послалъ апостоламъ и котораго посылаетъ и нынѣ просящимъ его отъ чистаго сердца. Тогда всѣ толки и умствованія философическія, противныя библейскому ученію, сами собою падаютъ и уничтожаются. Пока же учащій или учащійся чрезъ непрестанную молитву и чистую жизнь можетъ стяжать духа Божія, есть другое вспомогательное средство, а именно писанія святыхъ отцевъ и Богомъ просвѣщенныхъ мужей, особливо въ прошедшемъ столѣтіи открывшихся, которые до основанія ниспровергають лжеученіе философское неоспоримыми доказательствами и изъ Слова Божія и изъ внутренняго познанія поврежденнаго паденіемъ естества человѣческаго. Таковы суть книги Божественная философія, Христіанская философія и прочія сочиненія, изданныя на російскомъ языкѣ и извѣстныя г. ректору и профессорамъ словесности, соразмѣрныя понятію учащихъ и учащихся, и высокому и посредственному, и которыя, по мѣрѣ успѣха учениковъ, могутъ сообщаемы быть отъ учащихъ учащимся“.

„Сіи два средства при наблюденіи благочестія, первыхъ познаній закона Божія, христіанскаго благоговѣнія въ храмахъ Божіихъ и сохранения строгой нравственности, могутъ въ умахъ юныхъ воспитанниковъ поселить живую вѣру къ слову Божію, освѣтить ихъ духомъ Божіимъ, разогнать мракъ философическаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума и посвятить въ сердцѣ христіанскія добродѣтели

черезъ приведеніе божественнаго ученія въ исполненіе и черезъ послѣдованіе Христову образу жизни во время хожденія Его на землѣ; ибо, по непреложному Слову Его, не всякъ глаголай ми Господи, Господи, увидеть въ царствіе небесное, но творяи волю Отца Его, иже есть на небесѣхъ, который всѣмъ челоуѣкамъ хочетъ спастися и въ разумъ истинный прійти“.

Копіи этого предложенія Карнѣевъ поручилъ совѣту разослать во всѣ гимназіи, внушивъ всѣмъ директорамъ и учителямъ о прилежнѣйшемъ наблюденіи, дабы всѣ науки имѣли основаніемъ первый сей краеугольный камень; ректору же и профессорамъ Карнѣевъ объявилъ, что они, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на сей только важный предметъ и при наставленіи юношества не упустятъ изъ виду всего того, чего ожидаетъ онъ ихъ верховное начальство.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Карнѣевъ опять возвращается къ тому же предмету; по поводу ходатайства объ увеличеніи содержанія служащимъ въ университетѣ, Карнѣевъ писалъ ¹⁾: „Его сіятельство (министръ народнаго просвѣщенія) съ особенною благосклонностію изъявляетъ готовность свою ходатайствовать у Всемилостивѣйшаго Государя Императора о улучшеніи состоянія чиновниковъ Харьковскаго университета, но не прежде, какъ они покажутъ въ полной мѣрѣ усердіе свое въ службѣ, соотвѣтствуя всѣмъ ожиданіямъ верховнаго начальства, когда потщатся направлять умы молодыхъ воспитанниковъ къ единой цѣли, указанной мною по волѣ его сіятельства въ предложеніи моемъ отъ 25-го прошлаго января № 59; доказательствомъ же таковаго старанія гг. чиновниковъ университета будетъ, если утвердится общее и постоянное между ними согласіе; если учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и чистой нравственности, на христіанскомъ ученіи основанной, и наконецъ, и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе“.

Старанія Карнѣева не остались безъ успѣха; повсюду въ гимназіяхъ, а также и въ университетѣ, стали читать съ воспитанниками, по праздникамъ, Евангеліе, начали водить ихъ въ церковь, занимать изъясненіемъ Божественнаго писанія,—однимъ словомъ, введенъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для внѣшнихъ проявленій благочестія, которыхъ требовало начальство. Нашлись, конечно, и лица, которыя постарались воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ воспоминанія современниковъ ²⁾. Однимъ изъ про-

¹⁾ Предложеніе отъ 8-го февраля 1819 года, № 110.

²⁾ *Чириковъ*, I. с., стр. 478.

явленій этой дѣятельности Каряѣва было и основаніе студентскаго библейскаго сотоварищества, о которомъ сохранились кое-какія свѣдѣнія въ дѣлахъ университета. Оно было основано въ 1821 году. Въ засѣданіи совѣта 26-го января, проректоромъ Джунковскимъ было доложено прошеніе 68 студентовъ, въ которомъ они просили разрѣшенія составить изъ среды своей библейское общество; совѣтъ далъ согласіе съ тѣмъ, однако, чтобы для лучшаго устройства и соблюденія порядка, ближайшій надзоръ надъ ними былъ порученъ инспектору казеннокоштныхъ студентовъ профессору Дубровичу, который, надо полагать, и былъ главнымъ дѣтелемъ при учрежденіи сотоварищества. Состояло оно главнымъ образомъ изъ студентовъ, но въ немъ участвовали также кандидаты и даже постороннія лица; такъ, въ 1822 году изъявили желаніе быть членами его новый попечитель университета Е. В. Каряѣвъ и ректоръ харьковскаго коллегіума архимандритъ Тимофей. Сотоварищество управлялось особымъ комитетомъ, директорами котораго были въ 1821 году кандидаты Складовскій и Байковъ, а секретаремъ—Золотаревъ; въ 1822 году въ помощь имъ избраны, въ директоры—студентъ Протопоповъ, а въ казначей—студентъ Дружковичъ. Въ слѣдующемъ году добавлены еще два директора—кандидатъ Корсунъ и студентъ Шевичъ. Въ началѣ 1822 года сотоварищество имѣло 102 члена, а въ слѣдующемъ 1823 году 159 членовъ. По окончаніи года происходило генеральное собраніе, на которомъ произносились рѣчи и читался годовой отчетъ о дѣятельности сотоварищества. Первое генеральное собраніе происходило 21-го декабря 1821 года въ присутствіи ректора университета Джунковскаго и инспекторовъ своекоштныхъ и казеннокоштныхъ студентовъ—профессоровъ Дубровича и Пауловича. Изъ представленнаго попечителю краткаго отчета о занятіяхъ сотоварищества въ 1821 году, видно, что главнымъ предметомъ ихъ было распространеніе книгъ священнаго писанія; съ этой цѣлью сотоварищество ознакомляло студентовъ съ дѣятельностью Библейскаго общества и средствами къ полученію книгъ Священнаго писанія; устраивало на своихъ собраніяхъ чтенія христіанско-назидательныхъ упражненій нѣкоторыхъ его членовъ и принимало мѣры къ умноженію какъ членовъ, такъ и благодѣтелей сотоварищества. Первымъ даромъ, полученнымъ сотовариществомъ, было—десять экземпляровъ Новаго Завѣта и столько же экземпляровъ Посланій апостоловъ на славянскомъ и русскійскомъ языкахъ, пожертвованные извѣстными дѣтелями Библейскаго общества, пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ. Часть собранныхъ въ 1821 г.

денегъ была употреблена для пособія пострадавшимъ отъ пожара. Второе генеральное собраніе происходило 2-го февраля 1823 года въ присутствіи бывшаго попечителя З. Я. Карнѣева, его преемника Е. В. Карнѣева и ректора Харьковскаго коллегіума архимандрита Тимоея. На немъ были произнесены рѣчи: студентомъ Сапфировымъ— о важности библейскихъ собраній, и студентомъ Протопоповымъ— о важности евангельскаго ученія, а секретаремъ сотоварищества, кандидатомъ Золотаревымъ, прочитанъ отчетъ за 1822 годъ. Въ заключеніе было выслушано читаемое въ церкви въ этотъ день Евангеліе.

Въ должности попечителя З. Я. Карнѣевъ оставался до августа 1822 года. По выходѣ въ отставку, онъ проживалъ, повидимому, въ своемъ имѣніи, сельцѣ Захарьевскомъ Богодуховскаго уѣзда, гдѣ жилъ и въ бытность попечителемъ. Когда и гдѣ онъ умеръ,—мнѣ не удалось узнать.

Свѣтило математическаго факультета Харьковскаго университета, какъ его называетъ г. Сухомлиновъ ¹⁾, Тимоеѣй Ѳеодоровичъ Осиповскій получилъ воспитаніе во Владимірской семинаріи и былъ отправленъ ею, какъ лучший изъ студентовъ, въ Петербургскую учительскую гимназію при открытіи послѣдней. Здѣсь онъ оставался съ 1783 по 1786 годъ, когда былъ назначенъ учителемъ физико-математическихъ наукъ и русской словесности во вновь открытое главное народное училище въ Москвѣ. Научными знаніями и преподавательскимъ талантомъ Осиповскій вскорѣ обратилъ на себя вниманіе какъ общества, такъ и комиссіи о народныхъ училищахъ, приславшей ему на разсмотрѣніе издаваемые ею математическія сочиненія; черезъ нѣсколько лѣтъ комиссія предоставила ему катедру физико-математическихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, а въ 1803 году онъ былъ опредѣленъ профессоромъ математики въ Харьковскомъ университетѣ, открытіе котораго имѣлось тогда въ виду ²⁾. Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду писать біографію Осиповскаго, то и не будемъ ни излагать подробностей его дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ, ни вдаваться въ перечисленіе и оцѣнку его немалочисленныхъ сочиненій ³⁾; мы постараемся только очертить

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1865, т. 128, стр. 82.

²⁾ Уставъ Харьковскаго университета подписанъ императоромъ Александромъ I 5-го ноября 1804 года, а открытіе университета послѣдовало 17-го января 1805 года.

³⁾ Довольно подробное перечисленіе ихъ сообщено *Сухомлиновымъ*, 1. с.

нравственную фізіономію почтеннаго профессора, на сколько это необходимо, чтобы объяснить происхожденіе тѣхъ печальныхъ событій, которыя положили конецъ его дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ.

По своей природѣ Осиповскій былъ рѣшительный врагъ всякихъ отвлеченныхъ предположеній: онъ признавалъ только то, что можно было проверить разумомъ и его наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ—математическимъ анализомъ. При такихъ убѣжденіяхъ онъ не могъ благосклонно относиться къ философскимъ умозрѣніямъ, и дѣйствительно, онъ былъ непріателемъ какъ Кантовской, такъ и особенно Шеллинговой философіи, имѣвшей тогда много приверженцевъ въ русскихъ университетахъ. Убѣжденія свои Осиповскій высказывалъ открыто при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи университета въ 1807 году ¹⁾, онъ подвергъ критикѣ положенія Канта о пространствѣ и времени. Въ противность ученію Канта, пространство, по его мнѣнію, есть нѣчто реальное и понятіе о немъ приобрѣтается вслѣдствіе впечатлѣній, производимыхъ имъ на насъ при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Понятіе о времени получается нами вслѣдствіе чувствованія нашего собственнаго бытія и отнесенія его къ прочимъ вещамъ по понятію ихъ сопребыванія съ нами. Въ 1813 году онъ опять возвращается къ той же темѣ и подвергаетъ рѣзкой критикѣ динамическую систему Канта; онъ сравниваетъ успѣхъ ея съ успѣхомъ знаменитой въ свое время Декартовой системы вихрей; „дѣйствительно“, говоритъ онъ, „оная система съ перваго взгляда столько же обворожаетъ воображеніе, сколько и Декартова; но и въ томъ сн двѣ системы сходны, что какъ первая не могла выдержать математической проверки, такъ и послѣдняя должна уступить строгимъ математическимъ сужденіямъ“ ²⁾. Характерно воззваніе, съ которымъ онъ обращается въ своей рѣчи къ молодымъ слушателямъ; въ немъ выразился весь умственный складъ этого представителя точнаго знанія: „ежели вы слышите или читаете, что философъ природы постановляетъ а ргіогі какой-либо законъ ея, то буде онъ не доказываетъ его съ математическою строгостью, не полагайтесь на слова сего философа съ искреннею къ нему довѣренностью, какъ бы сей законъ ни обворожалъ воображеніе, но испы-

¹⁾ О пространствѣ и времени.

²⁾ О динамической системѣ Канта. Рѣчь въ торжественномъ собраніи университета. 1813.

тайте прежде его на оселкѣ строгости математической и тогда только считайте его вѣроятнымъ, когда онъ выдержитъ сію пробу^а.

Въ слѣдующемъ 1814 году ему пришлось еще разъ высказаться объ идеяхъ Канта по поводу вопроса о напечатаніи на университетскій счетъ руководства къ физикѣ бывшаго профессора Харьковскаго университета Стойковича. Замѣчанія свои на это сочиненіе Осиповскій раздѣлялъ на двѣ части: общія и частныя; правдимъ только общія, такъ какъ только они относятся къ занимающему насъ предмету: I. Сочиненіе весьма не исправное, такъ какъ 1) изобилуетъ множествомъ опечатокъ, 2) многіе отдѣлы изложены такъ, что нельзя понять, о чемъ въ нихъ говорится. II. Авторъ имѣлъ въ виду расположить свойства тѣлъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта, но такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ натяжки, то и вышло 1) что въ категоріи количества единству соотвѣтствуетъ протяженіе тѣлъ; множественности — фигура ихъ, а общности — дѣлимость; 2) въ категоріи качества, положительному соотвѣтствуетъ экспанзивная сила матеріи, отрицательному — притягательная сила, а ограниченію (*limitatio*) — различные виды матеріи. III. Основныя идеи, которыми руководствуется эта система, взяты изъ сочиненія Канта, наполненнаго странными идеями и изданнаго подъ заглавіемъ *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*. Такъ какъ эти мысли перемѣшаны съ обыкновенными положеніями физиковъ, съ которыми они однако не ваются, то читающему представляется все въ видѣ какой то галиматіи.

Такъ же враждебно относился Осиповскій и къ философіи Шеллинга. Ея послѣдователями въ Харьковѣ были какъ первый профессоръ философіи Харьковскаго университета Шадъ, высланный изъ Россіи въ 1816 году, такъ и его адъюнктъ, а затѣмъ преемникъ по кафедрѣ философіи — Дубровичъ. Разбирая логику Шада, Осиповскій дѣлаетъ такое замѣчаніе объ ея авторѣ: „каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ большимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ“.

Еще разъ высказалъ онъ свое мнѣніе о философіи Шеллинга при обсужденіи сочиненія ¹⁾, представленнаго профессоромъ Дубровичемъ,

¹⁾ *Tractatus de philosophiae statu praesente historico-criticus.*

какъ Specimen для полученія званія ординарнаго профессора ¹⁾; „въ означенномъ сочиненіи“, говоритъ Осиповскій, „изложено состояніе одной только новой нѣмецкой философіи, которая, начиная съ Канта, отнавѣ у разума естественное основаніе понятія, оставила разсудку производить однѣ лишь мечты, и что одобряемая въ ономъ предъ прочими философія Шеллинга есть предъ прочими мечтательная по превосходству“ ²⁾.

Этотъ представитель точнаго знанія и объективнаго направленія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ многосторонне образованнымъ и безусловно честнымъ. Такъ отзываются о немъ современники Селивановъ и Роммель, писавшіе свои воспоминанія много лѣтъ послѣ того, какъ прекратилась дѣятельность Осиповскаго, и даже послѣ его смерти. О томъ же свидѣтельствуетъ и фактъ его непрерывнаго ректорства съ 1813 по 1820 годъ, когда онъ былъ уволенъ изъ университета; семикратное избраніе въ ректоры—фактъ достаточно краснорѣчиво говорящій объ уваженіи, какимъ пользовался Осиповскій въ средѣ профессоровъ Харьковскаго университета.

Однако, для полной характеристики Осиповскаго необходимо не ограничиваться одними только его достоинствами; надо указать и на его недостатки, тѣмъ болѣе что они сыграли, несомнѣнно не послѣднюю роль въ установленіи тѣхъ отношеній между нимъ и попечителемъ университета, которыя окончились удаленіемъ Осиповскаго изъ университета.

Т. И. Селивановъ въ запискѣ, упоминаемой Н. А. Лавровскимъ ³⁾, говоритъ, что Осиповскій „всегда и со всѣми въ обращеніи былъ ровенъ, никогда не выходилъ изъ себя, любилъ говорить положи-

¹⁾ По уставу Харьковскаго университета 1804 года, не полагалось должности экстраординарнаго профессора въ томъ смыслѣ, какъ она существуетъ нынѣ. Этимъ званіемъ совѣтъ могъ удостоить четырехъ изъ положенныхъ по штату адъюнктовъ, „трудолюбимъ предъ прочими отличившихся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшихъ“ (§ 36); по утвержденіи министромъ въ этомъ званіи, они получали „по рассмотрѣніи попечителя прибавку въ жаловань, какую дозволить сдѣлать экономическая сумма“ (ib.). Экстраординарные профессора, какъ адъюнкты, считались помощниками профессоровъ (§ 31); на нихъ могло быть возлагаемо преподаваніе дополнительныхъ курсовъ (§ 28); ходатайствуя о предоставленіи свободной профессуры, экстраординарный профессоръ долженъ былъ, согласно § 57 устава, представить сочиненіе, подлежащее обсужденію въ совѣтѣ.

²⁾ Представленіе совѣта университета попечителю отъ 3 января 1820 г., № 2.

³⁾ I. с., стр. 211.

тельно, выражаться точно; рѣдко говорилъ или защищалъ что нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно и настойчиво⁶. Не знаемъ, къ какому періоду дѣятельности Осиповскаго относится эта характеристика, но къ послѣднимъ годамъ его пребыванія въ университетѣ она не приложима. При пересмотрѣ университетскихъ дѣлъ того времени, намъ пришлось встрѣтить не мало фактовъ,ставляющихъ личность Осиповскаго въ иномъ свѣтѣ. Они представляютъ его, какъ человѣка самолюбиваго, сознававшаго преимущества своего положенія, какъ ректора университета, и не всегда деликатно пользовавшагося ими въ отношеніи къ сослуживцамъ. Будучи человекомъ честнымъ и прямымъ, онъ высказывалъ свои мнѣнія и сужденія въ формѣ нерѣдко весьма рѣзкой, затрогивавшей самолюбіе его товарищей, а иногда и прямо оскорбительной.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу нѣсколько примѣровъ. Въ 1817 году профессоръ сельскаго домоводства, Нельдехенъ, подалъ въ правленіе университета жалобу, въ которой обвинялъ Осиповскаго въ нанесеніи ему оскорбленія. По этому дѣлу Осиповскій представилъ объясненіе, въ которомъ излагалъ дѣло со своей точки зрѣнія. Нельдехенъ предложилъ ему вопросъ—почему онъ не представленъ къ чину. Осиповскій отвѣтилъ ему, что не помнитъ, представленъ ли онъ или нѣтъ, но что кого слѣдовало, всѣ представлены. На новый вопросъ—почему онъ не представленъ, Осиповскій отвѣтилъ, что, можетъ быть, потому, что лѣта не вышли; когда же Нельдехенъ заявилъ, что лѣта ему вышли, то Осиповскій сказалъ, что, можетъ быть, потому, что онъ, Нельдехенъ подъ судомъ. Относясь къ дѣлу безпристрастно, едва ли можно оправдать поведеніе Осиповскаго въ этомъ случаѣ; онъ точно смѣялся надъ Нельдехеномъ и желалъ вывести его изъ себя. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить только личность самого Нельдехена; это былъ, повидимому, довольно ограниченный человѣкъ, не отличавшійся своими свѣдѣніями, и вдобавокъ пьяница. За нерадѣніе и пьянство онъ былъ уволенъ въ 1819 году и вскорѣ умеръ.

Стольновеніе съ Дубровичемъ, который былъ тогда ординарнымъ профессоромъ, возникло изъ-за экзамена знаменитаго впоследствии математика Остроградскаго. Осиповскій предложилъ Дубровичу экзаменовывать Остроградскаго изъ философіи; Дубровичъ отказался на томъ основаніи, что Остроградскій въ бытность студентомъ не слушалъ этого предмета. На это онъ получалъ отвѣтъ, что его обязанность экзаменовывать всѣхъ, кто бы ни пожелалъ. При этомъ Осипов-

скій, повидимому, не стѣснился прибавить и болѣе оскорбительныя выраженія ¹⁾. Дубровичъ считалъ себя въ правѣ жаловаться на крайнюю запальчивость, доходившую до неприличія. Трудно предполагать, чтобы этотъ случай былъ переданъ Дубровичемъ не вѣрно, такъ какъ онъ изложенъ имъ въ объясненіи, представленномъ въ совѣтъ, гдѣ присутствовали лица, бывшія свидѣтелями его ²⁾.

Въ девятой книжкѣ журнала „Украинскій Вѣстникъ“ на 1819 годъ, издававшася въ Харьковѣ профессоромъ Филомаитскимъ, было помѣщено нѣсколько статей, обратившихъ на себя вниманіе министерства. Между ними была слѣдующая замѣтка, сообщенная, по словамъ редактора, однимъ изъ университетскихъ начальниковъ:

„Вопросъ. Что значитъ шапка съ шестью или пятью рогами, которую теперь многіе молодые люди здѣсь носятъ? Не скрывается ли подъ оною какой тайны?“

„Отвѣтъ. Никакой! А шапка сія не что есть иное, какъ вывѣска дурака, гоняющагося больше за модою, чѣмъ за ученіемъ, и вышущена, кажется, кѣмъ нибудь такимъ же дуракомъ“.

Въ письмѣ къ попечителю отъ 8-го ноября князь А. Н. Голицынъ выразился объ этомъ отзывѣ, что онъ написанъ въ тонѣ, неприличномъ не токмо никакому начальству, но и каждому благовоспитанному человѣку. Между тѣмъ оказалось, что этотъ отзывъ составленъ самимъ ректоромъ Осиповскимъ. Въ письмѣ къ Карнѣеву отъ 13-го декабря Осиповскій объясняетъ, что поводомъ къ написанію этого отзыва было то, что многіе изъ университетскихъ студентовъ стали носить шапки особаго покроя, вызывавшія подозрѣнія въ публикѣ и у городской администраціи, такъ какъ въ это время въ Германіи начали образовываться, особенно между студентами, тайныя общества, члены которыхъ носили особыя шапки. „Тогда я,—говоритъ Осиповскій,—разсуждая о томъ, какимъ бы образомъ дать знать публикѣ, что въ этихъ шапкахъ нѣтъ ничего подозрительнаго,

¹⁾ По словамъ Дубровича, Осиповскій выразился, что его (Дубровича) сужденіе—сербское.

²⁾ Вотъ подлинныя слова Дубровича: *indicavi Rectori Magnifico non convenire ipsis illis legibus, juxta quas stud. Ostrogradsky ad gradum candidati promoveri vult ut examinetur nunc ex philosophia propterea, quod is lectiones philosophicas per totum tempus quo in universitati versabatur, nunquam frequentaverit. Ad quae, omni cum modestia a me prolata, R. M. totus ira inflammatus, modo prorsus indecenti, sed quem nunc silentio praetereo, reposuit, meam obligationem esse examinare omnes, quicunque cupiant.*

и вмѣстѣ сбить охоту у студентовъ къ симъ шапкамъ, и принявъ въ основаніе, что умный, буде при какихъ либо его дѣлахъ, производи-мыхъ съ цѣлю и намѣреніемъ, говорится что на счетъ униженія ума его, бываетъ къ сему не щекотливъ и, внутренно смѣясь сему, продолжаетъ свое дѣло; глупцы же къ словамъ, унижающимъ ихъ умъ, весьма щекотливы и, бросая свое дѣло, какъ производимое ими безъ цѣли и намѣренія, обыкновенно обращаются къ мщенію, котораго отъ глупцовъ обыкновенно бояться нечего,—рѣшился для отъѣзда къ публикѣ о безвинности носимыхъ студентами шапокъ написать объ нихъ вопросъ и отвѣтъ, въ которомъ бы посильнѣе выражена была глупость носящихъ ихъ“.

Очень характерно прошеніе, поданное Осиповскимъ въ совѣтъ университета послѣ увольненія отъ службы ¹⁾: „Въ прошломъ мѣсяцѣ подавалъ я въ правленіе университета прошеніе слѣдующаго содержания: покорнѣйше прошу правленіе университета выдать мнѣ паспортъ для свободнаго прожатія съ семействомъ моимъ, гдѣ пожелаю. Нужно мнѣ также получить и послужной списокъ, но не встрѣтитъ ли правленіе затрудненія, какъ показать въ немъ объ изгнаніи моемъ изъ университета? ибо надобно показать и причину сего изгнанія, которая можетъ быть правленію не совсѣмъ извѣстна. Заключая изъ нѣкоторыхъ бумагъ, мною изъ университета и отъ г. министра полученныхъ, надлежитъ, кажется, написать вообще: по представленіямъ г. попечителя и послѣдовавшему на оныя предписанію г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія выгнанъ я изъ университета безъ всякаго вида, какъ невѣжда и негодяй, который не могъ быть терпимъ въ ономъ, ноября 1-го дня 1820 года, а потомъ, чрезъ полтора года, а именно 16-го апрѣля 1822 года, по вынужденному докладу г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Высочайше уволенъ отъ университета съ названіемъ заслуженнаго профессора и съ полнымъ пенсіономъ. Впрочемъ, можетъ быть университетское начальство желало бы помѣстить подробно причины, побудившія его къ изгнанію моему, а потому прошу правленіе войти съ представленіемъ къ начальству и, какія будутъ сказаны причины, прописать ихъ въ моемъ послужномъ спискѣ. Сіе мое прошеніе, якобы по причинѣ укорительныхъ словъ на счетъ начальства, возвращено мнѣ съ надписью; я перечитывалъ оное, чтобы увидѣть, не написалъ ли я дѣйствительно чего нибудь укорительнаго для на-

¹⁾ Доложено въ засѣданіи 11 го апрѣля 1823 г.

чальства, но не нашелъ ни одного такого слова; слова невѣжда, негодяй, нетерпимый, ни мало не относятся къ начальству, а принадлежать единственно ко мнѣ; кромѣ же сихъ словъ, ко мнѣ только относящихся, я въ прошеніи моемъ не сказалъ ничего такого, чтобы показывало мою жалобу на начальство, да и не идетъ жаловаться на начальство правленію. Можетъ быть, не понравилось правленію мое выраженіе—по вынужденному докладу, то хотя оно и справедливо, но можно бы было написать просто по докладу. А что и я оными словами: невѣжда, негодяй, нетерпимый, ни мало не оскорбляюсь, тому служить залогомъ, что я въ послѣдніе годы моего существованія при университетѣ привыкъ къ таковымъ о мнѣ сужденіямъ: напримѣръ, профессоръ Дубровичъ при студентскихъ экзаменахъ,—по случаю отъѣзда моего объ эккертсгаузенскихъ тайнствахъ чисель, что „я не знаю никакихъ тайнствъ въ числахъ“,—сказалъ мнѣ: еще математикомъ себя считаешь, а и чисель не знаешь! а профессоръ Пауловичъ, въ засѣданіи совѣта, при разсужденіи о выдачѣ студентамъ аттестатовъ, назвалъ меня мошенникомъ; но я не обидѣлся ими и не обижаюсь, зная, что такъ говорено было о мнѣ по мнѣнію другихъ, коимъ предоставлено безусловное право судить о прочихъ. Впрочемъ, я въ ономъ прошеніи не настоялъ, чтобы въ послужномъ моемъ спискѣ такъ было написано, какъ я прописалъ въ прошеніи, но просилъ, буде правленіе усомнится, представить о томъ, какъ написать, начальству; но я не знаю для чего правленіе не вошло о семъ съ представленіемъ. Чего не сдѣлало правленіе, о томъ прошу я совѣтъ университета; но покорнѣйше прошу не замедлить съ выдачею мнѣ паспорта и послужнаго списка, ибо они мнѣ очень нужны“.

Ознакомившись съ изложенными фактами, можно, кажется, составить себѣ довольно ясное представленіе объ этихъ двухъ личностяхъ, стоявшихъ во главѣ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ въ 1820 году. Попечитель З. Я. Карѣевъ былъ дряхлый старикъ; въ молодости онъ не получилъ основательнаго образованія и не имѣлъ, повидимому, никакихъ твердыхъ убѣжденій. Они измѣнялись у него, смотря по тому, какое настроеніе господствовало въ данное время въ правительственныхъ кругахъ. Во время господства масонства—онъ былъ масономъ и занималъ даже довольно высокое мѣсто въ масонской іерархіи; въ первые годы царствованія императора Павла, когда императоръ благосклонно относился къ диссидентамъ и униатамъ, Карѣевъ является защитникомъ свободы совѣсти и противникомъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ въ вопросѣ о возвращеніи

уніатовъ къ православію; измѣнился взглядъ императора Павла, и Карнѣевъ принимаетъ строгія мѣры противъ тѣхъ же уніатскихъ священниковъ, о свободной дѣятельности которыхъ онъ еще недавно хлопоталъ. Въ послѣдніе годы жизни Карнѣевъ увлекся дѣятельностью Библейскаго общества въ томъ мистическомъ направленіи, какое оно приняло подъ руководствомъ предсѣдателя общества, князя А. Н. Голицына въ концѣ царствованія императора Александра Павловича. Съ такимъ настроеніемъ явился Карнѣевъ въ Харьковъ въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Понятно, что отъ него нельзя было ожидать серьезнаго отношенія къ дѣятельности университета; онъ не могъ ни судить о достоинствахъ членовъ ученой корпораціи университета, ни слѣдить за достоинствомъ научнаго преподаванія. Все для него возможное сводилось къ чисто внѣшнему наблюденію за благоустройствомъ университетскихъ помѣщеній и исполненіемъ профессорами ихъ обязанностей, вѣрнѣе, за явкой ихъ въ университетъ. Но кромѣ такого, исключительно внѣшняго отношенія къ университетской дѣятельности, которое могло бы и не принести особаго вреда, Карнѣевъ старался выказать положительную дѣятельность, а она-то и оказывалась весьма неблагоприятною для университета.

Будучи мало свѣдущъ въ наукахъ, Карнѣевъ вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя общему въ то время направленію, особенно сильно проявившемуся въ средѣ Библейскаго общества, считалъ науки не безопасными. Онъ не допускалъ возможности предоставить человѣческому разуму свободное поле дѣятельности. Стараясь осуществить свой идеалъ, Карнѣевъ довольствовался, однако, только внѣшними полицейскими мѣрами, не только не способными содѣйствовать распространенію религіозности въ средѣ университета и гимназій, но дѣйствовавшими скорѣе въ обратномъ направленіи, способными скорѣе развить лицемѣріе среди какъ преподавателей, такъ и учениковъ. Какъ человѣкъ слабохарактерный и къ тому же старчески дряхлый, Карнѣевъ не переносилъ возраженій въ отношеніи къ его мѣрамъ; при его душевномъ настроеніи не соглашающійся съ нимъ долженъ былъ въ его глазахъ явиться не только противникомъ его мнѣній, но лицомъ прямо вреднымъ, оскорбляющимъ религію и не уважающимъ требованій евангельскаго ученія. Если принять во вниманіе все сказанное выше объ Осиповскомъ, то не трудно понять, что именно въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ представляться Карнѣеву.

Въ самомъ дѣлѣ, Осиповскій обладалъ такими свойствами, которыя были вполне достаточны, чтобы вызвать недовѣріе и неприязнь Карнѣева. Въ прямую противоположность Карнѣеву, онъ не признавалъ ничего, что выходило за предѣлы его разума; для него существовало только то, въ чемъ онъ могъ убѣдиться своими чувствами и что могло быть испробовано, по его выраженію, на оселкѣ строгости математической. Осиповскій не скрывалъ своихъ убѣжденій; онъ высказывалъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, и можно себя представить, какъ должны были они дѣйствовать на мистически настроеннаго Карнѣева. Добавимъ, что Осиповскій не отличался мягкостью въ выраженіяхъ; онъ былъ рѣзокъ не только въ сношеніяхъ съ подчиненными, но и въ письменныхъ заявленіяхъ, назначенныхъ для университетскаго совѣта и даже для попечителя. Въ этихъ особенностяхъ умственнаго склада и характера Карнѣева и Осиповскаго лежатъ, по нашему мнѣнію, главная причина той неприязни, которая заставила Карнѣева выставить Осиповскаго, какъ лицо, неспособное быть ректоромъ и даже не достойное занимать мѣсто профессора. Возможно, что развитію у Карнѣева неприязненнаго отношенія къ Осиповскому способствовали навѣты его непріятелей, образецъ которыхъ сохранился въ письмѣ Дубровича къ Карнѣеву, напечатанномъ Чириковымъ, но существенной роли они, надо думать, не играли. Карнѣевъ, на сколько можно судить о немъ по имѣющимся у насъ даннымъ, не былъ лицомъ, способнымъ погубить человѣка ради личныхъ непріятностей, или на основаніи однихъ только слуховъ или извѣстовъ.

Н. А. Лавровскій приравниваетъ З. Я. Карнѣева къ его извѣстнымъ современникамъ, прославившимся своею печальною дѣятельностью, Магницкому и Руничу. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ Н. А. Лавровскій не правъ: З. Я. Карнѣевъ былъ человѣкомъ безъ основательнаго образованія, безъ твердыхъ убѣжденій; онъ мѣнялъ ихъ, смотря по настроенію, господствовавшему въ данную минуту, но это не былъ, подобно Магницкому, холодный интриганъ, ради своей выгоды способный на всякую ложь и клевету; онъ не былъ чловѣкъ, съ языка котораго не сходили обличенія противъ враговъ вѣры и отечества и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, не затруднялся присвоивать деньги, отпускавшіяся ему на потребности университета. Карнѣевъ могъ ошибаться и ошибался, но и въ своихъ ошибкахъ онъ дѣйствовалъ искренно.

И. Щелковъ.

ПОСЛАНИЕ ТАУБЕ И КРУЗЕ КЪ ГЕРЦОГУ КЕТЛЕРУ.

(Библиографическая замѣтка).

Между современными Ивану Грозному иностранными источниками, касающимися его царствованія, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежить разказу двухъ политическихъ авантюристовъ того времени, Таубе и Крузе, извѣстному подъ именемъ Посланія къ Герцогу Кетлеру ¹⁾; разказъ этотъ въ послѣднее время особенно часто привлекалъ вниманіе историковъ, занимавшихся Иваномъ Грознымъ ²⁾; не лишнимъ будетъ поэтому, можетъ быть, затронуть нѣкоторые библиографическіе вопросы, касающіеся его.—Напомнимъ предварительно, хотя-бы въ нѣсколькихъ словахъ только, кто были авторы посланія. Прекрасно изложенную исторію и характеристику ихъ дѣятельности мы находимъ въ статьѣ Шимана „Johann Taube und Eilard Kruse. Zwei Verräther“ ³⁾.

Лифляндцы, оба знатнаго происхожденія, они принимали весьма живое участіе въ дѣлахъ своей родины и во время Ливонской войны

---

¹⁾ „Zur Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Johann Taube und Elert Kruse. 1572“ напечатано въ сборникѣ „Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte“, издававшегося Эверсомъ и Энгельгардтомъ (стр. 185—238).

²⁾ *Е. Блюгъ*, „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“. С.-Пб. 1886. *Д. Иловайскій*, „Историко-критическія замѣтки“ *Р. Арх.* 1889, II. *Е. Блюгъ*, „Отвѣтъ моимъ критикамъ“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889. № 3. *Д. Иловайскій*, „Моимъ возражателямъ“. *Р. Арх.* 1889, V. *А. Ясинскій*, „Сочиненія Курбскаго какъ историческій матеріалъ“, *Кіевск. унив. вѣстн.* 1890. № 1.

³⁾ *Schiemann*, „Characterköpfe und Sittenschilderungen aus der baltischen Geschichte des XVI Jahrhunderts“ Mitau. 1877, стр. 1—30.

попали въ плѣнъ къ московскому царю. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, они вступили въ царскую службу и общаніемъ содѣйствовать планамъ Грознаго на Ливонію внушили къ себѣ довѣріе и были осыпаны щедрыми милостями царя; при ихъ посредствѣ велись затѣмъ переговоры съ Кетлеромъ и герцогомъ Магнусомъ. Когда Магнусъ, побывавъ въ іюнѣ 1570 г. въ Москвѣ, возвратился оттуда уже ливонскимъ королемъ, то онъ всѣ свои усилія направилъ къ тому, чтобы побудить Ревель къ отпаденію отъ Швеціи; и тутъ опять таки главными дѣятелями являются Таубе и Крузе, которые уже и раньше пытались склонить Ревель къ переходу на сторону Ивана. Но осада Ревеля имѣла, какъ извѣстно, весьма плачевный исходъ; Магнусъ, опасаясь царскаго гнѣва, сваливалъ всю вину на Таубе и Крузе, которые въ свою очередь рѣшились теперь измѣнить царю ¹⁾; послѣ неудачной попытки овладѣть Дерптомъ съ помощью отряда, навербованнаго по порученію московскаго царя, они бѣжали въ Польшу, гдѣ въ очень скоромъ времени и приобрѣли довѣріе короля Сигизмунда и гетмана Ходкѣвича. Однимъ изъ средствъ добиться этого довѣрія и было, какъ полагаютъ, сочиненіе интересующаго насъ разказа, въ которомъ описана мрачная дѣятельность царя за періодъ времени отъ учрежденія опричины до 1571 г. включительно. Эверсъ, Аделунгъ, а за ними и всѣ пользовавшіеся „Посланиемъ“ утверждаютъ, что авторы послали его Кетлеру, надѣясь жестокостями царя оправдать свой образъ дѣйствій, „прикрыть грѣхами царя свой собственный позоръ“. Но вступленіе, которое авторы предпосылаютъ своему разказу, наводитъ на мысль, что мнѣніе это ошибочно и что врядъ-ли Кетлеръ могъ быть лицомъ, къ которому они обращаются: „Und haben E. F. G., говорятъ авторы, nicht allein wie gross und viel der Provinz Livland sondern auch Jr selbst eigen Vaterland der loblichen Herrschaft Litauen daran gelegen, als der hoch und reich vorstendige Herr ermessen“ ²⁾. Отечествомъ-же Кетлера могла считаться только Лифляндія, а никакъ не Литва, и еслибы Кетлеръ былъ лицомъ, къ которому авторы обращаются, то невозможно была-бы далѣе и слѣдующая фраза: „Es scheint und blicket

¹⁾ Исторія осады Ревеля и дѣятельность Таубе и Крузе при этомъ событіи подробно описана по актамъ Ревельскаго архива Ганзеномъ („Johann Taube's und Eilart Krause's Machinationen und die darauf durch König Magnus erfolgte Belagerung Revals, 1570—1571“) въ журналѣ *Beiträge zur Kunde Ehst-Liv-und Kurlands*, т. III, 1887.

²⁾ *Beiträge*, s. 188.

uns gleich furn Augen, als Rohm auf Scipionen, Athen auf Solon, Paulus auf Timotheum gelehnet, auch als Italia uf den wolbescholten Ciceronem, als E. F. G. Jr liebes Vaterland als wol das Lifländische Provintz auf ihre Schuldern tragen“¹⁾). Послѣдняя фраза опять-таки указываетъ на то, что не Лифляндія была отечествомъ лица, къ которому обращаются Таубе и Крузе. Какимъ образомъ произошла подобная ошибка, мы рѣшить не можемъ, но не трудно во всякомъ случаѣ убѣдиться въ томъ, что заглавіе „Zar Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Iohann Taube und Elert Kruse. 1572“, подъ которымъ разказъ этотъ извѣстенъ, дано не авторами его. Не говоря уже о языкѣ, которымъ написано заглавіе и который несомнѣнно указываетъ на современное его происхождение, насъ убѣждаетъ въ этомъ послѣднемъ и слѣдующее соображеніе. Дѣло въ томъ, что рукопись посланія до насъ не дошла и мы имѣемъ лишь два, по всей вѣроятности одновременныхъ съ оригиналомъ списка, изъ которыхъ одинъ хранится въ Кенигсбергскомъ²⁾, другой-же въ Шверинскомъ архивѣ³⁾; съ нихъ уже въ свою очередь въ началѣ этого столѣтія было снято нѣсколько копій⁴⁾; одну такую копію Кенигсбергскаго списка и напечаталъ Эверсъ подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ; но заглавіе это дано, очевидно, разказу или переписчикомъ или самимъ Эверсомъ, такъ какъ Напьерскій, говоря о томъ-же Кенигсбергскомъ спискѣ, даетъ ему совершенно иное заглавіе: „Schreiben der Beiden, 6 Jahre zu Moskau gefangen gehaltenen, livländischen Edelleute Iohann Taube und Elert Krause an den Herzog von Kurland Gotthard Kettler, worin sie die Grausamkeit des Zaren Iwan Wassiljewitsch II schildern vom Jahre 1572“.

Вопросъ же, къ кому было адресовано такимъ образомъ посланіе, разрѣшается Шверинскимъ спискомъ, копія съ котораго находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ и который носитъ слѣдующее заглавіе: „Des Grossfürsten aus der Moskau unerhörte Tirannie neben andern geübten Händeln von dem 66-sten bis auf dies 72-ste Jahr. durch desselbigen seine nächsten der Zeit Rätthe umständlich,

¹⁾ *Beiträge*, s. 189.

²⁾ *Napierski*, „Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae“, II, № 3277.

³⁾ *Winckelmann*, „Bibliotheca Livoniae Historica“, Berlin. 1878, № 5491.

⁴⁾ *Beiträge*, s. 186. *Adelung*, „Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland“, Bd. I, s. 260.

als die es selbst gesehen, gehöret und erfahren, dem Durchleuchtigen Grossmächtigen Fürsten und Herrn Iohann Kotkowitz zu Sondern Ehren wahrhaftiglich beschrieben“. Такимъ образомъ, лицомъ, къ которому обращались Таубе и Крузе, былъ не Кетлеръ, а Ходкевичъ; если мы вспомнимъ, что при переходѣ на польскую службу они прежде всего имѣли дѣло съ Ходкевичемъ, вспомнимъ положеніе, которое Ходкевичъ тогда занималъ, и ближе всмотримся въ цѣль, руководившую авторами, то мы увидимъ, что обращеніе ихъ къ Ходкевичу гораздо понятнѣе и что нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ натяжкѣ, утверждая, что авторы равказами о жестокости и звѣрствахъ Ивана желали оправдаться передъ Кетлеромъ и объяснить свою измѣну. Цѣль, ими дѣйствительно преслѣдуемую они въ нѣсколькихъ мѣстахъ подчеркиваютъ. Они описываютъ, говорятъ они, тираннію московскаго царя, описываютъ, какъ вслѣдствіе этой тиранніи сила его ослабѣла до того, что онъ не могъ даже противостоятъ крымскимъ татарамъ; это послѣднее обстоятельство должно побудить всѣхъ славныхъ государей напасть на тиранна, оно должно заставить ихъ подумать о томъ, какою пользою уничтоженіе его (тиранна) принесетъ всему христіанскому міру; въ случаѣ, еслибы что-либо повадилось для осуществленія такого предпріятія, они готовы помочь своими свѣдѣніями ¹⁾).

Переходя къ вопросу о времени, когда посланіе написано, мы должны остановиться на 1572 г., на который указываетъ фраза заглавія „bis in dies 72-ste Jahr; въ нѣкоторыхъ фразахъ о событіяхъ 1570—1571 г. говорится, какъ о недавно случившихся; такова, на примѣръ, фраза: „dass er itzo dem erzelten allergeringsten Feinde, dem krimichen Tattern, keinen Widersatz zu thun vermagk“; послѣднее описанное въ посланіи событіе есть свадьба царевича 4-го ноября 1571 г.— Въ концѣ посланія авторы ссылаются на написанное ими уже раньше произведение: „Ferner wie und waserley Gestalt wir vor unsere Person von ime gefangen worden, 6 gantzer Iar lang gefangen, und 7 Iar auf freien Fussen gängen; waserley Gestalt wir zu Gnaden kommen, zu was Ehren und Reichthumb wir erhoben, wie auch viel hohe und grosse Potentaten und Herrschaften er, der Grossfürst, durch gar tapffere, ehrliche und unverwerfliche Mittel und Vorschlege, durch uns an sich gezogen und ahhengig gemacht; auch waserley Gestalt das alles Folgents in betriglichem Schein und zum endtlichen Verdërb und Untergange der gantzen Chiristenhes, Kron Polen, Littauen und

¹⁾ *Beiträge*, ss. 233, 234, 238.

unser hochbeschwertes Vaterland, von ime darunter gesucht, und wir dasselbig aus seinem selbst eigenen Mundt gehöret, welches uns die Lenge zu übertragen, und die Sachen so wider Gott, Ehre und die gantze Christliche Kirche, und unsere Ehre und Gewissen von ime, dem Grossfursten zo gefehrlich gemeinet, damit Solche Heupter durch Sein listiges, krokodilische Hertz mit in etzliche beschwerliche Sachen eingefuret werden mochten; auch waserlei Gestalt und hohen erheblichen Ursachen wir aus aller gemeinen Christenheit, und Sonderlich der Kron Polen, Littauen und unserem Vaterland und allgemeinen Nutz zu gut und besten, von im und Seiner tirannischen, gottlosen und unlöblichen Regierung abgethan, und womit solche seine übel meinende, gefehrliche Practicken und Vorsatz zurück getrieben un der auch endlich unterbrochen werden konnte, haben vir anderswegen umbstendlichen und die Lenge allerseitz beschrieben“ ¹⁾.
 О такомъ произведеніи мы рѣшительно ничего не знаемъ.—Оно должно было быть написано въ концѣ 1571 или началѣ 1572 г.—Мы видимъ, что уже черезъ три дня послѣ неудачной попытки овладѣть Дерптомъ наши герои начинаютъ, такъ-сказать, свою литературную дѣятельность, имѣвшую цѣлю доказать, что они были обмануты Иваномъ и, прозрѣвъ его коварство, рѣшились измѣнить ему. Въ этомъ смыслѣ пишутъ они 24-го октября 1571 года въ шведскимъ военачальникамъ ²⁾. Мы знаемъ, что они внушили къ себѣ довѣріе въ Польшѣ, утверждая, что имъ извѣстны самые соврѣнные планы царя, извѣстны также и средства, которыми можно помѣшать осуществленію этихъ плановъ; они предлагали полякамъ доставить возможность овладѣть Полоцкомъ и Смоленскомъ ³⁾; все это и было, быть можетъ, изложено въ недошедшемъ до насъ произведеніи, часть котораго перешла, безъ сомнѣнія, въ другое, написанное Крузе нѣсколькими годами позже.

Въ 1578 г. вышла Ливонская хроника Руссова, и Крузе не замедлилъ постараться опровергнуть заключающіяся въ этой хроникѣ обвиненія его образа дѣйствій. Отвѣтъ его, хотя и былъ извѣстенъ раньше, напечатанъ только въ 1861 г. ⁴⁾; въ немъ отчасти разказано

¹⁾ *Beiträge*, ss. 232, 233.

²⁾ *Gauzen*, l. c. ст. 315.

³⁾ *Schiemann*, l. c. стр. 21.

⁴⁾ Elert Kruse's Freihern zu Kelles und Treiden, Dorptischen Stiftsvogt's-Wahrhaftiger Gegenbericht auff die anno 1578 ausgangene Liefplendische Chronica Balthasar Russow's. Riga. 1861; *Recke und Napiersky*, „Allgemeines Schriftsteller-Lexikon der Provinzen Lievland, Ehtland und Kurland“. Th. II, s. 566.

именно то, о чемъ авторы говорятъ: „das haben wir anderswegen... beschrieben“. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ еще одно указаніе на неизвѣстное намъ сочиненіе, авторомъ котораго, по всей вѣроятности, былъ нашъ Крузе.

При своемъ знаменитомъ письмѣ къ Ивану отъ 2-го августа 1581 года, Стефанъ Баторій посылаетъ ему сочиненія, тракующія о немъ: „Аже бысь ся лепей позналъ, посылаемъ тебе книги, которыя о тебе по всемъ свете не только за привилъемъ короля Августа предка нашего, але за привилъемъ цесаря Максимилиана розписаны суть“¹⁾.... Изъ дневника послѣдняго похода Баторія мы узнаемъ, что книги эти были сочиненія Гваньини и Крауціа²⁾. Послѣдняго имени мы рѣшительно нигдѣ не встрѣтили; оно оказалось незнакомымъ и автору статей, посвященныхъ обзорѣнью литературы, касающейся войны Баторія съ Иваномъ, В. Г. Васильевскому³⁾.

Пирлингъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ „Papes et Tsars“, разрѣшаетъ вопросъ слѣдующими словами „comme preuves à l'appui, les deux livres récents de Guagnini et de Krause accompagnent la lettre“⁴⁾. Рѣчь, конечно, идетъ о нашемъ Крузе. Мы знаемъ, что онъ былъ близокъ къ Баторію; во время осады Данцига онъ велъ переговоры, онъ участвовалъ также и въ походѣ Баторія въ Россію⁵⁾; возможно, что онъ желалъ услужить королю, предоставивъ свое сочиненіе въ его распоряженіе. Что это было за сочиненіе, гдѣ было оно напечатано, остается не извѣстнымъ, точно такъ же, какъ и не установленъ тотъ фактъ, что сочиненіе Краузе, о которомъ говоритъ авторъ дневника похода Баторія, было дѣйствительно послано; но для насъ важно указаніе, что существовало сочиненіе его, которое, очевидно, пользовалось извѣстностью. Весьма возможно, что это было

¹⁾ Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго, II, стр. 205.

²⁾ „... chce mi postać dwoie kziengi, piszane o obycaizach jego od szudzoziemczow Guagnina jednego Włocha, a drugie Craucij“. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, изд. Колловичъ, стр. 36.

³⁾ Рейнгольдъ Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578 — 1582); пер. съ латинскаго С.-Пб. 1889, стр. 189, прим. В. Г. Васильевскаго: „авторъ дневника послѣдняго похода Баторія прямо говоритъ, что король имѣлъ въ виду послать сочиненіе итальянца Гваньини и другое какою-то Крауціа (Craucij)“.

⁴⁾ Le P. Pierling, „Papes et Tsars“ (1547—1597). Paris. 1890, стр. 220. Что имя Краузе на латинскомъ языкѣ переводилось Krausius, мы знаемъ и изъ слѣдующей цитаты: „Moscoviae dux Livoniam suabu Tauberii et Krausii enixe postulaverit...“ Adlung, т. I, стр. 258. Сравни. Карамзинъ, IX, прим. 166.

⁵⁾ Schiemann, I. с. стр. 23, 24.

то же самое посланіе. Этимъ не ограничиваются, однако, вопросы, разрѣшенія которыхъ требуетъ литературная дѣятельность нашихъ авантюристовъ.

Аделунгъ говоритъ слѣдующее о брошюрѣ нѣкоего Hoffa: „Von den nähern Lebens-Umständen Georg's von Hoff ist wenig bekannt. Man weiss indessen, dass er auf Befehl von Iwan Wassiljewitsch dreizehn Jahre lang in einem harten Gefängnisse gehalten wurde. Nach seiner Zurückkunft aus Russland suchte er seiner Galle Luft zu machen und sich an dem Grossfürsten durch eine Schilderung seiner Grausamkeit zu rächen, welche wohl mit zu den stärksten Anklagen gehört, die über den Fürsten erschienen sind“ ¹⁾). Брошюрка эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasilowitz, itzo regierenden Grossfürsten in Moscow, so er vorrucker Iar an seinen Blutsverwandten, Freunden, Underfürsten erbermlich geübet, denjenigen, welche seines theils und sich böser meinung an ihnen zu begeben willens, zur Warnung in druck verfertigt, s. l. 1582“ и, какъ видно изъ указателя Винкельмана, представляетъ собою довольно большую рѣдкость ²⁾). Приведемъ введеніе, которое авторъ предпосылаетъ тексту: „Als auff vorgehende des Churfürsten zu Sasschen etc und Burggrafen zu Magdeburg, E. F. G. Herrn Vattern, meines gnedigsten Herrn, erlaubliche Nachlassung ich vorgangenen Winters, in meinen Geschefften nach Littauen vorreisest und meinen Heim oder Widderweg durch Samogitten genomen, in dem, bei einem Herrn desselbigen Land eingekeret und unter anderen von ihme vernommen, dass er sechs Jahr in Ketten und Banden und sieben Jahr auf freiem Fus in der Moscow gefänglich gehalten und in solchen dreizehn Jahren allerhandt unmenschliches Wüten und Tyrannisieren, so der itzo regierende Grossfürst Iwan Wasilowitz an seinen eigenen Blutsverwandten, Freunden, Unterfürsten Bajovoren und Landtvolk geübet, anschawen, ja selbst mit höchster Leibesgefahr ausstehen und gewarten müssen und mir solches alles mit mehreren Umständen nicht allein zu erzehlen, sondern auch wie er die nahmen auff seine Sprach vorzeichnet, zu lesen untergeben kein Scheu oder Bedenken getragen, hab ich solches, so viel ich damals in eil behalten mügen, aufs Papier rapieret und zum Gedechnis mit mir anhero genomen. Und nachdem ich vor weniger Zeit solche Charten einem verstendigen und

¹⁾ *Adelung*, т. I, № 86.

²⁾ *Winckelmann*, № 5546.

ehrlichen Mann, an welchen wol ehe Reichssachen gelassen, zu übersehen gestattet hat er sich nicht allein dieses unerhorten Tyranny zum höchsten vorwundert. sondern mich auch ermanet, dieselbige kundt und rüchtbar zu machen“. Затѣмъ, послѣ разсужденія о томъ, какую пользу принесетъ обнародованіе этого разказа, слѣдуетъ подпись: „Datum den 12 Iuni Anno 1581. Georg vom Hoff, Schösser zu St. Georgen vor Naumburg“. Уже фраза предисловія „Sechs Jahr in Ketten und Banden und sieben Jahr auf freien Fuss gefänglich gehalten“ напоминаетъ намъ такую же фразу посланія, которая и цитирована нами выше. Обращаясь къ тексту брошюры Hoff'a, мы тотчасъ же убѣждаемся въ томъ, что имѣемъ передъ собой не что иное, какъ перепечатку посланія Таубе и Крузе,—которое можно такимъ образомъ считать напечатаннымъ уже въ 1582 г. Грубую ошибку Аделунга, который изъ предисловія долженъ былъ бы знать, что не Hoff былъ 13 лѣтъ въ плѣну, и что онъ не свои впечатлѣнія передаетъ, мы можемъ объяснить только предположеніемъ, что у него не было въ рукахъ самой брошюры Hoff'a. Но совершенно не понятно, какимъ образомъ Карамзинъ, который такъ хорошо знакомъ былъ съ посланіемъ Таубе и Крузе, рядомъ съ нимъ цитируетъ въ одномъ мѣстѣ и Hoff'a ¹⁾. Кто такой былъ Hoff и былъ ли онъ дѣйствительно у одного изъ авторовъ посланія—мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ не вѣроятно то, чтобы онъ дѣйствительно записалъ изъ разказовъ автора только то, что онъ тогда успѣлъ, какъ онъ самъ разказываетъ („Hab ich solches, soviel ich damals in eil behalten mügen, auff's Papiet garieret“, и въ другомъ мѣстѣ: „..... und ich wie obgemelt in eil aufffangen mügen“); разница между посланіемъ и текстомъ, напечатаннымъ Hoff'омъ, на столько не значительна, что онъ, безъ сомнѣнія имѣлъ въ рукахъ самый текстъ посланія или въ первоначальномъ видѣ, или уже переработанный. Текстъ Hoff'a немного сокращенъ, выпущены нѣкоторыя фразы общаго характера, двѣ фразы часто соединены въ одну, выпущены также всѣ мѣста, гдѣ есть указанія на авторовъ Таубе и Крузе, то-есть, гдѣ они говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Положительно не понятно, почему сочиненіе это оставалось все время почти совершенно не извѣстнымъ ²⁾.

¹⁾ Карамзинъ, т. IX, прим. 298.

²⁾ Интересно предпосланное разказу предисловіе, объясняющее цѣль введенія опричинны. Послѣ разсужденія о томъ, что Иванъ старается превзойти своихъ предковъ въ жестокости, мы читаемъ: „Hette auch solche angeborene und ererbte art viel ehe an tag geben und was er im Schildt führete sehen lassen, wo ihnen

Мы видимъ, какъ темна литературная дѣятельность авторовъ посланія, и намъ остается только пожалѣть, что недостатокъ матеріала лишаетъ насъ возможности связать между собой отдѣльные, часто извѣстные намъ лишь по намекамъ, моменты этой дѣятельности. Что касается интересующаго насъ произведенія, то не только нескрываемое авторами, но даже выставленное на видъ враждебное отношеніе къ Ивану повліяло очень невыгодно на судьбу этого произведенія.

Отношеніе къ сообщаемымъ въ немъ извѣстіямъ опредѣлялось всегда и опредѣляется и теперь еще не критическимъ изслѣдованіемъ ихъ, а отношеніемъ историка къ личности Ивана. Предпринявшій въ началѣ XVIII столѣтія защиту Ивана, пасторъ Трейеръ, цитируя брошюру Hoff'a и зная, что это есть разказъ плѣнника, прямо говоритъ, что вѣрить ему нельзя ¹⁾. И въ нынѣшнемъ столѣтіи Арцыбашевъ прямо заявляетъ, что ему „все почти объявляемое Таубе и Крузе кажется ругательствомъ недостойнымъ исторіи“ ²⁾; при этомъ онъ однако самъ же пользуется часто извѣстіями, сообщаемыми ими. Въ самое послѣднее время и г. Бѣловъ также находитъ возможнымъ ограничиться ссылкой на Эверса, который не довѣряетъ Таубе и Крузе,— и только въ этомъ году Ясинскій, въ своей работѣ о сочиненіяхъ князя Курбскаго, изслѣдовалъ достовѣрность извѣстій,

---

nicht ehrliche tapffere Leut seines Volks, sonderlich die Geschlecht Bielshi, Garbata, Kalitzaw etc. und andere, welcher halben, da er sie dergestalt hinrichten würde, ein grosse uffruhr und entpörung beim Landtvolk zubesorgen haben müsste, von seinem fürnehmen abgeschreckt hetten. Dieses aber zuvorkomen und nichts weniger seine ihme vorgefasste Tyranney auszuüben und ohne rottung oder uffruhr sein müttein mit mehreren glimpff zukülen hat er durch Teufflich eingeben volgenden listigen weg an die handt genommen“. Слѣдуетъ разказъ Таубе и Крузе о введеніи опричнины. Цѣль, которую Hoff преслѣдовалъ при обнародованіи этого разказа о взрѣствахъ Ивана, онъ объясняетъ въ введеніи; онъ желалъ удержатъ христіанскій міръ отъ сближенія съ этимъ варваромъ; въ доказательство же того, какъ Иванъ стремится къ этому сближенію, Hoff въ видѣ приложенія напечаталъ въ своей брошюрѣ извѣстное подложное письмо, которое Иванъ будто бы отправлялъ императору Карлу V. (Письмо это напечаталъ Schmidt-Phiseldack въ I т. сборника „Materialien zur russischen Geschichte seit dem Tode Kaiser Peters des Grossen“).

¹⁾ Treuer, „Apologia pro Ioanne Basilide II. Magno duce Moscoviae tyranidis vulgo falsoque insmulato“ Viennae. 1711, стр. 43. Но въ то же время Treuer весь разказъ объ учрежденіи опричнины беретъ у Hoff'a (въ своей Einleitung zur moscovitischen Historie).

²⁾ Арцыбашевъ. „Повѣствованіе о Россіи. Т. II. прим. 1834.

сообщаемыхъ въ посланіи о казняхъ Ивана, при чемъ пришелъ къ положительному выводу. Не входя пока въ оцѣнку другихъ, сообщаемыхъ Таубе и Крузе извѣстій, мы обратимъ лишь вниманіе на одно обстоятельство, которое не мѣшаетъ имѣть въ виду при пользованіи посланіемъ. Припоминая все вышесказанное, мы видимъ, что имѣемъ въ своемъ распоряженіи три текста посланія—Кенигсбергскій (напечатанный Эверсомъ), Шверинскій и текстъ брошюры Hoff'a; но такъ какъ оба первые суть только списки съ недошедшей до насъ рукописи, списки, вѣрность которыхъ мы провѣрить не можемъ, и такъ какъ о происхожденіи третьяго текста намъ ничего почти не извѣстно, то въ случаѣ разногласія между ними, намъ трудно рѣшить, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Это обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что пользоваться текстомъ, напечатаннымъ Эверсомъ, въ высшей степени неудобно. Не говоря уже о совершенно невозможномъ языкѣ, объ искаженныхъ до бессмысленности фразахъ, такіа ошибки, какъ „als wir, anno 1617 (?), den 26 Juny, bey im in der alexanderischen Schlabode gewesen“, ошибки, которыхъ нельзя, конечно, приписать ни незнацію, ни недобросовѣстности авторовъ, лишаютъ насъ возможности относиться съ довѣріемъ и къ другимъ цифровымъ даннымъ; такъ, напримѣръ, мы не знаемъ, считаютъ ли авторы число убитыхъ въ Твери въ 90,000 (какъ напечатано у Эверса), или же только въ 9,000 (у Hoff'a); если мы вспомнимъ, что Арцыбашевъ, говоря о томъ, что Таубе и Крузе отъѣздъ царя въ Александровскую Слободу относятъ къ 1566 году, восклицаетъ „и это пишутъ самовидцы“, то мы поймемъ, что вышеупомянутаго обстоятельства нельзя упускать изъ виду.

А. Браудо.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Акты, относящіяся до гражданской расправы древней Россіи. Собралъ и издалъ *А. Федотовъ-Чеховскій*, бывшій ординарный профессоръ гражданскихъ законовъ въ университетѣ Св. Владиміра. Кіевъ. 1863. 2 тома.

Только въ началѣ прошлаго 1889 года поступило въ продажу вышеназванное изданіе. Какъ видно по заглавному листу перваго тома, предполагалось выпустить его въ свѣтъ еще въ 1863 г.; но указатели и оглавленіе составлены были лишь въ 1884 г.; повидимому, тогда же — судя по бумагѣ и печати — были оттиснуты послѣднія 12 страницъ втораго тома. Впрочемъ, нѣсколько неполныхъ, безъ конца, экземпляровъ этого сборника были извѣстны и ранѣе 1884 года, и въ ученой русской литературѣ можно указать нѣсколько примѣровъ пользованія этими актами. Теперь, наконецъ, это въ высшей степени интересное собраніе сдѣлалось доступнымъ уже для всѣхъ, и мы постараемся сдѣлать теперь краткій обзоръ его содержанія.

Сборникъ этотъ заключаетъ болѣе 100 листовъ очень убористой печати (407 стр. въ 4-ку, въ два столбца, въ I т.; 844 ст.—во II-мъ). Вышняя сторона изданія оставляетъ многого желать. Не говоря уже о весьма плохой бумагѣ, нужно указать еще и на слѣдующіе недостатки: избравши наилучшій, по нашему мнѣнію, для подобныхъ изданій порядокъ—хронологическій, издатель почему-то не придерживался его строго и нѣкоторые акты попали не на свои мѣста ¹⁾);

---

¹⁾ Въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ №№ должны были бы идти такъ: №№ 4, 1, 2, 18, 8, 3, 6, 27, 7 и т. д.; подъ № 69 напечатана грамота 1657 г., которой мѣсто между №№ 120-ми. Впрочемъ, въ числѣ указателей къ I тому приложена хронологическая таблица, облегчающая распредѣленіе актовъ по порядку, но мѣстами не согласующаяся съ датами оглавленія.

не обозначены на каждой страницѣ годы, къ которымъ относятся помѣщенные на ней акты, что почти обязательно для подобныхъ сборниковъ; не указано, откуда заимствована громадная часть актовъ: только разъ оговорено, что печатаемый актъ (№ 74, I, 196—207, 1559) есть перепечатка съ рѣдкаго изданія Сандунова (М. 1830); два акта (№№ 88, 89) отмѣчены, какъ заимствованные изъ сборника библиотеки Нѣжинскаго института, и до 20-ти, какъ заимствованные изъ сборника новгородскихъ грамотъ, принадлежащаго Археографической комиссіи; всѣ же остальные, числомъ до 160, — неизвѣстно откуда взяты; вѣроятно, это должно было быть оговорено въ предисловіи, котораго, къ сожалѣнію, не напечатано. Нужно думать, впрочемъ, что всѣ эти акты заимствованы изъ Московскаго архива министерства юстиціи, какъ по самому характеру ихъ, такъ и потому, что въ изданіе г. Мейчика „Грамоты и другіе акты XIV и XV вѣка въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи“ (въ IV-мъ томѣ „Описанія документовъ и бумагъ“ этого архива и отдѣльно, М. 1884) попало много актовъ, въ то время уже напечатанныхъ въ не вышедшемъ еще въ свѣтъ изданіи г. Ѳедотова-Чеховскаго ¹⁾). Укажемъ еще, что если не невозможно, то во всякомъ случаѣ очень трудно дать себѣ отчетъ, какого правописанія придерживался издатель: такъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—6 случаевъ, онъ печатаетъ предлоги всегда безъ ъ, печатаетъ: *сываномъ*, *вываново* и т. п., въ одномъ актѣ (№ 116, 1647; II, 88—140), за однимъ или двумя исключеніями, передаетъ постоянно *й* черезъ *і*,—но *виѣствѣ* съ *тѣмъ*, *нъ* въ серединѣ словъ печатаетъ всегда по современному намъ правописанію. Наконецъ, во 2-мъ томѣ перепутаны страницы: стр. 461 и 462 повторены дважды и ошибка эта такъ и не исправлена до конца тома, а въ первомъ томѣ, по крайней мѣрѣ въ находящемся у меня экземплярѣ, пропущены страницы 281—288, а страницы 289—296, то есть листъ 37-й, напечатаны два раза, хотя нумерація листовъ въ правомъ нижнемъ углу идетъ правильно: 36, 37, 38 и т. д.

Такова внѣшность этого изданія, не всегда удовлетворительная. Но внутреннее достоинство этого сборника, его интересъ съ избыткомъ искупаютъ эти недостатки, заставляютъ совершенно забывать о нихъ и ставятъ сборникъ г. Ѳедотова-Чеховскаго на ряду съ важнѣйшими изданіями Археографической комиссіи.

¹⁾ См. рецензію на изданіе г. Мейчика *М. Литинскаго* въ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1885, № 9.

Всего напечатано въ сборникѣ г. Ѳедотова-Чеховскаго 184 акта ¹⁾, относящихся ко времени отъ 1403 г. до 1699; изъ нихъ въ XV вѣку относится 14 актовъ, въ концу XV или началу XVI—3, въ XVI—71, остальные 96 — въ XVII вѣку. Болѣе половины грамотъ — правыя грамоты, судныя списки и выписи изъ судныхъ вершенихъ дѣлъ (болѣе ста №№), далѣе идутъ разъѣзжія, разводныя, межевыя, дѣловыя грамоты (до 30 №№), затѣмъ жалованныя грамоты (около 10 №№), наказы и приказы осмотрѣть ту или другую спорную землю, обыскать, что-нибудь повальнымъ обыскомъ и т. п. (до 15 №№), наконецъ, рядныя, данныя, памяти и т. п. Конечно, при современномъ состояніи науки русской исторіи и исторіи русскаго права, едва ли какой бы то ни было сборникъ, какіе бы то ни было документы внесутъ совершенно новыя положенія; но все-таки опубликованіе подобныхъ собраній актовъ крайне желательно, ибо въ нихъ почти навѣрно можно ожидать встрѣтить какія-нибудь интересныя мелочи, какія-нибудь указанія, разъясняющія тѣ или другіе болѣе крупныя вопросы. Все это мы находимъ въ сборникѣ г. Ѳедотова-Чеховскаго. Въ своей замѣткѣ мы и постараемся указать наиболѣе интересныя грамоты этого изданія или цѣлыя группы ихъ.

Первое мѣсто и по числу, и по важности занимаютъ правыя грамоты, особенно XV и начала XVI вѣка (числомъ до 20). Этыхъ грамотъ XV и начала XVI вѣка до сихъ поръ было напечатано еще очень немного; а между тѣмъ онѣ не только весьма интересны, какъ источники исторіи права, но, благодаря стремленію воспроизвести съ наивозможнѣйшею точностью словесный судъ, сохраняютъ интереснѣйшіе образчики тогдашняго разговорнаго языка. И до сихъ поръ еще ни одно изданіе не представляло такого количества образчиковъ разговорной рѣчи XV—XVI вѣковъ, какъ изданіе г. Ѳедотова-Чеховскаго. А въ этомъ послѣднемъ изданіи такихъ образчиковъ собрано такъ много, что, безъ сомнѣнія, филологи, историки русскаго языка найдутъ въ немъ для себя интереснѣйшій матеріалъ. Передача судоговоренія поражаетъ иногда своего живостью. Такъ, напримѣръ, въ одной грамотѣ 1528 г. (I, № 54, стр. 75) читаемъ: „И Дмитрей Давыдовичъ спросилъ поселскаго Крутицкаго Давыда Исакова же: ты сроку хочешъ игумена своего поставить? И старецъ Давыдъ тако

¹⁾ Впрочемъ, № 31 (какъ это оговорено въ оглавленіи) есть повтореніе акта, отпечатаннаго тутъ же подъ № 16, а № 78 цѣликомъ повторенъ потомъ въ № 84, гдѣ онъ является въ числѣ доказательствъ.

рекъ: дай мнѣ, господине, срокъ на Николинъ день на вешней; самъ, господине, стану передъ тобою, и игумена поставлю у озера у Полецкого и у вершища на Осановской землѣ, и грамоты, г-не, передъ тобою положу. И Дмитрий Давыдовичъ велѣлъ приставу Петелѣ таковъ срокъ старцю дать, какова просить“. Изъ другихъ грамотъ мы узнаемъ весьма интересные частные случаи, возникавшіе во время процесса. Такъ, напримѣръ, однажды отвѣтчики, дѣти боярскіе, во время спора о землѣ съ крестьянами, на вопросъ судьи: „а вы лезете ли с ними на полѣ битися?“—, тако ркли: мы, господине, с ними на полѣ битися не леземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы, господине, противъ дѣтей боярскихъ на полѣ битися леземъ“. Судьи, однако, принимаютъ это за отказъ отъ поля: отказъ отъ поля поставленъ въ числѣ причинъ, обусловившихъ рѣшеніе не въ пользу отвѣтчиковъ (№ 57, I, 68, 1511). Встрѣчаемъ также формулу отвода судьи, быть можетъ, не узаконенную даже и обычаемъ, но тѣмъ не менѣе любопытную: „а пищальникъ Ромашка и всѣ пищальники, да воротникъ Гришка Хомяковъ и всѣ воротники тако ркли: не учини, господине судья, надъ нами силы: мы, господине, судъ козначеевъ Ивана Ивановича“ (№ 57, I, 94, 1543),—и отводъ ихъ принять.

Въ громадномъ числѣ грамотъ XV и XVI вѣка встрѣчаемъ мы вопросъ: лезете ли на поле битися?—и всегда съ утвердительнымъ отвѣтомъ; но ни разу дѣло до поединка не доходило; послѣ такого отвѣта судьи или прямо произносили свое рѣшеніе на основаніи равнѣ приведенныхъ доказательствъ, или переносили дѣло въ высшую, такъ-сказать, инстанцію, гдѣ оно и рѣшалось опять-таки всегда безъ поединка. И намъ кажется даже, что вопросъ о полѣ и согласіе принять поле стали уже не болѣе какъ послѣднюю, окончательную утвердительную формулу, показывавшую, что каждая сторона остается при своемъ мнѣніи. Вопросъ о томъ, какъ часто примѣнялся у насъ этотъ видъ Божьяго суда, конечно, очень интересенъ; мы окончательно склонились бы къ вышеприведенному толкованію, еслибы ему не противорѣчило извѣстное заявленіе Стоглава, будто бы на такихъ судебныхъ поединкахъ часто доходило дѣло до смерти ¹⁾. Въ настоящую минуту мы не знаемъ, которое заключеніе вѣрнѣе.

Очень любопытныя свѣдѣнія можно почерпнуть въ актахъ г. Фе-

¹⁾ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 136.

дотова-Чеховскаго о писцовомъ дѣлѣ въ Московскомъ государствѣ. Не говоря уже о томъ, что мы встрѣчаемъ тутъ указанія на такія описанія земель XVI вѣка, которыя до нашего времени уже не дошли, мы можемъ еще по этимъ актамъ иногда заключать о значеніи, какое придавалось тѣмъ или другимъ документамъ этого рода, а равно и слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого дѣла. Такъ, съ конца XVI вѣка встрѣчаемъ уже указанія, что спорныя земли не только описывались, но еще и на чертежъ чертились; съ теченіемъ времени случаи чертежа земель становятся все чаще и чаще и, наконецъ, ни одно спорное о землѣ дѣло не обходится безъ чертежа. Въ одной грамотѣ даже сохранился вклеенный чертежъ, къ сожалѣнію, лишь описанный, а не воспроизведенный издателемъ (№ 174, II, 704, 1695); изъ другихъ грамотъ узнаемъ, что и какъ нужно было чертить на чертежѣ (напримѣръ, № 102, I, 339, 1628, № 151, II, 487, 1686); наконецъ, видимъ, какъ около середины XVII вѣка, вмѣсто прежнихъ опредѣленій межи исключительно живыми урочищами, начинаютъ описывать ее подробнѣе, отмѣчая не только число сажень отъ одного урочища до другаго, но даже и направленіе поворотовъ—направо, налево, налево вкрутъ и т. п. (см., напримѣръ, №№ 151, 155, 167); встрѣчаемъ на межевыхъ столбахъ вмѣсто прежнихъ знаковъ „книжныя слова“, именно начальныя буквы именъ владѣльцевъ (№ 150, II, 474, 1685). Но надо при этомъ замѣтить, что, на основаніи текста грамотъ, можно почти съ несомнѣнностью утверждать, что чертежи дѣлались только въ случаѣ споровъ о землѣ и никогда не дѣлались при первоначальномъ межеваніи или описаніи, и, повидимому, описанію придавалось больше значенія, чѣмъ чертежу (№ 102, I, 340, 1628). Масса грамотъ въ сборникѣ г. Оедотова-Чеховскаго содержитъ споры по земельнымъ дѣламъ; разъ одна сторона прямо заявляетъ, что „межа безъ уголовья не отводитца“ (№ 134, 1672, II, 322, 329); при отсутствіи точно описанныхъ границъ участковъ, раздаваемыхъ, напримѣръ, въ помѣстья, и при опредѣленіи ихъ обыкновенно лишь именами урочищъ и угодій, совершенно естественно, что возникало изъ-за нихъ громадное количество споровъ. Въ одной подобной грамотѣ встрѣчаемъ слѣдующую, крайне любопытную черту. Въ описаніи одной межи читаемъ между прочимъ: „отъ березы съ олховца черезъ маленькой мошекъ, конецъ мошку на сосну; коли ся случить Ивановымъ крѣстьяномъ Рясина и Давиловымъ крѣстьяномъ Рясина и Оболенскихъ князей хрѣстьяномъ и Кирилова монастыря хрѣстьяномъ крестное дѣлованіе или правой

рукобытіе, и они ся ставятъ у тое сосны у межные во всякихъ дѣлахъ“ (№ 71, I, 174, 1558).

Весьма любопытны также, по массѣ бытовыхъ данныхъ, напечатанныя въ собраніи г. Оедотова-Чеховскаго духовныя грамоты, относящіяся къ раздѣлу имущества; такихъ документовъ издано уже не мало, но никакой новый не можетъ быть лишнимъ; въ одномъ документѣ XVII вѣка тутъ повторена духовная конца XV вѣка, отъ котораго такихъ актовъ сохранилось вообще немного (№ 94, I, 269—272, 1491 г.; см. также № 50, I, 64—67, 1539; № 74, I, 1559; № 110, I, 403, 1643; № 122, II, 213—220, 1615). Весьма интересенъ огромный № 110 (I, 382—407, 1642—1643), заключающій дѣло о наслѣдствѣ послѣ очень богатаго гостя Юдина; изъ дѣла этого мы узнаемъ много любопытнаго объ имуществѣ и оборотахъ богатаго гостя. Изъ этихъ дѣлъ мы узнаемъ, между прочимъ, небезынтересныя данныя о холопахъ у богатыхъ людей (см., на примѣръ, № 50); есть тутъ же нѣсколько актовъ, содержащихъ преимущественно данныя о холопахъ и бѣлыхъ крестьянахъ (см. № 147, II, 447—453, 1685; № 159, II, 590—608, 1689; II, № 219, 1615). Въ одномъ номерѣ находимъ очень любопытныя свѣдѣнія о числѣ скота, запаснаго хлѣба и о размѣрахъ запашки въ 7—8 крестьянскихъ дворахъ; цѣнность же этихъ свѣдѣній увеличивается тѣмъ, что такое описаніе относится къ двумъ періодамъ—когда эти дворы были за монастыремъ и когда они пробыли четыре года за вотчинникомъ (№ 122, II, 236—237, 266—267, 1650 и 1654). Не думая, конечно, основывать на этомъ единичномъ случаѣ никакихъ выводовъ, скажемъ, что тутъ благосостояніе крестьянъ за вотчинникомъ возросло.

№ 118 (1646, II, 144—184) заключаетъ въ себѣ слѣдующее дѣло. По одному спорному о землѣ и крестьянахъ дѣлу стороны избрали себѣ двухъ третейскихъ судей; а когда эти судьи долго не произносили своего приговора, то истецъ пожаловался государю и просилъ потребовать съ третьихъ ихъ рѣшенія. Просьба была исполнена. Оба третейскіе судьи подали свои приговоры, одинъ другому прямо противоположные (стр. 151 и 161 и далѣе). Въ выписи, данной изъ приказа, помѣщены оба эти приговора, а окончательное рѣшеніе исходитъ уже отъ правительства. Въ высшей степени интересны оба приговора третейскихъ судей, какъ документы, составленные частными людьми, а не писанные дяками. Подобный же интересъ представляютъ два письма, помѣщенные въ томъ же № 118.

Отяѣтимъ, наконецъ, два—три отдѣльные интересные документа.

№ 45 (I, 47—52, 1535) рисуеъ съ большими подробностями разбойничьи наѣзды нѣкоего князя Лапина, при чемъ мы узнаемъ любопытныя бытовныя черты, между прочимъ—какіе люди жили у него и содѣйствовали ему въ его подвигахъ. Изъ № 139 (II, 366—382) узнаемъ, что въ 1676 г. цѣлый родъ Нащокинныхъ, въ томъ числѣ и Воинъ Аеонасъевичъ Нащокинъ, отказались отъ своихъ правъ на выкупъ вотчины, бывшей имъ ближе всего по роду, когда она была передана боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово. Мы обращаемъ вниманіе на это потому, что Соловьевъ, напримѣръ, считалъ Хитрово вообще не въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ А. Л. Ордину-Нащокину ¹⁾. Наконецъ, № 122 (II, 202—247—270, 1650 и 1654) включаетъ въ себѣ слѣдующіе факты. Въ 1650 г. по челобитью Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ была имъ отказана по государеву указу изъ-за Богоявленскаго монастыря вотчина, прежде бывшая въ ихъ родѣ, а потомъ перешедшая во владѣніе монастыря. Но въ 1654 г., въ январѣ, этотъ монастырь подалъ противъ такого рѣшенія челобитную патриарху Никону, говоря, что та вотчина у нихъ отнята изъ Большаго Дворца и отдана Воронцовымъ-Вельяминовымъ „невѣдомо почему“. Никонъ вытребовалъ это дѣло въ Патриаршій разрядъ и выдалъ монастырю новую грамоту, въ которой, выписавши много извлеченій изъ правилъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, высказался прямо, что земля взята изъ монастыря неправильно, и приказалъ вернуть еѣ въ монастырь, что и было исполнено. Грамота эта относится какъ разъ къ тому времени, когда вліяніе Никона достигло своего апогея; она живо рисуеъ намъ и степень могущества Никона, и его поведеніе и характеръ.

Къ этому бѣглому и краткому обзору интереснѣйшаго собранія актовъ г. Оедотова-Чеховскаго прибавимъ еще, что въ легендахъ описано у него множество печатей, что тоже можетъ имѣть значеніе для русской сфрагистики.

Къ изданію, какъ мы уже упоминали, приложены указатели, отдѣльные для cadaго тома, именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ. Всѣ эти указатели расположены не просто по алфавиту, но съ подраздѣленіемъ на группы. Мы не провѣряли этихъ указателей тщательно, но не могли не замѣтить, что, напримѣръ, въ предметный указатель попали не всѣ писцовыя книги, упоминаемыя въ актахъ, и что указаны далеко не всѣ упоминанія чертежей земли.

¹⁾ Исторія Россіи, XIII, изд. I, стр. 235.

Впрочемъ, надо, конечно, признать, что составленіе полнаго предметнаго указателя къ такому громадному изданію, каково изданіе г. Оедотова-Чеховскаго, дѣло слишкомъ трудное.

Своею краткою замѣткою мы далеко не исчерпали, конечно, массы новыхъ, нерѣдко въ высшей степени интересныхъ данныхъ по исторіи права, бытовой и исторіи языка, какую даютъ эти акты, къ сожалѣнію, такъ долго остававшіеся почти неизвѣстными въ ученомъ мірѣ. Мы не сомнѣваемся, что очень многіе поспѣшатъ познакомиться съ этимъ прекраснымъ собраніемъ, и вполне убѣждены, что никто не поскучается, изучая его, и что изъ этого сборника въ новыя изслѣдованія будетъ внесено не мало матеріала.

И. Чечулинъ.

Д. Лейкфельдъ. Различныя направленія въ логику и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890.

Сначала поговоримъ о внѣшней сторонѣ этого сочиненія. Вполнѣ нормальная, такъ-сказать, книга состоитъ изъ оглавленія, предисловія, введенія и самой книги, раздѣленной на главы. Оглавленіе дѣлается для удобства читателя, чтобы ему легче ориентироваться и сразу знать, чего читать не нужно; поэтому весьма неприятно, когда вмѣсто оглавленія вы видите, какъ, напримѣръ, въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали, простое обозначеніе: глава I, глава II и т. д., безъ указанія содержанія; особенно неприятно это критику, ибо обязываетъ его прочесть всю книгу. Во введеніи обыкновенно говорятъ о тѣхъ принципахъ, которыхъ держится авторъ, о значеніи самаго предмета и т. д. Наконецъ, предисловіе предоставляется субъективному элементу; въ немъ авторъ можетъ свободно объяснять, почему сочиненіе появляется такъ поздно въ свѣтъ, и сожалѣть о людяхъ, долженствовавшихъ столько тысячелѣтій обходиться безъ его книги. Г. Лейкфельдъ соединилъ предисловіе и введеніе, изъ чего получилось краткое, но характерное заявленіе слѣдующаго содержанія: во первыхъ, цѣль труда авторъ опредѣляетъ такъ: онъ хочетъ сказать „нѣсколько словъ“ (то-есть, 387 страницъ) въ защиту формальной логики; во вторыхъ, литература, которою онъ пользовался, „отличается, быть можетъ, нѣсколько случайнымъ характеромъ“. Это—правдивое, но грустное заявленіе, ибо если авторъ выбралъ не важнѣйшія сочиненія по логикѣ, то кто же поручится, что онъ не упустилъ нѣкоторыхъ логическихъ направленій? Въ подтвержденіе же правдивости г. Лейкфельда могу при-

часть сслхх, отд. 2.

вести слѣдующее: онъ приводитъ многихъ русскихъ авторовъ, писавшихъ по логикѣ,—Борзцовскаго, Додаева-Магарскаго, Лодія и другихъ знаменитостей, но не приводитъ единственнаго вполне оригинальнаго и замѣчательнаго русскаго сочиненія по логикѣ—„Классификаціи выводовъ“ г. Каринскаго; и это тѣмъ болѣе странно, что сочиненіе г. Рутковскаго „Основные типы умозаключеній“ приведено. Всякій безпристрастный критикъ скажетъ, что книга г. Рутковскаго не вполне можетъ замѣнить книгу г. Каринскаго, хотя въ ней и повторяются мысли г. Каринскаго; такъ, повидимому, разсудилъ и Казанскій университетъ, признавшій въ 1888 году г. Рутковскаго магистромъ, въ то время какъ г. Каринскій за тѣ же мысли въ 1880 году въ Петербургѣ былъ признанъ докторомъ философіи. Встрѣтыхъ, г. Лейкфельдъ обращаетъ „вниманіе читателя на то, что въ книгѣ крупный шрифтъ часто смѣняется болѣе мелкимъ“, и даетъ читателю разрѣшеніе не читать мелкаго. Читатель, конечно, поблагодарить г. Лейкфельда за такой либеральный образъ мыслей и пожалѣетъ лишь, что не получилъ разрѣшенія не читать и крупнаго шрифта. Но довольно о внѣшней сторонѣ.

Книга распадается на семь главъ; въ первой авторъ говоритъ, что онъ хочетъ „опредѣлить основныя задачи науки логики“. „Впрочемъ“, говоритъ онъ, „мы не будемъ подвергать подробному критическому разбору тѣ взгляды, тѣ, быть можетъ иногда и, такъ-сказать, сильныя теченія въ исторіи нашей науки, которыя сами говорятъ противъ себя“. Къ такимъ „быть можетъ, и такъ-сказать сильнымъ теченіямъ, говорящимъ противъ себя“, авторъ относитъ сочиненія, смотрящія на логику, какъ на искусство, и, не смотря на обѣщаніе умолчать о нихъ, довольно подробно о нихъ трактуетъ. Далѣе говорится, что логика не есть ни грамматика, ни риторика, ни эристика,—и на этомъ первая глава неожиданно прерывается. Прочтя первую главу, мы поняли, почему авторъ не далъ обозначенія содержанія своимъ главамъ, ибо первую главу пришлось бы назвать такъ: „Аристотелевская топка (о ней трактуются болѣе всего) или о тѣхъ, быть можетъ, иногда и, такъ-сказать, сильнѣйшихъ теченіяхъ“, но тогда оглавленіе напоминало бы оглавленіе Диккенсовскаго романа.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ трактуетъ о формальной, метафизической, индуктивной и математической логикахъ, признавая эти направленія основными.

Перечисленіе основныхъ направленій, указаніе ихъ характерныхъ

особенностей и историческія замѣчанія имѣютъ, конечно, значеніе, и читатели могли бы быть благодарны г. Лейкфельду, еслибы онъ принялся за подобную задачу и рѣшилъ ее, но не такъ, какъ онъ это, въ дѣйствительности, сдѣлалъ: у нашего автора перечисленіе литературы, указаніе содержанія самыхъ различныхъ книгъ ведется одновременно съ характеристикой направленія, такъ что вмѣсто ясной картины читатель получаетъ впечатлѣніе какого-то никому не нужнаго плетенія, которое можно гдѣ угодно прервать, но можно бы вести и до бесконечности. Во второй главѣ говорится о формальной логикѣ, которая подраздѣляется на два направленія: формальное направленіе въ тѣсномъ смыслѣ, изслѣдующее формы правильного мышленія, и „формальное направленіе въ болѣе широкомъ смыслѣ, которое имѣетъ предметомъ своего изученія формы, при которыхъ мысль человѣка правильна не только въ отношеніи формальному, но и по своему содержанію“ (ст. 27) сдѣлавъ это различіе, г. Лейкфельдъ всю вторую главу посвящаетъ перечисленію авторовъ (и ихъ мнѣній), принадлежащихъ къ формальной логикѣ, въ болѣе широкомъ значеніи. Нѣтъ дѣла болѣе бесполезнаго, чѣмъ подобное перечисленіе, ибо оно не можетъ быть полнымъ: легко г. Лейкфельду назвать имена, которыхъ онъ не упомянулъ; да и не зачѣмъ гнаться за полнотою именъ и мнѣній: нужно выбрать типичныхъ представителей и подвергнуть анализу ихъ мнѣнія; этого г. Лейкфельдъ не сдѣлалъ, поэтому глава вторая кончается весьма неожиданно для читателя, хотя онъ при этомъ, конечно, испытаетъ значительное чувство облегченія. Глава третья перечисляетъ приверженцевъ формальной логики въ тѣсномъ смыслѣ: многія имена красуются здѣсь неизвѣстно для чего, напри- мѣръ, о двухъ г. Лейкфельдъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Приверженцами интересующаго насъ направленія является K. V. Stoy и Ign. Ročakny. Оба они, впрочемъ, высказываются довольно неопредѣленно“ (ст. 59). Отчего бы ихъ не помѣстить въ мелкій прифѣтъ, чтеніе котораго не обязательно? Въ этой же главѣ мы впервые встрѣчаемся и съ разсужденіемъ философскаго характера объ отношеніи указанныхъ двухъ направленій формальной логики между собою. Вотъ какъ представляетъ себѣ это отношеніе г. Лейкфельдъ: послѣдователи двухъ разсматриваемыхъ направленій выставляютъ при об- сужденіи логическихъ формъ не одинаковый критерій нормальности. Первое направленіе, то-есть, формальная логика въ болѣе широкомъ смыслѣ, считаетъ критеріемъ истинности согласіе мысли съ ея объек- томъ, въ то время, какъ формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ кри-

теріемъ истинности признаетъ согласіе мысли съ собою. Первый критерій г. Лейкфельду кажется не нуждающимся въ анализѣ, поэтому-то онъ всё свои критическія усилія направляетъ на второй критерій, „ибо онъ не остается вѣренъ обыкновенному понятію объ истинности“ (ст. 66). Формальная истинность или правильность зависитъ отъ необходимыхъ законовъ мысли, именно тождества, противорѣчія и др. Рѣшившись уничтожить понятіе формальной истины, г. Лейкфельдъ говоритъ: „Названные законы—законы логическіе и, какъ таковыя, они могутъ быть установлены только тогда, когда мы уже напередъ условились, какого рода формы мысли считать нормальными и какія—не нормальными, когда мы уже извѣстный критерій нормальности и ненормальности приняли. Законы эти предполагаютъ критерій, а не опредѣляютъ, не выясняютъ его“ (ст. 75). Названные законы, конечно, суть логическіе въ томъ смыслѣ, что разсмотрѣніемъ ихъ занимается логика, но сами по себѣ они суть условія мышленія, и могутъ имѣть силу и значеніе, хотя бы мы вовсе и не условились ни о чемъ, подобно тому, какъ и законы природы дѣйствуютъ независимо отъ того, знаемъ ли мы объ ихъ существованіи, или нѣтъ. Критерій истинности формальной логики, въ тѣсномъ смыслѣ, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи не истинностью, а послѣдовательностью; но послѣдовательность не гарантируетъ истинности. „Если мысль не послѣдовательна, — это вѣрный признакъ ея неистинности; но если она послѣдовательна,—это еще не доказываетъ ея истинности“. Послѣдовательность есть только отрицательный критерій, къ которому нужно еще искать положительный объективный критерій. Такимъ образомъ, оказывается, что формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ есть часть формальной логики въ обширномъ смыслѣ. И цѣли обоихъ направленій не безусловно различны. Разсужденіе и добытые результаты представились бы г. Лейкфельду въ иномъ свѣтѣ, еслибы онъ анализировалъ общепринятое понятіе объ истинѣ: утвержденіе, что истина состоитъ въ согласіи мысли съ ея объектомъ, обозначаетъ возможность тождества мысли и бытія и есть метафизическое ученіе; формальная логика въ широкомъ значеніи, желая удержать свою позицію, становится метафизическою логикой и, перестаетъ быть формальною, или же она пользуется принципомъ, котораго значеніе не желаетъ понять. Формальная логика въ тѣсномъ значеніи слова, желая ограничить свой предметъ, исключаетъ совершенно разсужденіе объ объектѣ и о томъ, какъ относится познаніе къ предмету его; она говоритъ о формальной истинѣ, ибо не знаетъ, чѣмъ можетъ

быть „материальная истина“. Такимъ образомъ, формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ, или, по-просту говоря, логика *to to genere* различна отъ формальной логики въ широкомъ значеніи, или, по-просту говоря, отъ теоріи познанія и отнюдь не составляетъ части послѣдней. Мы не говоримъ уже о томъ, что, сведя вопросъ о различіи двухъ формальныхъ направленій логики, къ различію критерія истинности, г. Лейкфельдъ очень сѣузиль вопросъ.

Въ IV-й главѣ разсматривается метафизическая логика. Характеристика этого направленія у нашего автора чрезвычайно кратка: это направленіе вноситъ въ логику метафизическій элементъ, или же утверждаетъ тожество логическихъ и метафизическихъ принциповъ. Въ чемъ состоитъ метафизическій элементъ и метафизическіе принципы, это, какъ дѣло само собой разумѣющееся, авторомъ не разсматривается. Слѣдуетъ пространное перечисленіе приверженцевъ метафизической логики (съ 94 до 127 стр.), а затѣмъ пространное и просто странное разсужденіе объ отношеніи формальной логики къ метафизической. Мысль, которую авторъ здѣсь доказываетъ, чрезвычайно проста, а именно,—что никакой метафизической логики нѣтъ, а она есть лишь та же формальная логика (ст. 141), конечно, съ маленькимъ добавленіемъ. Эту мысль авторъ доказываетъ тѣмъ, что логика есть логика, а метафизика—метафизика, и послѣдняя на первую никакого вліянія не оказываетъ (ст. 139). Эта мысль (если это есть мысль) кажется автору столь трудной, что онъ неоднократно приглашаетъ читателя смотрѣть выше (ст. 136), оглянуться назадъ (ст. 140), пойти далѣе (ст. 129), остановиться и т. д. Исполнивъ всѣ эти предписанія, мы никакихъ другихъ мыслей, кромѣ вышеприведенной, не нашли, если не считать различенія метафизическаго направленія на умѣренную метафизическую логику (ст. 118) и на неумѣренную. Здѣсь дѣйствительно можно остановиться и оглянуться: авторъ нашъ разобралъ четыре направленія: одно узкое, другое широкое, третье умѣренное и четвертое неумѣренное,—и всѣ они оказались однимъ и тѣмъ же. Вотъ чудеса! Если мы до сихъ поръ и не могли почерпнуть особенно глубокихъ мыслей изъ этого сочиненія, то все-же чтеніе нельзя назвать вполне бесполезнымъ: мы узнаемъ, что слово „далѣе“ составляетъ цѣлое предложеніе, ибо авторъ послѣ него регулярно ставитъ точку (см. стр. 289, 145, 304, 70, 137 и др.); странно лишь, почему онъ не ставитъ также точки послѣ „ибо“, а только передъ нимъ (напримѣръ: „Ибо, мы уже говорили, такого пониманія, во всякомъ случаѣ, приходится до извѣст-

ной степени придерживаться“, ст. 70; также см. ст. 330). Въ V-й главѣ говорится объ индуктивной логикѣ; сущность ея опредѣляется слѣдующимъ способомъ: „Здѣсь (?) трактуютъ о томъ, какъ построить индуктивные выводы, какъ правильно построить индуктивные выводы, какъ построить индуктивные выводы, которые были бы согласны съ истиной“ (ст. 159). Надѣмся, что самый упорный читатель пойметъ, прочти такія убѣдительныя разсужденія, въ чемъ состоитъ индуктивная логика; но для невнимательныхъ читателей неоднократно повторяется, что „въ ученіи объ индукціи, собственно, вся суть индуктивной логики“ (ст. 207). Зная манеру разсужденія г. Лейкфельда, мы нисколько не сомнѣвались, что онъ станетъ доказывать тождество индуктивной логики съ формальною и метафизическою: г. Лейкфельдъ, вѣроятно, пантеистъ, и съ высоты этой точки зрѣнія всѣ ученія и всѣ направленія ему кажутся однородными: „Мы“, говоритъ нашъ авторъ, „опредѣлили отношеніе между индуктивной логикой и логикой формальной. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ логика преслѣдуетъ одинаковыя основныя задачи. Какъ представители формальной логики, такъ и приверженцы логики индуктивной лишь стремятся указать особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Только логика формальная обращаетъ вниманіе преимущественно на одни проявленія нашей мысли, а индуктивная — на другія.. При томъ — что характерно и откуда, повидимому, главнымъ образомъ антагонизмъ между разсматриваемыми направленіями усиливается — какъ представители одного, такъ и приверженцы другаго направленія, разработавъ на самомъ дѣлѣ только извѣстный отдѣлъ или извѣстные отдѣлы логики, обыкновенно считаютъ весь предметъ этой науки исчерпаннымъ, всѣ задачи ея выполненными“ (ст. 265—266). Какое перо! Какая глубина мысли!

Въ VI-й главѣ говорится о математической логикѣ; авторъ справедливо сомнѣвается, можно-ли математическую логику назвать направлеіемъ: какъ индуктивная, такъ и математическая логика не обозначаютъ собою направленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно сказать о формальной и метафизической. Въ математической логикѣ авторъ видитъ три направленія: одно умѣренное, которое обыкновенную логику оставляетъ не тронутой, и присовокупляетъ лишь разсужденія о сходствѣ логики и математики, другое—радикальное, которое замѣняетъ логику математикой, и, наконецъ, третье, — посредствующее. Нашъ авторъ и математическую логику признаетъ по существу тождественною съ формаль-

ной. „Мы можемъ остаться при взглядѣ, что математическая логика... не смотря на добавочныя разсужденія о томъ, будто наша наука—только одинъ изъ отдѣловъ всеобщаго ученія о формахъ или математики, по основнымъ задачамъ своимъ не отличается отъ логики обыкновенной, по своимъ основнымъ задачамъ сходна съ логикой формальной въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“ (ст. 306). Радикальное же направленіе такъ относится къ формальной логикѣ: „Подобно всѣмъ другимъ представителямъ нашей науки, эти приверженцы математическаго направленія заняты разсмотрѣніемъ особенностей нормальной мысли. Но логика не математическая стремится обозрѣть особенности мысли нормальной при всякаго рода ея проявленіяхъ. Логика математическая у тѣхъ представителей, о которыхъ у насъ теперь идетъ рѣчь, по крайней мѣрѣ, задается, повидимому, цѣлью, замѣнивъ извѣстные акты, или даже всякую работу мысли нашей вновь придуманными операціями, узнать область своего разсмотрѣнія и разсужденія объ особенностяхъ нормальной мысли при всевозможныхъ ея проявленіяхъ цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, отчасти замѣнить опредѣленіемъ особенностей мысли нормальной при операціяхъ извѣстнаго разряда,—операціяхъ, которыя сами представители математической логики придумываютъ“ (ст. 306—307).

Но послѣшимъ къ заключенію и выводамъ, содержащимся въ VII-й главѣ. Разсмотрѣвъ еще разъ, съ утомительнымъ однообразіемъ и повтореніемъ каждой мысли по три раза, съ направленіемъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: „Мы видимъ, что принять тѣ ограниченія основныхъ задачъ науки логики, которыя предлагаютъ послѣдователи направленія „формальнаго въ тѣсномъ смыслѣ“, нельзя. Нельзя и внести въ нашу науку добавленія, встрѣчающіяся у представителей метафизической логики. Разсматривая теорію приверженцевъ математическаго направленія, мы также оставляемъ основныя задачи обыкновенной логики, то-есть, логики, какъ таковую понимаютъ ученые и мыслители, принадлежащіе къ направленію формальному въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, неизмѣнными. Остается у насъ взглядъ, который мы находимъ у представителей логики „формальной въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“ и индуктивной. Оба эти направленія, какъ мы видѣли, преслѣдуютъ, на самомъ дѣлѣ, одинаковыя основныя задачи“ (368). Задача же эта состоитъ—это безчисленное множество разъ повторяется—въ опредѣленіи отличія нормальной мысли отъ ненормальной.

Таково содержаніе этого труда, печатаннаго на деньги и съ раз-

рѣшенія филологическаго факультета Харьковскаго университета. Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что всякая критика мнѣній г. Лейкфельда въ сущности совершенно излишня. Сгладить всѣ особенности различныхъ направленій логики не представляетъ труда, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости; само собою разумѣется, что направленія одной и той же науки имѣютъ одинъ предметъ; рѣшеніе же, предложенное нашимъ авторомъ, вовсе не есть рѣшеніе, ибо формальное направленіе въ широкомъ значеніи этого слова есть нѣчто вполне неопредѣленное и непригодное.

Еще очень недавно философскихъ книгъ въ Россіи появлялось немного, и тогда жаловались на бѣдность философской литературы; но, право, тогда лучше было, ибо немногіе появившіеся труды имѣли цѣнность; что же сказать про книги, подобныя сочиненію г. Лейкфельда? Да остается только посоветовать Харьковскому университету, сдѣлать то, что сдѣлалъ Наполеонъ III съ книгой аббата Доменека, принявшаго рисунки ребенка какого-то переселенца за письма краснокорихъ и написавшаго по этому поводу обширный и весьма ученый трактатъ.

Э. Радловъ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Киевъ. 1890.

Съ удовольствіемъ видимъ, что Общество Нестора лѣтописца все чаще и чаще знакомитъ ученую публику съ своею дѣятельностью; конечно, главная причина заключается въ увеличеніи его денежныхъ средствъ, ибо и прежде засѣданія его были не бѣдны хорошими сообщеніями, но они по причинѣ замедленія въ выходѣ трудовъ рассѣивались по другимъ изданіямъ. Къ сожалѣнію, и теперь не все читанное въ Обществѣ собрано въ его изданіи, это видно изъ краткихъ протоколовъ, начинающихъ собою каждый выпускъ сборника. Изъ изслѣдованій, помѣщенныхъ вслѣдъ за протоколами, въ особенности обращаетъ на себя вниманіе статья М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI в.“, основанная главнымъ образомъ на неизданныхъ источникахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ авторъ помѣщаетъ въ приложеніи. Въ своемъ новомъ изслѣдованіи почтенный профессоръ слѣдитъ борьбу обычая съ закономъ въ семейныхъ отношеніяхъ Западной Руси. Періодъ, имъ избранный, слѣдуетъ за первыми статутами, тѣмъ не

менѣе обычное право еще сохраняет свое значеніе (не вѣнчанный брак еще признается, признается произвольный разводъ и т. д.); любопытно, какъ разнятся въ этомъ отношеніи культурные центры отъ глухихъ окраинъ и болѣе просвѣщенные классы общества отъ темной массы. Исслѣдованія М. Ф. Владимірскаго-Буданова кладутъ основы историческому изученію русско-литовскаго права; быть можетъ, благодаря трудамъ его и учениковъ его, а также проф. Бершадскаго, скоро явится возможность такого обзора этой важной части исторіи русскаго права, безъ которой не полно знаніе и остальныхъ ея частей. Укажемъ въ этомъ отдѣлѣ на любопытную статью В. С. Иконникова: „Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III“, въ которой авторъ съ обыкновеннымъ своимъ трудолюбіемъ сводитъ разнообразныя показанія о войнѣ, предположенной самозванцемъ съ Польшей, и о намѣреніи возвести его на польскій престолъ. Конечно, о томъ и о другомъ были намеки въ исторической литературѣ; но только теперь получаютъ они вполне осязательный видъ. Въ статьѣ П. В. Владимірова: „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII столѣтія“ получаетъ читатель весьма полезный списокъ этихъ памятниковъ, который можетъ послужить однимъ изъ пособій необходимыхъ „Литературной исторіи“ (*Histoire littéraire*), которая обняла бы всѣ памятники хоть до XVIII в. и была бы не перечнемъ, какъ почтенный трудъ И. И. Срезневскаго или пр. Филарета Черниговскаго, и не отрывочными, хотя и важными замѣчаніями, въ родѣ „Библиологическаго словаря“ Строева. Матеріала накопилось уже довольно и пора уже, кажется, думать объ его объясненіи. Изъ другихъ статей этого отдѣла замѣчательны статьи В. З. Завитневича: „Изъ археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье“ и М. Н. Ясинскаго: „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губерніи въ 1855 г.“. Авторъ первой статьи производилъ свои раскопки ¹⁾ на границѣ двухъ племенъ, Дряговичей и Древлянъ, и по разницѣ погребенія могъ точнѣе опредѣлить территорію того и другаго племени. Авторъ второй передаетъ на основаніи архивнаго матеріала событіе недавняго времени. Разказъ его интересенъ тѣмъ, что выясняетъ, какъ образовались недоразумѣнія, вызывавшія въ старыя годы такіа

¹⁾ Мы не упоминали о статьѣ *Θ. И. Кнауера* „Вторая археологическая раскопка около с. Сараты“ потому, что это только журналъ раскопки, а не исслѣдованіе.

вспышки. Книга заканчивается матеріалами: С. Т. Голубевъ сообщилъ найденный имъ въ рукописи „Катехизисъ“ и представилъ доказательства, что онъ былъ первымъ печатнымъ русскимъ Катехизисомъ, хотя экземпляры его и не извѣстны библиографамъ; А. М. Лазаревскій сообщилъ акты о землевладѣніи въ Малороссіи а М. Ф. Владимірскій-Будановъ „экстрактъ изъ журнала слѣдованія изъ Кіева въ Константинополь резидента Неплюева въ 1746 г.“

И. Бестужевъ-Рюминъ.

Е. И. В. Великій Князь Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія императора Николая I. С.-Пб. 1890. F°. XII+281 стр., съ портретомъ и 41 таблицей.

Недавно вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ монументальнаго изданія, предпринятаго Е. И. В. Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ и посвященнаго всесторонней разработкѣ послѣпетровской нумизматики. Выпускъ этотъ, обнимая ходъ монетнаго дѣла въ Россіи въ періодъ царствованія императора Николая Павловича, заключаетъ въ себѣ собраніе документальныхъ данныхъ по этому вопросу, подробное описаніе и изображеніе всѣхъ монетныхъ памятниковъ этого царствованія. Весь собранный Его Императорскимъ Высочествомъ богатый матеріалъ расположенъ по тому же плану, который принятъ авторомъ и въ первомъ выпускѣ Его труда, посвященномъ монетамъ царствованія императора Александра II. Согласно этому плану, за краткимъ вступленіемъ, заключающимъ въ себѣ хронологическій обзоръ главнѣйшихъ фазисовъ дѣятельности монетныхъ дворовъ, на которыхъ чеканилась монета въ царствованіе императора Николая I ¹⁾, слѣдуетъ (стр. 3—169) богатѣйшее и интереснѣйшее собраніе документовъ (305 №№), почерпнутыхъ Августѣйшимъ авторомъ по преимуществу изъ различныхъ архивовъ, рисующихъ подробную и полную интереса не только въ нумизматическомъ, но и въ историческомъ и финансовомъ отношеніяхъ, картину монетнаго дѣла въ Россіи, Польшѣ и на Кавказѣ за разсматриваемый періодъ времени. Собраніе это является нецѣннымъ пособіемъ для всякаго изслѣдо-

---

¹⁾ Въ числѣ другихъ интересныхъ фактовъ, приводимыхъ въ этомъ обзорѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ подробныя свѣдѣнія относительно чеканки въ Россіи, втеченіе многихъ лѣтъ, голландскихъ червонцевъ штемпелями 1818 и 1849 гг.

вателя, которому въ какомъ-либо отношеніи придется имѣть дѣло съ монетами императора Николая I.

Въ краткомъ отчетѣ нѣтъ возможности даже отчасти перечислить всѣ цѣнные свѣдѣнія, заключающіяся въ обширномъ трудѣ Его Императорскаго Высочества. Поневождь приходится ограничиться приведеніемъ наиболѣе выдающихся фактовъ.

Помимо полного подбора документовъ, касающихся дѣятельности Варшавскаго монетнаго двора, особенно интересны подробныя свѣдѣнія о монетномъ дѣлѣ въ Грузіи (№№ 85, 90, 91, 94, 104, 122, 131, 271, 294 и 300) вплоть до закрытія монетнаго двора въ Тифлисѣ; о чеканкѣ платиновой монеты (№№ 31—33, 35—37, 39—41 и др.), по поводу которой дѣлалось сношеніе съ Гумбольдтомъ (Гумбольдту были посланы первые образцы платиновыхъ червонцевъ); о чеканкѣ серебряныхъ слитковъ въ 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ фунта (№№ 44, 45, 182, 197, 250) и золотыхъ въ 6, 3 и $1\frac{1}{2}$ золотника (№№ 221, 222 и 255) для Пекинской духовной миссіи и для нашихъ консульствъ въ Кульдждѣ и Чугучакѣ (№ 296), и о многихъ другихъ крупныхъ операціяхъ по монетному дѣлу. Рисунокъ платиновой монеты особенно понравился императору Николаю I и былъ принятъ для золотыхъ и серебряныхъ монетъ (№№ 59, 68, 72—74), хотя для послѣднихъ оказался не совсѣмъ удобнымъ (№№ 69 и 70). Въ числѣ документовъ находятся двѣ весьма интересныя переписки: одна, касающаяся заказанныхъ гр. Аракчеевымъ на Петербургскомъ монетномъ дворѣ позолоченныхъ и посеребренныхъ мѣдныхъ оттисковъ съ древнихъ допетровскихъ монетъ (№№ 123—129), а другая — такъ-называемыхъ „фамилльных“ десятизлотниковъ (№№ 133—138, 141, 142, 144, 145, 147, 149, 152, 153, 155—158, 164, 167, 170). Согласно желанію графа Аракчеева, для него были приготовлены на монетномъ дворѣ 74 позолоченныхъ и 303 посеребренныхъ оттиска съ имѣвшихся тамъ штемпелей „древнихъ“ монетъ. Судя по числу ихъ, слѣдуетъ думать, что сюда вошли не однѣ „допетровскія“, но и послѣпетровскія монеты, потому что число извѣстныхъ до сихъ поръ новодѣловъ допетровскихъ монетъ (о подлинныхъ штемпеляхъ до начала XVIII вѣка на Петербургскомъ монетномъ дворѣ не можетъ быть и рѣчи) далеко меньше 377. Эта интересная коллекція, хранившаяся въ библиотекѣ села Грузина, была истребована, по Высочайшему повелѣнію, на монетный дворъ и уничтожена въ виду того, что заключавшіяся въ ней монеты были, въ существѣ своемъ, фальшивыя.

Образцомъ для оборотной стороны „фамилльнаго“ десятизлотника

послужила, какъ видно изъ документовъ (№№ 133—135), табакерка князя Голицына съ находившимися на ней портретами. Императоръ Николай I съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ работъ по изготовленію штемпелей для этой монеты и, когда ему былъ представленъ проектъ лицевой и оборотной стороны, написалъ на докладной запискѣ министра финансовъ отъ 6-го декабря 1835 г. слѣдующую резолюцію: „Весьма благодарю; сходство есть въ старшинѣ, двухъ дочеряхъ и въ старшемъ сынѣ, но жена похожа на покойную матушку“. Исключительная рѣдкость „фамильных“ десятизлотниковъ съ портретами въ кружкахъ объясняется тѣмъ, что ихъ было отчеканено всего лишь 46 штукъ (15 хорошихъ, 21 съ недостатками и 10 плохихъ), изъ числа которыхъ министру финансовъ было представлено 36 штукъ (№ 243).

Далѣе, въ разныхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ не мало документовъ, касающихся пробныхъ монетъ ¹⁾ и различныхъ проектовъ по монетной части ²⁾. Наконецъ, нельзя не отмѣтить въ некоторыхъ документахъ, имѣющихъ не только нумизматическій, но и болѣе общій интересъ. Сюда относятся, на примѣръ, свѣдѣнія о способахъ прекращенія перечекировки частными людьми мѣдной монеты старого и новаго чекана (№ 10), собственноручныя замѣчанія императора Николая I о чеканкѣ мѣдной монеты (№ 11), о количествѣ золота и серебра въ старой сибирской монетѣ (№ 20), объ обращающихся въ Закавказьи восточныхъ монетахъ (№ 169) и многія другія.

Приведенныя нами замѣтки даютъ лишь слабое понятіе о богатствѣ, разнообразіи и важности свѣдѣній, заключающихся въ первомъ отдѣлѣ разсматриваемаго нами труда. Онъ оканчивается (стр. 170—179) подробными таблицами о количествѣ золотой, платиновой, серебряной и мѣдной монеты, выпущенной въ царствованіе Николая I.

¹⁾ Объ оловянныхъ пробныхъ оттискахъ платиновыхъ червонцевъ 1828 г. (№ 31), о пробныхъ кружкахъ мѣдныхъ монетъ въ 5, 2 и 1 копейку, приготовленныхъ по расчету 60 р., 48 р. и 40 р. на пудъ мѣди (№ 48), о пробныхъ русско-польскихъ монетахъ (№№ 114 и 119), о пробныхъ оттискахъ фамильнаго десятизлотника съ однимъ Av., безъ Rev. (№ 151).

²⁾ Объ опытахъ перекировки грошей на алтыны (№ 12); о представленномъ въ 1831 г. проектѣ чеканить золотые рубли (№ 78), на что не послѣдовало Высочайшаго соизволенія; о ходатайствѣ заводоуправителя Богоявленскаго мѣднотопильнаго завода, просившаго разрѣшенія чеканить для казны мѣдную монету на его заводахъ (№№ 107 и 108). Ходатайство это было отклонено въ виду неудобства передавать государственную регалию въ частныя руки.

Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ подробный каталогъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ монетъ николаевскаго царствованія. Въ немъ описано 699 монетъ. Всякій собиратель, кому приходилось подробно описывать хотя бы незначительное собраніе, при первомъ взглядѣ на эту часть книги Его Императорскаго Высочества, пойметъ и оцѣнить, какого громаднаго труда стоилъ этотъ каталогъ, особенно при той образцовой точности, обстоятельности и цѣлесообразности, съ которыми выполнена эта копотливая работа до мельчайшихъ деталей.

Описанія многихъ монетъ, почему-либо интересныхъ (№№ 22, 43, 81, 100, 194, 211, 213, 265, 298, 314, 317, 328, 359, 372, 374, 382, 484, 485, 501, 539, 566 и др.) снабжены болѣе или менѣе обширными примѣчаніями, въ которыхъ сгруппировано все, что было сказано объ этихъ монетахъ въ нумизматической литературѣ, съ добавленіемъ часто такихъ свѣдѣній и подробностей, которыя до сихъ поръ никому не были извѣстны и являются въ печати въ первый разъ.

Изъ числа особенно рѣдкихъ монетъ императора Николая I, описанныхъ Августѣйшимъ авторомъ, замѣчательны: № 284. Червонецъ (20-ти злотникъ) 1839 г. N. W. (Tab. XVIII, fig. 3), №№ 285, 286 и 287. Платиновые двадцатирублевикъ, шестьюрублевикъ и трехрублевикъ 1839 г. СПб. (Tab. XVIII, fig. 4, 5 и 6); № 317. Червонецъ (20-ти злотникъ) 1840 г. N. W. (рисунокъ этой монеты, къ сожалѣнію, не было возможности помѣстить); №№ 318, 319 и 320. Платиновые двѣнадцатирублевикъ, шестьюрублевикъ и трехрублевикъ 1840 г. СПб. (Tab. XX, fig. 3, 4 и 5); № 359 Червонецъ (20-ти злотникъ) 1841 г. СПб. (Tab. XXII, fig. 2); № 382. Двухкопѣчникъ 1841 г. СПб. (вмѣсто обыкновеннаго СПМ.) (Tab. XXIII, fig. 6); №№ 456 и 457. Платиновые двѣнадцатирублевикъ и шестьюрублевикъ 1844 г. СПб. (Tab. XVIII, fig. 2 и 3); № 512. Двдцатикопѣчникъ (40 Groszy) 1846 г. N. W. (Tab. XXXI, fig. 12) и № 699. Гривенникъ 1854 г. N. W. (Tab. XLI, fig. 20).

Подъ №№ 194 и 372 сообщены подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія относительно портретнаго имперіала и медальнаго рубля на бракосочетаніе императора Александра II. На стр. 260—262 собраны всѣ извѣстныя подробности о Константиновскомъ рублѣ (№№ 680—683); а на Tab. XLI, fig. 1, изображенъ оконченный экземпляръ этого рубля, на figg. 2 и 3—оттиски съ неоконченныхъ штемпелей, а на fig. 4—поддѣльный рубль Константина, чеканенный за-границею.

Остальная часть XLI таблицы посвящена изображенію разныхъ новодѣловъ: № 684 (Tab. XLI, fig. 5), полтина 1826 г. СПб., съ бук-

вами П—Д подъ орломъ; она была приведена въ таблицахъ Панснера и, на основаніи этихъ таблицъ, вѣроятно, была впоследствии заказана на монетномъ дворѣ; №№ 685—688 (Ibid. figg. 6, 7, 8 и 9), десяти-, пяти-, двухкопѣчникъ и копѣйка 1830 г. Е М.; №№ 689—692 (Ibid. figg. 10, 11, 12 и 13), трехкопѣчникъ, двухкопѣчникъ, копѣйка и денежка 1840 г., безъ обозначенія монетнаго двора, — и № 698 (Ibid. fig. 19), трехкопѣчникъ 1849 г. Е М., — всѣ эти монеты были отчеканены для всероссійской мануфактурной выставки, бывшей въ 1870 г.; №№ 693—695 (Ibid. figg. 14, 15 и 16), рубль, полтина и гривенникъ 1842 г. СІВ., съ буквами Н—Г, новодѣлы, составленные изъ лицевой стороны 1841 г. и оборотной 1842 г.; №№ 696 и 697 (Ibid. figg. 17 и 18), мѣдныя пробы рубля и полумпериала, отчеканенныя въ Парижѣ 15-го августа 1845 г. на прессѣ Toppellier.

На стр. 265—281 находится подробный личный и предметный указатель.

Всѣ описанныя въ каталогѣ (кромя № 317) монеты изображены на приложенныхъ къ книгѣ сорока одной таблицѣ, воспроизведенныхъ, какъ и въ первомъ выпускѣ, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Таблицы по своему высокому совершенству, какъ относительно безукоризненной точности, такъ и относительно внѣшней красоты, не заставляютъ желать ничего лучшаго. Въ началѣ выпуска приложена превосходная гелиогравиюра съ одного изъ лучшихъ портретовъ императора Николая I.

Интересующимся русскою нумизматической литературой остается лишь искренно порадоваться обогащенію ея новымъ трудомъ, выдающимся по богатству содержащагося въ немъ нумизматическаго и историческаго матеріала и безпримѣрнымъ по роскоши и изяществу его внѣшней стороны, и отъ всей души пожелать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ капитальнаго изданія.

Н. Черновъ

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА, издаваемые гр. *И. Толстымъ* и *Н. Кондаковымъ*. Выпускъ третій. ДРЕВНОСТИ ВРЕМЕНИ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ. С.-Пб. 1890.

Вышедшіе доселѣ выпуски „Русскихъ древностей“ заняты памятниками, оставшимися отъ народовъ, нѣкогда жившихъ на территоріи Русскаго государства. Это обстоятельство возбуждаетъ недоумѣніе въ публикѣ и даже печати. Мы такъ привыкли къ тому, что рус-

ская исторія начинается съ 862 года, что не можемъ усвоить себѣ мысли, что между нею и исторіей народовъ, жившихъ нѣкогда на территоріи нашей можетъ быть какая-нибудь связь, а связь оказывается постоянно: мы уже не говоримъ о вліяніи Византии, но кому же не извѣстно вліяніе народовъ средней Азіи, съ которыми мы связаны и торговлею, и завоеваніями, идущими на Востокъ. Конечно, и въ учебникахъ и въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи указывается на народы, жившіе нѣкогда въ Россіи, но указывается какъ-то обще и не особенно связно: передъ нами пронеслись какія-то тѣни скивоовъ, сарматовъ, готовъ, гунновъ и т. д.; даже торговля и разные отношенія къ чуждымъ народамъ до сихъ поръ проходятся у насъ какъ бы мимоходомъ. Теперь пришла пора подробной разработки этого правѣка русской исторіи. При такой разработкѣ памятники вещественные должны занимать видное мѣсто. Вотъ почему нельзя не поблагодарить издателей „Русскихъ Древностей“ за то, что они дали особое развитіе этой части своего труда. Лежащій передъ нами выпускъ заключаетъ въ себѣ древности временъ переселенія народовъ. Издатели „Русскихъ древностей“ представляютъ, сколько мы знаемъ, первый общій обзоръ этихъ древностей. Найденныя вначалѣ въ земляхъ западной Европы и долго извѣстныя подъ названіемъ Мервингскихъ, онѣ считались произведеніемъ варваровъ и германцевъ. Родину ихъ искали то въ Ирландіи, то въ Скандинавіи; но сближеніе ихъ съ находками въ южной Россіи, на Кавказѣ, въ Сибири и Средней Азіи побуждаетъ иначе объяснять ихъ происхожденіе. Издатели занимающаго насъ труда не произносятъ, по своему обыкновенію, рѣшительнаго приговора, но, собирая и группируя факты, готовятъ для него путь, указывая ясно на восточное происхожденіе стиля, сказавшагося въ вещахъ этого періода, показывая сходство вещей, находимыхъ на Рейнѣ и въ Италіи, съ вещами, отысканными на Русской территоріи. Ихъ общій выводъ формулируется слѣдующимъ образомъ: „сводя вмѣстѣ данныя археологіи варварскаго быта Европы въ эпоху переселенія народовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, мишурное, пестрое богатство личныхъ украшеній, какого не знаемъ вовсе въ древнемъ германскомъ быту. Цвѣтныя, расшитыя одежды; оружіе, покрытое драгоценными камнями или цвѣтными стеклянными инкрустациями; большія, особенно длинныя и фигурныя, золотыя или бронзовыя позолоченныя фибулы и броши, браслеты и серьги; на всѣхъ металлическихъ уборахъ—камни, или эмаль, или цвѣтныя стекла; золотой листокъ или позолота покрываютъ тонкую рѣзбу по бронзѣ. Это

пышное богатство, тяжелого вкуса, расточающаго золото на востокѣ, поражаетъ въ владяхъ Кавказа, Румыніи и Венгріи, Тарсосу Андіана въ Малой Азіи, мельчаетъ и бѣднѣетъ въ могилахъ франковъ и бургундовъ, англосаксовъ и вестготовъ въ Испаніи и Африкѣ“ (стр. 3), и далѣе: „Мѣстомъ средоточія этого стиля служила южная Россія: именно здѣсь застаемъ мы наиболѣе ранніе, извѣстныя намъ образцы и здѣсь же можемъ мы наблюдать различныя отношенія этого стиля къ искусству античному, восточному и примитивному или собственно варварскому. Связи съ античнымъ искусствомъ ясно наблюдаются на побережьяхъ Крыма и Кавказа; примитивныя формы задержаны глухими ущеліями Кавказскаго хребта; связи съ востокомъ принадлежатъ берегамъ Волги и Дона. Показанія монетъ или предметовъ измѣнчиваго античнаго вкуса опредѣляютъ до извѣстной степени вѣроятности время происхожденія памятниковъ, хотя, понятно, послѣднее слово о томъ, кто именно были тѣ варвары, которые принесли съ собою этотъ стиль, не можетъ быть теперь сказано“ (стр. 4). Обзорніе памятниковъ начинается съ Средней Азіи, о которой мы находимъ краткія географическія и историческія свѣдѣнія изъ историковъ древнихъ и византійскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе вещей, найденныхъ преимущественно въ раскопкахъ Н. И. Веселовскаго. Затѣмъ переходимъ къ исторіи раскопокъ въ Сибири, начиная съ XVII вѣка, и описанію найденныхъ тамъ вещей, для чего обильный матеріалъ даетъ Императорскій Эрмитажъ. За древностями Сибирскими слѣдуютъ древности Пермскаго и Вятскаго края (Пермь ли Біармія, какъ признаютъ составители „Древностей“, еще вопросъ). Затѣмъ слѣдуютъ древности Кавказскія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныя; можно, впрочемъ, надѣяться, что экспедиціи Московскаго археологическаго общества сильно подвинули эту область археологіи. Въ занимающемъ насъ сочиненіи встрѣчаемъ указанія на извѣстія о Кавказѣ древнихъ писателей (недавно, какъ извѣстно, изданъ управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа сводъ ихъ). Обзорніе оканчивается древностями южной Россіи, при чемъ встрѣчаемъ извѣстія о поселеніяхъ готовъ въ ея предѣлахъ. Описывая древности, составители, гдѣ возможно, приводятъ аналогіи изъ находокъ въ западной Европѣ, чѣмъ и подтверждается ихъ тезисъ о происхожденіи такъ называемыхъ варварскихъ древностей. Сюда отнесены и нѣкоторыя находки въ сѣверо-западной Россіи. Обиліе рисунковъ отличаетъ и этотъ выпускъ, какъ и предыдущіе. Можемъ выразить одно пожеланіе, которое должно послужить къ улучшенію изданія: мы не видѣли

ни оглавленія, ни колонъ-титоловъ; а это было бы необходимо для облегченія изученія текста. Хотя мы и не видѣли на оберткѣ извѣщенія о готовящемся новомъ выпускѣ, но надѣемся, что изданіе не остановилось, что было бы весьма прискорбно, между прочимъ и потому, что съ окончаніемъ въ этомъ выпускѣ пропалей, въ слѣдующемъ мы должны уже вступить въ русскую археологію.

И. Бестужевъ-Рюминъ.

Имп. Кузнецовъ, Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1889.

Научный интересъ къ археологіи Сибири возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Прошло время, когда древне-сибирскія могильныя насыпи привлекали вниманіе лишь кладонскателей, которые, по словамъ одного акта 1669 года, „въ татарскихъ могилахъ или кладбищахъ выкапывали золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду“. Уже въ началѣ XVIII вѣка не однѣ грабительскія цѣли руководили раскопками. Такъ въ 1702 г. Ѳедору Матигорову попалось зеркало „китайское“ вблизи слободы Бочанки въ курганѣ при впаденіи р. Исети въ Тоболь, курганѣ, раскопанномъ по приказанію д. Андрея Виніуса. Кромѣ зеркала, Матигоровъ нашелъ „кувшинецъ мѣдной зъ боковъ проржавленъ, да яшмовой стаканецъ, еще китайское метальное зеркальцо, а въ диаметрѣ шириною верхка на три или малымъ болѣе, съ одной страны еще мѣста явились чистые, знатно, что было зеркало, по инымъ же мѣстамъ ржавчина попортила, а на другой сторонѣ въ первомъ округѣ травки, въ другомъ карактеры подобно китайскимъ“¹⁾. Такого рода случайныхъ находокъ и раскопокъ, результаты которыхъ не пропадали совсѣмъ даромъ для науки, можно указать нѣсколько въ теченіе XVIII вѣка. Но систематическаго изслѣдованія Сибирскихъ древностей въ то время еще не предпринималось, а между тѣмъ кладонскатели продолжали производить свои опустошенія, уничтожали цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ памятниковъ изъ-за временныхъ выгодъ и, если въ половинѣ XVIII в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перестали ходить на могильный промыселъ, то лишь потому, „что всѣ могилы, въ воихъ сокровища найти надежды имѣли, были уже разрыты“²⁾. Такимъ образомъ, охота къ разыскиванію кладовъ стала мало по малу прекращаться. Но раскопки кургановъ и изслѣдованія Сибир-

¹⁾ *А. Бычковъ, Описаніе рукоп. сбор. Имп. Публ. Библ., т. I, стр. 106.*

²⁾ *Н. Кондаковъ и гр. И. Толстой, Русскія древности, вып. III, стр. 38—39.*

скихъ древностей, поставленныя на строго-научную почву, стали производиться лишь въ недавнее время.

Итакъ, систематическій грабежъ древне-сибирскихъ могильныхъ насыпей, отсутствіе правительственныхъ мѣропріятій, которыя могли бы прекратить это расхищеніе, и случайный характеръ далеко не выполнѣ научныхъ археологическихъ изслѣдованій, производившихся въ Сибири,—таковы главныя причины нашего малаго и отрывочнаго знакомства съ Сибирскими древностями. Поэтому, не смотря на существованіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ музеевъ, каковы, напримѣръ, Минусинскій, Томскій, Иркутскій, не взирая на появленіе такихъ почтенныхъ трудовъ, каковы сочиненія гг. Аспелина, Радлова, Клеменца, а также мелкихъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ по разнымъ временнымъ изданіямъ, всякій новый даже незначительный запасъ наблюденій тѣмъ не менѣ имѣетъ свою цѣну. Съ этой точки зрѣнія нельзя пройти молчаніемъ и небольшую монографію г. Инн. Кузнецова „О древнихъ могилахъ Минусинскаго округа“.

Авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ описаніе чисто вѣшнихъ особенностей Минусинскихъ кургановъ и иллюстрируетъ свое описаніе цѣлымъ рядомъ рисунковъ, не лишенныхъ значенія. Но эта точка зрѣнія остается не выдержанной. Самое заглавіе даетъ слишкомъ широкое понятіе о скромномъ содержаніи книги; съ другой стороны, это содержаніе въ немногихъ случаяхъ выходитъ за предѣлы намѣченной темы. Такъ, авторъ посвящаетъ сравнительно не мало мѣста изложенію весьма извѣстныхъ свѣдѣній о хакасахъ (29—34), хотя самъ признаетъ сомнительнымъ, „чтобы хакасы имѣли свое главное и постоянное мѣстопробываніе на югѣ Енисейской губерніи“ (стр. 34). Не сообщая никакихъ данныхъ о внутреннемъ содержаніи Минусинскихъ могилъ (за исключеніемъ развѣ краткаго описанія незначительной по своимъ результатамъ раскопки одной киргизской могилы по р. Немиру на стр. 16), авторъ тѣмъ не менѣ пускается въ цѣлый рядъ предположеній относительно внутренняго содержанія не разрытыхъ имъ насыпей. Такъ, напримѣръ, авторъ почему то предполагаетъ, что большой курганъ между рр. Уйбатовъ и Беей „долженъ быть отнесенъ къ тому времени, когда въ Минусинскомъ округѣ была мѣдная, бронзовая или древнѣйшая желѣзная культура“, и вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ, „что путемъ правильныхъ раскопокъ, произведенныхъ подъ руководствомъ опытнаго археолога, легко узнать содержимое этого кургана и сдѣлать о немъ какое либо заключеніе“ (стр. 13). Описывая земляное сооруженіе на берегу одного изъ рукавовъ Абакана—

Татабы, авторъ замѣчаетъ: „хотя мы и не сомнѣваемся, что это могила, но оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ до внутренняго изслѣдованія насыпи“ (стр. 17).

Основная задача автора, то-есть, описаніе внѣшнихъ особенностей Минусинскихъ насыпей, разрѣшается прежде всего правильною классификаціей этихъ особенностей. Классификація, представленная г. Кузнецовымъ (стр. 11—20), едва ли однако удовлетворяетъ правиламъ всякой классификаціи, такъ какъ не придерживается единого принципа дѣленія. На ряду съ „могилами, обставленными плитами, врытыми въ землю вертикально и горизонтально“, здѣсь встрѣчаемъ разрядъ „могилъ инородческихъ“ и „гробницъ“, точно могила, обставленная плитами, врытыми въ землю вертикально и горизонтально, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть инородческой и не должна имѣть гробницу. При отсутствіи-же единого принципа, классификація приобрѣтаетъ неопредѣленный характеръ и въ такомъ случаѣ становится излишней.

Описывая внѣшнія особенности могильныхъ насыпей, авторъ иногда прибѣгаетъ къ весьма смѣлымъ и довольно страннымъ предположеніямъ. „Большинство древнихъ мѣдныхъ или бронзовыхъ предметовъ, по словамъ г. Кузнецова, попадаютъ не только при распахиваніи нови или на мѣстахъ, подверженныхъ дѣйствію вѣтровъ, но также не мало находятъ ихъ почти на самой земной поверхности въ мѣстахъ, гдѣ вліяніе вѣтровъ на почву не замѣчается. На основаніи послѣдняго мы должны придти къ тому заключенію, что прежде на подобныхъ мѣстахъ была болѣе густая, чѣмъ теперь, растительность, препятствовавшая легко находить потерянные предметы, имѣвшіе безъ сомнѣнія значительную цѣнность для древняго обитателя Минусинскаго округа“ (стр. 7). Описывая „курганы или могилы съ насыпью, вышиною до 2-хъ сажень и болѣе“, авторъ замѣчаетъ: „по всей вѣроятности число камней на такихъ могилахъ ставилось четное, и если встрѣчаются могилы съ нечетнымъ числомъ камней, то отсутствіе ихъ надо приписывать вліянію какихъ либо причинъ, какъ, напримѣръ, вывѣтриванію“ (стр. 11). Такія предположенія ничего не разъясняютъ и едва ли придаютъ особенную цѣну работѣ г. Кузнецова.

Въ своей монографіи г. Кузнецовъ исключительно занятъ описаніемъ чисто-внѣшнихъ признаковъ могильныхъ насыпей Минусинскаго округа. Эти внѣшніе признаки, однако, намекаютъ на цѣлое религіозное міросозерцаніе, которое отчасти возможно было бы уяс-

нить въсколькими точными археологическими и этнографическими наблюденіями (послѣдними автору не трудно было-бы запастись, какъ мѣстному старожилу). Такое внутреннее освѣщеніе мертвого матеріала придало бы работѣ г. Кузнецова живой интересъ. Такъ, напримѣръ, указывая на существованіе каменныхъ бабъ и на Минусинскихъ могилахъ, авторъ совсѣмъ не касается вопроса о назначеніи такихъ бабъ а между тѣмъ еще недавно этотъ вопросъ сильно двинуть на пути къ его разрѣшенію, благодаря этнографическимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ у торгоутовъ. Послѣдніе сжигаютъ знатныхъ покойниковъ, почти весь ихъ пепель смѣшиваютъ съ глиной, изъ этого состава выдѣлываютъ изображеніе покойнаго, которое и ставятъ надъ его могилой. Весьма вѣроятно, что и каменные бабы имѣли то же назначеніе. „По преданію торгоутовъ пепель сожженнаго клали подъ каменную бабу, а частицу его въ чашу“ (такое назначеніе имѣютъ чаши и теперешнихъ торгоутскихъ глиняныхъ изображеній). Это необходимо, „такъ какъ богу, чтобы воскресить умершаго, нужна хотя-бы небольшая часть остатковъ послѣдняго: эта часть берется особымъ божественнымъ посланникомъ (уэльчи-дэднъ)“¹⁾. Другой любопытный вопросъ—это вопросъ о назначеніи тѣхъ плитъ и камней, которыми обложены древнія могилы Минусинскаго округа, да и вообще Сибири. Существованіе плитъ и камней, врытыхъ въ стоячемъ положеніи вокругъ могилы (обыкновенно съ восточной ея стороны), разъясняется двояко: эти ряды камней или представляютъ количество враговъ, убитыхъ погребеннымъ (что напоминаетъ намъ знаки на нѣкоторыхъ плитахъ съ могилъ сѣверо-американскихъ), или число его родственниковъ и подчиненныхъ²⁾. Кучи камней, наложенныя на могилахъ, также интересны въ бытовомъ отношеніи. Эти кучи, разумѣется, могли насыпаться для того, чтобы хищныя животныя не вырывали и не пожирали труповъ, безъ существованія которыхъ первобытный человѣкъ не могъ представить себѣ и загробной жизни. Но на то же явленіе высказана и другая точка зрѣнія. Дѣло въ томъ, что покойникъ нерѣдко возбуждаетъ въ первобытномъ человѣкѣ (судя по многимъ частнымъ примѣрамъ) чувство страха; оставшіеся въ живыхъ боятся (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) возвращенія духа почившаго на землю и для того, чтобы оградить себя

¹⁾ П. Миллюковъ, VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ, М. 1890 г., стр. 10 (докладъ А. Ивановскаго).

²⁾ Ibid., стр. 11.

отъ такого возвращенія, принимаютъ цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ: къ числу такихъ мѣръ могутъ принадлежать и нѣкоторыя способы погребенія, каковы, напримѣръ, погребеніе на руслѣ рѣки, погребеніе на островѣ, погребеніе въ могилѣ, на которую взвалена куча камней ¹⁾. Весьма любопытно было бы провѣрить, съ какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія полнѣе разъясняется древній обычай насыпать кучу камней и на могилы Минусинскаго округа. Наконецъ, не менѣе любопытно и то значеніе, какое имѣетъ вода въ погребальныхъ обрядахъ первобытнаго человѣка. Вода въ очень многихъ случаяхъ несомнѣнно играетъ роль очистительнаго и предохранительнаго средства, благодаря которому въ извѣстной мѣрѣ устраняется вредное вліяніе духа почившаго на живыхъ людей. Это средство употребляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; для вышеуказанныхъ цѣлей первобытный человѣкъ ныряетъ въ воду, проходитъ черезъ воду (напримѣръ, ручей) послѣ похоронъ; омываетъ руки, полощетъ ротъ водою; такое же значеніе имѣетъ обрядъ, по которому присутствовавшіе при погребеніи обносятъ сосудомъ съ водою и окропляютъ ея. И въ киргизскихъ народныхъ преданіяхъ можно, какъ кажется, замѣтить иногда, что вода имѣетъ очистительное и предохранительное значеніе Г. Кузнецовъ также склоненъ видѣть нѣкоторую связь между погребальными обрядами древнихъ обитателей Минусинскаго округа и водою, но свѣдѣнія, сообщаемыя имъ по этому поводу, весьма неопредѣленны. Съ одной стороны г. Кузнецовъ увѣренъ въ томъ, что курганы Минусинскаго округа находились въ близкомъ разстояніи отъ воды; въ противномъ случаѣ онъ не рѣшился бы утверждать, что воды того или другаго озера и рѣки въ прежнее время стояли гораздо выше лишь на томъ основаніи, что въ настоящее время онѣ находятся на нѣкоторомъ разстояніи отъ ближайшихъ кургановъ (стр. 4). Съ другой стороны, авторъ замѣчаетъ, однако, что если разнаго рода могильные памятники юга Енисейской губерніи расположены „чаще всего въ недалекомъ разстояніи отъ воды“, то „нерѣдко“ и „удалены отъ воды на 5, 10 и болѣе верстъ“ (стр. 8). Затѣмъ читаемъ извѣстіе, что могилы, обставленныя плитами, врытыми въ землю вертикально и горизонтально“, встрѣчаются не только по берегамъ рѣкъ, но также и въ горахъ, на перевалахъ изъ одной долины въ другую“ (стр. 13). Еще ниже попадаетъ замѣчаніе, уже

¹⁾ I. G. Frazer, On certain burial customs as illustrative of the primitive theory of the soul въ Journ. of the anthrop. Instit., vol. XV, pp. 64—104.

вовсе не согласное съ вышеприведеннымъ. „Мы знаемъ“, говоритъ авторъ,—„съ какою тщательностью древніе обитатели Минусинскаго округа удаляли могилы своихъ близкихъ отъ сосѣдства водъ“ (стр. 23) Такимъ образомъ, по вопросу о томъ значеніи, какое играла вода въ погребальныхъ обрядахъ древнихъ жителей Минусинскаго округа, вопросу весьма любопытному, мы находимъ одни сбивчивыя свѣдѣнія у г. Кузнецова ¹⁾.

Итакъ, чисто внѣшній характеръ археологическихъ наблюденій г. Кузнецова лишаетъ его возможности, хотя бы мимоходомъ, заглянуть въ религиозное міросозерцаніе и бытъ древнихъ обитателей Минусинскаго округа. Авторъ тѣмъ не менѣе допускаетъ самобытность культуры этихъ обитателей (стр. 25). Правда, есть указанія, которыя говорятъ въ пользу такого мнѣнія; нѣкоторые изъ представителей современной ученой археологической литературы еще недавно высказывались въ томъ же направленіи ²⁾. Но не столько самый выводъ, сколько тотъ случайный путь, которымъ г. Кузнецовъ дошелъ до этого вывода, и возбуждаетъ наше удивленіе. Послѣднимъ недостаткомъ, какъ намъ кажется, вообще страдаетъ работа г. Кузнецова. А между тѣмъ вѣдь есть же разница между случайно брошеннымъ замѣчаніемъ и научнымъ выводомъ. Оба, конечно, могутъ возникать на почвѣ однородныхъ впечатлѣній; но, тогда какъ въ первомъ случаѣ впечатлѣнія эти прямо въ сыромъ видѣ сообщаются читателю и нерѣдко порождаютъ сомнѣніе, во второмъ они перерабатываются изслѣдователемъ и принимаютъ убѣдительныя и стройныя формы научнаго обобщенія.

А. Лаппо-Данилевскій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ. Трудъ *И. И. Срезневскаго*. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Вып. I: АБВ и начало Г. С.-Пб. — Покойный академикъ Срезневскій съ давнихъ поръ занимался составленіемъ словаря древне-русскаго языка на основаніи памятниковъ нашей письменности, но не успѣлъ

¹⁾ Неодинаковое положеніе этихъ могилъ вблизи или вдали отъ водъ, можетъ быть, объясняется различіемъ происхожденія и разнообразіемъ религиозныхъ воззрѣній тѣхъ народовъ, которыми воздвигнуты были такія насыпи.

²⁾ *Н. Кондаковъ* и гр. *И. Толстой*, Русск. Древн., вып. III, стр. 68. *Г. Р. Aspelin*, Types des peuples de l'ancienne Asie centrale, 1889.

вполнѣ обработать свой трудъ. По смерти знаменитаго слависта осталось обширное собраніе карточекъ съ выписками изъ памятниковъ, но многія изъ этихъ выписокъ оказались не вполнѣ точными, такъ какъ послѣ того, какъ онѣ были сдѣланы, нашлось довольно много болѣе исправныхъ снимковъ того или другаго памятника, или же многіе тексты явились въ изданіяхъ болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ прежнія, коими пользовался Срезневскій; кромѣ того, въ выпискахъ не были соблюдены хронологическій порядокъ, и главное, не было проведено строгаго отдѣленія словъ, принадлежащихъ церковно-славянскому языку, отъ словъ языка древне-русскаго. Тѣмъ не менѣе, составленныя Срезневскимъ выписки представляли собою богатый словарный матеріалъ, которымъ грѣшно было бы не воспользоваться. Второе отдѣленіе Академіи пожелало сохранить для науки этотъ матеріалъ, приведа его въ порядокъ и придавъ ему ту обработку, которая могла бы быть сдѣлана другими лицами, а не самимъ составителемъ выписокъ. Обработку матеріала въ такой мѣрѣ приняла на себя О. И. Срезневская, дочь покойнаго академика, а наблюденіе за печатаніемъ матеріаловъ было возложено на академикомъ А. Ф. Бычкова и И. В. Ягича. При приготовленіи словаря къ печати приняты были слѣдующія правила: 1) введены ссылки на позднѣйшія изданія памятниковъ, но провѣрка всѣхъ выписокъ, особливо изъ рукописей, признана невозможною, какъ слишкомъ замедляющая работу; 2) слова церковно-славянскаго языка сохранены въ словарѣ рядомъ съ древне-русскими, такъ какъ первыя взяты изъ письменныхъ памятниковъ, читавшихся и переписывавшихся въ древней Руси. Несомнѣнно, что и въ такомъ видѣ словарь Срезневскаго долженъ имѣть научное значеніе, между прочимъ потому, что представляетъ значительныя дополненія къ словарю Миклошича, Нынѣ вышедшій I-й выпускъ состоитъ изъ 32 печатныхъ листовъ въ четвертку, хотя заключаетъ въ себѣ слова только на первыя три буквы и лишь начало четвертой: изъ этого можно видѣть, что объемъ словаря долженъ быть значительный. Значеніе словъ опредѣляется главнымъ образомъ выписками изъ памятниковъ; но сверхъ того, при многихъ словахъ, наименѣе понятныхъ для нашего времени, древнее слово объяснено соответствующимъ словомъ современнымъ русскимъ, или же словомъ греческимъ или латинскимъ; эти послѣднія объясненія приведены преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда древне-русское или церковно-славянское слово извлечено изъ памятника переводнаго, и слѣдовательно, въ подлинникѣ могъ быть отысканъ противень даннаго слова. Изданіе монументальнаго труда покойнаго академика, безъ сомнѣнія, будетъ встречено съ сочувствіемъ со стороны всѣхъ занимающихся славянскою филологіей и вообще всѣхъ, кому приходится изучать памятники нашей древней письменности. Будемъ надѣяться, что появленіе II-го выпуска не отсрочится на долгое время.

Сочиненія Василя Петровича Боткина. Томъ I. Путешествія. Изданіе журнала „Пантеонъ литературы“. С.-Пб.—В. П. Боткинъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ литературныхъ дѣятелей 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Человѣкъ большого ума и обширнаго образованія, онъ оставилъ по себѣ довольно много замѣчательныхъ критическихъ этюдовъ по русской и иностранной литературѣ (особливо о Шекспирѣ), по пластическимъ искусствамъ и музыкѣ; кромѣ того, ему принадлежатъ рядъ прекрасныхъ очерковъ изъ путешествій по западной

Европѣ. Но всѣ эти статьи погребены въ старыхъ, нынѣ забытыхъ журналахъ, и въ видѣ отдѣльной книги существуютъ только „Письма объ Испаніи“, впрочемъ также давно вышедшія изъ продажи. Поэтому перепечатка статей Боткина въ видѣ полнаго сборника должна быть признана явленіемъ весьма пріятнымъ. Путевые очерки его очень живы и занимательны, а критическіе этюды, написанные тонкимъ цѣнителемъ литературы и созданий искусства, составляютъ поучительное чтеніе. Въ I-мъ, нынѣ вышедшемъ, томѣ „Сочиненій В. П. Боткина“ заключаются слѣдующія статьи: I) Русскій въ Парижѣ; II) Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ по Италіи; III) Письмо изъ Италіи (Римъ); IV) Письма объ Испаніи; V) Двѣ недѣли въ Лондонѣ; VI) Пріюты для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ. Во второй томъ войдутъ, безъ сомнѣнія, статьи критическія. Желательно также видѣть въ печати письма Боткина: онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ ко многимъ литературнымъ дѣятелямъ, ему современнымъ, и, сколько извѣстно, велъ съ ними постоянную переписку, до сихъ поръ сохранившуюся. Изданіе ея было бы цѣннымъ матеріаломъ для исторіи умственнаго движенія нашего общества въ половинѣ текущаго столѣтія.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціею *Н. Дубровина*. С.-Пб.—Томъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены: 267 Высочайшихъ указовъ и рескриптовъ, состоявшихся по Собственной Его Величества канцеляріи, 18 Высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ графомъ Аракчеевымъ и, наконецъ, 37 документовъ подъ рубрикой: „исходящій журналъ отношеніямъ графа Аракчеева къ разнымъ лицамъ“. Всѣ документы, помѣщенные въ первомъ отдѣлѣ, относятся къ 1813 году и касаются главнымъ образомъ вопроса объ укомплектованіи войскъ, дѣйствовавшихъ за границей, и о формированіи резервовъ; они вообще могутъ представить нѣкоторый интересъ только для военнаго историка Освободительной войны, за исключеніемъ весьма немногихъ. Изъ послѣднихъ можно указать: на документы (59, 60 и 66), свидѣтельствующіе о печальномъ состояніи военныхъ госпиталей въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ и объ упущеніяхъ, на которыя—по словамъ императора Александра—„не прежде обращено вниманіе, какъ въ то уже время, когда я поставленъ былъ въ необходимость заняться самъ съ береговъ Вислы состояніемъ госпиталей въ столицѣ“; далѣе, на грамоты Псковскому дворянству, купечеству и другимъ сословіямъ; на извѣстный приказъ русскимъ войскамъ передъ вступленіемъ ихъ во Францію. Историкъ общественной жизни найдетъ цѣнныя черты въ документѣ подъ № 254, гдѣ говорится объ отношеніи высшаго московскаго общества къ извѣстному Вандаму. Во второмъ отдѣлѣ находятся: а) документы по управленію Тарнопольскою областью съ начала 1810 года до конца 1811-го, то-есть, въ первое время по присоединеніи названной области, всего 26 номеровъ; б) документы по управленію Молдавіею и Валахіею (1806—1812 г.), изъ которыхъ наибольшій интересъ можетъ представить письмо митрополита и епарха Гавріила Сперанскому (№ 354); в) документы, относящіеся до войны со Швеціею и до присоединенія Финляндіи (1809—1815 г.), въ количествѣ 36-ти, и г) секретныя официальные свѣдѣнія о положеніи нашихъ финансовъ въ 1813 году и объ изысканіи средствъ къ продолженію военныхъ дѣйствій въ чужихъ краяхъ. Эти свѣдѣнія представляютъ продолженіе статьи, помѣщенной

въ первомъ выпускѣ Сборника, и сопровождаются росписью и сметами о доходахъ и расходахъ по государству на 1814 годъ, съ присоединеніемъ счета расходамъ военнаго министерства на тотъ же годъ. Въ числѣ документовъ, относящихся до войны со Швеціей и до присоединенія Финляндіи, помѣщены подъ № 389 совершенно неѣсоотвѣтствующіе заглавію этой рубрики: переводъ съ манифеста шведскаго короля „о воспріятіи имъ по выздоровленіи своемъ правленія государствомъ 7-го января 1812 года“ и рѣчь кронпринца по этому поводу. Къ концу тома приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ *П. Ровинскій*. Томъ I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1888.

Русская Историческая Библиотека, т. XII: Азты Холмогорской и Устюжской епархій, 1500—1700 гг. Изданіе Археографической комиссіи. С.-Пб.

Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Составл. *А. Е. Викторовымъ*. Изданіе Археографической комиссіи. С.-Пб.

Расходная книга Патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адриану. С.-Пб.

Отчетъ Церковно-археологическаго общества при Киевской духовной академіи за 1889 годъ. *Н. Петрова*. Киевъ.

Извѣстія Церковно-археологическаго общества при Киевской духовной академіи за 1889 годъ. Составилъ *Н. Петровъ*. Киевъ.

Генезисъ науки, ея принципы и методы. *И. С. Андреевскаго*. Часть I. М.

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. *Паола Ардашева*. М.

Н. Щепотьевъ. Врачебная этика древнихъ индійскихъ и греческихъ врачей. Изъ лекцій по исторіи медицины. Казань.

П. И. Межеричеръ. Геометрія для ремесленныхъ и техническихъ школъ. Одесса.

Первые уроки русской грамматики въ связи съ начальными упражненіями въ правописаніи. Составилъ *В. Гербачъ*. С.-Пб. Изданіе 6-е, Полубояринова. 1888

Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ институтовъ и семинарій. Составилъ *В. Гербачъ*. С.-Пб. Изданіе 10-е, Полубояринова.

Руководство къ обученію письму, составленное *В. С. Гербачемъ*, по порученію Учебнаго комитета при Св. снодѣ. Прописи русскія. С.-Пб. Изданіе 24-е, Полубояринова.

Руководство къ обученію письму, составленное *В. С. Гербачемъ* по порученію Учебнаго комитета при Св. снодѣ. Прописи французскія и нѣмецкія. С.-Пб. Изданіе 6-е, Полубояринова. 1889.

Руководство къ обученію письму, составленное *В. С. Гербачемъ* по порученію Учебнаго комитета при Св. синодѣ. Прониси латинскія и греческія. С.-Пб. Изданіе 8-е, Полубояринова. 1889.

Прониси и образцы для рисованія по вѣткамъ. Учебное пособие для учениковъ народныхъ школъ. Составилъ *В. С. Гербачъ*. Цѣна 8 коп. С.-Пб. Изданіе 30-е, Полубояринова.

Русская скоропись. Упражненія для развитія свободнаго движенія руки и приобрѣтенія четкой скорописи. Составилъ *В. С. Гербачъ*. С.-Пб. Изданіе 3-е, Полубояринова. 1887.

В. Гербачъ. Русскія прописи, составленныя согласно указаніямъ Училищнаго при Св. синодѣ совѣта. С.-Пб. Изданіе 4-е, Полубояринова.

В. Гербачъ. Уроки чистописанія, составленныя согласно указаніямъ Училищнаго при Св. синодѣ совѣта. С.-Пб. Изданіе 2-е, Полубояринова.

Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію. Составилъ *В. Гербачъ*. С.-Пб. Изданіе 3-е, Полубояринова.

Образцы деловыхъ бумагъ, встречающихся въ крестьянскомъ обиходѣ. Учебное пособие при обученіи письму въ начальныхъ школахъ. С.-Пб. Изданіе Полубояринова.

Русскія прописи круглаго шрифта. Составилъ *В. Гербачъ*. С.-Пб. Изданіе 2-е, Полубояринова.

Практическій курсъ начальной грамматики русскаго языка съ приложеніемъ примѣровъ и статей для письменныхъ и устныхъ упражненій. Составилъ *В. Самойловъ*. 2-е исправленное изданіе. С.-Пб. 1889.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназій. Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. Составилъ *Евставій Крыловъ*, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1890. VII+151. Цѣна 65 коп.

Появленіе книги г. Крылова вызвано желаніемъ дать ученикамъ VIII класса гимназій, „такой курсъ, въ которомъ изъ подавляющей массы фактовъ были бы выбраны самыя крупныя и характерныя и изложены въ сжатой формѣ, была бы выяснена причинная связь между событіями съ ихъ слѣдствіями, значеніемъ и т. п.“ (стр. III предисловія). Отсутствіе въ нашей учебной литературѣ подобнаго курса, безспорно, чувствовалось давно, такъ какъ повтореніе пройденнаго изъ исторіи въ VIII классѣ по обыкновеннымъ учебникамъ, содержащимъ въ себѣ систематическое изложеніе всего курса исторіи, при ограниченномъ числѣ предназначенныхъ для повторенія уроковъ, представляется крайне затруднительнымъ, ведется, по необходимости, спѣшно и принимаетъ характеръ простаго подновленія въ памяти позабытыхъ фактовъ. Между тѣмъ цѣли и задачи этого повторительнаго курса совсѣмъ иныя: пройденная въ V классѣ древняя исторія Греціи и Рима не могла дать ученикамъ всесторонняго пониманія жизни этихъ культурныхъ по преимуществу народовъ древности. „Въ систематическомъ курсѣ древней исторіи — сказано въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи 1877 г.—при прохожденіи его въ V классѣ, должно быть обращено особенное вниманіе на связанное и болѣе подробное изложеніе внѣшнихъ событій (особенно такихъ, какъ

---

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

греко-персидскія и пуническія войны) и на главнѣйшія лишь политическія учрежденія“ (стр. 92 Учебн. план.). Такимъ образомъ вся внутренняя жизнь грековъ и римлянъ какъ политическая, такъ и умственная не составляетъ, да и не можетъ составлять предмета изученія въ V классѣ; ознакомленіе съ этими сторонами ихъ жизни и должно составлять спеціальную задачу курса древней исторіи въ VIII классѣ.

Осуществленіе этой задачи обязываетъ преподавателя исторіи въ VIII классѣ, не останавливаясь на мелочныхъ подробностяхъ внѣшней исторіи грековъ и римлянъ, сосредоточить вниманіе учениковъ на развитіи ихъ внутренней жизни, и преимущественно выяснить высокое значеніе ихъ культуры, которая послужила основаніемъ для умственного и нравственного развитія послѣдующихъ народовъ. Въ виду высокой важности этой задачи, появленіе такого курса, въ которомъ изложеніе исторіи Греціи и Рима имѣло бы такой именно характеръ, весьма желательно въ интересахъ болѣе успѣшнаго достиженія поставленныхъ преподаванію исторіи въ VIII классѣ цѣлей.

Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ книги г. Крылова имѣетъ въ виду послужить этой цѣли, и разрѣшаетъ свою задачу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Внѣшній составъ книги въ общемъ соотвѣтствуетъ программѣ систематическаго курса исторіи Греціи и Рима, помѣщенной въ учебномъ планѣ; иное размѣщеніе нѣкоторыхъ статей нисколько не вредитъ дѣлу и во всякомъ случаѣ не имѣетъ существенной важности. Предназначивъ свой курсъ для учениковъ классическихъ гимназій, составитель, согласно требованіямъ учебныхъ плановъ, всячески старался поставить изученіе древней исторіи въ возможно тѣсную связь съ изученіемъ древнихъ языковъ. Ради этого онъ дѣлаетъ постоянно указанія на мѣста изъ древнихъ авторовъ, на *Quellenbuch zur alten Geschichte* Гербста, помѣщаетъ въ текстѣ термины и различныя характеристичныя выраженія въ ихъ подлинномъ видѣ, то-есть на греческомъ и латинскомъ языкахъ и т. п. Обращаясь къ внутреннему содержанію книги, мы должны имѣть въ виду требованія, предъявляемыя къ повторительному прохожденію древней исторіи въ VIII классѣ. „При повтореніи этого курса въ VIII классѣ—сказано въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи—1) слѣдуетъ разсмотрѣть съ большею обстоятельностью государственныя учрежденія Спарты и Аѳинъ; 2) для объясненія художественнаго направленія въ жизни грековъ: а) при повтореніи мѣровъ обращается особенное вниманіе на объясненіе значенія

ихъ для поэтовъ и художниковъ эпохи исторической; б) при повтореніи историческаго періода указывается на фактахъ, что искусство и литература у грековъ имѣли самую тѣсную связь съ религіозною и гражданскою ихъ жизнью; в) знаменитые писатели разсматриваются какъ представители умственнаго настроенія современнаго имъ общества, и г) указывается на колоссальныя заслуги греческаго народа по всѣмъ частямъ умственной дѣятельности и художественнаго творчества“ (стр. 92 — 93 Учеб. пл.). Вотъ тѣ стороны древне-греческой жизни, на которыя должно быть обращено главное вниманіе въ курсѣ VIII класса.

Что же даетъ намъ книга г. Крылова? Признавая въ общемъ удовлетворительнымъ то, что сказано на соответствующихъ страницахъ о государственномъ устройствѣ Спарты и Аѳинъ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать того же по вопросу объ осуществленіи втораго требованія учебнаго плана: умственно-художественная сторона жизни древнихъ грековъ не получила въ изложеніи г. Крылова должнаго вниманія, и ея высокое культурное значеніе осталось не выясненнымъ. Правда, въ заключеніи той части книги, которая посвящена исторіи Греціи, г. Крыловъ говоритъ о всемірно-исторической важности греческой культуры: „въ то время, какъ историческій Востокъ со своей медленно двигавшейся культурой, подъ вліяніемъ разслабляющей природы, теократіи и деспотизма пришелъ къ окончательному застою, на первый планъ выступаютъ съ V столѣтія греки, которые, принявъ съ востока начатки возникшей тамъ культуры, развиваютъ ихъ самостоятельно уже на европейской почвѣ среди болѣе благоприятныхъ естественныхъ условій и развиваютъ въ такой полнотѣ, разнообразіи, богатствѣ и изяществѣ формъ и въ такомъ человѣческомъ духѣ, что эллинская культура въ области философіи, литературы, искусствъ, науки до самаго исхода древней исторіи дѣлается господствующею на всемъ историческомъ западѣ и востокѣ“ (стр. 63). Но этимъ прекраснымъ словамъ не соответствуетъ то, что сказано на предыдущихъ страницахъ объ этой сторонѣ древне-греческой жизни. Помѣщенные въ разныхъ мѣстахъ книги характеристики главнѣйшихъ греческихъ писателей скорѣе годятся для элементарнаго курса греческой литературы, чѣмъ для исторіи. Такъ, говоря о Геродотѣ, г. Крыловъ дѣлаетъ въ заключеніе слѣдующее замѣчаніе о слогѣ его произведенія: „слогъ его древніе называли λέξις εἰρημένη (отъ εἶρω называть), потому что у него предложенія соединяются преимущественно посредствомъ coordinatio, а не subordinatio“

(стр. 42). Подобныя замѣчанія сдѣланы и о другихъ писателяхъ: о Софоклѣ — „языкъ Софокла чистый, изящный, перлъ созданія греческаго гения. По изяществу языка изъ новыхъ поэтовъ съ Софокломъ можетъ соперничать развѣ только нашъ Пушкинъ, поэтъ во многомъ конгеніальный Софоклу“ (стр. 43); о Фукидидѣ: „слогъ и языкъ Фукидида труденъ для пониманія; въ своемъ прагматическомъ изложеніи онъ даетъ предпочтеніе такъ-называемому *λέξις κατεστραμμένη*—соединеніе предложений посредствомъ подчиненія одного другому“ (стр. 44); о Ксенофонтѣ: „слогъ Ксенофонта простъ, ясенъ, гладокъ, за что Ксенофонтъ былъ названъ аттической пчелой“ (стр. 53). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеристики не отличаются особенною удобопонятностью для учениковъ, незнакомыхъ съ самими авторами; вотъ, для примѣра, что сказано объ Эврипидѣ: „умственный и нравственный упадокъ Аѣинъ сказался уже въ сочиненіяхъ Эврипида, современника Софокла, которые относятся къ эпохѣ пелопонесской войны. Въ его драматическихъ произведеніяхъ отражается философскій скептицизмъ Анаксагора и пессимизмъ; вмѣсто живого истинно-поэтическаго вдохновенія въ его произведеніяхъ замѣчается гномическій характеръ, а отсюда его діалоги и слогъ страдаютъ риторизмомъ. Онъ скорѣе раціоналистъ, чѣмъ поэтъ“ (стр. 49).

Помѣстивъ на стр. 53 и 54 характеристики (изъ „Лекцій“ проф. Петрова) Платона и Аристотеля, г. Крыловъ отводитъ Сократу только слѣдующія строки: „но особенно рѣзко сказывается всеобщее разложеніе Аѣинъ въ появленіи софистовъ, безнравственныхъ ораторовъ и вредныхъ жеучителей. Выступившій противъ нихъ и другихъ недостатковъ аѣинской жизни, Сократъ, впервые постигшій идею единого Бога и безсмертія души и обратившій вниманіе на внутренній міръ человѣка, на его нравственную сторону (*γνώσις σεαυτοῦ*), не нашелъ въ обществѣ поддержки и палъ жертвой демократической реакціи Аѣинъ, которой также были враждебны его возвышенныя мысли“ (стр. 49—50). Ни слова не говоритъ г. Крыловъ ни о предыдущемъ развитіи греческой философіи, хотя и упоминаетъ, говоря о колоніяхъ, имена Фалеса, Пифагора (стр. 12), ни о послѣдующихъ философскихъ ученіяхъ, хотя и называетъ императора Марка Аврелія „ревностнымъ послѣдователемъ стоическаго ученія“ (стр. 132), а объ Юліанѣ (отступникѣ) говоритъ, что онъ былъ „по образованію неоплатникъ“ (! стр. 140). Это опущеніе столь важной стороны въ умственной дѣятельности древнихъ грековъ, какъ философія, не можетъ, по нашему мнѣнію, поставлено быть въ похвалу составителю книги.

Въ исторіи Рима мы также находимъ характеристики (даже очень

подробныя) главнѣйшихъ римскихъ писателей (стр. 122—124, 132—135), съ такими же особенностями, какія указаны выше относительно характеристикъ греческихъ писателей. Напримѣръ, о Вергиліи сказано на стр. 122: „къ недостаткамъ ея (Энеиды) нужно отнести безжизненность самого Энея; къ достоинствамъ—образцовый языкъ и мастерство въ изображеніи нѣжныхъ чувствъ (напримѣръ, любви). Видно, что самъ поэтъ обладалъ очень мягкой душой. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ Вергиліемъ можно сопоставить нашего Жуковского“; но о томъ вліяніи, какое на развитіе римской литературы оказало знакомство римлянъ съ греками, находимъ только отрывочныя заключенія, сдѣланныя какъ-то вскользь, при удобномъ случаѣ (стр. 63, 91, 102 и др.). Г. Крыловъ не посвятилъ этому вопросу особой статьи, между тѣмъ какъ это требуется учебнымъ планомъ, въ программѣ котораго, въ главѣ о „вліяніи римскихъ завоеваній на внутреннее состояніе римскаго государства“, помѣщена такая рубрика „начало искусственной литературы въ Римѣ; Сципионъ и Катонъ“, и статья объ этомъ предназначена для изученія именно въ VIII классѣ.

При составленіи своей книги г. Крыловъ пользовался хорошими пособіями; онъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ классическими трудами Ранке, Моммсена и другихъ новѣйшихъ ученыхъ; изъ русскихъ сочиненій онъ болѣе всего руководствовался курсомъ древней исторіи проф. Петрова, изъ котораго дѣлаетъ буквальные довольно значительныя заимствованія: такъ какъ они оговорены въ предисловіи, то и не могутъ быть поставлены въ упрекъ составителю учебной книги. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются частныя промахи и попадаются нѣкоторыя неловкости изложенія.

На стр. 27 при словѣ *eisphora* слѣдовало бы сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что это есть чрезвычайный подоходный налогъ, который сталъ взиматься только съ 429 года, хотя и на основаніи Солоновскаго ценза.

На стр. 30 „въ 538 году Пизистрату удалось захватить тираннію“. Кстати замѣтимъ, что нигдѣ въ своей книгѣ г. Крыловъ не касается вопроса о происхоженіи и значеніи этой формы правленія древнихъ греческихъ государствъ, опуская совершенно статью, которая соотвѣтствовала бы помѣщенной въ программѣ рубрикѣ: „измѣненія въ формахъ правленія“.

На стр. 32 г. Крыловъ почему-то называетъ тѣ отдѣленія, на которыя распадалась аѳонская *ἡλιαία*, „декуріями“ (вм. *δικαστήρια*).

На стр. 39 неясно разграничена сфера дѣятельности въ Аѳинахъ „нометеловъ“ и „номофилаковъ“, и сдѣлано невѣрное сообщеніе, будто

„каждое государство (въ аѳинскомъ союзѣ) доставляло известное число кораблей, воиновъ и денегъ на военныя издержки“.

На стр. 48 вторая ссылка оказывается не совсѣмъ точною, потому что о гибели сицилійской экспедиціи говорится не въ тѣхъ главахъ, которыя указаны, хотя, конечно, въ той же книгѣ.

На стр. 59 читаемъ: „Въ сраженіи при Ипсѣ (во Фригіи) палъ Антигонъ, и союзники такъ подѣлили монархію Александра: 1) Македонія съ Греціей досталась сыну Димитрію Полиоркета, Антигону Гонату“... Но послѣдній утвердился въ Македоніи только въ 278 г., слѣдовательно по прошествіи 23 лѣтъ послѣ битвы при Ипсѣ.

На стр. 61 сказано: „Послѣ его (Антиоха III Вел.) смерти (при Антиохѣ IV Эпифанѣ) отъ Сиріи отдѣлились Іудея при Маккавеяхъ и Паряеяне, которые оказали реакцію насильственному эллинизированію Селевкидовъ“. Вѣрно по отношенію къ Іудеѣ, замѣчаніе это положительно не вѣрно относительно паряянъ, которые отдѣлились отъ царства Селевкидовъ еще въ 256 г. до Р. Хр., слѣдовательно 32 годами раньше воцаренія Антиоха III

На стр. 67 въ числѣ городовъ Этруріи показанъ неизвѣстный городъ „Prusia“.

На стр. 68 читаемъ непонятную фразу: „Племя это (Латини) составляетъ главный корень римской исторіи“ (въ лекціяхъ пр. Петрова, на стр. 197, сказано: „племя это составляетъ главный корень римской народности и образованія“).

На стр. 72 находимъ не совсѣмъ ясное замѣчаніе, что „Римъ возникъ вслѣдствіе естественныхъ потребностей мѣстности“, а дальше и прямо противорѣчіе: сказавъ раньше, что „первые четыре царя—лица вполне баснословныя“, и что „только послѣдніе три царя лично принадлежатъ исторіи“, г. Крыловъ дальше говоритъ вообще о царяхъ, не различая послѣднихъ отъ первыхъ: „вѣрнѣе всего предположить, что въ дошедшихъ до насъ именахъ царей преданіе поэтически олицетворило пѣльи эпохи историческаго развитія народной и государственной жизни“ (въ лекціяхъ пр. Петрова соотвѣтственное мѣсто читается нѣсколько иначе: „только послѣдніе три царя много болѣе принадлежатъ исторіи“ и т. д.—стр. 202).

На стр. 75 сказано о значеніи римскаго сената при царяхъ, что онъ „имѣлъ только нравственное вліяніе на царя, обязывая его въ необходимыхъ (какихъ?) случаяхъ принимать свои постановленія“.

На стр. 77. Опредѣленіе слова *populus* нѣсколько сбивчиво; проще слѣдовало бы сказать, что до Сервія Туллія подъ *populus* разумѣлись

одни патриции, а со временъ Сервія въ понятіе *populus* входили и плебеи, то-есть всѣ граждане.

На стр. 81. О диктаторѣ лучше сказать, что онъ назначался, чѣмъ избирался; притомъ всѣ другія власти въ государствѣ при немъ вовсе не уничтожались.

На стр. 89 находимъ противорѣчащее исторической истинѣ замѣчаніе, что римляне, одной побѣдой уничтожили латинскій союзъ и подчинили своей власти „Лаціумъ“. Послѣ побѣды при Тразименѣ (240) борьба еще продолжалась цѣлыхъ два года и римляне должны были брать по одиночкѣ одинъ городъ за другимъ.

На стр. 97 г. Крыловъ утверждаетъ, что Ганнибалъ послѣ Тразименской битвы повернулъ на востокъ по той причинѣ, что карфагенскій флотъ потерпѣлъ неудачу въ попыткѣ „соединиться съ сухопутными войсками“, а нѣсколько дальше называетъ консула римскаго, героя битвы при Каннахъ, „Павломъ Эмилиемъ“ (тоже на стр. 100 о сынѣ этого консула).

На стр. 98 г. Крыловъ сообщаетъ, что „самъ Филиппъ (III, македонскій царь) долженъ былъ заключить союзъ съ римлянами“, послѣ того какъ его „помощь не принесла пользы“ Ганнибалу.

Авторъ пользовался здѣсь Ранке, но у Ранке говорится только о сдѣлкѣ (заключенной въ 205 году), по которой обѣ стороны обѣщали одна другой миръ и дружбу; это еще не есть союзъ.

На стр. 99, говоря о значеніи 2-й пунической войны, г. Крыловъ высказываетъ предположеніе, что, въ случаѣ удачи Ганнибала, „въ Италиі господами стали бы Галлы, каковыми они были въ Греціи въ эту эпоху“.

Мысль и самыя выраженія заимствованы у Ранке (*Weltgesch.* II, 280), но тѣмъ не менѣе, безъ всякихъ предварительныхъ разъясненій и даже безъ упоминанія о нашествіи Кельтовъ на Грецію, намекъ можетъ остаться не понятнымъ и даже подать поводъ къ недоразумѣнію: развѣ въ эпоху второй пунической войны Галлы были еще господами Греціи? У Ранке употреблено выраженіе *beheggschen* и при томъ кромѣ Греціи указано на извѣстную часть Малой Азіи.

На стр. 100 читаемъ: „Греки, недовольные тяжелой опекой Римлянъ, призвали на помощь Антиоха III Сирійскаго“ и т. д. Помѣщеніе этого извѣстія послѣ разказа объ обращеніи Македоніи въ римскую провинцію и раньше упоминанія о разрушеніи Римлянами Коринѳа (148 и 146 г.) не оправдывается никакими соображеніями.

На стр. 105 въ изложеніи Югуртинской войны совершенно игно-

рируется значеніе консула Метелла, прозваннаго Нумидійскимъ: „ходъ войны измѣнился — говорятъ г. Крыловъ — когда противъ Югурты отправился избранный въ консулы простолюдинъ Марій“.

На стр. 110 читаемъ такое сопоставленіе: М. Лицинія Красса, побѣдителя Спартака, г. Крыловъ называетъ „первымъ банкиромъ эпохи, Ротшильдомъ того времени“! А Юлій Цезарь былъ, по его словамъ, „реалистъ до мозга костей“! (стр. 112).

Есть опасность, что первое будетъ понято слишкомъ буквально — не въ качествѣ простаго сравненія, а прямого опредѣленія званія Красса; второе выраженіе, заимствованное у Моммсена, даже и на своемъ первоначальномъ мѣстѣ вызываетъ и вызвало сомнѣнія и возраженія.

На стр. 115 читаемъ совершенно неумѣстную, по своей высокопарности, въ учебникѣ фразу: „битва при Фарсалахъ одна изъ тѣхъ всемірныхъ битвъ, которыя измѣняютъ фисіономію міра, опредѣляютъ наступленіе новой эры: съ этой битвы начинается братъ перевѣсъ тенденція единодержавія“.

На стр. 118 число сенаторовъ, перебитыхъ участниками 2-го триумвирата, показано невѣрно (500). Списокъ конскрипцій заключалъ около 130 сенаторовъ и 200 всадниковъ, равнѣ было умерщвлено 17 человекъ.

На стр. 119 читаемъ: „Октавіанъ обратилъ Египетъ въ XVI римскую провинцію“. Но если обозначеніе Египта, какъ 16-й провинціи, понятно въ „лекціяхъ“ пр. Петрова (стр. 231), гдѣ упоминаются по порядку всѣ земли, обращенныя римлянами въ провинціи въ промежуткахъ между 146 и 30 годовъ, (Критъ, Сирія съ Финикіей, Воніяія, Киликія, Кипръ, Галлія Транзальпина, Нумидія), то въ книгѣ г. Крылова, не упоминающаго ни о Критѣ, ни о Воніиіи, ни о Киликіи, ни о Кипрѣ, какъ о римскихъ провинціяхъ, это обозначеніе неумѣстно.

На стр. 138 г. Крыловъ говоритъ по поводу финансовыхъ мѣръ Константина Великаго: „Константинъ установилъ подать на все движимое и недвижимое имущество гражданъ, собиравшуюся каждыя 15 лѣтъ (indictio)“. Очевидно, тутъ есть какое-то странное недоразумѣніе.

Есть не исправленныя опечатки:

Стр. 72 Тигръ вмѣсто Тибра; стр. 85 приготовленія вмѣсто приговоровъ; стр. 127 врожденный чит. урожденный; стр. 140 неоплатникъ чит. неоплатоникъ.

Историческій вопросникъ, примѣненный къ учебнымъ руководствамъ Белярминова и Иловайскаго. Пособіе при начальномъ изученіи исторіи. Выпускъ I. Древняя исторія. Составилъ П. Кумской, преподаватель Тифлисской мужской прогимназіи. Тифлисъ. 1890. Цѣна 25 коп.

Не совсѣмъ ясно, для кого и для чего назначаетъ свой историческій вопросникъ составитель. Въ предисловіи онъ говоритъ, что его книжка представляетъ попытку возможно разнообразнѣе комбинировать данныя, заключающіяся въ учебникахъ, и внести въ систему преподаванія исторіи сравнительный методъ изученія, господствующій въ современной наукѣ. Слова слишкомъ притязательныя, потому что вопросникъ совсѣмъ ничего не комбинируетъ, а развѣ только указываетъ, какъ и по какимъ категоріямъ можетъ учитель предлагать вопросы, требующіе со стороны учениковъ сопоставленія частныхъ или усвоенныхъ фактовъ. Учитель можетъ отъ нихъ требовать эпизодовъ, то-есть, краткихъ разказовъ въ той послѣдовательности, какъ они изложены въ учебникѣ; онъ можетъ отъ нихъ требовать біографій, то-есть, приуроченія къ отдѣльной личности фактовъ, изложенныхъ въ учебникѣ въ прагматической связи; онъ можетъ предлагать темы, требующія живаго воспроизведенія отдѣльнаго историческаго эпизода въ видѣ картины, рѣчи или сцены; онъ можетъ требовать составленія очерковъ, обнимающихъ цѣлый рядъ явленій въ исторіи одного народа или даже и нѣсколькихъ (такъ какъ дѣло идетъ о древней только исторіи, то обыкновенно не болѣе двухъ). Очевидно, что такого рода задачи едва ли могутъ быть предлагаемы для устныхъ отвѣтовъ, а скорѣе для письменныхъ, и вопросникъ г. Кумскаго есть сборникъ темъ для письменныхъ сочиненій по исторіи, хотя авторъ этого и не говоритъ; такое пособіе можетъ быть полезно для учителей, если оно хорошо составлено, но нѣтъ необходимости давать его въ руки учениковъ. Согласно съ вышеозначеннымъ дѣленіемъ, темы распадаются на четыре отдѣла. Первый отдѣлъ озаглавленъ: „Эпизоды миѳическаго и анекдотическаго свойства“. Здѣсь встрѣчаемъ такого рода темы, какъ ахиллова пята, спартанская похлебка, очень сомнительныя по своей малой содержательности; обращается вниманіе на миѳы, объясняющіе происхожденіе географическихъ названій и для образца указанъ „некрополь—акрополь“, что можетъ быть понято совершенно ложно. Ради сравнительнаго метода предлагается ученикамъ указать миѳы подобнаго рода въ римской исторіи и даже сравнить съ этимъ что-то, относящееся къ Петербургу, какъ будто и въ происхожденіи его названія играетъ какую-либо роль миѳологія. Второй отдѣлъ

„біографіи“ составленъ довольно незатѣйливо и представляетъ собою собраніе такихъ темъ, какія безъ всякаго пособія и безъ всякаго затрудненія могутъ быть указаны каждымъ учителемъ. Правда, составитель книжки даетъ для каждой біографіи маленькій планъ, но о достоинствѣ этихъ плановъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: „Ахиллесъ. Ахиллова пята. Единоборство съ Гекторомъ. Смерть Ахиллеса“ (стр. 9). „Одиссей. Хитроуміе Одиссея. Его странствованіе“ (тамъ же). При иныхъ именахъ программа въ сущности не включаетъ въ себѣ ничего біографическаго: см. Эмилиі Павелъ, Θεодосій Великій. Въ отдѣлѣ третьемъ предлагается начертать картину того, какъ Ксерксъ взираетъ на Саламинскую битву (стр. 14) и т. п. Послѣдній отдѣлъ „Очерковъ“, пожалуй, нѣсколько серьезнѣе предлагаемыхъ, и кое-что можетъ пригодиться учителю. Однако все это столь малозначительно, что нѣтъ основанія давать книжкѣ специальную рекомендацію.

Въ концѣ приложенъ „реальный указатель“, то-есть, по-простоу свазать, списокъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ элементарныхъ учебникахъ; и здѣсь не обошлось безъ погрѣшностей; такъ, на примѣръ, кто разумѣется подъ Квинціемъ, который значитса на стр. 30?

П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій. С.-Пб. 1890. Стр. II+272. Цѣна 1 р. 25 к.

Учебникъ г. Полеваго можно признать полезнымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу. Авторъ заявляетъ въ своемъ предисловіи, что онъ стремится излагать только существенные историческіе факты и притомъ въ строгой прагматической связи для того, чтобы упростить изложеніе предмета и этимъ облегчить его усвоеніе. Съ цѣлью облегченія труда учащихся авторъ помѣстилъ—какъ въ текстѣ своей книги, такъ и въ приложеніяхъ къ ней,—рядъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и сверхъ того до сорока картъ и плановъ, упраздняющихъ необходимость въ особомъ историческомъ атласѣ. Съ тою же цѣлью облегченія учениковъ г. Полевой устранилъ изъ своего учебника „элементъ описательный“ и раздѣлилъ текстъ своей книги на параграфы и пункты, не останавливаясь передъ излишнею иногда дробностью подраздѣленій (въ трехъ частяхъ книги г. Полеваго на 258 страницахъ всего 390 параграфовъ, раздѣленныхъ часто на три, четыре и болѣе пунктовъ).

Трудно однако согласиться съ г. Полевымъ въ томъ, что всѣ особенности его изложенія дѣйствительно дѣлаютъ легкимъ изученіе

предмета. Родословная или хронологическая таблица, умѣло составленная карта, наглядно изображенный планъ должны, конечно, содѣйствовать болѣе скорому и отчетливому усвоенію историческаго матеріала, и г. Полевой поступилъ прекрасно, соединивъ въ своей книгѣ учебникъ съ атласомъ и со справочными таблицами. Но въ то же время г. Полевой ввелъ въ свое изложеніе весьма много фактовъ. Почти всѣ эти факты существенны, но многіе изъ нихъ детальны, даже мелочны, и поэтому учебникъ вышелъ весьма подробнымъ, болѣе подробнымъ, чѣмъ общепринятый учебникъ г. Иловайскаго; а разумѣется, что обиліе фактическихъ частныхъ не можетъ вести къ облегченію учащихся. Съ другой стороны, 1) стремленіе автора къ прагматизму и „строжайшей послѣдовательности въ разказѣ“ (выраженіе самого г. Полеваго), 2) обиліе въ текстѣ подраздѣленій, построенныхъ нерѣдко на отвлеченныхъ логическихъ основаніяхъ, 3) сжатый характеръ изложенія, 4) отсутствіе описаній, характеристикъ и анекдотическихъ отступленій, — все это требуетъ отъ ученика при усвоеніи книги непрерывной и довольно серьезной умственной работы. Такимъ образомъ, и богатство предлагаемаго г. Полевымъ матеріала, и та внѣшняя форма, въ которую облеченъ этотъ матеріалъ, дѣлаютъ разбираемый учебникъ неудобнымъ для малолѣтнихъ учениковъ и пригоднымъ только для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Эти соображенія касательно учебника г. Полеваго слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду для правильной оцѣнки его достоинствъ и недостатковъ. Если мы будемъ смотрѣть на книгу г. Полеваго, какъ на руководство для старшихъ классовъ, то фактическая полнота книги составитъ въ нашихъ глазахъ не послѣднее его достоинство. Г. Полевой предлагаетъ дѣйствительно обширный и хорошо систематизированный матеріалъ, изложенный правильнымъ языкомъ и весьма сжато. Можно даже удивиться тому, что при богатствѣ своего внутренняго содержанія книга г. Полеваго имѣетъ на столько малый объемъ (около 750.000 буквъ), что лишь не многимъ превосходитъ менѣе подробный учебникъ г. Иловайскаго (имѣющій около 700.000 буквъ). Карты и планы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, весьма удовлетворительны. Можно указать лишь на одинъ замѣтный пробѣлъ въ картѣ „разселенія славянскихъ племенъ на Руси“ (стр. 7): здѣсь не указаны вовсе названія рѣкъ; кромѣ того, „планъ швейцарскаго похода Суворова“ (стр. 217) неудаченъ въ томъ отношеніи, что на немъ трудно безъ надписей и объяснительныхъ знаковъ прослѣдить движеніе войскъ и нельзя ознакомиться съ италіанскимъ и герман-

скимъ театрами военныхъ дѣйствій. На большинствѣ же картъ и номенклатура и объяснительные знаки не оставляютъ желать ничего лучшаго; по вѣдшему же виду карты даже изящны. Родословныя и хронологическія таблицы также производятъ пріятное впечатлѣніе. Словомъ, въ своемъ цѣломъ трудъ г. Полеваго заслуживаетъ полного одобренія.

Въ частностяхъ же г. Полевою можно предъявить не мало замѣчаній.

Прежде всего, подборъ фактовъ у г. Полеваго не всегда можетъ считаться удачнымъ. Иногда въ изложеніе введены даже излишнія подробности, какъ напримѣръ, въ разказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ сыновей Ярослава Мудраго (стр. 22—24), въ „очергѣ исторіи отдѣльныхъ древне-русскихъ княжествъ“ (стр. 31—43); иногда же опущены и существенныя частности. Такъ, изложеніе событій, происшедшихъ въ сѣверной Руси послѣ смерти Всеволода Большаго Гнѣзда, прямо не вразумительно: на стр. 40-й авторъ заявляетъ: „послѣ смерти Всеволода началась распря между его сыновьями“, но причины и ходъ этой распри остаются вовсе не объясненными; на стр. 43-й авторъ упоминаетъ объ этой распрѣ, какъ о дѣлѣ уже извѣстномъ, и опять не выясняетъ, въ чемъ эта распря заключалась. Между тѣмъ, причины, приведшія къ знаменитой Липицкой битвѣ, требовали бы обстоятельнаго разказа. Можно отмѣтить въ книгѣ г. Полеваго и болѣе существенныя пробѣлы: такъ, давая обзоръ внутренняго устройства Руси въ древнѣйшія эпохи (стр. 45—52), г. Полевой совсѣмъ не даетъ соотвѣтствующаго обзора для эпохи Московскаго государства. Этотъ пробѣлъ, съ одной стороны, неизбѣжно долженъ былъ отразиться на изложеніи реформъ Петра Великаго, которое и вышло у г. Полеваго сравнительно слабымъ; а съ другой стороны пробѣлъ этотъ чувствуется и при чтеніи страницъ, посвященныхъ исторіи московскаго періода. Не представляя, напримѣръ, общаго объясненія московскихъ служебныхъ чиновъ, г. Полевой вынужденъ или мимоходомъ (и иногда неудачно) объяснять эти чины, или же оставлять ихъ безъ всякаго объясненія. Безъ объясненія оставлены у него чины „боярина“ и „думнаго дворянина“ на стр. 143 и др., а съ неудачнымъ объясненіемъ чина „думнаго дьяка“ выступаетъ онъ на стр. 137-й, говоря, что думный дьякъ—„главный секретарь“, но не объясняя, — при какомъ учрежденіи онъ „главный“ секретарь; по общему же смыслу текста г. Полеваго въ этомъ мѣстѣ вытекаетъ, что думные дьяки—главные секретари при посольствахъ.

Какъ не всегда удаченъ въ книгѣ г. Полеваго подборъ матеріала,

такъ не всегда удачна и его группировка. Въ этомъ отношеніи красно-рѣчивы будутъ два слѣдующихъ примѣра. На стр. 58—59 находимъ параграфъ, озаглавленный: „Александръ Невскій“; въ немъ г. Полевой говоритъ: „прославленный своими громкими побѣдами надъ шведами, нѣмцами, Чудью и Литвою, Александръ и въ Ордѣ удостоенъ былъ особыхъ почестей“. Но объ этихъ громкихъ побѣдахъ Александра ни въ этомъ параграфѣ, ни раньше не говорится ни слова: о нихъ рѣчь идетъ на двадцать слишкомъ страницъ ниже (на стр. 81—82), въ параграфѣ о Новгородѣ и Псковѣ. Нѣтъ необходимости распространяться о томъ, что въ педагогическомъ отношеніи не удобно разрывать разказъ объ историческомъ лицѣ на двѣ части, къ тому же другъ отъ друга отдѣленные десятками страницъ. Далѣе, г. Полевой въ двухъ очеркахъ исторіи Новгородской и Псковской земель (стр. 41—43 и 81—83) ничего не говоритъ о гражданскомъ устройствѣ Новгорода и на стр. 42-й дѣлаетъ примѣчаніе: „о внутреннемъ устройствѣ Новгорода см. въ слѣдующей главѣ, § 52“. Этотъ § 52-й (стр. 47) посвященъ общей характеристикѣ древне-русскаго города. Хотя новгородское городское устройство было на Руси политическимъ явленіемъ исключительнаго характера, тѣмъ не менѣе г. Полевой взялъ Новгородъ за „образецъ русскихъ городовъ“ и новгородскіе порядки временъ политической автономіи Новгорода выдалъ за порядокъ, общій всѣмъ русскимъ городамъ. Это прямая историческая погрѣшность, происшедшая отъ неправильнаго размѣщенія матеріала.

Кромѣ недостатковъ методическаго характера, у г. Полеваго встрѣчаются и отдѣльныя неточности и погрѣшности. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Стр. 6, § 6: объясняя „общественное устройство“ древнихъ славянъ, г. Полевой говоритъ о бытѣ семейномъ и общинномъ и о власти старшаго въ семьѣ и выборнаго старшины въ общинѣ. О формахъ быта родоваго здѣсь нѣтъ ни слова, а между тѣмъ на стр. 22-й (§ 25) г. Полевой вынужденъ сказать, по поводу княжескихъ усобицъ, о существовавшемъ „въ древней Руси“ старшинствѣ и наследованіи родовомъ (ср. также стр. 68, § 81). Между § 6-мъ и §§ 25-мъ и 81-мъ получается, если и не противорѣчіе, то явное несоотвѣтствіе, которое слѣдовало бы устранить такъ или иначе.

Стр. 15, § 14а: Аскольдъ и Диръ названы „варяжскими князьями;“ это названіе допустимо только съ точки зрѣнія современной намъ ученой терминологіи; но слѣдуетъ помнить, что, по лѣтописи, Аскольдъ и Диръ были „не князья и не княжескаго рода“.

Стр. 20, § 21: Не сказано, какую именно „половину Русской земли“ уступилъ Ярославъ Мудрый брату Мстиславу.

Стр. 21, § 22 (и далѣе): Повторенъ уже оставляемый въ наукѣ терминъ „удѣлъ“ для обозначенія княжескихъ волостей Кіевской Руси XI—XII вѣковъ.

Стр. 27, таблица 2: Сыновья Владиміра Мономаха расположены не въ порядкѣ старшинства.

Стр. 48, § 52*a* и § 53*a* (см. также стр. 42, § 47*e*): Наблюдается нѣкоторая сбивчивость въ объясненіи того, что такое былъ посадникъ. Сначала (§ 52*a*) сказано, что посадникъ избирался вѣчемъ, „былъ представителемъ вѣвшихъ людей“ (то-есть, высшаго класса) и въ отсутствіе князя несъ его обязанности (что и справедливо для Новгорода); а затѣмъ (§ 53*a*) посадникъ изображается не какъ земская власть, а какъ княжескій „намѣстникъ“, то-есть, чиновникъ (что и справедливо для Руси южной). Но различіе между посадникомъ въ Новгородѣ и посадникомъ въ другихъ городахъ не оговорено ни однимъ словомъ и не указаны функціи новгородскихъ посадниковъ въ присутствіи князя. Вслѣдствіе этого пробѣла и получается нѣкоторое противорѣчіе. Совершенно такого же рода сбивчивость въ изложеніи существуетъ и относительно тысяцкихъ: на стр. 48-й говорится о новгородскомъ тысяцкомъ, какъ о власти земской, а на стр. 46-й тысяцкіе другихъ городовъ названы воеводами (или вѣрнѣе, смѣшаны съ княжескими воеводами) и представлены дружинниками.

Стр. 62, § 74: Завоеваніе Кіева Гедиминомъ отнесено къ 1321 году, тогда какъ точная дата этого событія не установлена.

Стр. 73, § 87 (также стр. 99, § 8; стр. 121, § 47; стр. 179, § 151, и др.): Личную земельную собственность московскихъ дворянъ авторъ неизмѣнно называетъ помѣстьями, совершенно не различая помѣстій отъ вотчинъ и даже не называя послѣднихъ вовсе. Это,—несомнѣнно, существенный недосмотръ, подлежащій исправленію.

Стр. 72, § 84: Разказавъ здѣсь о приобрѣтеніи Іоанномъ Калитю города Галича, авторъ страницю ниже (стр. 73, § 88), какъ бы противорѣча себѣ, говоритъ объ изгнаніи Дмитріемъ Донскимъ удѣльнаго князя изъ того же Галича. Путаница касательно этого, такъ же какъ и касательно другихъ подобныхъ попросовъ (напримѣръ, стр. 86—87, § 107), произошла по той причинѣ, что г. Полевой въ своемъ изложеніи недостаточно различаетъ удѣльныхъ князей Московской семьи отъ удѣльныхъ князей другихъ владѣтельныхъ семей сѣверной Руси.

Стр. 88, § 108: Г. Полевой слишком многое въ политической жизни Москвы конца XV вѣка приписываетъ личному вліянію Софіи, жены великаго князя Іоанна III. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что до извѣстной степени она вліяла на своего мужа; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что въ основаніи политическихъ стремленій Московскихъ князей и царей XV и XVI вѣковъ, помимо случайныхъ вліяній, лежало довольно опредѣленное идеальное представление о высокой международной роли Москвы, какъ верховнаго центра православія. Сущность этого національно-политическаго идеала Москвы на столько выяснена въ нашей литературѣ, что слѣдовало бы ввести нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и въ учебную книгу. Принятіе царскаго титула Московскими князьями, возвышеніе московскаго митрополита въ санъ патріарха и многіе факты внѣшней политики Москвы становятся понятны въ должной степени только тогда, когда излагаются въ ихъ связи съ идеальными принципами государственной дѣятельности московскихъ людей. Въ книгѣ же г. Полеваго всѣ эти факты оставлены, какъ и въ старыхъ учебникахъ, безъ возможнаго и должнаго ихъ освѣщенія.

Стр. 119, § 42: По мнѣнію г. Полеваго, въ минуту смерти Іоанна Грознаго, въ мартѣ 1584 года, сыну его царевичу Димитрію было три года; а между тѣмъ царевичъ Димитрій родился 19-го октября 1582 года.

Стр. 138, § 86: Преувеличена роль князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго во время боя москвичей съ поляками въ Москвѣ на Страстной недѣлѣ 1611 года: Пожарскій не имѣлъ начальства надо всѣми москвичами, а командовалъ однимъ отрядомъ, подошедшимъ съ юга въ авангардѣ войскъ Ляпунова. Наоборотъ, на тѣхъ же страницахъ (§§ 83—90) умалены размѣры и значеніе дѣятельности патріарха Гермогена: г. Полевой излагаетъ тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ о силѣ пассивнаго сопротивленія патріарха полякамъ и измѣнщикамъ, но не касается вовсе проповѣдей и посланій Гермогена, въ которыхъ патріархъ являлся активнымъ вождемъ, первымъ вдохновителемъ народа на борьбу съ поляками.

Стр. 163, § 126а: Г. Полевой говоритъ, что „царица Наталья Кирилловна... поспѣшила возвратить изъ ссылки... боярина Арт. С. Матвѣева“, извѣстно, что онъ былъ избавленъ отъ ссылки еще при жизни царя Θεодора Алексѣевича, почему такъ скоро по смерти этого государя онъ и могъ пріѣхать въ Москву. (Здѣсь встаетъ замѣтимъ, что въ § 123 время смерти царя Θεодора Алексѣевича у г. Полеваго означено невѣрно: вмѣсто „въ августѣ“ слѣдуетъ читать „въ апрѣлѣ“).

Стр. 177, § 150: Значеніе сената при Петрѣ Великомъ опредѣлено неудачно: „сенату“, говоритъ г. Полевой, „было присвоено такое же значеніе въ управленіи дѣлами свѣтскими, какъ синоду въ управленіи дѣлами духовными“. Но г. Полевой не опредѣлилъ раньше значенія синода, а кромѣ того, еслибы даже онъ это и сдѣлалъ, сравненіе все-таки было бы невозможно по несоизмѣримости сферъ, въ которыхъ дѣйствовали эти два учрежденія. И вообще здѣсь нужно повторить уже высказанное раньше замѣчаніе, что изложеніе внутреннихъ преобразованій Петра Великаго у г. Полеваго гораздо менѣе удовлетворительно, чѣмъ многіе другіе отдѣлы его книги.

Стр. 200, § 186: Передавая весьма кратко содержаніе такъ-называемаго греческаго проекта, г. Полевой не сообщаетъ ни названія его, ни данныхъ о его возникновеніи, что было бы необходимо въ виду того значенія, какое придавалось проекту въ эпоху императрицы Екатерины II, и въ виду того вліянія, какое имѣлъ этотъ проектъ на общее направленіе русской политики въ царствованіе императрицы Екатерины.

Стр. 233, § 30: При изложеніи административныхъ реформъ императора Александра I г. Полевой не упомянулъ объ учрежденіи комитета министровъ, между тѣмъ какъ это именно учрежденіе получило преобладающее значеніе въ административной системѣ перваго десятилѣтія царствованія Александра I.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, что учебникъ г. Полеваго кое-гдѣ требуетъ пересмотра и исправленія. Если мы примемъ во вниманіе, что вообще очень трудно въ маломъ объемѣ учебника изложить систематически и поставить въ должную перспективу массу свѣдѣній, составляющихъ цѣлую область историческаго вѣдѣнія, то мы найдемъ основаніе съ должнымъ снисхожденіемъ отнести къ погрѣшностямъ разбираемой книги. Надобно надѣяться, что при новомъ изданіи своего учебника авторъ приложитъ старанія улучшить свой трудъ, заполнить пробѣлы, исправить неудачныя мѣста и уничтожить опечатки (напримѣръ, въ годахъ битвы на Калкѣ, завоеванія Астрахани,—стр. 3, 101).

ОВЪ УПОТРЕВЛЕНІИ РЕПЕТИЦІОННЫХЪ КАРТЪ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ЧЕРЧЕ- НІИ КАРТЪ ВЪ КЛАССѢ.

Въ объяснительной запискѣ къ новому учебному плану географіи для реальныхъ училищъ ¹⁾ предлагается иной способъ преподаванія этого предмета вмѣсто извѣстнаго и господствовавшего до сихъ поръ чертежнаго способа. Составители вышеупомянутой официальной записки, указавъ на неудобства, или лучше сказать, полную невозможность рациональнаго проведенія на практикѣ послѣдняго способа, рекомендуютъ, какъ пособіе при преподаваніи географіи, „литографированныя карты съ правильно начерченными сѣтками и вѣрными контурами“. „На этихъ картахъ, говорится въ запискѣ, ученики, по указанію преподавателя, наносятъ всѣ пройденныя въ классѣ географическіе элементы, такъ что къ концу курса получается атласъ нѣмыхъ картъ, заключающихъ въ себѣ все заученное на урокахъ“. „Указанныя сѣтки съ контурами могутъ служить и для провѣрки знаній учениковъ во время репетицій“ ²⁾.

Эти карты, заключающія готовую, правильно начерченную сѣтку и вѣрныя контуры, уже давно извѣстны за границей, преимущественно въ Германіи, а также отчасти и у насъ, и называются репетиціонными картами. Вполнѣ сочувствуя мѣрѣ, предложенной министерствомъ народнаго просвѣщенія для упорядоченія преподаванія географіи въ нашихъ школахъ, мы постараемся разобрать какъ самое содержаніе репетиціонныхъ картъ, такъ и способы ихъ примѣ-

---

¹⁾ Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1889.

²⁾ Ibidem, стр. 55.

ненія при преподаваніи. Чтобы лучше выяснить значеніе этихъ картъ, мы укажемъ на тѣ обстоятельства, въ силу которыхъ чертежный способъ преподаванія оказывается до того не удобенъ, что его официально предложено замѣнить другимъ. Прежде всего, считаемъ умѣстнымъ сказать, что мы будемъ имѣть въ виду только черченіе картъ въ школѣ при преподаваніи географіи, такъ какъ трудно сказать что-нибудь вообще противъ черченія картъ съ цѣлью изученія этой науки. Начертивъ карту какой-нибудь страны, но начертивъ ее правильно, имѣя передъ глазами вѣрный оригиналъ, мы основательно знакомимся съ топографіей этой страны. Но такія чертежныя работы могутъ быть производимы любителями географіи, чертежниками-картографами, учеными, преподавателями и друг. Работы эти отнимаютъ много времени, производятся по профессіи, или любителями въ свободное отъ другихъ занятій время, людьми, у которыхъ имѣется достаточный запасъ времени, умѣнія и терпѣнія, чтобы докончить начатую, кропотливую работу. Совершенно другія условія представляетъ черченіе картъ въ школѣ. Въ послѣднемъ случаѣ исходнымъ пунктомъ служитъ карта, воспроизводимая учителемъ на классной доскѣ передъ дѣтьми, въ большей части случаевъ не имѣющими никакого навыка въ черченіи.

Въ сущности, черченіе картъ въ школѣ нельзя назвать особымъ методомъ. Выраженіе „чертежный методъ“ не возбуждаетъ представленія объ опредѣленной, строго продуманной системѣ, такъ какъ черченіе примѣняется при преподаваніи въ весьма разнообразныхъ масштабахъ и различными способами. Намъ извѣстны только два метода преподаванія географіи: аналитическій и синтетическій, отличающіеся основною идеею и отчасти расположеніемъ учебнаго матеріала; черченіе же картъ, безъ всякаго различія, примѣняется какъ къ тому, такъ и къ другому. По способу примѣненія школьнаго черченія къ преподаванію можно отличить два случая. Въ одномъ изъ нихъ карта учителя представляетъ то наглядное пособіе, изъ котораго ученики черпаютъ свои представленія. Она появляется передъ глазами учениковъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ учитель ведетъ разказъ о странѣ, изображаемой имъ на доскѣ, и составляетъ альфу и омегу всего преподаванія. Такой способъ черченія, извѣстный подъ громкимъ именемъ „конструктивнаго метода“, требуетъ совершенно непосильнаго напряженія умственныхъ способностей ученика, который въ одно и то же время долженъ внимать разказу преподавателя и счерчивать себѣ въ тетрадь все, что тотъ наноситъ на карту. Такая совершенно не педагогическая обстановка только-что описаннаго способа черче-

ніа дала поводъ одному современному нѣмецкому педагогу сказать, что конструктивный методъ основывается на „психологическомъ заблужденіи“¹⁾). Прибавимъ отъ себя, что при такомъ способѣ преподаванія черченіе карты дѣлается само по себѣ цѣлю, такъ что не остается времени и мѣста для наблюденія и изученія картъ атласа и стѣнныхъ. Впрочемъ, можно сказать, что конструктивный методъ въ настоящее время отживаетъ свой вѣкъ. Къ счастью для учениковъ, большинство преподавателей ставятъ на первый планъ печатныя карты и обращаютъ вниманіе дѣтей на содержаніе атласа. Въ этомъ случаѣ чертежъ появляется уже послѣ прохожденія какого-нибудь отдѣла изъ курса, то-есть, части свѣта, европейскаго государства или части Россіи. Классное черченіе въ такой формѣ болѣе соотвѣтствуетъ тому, что оно можетъ дать ученикамъ. Въ этомъ случаѣ на карту преподавателя, довольно плохую какъ въ научномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи, не смотрятъ, какъ на источникъ наглядныхъ представленій, а только какъ на способъ воспроизведенія главныхъ географическихъ данныхъ изъ пройденнаго. Большинство преподавателей географіи, признающихъ пользу школьнаго черченія, воспроизводятъ на классныхъ доскахъ не карты, а эскизы или очерки картъ (*Kartenskizzen*), которые въ свою очередь сильно обобщаются и искажаются учениками въ ихъ тетрадяхъ. Мы уже имѣли случай подробно указывать²⁾ на источники неправильностей, которыми бываютъ, такъ-сказать, унижены эскизы преподавателей на классныхъ доскахъ; теперь мы припомнимъ только главное. Помянутыя неправильности происходятъ: 1) отъ невозможности обыкновенными средствами, находящимися въ распоряженіи у преподавателя и учениковъ во время урока, начертить правильную географическую сѣтку, замѣняемую обыкновенно самой упрощенной, съ меридіанами и параллелями въ видѣ прямыхъ линій; 2) отъ весьма сильнаго обобщенія изгибовъ береговой линіи и рѣкъ; 2) отъ полнѣйшей невозможности изобразить правильно наизусть нѣкоторые географическіе объекты, какъ-то: берега съ фіордами, архипелаги и все, относящееся къ рельефу странъ. Изъ области послѣдняго на эскизахъ картъ можно представить только господствующее направленіе горныхъ цѣпей.

Не смотря на упрощеніе классныхъ картъ, онѣ только съ трудомъ

1) *Otto Bismarck*, *Das Kartenzeichnen* etc. 1890, стр. 3.

2) Къ вопросу о черченіи картъ въ классѣ. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, іюнь, 1882.

могутъ быть скопированы учениками, и то не всѣми, такъ что, — чтобы не оставить въ рукахъ начерченныхъ ими пародій картъ, — преподавателю необходимо исправить ихъ подобно тому, какъ исправляется диктантъ. Различіе тутъ заключается въ томъ, что исправленный диктантъ легко переписать и при этомъ избѣжать исправленныхъ ошибокъ, тогда какъ перерисовываніе картъ составляетъ серьезную домашнюю работу, отнимающую много времени. При томъ исправленная ученическая карта имѣетъ только условную правильность въ предѣлахъ тѣхъ сознательныхъ ошибокъ и неточностей, которыя допускаются самимъ преподавателемъ.

Сознавая указанныя затрудненія, встрѣчаемыя учениками при черченіи картъ въ классѣ, нѣкоторые издатели руководствъ для класснаго черченія старались дать еще болѣе упрощенные чертежи. Эти упрощенія состоятъ съ одной стороны въ томъ, что вполнѣ чертятся только самыя простыя по очертанію части суши, какъ на примѣръ, Африка, Южная Америка, Австралія, Испанія и т. п. Средняя Европа представляется въ видѣ отдѣльныхъ ландшафтовъ, какъ на примѣръ, Альпійская горная страна, бассейнъ Рейна, Везера, Дунай и т. п. Такія упрощенія мы находимъ у нѣмецкихъ авторовъ: Умлафта ¹⁾ и Бисмарка ²⁾. Другаго рода упрощенія состоятъ въ замѣнѣ географической сѣтки линиями, составляющими, такъ-сказать, скелетъ всего чертежа, но это проводится далеко не всегда удачно, какъ на примѣръ, въ атласѣ Дронке ³⁾. Здѣсь дѣло не только не упрощается, но даже, наоборотъ, затрудняется вслѣдствіе необходимости запоминать относительную длину и положеніе многочисленныхъ линий. Русскіе авторы руководствъ для класснаго черченія, Пуликовскій ⁴⁾ и Михайловъ ⁵⁾ довольно строго придерживаются черченія по сѣткѣ и пунктамъ, представляющимъ большое затрудненіе для учениковъ. Благодаря упомянутымъ упрощеніямъ классныхъ картъ, ученики, съ помощью преподавателя, могутъ преодолѣть трудности черченія и въ заключеніе имѣть въ своихъ тетрадяхъ чертежи, напоминающіе то, что было начерчено преподавателемъ на доскѣ, и имѣющіе весьма отдаленное сходство съ настоящими картами. Но все это досталось

¹⁾ *Umlauf*, Kartenskizzen für die Schulpraxis. 1882.

²⁾ *Otto Bismarck*, Kartenskizzen für den Unterricht in der Erdkunde.

³⁾ *Dronke*, Geographische Zeichnungen.

⁴⁾ *Пуликовскій*, Географическій атласъ съ указаніемъ пріемовъ класснаго черченія картъ.

⁵⁾ *Михайловъ*, Географическіе чертежи.

не даромъ. Преподаватель, добросовѣстно смотрящій на дѣло, придерживаясь чертежнаго способа, долженъ тратить много класснаго времени, а ученикъ—прилагать старанія во время домашней работы, чтобы перечерчивать карты. Въ русской педагогической литературѣ, къ сожалѣнію, не имѣется данныхъ о томъ, сколько потребно времени для прохожденія, съ помощію черченія, какого-либо отдѣла изъ курса школьной географіи, почему мы и обращаемся для рѣшенія этого вопроса къ германскимъ педагогамъ. Нѣкто Майеръ, преподаватель реальной гимназіи въ Штетинѣ ¹⁾, высчиталъ, что для надлежащаго усвоенія учебнаго матеріала, относящагося къ географіи Италіи, чертежнымъ способомъ, считая одинъ урокъ для экстемпорале, то-есть, черченія карты Италіи учениками наизусть, необходимо девять уроковъ. Легко понять, что болѣе сложныя чертежи, какъ, на примѣръ, карты Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи, Германіи и т. п., потребуютъ еще болѣе времени, такъ что для курса государствъ западной Европы понадобится около 90 уроковъ, то-есть, въ полтора раза болѣе того, что мы имѣемъ въ теченіе учебнаго года. Требованіе черченія карты пройденной страны наизусть, обыкновенно соединяемое съ чертежнымъ способомъ преподаванія, является совершенно непосильнымъ для большинства учениковъ. Чтобы запомнить довольно сложный контуръ береговъ, извилины рѣкъ, направленіе горъ и границъ, а также положеніе городовъ, ученикъ долженъ перечертить дома карту отъ трехъ до шести разъ, смотря по ея сложности. Къ наиболѣе сложнымъ картамъ нужно отнести карты: Европы, Азіи, Германіи, Австро-Венгріи, Европейской Россіи и нѣкоторыя другія; заучиваніе такихъ картъ наизусть представляется для учениковъ совершенно непреодолимою трудностью. Что же дѣлать ученику, у котораго домашнее приготовленіе къ географическому экстемпорале займетъ три и болѣе часовъ времени, когда ему нужно приготовиться еще къ четыремъ урокамъ? Очевидно, что такими требованіями нарушается равновѣсіе между учебными предметами преподаванія, и отягощаются ученики, которые должны запоминать трудныя и неправильныя чертежи. Сверхъ того, нужно имѣть въ виду слѣдующія соображенія. Исполненіе экстемпоралій по древнимъ и новымъ языкамъ, рѣшеніе математическихъ задачъ требуетъ отъ учениковъ, при необходимомъ вниманіи, предварительныхъ знаній и

---

¹⁾ Lehrproben und Lehrgänge aus der Praxis der Gymnasien und Realschulen. 17 Heft, Seite 41—54.

яснаго представленія пройденнаго отдѣла. Не то при черченіи картъ наизусть: здѣсь, кромѣ всего этого, необходима извѣстная доля художества или, по крайней мѣрѣ, большой навыкъ въ черченіи. Такого навыка еще нельзя требовать отъ учениковъ тѣхъ классовъ, гдѣ начинается курсъ географіи. Въ каждомъ классѣ попадаются такіе ученики, которые превосходно готовятъ уроки по географіи и отчетливо знаютъ карту, но совершенно теряются при исполненіи чертежной работы. Было бы несправедливо по плохимъ чертежамъ такихъ учениковъ судить объ ихъ познаніяхъ и оцѣнивать ихъ. Такимъ образомъ, мы должны согласиться, что правильность ученическихъ картъ не связана органически съ познаніями и успѣхами учениковъ по географіи. Въ виду такой неудовлетворительной обстановки школьнаго черченія, вытекающей изъ самой сущности чертежного способа, на практикѣ этотъ способъ проводится весьма не послѣдовательно и только урывками. Чертятся учителемъ въ классѣ и учениками наизусть только самыя легкія карты, то-есть, карты такихъ странъ, которыя легко выучиваются учениками и безъ всякихъ облегченій и упрощеній. Понятно, что такимъ образомъ уничтожается значеніе черченія картъ въ классѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго о черченіи картъ, можно принять слѣдующія положенія, которыя окончательно выясняютъ всю непригодность чертежного способа для преподаванія географіи въ школахъ:

1) Карты, начерченные преподавателемъ на доскѣ и служащія образцами для учениковъ, представляютъ искаженія настоящихъ картъ, и потому вызываютъ неправильныя представленія въ умахъ учениковъ. Послѣднее замѣчается въ сильной степени при строгомъ проведеніи конструктивнаго метода.

2) При требованіи черченія картъ наизусть, ученики сильно обременяются домашнею работою, что можетъ повести къ умственному переутомленію.

3) Между познаніями учениковъ въ географіи и исполненіемъ чертежныхъ работъ нѣтъ прямаго отношенія и связи: ученики, прекрасно занимающіеся, часто совсѣмъ не умѣютъ чертить. Послѣднее въ значительной степени зависитъ отъ недостатка навыка учениковъ въ черченіи.

Въ подтвержденіе нашихъ взглядовъ на достоинства школьнаго черченія, какъ способа преподаванія географіи, приведемъ слова

извѣстнаго русскаго ученаго, географа и путешественника, Елисеѣва ¹⁾. „Что бы ни возражали, говоритъ онъ, противъ слѣдующаго, но прямой опытъ и наблюденіе показали и покажутъ каждому, желающему въ томъ убѣдиться, что ученикъ, изучая карту и ориентируясь по ней, приобретаетъ гораздо болѣе въ знанія географической ситуациіи и приблизительномъ опредѣленіи тѣхъ или другихъ пунктовъ въ соответствующемъ градусѣ широты и долготы, чѣмъ послѣ многихъ мѣсяцевъ самаго усидчиваго черченія. Не опровергая вовсе этого послѣдняго, какъ могущественнаго средства для рациональнаго изученія географіи, я становлюсь рѣшительно противъ тѣхъ, кто все спасеніе полагаетъ въ черченіи. Неужели, думалось мнѣ не разъ, педагогъ, заставляющій 11—12-ти или 15—16-ти лѣтнаго мальчика чертить ту или другую часть карты на память при помощи заученныхъ ситуационныхъ пунктовъ, надѣется, что ученикъ, даже чертящій безъ ошибки по этимъ пунктамъ ту или другую часть свѣта или страну, будетъ помнить навсегда сотни двѣ или три пунктовъ въ градусахъ широты и долготы, которыя ему приходится запоминать при прохожденіи курса черченія и безъ которыхъ не возможно рациональное черченіе? Надѣюсь—нѣтъ; педагоги знаютъ хорошо, что и это, какъ и очень многое, чему обучаютъ ученика, забудется болѣе или менѣе капитально даже черезъ нѣсколько дней по сдачѣ экзамена; они знаютъ, что ученики никогда и не потрудятся (да и къ чему?) освѣжать въ своей памяти широты и долготы ситуационныхъ пунктовъ, и все-таки заставляютъ ихъ заучивать“. Читатель, конечно, не посѣтуетъ на насъ за эту нѣсколько длинную выписку, такъ какъ въ приведенныхъ словахъ русскаго географа обнаруживается глубокая педагогическая идея. Г. Елисеѣвъ полагаетъ, что для обученія географическаго положенія странъ достаточно непосредственнаго чтенія карты. Эта мысль, по нашему мнѣнію, безусловно справедлива, но, кромѣ того, намъ кажется, что изученіе карты должно быть поставлено въ основаніе всего школьнаго курса географіи ²⁾. При такой постановкѣ преподаванія, весьма полезно употреблять репетиціонныя карты.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному разбору этого учебнаго пособия, мы должны замѣтить, что вопросъ, нами возбуждаемый,

¹⁾ Идеалы школьной географіи. *Педагогическій Сборникъ*. Мартъ, 1886.

²⁾ См. О составѣ географическаго атласа и объ употребленіи его при преподаваніи. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, октябрь, 1889.

чисто дидактической. Многие педагоги считаютъ разсужденіе о дидактическихъ приемахъ преподаванія пустою тратою времени, на томъ основаніи, что эти приемы относятся къ искусству и зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей учителя. Латинское изреченіе: *si duo faciunt idem, non est idem*—обыкновенно приводится въ подтвержденіе этой мысли.

Соглашаясь съ общимъ смысломъ латинской поговорки, мы также полагаемъ, что два педагога, идущіе по одному и тому же методическому пути, не всегда достигаютъ тождественныхъ результатовъ. Преподаватель, какъ и всякій человѣкъ, не машина и весьма не желательна, чтобы онъ превратился въ послѣднюю, но тѣмъ не менѣе нельзя допустить произвола въ дѣлѣ обученія. Мало того, преподаватель, слѣдующій извѣстному дидактическому приему по рутинѣ, не уясняя себѣ его основанія теоретически, не можетъ достигнуть хорошихъ результатовъ.

Намъ кажется, что цѣль каждого преподавателя должна заключаться въ стремленіи передать ученикамъ прочныя, истинныя знанія и снабдить ихъ полезными навыками. Уже а priori можно утверждать, что не все равно, какой путь избрать для этого,—иначе пришлось бы согласиться съ абсурдомъ, что различныя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. При выборѣ дидактическихъ приемовъ нужно имѣть въ виду весьма важное условіе, чтобы эти приемы, часто кажущіеся весьма пригодными для обученія данному предмету, не вели къ обремененію учениковъ работою и нарушенію равновѣсія между учебными предметами,—обстоятельство столь дурно отзывающееся на общемъ развитіи учащихся. Въ особенности это условіе имѣетъ значеніе для младшихъ классовъ, гдѣ проходитъ весь нормальный курсъ географіи. Дидактика этого предмета обученія также представляетъ примѣры того, что прочность знаній учениковъ находится въ зависимости отъ приемовъ преподаванія географіи безъ употребленія въ классѣ атласа и стѣнныхъ картъ, а также при примѣненіи конструктивнаго метода. На предыдущихъ страницахъ мы имѣли случай выставить различныя условія, въ силу которыхъ чертежный способъ преподаванія не долженъ быть примѣняемъ ни въ какой формѣ.

Какія же преимущества имѣетъ употребленіе репетиціонныхъ картъ? Для уясненія этого вопроса обратимся, наконецъ, къ самымъ картамъ. Какъ замѣчено выше, онѣ были давно извѣстны, какъ за границей, такъ отчасти и у насъ въ Россіи,—обстоятельство, указы-

ващее на то, что неудовлетворительность чертежнаго метода, возникшаго со временъ Огрена и Кавштейна, была уже давно ясно сознаваема. Существованіе многочисленныхъ изданій репетиціонныхъ картъ, особенно въ Германіи, говоритъ само за себя: этими картами, очевидно, всегда стремились замѣнить неудачные продукты школьной картографіи. Карты эти составлены точно такъ же, какъ и обыкновенныя, но не имѣютъ никакихъ надписей, и рельефъ страны или совершенно отсутствуетъ, или выраженъ несравненно слабѣе. Впрочемъ, степень подробности этихъ картъ крайне разнообразна. Нѣкоторыя представляютъ только контуръ и сѣтку, на другихъ напечатаны рѣки и границы, на третьихъ сверхъ того нанесены направленіе горъ и иногда даже подробный рельефъ и города. Многіе извѣстные картографы и педагоги Германіи въ разныя времена издавали отдѣльно географическія сѣтки (Kartennetze) для облегченія черченія картъ. Между этими издателями встрѣчаются такія общезвѣстныя имена, какъ Деличъ ¹⁾, Оманъ ²⁾, Сидовъ ³⁾, Циглеръ ⁴⁾, Штейнгаузеръ ⁵⁾, и нѣкоторыя другія.

Издавая эти сѣтки *ad usum scholarum*, всѣ эти почтенные дѣятели въ области учебной картографіи не допускали и мысли о произвольномъ искаженіи извѣстныхъ, общеупотребительныхъ прозекцій географическихъ сѣтокъ. Всѣ эти изданія представляютъ въ зародышѣ тѣ репетиціонныя карты, о которыхъ идетъ рѣчь. Къ тому же роду изданій по идеѣ, положенной въ основаніе ихъ, относятся и черные глобусы съ географической сѣткой, получившіе въ настоящее время широкое примѣненіе въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаваніе географіи поставлено раціонально. Эти глобусы называются аспидными, индукціонными, репетиціонными и нѣмыми (*Schiefer-, Inductions-, Repetitions- und Blinden-globus*).

Кромѣ простыхъ сѣтокъ, германскіе издатели даютъ намъ цѣлую серію настоящихъ репетиціонныхъ атласовъ, служащихъ,—какъ говорятъ объясненія, приложенныя къ нимъ,—для облегченія черченія картъ въ классѣ и дома. Карты репетиціонныхъ атласовъ имѣютъ не одинаковый составъ, что и соотвѣтствуетъ различнымъ способамъ ихъ употребленія. Чтобы не пускаться въ излишнія подробности, мы

¹⁾ *O. Delitsch's Neuer Netzatlas auf Wachspapier zum Kartenzichnen.*

²⁾ *Ohmann, 21 geographische Kartennetze.*

³⁾ *v. Sydow, Gradnetz-Atlas.*

⁴⁾ *I. M. Ziegler, Geographische Kartennetze.*

⁵⁾ *A. Steinhäuser, Gradnetz-Atlas.*

раздѣлимъ всѣ эти атласы на двѣ группы. Къ одной изъ нихъ мы отнесемъ тѣ изданія, въ которыхъ каждая отдѣльная карта содержитъ всѣ или почти всѣ картографическіе элементы, какъ то: сѣтку, контуръ, рельефъ, рѣки, границы и города. Другую группу составятъ атласы, карты которыхъ представляютъ только нѣкоторые географическіе элементы для дополненія недостающаго самими учениками. Примѣрами атласовъ первой группы могутъ служить изданія Адлера ¹⁾, Броннера ²⁾, Кледена ³⁾, Кенига ⁴⁾, Сидова ⁵⁾ и Штейнгаузера ⁶⁾. Изъ поименованныхъ изданій всѣ картографическіе элементы находятся у Адлера (*Supplement zu Atlas etc.*), Броннера, Кледена и Штейнгаузера; въ другомъ изданіи Адлера (*Neuer Handatlas*) нѣтъ горъ и городовъ, а у Кенига и Сидова недостаетъ только горъ. Полный штриховый рельефъ находится только въ весьма изящномъ изданіи Адлера, а у другихъ обозначено только направленіе горъ. Отъ всѣхъ другихъ изданій отличается атласъ Броннера, состоящій только изъ 12 небольшихъ картъ, предназначенныхъ для низшихъ школъ Виртемберга. Къ каждой картѣ приложенъ списокъ мѣстностей горъ и рѣкъ, обозначенныхъ подъ номерами, размѣщенными въ надлежащихъ мѣстахъ и на картахъ. Очевидно, главная цѣль картъ Броннера заключается въ облегченіи производства репетицій или экстемпоралій по географіи. Наиболѣе обстоятельное объясненіе основанія для введенія репетиціонныхъ картъ въ употребленіе приложено къ атласу Кледена.

Кледенъ говоритъ: „при неопытности учениковъ въ рисованіи, даже при счерчиваніи картъ, нарисованныхъ на доскѣ учителемъ, получаютъ столь обезображенные чертежи, что они необходимо ведутъ къ образованію ложныхъ представленій. Если же мы положимъ въ основаніе репетиціонныя карты, то этотъ недостатокъ будетъ устраненъ, не говоря уже о преимуществахъ, которыя заключаются въ сбереженіи времени при употребленіи этихъ картъ“. Атласъ Кледена является болѣе полнымъ по числу (21) и величинѣ картъ изъ всѣхъ атласовъ описываемой группы. Кромѣ обыкновенныхъ картъ

¹⁾ *Adler*, Supplement zu Atlas für Volks- und Bürgerschulen.
„ Neuer Handatlas zum Einzeichnen.

²⁾ *Bronner*, Repetitions-karten.

³⁾ *G. A. von Kloeden*, Repetitions-karten. Berlin. 1882.

⁴⁾ *König*, Repetitionsatlas für die Schule.

⁵⁾ *v. Sydow*, Hydrotopischer-Atlas.

⁶⁾ *A. Steinhäuser*, Repetitions-Atlas.

частей свѣта и государствъ, атласъ Кледена заключаетъ въ себѣ: меркаторскую карту всего свѣта, двѣ карты Германіи (восточной и западной), карту Остъ-Индіи и Палестины. Карты вполне нѣмныя, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ изданіяхъ репетиціонныхъ атласовъ.

Карты другой группы репетиціонныхъ атласовъ представляютъ только нѣкоторые географическіе элементы съ тою цѣлью, чтобы дополнять недостающіе. Особенною полнотою между такими изданіями отличается атласъ Гофмана ¹⁾, состоящій изъ пяти отдѣльныхъ тетрадей или курсовъ. Въ первой части напечатаны только моря, окрашенные голубой краской. Суша, обозначенная бѣлымъ полемъ, въ сущности представляетъ весь контуръ, но береговой линіи не имѣется, и она должна быть начерчена учениками.

Во второй части вмѣстѣ съ контуромъ находится довольно полный штриховый рельефъ; здѣсь ученики должны начертить направленія рѣкъ. Въ третьей части должны быть дополнены горы, а четвертая предназначена, какъ говорится въ объясненіи, для окрашивания границъ. Здѣсь находятся уже всѣ картографическіе элементы, кромѣ горъ, и притомъ съ названіями. Въ пятой тетради находится только географическая сѣтка, — слѣдовательно, на ней нужно начертить полную карту. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ надлежащаго объясненія, какимъ образомъ слѣдуетъ употреблять его карты при классныхъ занятіяхъ. Очевидно, что карты первыхъ трехъ курсовъ могутъ служить для репетицій, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о черченіи цѣлыхъ картъ или о раскрашиваніи границъ, необходима домашняя работа. Ясно, что послѣдовательное примѣненіе къ обученію географіи картъ Гофмана потребуетъ большаго количества времени. Кромѣ атласа Гофмана, къ изданіямъ, заключающимъ не полныя нѣмныя карты, относятся атласы Кейля ²⁾, Коценна ³⁾, Сидова ⁴⁾ и Трамплера ⁵⁾. Карты этихъ атласовъ представляютъ или рельефъ, или рѣчную сѣтку. Приведенныя названія репетиціонныхъ атласовъ далеко не исчерпываютъ весь инвентаръ этого рода изданій на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Германіи существуютъ даже рельефныя репетиціонныя карты, какъ напримѣръ, Дейхмана ⁶⁾ и Уленхута ⁷⁾. Приводимъ эти данныя въ

¹⁾ Hofmann, Neuester-Repetitions-Atlas, 2-te Auflage. 5 Kursen.

²⁾ Keil, Hydrographische Kartennetze auf Schieferpergament.

³⁾ Kosenn, Orohydrographischer Atlas.

⁴⁾ v. Sydow, Orohydrographischer Atlas.

⁵⁾ Trampler, Stumme Karten (Ergänzen des Fehlenden).

⁶⁾ Deichmann, Plastische Repetitions-Karte von Hessen-Nassau.

⁷⁾ Uhlenhuth, Karten-Modelle mit Gradnetz und Umriss in Relief.

подтвержденіе того обстоятельства, что въ Германіи употребленіе репетиціонныхъ картъ уже давно получило право гражданства и сильно распространено.

Русскихъ изданій репетиціонныхъ картъ очень мало. Мы знаемъ два изданія Ильина: атласъ свѣтоѣ и свѣтки съ контурами, а также изданія г. Михайлова, автора географическихъ чертежей для клас-снаго черченія картъ. Впрочемъ, русскія изданія далеко не полны. Въ изданіяхъ Ильина мы находимъ только 7 картъ (Европа, Азія, Африка, двѣ Америки, Австралія и Европейская Россія). Г. Михайловъ издалъ отдѣльныя репетиціонныя карты Евр. Россіи съ рѣчною свѣткою и границами губерній и притомъ въ разныхъ масштабахъ, карты, отличающіяся превосходнымъ исполненіемъ. Кромѣ того, у него есть два атласа нѣмыхъ картъ всего свѣта, въ меркаторской проэкции, и Евр. Россіи ¹⁾. Какъ та, такъ и другая карта имѣется въ трехъ масштабахъ и въ большомъ числѣ экземпляровъ.

Атласъ всего земнаго шара по проэкции Меркатора предназначенъ авторомъ для повторительнаго курса гимназій и институтовъ, а карты Европейской Россіи для занятій по географіи и статистикѣ, вѣроятно, въ предѣлахъ учебнаго курса. Оба эти изданія нельзя считать репетиціонными картами, такъ какъ послѣднія напечатаны съ оборотомъ и по нѣскольку на одной страницѣ.

Разсмотрѣніе нѣмецкихъ и русскихъ изданій репетиціонныхъ картъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ ихъ нѣсколько типовъ, отличающихся количествомъ находящихся на нихъ географическихъ данныхъ. Нѣкоторыя представляютъ только свѣтки, другія— свѣтки съ контуромъ береговъ, на третьихъ, кромѣ того, находятся рѣки или горы, и, наконецъ, четвертыя представляютъ полныя нѣмыя карты. Какимъ картамъ мы отдадимъ преимущество? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно. Припомнимъ, что самая потребность въ репетиціонныхъ картахъ возникла, благодаря затрудненіямъ, которыя представляются ученикамъ при черченіи картъ въ классѣ. Такъ какъ наиболѣе трудными для исполненія являются свѣтка, контуръ, рѣки и политическія границы, то понятно, что всѣ эти элементы должны находиться на репетиціонныхъ картахъ. Что касается до изображенія поверхности, то, по сложности этого картографическаго элемента, переносить его на репетиціонныя карты неудобно, да и нѣтъ надобности. Каждый порядочный учебный атласъ долженъ

¹⁾ Михайловъ, 26 картъ земнаго шара и 76 картъ Европейской Россіи.

имѣть на картахъ отчетливое изображеніе поверхности, какъ матеріалъ для класснаго изученія; на репетиціонныя же карты достаточно нанести направленіе горъ и водораздѣловъ, что легко можетъ быть исполнено самими учениками. Постановка городовъ также дѣло не затруднительное. Поэтому содержаніе репетиціонныхъ картъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе соответствующее потребностямъ школьнаго курса, должно быть такое же, какъ и въ атласѣ Адлера (*Neuer Handatlas zum Einzeichnen*), въ которомъ карты представляютъ: сѣтку, очеркъ береговъ, рѣки и политическія границы. Размѣры репетиціонныхъ картъ должны быть не болѣе размѣровъ картъ помнутаго атласа. Карты Кледена, представляющія величину раскрытаго листа писчей бумаги, слишкомъ велики и болѣе удобны для домашнихъ занятій. Что касается до состава репетиціоннаго атласа, то-есть, выбора и количества картъ, то это находится въ зависимости отъ объема и постановки курса. Для нашихъ школъ, намъ кажется, достаточно ограничиться картами, проектированными въ упомянутой выше объяснительной запискѣ въ учебному плану географіи для реальныхъ училищъ. Для втораго класса училищъ и гимназій необходимы карты всѣхъ виѣвропейскихъ частей свѣта, а для курса Европы, кромѣ общей карты ея, необходимы карты тѣхъ странъ, которыя представляются наиболѣе трудными для прохожденія, какъ-то: Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи и Балканскаго полуострова. Бельгія, Голландія и Швейцарія могутъ быть помѣщены на одной картѣ съ Германіей, а государства полуострововъ Скандинавскаго, Пиренейскаго и Апеннинскаго могутъ быть пройдены и безъ помощи репетиціонныхъ картъ, такъ какъ не представляютъ никакого затрудненія. Для курса отечественной географіи нужны общія карты: Европейской Россіи съ Кавказомъ, Сибири и Туркестанскаго края, и спеціальныя: Балтійскаго, Черноморскаго бассейна и центрального пространства. Къ этимъ 17-ти картамъ мы бы прибавили двѣ карты плоскошарій (западнаго и восточнаго) для перваго класса и общую карту Россіи для втораго класса реальныхъ училищъ и перваго класса гимназій.

На этихъ картахъ, предназначенныхъ для младшаго класса, должны находиться также горы и города, и всѣ мѣстности должны имѣть нумера, какъ это мы видимъ на картахъ Броннера, чтобы ученики могли безъ затрудненія подъ тѣми же нумерами записывать названія географическихъ элементовъ на особомъ листѣ.

Степень подробности репетиціонныхъ картъ должна находиться

въ соотвѣтствіи съ учебнымъ матеріаломъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ. Въ проектированныхъ нами картахъ это касается только рѣкъ.

Хотя способъ употребленія репетиціонныхъ картъ понятенъ уже изъ самаго ихъ названія, но производство репетицій и экстемпоралій не исчерпываетъ всей ихъ пользы и значенія. Клёденъ въ предисловіи къ своему атласу ссылается на свой 30-тилѣтній опытъ примѣненія репетиціонныхъ картъ. Въ теченіи этого большаго періода времени онѣ служили почтенному педагогу рядомъ съ учебнымъ атласомъ. Каждое упомянутое преподавателемъ и найденное въ атласѣ названіе ученики отмѣчаютъ на своихъ репетиціонныхъ картахъ, такъ что къ концу урока у нихъ остается на этихъ картахъ графическій конспектъ всего того, что было пройдено на урокъ. По окончаніи какого-нибудь отдѣла курса, задаются изъ пройденнаго экстемпоралии или нѣмныя репетиціи, при чемъ изображенныя на картахъ географическія данныя замѣняютъ вопросъ преподавателя. Подобнымъ же образомъ можно производить и письменные экзамены по географіи. Авторъ одной изъ новѣйшихъ методикъ на нѣмецкомъ языкѣ, Леманъ ¹⁾ говоритъ, что „примѣненіе такихъ учебныхъ пособій (репетиціонныхъ картъ) значительно лучше, чѣмъ простое разсматриваніе и описаніе картъ атласа и стѣнныхъ. Такъ какъ при этомъ ученикъ долженъ тотчасъ находить на репетиціонныхъ картахъ и обозначать соотвѣтствующимъ именемъ всякое названіе, встрѣтившееся во время урока географіи, то этимъ самымъ значительно усиливается внимательность въ разсматриваніи отдѣльныхъ объектовъ; весь классъ легче удерживается въ равномерномъ напряженіи и, вслѣдствіе усиленія самостоятельности, возрастаетъ интересъ къ дѣлу. Кромѣ того, ученики гораздо легче могутъ отдать себѣ отчетъ при повтореніи пройденнаго“. Въ приведенной цитатѣ такъ прекрасно выражены преимущества, представляемыя употребленіемъ репетиціонныхъ картъ на ряду съ чтеніемъ картъ атласа, что намъ остается прибавить только нѣсколько словъ.

Среди педагоговъ и въ обществѣ иногда высказывается далеко не лестное мнѣніе объ успѣхахъ географіи въ школѣ. Нападки на преподавателей большею частью сводятся къ тому, что они якобы заставляютъ дѣтей заучивать множество названій, такъ что геогра-

¹⁾ *Lehman*, Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des geographischen Unterrichts, стр. 315.

фія, какъ учебный предметъ, превращается въ упражненіе памяти и сводится къ зазубриванію номенклатуры. Такое обвиненіе, конечно, имѣть довольно огульный характеръ и мы, будучи не въ состояніи провѣрить его справедливость собственными наблюденіями, не будемъ останавливаться на его критикѣ. Замѣтимъ только, что въ теченіе четырехлѣтняго курса географіи ученикамъ дѣйствительно приходится запомнить значительное число названій, именно около двухъ тысячъ. Всѣ они, вмѣстѣ взятыя, составляютъ только ничтожную часть общаго числа географическихъ именъ и вполне необходимы въ элементарномъ курсѣ. Тѣмъ не менѣе, при неумѣломъ способѣ усвоенія и отсутствіи изученія уроковъ въ классѣ, эти названія могутъ представить нѣкоторое затрудненіе для учениковъ. Учить географическія имена такъ, какъ учатъ вокабулы, совершенно не возможно. Каждое такое названіе обозначаетъ фактъ, имѣющій мѣсто на географической картѣ, и должно въ представленіи учениковъ ассоціироваться съ другими фактами и названіями. Чтобы процессъ ассоціаціи совершался въ дѣйствительности и закрѣплялся бы въ памяти учениковъ данное названіе, необходимо, чтобы они на самомъ дѣлѣ нашли это названіе на картѣ въ атласѣ. Но этого мало: простое отыскиваніе именъ на картѣ не даетъ еще надлежащей твердости и отчетливости въ запоминаніи; несравненно цѣлесообразнѣе при этомъ отмѣтить данный фактъ на репетиціонной картѣ. Шагъ за шагомъ дѣлаются картографическія записи и параллельно съ этимъ идетъ усвоеніе учебнаго матеріала, такъ что къ концу урока получается его наглядный конспектъ на картѣ. Необходимость сочетанія географическихъ фактовъ, какъ по совмѣстности ихъ положенія на картѣ, такъ и по зависимости одного отъ другаго, до нѣкоторой степени, опредѣляетъ и самый порядокъ, въ которомъ ученики должны усвоивать данные отдѣлы географіи. При этомъ страну или часть свѣта удобнѣе раздѣлить на естественныя области или покатоности. Названіе водораздѣла нужно соединять съ именами рѣкъ, изъ него вытекающихъ, при чемъ, конечно, указывается и на то, что свойства рѣкъ зависятъ и отъ высоты горъ, дающихъ имъ начало, и отъ формы покатоности. Здѣсь, слѣдовательно, естественно и необходимо наводить учениковъ на то, чтобы они, такъ-сказать, читали карту между строкъ. Употребленіе репетиціонныхъ картъ при повтореніяхъ не требуетъ особенныхъ объясненій. Нужно только имѣть въ виду, что общія повторенія цѣлаго отдѣла, напримеръ части свѣта, можно производить только съ менѣе сложными

картами. Къ такимъ относятся изъ картъ частей свѣта: карты Африки, Австрали, Южн. и Сѣв. Америки, каждая отдѣльно, карты частей Европы, бассейновъ или пространства Россіи.

Общія карты Азіи, Европы, Европейской Россіи такъ сложны, что ученики не могутъ отмѣтить и записать всѣ названія, относящіяся къ этимъ странамъ, въ теченіе одного урока. Поэтому нужно задавать репетиціи по отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, можно задавать на отдѣльныя репетиціи: рѣки Азіи, ея горы, государства и города, рѣки Европейской Россіи, всѣ ея губерніи безъ городовъ, города и губерніи по пространствамъ. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, можно разнообразить репетиціи въ достаточной степени, нужно только при этомъ сообразоваться съ запасомъ времени и общимъ уровнемъ знаній учениковъ. Но не одна географическая номенклатура удобно усваивается съ помощію репетиціонныхъ картъ: онѣ даютъ возможность упрочивать въ памяти учениковъ и другіе географическіе факты, особенно по отдѣлу физической географіи. Ученики легко могутъ обозначать на картахъ направленіе вѣтровъ и морскихъ теченій, границы растительныхъ областей и культурныхъ растений, изотермическія линіи, распредѣленіе народностей и плотности населенія, направленіе желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и другіе факты. Однимъ словомъ, репетиціонныя карты могутъ служить ученикамъ въ видѣ конспекта и облегчать повтореніе пройденнаго. При употребленіи же во время уроковъ, вмѣстѣ съ атласомъ, онѣ помогаютъ ученикамъ хорошо запоминать учебный географическій матеріалъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы репетиціонныя карты оставались не только въ области учебной практики реальныхъ училищъ, но получили бы болѣе широкое распространеніе въ школахъ ¹⁾. Тогда только исчезнетъ у насъ и самое воспоминаніе о неудачныхъ чертежныхъ опытахъ педагоговъ, имѣвшихъ въ результатъ картографическія каррикатуры въ тетрадахъ учениковъ и плохіе успѣхи по географіи.

А. Соколовъ.

---

¹⁾ Уже послѣ того, какъ настоящая статья была сдана нами въ редакцію, въ гимназіяхъ были получены изъ министерства народнаго просвѣщенія новыя программы и объяснительныя записки, въ которыхъ, между прочимъ, находится предложеніе ввести въ употребленіе репетиціонныя карты и въ гимназіяхъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

AU COIN DU FEU (У камина) par *Émile Souvestre*. Съ этюдомъ, примѣчаніями и словаремъ издалъ *А. Алексѣевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ третій. С.-Пб. 1890. Стр. 143 въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп.

Въ третьемъ выпускѣ своего изданія французскихъ сочиненій въ обработкѣ для школы г. Алексѣевъ даетъ шесть небольшихъ разказовъ Эмиля Сувестра, выбранныхъ изъ четырнадцати, составляющихъ сборникъ подѣ заглавіемъ „Au coin du feu“. Г. Алексѣевъ выбралъ изъ нихъ слѣдующіе: 1) *Les dix travailleurs de la mère Vert-d'Eau*; 2) *L'oncle d'Amérique*; 3) *Les désirs*; 4) *Le poète et le paysan*; 5) *Un intérieur de diligence* и 6) *Un oncle mal élevé*.

Хотя Эмиль Сувестръ не принадлежитъ къ корифеямъ французской литературы, тѣмъ не менѣе, какъ писатель, онъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ не только выказалъ себя полезнымъ писателемъ, какъ проповѣдникъ здравой морали, но и проникательнымъ наблюдателемъ и большимъ знаткомъ человеческого сердца. Разказы свои подѣ заглавіемъ „Au coin du feu“ Сувестръ посвятилъ своимъ тремъ дочерямъ, завѣщавъ имъ часто прочитывать ихъ въ семейномъ кругу. Онъ былъ увѣренъ, что онѣ найдутъ въ нихъ больше правды и извлекутъ изъ нихъ больше пользы, чѣмъ изъ многихъ современныхъ романовъ, чтеніе которыхъ можетъ только вредно дѣйствовать на пылкое воображеніе и сердце юношества. Эти небольшіе разказы Сувестра въ самомъ дѣлѣ весьма интересны какъ по содержанію, такъ и по

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

формѣ, и дѣйствительно представляютъ, какъ говорить одинъ изъ біографовъ, „la morale encadrée dans un récit presque toujours intéressant“. Они способны возбудить въ сердцахъ молодежи благородныя чувства, уваженіе къ родителямъ и старшимъ, терпѣніе и снисходительность къ слабостямъ другихъ, словомъ — все, къ чему должно стремиться хорошее воспитаніе. Много мыслей сильныхъ и глубокихъ, выраженныхъ въ прекрасной, привлекательной формѣ, разбросано въ этихъ весьма небольшихъ по объему разказахъ, въ которыхъ наблюдательность автора и его умѣнье сопоставлять разнообразныя характеры выказываются въ самомъ яркомъ свѣтѣ; каждое дѣйствующее лицо въ повѣствованіяхъ Сувестра говоритъ свойственнымъ ему языкомъ, выражаетъ чувства и воззрѣнія совершенно соответственныя своему характеру, такъ что эта естественность и правда содержанія, а равно простота и безыскусственность формы составляютъ въ читающемъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Г. Алексѣевъ заслуживаетъ полнаго одобренія какъ за выборъ писателя, такъ и за выборъ тѣхъ именно шести разказовъ, которые онъ даетъ въ своемъ изданіи. Въ своей книжкѣ г. Алексѣевъ предлагаетъ читателю краткій біографическій очеркъ Эмиля Сувестра и въ немногихъ словахъ содержаніе и конечную цѣль каждаго изъ разказовъ. Въ выноскахъ внизу страницъ дается переводъ особенныхъ выраженій и нѣкоторыя грамматическія замѣчанія, а равно указанія относительно правильнаго произношенія словъ, имѣющихъ какія-либо особенности въ выговорѣ. Въ концѣ книжки приложенъ алфавитный словарчикъ, составленный довольно осмотрительно: изъ многихъ провѣрокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ текста, не оказалось въ словарѣ только одного глагола *asserter*. Относительно выносокъ, считаемъ должнымъ указать автору на необходимость исправленія, при слѣдующемъ воспроизведеніи книжки, нѣкоторыхъ попавшихся намъ на глаза недостатковъ: на стр. 43 въ выноскѣ 2-й не ловко выражено замѣчаніе объ употребленіи предлога *par* при существительныхъ, для означенія обстоятельствъ времени; на страницѣ 53 въ выноскѣ 3-й выраженіе *régler qch. sur qch.* переведено соображать что съ чѣмъ, а слѣдуетъ сказать сообразовать что съ чѣмъ, что не одно и то же; на страницѣ 61 въ выноскѣ 9-й народное прозвище Наполеона I— „le Petit Caporal“ слѣдуетъ перевести „маленькій капраль“, а не „маленькій капраль-ный“; на страницѣ 102 въ выноскѣ 3-й фраза „que mademoiselle Lorin se fasse conduire par son cousin“ переведена: „пусть попроситъ

своего кузена, чтобъ онъ ее провель"; нужно сказать—, чтобъ онъ ее проводилъ" (или сопровождалъ), такъ какъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы кузень сопровождалъ дѣвицу Login на званый вечеръ.

Книжка г. Алексѣева напечатана на хорошей бумагѣ, довольно четко, хотя нѣсколько мелкимъ шрифтомъ; опечатокъ встрѣчается мало, и то совершенно незначительныя.

LA BATAILLE DE POLTAVA ET LA CAPTIVITÉ DE CHARLES XII EN TURQUIE (Extraits de l'Histoire de Charles XII, par Voltaire). Édition rédigée et annotée à l'usage des classes supérieures par Louis Goerst. St.-Petersbourg. 1890. Стр. 80 въ 12-ю д. л. Цѣна 30 к.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Герстъ заявляетъ, что при современныхъ стремленіяхъ поставить преподаваніе иностранныхъ языковъ по возможности на практическую почву, потребность въ такихъ, хотя бы небольшихъ изданіяхъ, представляющихъ если не цѣльныя сочиненія, то по крайней мѣрѣ законченные эпизоды, растетъ съ каждымъ годомъ. Въ подтвержденіе своего заявленія г. Герстъ указываетъ на появившіяся въ послѣднее время въ печати изданія для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ: La bataille de la Moscova, Les soirées de Vincennes (П. Носовича), Les aventures de Télémaque (Кресбергера), Le Misanthrope, L'Avare, Le Cid, Horace, Esther, Athalie (Игнатовича), La jeune Sibérienne (Алексѣева). Съ своей стороны г. Герстъ замѣрился издать, для указанной выше цѣли, извлеченіе изъ сочиненія Вольтера—Histoire de Charles XII, Roi de Suède, въ видѣ двухъ законченныхъ разказовъ, описывающихъ одно изъ важнѣйшихъ событій эпохи Петра Великаго. Онъ руководствовался мыслью, что разказъ о событіи, о которомъ старшіе ученики не могутъ не знать, не будетъ для нихъ безынтереснымъ и можетъ служить какъ для класснаго, такъ и внѣкласснаго чтенія. Выборъ его палъ на это именно сочиненіе еще и потому, что, по легкости изложенія и живости разказа, оно по справедливости считается образцомъ повѣствовательной прозы и съ давнихъ поръ завоевало себѣ почетное мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ странъ. Нѣтъ почти хрестоматіи, говоритъ г. Герстъ, въ которой не помѣщались бы отрывки изъ этого сочиненія, но отрывки эти слишкомъ кратки, чтобы могли дать понятіе о цѣломъ сочиненіи или чтобы могли служить матеріаломъ для внѣкласснаго чтенія. Вышеприведенныя заявленія г. Герста вполне основательны и сдѣланный имъ выборъ намъ кажется заслуживающимъ одобренія. Два эпизода—, Полтавскій бой"

и „Плѣнь Карла XII въ Турціи“ представляютъ весьма интересное и не трудное по языку и слогу чтеніе въ одномъ изъ среднихъ классовъ, 5-мъ или 6-мъ, или даже въ обоихъ, именно для курсорнаго чтенія безъ приготовленія. Г. Герстъ оставилъ предлагаемый для чтенія текстъ слѣдующими пособиями: внизу страницъ онъ даетъ выноски, въ которыхъ указывается надлежащій переводъ нѣкоторыхъ могущихъ затруднять учениковъ выраженій, и весьма краткія, въ видѣ намековъ, синтаксическія указанія; затѣмъ, въ концѣ текста приложенъ: таблица неправильныхъ глаголовъ для справокъ и коротенькій алфавитный словарь. Кроме того, тексту предпосланъ небольшой биографическій очеркъ о Вольтерѣ, съ указаніемъ его важнѣйшихъ сочиненій, составленный по Ploetz'у, Demogeot и Geruzez.

Мы не имѣемъ ничего сказать противъ данныхъ въ выноскахъ переводовъ; но намъ кажется, что въ нѣкоторыхъ синтаксическихъ вопросахъ, какъ напримѣръ, о соvrращеніи придаточныхъ предложеній, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ, а также объ употребленіи нѣкоторыхъ временъ, не достаточно однихъ намековъ, особенно въ виду того, что большинство преподавателей французскаго языка не знакомы съ русскимъ языкомъ научнымъ образомъ и не могутъ дать ученикамъ удовлетворительныхъ объясненій въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, что было бы лучше, при первомъ появившемся особенномъ фактѣ, дать ему толковое объясненіе и обобщеніе, чѣмъ указывать много разъ однородныя явленія: такъ, на страницѣ 11-й глаголъ *faire* является въ трехъ различныхъ функціяхъ въ выраженіяхъ *faire naître*, *faire hasarder*, *faire l'Alexandre* (въ смыслѣ *faire le riche*, *faire le généreux*—прикидываться, разгрызвать роль); это отличный случай объяснить роль глагола *faire*, какъ синтаксически вспомогательнаго, и затѣмъ множество выносокъ г. Герста сдѣлались бы не нужными, а между тѣмъ въ книжкѣ чуть не на каждой страницѣ есть выноска относительно перевода глагола *faire*, сопровождаемаго какимъ-нибудь глаголомъ залога средняго. Нѣкоторыя выраженія, заключающія тѣ или другія особенности построенія фразы, какъ напримѣръ: *je vous ordonne de tirer sur quiconque fuira* (стр. 16), оставлены безъ объясненія.

Относительно таблицы неправильныхъ глаголовъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что на страницѣ 56-й въ выноскѣ второй слѣдовалъ бы прибавить глаголы *concevoir*, *desevoir* и *devoir*, какъ принадлежащіе къ одной и той же группѣ; точно также на страницѣ 58-й въ выноскѣ седьмой напрасно пропущенъ часто употребляющійся гла-

голь *sortir*, который въ своемъ алфавитномъ мѣстѣ въ таблицѣ даже не показанъ. Что касается до алфавитнаго словаря въ подобныяхъ изданіяхъ, то мы полагаемъ, что онъ не необходимо нуженъ; но если уже онъ предлагается издателемъ, то долженъ вполне удовлетворять своему назначенію. Изъ нѣсколькихъ справокъ, сдѣланныхъ на-удачу, мы имѣемъ основаніе заключить, что словарь г. Герста сдѣланъ неосмотрительно. Такъ, многія слова не показаны въ томъ значеніи, въ которомъ встрѣчаются въ текстѣ; напримѣръ, глаголь *livrer* переведенъ предать, а о значеніи *livrer un combat* не указано ни въ выноскѣ, ни въ словарѣ. Многія слова, дѣйствительно нужны для ученика, пропущены, а за то помѣщены такія, которыя должны быть извѣстны ученикамъ элементарнаго курса; такъ, нѣтъ словъ *amasser*, *amener*, а есть *ami*, *âme*, *autre*, *autrefois*, *ainsi*, *alors*, *aucun*, *aussi*; нѣтъ *consumer*, *colère*, а есть *cheval*, *chose*, *cent*, *cause*, *comme*, *chemin*, *chez*; нѣтъ *endurcir*, а есть *encore*, *enfin*, *eau*, *ensuite*, *ennemi*; нѣтъ *manquer*, *mèche*, а есть *méchant*, *mauvais*, *meilleur*, *mais*, *mal*. Словарь г. Герста, очевидно, требуетъ поправки и пополненія.

LES AVENTURES DE TÉLÉMAQUE FILS D'ULYSSE, par *Fénélon*. Первые пять книгъ, съ примѣчаніями, словаремъ, алфавитнымъ указателемъ и статьями для обратнаго перевода на французскій языкъ. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*. Тифлисъ. 1889. Въ 8-ку стр. 94. Цѣна 50 коп.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Крейсбергъ объясняетъ, что послѣ прохожденія во второмъ классѣ первой части „Концентрическаго учебника французскаго языка“ В. С. Игнатовича, онъ въ третьемъ классѣ приступалъ обыкновенно къ чтенію Фенелонава Телемака, но отсутствіе школьнаго изданія этого сочиненія всегда затрудняло его занятія съ учениками; потому онъ счелъ полезнымъ издать нѣсколько главъ Телемака, приспособивъ ихъ для чтенія съ учениками III-го и IV-го классовъ. Съ этою цѣлью онъ обработалъ первыя пять главъ, которыя представляютъ нѣчто цѣльное: прибытіе Телемака и Ментора на островъ Огигію и разказъ Телемака объ ихъ приключеніяхъ до пріѣзда къ нимъ Калипсо.

Нужно при этомъ замѣтить, что г. Крейсбергъ значительно сократилъ текстъ Фенелонова разказа, выбросивъ длинныя, иногда очень утомительныя разсужденія, а также тѣ эпизоды, которые могли бы отвлекать учениковъ отъ нити главнаго разказа. Къ этому избранному тексту Телемака, раздѣленному на параграфы (числомъ 60), г. Крейсбергъ присоединилъ слѣдующія пособія:

а) Примѣчанія, дающія грамматическія, историческія и другія объясненія; въ нихъ же указываются идиотизмы языка, встрѣчавшіяся раньше однородныя выраженія и соответствующіе обороты въ латинскомъ языкѣ.

Относительно этого отдѣла нужно замѣтить, что мѣстами встрѣчаются нѣкоторая неточность и недомолвки; такъ въ § 1 (стр. 33) *se trouvaît* переведены „считала или чувствовала себя“: для точности перевода нужно было прибавить прилагательное, хоть то, которое находится въ текстѣ (*malheureuse*), такъ какъ глаголь *se trouver*, отдѣльно взятый, имѣетъ другое значеніе. На стр. 34 въ § 6 слова „*les yeux baissés*“= „опустивъ глаза“—переведены дѣпричастіемъ, что не точно ни по мысли, ни по формѣ, и къ сожалѣнію, на этотъ переводъ оказываются ссылки во многихъ параграфахъ (§§ 19, 22, 32 и др.). На стр. 37 § 40 выраженъ такъ: *que nous n'avons pas longtemps payé*; переведите: *que nous n'avons longtemps pas payé*; безъ объясненія, въ чемъ здѣсь дѣло, учащійся никакъ не догадается, что желаетъ выразить г. Крейсбергъ перестановкою нарѣчія *longtemps*, перестановкою, нарушающею правильность склада рѣчи. Недостатокъ необходимыхъ объясненій замѣчается также во многихъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ, какъ въ § 21 при фразѣ: „*A reine eus-je prononcé*“ говоритъ: „сравни § 19“ *à reine fûmes nous arrivés*“ (стр. 35), или въ § 27 (на той же страницѣ) при фразѣ „*à reine daignèrent-ils*“ говоритъ: „сравни §§ 21 и 19“, но ни въ какомъ изъ этихъ параграфовъ не объясняется учащемуся, въ чемъ заключается особенность такого оборота, и какъ слѣдуетъ понимать его; подобныхъ указаній въ формѣ сравненія различныхъ выраженій въ разныхъ параграфахъ очень много, и они рѣшительно ничего не говорятъ ученику третьяго класса (для котораго это пособіе назначается), въ какомъ отношеніи слѣдуетъ сравнивать, и что должно выйдти изъ такого сравненія. Вообще отдѣлъ примѣчаній къ тексту требуетъ значительной переработки.

б) Вокабулярій къ тексту. Въ этомъ вокабуляріи слова расположены параллельно тексту. Во многихъ случаяхъ съ французскими сопоставлены латинскія слова одного и того же корня, имѣющія одинаковое значеніе; указываются встрѣчавшіяся передъ тѣмъ синонимы, слова однокоренныя и произведенныя одинаковымъ образомъ. При неправильныхъ глаголахъ, кромѣ всѣхъ лицъ того времени, которое встрѣчается въ текстѣ, даются и неправильныя первообразныя

формы; при именахъ существительныхъ указывается форма множественнаго числа, при именахъ прилагательныхъ качественныхъ—форма женскаго рода. Этотъ отдѣлъ обработанъ хорошо.

в) Алфавитный указатель. Для справокъ относительно забытыхъ или неизвѣстныхъ словъ г. Крейсбергъ составилъ алфавитный списокъ словъ, входящихъ въ текстъ, съ указаніемъ, по примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учебниковъ (напримѣръ, Керковиуса), на номера, подъ которыми дается значеніе этихъ словъ въ вокабулярѣ, для каковой цѣли этотъ послѣдній дѣлится не на параграфы соотвѣтственно тексту, какъ бы слѣдовало ожидать, а на группы по пяти вокабуль, съ указаніемъ цифры каждой пятерки отъ 1-й до 1610-й. Это трудъ весьма кропотливый и скучный для составителя, доставляющій, конечно, нѣкоторую экономію въ бумагѣ и печати, но значительно затрудняющій учащагоса, который не только долженъ отыскать требуемое слово въ алфавитномъ указателѣ, но принужденъ вслѣдъ затѣмъ дѣлать другую справку въ вокабулярѣ, слѣдовательно, обязанъ жертвовать двойнымъ временемъ, и то еще указатель не дастъ ему прямо цифру искомаго слова, а только обозначить цифру той пятерки, въ которой онъ можетъ найти требуемый отвѣтъ. Мы во всякомъ случаѣ предпочли бы обыкновенный словарь.

г) Текстъ для обратнаго перевода. Этотъ отдѣлъ представляетъ цѣльный пересказъ или, точнѣе, парафраза содержанія первыхъ трехъ главъ, для устнаго и письменнаго перевода на французскій языкъ. Каждый параграфъ русскаго разказа соотвѣтствуетъ тому же параграфу французскаго оригинала; такихъ парафразированныхъ разказцевъ въ этомъ отдѣлѣ сорокъ-пять. Текстъ для обратнаго перевода составленъ авторомъ весьма старательно и вполнѣ осмотрительно; во многихъ мѣстахъ онъ даетъ такія конструкціи, не нарушающія, однако, правильности русской рѣчи, которыя, будучи переведены буквально, даютъ французскій переводъ, согласный съ духомъ этого языка. Независимо отъ такихъ указаній ученики тѣхъ классовъ, для которыхъ назначается трудъ г. Крейсберга, не могутъ при этихъ переводахъ обойтись безъ помощи преподавателя по той причинѣ, что они на высотѣ своихъ теоретическихъ курсовъ не могутъ въ достаточной мѣрѣ владѣть глагольными формами, изъ области синтаксиса преимущественно, и даже отчасти изъ круга этимологіи, а потому переводы эти не могутъ быть задаваемы для приготовленія на дому, а должны производиться или, по крайней мѣрѣ, подготов-

латься (письменные) при непосредственномъ участіи преподавателя въ необходимыхъ разъясненіяхъ.

Вообще мы считаемъ трудъ г. Крейсберга хорошимъ пособіемъ, а потому и желали бы видѣть въ немъ, при слѣдующемъ изданіи, указаннаго выше усовершенствованія. Но при этомъ находимъ необходимымъ обратить вниманіе автора на то, что онъ слишкомъ рано даетъ въ руки ученикамъ такой текстъ, какъ Телемакъ. При современномъ теоретико-практическомъ преподаваніи живыхъ иностранныхъ языковъ никакой учебникъ не даетъ въ первой своей части (то-есть, въ 1-мъ курсѣ) такого знанія формъ, особенно глагольныхъ, чтобы со 2-го курса (то-есть, съ 3-го класса) можно было свободно приступать къ чтенію названнаго сочиненія и параллельно дѣлать обратные парафразированные переводы: необходимо проработать съ учениками по крайней мѣрѣ два методическихкія курса и только съ 4-го класса (то-есть, на третьемъ году изученія языка) можно перейти къ цѣльному сочиненію въ родѣ вышеназваннаго. Конечно, чѣмъ раньше ученики приступаютъ къ работѣ на связаномъ текстѣ, тѣмъ лучше, и въ современныхъ учебникахъ дается такой текстъ даже съ перваго курса, но въ видѣ небольшихъ статей, по возможности сообразованныхъ съ лексическимъ кругомъ и формальными средствами курсовъ. Дѣйствительно, если взять для заданія § 1 труда г. Крейсберга, то пяти строчекъ какъ будто бы слишкомъ мало на урокъ въ 3-мъ классѣ, но для нихъ ученику нужно выучить 24 вокабулы и знать спряженіе нѣсколькихъ правильныхъ глаголовъ въ разныхъ временахъ, знать спряженіе залога возвратнаго и двухъ неправильныхъ—*rouvoir* и *disparaître*; если же взять два параграфа, то-есть, одиннадцать съ половиною строкъ, что было бы болѣе подходящимъ по размѣру къ заданію въ 3-мъ классѣ, то ученикамъ пришлось бы выучить заразъ 51 вокабулу и 8 неправильныхъ глаголовъ (*rouvoir*, *disparaître*, *apercvoir*, *découvrir*, *paraître*, *comprendre*, *vouloir* и *connaître*) въ разныхъ временахъ, кромѣ другихъ грамматическихъ формъ, съ которыми первый курсъ не могъ еще ихъ познакомить. По этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, въ интересахъ учащихся и самаго дѣла преподаванія, что пособіе г. Крейсберга можетъ быть введено въ употребленіе при преподаваніи французскаго языка только съ 3-го курса (то-есть, съ 4-го класса) при параллельномъ изученіи формъ по теоретической грамматикѣ или по соответствующему курсу методическаго руководства.

FRANÇOISE OU LA JEUNE SIBÉRIENNE (Параша Сибирячка), par ХАУТІЕВ de MAÏSTRÉ, съ примѣчаніями и словаремъ издалъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царыцынской Александровской гимназіи. Выпускъ второй. С.-Пб. 1889. Стр. 115 въ 12-ю л. л. Цѣна 40 коп. съ пересылкой.

Первый выпускъ изданія г. Алексѣева, заключающій въ себѣ одну изъ лучшихъ комедій Мольера, именно „Le Misanthrope“, какъ можно судить по свойству лексическихъ и историко-литературныхъ объясненій, данныхъ издателемъ къ тексту этого сочиненія, назначается для чтенія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и пригодность этого пособия для указанной цѣли уже опредѣлена въ минувшемъ году. Второй выпускъ г. Алексѣевъ назначаетъ, очевидно, для среднихъ классовъ, судя по выбору сочиненія и по пособиямъ, которыя онъ даетъ для надлежащаго пониманія выраженной текста, заключающихъ въ себѣ что-либо особое въ строеніи рѣчи или въ сочетаніи словъ. По нашему мнѣнію, „La Jeune Sibérienne“ (Параша Сибирячка) Ксавье де-Местра вполне годится для курсорнаго чтенія въ 5-мъ классѣ и въ 4-мъ для поурочныхъ переводовъ съ изученіемъ лексики и грамматическими объясненіями, еслибы вмѣсто мелкихъ статей сборника желательно было взять для этой цѣли законченное сочиненіе. Выборъ именно этого сочиненія для указанныхъ классовъ можно считать удачнымъ какъ по содержанію его, такъ по языку и слогу. Что-же касается до пособій, которыя издатель предлагаетъ учащимся съ своей стороны, то они двоякаго рода: внизу каждой страницы, въ выноскахъ, данъ переводъ нѣкоторыхъ выражений текста, а въ концѣ книжки приложенъ алфавитный словарчикъ. Относительно этого послѣдняго мы сомнѣваемся на счетъ необходимости его при такого рода изданіяхъ и считаемъ, что вообще было бы много полезнѣе приучать учениковъ, съ самаго начала работъ по хрестоматіи или по изданію какого-нибудь цѣлаго сочиненія, къ умѣнію пользоваться настоящимъ словаремъ. Злоупотребленіе всѣми такими словарчиками ad hoc ведетъ къ тому, что большинство учащихся, по окончаніи даже курса, не умѣетъ ориентироваться въ полномъ словарѣ, когда къ тому наконецъ приведетъ необходимость изученія серьезныхъ иностранныхъ сочиненій по какой-либо спеціальности. Поэтому приложеніе алфавитнаго коротенькаго словаря къ изданію г. Алексѣева мы не ставимъ издателю въ заслугу и полагаемъ, что эти двадцать восемь страничекъ могли бы быть съ большею пользою употреблены на разъясненіе многихъ фактовъ, не отмѣченныхъ въ выноскахъ, близкое знакомство съ которыми однако существенно

полезно для того, кто изучаетъ чужой языкъ и желаетъ хотя до нѣкоторой степени усвоить себѣ не только часть его лексики въ видѣ вокабуль, но и особенности его склада. Только кое-что въ этомъ родѣ, и то весьма рѣдко, попадаетъ мѣстами между выносками г. Алексѣева. Для примѣра укажемъ на слѣдующіе факты: двѣ фразы, стоящія рядомъ на страницѣ 7-ой („*Ses mains délicates semblaient avoir été formées pour d'autres occupations*“ и „*sa mère semblait prendre en patience sa déplorable situation*“), представляютъ удобный случай обратить вниманіе русскихъ учащихся на то, что по французски глаголы *sembler* и *paraître* весьма рѣдко являются въ роли вводнаго предложенія, какъ обыкновенно бываетъ въ русскомъ языкѣ съ соответствующимъ глаголомъ казаться, и что строеніе фразъ при употребленіи этихъ глаголовъ существенно различается въ обояхъ языкахъ. вмѣстѣ съ этою особенностью затрогивается въ этихъ же фразахъ и другая, именно, особенность сокращенія французскихъ дополнительныхъ придаточныхъ предложеній. На страницѣ 11 о фразѣ — „*Allons, commence par nettoyer la table*“ — въ выноскѣ 11 сказано *commencer par* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ переводится нарѣчіемъ сначала, такъ что если учащійся повѣритъ указанію этой выноски, то у него исчезнетъ сказуемое, и фраза приметъ странный эллиптический характеръ: мы думаемъ, что не мѣшало бы, при этомъ случаѣ, также объяснить строеніе фразъ при употребленіи глаголовъ *commencer par* и *finir par*. Не лишне было бы такое же объясненіе на страницѣ 12-й для фразы — „*Trois ans s'écoulèrent sans que Prascovie osât renouveler ses instances*“, потому что фразы съ сложнымъ союзомъ *sans que* даютъ въ русскомъ языкѣ иную конструкцію. Страницы отъ 17—21 изобилуютъ случаями сокращенія обстоятельственныхъ придаточныхъ предложеній: ими удобно было бы воспользоваться, чтобы разъяснить этотъ вопросъ сравнительно съ русскимъ языкомъ. Можно возразить, что объясненіе такихъ особенностей составляетъ прямую обязанность самого преподавателя: это правда; но преподаватели-французы, въ большинствѣ случаевъ мало знающіе русскій языкъ или совсѣмъ не знающіе его, не видятъ рѣшительно никакой особенности въ подобныхъ фактахъ, потому что все это имъ прирождено, совершенно естественно и просто, и они никогда не затрогиваютъ подобные вопросы; русскимъ же преподавателямъ и комментаторамъ яснѣе должны быть видны нужды русскихъ учащихся и помочь этимъ послѣднимъ въ надеждашемъ пониманіи фактовъ, въ

родъ указанныхъ выше, не выходитъ, намъ кажется, изъ круга ихъ прямыхъ обязанностей.

Между указаніями г. Алексѣева въ выноскахъ есть нѣкоторыя не совсѣмъ точныя, нѣкоторыя же приводятъ въ недоумѣніе; тѣхъ и другихъ не много, и для избѣжанія упрека въ голословности укажемъ хотя по одному примѣру: на стр. 58 въ выносѣхъ подъ № 1, словамъ *point de communication* дано буквальное значеніе точка сообщенія, по смыслу же всей тирады текста эти слова собственно значать точка (пунктъ) соприкосновенія; на страницѣ 7 въ выносѣхъ подъ № 4 сказано, что— „*Avoir bien de la peine à faire quelque chose*“ переводится посредствомъ причастія— „съ трудомъ дѣлать что-нибудь“: по фразѣ текста никакъ не видно, при чемъ здѣсь причастіе и что этимъ хотѣлъ сказать комментаторъ.

1. Практическое руководство для изученія французскаго языка (*Cours pratique de langue française, par M. Fennerly*). Варшава. 1890. Стр. 328.
2. GRAMMAIRE PRATIQUE DE LA LANGUE FRANÇAISE AVEC DE NOMBREUX EXERCICES, par *M. Fennerly*. Quatrième partie. (Практическая грамматика французскаго языка съ многочисленными упражненіями. Составила *М. Феннерли*. Часть 4-я). Варшава. 1890. Стр. 446.

I. Два руководства г-жи Феннери, въ виду того, что одно заключаетъ три части, а другое обозначено четвертой частью, какъ будто составляютъ одно цѣлое; въ сущности же они, каждое само по себѣ, представляютъ два различные способа изученія французскаго языка, не имѣютъ между собою органической связи и потому должны быть разсматриваемы отдѣльно другъ отъ друга.

„*Cours pratique de langue française*“ заключаетъ въ себѣ три части, содержащія статьи съ пособіями для чтенія, перевода и заучиванія наизусть, затѣмъ, особый отдѣлъ „теоретической грамматики“ съ упражненіями, состоящій изъ десяти главъ (по числу частей рѣчи, считая *participe* особо отъ глагола), и наконецъ два небольшихъ алфавитныхъ словаря—французско-русскій и русско-французскій.

Первая часть заключаетъ въ себѣ одиннадцать уроковъ, назначенныхъ для обученія произношенію и чтенію; здѣсь принятъ слѣдующій пріемъ: страница раздѣлена на двѣ неравныя графы: въ первой меньшей помѣщены простыя и сложныя буквы, а въ другой, болѣе, поставлены раздѣленные на слоги, отдѣльныя слова съ ихъ значеніемъ по русски; съ пятаго урока, послѣ отдѣльныхъ словъ, слѣдуютъ фразы съ переводомъ, въ которыя входятъ нѣкоторыя изъ встрѣчавшихся

радѣ вокабулъ. Этотъ способъ обученія чтенію, конечно, много лучше чтенія бессмысленныхъ слоговъ и затѣмъ мудреныхъ словъ съ неизвѣстнымъ для ученика значеніемъ; одурающее продолжительное чтеніе бессмысленныхъ слоговъ и неизвѣстныхъ словъ, введенное у насъ учебниками Марго, Константена и подражателями ихъ, отъждо уже свой вѣкъ и не должно болѣе практиковаться на томъ простомъ основаніи, что представляетъ работу, лишенную всякаго смысла и невыразимо скучную, для учащагося. Нельзя однако сказать, чтобы приспособленіе г-жи Феннери было совершенно безукоризненно: въ расположеніи изучаемыхъ буквъ и звуковъ нельзя доискаться никакой системы; кромѣ того, не малое число буквъ, произношеніе которыхъ изображено русскими буквами, не встрѣчается въ примѣрахъ, данныхъ для чтенія, что во всякомъ случаѣ доказываетъ невыдержанность метода; на примѣръ: во второмъ урокѣ (стр. 2) нѣтъ ни одного слова, въ которомъ входили бы буквы *g, gu, qu, k*; въ третьемъ урокѣ также нѣтъ примѣровъ на произношеніе буквъ *j, gn*, и буквъ *c* и *g* передъ *i*; въ четвертомъ урокѣ также отсутствуютъ примѣры на выговоръ буквъ *ph, th, gn, k, ç, x* и группы *ill*, хотя всѣ онѣ показаны въ графѣ, объясняющей произношеніе. Г-жа Феннери учитъ произносить буквы *f, qu, k, l, r, m, n, h, x* какъ *fe, ke, le, re, me, ne, he, xe*, то-есть такъ, какъ совѣмъ не принято ихъ произносить. Указанная невыдержанность замѣчается въ каждой табличкѣ послѣдующихъ уроковъ.

Вторая часть заключаетъ 108 французскихъ статей разнаго объема, прозаическихъ и въ формѣ небольшихъ стихотвореній. Каждой статьѣ предшествуютъ вокабулы въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчаются въ текстѣ. Внизу статей помѣщено по нѣскольку числительныхъ съ показаніемъ ихъ произношенія, и эти указанія, достигнувъ цифры 100 въ двѣнадцатомъ параграфѣ, прекращаются. Затѣмъ мѣстами, на значительныхъ разстояніяхъ, вставляются между статьями нѣкоторыя особенности произношенія, причемъ на стр. 41 въ § 51 даны примѣры на произношеніе твердаго звука *ti*, что совершенно лишне, когда во всей второй части нигдѣ не говорится о томъ, что есть случаи, гдѣ *ti* произносится мягко какъ *ci*; на страницѣ 62 въ § 88 сказано, что группа *ien* на концѣ словъ произносится какъ *in*, и еслибы придержаться такого указанія г-жи Феннери, то всѣ примѣры этого параграфа получили бы очень странное произношеніе: *bin, collégin, combin* и проч.

Въ первой половинѣ третьей части (отъ стр. 74—141) даны 64 французскія статьи съ вокабулами, какъ во 2-й части, только статьи взяты значительно длиннѣе. Съ 141 страницы начинается изученіе глаголовъ вспомогательныхъ и затѣмъ правильныхъ и неправильныхъ въ разныхъ временахъ, между которыми вставлены упражненія въ видѣ французскихъ и русскихъ отдѣльныхъ фразъ и, кромѣ того, ряды французскихъ фразъ съ переводомъ въ формѣ діалога. Всѣхъ такихъ упражненій до начала собственно грамматики французскаго языка насчитывается 112 нумеровъ. Со страницы 190 начинается изученіе грамматики въ порядкѣ частей рѣчи, по вопросамъ и отвѣтамъ на французскомъ языкѣ; въ каждой главѣ исчерпывается все, что относится къ извѣстной части рѣчи, и въ системѣ научной грамматики, въ которую между правилами вставлены параграфы французскихъ и русскихъ фразъ для упражненія. Всѣхъ такихъ упражненій въ грамматическомъ отдѣлѣ дано 213 и 153 параграфа опредѣленій, объясненій и правилъ на французскомъ языкѣ. Такимъ образомъ одна третья часть заключаетъ въ себѣ 389 однихъ статей и фразеологическихкихъ упражненій, а всѣ три части содержатъ 508 параграфовъ, назначенныхъ для практическаго изученія, кромѣ 153 параграфовъ правилъ. Полагая круглымъ числомъ по сто уроковъ въ элементарныхъ классахъ учебныхъ заведеній и по одному параграфу на урокъ, совершенно нельзя изучить матеріалъ, предлагаемый г-жею Феннери, даже въ четыре года, хотя изучить его было бы, конечно, весьма полезно въ практическомъ отношеніи. Въ подборѣ статей видна заботливость составительницы руководства о нѣкоторой послѣдовательности въ отношеніи объема содержанія и трудности языка, но примѣненія къ постепенному изученію грамматическихкихъ формъ вовсе не видно на всемъ протяженіи предлагаемаго курса. Г-жа Феннери въ своемъ практическомъ руководствѣ воспроизводитъ методъ Жакото съ тою только разницею, что этотъ послѣдній заставлялъ выучивать наизусть подъ-рядъ сначала текстъ шести главъ Фенелонова Телемака и потомъ уже приступалъ къ изученію теоретической грамматики, а г-жа Феннери даетъ текстъ легче по языку, доступнѣе по содержанію и удобнѣе по формѣ, въ видѣ небольшихъ законченныхъ статей. Но это одинъ и тотъ же интуитивный методъ, основанный главнымъ образомъ на навыкѣ, удобный для обученія дѣтей до десятилѣтняго возраста, но невозможный въ учебномъ заведеніи при обученіи массы учащихся. Г-жа Феннери положила много труда на подборъ статей

и упражненій и вообще на составленіе своего „Практическаго руководства“, въ этомъ нужно отдать ей справедливость, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ увлеклась и методомъ, и количествомъ матеріала и дала руководство, невозможное для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, потому что при его пособіи нельзя удовлетворить не только ни одной изъ существующихъ программъ разныхъ учебныхъ вѣдомствъ, но также вообще рациональному обученію чужому языку въ школьномъ возрастѣ учащихся. Методъ г-жи Феннери могъ бы имѣть мѣсто развѣ въ подготовительномъ классѣ женскихъ учебныхъ заведеній, и въ такомъ случаѣ ея руководству слѣдовало бы быть въ пять разъ меньше объемомъ и не заканчиваться полною теоретическою грамматикою, съ невозможными для подготовительнаго класса упражненіями.

II. „Практическая грамматика французскаго языка съ многочисленными упражненіями“, составляющая четвертую часть „Практическаго руководства“ г-жи Феннери, есть книга въ 446 страницъ, въ которой послѣдній грамматическій отдѣлъ третьей части развитъ здѣсь въ весьма подробную теоретическую грамматику по частямъ рѣчи, изложенную на французскомъ языкѣ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Грамматическія правила снабжены здѣсь многочисленными упражненіями на отдѣльныхъ фразахъ французскихъ и русскихъ, а мѣстами и на связныхъ статьяхъ для диктовокъ и для переводовъ. Такихъ упражненій насчитывается 483 нумера, а правилъ, для которыхъ требуются практическія упражненія, цѣлыхъ 260 параграфовъ; кромѣ того, для упражненія памяти дано 38 стихотвореній и для переводовъ съ русскаго языка на французскій 78 связныхъ статей. Главный недостатокъ „Практической грамматики“, какъ и „Практическаго руководства“, г-жи Феннери—это избытокъ матеріала: такой массы не могутъ воспріять учащіеся учебныхъ заведеній, которымъ на изученіе французскаго языка удѣляется незначительное количество времени. Кромѣ того, грамматика иностраннаго языка вообще не есть цѣль изученія въ среднеобразовательномъ заведеніи, а только вспомогательное средство для болѣе легкаго и быстраго изученія самаго языка. Поэтому „Практическая грамматика“ г-жи Феннери, не смотря на богатство матеріала, который составительница предлагаетъ, и на заботливость и трудъ, съ которыми она старалась набрать и приспособить этотъ матеріалъ къ грамматическимъ правиламъ, представляетъ пособіе, къ сожалѣнію, совершенно неудобное для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Повторительный курсъ грамматики французскаго языка, для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній и для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Составилъ В. Кутузовъ. С.-Пб. 1889. Стран. 40 въ 8-ку.

Повторительный курсъ грамматики французскаго языка, составленный г. Кутузовымъ и назначенный авторомъ для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній и для учениковъ старшихъ классовъ гимназій, ни въ какомъ отношеніи не стоитъ на высотѣ своего назначенія. Повтореніе грамматики въ старшихъ классахъ можетъ имѣть двоякую цѣль: 1) или простое возобновеніе въ памяти учениковъ систематически изложенныхъ правилъ теоретической грамматики языка совмѣстно съ примѣрами, въ которыхъ ясно видно примѣненіе этихъ правилъ, и въ такомъ случаѣ это повтореніе всего лучше дѣлать по тому же руководству, по которому грамматика изучалась въ среднихъ классахъ; 2) или повтореніе правилъ съ цѣлью болѣе широкихъ обобщеній, или дополненій, или разъясненій ихъ и такихъ фактовъ и особенностей, которыя могли быть непосильны младшему курсу, или лишни на извѣстной ступени знанія языка; въ этомъ случаѣ требуется особое руководство, и появленіе его было бы желательно, но „Повторительный курсъ“ г. Кутузова не пополняетъ этого пробѣла въ нашей учебной литературѣ. Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ краткость, и ему удалось на 40 страницахъ помѣстить этимологию и синтаксисъ; за то въ жертву этой краткости онъ принесъ и научную состоятельность, и складность изложенія, и правильность русской рѣчи. Доказательствъ этихъ пожертвованій необходимыми качествами учебной книги такъ много въ разсматриваемомъ трудѣ г. Кутузова, что ихъ ни перечислить, ни разграничить по категоріямъ невозможно въ краткомъ отзывѣ. Гораздо болѣшая часть правилъ въ трудѣ г. Кутузова не имѣетъ примѣровъ, и вслѣдствіе того его „Повторительный курсъ“ представляетъ изъ себя собраніе отвлеченностей, которыя для учащагося, не владѣющаго языкомъ, неуловимы и не имѣютъ никакого практическаго значенія; къ тому же, въ большинствѣ случаевъ онѣ выражены такъ неточно, неясно и сбивчиво, что и свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ чело-вѣка ставятъ въ недоумѣніе на счетъ того, что хотѣлъ сказать и преподать авторъ. Между заголовками и слѣдующимъ за ними рядомъ правилъ нѣтъ обыкновенно грамматической связи и нерѣдко правила начинаются причастіемъ или дѣепричастіемъ и не составляютъ даже правильно выраженнаго предложенія. Для доказательства высказаннаго выше сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ на-удачу:

На первой страницѣ текста (стр. 3) сказано: „Article partitif (который г. Кутузовъ называетъ раздѣлительнымъ) употребляется для выраженія части цѣлаго или неопредѣленнаго количества цѣлаго или какого-либо предмета“; опредѣленіе это, очевидно, неточно, такъ какъ article partitif можетъ быть взятъ только при существительныхъ вещественныхъ и нѣкоторыхъ отвлеченныхъ, а г. Кутузовъ относитъ его ко всѣмъ существительнымъ безъ изыатія. Здѣсь же говорится о склоненіи членовъ, что также неточно, такъ какъ во французскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ флекціонныхъ измѣненій, которыя разумѣются подъ терминомъ „склоненіе“.

На страницѣ 4 подъ заголовкомъ „Образованіе женскаго рода“ первое правило выражено такъ: „1) прибавляя *e* къ мужскому роду“. Во второмъ правилѣ сказано: „оканчивающіяся (собственно не извѣстно о чемъ говорится) на *an, en, ien, on*, удваиваютъ *n* и прибавляютъ *e*“; правило это не точно въ томъ отношеніи, что изъ существительныхъ и прилагательныхъ, кончающихся на *an*, только одно слово *pausan* имѣетъ въ женскомъ родѣ удвоеніе буквы *n* (*pausanne*), всѣ же остальные, какъ *artisan, courtisan, maçonnetan, partisan, persan* и проч., образуютъ форму женскаго рода безъ удвоенія буквы *n*; г. Кутузовъ такимъ образомъ принимаетъ единственное исключеніе за общее правило, а о тѣхъ формахъ, которыя именно составляютъ общее правило при окончаніи *an*, онъ даже не упоминаетъ.

На страницѣ 5 подъ заголовкомъ „Образованіе множественнаго числа“ значитъ въ правилѣ 3-мъ, что *bleu* — синій, принимаетъ *s* во множественномъ числѣ; отчего же другія прилагательныя съ окончаніемъ *en* не удостоились вниманія автора?

На страницѣ 6 слѣдуетъ ли безусловно вѣрить, что „*Propos sujet*“ всегда ставятъ передъ глаголомъ, за исключеніемъ вопросительнаго оборота; едва ли умѣстно здѣсь слово „всегда“, такъ какъ есть множество фактовъ, когда *propos sujet* ставится послѣ глагола и безъ вопросительнаго оборота. Такая же неточность допущена и относительно мѣста *propos régime*, чему самъ авторъ на той же страницѣ противорѣчитъ, не смотря на сказанное имъ „всегда“, не допускающее отступленія.

Въ своемъ „Повторительномъ курсѣ“ г. Кутузовъ обнаруживаетъ полное неуваженіе къ исторической грамматикѣ и не только нигдѣ не указываетъ на происхожденіе французскихъ формъ, но даже про-

творѣчить тому, что научно считается несомнѣннымъ, и чего составителю учебной грамматики игнорировать непростительно: такъ, напримѣръ, г. Кутузовъ, неизмѣняемыя формы *don't, oï* (вопреки ихъ этимологiи) ставить въ числѣ мѣстоименій относительныхъ безъ всякой оговорки даже; единственно вполнѣ правильный глаголъ 4-го спряженія, *goûrge*, помѣщаетъ въ таблицѣ неправильныхъ глаголовъ и проч. (стр. 16).

На страницѣ 19 въ „Синтаксисѣ“, подъ заголовкомъ „Сложное предложеніе“, въ концѣ страницы говорится: „Два или болѣе предложенія съ однимъ общимъ подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ, опредѣленіемъ или обстоятельствомъ словомъ, выражающіяся только однажды (?), называются слитнымъ предложеніемъ“.

На страницѣ 20: *Tout* и *rien*, дополненія при глаголахъ въ простомъ времени стоятъ передъ глаголомъ . . . .; съ *infinitif* то предшествуетъ, то слѣдуетъ (?).

На страницѣ 21: „Членъ (*l'article*) опредѣляетъ имя существительное такъ, что выдѣляетъ лицо или вещь отъ (?) всѣхъ однородныхъ лицъ или предметовъ. Имя существительное только тогда имѣетъ значеніе такого, если ему предшествуетъ *article*“. Можно подумать, что существительное, предшествуемое притяжательнымъ или указательнымъ словомъ, не есть существительное.

На той же страницѣ: „Имена собственныя употребляются съ *article* 1) если они сопровождаются именемъ прилагательнымъ, кромѣ *le Dante, le Tasse, le Titien, le Corrège*, которыя употребляются съ *article*. Какъ понимать здѣсь эту оговорку?

Стран. 22. *Article* всегда стоитъ передъ существительнымъ и повторяется передъ каждымъ перечисленнымъ существительнымъ и передъ всѣми прилагательными, относящимися къ разнымъ существительнымъ (?!).

Стран. 24. Оно (дополненіе прилагательныхъ) бываетъ или произвольное, или обязательное (*content — conforme*) (?!).

Стран. 25. Два или болѣе прилагательныхъ, требующія различныя дополненія (!).

Стран. 29. При нѣсколькихъ существительныхъ или мѣстоименій въ единственномъ числѣ, служащія подлежащими, глаголъ стоитъ во множественномъ числѣ.

Стран. 36. Обыкновенное отрицаніе *ne-pas*, которое усиливается *ne-point* и ослабляется *ne-guère*, и проч. и проч.

Max Fischers Deutsche Lesehalle für die russische Jugend. № 1. Die beliebtesten Märchen der Gebrüder Grimm. Москва. 1889 г. 2-е изд. 172 стр.— № 2. Campe's Robinson Crusoe. Москва. 1889 г. 2-е изд. 244 стр.— № 3. Rubezahl. Москва. 1888 г. стр. 59—57.— № 4. Adalbert von Chamisso's Peter Schlemihl. Москва. 1888 г. стр. 40+40.— № 7. Die deutsche Volkssage. Dr. Johann Faust und Till Eulenspiegel. Москва. 1889 г. стр. 54+63.— № 8. Die deutsche Heldensage. Siegfried und Parcival. Москва. 1889 г. стр. 64+60.— № 9. Die Jungfrau von Orleans von Fr. v. Schiller Москва, (годъ не обозначенъ) стр. 144. Цѣна каждой части 50 коп.— Введеніе, объяснительныя примѣчанія и слова къ нѣмецкому тексту Орлеанской Дѣвы Ф. Шиллера. Москва. 1889. Стр. 60 Ц. 60 к.

Подъ общимъ заглавіемъ „Нѣмецкая читальня для русскаго юношества“ г. Фишеръ, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ, издалъ рядъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній нѣмецкой литературы, снабженныхъ примѣчаніями и словарями. Каждое произведеніе издано отдѣльнымъ томомъ, и смотря по возрасту и по познаніямъ лицъ, для которыхъ назначается каждый томикъ, приложенные къ нему словари и примѣчанія имѣютъ различный характеръ.

№ 1, содержащій въ себѣ избранныя сказки братьевъ Гриммовъ, имѣетъ назначеніе служить для начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ, а потому приложенный къ нему постатейный словарь содержитъ въ себѣ много грамматическихъ данныхъ; такъ, на примѣръ, при каждомъ существительномъ помѣщены формы именительнаго падежа множественнаго числа и родительныхъ падежей обоихъ чиселъ, при каждомъ прилагательномъ—степени сравненія, при каждомъ глаголъ—основныя времена; кромѣ того, прибавленъ еще второй, алфавитный словарь съ указаніемъ при каждомъ словѣ нумера, подъ которымъ данное слово значится въ постатейномъ словарѣ. Примѣчаній нѣтъ никакихъ, да ихъ и не требуется, такъ какъ текстъ по простотѣ содержанія и формы понятенъ безъ всякихъ примѣчаній.

№ 2 содержитъ въ себѣ извѣстную въ нѣмецкомъ педагогическомъ мірѣ обработку Кампе „Робинзона Крузо“ Дефо, при томъ въ сокращенномъ видѣ. Сокращеніе состоитъ въ пропускѣ бесѣдъ о содержаніи разказа, которыми у Кампе перебивается самый разказъ о приключеніяхъ Робинзона. Такія бесѣды, по справедливому мнѣнію издателя, гораздо лучше устраивать въ классѣ для усвоенія прочитаннаго и для упражненія въ устномъ употребленіи нѣмецкаго языка. Примѣчанія, приложенныя къ тексту, состоятъ преимущественно въ изясненіи и переводѣ свойственныхъ нѣмецкому языку выраженій

и оборотовъ рѣчи, при чемъ, на нашъ взглядъ, составитель слишкомъ щедръ на переводы и недостаточно точенъ, предлагая часто переводы, передающіе лишь въ общихъ чертахъ смыслъ нѣмецкаго выраженія. Чтобы охарактеризовать способъ составителя, достаточно будетъ привести два примѣра, выбранные на удачу: стр. 165: „dass er davon einen guten Gebrauch werde machen können—что она ему пригодится“ и тамъ же: „so würde er gewiss mit der Entzündung des Holzes zu Stande gekommen sein—то, навѣрно, онъ добылъ бы себѣ огня“. Кромѣ того прибавленъ алфавитный словарь, въ которомъ указанія на склоненіе и сложеніе словъ сдѣланы въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ въ словарѣ перваго тома.

№ 3—сказанія о Рѣпсчетѣ и № 4—сочиненіе Шамиссо „Петръ Шлемиль“—снабжены весьма краткими примѣчаніями, и къ каждому изъ этихъ сочиненій приложено по отдѣльно брошюрованному словарю, содержащему въ себѣ слова въ томъ порядкѣ, въ которомъ они находятся въ текстѣ. Такого же рода словари имѣются и въ № 7—сказанія о Фаустѣ и Эйленшпигель—и въ № 8—сказанія о Сигфридѣ и Парцивалѣ, съ тою лишь разницею, что словари не составляютъ отдѣльныхъ приложений, а находятся въ одномъ и томъ же корешкѣ съ текстомъ. Примѣчаній при этихъ сочиненіяхъ нѣтъ никакихъ, хотя въ заглавіи значится „mit Anmerkungen“. Помѣщая въ первыхъ двухъ нумерахъ своего изданія алфавитные словари, авторъ на дѣлѣ признаетъ необходимость отыскиванія и записыванія встрѣчающихся въ текстѣ словъ даже для начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ, и имѣющийся въ первомъ номерѣ, сверхъ того, постатейный словарь долженъ только служить этимъ начинающимъ до тѣхъ поръ, пока они не приучатся находить требующееся слово въ алфавитномъ словарѣ. Умѣнье пользоваться этимъ послѣднимъ составитель предполагаетъ у тѣхъ, кто читаетъ № 2 его изданія, и вдругъ въ №№ 3, 4, 7 и 8, назначаемыхъ для болѣе успѣвшихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, опять онъ возвращается къ тому приему, отъ котораго онъ считалъ нужнымъ отказаться еще при составленіи № 2—напрасно.

Для учениковъ и ученицъ IV и V классовъ, для которыхъ назначены №№ 3, 4, 7 и 8 изданія г. Фишера, словарь, содержащій въ себѣ слова по порядку текста, скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, такъ какъ онъ слишкомъ облегчаетъ трудъ приготовленія къ уроку и не даетъ ученику возможности выбирать изъ разныхъ значеній одного и того же слова именно то, которое подходитъ въ смыслу читаемаго мѣста. Можетъ быть, составитель имѣлъ въ виду не столько учениковъ и

ученицъ учебныхъ заведеній, сколько самоучекъ, для которыхъ, по заявленію его въ предисловіи къ № 1, также назначается его изданіе; для такихъ лицъ, знакомящихся съ нѣмецкимъ языкомъ безъ помощи учителя и не имѣющихъ, слѣдовательно, возможности провѣрять правильность пониманія того или другаго слова по указаніямъ руководителя, пожалуй, можетъ оказаться полезнымъ словарь, въ которомъ слова помѣщены въ порядкѣ текста и выставлены только значенія, требуемыя даннымъ мѣстомъ.

№ 9 сборника — „Орлеанская Дѣва“ Шиллера — напечатанъ въ Лейпцигѣ весьма изящнымъ и четкимъ шрифтомъ. Кромѣ текста трагедіи, въ немъ помѣщены примѣчанія на нѣмецкомъ языкѣ, относящіяся преимущественно къ такъ-называемымъ *realia*, то-есть, въ данномъ случаѣ къ миѳологіи, исторіи и географіи; затѣмъ, подъ заглавіемъ „Zusammenfassende Wiederholungsfragen über die einzelnen Acte“, слѣдуетъ разборъ содержанія трагедіи въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, также на нѣмецкомъ языкѣ, и наконецъ, подъ заглавіемъ „Citatenschatz“, выписаны тѣ стихи, которые получили значеніе общихъ мѣстъ и часто цитируются какъ въ разговорѣ, такъ и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Все это составлено удачно и дѣльно. Но этимъ слѣдовало и ограничиться; составитель же счелъ нужнымъ издать еще особою брошюрою „Введеніе, объяснительныя примѣчанія и слова къ нѣмецкому тексту Орлеанской Дѣвы Шиллера“ для учениковъ тѣхъ заведеній, гдѣ нѣмецкіе писатели при чтеніи въ классѣ объясняются на русскомъ языкѣ. Въ введеніи сообщаются историческіе факты, послужившіе основаніемъ трагедіи, а примѣчанія—тѣ же, что и въ нѣмецкомъ изданіи, только на русскомъ языкѣ. За примѣчаніями къ каждой отдѣльной сценѣ, слѣдуютъ встрѣчающіяся въ ней слова. Цѣль такого вокабулярія опять только и можетъ служить пособіемъ для самоучекъ, еще не достаточно подготовленныхъ къ чтенію Шиллеровой драмы; для учениковъ же и ученицъ старшихъ классовъ вокабулярій является только поощреніемъ къ лѣности и поверхностному чтенію.

John. Wolfgang von Goethe's HERMANN UND DOROTHEA. Съ объяснительными примѣчаніями и словаремъ для употребленія въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ составилъ *Я. Вельмъ*, лекторъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Москва. 1889. Въ 8-ху стр. IV + 139. Цѣна 30 коп.

Примѣчанія, которыми составитель названной книги снабдилъ известное произведеніе великаго поэта, помѣщаются подѣ текстомъ,

не занимая много мѣста; встрѣчаются цѣлыя страницы безъ всякихъ примѣчаній (стр. 19, 76 и 77) и рѣдко—болѣе десяти строкъ примѣчаній на страницѣ, обыкновенно же ихъ только три или четыре. О томъ, что примѣчаній такъ мало, въ данномъ случаѣ жалѣть не приходится, такъ какъ эти примѣчанія мало изъясняютъ текстъ и отчасти даже содержатъ кое-что лишнее. Въмѣсто того, чтобы объяснить содержаніе и планъ всего сочиненія и указать на связь между отдѣльными частями его или на развитіе характера дѣйствующихъ лицъ, составитель ограничивается примѣчаніями къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ текста. Притомъ примѣчанія эти часто имѣютъ характеръ замѣчаній, то-есть, указаній на неправильныя, якобы, выраженія, допущенныя поэтомъ. Составитель, стало быть, берется поправлять величайшаго мастера нѣмецкой рѣчи. Позволимъ себѣ привести слѣдующіе примѣры: Стр. 8, стихъ 128: „Voll Sachen keines Gebrauches. Неправильное употребленіе род. пад., введенное Фоссомъ“. Ibid., стихъ 136: „Uebergerackten. Неправильное выраженіе; надо было сказать по крайней мѣрѣ *überackten* (слишкомъ нагруженный)“. Стр. 12, стихъ 205: „der häuslichen Freuden ein Jahrstag. Неправильное употребленіе члена *ein* послѣ род. пад.“. Стр. 51, стихъ 142: „und rollt' in den Thorweg. Неточное выраженіе: не Германъ, а карета катятся въ ворота, срв. 144“. Стр. 60, стихъ 72: „Rüstung лучше Rüstzeug, потому что Rüstung обозначаетъ только орудіе, а не земледѣльческое орудіе“. Стр. 80, стихъ 165: „Darum lebet nun wohl, geliebte Freundin, und freuet Euch des lebendigen Säuglings, der schon so gesund Euch anblickt. Правильнѣе было бы: freuet Euch des gesunden Säuglings, der schon so lebhaft Euch anblickt“ (1)

Встрѣчается цѣлый рядъ примѣчаній, не имѣющихъ, собственно говоря, никакого отношенія къ объясненію текста; такъ, на примѣръ, указанія на производство словъ *Kattun* и *Zitz* (стр. 3), *Pekesche* (ibid.), *Landauer* (стр. 4—здѣсь опять поправляется Гете), *Karren* (стр. 7), *Scherflein* (стр. 9) и *Stuccatur* (стр. 30), или сообщеніе о значенія обряда обмѣна кольцами при обрученіи (стр. 101).

Нѣкоторыя примѣчанія представляютъ невѣрное толкованіе текста, на примѣръ: Стр. 13, стихъ 23: „des Auslands. Въ то время называлось каждое другое государство *Ausland*. Потому и здѣсь нѣмецкая страна на лѣвомъ берегу Рейна называется *Ausland*“. Но составитель забываетъ, что эта нѣмецкая страна на лѣвомъ берегу Рейна въ то время принадлежала къ Франціи и, слѣдовательно, дѣйствительно была заграничнымъ владѣніемъ—*Ausland*. Стр. 29, стихъ 62:

„Sind doch ein wunderlich Volk die Weiber, so wie die Kinder — равно какъ и дѣти“. Не о дѣтяхъ здѣсь идетъ рѣчь, а о женщинахъ; онѣ по своему праву сравниваются съ дѣтьми; это настолько ясно, что не требуетъ никакого объясненія; если же составитель считалъ, нужнымъ объяснить это мѣсто, то ему слѣдовало сказать: „это истія дѣти“. Ibid., стихъ 65: „das wahre Sprüchlein der Alten: Wer nicht vorwärts geht, der kommt zurücke. Der Alten, то есть, древнихъ германцевъ, а не древнихъ грековъ или римлянъ, такъ какъ это изреченіе не встрѣчается у нихъ“. Тутъ die Alten — просто старики какъ хранители народной мудрости, выражающейся въ пословицахъ и изреченіяхъ. Стр. 30, стихъ 84: „Gross sind die Tafeln der Fenster. — Tafeln обозначаетъ здѣсь тѣ четырехугольныя мѣста (?), въ которыя вставляются стекла“. Такое значеніе слово Tafeln имѣть не можетъ: это просто то же, что и Scheiben. Стр. 33, стихъ 43: „er sagt' es ihr denn — развѣ что не сказавшись ей“. Переводъ не понятенъ. Стр. 46, стихъ 34: „Städter называются здѣсь тѣ жители городовъ, которые совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ, и особенно высшія сословія“. Послѣднія слова прямо противорѣчатъ смыслу объясняемаго мѣста, гдѣ сказано: „die dem Reicheren stets und Höheren, wenig vermögend, Nachzustreben gewohnt sind“.

Находящіяся въ примѣчаніяхъ грамматическія объясненія — ихъ не много — слишкомъ кратки, чтобы быть понятными ученикамъ, и при томъ не всегда вѣрны. Приводимъ слѣдующіе примѣры: Стр. 20, стихъ 157: „wagtest *вм.* wagen möchtest“ (?). Стр. 24, стихъ 251: „sich zeigte *вм.* sich zeigen sollte“ (?). Стр. 33, стихъ 39: „nachdem sie dem Sohne gerufen. Rufen обыкновенно сочиняется съ *вин. пад.*“. Слѣдовало указать на разныя значенія глагола rufen, смотря по падежу, въ которомъ стоитъ при немъ дополнение, и отмѣтить, что здѣсь *вин. падежъ* не могъ имѣть мѣста. Стр. 53, стихъ 192: „Aber keine von allen erschien die herrliche Jungfrau *вм.* Aber keine von allen, die erschienen, war die herrliche Jungfrau“. Совершенно превратное толкованіе. Слѣдовало указать, что die herrliche Jungfrau сказуемое, и объяснить, почему здѣсь противъ общаго правила существительное сказуемое имѣетъ при себѣ опредѣлительный членъ. Стр. 63, стихъ 135: „verwendete Imperf, *вм.* Perf“. Какъ понять и объяснить подобную замѣну одного времени другимъ — не сказано. Стр. 85, стихъ 37: „die schnelleren Schritte verdoppelnd — удвоивая быстрые шаги. Пролетическое выраженіе“. Не все выраженіе — пролетическое, а только опредѣленіе употреблено пролетически. Стр. 93, стихъ 90: „mit fliegender Röthe

die Wange übergossen (acc. absol.) — щеки быстро покрылись румянцем". Указаніе вѣрное, но не достаточно ясное.

DER NEUE DEUTSCHE SPRACHUNTERRICHT. METHODE UND LERNBUCH VON E. Mittelsteiner. Москва. 1889 въ 8-ку, 1 часть: Метноде, стр. 32; 2 часть: ЛЕНБУХ, стр. 108. Цѣна каждой части 40 коп.

Первая часть означенной книги служить какъ бы объяснительною запискою ко второй части, собственно учебнику, составленному по изложенному въ первой части методу. Содержаніе первой части слѣдующее: указавъ на недостатки стараго метода, по которому главное значеніе придается изученію грамматики, а упражненія въ самомъ языкѣ стоятъ на второмъ планѣ и служатъ главнымъ образомъ опять-таки усвоенію грамматическихъ правилъ, авторъ излагаетъ преимущества новаго метода, основаннаго на томъ положеніи, что чтенію слѣдуетъ предоставить центральное мѣсто въ преподаваніи языка, отказавшись отъ отдѣльныхъ фразъ и отвлеченныхъ правилъ, на которыхъ обыкновенно продерживаютъ учениковъ чуть ли не до конца учебнаго курса. Сущность новаго метода составитель опредѣляетъ слѣдующими четырьмя положеніями: 1) чтеніе во всѣхъ классахъ должно составлять центръ преподаванія; 2) съ чтеніемъ должны соединяться упражненія въ употребленіи устной рѣчи; 3) грамматику слѣдуетъ изучать какъ можно болѣе индуктивнымъ способомъ; 4) переводы на иностранный языкъ и extemporalia не должны дѣлаться въ теченіе первыхъ двухъ годовъ обученія. Относительно 2-го пункта, то-есть, соединенія чтенія съ устными упражненіями въ разговорѣ, авторъ полагаетъ, что въ началѣ эти упражненія должны не примыкать къ чтенію, а предшествовать ему и готовить предлагаемый для чтенія матеріалъ. Ходъ начальнаго преподаванія по предлагаемому методу авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: обученіе нѣмецкому языку въ первомъ классѣ тотчасъ начинается съ упражненій въ устной рѣчи, и учитель съ перваго же урока говоритъ съ учениками только по нѣмецки; матеріалъ для этихъ упражненій помѣщенъ въ учебникѣ на стр. 1—38, и ведутся они отчасти съ помощью тѣхъ же приемовъ, которые употребляются при наглядномъ обученіи. Черезъ нѣсколько уроковъ, рядомъ съ этими упражненіями изучаются буквы, сперва письменный, а уже затѣмъ только печатный алфавитъ. Не ранѣе, какъ по прошествіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, когда предлагаемый въ учебникѣ матеріалъ для упражненій въ разговорѣ почти весь пройденъ, приступаютъ къ чтенію и заучиванію наизусть

риемованной прозы и небольших стихотвореній, помѣщенныхъ въ учебникѣ на стр. 59—87. Грамматику въ первомъ году изучаютъ чисто индуктивнымъ способомъ, при чемъ ограничиваются самыми простыми и обыкновенными явленіями языка. Когда ученики посредствомъ упражненій въ разговорѣ и чтеніи усвоятъ себѣ большой запасъ вѣрныхъ формъ, тогда учитель на доскѣ развиваетъ подходящія статьи грамматики и только послѣ такихъ наглядныхъ объясненій знакомить учениковъ съ таблицами склоненій и спряженій, помѣщенныхъ въ учебникѣ на стр. 98—108. Упражнения въ переводѣ съ русскаго языка на нѣмецкій, по мнѣнію автора, приносятъ мало пользы въ этомъ классѣ; но въ виду требованія такихъ упражненій въ изданныхъ министерствомъ учебныхъ планахъ, на стр. 89—97 учебника помѣщено нѣсколько связанныхъ русскихъ статей для перевода на нѣмецкій языкъ, не представляющихъ для учениковъ особенныхъ трудностей.

Составленный г. Миттельштейнеромъ на такихъ основаніяхъ учебникъ могъ бы съ пользою служить руководствомъ при первоначальномъ изученіи нѣмецкаго языка, особенно въ реальныхъ училищахъ. Но въ виду того, что разсматриваемая книга содержитъ въ себѣ лишь курсъ одного перваго класса, между тѣмъ какъ элементарный курсъ нѣмецкаго языка въ учебныхъ планахъ рассчитанъ на два года, — слѣдуетъ ожидать появленія обѣщаннаго составителемъ курса втораго класса, прежде чѣмъ окончательно рѣшить вопросъ о степени пригодности этого учебника къ употребленію въ нашихъ школахъ. Желательно, чтобъ авторъ соединилъ предполагаемый имъ къ изданію курсъ 2-го класса въ одинъ томъ съ курсомъ перваго класса для того, чтобъ ученикамъ не приходилось для каждаго класса приобретать новую книгу. Такое соединеніе могло бы быть сдѣлано безъ значительнаго увеличенія объема книги и, слѣдовательно, безъ значительнаго повышенія ея цѣны, если изъ перваго курса будетъ выпущенъ весь 1-й отдѣлъ „*Sprechübungen*“, которому, собственно говоря, совсѣмъ не мѣсто въ учебникѣ: онъ долженъ быть отнесенъ къ первой части, излагающей методъ преподаванія, потому что эти упражненія служатъ руководствомъ преподавателю, какъ вести дѣло съ учениками, не умѣющими еще ни читать, ни писать по нѣмецки; сами же ученики ими пользоваться не могутъ, да и не должны пользоваться, такъ какъ, согласно методу составителя, ученикъ сперва долженъ познакомиться съ изучаемымъ языкомъ посредствомъ слуха, прежде чѣмъ воспринимать письменное изображеніе его посредствомъ зрѣнія.

Учебникъ нѣмецкаго языка для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реального училища. 3-е передѣланное изданіе. Одесса. 1889. Въ 8-ку стр. XVI + 144. Цѣна 8 коп.

Третье изданіе учебника г. Аллендорфа дѣйствительно заслуживаетъ названіе передѣланнаго. Не только объемъ книги уменьшился болѣе чѣмъ на 100 страницъ (въ первомъ изданіи ихъ было 287),— благодаря тому, что книга въ настоящемъ видѣ рассчитана на курсъ двухъ младшихъ классовъ, между тѣмъ какъ первое изданіе обнимало курсъ трехъ классовъ,—но и все устройство книги измѣнено, и статьи, вошедшія въ составъ ея,—иныя. Такая основная передѣлка книги вызвана желаніемъ составителя приноровить свой учебникъ къ новому учебному плану реальныхъ училищъ, требующему, чтобы въ первыхъ двухъ классахъ преподаваніе нѣмецкаго языка имѣло характеръ практическаго и методическаго изученія самого языка, а не систематическаго прохожденія его грамматики. Въ своемъ предисловіи авторъ, исходя изъ высказаннаго марбургскимъ профессоромъ Вісторомъ положенія „*der Sprachunterricht muss umkehren!*“, выражаетъ свое сочувствіе къ требуемой учебными планами новой постановкѣ преподаванія нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ. Но одного сочувствія мало, надо умѣть и взяться за дѣло; а при новизнѣ этого дѣла не удивительно, если первая попытка не вполнѣ удачна.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ учебникъ г. Аллендорфа былъ не что иное, какъ концентрически изложенная систематическая грамматика съ примѣрами на отдѣльныя правила и съ прибавленіемъ довольно многочисленныхъ статей для перевода какъ съ нѣмецкаго языка на русскій, такъ и съ русскаго—на нѣмецкій. Теперь же грамматическія правила совершенно исключены изъ текста и помѣщены въ видѣ приложенія въ концѣ книги (на стр. 57). А самый текстъ состоитъ главнымъ образомъ изъ упражненій на отдѣльныя правила приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ эти правила излагаются въ систематической грамматикѣ. Въ такомъ устройствѣ книги не видно ни малѣйшей попытки сперва познакомить учениковъ съ живымъ языкомъ и, лишь по усвоеніи ими извѣстнаго лексическаго и грамматическаго матеріала, путемъ практики перейти съ ними къ изученію отвлеченныхъ правилъ грамматики, — а въ этомъ-то и состоитъ вся суть методическаго изученія языка. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ авторъ разсматриваемаго учебника повялъ свою задачу, обратимся къ самому на-

чалу его книги, на которое онъ самъ указываетъ въ предисловіи, какъ на образецъ своего метода. Послѣ предварительныхъ упражненій въ письмѣ и чтеніи, составленныхъ безъ опредѣленной системы, въ первомъ параграфѣ представляется рядъ вопросовъ и отвѣтовъ. „Перебирая“, говоритъ авторъ, — „находящіеся въ классѣ предметы, учитель съ помощью вопроса „wo ist?“ упражняетъ учениковъ прежде всего въ употребленіи опредѣленнаго члена. Затѣмъ слѣдуютъ вопросы „wer ist das?“ и „was ist das?“ для упражненія въ употребленіи неопредѣленнаго члена“. Такая система отрывочныхъ вопросовъ, имѣющихъ цѣлю упражнять учениковъ въ употребленіи поставленной на очередь статьи грамматики, проведена черезъ всю книгу. Эти вопросы по своему однообразію, а еще болѣе по своей отрывочности и по пустотѣ содержанія, не представляютъ никакого интереса для ученика и не могутъ не развлекать его вниманія, такъ какъ каждый вопросъ относится къ другому предмету, чѣмъ предыдущій и послѣдующій. Ученикъ будетъ отвѣчать на эти вопросы совершенно машинально, тѣмъ болѣе, что требуемый отвѣтъ болѣею частью состоитъ въ повтореніи вопроса съ замѣною вопросительнаго слова названіемъ предмета или дѣйствія, о которомъ спрашиваютъ, или же изъ прибавленія отрицанія.

Кромѣ этихъ вопросовъ, въ текстѣ учебника помѣщены маленькіе разказы, которые читаются вслухъ учителемъ, повторяются и переводятся учениками, разучиваются путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, заучиваются наизусть и служатъ матеріаломъ для диктанта. Первая изъ этихъ статей, § 4 подъ заглавіемъ: „der liebe Gott“, состоитъ изъ слѣдующаго: „Ein Knabe fragte einst die Mutter: Sage mir, wo ist der liebe Gott? Die Mutter antwortete: Sage mir, wo ist der liebe Gott nicht?“ Въ этой статьѣ ученикъ на первомъ шагѣ встрѣчаетъ затрудненія: „der liebe Gott“ — три слова — по русски передается однимъ словомъ „Богъ“ и отрицаніе „nicht“ соответствуетъ здѣсь русскому „нѣтъ“, между тѣмъ какъ его обыкновенное значеніе „не“, и притомъ сразу предлагаются ученику, еще не знающему почти ни одного слова по нѣмцеки, глаголы въ формахъ прошедшаго времени и повелительнаго наклоненія. Если подобнымъ образомъ разобратъ и остальные статьи учебника, то окажутся въ нихъ довольно часто затрудненія того же рода. По содержанію своему нѣкоторыя статьи мало подходятъ къ тому возрасту, для котораго назначается учебникъ, напримѣръ, 28-й—анекдотъ о Карлѣ пятомъ, 35-й—о Соократѣ и женѣ его Ксантиппѣ, 38-й—сравненіе жизни человѣческой

съ садомъ, и добрыхъ дѣлъ—съ деревьями и цвѣтами, 44-й — анекдотъ объ Агезилаѣ.

Кромѣ статей, вошедшихъ въ текстъ учебника, на стр. 43 — 56 помѣщены еще статьи для перевода. Въ какомъ отношеніи эти статьи находятся къ статьямъ текста, и когда ими слѣдуетъ пользоваться, — не указано составителемъ, а сама книга на эти вопросы не даетъ никакого отвѣта.

Затѣмъ на стр. 57—81 слѣдуетъ грамматика. Это лучшая часть книги, такъ какъ правила, въ ней излагаемыя, сохранили ту же ясную и опредѣленную форму, какъ и въ первомъ изданіи учебника; только порядокъ правилъ нѣсколько измѣненъ противъ прежняго, а именно, грамматика начинается съ *praesens* и *imperfectum* глагола *loben*, за которыми слѣдуютъ *praesens*, *imperfectum* и *imperativus* всѣхъ трехъ вспомогательныхъ глаголовъ, и только послѣ этого излагаются правила склоненія существительныхъ именъ. Подобныя отступленія отъ системы грамматики встрѣчаются и дальше, но въ главныхъ чертахъ систематическій порядокъ сохраненъ.

На стр. 82 — 108 сообщены слова къ §§ 1 — 156. Далѣе подъ заглавіемъ „разговоры“ сопоставлены по нѣмцки и по русски не только фразы, но и отдѣльныя слова, встрѣчающіяся въ школьномъ, такъ-сказать, официальномъ разговорѣ. Ихъ собственно нечего было и помѣщать, такъ какъ нѣмецкія выраженія такихъ русскихъ фразъ, каковы, напримѣръ, „отвѣчайте, повторите“ и т. п. извѣстны ученикамъ изъ практики урока. Наконецъ, на стр. 117—135 помѣщенъ нѣмецко-русскій, а на стр. 136 — 144 — русско-нѣмецкій алфавитные словари.

И такъ передѣлка, которой авторъ подвергъ свою книгу, не послужила ей въ прокъ. Напротивъ, изъ хорошаго систематическаго учебника грамматики она сдѣлалась чѣмъ-то среднимъ между систематическимъ и методическимъ учебникомъ, не удовлетворяя вполнѣ требованіямъ ни того, ни другаго.

Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго Коммерческаго училища. I. Начальный курсъ. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. XXX + 122. Цѣна 50 копѣекъ.

Означенная книга — первый методическій учебникъ нѣмецкаго языка, дѣйствительно вполнѣ заслуживающій такого названія. Это — случайный наборъ статей и правилъ, которые могутъ проходиться въ

начальномъ курсѣ нѣмецкаго языка, а также и не систематическая грамматика, скрывающаяся подъ видомъ практическаго руководства; это—последовательный рядъ упражненій, составленныхъ и расположенныхъ по строго обдуманному методу. Этотъ методъ обстоятельно изложенъ авторомъ въ предисловіи къ книгѣ, содержащемъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ для преподавателей указаній относительно преподаванія нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ. При томъ авторъ не ограничивается общими совѣтами, но подробно указываетъ, какъ пользоваться предлагаемымъ имъ учебникомъ, и даже, на основаніи опыта, точно расчитываетъ время, необходимое для отдѣльныхъ упражненій (ср. предложенные на стр. XXV—XXVIII планы семи образцовыхъ уроковъ, относящихся къ §§ 56—64).

Учебникъ начинается съ упражненій въ письмѣ, которыя, согласно вѣрному принципу, что при изученіи языка не слѣдуетъ предлагать форму безъ содержанія, состоятъ изъ короткихъ, но цѣльныхъ предложеній. Подъ письменнымъ изображеніемъ буквъ помѣщены и печатныя ихъ формы. Сначала ученики читаютъ и пишутъ только рукописныя буквы и при этихъ упражненіяхъ учитель пока не обращаетъ никакого вниманія на печатный шрифтъ, предоставляя сравненіе обоихъ рядомъ поставленныхъ шрифтовъ наблюдательности самого ученика. Далѣе, отъ стр. 14-й, идутъ упражненія въ употребленіи устной рѣчи и чтеніи (Sprech- und Leseübungen), напечатанныя до 15-го съ раздѣленіемъ словъ на слоги, а до 12-го, кромѣ того, — крупнымъ шрифтомъ. Начиная съ 16-го идутъ небольшіе разказы и описанія, — тѣ и другія иногда въ стихотворной формѣ, — и съ ними чередуются упражненія въ разговорѣ. По изложенію всѣ эти статьи просты и даютъ ученикамъ возможность усвоить извѣстный запасъ важнѣйшихъ словъ и выраженій, которыя постоянно опять встрѣчаются въ дальнѣйшихъ статьяхъ. Однако, не смотря на такое повтореніе словъ, въ содержаніи статей нѣтъ однообразія, могущаго навести скуку на учениковъ; напротивъ, предлагаемыя статьи не могутъ не интересовать малолѣтнихъ учениковъ, такъ какъ матеріалъ для разговоровъ и статей выбранъ изъ круга наиболѣе доступнаго дѣтскому наблюденію: школа, семья, домъ, домашнія животныя, часы дня и времена года, поле и лѣсъ, — вотъ о чемъ ведется рѣчь въ предлагаемомъ руководствѣ*. При томъ автору удалось попасть въ надлежащій тонъ и избѣгнуть той ложно-дѣтской, яко бы наивной, но въ дѣйствительности пошлой болтовни, которая встрѣчается иногда въ книгахъ для дѣтей.

На стр. 68—104, подъ заглавіемъ: *Wörterverzeichnis nebst grammatischen Regeln und methodischen Fingerzeigen*, помѣщены слова къ отдѣльнымъ статьямъ съ обозначеніемъ ихъ русскаго значенія, грамматическія правила, которыя должны быть усвоены по поводу той или другой статьи, и указанія, какъ пользоваться текстомъ для упражненій въ устной рѣчи, напримѣръ, вопросы, исчерпывающіе содержаніе статьи, пересказъ въ измѣненной формѣ или отъ имени какого либо изъ упомянутыхъ въ данномъ разказѣ лицъ и т. п.

На стр. 105—112 помѣщено 15 русскихъ статей, служащихъ для упражненія въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Эти статьи, равно какъ и статьи на стр. 115—122, назначаемыя для упражненія въ чтеніи латинскаго шрифта, содержатъ то же самое, что и статьи, уже раньше пройденныя учениками, такъ что первыя не представляютъ никакихъ затрудненій для учениковъ, а вторыя даютъ удобный поводъ повторить пройденное раньше.

Главное достоинство книги состоитъ въ томъ, что съ помощью ея и преподаватель, не привыкшій къ новому способу преподаванія, легко можетъ вести элементарное преподаваніе нѣмецкаго языка по болѣе рациональному методу, чѣмъ слѣдуетъ признать тотъ, который болѣею частью практиковался до сихъ поръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и не приносилъ ожидаемыхъ результатовъ.

Народныя сказки. Посobie для чтенія въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 71. Цѣна 60 к.

При составленіи означенной книги для чтенія г. Чекала имѣлъ въ виду учениковъ, занимающихся второй годъ нѣмецкимъ языкомъ и, слѣдовательно, владѣющихъ уже нѣкоторымъ, хотя небольшимъ запасомъ словъ. Какія именно слова предполагаются извѣстными ученикамъ, это обозначено въ концѣ книги, гдѣ находится алфавитный перечень этихъ словъ съ русскимъ ихъ значеніемъ. Этихъ словъ всего оказывается 378. Остальныя слова, встрѣчающіяся въ предлагаемыхъ для чтенія сказкахъ, помѣщены въ особомъ словарѣ, составленномъ по порядку статей, на которыя разбиты отдѣльныя сказки, и оказывается, что при чтеніи каждой такой статьи ученику приходится усваивать отъ 8 до 25 словъ.

Выбирая для чтенія учениковъ именно народныя сказки, составитель руководствовался слѣдующими, на нашъ взглядъ, вѣрными соображеніями: по содержанію своему сказки вполне доступны по-

ниманію учениковъ даннаго возраста и, давая пищу ихъ воображенію, приохочиваютъ ихъ къ чтенію; то, что разказывается въ сказкахъ, взято изъ простой обиходной жизни, а потому чтеніе сказокъ самымъ естественнымъ образомъ способствуетъ увеличенію запаса словъ, необходимыхъ для объясненія на нѣмецкомъ языкѣ, и содержаніе сказокъ представляетъ весьма удобный матеріалъ для упражненій въ употребленіи устной рѣчи.

Всѣ статьи состоятъ изъ краткихъ предложеній, что въ значительной степени облегчаетъ ихъ пониманіе. Книга издана хорошо, даже, пожалуй, слишкомъ изящно, что, впрочемъ, отозвалось и на ея цѣнѣ, которую слѣдуетъ признать нѣсколько высокою.

KURZGEFASSTE SCHULGRAMMATIK DER DEUTSCHEN SPRACHE VON S. Czekała, Inspector der St. Petri-Pauli-Knabenschule in Moskau. 1 Theil: FORMVELLEN. Изд. 2-е. Москва 1889. Въ 16-ю д. л. Стр. 60. Цѣна 50 к.

Разсматриваемая этимологія нѣмецкаго языка, по словамъ ея составителя, вызвана потребностями школы при лютеранской церкви Свв. Петра и Павла въ Москвѣ, гдѣ г. Чекала въ то время служилъ въ качествѣ инспектора, и назначена для употребленія въ гимназій, реальномъ училищѣ и женской гимназій, составляющихъ вышеупомянутое училище. По принятому въ этомъ училищѣ методу, начала нѣмецкой грамматики изучаются на связной рѣчи (*lebendiger Satz*), а потому учебникъ этимологіи служитъ лишь руководствомъ при повтореніи этого отдѣла грамматики для систематизаціи явленій языка, усвоенныхъ и понятыхъ учениками способомъ практическаго изученія самого языка. Этимъ вполнѣ объясняется краткость правилъ и отсутствіе въ нихъ тѣхъ обстоятельныхъ объясненій, какія мы обыкновенно встрѣчаемъ въ учебникахъ грамматики. Благодаря такому приему, составителю удалось на 60 страницахъ малаго формата изложить въ весьма полномъ видѣ всю этимологію нѣмецкаго языка. Тѣ правила, прохожденіе которыхъ обязательно для учениковъ низшаго класса, — ихъ немного, — напечатаны жирнымъ шрифтомъ; напечатанное среднимъ шрифтомъ должно быть пройдено во второмъ классѣ, а правила, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составляютъ дополненія, назначенныя для прохожденія при повтореніи этимологіи въ 3 и 4 классахъ.

Книга написана по-нѣмецки, въ ней нѣтъ ни одного русскаго слова, такъ что ею пользоваться могутъ лишь ученики, владѣющіе нѣмецкимъ языкомъ.

Вотъ почему, не смотря на несомнѣнные достоинства учебника, состоящія въ краткости, ясности и опредѣленности правилъ, онъ можетъ служить руководствомъ въ младшихъ классахъ не всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, но только такихъ училищъ, гдѣ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Для учениковъ же старшихъ классовъ книга весьма пригодна какъ прекрасное пособіе при повтореніи нѣмецкой этимологіи; это весьма толковый и практическій компендіи всего курса нѣмецкой этимологіи.

На случай новаго изданія книги позволяемъ себѣ указать на немногіе замѣченные нами недостатки. Книга напечатана латинскимъ шрифтомъ и по неимѣнію въ типографіи особаго знака для нѣмецкаго звука sz, вмѣсто него вездѣ въ книгѣ поставлена греческая буква β, что весьма неудобно. § 56, на нашъ взглядъ, могъ бы быть выпущенъ, такъ какъ указываемая въ немъ возможность замѣнить мѣстоименія *sein* и *ihr* черезъ мѣстоименія *desselben* и *derselben*, едва ли способствуетъ пониманію учениками разницы между *sein* и *ihr*, но скорѣе усложняетъ дѣло. Напрасно составитель, вмѣсто *Infinitivus praesentis*, *Participium praesentis* и *Participium praeteriti* вводитъ новые термины *Infinitiv der Dauer*, *Participium der Dauer* и *Participium der Vollendung* (§ 76) и невѣрно послѣднее изъ нихъ называетъ *passiv* (§ 78). Въ § 97 по недосмотру въ число глаголовъ, имѣющихъ разныя формы для средняго и дѣйствительнаго значенія, попали глаголы *singen* и *sengen*, между которыми нѣтъ ничего общаго.

KURZGEFASSTE SCHULGRAMMATIK DER DEUTSCHEN SPRACHE VON S. Czekala, Inspector der Alexander Kommerzschule. II Theil: Satzlehre. Изданіе 2-е. Москва. Въ 16-ю д. л. Стр. 106. Цѣна 60 копѣекъ.

Вторая часть составленной г. Чекала краткой грамматики нѣмецкаго языка содержитъ въ себѣ синтаксисъ и, какъ и первая часть его учебника, отличается краткостью и опредѣленностью изложенныхъ въ ней правилъ, относящихся къ изясненію самыхъ необходимыхъ положеній нѣмецкаго синтаксиса. Каждому правилу предпосланы примѣры. Такой конструкціей книги составитель желалъ дать указаніе, что въ преподаваніи синтаксиса слѣдуетъ исходить изъ разбора предложенія и извлекать общія правила изъ частныхъ примѣровъ. Этими примѣрами, впрочемъ, состоящими изъ отрывочныхъ фразъ,—а другихъ, то-есть, связанныхъ между собою предложеній нельзя было представить въ учебникѣ грамматики,—преподаватели, по мнѣнію автора, не должны ограничиваться. Для развитія въ ученикахъ пониманія

духа чужаго языка и для примѣненія ими на практикѣ приобретеннаго чувства (Sprachgefühl), необходимо, чтобы примѣры, объясняющіе разсматриваемое явленіе языка, выбирались изъ живой рѣчи, то-есть, изъ только-что разобранной и усвоенной статьи для чтенія, или же изъ ясно понятой разговорной рѣчи. Самое существенное, что обязательно должно быть усвоено учениками, напечатано болѣе крупнымъ шрифтомъ; объясненія и развитія основныхъ правилъ изображены болѣе мелкою печатью и нѣкоторыя примѣчанія, назначаемыя не столько для учениковъ, сколько для самого преподавателя, поставлены въ скобкахъ [ ]. Этими примѣчаніями сумѣютъ воспользоваться хорошіе преподаватели, каковыхъ составитель и имѣлъ вообще въ виду при составленіи своей грамматики.

Къ синтаксису приложены: краткое ученіе о словообразованіи (стр. 67—83) и основныя правила правописанія (стр. 84—87). Вся книга написана на нѣмецкомъ языкѣ и, слѣдовательно, назначается къ употребленію въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ преподаваніе нѣмецкой грамматики въ среднихъ и высшихъ классахъ ведется по нѣмецки. Для облегченія русскихъ учениковъ на стр. 88—106 помѣщенъ списокъ болѣе трудныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся какъ въ примѣрахъ, такъ и въ самомъ текстѣ правилъ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Преимущества разсматриваемой книги состоятъ въ слѣдующемъ: въ краткости ея при исполнѣ достаточной полнотѣ сообщаемаго грамматическаго матеріала, въ ясности и опредѣленности правилъ и въ рациональномъ методѣ, въ силу котораго примѣры помѣщены передъ правилами, что заставляеть учениковъ сознательнѣе относиться къ разсматриваемымъ явленіямъ языка и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняеть возможность рутиннаго преподаванія.

GRUNDZÜGE DER DEUTSCHEN GRAMMATIK für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орфографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія составилъ *К. Л. Микшицъ*. С.-Пб. 1887. Въ больш. 8-ку стр. 475+41.

Какъ самое заглавіе книги, такъ и весь текстъ ея напечатанъ на двухъ языкахъ, на нѣмецкомъ и на русскомъ, и каждая страница раздѣлена на два столбца, изъ коихъ первый содержитъ въ себѣ правила по нѣмецки, а второй — переводъ ихъ на русскій языкъ. Такое устройство учебника, уже само по себѣ, не совсѣмъ удобно: вниманіе

ученива, изучающаго одинъ текстъ, развлекается помѣщеннымъ рядомъ другимъ текстомъ. Это неудобство увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что оба текста находятся въ зависимости одинъ отъ другаго. Что касается русскаго текста, то эта зависимость доходитъ до того, что дѣлаетъ не возможнымъ прохожденіе правилъ въ русской ихъ редакціи безъ помощи нѣмецкой. Всѣ слова, къ которымъ относится данное правило, выставлены въ немъ въ переводѣ на русскій языкъ, напримѣръ, § 88, прим. 1: „Болѣе рѣдкіе предлоги съ дательнымъ суть: въ теченіе, по и сложный въ двухъ предлоговъ: напротивъ“. Вотъ какъ выражено нѣмецкое правило: „Seltener gebrauchte Praepositionen mit dem Dativ sind: binnen, gemäs und die aus zweien zusammengetzte Praeposition gegen über“. Но и пользуясь преимущественно нѣмецкимъ текстомъ, русскій ученикъ будетъ затрудняться тѣмъ, что значеніе словъ, къ которымъ относится правило, не помѣщено рядомъ съ нѣмецкими словами, но должно быть отыскиваемо въ русской редакціи правила, такъ, напримѣръ, въ томъ же § 88 строку одного столбца составляютъ предлоги, mit, nach, nächst, nebst, samt, а значеніе ихъ находится въ другомъ столбцѣ въ слѣдующемъ видѣ: „съ, по, послѣ, съ, вмѣстѣ“. И это проведено такъ черезъ всю книгу. Если мысль автора составить свою книгу на двухъ языкахъ и выполненіе этой мысли не совсѣмъ удачны, то относительно нѣмецкаго текста правилъ нельзя не признать, что правила выражены весьма ясно и опредѣленно.

О цѣли и назначеніи своего труда авторъ въ предисловіи говорить слѣдующее: „Предлагаемая грамматика соотвѣтствуетъ программамъ гимназій, реальныхъ и военныхъ училищъ, а также женскихъ учебныхъ заведеній и можетъ употребляться какъ постоянное учебное пособие (fortlaufendes Hilfsbuch) при преподаваніи во всѣхъ классахъ... При распредѣленіи матеріала приняты во вниманіе лишь соображенія, основанныя на требованіяхъ самаго предмета (sachliche Gründe), и книга поэтому можетъ служить учебникомъ при преподаваніи по любому методу. Само собою разумѣется, что при этомъ должно быть предоставлено усмотрѣнію преподавателя, соображающагося съ требованіями программъ для каждаго класса, сдѣлать обдуманннй выборъ изъ предлагаемаго матеріала, ибо было бы весьма неправильно, заставлять учить все предложенное въ этой грамматикѣ по порядку, отъ доски до доски“. Этими словами составитель весьма вѣрно опредѣляетъ характеръ своего учебника.

Учебникъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ этимологию (стр. 1 — 78), вторая — словопроизводство и синтаксическая часть сслххх; отд. 3.

ксисъ (стр. 81—175) и третья—правила нѣмецкаго правописанія и ореографическій указатель (стр. 1—41).

Этимологія въ томъ видѣ, какъ она излагается авторомъ, назначена не для начинающихъ, а для учениковъ, прошедшихъ уже методическій курсъ нѣмецкаго языка или изучившихъ грамматику въ краткомъ видѣ. Этимъ объясняется и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается слѣдующій порядокъ изложенія: опредѣливъ раздѣленіе и свойства нѣмецкихъ звуковъ (§§ 1—5), авторъ прежде сообщаетъ общій обзоръ окончаній склоненій и спряженій (§§ 10—14), чѣмъ приступитъ къ подробному разбору склоненій (§ 15 — 34). Предлагаемыя правила вѣрны и весьма полны. Какъ на примѣры, можно указать на §§ 21 и 22: правила о родѣ существительныхъ, на §§ 25—27: объ образованіи множественнаго числа, гдѣ для облегченія заучиванія исключеній весьма удачно составлены *versus memoriales*, далѣе на § 62: объ измѣненіи гласной въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія и прошедшаго несовершеннаго сослагательнаго наклоненія, и на § 63: о звукѣ *e* въ окончаніяхъ глагола. Вообще по полнотѣ грамматическаго матеріала трудъ г. Миквица занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду изданныхъ у насъ нѣмецкихъ этимологій, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи ни одна не можетъ быть сравнена съ разсматриваемымъ учебникомъ. Для того, чтобъ ученикамъ и учителямъ легче было разобраться въ обиліи предлагаемаго матеріала, болѣе существенныя правила напечатаны крупнѣе тѣхъ примѣчаній, которыя назначаются для прохожденія въ старшихъ классахъ и для частнаго изученія желающими основательнѣе ознакомиться со строемъ нѣмецкаго языка. При изложеніи нѣмецкой этимологіи авторъ не упускалъ изъ виду интересовъ русскихъ учениковъ, для которыхъ назначена книга, о чемъ между прочимъ свидѣлствуютъ въ § 10 указаніе на способъ выраженія по-нѣмецки русскихъ творительнаго и предложнаго падежей, въ § 48—русскаго возвратнаго мѣстоименія свой и въ § 69 помѣщеніе подробныхъ парадигмъ разнаго рода возвратныхъ глаголовъ, имѣющихъ при себѣ личное дополненіе въ винительномъ падежѣ — *ich liebe mich* — въ дательномъ (съ отдѣляемой приставкой глагола) — *ich stelle mir vor* — и въ винительномъ и родительномъ падежахъ — *ich schäme mich meiner selbst*, а также помѣщеніе спряженія глаголовъ въ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ оборотахъ рѣчи.

Во второй части первые двадцать параграфовъ посвящены ученію о словопроизводствѣ. На прохожденіе этого отдѣла въ такомъ подробномъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ составителемъ, едва ли

найдется достаточно времени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; но эта статья содержитъ въ себѣ массу весьма цѣнныхъ и интересныхъ свѣдѣній, которыя искусный преподаватель сумѣетъ передать своимъ ученикамъ при чтеніи произведеній нѣмецкой письменности и при упражненіяхъ въ устномъ употребленіи нѣмецкой рѣчи. Во всякомъ случаѣ этотъ отдѣлъ можетъ способствовать основательному изученію нѣмецкаго языка въ отношеніи логическомъ (срав., напримѣръ, § 113, гдѣ даны примѣры семействъ словъ), тѣмъ болѣе, что, гдѣ это оказывается возможнымъ, обращено вниманіе на русское словопроизводство (срав., напримѣръ, § 101, гдѣ съ суффиксами, служащими производству нѣмецкихъ прилагательныхъ, сопоставлены соответствующіе русскіе суффиксы).

Въ изложеніи синтаксиса главное вниманіе обращено составителямъ на конструкціи, уклоняющіяся отъ соответствующихъ русскихъ конструкцій, и на свойственные нѣмецкому языку обороты рѣчи, а также—на порядокъ словъ и предложений, для нагляднаго изображенія котораго служатъ помѣщенные на стр. 174 и 175 таблицы. Примѣры, которыми объясняются отдѣльныя правила, коротки, типичны и заимствованы, болшею частью, изъ извѣстныхъ произведеній самыхъ выдающихся нѣмецкихъ писателей.

Третья часть содержитъ въ себѣ подробныя правила правописанія, установленныя въ Германіи правительственнымъ распоряженіемъ и принятія къ обязательному руководству во всѣхъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ. Преимущества этого новаго правописанія состоятъ: 1) въ его послѣдовательности, при возможномъ сохраненіи обычной орѳографіи; 2) въ облегченіи для изучающихъ нѣмецкую орѳографію, состоящемъ въ отбѣннѣ употребленія ненужныхъ буквъ, напримѣръ, *h* послѣ *t* въ концѣ словъ и т. п.; 3) въ опредѣленности и ясности правилъ. Въ концѣ книги на стр. 25—41 пропечатаны употребительнѣйшія слова въ томъ видѣ, какъ они должны писаться по изложеннымъ правиламъ орѳографіи.

Вся книга—плодъ серьезныхъ научныхъ трудовъ составителя и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ его знакомство съ потребностями русскихъ учениковъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ.

Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Составилъ Я. Штѣйтауеръ, преподаватель нѣмецкаго языка въ Симбирской гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ю стр. 273+84.

Статья, числомъ 107 (прозаическихъ 67 и поэтическихъ 40), составляющія вышеозначенный сборникъ, весьма различны какъ по со-

держанію, такъ и по пригодности къ переводу на русскій языкъ. Прозаическія статьи въ обоихъ отношеніяхъ болѣе поэтическихъ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Кромѣ мелкихъ разказовъ и басенъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги, описаній предметовъ природы, нѣсколькихъ писемъ (стат. 30—33 и 61—64), статей историческаго содержанія и двухъ болѣе объемистыхъ разказовъ (стат. 44 и 99), помѣщено и довольно значительное количество статей, относящихся къ русской жизни и къ отечественной исторіи: 12—Edler Zug Peters des Grossen, 42 — Der russische Bettler, 69 — Colonisation in Russland, 70 — Moskau, 72 — Wohnungen, Tracht und Charakteristik (sic!) der Kleinnrussen, 74—Der erste Ostertag in St.-Petersburg, 86—Napoleons Zug nach Russland и 92 — Lomonossow (переводъ рѣчи М. Погодина на юбилей Московскаго университета). Между прозаическими статьями и помѣщенными рядомъ съ ними поэтическими нерѣдко замѣчается такая связь, что предшествующій разказъ или описаніе облегчаетъ пониманіе слѣдующаго за нимъ стихотворенія, написаннаго на ту же или на подобную тему, напримѣръ: стат. 5 и 6, 44 и 45, 77 и 78, 80 и 81, 87 и 88, 89 и 90, 94 и 95. Не совсѣмъ понятно, чѣмъ руководствовался составитель, помѣщая статью 71—Nathan der Weise (извѣстный отрывокъ изъ драмы Лессинга, содержащій въ себѣ разказъ о трехъ кольцахъ, впрочемъ, безъ находящагося въ подлинникѣ толкованія параболы) между статьями о Москвѣ и о малороссахъ.

Прозаическія статьи вообще довольно интересны, и большая часть изъ нихъ не представляетъ чрезмѣрныхъ затрудненій для перевода на русскій языкъ. Менѣе удаченъ выборъ поэтическихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ сборника; въ числѣ ихъ не мало и трудныхъ, и скучныхъ, и не подходящихъ по своему сатирическому тону или по высказываемому въ нихъ мрачному міровоззрѣнію. Отмѣчаемъ слѣдующія стихотворенія: 76—Die Schwestern des Schicksals Гердера, 73—Der Engel und das Kind Фрейлихрата, 49—Der Bettler und sein Hund Шамиссо, 51 — Der stille Gang Сафира (это стихотвореніе не можетъ служить и образцомъ слога), 60—Das grosse Loos Лангбейна; 58—Der Komet Вейсе и 56—Die seltsamen Menschen Лихтвера. Въ концѣ книги помѣщены: біографія Шиллера, пять его извѣстныхъ балладъ и Пѣснь о колоколѣ.

Къ книгѣ прибавленъ довольно обстоятельный алфавитный словарь.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что сборникъ г. Штейнгауера, хотя и не можетъ быть признанъ образцовымъ, но содержитъ въ себѣ

цѣлый рядъ статей, соотвѣтствующихъ той цѣли, для которой онѣ предлагаются, то-есть, могущихъ служить удобнымъ матеріаломъ для упражненій въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій.

Конспектъ грамматики нѣмецкаго языка. Для слушателей Лѣснаго института составилъ В. Кутузовъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 24. Цѣна 20 коп.

Употребленіе конспекта грамматики какого-либо языка при повтореніи этого предмета въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, по нашему мнѣнію, не можетъ оказать ожидаемой пользы. Если уже надо повторять этимологию и синтаксисъ, то надо повторять ихъ по тѣмъ же учебникамъ, по которымъ они были пройдены учениками въ низшихъ классахъ. Это для учениковъ и легче, и гораздо полезнѣе. Исключеніе можно было бы допустить лишь въ томъ случаѣ, когда конспектъ отличается выдающимися качествами и въ кратчайшей формѣ, при хорошей группировкѣ правилъ и ясности изложенія, содержитъ въ себѣ все необходимое *in pace*, чего нельзя сказать о конспектѣ грамматики нѣмецкаго языка. Стремленіе къ краткости есть—иначе не возможно было бы изложить этимологию и синтаксисъ нѣмецкаго языка на 24 страницахъ печатнаго текста,—но это стремленіе сдѣлалось причиною пропусковъ, недомолвокъ, неточностей и неясностей. Къ числу пропусковъ слѣдуетъ отнести отсутствіе указанія на то, какъ склоняются существительныя Herz, Friede, Glaube, Gedanke, Fels и т. п.; на стр. 6, гдѣ говорится о склоненіи прилагательныхъ, не сообщены падежныя окончанія разныхъ склоненій; то же самое слѣдуетъ сказать и про личныя мѣстоименія (стр. 8), гдѣ вмѣсто сообщенія ихъ склоненія только курсивомъ напечатано слово „склоненіе“ да и только; на стр. 9 не указаны способъ образованія глагольныхъ формъ страдательнаго залога; на стр. 22 въ числѣ предложеній съ обратнымъ расположеніемъ словъ пропущены вопросительныя предложенія. Примѣрами недомолвокъ могутъ служить: на стр. 9 „полныя страдательныя залогомъ имѣютъ только переходящіе глаголы“, тутъ не досказано, чтѣ значить полный страдательный залогъ, въ чемъ состоитъ неполный и въ какихъ онъ встрѣчается глаголахъ; на стр. 20 мы читаемъ: „косвенная рѣчь не выражаетъ настоящаго сужденія или требованія“, это лишь отрицательное опредѣленіе и притомъ на столько же неясное, на сколько оно несостоятельно. Многія неясности и неточности въ изложеніи происходятъ отъ пропуска сказуемаго, другаго важнаго слова или даже цѣлаго предложенія. Такъ, напримѣръ, на

стр. 6, внизу, напечатано: „могутъ быть соединены und“ вмѣсто „союзомъ und“; на стр. 14: „отрицаніе выражается: nicht“ и т. д. вмѣсто „словами nicht“ и т. д. На стр. 7, внизу: „Въ сложныхъ словахъ zwei на zwie“, пропущено сказуемое „измѣняется“; на стр. 8: „womit, wodurch (пропущено сказуемое „ставятся“) вмѣсто предлога съ соотвѣтствующимъ падежомъ относительнаго или вопросительнаго мѣстоименія, говоряго о неодушевленныхъ предметахъ. Вмѣсто указательнаго мѣстоименія или es: „damit, dadurch, dafür“. Последнія слова въ этомъ видѣ совершенно непонятны; чтобы понять ихъ, послѣ слова es слѣдуетъ добавить вѣчто въ такомъ родѣ: „съ предлогами, въ томъ же случаѣ употребляется нарѣчіе, составленное изъ частицы da и предлога“ и т. д., хотя и съ этимъ добавленіемъ правило выражено не хорошо. Еще менѣе понятно слѣдующее мѣсто на стр. 7: „какъ опредѣленіе и сказуемое (то-есть, прилагательное въ превосходной степени) почти всегда имѣетъ членъ опред. и соотвѣтствующія падежныя окончанія. Иногда am“. Коротко, но не ясно; только знающій и не нуждающійся въ повтореніи этимологии нѣмецкаго языка по конспекту пойметъ, что въ двухъ словахъ: „иногда am“ содержится намекъ на особенный способъ образованія превосходной степени въ нѣмецкомъ языкѣ; не знающій можетъ понять правило только въ томъ смыслѣ, что превосходная степень вмѣсто обыкновенныхъ падежныхъ окончаній иногда принимаетъ окончаніе am.

Нѣмецко-русская азбука и книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для употребленія дома и въ школахъ. Часть I. Приготовительный курсъ. Составилъ Л. Миллеръ. С.-Пб. 1890. Восьмое изданіе (Achte verbesserte Stereotyp Auflage). Въ 8-ку стр. 164. Цѣна 60 коп.

Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ для учебныхъ заведеній въ Россіи. Часть II. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ гимназій. Составилъ Л. Миллеръ. С.-Пб. 1889. Девятое изданіе (Neunte unveränderte Stereotyp-Auflage). Въ 8-ку стр. VI+144+VIII+136. Цѣна 80 коп.

Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ. Часть III. Для среднихъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Л. Миллеръ. С.-Пб. 1889. Пятое исправленное изданіе (Fünfte verbesserte Stereotyp-Auflage). Въ 8-ку стр. VI+212+102+158. Цѣна 1 р. 20 коп.

Означенныя три книги, составляющія три послѣдовательныя части одного и того же учебника, въ болѣе раннихъ изданіяхъ могли считаться

пригодными, какъ учебныя пособія, для употребленія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Но съ тѣхъ поръ измѣнились требованія учебныхъ заведеній по всѣмъ предметамъ вообще, а по преподаванію новыхъ иностранныхъ языковъ въ особенности, а потому книги г. Миллера нынѣ подлежатъ тщательному разсмотрѣнію и новому опредѣленію пригодности ихъ для учебныхъ цѣлей.

Обращаясь къ первой книгѣ г. Л. Миллера, содержащей въ себѣ приготовительный курсъ, находимъ, что она начинается съ нѣмецкаго алфавита. Въ замѣчаніи на стр. 2-й сказано: „Нѣтъ никакой надобности сначала заучивать наизусть весь алфавитъ; это можно сдѣлать и послѣ прохожденія всей книги, или, всего лучше, послѣ упражненій съ заглавными буквами. Точно также нисколько не требуется разомъ пускаться въ дѣло всѣ примѣчанія о раздѣленіи буквъ и ихъ употребленіи; на эти примѣчанія, какъ и на дальнѣйшія, слѣдуетъ обращать вниманіе лишь постепенно тогда, когда это окажется полезнымъ и цѣлесообразнымъ“. Такое замѣчаніе не можетъ освободить составителя учебника отъ обязанности предлагать учебный матеріалъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ долженъ, или по крайней мѣрѣ могъ бы проходиться въ классѣ. Но какъ же можно пройти съ учениками, еще не познакомившимися даже со всѣми буквами, помѣщенными на стр. 15 и 16 грамматическія свѣдѣнія, а именно: предлоги, имена числительныя, склоненіе личныхъ мѣстоимѣній (sic), общія, неопредѣленныя числительныя и мѣстоимѣнія (sic), вспомогательныя глаголы времени въ изъявительномъ наклоненіи всѣхъ временъ? Составитель не объясняетъ, почему именно здѣсь помѣщено все это, но только говоритъ въ примѣчаніи на стр. 14: „Страницы 15 и 16 могутъ быть или совсѣмъ пропущены, или же ими можно воспользоваться, какъ упражненіями въ чтеніи, не обращая вниманіе на оглавленіе“ (?). Подобная замѣтка есть и на стр. 18, гдѣ помѣщено раздѣленіе именъ существительныхъ по значенію и по родамъ, и говорится о членахъ предложенія. На стр. 38 сообщаются знаки препинанія безъ объясненія ихъ употребленія, и единственный примѣръ или задача (Aufgabe) нарочно составленъ такъ, что желающій выставить требуемыя смысломъ знаки препинанія вводится въ заблужденіе. На стр. 39 слѣдуетъ таблица склоненій именъ существительныхъ. Вотъ и все, что сообщается изъ грамматики; даже образцовъ спряженій, за исключеніемъ глаголовъ вспомогательныхъ, нѣтъ, а между тѣмъ въ примѣчаніяхъ къ статьямъ для чтенія глаголы указываются въ слѣдующемъ видѣ: fliegen = o, = o или sich

imsehen (ie) = a, = e, предполагающемъ полное знакомство со спряженіемъ нѣмецкаго глагола. Что касается первоначальныхъ упражненій въ чтеніи, стр. 4—38, то они построены слѣдующимъ образомъ: сперва проходятся буквы „простыя“, то-есть, не выходящія изъ строки, напримѣръ, a и остальные гласныя, n, m и тому подобныя, далѣе—„надстрочныя“, напримѣръ, l, b, затѣмъ „подстрочныя“, напримѣръ, g, p и „полнострочныя“, напримѣръ, f, и наконецъ—прописныя. Упражненія въ чтеніи большею частью, а въ началѣ исключительно, состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ, слѣдовательно, могутъ служить только механическому чтенію. Желая, вѣроятно, осмыслить самое чтеніе, составитель подъ каждымъ нѣмецкимъ словомъ помѣщаетъ соответствующее ему русское слово. Это только развлекаетъ вниманіе учениковъ, а для изученія языка почти вовсе бесполезно, потому что отдѣльныя слова подобраны и сгруппированы не по какой-либо внутренней связи ихъ между собою, а лишь по внѣшнему способу ихъ начертанія. Весь этотъ отдѣлъ упражненій въ чтеніи, который при первоначальномъ изученіи языка играютъ столь важную роль, составленъ весьма неудачно. Слѣдуетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Kindergreime“. О пригодности этихъ стихковъ для изученія въ классѣ можно быть различнаго мнѣнія; по нашему мнѣнію, такимъ стихкамъ мѣсто не въ классѣ, а въ дѣтской. Но не на это, собственно, мы желали указать, а на тотъ совершенно превратный способъ, который примѣняется составителемъ при переводѣ этихъ стихковъ на русскій языкъ. Въ примѣчаніи на стр. 41 сказано: „Въ слѣдующихъ нумерахъ „Дѣтскихъ стиховъ“ имена существительныя и прилагательныя переведены по-русски большею частью въ именительномъ падежѣ, а глаголы въ неокончательномъ склоненіи; дѣти сами должны учиться при переводѣ стиховъ по-русски примѣнять надлежащія формы и правильное расположеніе словъ“. Неужели для того, чтобы дѣти научились правильно переводить съ нѣмецкаго языка, надо имъ предлагать переводъ на исковерканномъ русскомъ языкѣ? Какъ можно допустить, чтобы дѣти, еще не окрѣпшія въ родномъ языкѣ, читали въ учебной книгѣ галиматію въ родѣ слѣдующаго перевода (стр. 50) нѣмецкаго изреченія: Fängst du dein Werk mit Beten an, Ist's um die Hälfte schon gethan: „Начинать ты твой, свой дѣло, занятіе съ молитва (То) оно на половина уже слѣдвать“!!!

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ „краткія предложенія и статьи“ помѣщаются сперва отрывочныя предложенія, служащія упражненіями на

названіе предметовъ, дѣйствій, качествъ и на употребленіе падежей въ видѣ дополненій и опредѣленій. Затѣмъ идутъ небольшіе разказы и стихотворенія, которые, за немногими исключеніями (напримѣръ, 29, 54, 87) могутъ съ пользою читаться и разбираться въ классѣ. Въ нихъ говорится про домашнихъ животныхъ, птицъ, про времена года и т. под., безъ сухости и съ довольно удачною группировкой отдѣльныхъ статей, въ расположеніи которыхъ замѣчается нѣкоторая связь и постепенность. Не совсѣмъ умѣстна статья 74 на стр. 117, озаглавленная „Tischgebete“; она попала сюда по поводу слѣдующей статьи, въ которой говорится о хлѣбѣ. Предлагаются по три молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, обозначенныя буквами а, b, с. Молитвы передъ обѣдомъ подъ а и с—извѣстныя молитвы „Aller Augen warten“ и „Komm, Herr Jesu“, а помѣщенная между ними подъ буквою b—вовсе не молитва, а слѣдующій довольно пошлый стишокъ: „Nun gehen wir zum Mittagstisch, und giebt es Braten nicht und Fisch—So giebt es etwas andres doch. Der Hunger ist der beste Koch“. Это—болѣе, чѣмъ неумѣстно. Помѣщенные подъ номеромъ 117 на стр. 145 церковныя пѣсни озаглавлены „Schullieder“, школьными пѣснями, и едва ли удобно предлагать русскій стихотворный переводъ этихъ пѣсней, употребляемыхъ при богослуженіи по лютеранскому обряду. Но во всякомъ случаѣ нельзя помѣщать, какъ это дѣлаетъ составитель на стр. 158, въ книгѣ, назначаемой для обученія нѣмецкому языку, славянскій текстъ десяти заповѣдей и Молитвы Господней рядомъ съ извлеченіемъ изъ Лютерова катехизиса „Hauptstücke des christlichen Glaubens“, то-есть, заповѣди, Символъ вѣры и Молитву Господню по нѣмецки съ объясненіями Лютера. Видно, что составитель не далъ себѣ отчета въ томъ, для кого онъ пишетъ книгу и какую.

Вторая книга г. Л. Миллера состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ, нѣмецкій (deutsche Abtheilung), начинается съ предварительныхъ упражненій — Vorübungen, то-есть, отдѣльныхъ предложеній на нѣмецкомъ языкѣ для грамматическихъ упражненій. Въ замѣткѣ, предшествующей этой статьѣ, сказано: „Diese Vorübungen brauchen nicht alle zu Anfange (?) oder in der hier gebotenen Reihenfolge durchgenommen zu werden; es können vielmehr einzelne beliebige Theile derselben dann an die Reihe kommen, wenn gerade der entsprechende Abschnitt der Grammatik behandelt wird“. Но къ какому именно отдѣлу грамматики относятся тѣ или другіе примѣры—этого не обозначено, такъ что весьма затруднительно пользо-

ваться этимъ сборникомъ примѣровъ. Затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкія статьи для чтенія, приблизительно такого же характера, какъ и статьи, составляющія содержаніе выше рассмотрѣнной первой части. Въ числѣ ихъ преобладаютъ стихотворенія, но есть и достаточное количество прозаическихъ статей, подходящихъ по содержанию и изложенію къ познаніямъ и развитію учениковъ имѣющагося въ виду возраста. Жаль только, что какъ статьи, такъ и приложенный къ нимъ нѣмецко-русскій словарь, напечатаны слѣпо и пестро, что особенно замѣчается въ словарѣ, благодаря тому, что для сбереженія мѣста слова напечатаны въ три столбца, и, кромѣ того, постоянно употребляются черточки =, круглыя и угловатыя скобки ( ), [ ]. Второй отдѣлъ второй части книги, носящей общее заглавіе „Deutsches Lesebuch“, озаглавленъ: „Книга для упражненія въ переводѣ съ русскаго на нѣмецкій и французскій языки“. Какъ и почему здѣсь вдругъ очутился французскій языкъ—не извѣстно, такъ какъ авторъ объ этомъ соблюдаетъ глубокое молчаніе. Состоитъ же этотъ отдѣлъ изъ русскихъ статей, въ число которыхъ попали три французскія басни, составляющія параллель къ столькимъ же баснямъ Крылова, а именно: 123—*Le corbeau et le renard*, 124—*Le quatour* и 126—*Le renard et les raisins*. Къ этому отдѣлу прибавленъ русско-нѣмецко-французскій словарь. Какую, собственно, цѣль имѣлъ въ виду составитель, мѣшая два иностранныхъ языка въ одной и той же учебной книгѣ, при томъ назначаемой для низшихъ и среднихъ классовъ,—намъ, признаться сказать, совершенно непонятно. Для учениковъ означенныхъ классовъ русскій текстъ, переводимый на иностранный языкъ, долженъ быть подобранъ и составленъ такъ, чтобъ онъ не представлялъ особенныхъ трудностей, что достигается лишь въ томъ случаѣ, если этотъ текстъ приуроченъ къ тому языку, на который онъ долженъ переводиться. Чтобъ одинъ и тотъ же текстъ удовлетворялъ этимъ требованіямъ разомъ по отношенію къ обоимъ языкамъ, къ нѣмецкому и французскому, — это почти не мыслимо при громадной разницѣ въ способѣ выраженія мыслей на этихъ языкахъ. Какъ же рѣшилъ составитель столь трудную задачу? Онъ не обратилъ вниманія ни на тотъ, ни на другой изъ иностранныхъ языковъ, а просто представилъ нѣчто въ родѣ русской хрестоматіи, въ которой между прочимъ помѣщаются басни Крылова: Ворона и Лисица, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Трудолюбивый Медвѣдь, и Хемницера: Кукушка и Скворецъ, Лошадь и Оселъ. Эти басни трудны для перевода даже въ старшемъ классѣ; какъ же справиться съ ними уче-

никакъ низшихъ и среднихъ классовъ? Весь отдѣлъ заключается опять „школьными пѣснями“, то-есть, такими же, о каковыхъ сказано было по поводу первой части. Русскій переводъ этихъ двухъ церковныхъ пѣсней искаженъ двумя опечатками: *все вм. вст* и *отла* вм. *отла*.

Третья книга г. Л. Миллера расположена такъ же, какъ и вторая: она также раздѣлена на нѣмецкій и на русскій отдѣлы, и къ каждому отдѣлу прибавлено по соответствующему словарю; о французскомъ языкѣ, однако, и помину нѣтъ. Это обстоятельство, а равно и болѣе удовлетворительная типографская отдѣлка книги, хотя и въ этомъ отношеніи въ нѣмецко-русскомъ словарѣ не все исправно, даютъ третьей части большое преимущество передъ второю.

Курсъ рисованія для не имѣющихъ учителя рисованія, 5 тетрадей по 30 листовъ, составилъ *Д. М. Струковъ*, художникъ Императорской академіи, учитель военнс-учебныхъ заведеній, учитель рисованія начальныхъ училищъ. Москва. 1888. Цѣна за тетрадь 25 к.

Трудно себѣ представить болѣе странное и своеобразное собраніе оригиналовъ для рисованія, чѣмъ предлагаемый г. Струковымъ „Курсъ рисованія“. Самъ авторъ, кажется, это сознаетъ, предчувствуя, какъ самъ выражается, что „предлагаемый имъ курсъ можетъ встрѣтить отъ гг. специалистовъ обученія рисованію и художниковъ неодобрительный отзывъ за бессистематичность и какъ бы непослѣдовательность помѣщенныхъ рисунковъ, какъ принято видѣть въ общепотребительномъ порядкѣ обученія“.

Намъ кажется, что не только специалистамъ въ обученіи рисованію и художникамъ, но и всѣмъ лицамъ, смыслящимъ въ педагогическомъ дѣлѣ, представятся рисунки въ „Курсѣ рисованія“ г. Струкова не только вполне лишенными какой-либо системы, но даже просто смысла. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ посмотреть любую изъ тетрадей курса г. Струкова. Возьмемъ хотя бы первую; вотъ что на таблицахъ ея нарисовано: на первыхъ двухъ таблицахъ—разныя кривыя, дугообразныя и переплетающіяся линіи, кругообразныя и овальныя линіи, зигзаги; на 3-й таблицѣ—параллельныя, вертикальныя, горизонтальныя и наклонныя линіи, квадратъ; на 4-й, 5-й и 6-й таблицахъ—разныя листья и цвѣты; на 7-й и 8-й таблицахъ—разныя кривыя изъ одного почерка, представляющія не орнаменты, а какія-то случайно проведенныя вдоль да поперекъ линіи; на 9-й таблицѣ—нѣсколько горизонтальныхъ линій, раздѣленныхъ на раз-

личные части, неравныя между собою; на 10-й и 11-й таблицахъ—различныя каракульки, точно кто-нибудь, закрывъ глаза, проводилъ перомъ разныя кривыя линіи вдоль да поперекъ бумаги; на 12-й таблицѣ—различныя горшки и кружки, всё нарисованное криво да косо; на 13-й таблицѣ—опять каракульки, подобныя помѣщеннымъ на таблицахъ 10-й и 11-й; на 14-й таблицѣ—кисть винограда, лежащая на тарелкѣ; на 15-й и 16-й таблицахъ—квадраты, углы и многоугольники; на 17-й и 18-й таблицахъ—опять каракульки, подобныя изображеннымъ на таблицахъ 10-й и 11-й, но только симметрично расположенныя; на 18-й таблицѣ—подсвѣчники, лампы и рейсфедеры; на 20-й таблицѣ—самоваръ въ невозможныхъ перспективныхъ ракурсахъ, кувшинъ и блюдо; на 21-й таблицѣ—что-то въ родѣ заборовъ или загородекъ; на 22-й таблицѣ—разные столы, стулья, комодъ и шкафъ, то въ перспективѣ, то въ геометралѣ; на 23-й таблицѣ—разные инструменты, какъ, напримѣръ, пила, молотокъ, рубанокъ, топоръ и проч.; на 24-й таблицѣ—фасады домовъ и соединенія бревень, употребляемыя при деревянныхъ постройкахъ, такъ называемый срубъ; на 25-й таблицѣ—планъ комнаты и окна; на 26-й таблицѣ—планъ дома и комнаты; на 27-й таблицѣ—различныя плетенки; на 28-й таблицѣ—детали деревьевъ; на 29-й таблицѣ—части человѣческаго лица и наконецъ на 30-й таблицы—кисть руки.

Вотъ пестрое содержаніе первой тетради! Въ остальныхъ четырехъ тетрадяхъ повторяется подобная же смѣсь всевозможныхъ предметовъ, животныхъ, растений, цвѣтовъ, головъ, орнаментовъ, перспективныхъ построеній, геометрическихъ фигуръ, чертежныхъ инструментовъ и тому подобныхъ полезныхъ и занимательныхъ предметовъ. Все это нарисовано самымъ небрежнымъ образомъ, и всѣ таблицы, отъ первой до послѣдней, имѣютъ одинаково беспорядочный видъ и не содержатъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на изящное.

Подобную же смѣсь представляетъ собою приложенный къ этимъ рисункамъ текстъ, напечатанный то на отдѣльныхъ листахъ, то на оберткахъ тетрадей. Въ этомъ текстѣ мы находимъ въ разбросъ то объясненіе рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицахъ, то указанія, какъ ихъ нужно рисовать, то перечисляются употребительнѣйшія краски. Кромѣ того, въ этомъ же текстѣ, преимущественно напечатанномъ на оберткахъ, мы находимъ и положеніе объ Императорской академіи художествъ, утвержденное императрицею Екатериною II, и перечисленіе существующихъ въ Россіи учебныхъ заведеній для обученія рисованію, положеніе о рисовальныхъ школахъ и т. п. свѣдѣнія.

При разсмотрѣннн всего этого разнороднаго матеріала, которымъ наполнены всѣ тетради разсматриваемаго сочиненія г. Струкова, невольно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается методъ обученія рисованію г. Струкова, какую педагогическую цѣль преслѣдуетъ авторъ этими оригиналами, какихъ результатовъ желаетъ онъ достигнуть своимъ методомъ преподаванія?

Вѣроятно, г. Струковъ полагаетъ, что всякое, хотя и небрежное, срисовываніе всевозможныхъ фигуръ и предметовъ въ большемъ количествѣ должно наконецъ развить въ рисующемъ глазъ и руку и сдѣлать его способнымъ къ пониманію формъ и вѣрной передачѣ ихъ какимъ-нибудь графическимъ способомъ. Г. Струковъ однако забываетъ, что по части рисованія достигаются удовлетворительные результаты не небрежною быстротою, а толковымъ срисовываніемъ оригиналовъ или же дѣйствительныхъ предметовъ, равно какъ и въ наукахъ приобрѣтаются положительныя познанія не безсознательнымъ, быстрымъ, поверхностнымъ чтеніемъ, а сознательнымъ и постепеннымъ систематическимъ изученіемъ наукъ. Чтобы развить глазъ и руку рисующаго и сдѣлать его способнымъ понимать и вѣрно передавать графически форму предметовъ, нужно научить его сознательно и основательно рисовать элементы формъ предметовъ. Въ этомъ заключается и всегда будетъ заключаться главная суть всякаго разумнаго преподаванія рисованія, а не въ небрежномъ изображеніи множества различныхъ предметовъ.

Разсмотрѣнный съ точки зрѣнія современной педагогики рисованія „Курсъ рисованія“ г. Струкова представляетъ собою не что иное, какъ своего рода курьезъ, наданіе, очевидно, непригодное для своей цѣли—служить учебнымъ пособіемъ при изученіи рисованія.

Учебникъ ботаники. Руководство для реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *М. Варавва*, преподаватель Московскаго учительскаго института. Часть I. Съ 156 рисунками въ текстѣ. Москва. 1885. 174 стр. Цѣна 1 р. Часть II. Съ 176 политипажамн. Москва. 1836. 201 стр. Цѣна 1 р.

Въ предисловіи, находящемся при второй части, авторъ объясняетъ, что онъ сообразовался съ требованіями учебныхъ плановъ для реальныхъ училищъ и отступилъ отъ этихъ плановъ только въ томъ, что изученіе отдѣльныхъ растений ограничилъ однимъ годомъ, а кромѣ того, ввелъ въ учебникъ главнѣйшія свѣдѣнія изъ географіи и палеонтологіи растений (на эти свѣдѣнія посвящено 28 страницъ).

Что касается до перваго отступленія, то его слѣдуетъ вполне одобрить; ибо учебникъ, по существу дѣла, долженъ представлять систематическое изложеніе понятій науки; методическое же обученіе должно быть предоставлено выбору преподавателя и сообразоваться съ случайными удобствами добыванія тѣхъ или другихъ растений. Въ книгѣ должны быть даны развѣ только образцы такого методическаго разсматриванія отдѣльныхъ растений, а не полный его курсъ, да кажется, теперь уже всѣ отказываются отъ употребленія этого приѣма въ большихъ размѣрахъ.

Прибавленіе очерка географіи и палеонтологіи растений, конечно, ничему помѣшать не можетъ и будетъ полезно для любознательныхъ учениковъ. Есть въ этомъ учебникѣ другія страницы, которыя можно признать лишними, напримѣръ, страничка о теоріи Дарвина (ч. II, стр. 2, 3), и т. п. Но подобные избытки легко отбросить при преподаваніи. Для облегченія учащихся авторъ напечаталъ мелкимъ шрифтомъ тѣ мѣста книги, которыя могутъ подлежать сокращенію.

За всѣмъ этимъ, если станемъ разсматривать существенное содержаніе книги, то найдемъ въ ней краткій курсъ ботаники, обработанный весьма тщательно, изложенный точнымъ и легкимъ языкомъ, снабженный отчетливыми и поучительными рисунками и напечатанный четкимъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ.

Мы готовы были бы признать за этимъ трудомъ право на полное одобреніе, еслибъ онъ не представлялъ одной слабой стороны: малой строгости въ разъясненіи понятій, недостаточной научности въ изложеніи основныхъ опредѣленій. Въ учебникахъ этотъ недостатокъ очень часто встрѣчается, между тѣмъ онъ не обходится безъ вреда для дѣла.

На первой страницѣ авторъ указываетъ семь частей въ ботаникѣ, ни мало не различая между ними главныхъ и побочныхъ или производныхъ. Такимъ образомъ, учащемуся не дается никакого направленія, не указывается главнаго содержанія науки, начатки которой онъ долженъ усвоить. Въ сущности, центральную часть преподаванія должна составлять систематика, и нужно бы ясно показать ея важность и отношеніе къ ней другихъ частей. Нельзя также удовольствоваться такими краткими и слишкомъ узкими опредѣленіями: „физиологія изучаетъ отправленіе органовъ“, не говоря, уже о томъ, что ни понятіе органъ, ни понятіе отправленіе нигдѣ не опредѣляются.

Изложение понятій о системѣ не довольно полно и точно. Изученіе систематики только тогда пріобрѣтаетъ интересъ, когда учащійся убѣжденъ, что въ самой природѣ господствуетъ подчиненіе признаковъ менѣ существенныхъ признакамъ болѣе существеннымъ, и потому есть группы организмовъ, ясно отличающіяся однѣ отъ другихъ. Въ разбираемой книгѣ сказано: „Какъ отдѣльныя растительныя особи соединяются на основаніи сходства своихъ признаковъ въ виды, точно также и виды, у которыхъ органы размноженія (цвѣты, споры и пр.) имѣютъ общіе существенные признаки, соединяются въ одинъ родъ“ (ч. II, стр. 2).

Почему безъ всякой оговорки явились тутъ „органы размноженія“?

Почему вмѣсто простаго слова сходны поставлено запутанное выраженіе: имѣютъ общіе существенные признаки? Между тѣмъ вовсе не указанъ фактъ, что родъ есть также естественное дѣленіе, то-есть, что виды одного рода отдѣляются отъ видовъ другихъ родовъ большимъ промежуткомъ, скачкомъ. Тогда и можно было бы заявить, что различіе въ органахъ размноженія бываетъ указаніемъ на такой скачекъ. Понятіе естественнаго сродства вообще не разъяснено, и также не показано, что естественная система въ сущности одна, и что системы различныхъ авторовъ суть лишь попытки къ ней приблизиться.

Подобную неполноту и неточность въ постановкѣ понятій можно найти и въ другихъ отдѣлахъ разбираемой книги. Возьмемъ для примѣра параграфъ: Дѣйствіе силы тяжести, занимающій почти три страницы (ч. II, стр. 151—153). Можно подумать по всему тону рѣчи, что здѣсь дано полное объясненіе такъ-называемаго геотропизма. Между тѣмъ такого объясненія не существуетъ, то-есть, не возможно объяснить этого явленія изъ одного дѣйствія тяжести и физическихъ свойствъ клѣточекъ. Нужно прибѣгнуть къ дѣйствию протоплазмы, слѣдовательно, видѣть источникъ явленія въ томъ, что мы вообще называемъ жизнью, но чего еще не умѣемъ понимать. Направленіе стебля вверхъ, а корня внизъ—сообразуется съ силою тяжести, но это сообразованіе живое, а не мертвенное. Отъ учебника можно бы требовать точной постановки этого вопроса во всей его таинственности.

Такимъ образомъ, разбираемая книга, представляя большія достоинства въ изложеніи частныхъ, не чужда недостатковъ въ отношеніи общихъ вопросовъ. При всемъ томъ, ее нужно признать едва ли не лучшимъ изъ существующихъ у насъ учебниковъ ботаники.

Ботаника для реальныхъ училищъ. Составлена по новой программѣ *Н. Раевскаго*, директоромъ Московскаго учительскаго института. Съ 240 рисунками. Москва. 1890. Стр. VIII+215. Цѣна 1 р. 25 к.

Книгу эту, собственно, нужно считать шестымъ изданіемъ Систематическаго курса ботаники (1887 г.) того же автора. Новое заглавіе дано книгѣ потому, что она старательно приспособлена къ новой примѣрной программѣ, утвержденной въ прошломъ году. Приспособленіе состояло главнымъ образомъ въ измѣненіи порядка предметовъ, да еще въ томъ, что въ началѣ прибавлено „Разсмотрѣніе отдѣльныхъ растений“, числомъ одиннадцати. Важное добавленіе составляютъ также новые рисунки, числомъ 37. Такимъ образомъ книга, вмѣсто 167 страницъ пятаго изданія, содержитъ теперь 215 страницъ, но цѣна ея осталась та же.

Успѣхъ учебника г. Раевского показываетъ намъ, въ чемъ состоятъ главныя качества, которыхъ ищутъ преподаватели въ учебникахъ вообще. Эти качества суть краткость и ясность, отсутствіе всего лишняго при достаточной полнотѣ предметовъ и отчетливости изложенія. Этихъ достоинствъ нельзя не признать вообще за учебниками г. Раевского, хотя бы и были въ нихъ какія нибудь частныя неточности въ фактахъ или въ выраженіяхъ. Новая его книга, конечно, столь же пригодна для дѣла, какъ и прежнія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ТОМСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1889 ГОДУ.

Томскій университетъ, открытый въ октябрѣ 1888 года, состоитъ изъ одного факультета—медицинскаго. Въ 1889 году преподавателей находилось 8, въ томъ числѣ: 1 профессоръ богословія, 1 ординарный профессоръ и 6 экстраординарныхъ; изъ нихъ 6 имѣютъ степень доктора (медицины и вспомогательныхъ предметовъ) и двое степень магистра (богословскихъ наукъ и фармаціи). Предметы преподаванія въ 1889 году были слѣдующіе: богословіе, анатомія, гистологія и эмбриологія, фармація и фармакогнозія, физиологія, физика и физическая географія, химія, минералогія и геологія, ботаника и зоологія. Изъ числа профессоровъ командированы были съ ученою цѣлью: одинъ заграницу, другой въ С.-Петербургъ. Кромѣ профессоровъ, по порученію совѣта университета, командированы были, въ вакаціонное время, съ ученою цѣлью въ окрестности города Томска хранитель минералогическаго кабинета, консерваторъ зоологическаго музея и бібліотекаръ университета.

Нѣкоторые профессора и служащіе въ университетѣ лица издали въ 1889 году ученые труды, а именно: профессоры: Догель—„Eine neue Imprägnationsmethode der Gewebe mittelst Methylenblau“ и „Что такое кровь?“—публичная лекція, читанная въ пользу переселенцевъ; Великій — „Къ иннерваціи ядоотдѣляющихъ железъ у ядовитыхъ змѣй“; Зайцевъ—„Замѣтка о геологическомъ строеніи окрестностей

города Томска"; Коржинскій—,Сѣверная граница черноземно-степной области"; Кащенко—,О процессѣ созрѣванія яйца у акулъ" и лекціи зоологін, литографированный курсъ; Леманъ—,О фальсификаціи шафрана" и „Химическій анализъ воды, употребляемой въ городѣ Томскѣ для питья и различныхъ хозяйственныхъ надобностей"; библіотекаръ Кузнецовъ — совмѣстно съ помощникомъ прозектора Чугуновымъ: „Случайная находка натуральной муміи въ Томскѣ“, отчеты о первыхъ двухъ очередныхъ засѣданіяхъ Томскаго общества естествоиспытателей и врачей, и сдѣлалъ два сообщенія въ засѣданіяхъ этого общества: „Заботы царя Алексѣя Михайловича о собираніи въ Сибири лѣкарственныхъ травъ" и „Отчетъ объ археологическихъ разысканіяхъ въ окрестностяхъ города Томска, произведенныхъ въ 1889 году"; помощникъ библіотекаря Оксеновъ издалъ „Сибирь до эпохи Ермака, по свидѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245 — 1578 г.)" и „О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими бугарами".—Кромѣ того, двумя профессорами прочитаны были публичныя лекціи: Зайцевымъ—о землетрясеніяхъ и Кащенко—о жизни и смерти въ животномъ царствѣ.

Къ 1-му января 1890 г. всѣ кабинеты и лабораторіи были поставлены на столько, что преподаваніе, а равно и практическія занятія со студентами велись правильнымъ образомъ. Такъ, по физиологін теоретическій курсъ, читанный студентамъ III семестра, сопровождался физиологическими опытами надъ животными и демонстраціями важнѣйшихъ физиологическихъ приборовъ. По анатоміи практическія занятія заключались въ приготовленіи студентами препаратовъ, при чемъ на каждыхъ двухъ студентовъ выдавались рука, нога и голова для препарирования мышцъ, а на шестерыхъ цѣлый трупъ для изученія мышечной системы, затѣмъ еще четыре препарата съ налитыми сосудами для препарирования артерій. Кромѣ часовъ, назначенныхъ по росписанію для практическихъ занятій, для желающихъ заниматься анатомическій кабинетъ былъ открытъ ежедневно отъ 9 до 3 часовъ дня и отъ 4 до 9 часовъ вечера. Труповъ въ анатомическій кабинетъ въ продолженіе года поступило 163, изъ нихъ 113 изъ центральной пересыльной тюрьмы, 39 изъ тюремнаго замка и 11 изъ городской больницы. — По гистологін съ эмбриологіей студенты прошли практически весь курсъ общей гистологін, при чемъ каждый студентъ во время практическихъ занятій имѣлъ въ своемъ распоряженіи микроскопъ, извѣстное количество инструментовъ и прочее, и такимъ образомъ могъ познакомиться какъ съ пройденнымъ тео-

ретически курсомъ общей гистологіи, такъ равно и съ важнѣйшими методами гистологической техники. Въ гистологическомъ кабинетѣ въ теченіе весенняго полугодія 1889 года велись практическія занятія со студентами II семестра, которые, для удобства преподаванія, были раздѣлены на четыре группы, и каждая изъ группъ занималась 8 часовъ въ недѣлю; въ осеннемъ полугодіи читался теоретически курсъ общей гистологіи (3 часа въ недѣлю) студентамъ I семестра и курсъ частной гистологіи (4 часа въ недѣлю) студентамъ III семестра, при чемъ демонстрировались готовые микроскопическіе препараты по прочтеннымъ отдѣламъ. Кромѣ того, для желающихъ заниматься кабинетъ былъ открытъ ежедневно отъ 9 до 3 часовъ.— По фармаціи и фармакогнозіи студенты II семестра занимались практически изученіемъ простыхъ врачебныхъ средствъ животнаго и растительнаго происхожденія, а студенты III семестра упражнялись въ фармацевтической лабораторіи надъ составленіемъ и приготовленіемъ сложныхъ лекарственныхъ формъ для внутренняго и наружнаго употребленія. Кромѣ назначенныхъ для практическихъ занятій часовъ, лабораторія и кабинетъ фармацевтической открыты были для желающихъ заниматься ежедневно отъ 10 до 3 часовъ.— Изъ курса химіи, кромѣ чтенія лекцій по неорганической, органической и аналитической химіи, сопровождавшихся производствомъ существеннѣйшихъ реакцій и опытовъ и демонстрацію важнѣйшихъ препаратовъ, со студентами III семестра велись практическія занятія; для этихъ занятій студенты были раздѣлены на группы, при чемъ каждая группа работала 9 часовъ въ недѣлю: съ наиболѣе усердно занимавшимися студентами проанализировано 40 простыхъ соединеній.— По зоологіи практическія занятія со студентами заключались въ слѣдующемъ: а) во вскрытіи студентами, подъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателя, главнѣйшихъ представителей животнаго царства, б) въ изученіи готовыхъ зоологическихъ препаратовъ, в) въ изслѣдованіи подъ микроскопомъ одноклѣтчатыхъ и другихъ мелкихъ животныхъ, преимущественно изъ числа имѣющихъ практическое значеніе для медицины; для этихъ занятій студенты, вслѣдствіе значительнаго числа ихъ, были раздѣлены на группы. — По ботаникѣ студентамъ первыхъ двухъ семестровъ производились систематическія демонстраціи по курсу анатоміи и морфологіи растений.— По минералогіи студенты II семестра знакомились по коллекціямъ съ минералами и главнѣйшими горными породами, а студенты I семестра изучали главнѣйшія кристаллическія формы и минералы по моделямъ, естествен-

нымъ кристалламъ и по учебной коллекціи минераловъ.—По физикѣ студентамъ весенняго (II) семестра были прочитаны: свѣтъ, теплота, магнетизмъ и электричество; чтеніе лекцій сопровождалось опытами и демонстраціей различныхъ физическихъ приборовъ и инструментовъ.— Въ осеннемъ семестрѣ физика и богословіе не читались, за отсутствіемъ преподавателей по этимъ каѳедрамъ. Пропущенныхъ въ теченіе года лекцій было 17 часовъ, практическихъ занятій 12 час.

Въ теченіе мая и декабря студенты III семестра выдержали окончательное испытаніе: а) по минералогіи, ботаникѣ, химіи неорганической и органической и физикѣ—16 студентовъ, б) по минералогіи, ботаникѣ, неорганической химіи и физикѣ—10, в) по минералогіи, ботаникѣ и физикѣ—24, г) по минералогіи, ботаникѣ и неорганической химіи—1, д) по минералогіи и ботаникѣ—2, е) по минералогіи и физикѣ—7, ж) по минералогіи—2, з) по ботаникѣ и физикѣ—2, и) по физикѣ—2, і) по химіи—2.

Въ ноябрѣ 1889 года одинъ аптекарскій ученикъ утвержденъ въ званіи аптекарскаго помощника.

Къ 1-му января 1889 года въ Томскомъ университетѣ находилось 72 студента и 2 вольнослушателя. Въ теченіе года вышло 5 студентовъ (2 — для перехода въ другой университетъ, 3 — по невозможности продолжать образованіе вслѣдствіе недостатка средствъ) и 1 вольный слушатель. Въ августѣ изъ 165 подавшихъ прошенія принято: 122 въ число студентовъ (33 воспитанника гимназій, 5 изъ другихъ университетовъ, 83 воспитанника духовныхъ семинарій и 1, принятый съ разрѣшенія высшаго начальства, бывшій воспитанникъ военной учительской семинаріи) и 4 посторонними слушателями. За симъ къ 1-му января 1890 года въ университетѣ числилось 190 студентовъ и 5 постороннихъ слушателей. Въ числѣ студентовъ состояло къ 1890 году: бывшихъ воспитанниковъ гимназій 60 (31,57%), бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій 123 (64,74%), бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 6 (3,16%), изъ воспитанниковъ военной учительской семинаріи 1 (0,53%). По вѣроисповѣданіямъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ 163, римско-католиковъ 4, протестантовъ 8, евреевъ 19, магометанъ 1; по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 33, духовнаго званія 117, купцовъ 11, мѣщанъ 17, крестьянъ 5, нижнихъ воинскихъ чиновъ, поселенцевъ и инородцевъ 7. Бывшіе въ 1888 и 1889 годахъ студенты пользовались слѣдующими пособіями: изъ 72 студентовъ 1888—1889 учебнаго года въ первой половинѣ 1889 года: а) были

освобождены отъ платы за ученіе 11 лицъ; б) внесено платы изъ благотворительныхъ суммъ, находившихся въ распоряженіи университетскаго правленія, за 36 лицъ, всего на сумму 837 руб. 35 коп. Изъ 190 студентовъ 1889—1890 учебнаго года во второй половинѣ были освобождены отъ платы 61 и внесено платы изъ благотворительныхъ суммъ за право ученія за 40 лицъ на сумму 971 руб. Пособій въ теченіе года было выдано студентамъ: изъ благотворительныхъ суммъ 817 руб. и изъ специальныхъ средствъ 143 руб., всего 960 руб., изъ нихъ заимообразно 630 руб. Сверхъ того, отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій отпускались особа суммы на стипендіи и пособія: такъ, 4 студента пользовались стипендіями въ размѣрѣ 250—300 руб. ¹⁾, а 5 студентовъ получили единовременныя пособія отъ 250 руб. до 400 руб. включительно.

Денежныя средства Томскаго университета въ 1889 году находились въ слѣдующемъ положеніи: I. Штатныя суммы: на содержаніе университета изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано было по смѣтѣ 121.900 р. (на содержаніе личнаго состава 71.000 р., на учебновспомогательныя учрежденія и хозяйственные расходы 50.900 р.), въ теченіе года изъ этой суммы израсходовано 93.460 руб. 83 коп. (48.282 руб. 54 коп. на личный составъ и 45.178 руб. 29 коп. на хозяйственные расходы и учрежденія); затѣмъ къ 1-му январю 1890 года имѣлось въ остаткѣ 28.439 руб. 17 коп.; остатокъ этотъ имѣетъ быть употребленъ частью въ теченіе льготнаго срока 1890 года, а остальная, большая часть, съ разрѣшенія высшаго начальства, на разныя хозяйственныя нужды университета. Сверхъ того изъ государственнаго казначейства были дополнительно ассигнованы 2.738 р. 43 коп. на добавочное жалованье и на выдачу прогонныхъ и подъемныхъ денегъ. Наконецъ, въ 1889 году израсходованы, съ разрѣшенія начальства, 2.714 руб. 40 коп., оставшіеся отъ смѣтнаго назначенія 1888 года, и употреблены на строительныя надобности. Такимъ образомъ, на содержаніе Томскаго университета въ 1889 году ассигновано было изъ казны 127.353 руб. 33 коп. II. Специальныя средства: а) сборъ платы за ученіе въ пользу университета; б) сборъ платы за ученіе въ пользу профессоровъ. Сбора платы въ пользу университета оставалось отъ 1888 года 922 руб. 77 коп., въ теченіе 1889 года поступило 5.700 р., израсходовано въ тотъ же періодъ 4.069 руб. 29 коп., къ 1-му январю 1890 г. въ остаткѣ имѣлось 2.553 руб. 48 коп. Главнѣйшими

¹⁾ См. стр. 13 Отчета.

расходами изъ этого источника были: 1.604 р. 9 коп. на работы по постройкѣ анатомической аудиторіи и 1576 р. 28 к. на учебно-вспомогательныя учрежденія. Сбора платы за ученіе въ пользу профессоровъ отъ 1888 года оставалось 47 р. 25 к., въ 1889 году поступило 4.650 р. 15 к., израсходовано: на выдачу профессорамъ гонорара 4.501 руб. 65 коп. и возвращено студентамъ за не состоявшіеся курсы въ первомъ полугодіи—зоологии, во второмъ—физики 195 руб. 75 коп. III. Капиталь А. М. Сибирякова. Капиталь этотъ, пожертвованный А. М. Сибиряковымъ въ 1876 году въ количествѣ 100.000 руб., переданъ былъ въ вѣдѣніе университета въ февралѣ 1889 года (въ процентныхъ бумагахъ) въ суммѣ 176.356 руб. 44 коп., а съ присоединеніемъ процентовъ въ 1889 году (9.734 руб. 43 коп.) и пособія на возмѣщеніе 5% сбора съ доходовъ (371 руб. 50 коп.) Сибиряковскій капиталъ достигъ къ 1-му января 1890 года до 186.462 руб. 37 коп. Согласно постановленіямъ совѣта университета, въ 1889 году изъ общей суммы капитала было отчислено въ расходный капиталъ на устройство кабинетовъ, на потребности существовавшихъ въ томъ году каедръ 44.300 руб., а изъ общей суммы процентовъ—на тотъ же предметъ 4.889 руб. 26 к. и уплачено за снимки съ могильныхъ типовъ для археологическаго музея 68 руб., итого выписано въ расходъ 49.257 руб. 26 коп. За сямъ къ 1-му января 1890 г. Сибиряковскаго капитала состояло: въ процентныхъ бумагахъ 135.100 руб. и наличными 2.105 руб. 11 коп. На обзаведеніе кабинетовъ, какъ выше сказано, отчислено было 49.189 р. 26 к. (44.300 р. + 4.889 р. 26 коп.), но сумма эта увеличилась на 575 руб. 88 коп., вслѣдствіе накопленія процентовъ и реализаціи бумагъ, такъ что выписанная въ расходъ сумма эта составила уже 49.765 руб. 14 коп. На счетъ этой суммы на приобрѣтеніе научныхъ инструментовъ, аппаратовъ, коллекцій и друг. и доставку ихъ израсходовано 41.626 руб. 76 к., такъ что изъ разрѣшенной суммы оставались къ 1-му января 1890 года свободныхъ и не распределенныхъ по каедрамъ 8.138 руб. 38 коп. IV. Стипендіальныя капиталы. Въ теченіе 1889 года въ вѣдѣніе университета поступило 6 стипендіальныхъ капиталовъ. Общее число такихъ капиталовъ къ 1-му января 1890 года было 13, дающихъ 22 стипендіи; цѣнность капиталовъ — отъ 1.584 руб. до 36.888 руб. включительно. Въ 1889 году стипендіями воспользовались два студента IV семестра, одинъ въ теченіе года, другой въ теченіе 3½ мѣсяцевъ ¹⁾. Наконецъ, для выдачи студентамъ пособій и освобо-

¹⁾ См. стр. 56 Отчета.

жденія ихъ отъ платы за слушаніе лекцій при университетѣ имѣется капиталъ (къ 1-му января 1890 года состоялъ изъ 4.618 руб.) и особая сумма, которой къ тому же сроку имѣлось 2.133 руб. О выданныхъ въ 1889 году пособіяхъ и освобожденіи отъ платы упомянуто въ отдѣлѣ о студентахъ.

При Томскомъ университетѣ учреждено Общество естествоиспытателей и врачей, уставъ котораго утвержденъ высшимъ начальствомъ въ августѣ 1889 года. Администрацію Общества составляютъ предсѣдатель (попечитель округа), товарищъ предсѣдателя, секретарь и казначей,—послѣдніе трое изъ профессоровъ. Общество приступило къ изданію своихъ трудовъ, въ которыхъ, между прочимъ, напечатаны вышеуказанныя научныя работы профессора Зайцева и два сообщенія бібліотекаря Кузнецова.

При Томскомъ университетѣ имѣется общежитіе, помѣщающееся въ особомъ зданіи съ 48 комнатами, изъ коихъ 40 предназначены собственно для студентовъ. Число студентовъ въ домѣ общежитія было: въ первомъ полугодіи 1889 года—59, во второмъ—76, при чемъ въ теченіе года внесено было платы за помѣщеніе 984 руб. Изъ числа студентовъ, жившихъ въ домѣ общежитія, пользовались продовольствіемъ: въ первомъ полугодіи, въ среднемъ—41 студентъ, во второмъ, тоже въ среднемъ, 81. Большинство изъ нихъ оплачивали продовольствіе сами посредствомъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ правленіе университета установленной платы за столъ: въ первомъ полугодіи—по 6 руб. въ мѣсяцъ (обѣдъ, ужинъ и завтракъ изъ бѣлаго хлѣба), во второмъ—5 руб. въ мѣсяцъ (обѣдъ и фунтъ бѣлаго хлѣба на завтракъ). Всего внесено студентами въ теченіе года на продовольствіе 1.889 руб. Имущества, принадлежащаго дому общежитія, числилось къ 1-му января 1890 года на сумму 5.353 руб. Библиотека этого учрежденія, получившая начало въ 1888 году, увеличилась въ 1889 году на 154 названія и къ концу года заключала 534 названія; изъ этого числа 117 названій поступило изъ дублетовъ университета, 35 названій (учебниковъ) въ 159 томахъ приобрѣтено университетомъ на сумму 560 руб. и два періодическія изданія присланы безплатно. Домъ общежитія имѣлъ слѣдующія средства для удовлетворенія своихъ нуждъ: къ 1-му января 1889 года имѣлись четыре непримосновенные капитала, общая цѣнность которыхъ составляла 8.215 руб., въ теченіе 1889 года поступило пожертвованій, процентовъ и друг. 2.910 руб. 42 к., въ тотъ же срокъ отчислено изъ процентовъ въ расходный капиталъ дома общежитія 209 руб. 14 коп.;

затѣмъ въ началу 1890 года цѣнность капиталовъ составляла 10.913 р. 51 коп. Расходнаго капитала, то-есть, по содержанію студентовъ, обзаведенію дома общежитія и на дополнительные расходы и ремонтныя исправленія употреблено 3.979 руб. 28 коп., затѣмъ капитала этого въ 1890 году оставалось 1.506 руб. 68 коп.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887 и 1888 ГОДАХЪ ¹⁾.

Приступая къ изложенію общихъ свѣдѣній о начальныхъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа, необходимо сдѣлать оговорку по поводу армяно-григоріанскихъ церковныхъ школъ. На основаніи ст. 3 изданныхъ въ 1884 г. правилъ объ армяно-григоріанскихъ церковныхъ училищахъ на Кавказѣ, на обязанность духовнаго начальства означеннаго исповѣданія возлагается, между прочимъ „сообщать попечителю округа данныя, необходимыя для статистическихъ отчетовъ о состояніи образованія въ край“. Понимая это указаніе въ буквальномъ смыслѣ, начальники епархій въ 1888 г. отказались сообщить необходимыя свѣдѣнія дирекціямъ народныхъ училищъ, какъ это дѣлалось прежде. Хотя, по просьбѣ г. попечителя, Эчмиадзинскій синодъ и распорядился о доставленіи нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ о состояніи церковныхъ школъ непосредственно въ управленіе округа, но онѣ получены были такъ поздно, что не могли быть включены въ общій сводъ по начальнымъ училищамъ за 1887 г., и кромѣ того, полученные свѣдѣнія, помимо неполноты, касаются не всѣхъ означенныхъ церковныхъ школъ. Изъ 4-хъ епархіальныхъ начальниковъ— Астраханскаго, Грузино-Имеретинскаго, Карабагскаго и Эриванскаго— доставили требуемыя свѣдѣнія только первые трое, а отъ послѣдняго никакого отвѣта не послѣдовало, такъ что относительно болѣе 50 школъ нѣтъ даже данныхъ о числѣ учащихся. По нѣкоторымъ дирекціямъ, въ коихъ число армянскихъ школъ было незначительно, статистическій матеріалъ собранъ былъ самими директорами и инспекторами начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ, въ отчетѣ г. попечителя за 1887 г. армянскія школы Кубанской, Ставропольской и Бакинско-Дагестанской дирекцій могли быть включены въ общій статистическій сводъ; школы въ дирекціяхъ Терской (числомъ 7), Тифлисской (32) и Эриванско-Елисаветпольской (59) не

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

вошли въ общій сводъ, а по 3 школамъ Кутаисской дирекціи сообщены только свѣдѣнія объ учащихся, но нѣтъ свѣдѣній о состояніи самыхъ училищъ и объ учащихся въ нихъ. Поэтому въ предлагаемомъ очеркѣ могли быть даны за 1887 годъ только самыя краткія свѣдѣнія о всѣхъ 981 начальномъ училищѣ округа, именно о числѣ и распредѣленіи ихъ по мѣстностямъ, по источникамъ содержанія, по продолжительности существованія, по языку преподаванія и преобладающей національности учащихся. Что же касается дальѣйшихъ данныхъ, то рѣчь пойдетъ только о 880 училищахъ. Затѣмъ, съ 1888 г., въ видахъ восстановленія однообразія въ отчетахъ по различнымъ дирекціямъ, свѣдѣнія объ армяно-григоріанскихъ церковныхъ школахъ были выдѣлены изъ общаго отчета по начальнымъ училищамъ въ особую рубрику, какъ то ранѣе сдѣлано было для мусульманскихъ и еврейскихъ школъ.

Итакъ, въ началѣ 1887 года во всѣхъ 7 дирекціяхъ Кавказскаго Округа было 923 начальныхъ училища, а въ концѣ года число ихъ возросло до 981, то-есть, увеличилось на 58, или на 6, 3⁰/₁₀₀; въ концѣ 1888 года, по случаю выдѣленія 116 армянскихъ школъ въ отдѣльную рубрику, всѣхъ начальныхъ училищъ въ округѣ надобно считать къ 1-му января 1889 года 876, то-есть, на 11, или на 1,3⁰/₁₀₀ болѣе, чѣмъ въ началѣ года.

Въ теченіе 1887 года вновь открыто было 12 общественныхъ и 53 церковно-приходскихъ училища, всего же—65, а именно: въ Кубанской области—1 двухклассное сельское; въ Ставропольской губерніи—1 начальное сельское; въ Терской области—7, (изъ нихъ 1 женское общества Владикавказскихъ ремесленниковъ, 1 начальное сельское и 5 армяно-григоріанскихъ приходскихъ); въ Кутаисской—1 начальное сельское; въ Тифлисской губерніи—8, въ Елисаветпольской—4, въ Эриванской—29 и въ Карсской области—3 армяно-григоріанскихъ приходскихъ; въ Бакинской губерніи—11, (изъ коихъ 1 молоканское въ городѣ Шемахѣ, 5 одноклассныхъ сельскихъ, 1 начальное сельское и 4 церковно-приходскихъ, именно: 2 армяно-григоріанскихъ, 1 армяно-лютеранское и 1 евангелическо-лютеранское). Кроме того, въ списокъ начальныхъ училищъ Кутаисской губерніи внесена Бахвская церковно-приходская школа, существующая съ 1874 года и содержимая на средства епископа Гурійско-Мингрельскаго. Въ теченіе 1887 года прекратили свое существованіе 8 училищъ: въ Кубанской области—Ладовское нормальное двухклассное женское, какъ потерявшее значеніе съ закрытіемъ женскихъ педагогическихъ куръ-

совъ при Кубанской учительской семинаріи, и Вольдефуртское 2-е колоніальное, соединенное съ 1-мъ училищемъ той же колоніи; въ Ставропольской губерніи — лютеранское церковно-приходское въ г. Ставрополѣ, за недостаткомъ средствъ; въ Терской области — церковно-приходское лютеранское въ Константиновской колоніи Пятигорскаго округа; въ Тифлисской губерніи — начальное въ селѣ Малказовкѣ, Тифлисскаго уѣзда, за переселеніемъ большинства жителей въ другія мѣстности; въ Елисаветпольской губерніи и того же уѣзда — Славянское начальное сельское, вслѣдствіе перенесенія въ то же селеніе земскаго нормальнаго училища и въ Бакинской губерніи — шитское меджлисское въ г. Шемахѣ и евангелическо-лютеранское пастора Ганзена въ г. Баку. Сверхъ того, 6 училищъ преобразованы, переименованы или перенесены въ другія мѣстности, а именно: Екатеринодарское женское двухклассное училище благотворительнаго общества передано въ вѣдѣніе войска и переименовано въ Кубанскую войсковую профессиональную женскую школу; въ Елисаветпольской губерніи 2 земскихъ нормальныхъ училища перенесены изъ однихъ селеній въ другія, и въ Бакинской губерніи 3 начальныя школы преобразованы въ одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія. Если послѣднія 6 училищъ прибавить къ числу какъ открытыхъ, такъ и закрытыхъ въ 1887 году, то можно считать, что вновь открылось 72 училища, а закрылось 14, что и объясняетъ увеличеніе общаго числа начальныхъ училищъ на 58. Въ теченіе 1888 года всего открыто было 23 училища и закрыто 12, а именно: вновь открыто — 18, изъ нихъ: въ Кубанской области 2, (начальное городское женское въ Ейскѣ и церковно-приходское лютеранское въ Екатеринодарѣ); въ Ставропольской губерніи — 1 одноклассное училище; въ Терской области — 3, (изъ нихъ 1 начальное городское во Владикавказѣ, 1 общественное начальное и 1 одноклассное сельское); въ Кутаисской губерніи — въ г. Артышѣ 4 католическихъ церковно-приходскихъ училища (изъ коихъ 2 мужскихъ и 2 женскихъ); на Елисаветпольской желѣзно-дорожной станціи учреждено 1 училище на средства служащихъ на Закавказской желѣзной дорогѣ; въ Эриванской губерніи — 2 земскихъ нормальныхъ училища; въ Бакинско-Дагестанской дирекціи — 5 сельскихъ (изъ коихъ 1 одноклассное и 4 начальныхъ); изъ остальныхъ возникшихъ за 1888 годъ училищъ 2 были преобразованы, именно 1 приходское въ Терской области въ трехклассное городское по положенію 1872 года и 1 начальное Кутаисской губерніи — въ двухклассное сельское; затѣмъ двѣ школы Терской дирекціи — 1

мусульманская и 1 еврейская, которыя прежде считались въ числѣ школъ при мечетяхъ и синагогахъ, причислены къ разряду начальныхъ училищъ области, при чемъ получили правильную организацію и обеспечены отъ обществъ средствами, и 1 училище Ставропольской губерніи (Караногайское), вслѣдствіе измѣненій въ административномъ дѣленіи Сѣвернаго Кавказа, отошло отъ своей дирекціи въ Терскую область; сверхъ того, въ списокъ училищъ Карской области внесены два сельскихъ училища (Дивикское и Солутское), и изъ того же списка исключены два училища: общественное (Заллиджинское) и католическое церковно-приходское (Ардаганское). Другихъ закрытыхъ въ теченіе 1888 года училищъ было: 6 въ Ставропольской губерніи, а именно: 1 нехристіанское (Ачикулакское), въ которомъ занятія прекратились вслѣдствіе еще не отстроеннаго послѣ пожара помѣщенія, 1 — вслѣдствіе перевода своего изъ Ставропольской въ Терскую дирекцію, и 4 церковно-приходскихъ лютеранскихъ училища, закрытыхъ по распоряженію дирекціи, по причинѣ нежеланія обществъ ассигновать средства для приглашенія учителей, которые могли бы преподавать и русскій языкъ; затѣмъ, въ Тифлисской дирекціи закрылись, за недостаткомъ средствъ, 2 школы Тифлискаго благотворительнаго общества—Давидовская мужская и Навтлугская смѣшанная, и въ Кутаисской губерніи 1 начальное училище (Кадхинское).

Распределеніе 981 и 876 начальныхъ училищъ къ 1-му января обонхъ годовъ было слѣдующее:

	1888 г.	1889 г.
а) По мѣсту нахождения училищъ:		
въ Кубанской области съ Черноморскимъ округомъ.	277 (28,2%)	276 (31,5%)
а именно:		
въ уѣздахъ Екатеринодарскомъ	44	30
Кавказскомъ	37	30
Баталпашинскомъ	42	37
Майкопскомъ	45	53
Темрюжскомъ	40	55
Ейскомъ	31	36
Закубанскомъ (Лабинскомъ)	33	30
въ округѣ: Черноморскомъ	5	5
въ Ставропольской губерніи	144 (14,7%)	136 (15,5%)
въ уѣздахъ: Ставропольскомъ	26	25

Александровскомъ	35	35
Медвѣженскомъ	38	35
Новогригорьевскомъ.	45	39
въ управленіи кочевыми народами.	"	2
въ Терской области.	108 (11,0%)	106 (12 1/2%)
по округамъ: Во Владикавказскомъ	28	10
Грозненскомъ	16	4
Нальчикскомъ	34	3
Хасавъ-юртовскомъ	2	4
по отдѣламъ: Пятигорскомъ	15	42
Кизлярскомъ	13	21
Сунженскомъ	"	22
въ Тифлисской губерніи съ Закаталь- скимъ округомъ	152 (15,5%)	118 (13,5%)
по уѣздамъ: въ Тифлисскомъ	45	30
Ахалкалакскомъ	18	16
Ахалцихскомъ	14	12
Борчалинскомъ	14	11
Горійскомъ	25	19
Душетскомъ	4	3
Сигнахскомъ	13	11
Телавскомъ	15	13
Тіонетскомъ	1	1
въ округѣ: Закатальскомъ	3	2
въ Кутаисской губерніи	124 (12,7%)	124 (14,2%)
по уѣздамъ: Кутаисскомъ	23	21
Шаропанскомъ	12	11
Рачинскомъ	15	15
Лечхумскомъ	8	8
Сенакскомъ	17	17
Зугдидскомъ	19	19
Овургетскомъ.	21	21
по округамъ: Сухумскомъ	2	1
Батумскомъ	3	3
Артвинскомъ	4	8
въ Елисаветпольской губерніи	56 (5,7%)	35 (4,0%)
по уѣздамъ: въ Елисаветпольскомъ	9	7
Казахскомъ	5	3
Нухинскомъ	12	7

Арешскомъ	2	1
Джеванширскомъ.	4	4
Шушинскомъ	11	6
Джебраильскомъ.	4	3
Зангезурскомъ	9	4
въ Эриванской губерніи	53 (5,4%)	24 (2,7%)
по уѣздамъ: въ Эриванскомъ	10	6
Эчмиадзинскомъ	7	4
Сурмалинскомъ	5	2
Александропольскомъ	8	2
Новобаязетскомъ.	5	3
Шаруро-Даралагевскомъ	2	2
Нахичеванскомъ	16	5
въ Карсской области	12 (1,2%)	6 (0,7%)
по округамъ: въ Карсскомъ	6	3
Ардаганскомъ	2	1
Кагызманскомъ	3	1
Ольгинскомъ	1	1
въ Бакинской губерніи	46 (4,7%)	41 (4,7%)
по уѣздамъ: въ Бакинскомъ	10	7
Шемахинскомъ	17	14
Кубинскомъ	7	6
Ленкоранскомъ	8	9
Джеватскомъ	1	1
Геокчайскомъ.	3	4
въ Дагестанской области	9 (0,9%)	11 (1,1%)
по округамъ: въ Т.-Х.-Шуринскомъ.	4	3
Самурскомъ	1	1
Кюринскомъ	1	1
Кайтаго-Табассаранскомъ.	1	1
Аварскомъ	"	1
Даргинскомъ	"	1
Казикумухскомъ	"	1
въ градоначальствѣ Дербентскомъ.	2	1

Изъ общаго числа училищъ приходится, такимъ образомъ, въ 1887 году на Сѣверный Кавказъ 529, или 53,9% и на Закавказскій край—452, или 46,1%, а въ 1888 году на Сѣверный Кавказъ—518, или 59,1%, и на Закавказскій край — 358, или 40,9%. Вовсе не

имѣли училищъ за этотъ періодъ времени слѣдующіе административные отдѣлы края: Гунибскій и Андійскій округи Дагестанской области и Сванетское приставство Кутаисской губерніи.

б) По типу своему и источникамъ содержанія, начальныя училища округа могутъ быть раздѣлены на 4 категоріи: казенныя, общественныя, содержимыя благотворительными обществами или на средства частныхъ лицъ и церковно-приходскія. Изъ нихъ къ казеннымъ училищамъ, содержимымъ на средства или казны, или казачьихъ войскъ, относилось въ оба года 47, и въ томъ числѣ было: по 16 училищъ, существующихъ на основаніи положенія объ учебной части на Кавказѣ 1867 года, изъ коихъ 12 двухклассныхъ и 4 одноклассныхъ; по 7 училищъ при учительскихъ семинаріяхъ, и именно: 4 при Закавказской и по 1 при остальныхъ трехъ; и по 24 сельскихъ нормальныхъ училища въ Закавказскомъ краѣ, изъ коихъ 19 двухклассныхъ и 5 одноклассныхъ, открытыхъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го ноября 1873 года объ устройствѣ учебной части на Кавказѣ. Изъ этихъ 47 казенныхъ училищъ находится на Сѣверномъ Кавказѣ 7 и въ Закавказьѣ 40. Всѣхъ общественныхъ училищъ въ округѣ было въ 1887 году 745, а въ 1888 году—758, и въ томъ числѣ за оба года: городскихъ—47 и 49, земскихъ нормальныхъ въ Елисаветпольской и Эриванской губерніяхъ—17 и 19, сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія—189 и 193, изъ коихъ было двухклассныхъ 28 и 27 и одноклассныхъ—161 и 166, и начальныхъ школъ въ станицахъ, селеніяхъ, колоніяхъ и аулахъ—492 и 497. Изъ 745 и 758 общественныхъ училищъ Сѣверному Кавказу принадлежали 482 и 488, а Закавказью—263 и 270. Училищъ, содержимыхъ на средства благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ, было въ 1887 году 25, а въ 1888 году—23, и къ этой категоріи принадлежатъ: Боржомское нормальное сельское училище, содержимое на доходы съ имѣнія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Кубанская войсковая профессиональная женская школа, два училища Кутаисской губерніи, содержимыя: одно — на средства епископа Гурійско-Мингрельскаго, а другое — на средства княгини С. Д. Мюратъ и прочія — разныхъ благотворительныхъ обществъ. Церковно-приходскихъ училищъ въ округѣ существовало въ 1887 году 164, и въ томъ числѣ: армяно-григоріанскихъ — 116, лютеранскихъ—32 и католическихъ—16; въ 1888 же году, за выдѣленіемъ армяно-григоріанскихъ школъ этого

типа въ особую рубрику, прочіихъ церковно-приходскихъ школъ было лютеранскихъ—29 и католическихъ—19, всего же—48.

в) Изъ общаго числа училищъ было въ 1887 году двухклассныхъ—140, или 14,3%, и одноклассныхъ—841, или 85,7%, а въ 1888 году—двухклассныхъ насчитывалось 105, или 12,0%, и одноклассныхъ—771 или 88,0%. Къ двухкласснымъ училищамъ причислены и нѣкоторыя учебныя заведенія, имѣющія не два, а большее число классовъ, какъ, напримѣръ, Карское женское городское, учебныя заведенія, содержимыя въ городахъ Елисаветполѣ и Телавѣ обществомъ св. Нины, женская школа Шуминскаго благотворительнаго общества и трехклассное лютеранское приходское въ колоніи Еленендорфъ, Елисаветпольской губерніи. Кромѣ того, многія двухклассныя и одноклассныя сельскія училища имѣютъ параллельныя отдѣленія, такъ что общее число классовъ во всѣхъ начальныхъ училищахъ равнялось въ 1888 году 1.099. Число двухклассныхъ училищъ значительнѣе въ Закавказскомъ краѣ, чѣмъ на сѣверѣ Кавказа, а именно: въ 1887 году въ Закавказьѣ они составляли 24,1%, то-есть, почти $\frac{1}{4}$ общаго числа училищъ, а на сѣверномъ Кавказѣ—только 5,9%, то-есть $\frac{1}{17}$; въ 1888 году ихъ было въ Закавказьѣ—20,7% и на Сѣверномъ Кавказѣ—6,0%. По полу учащихся, начальныя училища дѣлятся на мужскія, женскія и смѣшанныя; мужскихъ было въ оба отчетныхъ года 322, или 32,8%, и 273, или 31,2%; женскихъ—89, или 9,0% и 53, или 6,0%. и смѣшанныхъ—570, или 58,2%, и 550, или 62,8%. Эти послѣднія школы преобладаютъ на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ онѣ составляли въ 1887 году 82,4%, и въ 1888 году 84,2% общаго числа училищъ; въ Закавказскомъ краѣ ихъ было всего въ первый отчетный годъ 29,7% и во второй 31,9%; надобно однако замѣтить, что въ типѣ смѣшанныхъ училищъ много есть такихъ, которыя будучи открыты для дѣтей обоого пола, посѣщаются только мальчиками; вслѣдствіе того въ Закавказскомъ краѣ преобладаютъ мужскія школы надъ прочими, и таковыя составляли въ 1887 году 58,6%, а въ 1888 году 62,0%, затѣмъ смѣшанныя—29,7% и 31,9%, и наконецъ, женскія—11,7% и 6,1%. Пансіоны имѣлись въ 1887 году при 6 начальныхъ училищахъ, изъ коихъ пансіонъ при училищѣ св. Нины въ Елисаветполѣ въ томъ же году закрылся, но въ 1888 году число ихъ оттого не убавилось, такъ какъ открылся 1 въ Дагестанской области при Хунзахскомъ сельскомъ начальномъ училищѣ; прочія 5 существуютъ: въ Кубанской женской профессиональной школѣ, Душетско-Тюнетскомъ и Садхе-

нискомъ казенныхъ училищахъ, татарскомъ начальномъ училищѣ при Закавказской учительской семинаріи и Телавскомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины.

г) Изъ всѣхъ существовавшихъ включительно до 1888 года 876 училищъ открыты: въ 80-хъ годахъ—245, или 28,0%, (по 27,2 училищъ среднимъ числомъ въ годъ), въ 70-хъ годахъ—336, или 38,4% (по 33,6 въ годъ), въ 60-хъ годахъ—211, или 24,1% (по 21,1 въ годъ), въ 50-хъ годахъ—45, или 5,1% (по 4,5 въ годъ), въ 40-хъ годахъ—17, или 1,9% (по 1,7 въ годъ), въ 30-хъ годахъ—8, или 0,9% (по 0,8 въ годъ) и раньше этого времени—14, или 1,6%. Къ этимъ старѣйшимъ въ краѣ училищамъ принадлежатъ слѣдующія: казенное Таманское училище, открытое въ 1812 году, 4 лютеранскихъ приходскихъ училища въ колоніяхъ и 9 католическихъ школъ, изъ которыхъ 2 въ Тифлисѣ, открытыя въ началѣ XVII столѣтія, и 7 въ Артинѣ, и время открытія которыхъ точно не извѣстно.

Вліяніе начальныхъ школъ на распространеніе грамотности въ сельскомъ населеніи, при маломъ сравнительно числѣ ихъ, не можетъ быть, конечно, значительно, какъ можно о томъ судить по слѣдующимъ приблизительнымъ даннымъ за оба года: въ Кубанской области, по собраннымъ учителями и учительницами свѣдѣніямъ, число грамотныхъ среди русскаго населенія составляетъ 6,8% и 6,0%, а среди не русскаго населенія—около 9%, и въ отдѣльности въ нѣмецкихъ колоніяхъ доходитъ до 33%; въ Ставропольской губерніи число грамотныхъ опредѣляется въ 4,9%; въ Терской области грамотныхъ среди русскихъ—9% и 12%, среди нѣмецкихъ колонистовъ—до 32% и 36%, среди горскихъ народовъ—не болѣе 0,1%, а въ среднемъ для всего населенія области—около 5%; въ Тифлисской губерніи въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ школы, грамотныхъ считается: на туземныхъ языкахъ—8% и 9,4%, на русскомъ—3,6% и 4,4%; въ Бакинской губерніи въ мѣстахъ, гдѣ есть школы, грамотныхъ на русскомъ языкѣ считается—22% и 8,6%, на туземныхъ—11% и 7%; въ Дагестанской области, также лишь тамъ, гдѣ есть школы грамотныхъ на русскомъ языкѣ—7% и 8%, на туземныхъ—5% и 4%. Относительно губерній Кутанской, Елисаветпольской и Эриванской и области Карской подобныхъ свѣдѣній не имѣется.

д) Изъ общаго числа начальныхъ училищъ Округа преподаваніе происходило на языкахъ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
исключительно на русскомъ въ . . .	608 (62,0%)	622 (71,0%)
и въ томъ числѣ училищъ на Сѣверномъ Кавказѣ	474 (89,6%)	480 (92,7%)
въ Закавказскомъ краѣ	134 (29,7%)	142 (39,7%)
на мѣстныхъ языкахъ, съ участіемъ русскаго и наоборотъ въ . . .	363 (37,0%)	249 (28,4%)
и въ томъ числѣ училищъ:		
казенныхъ	3	3
общественныхъ городскихъ . . .	7	7
сельскихъ мин. нар. проsv. . . .	6	5
сельскихъ начальныхъ	183	187
благотворительныхъ обществъ . .	7	7
церковно-приходскихъ	157	40
исключит. на туземныхъ языкахъ.	10	5

Особенно велико число училищъ второй категоріи въ дирекціяхъ Тифлисской, составлявшихъ 82% и 79% общаго числа училищъ, и Кутаисской—87% и 89%. Относительно постановки русскаго языка, такія школы руководствуются учебнымъ планомъ, утвержденнымъ бывшимъ намѣстникомъ Кавказа въ декабрѣ 1880 года. Что же касается тѣхъ школъ, гдѣ преподаваніе ведется на мѣстныхъ языкахъ, безъ всякаго участія русскаго, то всѣ оныя церковно-приходскія католическаго исповѣданія, и преподаватели въ нихъ священники не знаютъ сами по русски.

На содержаніе 880 начальныхъ училищъ въ 1887 году поступило 747.036 р., которые между училищами Сѣвернаго Кавказа и училищами Закавказскаго края раздѣлялись почти поровну—373.303 и 373.733 р.; въ 1888 году на содержаніе 870 училищъ поступило всего 737.352 р., и въ томъ числѣ на училища Сѣвернаго Кавказа—367,704 р., а на училища Закавказскаго края—369.648р. Между источниками содержанія показанныя суммы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	1887 годъ.			1888 годъ.		
	Всего.	Въ томъ числѣ		Всего.	Въ томъ числѣ	
на Сѣвер- ный Кав- казъ.		на Закав- каскій край.	на Сѣвер- ный Кав- казъ.		на Закав- каскій край.	
изъ государственнаго каз- начейства	73.757	8.684	65.073	81.278	8.290	72.988
отъ казачьихъ войскъ	16.952	16.952	—	18.120	18.120	—
„ городскихъ обществъ	75.598	40.907	34.691	80.410	43.276	37.134
„ сельскихъ „	362.705	237.506	125.199	344.986	237.197	108.789
изъ земскихъ сборовъ	51.166	8.168	42.988	53.914	7.325	46.589
отъ благотворительныхъ обществъ	27.227	1.602	25.625	14.161	1.572	12.589
отъ церквей и монастырей	21.248	4.018	17.230	10.198	747	9.451
„ частныхъ лицъ	7.694	3.470	4.224	13.148	4.183	8.965
сбора за ученіе	36.804	10.300	26.504	42.852	10.083	32.769
отъ почетныхъ блюстителей и попечителей	4.238	2.952	1.286	2.353	2.091	262
изъ другихъ источниковъ	69.647	38.744	30.903	75.932	35.820	40.112

Такимъ образомъ, можно сказать приблизительно, что начальныя училища Округа на половину содержатся на средства сельскихъ обществъ (48,5% и 46,8%), а другая половина стоимости ихъ содержанія раскладывается почти поровну на слѣдующіе 5 источниковъ: пособия казны (9,9% и 11,0%), пособия отъ казачьихъ войскъ и отъ земскихъ сборовъ (9,2% и 9,8%), пособия городскихъ обществъ (10,1% и 10,9%), сборъ за ученіе и разныя пожертвованія (10,2% и 9,8%) и остальные, болѣе или менѣ случайныя, поступления (12,1% и 11,7%). По губерніямъ и областямъ поступившія на содержаніе начальныхъ училищъ суммы распредѣлялись въ отчетные годы слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Сѣверный Кавказъ:		
на Кубанскую область	224.738 р.	222.172 р.
„ Ставропольскую губернію	79.658 „	77.926 „
„ Терскую область	68.907 „	67.606 „
Закавказскій край:		
на Тифлисскую губернію	136.308 р.	121.164 р.
„ Кутаисскую „	71.456 „	77.500 „
„ Елисаветпольскую „	62.141 „	66.339 „
„ Эриванскую „	39.087 „	42.524 „
„ Карсскую область	10.834 „	12.161 „
„ Бакинскую губернію	45.699 „	38.795 „
„ Дагестанскую область	8.208 „	11.165 „

Изъ общей суммы содержанія училищъ въ 1887 году отпушено было на двухклассныя училища 229.911 р., или 30,6^о/_о, на одноклассныя—517,125 р., или 69,4^о/_о; такимъ образомъ среднимъ числомъ на каждое двухклассное отпушено по 2.420 р. и на каждое одноклассное—по 660 р.; въ 1888 году изъ общей суммы поступило на двухклассныя училища 231.975 р., или 31,5^о/_о, на одноклассныя—505,377 р. или 68,5^о/_о; слѣдовательно, средній отпускъ этого года на одно двухклассное училище равнялся 2.209 р., а на одно одноклассное—655 р.

Расходъ на содержаніе 873 начальныхъ училищъ въ 1887 году простирался до 654.102 р., и такимъ образомъ, изъ поступившихъ 747.036 р. образовалось экономія 92.934 р., которые присоединены къ запаснымъ капиталамъ училищъ, при чемъ наибольшее приращеніе произошло по дирекціямъ: Кубанской (около 17 т. р.), Тифлисской (24 т. р.), Елисаветпольской (27 т. р.), и Эриванской (17 т. р.). Средній расходъ на каждое изъ 873 училищъ составлялъ 749 р., а отдѣльно на Сѣверномъ Кавказѣ—675 р. и въ Закавказскомъ краѣ—858 р.; средній расходъ на 1 ученика равнялся 12 р. 96 к., на Сѣверномъ Кавказѣ отдѣльно—12 р. 5 к., въ Закавказьѣ—14 р. 22 к. Въ 1888 г. расходъ на содержаніе 870 училищъ, не включая 6 училищъ при учительскихъ семинаріяхъ, равнялся 669.601 р., что составляетъ по 770 р. на 1 училище и по 12 р. 99 к. на 1 ученика. Впрочемъ, показанную сумму нельзя еще привнать за дѣйствительный, полный расходъ на начальные училища, такъ какъ многія сельскія и станичныя общества расходы на отопленіе, прислугу, ремонтъ зданій и другія нужды несутъ натурою. На Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ содержаніе училищъ обходится вообще гораздо дешевле, чѣмъ въ Закавказскомъ краѣ, содержаніе каждого училища обошлось въ 656 р. и каждого ученика—въ 11 р. 69 к., въ Закавказьѣ же—въ 908 р. на одно училище и въ 14 р. 80 к. на одного учащагося; исключеніе составляетъ въ Закавказскомъ краѣ только Кутанская губернія, въ которой обученіе 1 ученика стоило, въ среднемъ, въ 1887 году 8 р. 89 к. и въ 1888 году—9 р. 48 к., то-есть, даже менѣе, чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Изъ отдѣльныхъ школъ самый большой бюджетъ имѣетъ 1 школа, именно Тифлисской губерніи Сацхениское двухклассное казенное училище съ пансіономъ и съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ, обладавшее въ 1887 году 17.129 р. и въ 1888 году—15.465 р.; за нимъ слѣдуютъ 4 заведенія, располагавшія въ оба отчетные года на свое содержаніе суммами болѣе 4.000 р. а именно: той же губерніи, Телавское женское учебное за-

веденіе св. Нины (благотворительнаго общества), имѣвшее—8.667 р. и 7.209 р., Кубанской области Армавирское городское двухклассное училище—5.067 р. и 5.153 р., Карское городское женское трехклассное училище—4.359 р. и 5.889 р., Тифлисской губерніи Душетско-Тіонетское двухклассное казенное съ пансіономъ—4.628 р. и 4.583 р.; затѣмъ изъ трехъ училищъ два имѣли во второй годъ болѣе 4.000 р. именно Михайловское двухклассное въ г. Баку—3.551 р. и 4.865 р. и Батумское городское женское двухклассное—3.600 р. и 4.083 р., а третье, Кагызманское Карской области за 1887 годъ имѣло 4.008 р. и за 1888 годъ менѣе 3.000 р. Изъ остальныхъ школъ въ оба года бюджеты отъ 3.000 до 4.000 р. имѣли 9 и 5 школъ, отъ 2.000 до 3.000 р.—26 и 28 школъ, отъ 1.000 до 2.000 р.—145 и 149 школъ; такимъ образомъ, 186 за первый годъ и 189 школъ за второй годъ имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе 1.000 р., а прочія школы имѣли средствъ менѣе 1.000 р., а именно: свыше 900 р. за оба года—22 и 21, свыше 800 р.—42 и 36, свыше 700 р.—47 и 51, свыше 600 р.—73 и 62, свыше 500 р.—111 и 127, свыше 400 р.—125 и 116, свыше 300 р.—183 и 179, свыше 200 р.—67 и 66, свыше 100 р.—2 и 4 и менѣе 100 р.—въ оба года по 12 школъ. Къ послѣдней категоріи относятся школы въ молоканскихъ селеніяхъ Ленкоранскаго уѣзда Бакинской и нѣсколько приходскихъ католическихъ училищъ Тифлисской губерніи.

Ежегодная плата за ученіе взималась въ 1887 году всего въ 338 училищахъ (38,4⁰/₀) въ размѣрѣ отъ 3 до 25 р., и таковой поступило 34.727 р., то-есть, по 103 р. среднимъ числомъ, на каждое изъ 338 училищъ, и въ 1888 году въ 339 училищахъ (38,7⁰/₀), въ размѣрѣ отъ 1 до 18 р., каковой сборъ былъ въ 38.638 р., или по 134 р., среднимъ числомъ, на каждое изъ 339 училищъ. Заведеній, въ которыхъ попечители и почетные блюстители дѣлаютъ взносы, было: въ первый отчетный годъ 67 (7,6⁰/₀), и изъ нихъ только 4 въ Кутаисской губерніи, а остальные 63 на Сѣверномъ Кавказѣ, причемъ всѣхъ взносовъ было сдѣлано на 5.105 р., или по 76 р. на каждое изъ 67 училищъ; во второй годъ—93 (10,6⁰/₀) и всѣ на Сѣверномъ Кавказѣ, за исключеніемъ 1 въ Кутаисской губерніи; причемъ взносовъ поступило 3.527 р., или по 38 р. на заведеніе. Запаснаго капитала начальныя училища имѣли въ началѣ 1887 года 229.852 р., а въ концѣ года—283.679 р., изъ коихъ 102.617 р. наличными деньгами и 181.062 р. въ процентныхъ бумагахъ; слѣдовательно, капиталъ увеличился на 53.827 р., или 23,4⁰/₀; противорѣ-

чіе между этими выводами и приведеннымъ выше вычисленіемъ, по которому запасные капиталы должны бы были возрасти не на 54, а на 93 тысячи р., отчасти объясняется тѣмъ, что земскія нормальныя училища Елисаветпольской и Эриванской губерній, содержимыя на счетъ губернскихъ земскихъ сборовъ, въ 1887 году потеряли до 25 т. р., поступившихъ въ земскій запасный капиталъ, и кромѣ того, часть училищныхъ запасныхъ капиталовъ тѣхъ же губерній выдана въ ссуду Елисаветпольскому профессиональному и нѣсколькимъ начальнымъ училищамъ для постройки училищныхъ зданій. Въ 1888 году специальныя средства и запасные капиталы возросли съ 283.679 р. до 318.653 р., изъ которыхъ наличными деньгами было 116.887 р. и въ процентныхъ бумагахъ—201.766 р.; такимъ образомъ средства увеличились на 34.974 р., или 12,3%. Среднимъ числомъ, каждое училище въ округѣ имѣло въ концѣ 1887 года 322 р. запаснаго капитала, а въ концѣ 1888 года—364 р. Изъ училищъ Кубанской области 32 имѣютъ запаснаго капитала болѣе 1.000 р., а въ нѣкоторыхъ онъ доходитъ до 5.000 р.

О школьныхъ помѣщеніяхъ имѣются свѣдѣнія относительно 876 училищъ. Изъ числа ихъ пользовались въ 1887 году собственными помѣщеніями 669, или 76%, въ томъ числѣ удобными 527 и неудобными 142, а остальные 207 школъ помѣщались въ наемныхъ или отводимыхъ обществами домахъ, изъ коихъ удобныхъ было 109 и неудобныхъ 98. Въ 1888 году собственныхъ помѣщеній у училищъ было 663, или 76%, въ томъ числѣ удобныхъ 529 и неудобныхъ 134, въ наемныхъ помѣщалось 213 школъ, причемъ удовлетворительнымъ помѣщеніемъ пользовалось 114 и неудовлетворительнымъ 99. Наибольшее число собственныхъ помѣщеній, вполне благоустроенныхъ, имѣется въ Кубанской области. По дирекціямъ количество собственныхъ школьныхъ помѣщеній выражается за оба отчетные года въ слѣдующихъ процентахъ: въ Кубанской—91%, въ Кутаисской—84% и 90%, въ Ставропольской—78% и 77%, Терской—77% и 69%, Тифлисской—74% и 76%, Бакинско-Дагестанской—33% и 29% и Эриванско-Елисаветпольской—31% и 29%. Измѣреніе объемовъ классныхъ комнатъ произведено было въ 1887 году въ 848 училищахъ, имѣющихъ 1.060 классовъ и 48.522 учащихся. На каждую классную комнату приходилось, среднимъ числомъ, по 420 куб. арш. воздуха, а на одного учащагося—по 9,2 куб. арш. Такое же измѣреніе объемовъ классныхъ комнатъ было произведено и въ 1888 году въ 850 училищахъ, имѣющихъ 1.073 класса и 51.021 учащихся.

Средній объемъ равнялся 446 куб. арш., а среднее количество воздуха на 1 ученика—9,3 куб. арш., то-есть, немного болѣе половины нормальнаго. Самыя тѣсныя классныя помѣщенія имѣютъ школы губерній: Ставропольской — 7,3 куб. арш. на одного ученика и Кутаисской—7,4 куб. арш.

Въ теченіе 1887 года число училищъ, при которыхъ имѣются школьныя бібліотеки, возросло съ 750 до 773, число томовъ съ 168.422 до 276.736, приблизительная стоимость бібліотекъ — съ 112.960 р. до 153.595 р. Въ 1888 году число училищъ, имѣющихъ бібліотеки, увеличилось до 801 (91%), а общее число томовъ до 302.344, стоимость которыхъ доходила до 169.600 р. Число школъ, имѣвшихъ удовлетворительныя учебныя пособія, составляло въ первый отчетный годъ 84%, а во второй—85% общаго числа училищъ. Лучше всего обставлены начальныя училища Кубанской области, изъ которыхъ только 7 не имѣютъ своихъ бібліотекъ; остальные 269 имѣютъ каждое не одну, а три отдѣльныя бібліотеки: фундаментальную учительскую, ученическую и учебную (то-есть, собраніе учебниковъ и учебныхъ руководствъ, составляющихъ собственность школы и выдаваемыхъ въ бесплатное пользованіе учащимся).

Для завѣдыванія начальными училищами округа учреждено 7 дирекцій народныхъ училищъ: Кубанская, Ставропольская, Терская, Тифлисская, Кутаисская, Эриванско-Елисаветпольская, въ которую входитъ и Карсская область, и Бакинско-Дагестанская; въ составъ каждой дирекціи входитъ директоръ и 2 инспектора, за исключеніемъ Бакинско-Дагестанской дирекціи, имѣющей только одного инспектора; такимъ образомъ, для наблюденія за ходомъ учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ и направленія дѣятельности служащихъ, администрація округа располагаетъ 20 лицами — 7 директорами и 13 инспекторами. Въ теченіе обоихъ отчетныхъ годовъ 7 директорами произведено осмотровъ 491, или по 70 каждымъ, и 463, или по 66 каждымъ, а 13 инспекторами—996, или по 77 каждымъ, и 1.118, или по 86 каждымъ. По дирекціямъ отдѣльно на каждое изъ трехъ лицъ приходилось слѣдующее число осмотровъ въ каждое изъ двухъ лѣтъ: въ Кубанской—94 и 102, Ставропольской—65 и 96, Терской—106 и 135, Тифлисской—81 и 69, Кутаисской—55 и 59, Эриванско-Елисаветпольской—43 и 24 и Бакинско-Дагестанской—45 и 42. Въ общей сложности въ 1887 году директорами обревизовано было 408 училищъ, на что употреблено 471 день, инспекторами—824 училища въ 1.024 дня, и въ 1888 году—директорами осмотрено

353 училища въ 412 дней и инспекторами—745 въ 1.103 дня. Вовсе не осмотрѣнными осталось слѣдующее число школъ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
въ Кубанской дирекціи	117	75
„ Ставропольской „	6	—
„ Терской „	13	—
„ Тифлисской „	5	—
„ Кутаисской „	12	1
„ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи	22	16
„ Бакинско-Дагестанской „	6	6
Итого	181 (18%)	98 (11%)

Правильному ежегодному осмотру всѣхъ училищъ въ Кубанской области препятствуетъ недостаточность личнаго состава дирекціи, такъ какъ на каждое имѣющееся лицо, въ среднемъ, приходится до 100 училищъ на пространствѣ 600 кв. миль; въ Эриванско-Елисаветпольской препятствіемъ служитъ разбросанность училищъ и недостатокъ путей сообщенія. Во время ревизій, а отчасти и въ теченіе учебнаго года, членами дирекцій принимаются соотвѣтствующія мѣры для улучшенія школьнаго дѣла вообще, и успѣшности преподаванія въ особенности. Такъ, въ Кубанской дирекціи въ теченіе 1887 и 1888 гг. приняты были слѣдующія мѣры: 1) устраивалось взаимное слушаніе уроковъ и совмѣстное ихъ обсужденіе; 2) слабые учителя приглашались присутствовать во время ревизіи училищъ, хорошо поставленныхъ; 3) дирекція требовала изъ нѣкоторыхъ училищъ письменныя работы трехъ учениковъ отъ каждаго отдѣленія, возвращала эти работы съ необходимыми замѣчаніями, а лучшія изъ нихъ отсылала въ училища, въ которыхъ письмо поставлено слабѣе; между двухклассными училищами происходилъ обмѣнъ работъ за цѣлый годъ во время каникулъ; 4) лучшія письменныя работы и образцы письма показывались во время ревизій; 5) ревизиующія лица давали при посѣщеніи училищъ примѣрные уроки; 6) выпускныя испытанія во всѣхъ училищахъ г. Екатеринодара производились совмѣстно, въ присутствіи всѣхъ учителей и учительницъ; 7) 16-го марта обохъ годовъ и 1-го апрѣля 1888 года во всѣхъ школахъ, въ каждомъ отдѣленіи, исполнены письменныя работы, которыя затѣмъ представлены были въ дирекцію; въ первый разъ работы исполнялись на темы, данныя мѣстными учителями, а во второй — на общія темы, предложенныя дирекціей; 8) обращалось особенное вниманіе на за-

мѣщеніе вакантныхъ учительскихъ должностей лицами, вполне соотвѣтствующими своему назначенію; кандидаты на учительскія должности прикомандировываются къ болѣе опытнымъ учителямъ для ознакомленія, подъ ихъ руководствомъ, съ требованіями дирекціи, и т. п. Подобныя же мѣры, съ незначительными видоизмѣненіями, примѣнялись и въ другихъ дирекціяхъ. Въ Терской дирекціи установлено правило, чтобы каждое училище, по возможности, было обревизовано два раза въ годъ, осенью и весной, при чемъ осенній осмотръ имѣеть главною цѣлью должнымъ образомъ направить дѣятельность учащихся, а весенняя ревизія имѣеть характеръ провѣрочный. Учителя сельскихъ школъ Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ Тифлисскаго губерніи, послѣ ревизіи директора, приглашены были въ мѣстныя городскія училища для слушанія и разбора примѣрныхъ уроковъ и совмѣстнаго обсужденія разныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ. Такія же учительскія собранія устраивались инспекторами Кутаисской дирекціи въ Ахутской и Ланчутской сельскихъ школахъ.

Къ числу выдающихся событій 1887 года относится обращеніе Усть-Лабинскаго станичнаго общества, Кубанской области, къ его высочеству великому князю Георгію Михайловичу съ просьбой принять подъ свое покровительство мѣстное двухклассное Александровское училище. На удовлетвореніе этой просьбы послѣдовало, съ Высочайшаго на то соизволенія, согласіе великаго князя.

Въ 1888 году командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія для ревизіи Кубанской учительской семинаріи д. ст. сов. Кулинъ осмотрѣлъ 11 начальныхъ училищъ Кубанской области. Кромѣ того, многія училища удостоились посѣщеній начальниковъ областей и губерній, а также мѣстныхъ архіереевъ. Съ особеннымъ вниманіемъ относится къ сельскимъ школамъ преосвященный Владиміръ, епископъ ставропольскій и екатеринодарскій.

Въ 1888 году въ двухъ начальныхъ училищахъ были пожары; именно: отъ неизвѣстной причины въ домѣ, занимаемомъ казеннымъ Рачинско-Михайловскимъ училищемъ, въ м. Они, Кутаисской губерніи, и во дворѣ Пашковскаго двухкласснаго училища, Кубанской области; Куцевское двухклассное училище, Кубанской области, въ тотъ же годъ пострадало отъ наводненія, по случаю котораго классныя занятія были прекращены съ 29-го февраля по 3-е марта.

Личный составъ 883 начальныхъ училищъ округа къ 1-му января 1888 года состоялъ изъ 2.411 служащихъ, а къ 1-му января 1889

года тотъ же составъ въ 876 училищахъ состоялъ изъ 2.401 лица, а именно:

	къ 1-му января	
	1888 года	1889 года
попечителей	362	352
почетныхъ блюстителей	196	210
учителей	851	859
учительницъ	298	282
законоучителей-священниковъ	587	588
преподавателей Закона Божія	81	82
прочихъ должностныхъ лицъ	36	28

Въ это число не входятъ члены школьныхъ попечительствъ, существующихъ, напримѣръ, при 86 училищахъ Кубанской области, а также попечители 23 сельскихъ школъ Тифлисской губерніи, такъ какъ эти лица не утверждены законою властью, а только выбраны обществами для ближайшаго попеченія о нуждахъ школъ. Изъ общаго числа служащихъ за оба отчетныхъ года было 2.079 лицъ мужскаго пола, а женскаго въ 1887 году 332 лица и въ 1888 году 322. Законъ Божій преподавался въ тѣхъ училищахъ, гдѣ нѣтъ законоучителей-священниковъ, самими учителями или учительницами. На Сѣверномъ Кавказѣ значительное большинство школъ имѣеть или попечителей, или почетныхъ блюстителей, а именно: 408 изъ 508, или 79% (въ Кубанской дирекціи—87%, въ Терской—84% и въ Ставропольской—61%); въ Закавказскомъ же краѣ только изъ школъ Кутаисской дирекціи значительная часть (72%) имѣеть попечителей, въ остальныхъ же трехъ дирекціяхъ попечители и блюстители имѣются всего при 34 училищахъ изъ 234 (15%). Вновь назначенныхъ лицъ было въ 1887 году 411, а въ 1888—457, въ томъ числѣ: попечителей и блюстителей—69 и 84, учителей—218 и 175, учительницъ—83 и 69 и законоучителей—87 и 83. Вакантными оставались къ концу перваго года 231 и къ концу втораго 327 должностей, и въ томъ числѣ: 168 и 204 попечительскихъ, 11 и 23 учительскихъ и 52 и 100 законоучительскихъ.

По отзывамъ директоровъ начальныхъ училищъ, за отчетные годы добросовѣстно и успѣшно исполняли свои служебныя обязанности: изъ числа попечителей и блюстителей—180 (32%) и 213 (38%), изъ учителей—638 (75%) и 602 (70%), изъ учительницъ—221 (74%) и 188 (66%) и изъ законоучителей—344 (50%) и 325 (49%). Нью-

торые изъ служащихъ, кромѣ того, стараются по возможности распространять среди населенія полезныя знанія, принимая на себя безвозмездный трудъ по веденію различнаго рода практическихъ занятій. Такъ, нѣкоторые изъ учителей Кубанской дирекціи съ значительнымъ успѣхомъ занимаются садоводствомъ, винодѣліемъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Кромѣ того, завѣдывающій Распеватскимъ училищемъ Живило ведетъ, совмѣстно съ законоучителемъ, воскресныя чтенія, а учитель Новороссійскаго однокласснаго училища П. П. Самойловъ завѣдываетъ полною метеорологическою станціей, дважды въ день посылаетъ въ С.-Петербургъ метеорологическія телеграммы и ежемѣсячно представляетъ отчеты въ главную физическую обсерваторію. Съ похвальнымъ усердіемъ относится къ своимъ обязанностямъ также и большинство попечителей и почетныхъ блюстителей въ Кубанской области, и отчасти въ Ставропольской губерніи.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ начальныхъ училищахъ округа въ теченіе отчетныхъ годовъ заявили себя отдѣльными трудами, а именно: смотритель Касумъ-Кентскаго нормальнаго сельскаго училища князь Д. Д. Ливидзе составилъ краткую грамматику кюринскаго языка съ лексикономъ, собралъ пословицы, поговорки, сказки, басни и анекдоты на кюринскомъ нарѣчій. Смотритель Кубинскаго начальнаго городского училища В. Пышненко собралъ свѣдѣнія о кустарной промышленности въ гор. Кубѣ. Учитель Алты-агачскаго нормальнаго сельскаго училища С. Шулковъ собралъ свѣдѣнія о кустарной и ремесленной промышленности въ сел. Маразахъ. Учитель Кюрдамирскаго сельскаго училища А. Мурадхановъ собралъ такія же свѣдѣнія въ сел. Кюрдамирѣ. Смотритель Ленкоранскаго начальнаго городского училища Ѡ. В. Егоровъ, по предложенію главной физической обсерваторіи, производилъ метеорологическія наблюденія; тѣмъ же занимался и учитель Петровскаго начальнаго училища Г. Г. Балъчевскій, назначенный корреспондентомъ главной физической обсерваторіи во вниманіе къ заслугамъ его по изслѣдованію климата Россіи.

Къ 1-му января 1888 года въ 880 начальныхъ училищахъ округа было 50.454 учащихся, въ томъ числѣ: мальчиковъ 40.196, или 79,7%, и дѣвочекъ—10.258, или 20,3%; изъ этого числа Сѣверному Кавказу принадлежать 29.207 учащихся, изъ коихъ 23.051 мальчикъ и 6.156 дѣвочекъ, и Закавказскому краю — 21.247, и изъ нихъ 17.145 мальчиковъ и 4.102 дѣвочки; въ это число по нѣкоторымъ дирекціямъ вошли и учащіеся въ церковныхъ армянскихъ школахъ,

о которых доставлены были болѣе или менѣе надлежащія свѣдѣнія. Въ 1-му января 1889 года въ 876 начальныхъ училищахъ обучалось 51.529 дѣтей, изъ коихъ 41.147 мальчиковъ (79,9%) и 10.382 дѣвочки (20,1%), а изъ того же числа учащихся на Сѣверномъ Кавказѣ было 29.871, и въ томъ числѣ 23.520 мальчиковъ и 6.351 дѣвочка, а въ Закавказьѣ—21.658 учащихся, и въ томъ числѣ 17.627 мальчиковъ и 4.031 дѣвочка.

Учащіяся въ 880 училищахъ, вошедшихъ въ отчеты за 1887 годъ по дирекціямъ, и учащіяся въ 876 училищахъ слѣдующаго года распредѣлялись къ 1-му января:

	1888 г.	1889 г.
а) по областямъ и губерніямъ:		
въ Кубанской области	15.724	16.302
„ Ставропольской губерніи	7.699	7.331
„ Терской области	5.784	6.238
„ Тифлисской губерніи. :	8.138	8.364
„ Кутаисской „	7.813	7.976
„ Елисаветпольской губерніи	1.642	1.743
„ Эриванской „	869	1.053
„ Каресской области	241	352
„ Бакинской губерніи.	2.180	1.764
„ Дагестанской области	364	406
Итого учениковъ	50.454	51.429
б) по разряду училищъ:		
въ казенныхъ городскихъ	2.191	1.890
„ сельскихъ нормальныхъ	2.111	1.723
„ общественныхъ городскихъ	3.839	4.230
„ сельскихъ мин. народн. просв.	11.033	12.388
„ сельскихъ начальныхъ	24.486	25.529
„ училищахъ благотворительныхъ обществъ.	1.691	1.642
„ церковно-приходскихъ	5.103	4.127
Итого учениковъ	50.454	51.429
в) по числу учащихся: болѣе 300 учениковъ		
„ 200 „	2	2
„ 150 „	3	5
„ 100 „	11	14
„ 50 „	55	59

”	90	”	.	39	39
”	80	”	.	53	48
”	70	”	.	68	81
”	60	”	.	123	131
”	50	”	.	129	136
”	40	”	.	132	114
”	30	”	.	120	103
”	20	”	.	88	90
”	10	”	.	47	42
менѣе	10	”	.	10	12
Итого школъ . . .				880	876

Къ послѣдней категоріи относятся за 1887 годъ три училища, по которымъ вовсе не показано учащихся: Ачикулакское начальное, Ставропольской губерніи, зданіе котораго возобновлялось въ то время послѣ пожара, Верхне-Марадидское, Кутаисской губерніи, временно закрытое, и Ардаганское католическое, Карсской области, о которомъ не было получено свѣдѣній; за 1888 годъ въ ту же категорію вошло три училища, изъ которыхъ одно, Нестеровское, Терской области, строилось послѣ пожара и два — Верхне-Марадидское и Табаниерское, Кутаисской губерніи, временно закрытыя.

Пансіонеровъ въ 5 пансіонахъ въ 1887 году было 201, а въ 6 пансіонахъ въ 1888 году—220, а именно, ихъ состояло къ 1-му января въ училищахъ:

	1888 г.	1889 г.
Кубанскомъ женскомъ профессиональномъ . . .	39	38
Душетско-Тюнетскомъ казенномъ начальномъ . . .	16	16
Сацхенискомъ казенномъ начальномъ . . .	110	106
при Закавказской семинаріи татарскомъ началъ . . .	21	21
Телавскомъ заведеніи св. Нины	15	27
Хунзахскомъ сельскомъ	—	12

г) по сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ и національностямъ учащіяся въ начальныхъ училищахъ распредѣлялись къ 1-му января

1) по сословіямъ:	1888 г.	1889 г.
дѣтей дворянъ и чиновниковъ	2.239	2.228
духовнаго званія	945	923
городскихъ сословій	7.020	6.280
сельскихъ ”	28.671	30.308

нижнихъ чиновъ.	11.564	11.786
иностранцевъ	15	4

2) по исповѣданіямъ:

православнаго	37.574	38.596
армяно-григоріанскаго.	4.269	3.750
католическаго.	1.533	1.606
лютеранскаго	3.597	3.523
раскольниковъ.	1.375	1.570
мусульманъ	1.665	1.894
евреевъ	441	590

3) по національностямъ:

русскихъ	27.709	28.510
грузинъ.	8.123	10.699
армянъ	5.293	4.855
татаръ	3.749	1.383
горцевъ.	574	813
евреевъ	391	532
европейцевъ	4.615	4.737

Изъ не обязательныхъ предметовъ въ начальныхъ школахъ преподаются: пѣніе, гимнастика, женскія рукодѣлія, мастерства: столярно-токарное, сапожное, переплетное и др., садоводство, огородничество и шелководство; въ Кубанской области пѣніемъ занимались въ 1887 году въ 199 училищахъ, а въ 1888 году — въ 209 изъ общаго числа 276 школъ, при чемъ въ 104 образованы церковные хоры изъ учащихся и любителей, въ 56—учителями, а въ 48—псаломщиками или отдѣльными регентами; во многихъ школахъ учителя достигли того, что ученики всѣмъ составомъ исполняютъ во время богослуженія въ церкви нѣсколько молитвъ на 2 или на 3 голоса, а въ нѣкоторыхъ школахъ поютъ всю литургію; въ Ставропольской губерніи пѣніе введено въ 55 училищахъ изъ 136 и для содѣйствія успѣхамъ въ немъ нѣсколькими училищами прибрѣтены фисгармони, цѣною отъ 200 до 250 р.; въ Терской области занятіе пѣніемъ съ 70 училищъ въ 1888 году возросло до 79 училищъ изъ 106, и преподавателями въ большинствѣ училищъ состоятъ учителя, а въ нѣкоторыхъ—особо приглашенныя лица; въ Тифлисской дирекціи пѣнію обучалось въ 95 училищахъ изъ 118, въ Кутаисской—въ 78 изъ 124, и въ 4 изъ нихъ образовались ученическіе церков-

ные хоры; въ большинствѣ школъ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи, коихъ 52 изъ общаго числа 65, пѣніе преподается по слуху; въ Бакинско-Дагестанской дирекціи пѣніе преподается въ 21 училищѣ изъ 51. Гимнастика введена: въ 185 училищахъ Кубанской области, гдѣ въ двухклассныхъ и нѣкоторыхъ одноклассныхъ она преподается какъ отдѣльный предметъ, а въ остальныхъ—въ видѣ вольныхъ движеній на перемѣнахъ между уроками, или во время самыхъ уроковъ; въ Екатеринодарскомъ же и Армавирскомъ двухклассномъ, а въ Темрюкскомъ отдѣлѣ — во всѣхъ училищахъ, по распоряженію войскаго начальства, мальчики приучаются къ военной дисциплинѣ, посредствомъ обученія ихъ особыми инструкторами пѣшему строю и уставу о гарнизонной службѣ; въ Ставропольской дирекціи гимнастикой занимаются въ 57 училищахъ; въ Терской дирекціи, какъ отдѣльный предметъ, гимнастика преподается въ 3 городскихъ и 24 станичныхъ школахъ; въ Тифлисской дирекціи занимаются преимущественно комнатною гимнастикой въ 60 училищахъ; въ Кутаисской дирекціи гимнастика правильно поставлена въ 8 казенныхъ училищахъ, а въ 39 изъ сельскихъ школъ гимнастическія упражненія дѣлаются только во время уроковъ въ классѣ; въ большинствѣ школъ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи, именно въ 52, гимнастикой занимаются въ видѣ вольныхъ движеній, въ нѣкоторыхъ же школахъ введена, кромѣ того, маршировка; въ Бакинско-Дагестанской дирекціи ею занимаются, преимущественно во время перемѣнъ и классныхъ занятій въ 36 училищахъ. Рукодѣлія во всѣхъ 20 женскихъ училищахъ Кубанской области преподаются, какъ отдѣльный предметъ, по особой программѣ, выработанной дирекціей; кромѣ того, въ 23 смѣшанныхъ училищахъ, имѣющихъ учительницъ, дѣвочки обучаются простѣйшимъ рукодѣльнымъ работамъ, необходимымъ въ домашнемъ быту; въ войсковой профессиональной женской школѣ ведется обученіе бѣлошвейному, чулочновязальному, суконному, перчаточному и ткацкому ремесламъ особыми мастерицами. Въ Ставропольской губерніи рукодѣлія введены въ 56 училищахъ, и въ Терской области—въ 11 женскихъ и въ 13 смѣшанныхъ училищахъ, въ которыхъ есть учительницы, при чемъ примѣняется программа, составленная въ Кубанской дирекціи; въ Тифлисской дирекціи рукодѣліемъ занимаются въ 7 женскихъ и 11 смѣшанныхъ училищахъ и особенное вниманіе обращено на него въ школахъ Тифлисскаго благотворительнаго общества; въ Кутаисской губерніи имъ занимаются дѣвочки въ 11 женскихъ школахъ; въ дирекціи Эриванско-Елисаветпольской женскія

рукодѣлія введены въ Елисаветпольскомъ училищѣ св. Нины, Пушкинскомъ благотворительномъ и Карскомъ городскомъ женскомъ училищѣ, а также въ двухъ греческихъ школахъ для обоюго пола. Въ Бакинско-Дагестанской рукодѣлію обучаются въ 7 училищахъ. Ремеслами въ Кубанской области занимались въ 1887 году въ 4 училищахъ, съ 1888 года имъ обучали лишь въ 3 училищахъ—Березанскомъ, Васюринскомъ и Новомалороссійскомъ, при которыхъ имѣются особыя ремесленныя отдѣленія, въ коихъ во всѣхъ введено столярно-токарное ремесло при 14 учащихся, а въ двухъ послѣднихъ — слесарно-кузнечное, коему обучалось всего 4 мальчика; эти отдѣленія въ 1888 году обошлись мѣстнымъ обществамъ въ 1.263 руб.; въ мастерскихъ исполняются заказы мѣстныхъ жителей по изготовленіи простѣйшей мебели, или по починкѣ земледѣльческихъ орудій. Сапожное ремесло введено въ Гастагаевскомъ училищѣ, а переплетное преподается безвозмездно учителями въ 11 училищахъ, преимущественно городскихъ. Малое распространеніе ремесленныхъ занятій объясняется несочувствіемъ къ нимъ казачьяго населенія и трудностью присканія учителей и мастеровъ. Въ Терской дирекціи столярно-токарнымъ мастерствомъ учащіеся занимаются въ двухъ-классныхъ училищахъ Ессентукскомъ и Слѣпцовскомъ подъ руководствомъ особыхъ мастеровъ изъ окончившихъ курсъ въ Владикавказскомъ ремесленномъ училищѣ, а въ Прохладненскомъ станичномъ—подъ руководствомъ учителя; выпиливаніе изъ дерева введено въ Константиногорскомъ училищѣ, слесарное ремесло — въ Луковскомъ, переплетное — въ Воздвиженскомъ и Червленскомъ; руководятъ этими занятіями во всѣхъ 4 училищахъ сами учителя. Въ Тифлисской дирекціи ремеслами занимаются въ 8 училищахъ, въ томъ числѣ столярнымъ—въ 4, переплетнымъ—въ 2 и сапожнымъ—въ 2. Въ Кутаисской дирекціи обучаются столярному ремеслу 24 ученика и переплетному—12 въ Ново-Сенакскомъ нормальномъ училищѣ; одному столярному 15 учениковъ въ Корбульскомъ начальномъ и одному переплетному 12 учениковъ въ Кватанскомъ начальномъ училищахъ. Въ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи завѣдывающіе училищами Аштаракскимъ казеннымъ и тремя земскими нормальными, по собственной инициативѣ, стали пручать учениковъ къ ручному труду: въ Чайкендскомъ нормальномъ они обучаются столярному ремеслу, а въ трехъ остальныхъ—переплетному. Въ Бакинско-Дагестанской дирекціи въ Петровскомъ начальномъ училищѣ дѣти учатся столярно-токарному мастерству и въ 4 другихъ школахъ занимаются

переплетничествомъ; занятіе же мастерствами въ Бакинскомъ Михайловскомъ начальномъ училищѣ прекратились съ открытіемъ въ Баку ремесленного училища. Садоводствомъ и виноградарствомъ учащіеся занимались въ Кубанской дирекціи въ 1887 году въ 66 училищахъ, а въ 1888 году эти занятія введены въ 94 училищахъ и происходятъ подъ руководствомъ учителей; изъ училищныхъ питомниковъ ежегодно раздаются культивированныя деревья ученикамъ, оканчивающимъ курсъ, для посадки у себя во дворахъ. Въ Ставропольской губерніи садоводствомъ занимаются въ 6, огородничествомъ въ 7 училищахъ. Въ Терской области садоводство было введено въ 16 училищахъ, въ 1888 году имъ занимались въ 21 училищѣ и изъ нихъ въ 8 и огородничествомъ. Съ этою цѣлью мѣстными обществами для 8 училищъ отведены участки земли, наконецъ разведены особые сады, а остальные 13 школъ пользуются только садиками при школьныхъ зданіяхъ; въ Ессентукскомъ и Лысогорскомъ училищахъ имѣются особые садовники, а въ другихъ занимаются учителя и учительницы школъ, изучившіе дѣло, между прочимъ, подъ руководствомъ садовника Ессентукской школы, въ которой въ 1887 году былъ устроенъ для этой цѣли не большой сѣвдъ; садъ Ессентукскаго училища снабжаетъ школы области прищепами, которыхъ въ 1888 году выдано было бесплатно до 2.000 штукъ. Въ Тифлисской губерніи садоводствомъ занимались въ 4 школахъ, огородничествомъ—въ 5, шелководствомъ—въ 2 и пчеловодствомъ—въ 1; въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи Сацхенскаго начальнаго училища всѣ четыре названныя занятія введены, а съ 1888 года введено еще виноградарство, для чего изъ уступленной училищу министерствомъ государственныхъ имуществъ земли полдесятины отдѣлено подъ виноградники, а изъ суммъ на пособія сельскимъ училищамъ въ 1888 году отпущено было на расходы по этому отдѣленію училища 2.457 р. Въ Кутаисской губерніи значительно распространено занятіе шелководствомъ, и существуетъ въ 27 школахъ; садоводствомъ и огородничествомъ занимаются въ 27 школахъ, которыя имѣютъ небольшіе участки земли и ежегодно получаютъ лучшіе сорта сѣмянъ изъ дирекціи; наиболѣе успѣшно идутъ занятія въ Квирильскомъ нормальномъ училищѣ, въ которомъ для руководства приглашенъ ученый садоводъ, и теоретическій курсъ садоводства и огородничества преподавался однимъ изъ учителей; ученики Кухской сельской школы довольно успѣшно занимаются пчеловодствомъ. Изъ школъ дирекціи Эриванско-Елисаветпольской садоводствомъ и огородничествомъ занимались въ Кагызманскомъ нормаль-

номъ, Карсской области, и въ 17 сельскихъ училищахъ Елисаветпольской губерніи; шелководствомъ—въ 23 школахъ той же губерніи. Наконецъ, въ Бакинско-Дагестанской дирекціи занятія садоводствомъ и огородничествомъ введены въ Геокчайскомъ нормальномъ училищѣ. Всего же преподаваніе пѣнія было учреждено въ оба отчетные года въ 566 и 589 училищахъ, гимнастика—въ 442 и 464, женскія рукодѣлія въ 157, въ томъ числѣ въ 89 женскихъ и 69 смѣшанныхъ и въ 164, въ томъ числѣ въ 35 женскихъ и 129 смѣшанныхъ училищахъ, занятія мастерствами—въ 43 и 45, садоводствомъ и огородничествомъ—въ 108 и 172 и шелководство—въ 52 школахъ.

Въ большинствѣ двухклассныхъ училищъ курсъ продолжается 5 лѣтъ, въ одноклассныхъ—отъ 3 до 4 лѣтъ; только въ лютеранскихъ колоніяхъ дѣти посѣщаютъ школу въ теченіе 7—8 лѣтъ. Продолжительность учебнаго года, начало и конецъ классныхъ занятій зависятъ отъ климата, рода преобладающихъ занятій населенія, а также отъ многихъ случайныхъ причинъ: погоды, неурожая и т. п. Наименьшее число недѣль—20, наибольшее—40.

Во всѣхъ 880 училищахъ окончило въ 1887 году курсъ 3.269 учениковъ и ученицъ, или 6,5% общаго числа учащихся, а во всѣхъ 876 училищахъ 1888 года таковыхъ было 3.473, или 6,7% общаго числа учащихся; изъ нихъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности получили въ первый отчетный годъ 1.025, то-есть, 2,5% всѣхъ учащихся мальчиковъ, и во второй годъ—1.016, или 2,5%. Незначительное число выданныхъ свидѣтельствъ объясняется тѣмъ, что льготы по воинской повинности на казачье населеніе Кубанской и Терской областей не распространяется. Кромѣ окончившихъ курсъ, было выбывшихъ: за 1887 годъ—грамотныхъ—7.120, или 14,0% и неграмотныхъ—1.065, или 2,1%, всего же выбыло за этотъ годъ изъ начальныхъ училищъ 11.454, или 22,7%, изъ коихъ 69, или 0,14%, были исключены за поведеніе, а въ 1888 году, за окончаніемъ 3.473 курса, выбыло умѣющихъ читать и писать 7.370, или 14,3%, итого 10.843 ученика, или 21,0%. Значительное число выбывающихъ до окончанія курса указываетъ на то, что сельскіе жители довольствуются самою элементарною грамотностью. Такъ, напримѣръ, въ 1888 году въ Кубанской области, изъ общаго числа выбывшихъ, приходится на I отдѣленіе—25,2%, на II—60,4%, на III—13,0%, на IV—0,9% и на V—0,5%; слѣдовательно, большинство учащихся оставляетъ школу уже послѣ втораго года ученія. Въ средѣ выбыв-

шихъ въ 1888 году было уволенныхъ за поведеніе 95, или 0,18% общаго числа учащихся.

Собираніе свѣдѣній относительно числа заболѣваній учащихся представляетъ въ начальныхъ училищахъ, конечно, еще гораздо большія затрудненія, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; этимъ и объясняется значительная разница въ выводахъ, полученныхъ по разнымъ дирекціямъ: напримѣръ, за 1887 годъ въ Кубанской области пришлось по 59 случаевъ заболѣванія на 100 учащихся, въ Ставропольской губерніи—только по 7 на 100. Вообще же всѣхъ случаевъ заболѣваній за этотъ годъ записано было 17.799, или по 35 на 100 учащихся. По той же причинѣ свѣдѣнія о заболѣваніяхъ за 1888 годъ также не могутъ считаться полными: по имѣющимся въ дирекціяхъ даннымъ, всѣхъ случаевъ болѣзней было 23.202, или по 45 на 100 учащихся. Какъ въ первый, такъ и во второй отчетные года больше половины случаевъ — 52% и 57%—относятся къ лихорадкамъ и простудѣ; изъ прочихъ случаевъ въ оба года было достаточное число проявленій заразительныхъ болѣзней: такъ, корью болѣло въ 1887 году 703 и въ 1888 году 685 (изъ нихъ въ Кубанской области 138 и 314 и въ Кутаисской губерніи—215 и 195), оспой—248 и 387 (изъ нихъ въ Кубанской области 128 и 83, въ Терской—111, въ Тифлисской губерніи 100), скарлатиною—365 и 411 (изъ нихъ 138 и 143 въ Кубанской области 115 и 142 въ Кутаисской губерніи) дифтеритомъ—253 и 394 (изъ нихъ 199 въ Кубанской и 341 во всѣхъ трехъ дирекціяхъ Сѣвернаго Кавказа) и тифомъ—226 и 187 (изъ нихъ 142 и 58 въ Кутаисской губерніи и 70 случаевъ въ Кубанской области). Смертныхъ случаевъ въ 1887 году было 183, или 0,36% относительно всего числа учащихся и въ 1888 году—182 или 0,36%, и изъ числа 183 отъ заразныхъ болѣзней умерло 121, а изъ числа 182—97; по дирекціямъ смертныхъ случаевъ было за оба года: въ Кубанской—72 и 81, въ Ставропольской—30 и 9, въ Терской—12 и 32, въ Тифлисской—20 и 16, въ Кутаисской—33 и 21, въ Эриванско-Елисаветпольской—12 (5 и 7) и 18 (13 и 5) и той же дирекціи въ Карсской области—0 и 1, и въ Бакинско-Дагестанской—4 (3 и 1) и 4 (всѣ въ Бакинской губерніи).

Въ представленный обзоръ начальныхъ училищъ Кавказскаго округа за 1887 и 1888 года не вошли слѣдующія 5 категорій учебныхъ заведеній: а) нѣсколько начальныхъ училищъ, которыя пропущены были въ отчетахъ по дирекціямъ 1887 года вслѣдствіе не-

своевременнаго полученія свѣдѣній о нихъ; б) армяно-григоріанскія церковно-приходскія школы, выдѣленныя въ отдѣльную рубрику съ 1888 года; в) мусульманскія и еврейскія школы при мечетяхъ и синагогахъ; г) училища Закаспійской области и д) учебныя заведенія разныхъ вѣдомствъ, не подчиненныя общей учебной администраціи. Краткія свѣдѣнія объ этихъ школахъ помѣщаются здѣсь.

Къ первой категоріи относится нѣсколько училищъ Карсской области, свѣдѣнія о которыхъ не могли быть собраны вслѣдствіе неудобствъ путей сообщенія, особенно въ зимнее время. По спискамъ, доставленнымъ окружными начальниками, въ Карсскомъ и Ардаганскомъ округахъ, кромѣ тѣхъ училищъ, которыя вошли въ списокъ дирекціи, существуетъ еще 24 греческихъ, 7 армянскихъ и 1 приходское католическое училище, съ 1.229 учащимися, изъ которыхъ 1.194 мальчика и 35 дѣвочекъ. Въ большинствѣ греческихъ школъ учителями состоятъ лица, получившія свое образованіе въ Турціи и не знающія русскаго языка, такъ что преподаваніе ведется исключительно на ново-греческомъ языкѣ. Кромѣ того, въ Елисаветпольской губерніи имѣется открытое безъ надлежачаго разрѣшенія начальное училище при Кедабекскомъ мѣдеплавильномъ заводѣ, съ 27 учащимися—мальчиками.

Армяно-церковныхъ школъ къ концу 1888 года, по доставленнымъ епархіальными начальниками свѣдѣніямъ, было 151; по 4 въ Кубанской области и Ставропольской губерніи, по 7 въ Терской области и Кутаисской губерніи, 41 въ Тифлисской, 30 въ Елисаветпольской, 35 въ Эриванской, 8 въ Бакинской губерніяхъ, 12 въ Карсской области и 3 въ Дагестанской. Въ этомъ числѣ было двухклассныхъ училищъ—32 и одноклассныхъ—119; мужскихъ—101, женскихъ—39 и смѣшанныхъ—11. Общій годовою бюджетъ училищъ составляло 175.606 р., или по 1.163 р., среднимъ числомъ, на одно училище. Персональ училищъ состоялъ къ 1-му января 1889 года изъ 84 законоучителей, 288 учителей и 119 учительницъ, всего—491 лицо. Общее число учащихся равнялось 11.129, въ томъ числѣ 6.921 мужского и 4.208 женскаго пола. Среднимъ числомъ, на одно училище приходилось почти по 74 учащихся, но отдѣльныя училища значительно многолюднѣе: такъ, напримѣръ, 3 женскихъ двухклассныхъ училища въ Тифлисѣ—св. Гаянэ, Анановское и Тандоевское—имѣютъ въ сложности 527 ученицъ, Ахалцихскія мужское и женское—446 и 455 учащихся, Ахалкалакскія—132 и 116, Елисаветпольскія—147 и 195, пять Александропольскихъ—въ сложности 805,

Новшо-Баязетское—244, Карскія мужское и женское—304 и 147, Шуринское женское—212 учащихся. Армянскія церковныя училища посѣщаются, по возможности, директорами и инспекторами народныхъ училищъ, по наблюденіямъ которыхъ большинство школъ имѣтъ удовлетворительную обстановку, большею частью въ церковныхъ домахъ, и снабжено въ достаточномъ количествѣ необходимыми учебными пособиями; преподаваніе учебныхъ предметовъ во многихъ школахъ также ведется съ хорошимъ успѣхомъ, за исключеніемъ русскаго языка, постановка котораго оставляетъ еще желать очень многого.

Свѣдѣнія о мусульманскихъ и еврейскихъ училищахъ получаютъ дирекціями отъ уѣздныхъ и окружныхъ начальниковъ, и по нѣкоторымъ не только уѣздамъ или округамъ, но даже цѣлымъ областямъ или губерніямъ, эти свѣдѣнія не могли быть получены своевременно; такъ, за 1887 годъ не достаетъ свѣдѣній по губерніямъ Эриванской и Бакинской и по Дагестанской области, почему приходится по этимъ отдѣламъ довольствоваться данными 1886 года, а недостающія свѣдѣнія на 1888 годъ сохранить отъ 1887 года. Всего мусульманскихъ школъ къ концу 1887 года считалось 1.969, учащихся въ нихъ—1.971, а учащихся—25.035, въ томъ числѣ 23.079 мальчиковъ и 1.956 дѣвочекъ. Къ концу 1888 года мусульманскихъ школъ считалось 1.997 при мечетяхъ, съ 1.998 учащими и 23.436 учащимися, изъ которыхъ было 21.378 мальчиковъ и 2.058 дѣвочекъ. Еврейскихъ училищъ при синагогахъ къ 1-му января 1888 года было 80, съ 94 учителями и 1.356 учениками, въ числѣ коихъ 1.323 мальчика и 33 дѣвочки, и къ 1-му января 1889 года школъ еврейскихъ было 49, съ 50 учителями и 1.134 учащимися, изъ которыхъ 1.120 мужского и 14 женскаго пола. Всего же тѣхъ и другихъ училищъ было въ 1887 году 2.049, а учащихся въ нихъ 26.391, въ 1888 году—2.046 и учащихся—24.570.

Въ Закаспійской области существовало въ 1887 году три русскихъ школы: въ Асхабадѣ, въ фортѣ Александровскомъ и въ станицѣ Николаевской; въ 1888 году послѣдовало открытіе 4-ой школы въ Мервѣ. Асхабадское двухклассное начальное училище учреждено въ 1884 году, получаетъ субсидію отъ казны ежегодно въ 1.000 р., а кромѣ того поступило разныхъ пожертвованій и сбора за ученіе въ 1887 году 2.290 р. и въ 1888 году—1.018 р. На содержаніе училища въ первый отчетный годъ израсходовано было 1.529 р., запаснаго капитала имѣлось 4.146 р., во второй годъ содержаніе

обошлось въ 1.531 р., запасный капиталъ увеличился до 4.947 р. Преподаваніемъ занимаются въ училищѣ: православный законоучитель и 2 учительницы, коихъ въ 1887 году было 3. Учащихся къ концу 1887 года было: 28 мальчиковъ и 17 дѣвочекъ, всего—45, къ концу 1888 года—34 мальчика и 8 дѣвочекъ, всего 42 учащихся. Одноклассное начальное училище въ фортѣ Александровскомъ открыто въ отчетномъ 1887 году. На содержаніе его отпущено было: казною—1.050 р. и обществомъ—952 р., а всего—2.002 р., изъ коихъ израсходовано 1.196 р. Въ 1888 году училище на содержаніе свое получило отъ казны 690 р. и отъ мѣстнаго общества—1.540 р., итого 2.230 р. изъ которыхъ израсходовано 1.452 р. Училищемъ завѣдываетъ смотритель, кромѣ того имѣется законоучитель и учительница армянскаго языка. Учащихся въ первый годъ было 29 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, всего—40, а во второй—30 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, всего 40. Церковно-приходская школа въ станицѣ Николаевской существуетъ уже 5 лѣтъ и содержится на счетъ станичнаго общества, которое на содержаніе ея въ 1887 году отпускало 250 р., въ 1888 году—326 р. Преподаваніемъ въ школѣ занимается безвозмездно мѣстный священникъ. Учащихся къ 1-му января 1888 года было въ школѣ 48, въ томъ числѣ 26 мальчиковъ и 22 дѣвочки, къ 1-му января 1889 года—60, въ томъ числѣ 37 мальчиковъ и 23 дѣвочки. Въ Мервѣ существуетъ частное училище съ 18 учащимися обоого пола, содержимое начальникомъ Мервской станціи и его женою. Сверхъ того, въ области существуютъ, по даннымъ за 1887 годъ, 74 мусульманскихъ медресе съ 955 учащимися, изъ коихъ 8 дѣвочекъ, но въ точности число ихъ не извѣстно.

Число учебныхъ заведеній, не подчиненныхъ управленію учебнаго округа, возросло, съ начала 1887 года, когда ихъ было только 187, къ концу его до 339, а въ 1888 году число школъ дошло до 395. Значительное большинство изъ нихъ относится къ вѣдомству православнаго исповѣданія, а именно:

	къ 1-му января 1888 г.			къ 1-му января 1889 г.		
	число школъ.	общее число учащихся.	общій бюджетъ.	число школъ.	общее число учащихся.	общій бюджетъ.
Духовныя семинаріи Тифлисская и Ставропольская	2	490	94.942 р.	2	602	130.789 р.
Духовныя училища мужскія	10	2.389	203.546 „	10	2.377	220.562 „
Епархіальныя училища женскія	2	414	64.095 „	2	430	77.552 „

Школы Общества возста- новленія православнаго христіанства на Кавказѣ.	26	1.843	20.700 р.	26	2.081	22.370 р.
Церковно - приходскихъ школъ и школъ грамот- ности	280	8.022	безъ опре- дѣленнаго бюджета.	336	10.105	21.457 .
всего	320	13.158	383.283 р.	376	15.595	472.730 р.

Изъ числа 13.158 учащихся въ 1887 году было мужскаго пола 11.570 и женскаго 1.588, а изъ числа 15.595 учащихся въ 1888 году— мужскаго пола 13.705 и женскаго—1.890. Хотя приблизительный расходъ на содержаніе этихъ училищъ и представленъ выше, но большинство приходскихъ школъ и школъ грамотности никакихъ вспомоствованій не получаетъ; такъ, за 1887 годъ изъ 280 школъ этой категоріи 205 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ источниковъ содержанія, а остальные 75 получали незначительныя пособія изъ суммъ святѣйшаго синода, или изъ средствъ мѣстныхъ епархій, въ 1888 году изъ числа 336 школъ — 211 оставались безъ опредѣленнаго бюджета. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній принадлежатъ къ числу старѣйшихъ на Кавказѣ; такъ, Тифлисская семинарія и духовныя училища въ Тифлисъ, Телавѣ и Гори открыты въ 1817—1818 годахъ. Школы Общества возстановленія христіанства стали открываться съ начала 60-хъ годовъ, а большинство церковно-приходскихъ школъ—съ 1884 года.

Кромѣ того, въ краѣ существуютъ еще слѣдующія 19 учебныхъ заведеній, въ коихъ состояло:

	Въ 1-му января 1887 г.		Въ 1-му января 1889 г.			
	Число учн- лицъ.	Общее чи- сло уча- щихся.	Общій бюджетъ. Руб.	Общее число училщъ	Общее чи- сло уча- щихся.	Общій бюджетъ. Руб.
Вѣдомства Эчмиадзинскаго армяно-гри- горіанскаго синода:						
духовная академія	4	1.189	407.437	4	989	114.050
3 духовныхъ семинаріи						
Вѣдомства учрежденій императрицы Маріи:						
Закавказскій дѣвичій институтъ. . .	2	408	147.477	2	392	144.851
Кубанское Маріинское училище. . .						
Военнаго министерства:						
Тифлисскій кадетскій корпусъ . . .	6	1.087	453.615	6	1.055	432.622
Владикавказская воен. прогимназія.						
2 юнкерскихъ училища						
2 фельдшерскія школы						

Министерства внутреннихъ дѣлъ:						
повивальный институтъ	}	4	184	33.967	4	188 33.979
фельдшерская школа						
2 мусульманскихъ училища въ Тифлисъ						
Министерства путей сообщенія:						
Михайловское желѣзно-дорожное училище въ Тифлисъ	1	68	14.333	1	33	11.962
Министерства государственныхъ имущ.:						
Тифлисская школа садоводства	}	2	61	11.085	2	77 18.643
Варваринская сельско-хозяйственная школа, Черноморскаго округа.						
Итого . . . . . 19 2.997 767.914р. 19 2.734 756.107р.						

Въ общей сложности перечисленныя въ 1887 году 339 учебныхъ заведеній имѣли учащихся къ 1-му января 1888 года: мужскаго пола 14.119 и женскаго — 2.036, а всего — 16.155. Общая сумма источниковъ содержанія училищъ, за исключеніемъ церковно-приходскихъ школъ за этотъ годъ равнялась 1.164.918 р.; въ 1888 году перечисленныя 395 заведеній имѣли учащихся къ 1-му января 1889 года: мужскаго пола—16.015, женскаго—2.320, а всего—18.335 учащихся. Общая сумма расходовъ на эти училища составляла въ 1888 году 1.228.837 р.

Частныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ въ началѣ 1887 года было 98, а въ концѣ года—105, то-есть, больше на 7, или 7,1⁰/₁₀₀; въ теченіе года закрылось 14 частныхъ училищъ и вновь было открыто 21. Къ концу 1888 числилось только 104 частныхъ заведенія; въ продолженіе года закрылось 20 и вновь открылось 19 училищъ.

Изъ общаго числа училищъ наибольшее находится въ Тифлисской губерніи, а именно: въ 1887 году было 35, въ 1888 году—40 и изъ нихъ въ самомъ Тифлисъ — 32, въ 1888 году 33; остальные 70 и 64 училища за оба года распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Кубанской области — 10 и 12, изъ нихъ 3 въ Екатеринодарѣ и 5 въ Ейскѣ; въ Терской—8 и 6, изъ нихъ 4 во Владикавказѣ; въ Ставропольской губерніи въ оба года было по 13, и изъ нихъ 11 въ Ставрополѣ; въ Кутаисской—8 и 7, изъ нихъ 1 въ Кутаисѣ и 2 въ Батумѣ; Елисаветпольской -- 12 и 10, изъ нихъ 2 въ Елисаветполѣ и 8 въ Шушѣ; въ Эриванской — 5 и 4, изъ нихъ 3 въ Эриванѣ и 1 въ Александрополѣ; въ Бакинской—12 и 11, изъ нихъ 6 въ Баку; въ Дагестантской области—2 и 1, находящееся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Къ I разряду относятся: частное реальное учи-

лице г. Меликъ-Беглярова въ Тифлисъ, состоящее изъ 3 основныхъ классовъ и 2 отдѣленій приготовительнаго, и школа дворянъ Тифлисской губерніи, имѣющая 3 прогимназическихъ класса и приготовительный съ 3 отдѣленіями. Училищъ II разряда было въ 1887 году 7, въ 1888 году — 5, а именно: училище г. Кизера во Владикавказѣ, училище съ курсомъ мужской прогимназіи въ колоніи Темпельгофъ, Пятигорскаго отдѣла Терской области, училище г. Загуменнаго въ Тифлисъ, Кутаисская дворянская школа и училище г. Манденова въ Эривани. Къ этому разряду заведеній принадлежали въ 1887 году еще 2 училища г-жи Ильинской въ Владикавказѣ и г. Пирбудагова въ Баку, къ 1888 году прекратившія свою дѣятельность. Изъ остальныхъ 96 и 97 училищъ, принадлежащихъ къ III разряду, было въ оба отчетные года: мужскихъ — по 29, женскихъ 4 и 8 и смѣшанныхъ — 63 и 60. Пансіоны имѣлись въ 1887 году при 23 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ 1888 году — при 22. Общее число классовъ въ 105 училищахъ было 160, въ 104 училищахъ послѣдняго отчетнаго года — 159.

Большинство частныхъ училищъ III разряда занимается исключительно подготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ правительственные учебныя заведенія, и въ 1887 году можно было ожидать, что съ прекращеніемъ приѣма въ приготовительные классы правительственныхъ гимназій и прогимназій число частныхъ училищъ значительно возрастетъ, однако, большаго увеличенія не послѣдовало. Исключеніе составляютъ нѣсколько начальныхъ школъ, содержащихся на средства благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ, напримѣръ, Старо-Сенакская дворянская школа, 4 училища Обществъ распространенія грамотности, изъ которыхъ 2 въ Ставрополѣ, 1 во Владикавказѣ и 1 въ Батумѣ, молочанское училище въ Тифлисъ, училище въ имѣніи барона Штейнгеля „Хуторокъ“ въ Бубанской области и 5 школъ въ окрестностяхъ Баку, открытыхъ разными нефтяными обществами для дѣтей рабочихъ. Къ учебнымъ заведеніямъ, имѣющимъ свои спеціальныя цѣли, можно отнести: сѣльско-хозяйственную школу въ сел. Цинамзгваріантъ-кари, Горійскаго уѣзда Тифлисской губерніи, 2 воскресныя школы въ Тифлиссѣ, коммерческіе курсы г. Мануэлянца и курсы французскаго языка г-жи Киршнеръ, также въ Тифлисъ.

Такъ какъ большинство частныхъ училищъ находится въ городахъ, преимущественно губернскихъ и областныхъ, то осмотръ ихъ

для членовъ дирекцій не представляетъ особенныхъ затрудненій; такъ, въ теченіе 1887 года не осмотрѣнныхъ училищъ осталось всего 9 (8,6%); а въ 1888 году — 17 (16%) осмотревъ же произведено было въ остальныхъ 96 и 87 заведеніяхъ—директорами въ оба года 72 и 101, инспекторами—110 и 127. По отзывамъ директоровъ народныхъ училищъ, изъ помѣщеній частныхъ учебныхъ заведеній удовлетворительными могли быть признаны въ первый отчетный годъ 83 (или 79%) помѣщеній, во второй годъ улучшились еще два училища, итого было 85 (82%); удовлетворительную классную мебель имѣли—81 (77%) и 89 (86%); достаточное количество учебныхъ пособій находилось въ 72 заведеніяхъ (69%) и затѣмъ—въ 80 (77%).

За обученіе содержателями частныхъ училищъ взималось въ 1887 году отъ 6 р. до 180 р., за содержаніе въ пансіонахъ—отъ 120 до 280 р. въ годъ, а въ 1888 году плата за обученіе простиралась отъ 10 р. до 120 руб., за содержаніе же воспитанниковъ въ пансіонахъ оставалась въ прежнемъ размѣрѣ. Главный источникъ содержанія частныхъ училищъ составляетъ сборъ платы за обученіе и воспитаніе, но не исключительно, такъ какъ нѣсколько учебныхъ заведеній содержатся на средства разныхъ обществъ и лицъ; въ отчетные годы отпущены были слѣдующія суммы: на 2 училища Общества распространія народнаго образованія въ Ставрополѣ — 1.160 р. и 2.184 р., на дворянскія школы: Тифлисскую—32.356 и 36.500 руб., Кутаисскую—по 19.720 р. въ каждый годъ и Старо-Сенакскую, Кутаисской губерніи—по 7.070 ежегодно, на школу Общества распространія грамотности въ Батумѣ—по 2.000 р. ежегодно, на сельско-хозяйственную школу въ Цинамзгваріантѣ-кари — 4.000 и 5.000 р., на 5 школъ при Бакинскихъ заводахъ—6.916 р. и 6.000 р., затѣмъ по свѣдѣніямъ за 1887 годъ—на Батумское женское училище отпущалось 1.600 р., на Тифлисскія молоканское училище—150 р. и мусульманское — 300 руб. и на училище, содержимое барономъ Штейнгелемъ, „Хуторокъ“ Кубанской области, ежегодно получается по 480 р., итого на 16 школъ въ 1887 году отпущено болѣе 75.000 р., а на 12 школъ въ 1888 году—болѣе 80.000 р.

Персональ частныхъ учебныхъ заведеній въ 1887 году состоялъ изъ 293 лицъ, въ томъ числѣ 155 мужскаго и 138 женскаго пола; въ 1888 году — изъ 287 лицъ, изъ которыхъ 153 мужскаго и 134 женскаго пола; въ этомъ числѣ обученіемъ и воспитаніемъ занималось 278 лицъ и 9 состояло на другихъ должностяхъ.

Въ 1887 году число учащихся въ частныхъ училищахъ увеличилось съ 3.569 до 3.783, то-есть, на 214, или 6%, въ томъ числѣ мальчиковъ — 3.054, или 81%, и дѣвочекъ — 729, или 19%. Въ 1888 году увеличения числа учащихся продолжалось и достигло до 3.813, то-есть, прибавилось на 30, или 0,8%, въ томъ числѣ мальчиковъ 2.995, или 79% и дѣвочекъ—818, или 21%. О пансіонахъ при частныхъ заведеніяхъ свѣдѣнія имѣются лишь за 1888 годъ, и то не полныя, а именно: въ 16 пансіонахъ при частныхъ училищахъ Тифлисской губерніи содержалось 357 воспитанниковъ, а о числѣ пансіонеровъ въ 3 пансіонахъ въ Терской области и 3 въ Эриванской губерніи свѣдѣній не получено. Число учащихся въ училищахъ I и II разрядовъ было слѣдующее:

	въ 1887 году	въ 1888 году
Тифлисская дворянская школа.	202	203
реальное училище г. Меликъ-Беглярова.	61	55
Темпельгофское училище.	39	42
училище г. Кизера	20	20
„ г. Загуменнаго.	53	21
Кутаисская дворянская школа.	326	307
училище г. Манденова	80	58

Остальныя 2.979 и 3.107 учащихся распредѣляются между 96 и 97 училищами III разряда, по 31 и по 32, среднимъ числомъ, на каждое. Между училищами III разряда самыя многолюдныя: Старо-Сенакская дворянская школа, въ которой было въ 1887 году 172 и въ 1888 году—165 учащихся и воскресная школа г-жи Кайдановой въ Тифлиссѣ—94 и 105, и въ 1888 году въ школѣ г. Арабаджева въ Александрополѣ находилось 82 ученика; затѣмъ въ остальныхъ училищахъ было:

свыше 70 учащихся	3— 1
„ 60 „	5— 6
„ 50 „	6— 7
„ 40 „	14—13
„ 30 „	13—11
„ 20 „	19—29
„ 10 „	24—21
менѣе 10 „	10— 6
итого	<hr/> 94—94

Между учащимися было въ оба отчетные года: по сословіямъ: дворянъ 38,5⁰/₀ и 35,3⁰/₀, и городскихъ сословій—47,0⁰/₀ и 45,4⁰/₀; по исповѣданіямъ—православныхъ—52,0⁰/₀ и 55,7⁰/₀ и армяно-григоріанъ—31,6⁰/₀ и 27,4⁰/₀; по національностямъ—русскихъ—27,3⁰/₀ и 32,3⁰/₀, армянь—32,5⁰/₀ и 28,1⁰/₀ и грузинъ—27,1⁰/₀ за оба года.

Смертныхъ случаевъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ было за 1887 годъ 9, или 0,24⁰/₀, по 3 на училища Тифлисской, Кутаисской и Елисаветпольской губерній и за 1888 годъ — 8, или 0,21⁰/₀, изъ нихъ 5 въ училищахъ Тифлисской губерніи, 2 въ Кутаисской и 1 въ Эриванской губерніяхъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Римъ. Іюль 1890 года.

Италянскій парламентъ закрылъ свою сессію послѣ того, какъ вотировалъ два закона величайшей важности—реформу администраціи дѣль благотворительности и помощь государства городу Риму для спасенія его отъ банкротства. Временное затишье, наступающее ежегодно послѣ закрытія сессіи, ставитъ періодическую печать въ затруднительное положеніе: по недостатку замѣчательныхъ событій она начинаетъ гоняться за незначительными, и малѣйшее извѣстіе, ею добытое, принимаетъ на столбцахъ ея значеніе выдающагося событія. Этимъ объясняются преувеличенные толки по поводу выѣзда папы изъ Ватикана и полемика, вызванная этимъ инцидентомъ, между прессой клерикальною и либеральною.

А между тѣмъ сущность этого событія весьма проста. Извѣстно, что послѣ занятія Рима итальянскими войсками Пій IX объявилъ себя плѣнникомъ итальянскаго правительства. Хотя законъ о гарантіяхъ укрѣпилъ за нимъ полную и безграничную свободу въ дѣлахъ его духовной власти не только въ Италіи, но и во всемъ католическомъ мірѣ, призналъ за нимъ всѣ прерогативы государя, право дипломатическаго представительства и полную экстерриториальность за его дворцами, папа упорно считалъ себя лишеннымъ личной и официальной свободы, такъ какъ Италія отняла у него свѣтскую власть, которая, по его мнѣнію, составляетъ необходимое условіе при отправленіи его духовнаго господства, какъ главы церкви. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что его упорство и жалобы подѣйствуютъ на государей и народы всего міра, и что они вооружатся противъ Италіи, чтобы восстановить значеніе его свѣтской власти. Онъ говорилъ, что не

только никогда не выѣдетъ изъ Ватикана, но прекратить въ немъ, какъ въ территоріи, на которую наложено запрещеніе, всякаго рода богослуженіе. Одно мгновеніе онъ замышлялъ даже наложить интердиктъ на весь Римъ, закрыть всѣ церкви, воспретить служеніе обѣдни и причащеніе, но затѣмъ измѣнилъ свое намѣреніе и убѣдился, что мѣра эта, вмѣсто того, чтобы произвести благоприятное впечатлѣніе, окажется тщетнымъ усиліемъ, и что добрые римляне не возмутятся противъ италіанскаго правительства и не изгонять его изъ Рима. Пій IX намѣревался не созывать болѣе консисторій, не назначать новыхъ кардиналовъ, ни даже рукополагать епископовъ; но спустя нѣкоторое время онъ увѣрился, что вселенная не рухнетъ оттого, что папа утратилъ свою свѣтскую власть, и что, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатиковъ, интригановъ и политическихъ авантюристовъ, никто не намѣренъ вести безконечной религіозной войны, чтобы возвратить пятидесяти кардиналамъ и прелатамъ должности губернаторовъ, префектовъ и управляющихъ финансами. Поэтому онъ снова сталъ собирать консисторіи и назначать кардиналовъ и епископовъ, но папскія богослуженія въ Сикстинской капеллѣ не возобновлялись,—какъ протестъ противъ „піемонтскихъ узурпаторовъ“. Если басня о папскомъ заточеніи была торжественно опровергнута этими дѣйствіями духовной администраціи, то еще болѣе мнимость этого заточенія была доказана пріемомъ многочисленныхъ поклонниковъ, стекавшихся изъ всѣхъ странъ земнаго шара, тысячами лицъ, пріѣзжавшихъ въ Римъ по доброй волѣ для засвидѣтельствованія своего уваженія святому узнику, вверженному въ ужасную темницу, страдающему отъ голода, лежащему на гнилой соломѣ и оскорбляемому жестокими тюремщиками. Каково должно было быть удивленіе этихъ посѣтителей, когда они увидѣли мнимаго плѣнника окруженнымъ роскошью и пышностью, охраняемымъ собственными вооруженными стражниками, принимавшимъ почести, приличныя только Богу, и услышали, какъ этотъ странный плѣнникъ громитъ своего мнимаго тюремщика, короля Италіи, да и всѣхъ могущественнѣйшихъ государей Европы, объявляетъ святотатственными и отвергаетъ всѣ учрежденія и законы, ему не нравившіеся. Нескончаемый припѣвъ въ подносимыхъ ему адресахъ, оплакивавшій его заключеніе, начиналъ надоѣдать папѣ и не разъ вызывалъ у него нетерпѣливое, если не негодующее восклицаніе: „Я плѣнникъ, потому что я хочу имъ быть“. Разказывали, что иногда папа инкогнито дѣлалъ прогулки въ городъ, но клерикальныя газеты спѣшили опровергнуть эту новость, какъ злобное

внушеніе враговъ церкви, между тѣмъ какъ теперь онѣ сами признаются, что Пій IX изрѣдка покидалъ Ватиканъ и проѣзжалъ по той самой улицѣ, по которой проѣхалъ недавно Левъ XIII. Заключеніе папы стало басней, вредившею ея авторамъ и распространителямъ, и положительно достоверно, что папа Левъ XIII тотчасъ по востшествіи на папскій престолъ намѣревался прекратить этотъ недостойный фарсъ, но давленіе и запугиваніе со стороны его противниковъ, принадлежавшихъ къ партіи непримиримыхъ, принудили его отказаться отъ этого намѣренія. Загадочная смерть его перваго государственнаго секретаря или министра иностранныхъ дѣлъ, кардинала Франки, была для него предостереженіемъ—не пренебрегать требованіями непримиримыхъ. Призракъ смерти папы Климента XIV всюду преслѣдовалъ его и довелъ до полного порабощенія этимъ явнымъ его врагамъ, дѣйствительнымъ его тюремщикамъ и узурпаторамъ духовной власти главы католической церкви, которые сдѣлали изъ Римской церкви политическую партію и подъ прикрытіемъ религіи ведутъ ожесточенную борьбу со всѣми властями, не подчиняющимися ихъ волѣ. Право, нѣтъ ничего удивительнѣе того, что секта, безнравственная и свободная отъ угрызеній совѣсти, подчинилъ себѣ старца, желающаго жить для осуществленія своей мечты—пересоздать человѣчество возстановленіемъ всемогущей власти своей церкви.

Обладая умомъ, достаточно возвышеннымъ для того, чтобы понять фальшивое положеніе, въ которое поставили его противники, Левъ XIII колебался между внушеніями своего разсудка и ихъ требованіями и во всякой рѣчи, обращенной къ кардиналамъ, во всякомъ отвѣтѣ на адреса и поздравленія, ему подносимые, употреблялъ всегда суровый и безразсудный тонъ Пія IX, а подъ рукою старался достигнуть соглашенія съ италіанскимъ правительствомъ на основахъ, которыхъ, впрочемъ, оно не могло принять. Окруженный врагами, состоя постоянно подъ ихъ надзоромъ, папа не могъ скрыть отъ нихъ свои примирительные проекты, а вслѣдствіе того поставилъ себя относительно Италіи въ отношенія, еще болѣе враждебныя. Если иногда Левъ XIII возмущался противъ своихъ враговъ, то скоро уставалъ отъ скрытой борьбы съ ними и уступалъ ихъ требованіямъ. Его врачи постоянно совѣтовали ему проводить лѣто за городомъ—въ Кастель-Гондольфо, гдѣ, по закону о гарантіяхъ, ему предоставлена въ распоряженіе вилла. Левъ XIII соглашался, но его тюремщики изъ непримиримыхъ, видѣвшіе въ удаленіи папы изъ Вати-

кана самое простое средство обнаружить не существующее заключеніе, умѣли всегда воспрепятствовать намѣреніямъ врачей, и папа ограничивался тѣмъ, что на вакаціонное время переселялся въ виллу Піа IX (Boschegescio) въ большомъ ватиканскомъ саду, куда онъ могъ перейти, не выходя изъ дворцовыхъ границъ, и такимъ образомъ мнимая басня продолжала существовать. Утверждаютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Левъ XIII не разъ посѣщалъ своего больного брата, кардинала Печчи, жившаго во дворцѣ Барберини, но либеральная печать не распространялась объ этомъ проявленіи братской любви и дружбы, зная, что клерикальныя газеты посѣщать опровергнуть этотъ фактъ.

Но недавно Левъ XIII рѣшительно порвалъ запрещеніе выхода и подтвердилъ свою свободу. Онъ заказалъ римскому скульптору Орели колоссальную статую Фомы Аквійскаго, и когда художникъ пріѣхалъ извѣстить его, что статуя готова, папа не могъ воздержаться отъ желанія посмотреть ее. Мастерская художника находилась внѣ границъ Ватикана; отправляясь туда, папа неизбѣжно долженъ былъ проѣхать улицу Фундаменты, которая за трибуной св. Петра ведетъ въ Ватиканъ и отдѣляетъ папскій дворецъ отъ королевскаго монетнаго двора (la Zecca). Ворота Ватикана охраняются часовымъ папской швейцарской гвардіи, а напротивъ, у воротъ монетнаго двора, стоитъ итальянскій часовой. Улица содержится и освѣщается на счетъ римскаго городского управленія, дозоры городскихъ сержантовъ, полицейскихъ и королевскихъ жандармовъ наблюдаютъ тамъ за порядкомъ и безопасностью. Выходя изъ Ватикана съ этой стороны, попадаешь на участокъ земли, находящійся въ вѣдѣніи итальянскихъ городскихъ властей. Отправляясь въ мастерскую художника Орели, папа сдѣлалъ по этому общественному пути нѣсколько сотъ метровъ. Онъ выѣхалъ изъ воротъ Ватикана въ каретѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ стражниковъ и другой кареты, въ которой находились два прелата изъ числа придворныхъ. Папская швейцарская гвардія у воротъ Ватикана при видѣ папы отдала ему честь и, преклонивъ согласно церемоніалу колѣна, приняла его благословеніе. Итальянскій часовой, стоявшій у воротъ монетнаго двора, сдѣлалъ то же и также получилъ папское благословеніе. Каменьщики, работавшіе у ограды монетнаго двора, и проходившій мимо разнощикъ лимонада также преклонили колѣна при проѣздѣ папы, для полученія апостольскаго благословенія главы ихъ церкви. Все это произошло на улицѣ, утромъ, а въ полдень весь Римъ уже

зналъ, что папа нарушилъ запрещеніе своихъ заточителей и проѣхалъ по землѣ отлученной имъ Италіи. Понятно, какое сильное впечатлѣніе произвела эта новость, и многіе воображаютъ, что это только предлюдія къ торжественной прогулкѣ Льва XIII по Риму. Несомнѣнно, что населеніе Рима было бы весьма довольно видѣть папу проѣзжающимъ по городу, и за исключеніемъ нѣкотораго числа невѣжъ, всѣ приняли бы его съ глубокимъ почтеніемъ, приличнымъ его высокому сану, да и самыя оваціи имѣли бы характеръ непринужденный и сердечный, такъ какъ въ лицѣ папы перестали видѣть главу деспотической свѣтской власти, которую такъ ненавидѣло все населеніе столицы. Несомнѣнно, изъ такого сочувственнаго пріема папѣ клерикальная печать вывела бы совершенно противоположное заключеніе и объявила бы, что населеніе Рима горитъ желаніемъ восстановить свѣтскую власть папскаго престола.

По отношенію къ инциденту, о которомъ я сейчасъ говорилъ, клерикальныя газеты поставили себя въ самое смѣшное и глупое положеніе. Сначала онѣ съ удивительною храбростью отрицали положительно выѣздъ папы изъ Ватикана для посѣщенія мастерской Орели. Это забавное отрицаніе факта, совершившагося среди бѣлаго дня, въ присутствіи двадцати очевидцевъ, вызвало жестокія насмѣшки. Клерикальныя газеты замѣтили тотчасъ сдѣланный ими грубый промахъ и, желая исправить его, впали въ промахъ, еще болѣе нелѣпый. Видя бесполезность отрицать фактъ установленный и неопровержимый, клерикальная печать стала доказывать, что, не смотря на выѣздъ изъ воротъ Ватикана, папа не касался территоріи отлученной имъ Италіи, такъ какъ улица Фондамента, въ силу экстериторіальности, принадлежитъ Ватикану. Этотъ благовидный аргументъ основанъ, очевидно, на притязаніяхъ клерикаловъ считать не только Римъ, но и всю прежнюю Церковную область, все еще принадлежащими *de jure* папѣ, который въ такомъ случаѣ — такъ выходитъ логически изъ ихъ словъ — могъ бы свободно, не ступая на землю отлученныхъ, попутешествовать по всему такъ-называемому наслѣдію св. Петра — Умбріи, Романьи и Мархіиамъ. Но зачѣмъ же было въ такомъ случаѣ говорить о заточеніи, жаловаться на лишеніе свободы папы? Если же папа, по ихъ мнѣнію, можетъ дѣйствовать законно только въ Ватиканѣ, то знаменитая улица Фондамента, пролегающая внѣ дворцоваго участка, и гдѣ, какъ и на всѣхъ другихъ городскихъ улицахъ, италянскія власти свободно распоряжаются, есть территорія отлученныхъ, и папа не долженъ былъ бы ѣздить по ней, ума-

ляя свое достоинство и разоблачая свое мнимое узничество. Такимъ образомъ, печать клерикаловъ впадаетъ изъ одной ошибки въ другую и, къ довершенію своей нелогичности, признаетъ теперь то, что всегда отрицала, именно, что Пій IX нѣсколько разъ проходилъ пѣшкомъ и проѣзжалъ въ экипажѣ эту самую улицу Фондамента! Однимъ словомъ, клерикальныя газеты потеряли голову изъ опасенія, чтобы эту вылазку папы не истолковали за границей такъ же, какъ истолковали ее въ Италіи, и чтобы не оскудѣлъ притокъ лепты св. Петра, если добрые вѣрующіе узнаютъ, что ватиканскій узникъ выходитъ, когда и какъ ему заблагоразсудится, и принимаетъ на землѣ отлученныхъ всѣ приличныя его сану почести отъ „піемонтцевъ“, слышущихъ за его заточителей.

Въ своемъ неловкомъ положеніи клерикальная печать затѣяла довольно неприличный споръ о юридическомъ принципѣ экстерриториальности и о толкованіи статей закона о гарантіяхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ основанъ на той идѣѣ, что, въ сущности, папство можетъ быть доведено до отказа отъ своей свѣтской власти и до признанія существованія королевства Италіи. Кромѣ того, законъ этотъ редактированъ не юристомъ, который, при всемъ своемъ желаніи, не сумѣлъ дать ему форму и содержаніе юридически точное и ясное, соответствующее высокой важности предмета. Правительство и парламентъ старательно избѣгали всякой точности выраженія, чтобы предоставить исполнительной власти свободу въ примѣненіи закона согласно обстоятельствамъ—то въ особенно широкомъ, то въ ограничительномъ смыслѣ. Это неудобство стало въ скоромъ времени чувствоваться; папа никогда не признавалъ этого закона, считая его не дѣйствительнымъ, и даже прямо отвергалъ его, но, за исключеніемъ назначаемого ему содержанія, отважно пользовался всѣми правами и преимуществами, которые предоставлялъ ему этотъ законъ. До занятія Рима въ 1870 году министръ Ланца рѣшилъ оставить папѣ свѣтскую власть только въ такъ-называемой *citta Leonina*, и министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста внесъ въ одинъ неудачный циркуляръ это несчастное рѣшеніе на усмотрѣніе всѣхъ державъ. Никто въ Италіи не принялъ бы этого сохраненія свѣтской власти папы, хотя и въ малыхъ предѣлахъ, и когда *Times* напечатавъ эту ноту, по всей Италіи раздался крикъ негодованія, и всѣ укоряли слишкомъ снисходительнаго министра въ измѣнѣ. Несомнѣнно, промахъ былъ большой, но онъ остался безъ послѣдствій, благодаря здравому смыслу Пія IX.

ралъ Кадорна, командовавшій окупаціонною арміею, получилъ отъ правительства рѣшительное приказаніе не занимать citta Leonina и сообщилъ этотъ приказъ папѣ черезъ посредство генерала канцлера, главнокомандующаго папскою арміею. Но Пій IX, зная непримиримую вражду римскаго населенія къ свѣтской власти папѣ и къ нему лично, просилъ генерала Кадорна тотчасъ же занять эту часть города, для предупрежденія бѣдствій, казавшихся ему неминуемыми. Генералъ Кадорна послѣдовалъ подчиниться папѣ и занялъ спорную часть города, которая и осталась за Италіею. Такъ, съ согласія и по доброй волѣ Пія IX, свѣтская власть святаго престола совершенно и окончательно исчезла, и италіанское правительство могло предложить къ обсужденію парламента обѣщанный законъ о гарантіяхъ для предоставленія папѣ духовной власти на основаніи фактическаго уничтоженія его свѣтскаго господства.

Съ этой точки зрѣнія и долженъ быть разсматриваемъ законъ 12-го мая 1871 года о гарантіяхъ. Правительство и парламентъ Италіи думали дать папѣ этимъ закономъ широкое удовлетвореніе за утраченную имъ свѣтскую власть, сдѣлавъ въ предѣлахъ его духовной власти уступки, которыя никогда ни одно государство въ мірѣ, кромѣ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ, не предоставляло церкви. Государственные люди и печать всѣхъ странъ находили свободу дѣйствій, предоставленную папству, чрезмѣрною и опасною, но въ Италіи считали ее согласною съ убѣжденіемъ графа Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ и надѣялись, что рано или поздно папство приметъ законъ, предоставляющій ему права, вполне уравнивающія политическую власть, которая была ненавистна его подданнымъ, противорѣчила основнымъ принципамъ цивилизованнаго гражданскаго общества и могла поддерживаться только при помощи военной окупаціи со стороны Франціи и Австріи и призрачной арміи изъ наемниковъ и всякихъ проходимцевъ.

Было бы нарушеніемъ закона о гарантіяхъ предполагать намѣреніе оставить папству малѣйшій клочекъ земли, гдѣ папа могъ бы имѣть государственную власть. Гарантируя папѣ права и преимущества, приличныя государю, законъ гарантируетъ ему и экстерриториальность на подобіе того, какъ международное право гарантируетъ ее резиденціямъ иностранныхъ посольствъ. Но никогда никакое государство не претендовало на то, чтобы права и преимущества, предоставляемыя резиденціямъ дипломатическихъ предста-

вителей, давали симъ послѣднимъ верховную власть на территорію чужаго государства, и конечно, ни одно государство не потерпѣло бы этой претензіи. Но партія клерикаловъ перетолковываетъ право экстерриториальности, предоставленное папскимъ дворцамъ, по своему — въ смыслѣ настоящей государственной власти, такъ, чтобы эти дворцы считались независимыми владѣніями, населенными иностранными подданными, среди территоріи Италіанскаго королевства, нѣчто въ родѣ республики Санъ-Марино. Вотъ почему клерикальная печать, сперва отрицавшая экскурсію папы, теперь старается всѣми силами убѣдить своихъ читателей, что улица Фондамента не есть италіанская территорія, и хотя пролегаетъ внѣ Ватикана, составляетъ часть папскихъ владѣній.

Въ виду такого утвержденія споръ, сначала совершенно праздный, далъ возможность точно опредѣлить положеніе дѣла, и если, какъ увѣряютъ, кардиналъ статсъ-секретарь разослалъ папскимъ нунціямъ циркулярную ноту, въ которой отрицаетъ вѣздъ папы, какъ недостойный вымыселъ италіанскаго правительства, и настаиваетъ на экстерриториальномъ значеніи улицы Фондамента, то будемъ надѣяться, что со стороны европейскихъ дипломатовъ это заявленіе вызоветъ отвѣтъ, согласный какъ со здравымъ смысломъ, такъ и съ правильными юридическими понятіями, и разъясняющій неосновательность требованій клерикаловъ въ интересахъ самого папы.

Эта нота, если только она дѣйствительно существуетъ, свидѣтельствовала бы о новой побѣдѣ партіи непримиримыхъ надъ безсильнымъ желаніемъ Льва XIII избавиться отъ ея ига. Его выходка не была, конечно, дѣломъ бессознательнымъ; она должна была имѣть благоразумную цѣль, и даже самая торжественность, которою она была обставлена, была рассчитанная. Хотя ежегодно во время лѣтнихъ каникулъ Римская курія пускаетъ нѣсколько ракетъ для заявленія міру о своемъ существованіи и для поддержки въ немъ убѣжденія, что „римскій вопросъ“, то-есть, горячее желаніе куріи возстановить свѣтскую власть папы, продолжаетъ интересовать человечество и не преданъ еще забвенію, а все же какъ допустить мысль, что папа позволяетъ подобное къ себѣ отношеніе? Папа не связанъ италіанскимъ правительствомъ, дѣйствія его свободны, онъ публично желалъ доказать свою свободу, но послѣ неудачной попытки снова подчинился своимъ врагамъ, отъ которыхъ желалъ освободиться. Восьмидесятилѣтній старецъ не можетъ имѣть юношеской энергіи и

силъ, и эта неудача вызываетъ сочувствіе къ Льву XIII. Сочувствіе это тѣмъ умѣстнѣе, что, судя по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, папство Льва XIII приходитъ къ своему естественному концу, а потому не лишне знать условія, при которыхъ можетъ состояться избраніе его преемника — событіе, во всякомъ случаѣ важное при сужденіи о явленіяхъ внутренней жизни Италіи, да пожалуй, и не ея одной.

Е. Т.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

ДЪВИЧІЙ ИНСТИТУТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВЪ ЦЕТИНЬ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года означенное въ заглавіи заведеніе, плодъ благотворительности въ Божѣ почившей императрицы Маріи Александровны, праздновало двадцатилѣтіе своего существованія, и въ память того изданъ краткій Отчетъ о его дѣятельности въ продолженіе этихъ двадцати лѣтъ ¹⁾.

Слѣдя, вотъ уже 12-й годъ, за этимъ заведеніемъ лично, мы отъ времени до времени сообщали о немъ въ наши журналы, а теперь, на основаніи упомянутаго Отчета и съ помощью своихъ личныхъ наблюденій, намѣрены познакомить съ нимъ наше общество, хотя въ небольшомъ, но цѣльномъ очеркѣ, въ который включимъ главные факты изъ прошлаго и настоящаго института, съ указаніемъ роли и значенія этого русскаго заведенія въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ Россіи уголковъ Славянства.

I.

Историческій очеркъ за двадцать лѣтъ.

Начнемъ по порядку съ исторіи, при чемъ, для большей полноты и ясности, приведемъ кое-что изъ исторіи вообще черногорской школы.

Исторія эта не восходитъ до глубокой давности.

---

¹⁾ Извѣстѣя о двадцетогодишней радѣи ђевојачког института царице Маріје на Цетињу. Приредно професор Ж. Драговић. Цетиње, 1890, мал. 8°, 64.

Во второй четверти этого столѣтія владыка Петръ I заводитъ въ Цетиньѣ нѣчто въ родѣ школы, гдѣ преподавалъ знаменитый сербскій поэтъ и историкъ Симо Милутиновичъ Сарайлія, въ то же время воспитатель будущаго владыки Петра II.

При Петрѣ II, какъ видно изъ отчета 1842 года, въ Черногоріи существовало уже 6 школъ, на которыя тратилось 3.600 гульденовъ. Въ заведенной тогда-же типографіи печатались и школьныя книги. Въ Цетинской школѣ между другими учились Даніилъ Петровичъ, впоследствии князь, и Крцо Петровичъ, впоследствии вице-предсѣдатель сената.

При князѣ Даніилѣ, не смотря на короткій періодъ его правленія, школьное дѣло, если не расширилось, то окрѣпло; но прочное основаніе школъ положено нынѣ правящимъ княземъ Николаемъ, и въ первыя же десять лѣтъ его правленія она достигла высшаго развитія, такъ что въ 1870 г. въ Черногоріи было 38 школъ, въ которыхъ училось 2.000 дѣтей и въ томъ числѣ 108 дѣвочекъ.

Къ этому же періоду принадлежитъ и основаніе учительско-богословской семинаріи въ Цетиньѣ для приготовленія священниковъ и учителей и института для дѣвочекъ.

Въ 1868 г. князь Николай предпринялъ первую поѣздку въ Россію, и во время его пребыванія въ Петербургѣ императоръ Александръ II соблаговолилъ, чтобы святѣйшій синодъ опредѣлялъ постоянную сумму въ 8.000 рублей на содержаніе учительско-богословской школы; а императрица Марія Александровна отъ себя назначила 5.500 руб. ассигнаціями на содержаніе института.

Оба эти заведенія открыты были осенью 1869 г. и помѣщались сначала въ одномъ зданіи, называемомъ Биліарда. Всѣхъ дѣвочекъ сначала было принято 14, въ томъ числѣ двѣ изъ Приморья, а остальные—черногорки.

Начальницею института назначена была Надежда Петровна Пацевичъ; но она прибыла только въ февралѣ 1870 г., а за ея отсутствіемъ управляли сначала Еватерина Ковачевичъ, а послѣ — Анна Живалевичъ.

Въ веденіи дѣла и преподаваніи постоянною помощницею г-жи Пацевичъ была ея родная сестра Александра Петровна, а также помогали—ректоръ семинаріи М. Костицъ и архимандритъ Виссаріонъ Любиша, которые за то не получали никакой платы, и два учителя съ платою.

Нужно замѣтить, что въ то время въ Черногоріи не только не

было ни одной школы отдѣльно для дѣвочекъ, но ихъ не пускали и въ мужскія школы; только въ 1870 году въ Цетинской школѣ собиралось до 12 дѣвочекъ. Поэтому институтъ вначалѣ долженъ былъ исполнять и роль элементарной школы, такъ какъ большую часть поступившихъ нужно было учить прежде всего азбукѣ.

Считаемъ не лишнимъ указать на громадную разницу, какую представляло Цетиньѣ въ то время въ сравненіи съ теперешнимъ.

Въ настоящее время Цетиньѣ представляетъ изъ себя городокъ, хотя небольшой, но на столько благоустроенный, что вы можете найти въ немъ все, необходимое для жизни, начиная съ помѣщенія и первыхъ жизненныхъ продуктовъ и оканчивая произведеніями европейской индустріи,—благодаря тому, что оно теперь связано съ остальною Европой прекраснымъ шоссе, по которому то и дѣло проѣзжаютъ коляски съ путешественниками и непрерывно тянутся огромныя телѣги, нагруженныя всевозможнымъ товаромъ. А въ то время, 20 лѣтъ назадъ, въ самомъ Цетиньѣ вы не могли бы найти почти ничего, а для сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ существовалъ только едва проходимый вьючный путь. Нужда во всемъ и крайне суровая обстановка дѣлали жизнь въ Цетиньѣ какимъ-то подвижничествомъ. И при такихъ именно обстоятельствахъ пріѣзжаютъ въ Цетиньѣ двѣ русскія женщины, сестры Пацевичъ, чтобы устроить высшее женское учебное заведеніе, для котораго не существовало ни приличнаго помѣщенія, ни всего, что было необходимо для его хотя бы и скудной обстановки, не говоря уже о полномъ отсутствіи педагогическаго персонала. Последняго неоткуда было взять, потому что своего мѣстнаго не было, а иностранцевъ нельзя было заманить на службу въ Черногорію.

Правда, со стороны князя оказывалось самое горячее участіе къ этому новому заведенію, для него дѣлалось все возможное; но при всемъ томъ создавать вновь цѣлую обстановку, одѣвать и кормить, учить и воспитывать полтора десятка дѣвочекъ, большую часть взятыхъ съ воли, сразу оторванныхъ отъ пастушеской жизни,— все это лежало исключительно на начальницѣ и ея сестрѣ-помощницѣ, не имѣвшихъ до того времени понятія ни о странѣ, ни о народѣ, среди котораго имъ привелось жить и дѣйствовать. Великимъ трудомъ и подвигомъ было примириться съ этою жизнью и кое-какъ пристроиться и приспособиться къ ней, а тутъ приходилось еще устраивать учебно-воспитательное заведеніе, въ которомъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей составляло только первую ступень; а

затѣмъ выдвигалась масса потребностей чисто педагогическихъ, для удовлетворенія которыхъ не было никакихъ средствъ.

При теперешней нашей обстановкѣ намъ трудно представить себѣ, какая борьба съ обстоятельствами и какое напряженіе физическихъ и нравственныхъ силъ потребовались со стороны нашихъ пионерокъ этого великаго и святаго дѣла; но тѣмъ не менѣе въ продолженіе года заведеніе было устроено и дѣло было въ полномъ ходу, а 4-го іюня 1871 г. происходилъ годовой экзаменъ, о которомъ читаемъ въ мѣстномъ органѣ „Гласъ Черногорца“ (№ 20, 1871) слѣдующее: „Экзаменъ продолжался цѣлый день... Воспитанницы были экзаменованы строго и отвѣчали изъ всѣхъ предметовъ къ общему удовольствію. Успѣхъ за этотъ годъ достигнуть большой.... Желательно, чтобы и другія наши школы взяли себѣ за образецъ это заведеніе“.

Въ слѣдующемъ (1871 — 1872) учебномъ году преподаваніе было распредѣлено такимъ образомъ: начальница Н. П. Пацевичъ преподавала русскій и французскій языки, двѣ вновь прибывшія наставницы (изъ австрійскихъ сербовъ) М. Стакоевичъ и М. Кокановичъ — сербскій языкъ, общую исторію, географію, ариметику и рукодѣліе, а профессоръ учительско-богословской семинаріи Б. Новаковичъ — Законъ Божій и церковное пѣніе.

Въ этомъ году происходилъ и публичный экзаменъ, окончившійся съ такимъ же, какъ и первый, успѣхомъ. Въ продолженіе года было построено для института отдѣльное зданіе, о которомъ вотъ какъ отзывался тогдашній инспекторъ учительско-богословской семинаріи М. Костицъ (родомъ изъ Австріи): „Это огромное каменное зданіе въ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ его находились — классы, бібліотека, столовая, кухня, магазинъ и другія помѣщенія для эконома, ключницы и слугъ. Въ верхнемъ этажѣ были двѣ большія спальни (для 25 — 30 дѣвочекъ), одна комната рукодѣльная и другая для умыванія, отдѣльный салонъ для отдыха и гулянія воспитанницъ, три комнаты для начальницы и двѣ для двухъ учительницъ, одна комната для больницы и, наконецъ, домовая церковь. Зданіе это построено солидно и заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя помѣщенія; такое заведеніе рѣдко можно найти и у насъ (въ Австріи)“¹⁾.

Только со вступленіемъ въ это новое, собственное зданіе институтъ

¹⁾ М. Костицъ. — Школе у Црној-Гори. Панчево. 1876, стр. 159—160.

получилъ уставъ и программу преподаванія, составленныя начальницей и 12-го апрѣля 1873 г. утвержденныя княземъ Николаемъ.

Вотъ главныя основанія этого устава:

§ 1. Въ Цетиньѣ основанъ институтъ для дѣвочекъ изъ Черногоріи и окрестныхъ странъ и носить названіе: „Женскій Черногорскій институтъ“.

§ 2. Институтъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Александровны, какъ главной благодѣтельницы института, и подъ непосредственнымъ попечительствомъ Ея Свѣтлости Княгини Черногорской Милены.

§ 3. Цѣль и задача института состоятъ въ слѣдующемъ: а) укоренить въ воспитанницахъ благочестіе, кротость и благонравіе, чтобы онѣ самымъ благотворнымъ образомъ могли оказывать вліяніе на среду, въ которой будутъ вращаться, своимъ степеннымъ нравственнымъ поведеніемъ и точнымъ исполненіемъ своихъ домашнихъ обязанностей; и б) чтобы со временемъ изъ нихъ могли приготовиться хорошія и способныя наставницы.

§ 4. Въ институтѣ находятся: а) начальница (директриса), которую назначаетъ и обезпечиваетъ жалованіемъ Ея Величество Россійская Императрица; б) двѣ учительницы сербки, которыхъ утверждаетъ Ея Свѣтлость Княгиня Черногорская; в) отдѣльный учитель закона Божія и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ; г) отдѣльный учитель пѣнія, и д) домашній священникъ, который въ то же время исправляетъ должность эконома въ институтѣ.

§ 5. Начальницѣ ввѣрено вполне управленіе институтомъ: надзоръ за преподаваніемъ и порядкомъ, забота какъ о воспитаніи дѣвочекъ, такъ и обо всемъ, что касается института. Она выбираетъ себѣ помощницъ, отдѣльныхъ учителей, эконома и остальной персоналъ для домашней услуги.

§ 6. Начальница по своему усмотрѣнію распредѣляетъ также предметы ученія и занятій по днямъ и часамъ въ особенномъ росписаніи, которое предварительно должно быть поднесимо на одобреніе Ея Свѣтлости Княгини.

§ 7. Институтъ Черногорскій учрежденъ на 30 воспитанницъ, изъ которыхъ 20 принимаются на счетъ института, а 10 своекоштныхъ съ платою по 200 флориновъ въ годъ.

§ 8. Кромѣ этихъ бесплатныхъ и платящихъ воспитанницъ, могутъ учиться въ институтѣ частнымъ образомъ дѣвочки, которыя,

кромѣ уроковъ, не получаютъ отъ института ничего, и институтъ не отвѣчаетъ за ихъ поведеніе внѣ его.

§ 9. Воспитанницы принимаются не моложе 9 и не старше 12 лѣтъ.

Пропускаемъ подробности относительно формальностей при приѣмѣ воспитанницъ, объ одеждѣ и пищѣ ихъ; но остановимъ вниманіе на курсѣ воспитанія и преподаванія.

§ 15. Курсъ продолжается 6 лѣтъ и дѣлится на три отдѣленія, въ каждомъ изъ которыхъ курсъ продолжается по два года; третье иначе называется практическимъ.

§ 16. Чтобы поступить въ первое отдѣленіе, воспитанница должна умѣть читать и писать по-сербски и знать нѣкоторыя молитвы, а также цифры и счетъ до ста.

§ 18. Приѣмъ и выпускъ воспитанницъ бываетъ каждые два года.

§ 20. Курсъ 2-го отдѣленія на столько законченъ, что воспитанницы безъ особенныхъ способностей, къ наукѣ или не желающія продолжать ученіе, могутъ быть выпускаемы по окончаніи его.

§ 21. Послѣдніе два года (курсъ пракческаго отдѣленія) посвящаются особенно обученію воспитанницъ хозяйству, женскому руководствѣ и надзору за дѣтьми и порядкомъ подъ руководствомъ начальницы и учительницъ.

§ 22. Экзамены бываютъ три раза: при вступленіи, при переходѣ изъ перваго класса во второй и при окончаніи втораго класса.

§ 23. Предметы ученія: законъ Божій; языки — сербскій, русскій и французскій; исторія, географія, ариѳметика, церковное пѣніе; шелководство и женское руководствѣ.

§ 24. Воспитанницы пріучаются также къ домашнему хозяйству. Для этого при институтѣ находятся огородъ и садъ.

§ 25. Лучшія изъ воспитанницъ въ случаѣ надобности и по усмотрѣнію начальницы придаются въ помощь учительницамъ, если на то согласятся онѣ сами и ихъ родители.

Этихъ извлеченій изъ устава для насъ совершенно достаточно, чтобы можно было слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ и развитіемъ образованія и воспитанія въ этомъ институтѣ; и мы опять обратимся къ Отчету.

Мы узнаемъ изъ него далѣе, что въ началѣ 1873—1874 учебнаго года (то-есть, въ 1873 г.) принято было вновь 9 ученицъ, изъ которыхъ только 2 были черногорки, 6—сербки изъ Бокки и Далмаціи и 1 — италянка; всѣхъ же съ прежними въ продолженіе года

было 25, между которыми 3 были своекоштные. Въ томъ же учебномъ году (17-го мая 1874 года) былъ первый выпускъ ученицъ, а приема новыхъ не было.

Въ воспитательскомъ составѣ произошло нѣсколько перемѣнъ: три воспитательницы и учительницы изъ австрійскихъ сербовъ были послѣ весьма короткаго пребыванія въ должности; тогда учительницею сдѣлалась Ангелина Поповичъ, только-что окончившая курсъ въ томъ же институтѣ, а потомъ—Марина Вукичевичъ, родомъ черногорка, учившаяся за границей. Законъ Божій сталъ преподавать протодіаконъ Ф. Радичевичъ.

Въ 1875 г. былъ опять выпускъ: выпущено 5 ученицъ, а принято вновь на 1875—1876 г.—17, изъ которыхъ 11 были черногорки, а 6 изъ Котора; всего же было 28 ученицъ. Но настала война: ученицъ всѣхъ распустили, а зданіе института уступлено въ распоряженіе русскаго Краснаго креста. Тогда начальница института Н. П. Пацевичъ и ея сестра обратились въ сестеръ милосердія: онѣ кормили и обшивали семьи герцеговинскихъ усташей, ухаживали за ихъ дѣтьми, мыли ихъ, одѣвали и въ то же время учили грамотѣ. Отчетъ объ этомъ не говорить, но о томъ въ Черногоріи живетъ воспоминаніе до сихъ поръ, указывая намъ и еще одну изъ благотворныхъ сторонъ этого, въ то время еще новаго заведенія.

Въ сентябрѣ 1878 года институтъ снова открылъ свои двери для ученицъ: изъ прежнихъ поступили 19, а новыхъ 2: черногорка и одна изъ Бокки.

Въ концѣ учебнаго года вышли по разнымъ обстоятельствамъ 4, окончили курсъ 5, осталось 12; а затѣмъ вновь принято 11, и въ теченіе 1879—1880 г. было 23 ученицы.

Въ теченіе же этого года 2 ученицы умерли, 5 вышли, не окончивъ курса, а 6 окончили; и въ началѣ 1880—1881 года принято вновь 9 (4 изъ Бокки и Далмаціи и 5 черногорокъ). Всего въ продолженіе года было 19 ученицъ.

Прошло уже десять лѣтъ, какъ существовалъ институтъ, и при томъ непрерывно подъ управленіемъ одной начальницы Н. П. Пацевичъ. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на то, что было институтомъ сдѣлано за эти десять лѣтъ, тѣмъ болѣе что послѣ того перемѣняется и начальница.

За все это время поступило въ институтъ 65 ученицъ, изъ которыхъ 42 были черногорки, 19 изъ Бокки и Далмаціи, 3 изъ Сквадра и 1 италянка. Изъ нихъ правильно окончили курсъ 25: вышли по

разнымъ обстоятельствамъ, не окончивши курса 18, умерло 3. На содержаніи института было 57, своекоштныхъ 8.

Слѣдя шагъ за шагомъ за развитіемъ института въ продолженіе десятилѣтій, мы отмѣчаемъ три главныя пройденныя имъ фазы: 1) въ первые три года институтъ не имѣлъ ни своего зданія, ни устава и программы; характеръ его еще не опредѣлился; 2) въ слѣдующіе за тѣмъ не полные три года онъ совершенно установился и число ученицъ достигаетъ 28, наибольшей цифры; но война заставляетъ сдѣлать перерывъ и только въ концѣ 1878 года институтъ открывается вновь и вступаетъ въ 3-ю фазу; здѣсь въ послѣдній разъ 1881—1882 учебный годъ институтъ содержалъ 26 ученицъ и въ этомъ періодѣ, именно въ 1879 году, выработана подробная программа преподаванія.

Разсмотрѣніе этой программы дастъ намъ возможность опредѣлить, къ какому разряду учебныхъ заведеній можно отнести Цетинскій институтъ въ той именно фазѣ его развитія, на которой онъ былъ оставленъ его первою начальницею.

Законъ Божій: здѣсь, послѣ священной исторіи и заучиванія на память и толкованія главныхъ молитвъ въ 1-й годъ, проходитъ катехизисъ въ двухъ отдѣленіяхъ, сначала краткій, потомъ полный; въ 4-мъ году литургика, въ 5-мъ исторія церкви.

Сербскій языкъ: этимологія, синтаксисъ, просодика и исторія сербской литературы. Въмѣстѣ съ тѣмъ идетъ краткое изложеніе эстетики.

Русскій языкъ: преподаваніе чисто практическое — переводы и толкованія, заучиваніе наизусть, чтеніе лучшихъ произведеній и очеркъ исторіи русской литературы.

Французскій языкъ—почти въ томъ же объемѣ и направленіи, съ болѣе точнымъ изученіемъ грамматическихъ формъ.

Математика: ариметика заканчивается сложнымъ правиломъ, правиломъ смѣшенія, исчисленіемъ процентовъ и знакомствомъ съ главными мѣрами и монетами; а въ курсъ геометріи входятъ планиметрія и стереометрія.

Реалии. Сюда причислены: геометрія, исторія и естественныя науки. Географія заканчивается описаніемъ всѣхъ частей свѣта, какъ въ физическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; всеобщая исторія—по Иловайскому въ переводѣ Дукича; въ естественныхъ наукахъ, послѣ зоологіи, минералогіи и ботаники, идетъ физика съ систематическимъ разсмотрѣніемъ акустики, оптики и теплоты; химія органиче-

ская и неорганическая съ особеннымъ вниманіемъ къ явленіямъ, касающимся обыденной жизни и экономіи.

Техника. Сюда отнесены: женское рукодѣлье, домашнее хозяйство, каллиграфія, рисованіе, пѣніе, музыка и гимнастика. Перечислимъ подробнѣе программу первыхъ двухъ отдѣловъ. Въ женскомъ рукодѣльи показаны—плетеніе и вязаніе, вышиваніе различныхъ видовъ, починка и шитье бѣлья и платья, послѣ всего кройка и шитье на машинѣ; домашнее хозяйство преподается съ 3-го года и въ него входятъ: ученіе о томъ, въ чемъ состоитъ призваніе и свойство доброй хозяйки, ея поведеніе, содержаніе комнатъ и домашней утвари; о кухнѣ, о заготовленіи и сбереженіи продуктовъ на зиму; въ 4-мъ году ученіе, откуда получается пища, различные роды пищи, какимъ образомъ слѣдуетъ ее выбирать и покупать; объ одеждѣ (съ мытьемъ) и другихъ потребностяхъ; правила рациональнаго воспитанія и содержанія скота, птицъ, шелковичныхъ червей, пчелъ и огорода.

Наконецъ, педагогика, которая преподается только въ 5-мъ году. Вотъ ея подраздѣленія: 1) психологія, 2) логика, 3) наука воспитанія: умственное развитіе, моральное образованіе и религіозное воспитаніе; 4) методика, соединенная съ практикою въ низшихъ классахъ подъ наблюденіемъ учительницъ. Методика сверхъ того излагается въ концѣ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ: закона Божія, математики, географіи, исторіи и естественныхъ наукъ. Въ первомъ классѣ обыкновенно повтореніе того, что учили въ элементарной школѣ.

Еслибы въ эту программу не было включено женское рукодѣліе и домашнее хозяйство, нельзя было бы и подумать, что она предназначена для среднеучебнаго женскаго заведенія въ Черногоріи. Это скорѣе программа какой-нибудь учительско-богословской семинаріи въ Германіи. Нѣмецкій оригиналъ напоминаютъ намъ рубрики наукъ: реаліи, въ которыхъ отнесены географія, исторія, естественная исторія, физика и химія, и техника, заключающая въ себѣ рукодѣліе, домашнее хозяйство, каллиграфію, рисованіе, пѣніе, музыку и гимнастику. При томъ, при каждомъ изъ этихъ предметовъ, не исключая рукодѣлія и домашнего хозяйства, полагается методика ихъ преподаванія. Въ Германіи, конечно, есть возможность всякую профессію возвести на научную степень и вести обученіе въ системѣ и по извѣстной методѣ; для Черногоріи же это совершенная бессмыслица. Кто будетъ преподавать и на чемъ?... Въ уставѣ имѣются въ виду чисто практическія наставленія при занятіяхъ своимъ домашнимъ

весьма несложнымъ хозяйствомъ. Въ немъ § 24 гласитъ такъ: „Воспитанницы приучаются также къ домашнему хозяйству. Для того при институтѣ находятся садъ и огородъ, чтобы легче можно было достигнуть цѣлей хозяйства“.

Какъ мало составитель этой программы задумывался о примѣнимо-сти ея къ черногорскому заведенію, видно изъ того, что онъ совершенно забылъ черногорскую и вообще сербскую исторію; а между тѣмъ въ обширномъ объемѣ требуется знаніе всеобщей исторіи: „Новая исторія. Великія изобрѣженія и открытія; борьба за Италію и возрожденіе наукъ и искусствъ; реформація въ Германіи; католическая реакція въ юго-западной Европѣ и Нидерландахъ; побѣда католицизма и монархіи во Франціи; время Тюдоровъ и Стюартовъ въ Англіи; Скандинавія, Польша, Пруссія и Турція; тридцатилѣтняя война“. О Россіи, конечно, нѣтъ и помина, только въ 5-мъ классѣ упоминается: „Сѣверная и восточная Европа въ XVIII вѣкѣ“, при чемъ можно подразумѣвать и Россію. Мелькомъ вспоминаетъ программа и географію Черногоріи въ слѣдующихъ словахъ подъ рубрикой Географіи (по ошибкѣ тамъ стоитъ реалія): „1-й годъ. Повторяется все, что учили въ основной школѣ (смотри планъ для основной школы), чертя все, чему учатся по картѣ Черногоріи, напечатанной въ Петербургѣ“.

Что составитель этой программы, какой-то мѣстный педагогъ, безъ дальнихъ разсужденій держался нѣмецкаго оригинала, видно изъ программы математики, гдѣ вмѣсто достаточно выработанной сербской терминологіи вездѣ употребляетъ слова: адиранье, суптрахиранье, мультиплициранье, дивидиранье.

Впрочемъ, программа эта, выйдя въ свѣтъ въ 1879 году, при г-жѣ Пацевичъ не могла практиковаться, такъ какъ въ слѣдующемъ году г-жа Пацевичъ уже оставила институтъ, а потомъ прибыла новая начальница, которая въ силу устава могла измѣнить программу. Мы же остановились на ней ради того, что ею съ точностью опредѣляется характеръ института, какъ среднеучебнаго заведенія.

Были, однако, въ то же время возраженія, если не противъ программы, то противъ практиковавшагося тогда преподаванія русскаго и французскаго языковъ. Эти возраженія имѣютъ важность въ томъ отношеніи, что принадлежать главному тогда педагогу въ Черногоріи М. Костичу, ректору учительско-богословской семинаріи, который, какъ мы видѣли, принималъ нѣкоторое участіе и въ институтѣ. Въ то же время они выражаютъ собою мнѣніе части тогдашняго общества. Вотъ

въ какомъ видѣ они воспроизведены впоследствии въ исторіи черпогорской школы: „Всякому должно кинуться въ глаза“, говоритъ М. Костичъ, — „зачѣмъ въ Цетинскомъ институтѣ преподаются два иностранныхъ языка—французскій и русскій? Зная теперешнее и будущее положеніе нашихъ воспитанницъ, мы спросимъ: зачѣмъ имѣть два иностранныхъ языка? Зачѣмъ онѣ должны терять столько времени и столько труда, чтобы усвоить себѣ тѣ два языка?.. Какая цѣль достигается черногорскимъ народомъ въ томъ, что институтки научатся говорить по-русски и парлировать по-французски?“¹⁾

Такія возраженія со стороны сербскаго педагога не представляютъ ничего ни оригинальнаго, ни новаго. Они слышались всегда и раздаются еще и нынѣ со стороны людей, смотрящихъ на вещи съ точки зрѣнія узкаго партикуляризма и практицизма.

Русскій языкъ долженъ былъ занять мѣсто въ числѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, уже по тѣмъ симпатіямъ, которыя вообще связываютъ Черногорію и Россію, и еще больше, какъ деликатное выраженіе уваженія къ Высочайшей основательницѣ его и покровительницѣ. При томъ русскій языкъ не иностранный для черногорца, какъ его называлъ М. Костичъ, а родной ему, больше чѣмъ на половину понятный, обладающій довольно обширною литературой, которая поэтому легко можетъ сдѣлаться доступною ему и пополнить недостатки въ собственной сербской литературѣ. И кромѣ того русскій языкъ помогаетъ при болѣе серьезномъ изученіи собственнаго сербскаго языка.

Впрочемъ, въ концѣ концовъ и М. Костичъ мирится съ русскимъ языкомъ и даже дѣлаетъ уступку въ пользу французскаго съ условіемъ, чтобы онъ не былъ обязательнымъ для всѣхъ, а преподавался частнымъ образомъ нѣкоторымъ только ученицамъ, по желанію ихъ родителей, „ибо“, заключаетъ онъ, — „зачѣмъ принуждать всѣхъ учить языкъ такъ-сказать, безъ цѣли (такъ какъ почти нѣтъ цѣли для Черногорія)!“ (стр. 180). На это можемъ замѣтить, что для дѣтей изученіе чужаго языка не составляетъ никакого затрудненія, а что касается черногорскихъ дѣтей, то для нихъ было бы насиліемъ, еслибы ихъ лишили возможности учиться французскому языку въ то время, когда учатся другіе.

Я не имѣю никакихъ личныхъ наблюденій относительно института за этотъ періодъ, потому что, путешествуя часто по внутрен-

¹⁾ См. Школе у Црној-Гори, стр. 175.

ности Черногоріи и по ея окраинамъ, я мало бывалъ въ Цетинѣ и потому посѣтилъ институтъ всего два-три раза; мнѣ не удалось присутствовать ни на урокахъ, ни на экзаменѣ, и изъ своихъ посѣщеній я вынесъ такое общее впечатлѣніе: во внѣшнемъ содержаніи института чистота и порядокъ, хорошій здоровый и веселый видъ дѣвочекъ и добрыя отношенія между ними и начальницей. Это, по-моему, и составляетъ главное въ такомъ заведеніи, гдѣ все держится на личности начальницы. Высокообразованная и нравственная личность при добрыхъ отношеніяхъ и въ тѣсномъ общеніи съ дѣтьми оказываетъ на нихъ вліяніе гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ вся педагогическая техника.

Большихъ научныхъ знаній не могъ дать институтъ при г-жѣ Пачевичъ; это мы утверждаемъ на томъ основаніи, что въ то время въ Цетинѣ почти не было контингента, изъ котораго можно бы было брать учителей и учительницъ, а изъ учительницъ, взятыхъ со стороны, ни одна не оставалась больше года. Въ воспитательномъ отношеніи также не было строгой педагогической выдержки: отношенія были болѣе или менѣе близки къ семейнымъ. Это утверждаютъ всѣ; такъ показалось и мнѣ, когда я посѣщалъ институтъ.

Обратимся, наконецъ, къ результатамъ, которые далъ этотъ институтъ, именно къ тому, что вышло изъ выпущенныхъ имъ воспитанницъ.

Я знаю до двадцати изъ нихъ, которыя потомъ вышли замужъ: въ Черногоріи, въ Бокѣхъ и одна въ Скадрѣ. Правда, всѣ онѣ попали въ семейства болѣе или менѣе образованныя, зажиточныя и занимающія болѣе видное положеніе, что тоже нужно приписать полученному ими образованію; но въ какомъ бы положеніи онѣ ни были, онѣ вездѣ съ достоинствомъ отвѣчаютъ своему положенію, а во внутренней домашней жизни вы встрѣчаете у нихъ экономію и порядокъ, какихъ обыкновенно не найдете въ черногорскомъ домѣ. Больше всего благотвѣтельное вліяніе полученнаго ими образованія замѣтно на воспитаніи дѣтей. Чистота, какъ въ помѣщеніи, такъ и въ одеждѣ, безъ роскоши, дорого стоящей и только стѣсняющей свободу дѣтей; совершенно правильное питаніе въ опредѣленные сроки съ устраненіемъ всякаго излишества и прихоти,—вотъ что встрѣчаете въ этихъ семьяхъ. При страстной любви къ ребенку, эти матери не упускаютъ изъ виду воспитанія въ немъ тѣхъ началъ, которыя должны составить основу его будущей жизни и выработать его характеръ. Сама же мать приготовляетъ его и къ поступленію въ школу. Если не всѣмъ,

то большинству изъ нихъ пришлось кстати и знаніе французскаго языка, въ которомъ онѣ послѣ усовершенствовались, такъ какъ нерѣдко приходится говорить на немъ и читать. Русскій же языкъ, въ какомъ бы уединеніи онѣ ни жили, не забывается ими никогда и остается полу-роднымъ, и если имъ подолгу не представляется возможности говорить на немъ, то онѣ постоянно читаютъ русскія книги, инныя выписываютъ русскіе журналы. Нѣкоторыя понемногу учатъ своихъ маленькихъ дѣтей русскому языку, пользуясь ихъ живою воспримчивостью. Среди нихъ я не знаю ни одной бѣлоручки. За то ихъ и любятъ не только мужья, но и ихъ семьи и родня.

Таковы результаты десятилѣтней дѣятельности института подѣ управленіемъ Надежды Петровны Пацевичъ. Поэтому совершенно справедливо „Гласъ Черногорца“, прощаясь съ нею, слѣдующими словами выражаетъ чувства и мысли всего тамошняго общества: „Н. П. и А. П. Пацевичъ, бывшія до сихъ поръ управительницами института и отправляющіяся въ свое дорогое отечество, оставляютъ въ насъ самыя лучшія воспоминанія вмѣстѣ съ вѣчною признательностью и благодарностью за ихъ ревность и великій трудъ, которые онѣ цѣлыхъ десять лѣтъ полагали на пользу этого заведенія, приготовляющаго женскую половину нашего народа къ своему призванію. Кто имѣлъ случай ближе познакомиться съ ихъ пріятнымъ и любезнымъ обхожденіемъ, кто видѣлъ ихъ въ самомъ заведеніи, гдѣ онѣ заботились о здоровьѣ и успѣхахъ своихъ воспитанницъ, какъ матери о родныхъ дѣтяхъ; кто хотя однажды побывалъ въ институтѣ и своими глазами видѣлъ тамъ прекрасный порядокъ во всемъ, чистоту и строгость,—тотъ тогда же долженъ былъ понять, что управительницы вполне обладаютъ тѣми силами, какія необходимы для выполненія возвышенной цѣли, и что онѣ исполняли свою должность добросовѣстно, строго и съ самопожертвованіемъ. Черногорія, а частью Далмація и Скараръ, откуда народъ слалъ своихъ дѣвочекъ въ ту школу и принималъ ихъ обратно съ надлежащимъ образованіемъ, имѣютъ основаніе провозгласить ихъ съ чувствомъ глубокой благодарности и благословеніями, пожелать имъ отъ всего сердца счастливаго пути въ ихъ славное отечество“ (Отчетъ, стр. 37—38).

Госпожа Пацевичъ оставила институтъ 5-го октября 1880 года, открывши новый учебный годъ съ 19-ю воспитанницами при четырехъ преподавательницахъ и преподавателяхъ, не считая священника, который исполнялъ исключительно свои церковныя обязанности и въ то же время былъ экономомъ.

Новою начальницею института прибыла изъ Россіи Наталья Львовна Мессарошъ, женщина, какъ говорятъ, съ хорошею педагогическою подготовкой, такъ какъ была уже начальницею одного педагогическаго заведенія въ Россіи.

Она не произвела никакихъ существенныхъ перемѣнъ, только освободила священника отъ должности эконома, взявши ее на себя, какъ и слѣдовало; а затѣмъ вотъ какъ отзывается объ ней Отчетъ: „Г-жа Мессарошъ съ самаго начала обратила вниманіе на научную сторону заведенія, и трудъ ея не былъ напрасенъ. Она установила и такъ-называемыя „вечерніи чтенія“, на которыхъ дѣти знакомились съ важнѣйшими произведеніями сербской и русской литературы; затѣмъ позаботилась пріобрѣсти всѣ необходимѣйшія учебныя пособія: физическій, химическій, географическій кабинеты (?), картины для естественныхъ наукъ и т. д. Въ то же время она заботилась о поправкахъ въ институтскомъ зданіи и о расширеніи его и начала дѣлать новую пристройку, которую однако не докончила“ (стр. 40—41).

Воспитательскій составъ въ 1881—1882 учебномъ году представляли собою 7 преподавательницъ и преподавателей, кромѣ самой начальницы.

Какъ шло дѣло въ институтѣ, о томъ мы ничего не знаемъ изъ Отчета, но думаемъ, что учебная часть была дѣйствительно хорошо поставлена, и на экзаменѣ, бывшемъ въ апрѣлѣ 1883 года, ученицы отвѣчали очень хорошо, лучше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; но мы знаемъ также, что часть дѣвочекъ была совершенно не допущена на экзамены, какъ малоуспѣшныя; а изъ Отчета видимъ, что въ 1881—1882 году выпуска не было, но 8 дѣвочекъ выбыли, не окончивши курса, и 2 умерли. Знаемъ также, что были побѣги изъ института вновь поступавшихъ дѣвочекъ вслѣдствіе слишкомъ строгаго примѣненія педагогическихъ правилъ. Зимой 1882—1883 года въ институтѣ страшно развилась болѣзнь буганды (франц. epigéuge; итальян. redignone; опухоль рукъ и ногъ), по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ недостаточнаго тепла въ помѣщеніяхъ; досмотръ за больными оказался также недостаточнымъ. Одна дѣвочка (не знаю, отъ какой болѣзни) умерла въ институтѣ. Родители были смущены, но не брали дѣтей изъ института изъ уваженія къ его Высочайшимъ покровительницѣмъ и попечительницѣмъ. О дальнѣйшемъ опять узнаемъ изъ Отчета. Этотъ учебный 1882—1883 годъ, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ окончился раньше обыкновеннаго, именно

экзамены были окончены 20-го и 21-го апрѣля. Ученицы разошлись по домамъ; начальница отправилась навсегда въ свое отечество; учительскій персоналъ также разошелся; а зданіе институтское по приказанію Е. В. Князя поручено надзору г. Лѣтвы (учителя) до прибытія новой начальницы.

Въ ноябрѣ 1883 года прибыла новая начальница Юлія Андриановна Лопухина, устраивавшая передъ тѣмъ подобное же заведеніе въ Болгаріи въ Филипполѣ. Уроки начались только 8-го января 1884 года; а окончились въ концѣ марта, потому что предполагалось произвести необходимыя поправки въ зданіи института. Впрочемъ поправки эти въ тотъ годъ произведены не были, и это отразилось опять на здоровьѣ дѣтей.

Въ слѣдующемъ 1884—1885 году классы начались мѣсяцемъ позже обыкновеннаго (въ концѣ октября вмѣсто половины сентября); а также большіе прогулы были на Рождество и на Пасху: экзамены окончились 18-го іюня.

Въ этомъ году начальница воротилась изъ отпуска къ 1-му августа и тотчасъ занялась институтомъ, чтобы своевременно открыть классы; а 30-го августа прибылъ въ Цетиньѣ секретарь Ея Величества Императрицы тайный совѣтникъ Оомъ, чтобы лично познакомиться съ институтомъ, не производя однако ревизіи; онъ нашелъ необходимымъ сдѣлать измѣненія въ уставѣ института.

Самое существенное измѣненіе устава состояло въ томъ, что единоличное управленіе институтомъ одной начальницы, которая состояла въ прямой отвѣтственности только передъ Императрицей и подъ непосредственнымъ попеченіемъ Княгини Черногорской, замѣнено соучастіемъ въ томъ особаго комитета, во главѣ котораго состоитъ Ея Высочество Черногорская Княгиня, а непремѣнными членами: русскій министръ-резидентъ въ Черногоріи, начальница института и еще одно лицо, которое опредѣлитъ для того Его Высочество Черногорскій Князь (въ настоящее время министръ народнаго просвѣщенія). Относительно круга дѣятельности этого комитета существуютъ по новому уставу 12 параграфовъ, изъ которыхъ мы считаемъ необходимымъ указать главныя статьи:

„Начальницу института назначаетъ Ея Величество Русская Императрица по предварительному соглашенію съ Ея Высочествомъ Княгинею Черногорской; равно и увольняется начальница только по повелѣнію Ея Величества вслѣдствіе выраженнаго относительно того желанія Ея Высочества“ (§ 8). Если начальница сама пожелаетъ выйти въ от-

ставку, она „не можетъ оставить институтъ, прежде чѣмъ получить разрѣшеніе на поданное ею прошеніе (на имя Императрицы и съ вѣдѣнія Княгини) и пока не передастъ институтъ лицу, которое будетъ назначено на ея мѣсто“ (§ 9). „На Цетиньѣ начальница подчинена исключительно Черногорской Княгинѣ: она принимаетъ отъ Ея Высочества распоряженія и ничего не можетъ предпринять безъ предварительнаго рѣшенія Ея Высочества“ (§ 10). Всѣ вопросы относительно воспитанія и ученія дѣтей подносятся на рѣшеніе Комитета и послѣ того сообщаются Ея Величеству Императрицѣ (§§ 11, 12 и 13). Отчетъ за истекшій годъ со всѣми документами подносится начальницей Комитету и послѣ того, какъ онъ будетъ одобренъ, одинъ экземпляръ его посылается на Высочайшее утвержденіе Ея Величеству и затѣмъ остается на храненіи въ институтѣ, а другой—посылается въ С.Петербургъ министру народнаго просвѣщенія“ (§ 14).

Для хозяйственной части и счетоводства полагается экономъ (§ 15).

Важное измѣненіе устава состоитъ еще и въ томъ, что §§ 1 и 2, приведенные нами выше, соединены въ одинъ и выражены въ такой формѣ: „Женскій Институтъ въ Цетиньѣ, основанный въ Воеѣ почившею Русскою Императрицею Марією Александровною исключительно для дѣтей черногорцевъ, состоитъ и т. д.“ (§ 1). И въ отдѣльномъ примѣчаніи: „По личному желанію Ихъ Высочествъ Князя и Княгини могутъ быть принимаемы въ институтъ и дѣти не черногорцевъ, какъ исключеніе; но число этихъ послѣднихъ не должно быть больше одной трети цѣлаго числа воспитанницъ“. Относительно курса ученія также произведено нѣкоторое измѣненіе. Именно, по прежнему уставу курсъ ограничивался двумя классами, по два года въ каждомъ, и затѣмъ третій классъ считался практическимъ для приготовленія въ учительницы (§§ 15 и 20); по новому же уставу то же самое болѣе точно формулировано. Вотъ какъ опредѣляется это по новому уставу въ § 36: „Каждая воспитанница, окончившая съ хорошими успѣхами первыя два отдѣленія, получаетъ при выходѣ изъ заведенія свидѣтельство съ подписью начальницы, учительницъ и учителей. Воспитанница же, которая окончила весь шестилѣтній курсъ, получаетъ дипломъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, съ которымъ она получаетъ право быть учительницей въ народной школѣ“. Слѣдовательно, полный курсъ—шестилѣтній, хотя и допускается выходъ со свидѣтельствомъ послѣ четырехъ лѣтъ (§ 29).

Вся эта передѣлка устава произведена была лично г-мъ Оомомъ

при участіи г. Павловича, въ то время управлявшаго дѣлами народнаго просвѣщенія (въ настоящее время онъ министръ). Въ то же время и ими же выработанъ былъ и новый планъ преподаванія, остающійся въ силѣ до настоящаго времени. Этотъ планъ значительно упрощенъ и приуроченъ къ потребностямъ заведенія, для котораго написанъ, и по нему введена отечественная исторія, забытая въ первой программѣ.

Въ 1885—1886 году не было выпуска, поэтому не было и приема; а сколько было всего ученицъ, изъ Отчета не видно.

Въ 1886—1887 году въ началѣ также не было принято на одной воспитанницы, но въ концѣ его выпущено 5; на 1887—1888 г. принято 6, изъ которыхъ въ томъ же году 3 вышли по болѣзни. Учащій персоналъ все это время состоялъ изъ трехъ лицъ, не считая въ томъ числѣ начальницу, а къ концу года только изъ двухъ. Ю. А. Лопухина оставалась только до 12-го января 1888 года, и тогда ее замѣнила Софья Петровна Мертваго, бывшая начальница Маріинской женской гимназіи въ Рязани.

Въ 1888—1889 году не было приема; а сколько было всего ученицъ, опять изъ Отчета не видимъ; но педагогическій персоналъ состоялъ изъ 8 преподавателей и преподавательницъ, не считая Начальницы, тоже занимавшейся преподаваніемъ. Въ числѣ ихъ впервые упоминается священникъ, какъ преподаватель закона Божія; но почему этого не было прежде, не понятно.

Составитель Отчета, однако, на это совершенно не обращаетъ никакого вниманія, обходя вопросъ полнымъ молчаніемъ. Мы же лично знаемъ, что во второмъ десятилѣтіи бывали періоды, когда въ институтской церкви почти круглый годъ не совершалось богослуженія и болѣе года совсѣмъ не было своего священника. Поэтому особенно и отмѣчаемъ назначеніе священника Луки Лопичича на должность законоучителя и добавляемъ, что со времени вступленія въ управленіе институтомъ С. Д. Мертваго церковная служба въ немъ совершается каждое воскресенье и каждый праздникъ, также не пропускаются русскіе царскіе дни, равно какъ и царскія панихиды, на которыхъ постоянно присутствуютъ, если не самъ Князь лично, то кто-либо изъ членовъ его семейства, и, само собою разумѣется, представители русской миссіи въ Цетиньѣ, а также весь педагогическій персоналъ, нѣкоторые черногорскіе чиновники и постороннія лица.

При С. П. Мертваго въ первый же годъ замѣтенъ сталъ значительный успѣхъ. Оставалось только привести въ надлежащій видъ часть сслѣхх, отд. 4.

всѣ институтскія зданія, которыя отъ времени постройки не подвергались основательнымъ поправкамъ. Начальница довела обо всемъ до свѣдѣнія Государыни Императрицы, и повелѣніемъ Ея Величества въ 1888 году опредѣлено, чтобы институту впредь ежегодно выдавалась 10.000 австр. флориновъ, вмѣсто прежнихъ 5.500 рублей, которые при низкой валютѣ нашего рубля, составляли не болѣе 6.500—7000 флориновъ. Благодаря этому, въ томъ же году лѣтомъ произведены были всѣ необходимыя поправки, съ цементированіемъ главнаго зданія снаружи и внутри противъ сырости, на что затрачено до 3.000 флор., и сверхъ того уплачены старые долги института, такъ что на годовое содержаніе его остались прежніе 6.500 флор. И не смотря на то, дѣло расширилось.

Въ томъ же 1888—1889 году окончили курсъ 7 воспитанницъ, а на слѣдующій 1889—1890 годъ принято вновь 18, въ томъ числѣ 6 на собственный счетъ; а всего съ прежними состояло 28. Число своекоштныхъ ясно показываетъ, что заведеніе приобрѣло довѣріе, такъ какъ прежде за цѣлое первое десятилѣтіе было ихъ только 8, а потомъ не было ни одной. Преподавателей и преподавательницъ было 9. Такимъ образомъ, послѣ нѣкотораго колебанія и упадка института въ послѣднее десятилѣтіе, къ концу его онъ снова поднимается на высоту, на которой не стоялъ прежде.

Ко всему этому остается еще упомянуть фактъ, показывающій, какъ покойная Императрица, въ своей заботѣ объ институтѣ вообще, позаботилась и о матеріальномъ обезпеченіи достойнѣйшихъ изъ воспитанницъ на первой же порѣ по выходѣ изъ института. Съ этою цѣлью Ею оставленъ капиталъ, проценты съ котораго выдаются лучшимъ воспитанницамъ, окончившимъ полный курсъ въ институтѣ. До 1886—1887 года объ этомъ ничего не говорится въ Отчетѣ; но тутъ впервые упоминается, что 5 ученицамъ раздѣлено 2,284 флор. соотвѣтственно оказаннымъ ими успѣхамъ.

Въ 1886—1887 году установлены сверхъ того награды и при переходѣ ученицъ изъ одного класса въ другой двухъ степеней: первой степени—книги съ похвальнымъ листомъ, второй—однѣ книги.

Вотъ все, что мы могли почерпнуть изъ Отчета и другихъ источниковъ о состояніи института за 20 лѣтъ его существованія. Мы видимъ, какъ это учебное заведеніе въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ слагалось, вырабатывая себѣ своими собственными силами и сообразно съ обстоятельствами характеръ, систему и кругъ дѣятельности. Только на третій годъ послѣ открытія института данъ ему уставъ, а про-

грамма преподаванія выработана только въ концу десятилѣтія. За все то время не было и постояннаго персонала. Кромѣ того, принявъ въ самомъ началѣ больше половины безграмотныхъ, институтъ исполнялъ роль и элементарной школы по причинамъ, которыя мы указали выше. Впослѣдствіи же, когда завелась элементарная школа и для дѣвочекъ, институтъ могъ требовать отъ поступающихъ нѣкоторой предварительной подготовки и только тогда стать на уровень средне-учебнаго заведенія. Съ этимъ характеромъ оно вступаетъ во второе десятилѣтіе.

Во второмъ десятилѣтіи перемѣнились двѣ начальницы и вступила третья. Ростъ института въ этомъ періодѣ задерживается какими-то неблагоприятными обстоятельствами: это видно изъ уменьшенія числа ученицъ и частыхъ перемѣнъ воспитательскаго персонала. Замѣчается какое-то колебаніе и во внутренней жизни института, вслѣдствіе чего является необходимость пересмотра устава, а измѣненія, произведенныя въ немъ, указываютъ на сознаніе необходимости видоизмѣнить управленіе институтомъ, до того времени всецѣло сосредоточенное въ рукахъ начальницы. Тогда въ формѣ комитета созданъ органъ, частью для контроля, главнымъ же образомъ, полагаемъ, въ помощь начальницъ и для облегченія ея отвѣтственности. Это было тѣмъ необходимымъ, что, какъ мы замѣтили выше, институтъ былъ лишенъ постояннаго педагогическаго персонала, который могъ бы помочь начальницѣ совѣтомъ и активнымъ содѣйствіемъ

Но какъ бы ни было поставлено дѣло института, главнымъ факторомъ заведенія, его внутреннею, духовною силою является личность начальницы. Вотъ почему, признавая большую пользу и необходимость учрежденія комитета, мы первымъ условіемъ успѣха ставимъ удачный выборъ начальницы; такъ какъ начальницею по уставу назначается русская и Русскою Императрицею, то мы увѣрены, что для такого заведенія всегда найдется личность, обладающая не только необходимыми природными качествами и образованіемъ, но и педагогическою опытностью. Это составляетъ необходимое условіе для пользы края, которому заведеніе должно служить, равно и для чести и нравственнаго вліянія въ тѣхъ краяхъ Россіи.

II

Современное состояніе института.

Чтобы представить современное состояніе института, мы не можемъ ограничиться однимъ послѣднимъ годомъ, но должны взять два съ половиною года управленія институтомъ Софіи Петровны Мертваго, тѣмъ болѣе, что съ ея вступленія начинается, такъ-сказать, новая эра для института. Хотя и говорится въ Отчетѣ въ двухъ мѣстахъ (стр. 56 и 58), что Софія Петровна ничего не измѣнила въ учебномъ планѣ и педагогическомъ персоналѣ, тѣмъ не менѣе мы видимъ великую разницу на первыхъ же шагахъ: въ первый же годъ учебный персоналъ возросъ на 8 человекъ; начальница пригласила себѣ помощницу изъ Россіи Софію Лукиничну Ветошину, которая въ то же время преподаетъ русскій языкъ и рукодѣлія; введена по гигиеническимъ соображеніямъ гимнастика и не только въ программѣ, но на дѣлѣ: приглашена была свѣдущая въ томъ жена доктора Петковича, которая обучила бывшую воспитанницу того же института Стаму Джаковичъ, и эта сдѣлалась преподавательницей. О преподаваніи закона Божія священникомъ мы уже говорили. Въ слѣдующемъ году учебный персоналъ еще пополнился. Число воспитанницъ также возросло на 27; кромѣ того одна изъ окончившихъ курсъ оставлена въ качествѣ пепиньерки, слушая въ то же время предметы, которые прежде не преподавались или преподавались недостаточно полно.

Управление хозяйственною частью начальница взяла на себя и стала выписывать главные предметы потребленія, не находящіяся въ Черногоріи, гуртомъ изъ Триеста, а не покупая по мелочамъ въ Цетинскихъ лавкахъ. Для счетоводства, особенно при составленіи годоваго отчета, приглашается бухгалтеръ министерства финансовъ г. С. Огненичъ.

Отчетъ о хозяйственной части разсматривается комитетомъ въ Цетиньѣ и потомъ отсылается въ Петербургъ для представленія Государынѣ Императрицѣ. Изъ него можно видѣть, въ какомъ состояніи находится экономія института; но онъ не публикуется и поэтому не подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Намъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности обращаться къ отчету, когда передъ нами объектъ этой экономіи, институтъ съ его воспитанницами, за послѣднее время сдѣ-

лавшійся доступнымъ и для посторонняго наблюдателя, серьезно интересующагося заведеніемъ.

Не говоря уже о чистотѣ во внѣшней обстановкѣ, безъ роскоши и блеска, о полнотѣ дѣтскаго гардероба, исключаящей всякую потребность пополненія его изъ родительскихъ домовъ, наше вниманіе останавливается главнымъ образомъ на хорошемъ, здоровомъ видѣ дѣтей. Не смотря на корь и на свирѣпствовавшую въ этомъ году вездѣ инфлуэнцу, неминуемо посѣтившую и институтъ, не смотря и на усиленные послѣ того занятія, чтобы выполнить обычную годовую учебную программу, — дѣти на экзаменахъ имѣли такой видъ, какъ будто они повсе не хворали. Намъ ни разу не случилось присутствовать при ихъ обѣдѣ, но наружность ихъ достаточно свидѣтельствуетъ, что въ этомъ отношеніи они не терпятъ ни малѣйшаго недостатка. Отсутствие за послѣдніе годы болѣзни буганцевъ нужно приписать лучшему согрѣванію помѣщеній и устраненію сырости. Весьма важную роль въ гигиеническомъ отношеніи играетъ и то обстоятельство, что все свободное время, даже зимою, дѣвочки проводятъ на воздухѣ въ своемъ саду, рѣзаясь и играя, а иногда читая или работая что-нибудь. По утрамъ каждый день отъ 7 часовъ гимнастика. Въ субботу обыкновенно не бываетъ классныхъ занятій: въ этотъ день дѣти занимаются исправленіемъ своего костюма и совершаютъ прогулку внѣ института въ сопровожденіи своихъ наставницъ, а потомъ отправляются на вечерню въ домашней церкви. Отъ времени до времени совершаются болѣе отдаленныя экскурсіи вмѣстѣ съ начальницей и другими наставницами.

Въ такихъ случаяхъ приглашается иногда кто-либо изъ наставниковъ для объясненія дѣтямъ значенія той мѣстности въ историческомъ или естественно-историческомъ отношеніи. Такія прогулки по первобытнымъ черногорскимъ дорогамъ весьма трудны, и потому слабыя дѣвочки не могутъ въ нихъ участвовать, но такихъ почти никогда не бываетъ. Отъ подобнаго рода прогулокъ, хотя онѣ и трудны въ физическомъ отношеніи, обыкновенно не остается никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ усталости по возвращеніи и крѣпкаго сна; а въ дальнѣйшемъ онѣ, конечно, укрѣпляютъ и бодрятъ физически и нравственно молодые организмы.

Что касается случайныхъ заболѣваній, которыя такъ обычны между дѣтьми, то для этого по § 41 послѣдняго устава всегда готова помощь городскаго врача; но много болѣзней есть чисто дѣтскихъ и такого рода, что онѣ легко излѣчиваются простыми домашними сред-

ствами, которыми вполне умѣетъ пользоваться Софія Петровна Мертваго. Есть дѣти, организмы которыхъ на столько разстроены еще дома, что они не могутъ выносить общаго институтскаго режима, для которыхъ необходима часто и совершенная свобода отъ всякаго рода занятій; такихъ дѣтей незачѣмъ и держать въ заведеніи, или имъ необходимо позволять, по крайней мѣрѣ, временное возвращеніе подъ родительскій кровъ. Прежде это обстоятельство не принималось въ соображеніе, и потому бывали случаи смерти въ заведеніи или тотчасъ по возвращеніи воспитанницы изъ заведенія домой, вслѣдствіе совершенно разрушеннаго здоровья.

За послѣдніе два съ половиною года этого нѣтъ, и мы знаемъ одну дѣвочку, которая своевременно была возвращена домой, а потомъ опять продолжала ученіе, поправившись и укрѣпившись здоровьемъ дома. И еще одна изъ вновь поступившихъ оказалась съ значительнымъ разстройствомъ здоровья; она также отпущена домой, но институтъ остается для нея открытъ, какъ только она на столько укрѣпится, чтобы быть въ состояніи выносить институтскій режимъ и продолжать занятія. Нужно прибавить еще и то, что нынѣшняя начальница почти не разлучается съ своими воспитанницами: она всегда съ ними, то какъ преподавательница, то присутствуя при преподаваніи другихъ, то какъ соучастница институтскаго досуга; она раздѣляетъ съ ними общій столъ, провожаетъ ихъ спать; короче,—она съ ними съ утра до ночи, и потому отъ нея не можетъ ускользнуть ни малѣйшій случай въ жизни дѣтей. А когда кто изъ воспитанницъ серьезно заболѣетъ, она проводитъ и ночи около ея кровати.

Такого рода отношенія, конечно, находятся вѣдъ всякаго регламента и внушаются единственно любовью къ дѣтямъ и преданностью дѣлу; а между тѣмъ отъ нихъ всецѣло зависитъ успѣхъ педагогическаго дѣла.

Поэтому думаемъ, что составитель Отчета (стр. 60) имѣетъ совершенно неправильный взглядъ на дѣло, приписывая успѣхъ его въ послѣднее время единственно повышенію денежной субсидіи. Дѣйствительно, матеріальныя средства играютъ важную роль во всемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и при малыхъ средствахъ заведеніе съ ограниченнымъ числомъ воспитанницъ можетъ быть правильно поставлено, если во главѣ его стоитъ личность, вполне соответствующая своему положенію. Мы уже упоминали выше, что прибавка денежнаго содержанія вся пошла на поправки зданія, между тѣмъ какъ институту привелось жить на прежнія средства, хотя число воспитанницъ

удвоилось, педагогическій же персоналъ утроился; слѣдовательно, сила далеко не въ денежныхъ средствахъ. Денежныя средства помогаютъ только внѣшней обстановкѣ. И благодаря имъ, въ этомъ году достраивается еще одно зданіе, начатое при г-жѣ Мессарошъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ, когда будетъ выпускъ и пріемъ, можно было увеличить число воспитанницъ. Въ то же время начальница предполагаетъ открыть доступъ приходящимъ воспитанницамъ, которыя жили бы дома у родителей или близкихъ родныхъ, а посѣщали бы только учебныя классы, если то одобрить комитетъ. По первому уставу это допускалось, именно по § 8, который мы цитировали выше. При Ю. А. Лопухиной была уже одна такая ученица, дочь австрійскаго министра-резидента. Но въ новой редакціи устава этотъ § опущенъ; слѣдовательно, вопросъ этотъ долженъ быть прежде разсмотрѣнъ ближайшимъ компетентнымъ органомъ—комитетомъ.

Сверхъ того начальница предполагаетъ учредить подготовительный классъ, такъ какъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ нельзя строго держаться пріема вполне подготовленныхъ дѣвочекъ и часто приходится дѣлать исключенія ради особаго положенія кандидатовъ и принимать даже не знающихъ грамоты.

Все это составляетъ, такъ-сказать, только внѣшнюю обстановку; обратимся теперь къ обученію и духовной жизни института. Здѣсь прежде всего остановимъ вниманіе на учебномъ персоналѣ.

Собственно помощницы начальницы по уставу не полагается, а полагаются только учительницы, которыя служатъ ей какъ бы помощницами (см. § 5 первонач. устава), присутствуя въ классахъ, сверхъ своихъ уроковъ, на урокахъ другихъ учителей и оставаясь при дѣтяхъ внѣ классныхъ занятій.

Мы уже упоминали о С. Джаковичъ, сдѣлавшейся учительницею гимнастики; она же преподаетъ чистописаніе. С. Л. Ветошкина преподаетъ русскій языкъ и рукодѣліе. М-ле М. Фрилей изъ Франціи, дочь бывшаго когда-то въ Черногоріи доктора, приглашена была для французскаго языка и рисованія. Затѣмъ идетъ мужской персоналъ. Домашній священникъ Лука Лопичичъ преподаетъ Законъ Божій; И. Лѣвава—сербскій языкъ; Ж. Драговичъ—географію, исторію и педагогику; Д. Іовановичъ—математику и физику; Ф. Ерговичъ—естественныя науки вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ; для пѣнія и музыки приглашенъ былъ Р. Толингеръ, но онъ не могъ прибыть въ томъ году и вмѣсто него пѣніемъ занимался С. Огненовичъ.

Г. Ерговичъ еще передъ началомъ весны былъ отвлеченъ отъ

педагогическихъ занятій въ институтѣ и гимназіи потребностями государственной экономіи и потому его преподаваніе прервано было въ самый важный моментъ, когда можно было начать практическія занятія въ находящихся при институтѣ саду и огородѣ. М-ше Фрилей также не оставалась цѣлый годъ; но мы сожалѣемъ не столько о французскомъ языкѣ, потому что потомъ его преподавала сама начальница, сколько о рисованіи, которое было такъ прекрасно начато и къ которому всѣ ученицы показали большую склонность и способность. Остальные учителя исполняли свою должность безъ перерывовъ съ полнымъ знаніемъ своего дѣла и преданностью заведенію, что и засвидѣтельствовано блестящими успѣхами, показанными на экзаменахъ.

Экзамены производились подъ предсѣдательствомъ Княженъ Елены и Анны; а на нѣкоторыхъ экзаменахъ присутствовали Князь и его наслѣдникъ. Кромѣ того были на экзаменахъ митрополитъ, представитель русской миссіи съ секретаремъ, нѣкоторые представители другихъ миссій, а также высшіе черногорскіе чиновники и посторонніе посѣтители. Преподаватели и преподавательницы не щадили своихъ ученицъ, экзаменуя болѣе строго, чѣмъ когда-либо, и, не смотря на то и на необычную для нихъ обстановку, дѣти отвѣчали спокойно и твердо и всѣ рѣшительно сохранили свои баллы, поставленные за годъ, многимъ было прибавлено, и только одной, кажется, убавлена одна единица изъ одного предмета.

Полный отчетъ какъ объ экзаменѣ, такъ и вообще о ходѣ дѣла за истекшій учебный годъ будетъ, вѣроятно, напечатанъ отдѣльно, а покуда приведемъ заключительныя слова „Гласа Черногорца“ о послѣднихъ экзаменахъ: „Не боясь преувеличивать, мы свободно можемъ сказать, что успѣхъ достигнуть такой, какого только можно желать. Отвѣты ученицъ по всѣмъ предметамъ были такіе зрѣлые и сознательные, что на всѣхъ присутствующихъ произвели самое хорошее впечатлѣніе; прекрасный порядокъ, выдающійся въ глаза всюду въ заведеніи, равно какъ и самые успѣхи—заслуживаютъ всякой похвалы и признательности и ясно показываютъ, что заведеніе находится подъ управленіемъ личности, которая вполне понимаетъ свое возвышенное, хотя и довольно тяжелое призваніе, и таковою въ полномъ смыслѣ мы считаемъ начальницу этого заведенія С. П. Мертваго. Кромѣ ея надлежащаго, истинно материнскаго старанія о всестороннемъ развитіи заведенія, тому помогаетъ вполне достойный педагогическій персоналъ, какъ женскій, такъ и мужской, состоящій нынѣ въ институтѣ“ (№ 26).

Но помимо экзаменовъ, благодаря снисходительному дозволенію Софьи Петровны, мы имѣли возможность нѣсколько познакомиться и съ самымъ ходомъ преподаванія, побывавши на урокахъ во всѣхъ классахъ, и лично вынесли самыя отрадныя впечатлѣнія какъ вообще отъ постановки учебнаго дѣла, такъ и отъ преподаванія каждаго предмета въ отдѣльности.

Для полноты отчета считаемъ не лишнимъ присовокупить и эти наши личныя наблюденія.

Начнемъ съ закона Божія: Священная исторія въ простомъ библейскомъ разказѣ съ дополненіемъ географическихъ свѣдѣній о мѣстности, къ которой относится разказъ, и съ толкованіемъ моральнаго смысла нѣкоторыхъ фактовъ, особенно подкрѣпляющихъ христіанскую идею; главныя молитвы и нѣкоторыя церковныя пѣсни въ оригиналѣ и съ переводомъ на сербскій языкъ, съ толкованіемъ ихъ смысла; затѣмъ постепенно отъ разряда до разряда пополняемое объясненіе символа вѣры, молитвы Господней, десяти заповѣдей и всего, что составляетъ основу катехизиса; и наконецъ, объясненіе всей церковной службы со всѣми относящимися къ тому предметами въ связи съ исторією развитія христіанства и церкви. Что дѣти легко и охотно усваиваютъ разказы изъ священной исторіи, — это вполнѣ естественно; но дѣвочки съ такою же легкостью и охотой усваиваютъ и катехизисъ; и еще больше я былъ удивленъ въ старшемъ классѣ чрезвычайно подробнымъ и яснымъ толкованіемъ православныхъ христіанскихъ обрядовъ и церковной службы. Не только это, но всѣ сосуды, одежды и другія церковныя принадлежности извѣстны имъ и поняты со всею своею исторією съ удивительною точностью.

За этимъ слѣдуетъ сербскій языкъ. Начиная въ первомъ разрядѣ упражненіями въ осмысленномъ чтеніи и свободной передачѣ прочитаннаго и затѣмъ указаніемъ главныхъ и второстепенныхъ частей предложенія, дѣтямъ дается понятіе о составныхъ частяхъ слова: о звукахъ и слогахъ, о корняхъ и суффиксахъ и о частяхъ рѣчи, и наконецъ, о флексіи. Во второмъ классѣ слѣдуетъ подробное изложеніе словообразованія, грамматическихъ формъ и флексій съ показаніемъ ихъ происхожденія на основаніи законовъ фонетики. Эта часть преподается чисто филологически, что, казалось бы, излишне и не отвѣчаетъ тому уровню, на которомъ находятся ученицы; а между тѣмъ на дѣлѣ эти дѣвочки такъ легко анатомируютъ каждое слово на его части — корень, суффиксъ, префиксъ, и толкуютъ переходы одного звука въ другой, что убѣждаешься на опытѣ, какъ все это просто и легко.

Слѣдуетъ замѣтить, что фонетика и формы излагаются сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ, а въ то же время преподаватель весьма часто для объясненій прибѣгаетъ къ сравненію съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ же классѣ сообщается и о синтаксическомъ сочетаніи словъ. Рядомъ со всѣмъ этимъ идутъ, конечно, постоянныя упражненія въ правописаніи. Но филологія весьма мало помогаетъ сербскому правописанію, которое, держась главнымъ образомъ выговора, на сколько просто, на столько и трудно; конечно, легче усвоить законы, почерпнутые изъ историческаго развитія слова, чѣмъ правила, держащіяся выговора, часто неуловимаго и непостояннаго. Поэтому, просматривая письменныя упражненія дѣвочекъ, вы замѣтите, что въ русскомъ языкѣ онѣ дѣлаютъ меньше ошибокъ, чѣмъ въ сербскомъ, несмотря на то, что сербскій языкъ имъ родной и преподается несравненно обширнѣе русскаго. Въ послѣднемъ, третьемъ классѣ проходится обширно синтаксисъ, ученіе о періодической рѣчи и пѣчто въ родѣ риторики или стилистики, при чемъ ученіе о фигурахъ выводится главнымъ образомъ изъ народнаго языка и различные роды литературныхъ произведеній показываются на образцахъ собственной литературы. Заканчивается этотъ курсъ исторією литературы. На этомъ однако курсѣ я не присутствовалъ, такъ какъ еще не было втораго отдѣленія 3-го класса.

Русскій языкъ преподается въ томъ же направленіи, хотя значительно въ меньшемъ объемѣ, и главное вниманіе обращается на выговоръ и практическія упражненія, какъ словесныя, такъ и письменныя. Надобно замѣтить, что одно время русскій языкъ былъ совершенно въ пренебреженіи; теперь же, напротивъ, русскій языкъ— домашній языкъ воспитанницъ, и въ короткое время онѣ сдѣлали огромный успѣхъ. Онѣ передаютъ прочитанное по-русски съ такою же свободою, какъ и по-сербски; прекрасно пишутъ по-русски, а—главное—съ любовью читаютъ.

Французскій языкъ сталъ преподаваться тоже только въ послѣднее время: сначала преподавала сама начальница, а послѣдній годъ, хотя не весь, m-lle Фрилей. Объ успѣхѣ въ этомъ языкѣ можетъ свидѣтельствовать то, что дѣвочки довольно свободно объясняются со своею учительницею, говорящею съ ними только по-французски. Онѣ уже усвоили главныя грамматическія формы, приобрѣли довольно правильное произношеніе и порядочный запасъ словъ. Французскому языку далеко не дается такого значенія, какъ русскому; но къ концу курса дѣвочки, начавшія его учить съ перваго класса, будутъ въ

состояніи свободно читать и объясняться, такъ какъ занимаются имъ всѣ съ любовью.

Что касается преподаванія математики, то тутъ на столько все закончено и методъ на столько установился, что со стороны преподавателя, казалось бы, ничего больше не требуется, какъ основательное знаніе предмета. Но иное дѣло знать и сообщать свои знанія другимъ; бывають отличные математики — плохіе преподаватели, и это случается верѣдко. Д. Іовановичъ, къ счастью, сверхъ знаній, о которыхъ не беремъ судить, обладаетъ прекраснымъ методомъ. Особенно важно въ его преподаваніи—требованіе точности и отчетливости во всемъ, что ученица говоритъ или пишетъ; не допускается ни одного неточнаго выраженія, ни лишняго слова или знака ни въ устномъ отвѣтѣ, ни на доскѣ. Отъ дѣтей требуется самое отчетливое знаніе всевозможныхъ названій мѣръ, но главнымъ образомъ наиболѣе распространенныхъ и употребляемыхъ въ Черногоріи и сосѣднихъ странахъ. Въ то же время отъ нихъ требуется переводъ одной мѣры въ другую и указываются способы сдѣлать мѣру самимъ, если не оказывается готовой, или провѣрить имѣющуюся готовую мѣру.

Прекрасно идутъ также исторія и географія, которыя преподаетъ Ж. Драговичъ. Большое вниманіе обращается на физическую географію и, держась постоянно графическаго способа, преподаватель искусно преодолеваетъ трудности объясненія математической географіи, не смотря на то, что для того недостаетъ необходимыхъ инструментовъ и пособій.

Педагогика первый годъ преподается систематически и преподаетъ ее также Ж. Драговичъ. Въ этомъ году преподавалось о челобѣтѣ, какъ объектѣ воспитанія, о чувствахъ и различныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ способностяхъ вмѣстѣ съ указаніемъ того, что помогаетъ или препятствуетъ развитію тѣхъ и другихъ. Уроки эти весьма содержательны и даютъ хорошій матеріалъ и трезвыя указанія для будущихъ воспитательницъ и матерей, чтобы не впадать во множество ошибокъ при воспитаніи своихъ собственныхъ или чужихъ дѣтей. Изложеніе ясное и интересное.

Физику преподавалъ Д. Іовановичъ всего по 2 часа въ недѣлю во 2-мъ отдѣленіи перваго класса и въ 1-мъ третьяго. Преподаваніе основано, главнымъ образомъ, на опытахъ, которые производились частью при помощи небольшого физическаго кабинета, а больше на наблюденіяхъ явленій, взятыхъ изъ обыденной жизни и воспроизводимыхъ своими домашними средствами.

Что касается преподаванія естественныхъ наукъ г. Ерговичемъ, то мнѣ не удалось присутствовать при немъ; но знаю, что ученицы были очень заинтересованы его уроками, а начальница считаетъ большою потерю, что, какъ мы упомянули выше, преподаватель отвлеченъ былъ отъ преподаванія.

Равнымъ образомъ нельзя не сожалѣть объ оставленіи института m-lle Фрилей и о прекращеніи уроковъ рисованія, но основаніе уже положено, и до конца года занималась этими уроками сдѣлавшая большіе успѣхи въ рисованіи пепиньерка А. Мрдовичъ.

За неприбытіемъ Толингера, нѣмцемъ занимался г. С. Огневичъ; и въ этомъ отношеніи сдѣланы значительные успѣхи, такъ что составилъ хоръ, который постоянно поетъ въ церкви. На экзаменахъ дѣвочки отлично пропѣли: „Коль славенъ нашъ Господь“, черногорскій гимнь „Убавой намъ Црной-Гори“, а русскій „Боже Царя храни“ пѣли съ особеннымъ чувствомъ и выраженіемъ; и еще пѣли нѣсколько пѣсенъ сербскихъ, русскихъ и французскихъ.

На экзаменахъ изъ языковъ сербскаго, русскаго и французскаго каждая ученица декламировала стихи. Декламація, по нашему мнѣнію, прекрасная: не только съ соблюденіемъ требуемыхъ смысломъ повышеній и пониженій голоса и необходимыхъ паузъ, но и съ достаточнымъ отгѣненіемъ всякаго чувства — тихаго и нѣжнаго, или сильнаго и порывистаго и т. п., но безъ ораторской или театральной жестикуляціи и безъ всякаго шаржа и усилія, что, по нашему мнѣнію, дѣтямъ не идетъ, да и не по силамъ ихъ еще не развившимся организмамъ; для того существуютъ другія школы, и при томъ для взрослыхъ, а не для дѣтей.

Этимъ исчерпываются наши личныя наблюденія относительно постановки учебнаго дѣла. Нужно еще добавить, что, кромѣ занятій въ классахъ, по вечерамъ были постоянно чтенія изъ сербской литературы г. И. Лѣпава и изъ русской—С. Л. Ветожкиной, во время которыхъ дѣти занимались рукодѣліемъ. Я на этихъ чтеніяхъ не бывалъ, но, говорятъ, дѣвочки ими сильно были заинтересованы, и она были тѣмъ полезнѣе, что тутъ слушательницы знакомились не съ отрывками только, а съ цѣлымъ какимъ-либо произведеніемъ. Польза была и въ томъ, что и среди механическаго труда молодымъ умамъ давалась умственная пища, которая въ то же время доставляла имъ отдыхъ и эстетическое наслажденіе. Наконецъ, на умственное и нравственное развитіе дѣвочекъ весьма благотвѣтельно вліяло и непрерывное общеніе ихъ съ наставницами, дѣлившими съ ними

жизнь и трудъ; заботы и печали, рядомъ съ досугомъ и отдыхомъ и скромными удовольствіями въ играхъ, разнаго рода забавахъ и прогулкахъ.

Относительно внутренняго режима въ институтѣ мы очень мало знаемъ; одно только видалось въ глаза при многократномъ посѣщеніи института: здѣсь нельзя замѣтить ни тѣни того, что называется властью. Всюду вы находите порядокъ и дисциплину; но все это дѣлается какъ бы само собою, поддерживается самими дѣвочками, и исполняется ими не по принужденію извнѣ, а по ихъ доброй волѣ, какъ бы по ихъ внутреннему побужденію и призванію.

Этимъ мы ограничиваемъ наши замѣчанія о внутренней жизни института. Какъ ни мало фактовъ мы имѣемъ относительно этой стороны заведенія, какъ ни случайны они были, однако, надѣмся, они были достаточны для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ заведеніи и прійти къ нѣкоторымъ положительнымъ заключеніямъ въ пользу его; заключенія эти встрѣчаютъ полное подтвержденіе на экзаменахъ и въ постоянно возрастающихъ любви и довѣрїи къ институту родителей, которыя выражаются постоянно усиливающимся желаніемъ родителей не только въ Черногорїи, но и въ сосѣднихъ съ нею Далмаціи, Приморьи и Скардрѣ — вручать своихъ дочерей этому заведенію.

Одно то, что заведеніе уже почти достигло опредѣленной ему уставомъ нормы и чувствуетъ необходимость въ расширеніи, такъ какъ требованія возрастаютъ, — служить яснымъ указаніемъ его полезности и значенія.

Значеніе его для Черногорїи очевидно. Какъ ни малы образовательныя средства этой страны, она для мужской половины своего населенія имѣетъ два среднеучебныхъ заведенія дома и въ то же время многихъ отправляетъ для высшаго образованія въ Россію, Францію, Австрію и Сербію. Контингентъ образованныхъ черногорцевъ появился уже давно и съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Можетъ ли въ виду этого черногорская женщина ограничиться только основными школами, которыхъ при томъ спеціально для дѣвочекъ всего четыре, благодаря тому, что нѣтъ своихъ учительницъ? На этомъ институтѣ лежитъ задача уравнивать, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, образовательный уровень между двумя полами, и тѣмъ болѣе сблизить, и ассимилировать ихъ другъ другу. И въ этомъ смыслѣ программа, которую себѣ выработалъ институтъ, не можетъ быть ни-

сколько урѣзана, а только усовершенствована въ ея исполненіи, что мы и замѣчаемъ въ послѣднее время.

Въ сосѣднихъ съ Черногоріей Приморьѣ и Далмаціи, хотя общій уровень образованія гораздо выше, тѣмъ не менѣе для женскаго образованія, кромѣ основной школы и католическихъ женскихъ монастырей, нѣтъ ни одного общественнаго высшаго или средняго женскаго учебнаго заведенія. Объ Албаніи, средоточіемъ которой служитъ Скадаръ, и говорить нечего, а между тѣмъ и тамъ появилась потребность дать образованіе и женщинѣ. Удовлетвореніе же этой потребности сосѣднихъ странъ, не только не наноситъ ущерба Черногоріи, а напротивъ, приноситъ ей пользу матеріальную и моральную, такъ какъ изъ тѣхъ странъ почти единственно можно имѣть своекоштныхъ воспитанницъ; а открывая средства къ образованію дѣтямъ ихъ недостаточныхъ семействъ, Черногорія въ тѣхъ же самыхъ краяхъ вышается и приобрѣтаетъ нравственное вліяніе.

Черезъ посредство этого же заведенія Русской Императрицы въ Черногоріи нравственное вліяніе въ этихъ краяхъ приобрѣтаетъ и Россія, и чѣмъ лучше поставлено это заведеніе, тѣмъ это вліяніе сильнѣе и глубже. А все дѣло, какъ мы видѣли, держится на начальницѣ института; поэтому для такой высокой роли долженъ быть и выборъ личности весьма строгій; а какъ скоро такая личность нашлась, ей должна быть оказываема всякая поддержка, особенно моральная, со стороны лицъ, передъ которыми она даетъ отчетъ и къ которымъ постоянно должна обращаться за помощью, потому что задача, возложенная на нее, трудна, а положеніе на чужбинѣ тоже не легко. Со стороны русскихъ людей это заведеніе заслуживаетъ участія и симпатій, такъ какъ черезъ него Россія выполняетъ великую культурную миссію въ странѣ, нуждающейся въ нашей помощи и въ то же время всегда готовой и намъ на помощь, матеріально жертвуя жизнью своихъ сыновъ и морально — своими ничѣмъ непоколебимыми симпатіями.

И. Ровинскій.

ОПИСАНІЕ НѢКОТОРЫХЪ МУЗЕЕВЪ И ЛАБОРАТОРІЙ ВЪ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦІИ ¹⁾.

Главной цѣлью моей заграничной командировки было ознакомиться съ нѣкоторыми новѣйшими методами физической химіи. Кроме того, я поставилъ себѣ цѣлью познакомиться, на сколько позволитъ мнѣ время, съ устройствомъ физическихъ и химическихъ лабораторій, а также посѣтить мѣсторожденіе различныхъ рудъ, залежей солей и т. п.

Для того, чтобы изучить нѣкоторые методы физической химіи, я избралъ лабораторію проф. Оствальда и поэтому, выѣхавъ изъ Москвы 3-го мая 1889 года, отправился въ Лейпцигъ. По дорогѣ, въ Варшавѣ я осмотрѣлъ университетскую лабораторію органической химіи. Лабораторія эта очень мала и поучительна развѣ только въ томъ отношеніи, что, видя двѣ крошечныхъ комнаты, въ которыхъ занимается проф. Е. Е. Вагнеръ, заявившій себя прекрасными и обширными работами, убѣждаешься, что можно работать, при желаніи, и въ плохой обстановкѣ.

Приѣхавъ въ Лейпцигъ 7-го (19-го) мая, я на другой же день отправился къ проф. Оствальду, котораго я ранѣе письменно просилъ оставить для меня мѣсто. Получивъ мѣсто въ лабораторіи проф. Оствальда, я проработалъ весь семестръ въ его лабораторіи, при чемъ прослушалъ весь курсъ общей химіи, читанный этимъ профессоромъ.

Въ лѣтнемъ семестрѣ проф. Оствальдъ читалъ курсъ общей и теоретической химіи. Я засталъ его лекціи почти въ самомъ началѣ.

---

¹⁾ Отчетъ о заграничной командировкѣ приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета, магистра химіи И. А. Каблукова.

Объемъ его курса вполне опредѣляется его книгою „Lehrbuch der allgemeinen Chemie“, хотя, конечно, характеръ изложенія другой, и кромѣ того нѣкоторыя главы были вновь переработаны, какъ напримѣръ, глава о растворахъ, обратившихъ на себя въ послѣднее время вниманіе и силы многихъ химиковъ.

Я засталъ его лекціи на изложеніи кинетической теоріи газовъ, послѣ чего онъ перешелъ къ описанію свойствъ газовъ, ихъ теплоемкости, оптическихъ свойствъ и т. д. Перейдя затѣмъ къ соотношенію между газообразнымъ и жидкимъ состояніемъ тѣлъ, онъ вывелъ уравненіе Ван-деръ-Ваальса для состоянія тѣлъ. Покончивъ съ стехиометріей жидкостей, онъ познакомилъ слушателей съ растворами. Знакомство съ растворами онъ началъ съ изложенія законовъ и фактовъ, касающихся упругости пара растворовъ, затѣмъ перешелъ къ изложенію теоріи Ван'т Хоффа. Эта теорія, какъ извѣстно, основывается на томъ, что состояніе тѣлъ въ разведенныхъ растворахъ совершенно подобно ихъ газообразному состоянію. Это сходство касается не только качественной стороны, но и количественной. Тѣ же законы (Бойля-Мариотта и Гэ-Люссака), которые управляютъ газообразнымъ состояніемъ тѣлъ, приложимы и къ состоянію ихъ въ разведенныхъ растворахъ: а именно Ван'т Хофъ показалъ, что осмотическое давленіе, которое обнаруживаютъ разведенные растворы какого-либо вещества, какъ разъ равно тому, какое производило бы то же самое количество этого вещества, еслибы оно находилось въ газообразномъ состояніи, при той же температурѣ, и занимало бы тотъ же объемъ, какой занимаетъ растворъ.

Теорія Ван'т Хоффа въ послѣднее время является одной изъ самыхъ важныхъ теорій въ химіи и физикѣ, такъ какъ, не смотря на ея кратковременное существованіе, она связала между собой массу явленій. Такъ, принимая ее, можно уже чисто теоретически, основываясь на механической теоріи теплоты, вывести соотношеніе между осмотическимъ давленіемъ и пониженіемъ упругости пара растворовъ ¹⁾, между пониженіемъ температуры замерзанія и скрытой теплотой плавленія растворителя ²⁾ и т. д.

Нѣкоторыя отступленія, которыя на первыхъ порахъ, казалось, должны были пошатнуть вѣру въ эту теорію, находятъ объясненіе въ новой теоріи „электролитической диссоціаціи“, предложенной

¹⁾ Arrhenius (*Zeit. für physik. Chemie.* III, 115—129).

²⁾ Van't Hoff (*Ibidem*, I, 481).

Arrhenius'омъ, хотя нужно признаться, что теорія Arrhenius'a, противорѣчащая установившимся понятіямъ химиковъ о природѣ и строеніи растворовъ, не имѣетъ такого широкаго признанія, какъ теорія Van't Hoff'a, не смотря на то, что она является во всемъ согласно съ фактами. Сущность теоріи Arrhenius'a, объясняющей отступленія отъ теоріи Van't Hoff'a нѣкоторыхъ веществъ (которыя всѣ являются электролитами) заключается въ томъ, что электролиты существуютъ въ растворахъ не какъ молекулы, а частью, какъ іоны.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное критическое разсмотрѣніе теоріи Arrhenius'a; скажу только, что обѣ теоріи — Van't Hoff'a и Arrhenius'a—являются въ настоящее время въ высшей степени полезными, такъ какъ благодаря имъ найдены и объяснены соотношенія между многими физическими и химическими свойствами. Не мала заслуга ихъ также въ томъ, что онѣ привлекли вниманіе и силы химиковъ для разработки труднаго и сложнаго вопроса о природѣ растворовъ.

Изложивъ стехиометрію твердыхъ тѣлъ, проф. Оствальдъ ознакомилъ далѣе слушателей съ основами ученія о сродствѣ (въ томъ порядкѣ, какъ это у него помѣщено во второй части его *Lehrbuch der allgemeinen Chemie*), при чемъ, не останавливаясь на частностяхъ и на числовыхъ данныхъ, онъ сумѣлъ передать всѣ главныя основанія того или другаго отдѣла ученія о сродствѣ, такъ наиримѣръ, всю термохимию онъ прочелъ въ три лекціи, при чемъ ознакомилъ слушателей со всѣми основами термохиміи. Излагая явленія „термoneйтральности“ кислотъ, онъ указалъ, какъ это явленіе находится въ полномъ согласіи съ новою теоріей электролитовъ, а слѣдовательно, можетъ служить новымъ доказательствомъ истинности этой гипотезы. Объясненіе это составляетъ предметъ статьи „Zur Dissociationstheorie der Electrolyte“, напечатанной проф. Оствальдомъ въ 6-й книжкѣ III-го тома *Zeitschrift für physikalische Chemie*.

Послѣднія лекціи профессоръ посвятилъ изложенію соотношеній, существующихъ между величиной химическаго сродства и электропроводностью разведенныхъ растворовъ кислотъ, при чемъ ознакомилъ слушателей съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ выводовъ изъ своего обширнаго труда „*Über die Affinitätsgrößen organischer Säuren und ihre Beziehungen zur Zusammensetzung und Konstitution derselben*“.

Изъ лекцій другихъ профессоровъ, читавшихъ химию въ Лейпцигскомъ университетѣ, я былъ на лекціяхъ проф. Вислиценуса, читавшаго часть сслѣдствій, отд. 4.

шаго въ этотъ семестръ два курса: вопервыхъ, общій курсъ неорганической химіи, а вовторыхъ, публичный курсъ: исторія ученія объ изомеріи химическихъ соединеній. Первый курсъ былъ для меня интересенъ только въ одномъ отношеніи, а именно, я могъ познакомиться только со способомъ преподаванія и характеромъ курса химіи въ германскихъ университетахъ. Самое же содержаніе курса не представляло интереса, такъ какъ курсъ былъ довольно элементарный. Поэтому я былъ на лекціяхъ проф. Вислиценуса раза три—въ началѣ семестра, въ серединѣ и въ концѣ. (При томъ я не могъ бы бывать постоянно, такъ какъ часы его лекцій — отъ 8 до 9 часовъ утра — совпадали съ часами лекцій проф. Оствальда). Читаетъ онъ ясно, курсъ его обставленъ хорошо опытами, но ничего выдающагося на его лекціяхъ нѣтъ. Гораздо интереснѣе для меня былъ его публичный курсъ (который читался по вторникамъ отъ 6 до 7 часовъ вечера). Въ этомъ курсѣ, изложивъ исторію развитія ученія о химической изомеріи (начавъ съ работъ Берцелюса и Либиха), онъ, развивая подробно современной теоріи строенія, болѣе подробно остановился въ концѣ своихъ лекцій на изложеніи теоріи изомеріи Van't Hoff'a и тѣхъ измѣненій и дополненій, которыя были внесены въ эту теорію самимъ Вислиценусомъ. Какъ извѣстно, Van't Hoff'у и Le Bel'ю принадлежитъ гипотеза, по которой принимается, что четыре сродства углероднаго атома равнозначны и заправленіе единиць сродства отвѣчаетъ направленію линій, соединяющихъ четыре угла правильнаго тетраэдра съ центромъ описаннаго вокругъ него шара. При помощи этой теоріи легко объясняются явленія такъ-называемой „физической изомеріи“, состоящей, по большей части, въ томъ, что вещества, тождественныя по своему „химическому строенію“ ¹⁾ и сходныя въ своихъ химическихъ свойствахъ, различаются по своему дѣйствію на поляризованный лучъ свѣта, одно изъ нихъ будетъ вращать плоскость поляризаціи вправо, другое—влѣво. При помощи гипотезы Van't Hoff'a, существованіе такихъ изомеровъ легко объясняется, принимая во вниманіе пространственное расположеніе атомовъ. Проф. Вислиценусъ, переходя къ изложенію этой гипотезы, заявилъ, что уже болѣе десяти лѣтъ онъ вращался въ этомъ кругѣ идей и что у него самого была мысль, подобная идеямъ Van't Hoff'a, но онъ не хотѣлъ выступать съ этою гипотезой передъ ученою пу-

---

¹⁾ Подъ выраженіемъ „химическое строеніе“ понимается способъ взаимной химической связи элементарныхъ паевъ въ частицѣ (Бутлеровъ).

бликой, такъ-сказать, съ голыми руками и работая надъ разложе-
ніемъ молочной кислоты на два оптическіе изомера. Эта работа не
удалась, а тутъ болѣе молодые, а потому и болѣе смѣлые Van't
Hoff и Le Bel выступили въ 1875 г. съ своей теоріей.

Покончивъ съ изложеніемъ теоріи Van't Hoff'a и Le Bel'я, проф.
Вислиценусъ перешелъ къ объясненію тѣхъ изомеровъ, которые,
имѣя одинаковое „химическое“ строеніе, не обладаютъ одинаковыми
химическими свойствами. Притѣмъ такихъ тѣлъ, строеніе кото-
рыхъ не можетъ быть объяснено современной теоріей химическаго
строенія, могутъ служить двухлористые толаны, фумаровая и мален-
новая кислоты, кротоновая и изокротоновая кислоты (объимъ этимъ
кислотамъ проф. Вислиценусъ придаетъ одно химическое строеніе).
На своихъ лекціяхъ проф. Вислиценусъ показалъ, какою простран-
ственной группировкой можно выразить строеніе этихъ изомеровъ.

Не излагая далѣе сущности гипотезы Вислиценуса, укажу, что
вся эта теорія изложена подробно проф. Вислиценусомъ въ Abhand-
lungen der mathematisch-physischen Classe der Königl. Sächsischen
Gesellschaft der Wissenschaften. B. XIV, 1887. 1—75.

Находясь въ Лейпцигѣ, я воспользовался также случаемъ осмо-
трѣть лабораторію проф. Стоманна (Stohmann), извѣстнаго своими
термохимическими изслѣдованіями органическихъ соединеній. Проф.
Stohmann читаетъ агрономическую химію, и въ этомъ семестрѣ чи-
талъ о питаніи животныхъ. На лекціяхъ его я не могъ быть, такъ
онѣ совпадали съ лекціями проф. Оствальда. Лабораторія его помѣ-
щается въ зданіи университета и не очень велика. Проф. Stoh-
mann показалъ мнѣ калориметрическую бомбу, служащую для опре-
дѣленія теплоты сгорания органическихъ соединеній. Бомба эта, изо-
брѣтенная Берглю, представляетъ собой стальной цилиндръ, внутри
выложенный платиной. Въ эту бомбу помѣщается отвѣщенное ве-
щество, накачивается чистый кислородъ до давленія 24-хъ атмо-
сферъ, и вещество зажигается электрическимъ токомъ. Определенія
теплоты сгорания при помощи этой бомбы на столько быстры и точны,
что вполне вытѣснили прежніе способы определенія, которыми поль-
зовались Берглю, Томсенъ и Лугининъ. Отдѣльныя определенія те-
плоты сгорания, какъ видно изъ чиселъ Stohmann'а, которыя онъ
мнѣ показывалъ, разнятся между собой менѣе, чѣмъ на 0,2%.

Препятствіемъ распространенію этой бомбы служитъ дороговизна,
такъ какъ она стоитъ около 3.000 франковъ. Я осматривалъ лабо-
раторію проф. Stohmann'а въ одну изъ субботъ, въ послѣобѣденное

время, и такъ удачно попалъ, что могъ видѣть весь процессъ опредѣленія теплоты сгорания при помощи этой бомбы. При мнѣ же одинъ изъ занимающихся сдѣлалъ опредѣленіе теплоты сгорания трифенилметана, то-есть, при мнѣ было произведено взвѣшивание трифенилметана, сформированнаго съ помощью небольшой ступочки въ круглую пастильку, затѣмъ было произведено накачиваніе кислорода въ бомбу, при чемъ кислородъ предварительно былъ пропущенъ черезъ слой раскаленной окиси мѣди, для уничтоженія слѣдовъ органическихъ веществъ. Далѣе, при мнѣ же было произведено опредѣленіе теплоты сгорания. Комната, въ которой производятся эти калориметрическія измѣренія, находится въ подвалѣ и имѣетъ постоянную температуру въ 18° , что можно было видѣть изъ кривой температуры, вычерченной самопишущимъ аппаратомъ, за недѣлю. Само калориметрическое опредѣленіе требуетъ всего только $\frac{1}{4}$ часа, при чемъ записывается температура каждую минуту въ продолженіе 5 минутъ до опыта, во время опыта, то-есть, сейчасъ же послѣ пропусканія тока, зажигающаго вещество, и 5 минутъ послѣ опыта. Такимъ образомъ, я могъ воочию убѣдиться, что съ помощію калориметрической бомбы калориметрическое опредѣленіе производится гораздо скорѣе, чѣмъ органической элементарный анализъ (опредѣленія углерода и водорода). Въ день можно легко сдѣлать отъ 4—6 опредѣленій, а при болѣе усиленной работѣ можно, конечно, сдѣлать болѣе (до 10). У Stohmann'a же въ этой комнатѣ я видѣлъ аппараты, служившіе прежде для опредѣленія теплоты сгорания.

Въ Лейпцигѣ я пробылъ весь семестръ, то-есть, до 15-го августа новаго стиля. Хотя лекціи проф. Оствальда кончились и ранѣе (числа 5-го), но я оставался въ лабораторіи и доканчивалъ свою работу.

Послѣ Троицына дня, какъ извѣстно, въ германскихъ университетахъ около недѣли лекцій не бываетъ. Этими каникулами я воспользовался для того, чтобы съѣздить въ Дрезденъ.

Изъ учебно-воспитательныхъ учреждений я осмотрѣлъ въ Дрезденѣ кромѣ Королевскаго минералого-геологическаго музея, зоологическаго музея и зоологическаго сада. Королевскій геолого-минералогическій кабинетъ обращаетъ на себя вниманіе богатствомъ своихъ коллекцій. Въ первой отъ входа, длинной залѣ находятся коллекціи минералогическія, затѣмъ слѣдуетъ отдѣленіе доисторическихъ коллекцій, соединяющее минералогическій музей съ геологическимъ.

Въ минералогическомъ музеѣ коллекціи размѣщены въ шкафахъ,

находящихся посерединѣ, затѣмъ по стѣнамъ и около оконъ. Въ первыхъ изъ нихъ заключается общая коллекція минераловъ, въ шкафахъ около оконъ собраны коллекціи саксонскихъ минераловъ, въ шкафахъ около стѣнъ помѣщаются крупные экземпляры изъ обѣихъ коллекцій.

Всѣ коллекціи размѣщены въ систематическомъ порядкѣ, основанномъ на ихъ химическомъ составѣ. Къ первому классу отнесены геолиты: вода (рисунки кристалловъ снѣга, выпадавшего въ Дрезденѣ), различного рода кварцы, полевой шпатъ, глины, слюды, роговые обманки и т. д. Ко второму классу—металлы и ихъ соли, расположенные въ такомъ порядкѣ: желѣзо, марганецъ, никкель, цинкъ и кадмій, хромъ, мѣдь, свинецъ, золото (между прочимъ, модель куска золота въ 2110 унц., найденнаго въ Австраліи), серебро, ртуть, сурьма. Къ третьему классу относятся: самородная сѣра и углеродъ, графитъ и различныя модели алмазовъ. Къ четвертому—уголь (различныя виды каменнаго угля), торфы, нефть, асфальтъ, смолы, медовый камень, оксалитъ (щавелево-кислая окись желѣза) и др. Къ пятому классу отнесены богатая коллекція различного рода известковыхъ шпатовъ (между которыми находятся экземпляры останавливающіе вниманіе какъ своей величиной, такъ и красотой), тяжелыхъ шпатовъ и т. п. Въ небольшой комнатѣ, соединяющей минералогическій музей съ геологическимъ, выставлены коллекціи метеоритовъ.

Мною были осмотрѣны въ Дрезденѣ также геологическій и зоологическій музеи, осмотръ которыхъ доставилъ мнѣ возможность дополнить и возобновить мои свѣдѣнія по соответствующимъ наукамъ, но такъ какъ это не относится къ моей спеціальности, то я и не останавливаюсь на описаніи этихъ музеевъ.

Живя еще въ Лейпцигѣ, я сѣзидилъ въ Фрейбергъ, чтобы осмотрѣть лабораторіи и музеи при Фрейбергской горной академіи. Въ Фрейбергѣ я поѣхалъ съ двойной цѣлью: во первыхъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ проф. Винклеромъ, открывшимъ въ 1886 году новый элементъ германій, и посмотрѣть этотъ послѣдній и его соединенія, во вторыхъ, для меня представляло интересъ осмотрѣть заводы и рудники въ Фрейбергѣ.

Прежде всего я отправился въ лабораторію проф. Винклера. Лабораторія этого профессора, приспособленная исключительно для занимающихся аналитической химіей, не очень велика. Вся она состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ могутъ заниматься до 60

человѣкъ. Изъ приспособленій обращаютъ на себя вниманіе: 1) вытяжной шкафъ для выпариванія жидкостей для количественнаго анализа (шкафъ устроенъ на пять водяныхъ бань, съ постояннымъ уровнемъ; надъ каждой изъ нихъ находится деревянная дощечка, которая предохраняетъ жидкость отъ пыли) и 2) аппаратъ для добыванія сѣро-водорода, сдѣланный изъ свинца.

Кромѣ этихъ двухъ комнатъ, находятся еще двѣ комнаты, въ которыхъ занимаются газовымъ анализомъ (въ лѣтній семестръ), или же титрованнымъ (въ зимній). Занятія газовымъ анализомъ состоятъ изъ опредѣленія углекислоты, окиси углерода и анализа свѣтлительнаго газа. Здѣсь же я имѣлъ случай познакомиться съ аппаратами, изобрѣтенными Винклеромъ для газоваго анализа.

Затѣмъ я видѣлъ коллекцію химическихъ препаратовъ по неорганической химіи. Изъ этихъ препаратовъ для меня представляли интересъ: индій (Рихтеръ, открывшій его, — въ настоящее время директоръ Фрейбергской академіи), сѣрнистый индій, по виду напоминающій сѣрнистый кадмій, галлій, германій, — новый элементъ, открытый въ минералѣ аргиродитѣ Винклеромъ, сѣрнистый германій, жидкій четырехлористый германій ($GeCl_4$) и многіе другіе.

Лабораторію и препараты мнѣ показывалъ ассистентъ профессора Винклера. Когда же я, осмотрѣвъ все, собирался уходить, пришелъ проф. Винклеръ, который былъ такъ любезенъ, что подарилъ мнѣ небольшой кусочекъ германія. (Этотъ германій, равно какъ и небольшой кусочекъ аргиродита, переданы мною въ коллекцію по неорганической химіи лабораторіи Московскаго университета). Какъ извѣстно, германій оказался по своимъ свойствамъ эксаилициемъ періодической системы элементовъ, что и было указано проф. Винклеромъ въ статьѣ объ этомъ элементѣ (*Journ. für praktische Chemie*. 1886. Bd. 34, 102).

Изъ другихъ лабораторій въ Фрейбергской академіи я осмотрѣлъ лабораторію проф. Ледебуръ. Эта лабораторія не представляетъ ничего замѣчательнаго. Вся она состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, въ которыхъ студенты занимаются анализомъ желѣза и желѣзныхъ рудъ. При лабораторіи находится небольшой музей, гдѣ хранятся различныя образцы желѣза и стали.

Болѣе интересной оказалась лабораторія, въ которой производятся анализы минераловъ и сплавовъ сухимъ путемъ. Эта лабораторія состоитъ въ завѣдованіи директора академіи, проф. Рихтера, знаменитаго открытѣемъ элемента индія. Въ нижнемъ этажѣ лабора-

тории находятся большія печи для купелированія. Во второмъ же этажѣ помѣщается лабораторія, въ которой студенты упражняются въ анализѣ металловъ сухимъ путемъ. Нѣкоторые приемы этого анализа доведены до высокой степени простоты и совершенства: напримеръ, при мнѣ ассистентъ проф. Рихтера произвелъ опредѣленіе количества серебра въ свинцовомъ сплавѣ; все это опредѣленіе отнимаетъ не болѣе получаса времени.

Въ Фрейбергской же академіи я осмотрѣлъ минералогическій музей. Мнѣ удалось также видѣть вмѣстѣ съ студентами *Werner's Museum*, куда пускаютъ студентовъ, по ихъ словамъ, только разъ въ годъ. *Werner's Museum* состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, въ которыхъ помѣщаются шкафы съ минералами; большая часть минераловъ помѣщена въ закрытыхъ ящикахъ, на показъ же выставлены только минералы, поражающіе или своей величиной, или же красивымъ видомъ. Можно сказать, что помѣщеніе музея не соответствуетъ его внутреннему богатству, ставящему его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду минералогическихъ музеевъ. Кромѣ *Werner's Museum'a*, я видѣлъ другое отдѣленіе музея, состоящее изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ хранятся минералы, въ другой же находятся модели различныхъ кристаллическихъ формъ, и кромѣ того, въ этой комнатѣ передъ лекціей выставляются минералы, о которыхъ говорилось въ предшествующей лекціи. Послѣ лекціи минералы, о которыхъ читалъ профессоръ, остаются выставленными до слѣдующей лекціи для просмотра студентамъ. Читаетъ здѣсь минералогію проф. Вейсбахъ, сынъ знаменитаго и много сдѣлавшаго для Фрейберга профессора механики Вейсбаха.

Отправляясь въ Фрейбергъ, я надѣялся побывать въ рудникахъ и посмотреть, какъ устроены здѣсь рудники. Меня это тѣмъ болѣе интересовало, что я могъ сравнить рудники Фрейбергскіе съ нашими Уральскими рудниками, такъ какъ въ 1887 году я былъ въ Нижнемъ Тагилѣ и спускался въ мѣдные рудники. Къ сожалѣнію, я попалъ въ Фрейбергъ въ такое время, когда спускаться въ рудники было нельзя, такъ какъ я былъ въ Фрейбергѣ воскресенье и понедѣльникъ. По воскресеньямъ—работъ въ рудникахъ нѣтъ, въ понедѣльникъ же работъ не было, такъ какъ былъ *Berg-tag*, и всѣ горнорабочіе не работали, а участвовали въ торжественномъ *Zug'e*. Несмотря на это, мнѣ удалось осмотрѣть заводы, такъ какъ на нихъ работа продолжалась. На заводахъ я видѣлъ свинцовыя камеры для добыванія сѣрной кислоты, кубъ платиновый (стоящій 70.000 ма-

рокъ), служащій для перегонки сѣрной кислоты. На заводѣ же есть отдѣленіе, въ которомъ добывается, по способу проф. Винклера, сѣрный ангидридъ. Но входъ въ это отдѣленіе для постороннихъ, даже для студентовъ Фрейбергской академіи, строго воспрещенъ. Тутъ же я видѣлъ добываніе свинца изъ его рудъ и извлеченіе изъ свинцовыхъ рудъ серебра.

Въ Фрейбергѣ добываютъ серебро изъ свинца по способу Паттинсона (H. L. Pattinson). Способъ Паттинсона, какъ извѣстно, основанъ на томъ, что при охлажденіи расплавленнаго свинца, въ которомъ находится небольшое количество серебра, сперва выдѣляются кристаллы чистаго свинца, а въ незастывшей массѣ, слѣдательно, содержаніе серебра возрастаетъ. Когда же содержаніе серебра достигнетъ до $\frac{1}{400}$ ч. свинца, то такой свинецъ подвергаютъ трейбованію. При личномъ, такъ сказать, знакомствѣ со способомъ Паттинсона мнѣ невольно бросилась въ глаза аналогія явленія выдѣленія чистаго свинца изъ его сплавовъ съ серебромъ—съ явленіемъ замерзанія водныхъ растворовъ. Подобно тому, какъ при замерзаніи водныхъ растворовъ (солей или другихъ веществъ) выдѣляется въ твердомъ состояніи чистая вода, остающійся же растворъ обогащается содержаніемъ раствореннаго тѣла, такъ и при остываніи растворовъ серебра въ свинцѣ ¹⁾ сперва выдѣляется чистый свинецъ, а оставшійся растворъ обогащается содержаніемъ серебра.

Въ концѣ семестра изъ Лейпцига я съѣздилъ въ Берлинъ. Цѣлью моея поѣздки туда было осмотрѣть нѣкоторыя лабораторіи въ Берлинѣ и другія учебно-вспомогательныя заведенія. Въ Берлинѣ я пробылъ всего два дня и ознакомился тамъ съ двумя химическими лабораторіями (одна — проф. Раммельсбергера, другая — проф. Гофманна) и физической лабораторіей проф. Кундта. Въ послѣдней, благодаря любезности командированнаго сюда приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета Михельсона, я не только осмотрѣлъ кабинеты и рабочія залы, но и познакомился со способомъ жвиганія платины въ стекло и полученія тонкихъ золотыхъ пластинокъ, послужившихъ проф. Кундту для изученія коэффициента преломленія металловъ.

Такъ какъ я попалъ въ Берлинъ тогда, когда уже работы кончились, то лабораторію Раммельсбергера я осмотрѣть хорошо не

---

¹⁾ Расплавленный сплавъ свинца, содержащій небольшое количество серебра, можно разсматривать, какъ растворъ серебра въ свинцѣ.

могъ, въ виду того, что она была въ беспорядкѣ. Въ другой лабораторіи (проф. Гофманна), тоже по случаю вакаціоннаго времени, не нашлось ни профессора, ни ассистентовъ, что не помѣшало мнѣ осмотрѣть лабораторію: мнѣ показаль ее служитель лабораторный. Лабораторія проф. Гофманна довольно большая и въ ней находится много приспособленій для занятій, но никакихъ особыхъ приспособленій я не замѣтилъ.

Въ Берлинѣ же я осмотрѣлъ музей новаго общества Уранія (Urania), возникшаго въ 1887 г. по инициативѣ г. Ферстера, директора королевской обсерваторіи, и имѣющаго цѣлью популяризировать научныя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ естествознанія. Для этой цѣли общество, во первыхъ, издаетъ журналъ „Himmel und Erde“, воторыхъ — устроило званіе, въ которомъ выставлены приборы по физикѣ, астрономіи и т. д. При томъ эти приборы выставлены не только для того, чтобы ихъ можно было разсматривать, но ихъ можетъ публика сама же приводить въ дѣйствіе.

На верху званія находится обсерваторія съ шестью телескопами, которыми можетъ пользоваться публика. Ассистенты, находящіеся тутъ, даютъ необходимыя объясненія. Внизу находится зала, въ которой выставлены различные физическіе приборы; около каждаго изъ нихъ находится описаніе способа употребленія этого прибора, такъ что посѣтителы могутъ сами испытать каждый приборъ. Опыты, которые такимъ образомъ могутъ быть произведены, объясняютъ довольно сложныя физическія явленія. Такъ, здѣсь можно познакомиться съ различными явленіями поляризованнаго свѣта. Затѣмъ выставлены машины, поясняющія законы волнообразнаго движенія, аппараты для объясненія дѣйствія телефона, динамо-машины, спектроскопы (можно было видѣть различные спектры поглощенія, спектры, напримѣръ, крови, раствора дидимовыхъ солей и друг.), резонаторы и другіе приборы. Особенно эффектны опыты съ Гейсслеровыми трубками. Рядомъ съ этими приборами выставленъ рядъ микроскоповъ, въ которыхъ можно видѣть различные микроскопическіе препараты, которые каждую недѣлю мѣняются. Когда я тамъ былъ, были выставлены, между прочими, слѣдующіе препараты: разрѣзъ черезъ хвою, разрѣзъ черезъ роговую оболочку глаза мухи, волосы кавказца и негра, *Trichina spiralis*, *Diplozoon paradoxus*, *Taenia spicigerina*, *Phyllohexa*, живыя инфузоріи и т. п. Около каждаго микроскопа лежитъ рисунокъ и при немъ объясненіе того, что можно видѣть въ этотъ микроскопъ.

Посреди залы находится стеклянный шкафъ, въ которомъ расположены различные физическіе приборы (микроскопы, зрительныя трубы, микротомы, спектроскопы и т. под.), которые могутъ быть приобретаемы здѣсь. Можно также отдавать различные приборы для испытанія, которое производится бесплатно. Такимъ образомъ, общество „Уrania“ имѣетъ цѣлью также быть посредникомъ при покупкѣ различныхъ научныхъ инструментовъ. Для того, чтобы лучше популяризировать свѣдѣнія по астрономіи, въ научномъ театрѣ вечеромъ, а по праздникамъ и днемъ, представляются картины затменія солнца въ окрестности Берлина, луннаго затменія, лунныхъ горъ, закатъ солнца на Этнѣ и тому подобное.

Изъ Берлина я проѣхалъ въ Стассфуртъ для того, чтобы ознакомиться съ соляными копями. Въ Стассфуртъ мнѣ удалось осмотрѣть и спуститься въ одну шахту „Leopoldshall“, принадлежащую герцогу Ангальтскому. Прежде чѣмъ спуститься въ шахту, директоръ показалъ мнѣ карту, которая объясняла расположеніе слоевъ различныхъ солей въ томъ мѣстѣ, гдѣ устроена шахта. На картѣ видно было, что шахта сперва прорѣзаетъ слой песчаника, затѣмъ проходитъ черезъ слой гипса и лежащаго подъ нимъ ангидрида, далѣе, прорѣзавъ слой карналита и кизерита, достигаетъ, на глубинѣ около 150 метровъ, слоя каменной соли, гдѣ и спускается на 400 метровъ глубины.

Такъ какъ въ настоящее время добываютъ главнымъ образомъ карналитъ, то отъ шахты, на глубинѣ 400 метровъ, идутъ въ сторону подземные ходы, ведущіе къ слою карналита. Длина этихъ ходовъ до 800 метровъ. Разсмотрѣвъ карту, я спустился вмѣстѣ съ однимъ рабочимъ въ шахту. Спускъ въ шахту (на глубину 400 метровъ) производится подъемной машиной.

Спустившись, мы попали въ обширное помѣщеніе, въ которомъ находится паровая машина, служащая для вентиляціи воздуха. Все это помѣщеніе, а также главные ходы въ началѣ, освѣщены электричествомъ. Для того, чтобы видѣть выработку карналита, нужно было пройти по подземнымъ ходамъ около 800 метровъ. Наконецъ, мы добрались до огромной пещеры, въ которой четверо рабочихъ выламывали карналитъ. Для этого они большими буравами (около $1\frac{1}{2}$ метра длиной) пробуровали два хода, идущіе на одной высотѣ, подъ угломъ другъ къ другу, затѣмъ, при насъ же, сдѣлали патронъ изъ бумаги, насыпавъ его порошкомъ, вложили его въ пробу-

равленные коды, зажгли фитиль и отошли. Черезъ нѣсколько минутъ послышался взрывъ обоихъ патроновъ,— и громадной скалы соли, какъ не бывало. Взрывъ былъ на столько силенъ, что маленькіе рельсы, служившіе для передвиженія вагоновъ съ солью, были отброшены и изогнуты. Порохъ употребляется здѣсь потому, что динамитъ не совсѣмъ удобенъ вслѣдствіе его быстрого дѣйствія.

Главнымъ матеріаломъ, добываемымъ въ Стассфуртѣ, кромѣ каменной соли, является карналитъ ($KCl \cdot MgCl_2 \cdot 6H_2O$) и каинитъ, сильвинъ (KCl). Но кромѣ этихъ минераловъ, тутъ же находятся борацитъ ($2Mg_3 B_3 O_{15} + MgCl_2$), дуглазитъ ($2KCl \cdot FeCl_2 \cdot 2H_2O$), шонитъ ($K_2 SO_4, MgSO_4 \cdot 6H_2O$), тахидритъ ($CaCl_2 \cdot MgCl_2 \cdot 12H_2O$), бишофитъ ($MgCl_2 \cdot 6H_2O$), глауберитъ ($CaSO_4 \cdot Na_2 SO_4$), астраханитъ ($MgSO_4 \cdot Na_2 SO_4 \cdot 4H_2O$) и нѣкоторые другіе.

Карналитъ и каинитъ идутъ прямо съ шахты, въ вагончикахъ, по воздушнымъ рельсамъ, для переработки на химическія фабрики, гдѣ изъ нихъ добываютъ хлористый калий.

Для этого соль измельчаютъ на особыхъ машинахъ и затѣмъ перепускаютъ въ высокіе цилиндрическіе котлы (вмѣстимостью до 12 куб. метровъ), въ которыхъ находится горячій растворъ хлористаго магна. Хлористый калий и хлористый магній растворяются въ подобномъ растворѣ, поваренная же соль и кизеритъ остаются нерастворенными. Полученный растворъ переливаютъ въ особые сосуды, гдѣ даютъ осѣсть взвѣшеннымъ въ немъ частицамъ (кизерита и глины) и затѣмъ перепускаютъ въ желѣзные котлы для выкристаллизовыванія хлористаго калия. Всѣ эти операціи, съ перваго взгляда, кажутся очень простыми и нехитрыми, но на самомъ дѣлѣ нужны многія приспособленія, чтобы достигать хорошихъ результатовъ; поэтому-то мнѣ и хотѣлось посмотрѣть переработку солей на фабрикахъ, но, къ сожалѣнію, пробывъ довольно долго въ шахтѣ, я зашелъ на ближайшую къ этой шахтѣ фабрику (Vereinigte Chem-Fabrik in Leopoldshall) уже около 6 часовъ вечера, когда работы кончились. Вотъ почему я не могъ осмотрѣть фабрику; оставаться же до другаго дня я не могъ.

Прибавлю къ этому, что выработка карналита и каинита увеличивается съ каждымъ годомъ, что видно изъ слѣдующей таблицы, извлеченной мною изъ брошюры „Die Salz-Industrie von Stassfurt und Umgegend“. Von Dr. Precht. Stassfurt. 1889.

Добыто:	Повар. соли.	Барналита и кизерита.	Каинита.	Борацита.
1861—1865	44.492 тоннъ	29.603 тоннъ	—	2,9
1866—1870	58.937 „	118.099 „	11.689	16
1871—1875	64.233 „	433.859 „	18.039	17
1876—1880	96.856 „	643.363 „	55.773	84

Вернувшись изъ Стассфурта въ Лейпцигъ (14-го августа нов. стили), я 15-го августа отправился изъ Лейпцига въ Парижъ для того, чтобы ознакомиться, если будетъ возможно, съ различными учебно-вспомогательными учрежденіями (лабораторіями, музеями), а также и съ выставкою. Въ Парижъ я поѣхалъ черезъ Висбаденъ, куда я заѣхалъ осмотрѣть лабораторію профессора Фрезениуса.

Лабораторія эта, какъ извѣстно, содержится на частныя средства профессора Фрезениуса, съ пособіемъ отъ правительства. Цѣль лабораторіи—доставить возможность желающимъ изучить практически и теоретически химію, главнымъ образомъ, аналитическую. Поэтому, всякій поступающій начинаетъ практическія занятія съ качественного анализа, и затѣмъ уже, изучивъ количественный анализъ, приступаетъ къ болѣе сложнымъ приемамъ анализа веществъ, имѣющихъ техническое значеніе и др. Въ лабораторіи не только обучаются практически химіи, но и знакомятся съ теоретическими основами химіи и ближайшихъ къ ней наукъ изъ лекцій, которыя читаются самимъ профессоромъ Фрезениусомъ и другими. Изъ росписанія лекцій, которое я получилъ отъ сына Р. Фрезениуса, проф. В. Фрезениуса, видно, что кромѣ химіи неорганической (чит. проф. Р. Фрезениусъ) и органической (чит. докт. Е. Hintz), читаются лекціи по физикѣ (проф. В. Фрезениусъ), химической технологіи, по изслѣдованію питательныхъ продуктовъ, гигиенѣ (Dr. Med. F. Ниерре) и микроскопіи. Кромѣ того, въ лабораторіи читается еще докторомъ F. Ниерре курсъ лекцій по бактериологическимъ изслѣдованіямъ.

Въ виду того, что лабораторія содержится на частныя средства, плата за практическія занятія, равно какъ и гонораръ за лекціи, довольно значительны. Такъ, за практическія занятія въ лабораторіи (за 6 дней въ недѣлю) нужно платить 176 мар.; если работать только 4 дня, то 144 м., если работать 3 дня—122 мар. Это—плата въ зимній семестръ (съ 15-го октября по 15-е марта); въ лѣтній же семестръ (съ 24-го апрѣля по 24-е августа) — немного меньше. Въ томъ случаѣ, если кто-либо уже изъ знающихъ химію, напримѣръ,

фабрикантъ пожелаетъ только нѣкоте время воспользоваться лабораторіей, тотъ платитъ по 20 марокъ въ мѣсяцъ.

Говораръ за лекціи колеблетъ отъ 30 мар. (химія) до 15 мар. (химія питательныхъ веществъ) въ семестръ. Заниматься въ лабораторіи, на сколько можно судить при бѣгломъ осмотрѣ, довольно удобно, такъ какъ помѣщеніе, по числу практикантовъ (ихъ бываетъ здѣсь до 60 человѣкъ и болѣе), довольно большое. Лабораторія помѣщается въ двухъ этажахъ. Въ нижнемъ, прямо изъ гарлеробной, ходъ ведетъ въ залу для качественного анализа (на 32 мѣста) откуда можно пройти съ одной стороны въ небольшую комнату, гдѣ помѣщается большая песчаная баня и аппаратъ для полученія дистиллированной воды; съ другой—въ комнату, ведущую въ отдѣленіе, служащее для занятій по органической химіи (на 12 мѣстъ). Рядомъ съ этой комнатой, снаружи, на открытомъ воздухѣ помѣщается шкафъ для работъ съ сѣрководородомъ. Затѣмъ далѣе находятся двѣ залы для количественнаго и техническаго анализа (на 35 мѣстъ). Въ непосредственномъ соединеніи съ этой залой находится двѣ комнаты для взвѣшиванія, а также помѣщенія для органическаго сожженія и электролиза.

При осмотрѣ лабораторіи, поражаешься громаднымъ количествомъ вѣсовъ. Во всей лабораторіи ихъ будетъ штукъ до пятидесяти. Такое количество вѣсовъ, очевидно, нужно не для практикантовъ, а для ассистентовъ (которыхъ всего человѣкъ до 20), занятыхъ постоянно анализированіемъ различныхъ продуктовъ, присылаемыхъ съ разныхъ сторонъ въ лабораторію Р. Фрезениуса. Производство такого рода анализовъ составляетъ, между прочимъ, источникъ дохода лабораторіи.

Въ нижнемъ этажѣ находится квартира директора лабораторіи. Во второмъ этажѣ помѣщается лабораторія самого Фрезениуса и аудитория (небольшая и неприглядная), комната съ собраніемъ препаратовъ, лабораторія, гдѣ производятся различныя техническія изслѣдованія 14 ассистентами. Лабораторія эта состоитъ изъ 3 залъ: въ двухъ изъ нихъ производятся изслѣдованія минеральныхъ водъ, рудъ, и различнаго рода техническихъ продуктовъ, въ третьей—изслѣдуются вина, питательныя вещества и т. д. Эта же комната служитъ для физиолого-химическихъ изслѣдованій. При лабораторіи же имѣются помѣщенія для бактериологическихъ изслѣдованій и агрономическихъ. Не буду останавливаться на описаніи нѣкоторыхъ (небольшихъ) приспособленій въ установкѣ приборовъ, замѣченныхъ мною при бѣгломъ осмотрѣ лабораторіи.

Пріѣхавъ въ Парижъ, гдѣ я пробылъ около 2¹/₂ недѣль, я не могъ уже попасть на конгрессы, бывшіе тамъ, такъ какъ конгрессъ химиковъ кончился, а другіе конгрессы меня хотя и интересовали (напримѣръ, конгрессъ электриковъ, бывший въ то время), но у меня не было времени для посѣщенія ихъ, потому что все время ушло на посѣщеніе выставки и осмотръ нѣкоторыхъ лабораторій и учебно-вспомогательныхъ заведеній.

Хотя время для осмотра лабораторій было глухое, такъ какъ профессора разъѣхались, но мнѣ все-таки удалось осмотрѣть лабораторію проф. М. Бертело въ Медонѣ и лабораторію проф. Мюнтца въ Агрономическомъ институтѣ. Кромѣ того, мною были осмотрѣны Муниципальная лабораторія города Парижа, Conservatoire der arts et métiers, международное бюро мѣръ и вѣсовъ, минералогическій музей при Ecole des Mines и педагогическій музей.

На выставкѣ для химика и физика нашлось не мало интересныхъ новыхъ приборовъ, а также и старыхъ, имѣющихъ историческое значеніе. Кромѣ того, меня заинтересовала на выставкѣ, въ отдѣлѣ первоначальнаго и средняго обученія, постановка преподаванія химіи и естественной исторіи въ низшихъ и среднихъ школахъ.

Прежде чѣмъ перейти къ краткому описанію того, что мнѣ особенно бросилось въ глаза на выставкѣ, я вкратцѣ опишу то, что я замѣтилъ при осмотрѣ лабораторій.

Лабораторія проф. М. Бертело, къ которому я имѣлъ письмо отъ Вл. Ф. Лугинина, извѣстнаго своими термохимическими изслѣдованіями, находится въ Медонѣ, въ полчаса ѣзды отъ Парижа по желѣзной дорогѣ. Кромѣ этой, въ завѣдываніи проф. Бертело состоитъ еще лабораторія при Collège de France, но въ той уже никакихъ занятій въ то время не было. Лабораторія же въ Медонѣ находится въ одномъ домѣ съ квартирой М. Бертело, и выстроена специально для его изслѣдованій, главнымъ образомъ, надъ усвоеніемъ азота растеніями. Лабораторія помѣщается на горѣ, откуда разстилается прекрасный видъ на Парижъ. Невдалекѣ отъ лабораторіи лежитъ опытное поле, на которомъ посѣяно до 200 видовъ растеній, служащихъ для опытовъ. Тутъ же возвышается башня, служащая для наблюденій надъ вліяніемъ атмосфернаго электричества на растенія, и на усвоеніе ими азота. Лабораторія, хорошо обставленная приборами, изъ которыхъ нѣкоторыя очень цѣнны, состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, размѣщенныхъ въ двухъ этажахъ. Въ нижнемъ расположены двѣ большія залы, изъ которыхъ одна служитъ для практикантовъ,

занимающихся самостоятельными изслѣдованіями. Въ верхнемъ же этажѣ находятся рабочія комнаты самого М. Бертело. Одна изъ нихъ, между прочимъ, предназначена для термохимическихъ изслѣдованій. Проф. М. Бертело показаль мнѣ нѣкоторые приборы, служащіе для изученія вопроса объ усвоеніи растеніями азота, а также и приборы для термохимическихъ изслѣдованій.

Неподалеку отъ лабораторіи М. Бертело (полчаса ходьбы) находится въ Севрѣ международное бюро мѣръ и вѣсовъ, которое представляло для меня немалый интересъ. М. Chappuis и М. Guillaume очень любезно показали все помѣщеніе, всѣ приборы, а М. Chappuis весьма подробно разказаль о томъ способѣ, съ помощью котораго было произведено имъ сравненіе ртутнаго и газоваго термометровъ.

По порученію Международнаго комитета мѣръ и вѣсовъ, М. Chappuis, съ конца 1884 года принялся за сравненіе термометровъ, ртутнаго и газовыхъ (наполненныхъ водородомъ, азотомъ и углекислотой). Результаты этой работы были описаны въ деталяхъ М. Chappuis въ мемуарахъ международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ. (*Mémoires du Bureau des Poids et Mesures*), болѣе же краткія свѣдѣнія о нихъ помѣщены въ *Archives des Sciences physiques et naturelles* (3 période). Tome XX. № 9. 15 Septembre ¹⁾. Всѣ приборы, служившіе для произведенія этой продолжительной и точной работы, были показаны и объяснены мнѣ М. Chappuis. Описание всѣхъ этихъ приборовъ заняло бы много времени; поэтому я, не приводя ихъ, укажу только, что изученіе произведенное М. Chappuis приводитъ къ тому выводу, что показанія ртутнаго термометра отличаются довольно значительно отъ газоваго термометра, наполненнаго водородомъ, азотомъ и углекислотой. Наибольшее отклоненіе замѣчается между ртутнымъ и водороднымъ термометрами, наименьшее между ртутнымъ и термометромъ, наполненнымъ углекислотой, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Наибольшее отклоненіе отъ 0° до 100° будетъ между ртутнымъ термометромъ и газовыми:

0°,107 около 40° для водороднаго термометра,

0°,097 около 40° для азотнаго термометра,

0°,049 около 35° для углекислоты.

Въ международномъ бюро я познакомился съ тѣми способами,

---

¹⁾ *Études sur le thermomètre à gaz et comparaison du thermomètre à mercure avec le thermomètre à gaz, par M. P. Chappuis.*

которые употребляютъ здѣсь для установки 0° и 100° термометровъ и калиброванія ихъ. Для опредѣленія нулевой точки термометровъ въ международномъ бюро употребляется ледъ горныхъ озеръ (Lac du Pont), привозимый изъ Швейцаріи. Ледъ изъ дистиллированной воды не употребляется потому, что онъ обходился бы слишкомъ дорого. Леду же расходуется въ бюро около 1 тонны въ 3 недѣли. Ледъ, привозимый изъ Швейцаріи, стоитъ за тонну 60 франковъ.

Калиброваніе термометровъ, — работа сложная и продолжительная, — производится здѣсь со всевозможной тщательностью. Очень подробное описаніе всѣхъ приемовъ калиброванія можно найти въ *Mémoires du Bureau International des Poids et des Mesures*. Т. 1 — 6. 1881—1886.

Кромѣ этого мною были осмотрѣны вѣсы, на которыхъ производится сравненіе разновѣсковъ. Вѣсы, служащія для этой цѣли, размѣщены по угламъ комнаты, въ середину которой сходятся особыя ручки, съ помощью которыхъ возможно переносить разновѣски съ одной чашки вѣсовъ на другую, находясь отъ вѣсовъ на разстояніи болѣе сажени. Въ одномъ изъ угловъ этой комнаты находятся вѣсы, на которыхъ можно производить взвѣшиваніе въ безвоздушномъ пространствѣ.

Guillaume показалъ мнѣ также и различные приборы для электрическихъ измѣреній.

Обстановка международного бюро произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе, такъ какъ мнѣ пришлось увидать здѣсь много новыхъ приборовъ, приспособленныхъ для самыхъ точныхъ измѣреній. Кромѣ того, здѣсь находятся цѣлыя комнаты, приспособленныя только для извѣстныхъ опытовъ. Напримѣръ, одна изъ комнатъ устроена такъ, что температура всей комнаты можетъ быть доведена до 0° . Для этой цѣли стѣны комнаты обиты листовымъ цинкомъ, изогнутымъ волнообразно. Для того, чтобы довести температуру комнаты до 0° , по стѣнамъ комнаты, сверху пускается охлажденный растворъ хлористаго магнія, который, медленно стекая по стѣнамъ, охлаждаетъ комнату.

Кромѣ лабораторіи проф. Бертело, я осмотрѣлъ еще лабораторію проф. Мюнтца въ Агрономическомъ институтѣ.

Заинтересовавшись выставленными въ отдѣлѣ Венецуэльской республики, въ витринѣ, съ надписью: „*Chimie tropicale*“, новыми видами сахаристыхъ тѣлъ (персеитомъ, ахразитомъ и бирзонимозомъ), я захотѣлъ получить эти препараты для лабораторныхъ коллекцій

Московского университета. Названные сахаристыя вещества были получены изъ плодовъ тропическихъ растений д-ромъ Маркано и проф. Мюнтцемъ. Персеитъ ¹⁾ и ахразитъ обратили вниманіе тѣмъ, что они были выставлены въ довольно значительномъ количествѣ, и кромѣ того, ахразитъ въ видѣ прекрасныхъ кристалловъ. Бирзонимозъ — новое сахаристое вещество, еще не вполне изслѣдованное, описывается, судя по словамъ проф. Мюнтца, промежуточнымъ тѣломъ между крахмаломъ и инулиномъ, такъ какъ, принадлежа по составу къ тѣламъ общей формулы $C_6 H_{10} O_5$, онъ, распалаясь, даетъ декстрозу и левилозу.

Заинтересованный этими новыми веществами, я отправился къ проф. Мюнтцу въ Агрономическій Институтъ. Проф. Мюнтцъ очень любезно показалъ мнѣ свою лабораторію, предназначенную, главнымъ образомъ, для занятій аналитической химіей, затѣмъ онъ очень любезно подарилъ мнѣ персеитъ, изслѣдованный имъ; ахразитъ же и бирзонимозъ онъ обѣщаль прислать мнѣ потомъ, когда вполне закончитъ изслѣдованіе этихъ тѣлъ.

При осмотрѣ его лабораторіи, онъ показалъ мнѣ также новый видъ сахара (еще не изслѣдованный), полученный изъ плодовъ тропическихъ растений. Въ Агрономическомъ институтѣ находится также лабораторія проф. Дюкло, приспособленная для изученія явленій броженія, но, къ сожалѣнію, проф. Мюнтцъ могъ указать только на наружныя стѣны этой лабораторіи, которую я такъ и не могъ осмотрѣть, потому что по случаю вакаціоннаго времени, проф. Дюкло уѣхалъ изъ Парижа.

Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа, мнѣ удалось осмотрѣть Муниципальную лабораторію. Познакомившись съ аппаратами, выставленными Муниципальной лабораторіей въ отдѣлѣ города Парижа, я отправился осматривать самую лабораторію. Но прежде чѣмъ описывать лабораторію, укажу на тѣ приборы и аппараты, которые были выставлены ею на выставкѣ.

Аппараты эти занимали большое довольно мѣсто въ одномъ изъ павильоновъ отдѣла города Парижа. Аппараты были не только выставлены, но нѣкоторые изъ нихъ приводились въ дѣйствіе ежедневно въ 5 часовъ вечера.

¹⁾ Персеитъ—вещество, аналогичное манниту, было извлечено изъ плодовъ дикаго растенія *Laugus persea*, растущаго въ тропическихъ странахъ. По составу онъ описывается семиатомнымъ спиртомъ и обладаетъ формулой $C_6 H_{10} O_7$, судя по послѣднимъ изслѣдованіямъ.

Всѣ аппараты могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ аппараты, которые можно было видѣть и въ другихъ лабораторіяхъ, вторую же, наиболѣе интересную категорію составляютъ аппараты, изобрѣтенные и сдѣланные специально для муниципальной лабораторіи. Отмѣчу нѣкоторые аппараты изъ первой категоріи: очень удобна для большихъ лабораторій водяная баня съ постояннымъ уровнемъ, построенная Wiesnegg'омъ. Баня эта постоянно въ дѣйствиіи на выставкѣ.

Изъ аппаратовъ второй категоріи обращаютъ на себя вниманіе: 1) Шкафъ для высушиванія Dupré (Cage à dessication de M. A. Dupré), замѣняющій собой эксикаторы, въ которыхъ приходится охлаждать вещество передъ взвѣшиваніемъ. Шкафъ этотъ двухъэтажный, и поэтому онъ можетъ замѣнять собой 4 большихъ эксикатора. 2) Шкафъ для высушиванія въ разрѣженномъ пространствѣ. Шкафъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ отдѣльно можно разрѣдить воздухъ. Высушиваніе производится надъ сѣрной кислотой и фосфорнымъ ангидридомъ. Въ муниципальной лабораторіи шкафы эти служатъ специально для опредѣленія сухаго остатка въ винахъ. 3) Аппаратъ М. Дюпре для перегонки въ пустотѣ. Аппаратъ этотъ позволяетъ фракціонировать и собирать большія количества жидкости, не прекращая перегонки, такъ какъ стеклянная трубка, проходящая черезъ холодильникъ, заканчивается краномъ, поворачивая который, можно соединять холодильникъ съ различными пріемниками. 4) Небольшой спектроскопъ для анализа красящихъ веществъ и наблюденія спектровъ поглощенія.

Не буду описывать и перечислять другихъ приборовъ, выставленныхъ лабораторіей. Заинтересовавшись устройствомъ этой лабораторіи, я отправился на другой день въ муниципальную лабораторію, находящуюся въ завѣдываніи M. Ch. Girard'a. Лабораторія эта помещается въ зданіи префектуры полиціи (Quai de Margheueuf). Вся она состоитъ изъ 3-хъ комнатъ, не считая кабинета директора (Chef de laboratoire), комнаты для поляриметріи, для фотографіи, комнаты для посуды. Въ этихъ комнатахъ работаютъ 25 мальчиковъ, изъ которыхъ каждый занимается только одного рода опредѣленіемъ. Напримеръ, одинъ анализируетъ всегда вино, другой—масло, третій—хлѣбъ и т. д. Такое раздѣленіе труда, конечно, способствуетъ тому, что каждое опредѣленіе производится очень быстро. Изъ общихъ аппаратовъ, находящихся въ каждой комнатѣ, обращаютъ на себя вниманіе: водяная баня съ постояннымъ уровнемъ, сушильный

шкафъ (въ разрѣженномъ пространствѣ), печь для опредѣленія золы въ различныхъ веществахъ. Особенно удобной мнѣ кажется эта печь, которая позволяетъ опредѣлять золу за-разъ въ нѣсколькихъ веществахъ. Печь эта состоитъ изъ шкафа, въ которомъ полъ изъ огнеупорной глины. Полъ этотъ въ продолженіе всего дня накаливается до-красна. Стоитъ только поставить платиновый тигель съ веществомъ и закрыть печку, а черезъ нѣсколько минутъ вынуть его и, охладивъ, взвѣсить,—и опредѣленіе золы готово. Такой способъ опредѣленія золы сохраняетъ у аналитика много времени.

Не перечисляя остальныхъ приборовъ, которые были замѣчены мною въ этой лабораторіи, укажу на то, что какъ съ устройствомъ лабораторіи, такъ и съ результатами ея дѣятельности по изслѣдованію фальсификацій въ пищевыхъ продуктахъ и другихъ предметахъ торговли можно ознакомиться изъ обширнаго, издавнаго ею въ 1885 г. отчета, озаглавленнаго: „Documents sur les falsifications des matières alimentaires et sur les travaux du laboratoire Municipal“. 1885. Paris.

Изъ другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій мною были осмотрѣны минералогическій кабинетъ при École des Mines и Conservatoire des Arts et Métiers.

Посѣщеніе минералогическаго кабинета особенно интересно для химика, такъ какъ здѣсь, рядомъ съ богатымъ собраніемъ очень красивыхъ и рѣдкихъ естественныхъ минераловъ, находится коллекція минераловъ, полученныхъ синтетически многими французскими химиками, какъ то: Hauteuill'емъ, Saint Claire Deville'емъ, Friedel'емъ, Etard'омъ и др. Богатство минералогическаго кабинета различными видами кристалловъ поражаетъ даже при бѣгломъ обзорѣ, но, къ сожалѣнію, я не могъ удѣлить много времени для сколько нибудь основательнаго осмотра минералогическаго музея.

Что касается до выставки, то на ней было много поучительнаго для химика: вопервыхъ, можно было ознакомиться со многими новыми приборами и химическими препаратами; вовторыхъ, нѣкоторыми школами (высшими) были выставлены различные приборы гг. профессоровъ, служившіе имъ для различныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, меня на выставкѣ заинтересовала въ отдѣлѣ обученія постановка преподаванія естественной исторіи и химіи въ среднихъ школахъ. Судить объ этомъ можно было по естественно-историческимъ музеямъ и лабораторіямъ, которые были выставлены нѣкоторыми школами. Кромѣ того, многими школами выставлены были ученическія тетради,

разсмотрѣніе которыхъ познакомило меня съ тѣмъ, какимъ образомъ проходятся во французскихъ школахъ естественная исторія и химія.

Позволю себѣ не входить въ дальнѣйшее изложеніе того, что мною замѣчено относительно преподаванія естественной исторіи и химіи въ среднихъ школахъ, такъ какъ это не входило въ прямую цѣль моей командировки.

Для специалиста—химика было не мало интереснаго на выставкѣ: интересъ заключается въ тѣхъ приборахъ и препаратахъ, которые были выставлены въ различныхъ отдѣлахъ выставки. Только нужно замѣтить, что аппараты и препараты не были собраны въ одномъ какомъ либо отдѣлѣ, но были, можно сказать, разбросаны по многимъ. Напримѣръ, совершенно неожиданно для себя я встрѣтился, какъ я уже сказалъ выше, съ химическими препаратами и приборами въ отдѣлѣ Венецуэльской республики. Здѣсь находилась витрина съ надписью: „Chimie tropicale“, заключающая въ себѣ съ одной стороны новыя сахаристыя вещества (persette, achrasite, byrsonimose, levulose de byrsonimose и dulcité de byrsonimose), добытыя д-ромъ Marcato и проф. Müntz'емъ изъ плодовъ тропическихъ растений; съ другой—приборы, служившіе тѣмъ же ученымъ для изслѣдованій надъ составомъ дождевыхъ водъ въ тропическихъ странахъ. Точно также съ различными химическими приборами можно было ознакомиться въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ, въ которомъ многіе профессора сельско-хозяйственныхъ школъ выставили приборы, при помощи которыхъ они производили свои изслѣдованія; такъ, А. Müntz'емъ и Schlösing'омъ были выставлены аппараты, служившіе имъ для изслѣдованія усвоенія атмосфернаго амміака растеніями. Въ этомъ же отдѣлѣ многія школы выставили аппараты, служащіе для класнаго демонстрированія различныхъ процессовъ химической технологіи. Такъ, одною школою былъ выставленъ аппаратъ, служащій для добыванія газа сухой перегонкой дерева, другою—аппаратъ для ректификаціи спирта и т. д.

Кромѣ подобнаго рода аппаратовъ, здѣсь были вывѣшены различнаго рода таблицы, или служація при преподаваніи химіи и близкихъ ей наукъ въ этихъ школахъ, или же выражающія результаты различныхъ изслѣдованій, произведенныхъ профессорами этихъ заведеній. Напримѣръ, на одной таблицѣ были представлены результаты изслѣдованія Müntz'a и Girard'a относительно вліянія различнаго рода азотистыхъ удобреній на проростаніе растений. Но, конечно, наибольшее количество различнаго рода химическихъ и физическихъ приборовъ можно было видѣть въ отдѣлѣ „Arts libéraux“.

Не описывая всего того, что было здѣсь поучительнаго, укажу на то, что съ физическими и химическими приборами можно было здѣсь ознакомиться и въ классѣ точныхъ приборовъ (XV Cl. Instruments de précision) и въ классѣ высшаго образования (8 Cl. Organisation, méthodes et matériel de l'enseignement supérieur). Въ первомъ были выставлены не только приборы новѣйшіе, но и приборы классическіе, каковы приборы Ренью для измѣренія упругости паровъ воды между 0° и 50°, для измѣренія плотности газовъ, коэффициента расширения газовъ и др.

Въ отдѣлѣ высшаго образования были выставлены цѣлыя лабораторіи, наполненныя различнаго рода приборами.

Химическіе препараты были выставлены во многихъ отдѣлахъ выставки, но наиболѣе интересными были тѣ, которые находились въ 45-мъ классѣ (45 Cl. Produits chimiques et pharmaceutiques). Между другими фармацевтическими и химическими препаратами здѣсь обращало на себя вниманіе собраніе химическихъ веществъ, полученныхъ и открытыхъ французскими фармацевтами и химиками. На витринѣ была надпись, гласившая: „1789. Exposition collective scientifique des pharmaciens Français. 1889“.

Въ этой витринѣ находились не только вещества, открытыя французскими химиками (напримѣръ, іодоформъ, маннитъ и мн. др.), но и сочиненія и аппараты, служившіе имъ при полученіи тѣхъ или другихъ тѣлъ. Изъ такихъ аппаратовъ укажу на аппаратъ (весь платиновый) Moissan'a для полученія фтора, аппаратъ Berthelot (pharmacien professeur) для синтеза ацетилена, аппаратъ Jungfleisch'a для полученія ацетилена и мн. др.

Съ нѣкоторыми страницами изъ исторіи химіи публика могла ознакомиться въ отдѣлѣ исторіи труда. Здѣсь находилась лабораторія алхимика, которая представляла нечто иное, какъ реставрированную лабораторію Михаила Майэра, алхимика XVII вѣка. На стѣнахъ этой лабораторіи были нарисованы алхимистическіе знаки. Въ самой лабораторіи находилась печь, разнообразная посуда и самъ алхимикъ, разсматривающій какую-то жидкость въ колбѣ.

Несравненно болѣе интересной и поучительной была помѣщенная напротивъ лабораторіи алхимика выставка приборовъ и различнаго рода предметовъ, принадлежавшихъ Лавуазье, основателю современной химіи (Instruments et objets ayant appartenu à Lavoisier, le fondateur de la Chimie moderne. 1743—1794). Предметы эти помѣщались въ нѣсколькихъ шкафахъ. Стѣны были украшены портретомъ

Лавуазье и картинами, представляющими Лавуазье производящимъ опытъ надъ дыханіемъ человѣка въ покоѣ и въ движеніи. (Картины эти помѣщены въ біографіи Лавуазье, написанной Grimaux). Въ шкафахъ же были помѣщены сочиненія Лавуазье, напримѣръ, *Traité de chimie*, съ поправками сдѣланными Лавуазье (*Epreuves du traité de Chimie corrigées de la main de Lavoisier*), рисунки на мѣди, сдѣланные женой Лавуазье для его учебника химіи (*Cuivres gravés par M-me Lavoisier pour le traité de Chimie*).

Кромѣ сочиненій Лавуазье, были выставлены также слѣдующія книги о Лавуазье: 1) *Lavoisier par Grimaux*, 2) *Notice sur la vie et les travaux de Lavoisier*, lue le 15 Therm. an 4, au Lycée des Arts par Fourcroy, 3) *Notice sur les travaux physiologiques de Lavoisier* par M. M. Edwards. Тутъ же находился портфель принадлежащій Лавуазье (*Portefeuille de Lavoisier fermier général*), затѣмъ *Journal de Voyage de Lavoisier en Flandre. 1770*. Письма его къ отцу, къ M. Paulze и др.

Кромѣ того, выставка позволила познакомиться съ тѣми приборами, съ которыми работалъ Лавуазье. Изъ нихъ были выставлены: большой шаръ для взвѣшиванія газовъ, газометръ, коллекція термометровъ, гигрометръ, ареометръ и проч.

Вотъ въ краткихъ словахъ то, что мною было замѣчено при моихъ посѣщеніяхъ выставки. Прибавлю къ этому, что, заинтересовавшись отдѣломъ обученія, я осматривалъ его болѣе подробно и употребилъ для этого около пяти дней, хотя этого времени было не достаточно для болѣе или менѣе основательнаго изученія этого отдѣла. Въ виду этого, у меня не было времени для осмотра другихъ отдѣловъ; поэтому, можетъ быть, я и пропустилъ что-либо интересное по химіи, если оно находилось въ этихъ отдѣлахъ. Изъ Парижа я долженъ былъ спѣшить возвращаться въ Россію, такъ какъ срокъ моей командировки истекалъ, и поэтому на возвратномъ пути я остановился на нѣсколько часовъ въ Страсбургѣ, гдѣ осмотрѣлъ въ университетѣ физическую лабораторію проф. Кольраума и химическую— проф. Фаттига. Обѣ лабораторіи, очень большія и прекрасно обставленныя, по случаю вакаціоннаго времени, были пусты.

И. Каблуковъ.

Ихъ по вѣтру, зарой глубоко въ землю,
 Чтобъ не было у нихъ общенья вовсе
 Съ могилою отцовской. Подъ землею
 Пускай хранится для нея самой,
 Когда умереть, поминки по убитомъ!
 О, ихъ ли онъ, покойникъ милый, приметъ
 Отъ женщины, которая въ куски
 Изрѣзала его и съ рукъ своихъ
 Стирала кровь его же волосами?
 Иль думаешь, что выкупъ за злодѣйство
 Приносишь ты? Нѣтъ! Такъ оставь ихъ лучше!
 Но срѣжемъ мы кудрей своихъ по пряди,
 Да поясъ мой, ни златомъ, ни камнями
 Не блестящій, я дамъ тебѣ въ придачу,
 И бѣдный даръ, всё то, чѣмъ я богата,
 Возьми съ собой,—и съ этими дарами
 Склонись передъ родительской могилой
 И помолись, чтобъ онъ благоволилъ
 Насъ защитить, и объ Орестѣ, чтобы
 Его десницѣ мощь была дана
 Попрать враговъ,—да въ будущее время
 Мы болѣе богатыми руками,
 Чѣмъ въ этотъ день, почтимъ родимый прахъ.
 И знаешь, что: сдается мнѣ, родитель
 Вѣщалъ къ ней самъ чрезъ этотъ сонъ зловѣщій.
 Сестра, сестра! Ему, что всѣхъ существъ
 Дороже намъ, себѣ и мнѣ ты можешь
 Привести добро. Не медли и рѣшайся!

Хоръ.

Благочестивъ совѣтъ ей—и, если
 Ты хочешь быть разумною, послѣдуй!

Хризотемида.

Не для того, конечно, справедливость
 И существуетъ, чтобъ о ней лишь спорить,
 А чтобы быть исполненной. Но ради
 Самихъ боговъ, молчаніемъ заprite
 Пока свои уста. Печальна будетъ
 Моя попытка, если мать узнаетъ. (Уходитъ).

Хоръ.

Строфа.

Если вѣрны предвѣщанья,
 Если смыслъ во мнѣ живетъ,
 Знать, съ вѣсами воздаянья
 Правда грозная идетъ.
 Возвѣщенъ конецъ тревогамъ,
 Наказанья близокъ часъ:
 Сонъ счастливый въ томъ залогомъ
 Посылается для насъ.
 Помнить, помнить и во гробѣ
 Твой родитель свой позоръ
 И подъятый въ лютой злобѣ
 Мѣднокованный топоръ.

Антистрофа.

И никто не избѣгаетъ
 Рукъ Эриннїи самой:
 Многорукая хватаетъ
 Изъ засады роковой,
 И на мести кличъ призывный
 Быстроногая спѣшитъ,
 И союзъ богопротивный
 Злою казню казнить.
 Вѣрь ея незримой длани, —
 Или лживъ языкъ боговъ:
 Смертнымъ нѣтъ ни предсказаній,
 Ни пророчественныхъ сновъ.

Эподъ.

О, Пелопса состязанье!
 Съ той минуты роковой,
 Какъ въ тотъ день безъ состраданья
 Съ колесницы золотой
 Въ шумно-пѣнистыя волны,
 Въ море сброшенъ былъ Миртиллъ,
 Жизнью, бѣдствїями полной,
 Этотъ домъ отмѣченъ былъ!

Явленіе IV.

ЭЛЕКТРА, КЛИТЕМНЕСТРА и ХОРЪ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты, кажется, разгуливаешь снова
 На волю, потому что нѣтъ Эгиста, —
 Тотъ твой языкъ обуздывалъ, чтобъ близкихъ
 Ты не чернила за стѣнами дома.
 Теперь же, безъ него, ты на меня
 Вниманія не обращаешь вовсе,
 Хотя трубишь на цѣлый міръ однако,
 Что я горда, сурова, беззаконна,
 Что я тебѣ обиды наношу
 И оскорбляю всё, тебѣ родное.
 Я не горда, а если отзываюсь
 И скверно о тебѣ, то только равнымъ
 Отвѣтствую. Предлогъ твой вѣчный къ ссорѣ —
 Что твой отецъ отъ рукъ моихъ погибъ.
 Да! отъ моихъ! отлично это знаю
 И не намѣрена я отрицать.
 Все дѣло въ томъ, что высшей правды воля
 Его постигла,—не моя одна,
 Которой ты помочь должна была бы,
 Будь умъ въ тебѣ. Вѣдь твой родитель, тотъ,
 О комъ ты постоянно плачешь, былъ
 Единственный изъ эллиновъ, дерзнувшій
 Заклатъ богамъ свою родную дочь,
 Тебѣ сестру. Но зналъ ли онъ тѣ муки,
 Лишь тѣшившійся ласками, что я,
 Отъ ласкъ его зачавшая, пріяла?
 И для кого жъ принесъ её онъ въ жертву?
 Ты скажешь, для аргивянъ? Гдѣ жъ ихъ право
 На дочь мою? Иль Менелая ради?
 Но тотъ имѣлъ своихъ двухъ сыновей.
 Имъ, чадамъ той, изъ-за которой вспыхнулъ
 Огонь войны,—и надо умереть бы!
 Или желалъ сильнѣе богъ подземный

Моихъ дѣтей, чѣмъ отъ нея рожденныхъ?
 Иль у отца несчастнаго остыла
 Любовь къ моимъ, а къ дѣтямъ Менелая
 Жила всегда въ груди его? Безументъ
 И низокъ былъ онъ, какъ ни разсуждай!
 И еслибы покойница могла
 Заговорить,—она бы подтвердила.
 Итакъ, я не раскаиваюсь. Если жъ
 Ты полагаешь, что къ тебѣ дурна я,
 Сообрази и попеняй за это
 Не на меня!

ЭЛЕКТРА.

Теперь не скажешь ты,
 Что первая тебя я оскорбила,
 Но если ты позволишь, въ свой чередъ
 Всю правду выскажу тебѣ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Изволь.

Тебя не въ тягость было бы мнѣ слушать,
 Когда бы такъ всегда ты говорила.

ЭЛЕКТРА.

Начну съ тебя. Сейчасъ сама въ убійствѣ
 Призналась ты. Какъ гнусно это слово!
 И не при чемъ тутъ право. Да къ тому же
 И не оно влекло тебя къ злодѣйству,
 А нашепталь его твой низкій мужъ.
 Изъ за кого-жъ въ Авлидѣ былъ задержанъ
 Попутный вѣтеръ, распроси-ка лучше
 О томъ ты Артемиду. Но богиня
 Не дастъ тебѣ ствѣта,—если хочешь,
 Я отвѣчаю за нее. Вотъ видишь,
 Давно то было. Въ роцѣ Артемиды
 Гулялъ отецъ и изъ подъ ногъ случайно
 Спугнулъ вѣтвисторогаго оленя.
 Онъ пристрѣлилъ его и прихвастнулъ
 Удачею. Тогда Латоны дочь

Разгнѣвалась и задержала войско
Ахейское, съ условіемъ, чтобъ въ жертву
Принесъ онъ дочь, какъ выкупъ за проступокъ.
Исхода не было иного войску,
И онъ принесъ, какъ ни боролся съ сердцемъ,
Не ради Менелая. Но положимъ,
Что для него, — тебя-ль избрали боги
Судьею быть? Смотри, чтобъ законъ твой
Тебя самой не погубилъ. Ты, имъ
Создавъ себѣ обманную опору,
Среди убійствъ взаимныхъ жертвой мести
По праву пасть бы первая должна.
И научи: какое оправданье
Гнуснѣйшему изъ дѣлъ твоихъ, что ты
Съ убійцей дѣлишь ложе, что дѣтей,
Прижитыхъ съ нимъ, законнымъ предпочла ты,
А тѣхъ совсѣмъ отринула? Хвалить-ли
За это? Или это лишь возмездье,
И всё за дочь? Сказать вѣдь даже стыдно!
Твой грѣхъ останется грѣхомъ, какъ былъ!
Но ты языкъ свой развязала, ты
Кричишь, что мы поносимъ мать во всемъ.
Вотъ почему, отъ васъ обоихъ жалко
Влача свою безпомощную долю, —
Насильницу, не мать въ тебѣ я вижу!
А бѣдный братъ Орестъ, едва спасенный,
Изъ за тебя томится на чужбинѣ.
Ты часто мнѣ въ лицо упрекъ бросаешь,
Что онъ воспитанъ мною съ цѣлью мести, —
О, еслибы могла я только, знай же, —
И сдѣлала бы такъ... И, если хочешь,
За это объяви меня предъ всѣми
Безнравственной, иль дерзкой, иль безстыдной.
Всѣхъ этихъ свойствъ, когда-бъ они водились
За мною, не достаточно, конечно,
Чтобъ ими опозорила тебя я!

Хоръ.

Я вижу гнѣвъ одной. Права-ль она, —
Повидимому нѣтъ другой и дѣла.

ЭЛЕКТРА.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Обязана-ли думать я о дочкѣ,
Которая такъ молода и такъ
Безчестить мать? Не ясно-ли, что, вовсе
Утративъ стыдъ, она на всё готова?

ЭЛЕКТРА.

Знай, стыдъ еще, хоть ты и отрицаешь,
Меня въ границахъ держить. Понимаю,
Моимъ лѣтамъ и званью не прилично
Такъ поступать, но ты, ты вырываешь
Невольно съ устъ моихъ такія рѣчи:
Вѣдь у безстыдства учатся безстыдству!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Тварь жалкая! Да, въ томъ, что такъ груба ты,
Я виновата, вижу я, сама.

ЭЛЕКТРА.

Ты сущю сейчасъ сказала правду:
Твоимъ дѣламъ даю я только имя.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Клянусь владычицею Артемидой,—
Вернись Эгистъ,—отвѣтишь мнѣ за дерзость!

ЭЛЕКТРА.

Вотъ видишь: увлекаясь гнѣвомъ, ты
Не хочешь слушать, хоть и общала.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Итакъ, въ благоговѣйной тишинѣ
Ты, въ свой чередъ, позволишь-ли принести мнѣ
Дары?

ЭЛЕКТРА.

Я убѣдительно прошу,
Не клевети! Я уже всё сказала.

КЛИТЕМНЕСТРА (обращаясь къ рабынѣ).

Такъ подыми же, женщина, дары!
 Я предложу царю ихъ. Пусть онъ приметъ
 Мольбу мою, пускай освободитъ
 Отъ страха, мнѣ волнующаго душу.
 О, Фебъ, мой покровитель! не отвергни,
 Услышь мою безгласную молитву:
 Я не въ кругу друзей своихъ, и явнымъ
 Не должно быть, что скрыто въ нѣдрахъ сердца,
 Когда при мнѣ находится вотъ эта,
 Готовая молвою злоязычной
 Мнѣ повредить. Внемли же благосклонно
 Моей мольбѣ, Ликійскій царь! и если
 Мнѣ добрый знакъ вѣщается въ видѣнны
 Двусмысленномъ, да сбудется, безъ лишнихъ
 Тревогъ и бурь, твоей державной властью!
 Но если нѣтъ,—на голову враговъ
 Обрушь обратно злобу и коварство!
 А мнѣ даруй покой, даруй съ друзьями,
 Съ дѣтьми, въ груди которыхъ нѣтъ еще
 Ни зависти, ни ненависти горькой,
 Власть мирную, и счастье, и богатство!
 Склонись ко мнѣ, Ликійскій Фебъ, и милость
 Свою излей въ отвѣтъ мольбѣ смиренной;
 Но и, какъ богъ всевидящій, того
 О чемъ молчу и что читаешь въ сердцѣ,
 Не отклони, по благости своей!

Явленіе V.

ЭЛЕКТРА, КЛИТЕМНЕСТРА, ПЕДАГОГЪ и ХОРЪ.

ПЕДАГОГЪ.

Скажите мнѣ, прошу васъ, чужестранки,
 Не это-ли дворецъ царя Эгиста?

ХОРЪ.

Ты угадалъ. Онъ самый.

ЭЛЕКТРА.

ПЕДАГОГЪ.

И, судя

По виду, ошибусь-ли я, принявъ
Особу эту за царицу?

ХОРЪ.

Вѣрно.

Передъ тобой стоитъ сама царица.

ПЕДАГОГЪ.

Привѣтъ тебѣ, царица. Вамъ съ Эгистомъ
Отъ друга вѣсть пріятную несу я.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я слушаю. Но я хочу сначала
Узнать, кѣмъ посланъ ты ко мнѣ изъ смертныхъ.

ПЕДАГОГЪ.

Фокидцемъ Фанотеемъ, съ важнымъ дѣломъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Съ какимъ же, странникъ? Говори. Я вѣрю,
Что отъ друзей пріятныя и вѣсти.

ПЕДАГОГЪ.

Безъ лишнихъ словъ: Ореста нѣтъ въ живыхъ.

ЭЛЕКТРА.

О, я несчастная! Я въ этотъ день погибла!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Что ты сказала?.. Да ты ея не слушай!

ПЕДАГОГЪ.

Я повторяю: нѣтъ въ живыхъ Ореста.

ЭЛЕКТРА.

Я погибаю... Я уже ничто!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Займись-ка дѣломъ, не мѣшай намъ... Какъ-же
Погибъ онъ? Расскажи всю правду мнѣ.

Педагогъ.

Я всё тебѣ скажу: вѣдь я за этимъ
И посланъ-то. Прибывъ на славный праздникъ
Дельфійскихъ игръ, красу Эллады всей,
Когда герольдъ три раза возвѣстилъ
О состязаньи громогласнымъ зовомъ,—
А состязанье начиналось бѣгомъ,—
Онъ на арену выступилъ, прекрасный,
Сіяющій, собирая дань восторговъ
Со всѣхъ, тамъ бывшихъ. Красотѣ его
Равнялась и удача: онъ съ арены
Съ первѣйшею наградою сошелъ,
И, говоря короче, не видалъ я
Ни подвиговъ, ни крѣпости подобной.
Знай то одно: во всѣхъ двойныхъ бѣгахъ,
Въ которыхъ не положено награды,
Онъ получилъ. Когда сказали: „это
Орестъ, сынъ Агамемнона, что въ Троѣ
Водилъ Эллады доблестное войско“,
Изъ устъ въ уста носилося: „счастливецъ!“
Такъ было дѣло. Но ужъ если боги
Задумаютъ погибель намъ,—никто
Не устоитъ, будь онъ сильнѣйшій смертный!
На завтра былъ съ восходомъ дня назначенъ
На колесницахъ бѣгъ: пришелъ и онъ
Въ числѣ другихъ возницъ. А были тамъ:
Одинъ ахеянинъ, одинъ спартаецъ,
Ливійцевъ два, Орестъ, по счету пятый,
Съ конями ессалійскими, шестой —
Этолянинъ, съ булаными конями,
Седьмымъ магнезіанецъ былъ, восьмымъ —
Эвиецъ родомъ, съ бѣлыми конями,
Девятый изъ божественныхъ Аевинъ,
Послѣдній—беотіецъ. Ставъ въ порядкѣ,

По жребію, они подъ звуки мѣдной
 Трубы всѣ разомъ ринулись впередъ,
 И крикомъ, и браздами горяча
 Коней своихъ. И грохотомъ, и пылью
 Весь ипподромъ наполнился. Смѣшавшись
 Между собой въ пылу соревнованья,
 Они ударовъ плети не щадили,
 И тяжело, прерывисто дышали
 И бѣлой пѣной брызгали ихъ кони.
 Орестъ держалъ близъ самой крайней мѣты
 И, опустивъ у правой пристяжной
 Бразды свои, онъ лѣваго коня
 Придерживалъ. Всѣ, какъ и должно, было.
 Но вдругъ энійца кони понеслися
 И на семьмомъ уже кругу столкнулись
 Съ баркейской колесницей. Тамъ другіе
 Наѣхали: всё на землю и въ обломки!
 Но опытный возница изъ Аеинъ,
 Замѣтивъ это, въ сторону воротить,
 И конскій вихрь проносится, не сдѣлавъ
 Ему вреда. Орестъ—онъ вѣхалъ сзади,
 Надѣясь на исходъ благополучный —
 Увидѣвъ одного его, погнался
 За нимъ, визгнувъ провзительно бичомъ.
 И вотъ ужъ онъ съ соперникомъ бокъ-о-бокъ,
 Летятъ, то тотъ, то этотъ впереди...
 Но вдругъ, на поворотъ, онъ ослабилъ
 Свои бразды и наскочилъ на столбъ!
 Ось пополамъ, и самъ онъ мигомъ прочь
 Изъ колесницы на землю; въ возжахъ
 Запутался, волочится... а кони
 Несутъ себѣ... И въ ужасѣ народъ
 Кругомъ вопилъ о юношѣ несчастномъ,
 Котораго, хотъ онъ и совершилъ
 Рядъ подвиговъ, постигла участь злая,
 Что онъ, бѣясь, влачился по землѣ,
 Пока коней насилу удержали.
 Онъ былъ ужъ мертвъ,—израненный, избитый,
 Не узнаваемъ въ безобразьи смерти.

И вотъ теперь фокееве, предавъ
Его огню, въ ничтожной мѣдной урнѣ
Печальный пепель прежняго величья
Несутъ тебѣ, чтобы похоронить
Въ родной землѣ. Такъ вотъ какъ было дѣло.
И слушать то ужасно, очевидцу жъ,
Какъ я, оно ужаснѣйшимъ казалось
Несчастьемъ изъ всѣхъ, какія видѣлъ.

Хоръ.

Увы! о, горе тяжкое! погибъ,
Погибъ на вѣкъ нашъ древній царскій родъ!

Клитемнестра.

О, Зевсъ! скажи, какое дать мнѣ имя
Тому, что я услышала? Всѣ жъ грустно
Цѣной своихъ несчастій жизнь спасать!

Педагогъ.

Но отчего жъ ты приуныла такъ?

Клитемнестра.

Ахъ, труденъ материнскій долгъ! Не можемъ
Мы ненавидѣть даже тѣхъ, кого
Рожаемъ и на зло себѣ.

Педагогъ.

Такъ, значить,

Напрасно мы явились.

Клитемнестра.

Нѣтъ, какъ можно
Такъ говорить, когда ты съ вѣрной вѣстью
Пришелъ ко мнѣ о смерти человѣка,
Котораго подъ сердцемъ я носила
И родила затѣмъ, чтобы оторванъ
Отъ груди и отъ ласкъ моихъ далеко,
Жилъ бѣглецомъ, съ тѣхъ поръ меня не вида?

Грозя за смерть ужасной местию,
 Онъ сладкій сонъ прогналъ съ моихъ очей,
 И съ каждымъ днемъ, казалось мнѣ, иду я
 Къ погибели! Отнынѣ я—свободна:
 Я ни Ореста не боюсь, ни этой.
 А вѣдь она была подобна язвѣ,
 Высасывавшей кровь мою. Теперь же
 Спокойствіемъ могу я насладиться.

ЭЛЕКТРА.

О, горе мнѣ! Пришла, Орестъ, пора
 Мнѣ и твое оплакивать несчастье!
 Родная мать тебя бранить! Не правда ль,
 Какъ хорошо?!...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не для тебя, а для него:
 Онъ нынѣ въ превосходномъ положеньи.

ЭЛЕКТРА.

О, Немезида!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Что ты къ ней взываешь?
 Она отлично должно свершила!

ЭЛЕКТРА.

Что жъ, издѣвайся: ты теперь счастлива!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не ты-ль съ Орестомъ помѣшаешь мнѣ?

ЭЛЕКТРА.

Куда ужъ намъ! Вѣдь мы теперь ничто.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ахъ, странникъ! ты-бъ на большую награду
 Имѣлъ права, когда бъ зажалъ ей ротъ!

ПЕДАГОГЪ.

Могу я удалиться?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Это было бѣ
 Двойное оскорбленье: мнѣ и другу,
 Пославшему тебя. Войди къ намъ въ домъ,
 Какъ гость, а эта пусть кричитъ, какъ знаетъ.
 (Уходятъ).

Явленіе VI.

ЭЛЕКТРА И ХОРЪ.

ЭЛЕКТРА.

Вы видѣли, скорбитъ ли мать по сынѣ,
 Встревожена ль судьбой его ужасной?
 Она ушла со смѣхомъ на устахъ!
 Увы, увы! Орестъ мой, братъ мой милый!
 Ты погубилъ меня своею смертью,
 Ты вырвалъ съ корнемъ всѣ мои надежды,
 Ты не придешь отмстить ни за отца,
 Ни за сестру. Теперь, двоихъ лишившись,
 Куда пойду? Одна я въ цѣломъ свѣтѣ!
 Ужель опять рабой жить у убійцъ?
 Ахъ, тяжело, тяжело! Нѣтъ, я не останусь,
 Я не могу быть въ домѣ этомъ съ ними, —
 Вотъ я у этого порога лягу
 И довлачу остатокъ жалкихъ дней
 Въ печальномъ одиночествѣ,—а если
 Я въ тягость покажуся, пусть убьютъ!
 Мнѣ смерть желанна. Жизнь—вотъ смерть моя,
 И къ жизни нѣтъ совсѣмъ во мнѣ охоты!

ХОРЪ.

Гдѣ же Зевсовы громы,
 Гдѣ блистаніе Феба,
 Если боги безчувственны
 Ко всему, что творится?

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

Горе мнѣ, горе!

ХОРЪ.

Дитя, къ чему ты плачешь?

ЭЛЕКТРА.

Увы!

ХОРЪ.

Но не кричи такъ сильно, заклинаю!

ЭЛЕКТРА.

Ты хочешь гибели моей.

ХОРЪ.

Какъ такъ?

ЭЛЕКТРА.

Съ той поры, какъ въ Андѣ
 Мои милые скрылись,
 Ты томимую горемъ
 Оскорбишь лишъ обманчивой
 И пустою надеждой.

ХОРЪ.

А царь Амфіарай?
 Погибъ онъ также въ золотыхъ сѣтяхъ
 Жены своей.

ЭЛЕКТРА.

Увы мнѣ!

ХОРЪ.

Онъ полновластный властелинъ теперь.

ЭЛЕКТРА.

Горе!

ХОРЪ.

Конечно, горе. Вѣдь преступница...

ЭЛЕКТРА.

Была наказана.

ХОРЪ.

Да!

ЭЛЕКТРА.

Знаю, знаю... за него явился
Грозный мститель: я же одинока, —
Кто и былъ, отторгнуть отъ меня.

ХОРЪ.

Несчастная! въ бѣду себя ввергаешь!

ЭЛЕКТРА.

Да, жизнью, исполненной напастей
Безчисленныхъ и страшныхъ. Это знаю
Я хорошо!

ХОРЪ.

Понятны намъ твои мученья.

ЭЛЕКТРА.

О, перестаньте утѣшать:
Нельзя вѣдь утѣшать, когда.....

ХОРЪ.

Что говоришь?

ЭЛЕКТРА.

Когда надежды нѣтъ
На помощь кровныхъ и друзей!

ХОРЪ.

Смерти законъ
Равенъ для всѣхъ.

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

Въ возжахъ то запутаться
И погибнуть въ бѣгу
На аренѣ?

ХОРЪ.

Несчастіе слѣпо.

ЭЛЕКТРА.

Какъ же нѣтъ? Далеко отъ меня,
На чужбинѣ печальной..

ХОРЪ.

Увы!

ЭЛЕКТРА.

Не оплаканный нами,
Не пріавшій могилы онъ умеръ!

Явленіе VII.

ЭЛЕКТРА, ХРИЗОТЕМИДА и ХОРЪ.

ХРИЗОТЕМИДА.

Отъ радости приличье я забыла!
Я, милая, бѣгу къ тебѣ, неся
Такую вѣсть отрадную, въ которой
Всѣхъ горестей, всѣхъ мукъ твоихъ конецъ!

ЭЛЕКТРА.

Откуда жъ ты добыла это средство
Противъ неизлѣчимаго несчастья?

ХРИЗОТЕМИДА.

Орестъ вѣдь здѣсь, у насъ, — и это вѣрно,
Какъ то, что я стою передъ тобой!

ЭЛЕКТРА.

Ты иль умомъ, несчастная, рехнулась,
Иль насмѣхаешься надъ нашимъ горемъ!

ХРИЗОТЕМИДА.

Не такъ я легкомысленна, — клянусь
Отцовскимъ очагомъ тебѣ, но только
Онъ здѣсь, я утверждаю.

ЭЛЕКТРА.

Отъ кого же
Ты слышала, что малодушно вѣришь?

ХРИЗОТЕМИДА.

Не слуху я повѣрила: сама я
Увидѣла рѣчительство тому.

ЭЛЕКТРА.

Какое-же, несчастная? Чтò пламень
Безумія въ твоихъ очахъ зажгло?

ХРИЗОТЕМИДА.

О, ради Бога, выслушай сначала,
А тамъ рѣшай, въ умѣ или безъ ума я.

ЭЛЕКТРА.

Разказывай, когда тебѣ пріятно.

ХРИЗОТЕМИДА.

Я разкажу тебѣ все, чтò видала.
Вотъ я пришла къ могилѣ старой, гдѣ
Лежить отецъ, и вижу — молоко тамъ,
Пролитое недавно, и цвѣты,
На ней кругомъ разсыпанные: много
Цвѣтовъ, какіе только есть на свѣтѣ.
Мнѣ въ диво это стало. Озираюсь,
Нейдетъ ли кто; когда же убѣдилась,
Что никого нѣтъ, то къ могилѣ ближе
Я подошла.... И чтò же? Тамъ въ глаза
Мнѣ бросился, на самомъ-то краю,
Отрѣзанный, какъ видно, лобонь.
И въ мигъ, лишь я увидѣла его,

Въ душѣ возсталъ знакомый, милый образъ,
 Блеснула мысль, что это вѣдь—Орестъ,
 И молча я взяла съ могилы локонъ
 И съ радости заплакала слезами
 Обильными. Да и теперь равно я
 Увѣрена, что это локонъ брата.
 Иначе, кто бъ оставилъ память?
 Ни я, ни ты. Тебѣ и отлучаться
 Нельзя изъ дома, даже и для жертвы
 Богамъ безсмертнымъ. Мать? Но не согласно
 Съ ней это,—да она бъ и не скрывалась.
 Итакъ, конечно, это даръ Ореста.
 Мужайся жъ, милая! Вѣдь не всегда же
 Къ однимъ и тѣмъ же богъ благоволить.
 Онъ долго насъ преслѣдовалъ,—сегодня жъ
 Положено для насъ начало благъ.

ЭЛЕКТРА.

Безумная, ты жалости достойна!

ХРИЗОТЕМИДА.

Что это значить? Развѣ ты не рада?

ЭЛЕКТРА.

Да ты сама себя не помнишь!

ХРИЗОТЕМИДА.

Какъ же?

Вѣдь я своими видѣла глазами!

ЭЛЕКТРА.

Но онъ погибъ, несчастная, онъ умеръ!
 Не полагайся больше на него!

ХРИЗОТЕМИДА.

Ахъ, я несчастная! Но отъ кого же
 Ты знаешь?

ЭЛЕКТРА.

Отъ того, кто былъ при этомъ
Свидѣтелемъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

Я изумляюсь. Гдѣ жъ онъ?

ЭЛЕКТРА.

Онъ во дворцѣ, гость, матери пріятный.

ХРИЗОТЕМИДА.

О, горе, горе мнѣ. Но кто бы могъ
Принести дары на отчую могилу?

ЭЛЕКТРА.

Я думаю, что кто-нибудь знакомый
На память объ Орестѣ ихъ принесъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

О бѣдный, бѣдный! Я жъ къ тебѣ бѣгомъ
Съ веселымъ, легкимъ сердцемъ поспѣшила,
Не зная горькой правды, а пришла
И нахожу лишь новую бѣду!

ЭЛЕКТРА.

Все такъ, но ты, послушавшись меня,
Съ насъ сложишь бремя нынѣшняго горя.

ХРИЗОТЕМИДА.

Не воскресить ли мертваго прикажешь?

ЭЛЕКТРА.

Я не на столько потеряла умъ свой.

ХРИЗОТЕМИДА.

Но въ чемъ же я помочь тебѣ могу?

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

Рѣшишь пойдти указанной дорогой.

ХРИЗОТЕМИДА.

Согласна, будь хоть капля пользы въ этомъ.

ЭЛЕКТРА.

Но вспомни: все не безъ труда дается.

ХРИЗОТЕМИДА.

Я знаю; помогу тебѣ по силамъ.

ЭЛЕКТРА.

Такъ слушай же, на что рѣшилась я.
 Ты знаешь, мы безпомощны, друзей
 Нѣтъ никого: Андѣ ихъ всѣхъ похитилъ,
 И мы однѣ. Пока былъ братъ въ живыхъ,
 Во мнѣ двѣли счастливыя надежды
 И мстителя я видѣть въ немъ могла.
 Теперь, когда съ лица земли исчезъ онъ,
 Я на тебязираю съ упованьемъ,
 Что ты своей сестрѣ протянешь руку
 И мести долгъ исполнимъ мы вдвоемъ,
 Убивъ Эгиста. Тайны между нами
 Быть не должно. Нельзя жить беззаботно
 Надеждами пустыми. Вѣдь на горе
 И скорбь осуждена ты и, наслѣдья
 Отцовскаго лишенная, въ безбрачьи
 Ты доживешь до старости унылой.
 Да, да! не смѣй о милости и думать!
 На столько-то не глушь Эгистъ, чтобъ родъ нашъ
 Поддерживать себѣ на гибель явно!
 Но если ты совѣтъ мой добрый примешь,
 То на тебѣ печать благословенья
 Покойника пребудетъ во всю жизнь.
 Рожденная свободною, свободу
 Получишь ты, и быть тобою избраннымъ
 Какъ дестно будетъ всякому тогда!

Иль ты не видишь, что тебѣ я славный,
 Блестящій путь указываю? Или
 Не знаешь ты, что и въ далекихъ земляхъ
 Пойдетъ о насъ молва,—и скажутъ всѣ:
 „Вотъ двѣ сестры, чтѣ, жизнью рискуя,
 Спасли свой родъ отъ смерти и позора
 И низложили сильнаго врага,
 Надменно ликовавшаго. Стяжали
 Онѣ себѣ любви и чести дань!
 На празднествахъ ли шумныхъ, иль въ народныхъ
 Собраніяхъ—имъ мѣсто, имъ почетъ!“
 И такъ молва о насъ пойдетъ повсюду,
 И подвигъ нашъ вѣка переживетъ!
 Сестра, сестра! дай руку, не робѣя,
 Будь въ доблестномъ рѣшеніи тверда,
 Спасенья путь намъ проложи скорѣе
 И смой клеймо неволи и стыда!

Хоръ.

Въ подобномъ дѣлѣ обѣ вы должны
 Призвать благоразуміе на помощь.

Хризотемида.

Нѣтъ, дѣвы, ей бы прежде, чѣмъ сказать,
 Необходимо было поразмыслить.
 Вооружась отвагою такой
 И помощи желая отъ меня,
 На чтѣ ты уповаешь? Иль не видишь?
 Ты женщина, а не мужчина. Руки
 Твои слабѣ рукъ враговъ, къ которымъ
 Сама судьба благоволитъ, скрывая
 Лицо свое отъ насъ, смѣясь надъ нами.
 И кто жъ, такую знатную особу
 Задумавъ погубить, избѣгъ бы кары?
 Да еслибъ кто нибудь подслушалъ насъ,—
 И за слова попало бъ намъ. Чтѣ въ славѣ
 Вслѣдъ за безславной смертію? Но смерть
 Не худшее: есть кое-что и хуже —
 Желать, не находя ея. Но я

Молю тебя, не гнѣвайся, покуда
 Не окончательно погибли мы,
 Со всѣмъ и родомъ нашимъ. Разговоръ нашъ
 Хранить я буду въ тайнѣ. Но не стану
 Я ничего предпринимать. Пойми же,
 Что, будучи бессильною, должна ты
 Повиноваться силѣ!

Хоръ.

Учись у ней. Полезнѣе нѣтъ блага,
 Какъ зоркій даръ предвѣдѣнья и умъ.

ЭЛЕКТРА.

Ты ничего такого не сказала,
 Чего бы не ждала я отъ тебя,
 Но я не даромъ планъ свой замышляла, —
 Его одна беру я на себя!

ХРИЗОТЕМИДА.

Ты такъ давно бы поступила, еслибъ
 Была такого мнѣнія и прежде.

ЭЛЕКТРА.

Въ моей груди такое жъ билось сердце,
 Да умъ не тотъ былъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

Постарайся впредь
 Свой прежній умъ хранить, не измѣняя.

ЭЛЕКТРА.

Ты въ сторонѣ быть хочешь, оттого
 Совѣтуешь.

ХРИЗОТЕМИДА.

Конецъ.

Дурному и дурной

ЭЛЕКТРА.

Дивлюсь на умъ твой, но за трусость
Я ненавижу.

ХРИЗОТЕМИДА.

Говори, что хочешь,
Брани, хвали.

ЭЛЕКТРА.

Ну, это — никогда!

ХРИЗОТЕМИДА.

Чтобъ разсудить насъ, времени довольно
Въ грядущемъ.

ЭЛЕКТРА.

Удалися! Отъ тебя
Мнѣ проку нѣтъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

Есть, ты постичь не можешь.

ЭЛЕКТРА.

Пооди, и матери всё разболтай!

ХРИЗОТЕМИДА.

Я не горю къ тебѣ такой враждою.

ЭЛЕКТРА.

Пойми, какому ты безчестью учишь!

ХРИЗОТЕМИДА.

Нѣтъ,—осторожности, а не безчестью.

ЭЛЕКТРА.

Чего же ради слушать мнѣ тебя?

ХРИЗОТЕМИДА.

Будь ты умна, — и ты руководила бѣ.

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

О, какъ противна ложь въ красивой рѣчи!

ХРИЗОТЕМИДА.

Ты свой порокъ подмѣтила какъ разъ!

ЭЛЕКТРА.

Ужели я кажусь тебѣ неправой?

ХРИЗОТЕМИДА.

Но иногда и правда вредъ приносить.

ЭЛЕКТРА.

Подобныхъ правилъ не хочу держаться.

ХРИЗОТЕМИДА.

Попробуй, — и ты сважешь мнѣ спасибо.

ЭЛЕКТРА.

Попробую — задуманное мною . . .

ХРИЗОТЕМИДА.

Ты окончательно такъ порѣшила?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ ненавистиѣ совѣта злого.

ХРИЗОТЕМИДА.

Я уйду. Ни ты съ моимъ совѣтомъ,
Ни я съ тобой не можемъ согласиться.

ЭЛЕКТРА.

Иди своимъ путемъ, и никогда
Я не попутчица тебѣ, какъ сильно
Ты ни хотѣла бѣ, — ибо безразсудно
Гоняться за несбыточной надеждой.

ХРИЗОТЕМИДА.

Но если поведение твое
Тебѣ разумнымъ кажется, — обдумай:
Попавъ въ бѣду, меня одобришь ты (уходить).

Хоръ.

Строфа 1-я.

Почему, смотря на птицъ
 Самыхъ умныхъ изъ живущихъ
 Въ небесахъ и замѣчая,
 Какъ заботятся онѣ,
 Доставляя пищу тѣмъ,
 Отъ кого онѣ всѣ блага
 Этой жизни получили,
 Мы не учимся у нихъ?
 О, клянуса молнией Зевса,
 И клянусь Всевышней правдой,
 Ужъ не долго ждать возмездья!
 Шумъ молвы людской, — достигни
 До Аида и Атридовъ,
 Долети съ печальной вѣстью.

Антистрофа 1-я.

И скажи имъ о несчастьи
 На семью упавшемъ эту,
 О враждѣ, въ неё внесенной,
 О раздорѣ двухъ сестеръ!
 Какъ Электра одиноко,
 Соловьемъ осиротѣлымъ
 Горько плачетъ и рыдаетъ,
 Но не смерть её страшить, —
 Нѣтъ, печальная, готова
 Съ этой жизнiю разстаться,
 Лишь бы мести долгъ священный
 Надъ злодѣями свершить.
 О, когда нибудь была ли
 Такъ отца достойна дочь?!

Строфа 2-я.

Литя, дитя, тотъ не захочетъ,
 Кто съ благородною душой,
 Позоромъ имя опорочить
 И откупиться предъ бѣдой.

Въ тоскѣ, въ слезахъ, стезею правой,
 Негодованіемъ горя,
 Идешь ты за двойною славой,
 Съ отвагой умъ соедини!

Антистрофа 2-я.

За то, что сердцемъ непреклоннымъ
 Во дни унынья и скорбей
 Не измѣнила ты законамъ
 Священнымъ самымъ для людей,
 Благоговѣя предъ богами, —
 Да вознесетъ тебя судьба
 Столь же высоко надъ врагами,
 Сколь ты ихъ ниже, какъ раба!

Явленіе VIII.

Тѣ-же, Орестъ и Пиладъ.

Орестъ.

Туда ли, дѣвы, мы идемъ? Намъ было
 Указано сюда.

Хоръ.

Кого ты ищешь?

Орестъ.

Да я давно хочу найти Эгиста.

Хоръ.

Тебя не обманули. Здѣсь онъ, точно.

Орестъ.

А кто бы во дворецъ сходилъ съ докладомъ:
 Тамъ, знаю, нашего прихода ждутъ.

Хоръ.

Какъ родственницѣ, всѣхъ приличнѣй ей.

Орестъ.

Иди же, дѣва. Объяви: желаютъ
Эгиста видѣть нѣкіе фокейцы.

ЭЛЕКТРА.

Увы! мнѣ бѣдной! Ужъ не злой-ли вѣсти
Являетесь вы съ явнымъ подтвержденьемъ?

Орестъ.

Какой-такой? не знаю. Я пришелъ
Отъ Строфія, съ извѣстьемъ объ Орестѣ.

ЭЛЕКТРА (показывая на урну).

А это чтò такое, странникъ? какъ
Мнѣ страшно стало!

Орестъ.

Въ этой урнѣ малой
Покойника останки мы несемъ.

ЭЛЕКТРА.

Увы! ужъ не умомъ я вижу горе,
Оно глазамъ уже доступно стало!

Орестъ.

Да, если ты почтить слезою хочешь
Судьбу Ореста, знай: *ею* здѣсь тѣло.

ЭЛЕКТРА.

О, ради Бога, если только этотъ
Сосудъ *ею* содержитъ, дай мнѣ въ руки,
Чтобы я вмѣстѣ съ милымъ этимъ прахомъ
Могла себя и весь нашъ родъ оплакать!

Орестъ.

Подайте ей. Кто-бъ ни была она,
Но такъ просить не можетъ врагъ, а только
Иль близкій другъ, иль кровная родня.

ЭЛЕКТРА.

О, драгоценный памятникъ того,
 Кто больше всѣхъ живущихъ былъ любимъ мной,
 Единственное то, что мнѣ осталось
 Отъ жизни брата! Съ этой-ли надеждой
 Я послала, бѣдная, тебя?
 Ты—прахъ теперь, ты—пепель, что держу я
 Въ своихъ рукахъ,—а вѣдь, дитя мое,
 Ты живию цвѣло, когда отсюда
 Я на чужбину высала тебя!
 О, еслибы я прежде, чѣмъ похитить
 И въ край чужой послать тебя отъ смерти,
 Тебѣ грозившей, умерла сама,
 Чтобъ, смерть пріявъ отъ рукъ убійць, гробницу
 Ты раздѣлилъ съ отцомъ своимъ... Теперь же
 Ты, какъ бѣглець, въ землѣ чужой, далеко
 Отъ глазъ сестры, погибъ безславной смертью,—
 И не могла, несчастная, свершить я
 Послѣдній долгъ святаго омовенья,
 Не подняла я на своихъ рукахъ
 Холодный трупъ надъ пламенемъ костернымъ.
 Изъ чуждыхъ рукъ всё это ты пріялъ
 И предо мной предсталъ лишь пылью легкой
 Вотъ въ этой урнѣ малой!.. Горе мнѣ!
 Вотъ плодъ заботъ и нѣжныхъ попеченій!..
 А никогда вѣдь мать и не любила
 Тебя, какъ я. Меня одну имѣлъ
 Ты на устахъ. Со смертiю твоею
 Вдругъ въ день одинъ не стало ничего...
 Какъ бурный вихрь, промчался ты, съ собою
 Похитивъ всё... Отець, и ты, и я—
 Погибли всѣ... смѣется врагъ коварной,
 Ликуетъ мать бездушная... Бывало,
 Ты тайно обнадеживалъ меня,—
 Но демонъ злой разстроилъ все, приславъ мнѣ
 Не образъ твой, а прахъ и тѣнь пустую!

Горе мнѣ!

О, жалкій прахъ! увя!

О, какъ ужасно, милый мой,

Ты погубилъ меня!

Да, милый братъ, ты погубилъ меня!...

Прими-жь меня теперь по крайней мѣрѣ
 Въ свое жилище, о, прими меня,
 Для бытія умершую, къ себѣ,
 Въ ничтожество распавшемуся нынѣ!
 Своей судьбой дѣлились мы на свѣтѣ,
 Раздѣлимъ же съ тобою и могилу:
 Кто умеръ, тотъ ужъ болѣе не страждетъ!

Хоръ.

Орестъ былъ также смертенъ, какъ и ты,
 Какъ твой отецъ. Умѣръ порывъ страданья!

Орестъ.

Увы! съ чего начну? съ какого слова?
 Нѣтъ больше силы сдерживать языкъ!

ЭЛЕКТРА.

Какъ мнѣ понять смыслъ словъ твоихъ печальныхъ?

Орестъ.

Электра, твой-ли это милый образъ?

ЭЛЕКТРА.

Да, это мой,—въ несчастномъ самомъ видѣ!

Орестъ.

Жаль мнѣ твоей суровой, горькой доли!

ЭЛЕКТРА.

Ужель меня жалѣешь ты, пришелецъ?

Орестъ.

О, красота, что сдѣлали съ тобою!

ЭЛЕКТРА.

Вѣдь обо мнѣ, не о другой, ты тужишь?

Орестъ.

Жаль мнѣ твоей безбрачной, жалкой жизни!

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

При видѣ же чего ты такъ горюешь?

ОРЕСТЬ.

Какъ ничего изъ золъ моихъ не зналъ я!

ЭЛЕКТРА.

Но изъ какихъ же словъ моихъ узналъ?

ОРЕСТЬ.

Тебя подъ гнётомъ бѣдствія увидѣвъ!

ЭЛЕКТРА.

А ты еще вѣдь такъ не много видишь!

ОРЕСТЬ.

Ужаснѣйшее можетъ-ли и быть?

ЭЛЕКТРА.

Да, я живу съ убійцами...

ОРЕСТЬ.

Но чѣмъ-жь?

На что ты этимъ намекаешь мнѣ?

ЭЛЕКТРА.

Отца,—и я прислужница у нихъ.

ОРЕСТЬ.

Какой же смертный смѣлъ тебя принудить?

ЭЛЕКТРА.

Мать,—не похожая на мать нисколько!

ОРЕСТЬ.

Что-жь, грубой силой, сквернымъ обращенъемъ?

ЭЛЕКТРА.

И силою, и всяческимъ позоромъ.

ОРЕСТЬ.

И никого нѣтъ, кто бы защитилъ?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ. Былъ одинъ,—ты прахъ его принеси.

ОРЕСТЬ.

Несчастная! какъ я тебя жалѣю.

ЭЛЕКТРА.

И въ этомъ ты единственный изъ смертныхъ.

ОРЕСТЬ.

Одинъ лишь я страдаю тѣмъ же самымъ.

ЭЛЕКТРА.

Не какъ родня-ли ты ко мнѣ пришелъ?

ОРЕСТЬ.

Когда-бъ умѣстно было, я сказалъ бы.

ЭЛЕКТРА.

Умѣстно. Вѣрь мнѣ, я довѣрять стою.

ОРЕСТЬ.

Ты хочешь знать... Такъ брось же эту урну!

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ, отъ меня ты, странникъ, этого не требуй!

ОРЕСТЬ.

Послушайся,—не сдѣлаешь напрасно.

ЭЛЕКТРА.

Не отнимай, что мнѣ всего дороже!

ОРЕСТЬ.

Я говорю, что не позволю.

ЭЛЕКТРА.

Братъ мой!

И этого-то даже лишена я!

ЭЛЕКТРА.

ОРЕСТЬ.

Не жалуйся: ты не имѣешь права!

ЭЛЕКТРА.

Оплакивать-то брата?

ОРЕСТЬ.

Не пристало

Такъ говорить.

ЭЛЕКТРА.

Но развѣ ужъ на столько

Умершаго я не достойна?

ОРЕСТЬ.

Ты

Всего достойна, только эта урна

Не для тебя.

ЭЛЕКТРА.

Но въ ней вѣдь прахъ Ореста.

ОРЕСТЬ.

Въ ней нѣтъ его, тамъ только имя.

ЭЛЕКТРА.

Такъ гдѣ-жъ тогда несчастнаго могила?

ОРЕСТЬ.

Нигдѣ. Она живому не нужна.

ЭЛЕКТРА (бросая урну).

Что, милый мой?

ОРЕСТЬ.

Нѣтъ лжи въ моихъ словахъ.

ЭЛЕКТРА.

И онъ, онъ развѣ живъ?

ОРЕСТЬ.

Да, если живъ я.

ЭЛЕКТРА.

Такъ это ты?

ОРЕСТЬ.

Сейчасъ же убѣдишься,
Что я не лгу. Взгляни: отцовскій перстень.

ЭЛЕКТРА.

О, сладкій часъ!

ОРЕСТЬ.

Да, сладкій, подтверждаю!

ЭЛЕКТРА.

Тебя-ли слышу?

ОРЕСТЬ.

Пусть же обо мнѣ
Изъ устъ чужихъ ты впредь ужъ не услышишь.

ЭЛЕКТРА.

Тебя-ль держу въ объятяхъ?

ОРЕСТЬ.

Да. И пусть
Мы не разстанемся съ тобою больше.

ЭЛЕКТРА.

Согражданки, подруги дорогія!
Смотрите—вотъ Орестъ, что мнимо умеръ,
Чудеснымъ образомъ для насъ спасенный!

ХОРЪ.

Мы видимъ, дорогая. Слезы счастья
Текутъ изъ глазъ при радости такой.

ЭЛЕКТРА.

Сынъ вѣчно милаго!

ЭЛЕКТРА.

О, наконецъ-то ты
Нашелъ, увидѣлъ тѣхъ,
Въ кому стремился ты
Изъ края дальняго.

ОРЕСТЬ.

Да, да, я здѣсь, но сохрани молчанье!

ЭЛЕКТРА.

Зачѣмъ же?

ОРЕСТЬ.

Чтобъ изъ дворца насъ не подслушалъ кто.

ЭЛЕКТРА.

Я Артемидой дѣвственной
Тебѣ клянусь,
Что не достойно мнѣ
Боятся женщинамъ
Присущей слабости!

ОРЕСТЬ.

Подумай,—это знаешь на себѣ ты,—
Что вѣдь живеть и въ женскомъ сердцѣ Арестъ.

ЭЛЕКТРА.

О, горе, горе!
Ты о несчастѣ
Мнѣ вновь напомнилъ
Неизгладимомъ
И незабвенномъ!

ОРЕСТЬ.

Все знаю. Во время поговоримъ объ этомъ.

ЭЛЕКТРА.

Но съ этой минуты
Во всякое время
О немъ рѣчь умѣстна;
Вѣдь только отнынѣ
Свободенъ языкъ мой!

ОРЕСТЬ.

Согласенъ,—и побереги свободу.

ЭЛЕКТРА.

Что жъ дѣлать мнѣ?

ОРЕСТЬ.

Соображать слова
Со временемъ.

ЭЛЕКТРА.

Но кто бы могъ теперь
Уста въ молчаніи
Сомкнуть? Молчать,
Когда внезапно такъ,
Сверхъ ожиданія,
Ты здѣсь опять?!

ОРЕСТЬ.

Благодаря богамъ, меня ты видишь.

ЭЛЕКТРА.

О, вѣсть отрадная,
Отраднѣй прежняго!
Когда самъ богъ
Тебя послалъ сюда,
Вѣдь это счастья
Для насъ залогъ!

ОРЕСТЬ.

Я не рѣшаюсь сдерживать восторгъ твой,
Но я боюсь, что перешелъ онъ мѣру.

ЭЛЕКТРА.

О ты, сюда придя путемъ благословеннымъ,
Многострадальную
Меня увидя, не....

ОРЕСТЬ.

Чего не дѣлать мнѣ?

ЭЛЕКТРА.

ЭЛЕКТРА.

О, не лишай
Великой радости—тобою любоваться!

ОРЕСТЬ.

Да, будь я здѣсь свидѣтелемъ всего,—
Я гнѣва не сдержалъ бы.....

ЭЛЕКТРА.

Да?

ОРЕСТЬ.

Конечно.

ЭЛЕКТРА.

О, дорогія! этотъ голось,
Я думала, погибшій для меня,
Я слышу вновь... несчастная, свой гнѣвъ
Скрывала я... Теперь въ своихъ объятяхъ
Тебя я вновь держу. Цвѣтущимъ, полнымъ силъ
Я вижу вновь тебя!

ОРЕСТЬ.

Оставь слова излишнія. Не время
Судить о материнской злобѣ и о томъ,
Какъ здѣсь Эгистъ безпутно расточаетъ
Отцовскія богатства. Въ разговорахъ
Легко намъ пропустить удобный случай.
Скажи-ка лучше то, что мнѣ нужнѣе:
Гдѣ бь спрятаться и какъ однимъ ударомъ
Сразить своихъ ликующихъ враговъ?
Сама же осторожнѣй будь, чтобъ мать
И догадаться не могла по виду
Веселому, въ чемъ дѣло. Плачь, крушись
О вымышленномъ бѣдствіи, какъ прежде.
Не беспокойся—смѣхъ еще за нами!

ЭЛЕКТРА.

Все, что тебѣ пріятно, то и мнѣ.
Я полная раба твоихъ велѣній.

Всѣ радости, все счастье, которыми
 Упитъся я могла теперь,—онѣ
 Всѣ отъ тебя. И ни на каплю, ради
 Всѣхъ благъ земныхъ, тебя бы не посмѣла
 Я огорчить: вѣдь это было бѣ противъ
 И божества, явившаго къ намъ милость.
 Но остальное знаешь ты и самъ:
 Ты слышалъ вѣдь, что въ домѣ нѣтъ Эгиста,
 Тамъ только мать. Не бойся, не увидить
 Она меня смѣющейся, веселой!
 Къ ней ненависть съ годами накипѣла
 Въ моей груди, и слезы радости
 Отъ счастья неожиданнаго текутъ
 И будутъ течь. И какъ ихъ удержать,
 Когда въ одинъ и тотъ же день ты былъ
 И мертвымъ, и живымъ? Такъ странно это
 И такъ не постижимо, что явись
 Отецъ моимъ очамъ—и я повѣрю!
 И такъ какъ ты ко мнѣ путемъ чудеснымъ
 Пришелъ, во всемъ распоряжайся мною:
 Одна бы я не долго колебалась —
 Спасти себя, иль съ честью умереть!

Хоръ.

Молчите. Кто-то, кажется, идетъ.

Электра.

Войдите, странники, съ тѣмъ, отъ чего
 Никто не отвернется изъ домашнихъ
 И не обрадуется, получивъ.

Явленіе IX.

Тѣ-же и Педагогъ.

Педагогъ.

О, величайшіе глупцы, разсудка
 Лишенные! иль вовсе ужъ о жизни
 Заботиться вы перестали? Или
 У васъ ума на столько не хватило,

Чтобы понять, что вы не у огня,
 А въ самомъ-то огнѣ, средѣ бѣдъ великихъ?
 Не будь я у дверей на стражѣ,—въ домъ
 Давно бѣ до васъ проникли ваши планы.
 Но я сумѣлъ теперь предотвратить
 Несчастіе. Кончайте же бесѣду,
 Войдите внутрь. Необходимо кончить
 Скорѣе, а не мѣшкать.

ОРЕСТЬ.

А въ какомъ
 Тамъ положеніи для меня дѣла?

ПЕДАГОГЪ.

Въ отличномъ. Ты никѣмъ не будешь узнавъ.

ОРЕСТЬ.

Я умеръ, по твоимъ словамъ?

ПЕДАГОГЪ.

Ты въ ихъ
 Глазахъ одинъ изъ жителей Аида.

ОРЕСТЬ.

Обрадовались? Чтò же говорятъ?...

ПЕДАГОГЪ.

Узнаешь,—дай покончить съ дѣломъ. Имъ
 Теперь и хорошо, и очень скверно!

ЭЛЕКТРА.

Скажи мнѣ, братецъ, кто это такой?

ОРЕСТЬ.

Не узнаешь?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ, не могу припомнить.

ОРЕСТЬ.

А тотъ, кому ты въ дѣтствѣ отдала
 Меня...

ЭЛЕКТРА.

Кому?

ОРЕСТЬ.

На чьихъ еще рукахъ
Я изъ дому отправленъ былъ въ Фокиду.

ЭЛЕКТРА.

Тотъ самый, что, когда отца убили,
Одинъ остался вѣренъ намъ,—ужели?

ОРЕСТЬ.

Овъ, овъ... Но не задерживай рѣчами.

ЭЛЕКТРА.

О, свѣтикъ мой, единственный спаситель
Колѣна Агамемнона,—скажи,
Какъ ты пришелъ? Да, полно, ты-ли это,
Ты-ль, спасшій насъ? Счастливый путь! О, руки
Безцѣнныя!... Но какъ-же ты скрывался?
Зачѣмъ, неся мнѣ счастье, разилъ
Мнѣ прямо въ сердце?.. Миръ тебѣ, отецъ нашъ!
Въ тебѣ отца я вижу. Не успѣло
И дня пройти—какъ всѣмъ былъ для меня ты:
И злымъ врагомъ, и самымъ близкимъ смертнымъ!

ПЕДАГОГЪ.

Мнѣ кажется, довольно. Впереди,
Дней и ночей достаточно, Электра,
Чтобъ о быломъ потолковать. Теперь же,
Здѣсь предстоящія, напоминаю вамъ,
Что дѣйствовать уже пора. Царица
Совсѣмъ одна—ни одного мужчины
Нѣтъ въ домѣ. А, замедливъ, можемъ мы
Съ опасностью великою столкнуться.

ОРЕСТЬ.

Итакъ, Пиладъ, болтать пока довольно
Скорѣе во дворецъ мы вступимъ, помоляся
Богамъ домашнимъ, что въ преддверьи.

Электра.

Царь Аполлонъ! внемли имъ благосклонно,
 И съ ихъ мольбой прими молитву той,
 Боторая такъ много разъ стояла
 Передъ тобой съ простертыми руками
 И съ жертвами посильными. Молю,
 Склоненная смиренно, подрѣпи
 Нашъ замыселъ десницею своею
 И покажи передъ лицомъ людей,
 Какая кара суждена нечестью!

(Всѣ уходятъ въ покои).

Хоръ.

Строеа.

Смотрите, какъ идетъ Арей,
 Дыша кровавымъ мщеньемъ...
 Сейчасъ вступили
 Туда Эриннии,
 Злодѣйствъ каратели
 Незбѣжимые.
 Свершится скоро предвѣщанье
 Души моей.

Антистроа.

Вступилъ коварно мститель мертвыхъ
 Ужъ во дворецъ
 Своихъ отцовъ,
 Держа въ рукахъ влинокъ,
 Отточенный для мести.
 О, Майи сынъ, Гермесъ,
 Руководи имъ до конца и тьмой
 Коварный шагъ укрой.

Явленіе X.

Электра, Клитвинестра и хоръ.

ЭЛЕКТРА (входитъ изъ дверей).

Немного помолчите, дорогія!

ХОРЪ.

Что тамъ теперь?

ЭЛЕКТРА.

Они вблизи ея,
Могилу украшающей.

ХОРЪ.

А ТЫ

Зачѣмъ же вышла?

ЭЛЕКТРА.

Стерегу Эгиста,
Чтобъ не прошелъ онъ незамѣтно въ домъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ай, ай! Нѣтъ никого изъ близкихъ,
Въ дому убійцы все!

ЭЛЕКТРА.

Чей это крикъ тамъ? слышите, подружки?

ХОРЪ.

Мы слышимъ,—но не слышать-бы во-вѣки!
Трепещемъ мы!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Эгистъ, Эгистъ, гдѣ ты?
О, горе мнѣ!

ЭЛЕКТРА.

Вотъ вскрикнули опять!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Дитя, дитя! О, сжался, пощади
Родившую тебя!

ЭЛЕКТРА.

А ты? щадила?

ЭЛЕКТРА.

ХОРЪ.

О, городъ, городъ! О, несчастный родъ!
 День нынѣшній несетъ тебѣ погибель!

КЛИТЕМВЕСТРА.

Увы! я ранена...

ЭЛЕКТРА.

Еще, коль можешь!

КЛИТЕМВЕСТРА.

Увы! опять!

ЭЛЕКТРА.

Эгиста бы съ тобой!

ХОРЪ.

И вотъ свершаются проклятья. Живы
 Тѣ, что сошли въ подземный мракъ Аида;
 Съ убійцами умершіе ведутъ
 Расчетъ кровавый. Жертвою Ареса
 Обагрены ихъ руки. Ни упрека,
 Ни порицанья нѣтъ въ моихъ устахъ.

Явленіе XI.

ЭЛЕКТРА, ОРЕСТЬ И ХОРЪ.

ЭЛЕКТРА.

Ну, что, Орестъ?

ОРЕСТЬ.

О, если Аполлонъ
 Предрекъ благое,— всё пока отлично.

ЭЛЕКТРА.

Несчастная убита?

ОРЕСТЬ.

Не страшись:
 Она тебя безчестить ужъ не будетъ!

ЭЛЕКТРА.

— — — — —
 — — — — —

ОРЕСТЬ.

ХОРЪ.

Тс! къ намъ Эгистъ идетъ, и вижу.

ЭЛЕКТРА.

Друзья, намъ не уйдти ли?

ОРЕСТЬ.

Гдѣ его

Вы видите?

ЭЛЕКТРА.

Веселый, изъ предмѣстья

Онъ направляется.

ХОРЪ.

Спѣшите же подѣ портикѣ,

Чтобы и здѣсь не упустить удачи.

ОРЕСТЬ.

Не безпокойся, не упустимъ.

ЭЛЕКТРА.

Но

Ступай скорѣй!

ОРЕСТЬ.

Я уйду.

ЭЛЕКТРА.

А мы

О прочемъ позаботимся.

ХОРЪ.

Полезно бѣ

Его немножко одурачить, чтобы
Онъ неожиданно попалъ въ ловушку,
Гдѣ съ Правдой бой готовится ему.

ЭЛЕКТРА.

Явленіе XII.

ЭЛЕКТРА и ЭГИСТЬ.

ЭГИСТЬ.

Кто знаетъ здѣсь, гдѣ гости изъ Фокиды,
 Пришедшіе къ намъ объявить о смерти
 Ореста средь ристалища? Ну, что же? (Къ Электрѣ)
 Къ тебѣ, къ тебѣ я обращаюсь, дерзкой,
 Какъ и всегда: ты лучше всѣхъ должна бы
 Знать, что тебя касается всѣхъ больше.

ЭЛЕКТРА.

Еще бъ не знать! Иначе я была бы
 Безчувственной къ тому, чѣмъ я дышу.

ЭГИСТЬ.

Ну, такъ скажи мнѣ, гдѣ же эти гости?

ЭЛЕКТРА.

Внутри дворца, довольные приемомъ.

ЭГИСТЬ.

И правду сообщали, что онъ умеръ?

ЭЛЕКТРА.

И даже показали мнѣ его.

ЭГИСТЬ.

Такъ я и самъ могу увидѣть?

ЭЛЕКТРА.

Можешь.

То зрѣлище—печальное...

ЭГИСТЬ.

Ты сверхъ

Обыкновенья радуешь меня.

ЭЛЕКТРА.

Пусть, если это доставляетъ радость.

Эгистъ.

Прошу молчать. Открыть для всѣхъ микенцевъ,
Аргосцевъ также, двери. Пусть всѣ видятъ
Недвижный трупъ его,—и тѣ, что прежде
Надменную надежду въ немъ имѣли,
Пускай смирать напрасную гордыню
И покорятся передъ страхомъ кары.

ЭЛЕКТРА.

Всё, что могу, то сдѣлаю я: силѣ
Я научилася повиноваться.

Явленіе XIII.

Тъ-же, Орестъ и хоръ.

Эгистъ (передъ трупомъ).

О, Зевсы! я вижу, и нельзя сказать,
Чтобъ сладкихъ чувствъ, хоть можетъ быть и грѣшныхъ,
Я не испытывалъ. Но я не выдамъ
Ихъ на показъ... Снимите покрывало
Съ лица его, чтобъ я оплакать могъ!

Орестъ.

Ты самъ сними. Тебя гораздо ближе
Касается вѣдь это, чѣмъ меня.

Эгистъ.

Ты правъ. Но пусть придетъ и Клитемнестра.

Орестъ.

Не надо, вотъ она—передъ тобой.

Эгистъ (сдергивая покровы).

Ахъ, что я вижу!

Орестъ.

Что же, не узналъ ты?

Эгистъ.

Въ чьи сѣти я попалъ, несчастный!

ЭЛЕКТРА.

ОРЕСТЬ.

Или

Не видишь ты, что говоришь давно
Съ живыми, какъ съ умершими?

ЭГИСТЬ.

Увы!

Всё понялъ я. Такъ обращаться можеть
Ко мнѣ одинъ Орестъ.

ОРЕСТЬ.

Пророкъ отличный,

Ты долго заблуждался!

ЭГИСТЬ.

Я погибъ,

Погибъ, несчастный! Дай же хоть два слова
Сказать...

ЭЛЕКТРА.

О, ради бога самого,

Не позволяй ему, мой милый братъ!
Къ чему отсрочка? Всё равно, онъ къ смерти
Приговоренъ. Убей его скорѣе
И унеси подальше съ глазъ моихъ.
Пусть поживятся вороны добычей,
Достойной ихъ. А смерть его мнѣ будетъ
Возмездіемъ за всё, что претерпѣла.

ОРЕСТЬ (Эгисту).

Такъ не угодно-ль поскорѣй идти?
Вѣдь мы не на словесномъ состязаньи, —
Вопросъ идетъ о жизни...

ЭГИСТЬ.

Для чего же

Ты гонишь въ домъ, а не убьешь вотъ тутъ?
Иль дѣло чистое боится свѣта?

— Орестъ.

Ты не приказывай. Ступай туда
И тамъ умри, гдѣ былъ убитъ отецъ мой.

Эгистъ.

Ужель всѣхъ бѣдствій рода Пелопидовъ
Свидѣтелемъ дворецъ несчастный будетъ?

Орестъ.

Твоихъ? о да! я предсказатель вѣрный.

Эгистъ.

Ты не отцовскимъ хвалишься искусствомъ.

Орестъ.

Ты медлишь съ возраженьями. Ступай!

Эгистъ.

Иди впередъ.

Орестъ.

Ты впереди иди.

Эгистъ.

Чтобъ убѣжать не могъ я?

Орестъ.

Не затѣмъ,

А чтобы самъ себя не умертвилъ ты:
Я долженъ сдѣлать горькой смерть твою.
[Да, смертію казнить необходимо
Всѣхъ нарушителей закона, ибо
Тогда не будетъ столько преступленій!]

Хоръ.

Много терпѣвшій потомокъ Атрея,
Трудной стезею ты шелъ, и теперь лишь—
Путь предъ тобою свободный!

И. Занновъ.

ЗАМѢТКА О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ АВАТА ВЪ ЕПИДАВРІЙСКОЙ СВЯТЫНѢ АСКЛИПІЯ.

Въ статьѣ „Раскопки Эпидаврійскаго святилища Аскліпія“, помѣщенной въ іюньской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ (Отдѣлъ классической филологіи, стр. 81 сл.), Н. А. Александровскій, говоря объ открытомъ при послѣднихъ раскопкахъ въ Эпидаврѣ портикѣ, высказалъ мнѣніе, что этотъ портикъ (или стоя) и былъ аватомъ (ἄβατον), иначе, мѣстомъ, гдѣ больные совершали инкубацію (стр. 85 и 92 сл.). Мнѣніе Н. А. Александровскаго въ общемъ сходно съ мнѣніемъ греческаго ученаго П. Каввадія, которому принадлежитъ честь открытія портика; въ частности, разница между мнѣніями обоихъ ученыхъ заключается въ томъ, что Каввадія полагалъ, что аватомъ должно считать верхній этажъ западной стои, г. Александровскій же думаетъ, что больные совершали инкубацію въ нижнемъ этажѣ западной стои (стр. 93).

Мнѣніе Каввадія и Н. А. Александровскаго, кажется мнѣ, допускаетъ нѣкоторыя возраженія.

Обратимся сначала къ тѣмъ доводамъ, которые греческій ученый выставляетъ въ защиту своего положенія, что аватъ помѣщался именно въ стоѣ ¹⁾.

1) Стоя Эпидаврійская по своему устройству походитъ на стоеу, открытую въ аѳинскомъ священномъ округѣ Аскліпія, которая, будто бы, и служила мѣстомъ для совершенія инкубаціи. При этомъ Каввадія ссылается на слова Кёлера ²⁾. Привожу эти слова: „Die

---

¹⁾ Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις Ἀρχαιολογικῆς Ἐταιρίας. 1884, стр. 60.

²⁾ *Mitth. des deutschen arch. Inst. in Athen.* II, стр. 253.

Halle war nach der innern Einrichtung zu schliessen zur Bequemlichkeit der Kranken und anderer Verehrer des Gottes gebaut; später scheint sie auch dazu benutzt worden zu sein Anathemata darin unterzubringen¹⁾. Изъ приведенныхъ словъ не видно, чтобы Кёлеръ желалъ утверждать, что въ аеинской стоѣ совершаема была инкубація;

2) У восточной стои найдены были извѣстныя надписи объ исцѣленіяхъ Аскліпія. Но это еще, кажется, не можетъ служить непремѣннымъ доказательствомъ, что именно въ стоѣ и совершалась инкубація; въ самому процессу послѣдней надписи съ исцѣленіями не могли имѣть никакого отношенія;

и 3) Къ юго-востоку отъ стои найденъ колодезь, вода котораго, по мнѣнію Каввадіи, служила для употребленія при леченіи больныхъ, такъ какъ для повседневныхъ нуждъ употребляли воду изъ цистернъ, находившихся въ священномъ участкѣ. Къ сожалѣнію, на планѣ, приложенномъ въ Прахткіа и къ статьѣ Н. А. Александровскаго, не указано точнаго мѣстонахожденія этого колодца. Но, во всякомъ случаѣ, странно предполагать, что для леченія больныхъ употребляли колодезную воду, когда при оракулѣ находился источникъ (Павс. II, 27, 5).

Н. А. Александровскій, раздѣляя эти доводы Каввадіи, указываетъ еще на встрѣчающееся въ одной эпидаврійской надписи (Еφημ. 'Αρχ. 1883, σελ. 227, № 60, строка 10) выраженіе „περίπατος ἑρῆου“. „Кажется очевиднымъ“, замѣчаетъ онъ: „что подъ словами „верхній этажъ“ (τὸ ἑρῆου) можно разумѣть только верхній этажъ западнаго портика, такъ какъ въ святилищѣ не было другаго двухъ-этажнаго зданія“ (стр. 94). Соглашаясь съ этимъ, не могу не замѣтить, что это все-таки не доказываетъ еще, что стoa была какъ-разъ аватомъ, а наоборотъ, служитъ нѣкоторымъ опроверженіемъ доводовъ г. Александровскаго. Разъ мы допустимъ, вмѣстѣ съ г. Александровскимъ, что инкубація происходила въ стоѣ, мы этимъ самымъ припишемъ стоѣ нѣкотораго рода священное значеніе; самое названіе мѣста, гдѣ совершалась инкубація, — ἄβατον или ἄδοτον указываетъ уже на то, что это зданіе врядъ ли могло служить мѣстомъ прогулокъ больныхъ; намъ могутъ возразить, что инкубація совершалась

¹⁾ Относительно такого назначенія аеинской стои согласенъ и P. Girard „L'Asclepieion d'Athènes“ (Paris. 1882), стр. 5 слл.

не въ верхнемъ, а въ нижнемъ этажѣ, и что, слѣдовательно, лишь нижній этажъ могъ почитаться священнымъ; но, полагаемъ, высокое религиозное значеніе авата сообщало святость всему зданію, гдѣ онъ помѣщался, а не одному лишь нижнему этажу.

Такимъ образомъ всѣ доводы, разсмотрѣнные выше, кажутся не очень убѣдительными.

Но мы можемъ указать еще на слова Павсанія, приводимыя имъ въ той же главѣ, на которыя ни г. Александровскій, ни Каввадія не обратили надлежащаго вниманія, и которыя, кажется намъ, не позволяютъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ. Павсанія (II, 27, 6) замѣчаетъ: καί, ἤν γάρ στοά καλουμένη Κότιος, καταρροέντος δέ οἱ τοῦ ὀρόρου διέφθαρτο ἤδη πᾶσα ἄτε ὤμης τῆς πλίνθου ποιηθεῖσα, ἀνφροδίμησε καί ταύτην (Антонинъ). Что подъ этою „стоєю Котія“ надо разумѣть именно стоею, открытую при раскопкахъ, это, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Другой стои не найдено, да и рискованно предпологать, что въ сватынѣ было двѣ стои. Въ приведенныхъ словахъ Павсанія обращаетъ вниманіе прежде всего названіе стои—стоя Котія; названа ли она была такъ въ честь какого-либо изъ еракійскихъ царей, или по какому-либо иному поводу, рѣшить не берусь. Съ теченіемъ времени стоя пришла въ разрушеніе, и нужны были щедрость и благочестіе Антонина Кроткаго, чтобы ее поправить; а пока она стояла разрушенной, гдѣ же совершалась инкубація? Имѣющіяся у насъ данныя даютъ возможность полагать, что инкубационное врачеваніе практиковалось въ эпидаврійской сватынѣ безъ перерывовъ. Наконецъ, еслибы больные совершали инкубацію именно въ стоѣ, то Павсанія и сказалъ бы это прямо, а не говорилъ бы раньше (II, 27, 2): τοῦ ναοῦ δέ ἐστὶ πέραν ἑνθα οἱ ἰχέται τοῦ θεοῦ καθέδουσαν.

Этими словами Павсанія опредѣляетъ положеніе авата въ священной роцѣ Аскліпіа, и надо замѣтить, опредѣляетъ крайне не точно. Н. А. Александровскій замѣчаетъ, что „Павсанія могъ имѣть въ виду только нижній этажъ портика, который по своему устройству какъ нельзя лучше удовлетворяетъ назначенной цѣли“ (стр. 93). Въ сущности, выраженіе Павсанія „тоῦ ναοῦ πέραν“ даетъ возможность искать авата по направленію отъ каждой изъ четырехъ сторонъ храма. Но во всякомъ случаѣ, если авата находился въ западной стоѣ, выраженіе τοῦ ναοῦ πέραν вовсе не подходитъ къ опредѣленію его мѣстоположенія. Противъ храма лежитъ не западная стоя, а восточная; западная же, на сколько можно судить по плану, находилась противъ

Эола Поликлита. Но въ восточной стоѣ аватъ находится не могъ, по мнѣнію и Каввадія и Александровскаго.

Впрочемъ, и самъ Каввадія, когда писалъ свой отчетъ объ открытой имъ стоѣ, замѣтилъ, что окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ совершалась инкубація, можно будетъ постановить тогда, когда будетъ открыто и изслѣдовано другое зданіе, лежащее противъ храма Аскліпія съ юго-восточной стороны (обозначенное на планѣ буквою А) ¹⁾. Къ сожалѣнію, это большое четырехугольное зданіе открыто лишь на половину, и та совершенно не описана въ *Практикѣ*. Каввадія лишь замѣчаетъ, что по времени построенія оно можетъ быть отнесено къ нѣсколько болѣе ранней порѣ, чѣмъ храмъ Аскліпія, и по характеру постройки походить на жертвенникъ, открытый также у юго-восточной стороны храма ²⁾.

Мнѣ кажется, что это именно зданіе и служило аватомъ. Оно занимаетъ почти средину между храмомъ и жертвенникомъ, хотя не лежитъ параллельно храму Аскліпія. Если предположить, что, до построенія послѣдняго, главнымъ центромъ культа Аскліпія въ периволѣ считался жертвенникъ, то это зданіе А, находясь близъ него, представляло удобное мѣсто для совершенія инкубаціи; тѣмъ болѣе, что, если полагаться на слова Каввадія, оно и построено съ жертвенникомъ приблизительно въ одно время. Тогда яснѣе станетъ и выраженіе Павсанія *περαυ τοῦ ναοῦ*: послѣдній опредѣлялъ положеніе авата именно по отношенію ко входу во храмъ, который (входъ) находился съ восточной стороны.

Стоя же, какъ и въ аѳинскомъ оракулѣ Аскліпія, устроена была для удобства больныхъ: тамъ они могли прогуливаться во время непогоды, скрываться отъ жары и т. п.

Кстати я желалъ бы обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ въ статьѣ г. Александровскаго. вмѣстѣ съ Каввадіемъ онъ (стр. 98) полагаетъ, что строителемъ ротонды или эола въ священномъ участкѣ Аскліпія слѣдуетъ считать Поликлита Младшаго, жившаго въ первой половинѣ IV вѣка, а не знаменитаго Поликлита Старшаго, главу аргосской школы, современника Фидія. Каввадія свое предположеніе обосновываетъ, исходя, между прочимъ, изъ разсмотрѣнія характера значковъ (*γράμματα*), нацарапанныхъ на различныхъ камняхъ, при-

¹⁾ *Практикѣ* 1884, стр. 60, прим. 1.

²⁾ *Практикѣ* 1885, стр. 29 сл.

надлежащихъ еолу ¹⁾). Конечно, не видя этихъ γράμματα, трудно судить, правъ Каввадіа или нѣтъ. Но и помимо того, его мнѣніе врядъ ли состоятельно. Надо обратить вниманіе на тотъ восторженный отзывъ, который даетъ Павсанія о Поликлитѣ (II, 27, 5): ἀρμονίας δὲ ἢ κάλλους ἕνεκα ἀρχιτέκτων ποῖος ἐς ἄμιλλαν Πολυκλείτου γένοιτ' ἄν ἀξιόχρεως⁴. Врядъ ли такой отзывъ примѣнимъ къ Поликлиту Младшему, ничѣмъ особеннымъ себя въ искусствѣ не прославившему ²⁾). Далѣе Павсанія прямо говорить, что Поликлитъ, построившій театръ и еоль въ Эпидаврѣ,—одно и то же лице; между тѣмъ извѣстно несомнѣнно,—и это признаетъ самъ Каввадіа,—что театръ построенъ былъ Поликлитомъ Старшимъ.

С. Жебелевъ.

¹⁾ 'Еф. 'Арх. 1885, сел. 233 слл.; сначала, впрочемъ, Каввадіа находилъ возможнымъ относить еоль, по способу постройки, ко 2-й половинѣ V вѣка. Прогресса 1883, стр. 80.

²⁾ *Brunn*, *Gesch. der griech. Künstler*³ (1889) I, стр. 196 слл.

ЗАМѢТКИ О РАСКОПКАХЪ ВЪ ГРЕЦІИ ВЪ 1890 ГОДУ.

„Почва Греціи хранитъ еще много остатковъ древностей“, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. И. Новосадскій ¹⁾. Эти слова не потеряли своей силы до самаго послѣдняго времени, и ученые различныхъ національностей усердно заняты извлеченіемъ изъ нѣдръ земли цѣнныхъ сокровищъ древняго искусства и письма. Такъ, въ 1889 году нѣмецкій археологическій институтъ производилъ раскопки въ Аѳинахъ (возлѣ Діонисова театра), американская археологическая школа—въ віотійскихъ городахъ: Анеидонѣ, Оисвѣ и Платеяхъ, французская—на о. Дилѣ, въ Теспіяхъ и Аркадіи ²⁾.

Греки не только не уступаютъ иностранцамъ, но даже превосходятъ ихъ своей энергіей въ области археологическихъ разысканій. Въ 1885—1889 годахъ были произведены греческимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія раскопки на аѳинскомъ акрополѣ, обогатившія науку значительными вкладыми, хранящимися теперь въ музеяхъ акрополя ³⁾. Достаточно посѣтить эти музеи, чтобы оцѣнить всю научную важность сдѣланныхъ открытій. Нѣкоторыя произведенія искусства относятся къ столь отдаленной порѣ, какъ VII

---

¹⁾ *Записки Императ. русскаго арх. общества*, т. II, стр. 118—122.

²⁾ Какъ русскій, съ сожалѣніемъ замѣчаю отсутствіе русской археологической школы, о времени основанія которой мнѣ часто приходилось слышать разспросы грековъ.

³⁾ Теперь ихъ два: такъ-называемый „τὸ μικρὸ Μουσεῖον τῆς Ἀκροπόλεως“ (построенъ въ 1888 году) и „τὸ μέγα Μουσεῖον“, гдѣ хранятся наиболѣе важныя древности. См. *Πρόχειρος ὁδηγὸς διὰ τὸν ἐπισκεπτὴν τῆς Ἀκροπόλεως*, 1889 г., стр. 11.

вѣкъ до Р. Х. ¹⁾). Въ теченіе 1889 года ²⁾ раскопки производились греками въ двѣнадцать мѣстахъ (частью на средства археологическаго общества, частью на средства главной ефоріи и частныхъ лицъ). Не менѣе дѣятельно работаютъ ученые (какъ греки, такъ и иностранцы) въ текущемъ 1890 году: раскопки ведутся въ разныхъ мѣстахъ и еще далеко не закончены. Я намѣренъ коснуться сперва тѣхъ, которыя производятся греками и на мѣстѣ которыхъ мнѣ удалось быть. По предложенію главнаго ефора древностей, г. П. Каввадіи, еще въ 1889 году было рѣшено произвести систематическія раскопки въ Атикѣ, главнымъ образомъ на мѣстѣ многочисленныхъ въ ней кургановъ и владбищъ. 3-го іюля прошлаго года начались эти раскопки, въ мѣстностяхъ: „Велавидеза“, „Вурва“ и „Петреза“, давшія въ результатъ цѣнныя приобрѣтенія въ области древне-греческаго искусства и эпиграфики ³⁾. Раскопки въ Петрезѣ были закончены уже въ текущемъ году и послѣ нихъ въ апрѣлѣ были начаты на Мараѳонской равнинѣ ⁴⁾.

На этой равнинѣ, прославленной побѣдоносной битвой грековъ съ персами 17-го Метагитвіона 490 г. до Р. Х., возвышается приблизительно въ 1000 шагахъ отъ морскаго берега большой холмъ (называемый мѣстнымъ населеніемъ *σορός*) вправо отъ теперешней дороги въ м. Мараѳонъ (*Μαραθῶνας*). Высота его равняется приблизительно 12 метрамъ, радіусъ—20 м. ⁵⁾. Какъ всѣ холмы Атики, онъ имѣетъ кеглевидную форму.

Уже давно этотъ холмъ ⁶⁾ привлекалъ вниманіе археологовъ. Най-

¹⁾ Напримѣръ, чудовище о трехъ глѣзахъ, по имени котораго названа цѣлая зала музея—*αἰθουσα τρισφάτου τέρατος*. Полагаютъ, что это изображеніе Титона. См. „Sculptures du Musée de l'Acropole“, 1890. Эти произведенія древняго искусства сдѣлала музей акрополя, по выраженію Каввадіи, „μοναδικὸν ἀληθῶς ἐν τῷ κόσμῳ, ἐκπλήξιν προβαίνον τῷ ἐπισκεπτομένῳ αὐτό“. См. *Δελτίον ἀρχαιολογικόν* за 1890 г. стр. 4.

²⁾ См. „*Δελτίον ἀρχαιολογικόν*“ 1889 года.

³⁾ См. *Δελτ. ἀρχαιολ.* 1889, σ. 122, 153, 169, αλ.

⁴⁾ О нихъ въ газ. „*Ἀχρόπολις*“ отъ 21-го мая было помѣщено первое краткое сообщеніе, изобилующее промахами; второе, болѣе подробное, но тоже не безъ ошибокъ, было напечатано въ той же газетѣ подъ заглавіемъ „*Οἱ Μαραθῶνας οὐκ εὐρίθισαν*“ 5-го іюня.

⁵⁾ Описанія его высоты, окружности, формы см. у *Bursiana*, *Geographie v. Griechenland*, т. I, стр. 337 sq., *Лоллима*, „*Zur Topographie v. Marathon*“ въ *Mittheil. des deutsch. arch. Institutes*. 1876, стр. 79 и у другихъ.

⁶⁾ О немъ, кромѣ указанныхъ выше статей, см. *Curtius*'а въ *Archaeol. Zeitung*, 1853, № 60, стр. 154.

денные здѣсь въ началѣ этого столѣтія наконецники стрѣль дали ученымъ поводъ думать, что онъ относится ко временамъ историческимъ. Шесть лѣтъ тому назадъ г. Г. Шлиманъ произвелъ раскопку этого холма и выводы, къ которымъ пришелъ, напечаталъ въ „Zeitschrift für Ethologie“ 1884 г. подъ заглавіемъ „Das sogenannte „Grab der 192 Athener in Marathon“. Для читателей будетъ, вѣроятно, не безынтересно познакомиться съ содержаніемъ статьи этого неутомимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма быстро въ своихъ заключеніяхъ археолога.

Послѣ описанія вѣшняго вида холма онъ тотчасъ же заявляетъ, что этотъ холмъ имѣетъ большое сходство съ такъ называемыми могилами героевъ на равнинѣ излюбленной имъ Трои, и этимъ уже приготавливаетъ читателя къ своимъ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Затѣмъ, высказывая свой скептицизмъ относительно общепринятаго до его раскопокъ мнѣнія, будто въ холмѣ погребены мараѳонскіе борцы¹⁾, онъ старается доказать правильность своего сомнѣнія слѣдующими соображеніями: „erstens liegen aus den Classikern keine Nachrichten vor, dass hier den attischen Helden ein so gewaltiger Erdhügel errichtet wurde, zweitens gehören die von mir erforschten dreizehn Heldengräber der Troas einem gar viel höherem Alterthum an und konnte ich mir nicht denken, dass man noch in so späterer Zeit etwas ähnliches gemacht hätte“.

Иродотъ,—продолжаетъ развивать свои доказательства г. Шлиманъ,—ничего не говоритъ о погребеніи павшихъ на полѣ битвы аѳинянь; Фукидидъ (II, 34) и Павсанія (I, XXIX, 4) упоминаютъ объ исключеніи, сдѣланномъ для аѳинянь, павшихъ во время Мараѳонскаго сраженія; послѣдній (I, XXXII, 3) говоритъ и о могилѣ аѳинянь, платейцевъ и рабовъ. Но во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ ни одного слова о томъ, что могила аѳинянь больше или иначе устроена, чѣмъ двѣ другія.

Далѣе Шлиманъ высказываетъ свое удивленіе, какимъ образомъ могутъ нѣкоторые ученые признавать тожество могилы 192 аѳинянь съ Мараѳонскимъ холмомъ на основаніи теперешняго его названія „σῶρος“. Полемизируя съ Бурзіаномъ, почтенный археологъ утверждаетъ, что никогда „σῶρος“ у классиковъ не употребляется въ смыслѣ „могила“ и не встрѣчается съ подобнымъ значеніемъ ни въ одномъ

¹⁾ Срв. *Лоллингъ*, l. cit.: „Soros, der mit Recht für das Grab der Athener gehalten wird“.

словарѣ. Leake, по его мнѣнію, вѣрно переводитъ „σφρός“ — „луча“, но полагаетъ, что слова „σφρός“ и „σρός“ (гробъ) съ теченіемъ времени не стали различаться въ значеніи. Это разсужденіе археологъ заканчиваетъ словами: „Allerdings mag, wie Franz Passow's Lexikon zugiebt, „σφρός“ aus „σρός“ entstanden sein, jedoch liegt kein Zeugnis vor, dass „σρός“ je zur Bezeichnung eines Grabmals angewandt worden wäre“.

Первой искрой, зажегшей сомнѣнія Шлимана въ томъ, что холмъ—могила аѳинянтъ, было остріе стрѣлы изъ обсидіана, которое онъ нашелъ на холмѣ въ 1870 году ¹⁾. Это несчастное остріе навело археолога на мысль, что холмъ долженъ принадлежать доисторическому времени, такъ какъ ему никогда не приходилось встрѣчать среди издѣлій каменнаго періода столь грубо обработаннаго острія; нашелъ онъ здѣсь и обломокъ ножа изъ обсидіана, который только подтвердилъ его гипотезу, а изслѣдованіе 13 могилъ на равнинѣ Трон, признанныхъ доисторическими кенотафіями, привело его почти къ полной увѣренности въ справедливости сдѣланнаго предположенія.

Однако „въ интересахъ науки“ Шлиманъ сдѣлалъ раскопку холма, при которой присутствовали его жена и ефортъ Филій. Раскопка производилась въ двухъ мѣстахъ: отъ вершины въ вертикальномъ направленіи и съ восточной стороны холма. Съ послѣдней стороны Шлиманъ могъ дойти до глубины лишь одного метра ниже поверхности равнины, такъ какъ показалась вода; отъ вершины въ вертикальномъ направленіи онъ дошелъ до глубины 2-хъ метровъ. Результаты этихъ раскопокъ съ двухъ сторонъ были одинаковы: грунтъ состоялъ изъ песку и глины, и предметами, здѣсь найденными, были обломки весьма древнихъ глиняныхъ сосудовъ разнообразнаго типа. Всѣ эти глиняные сосуды, по словамъ Шлимана, имѣли такой архаическій видъ, что онъ не удивился бы, еслибы нашелъ ихъ въ Микинскихъ царскихъ могилахъ (одинъ изъ этихъ сосудовъ былъ отнесенъ археологомъ къ столь отдаленному времени, какъ IX в. до Р. Х.). Многочисленные обломки ножей изъ обсидіана, которыхъ Шлиманъ не находилъ даже въ Микинскихъ могилахъ, заставили его думать, что холмъ — болѣе древняго происхожденія, чѣмъ эти послѣднія, между тѣмъ какъ не было ни малѣйшихъ признаковъ, указывавшихъ на позднѣйшее время.

¹⁾ Острія стрѣлы изъ чернаго кремня находилъ здѣсь гораздо раньше ¹ ледей ученаго Leake.

Въ концѣ концовъ почтенный археологъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Meine Forschung hat also das Resultat ergeben, dass der künstliche Erdhügel von Marathon ein blosses Kenotaph ¹⁾ ist, welches höchst wahrscheinlich aus dem neunten Jahrh. v. Chr. stammt und muss daher jetzt Theorie, dasselbe mit dem Polyandron der 192 Athener zu identificiren, auf immer zu Boden fallen“.

Такъ думалъ Шлиманъ, и его мнѣніе приняли многіе изъ ученыхъ ²⁾. Не трудно догадаться, почему Шлиманъ пришелъ къ заключенію о столь древнемъ происхожденіи холма: 1) онъ былъ сбитъ съ толку сильнымъ сходствомъ Мараонскаго кургана съ доисторическими троянскими холмами, 2) требовалъ слишкомъ многого отъ извѣстія Павсаніа о могилѣ аеинянъ, 3) педантично трактовалъ вопросъ о самомъ названіи кургана „σφρός“, или „σορός“, и 4), что самое главное, сдѣлалъ раскопку слишкомъ поверхностною. Въ самомъ дѣлѣ, Шлиманъ удивляется, что Павсаніа не описываетъ точно внѣшняго вида могилы аеинянъ; но это значитъ предъявлять слишкомъ строгія требованія къ древнему писателю: троянскихъ могилъ онъ не изслѣдовалъ и его могло совсѣмъ не удивить то, что такъ удивило Шлимана, то-есть величина кургана. Что касается названія холма σφρός или σορός, то здѣсь важно вовсе не точное, первоначальное значеніе этихъ словъ, а народное преданіе, живущее до сихъ поръ въ Аттікѣ, преданіе, по которому въ Мараонскомъ холмѣ погребены аеиняне. Преданіе, конечно, окутывается часто пеленой фантастическихъ прикрасъ, но самая суть прошлой дѣйствительности хранится имъ весьма консервативно. Я пробовалъ спрашивать грековъ изъ простыхъ и при томъ неграмотныхъ, почему этотъ холмъ такъ называется. Они отвѣчали: „потому что тамъ — цѣлая „куча“ (σφρός) тѣлъ предковъ, погребенныхъ давнымъ давно“ ³⁾. Такъ какъ греческій языкъ для обозначенія „гроба“ имѣетъ слово „σορός“ ⁴⁾, отличающееся отъ слова

¹⁾ Шлиманъ не нашелъ въ холмѣ ни малѣйшихъ признаковъ присутствія человеческихъ скелетовъ или какихъ-либо слѣдовъ погребенія (ни угольевъ, ни пепла). Найденныя имъ (до полудюжины) маленькія косточки были признаны принадлежащими животнымъ.

²⁾ Ср. Panag. *Kastromenos*, Die Demen von Attika, 1886. „Deshalb (вслѣдствіе раскопокъ Шлимана), говоритъ г. Кастроменосъ, kann ich nicht glauben, dass dieses Grab eins der drei v. Pausanias erwähnten Gräber ist“. (p. 66).

³⁾ Нѣкоторые прибавляли, что это было тогда, когда Ксерксъ приходилъ воевать съ греками, перепутывая, очевидно, предшествующее съ послѣдующимъ.

⁴⁾ Встрѣчается уже у Омара, II. XIII, 91.

„σωρός“ лишь количествомъ звука о, то понятно, какъ легко могло возникнуть обозначеніе Мараѳонскаго холма именемъ „σορός“. Последнее слово, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шлиманъ, не употребляется въ значеніи „могила“, „могильный холмъ“, но дѣло въ томъ, что Мараѳонскій курганъ могъ не совсѣмъ точно называться на народномъ языкѣ „гробомъ“ просто потому, что тамъ нашли себѣ упокоеніе Мараѳонскіе борцы ¹⁾. Сходство Мараѳонскаго холма съ троянскими могилами, введшее Шлимана въ заблужденіе, показываетъ, какъ надо быть осторожнымъ въ подобнаго рода сужденіяхъ. Обманутый этимъ сходствомъ и сдѣлавшій поверхностную раскопку ученый археологъ призналъ павшимъ въ наукѣ то мнѣніе, которое при болѣе глубокой раскопкѣ черезъ шесть лѣтъ вполнѣ восторжествовало.

Благодаря предупредительной любезности г. Доллинга, завѣдующаго эпиграфическимъ музеемъ, теперь предо мной корректурные листки „Δελτίον ἀρχαιολογικόν“ за апрѣль и начало мая текущаго года, гдѣ изложены вкратцѣ результаты раскопокъ въ Мараѳонѣ, производимыхъ на средства министерства народнаго просвѣщенія подъ главнымъ руководствомъ г. Каввадіи и ближайшимъ наблюдениемъ ефора Стаиса.

Начались эти раскопки, какъ уже выше было замѣчено, въ апрѣлѣ этого года. Сперва было подвергнуто изслѣдованію находящееся къ сѣв.-востоку отъ „σωρός“ вблизи развалинъ часовенки четырехугольное строеніе ²⁾, т. наз. Πύργος. Г. Доллингъ такъ описываетъ это сооруженіе: „Er ist 5 Mtr. breit und 6 Mtr. lang, aus wohlbehauenen Quadern aus pentelischen Marmor.... Man hat ihn für das τρέκλον λίθου λευκοῦ bei Pausanias gehalten u. dafür gilt er den jetzigen Marathoniern, oder auch für das μνημα des Miltiades, eine eben so wahrscheinliche, aber auch eben so unsichere Annahme“ ³⁾.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что въ стихотворныхъ надгробныхъ надписяхъ слово „σωρός“ встречается довольно рѣдко. Такъ, изъ 737 epigrammata sepulcralia въ сборн. *Кайбеля* „Epigrammata graeca ex lapidibus collecta“ только 7 имѣютъ это слово (постоянно съ значеніемъ „гробъ“).

²⁾ Отъ него сохранилось одно лишь основаніе. Оно находится какъ разъ около двухъ необитаемыхъ строеній, къ одному изъ которыхъ примыкаетъ виноградникъ, окруженный оградой изъ безпорядочно наваленныхъ камней. Тщательно изслѣдовавъ ихъ, я нашелъ нѣсколько обломковъ статуи, попавшихъ сюда, очевидно, изъ какого-либо другаго мѣста.

³⁾ Mittheil. d. deutsch. arch. Institutes 1876, стр. 79.

Раскопки здѣсь обнаружили, что это четырехугольное основаніе построено изъ кирпича и извести, а мраморныя плиты, составляющія часть его, не входили въ составъ первоначальной постройки и взяты изъ другого мѣста. Отсюда стало ясно, что это — сооруженіе позднѣйшихъ римскихъ временъ и, слѣдовательно, трофей грековъ должно искать въ другомъ мѣстѣ равнины. Затѣмъ приступили къ раскопкамъ большаго холма (σός). Археологическое изслѣдованіе его Шлиманомъ, въ особенности послѣ блестящихъ результатовъ вышеупомянутыхъ раскопокъ въ Веланидесѣ, Вурвѣ и Петрезѣ, не могло считаться удовлетворительнымъ. Этотъ курганъ могъ и не принадлежать Мараеонскимъ борцамъ, однако могъ быть такимъ, какъ, напримѣръ, въ Веланидесѣ, Вурвѣ или Петрезѣ, слѣдовательно, не кенотафіемъ (κενοτάφιον), а настоящей могилой или кинотафіемъ (κοινотаφίον).

Начали копать ровъ, который долженъ былъ пересѣчь весь холмъ ¹⁾, но сперва безъ результата, почему, дойдя почти до центра холма, стали рыть съ противоположной южной стороны, обращенной къ морю.

Въ концѣ мая, по донесенію Стаиса, на глубинѣ 12 метровъ отъ вершины холма, найденъ былъ глиняный сосудъ, содержащій въ себѣ кости и прахъ покойника. Спустя нѣсколько времени былъ открытъ пластъ земли большой величины, состоящій изъ пепла, угольевъ, обожженныхъ и большею частью въ прахъ обратившихся костей и, наконецъ, сосудовъ, тамъ и сямъ разсыянныхъ по этому пласту. На основаніи этихъ ясныхъ слѣдовъ присутствія въ холмѣ сожженныхъ труповъ Стаисъ донесъ главной ефоріи, что „раскапываемый холмъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ Мараеонскимъ борцамъ“; но такъ какъ лишь сосуды можно было вынимать вполнѣ сохранившимися, а остальные составныя части пласта разрушались вмѣстѣ съ раскопкой, то онъ прекратилъ дальнѣйшее разслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы продолжать его въ присутствіи другихъ, для большей пользы дѣла, въ особенности при знатокѣ, который могъ бы опредѣлить точно и научно каждую изъ составныхъ частей пласта. Съ этой цѣлью былъ приглашенъ главною ефоріей профессоръ горнаго дѣла въ аѣнскомъ университетѣ г. Митсопуло. Въ присутствіи его, затѣмъ главнаго ефора Каввади, ефора Стаиса, завѣдующаго епиграфиче-

¹⁾ Я осматривалъ эту первую пробу. Она была сдѣлана съ сѣверной стороны холма, обращенной къ м. Μαρδώνιας. Здѣсь дошли до воды.

скимъ музеемъ Лоллинга и архитектора Каверо былъ изслѣдованъ весь открытый пластъ земли. Такъ какъ при этомъ изслѣдованіи подвергался рѣшенію весьма важный научный вопросъ, то было признано цѣлесообразнымъ составить офиціальнѣйшій протоколъ, въ которомъ были точно перечислены составныя части открытаго пласта земли ¹⁾. Вотъ что утверждаютъ подписавшіяся подъ протоколомъ вышеупомянутыя лица: слой земли, до котораго дошли путемъ раскопки (въ длину 26, въ ширину 6 метровъ), былъ покрытъ обломками слюдоваго сланца, испорченнаго сыростью, и морскимъ пескомъ. Непосредственно на этихъ обломкахъ и пескѣ лежалъ слой (толщиной отъ 2 до 10 сантиметровъ), состоящій изъ пепла и человѣческихъ костей, попорченныхъ и большею частью обратившихся въ прахъ отъ огня и сырости, изъ угольевъ, обратившихся большею частью въ пепель, и изъ сосудовъ. Должно замѣтить, что прахъ и уголья, въ особенности же кости и сосуды встрѣчались въ большемъ количествѣ въ центрѣ холма и въ меньшемъ по направленію къ периферіи.

Кромѣ того, былъ составленъ профессоромъ Митсопуло для главной ефоріи особый рефератъ подъ заглавіемъ „Ἐξέτασις τῶν ἐν τῇ ἀρχαίῳ τοῦ Μαραθῶνος τύμβῳ εὐρεθέντων ὀστέων“.

Суть его слѣдующая: у сѣверо-восточной подошвы Пентелика, состоящаго изъ мрамора и слюдоваго сланца, тянется образовавшаяся изъ наносной земли равнина Мараеонская, песчано-глинистая почва которой во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ болотиста отъ водъ, стекающихъ съ близъ лежащихъ горъ. На этой болотистой равнинѣ возвышается древній курганъ, сооруженный изъ красноватой глины. Въ древнѣйшую пору курганъ этотъ былъ несомнѣнно выше, но дожди съ теченіемъ времени размыли часть его. Раскопка обнаружила, что почва равнины со времени Мараеонской битвы за 2380 лѣтъ подверглась наносамъ на 2—3 метра, такъ какъ основаніе кургана найдено на такой глубинѣ подъ теперешней поверхностью равнины. Когда былъ снятъ послѣдній пластъ красной глины, то обнаружился слой золы, въ которомъ были обломки древеснаго угля, сосуды и кости, весьма попорченныя отъ сожиганія. Подъ этимъ слоемъ золы былъ найденъ морской песокъ и зеленоватая масса, содержащая много кусочковъ слюды. Присутствіе этого вещества доказываетъ, что на поверхность равнины былъ насыпанъ пластъ изъ кварцоваго песка и на него — другой изъ слюдоваго сланца. Послѣдній

¹⁾ Этотъ протоколъ составленъ 2-го іюня въ Мараеонѣ.

отъ производившагося на немъ сожиганія сталь хрупкимъ и, претерпѣвъ сильныя измѣненія отъ сырости, обратился въ песчаную массу съ присутствіемъ слюды. Равнымъ образомъ, существенному измѣненію (отъ подземныхъ водъ этой болотистой мѣстности) подверглись кости, зола, смѣшанная съ ними, и нѣкоторые сосуды изъ обожженной глины, обратившейся снова въ мягкую глину,

Хотя положеніе, въ которомъ были найдены кости, и самый ихъ видъ убѣждаютъ, что это останки человѣческихъ сожженныхъ скелетовъ, однако онѣ были подвергнуты тщательнымъ химическимъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ, изъ которыхъ обнаружилось, что это дѣйствительно кости и притомъ обожженные, до сихъ поръ хранящія въ себѣ достаточное количество фосфора и претерпѣвшія такія измѣненія, которыя должны быть признаны результатомъ ихъ сожженія ¹⁾.

Такимъ образомъ, раскопка, предпринятая греками, дала результаты далеко не такіе, къ какимъ раньше пришелъ г. Шлиманъ. Послѣдній, найдя въ холмѣ кости животныхъ, не нашелъ въ немъ ни человѣческихъ скелетовъ, ни признаковъ погребенія; раскопкой грековъ ясно доказано, что холмъ заключаетъ въ себѣ останки человѣческихъ сожженныхъ труповъ. Слѣдовательно, отнынѣ мнѣніе Шлимана, что „σολός“—доисторическій кенотафій, должно пасть: это не кенотафій ²⁾, а кинотафій и притомъ времени несомнѣнно историческаго.

Но кто погребенъ въ этой могилѣ?

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о могилахъ, здѣсь находившихся во II вѣкѣ по Р. Х., даетъ намъ Павсанія. „Τάφος δὲ ἐν τῷ πεδίῳ Ἀθηναίων ἐστίν, разказываетъ онъ, ἐπὶ δὲ αὐτῷ στήλαι τὰ ὀνόματα τῶν ἀποθανόντων κατὰ φυλάς ἐκάστων ἔχουσαι· καὶ ἕτερος Πλαταιεῦσι Βοιωτῶν καὶ δούλοις· ἐμαχέσαντο γάρ καὶ δούλοι τότε πρῶτον“. (I, 32, 3). Нѣсколько дальше писатель прибавляетъ: „Τοὺς δὲ Μήδους Ἀθηναῖοι μὲν θάψαι λέγουσι, ὡς πάντως ὄσιον ἀνθρώπου νεκρὸν γῆ κρύψαι,

¹⁾ Проф. Митсопуло въ своемъ рефератѣ помѣстилъ и подробное описаніе процессовъ, посредствомъ которыхъ были выведены эти два важныхъ заключенія.

²⁾ Въ „Λεξικὸν τῆς ἐλληνικῆς ἀρχαιολογίας ὑπὸ Ἀλ. Ρ. Γραχαβῆ“, который началъ издаваться лишь въ этомъ году и еще не оконченъ, высказывается довольно нелѣпый взглядъ на „σολός“, будто онъ — „τὸ κενοτάφιον τῶν εἰς τὴν μάχην παρόντων Ἀθηναίων“ (п. с. Μαραθῶν). Кто читалъ Фукидиду или Павсанія, тотъ не могъ такъ сказать.

τάφρον δὲ οὐδένα εὐραῖν ἠδονάμην· οὔτε γὰρ χῶμα οὔτε ἄλλο σημεῖον ἦν ἰδεῖν, ἐς ὄρυγμα δὲ φέροντες σφᾶς ὡς τύχουεν ἐσέβαλον.* (I, 32, 5).

Я нарочно привелъ подлинныя слова Павсанія, такъ какъ это мѣсто ученые понимаютъ не одинаково. Шлиманъ и Кастроменость полагаютъ, что Павсанія видѣлъ три могилы: 1) могилу афинянъ, 2) платейцевъ и 3) рабовъ; въ „Griechenland“ К. Бедекера (1888 года) на стр. 125 сказано, что Павсанія, кромѣ могилы афинянъ, не видалъ на равнинѣ „ни какой-либо насыпи, ни вообще слѣда могилы“, а на слѣдующей страницѣ читаемъ: „Ein zweiter Grabhügel, der indess jetzt spurlos verschwunden ist, deckte die gefallenen Platäer und die gleichfalls dieser Ehre gewürdigten Sklaven“. Очевидное противорѣчье.

Павсанія, какъ это ясно изъ приведенной цитаты, говоритъ не о трехъ могилахъ и не объ одной только, а о двухъ, платейцы же и афинскіе рабы были положены въ одну общую могилу. Таково самое простое объясненіе павсаніевыхъ словъ, котораго придерживается и Бурзіанъ въ „Geographie von Griechenland“ (т. I, 338). Павсанія говорили, что есть третья могила — персовъ, но найти ее на Мараѳонской равнинѣ онъ не могъ. Сейчасъ же послѣ этого онъ прибавляетъ: „οὔτε γὰρ κτλ.“, то-есть, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ могилъ, а не одной.

Кто же нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе въ „σορός“? Афиняне или платейцы и рабы? Первые были главными дѣятелями въ Мараѳонской битвѣ. Очевидно, своимъ согражданамъ, а не чужеземцамъ и рабамъ воздвигли афиняне столь огромный курганъ. Иродотъ (6, 117) передаетъ, что афинскихъ гражданъ пало въ битвѣ 192. Эти-то 192 афинянина и погребены были здѣсь.

Могила платейцевъ и рабовъ считается теперь исчезнувшей безслѣдно (см. Bursian, op. c.). Но какимъ образомъ могло это случиться? Я осмѣлюсь предложить слѣдующее объясненіе: могильный курганъ платейцевъ и рабовъ былъ, какъ это обыкновенно полагается, значительно ниже „τοῦ σοροῦ“. Допустивъ, что его высота равнялась приблизительно тремъ метрамъ, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что этотъ курганъ въ текущемъ столѣтіи сравнялся или почти сравнялся съ поверхностью равнины.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ реферата проф. Митсопуло видно, что вслѣдствіе наносовъ поверхность Мараѳонской равнины со времени битвы съ персами поднялась приблизительно на три метра. Слѣдовательно,

ЗАМѢТКИ О РАСКОПКАХЪ ВЪ ГРЕЦІИ ВЪ 1890 ГОДУ.

если высота кургана въ началѣ пятаго столѣтія равнялась тремъ метрамъ, то теперь онъ долженъ быть незамѣтенъ ¹⁾).

Послѣ того какъ было съ несомнѣнностью удостовѣрено, что раскапываемый курганъ — не что иное, какъ могила славныхъ Мараеонскихъ борцовъ, раскопки были пріостановлены влѣдствіе сильнаго жара и свирѣпствующихъ на болотистой Мараеонской равнинѣ лихорадокъ ²⁾).

Въ мастерской Центральнаго музея, гдѣ теперь идетъ дѣятельная работа надъ восстановленіемъ найденныхъ въ Мараеонскомъ холмѣ обломковъ отъ различныхъ сосудовъ, мнѣ удалось видѣть нѣкоторые изъ нихъ.

„Πηλίγη ὄδρια“, гдѣ, по донесенію ефора Стаиса найденъ былъ прахъ человѣческой, представляетъ собой простой темно-желтаго цвѣта сосудъ съ двумя ручками, безъ рисунковъ (нѣчто среднее между амфорой и такъ называемымъ ариваломъ, отъ котораго отличается отсутствіемъ горлышка). Остальные сосуды могутъ быть раздѣлены на большіе и малые, разрисованные и безъ рисунковъ. Такъ, на одномъ, довольно большомъ, находятся изображенія тигровъ, львовъ и дикихъ кабановъ, на другомъ, кромѣ тигровъ, изображены какія-то птицы въ родѣ индѣекъ съ головами, весьма похожими на женскія, на третьемъ нарисована колесница съ возницей, запряженная парой скачущихъ лошадей; на четвертомъ изображены сражающіеся воины и т. п.

Маленькіе и разрисованные сосуды относятся, очевидно, къ числу такъ называемыхъ λήκδοι, которые часто закапывались въ могилахъ въ качествѣ „κτερίσματα“ ³⁾, то-есть вещей, приносимыхъ какъ бы въ даръ умершимъ. Такого типа сосуды весьма часто находятъ во время раскопокъ и притомъ въ большомъ количествѣ; сами по себѣ они—вещь для археолога обыкновенная, но найденные въ Мараеонскомъ курганѣ имѣютъ особую важность для хронологіи подобныхъ сосудовъ, такъ какъ опредѣленно извѣстно время, къ которому относится ихъ изготовленіе.

---

¹⁾ Ко времени Павсанія высота холма уменьшилась лишь на $\frac{1}{12}$ метра и, слѣдовательно, онъ замѣтно возвышался тогда надъ поверхностью равнины.

²⁾ Г. Доллингъ мнѣ передавалъ, что онъ снова начнутъ въ октябрѣ.

³⁾ Это были большею частью статуэтки, сосуды, ленты и тому подобное. У древнихъ грековъ существовали и особые магазины, гдѣ продавались вещи, предназначенныя исключительно для этой цѣли.

Заговоривъ о вещахъ, находящихся теперь въ мастерской Центрального музея, я не могу не упомянуть объ одной древней и большой амфорѣ (выс. 1,22 м.), найденной недавно во время раскопокъ въ Афинахъ на землѣ г. Саравомено по Пирейской улицѣ¹⁾. Сдѣлана она изъ глины и по желтому полю идутъ рисунки чернаго цвѣта. На верхнемъ ободѣ амфоры изображены утки или гуси, на каждомъ изъ ушекъ по совѣ и лебедю (сверху сова, снизу—лебедь).

На туловищѣ амфоры нарисованы крылатыя чудовища, представленныя въ положеніи бѣгущихъ, съ оскаленными зубами, неестественными носами, высунутыми языками, не на мѣстѣ торчащими ушами. Это, безъ сомнѣнія — горгоны; ихъ представлено здѣсь три, изъ которыхъ одна обезглавлена (на нее спускается орелъ, очевидно, съ тѣмъ, чтобы пожрать ее). Подъ горгонами изображены дельфины. На горлышкѣ сосуда представлена сцена убіенія Иракломъ кентавра Несса.

Ираклъ—съ мечемъ²⁾ въ правой рукѣ (черезъ плечо ножны) — схватываетъ лѣвой за волосы кентавра, обращеннаго къ нему спиной; правая нога Иракла занесена на спину Несса. У перваго—маленькая козлиная борода, у послѣдняго широкая, окладистая борода. Рисункъ — весьма тщательный; надъ нимъ надпись:

ΝΕΣΣΑ ΚΕΡΑΤΑ

По всѣмъ своимъ признакамъ, эта надпись должна быть отн къ первой половинѣ VI вѣка до Р. Х., никакъ не позже: 1) буква Н имѣетъ форму закрытую, что относитъ надпись ко времени, болѣе раннему, чѣмъ 58 олимпіада, начиная съ которой эта буква изображается въ открытой формѣ; 2) по направленію письма надпись относится къ типу „βοοστροφιδόν“, что также указываетъ на VI в.;

¹⁾ Объ этихъ раскопкахъ см. „Δελτίον ἀρχαιολογικόν“ за январь 1890 г. Найденная амфора оцѣнена, какъ я слышала, въ 35,000 франковъ. Это, действительно, прекрасный памятникъ древняго искусства. Когда ее нашли, то она состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 обломковъ, но все-таки ее весьма удачно реставрировали.

²⁾ Въ „Трахинянахъ“ Соокла Ираклъ убиваетъ Несса не мечемъ, а стрѣлой. См. ст. 558 и 1141. Срв. *Baummeister* „Denkmäler der alten Kunst“.

3) N, K, E — имѣютъ формы древнѣйшія; 4) отсутствіе удвоенія буквы τ (Nέτος вм. Nέττος—аттическое произношеніе вм. Nέττος) — признакъ древне-аттического письма ¹⁾).

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ одной и той же надписи σ имѣетъ двѣ разныя формы. Насколько намъ извѣстно, переходъ σ въ ς сталъ совершаться, по мнѣнію ученыхъ, лишь около половины V столѣтія. Надпись на недавно найденной вазѣ показываетъ, что смѣшеніе этихъ двухъ формъ имѣло мѣсто и въ VI вѣкѣ.

Въ самой столицѣ греческаго королевства раскопки производятся: 1) на акрополѣ, 2) возлѣ часовъ Андроника (башни вѣтровъ) по улицѣ Епаминонда, 3) около церкви св. Троицы въ т. наз. Διόλων ²⁾. Въ акрополѣ производится весьма незначительная раскопка, влѣво отъ второй лѣстницы Пропилей, у самаго ея начала. Найдены различныя сосуды изъ глины. Въ мѣстности по улицѣ Епаминонда раскопка производится на томъ самомъ пространствѣ, гдѣ были еще въ 30-хъ годахъ замѣчены учеными слѣды присутствія какого-то древняго зданія.

Въ 1832 г. Россъ въ своихъ „Archäologische Aufsätze“ писалъ: „Случайная раскопка на землѣ г. Андонопуло, въ нѣсколькихъ шагахъ къ западу отъ башни вѣтровъ... обнаружила развалины какого-то древняго зданія и одну или двѣ іоническихъ колонны изъ имитійскаго мрамора, принадлежащія пространному перистилію, двѣ подобныхъ колонны котораго съ капителями и архитравомъ далѣе къ западу видны изъ мусора“. Знали объ остаткахъ древняго зданія въ этомъ мѣстѣ Питтакисъ, Беттихеръ, Куманудисъ. Въ 1865 г. была напечатана объ этихъ развалинахъ замѣтка въ „Rheinisches Museum für Philologie“ подъ заглавіемъ „Reste eines alten Baues (Stoa) in Athen“ Бернгарда Шмидта. Сущность этой замѣтки такова: въ погребѣ дома, принадлежащаго г-ну Литсикасъ ³⁾, видны четыре гладкія и прямыя колонны іоническаго стила изъ имитійскаго мрамора съ основаніями изъ пентелискаго. Капителей нѣтъ. Колонны стоятъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу. По словамъ хозяина, есть,

¹⁾ Ср. *Meisterhans*, Grammatik d. attischen Inschriften, 2 Aufl. (1888 г.) стр. 71 слѣд.: „Auf den ältesten attischen Steininschriften (VI или конца VII v.) findet sich von Konsonantenverdoppelung noch keine Spur... Dieselbe Erscheinung zeigt sich auf den ältesten Vasen“.

²⁾ Первая—на средства министерства народнаго просвѣщенія, а двѣ послѣднія—на средства археологическаго общества.

³⁾ Въ переулкѣ, соединяющемъ башню вѣтровъ съ воротами рынка, т. е. на нынѣшней „ὄδος Ἐπαμεινώνδα“.

кромѣ указанныхъ четырехъ, еще 12 другихъ, находящихся въ землѣ и скрытыхъ отъ взоровъ наблюдателя, при чемъ 4 изъ нихъ стоятъ по одной линіи съ 4-мя, видными въ погребѣ, остальные 8, составляя прямой уголъ съ вышеуказанными, идутъ къ западу. Рядъ колоннъ, на которыхъ стоитъ домъ, продолжается подъ землю, пересѣкая теперешнюю улицу Епаминонда. Шмидтъ это заключилъ изъ того, что у стѣны, окружавшей тогда дворъ казармъ, можно было замѣтить выдающійся изъ земли епистиль ¹⁾. За домомъ Литсикасъ былъ во времена Шмидта садъ (теперь не существующій), въ которомъ продолжался, по увѣренію хозяина, рядъ колоннъ вплоть до „Πύλη τῆς ἀγορᾶς“.

„Es kann nun wohl, говоритъ Б. Шмидтъ, kein Zweifel darüber bestehen, dass die... Reste einer ausgedehnten Stoa der späteren römischen Zeit angehören“... Этотъ ученый, полагая, что раскопка, произведенная здѣсь, была бы важна въ топографическомъ отношеніи, сожалѣетъ о томъ, что древнее зданіе погибло для науки. Черезъ 25 лѣтъ исполнилось желаніе, которое Шмидтъ считалъ въ 1865 г. неисполнимымъ.

Раскопка была начата въ послѣднихъ числахъ мая съ того мѣста, гдѣ стоялъ самый домъ Литсикасъ. Теперь очищено отъ земли довольно большое пространство, и на глубинѣ приблизительно 4-хъ метровъ найденъ полъ портика, имѣющаго двойной рядъ колоннъ (это—новость сравнительно съ тѣмъ, что видѣлъ Шмидтъ). Этотъ портикъ былъ построенъ на мѣстѣ болѣе низкомъ, чѣмъ часы Андроника, находящіеся къ востоку отъ него (этимъ подтверждается соображеніе Шмидта). Кѣмъ сооружена эта стoa и для чего служила, рѣшить пока трудно. Одно можно сказать, что зданіе относится несомнѣнно къ типу построекъ римской эпохи, то-есть повторить слова, сказанныя уже давно. При мнѣ какъ-то разъ рабочіе откопали небольшой обломокъ столба съ нѣсколькими буквами надписи. Мнѣ удалось прочесть эти буквы, но ихъ было такъ мало, что я не отваживаюсь дополнять надпись какимъ-бы то ни было образомъ (письмо носить характеръ позднѣйшаго римскаго времени). Раскопки будутъ вестись и по самой улицѣ Епаминонда, такъ что она по окончаніи раскопокъ исчезнетъ и взамѣнъ ея въ Афинахъ къ прежнимъ древнимъ памятникамъ прибавится еще одинъ.

Мѣстность около церкви св. Троицы еще въ прошломъ году была

¹⁾ Теперь прямо на улицу Епаминонда выходитъ зданіе солдатской хлѣбопечарни, никакого двора нѣтъ.

очищена отъ грязи и, на сколько возможно, выровнена ¹⁾). Теперь здѣсь раскопки производятся съ мая мѣсяца на пространствѣ, находящемся къ с.-в. отъ „*Ἀγία Τριάς*“. Ими обнаружено, что въ с.-в. направленіи отъ церкви св. Троицы шла двойная стѣна. Эпиграфическихъ находокъ, на сколько намъ извѣстно, покуда весьма мало. На одномъ изъ выкопанныхъ здѣсь надгробныхъ столбовъ я прочелъ слѣдующую надпись:

ΕΙΡΗΝΗ
ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ
ΜΙΛΗΣΙΑ

Эти раскопки имѣютъ, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ топографическое значеніе.

Раскопки внѣ предѣловъ Аттики теперь производятся на мѣстѣ древняго Мегалополя и древняго Тризина. Первые производитъ съ марта мѣсяца англійская археологическая школа, вторыя съ апрѣля — французская. Предметомъ раскопокъ въ Мегалополѣ является театр ²⁾). Въ маѣ мѣсяцѣ была откопана уже большая часть сцены, часть оркестры и мѣстъ для зрителей (*κοῖλον*). Въ общемъ театръ Мегалополя весьма напоминаетъ эпидаврскій. Въ римское время онъ подвергся измѣненію, состоявшему въ томъ, что была сооружена другая сцена, ближе къ оркестрѣ. Кругомъ послѣдней найдены кресла, составляющія нижній рядъ мѣстъ для зрителей и весьма похожія на кресла въ эпидаврскомъ театрѣ. До сихъ поръ найдено девять креселъ, изъ которыхъ восемь имѣютъ надписи. На первомъ, пятомъ и девятомъ (считая съ правой стороны) вырѣзаны слѣдующія надписи:

I. Ἀντίοχος ἀγωνοθετήσας ἀνέθηκε τὸς θρόνος πάντας | καὶ τὸν ὀχέτον.

V. Ἀντίοχος ἀγωνοθετήσας ἀνέθηκε (Кромѣ того позднѣйшими римскими буквами — Φολῆς Παρρασίων).

IX. Ἀντίοχος ἀγωνοθετήσας ἀνέθηκε.

На остальныхъ пяти креслахъ вырѣзаны названія различныхъ филъ:

II. Ἀρχαδικίας, III. Φολὴ Μαυρανίων,

IV. Φολὴ Λυκαεῖτων, VI. Φολὴ Πανιατῶν,

VII. Φολὴ Ἀπολλωνια]τῶν.

Очевидно, упоминаемый въ надписяхъ Антиохъ игралъ значитель-

¹⁾ О раскопкахъ здѣсь въ прежніе годы см. *C. Curtius*, „Der attische Friedhof vor dem Dipyron“ въ „*Archaeol. Zeitung* 1871 г., и другія статьи, упомянутыя въ „*Die Stadt Athen*“ *Ваксмута* на стр. 265, прим. 3.

²⁾ О немъ упоминаетъ Павсанія II, 27, 5. Этотъ театръ славился своею величиною (говорятъ, онъ вмѣщалъ 40.000 зрителей).

ную роль въ исторіи театра Мегалополитовъ: на его средства были сдѣланы кресла и даже водопроводъ ¹⁾. Кто былъ этотъ Антиохъ, я опредѣлять не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками точной копіи этихъ надписей со всѣми особенностями письма. Осмѣлюсь лишь поставить слѣдующій вопросъ: не тождественъ ли этотъ Антиохъ съ аркадцемъ Антиохомъ, упоминаемымъ въ „Ἑλληνικά“ Ксенофонта ²⁾? Что касается филъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ, то о Паррасіяхъ нерѣдко встрѣчаются замѣчанія у древнихъ авторовъ (см. Павс. VIII, 27,4; срв. Bursian, op. cit. p. 235), ἡ τῶν Δουραετ[ῶν] φολή читается въ одной надписи II вѣка по Р. X. ³⁾, о „Μαλαίνιοι“ и о филѣ „Μαλανίων“, на сколько мнѣ извѣстно, вездѣ до сихъ поръ не упоминалось (не ошибка ли это вмѣсто „Μαιναλίων?“); Πανία — древнее названіе Аркадіи, но φολή Πανιατῶν до сихъ поръ была неизвѣстна; Ἀπολλωνιάται упоминаются въ надписяхъ (Sauey ²⁾, № 454) и у Павсани (VIII, 53,6) въ качествѣ одной изъ четырехъ тегеатскихъ филъ, объ Ἀρχαδισία — ничего неизвѣстно. Въ Мегалоподѣ найдены и другія надписи, равнымъ образомъ основанія статуй, но объ этихъ чаходкахъ я не имѣю еще точныхъ свѣдѣній.

Во время раскопокъ въ Тризинѣ найдены, по словамъ г. Фукара статуи Гермеса и отъ тридцати до сорока надписей.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ открытіяхъ г. Шлимана въ Троѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая былъ имъ открытъ театръ. Его полъ, совершенно сохранившійся, устланъ мраморными плитами, мѣста для зрителей сдѣланы также изъ мрамора и представляютъ много рядовъ. Противъ сцены найдены двѣ женскихъ статуи съ отбитыми головами. Изъ двухъ надписей, найденныхъ во время раскопокъ, можно заключить, что театръ построенъ въ царствованіе императора Тиберія, слѣдовательно, въ первомъ вѣкѣ по Р. X. Зданіе театра не велико: оно съ трудомъ могло вмѣщать 200 зрителей.

Анины.

С. Селивановъ.

¹⁾ О слѣдахъ его задолго до раскопокъ см. Bursian, Geographie von Griechenland, т. II, стр. 248.

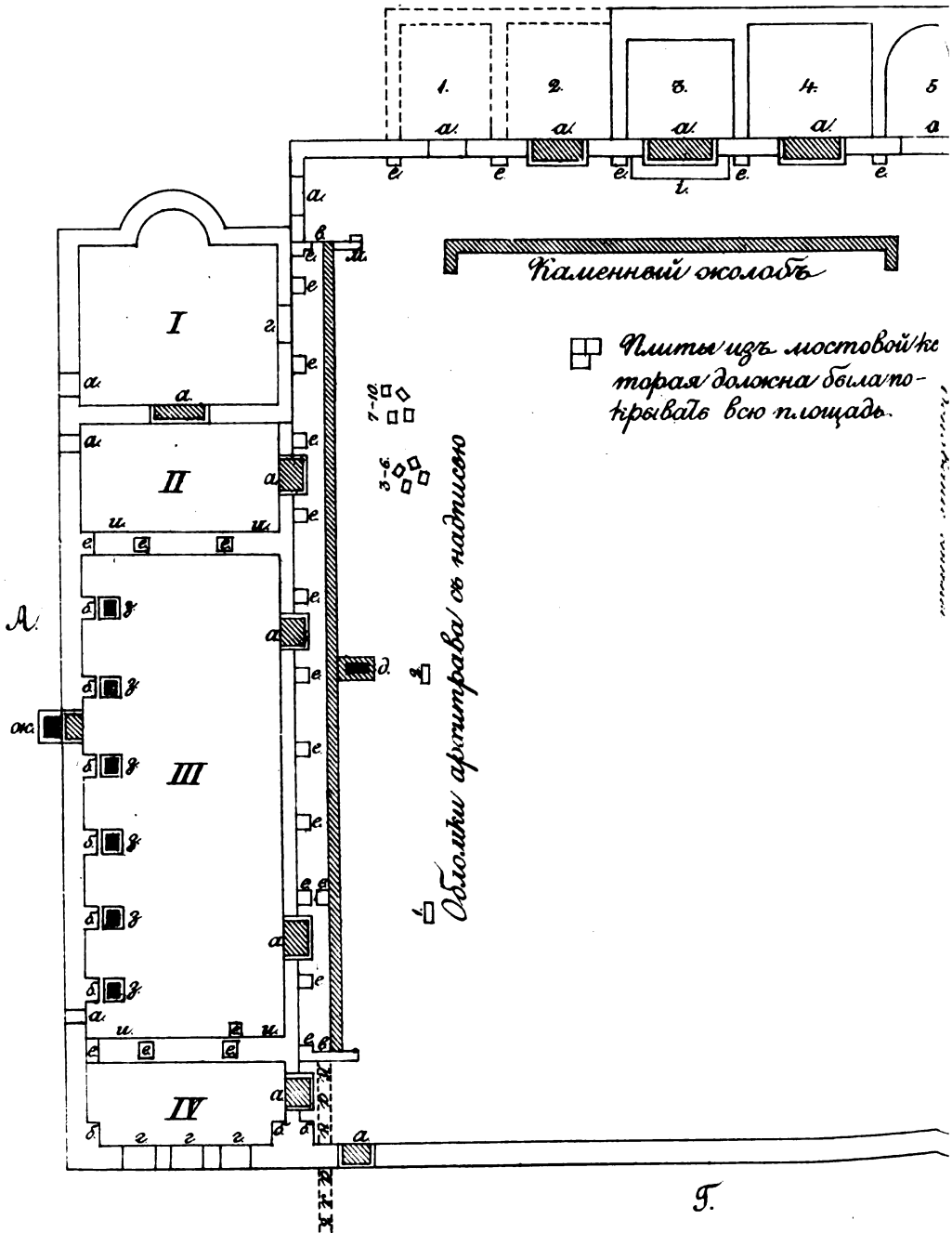
²⁾ VII, 1, 33 и 38. Разказъ идетъ о событіяхъ 367 года. Въ числѣ послговъ отъ грековъ къ персидскому царю упоминается и Антиохъ панкратіастъ отъ аркадянъ. У Ксенофонта онъ охарактеризованъ какъ горячій патриотъ, съ презрѣніемъ относящійся къ кажущейся силѣ персовъ.

³⁾ Ср. Gilbert, Handbuch d. griech. Staassalterthümer, т. II, стр. 131.

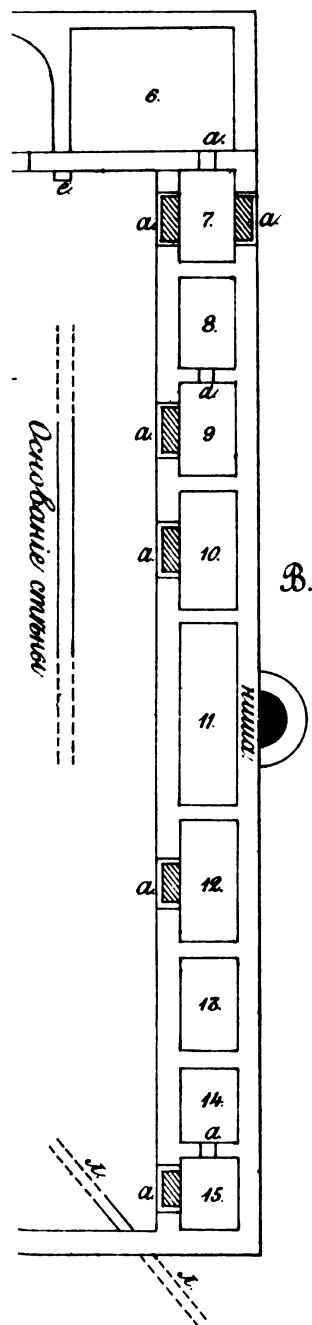
Планъ базилики съ принадлежащими ей зданиями
по второй раскопкѣ, произведенной:

Б.,

и и площадью, исправленный и дополненный

с 16 Апр. по 8 Мая 1890г.

Объяснение плана

А. Западная сторона базилика собственно:

I Часть базилика отделенная от остальных ствольно..

II, III и IV Части раздельные только поломками из плитъ : и - и!

а, а, а... Уверить порогами и безъ пороговъ..

б, б, б... Выступы изъ стволь (контрафорсы)

в-в Полость изъ плитъ, на которой находилась колоннада, съ одною ступенькой.

г, г, г, г... Огня!

д, Основание крыльца.

е, е, е... Пьедесталы колоннъ и полуколоннъ отъ Основание крыльца

ж, ж, ж... Основания подъ пьедесталами колоннъ и - и Полость изъ большихъ плитъ.

и. Камни, приликутые къ полу.

Б. Северная сторона - рядъ комнатъ отъ 1-6, изъ которыхъ отъ 1-4 полъ былъ мозаичный, при томъ 3^я выше другихъ на 1 метръ 33 см и съ балконами и.

В. Восточная сторона - рядъ комнатъ отъ 7-15, изъ которыхъ 11^я съ нишей к.

Г. Южная сторона - стволь

л-л. Камни.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАСКОПКИ ДРЕВНЕЙ ДІОКЛЕИ ¹⁾.

(Отъ 16-го апрѣля до 8-го мая 1890 г.; рабочихъ дней 13).

Освободившись отъ спѣшныхъ дѣлъ и тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ смертью княгини Зорки Карагеоргиевичъ, е. в. князь Николай снова вспомнилъ о Діоклѣѣ и поручилъ мнѣ продолжить начатую раскопку.

Мы принялись за продолженіе работы въ томъ самомъ квадратѣ, который уже начали раскапывать и въ которомъ открыли тогда двѣ стороны, западную и сѣверную; теперь оставалось открыть восточную и сѣверную стороны и, сколько возможно, проникнуть въ середину квадрата, занятую полемъ, частью уже засѣяннымъ. Наше предположеніе, что и по другимъ сторонамъ должны находиться комнаты, оправдалось только по отношенію къ восточной сторонѣ, гдѣ нашлось 9 комнатъ, тогда какъ на южной сторонѣ оказалась только стѣна.

Комнатки эти гораздо уже первыхъ и вообще меньше; только посрединѣ какое-то своеобразное помѣщеніе до 12 метр. въ длину, при общей съ другими ширинѣ до 4¹/₂ метр. Въ немъ мы не нашли, какъ во всѣхъ другихъ, передней стѣны съ дверью и порогомъ, а только фундаментъ стѣны, на который на одной сторонѣ положенъ въ видѣ порога огромный карнизъ, очевидно притащенный отъ базилики, и при томъ лицевой стороною съ рѣзьбой обернуть книзу, къ землѣ. За заднею же стѣною посрединѣ оказалась полукруглая ниша, по всѣмъ вѣроятіямъ, чья-то гробница, можетъ быть, того

---

¹⁾ Первая статья о раскопкѣ древней Діоклеи была помѣщена въ июльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

самаго Бальбина, которому („huic defuncto“, какъ значитъ въ надписи) поставлена была статуя въ самой базиликѣ. Мы копали въ глубину около двухъ метровъ, поднявши часть материка, состоящаго изъ твердаго конгломерата, но не нашли ничего, кромѣ обломковъ стеклянныхъ и глиняныхъ сосудовъ и немного изломанныхъ человѣческихъ костей. Одинъ изъ обломковъ стекла представляетъ дно сосуда, можетъ быть, лякримарія; стекло это имѣетъ отливъ опала и съ поверхности его отдѣляются тончайшіе слои серебра или другого металла въ родѣ зеркальной амальгамы.

О мелкихъ комнаткахъ, идущихъ по восточной сторонѣ, замѣтимъ слѣдующее:

Всѣ онѣ идутъ рядомъ отъ с. къ ю., при одной ширинѣ и съ разницею въ длинѣ отъ 5 почти до 8 метровъ, по обѣ стороны описаннаго выше помѣщенія съ нишей по 4 комнаты; первая изъ нихъ съ с. имѣетъ дверь въ сосѣднюю съ нею комнату, означенную на рисункѣ въ предшествовавшей статьѣ буквою р, и двѣ двери, ведущиихъ внутрь двора и внѣ, изъ него; слѣдующая за нею не имѣетъ своей двери во дворъ, а сообщается дверью съ слѣдующею комнатою, которая имѣетъ свою выходную дверь; затѣмъ, еще три комнаты имѣютъ свои выходныя двери, не имѣя никакого сообщенія между собою; только предпоследняя имѣетъ сообщеніе съ послѣднею, какъ вторая съ третьею.

Здѣсь не замѣтно присутствія ни колоннады, ни рѣзныхъ карнизовъ; видно, постройка была проще. Только въ первой комнатѣ на с. съ двумя проходными дверьми найденъ обломокъ камня, какъ бы двернаго косяка, съ надписью Salve; а въ четвертой на порогѣ валялись два одинаковые камня съ изображеніемъ фантастическаго животнаго въ родѣ химеры, а тотчасъ за помѣщеніемъ съ нишею въ порогѣ лежитъ камень съ изображеніемъ лошади; но нижней части отъ брюха не достаетъ; можетъ быть, отбита цѣлая половина камня, но весьма ровно.

Полъ во всѣхъ комнатахъ, вѣроятно, былъ вымощенъ квадратными плитами, которыя мы нашли только кое-гдѣ.

Присматриваясь къ этому роду комнатъ, слѣдующихъ по восточной сторонѣ, мы склоняемся къ мнѣнію, что это были лавочки и остеріи, при чемъ комнаты безъ собственныхъ выходныхъ дверей служили магазинами; тогда камни съ фигурами не служили-ли знаками фирмы или вывѣсками? и ихъ, безъ сомнѣнія, было больше, только растащены.

Комнаты же, идущія по сѣверной сторонѣ, всего 6, кромѣ угловой на востокѣ (р), имѣющей дверь въ слѣдующую комнату къ югу, служили помѣщеніями для персонала, завѣдовавшаго всѣми зданіями базилики. Параллельно восточной сторонѣ внутри квадрата мы нашли остатки стѣнки; но не могли прослѣдить его до конца на югъ, такъ какъ тамъ посѣянъ хлѣбъ. Не служила-ли она для изолированія торговой части отъ официальной? При томъ между этою стѣнкой и восточною стороною до метра глубины мягкая земля съ значительною примѣсью гумуса; не было-ли тутъ сада или огорода?

По южной сторонѣ идетъ стѣна съ одною дверью возлѣ самой базилики. Тутъ нѣтъ слѣда никакихъ построекъ; но въ нѣсколькихъ мѣстахъ валяются обломки массивныхъ арокъ надъ воротами. Тутъ слой мягкой, полной перегноя земли имѣетъ болѣе метра глубины; въ части, близкой къ базиликѣ, найдено много золы, залегшей слоемъ, кусочки угля, и по стѣнѣ замѣтна копотъ, какъ будто здѣсь была печь или происходило приготовленіе ѣды; тутъ же попадаетъ множество костей воловьихъ, бараньихъ и свиныхъ, а также обломки стекла и глиняной посуды.

Пробовали мы раскапывать и ровное пространство посрединѣ квадрата, ту часть его, которая не была засѣяна. Тутъ подъ тонкимъ слоемъ земли мы вездѣ находили щебень, смѣшанный съ известью, въ видѣ пола, по которому сверху были положены квадратныя, полированныя плиты; но такихъ мы нашли на мѣстѣ только три, и такъ ихъ оставили. По свидѣтельству же хозяина нивы, такія плиты были по всему тому пространству, но такъ какъ находились не глубоко и представляли собою прекрасный строительный матеріалъ, то были всѣ унесены.

Въ юго-восточномъ углу, въ направленіи по діагонали съ запада на югъ, мы нашли каналъ, покрытый простыми, не обдѣланными каменными плитами. Мы его только открыли, но не изслѣдовали, потому что и впередъ и назадъ мѣстность занята посѣвомъ и травой.

Вотъ все, что дала намъ вторая раскопка; но мы въ то же время кое-что расчистили и въ первой раскопкѣ; при этомъ открыли кое-что вновь и такимъ образомъ пополнили ее. Причина неполноты первой раскопки заключалась въ томъ, что, видя приближеніе къ концу назначенной намъ суммы, мы позаботились очистить все пространство на столько, чтобы обозначилось вполнѣ общее очертаніе зданія, и достигли этого; но мы не могли успѣть вынести землю изъ

середины отдѣленія (№ IV) базилики, а также при стѣнѣ въ отдѣленіи № I и смежно съ нею въ отдѣленіи II. Когда же всю эту землю вынесли, то изъ отдѣленія I и II оказались двери, ведущія вонъ; а въ южной стѣнѣ № IV оказалась не дверь, а три большихъ окна на высотѣ отъ пола на 1 метръ, занимающія почти всю ту стѣну. На сѣверной сторонѣ обозначилось не пять, а шесть комнатъ, изъ которыхъ первыя двѣ, отъ запада къ востоку, имѣютъ только фундаменты стѣнъ, вслѣдствіе чего мы и означили ихъ точками. Обсчитались мы также въ числѣ пьедесталовъ колоннъ вдоль восточной стѣны базилики (11 в. 10); а вдоль западной стороны для упрощенія не означили небольшіе выступы стѣны, служившіе, вѣроятно, контрафорсами для поддержанія тяжести крыши.

Сообразно съ этими новыми открытіями, дополненіями и исправленіями мы составили теперь новый планъ.

Изъ вещей, найденныхъ при второй раскопкѣ, нѣтъ ничего особенно важнаго: желѣзная шпора, которую знатоки считаютъ венеціанскою; серебряный перстень съ сердоликомъ внутри, на которомъ вырѣзанъ человѣкъ, держащій въ рукѣ оливковую вѣтвь; серебряная брошка, которую тоже считаютъ вещью новѣйшаго происхожденія; куски стекла весьма разнообразной формы и, наконецъ, мѣдныя монеты. Но при выносѣ земли изъ прежней раскопки найденъ кусокъ мрамора, представляющій собою обломокъ человѣческой статуи, именно—часть ноги ниже колѣна, къ сожалѣнію, весьма короткую, до 12 сантиметровъ; но мускулатура обозначается вполне и исполнена чрезвычайно искусно.

Эта находка для насъ самая драгоцѣнная: по ней мы видимъ, что означенныя въ надписи статуи были большихъ размѣровъ, изъ мрамора, хотя и невысокаго качества, но исполнены прекрасно. Затѣмъ, въ нерабочій день во время второй раскопки мы совершили отдѣльную экскурсію на гору Малагъ и нашли тамъ тотъ самый камень, изъ каковаго упомянутый обломокъ статуи. Это даетъ намъ основаніе утверждать, что статуя была работана на мѣстѣ, и тѣмъ свидѣтельствуется, на какой степени стояло въ то время въ тѣхъ краяхъ искусство. То же самое подтверждается и обломками высококачественнаго стекла; есть стекло, столь тонкое, какъ тонкая бумага; есть обломки глиняной посуды, также весьма изящныя.

На Малагѣ видны слѣды ломки камня во многихъ мѣстахъ; а также и въ Пиперахъ: на одной горѣ—Медведья (Медвѣжья) глава—видно, гдѣ камень ломали и гдѣ его обтесывали.

Въ настоящее время эти горы представляютъ собою нагроможденіе голыхъ скалъ, и потому является вопросъ: какимъ образомъ по нимъ могли спускаться такія громадныя каменныя глыбы?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ то время всѣ эти горы были покрыты лѣсомъ и толстымъ слоемъ земли. Если и теперь есть люди, которые за короткій свой вѣкъ помнятъ, что горы эти далеко не были такъ голы, то что же было болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ? Люди знаютъ, что до послѣдней Черногорско-турецкой войны отъ подошвы Медвѣжьей главы до Дукли можно было проѣхать на телѣгѣ и что видны были слѣды старой мощеной дороги; а теперь тутъ потокомъ снесена вся земля и выступили громадныя валуны и цѣлыя скалы.

По всей Зетской долинкѣ находятся слѣды римскихъ построекъ и по ней пролегалъ когда-то колесный путь до Никшича; а въ сербскій періодъ мы знаемъ въ этихъ мѣстахъ только вьючныя дороги.

Для археологическихъ изслѣдованій въ этихъ мѣстахъ широкое и непочатое еще поле, а съ помощью ихъ прольется свѣтъ на исторію этихъ странъ, особенно на ихъ культурную исторію, и тѣмъ пополнится не одинъ пробѣлъ въ исторіи древняго человѣчества. Не останутся они также безъ вліянія и на новую исторію, которая открывается варварскимъ уничтоженіемъ плодовъ древней культуры, тогда какъ теперь мы дорожимъ каждымъ оставшимся отъ нея слѣдомъ.

Возвращаемся опять къ Дюклеѣ, чтобы высказать еще нѣсколько своихъ соображеній.

Въ самой базиликѣ, съ тѣхъ поръ какъ она разрушена, никто не жилъ, и не возможно было жить отъ груды обломковъ, которыхъ новые обладатели тѣхъ мѣстъ не въ состояніи были тронуть съ мѣста. Но для нихъ легче было пріютиться въ малыхъ зданіяхъ, принадлежавшихъ ей. Въ комнаткѣ о, на сѣверной сторонѣ, по мозаичному полу при задней стѣнкѣ выложено изъ простыхъ камней мѣстечко какъ бы для лежанія; это сдѣлано, очевидно, позднѣйшими обитателями. А на восточной сторонѣ убѣждаетъ насъ въ томъ же брошенный вмѣсто порога карнизъ и вообще очевидно намѣренное помѣщеніе нѣкоторыхъ камней на мѣстахъ, имъ не соответствующихъ. Эти же первые послѣ римлянъ обитатели не только разрушили все, но и перекопали, въ чемъ мы убѣдились при изслѣдованіи ниши. Замѣчательно, что перстень найденъ не на самомъ днѣ комнаты, а на высотѣ отъ пола около метра; слѣдовательно кто то оставилъ его

тамъ тогда, когда значительный слой земли уже выросъ. Точно такъ находятся и многія другія вещи. Мы, значитъ, принимаемъ ихъ не прямо изъ римскихъ рукъ, а черезъ посредство многихъ поколѣній; поэтому не удивительно, что съ древними мѣшаются и вещи позднѣйшаго періода. Это, конечно, разберутъ опытные археологи; мы же только ищемъ и собираемъ вещи, разказавъ всю исторію находки; но трудно и передать такую исторію; поэтому мы и старались дать общее представленіе о томъ, какъ шла работа и что находилось; а знатоки могутъ въ настоящее время видѣть эти вещи въ Цетиньѣ, гдѣ онѣ помѣщены въ читальнѣ, въ Зетскомъ Домѣ, въ витринѣ, и составляютъ начало будущаго музея.

И. Ровинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ ТЕОКРИТА.

Теокритъ, переводъ стихотвореній котораго предлагается вниманію читателей, жилъ въ половинѣ III вѣка до Рождества Христова. Его родиной считаютъ Сиракузы или островъ Косъ. Вѣрнѣе всего, что онъ происходилъ съ острова Коса, но принадлежалъ къ числу тѣхъ жителей Коса, которые переселились въ Сиракузы и получили тамъ права гражданства. Родителями Теокрита были Праксагоръ и Фалина. По замѣчанію схолиаста, мать поэта, оставшись вдовою, вышла замужъ вторично за нѣкоего Симмиха, и отчимъ такъ сумѣлъ привязать къ себѣ пасынка, что поэтъ считалъ его какъ за роднаго отца и, желая выразить ему свою признательность, вывелъ себя въ седьмой идилліи подъ именемъ Симмихида. Образование Теокрита получилъ у извѣстнаго грамматика и поэта, Филета, котораго также съ любовью вспоминаетъ въ седьмой идилліи; но гдѣ онъ пользовался руководствомъ Филета, въ Косѣ-ли или въ Александріи, — не извѣстно. Во всякомъ случаѣ въ Александріи, которая была центромъ тогдашней образованности, онъ прожилъ довольно долго и, вѣроятно, еще ранѣе, чѣмъ въ 265 году воспѣвалъ въ Сиракузахъ доблести Гіерона II (ид. XVI). Въ 259 или 258 году мы снова встрѣчаемъ его въ Александріи, уже во всеоружіи поэтического таланта поющимъ свою похвальную пѣснь Птолемию Фладельфу. Кромѣ того, намъ извѣстно, что онъ предпринималъ путешествіе въ Милетъ для свиданія со своимъ другомъ Никіемъ (ид. XXVIII) и, вѣроятно, былъ хорошо знакомъ съ Нижнею Италіей, которая служить мѣстомъ дѣйствія идилліи IV-й и V-й. Вотъ и все, что сохранилось намъ о жизни одного изъ величайшихъ всемірныхъ поэтовъ. Можно развѣ прибавить, что поэтическое дарованіе, какъ ни было оно велико, не спасло Теокрита

отъ нужды. Въ идилліи XVI-й онъ съ грустной ироніей изображаетъ своихъ Харитъ боязливо сидящими на днѣ пустаго ларца съ головою, печально склоненной къ холоднымъ колѣнамъ. Вѣроятно, нужда была причиною и его бродячей жизни, заставляя искать милостей то у того, то у другаго изъ современныхъ поэту дворовъ. Нужда-же, должно быть, заставила поэта въ идилліи XVII-й воспѣть даже нечистый, по понятіямъ грековъ, бракъ Птолемея съ родною сестрою. Не даромъ этотъ знаменитый энкоміонъ Птолемею гораздо болѣе отличается техническими совершенствами и вышнимъ блескомъ, чѣмъ тѣмъ непосредственнымъ вдохновеніемъ, которое слышится въ пастушескихъ идилліяхъ поэта.

Вѣкъ, въ которомъ жилъ Теокрытъ, не былъ благопріятнымъ для поэзіи. Съ утратою политической свободы и постепеннымъ исчезновеніемъ вѣры въ прежнихъ боговъ, иссякли два могучихъ родника поэтическаго вдохновенія—патріотическое и религіозное воодушевленіе. Не было уже мѣста ни для лиры Эсхила, ни для религіозныхъ гимновъ. Въ царствѣ поэзіи повѣло холодомъ, и цвѣты ея поблекли. Ученость замѣнила вдохновеніе, преднамѣренный расчетъ—непосредственность, вышній блескъ и изысканность—простоту и наивность прежняго времени. Теокрытъ съ негодованіемъ говоритъ о своихъ современникахъ, обуюнныхъ духомъ наживы и заявлявшихъ, что для нихъ не нужно новыхъ поэтовъ: на всѣхъ хватить одного Гомера; но, надо сказать правду, новые поэты едва-ли кого-нибудь могли заинтересовать. Поэзія окончательно выродилась въ подражательную. Безъ всякой вѣры поэты пересказывали древніе мифы, думая соперничать съ Гомеромъ, но самый талантливый изъ числа этихъ маленькиихъ Гомеровъ, Аполлоній Родосскій, подлѣ своего оригинала казался не болѣе, какъ жалкимъ пигмеемъ. И въ такой-то сухой прозаическій вѣкъ ученаго виршеплѣтства и безцвѣтной подражательности вдругъ появилось дарованіе, блестящее всею неподобною яркостью свѣжихъ и своеобразныхъ красокъ! Теокрытъ былъ явленіемъ, необыкновеннымъ въ свое время. Правда, нѣкоторые изслѣдователи пытались ~~да~~ его подвести подъ общій уровень александрійскихъ поэтовъ; но, не находя въ предшествующей поэзіи ничего, что хоть немного бы напоминало идилліи Теокрита, они заключали, что его образцы для насъ безвозвратно пропали. Но мыслимо ли такое совершенно безслѣдное исчезновеніе? Да и не излишни ли всѣ эти розыски не существующихъ образцовъ? Геній, не стѣсняясь, беретъ все, что пригодно для его цѣлей, гдѣ-бы оно ни попало, но

кому придетъ въ голову называть Шекспира подражателемъ по отношенію къ авторамъ тѣхъ новеллъ, откуда онъ заимствовалъ сюжеты своихъ драмъ? Теокрытъ же даже и тамъ, гдѣ онъ завѣдомо подражалъ мимамъ Софрона (ид. II, XV, XXI),—на сколько можно судить,—такъ усовершенствовалъ готовый узоръ, что копія выходила лучше и талантливѣй оригинала; а въ своихъ лучшихъ буколическихъ идилліяхъ онъ имѣлъ только одного руководителя—народную поэзію и одинъ образецъ—природу.

Но всякій поэтъ переживаетъ періодъ подражательности. Теокрытъ, конечно, не избѣгнулъ этой общей всѣмъ участи и въ молодости, отдавая дань своему вѣку, пробовалъ идти вслѣдъ за Гомеромъ въ своихъ гимнахъ (Діоскуры, Вакханки) и въ эпическихъ отрывкахъ о Гераклѣ. Послѣдніе лучше первыхъ, неприятно дѣйствующихъ на читателя своимъ нравственнымъ и религіознымъ индифферентизмомъ. Но и здѣсь попадаются мѣста, гдѣ уже чувствуется смѣлый размахъ кисти будущаго великаго мастера поэзіи. Такова, на примѣръ, исполненная живости и движенія драматическая сценка между Амикомъ и Полидевкомъ въ Діоскурахъ. Эти юношескія произведенія — лучший доводъ противъ тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ Теокрытѣ только подражателя. Даже въ самую раннюю пору сквозь заимствованныя формы прорываются черты своеобразнаго дарованія, и легко прослѣдить ихъ постепенный ростъ до того момента, когда онъ наконецъ вылился вполне въ пастушескихъ идилліяхъ. Слабою струйкой сказывается своеобразность творчества Теокрита уже въ описаніи источника въ „Діоскурахъ“; въ „Гераклѣ побѣдителя льва“ красокъ будущей буколической поэзіи еще больше, онъ богаче и ярче, а идиллія о Гилѣ уже вся благоухаетъ цвѣтами пастушьей поэзіи. Послѣ нея Теокрыту оставалось только попробовать свои силы въ лирическомъ родѣ (ид. XII, написанная на іоническомъ діалектѣ, и ид. XXIX и XXX на эолическомъ), чтобы затѣмъ, испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ поэзіи, выступить самостоятельнымъ художникомъ въ своихъ буколическихъ идилліяхъ, которыя, какъ извѣстно, нерѣдко представляютъ въ себѣ сочетаніе драматическаго діалога съ эпическимъ разказомъ и лирической пѣснью.

Пастушескихъ идиллій, на которыхъ зиждилась главнымъ образомъ слава Теокрита, всего только десять (первыя 11 пьесъ за исключеніемъ второй). Имъ-то собственно и принадлежитъ названіе идиллій. Съ легкой руки м-ше Дезульеръ, съ этимъ названіемъ обыкновенно соединяется представленіе объ аркадскихъ пастухахъ и пастушкахъ,

сентиментально воркующихъ на тему любви. Но идиллія, какою встрѣчаемъ ее у Феокрита,—это небольшая картинка, жанровая сцена, въ которую можетъ быть вложено самое разнообразное содержаніе. Феокритъ иногда изображаетъ жизнь вовсе не идиллическую (ид. „Косцы“ или „Рыбаки“) и иной разъ даже бываетъ настроенъ довольно пессимистически. Словомъ, та модная форма эскиза, которая теперь такъ усердно культивируется нашими и иностранными беллетристами, въ сущности—ничто иное, какъ старинная идиллія. Но не столько формъ, сколько новизнъ содержанія обязанъ Феокритъ своимъ успѣхомъ среди современниковъ. Хотя идилліи его и писаны, какъ думаютъ, въ Александріи, но ихъ навѣяла ему Сицилія съ ея роскошною природою, съ ея зеленѣющими пастбищами и живописными горами, съ ея своеобразною простотою сельскихъ нравовъ и грустными, мелодическими пѣснями. Задумавъ воспѣть свою родину и изобразить нравы ея обитателей, поэтъ отбросилъ всѣ литературные образцы и списывалъ прямо съ дѣйствительности. Его пастухи—не тѣни и не измышленія самого поэта, это—живые люди и каждый со своею особою индивидуальною фязіономіей. Они не воркуютъ, какъ позднѣйшіе „аркадскіе пастушки“, но живутъ, спорятъ, состязаются въ пѣсняхъ, влюбляются, ссорятся и бранятся. Ища только правды, поэтъ иногда рискуетъ даже впасть въ простонародность. Но глядя онъ грубость и наивный цинизмъ поступковъ и рѣчей своихъ героевъ, изображеніе сицилійскихъ пастуховъ не было бы правдивымъ. Для утомленныхъ городскою жизнію александрійцевъ, можетъ быть, наибольшую прелесть во всемъ Феокритѣ представляло именно та здоровая свѣжесть, которою вѣяло отъ этихъ грубыхъ, но наивныхъ и простыхъ нравовъ нетронутого цивилизаціей народа, изображенныхъ къ тому-же съ необыкновенною объективною и большимъ художественнымъ чутьемъ. Близкое знакомство съ народною поэзіей не могло не отозваться самымъ выгоднымъ образомъ въ простотѣ, наивности, чистосердечіи Феокритовскаго творчества. Его поэзія чиста и прозрачна, какъ самый чистый горный родникъ. Нѣкоторые пѣсни до того просты и вмѣстѣ своеобразны, что иные изслѣдователи думаютъ видѣть въ нихъ плоды народнаго творчества, только оправленные поэтомъ въ стройную форму гексаметра. Самый гексаметръ у Феокрита приближается къ народному складу стиха, благодаря особой буколической цезурѣ передъ пятою стопой. Богатство необыкновенно мѣткихъ и новыхъ эпитетовъ и совершенно своеобразныхъ сравненій, взятыхъ изъ пастушескаго и сельскаго обихода, довершали

очарованіе, и десяти коротенькихъ жанровыхъ сценокъ было довольно, чтобы отвоевать Теоокриту громкую славу. Своими буколическими идилліями онъ сказалъ міру новое слово и внесъ навсегда свое имя въ исторію всемірной поэзіи.

До Теоокрита греческая поэзія относилась равнодушно къ природѣ, она мало знала и мало любила ее. Воспроизводя бытъ сицилійскихъ пастуховъ, въ которомъ такую большую роль играла природа Сициліи, Теоокритъ первый отвелъ ей подобающее мѣсто. Его идилліи пересыпаны ландшафтами, и если мало было древнихъ поэтовъ, которые могли-бы сравниться съ нимъ по живописности его картинъ природы, то еще менѣе—по вѣрному чувству красотъ ея. Теоокритъ не только любитель, но и тонкій знатокъ природы, и кто прочтетъ хотя-бы въ „Осеннемъ праздникѣ“ удивительное описаніе поздняго лѣта, тотъ согласится, что оно благоухаетъ поэзіей. На жителей Александріи, города, бывшаго средоточіемъ холодной и сухой учености и расположеннаго вблизи выжженныхъ и знойныхъ пустынь Африки, отъ идилліи Теоокрита точно повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ благодатной Сициліи, душистымъ запахомъ пнии и ароматомъ скошенныхъ луговъ. Благодаря Теоокриту александрійцы открыли въ своей душѣ новый неизсякаемый источникъ наслажденія—природой; и эту послѣднюю стороню своей поэзіи Теоокритъ столько-же близокъ намъ, сколько и своимъ современникамъ. Но еще понятнѣе, еще ближе современному читателю то общечеловѣческое содержаніе, которое вкладывалъ поэтъ въ рамки своихъ жанровыхъ картинокъ. Основной мотивъ его пѣсенъ—чувство нераздѣленной, томящейся любви. Поэтъ неудовлетворенныхъ стремленій, Теоокритъ—настоящій романтикъ древности, и свѣтъ его поэзіи можно сравнить съ меланхолическимъ и трепетнымъ сіяніемъ вечерней звѣзды, всегда грустнымъ и всегда притягательнымъ. Подернутая легкою элегическою дымкою эта поэзія задѣваетъ самыя интимныя стороны человѣческаго сердца. И не даромъ великій знатокъ всего, что касалось любви, Расинъ сказалъ, что онъ ни въ одной литературѣ не знаетъ такого удивительнаго изображенія томленія страсти, какъ въ идилліи „Чародѣйки“. Теоокритъ затрогиваетъ всѣ аккорды человѣческой страсти, начиная отъ слабыхъ и дрожащихъ пѣснопѣній и кончая тѣмъ страшнымъ наплывомъ пожирающаго душу чувства, который ведетъ къ трагической развязкѣ. Свои лирическія пѣсни поэтъ излагаетъ не отъ себя, но вкладываетъ ихъ въ уста своихъ героевъ, изъ которыхъ каждый представляетъ законченный и мастерски очерченный образъ, а нѣкото-

рые, какъ, напримѣръ, Полифемъ, по своему значенію могли бы послужить предметомъ особаго литературнаго этюда. Но какъ ни разнообразны выведенныя поэтомъ лица, они всѣ, начиная съ героя пастушескихъ пѣсенъ, Дафниса, такъ-же близки и знакомы намъ, какъ знакома любовь. Въ этомъ по крайней мѣрѣ столько-же, сколько въ своеобразности буколической поэзіи, заключается, по нашему мнѣнію, вся разгадка необыкновенной популярности Теокрытовской поэзіи. Ни одинъ греческій поэтъ, за исключеніемъ Гомера, не читался такъ много, какъ Теокрытъ. Любимѣйшій поэтъ въ средніе вѣка, онъ до самаго послѣдняго времени находить себѣ множество и подражателей и переводчиковъ.

Русская литература, вообще небогатая переводами классическихъ произведеній, не оставляла однако безъ вниманія Теокрыта. Ему подражалъ Мерзляковъ (идилліи XII, X и XXI), его „Сиракузяновъ“ перевелъ Гнѣдичъ и, наконецъ, въ сравнительно недавнее время семь идиллій (къ сожалѣнію, изъ нихъ лишь одна буколическая) переведены были Меемъ. Высокохудожественные переводы послѣдняго составляютъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу, и можно только пожалѣть, что покойный поэтъ безъ всякой надобности измѣнилъ размѣръ подлинника и иной разъ позволялъ себѣ вольныя отступленія (напримѣръ, въ „Рыбакахъ“ названіе луны — „небесной лампадой, въ которой еще много масла“, не говоря уже о совершенномъ искаженіи текста, совсѣмъ несогласно съ духомъ греческой поэзіи). Настоящій переводъ сдѣланъ по сборному тексту и размѣромъ подлинника, за исключеніемъ шести небольшихъ эпиграммъ, которыхъ размѣры—не могутъ, по нашему мнѣнію, быть усвоены русскою рѣчью. Главною задачей переводчика было не отступать отъ подлинника и передавать текстъ, по возможности, буквально, сохраняя при этомъ ясность русской рѣчи и размѣренное теченіе стиха. Трудность задачи да послужить нѣкоторымъ оправданіемъ недостатковъ выполненія. Блескъ Теокрытовой поэзіи можетъ быть вполнѣ переданъ только поэтомъ, равнымъ ему по таланту. Но причудливъ полетъ генія, и если бы ждать его вдохновеній, намъ до сихъ поръ оставались-бы недоступными многія сокровища иностранной поэзіи. Какъ-бы то ни было, настоящій переводъ, представляя впервые все, что было написано Теокрытомъ, даетъ впервые-же возможность обстоятельно познакомиться съ поэтомъ, котораго недаромъ называютъ „однимъ изъ величайш ихъ, недосыгаемыхъ мастеровъ греческой поэзіи“.

I.

Фирсисъ или пѣсня ¹⁾).

Фирсисъ.

Сладостенъ шорохъ сосны той, что пѣснь у ключей тамъ лепечеть,

Сладостно также и ты, о пастухъ, на свирѣли играешь.

Послѣ Пана вторая награда тебѣ подобаешь.

Если возьметъ онъ козла-рогача, то козу ты получишь;

5. Если же онъ взять козу пожелаетъ, тебѣ будетъ въ долю Козочка. Славно у козочки мясо, пока ее доишь.

Козій пастухъ.

Пѣсня твоя же, о пастырь, пріятнѣй, чѣмъ гуль отъ потока,

Что съ высоты той скалы низвергается съ шумнымъ журчаньемъ.

Если овечку, въ награду избравъ, уведутъ съ собой музы,

10. Ты молодого ягненка получишь въ подарокъ; а если Имъ взять ягненка угодно бы было,—овца твоя будетъ.

Фирсисъ.

О, ради нимфъ, не желаешь ли мнѣ ты сыграть на свирѣли,
Здѣсь, гдѣ мирики ²⁾, гдѣ холмъ нисходитъ къ долинѣ. Усѣв-
шись,

Ты бы игралъ, а же тамъ вонъ пасти буду козъ моихъ стадо.

Козій пастухъ.

15. Нѣтъ, не возможно играть на свирѣли, никакъ не возможно
Въ полдень намъ, пастырь. Мы Пана боимся. Уставшій отъ ловли
Въ эту онъ пору свой отдыхъ вкушаетъ, а онъ вѣдъ сердитый,

---

¹⁾ *Идиллія I.* Центръ этой идилліи въ пѣсни пастуха Фирсиса о смерти Даониса. Пѣсня эта вставлена въ оправу мимической сценки между двумя пастухами, Фирсисомъ и козымъ пастухомъ. Послѣдній вызываетъ Фирсиса къ пѣнію, обѣщая ему кубокъ, описаніе котораго составляетъ эпическій элементъ идилліи.

²⁾ Кустарникъ.

- И постоянно въ носу его гнѣвъ пребываетъ свирѣпый ¹⁾.
 Ты же вотъ, Эирсисъ, о Дафниса бѣдственной долѣ поешь ты
 20. И совершенства достигъ наивысшаго въ пѣснѣ пастушьей.
 Сядемъ же здѣсь мы подъ ильмомъ съ тобою, предъ ликомъ
 Приапа ²⁾),
 Противъ богинь ключевыхъ, гдѣ пастырямъ отдыха мѣсто,
 Тутъ, гдѣ дубы разрослися, и, если споешь ты мнѣ такъ же,
 Какъ ты когда-то пѣлъ, съ Хромисомъ споря, изъ Ливіи мужемъ.
 25. Дамъ тебѣ трижды тогда я козу подоить съ близнецами, —
 Двухъ она кормитъ агнятокъ и двѣ еще сверхъ даетъ банки,—
 Дамъ тебѣ кубокъ глубокой, обмазанный воскомъ душистымъ,
 Только что сдѣланъ, двѣ ручки имѣетъ, рѣзцомъ еще пахнетъ.
 По ободку его плущъ, съ золотисткою смѣшанный, вьется
 30. Сверхъ, а ниже, красуясь плодами шафраннаго цвѣта,
 Вьется другая гирлянда изъ зелени плуща жъ ползучей;
 А въ серединѣ ихъ женщина—трудъ превосходный безсмертныхъ.
 Пеплосъ на ней, головная повязка, и возлѣ два мужа
 Съ длинными чудными кудрями въ очередь другъ передъ дру-
 гомъ
 35. Спорятъ рѣчами, но рѣчи ея не касаются сердца:
 ~То къ одному она взоръ обращаетъ съ улыбкою мужу,
 ~То на другаго опять устремляетъ вниманье; у нихъ же
 ~Вѣки распухли давно отъ любви, но стараются тщетно.
 Изображенъ сверхъ того и старикъ рыболовъ и скалистый
 40. Гдѣ же утесъ, на который поспѣшно онъ неводъ огромный
 Ташитъ для ловли, какъ мужъ, напрягающій силы въ работѣ.
 Можно бъ сказать, что вся крѣпость ушла его въ рыбную ловлю:
 Такъ на затылкѣ его налились и повздулися жилы,
 И, хотя старъ онъ и сѣдъ, но крѣпостью юноши стоитъ.
 45. Тутъ же чуть-чуть лишь поодаль отъ старца, уставшаго въ
 Красными кистями весь отягченный стоитъ виноградникъ.
 Маленькій мальчикъ его стережетъ, на заборѣ изъ терна
 Сидя. Съ боковъ у него двѣ лисицы; одна между грядокъ
 Ходить, съѣдая поспѣвшія ягоды, къ сумкѣ другая

¹⁾ Древніе считали носъ мѣстопребываніемъ гнѣва.

²⁾ Приапъ—сынъ Діониса и Аэродиты. Его статуи украшали сады и виноградники. Полевое божество, онъ считался подателемъ плодородія. Главнымъ мѣстомъ его почитанія былъ Лампсакъ.

50. Крадется, хитрость тая, и всѣмъ видомъ своимъ общаетъ
Мальчика бросить не раньше, чѣмъ на мель голоднымъ посадить.
Онъ же кузнечикамъ ливо-ловушку плететь, закрѣпляя
Ситникомъ стебли асфѣдила ¹⁾, и столь же мало о сумкѣ
Думаетъ и о лозахъ, сколь много плетениемъ занять.
55. Кубокъ кругомъ обвивается зеленью гибкой аканта.
Чудное, пестрое зрѣлище! Ты бѣ восхитился, взглянувши.
Я за него моряку калидонцу козу въ обмѣнъ отдалъ,
Да въ прибавленіе изъ молока еще сырникъ громадный,
И до сихъ поръ не касались его мои губы. Нетронутъ
60. Кубокъ хранится и имъ угодить я бѣ тебѣ постарался,
Еслибы только, голубчикъ, мнѣ спѣлъ ты желанную пѣсню.
Я не шучу. Начинай-ка, дружище! Вѣдь не бережешь же
Пѣсню свою для Анда, гдѣ все—достоянье забвенья. X 2 . . .

Өирсисъ.

- Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
65. Өирсисъ я, родомъ изъ Этны, вы Өирсиса слышите голосъ.
Гдѣ же вы были въ часъ Дафниса ²⁾ смерти, гдѣ были вы, нимфы?
Въ чудной долинѣ ль Пенея рѣки или въ Пинда равнинѣ?
Не было васъ ни на мощномъ теченіи Анапа, ни близко
Акида ³⁾ влаги священной, ни на вершинѣ Этнійской.
70. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Волки по немъ завывали, по немъ горевали шакалы,
Изъ лѣсу левъ проливалъ по скончавшемся горькія слезы,
Кучей быки, распростершись у ногъ его, кучей коровы,
Кучей бычки молодые и телки, горяя, мычали.

¹⁾ Растеніе, *asphodelus gamosus*.

²⁾ Дафнисъ, описаніе смерти котораго составляетъ содержаніе пѣсни Өирсиса, былъ сыномъ Гермеса и одной нимфы, воспитывался нимфами и потомъ пасъ на Этнѣ коровъ. Онъ родоначальникъ пастушеской поэзіи. По преданію, въ него влюбилась нимфа Наяда и взяла съ него зарокъ, что онъ не приблизится ни къ какой другой женщинѣ, въ противномъ случаѣ угрожая ему слѣпотой. Впослѣдствіи, когда въ него влюбилась Ксенея (см. Идиллію VII), онъ нарушилъ зарокъ и ослѣпъ. Въ настоящей идилліи дѣло представляется такъ, что Дафнисъ хвалился осилить Эротъ, и въ наказаніе влюбившись несчастливо, отъ этой любви умеръ. Пѣсна Өирсиса такъ проста и безыскусственна, что многіе думаютъ видѣть въ ней продуктъ народнаго творчества, которымъ воспользовался Эокритъ.

³⁾ Анапъ и Акидъ — рѣки въ Сициліи.

75. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Первымъ съ горы къ нему прибылъ Гермесь и промолвилъ: „о Даф-
нисъ,
Кто сокрушаетъ тебя? Такъ мучительно любишь кого ты?“
Прибыли также коровъ пастухи и овечьи и козьи.
Всѣ вопрошали, чего онъ страдаетъ. Пріапъ появился—
80. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте! —
И ему молвилъ: „чего сокрушаешься, Дафнисъ: вѣдь, дѣва
Бродить еще по всѣмъ рощамъ, по всѣмъ родникамъ она хо-
дить,—
Ищеть тебя; ты жъ, несчастный любовникъ, лежишь, потерявшись.
Пастыремъ ты назывался коровъ, а теперь сталъ, какъ козій“.
85. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
„Козій пастухъ, когда смотреть, какъ любятся козы другъ съ
дружкой,
Горемъ крушится безмолвнымъ, что самъ не козломъ уродился.
Такъ же и ты, когда смотришь, какъ дѣвы смѣются, рѣзвятся,
Горемъ крушишься безмолвно, что съ ними не пляшешь ты
вмѣстѣ“.
90. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Имъ не промолвилъ ни слова пастухъ, но молча терпѣлъ онъ
Муки любви и терпѣлъ до конца своей горькой судьбины.
Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Нѣжная также явилась Киприда съ улыбкой. Издѣвка,
95. Смѣхъ на устахъ ея были, на сердцѣ же злобу таила.
Молвила: „вотъ ты хвалился, о, Дафнисъ, осилить Эротъ?
Что же? Не самъ ли теперь ты поверженъ Эротомъ ужаснымъ?“
Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Тутъ не смолчалъ ужъ и Дафнисъ и вымолвилъ: „злая Киприда,
100. Ты ненавистная, ты всѣмъ враждебная смертнымъ Киприда!
Ты уже мнишь, что на вѣки для насъ закатилось солнце?
Но и въ Аидѣ Эроту злой мукою Дафнисъ пребудеть.
Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
„Къ Идѣ ступай-ка, туда, гдѣ пастырь, какъ слышно, Киприду.. ‘)

‘) Тутъ не договоренный намекъ на отношенія Киприды къ Анхизу. Вся эта строфа испорчена и стихи, поставленные въ скобкахъ, вѣроятно, позднѣйшая вставка. Нѣсколько ниже Дафнисъ упрекаетъ Киприду въ малодушія. Диомедъ, какъ извѣстно изъ 5-й пѣсни Иліады, ранилъ богиню.

105. Ты уходи-ка къ Анхизу: [вѣдь здѣсь лишь кипрей, а тамъ дубы,
Тамъ тебя встрѣтитъ готовъ Адонисъ, тамъ стада стережетъ онъ,
Тамъ убиваетъ и зайцевъ, и всякаго звѣря гоняетъ.]
Снова, приблизившись, стань предъ лицомъ Діомеда и молви:
Дафниса я пастуха побѣдила. Сразись же со мною!

110. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
„Волки, шакалы и скрытые въ горныхъ берлогахъ медвѣди!
Дафнисъ пастухъ говоритъ вамъ прости; уже съ вами ни въ чащѣ,
Ни въ дубякѣ онъ, ни въ рощахъ не будетъ. Прощай, Аретуза ¹⁾!
Рѣки, прощайте, что съ Эмбрида чистую воду струите!

115. Дафнисъ я, тотъ самый Дафнисъ, который коровъ стережетъ здѣсь,
Дафнисъ тотъ самый, который быковъ и коровокъ поитъ здѣсь.“

Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
О, Панъ, Панъ! На горахъ ли ты бродишь высокихъ Ливеа ²⁾,
Вкругъ ли Менала блуждаешь, явился на островъ Сицилью,

120. Холмъ Гелики могильный оставь, оставь и высокій
Холмъ Ливаонова сына, самими безсмертными чтимый.

Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекра-
щайте!

Съ дивной медовой свирѣлюю своею явись, о владыка,
Съ воскомъ скрѣпленной свирѣлюю, межъ губъ скользящей сво-
бодно.

125. Дафниса муки любви ужъ влекутъ меня въ область Аида.

Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекра-
щайте!

Пусть теперь тернъ и волчець распускаются цвѣтомъ фіалки,
Чудный нарциссъ украшаетъ пускай жежевельника вѣтви,
Пусть перевернется все, на соснѣ пусть рости стануть груши,

130. Дафнисъ когда умираетъ, и псовъ пусть терзаютъ олени
И съ соловьями пускай, не смутясь, состязаются совы“.

Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекра-
щайте!

Такъ онъ сказалъ и замолкнулъ. Его разбудить Афродита
Тщетно желала. Всѣ волею мойръ порвалися нити

¹⁾ Знаменитый источникъ. Эмбридъ, по новѣйшимъ разъясненіямъ, гора въ Сициліи.

²⁾ Ликей точно также, какъ и Меналъ, — горы въ Аркадіи. Около Менала была гробница Гелики, дочери аркадскаго царя Ливаона. Всѣ эти мѣста были любимымъ мѣстопребываніемъ Пана.

135. И отошелъ къ Ахеронту пастухъ; поглотила пучина
Музамъ любезнаго, много любимаго нимфами мужа.

Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекра-
щайте!

Ты же давай-ка мнѣ кубокъ съ козою. Ее подоивши,
Да совершу возліянье я музамъ. О, радуйтесь, музы,

140. Много разъ радуйтесь! Я жъ вамъ и впредь буду пѣть еще лучше.

Козій пастухъ.

Да переполнятся медомъ уста твои чудныя, Фирсисъ!
Сотами пусть будутъ полны, пусть ты вкушаешь съ Эттила ¹⁾
Винныя ягоды, ибо поешь ты пріятнѣй цикады.

Вотъ тебѣ кубокъ. Взгляни-ка, мой милый, какъ чудно онъ пах-
нетъ.

145. Горы ²⁾, подумаешь, сами его въ родникѣ обживали.
Ну, подходи-ка, Киссета ³⁾! Дой ее. Вы же, смотрите,
Юныя козы, не прыгать! Иначе—козелъ на васъ вскочить.

II.

Чародѣйки ⁴⁾.

Гдѣ же лавровыя вѣтви? Неси, Фестилида! Гдѣ зелье?
Чашу кругомъ увѣнчай овечки пурпурною шерстью,
Чтобъ привязать мнѣ къ себѣ вѣроломнаго милаго снова.
Вотъ ужъ двѣнадцатый день, какъ ко мнѣ ни ногой онъ, не-
годный!

5. И не подумалъ узнать даже, живы ли мы или мертвы,
Въ дверь не толкнулся жестокой ни разу. Ужъ вѣрно въ другую
Сторону легкое сердце умчали Эротъ съ Афродитой.

¹⁾ Демъ въ Аттікѣ.

²⁾ Горы, дочери Зевса и Фемиды, богини время года.

³⁾ Имя козы.

⁴⁾ *Идиллія II*—драматическая сценка, въ которой одно изъ двухъ действую-
щихъ лицъ служанка Фестилида безъ рѣчей. Указываютъ, что Эзокрытъ подра-
жалъ въ этой идилліи Софрону. Молодая двушка, горожанка Симета, пригото-
вляетъ волшебный напитокъ, чтобы воротить къ себѣ измѣнившаго ей милаго
Дельюса, и рассказываетъ исторію своей любви. Раеннъ говорилъ, что онъ не
знаетъ въ европейскихъ литературахъ такого совершеннаго выраженія страсти,
какъ въ этой идилліи Эзокрыта.

Завтра пойду въ Тимагетову я непремѣнно палестру,
Чтобы, съ нимъ встрѣтись, за все разбранить, что творить онъ
со мною.

10. Нынче же приворожу его зельемъ. Свѣти благосклонно
Мнѣ, о Селена ¹⁾! Тебя, молчаливая дѣва, возславлю
Вмѣстѣ съ Гекатой подземной, предъ коей дрожать и собаки
Въ часъ, какъ по черной крови и могиламъ она выступаетъ.
Здравствуй, Геката ужасная, и до конца мнѣ сопутствуй,
15. Чтобъ съ твоею помощію зелье не вышло слабѣй ни Цирцен
Чаръ, ни Медеи волшебницы, ни Перимеды златистой!
О, вертошейка! влеки ко мнѣ въ домъ мной любимаго
мужа ²⁾).

Прежде всего на огнѣ сожигаютъ ячмень. Фестилида!
Сыпь-же скорѣе, негодная! Гдѣ твои мысли блуждаютъ?

20. Иль и тебѣ ужъ предметомъ злорадныхъ насмѣшекъ я стала?
Сыпь, да, смотри, приговаривай: „сыплю я Дельфиса кости“.

О, вертошейка! влеки ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Дельфисъ виной моихъ мукъ. Изъ-за Дельфиса лавръ я сжигаю,
И точно такъ же, какъ лавръ, затрепавъ, запаленный огнемъ,

25. Вспыхнулъ внезапно затѣмъ, и ни пепла его мы не видимъ,—
Такъ же пусть въ прахъ обращается Дельфиса тѣло!

О, вертошейка! влеки ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Какъ этотъ воскъ ³⁾ я съ божественной помощію здѣсь растопляю,
Такъ же немедля пускай отъ любви таетъ Дельфисъ Миндіецъ;

30. Какъ этотъ мѣдннй вращается кругъ, Афродитѣ послушень,
Такъ же пусть точно и онъ у дверей моихъ вертится, бродитъ!

О, вертошейка! влеки ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Отруби въ жертву теперь привесу. Артемида! ты крѣпкій
Сдвинуть могла-бъ адамантъ и твердыню какую угодно...

35. Но, Фестилида, ты слышишь? по городу псы завываютъ.
На перекресткѣ богиня. Бей въ тазъ поскорѣе ты мѣдннй.

О, вертошейка! влеки ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.

¹⁾ Селена—дочь Гиперіона, сестра Геміуса и Эосъ. Певднзшше поэты смѣшнвали ее съ Артемидой, но здѣсь съ послѣдней отождествляется Геката, богиня покровительница чаръ.

²⁾ Вертошейка—птица, такъ называемая оттого, что она скоро вертитъ своей шейкой. Она употреблялась при заклинаніяхъ. Ее привязывали къ кругу и вертѣли кругъ въ одну сторону.

³⁾ Вѣроятно, сдѣланное изъ воска изображеніе Дельфиса.

- Вотъ ужъ и море замолкло, замолкло дыханіе вѣтровъ,
Только въ моей лишь груди не смолкаютъ ни горе, ни муки.
40. Вся я плаю по томъ, кто меня горемычную сдѣлалъ
Вмѣсто жены полюбовницей, честь потерявшей дѣвичью.
О, вертошейка! влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Трижды я возліянье свершаю и трижды взываю:
Дѣлать-ли ложе съ нимъ женщина, или онъ юношу любить.
45. Такъ же пускай позабудетъ онъ ихъ, какъ Тезей, по преданью,
Пушинокудрявую въ Діѣ¹⁾ забылъ Ариадну когда-то.
О, вертошейка! влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Есть у Аркадянъ трава: лошадиное бѣшенство. Въ горахъ
Бѣсятся быстрые всѣ жеребята отъ ней и кобылы.
50. Пусть увидала-бъ такимъ-же я Дельфиса, пусть-бы ко мнѣ онъ
Точно безумный отъ страсти пришелъ изъ блестящей палестры.
О, вертошейка! влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Этотъ кусочекъ каймы отъ плаща уронилъ здѣсь мой Дельфисъ.
Я разрываю его и въ свирѣное пламя бросаю.
55. Ахъ, мучитель Эротъ, о, зачѣмъ, какъ болотная пьявка,
Въ тѣло всосавшись мое, ты всю черную кровь мою выпилъ?
О, вертошейка! влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Завтра напитокъ волшебный снесу, растеревъ саламандру;
Нынче-жъ возьми, Фестилида, ты эти вотъ травы и сверху
60. Притолки Дельфиса ихъ разотри, пока есть еще время.
Три, да, плюя, говори: „растираю я Дельфиса кости“²⁾.
О, вертошейка! влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа.
Вотъ и одна я осталась. Любовь какъ оплакивать стану?
Какъ и съ чего мнѣ начать? Кто наслалъ на меня это горе?
65. Помню: Анаксо, Евбулова дочка, съ корзиною въ роцѣ³⁾
Пла Артемиды, и много звѣрей съ нею въ шествиі было,
Дѣву со всѣхъ обступая сторонъ, въ серединѣ же львица.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
Тутъ Тевхариды Фракійнка мамка—ей вѣчная память!—
70. Наша сосѣдка склонила меня неотступною просьбой
Шествіе то посмотрѣть. Горемычная съ нею я вмѣстѣ

¹⁾ То же, что Наксось.

²⁾ Кончивъ заклинанія, Симета отпускаетъ Фестилиду и затѣмъ остается одна.

³⁾ Дѣвушки, выходя замужъ, обыкновенно умилостивляли богиню дѣвственности, Артемиду, и несли въ корзинахъ ей дары въ торжественной процессіи. Отсюда, названіе канефорсъ—слово, которое мы перевели „съ корзиной“.

Вышла, таща по землѣ свой изъ бисса¹⁾ хитонъ превосходный
И нарядясь въ Клеаристы парадное верхнее платье.

Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.

75. Были ужъ мы на срединѣ дороги, у дома Ликона,
Дельфиса какъ увидали съ Евдѣмнипомъ шедшаго вмѣстѣ.
Бороды ихъ золотилися ярче цвѣтовъ золотистки,
Мощныя жъ груди блестяли сильнѣе, чѣмъ ты, о Селена:
Только предъ тѣмъ лишь въ гимназьи занятія они прекратили.

80. Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
Я, какъ взглянула, такъ прямо безумною сдѣбалась,—сразу
Вспыхнуло сердце у бѣдной. Поблекла краса, и о шествыи
Тутъ я и думать забыла, а какъ ужъ назадъ воротилась,
Вовсе не знаю. Скватилъ меня жаркій недугъ тутъ какой-то,

85. И десять дней я и десять ночей пролежала въ постели.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.

Тѣло не разъ у меня становилось, какъ желтая краска.
Падали волосы всѣ съ головы. Остались однѣ лишь
Кости да кожа. Къ кому только я ни ходила въ то время?

90. Домъ пропустила-ль хотя-бы единой старухи-вѣдуньи?
Не было легче ничуть. Невозвратное жъ время летѣло.

Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.

Тутъ наконецъ я рабынѣ сказала правдивое слово:
„Ахъ, Фестилида! отъ тяжелой болѣзни найди ты мнѣ средство.

95. Мною несчастной всецѣло владѣеть Миндіецъ. Поди же
Ты поскорѣй къ Тимагета палестрѣ и тамъ его выжди.
Тамъ онъ бываетъ, тамъ любо ему проводить свое время“.

Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.

„Только одинъ онъ останется,—ты и кивни потихоньку,
100. Молви: „Симета зоветь“ и сюда приведи его въ домъ мой“.
Такъ я сказала, она же пошла и назадъ воротилась
Съ Дельфисомъ вмѣстѣ блестящимъ, а я лишь замѣтила только,
Что чрезъ порогъ онъ дверной переноситъ проворную ногу—

Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена—

105. Вся холоднѣй стала снѣга: съ чела заструился ручьями
Потъ изобильный, закапалъ, какъ капли росы дождевыя;
Слова сказать не могла я, ни звука хотя бы такого,
Чтò, свою мать зова милую, сонныя дѣти бормочуть:

¹⁾ Биссъ—растеніе, изъ котораго дѣлалась матерія желтаго цвѣта.

- Словно, какъ кукла изъ воска, всѣмъ тѣломъ застыла на мѣстѣ.
110. Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
Онъ-же, невѣрный, взглянувъ на меня, потупилъ свои очи
Въ землю, сѣлъ на постели и сѣвши мнѣ вымолвилъ слово:
„Въ домъ свой позвавъ меня раньше, чѣмъ самъ по себѣ я
явился,
Опередила меня ты на столько жъ, Симета, на сколько
115. Въ бѣгѣ на дьякъ обогнала я Филина прекраснаго какъ-то“.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай Селена.
„Самъ вѣдь пришелъ бы, клянусь тебѣ нѣжнымъ Эротомъ,
пришелъ бы,
Двухъ или трехъ захвативши друзей, съ наступленіемъ ночи,
Яблоки Вакха ¹⁾ неся тебѣ въ складкахъ одежды у груди,
120. Кудри жъ украсивъ священною вѣтвью Геракла, серебристымъ
Тополемъ, всюду пурпурными лентами вокругъ перевитымъ“.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
„И еслибъ ты приняла меня—было бъ отлично! Проворнымъ
Я и красавцемъ слыву среди юношей всѣхъ вѣдь недаромъ.
125. Только бъ сорвать поцѣлуй съ твоихъ устъ; и я спалъ бы
спокойно.
Если жъ меня бъ вы прогнали и дверь я нашелъ на запорѣ,
Факелы и топоры противъ васъ бы тогда обратились“.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
„Нинѣ же я благодарностью полонъ къ Кипридѣ всѣхъ прежде,
130. А за Кипридой къ тебѣ. Ты изъ пламени вырвала, дѣва,
Мужа, подъ кровлю свою въ эти стѣны его пригласивши
Полусожженнаго страстью. Эротъ вѣдь огонь восплаяетъ
Часто сильнѣе и ярче Гефеста въ Липарской пещерѣ ²⁾“.
Какъ и съ чего возгорѣлась любовь, о подумай, Селена.
135. „Злой сумасбродникъ, онъ гонить и юную дѣву изъ спальни
И молодую съ еще неостывшаго мужнина ложа
Только что вставшую“. Такъ онъ промолвилъ, и я легковѣрно
Юношу, за-руку взявши, на мягкое ложе склонила.
Быстро тепло разливалось по тѣлу отъ тѣла другаго,
140. Лица все жарче горѣли, и сладко уста лепетали,
Словомъ, чтобъ длиннымъ разговоромъ тебѣ не наскучить, Селена,

¹⁾ Яблоки дарилась въ знакъ любви.

²⁾ На островѣ Липаръ была мастерская Гефеста.

- Сдѣлалось главное: наши желанья мы оба свершили.
 И до вчерашняго дня между нами ни ссоръ, ни упрековъ
 Не было вовсе. Но вотъ забѣжала меня понавѣдать
145. Мать Филлисты флейтщицы, подруги моей и Меликсы
 Нынче, въ тотъ часъ, когда на небо быстрые кони спѣшили,
 Изъ океана веда за собой розодланную Эось,
 И между многими другими разказала, что Дельфисъ влюбленъ мой.
 Жемщина-ль сердцемъ владѣеть его, или юноша нѣжный,
150. Точно не знаю, сказала, но вѣрно одно: постоянно
 Цѣльное пилъ онъ вино ¹⁾ и потомъ убѣжалъ, въ довершенье
 Молвивъ, что домъ онъ извѣстный спѣшитъ разукрасить вѣнками.
 Вотъ что знакомка моя разказала, и это все правда.
 На-день, бывало, и три и четыре онъ раза заходить
155. И оставляетъ дорійскую съ масломъ бутылку ²⁾ нѣрѣдко,
 Нынѣ же вотъ ужъ двѣнадцатый день, какъ его я не вижу.
 Ужъ не другую-ль утѣху нашелъ, обо мнѣ позабывши?
 Зельемъ его приверну теперь; если жъ и послѣ меня онъ
 Будетъ терзать, клянусь Мойрою, въ дверь постучится Аида.
160. Въ ящикѣ я сберегаю зловредныя травы такіа,
 Отъ Ассирійца знакомаго ихъ получивши, Селена.
 Но будь здорова, благая, коней направляй къ Океану,
 Я-жъ съ моимъ горемъ останусь и буду терпѣть, какъ терпѣла.
 Свѣтлая дѣва прощай! и вы, прочія звѣзды, прощайте,
165. За колесницею Ночи беззвучной спѣшащія слѣдомъ!

III.

Козій пастухъ или Амариллида ³⁾.

Амариллидѣ я пѣть свою пѣсню отправлюсь, а козы
 Пусть на горѣ стерегутся; пускай погоняетъ ихъ Титирь.
 Титирь голубчикъ мой милый, мнѣ козъ попаси, сдѣлай милость,

¹⁾ Противъ обыкновенія, за здоровье возлюбленныхъ греки пили цѣльное, не смѣшанное съ водою вино.

²⁾ Бутылка эта была нужна Дельфису въ гимназіумѣ: передъ упражненіями, обыкновенно тѣло натиралось масломъ.

³⁾ *Идиллія III*—серенада, которую козій пастухъ поетъ своей возлюбленной Амариллидѣ послѣ предварительныхъ сѣтованій на ея равнодушіе. Нераздѣленная любовь была любимымъ мотивомъ Феокритовской поэзіи, и онъ мастерски ее выражалъ во всевозможныхъ оттѣнкахъ. См. ид. II, XI, XII, XIV, XX, XXIII, XXIX.

- И къ роднику ихъ, о Титиръ, своди. Одного берегися;
5. Не холощенный ливійскій бѣ козелъ не боднулъ тебя рогомъ.
Нѣжная Амариллида! въ свою отчего ты пещеру
Больше меня ужъ не манишь, влюбленнаго, глядя украдкой?
Иль ненавистенъ тебѣ? Иль вблизи я кажуся курносимъ,
Длиннобородымъ? Меня удавиться, о нимфа, заставишь!
10. Вотъ тебѣ яблокъ десятокъ несу. Гдѣ сама приказала,
Тамъ ихъ нарвалъ. И завтра еще принесу тебѣ новыхъ.
О, посмотри жъ, какъ терзается сердце! Жужжащей
Еслибы быть мнѣ пчелой и къ тебѣ прилетѣть бы въ пещеру,
И черезъ вьющійся плющъ и чрезъ папротникъ частый про-
бравшись!
15. Нынѣ позналъ я Эрота. Жестокій онъ богъ. Вѣрно, львицы
Грудь онъ сосалъ; его мать, вѣрно, въ чапѣ растила дубовой;
Медленнымъ муча огнемъ, до костей онъ меня прожигаетъ.
О, свѣтлоликая, о чернобровая нимфа, вся мурро!
О, обними жъ меня, пастыря ковъ, чтобъ твоимъ насладиться
20. Могъ я лобзаньемъ. Вѣдь есть и въ пустыхъ поцѣлуяхъ услада!
Но разорвать ты на части заставишь вѣнокъ этотъ здѣсь же,
Что для тебя сберегаю я, Амариллида,—изъ плюща,
Чашечки розъ перевивъ съ благовонною вмѣстѣ петрушкой.
Горе! Любовникъ отверженный, что я страдаю? Не внемлешь?
25. Снявъ съ себя платье пастушье, я въ волны оттуда низвергнусь,
Ольпись, рыбацкъ, гдѣ тунцовъ на высокой скалѣ поджидаетъ.
Если и живъ я останусь, тебѣ это будетъ пріятно.
Любишь меня ли, на дняхъ я испытывалъ, и убѣдился:
Маковый листикъ, рукою прихлопнутый, звука мнѣ не далъ.
30. Но понапрасну безмолвно на ровной ладони увянулъ.
На рѣшетѣ ворожащая правду и Граева дочка,
Вслѣдъ за жнецомъ подбирая колосья, сказала: привязанъ
Я къ тебѣ всею душой, а меня ни во что ты не ставишь.
Бѣлю я для тебя сохраняю козу съ близнецами;
35. Просить ее у меня и работница Мермнова также.
Ей ее дамъ, такъ какъ ты, равнодушная, мною играешь.
Дергаетъ правый мой глазъ! Не сейчасъ ли увижу я дѣву?
Къ пиніи этой вотъ здѣсь прислонившись, начну свою пѣсню:
Взглянетъ авось на меня—вѣдь она не изъ стали же твердой!”
40. Дѣву когда Гиппоменъ пожелалъ себѣ сдѣлать супругой,
Яблоки въ руки набравши, онъ первымъ домчался до цѣли,—

- И Аталанта безумной, глубокой въ мигъ вспыхнула страстью ¹⁾.
 Нѣкогда съ Оерія также гналь стадо Мелампъ прорицатель
 Въ Пилосъ, и мать прелестная Алфезилея разумной
45. Въ мощныя тутъ же немедля склонилась объятья Біанта.
 И Адонисъ—не довелъ ли до высшаго бѣшенства страсти
 Онъ Кнеерею прекрасную, скоть когда пасъ по горамъ свой,
 Такъ что и трупъ его къ персямъ она прижимала?
 Ахъ, мнѣ завиденъ и ты, о почіющей сномъ непробуднымъ
50. Эндиміонъ. И Язіону также завидую, дѣва:
 То испыталъ онъ, что, не посвященные, вамъ не извѣдать.
 Стражду. Болить голова, а тебѣ нѣтъ заботы ни малой.
 Пѣснь прекращу. Повалюся и лягу. Съѣдятъ меня волки.
 Пусть бы, какъ медъ во рту, для тебя это было пріятно!

IV.

Пастухи Баттъ и Коридонъ ²⁾.

Баттъ.

Чьи, Коридонъ, тутъ коровы пасутся, скажи мнѣ. Филонда?

Коридонъ.

Нѣтъ, Эгоново стадо. Его мнѣ стеречь поручилъ онъ.

Баттъ.

Что же, и доить ихъ всѣхъ вечеркомъ здѣсь одинъ въ тихомолку?

---

¹⁾ Этой строфой начинается собственно серенада влюбленнаго пастуха. Онъ вспоминаетъ примѣры героевъ и боговъ, думая привлечь къ себѣ этимъ Амариллду. Аталанта, дочь Стенея, объявила, что она выйдетъ замужъ только за того, кто побѣдитъ ее въ бѣгѣ. Влюбленный въ нее Гиппоментъ, получивъ отъ Афродиты золотыхъ яблокъ изъ сада Гесперидъ, во время бѣга бросалъ ихъ по дорогѣ. Аталанта же ихъ поднимала и отъ этого была побѣждена. Упоминаемый въ слѣдующей строфѣ Мелампъ—братъ Біанта, добивавшагося руки Перо, дочери Нелея, царя Пилосскаго. Последний объявилъ, что онъ отдастъ свою дочь за того, кто приведетъ ему съ Оерія стада Филага. Мелампъ добылъ эти стада для брата за мудрый совѣтъ, и Перо, выйдя за Біанта, родила Аленибею.—Язіонъ возлюбленный Деметры.

²⁾ *Идиллія IV*—картинка пастушеской жизни, разговоръ двухъ пастуховъ, скользящій отъ одного предмета къ другому. Одинъ пастухъ, Коридонъ—простоватый малый, другой, Баттъ—большой насмѣшникъ и скептикъ. Тонъ разговору даетъ послѣдній. Мѣсто дѣйствія—окрестности Кротона.

Коридонъ.

Къ маткамъ старикъ ¹⁾ подпускаетъ телятъ и смотритъ за мною.

Баттъ.

5. Ну, а хозяинъ-то стада, пастухъ самъ, куда жъ отлучился?

Коридонъ.

Развѣ не слышалъ? увелъ его Милонъ съ собою къ Алфею ²⁾.

Баттъ.

Вотъ какъ! Да видѣлъ ли онъ хоть масло въ глаза-то на играхъ?

Коридонъ.

Силой и крѣпостью онъ, говорятъ, съ Геракломъ поспорить.

Баттъ.

Мать говорила и мнѣ, что онъ Полидевка ³⁾ сильнѣе.

Коридонъ.

10. Заступъ онъ взялъ, уходя, да штукъ двадцать овечекъ отсюда.

Баттъ.

Этакъ пожалуй что Милонъ заставитъ и волка взбѣситься.

Коридонъ.

А безъ него какъ коровы скучаютъ: рѣвмя ревутъ всѣ.

Баттъ.

Бѣдныя вы! плохаго себѣ пастуха вы достали.

Коридонъ.

Бѣдныя, правда! совсѣмъ и пастись потеряли охоту ⁴⁾.

¹⁾ Отецъ Эгона, хозяинъ стада.

²⁾ Милонъ, родомъ изъ Кротона, знаменитый атлетъ. Нѣтъ надобности однако думать, что Теокрытъ предполагаетъ здѣсь именно этого Милона. Алфей—рѣка близъ Олимпія, такъ что „увести къ Алфею“ значитъ на Олимпійскія игры.

³⁾ Полидевкъ славился, какъ кулачный боецъ.

⁴⁾ Простодушный Коридонъ не понимаетъ колкости Батты и поддѣлываетъ ему, схвативъ изъ всей фразы собстѣннаго только одно слово: „бѣдныя“.

Баттѣ.

15. Вонъ, посмотри, отъ твоей молодой той коровки остались
Кости одни. Росой, видно, кормится, какъ и стрекозы?

Коридонъ.

Нѣтъ, ужъ неправда. Когда я къ Эвару ¹⁾ ее выгоняю,
Мягкого сѣна вязаночку славную тутъ ей даю я,
Или же прыгаетъ рѣзво по склонамъ тѣнистымъ Латимна ²⁾.

Баттѣ.

20. Худъ и бычекъ вонъ тотъ рыженькій. Только бъ такого
Людымъ имѣть Ламприада ³⁾, когда они жертву приносятъ
Герѣ. Народъ вѣдь тамъ бѣдный—ѣсть, что угодно.

Коридонъ.

- И на лиманъ я его выгоняю, и около Фиска ⁴⁾,
И у Навайтѣ ⁵⁾ пасу, гдѣ растутъ всѣ лучшія травы,
25. И душистый медокъ, и комарникъ, и козія травка.

Баттѣ.

Плохо, плохо! въ Андѣ уйдутъ и коровы твои всѣ,
Бѣдный Эгонъ пока самъ за печальной погнался побѣдой.
Вотъ и свирѣль, что устроилъ я нѣкогда, кроетъ ужъ плѣсень.

Коридонъ.

- Нѣтъ, клянусь нимфами, нѣтъ! Когда отправлялся онъ къ
Пизѣ ⁶⁾,
30. Мнѣ ее въ даръ онъ оставилъ, а въ пѣсняхъ я толкъ понимаю,
Пѣть и, какъ Главка, умѣю отлично, и Пирровы пѣсни ⁷⁾.

¹⁾ Эваръ—рѣка, протекавшая черезъ Кротонъ.

²⁾ Латимнъ—гора въ сосѣдствѣ съ Эваромъ.

³⁾ Ламприадъ,—вѣроятно, мѣстный герой; здѣсь для обозначенія известнаго мѣста.

⁴⁾ Гора у Кротона.

⁵⁾ Рѣка тамъ же.

⁶⁾ Пиза—городъ недалеко отъ Олимпіи. Здѣсь употреблено такъ же, какъ ранѣе Аллей для обозначенія Олимпійскихъ игръ.

⁷⁾ Главка, славная своею игрою на киварѣ, жила во время Птолемея Филадельфа; Пирръ—лирическій поэтъ родомъ изъ Лезбоса или Эритры.

Знаю хвалебную пѣсню Кротона: „Закинеъ—городъ чудный ¹⁾,
Горный Лакиній хребетъ на востокъ“. Боецъ тамъ кулачный
Цѣлыхъ осьмнадцать одинъ съѣлъ Эгонъ нашъ хлѣбовъ яч-
менныхъ.

35. Тамъ и быка онъ съ горы притащилъ, крѣпко взявъ за копыто.
Амариллидѣ его подарилъ онъ, и жены отъ страха
Громкій подняли крикъ, а пастухъ отъ души посмѣялся.

Баттѣ.

- Милая Амариллида! одной лишь тебя, и умершей,
Мнѣ не забыть! Какъ козы, мила мнѣ, и вотъ ужъ погасла!
40. Горькій, ахъ, слишкомъ горькій мнѣ жребій достался на долю.

Коридонъ.

Надо мужаться намъ, Баттѣ. Можетъ, завтрашній день будетъ
лучше.
Живы,—и будемъ надѣяться. Мертвые лишь безъ надежды!
Зевсъ самъ и тутъ то является свѣтлымъ, то дождь проливаетъ.

Баттѣ.

- Я и мужаюсь. Гони-ка телятъ своихъ снизу. Маслины
45. Вѣтви грызутъ они бѣдные съ голоду.

Коридонъ.

Бѣленькій, чей ты!
Гей ты, Кимайта! на горку скорѣе! не слышишь ты, что ли?
Вотъ тебѣ Панъ! только дай подойти мнѣ, кончится плохо,
Если не выйдешь отсюда. Смотрите: опять она лѣзетъ!
Гдѣ это посохъ кривой мой дѣвался? тебѣ ужъ задамъ я!

Баттѣ.

50. Ахъ, самого ради Зевса, взгляни, Коридонъ:—мнѣ репейникъ
Въ пятку вонзился на этомъ вотъ мѣстѣ сейчасъ. И какъ густо жъ
Колкій разросся кустарникъ! Чтобъ она сгнула, эта телушка!
Изъ-за нея, зазѣвавшись, поранился. Видишь занозу?

¹⁾ Испорченное мѣсто. Переводъ сдѣланъ согласно указаніямъ византійскихъ схолий. Закинеъ обозначаетъ Кротонъ.

Коридонъ.

Какъ же, ногтями ее ужь держу. А вотъ я и вынулъ.

Баттъ.

55. Ранки совсѣмъ и не видно, а мужа какого смиряетъ!

Коридонъ.

На гору если пойдешь ты, о Баттъ, не ходи необутый.
Тамъ и волчѣцъ и репейникъ на каждомъ шагу разрослися.

Баттъ.

Да, Коридонъ, что, скажи, старикашка твой все еще съ дѣвкой
Той чернобровой живеть, за какой увивался и раньше?

Коридонъ.

60. Все еще, Баттъ мой несчастный! Да вотъ, проходя близъ ку-
пальни,
Самъ я наемди засталъ его съ нею врасплохъ за работой.

Баттъ.

Такъ, похотливецъ, отлично! Сатирамъ ты юнымъ, иль Панамъ.
Съ тощими икрами, видно, приходишься близкой роднею.

V.

Пастухи—пѣвцы Комать и Лаконъ ¹⁾.

Комать.

Козы мои! берегитесь того пастуха Сибарита,
Дальше отъ Лакона! кожу вчера у меня онъ похитилъ.

Лаконъ.

Отъ ручейка ни на шагъ, о барашки! Не видите развѣ:
Вотъ, онъ Комать, свирѣль у меня утащившій недавно.

¹⁾ *Идиллія V*, какъ и четвертая,—картинка обыденной пастушьей жизни. Со-
держаніе ея—споръ двухъ пастуховъ, который они и рѣшаютъ состязаніемъ въ
пѣсняхъ, призвавъ въ судьи дровосѣка Морсона. Мѣсто дѣйствія идилліи югъ
Италіи, окрестности бывшаго Сибариса, на берегу рѣки Кратиса, составляв-
шей границу между Луканіей и Брутіумомъ.

Лаконъ.

25. Ахъ ты, распутникъ! да будутъ ли равны такіе заклады?
Кто жъ станетъ стричь вмѣсто волны мокра? Козу кто имѣя
Съ первымъ козленкомъ, донть пожелаетъ негодную суку?

Комать.

- Тотъ, кто увѣренъ, какъ ты, что одержитъ побѣду надъ ближнимъ,
Самъ жужжа, какъ оса предъ цикадой. Но если не хочешь
30. Равнымъ козленка считать, на козла мы вотъ этого споримъ.

Лаконъ.

Ты не слѣши. На огнѣ не горяшь вѣдь. Пріятнѣе будетъ
Пѣть тебѣ здѣсь подъ кустами и маслиной дикой усѣвшись.
Здѣсь и студеная влага обжигитъ; разостлалось здѣсь ложе
Глянъ-ка какое; вузнички здѣсь заливаются трескомъ.

Комать.

35. Я не слѣшу, но меня разбираетъ досада, какъ смѣешь
Прямо въ глаза мнѣ смотрѣть ты — тотъ самый, кого я маль-
чишкой,
Помню, училъ еще. Вотъ какова благодарность, глядите!
Точно вскормила собака волчатъ, чтобъ они ее съѣли ¹⁾.

Лаконъ.

- Полно! когда отъ тебя я добру научился, иль слышалъ
40. Путное что,—и не помню. Завистникъ ты, гадкій лгунишка!

Комать.

Съѣлъ я по заду когда тебя, ты-жъ разливался и хныкалъ,
Козы тутъ эти бляели, возель-же бодалъ ихъ рогами.

Лаконъ.

Пусть тѣхъ ударовъ не глубже тебя похоронять, развратникъ ²⁾!
Ну, подходи-ка, иди сюда, спой-ка послѣднюю пѣсню.

¹⁾ Смысла на извѣстный разказъ о томъ, что собака вскормила грудью волчатъ, а они въ благодарность ее съѣли.

²⁾ Древніе считали большимъ несчастіемъ лишеніе похоронъ или даже не полное, не какъ слѣдуетъ совершенное погребеніе.

Комать.

45. Нѣтъ, я туда не пойду. Здѣсь кипрей, здѣсь дубы разрослися,
Здѣсь вокругъ ульевъ съ пріятнымъ жужжаніемъ носятся пчелы,
Два родника тутъ студеной воды, тутъ на вѣтвяхъ деревьевъ
Птицы чирикають, такъ и лепечуть, а тѣни подобной
Нѣтъ у тебя! съ высоты здѣсь выдаетъ сосна свои шишки.

Лаконъ.

50. Если сюда ты придешь, по овчинамъ и волнѣ пушистой
Будешь ступать ты ногами, нѣжнѣйшей, чѣмъ сонъ; у тебя-же
Шкуры козлиныя пахнутъ противнѣй, чѣмъ пахнешь и самъ ты.
Нимфамъ сосудъ я большой съ молокомъ бѣлоснѣжнымъ поставлю,
Имъ-же поставлю другой, наполненный масломъ душистымъ.

Комать.

55. Если-жъ ко мнѣ ты придешь, попирашь будешь папороть нѣжный,
Мяту цвѣтущую здѣсь, подѣ тобой будутъ козій шкурки
Вчетверо болѣе нѣжныя, чѣмъ твои шкуры овечьи.
Восемь поддойниковъ здѣсь съ молокомъ я поставлю для Пана.
Восемь и чашъ, наполненныхъ сотами сочными мѣда.

Лаконъ.

60. Ну, состязайся со мною, оттуда и пой ты.
Будь подѣ своими дубами, толкися на мѣстѣ. Судьбою
Кто-жъ у насъ будетъ? Если бы Ликопъ, пастухъ, къ намъ явился!

Комать.

- Нѣтъ, и не видно его, а давай позовемъ дровосѣка,
Если желаешь. Кустарникъ вонъ тамъ отъ тебя недалѣко
65. Рубить онъ, дровъ собирая для топки, а звать его—Морсонъ.

Лаконъ.

Ну, позовемъ.

Комать.

Зови ты.

Лаконъ.

Эй, голубчикъ, послушай немножко,
Къ намъ подойди. Дѣло вотъ въ чемъ. Затѣяли споръ мы, кто
лучше

Пѣсни изъ двухъ насъ поетъ. Ты-жъ, о Морсонъ, будь къ намъ
безпристрастенъ,
Не угождая и мнѣ, не суди и Комату въ угоду.

Коматъ.

70. Нимфами, Морсонъ, и я заклинаю тебя, и Комату
Ты не мирволь, и тому угодить не старайся ты мужу.
Знай: вотъ тамъ вонъ видишь ты стадо Сибурта Турійца
Эти-же козы, дружище,—Эвмаровы изъ Сибариса.

Лавонъ.

- Кто тебя спрашивалъ, ради Зевеса, скажи мнѣ, Сибурта-ль
75. Стадо, мое-ли, негодный? Къ чему это? Вотъ ужъ болтунъ-то!

Коматъ.

Голую правду одну говорю я, любезнѣйшій другъ мой;
Хвастать нисколько не хвастаю, ты-же не прочь побраниться.

Лавонъ.

Пусть! Начинай-ка ты пѣть, коль умѣешь. Живымъ дай обратно
Гостю уйти. О, Пэанъ ¹⁾! прямой ты, Коматъ, пустомеля!

Коматъ.

80. Музы Дафниса менѣ любятъ пѣвца, чѣмъ Комата ²⁾.
Я-же имъ козочекъ двухъ принесъ въ жертву, недавно зарѣзавъ.

Лавонъ.

Фебъ и меня отличаетъ любовью; ему-же барана
Славнаго я припасаю. Карнейскіе дни вѣдь подходятъ ³⁾.

Коматъ.

- Кромѣ тѣхъ двухъ, я дою еще козъ молодыхъ съ близнецами.
85. „Доишь, несчастный, одинъ?“ говорить мнѣ, въ лицо глядя, дѣва.

¹⁾ Пэанъ, прозваніе Аполлона.

²⁾ Съ этого стиха и до 137 идетъ — пѣсня пастуховъ, такъ называемая чередующаяся. См. Идиллію VIII.

³⁾ Карнейскій праздникъ былъ посвященъ Аполлону и справлялся 9 дней, начиная съ 7-го числа мѣсяца Карнея (то же, что августъ), по преимуществу въ Спартѣ, но и въ другихъ мѣстахъ.

Лаконъ.

Горе! сиромъ тебѣ почти двадцать корзины наполняетъ
Лаконъ. Юношу онъ на цвѣтущемъ лугу обнимаетъ.

Комать.

Въ пастыря козъ Клеариста и яблоки также выдаетъ,
Скотъ когда мимо гоню я, и сладко мнѣ такъ напѣваетъ.

Лаконъ.

90. Кратиса сынъ и меня, пастуха, вызываетъ, сверкая
Тѣломъ прекраснымъ; по шеѣ-же вьются блестящія кудри.

Комать.

Но съ цвѣтниковою розой сравнить невозможно шиповникъ
И анемону. Она вѣдь растетъ у садовой ограды.

Лаконъ.

Сладкіе яблоки также нельзя уравнивать съ желудями:
95. Въ чашечкѣ дуба простой сидятъ эти, а тѣ пахнутъ медомъ

Комать.

Дикаго голубя дѣвицѣ въ даръ принесу я немедля,
Только-бъ поймать мнѣ его съ можжевельника; тамъ вѣдь се-
дитъ онъ.

Лаконъ.

Мягкую волну на верхнее платье я Кратиса сыну
Самъ подарю, лишь-бы черную выстричь овцу мнѣ скорѣе.

Комать.

100. Прочь вы отъ дикой оливы, о козы! вотъ здѣсь вы паситесь,
Холмъ гдѣ покатыи нисходитъ къ долині, мириски растутъ гдѣ¹⁾.

Лаконъ.

Ухъ не хотите-ль отъ дуба уйти вы, Конаръ и Кинета?
Здѣсь вы паситесь у солнца восхода, Фаларъ гдѣ пасется.

¹⁾ Комать, очевидно, боится со стороны Лакона кражи и собираетъ свой скотъ около себя. То же самое опасеніе высказываетъ по отношенію уже къ Комату Лаконъ.

Коматъ.

105. Есть у меня кипарисный подвойникъ, сосудъ есть чудесный —
Трудъ самого Праксителя ¹⁾. Ихъ берегу я для дѣвы.

Лаконъ.

И у меня есть собака при стадѣ, волковъ она душитъ.
Дамъ ее юношѣ; пусть съ ней гоняетъ онъ всякаго звѣря.

Коматъ.

Вы, кузнецы, черезъ изгородь сада мою перепрыгнувъ,
Лозъ виноградныхъ не портить, смотрите! онѣ еще нѣжны.

Лаконъ.

110. Видите вы, о цикады, какъ я пастуха раздражаю.
Также точно и вы жнецовъ раздражаете въ полѣ.

Коматъ.

Мнѣ ненавистны лисицы съ пушистымъ хвостомъ. Каждый вечеръ
Въ садъ они Микона ходятъ и тамъ виноградъ пожираютъ ²⁾.

Лаконъ.

115. Также и мнѣ ненавистны жуки, что Филондовы смоквы.
Всѣ поѣдаютъ, носясь тамъ и сямъ, куда вѣтеръ подуетъ.

Коматъ.

Вѣрно не помнишь, какъ я тебя сѣкъ, а ты, ротъ свой разинувъ,
Такъ по землѣ и катался, кружась подъ этимъ вотъ дубомъ.

Лаконъ.

Это не помню. Когда-же Эвмаръ, здѣсь связавъ тебя крѣпко,
Розгами чистилъ,—вотъ это я помню и знаю отлично.

---

¹⁾ Рѣчь идетъ о современномъ Эокриту рѣзчикѣ, но не о знаменитомъ Праксителѣ.

²⁾ Намекъ на Лакона. Миконъ—его пріятель, къ которому Лаконъ приходилъ по вечерамъ. Въ слѣдующей строѣ Лаконъ перефразируетъ слова Комата, примѣнивъ ихъ къ самому Комату и его пріятелю—Филонду.

Коматъ.

120. Вотъ уже желчь поднимается въ комъ-то, о Морсонъ,—замѣтилъ?
Лакону луку морскаго нарвать-бы съ моглы немедля ¹⁾.

Лаконъ.

Морсонъ! и я раздражаю кого-то, и ты уже видишь.
Около Алента ²⁾ хлѣба свинаго достать-бы Комату.

Коматъ.

- Вмѣсто воды молокомъ ты, Химера ³⁾, струись; ты-же, Кратись,
125. Сладкимъ волнуйся виномъ! Водный плющъ тебѣ плодъ пусть
привноситъ.

Лаконъ,

Медомъ и ты, Сибарись мой, теки! Раннимъ утромъ пришедши
Дѣва кувшинъ не водой пусть наполнить, а сотами меда.

Коматъ.

Клевера кашку и нѣжнуу вербу ѣдятъ мои козы,
Топчутъ мастяки листву, подъ кустами ежевки ихъ ложе.

Лаконъ.

130. Овцамъ моимъ-же для корма готова медовая травка,
Множество алаго киста цвѣтеть у меня, точно розн.

Коматъ.

Мнѣ не по сердцу Алкиппа. Я ей подарилъ голубочка
Какъ-то на дняхъ, а она меня, за уши взявъ, не лобзала.

Лаконъ.

- Я-же напротивъ, я жарко люблю Евмедея. Свирѣль я
135. Далъ когда въ даръ ему, ерѣшко и нѣжно меня цѣловаль онъ-

Коматъ.

Нѣтъ, о мой Лаконъ, нельзя съ соловьемъ состязаться сорокѣ,
Съ лебедемъ спорить улоду. Задоренъ ты, бѣдный, не въ мѣру.

¹⁾ Морской лукъ, какъ ниже свиной хлѣбъ, былъ средствомъ противъ желчи.

²⁾ Рѣка въ Луканіи.

³⁾ Химера—рѣка въ Сициліи.

Морсонъ.

- Смогнуть велею пастуху. Споръ оконченъ. Тебѣ, о Комать мой,
 Морсонъ овечку даетъ, ты-же, нимфамъ закладъ ее въ жертву,
 140. Морсону мяса хорошій кусочекъ прислать не замедли.

Комать.

- Паномъ клянуса, пришлю. Козлята, скачите, рѣзвитесь,
 Пригайте всѣ вы. Надъ Лакономъ съ вами и я возликую,
 Въ волю надъ нимъ посмѣюсь. Побѣдилъ я его въ пѣснопѣвнѣ.
 Выйгралъ овечку и съ вами готовъ я до неба допрыгнуть.
 145. Рѣзвы козы мои, смѣлѣе вы будьте! Я завтра
 На-чисто всѣхъ искупаю васъ, въ устье введя Сибариса;
 Ты-же, бодливый козелъ бѣлобрысый, смотри! чтобъ не трогать
 Козъ ни одной! а не то изобью тебя, прежде чѣмъ нимфамъ
 Жертву свершить. Опять ты за прежнее! Не отхлестаю
 150. Если тебя я, зовусь пусть Мелантіемъ ¹⁾ вмѣсто Комата!

VI.

Дафнисъ и Даметъ, пастухи нѣснопѣвцы ²⁾.

- Разъ какъ-то Дафнисъ съ Даметомъ, Аратъ ³⁾, привели въ одно
 мѣсто
 Оба свой скотъ. Одинъ едва нѣжнымъ пушкомъ покрывался,
 А другой обросталъ ужъ бородкой. Вылъ полдень, и оба,
 Сѣвъ у ручья, они такъ межъ собой состязались въ пѣсняхъ.
 5. Первый Дафнисъ затѣялъ тотъ споръ, онъ первымъ и началъ:
 „Яблоки въ стадо тебѣ, Полифемъ, Галатея бросаетъ.
 Козій пастухъ, любовникъ несчастный!—тебя призываетъ.
 Ты на нее и не смотришь, несчастный. Сидишь недвижимо,
 Сладкою пѣснію занятъ. Взгляни: вотъ въ собаку при овцахъ

¹⁾ Мелантій — невѣрный рабъ Одиссея, имъ строго наказанный.

²⁾ *Идиллія VII*—граціозная любовная сценка между Полинеомомъ, циклопомъ, известнымъ нѣкъ Одиссею, и Галатеей. Идиллію эту надо читать послѣ идилліи XI, которой она служитъ какъ-бы продолженіемъ. Галатея заигрываетъ нѣкъ моря съ циклопомъ, но онъ, задѣтый за живое ея прежней холодностью, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этихъ заигрываній. Весь этотъ любовный эпизодъ очень удачно заключенъ въ рамку пастушеской картинки.

³⁾ Стихотворецъ и другъ Теоокрита.

10. Яблоко снова кидаетъ. Собака-же яростно лаетъ,
 На воду глядя, а свѣтлыя волны, о берегъ плескаясь
 Тихо, ее отражаютъ, какъ бѣгаетъ, мечется, лая.
 Дѣвѣ, изъ моря идущей, въ ноги-бъ она не вѣпиалась,
 Не растерзала-бъ роскошнаго тѣла!—о, позаботься-жь!
15. Дѣва сама предъ тобой расточаетъ всѣ чары кокетства:
 Солнечнымъ зноемъ спаленъ, такъ волчець распускаетъ волосы.
 Прежде твой пылъ отвергала, теперь охладѣвшаго ищетъ.
 Вотъ и послѣднее пробуетъ счастье камнемъ послѣднимъ.
 Да! въ глазахъ страсти само безобразье бываетъ красивымъ⁴.
20. Дафнисъ замолкъ, и Даметь началъ пѣсню, ему отвѣчая ¹):
 „Паномъ клянуся, я видѣлъ, какъ яблоки дѣва кидала.
 Глазъ мой одинъ, моя радость, но вижу имъ все и до смерти
 Видѣть желалъ бы. Бѣдой мнѣ грозятъ прорицанья Телема ²)—
 Пусть на немъ та бѣда, на его она сбудется дѣтяхъ!
25. Видѣлъ я все, но, чтобъ дѣвѣ отмстить, на нее не глажу я.
 Дѣву другую своей называю; она же, услышавъ,
 Ревностью мучится тяжкой, Пзанъ,—и быстро изъ моря
 Въ гнѣвномъ волненіи спѣшитъ, озираясь на скотъ и пещеру.
 Я на нее и собаку науськалъ, а прежде бывало
30. Съ радостнымъ визгомъ собака у ногъ ея терлася мордой.
 Можетъ-быть, видя, что я непреклоненъ, посредниковъ слать мнѣ
 Будетъ не разъ,—я двери запру и предъ ними. Пусть клятву
 Дастъ, что сама мнѣ на островѣ брачннее ложе постелеть.
 Я теперь знаю, что я не уродъ, какъ меня называютъ.
35. Въ море на дняхъ я глядѣлся при ясной и тихой погодѣ:
 И подбородокъ красивъ мой, и глазъ, на мой взглядъ, хотъ
 -одинъ онъ,
 Тоже красивъ показался, а зубы блестятъ и сверкаютъ
 Больше и лучше гораздо, чѣмъ Пароса мраморъ блестящій.
 Если жъ кто сглазить захочетъ—на грудь себѣ трижды я плюнулъ:
40. Такъ меня старая Котитарида сама научила⁴.
 Кончилъ Даметь и Дафниса, кончивъ, въ уста онъ пѣдуетъ;
 Тутъ-же свирѣлю и флейтой они обмѣнялись. На флейтѣ
 Началъ Даметь играть пѣсню, а Дафнисъ пастухъ на свирѣли,
 И по мягкой травѣ зарѣзвились тотчасъ коровы.
45. Честь же побѣды—ничья! Были оба пѣвца безупречны.

¹) Даметь поетъ отвѣтвую пѣснь отъ имени Полихема.

²) Телема — прорицатель, предоказавшій Полихему, что онъ ослѣпнетъ.

VII.

Осенній праздникъ ¹⁾.

Было то время, когда мы изъ города вмѣстѣ съ Евкритомъ
Тихо шли въ Алентъ, Аминтъ-же съ нами былъ третьимъ. Въ
честь Део ²⁾

Праздникъ осенній тамъ Антигенъ съ Фразидамомъ справляли,
Двое дѣтей Ликорея, мужа знатнѣйшаго рода,

5. Клитію и самого считавшіе въ предкахъ Халкѳна,
Вышибъ который ногою источникъ Бурины, о камень
Мощно упершись колѣномъ. Источникъ кругомъ обступая,
Черные тополи, ильмы тѣнистой раскинулись рощей,
Свѣжею зеленью листьевъ нависнувъ, какъ сводчатый куполь.
10. И полъ-пути не прошли мы, еще и могилы не видно
Было Бразида, когда мы съ проходимъ сошлись. Благородный
Милостью музъ, изъ Кидоніи родомъ ³⁾, а звали Ликидомъ,
Былъ онъ козій пастухъ, и всякій-бы съ перваго взгляда
За пастуха его счёлъ: такъ на пастыря козъ походилъ онъ.
15. Бурая шкура съ козла, обросшаго шерстью мохнатой,
Плечи его покрывала, пропитана сивроткой свѣжей;
Старое платье вокругъ груди стягивалъ поясъ широкий,
Въ правой рукѣ-же держалъ онъ кривой изъ маслины посохъ
И, обратившись ко мнѣ съ усмѣшкой тихой во взорѣ,
20. Такъ онъ сказалъ, а уста озарялись веселой улыбкой:
„О, Симихидъ! куда направляешь стопы свои въ полдень,

¹⁾ *Идиллія VII*. Въ основаніи этой идилліи лежатъ, можетъ-быть, дѣйствительныя происшествія. Подъ именемъ Симихида Теокрытъ вывелъ самого себя; подъ именемъ Алхида, безъ сомнѣнія, скрывается также дѣйствительное лицо, но намъ не извѣстно. Антигенъ и Фразидамъ, знатные жители Коса, происходящіе отъ Халкѳна, сына Клитіи и Еврѳила, царя Косскаго. Мѣсто дѣйствія идилліи — островъ Косъ, какъ показываетъ упоминаніе источника Бурины, находившагося именно на Косѣ. Косъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ родиной Теокрыта. Не смотря на искусственность художественнаго пріема, которымъ воспользовался въ этой идилліи поэтъ, перерядивъ себя и друзей своихъ въ пастуховъ, идиллія эта исполнена поэзіи. Написанная въ шуточно граціозномъ тонѣ, она мѣстами проникнута чувствомъ, а въ концѣ даетъ высоко-поэтическую картину поуднаго дѣла.

²⁾ Део—то же, что Деметра.

³⁾ Городъ на сѣверномъ берегу Крита.

Часть, когда даже и ящерка дремлетъ, забившись въ терновникъ,
И хохлатые жавронки сами не рѣзвятся въ полѣ?

Или на пирѣ ты незванный спѣшишь, или къ кому изъ со-
гражданъ

25. На виноградный торѣпишься сборъ? подъ ногою скользящей
Камешекъ каждый поетъ, о твои ударяясь подошвы⁴.
Я-же отвѣтилъ: „Любезный Ликидъ, о тебѣ говорятъ всѣ,
Что среди пастырей ты и жнецовъ въ игрѣ на свирѣли
Всѣхъ превосходишь искусствомъ. Мнѣ радостно слышать объ
этомъ.

30. Лъщусь я надеждой и самъ въ пѣснопѣнни съ тобою сравниться.
Къ празднику жатвы осенней спѣшимъ мы. Товарищи наши
Жертвенный пирѣ въ честь Деметры справляютъ, прекрасно
одѣтой,

Первые ей посвящая плоды, ибо щедрою мѣрой
Имъ ячменемъ превосходнымъ наполнила гумна богиня.

35. Знаешь:—одна намъ съ тобою дорога, одно намъ и утро—
Пѣсню давай-ка споемъ-мы: такъ каждый потѣшитъ другаго.
И мои вѣдъ уста—уста музъ, и меня называютъ
Лучшимъ всѣ пѣснопѣвцемъ. Но я легковѣрьемъ не славлюсь.
Клятву даю. По мѣду, ни съ благороднымъ Самосцемъ
40. Я съ Сикелидомъ¹⁾ бороться не въ силахъ, ни также съ Фи-
летомъ²⁾.

Въ пѣвни точно лягушкѣ съ цикадами, съ ними мнѣ спорить⁴.
Такъ я сказалъ осторожно. Пастухъ-же съ пріятной усмѣшкой:—
„Вотъ тебѣ посохъ, отвѣтилъ, дарю я—за то, что ты правду
Любишь во всемъ и правды исполненъ, Кроніона отпрыскъ.

45. Такъ, ненавистенъ и зодчій мнѣ тотъ, который берется
Выстроить домъ съ вершину гигантской горы высотой;
Такъ не терплю и поэтовъ, съ Хіосскимъ пѣвцомъ³⁾ чтò бороться
Мнятъ своимъ крикомъ пѣтушымъ и тужатся въ тщетныхъ
усиліяхъ.

Но поскорѣе начнемъ-же съ тобою мы пѣсню пастушью,

50. О, Симикидъ! Вотъ послушай, голубчикъ, придется-ль по вкусу
Эта тебѣ, чтò, бродя по горахъ, сочинилъ я недавно:

¹⁾ Сикелидъ—Асклепиадъ изъ Самоса, поэтъ.

²⁾ Филетъ—поэтъ, родомъ изъ Коса, учитель Феокрита.

³⁾ Гомеръ.

- Счастливъ да будетъ для Агеанакса ¹⁾ путь въ Митилены,
И когда Ночь гонять зыбкія волны на западъ къ Козлятамъ,
И когда Оріонъ въ океанъ свою ногу заноситъ ²⁾.
55. Минутъ тогда-бъ и Ликидъ, палимый огнемъ Афродиты,
Гибель свою, ибо жаркой къ нему я сжигаемъ любовью.
Да укротятъ гальціоны и море и бурныя волны,
Ночь и со дна взрывающій водоросль Евръ ³⁾, гальціоны,
Конхъ любезнѣе нѣтъ дочерамъ ясноокомъ Нерее
60. Птицъ изъ всѣхъ, что ни ищутъ въ пучинѣ морской себѣ пищи.
Агеанаксъ стремится счастливо доплыть въ Митилены:
Пусть ему все будетъ въ часъ и войдетъ пусть онъ въ тихую
пристань!
Въ день тотъ и я, на себя возложивши вѣнокъ изъ укропа,
Розъ или бѣлыхъ фіалокъ, хранить на главѣ его буду,
65. Буду изъ чаши вино птелеатское черпать, склонившись
Надъ разведеннымъ огнемъ, кто-нибудь же мнѣ бобъ будетъ
жарить.
- Ложе себѣ я велю изъ конизы, кудрявой петрушки
И асфодѣла наслатъ, наложивъ ихъ по самый по локоть,
И буду пить, вспоминая съ любовію Агеанакса,
70. Въ самую чашу устами проникнувъ, касаясь отстоя.
Флейтой мнѣ слухъ услаждать будутъ два пастуха, изъ Ахарны ⁴⁾
Родомъ одинъ, изъ Ликоны другой, а Титиръ ⁵⁾, стоя подлѣ,
Пѣть будетъ пѣсню о томъ, въ Ксенію какъ Дафнисъ влю-
бился ⁶⁾,
- Горы вокругъ какъ стонали по немъ, какъ дубы горевали
75. Тѣ, что растутъ по берегамъ позабытой имъ рѣчки Химеры,
Таялъ когда онъ, какъ снѣгъ, на поватостяхъ длиннаго Гема
[Или Афона, Родопы, Кавказа, что міръ замыкаетъ] ⁷⁾.

¹⁾ Ликидъ въ своей пѣсни желаетъ счастливаго плаванія своему другу Агеанаксу и затѣмъ описываетъ, какъ-бы онъ отпраздновалъ исполненіе своего желанія.

²⁾ Заходженіе Оріона и созвѣздія козлятъ совпадаютъ съ бурями.

³⁾ Юго-восточный вѣтеръ, какъ Ночь—юго-западный.

⁴⁾ Демъ въ Аттікѣ. Ликопа въ Этоліи городъ.

⁵⁾ Можетъ-быть и подъ этимъ пастушескимъ именемъ скрывается дѣйстви-
тельное лицо.

⁶⁾ См. Идиллію I. Ниже упоминаемая Химера—имя прежней возлюбленной Дафниса.

⁷⁾ Стихъ едва-ли не вставленный позднѣе. Гемъ—нынѣшніе Балканы. Родо-
пскія горы во Фракіи

- Будеть мнѣ пѣть онъ о томъ, какъ преступною волей владыки
Ковій пастухъ живымъ заключенъ былъ въ ящикъ широкий ¹⁾),
80. Какъ плосконосныя пчелы съ луговъ ему кормъ приносили,
Сокъ собирая изъ нѣжныхъ цвѣтовъ прямо въ кедръ благо-
вонный:
Музы недаромъ вѣдь влили въ уста его сладостный нектаръ!
О, блаженный Комать, это все перенесъ ты, какъ счастье,
Запертъ былъ ты и въ ящикѣ, ты и пчеличные соты
85. Пищей имѣя одни, такъ провелъ всю весеннюю пору.
О, еслибъ вмѣстѣ со мной ты въ числѣ находился живущихъ!
Козъ я прекрасныхъ твоихъ по горамъ тогда пасъ-бы,
Пѣнью внимая, а ты подъ сосной или дубомъ тѣнистымъ
Лежа, мнѣ сладкую пѣсню-бы пѣлъ, о Комать богоравный?²⁾
90. Такъ онъ пропѣлъ и умолкъ. И, ему отвѣчая немедля,
Такъ я промолвилъ: „Любезный Ликидъ, пѣснямъ многимъ и
чуднымъ
Музы меня научили, когда я въ горахъ пастухомъ былъ;
Слава тѣхъ пѣсенъ, быть-можетъ, дошла и до трона Зевеса,
Но ихъ всѣхъ превосходить вотъ эта. Ее и спю я,
95. Чтобы почтить тебя. Слушай-же, — музамъ вѣдь ты друже-
любенъ.
Сыну Симихову чхнули зроты ³⁾). Недаромъ несчастный
Такъ же я Мирту люблю, какъ весну благовонную козы.
Но Аратъ, сердечнѣйшій другъ Симихида, глубоко
Въ сердцѣ по юношѣ страждетъ. И знаетъ объ этомъ Аристисъ ⁴⁾),
100. Мужъ благородный, прекраснѣйшій мужъ, которому Фебъ самъ
Не запретилъ-бы съ формингою пѣть у треножника въ Дельфахъ,
Знаетъ, что къ юношѣ страстью Аратъ весь до мозга сжигаемъ.
Панъ! о устрой мнѣ, Гомолской ⁴⁾) прелестной долины владыка,
Юноша самъ чтобъ безъ зова къ Арату явился въ объятья,
105. Будь то Филивъ цвѣтущій и нѣжный, или другой кто.

¹⁾ Комать, пася козъ, часто приносилъ жертвы музамъ, за что и былъ заключенъ въ ящикъ своимъ господиномъ, но когда, черезъ два мѣсяца, ящикъ былъ открытъ, Комать оказался живымъ. Музы посылали къ своему любимцу пчелъ, которые и питали его медомъ.

²⁾ Чиханье считалось счастливымъ предзнаменованіемъ. Симихидъ, воспѣвая нераздѣленное чувство своего друга Арата, противопоставляетъ ему свою счастливую любовь къ Миртѣ.

³⁾ Довѣренный другъ Арата.

⁴⁾ Гора во Фракіи.

- Если ты сдѣлаешь это, о Панъ дорогой, да не будутъ
 Больше аркадскіе юноши бить тебя въ ребра и плечи
 Лукомъ морскимъ, на лицо когда мяса немного ¹⁾.
 Если-же нѣтъ, по всему пусть царапаемъ тѣлу ногтями,
110. Будешь чесаться ты всюду и спать, въ крапиву повержень,
 Въ самую зимнюю стужу пусть жить будешь въ горахъ Эдон-
 скихъ,
 Около Гебра рѣки ²⁾, недалеко къ Медвѣдицы звѣздамъ,
 Лѣтомъ-же скотъ да пасешь свой въ дальней странѣ Эеіоповъ
 У подошвы Влемійцевъ ³⁾ скалы, гдѣ и Нила не видно.
115. Вы-жь, Гіетиды и Библиды ⁴⁾ сладкій побинувъ источникъ,
 Бинувъ Ойкунтъ ⁵⁾—возвышенный храмъ златовласой Діоны,
 Вы, о эроты, подобные яблокамъ съ нѣжнымъ румянцемъ,
 Стрѣлы пускайте вы мнѣ въ возбудителя страсти Филина,
 Стрѣлъ не жалѣйте: злой моего не жалѣетъ онъ друга.
120. И вѣдь зрѣлѣй ужъ онъ груши, ему говорятъ сами жены:
 „Ахъ, о Филинъ, красоты твоей свѣжесть, какъ цвѣтъ, увя-
 даетъ“.
 Больше, Аратъ, ужъ не будемъ стоять мы на стражѣ у входа
 Ногъ изнурять мы не будемъ. Ранній пѣтухъ пусть инаго
 Крикомъ своимъ предаетъ онѣменію тяжкому въ жертву.
125. Пусть погибаетъ одинъ, упражняясь въ подобной палестрѣ,
 Намъ-же забота одна—покой, да была-бы старуха,
 Чтобы плевками своими отъ насъ отгонять все дурное.
 Такъ я пропѣлъ, и Ликидъ съ пріятной, какъ прежде, улыбкой
 Посохъ свой подаль кривой мнѣ, какъ музъ дружелюбный по-
 дарокъ.
130. Влѣво затѣмъ повернувши, пошелъ по дорогѣ онъ къ Пиксѣ,
 Мы-же, я и Евкритъ и съ нами прекрасный Амнитихъ,
 Всѣ мы пошли къ Фразидаму и только пришли лишь на мѣсто,
 Весело всѣ распростерлись на мягкихъ глубокихъ подстилкахъ
 Изъ тростника и сейчасъ лишь нарѣзанныхъ лозъ винограда.
135. Сверху надъ нами, качаясь верхушками, сильно шумѣли

¹⁾ Когда охотники возвращались съ малой добычей, они обыкновенно били статую Пана морскимъ лукомъ (Схольастъ). Есть и другія объясненія.

²⁾ Во Фракіи, Эдонцы—народъ во Фракіи.

³⁾ Неизвѣстный народъ.

⁴⁾ Источники около Милета.

⁵⁾ Городъ въ Каріи со святилищемъ Афродиты (Діоны).

- Множество тополей черныхъ и ильмовъ; изъ ближней пещеры
 Нимфъ съ журчаніемъ звонкимъ струился источникъ священный;
 Въ темныхъ тѣнистыхъ вѣтвяхъ, почернѣвъ отъ палащаго солнца,
 Неумолкая звенѣли стрекозы; болотная птичка
140. Издали громко чиркала, скрывшись въ колючій терновникъ,
 Пѣли щеглы и хохлатые жавронки, горлица ныла
 И вокругъ ручья носились жужжа золотистыя пчелы.
 Запахъ лѣта стоялъ благодатнаго, осени запахъ.
 Подъ ноги груши катилися къ намъ, по бокамъ въ изобилии
145. Яблоки падали; низко къ самой землѣ пригибались
 Сучья деревьевъ, обвиснувъ подъ тяжестью бездны брадила ¹⁾,
 И четырехгодовая смола отбивалася съ бочекъ.
 Нимфы Кастальскія, вы, чья обитель—высоты Парнасса!
 О, такого-ль напитка сосудъ предъ Геракломъ могучимъ?
150. Хейронъ поставилъ старикъ въ пещерѣ каменной Фола? ²⁾
 Близко Анапы жившаго пастыря 'козъ, Полифема
 Славнаго, мощной рукой въ корабли бросавшаго горы,—
 Нектаръ такой-ли его призывалъ танцовать по пещерѣ,
 Вы разливали какой передъ нами напитокъ, о нимфы,
155. У алтаря плодоносной Деметры? Охотно я снова
 Въ кучу воткнулъ бы ей вѣяло! Пусть бы она улыбалась,
 Съ связками мака въ обѣихъ рукахъ и колосьями стоя!

VIII.

Пастухи Дафнисъ и Меналкъ ³⁾.

Нѣжному Дафнису, пасшему стадо коровъ, повстрѣчался
 Какъ-то Меналкъ, на высокихъ горахъ мелкій скотъ свой стере-
 гущій.

Оба они златовласыми были, и отроки оба,
 Оба умѣли играть на свирѣли и оба-же пѣли.

5. Первымъ къ Дафнису съ рѣчью Меналкъ обратился такоу:
 „Дафнисъ, мычащихъ коровъ стерегущій! мнѣ спѣть не желаешь?
 Сколько хочу, буду пѣть и тебя одолѣть я беруся“.

¹⁾ Родъ чернослива.

²⁾ Хейронъ и Фолъ—центавры, совместно угощавшіе Геракула.

³⁾ *Идиллія VIII* — состязаніе двухъ мальчиковъ пастушковъ въ пѣсняхъ.
 Знаменитый Дафнисъ является здѣсь передъ нами въ своей юности.

- Тутъ ему Дафнисъ, тогда отвѣчая, промолвилъ на это:
 „Пастырь овецъ густорунныхъ, Меналкъ, о игрокъ на свирѣли!
 10. Не одолѣешь меня никогда ты, грози тебѣ бѣды“.

МЕНАЛКЪ.

Видѣть желаешь на дѣлѣ? Закладъ ты поставить желаешь?

ДАФНИСЪ.

Видѣть желаю на дѣлѣ. Закладъ я не прочь бы поставить.

МЕНАЛКЪ.

Что же мы выставимъ, что бы надежной намъ было порукой?

ДАФНИСЪ.

Телку я выставлю, ты же ягнечка съ мать головою.

МЕНАЛКЪ.

15. Нѣтъ, я ягнечка не выставлю. Мать и отецъ мой строги.
 Подъ вечеръ весь они скоть, всѣхъ и козъ и овечекъ считаютъ.

ДАФНИСЪ.

Что-жъ тогда выставишь? что побѣдителю будетъ наградой?

МЕНАЛКЪ.

- Сдѣлалъ свирѣль девяти я голосую—чудо какая!—
 Бѣлымъ скрѣпленная воскомъ и равно и снизу и сверху.
 20. Хочешь, ее я поставлю? Отцовскаго-жъ трогать не буду.

ДАФНИСЪ.

И у меня свирѣль девяти есть голосая тоже,
 Бѣлымъ скрѣпленная воскомъ и равно и снизу и сверху.
 Какъ-то на дняхъ смастерилъ я ее. И сейчасъ еще палецъ
 Этотъ болитъ. Камышемъ расщепленнымъ его я порѣзалъ.

МЕНАЛКЪ.

25. Кто-же разсудитъ нашъ споръ? Кто пѣсни выслушивать будетъ?

ДАФНИСЪ.

Тотъ вонъ козій пастухъ, на козлятокъ котораго съ лаемъ
 Бѣлоголовый выдается песь. Только стоитъ намъ клиннуть.

Клигнули мальчики пастыря, тотчасъ явился онъ слушать;
Мальчики начали пѣть, и судить приготовился пастырь.

30. Первымъ по жребію пѣсню Меналкъ затянулъ громогласный,
Вслѣдъ-же за нимъ въ свой чередъ перемѣнную пѣсню пастушью
Дафнисъ подхватывалъ тутъ-же. И такъ Меналкъ началъ первый.

МЕНАЛКЪ.

- Вы, о лощины и рѣчки, боговъ порожденіе, пѣсню
Нѣжную если Меналкъ спѣлъ, на свирѣли игровѣ,
35. Въ волю охотно кормите ягнатовъ; если-жъ пришелъ бы
Дафнисъ со стадомъ телятъ, будетъ пусть то-жъ и ему.

ДАФНИСЪ.

- Вы, родники и вы, травы, растенія сладкія, если
Дафнисъ я пѣсню пою такъ, какъ поютъ соловьи,
Этихъ коровъ утучняйте вы стадо, и если сюда-же
40. Скотъ свой Меналкъ бы пригналъ, пусть въ изобиліи пасеть.

МЕНАЛКЪ.

Тутъ ходять овцы, тутъ козы съ двумя близнецами, тутъ пчелы
Въ ульи приносятъ свой медъ, выше дубы тутъ растутъ.
Тутъ ходитъ Милонъ прелестный, и если уходитъ отсюда,
Сохнетъ тогда и пастухъ, сохнетъ съ нимъ вмѣстѣ трава.

ДАФНИСЪ.

45. Всюду весна, всюду пастбища вокругъ, молокомъ здѣсь повсюду
Вымя сочится коровъ, кормится родъ молодой.
Дѣва тутъ чудная ходитъ, и если уходитъ отсюда,
Чахнетъ и пастырь коровъ, чахнутъ коровы тогда.

МЕНАЛКЪ.

- Ты, о козель, ты, супругъ бѣлыхъ козъ, въ чащу лѣса, туда вонь!
50. Вы-жъ, плосконосый вы родъ, къ влагѣ козлята, сюда!
Тамъ вѣдь онъ. Ты, о безрогій, поди и скажи ему: „Милонъ,
Пасъ вѣдь тленей Протей ¹⁾), хоть и бессмертный былъ богъ.

¹⁾ Морское божество.

ДАФНИСЬ.

- . . . . .
 . . . . .
 55. . . . .
 . . . . .

МЕНАЛЕЪ.

- Мнѣ ни Пелопса не надо земли бы, ни Креза богатства,
 Бѣгать бы я не хотѣлъ быстрого вѣтра скорѣй,
 Но у скалы здѣсь въ объятяхъ твоихъ въ сицилійское море
 60. Пѣть бы мнѣ пѣсню, смотря вмѣстѣ пасущійся скоть.

ДАФНИСЬ.

- Зимы деревьямъ ужасное бѣдствіе, засуха водамъ,
 Бѣдствіе птицамъ—силокъ, дикому звѣрю же сѣтъ,
 Къ дѣвѣ прелестной влеченіе—людямъ. О, Зевсъ, о отецъ мой!
 Я не одинъ вѣдь люблю. Любишь и ты также женъ.
65. Такъ, чередуясь взаимно другъ съ дружкой, мальчики пѣли,
 А въ заключеніе Меналеъ такъ началъ послѣднюю пѣсню:
 „Волкъ! пощади мнѣ козлятъ, пощади мнѣ и матокъ почавшихъ,
 Не обижай меня: малъ вѣдь я, стадо пасу-же большое.
 О, бѣлохвостый мой песь! тебя сонъ объемлетъ глубокій?
 70. Спать такъ крѣпко не слѣдуетъ, съ мальчикомъ скоть охраняя.
 Овцы! не медлите свѣжей насытиться сочной травой.
 Не изнуритесь тогда вы, пока она выростетъ снова.
 Гей вы! паситесь, паситесь и вымя свое наполняйте,
 Часть чтобъ пошла для ягняткъ, а часть отложу я въ корзины“.
75. Вслѣдъ за Меналкою вторымъ началъ Дафнисъ опять тогда
 пѣсню:
 „И на меня вчера дѣва со сросшейся бровью ¹⁾ глядѣла,
 Скоть когда мимо я гвалъ. „Ты красавецъ!“—сказала,
 Я ни словечка ни малаго дѣвѣ въ отвѣтъ не промолвилъ,
 Но, потупивши глаза, не спѣша шель своею дорогой.
 80. Юной коровки пріятенъ мнѣ голосъ, пріятно дыханье;
 Лѣтомъ на воздухѣ спать мнѣ пріятно у влаги журчащей.

¹⁾ Сросшіяся брови считались въ древности признакомъ красоты.

Яблонѣ яблоки служатъ красою, а жолуди—дубу,
Телка коровы краса, а пастыря—сами коровы“.

Такъ спѣли мальчики, козій пастухъ-же имъ вотъ что промолвилъ:

85. „Сладки уста твои, Дафнисъ, и нѣженъ ласкающій голосъ.
Слушать, какъ пѣсни поешь ты пріятнѣй, чѣмъ мѣда отвѣдать.
На вотъ свирѣль. Твоя она. Ты побѣдилъ въ состязаньи.
Если-жъ не прочь бы ты былъ и меня поучить своимъ пѣснямъ,
Скотъ паса вмѣстѣ, безрогую дамъ я козу за ученье.
90. Пѣлый поддойникъ она черезъ край мнѣ всегда наполняетъ“.
Радости какъ тутъ исполнися мальчикъ, подпрыгнулъ, въ ладоши
Какъ онъ забилъ,—такъ лань къ своей матери скачетъ;
Какъ-же другой закручинился, какъ омрачилось печалью
Сердце его,—такъ послѣ помолвки тоскуетъ невѣста.
95. Съ этого времени Дафнисъ средь пастырей сдѣлался первымъ
И, едва юношей ставши, женился на нимфѣ Найдѣ.

IX.

Пастухи пѣвцы, Дафнисъ и Меналкъ ¹⁾.

Пѣснь начинай мнѣ, о Дафнисъ, пастушью, первый начни ты!
Пѣсню ты первый начни, а Меналкъ пусть споетъ за тобою.
Къ маткамъ теллятъ подпустите, быковъ-же къ неплоднымъ ко-
ровамъ,—

- Пусть они вмѣстѣ пасутся и бродятъ въ кустарникѣ темномъ,
5. Не удаляясь отъ стада, а ты начинай свою пѣсню,
Пѣсню же пусть отвѣчаетъ Меналкъ съ своего тебѣ мѣста.

Дафнисъ.

- Нѣжно телушка мычить молодая, нѣжно корова,
Нѣжно играетъ свирѣль, и пастухъ я самъ пою нѣжно.
Близко къ студеной водѣ у меня есть зеленое ложе,
10. Сверху настелены мягкія шкуры съ коровъ бѣлоснѣжныхъ,—

¹⁾ *Идиллія IX* — разказъ пастуха о томъ, какъ онъ вызвалъ къ состязанію въ пѣсняхъ двухъ пастуховъ, ихъ пѣсни и затѣмъ пѣню самого разказчика. *Идиллія* сохранилась въ очень испорченномъ видѣ, но и искалѣченная она обличаетъ перо первокласснаго мастера. Всѣ три пѣсни блещутъ самыми яркими и свѣжими красками пастушеской поэзіи.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (29-го мая 1890 года). О распространеніи на должность пабгауз-ныхъ надзирателей дѣйствія Высочайше утвержденнаго 27-го ноября 1889 года дополненія ст. 103 уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства.	3
2. (29-го мая 1890 года). О преміяхъ за лучшіе учебники и пособия для промышленныхъ училищъ	4
3. (29-го мая 1890 года). О закрытіи Уральской войсковой гимназій и открытіи реального и средняго сельско-хозяйственнаго технического училищъ	5
4. (5-го іюня 1890 года). Объ учрежденіи при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ стипендій	6
5. (5-го іюня 1890 года). О принятіи Императорскимъ Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей капитала, жертвуемаго дочерью тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Княжевича, Марією, Елисаветою и Екатериною Княжевнчъ	—
6. (5-го іюня 1890 года). Объ учрежденіи при Елабужской женской прогимназій капитала имени Московскаго купца Петра Семеновича Гальцова.	7
7. (5-го іюня 1890 года). О предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила для премій генераль-маіора Павла Ющенова, за открытія и работы по наукамъ математическимъ и физическимъ.	—

8. (7-го іюня 1890 года). О закрытіи Кубанской войсковои гимназій и объ открытіи взаѣмнѣ ея въ г. Екаторинодарѣ новой гимназій на средства города . . . . . —
9. (13-го іюня 1890 года). О передачѣ зданій, занятыхъ въ Туркестанскомъ краѣ учебными заведениями, въ собственность министерства народнаго просвѣщенія 8
10. (3-го іюля 1890 года). О порядкѣ зачета службы училищными чиновникамъ русскаго происхожденія въ губерніяхъ Царства Польскаго въ срокъ выслуги на пенсію по переходѣ ихъ на службу въ Имперію 29
11. (20-го іюля 1890 года). О пожертвованіи капитала жителями 12 гминъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи . . . . . —

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Андрея Александровича Краевскаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 10
2. (14-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при С.-Петербургской 2-й гимназій имени камердинера двора Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Александровича С. И. Терентьева-Датскаго . . . . . —
3. (29-го іюля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго дворянина Франца Станиславовича Дыновскаго при Кіевской 2-й гимназій 11
4. (4-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Ставропольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карла Львовича Зиссермана при Ставропольской мужской гимназій . 12
5. (9-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріи Александровны Георгіевской при Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназій 13
6. (14-го августа 1890 года). Положеніе о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ 14
7. (20-го августа 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Елатомской гимназій 30
8. (3-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Константина Дмитриевича Ушинскаго при Новгородской мужской гимназій 31
9. (6-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Василисы Васильевны Олендзкой при Минской мужской гимназій 32
10. (6-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго Угличскаго городского головы Николая Николаевича Серебренникова при Угличскомъ городскомъ училищѣ 33
12. (16-го сентября 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго предсѣдателя Угличской земской управы Ивана Николаевича Михайлова при Угличскомъ городскомъ училищѣ . . . . . —

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВѢЩЕНИЯ.**

СТРАН.

О книгѣ: „Очеркъ литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Составлены <i>Гарусовымъ</i> . Изданіе 2-е“	17
О книгѣ: „Сборникъ темъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Составилъ <i>Д. Дубовъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>T. Livii ab urbe condita lib. XXX</i> . Объяснилъ <i>А. Фогель</i> “	—
О книгахъ, подъ заглавіемъ: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ. Подъ редакціей <i>Льва Георгиевскаго</i> и <i>Сергія Манштейна</i> “. I. Ксенофонтъ. Анабасисъ. Объяснилъ <i>Левъ Георгиевскій</i> . II. Платонъ. Апологія Сократа. Объяснилъ <i>А. Постшиль</i> . Изданіе 2-е.	—
О книгахъ: I. „ <i>Титъ Ливій</i> . Книга XXI. Нашествіе Аннибала. Объяснилъ <i>Ө. Зѣлинскій</i> “. II. „Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Объяснилъ <i>К. Зембергъ</i> “	18
О книгѣ: „Греческая грамматика для гимназій. Составили <i>Э. Курцъ</i> и <i>Э. Фризендорфъ</i> “	—
О книгѣ: „Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ по <i>Коху М. Григоревскій</i> . Изданіе 5-е“	—
О книгѣ: „Упраженія по греческой этимологіи. Составилъ <i>Эрнстъ Кохъ</i> . Часть первая“	—
О книгѣ: „Начальная греческая хрестоматія. Составилъ <i>Э. Черный</i> . Часть I“	—
О книгѣ: „Руководство прямолинейной тригонометріи. <i>П. В. Преображенскаго</i> . Изданіе 2-е“	19
О книгѣ „ <i>П. Полевой</i> : Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній“	—
О книжкахъ <i>Д. А. Коробчевскаго</i> : „Австралія и австралійцы“, „Меланезійцы“, „Микронезійцы“ и „Полинезійцы“	—
О книжкѣ: „Очеркъ жизни Фридриха Фребеля, основателя дѣтскихъ садовъ. Переводъ съ англійскаго <i>И. В. Майнова</i> . Изданіе 2-е“	—
О книжкѣ: „Болгарія и болгары. Очеркъ <i>К. А. Барсова</i> “	—
О книжкѣ: „Питкерскіе заговорщики или бунтъ въ океанѣ. Составилъ <i>В. А. Висковатовъ</i> “	—
О книжкѣ: „Ночь подъ Рождество. Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Ботаника для реальныхъ училищъ. Составлена по новой программѣ <i>Н. Равескима</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Евгеній Викъ</i> . Учебникъ нѣмецкаго языка, построенный на изученіи связнаго текста. Изданіе 2-е“	20
О книгѣ: „Молитвенникъ для еврейскихъ дѣтей, съ дословнымъ переводомъ и объясненіями. Составилъ <i>Б. И. Гермайзе</i> “	—
О книгѣ: „Изъ Талмуда и Мидраша. Составилъ <i>А. Л. Гибшъ</i> “	—
О книжкѣ: „ <i>Ю. С. Гольдблатъ</i> . Всгупительный курсъ Библіи“	—

О книжкахъ: „Еврейская нравственно-поучительная и историческая хрестоматія. Выпуски I, II и III. Составилъ <i>Л. Р. Клячко</i> “	—
О книгѣ <i>О. Н. Штейнберга</i> : „Практическіе уроки древне-еврейскаго языка для школы и самообученія“	—
О книгѣ: „Сборникъ стихотвореній и басенъ для заучиванія наизусть и Списокъ книгъ для чтенія учениковъ Нижегородскаго института Александра II. Составленный <i>А. Никольскимъ</i> “	—
О журналѣ: „Кіевская Старина за 1889 годъ“	21
О книгѣ: „Матеріалы для повторенія латинской грамматики по руководствамъ <i>Эллендта-Зейфферта</i> и <i>Шульца-Ходобая</i> . Обработано по <i>Г. Менге Materialien etc. А. Адольфомъ</i> и <i>Е. Сырочковскимъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Элементарный курсъ русской исторіи. Составилъ <i>И. Беллярминовъ</i> “	34
О книгѣ: „Греческо-русскій словарь, изданный Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогики. Изданіе второе исправленное. Обработалъ <i>А. О. Поспишилъ</i> “	—
О брошюрѣ: „О несгораемыхъ крестьянскихъ постройкахъ. Изданіе „Народной бібліотеки“ <i>В. Н. Маркуева</i> “	35
О таблицѣ <i>г. Цыбульскаго</i> , изображающую „Римскій домъ — <i>Domus Romana</i> “	—
О книгѣ: „Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ. Составилъ <i>Е. Н. Титомировъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Князь Сергій Трубецкой</i> . Метафизика древней Греціи“	—
О книгѣ: „Сибирская губернская гимназія (1786—1837). Составилъ <i>И. Г. Безицъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Chrestomathie littéraire. Morceaux de lecture ou exercices de conversation, de narration et de mémoire, par J. Bastin</i> “	—
О книгѣ: „ <i>П. П. Романовичъ</i> . Русская старина въ родной поэзіи“	—
О книгѣ: „Курсъ ариметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ <i>В. П. Померанцевъ</i> “	—
О книгѣ: „Сборникъ географическихъ задачъ на построеніе и краткій курсъ элементарной геометріи. Составилъ <i>А. Н. Глаголевъ</i> “	36

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Грамматика для народныхъ школъ. Составилъ <i>И. Курятниковъ</i> “	21
О книгѣ: „Разказы для сельскаго воссоединеннаго отъ уніи народа. Составилъ священникъ <i>Николай Н. Лопатинскій</i> “	—
О книгѣ: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Первый годъ. Изд. 2-е. Составилъ <i>Д. Цоповъ</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>Е. Де-Витте</i> : 1) „Книга для чтенія въ начальной школѣ“ . 2) „Приложеніе къ Книгѣ для чтенія въ начальной школѣ“	—

О книгѣ: „Русскій букварь и церковно-славянская азбука для народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ <i>Владиславъ Исламтеевъ</i> “	36
О книгѣ: „Каталогъ предметовъ, выставленныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда въ школьномъ отдѣлѣ Казанской научно-промышленной выставки 1890 года“. Составилъ <i>Владиславъ Исламтеевъ</i>	—
О книгѣ: „Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской географіи. Составилъ <i>Н. Черкуновъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>А. Барановъ</i> . Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ начальныхъ школахъ“	—
О книгѣ: „ <i>К. Ельницкій</i> . Основы начального школьнаго воспитанія и обученія“	37
О книгѣ: „ <i>К. Ельницкій</i> . Общая педагогика. Изд. 3-е“	—
О книгѣ: „ <i>К. Ельницкій</i> . Курсъ дидактики. Изд. 4-е“	—
О книгѣ: „ <i>К. Ельницкій</i> . Методика начального обученія отечественному языку. Изд. 5-е“	—
Открытіе училищъ	37

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. С. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка	275
П. Н. Миллюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго	1 и 301
В. Э. Регель. О хроникѣ Козьмы Пражскаго (<i>окончаніе</i>).	108
П. Зубовскій. Въ біографіи Сильвестра Медвѣдева	149
Ө. Д. Батюшковъ. Сказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ средне-вѣковой литературѣ	158
И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьковскаго университета	358
А. И. Браудо. Пословіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру.	386

КРИТИКА И ВИВЛОГРАФІЯ.

К. С. Шварсалонъ. Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства	205
Г. С. Дестунисъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. <i>Л. Н. Майкова</i> . С.-Пб. 1890	233
Н. Д. Чечулинъ. Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. <i>А. Федотовъ-Чеховскій</i> . Кіевъ. 1863	396
Э. Л. Радловъ. <i>П. Лейкфельдъ</i> . Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890	403
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Кіевъ. 1890	410

FOURTEEN DAY USE

RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

RETURN TO →

CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main St.

LOAN PERIOD
HOME USE

4

5

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

RET'D APR 12 1992

RECEIVED

MAR 16 1994

APR 26 1995

RECEIVED BY
CIRCULATION DEPT.

CIRCULATION DEPT.

MAR 08 1996

MAR 23 '95

RECEIVED

~~MAR 1 1995~~

FEB 28 1996

CIRCULATION DEPT.